

РУССКАЯ СТАРИНА

РЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1901.

ТАТИЩЕВ.
ШЛЕЦЕР.
ГЕРАДМИЛ
М-ЩЕРБАТОВ
БОЛТИН
ВИЗИН
РАДИЩЕВ.

Ф-ВОЛКОВ
СУМАРОКОВ
КОКОРИНОВ
БОРТЯНЯНСК
ДЕРЖАВИН
КУЛИБИН
ГОЛ-КУТУЗОВ

СПЕРАНСКИЙ
КАРАМЗИН
МОРДВИНОВ
КРЫЛОВ
ЕРМОЛОВ
ГРИБОЕДОВ
ПУШКИН

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАТЕЙСТВО ВЪ 1753 Г.

Рис. К. Брюллов.

ДОЗВОЛЕННО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ., 12 ДЕКАБРЯ 1900. Г.

ТИП. ТОВАР. „ОВЩ. ПОЛЬЗ.“. В. ПОДЪЯЧ., 39

РУССКАЯ СТАРША

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1901.

ОКТЯБРЬ.—НОЯБРЬ.—ДЕКАБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СТО ВОСЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., № 39.
1901.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXII-й.

ОКТЯБРЬ.

1901 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. Н. Дубровина.	5—41	XI. Николай Иванович Тургеневъ въ своемъ оправданіи. Сообщ. А. А. Оминъ.	207—220
II. Кончина А. С. Грибоѣдова по армянскимъ источникамъ. (Изъ сочиненія Галуста-Шермазаняна: "Материалы для національной исторіи"). Сообщ. съ дополненіемъ М. Я. Алaverдянцъ.	43—68	XII. Письма В. А Жуковскаго къ великой княгинѣ Александре Феодоровне изъ первого его заграничного путешествія въ 1821 году. Сообщилъ И. А. Бычковъ.	221—240
III. Императоръ Павелъ. Очеркъ развитія его личности. П. И. Базарова.	69—84	XIII. Записная книжка "Русской Старины": Нотное пѣніе въ церквяхъ. Предложеніе князя А. Н. Голицына Святейшему Правительствующему Синоду. 10-го января 1816 г. (стр. 42).—Памятники гр. Румянцову, кн. Суворову, Кутузову и Барклай-де-Толли. Рескрипты гр. С. К. Вяземитипову, 23-го сентября 1818 г. Ахенъ. (136).—Новороссійскій край въ 1816 году. Высочайшее повелѣніе министру финансовъ. 4-го мая 1816 г. (206).	
IV. Воспоминанія протоіерея И. И. Базарова.	85—100	XIV. Библиографич. листокъ (на оберткѣ).	
V. Письма Г. С. Батенькова—князю Е. П. Оболенскому. Сообщ. книг. М. Г. Оболенской.	101—108		
VI. Воспоминанія Валерiana Александровича Панаева.	109—135		
VII. Былое. Изъ воспоминаній о пятидесятихъ и шестидесятыхъ годахъ. А. Р.	137—158		
VIII. Россія и папскій престолъ. П. Пирлига. (Съ французскаго).	159—192		
IX. Къ портрету графа Поццо-ди-Борго.	193—194		
X. Экспедиція Государствен. Хозяйства (1797—1803гг.). В. И. Вешнякова.	195—205		

ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ И. А. Бычковъ.

2) Портретъ графа Поццо-ди-Борго. Грав. И. И. Хелмицкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1901 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 страницы обертки.

Пріемъ подѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подольская, 39.

1901.

Х-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го октября 1901 г.

Бібліографіческий листокъ.

14-е марта. Двадцатилѣтній періодъ товарищескихъ собраний „Дворянъ“ и „Константиновцевъ“ (1882 — 1901 гг.). Воспоминанія одного изъ участниковъ. Сіб. 1901 г.

Ежегодно 14-го марта, начиная съ 1882 г., происходятъ товарищескія собрания «Дворянъ» и «Константиновцевъ», т. е. бывшихъ воспитанниковъ Дворянскаго полка и преемственныхъ ему заведеній. Не мало сердечныхъ, отрадныхъ минутъ пережито участниками этихъ собраний среди своихъ однокашниковъ. И вотъ, стъ цѣллю напомнить товарищамъ о такихъ рѣдкихъ въ вашей жизни минутахъ, а также чтобы ознакомить съ происходившимъ на собранияхъ всѣхъ тѣхъ, кто по какой-либо причинѣ не могъ лично присутствовать на нихъ, и составлены эти «Воспоминанія» однимъ изъ участниковъ, скрывшими свое имя подъ инициалами М. Г.

На этихъ собранияхъ, за пиршественнымъ столомъ, тѣсно объединяются всѣ выпускы, несмотря на то, что между старѣшими и позднѣйшими лежитъ полуслѣдѣтъ. Заздравные тосты, восторженныя, прямодушныя рѣчи, импровизаціи въ стихахъ, откровенные разсказы о минувшемъ веселятъ сердце старого кадета, ободряя и возвышая духъ молодаго юнкера, который въ окружющихъ его старшихъ на глядко видитъ съ честью пройденный ими путь.

Независимо пріятныхъ встрѣчъ, иногда послѣ долгой разлуки, со своимъ однокашникомъ и испытываемаго ежегодно удовольствія обмына впечатлѣній и воспоминаній о дняхъ юности, проведенныхыхъ подъ кровомъ роднаго заведенія, собрания эти дали участникамъ ихъ, сверхъ нравственной отрады, еще весьма полезные и существенные результаты. Такъ, въ библиотекѣ Константиновскаго артиллерійскаго училища возникъ особый отдѣлъ литературныхъ трудовъ бывшихъ воспитанниковъ заведенія, давшаго немало дѣятелей въ сферѣ науки, истории и литературы.

Кромѣ того, возникло общество вспомоществования бывшимъ «Дворянамъ» и «Константиновцамъ», считающее въ своемъ составѣ до 400 лицъ и владѣюще нынѣ капиталомъ свыше 9.000 руб., что позволяетъ уже облегчать нужды, хотя еще только неотложныя, насущныя, тѣхъ несчастныхъ изъ бывшихъ питомцевъ товарищей, къ которымъ судьба отнеслась неблагопріятно и лишила возможности воспользоваться благами основъ, приобрѣтенныхыхъ при воспитаніи въ родномъ заведеніи.

Результаты эти наглядно подтверждаются, что собрания «Дворянъ» и «Константиновцевъ» не изсякли духомъ благодарности къ учрежденію, поставившему на ноги каждого своего питомца.

Первое товарищеское собрание происходило 14-го марта 1882 г., — въ день когда исполнилось 75 лѣтъ съ учрежденія Дворянскаго полка; въ ресторанѣ «Демутъ» собралось болѣе 150 человѣкъ. Выѣшенній при входѣ въ залъ аплодагъ извѣщалъ, что въ предстоящемъ со-

брании за фельдфебеля будетъ М. И. Богдановичъ, воспитаникъ выпуска 1823 г., а за дневальныхъ — Д. Цикельцъ (вып. 1854 г.) и М. Гольмдорфъ (вып. 1855 г.). Собрание ровно въ пять часовъ встрѣтило своего фельдфебеля, при чёмъ оркестръ исполнилъ маршъ Дворянскаго полка. Тронутый торжественностью встрѣчи, Модестъ Ивановичъ сказалъ: «я не ожидалъ, что на склонѣ моей жизни буду участникомъ на обѣдѣ товарищей въ честь заведенія, въ которомъ воспитывался. Считаю себѣ за честь быть фельдфебелемъ такой прекрасной роты, какая собралась здѣсь». Потомъ, младшій изъ дневальныхъ, М. Г. Гольмдорфъ обратился къ собранию съ слѣдующемъ рѣчью: «Товарищи — однополчанс! Сегодня минуло 75 лѣтъ съ того дна, когда императоръ Александръ I учредилъ военно-подготовительное заведеніе для дворянъ, сдѣлавшееся затѣмъ разсадникомъ офицеровъ нашей славной арміи. Убѣжденный, что каждому изъ бывшихъ питомцевъ этого заведенія дороги воспоминанія о немъ, позволяю себѣ напомнить, въ краткихъ чертахъ, его минувшее».

Въ своей рѣчи г. Гольмдорфъ ознакомилъ слушателей съ исторіей возникновенія Дворянскаго полка. Военныя события начала XIX столѣтія потребовали усиленія и скораго пополненія войскъ офицерами, и Александръ I, раскримтомъ 14-го марта 1807 г. министру внутренніхъ дѣлъ, графу Кочубею, повелѣлъ: «молодыхъ дворянъ отъ 16 лѣтъ и болѣе, желающихъ вступить въ военную службу, вмѣсто определенія прямо въ полки унтер-офицерами, присыпать въ петербургскіе кадетскіе корпуса, гдѣ, оставляя ихъ самое короткое время для ознакомленія съ порядкомъ службы, производить въ полки прaporщиками и корнетами». Избранные о дарованіи правъ, дворяне поспѣшили на службу, и въ столице собралась масса молодыхъ людей, между которыми оказалось много слабыхъ, болѣзниныхъ и даже одинъ нѣмой. Вполнѣ годныхъ и возможныхъ, но въ большинствѣ неграмотныхъ, помѣстили въ деревянныхъ строеніяхъ полотнянной фабрики на Петербургской сторонѣ, въ сосѣдѣствѣ со 2-мъ корпусомъ, и поручили корпусному маюру Гольмдоргу, а въ помощь ему назначили трехъ подпоручиковъ. Это заведеніе было названо корпусомъ волонтеровъ, а въ 1808 г. переименовано въ Дворянскій полкъ. Въ слѣдующемъ году ему пожалованы знамена, а въ 1810 г. — гладкіе, желтые погоны; въ 1811 г. при полку образованъ Дворянскій кавалерійскій эскадронъ¹⁾. Число воспитанниковъ, не превышавшее спачала 700, возросло въ 1812 г. до 2.000 человѣкъ, а къ 1815 г. — 3.000. Въ то же время состоялось распоряженіе о присыпкѣ въ Дворянскій полкъ изъ столичныхъ корпусовъ кадетъ дурной нравственности и лѣтнинъ. Небольшой комплектъ офицеровъ употреблялся для неотложныхъ командировокъ, а возможные юноши, прозван-

¹⁾ Въ концѣ 1826 г., по высочайшему соизволенію, Дворянскій кавалерійскій эскадронъ упраздненъ.

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ
КАРЛЪ ОСИПОВИЧЪ ГРАФЪ ПОЩО-ДИ-БОРГО.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1902 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по истории русской литературы и искусства; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русского общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждого мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

*

Вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу

НОВАЯ КНИГА

ИСТОРИЯ

КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

и

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Н. О. ДУБРОВИНА.

ТРИ ТОМА,

заключающіе 1480 страницъ текста, съ картами и планами.
Цѣна 9 рублей съ пересылкою. Съ требованіями обращаться
въ **Товарищество «Общественная Польза»**, Большая
Подьяческая, № 39.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XIII¹).

Планъ всеобщаго государственнаго преобразованія.—Недостатки существовавшей администраціи.—Преобразованіе Государственнаго Совѣта.—Рѣчь императора Александра при его открытии.—Недовѣріе общества къ преобразованіямъ вообще.—Новые налоги.—Неудовольствие общества.—Н. М. Карамзинъ и его мнѣніе.—Мѣры къ успокоенію общества.—Охлажденіе Александра къ преобразованіямъ и энергія Сперанского.—Противодѣйствіе ему въ Государственномъ Совѣтѣ.—Тяжесть его положенія и желаніе сложить съ себя большую часть своихъ обязанностей.—Несогласіе на то императора Александра.—Проектъ преобразованія Сената.—Общее учрежденіе министерствъ.—Противорѣчія въ положеніяхъ.—Причины неудачи.

о время пребыванія своего въ Москвѣ, императоръ Александръ подготовлялъ, составленный Сперанскимъ, по его порученію, планъ всеобщаго государственнаго преобразованія.

Съ уничтоженіемъ коллегій и съ образованіемъ министерствъ администрація не улучшилась. Министерскія канцеляріи застушили мѣста коллегій, а министры—присвоили себѣ власть, принадлежавшую прежде Правительствующему Сенату; товарищеское обсужденіе дѣлъ замѣнилось единоличнымъ. Министры пользовались своею властью неограниченно, безъ всякихъ контроля, безъ всякой отвѣтственности и безъ «всякаго со стороны прокуроровъ наблюденія за исполненіемъ законовъ». Каждый министръ поступалъ по-своему, не согласуясь съ товарищемъ, и государственные учрежденія потеряли

¹) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1901 г.

точку соединенія и лишились объединяющаго начала. Въ производствѣ дѣлъ не было никакой ответственности, предѣль власти министровъ не былъ *ни* определенъ, ни ограниченъ, и даже часть законодательная была раздѣлена между разными министрами. Все это вело къ производству, вызывало недоумѣнія, противорѣчія и беспорядки въ администрації еще болѣе, чѣмъ были прежде. Современники тяготились такимъ положеніемъ, были недовольны имъ и не знали, къ кому обратиться, у кого искать правосудія, суда и расправы.

Не желая, однако же, возвращаться къ старому порядку вещей, императоръ Александръ пришелъ къ заключенію, что пора привести въ исполненіе его излюбленную мысль—дать Россіи конституціонный порядокъ управлениія.

Призвавъ къ себѣ М. Сперанскаго и объявивъ ему, что желаетъ даровать Россіи конституцію, Александръ показалъ ему предложенія Н. Новосильцева и князя Чарторыйскаго, «заключавшіяся въ пустыхъ либеральныхъ теоріяхъ не удобопримѣнимыхъ къ нашему отечеству»¹).

Вопросъ о конституції былъ поднятъ еще въ 1804 году и по высохшей волѣ составленіе проекта ея было поручено барону Розенкампфу, секретарю и первому реферандарю комиссіи составленія законовъ. Справедливо ссылаясь на то, что для подобнаго проекта не было никакихъ материаловъ и подготовительныхъ работъ, что одною теоріею руководствоваться нельзя, Розенкампфъ могъ составить, да и то съ многими проблѣами, такъ называемой кадръ конституціи²). Этотъ кадръ былъ переданъ Новосильцову и Чарторыйскому, которые хотя и выработали проектъ конституції, но онъ не отличался ни полнотою, ни основательностью.

Наступившія войны оставили проектъ этотъ безъ примѣненія, и теперь онъ былъ переданъ Сперанскому. Задача, возлагаемая на послѣдняго, была, конечно, не по силамъ одному человѣку и тѣмъ болѣе, что по легкости взгляда, съ которыми императоръ Александръ относился къ преобразованіямъ вообще, онъ требовалъ отъ Сперанского скорѣйшаго исполненія порученного ему дѣла. Недовѣrie къ окружающимъ его людямъ заставляло Александра держать все это дѣло въ секрѣтѣ, который, впрочемъ, какъ увидимъ, онъ же первый и выдалъ.

Получивъ порученіе государя, Сперанскій съ особымъ рвениемъ принялъ за рѣшеніе предложенной ему задачи и, познакомившись съ переданнымъ ему проектомъ конституціи, пришелъ къ заключенію, что

¹) Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго. „Русский Вѣстникъ“. 1890 г. № 9, стр. 164.

²) Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“. Т. II, стр. 249.

исправить современный порядокъ администрації даннымъ ему проектомъ конституції невозможно, а нужно замѣнить его новымъ, построеннымъ на совершенно иныхъ началахъ.

«Всѣ жалуются,—писалъ онъ,—на запутанность и смѣшеніе нашихъ гражданскихъ законовъ. Но какимъ образомъ можно исправить и установить ихъ безъ твердыхъ законовъ государственныхъ? Къ чему законы, распредѣляющіе собственность между частными людьми, когда собственность сія ни въ какомъ предположеніи не имѣть твердаго основанія? Къ чему гражданскіе законы, когда скрижали ихъ каждый день могутъ быть разбиты о первый камень самовластия?

«Жалуются на запутанность финансовыхъ. Но какъ устроить финансы тамъ, где нѣтъ общаго довѣрія, где нѣтъ публичнаго установленія, порядокъ ихъ охраняющаго? Въ настоящемъ положеніи нельзя даже съ успѣхомъ наложить какой-нибудь налогъ къ исправленію финансовыхъ необходимо нужный: ибо всякая тягость народная приписуется единственно самовластию. Одно лицо государя отвѣтствуетъ народу за всѣ постановленія; совѣтъ же и министры всегда, во всякой мѣрѣ тягостной, могутъ отречься отъ участія тамъ, где нѣтъ публичныхъ установленій.

«Жалуются на медленность успѣховъ просвѣщенія и разныхъ частей промышленности. Но где начало ихъ животворящее? Къ чему послужить рабу просвѣщеніе? Къ тому только, чтобы яснѣ обозрѣлъ онъ всю горесть своего положенія¹⁾.

«Наконецъ, сіе всеобщее неудовольствіе, сія приклонность къ горестнымъ изъясненіямъ всего настоящаго, есть не что другое, какъ общее выраженіе пресыщенія и скуки отъ настоящаго вещей порядка. Война и политическія происшествія, безъ сомнѣнія, занимаютъ тутъ свое мѣсто. Но были тягости, были войны, и духъ народный не былъ однакоже подавляемъ ими до такой степени, какъ нынѣ. Неужели дороживши сахару и кофе²⁾ можно въ самомъ дѣлѣ приписать начало сихъ неудовольствій? Уменьшилась ли отъ нихъ роскошь? Обѣдились ли въ самомъ дѣлѣ народъ? Гдѣ тѣ жестокія несчастія, кои его на самомъ дѣлѣ постигли? Всѣ вещи остались въ прежнемъ почти положеніи, а между тѣмъ духъ народный страждеть въ беспокойствѣ. Какъ можно изъяснить сіе беззлобіе иначе, какъ совершеннымъ измѣненіемъ мыслей, глухимъ, но сильнымъ желаніемъ другаго вещей порядка.

«Таковы суть главные признаки, по коимъ можно опредѣлить мѣсто, которое Россія нынѣ занимаетъ въ лѣстницѣ гражданскаго образованія. По симъ признакамъ можно, кажется, съ достовѣрностью заключить,

¹⁾ Эти строки указываютъ на то, что въ планѣ преобразованій Сперанского долженъ быть войти и вопросъ объ освобожденіи крестьянъ.

²⁾ См. „Русскую Старину“, 1901 г. сентябрь, № 9, стр. 450 и 451.

что настоящая система правлениія несвойственна уже болѣе состоянію общественнаго духа, но что настало время ее перемѣнить и основать новую. Всѣ исправленія частныя, всѣ, такъ сказать, пристройки къ настоящей были бы непрочны; пусть составятъ какое угодно министерство, распорядятъ иначе части, усилять и просвѣтять полицейскія и финансовые установленія, пусть издаутъ даже гражданскіе законы: всѣ сіи введенія, бывъ основаны единственно на личныхъ качествахъ исполнителей, ни силы, ни твердости имѣть не могутъ».

Приступая къ образованію новыхъ учрежденій, Сперанскій считалъ необходимымъ, чтобы правление, до сихъ поръ самодержавное, «постановить и учредить на непремѣняемъ законѣ»; чтобы «не вѣшними только формами покрыть самодержавіе, но ограничить его внутреннею и существенною силою установлений и учредить державную власть на законѣ не словами, но самыми дѣломъ». Такая форма правлениія по словамъ преобразователя, свойственне народу, «который имѣеть болѣе доброго смысла, нежели пытливости, болѣе простаго и твердаго разума, нежели воображенія, коего характеръ трудно обольстить, но легко убѣдить простою истиной; словомъ, она можетъ быть свойственна такому народу, коего нѣть нужды прельщать и обманывать, по доброправію его и нѣкоторой лѣности, присущимъ всѣмъ народамъ сѣверной природы».

Послѣ взаимнаго обмѣна мыслями съ императоромъ, Сперанскій составилъ планъ всеобщаго государственного преобразованія.

Въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе частностей плана преобразованій¹⁾; мы ограничимся изложеніемъ его сущности и указаніемъ на то, какъ онъ отразился на обществѣ и былъ согласованъ съ потребностями русскаго народа.

Цѣлью преобразованій было утвердить власть правительства, поставить управлениe Имперіи на твердомъ законѣ и дать Россіи внутреннее политическое бытіе, «а съ этою цѣлью опредѣлить прежде всего разумъ коренныхъ государственныхъ законовъ, т. е. начертать планъ конституціи».

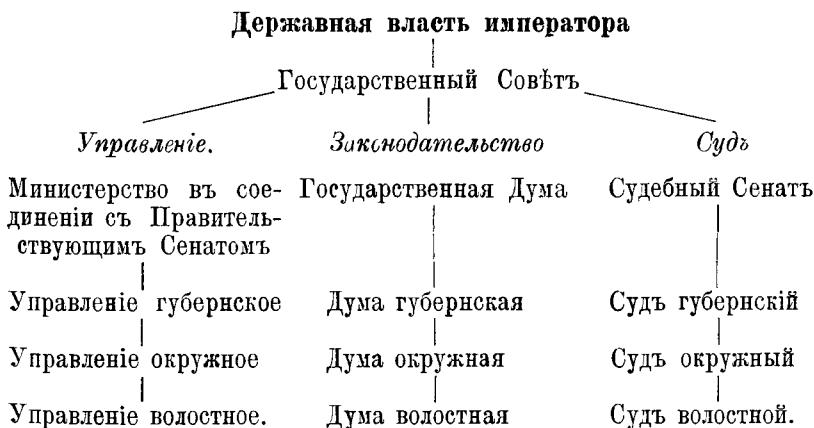
«Конституціи,—писалъ Сперанскій²⁾, — во всѣхъ почти государствахъ устроены были въ разныя времена отрывками и по большей части среди жестокихъ политическихъ бурь. Россійская конституція одолжена будетъ бытіемъ своимъ не воспаленію страстей и крайности

¹⁾ Планъ государственного образования впервые напечатанъ въ полномъ объемѣ Н. К. Шильдеромъ. См. „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствование“. Т. II, стр. 372—395.

²⁾ Тамъ же, стр. 252.

обстоятельствъ, но благодѣтельному вдохновенію верховной власти, которая, устрояя политическое существованіе своего народа, можетъ и имѣть всѣ способы дать ему самыя правильныя формы».

Онъ заключались въ томъ, что къ участію въ управлѣніи допускались народные представители и въ основаніе представительства положено было землевладѣніе. Установленіями законодательными должны были быть выборныя учрежденія: волостныя, окружныя, губернскія и Государственная Дума. Каждые три года, въ волостномъ городѣ изъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимой собственности должно было составляться собраніе подъ названіемъ волостной думы. Казенныя селенія отъ каждыхъ пятисотъ душъ посылали въ думу одного выборнаго. Волостныя думы избирали членовъ волостного правленія и депутатовъ въ окружныя думы; изъ депутатовъ окружныхъ думъ, черезъ каждые три года, должно было составляться собраніе въ губернскомъ городѣ подъ именемъ губернской думы. Изъ депутатовъ отъ губернскихъ думъ составлялось въ Петербургѣ законодательное сословіе подъ именемъ Государственной Думы. Для управлѣнія и суда, устанавливались также учрежденія четырехъ степеней, и такимъ образомъ по плану Сперанского государственное управлѣніе должно было принять слѣдующій видъ:

Изъ этого начертанія видно, что средоточиемъ всѣхъ учрежденій являлся Государственный Совѣтъ, предназначаемый для предварительного разсмотрѣнія законовъ, уставовъ и учрежденій въ «первообразныхъ ихъ начертаніяхъ».

Къ этой табели учрежденій Сперанскій присоединялъ Кабинетъ при императорѣ, въ который должны были стекаться высшія государственные дѣла и получать тамъ окончательное рѣшеніе, а также Правительствующій Сенатъ, долженствовавшій замѣнить собою бывшій Комитетъ министровъ.

Проектъ Сперанского, по вѣнчальному виду, долженъ быть вполнѣ удовлетворять желанію императора Александра, и, по его увлекающемуся и порывистому характеру, требовалось только скорѣйшее приведеніе его въ исполненіе. Торопливости императора «совершенно отвѣчали и смѣлая и неутомимая и систематическая дѣятельность Сперанского»¹⁾.

Въ октябрѣ 1809 г. планъ преобразованій былъ уже представленъ государю и имѣ одобреніе. Теперь являлся только вопросъ о томъ, съ чего начинать преобразованія, и рѣшено было начать съ Государственнаго Совѣта, для преобразованія котораго не встрѣчалось особыхъ затрудненій и не требовалось большихъ приготовленій.

По мнѣнію Сперанского, существовавшій уже Государственный Совѣтъ былъ, «мѣстомъ, такъ сказать, произвольнымъ, коего дѣйствія безгласны, неопределительны и относятся, болѣею частію, къ дѣламъ текущимъ. Можетъ ли, въ настоящемъ составѣ его, стать онъ на чредѣ государственныхъ установлений, свойственныхъ Имперіи обширной? Министерскій комитетъ есть также установленіе, никакихъ публичныхъ формъ не имѣющее; въ самомъ разумѣ его онъ предустановленъ былъ для соображенія одиныхъ мѣръ исполнительныхъ. Слѣдовательно, никогда не могъ онъ быть средоточіемъ въ порядкѣ законодательномъ.

«Итакъ, важнѣйшая часть государственного управлениія — соображеніе законовъ, уставовъ и учрежденій не имѣеть, у насть никакого постояннаго положенія и нѣть мѣста, гдѣ бы дѣла государственные постоянно и единообразно были уважаемы. Въ государствѣ сильномъ и обширномъ разныя части управлениія не могутъ идти съ стройностью и успѣхомъ, когда каждое движется по своему направлению и направленія сіи нигдѣ не приводятся къ единству; когда главныя отношенія разныхъ частей не определены и не соображены между собою, когда каждое дѣло можетъ по произволу поступать въ различныя установленія: въ Совѣтъ, Сенатъ или Комитетъ и не въ одномъ изъ нихъ не установлено порядка, теченію государственныхъ дѣлъ свойственного и единообразнаго.

«Отсюда происходитъ, что всѣ законы, всѣ учрежденія и мѣры правительства, даже и тѣ самыя, кои соображены были съ установленіями, нынѣ существующими, совокупно всѣми ихъ членами, имѣютъ у насть видъ произвола и личнаго довѣрія, измѣняющагося по случаямъ и обстоятельствамъ. Отсюда происходитъ та великай несвязность, которая въ законахъ нашихъ на каждомъ шагу встрѣчается. — Всѣ они имѣютъ столько различныхъ свойствъ, сколько было разныхъ лицъ, кои поперемѣнно занимались ихъ составленіемъ. — Отсюда происходитъ,

¹⁾ А. Н. Пыпинъ. Общественное движение въ Россіи при Александрѣ I. Издание 1900 г., стр. 129.

что учрежденія наши никогда не имѣли достоинства и важности, свойственной закону.—И какимъ образомъ могутъ они имѣть сюю важность, когда начинались по одному личному довѣрію, соображались въ тайнѣ и издавались безъ всякаго публичнаго и единообразнаго ихъ уваженія? Отсюда происходитъ та великая и горестная удобность, съ кою законы наши были перемѣняемы.—Если одно лицо, часто дѣйствующее въ тайнѣ, могло предложить законъ и частнымъ соображеніемъ привести его въ силу, то другое, пользуясь, въ свою очередь, тою же степенью довѣрія, могло отмѣнить его и ввести другое учрежденіе.—Отсюда происходитъ то всеобщее убѣжденіе, самимъ опытомъ оправданное, что нѣтъ въ Россіи закона постояннаго, и что можно перемѣнить все по личнымъ случаямъ и удобствамъ.—Отсюда происходитъ и та слабость въ исполненіи закона, на которую столько разъ жалобы были оглашаемы.—Каждый исполнитель, при первомъ затрудненіи въ законѣ, находитъ удобнѣйшимъ предложить его отмѣну, нежели стараться превзойти препятствія.—И понеже отмѣны сіи бывали часты и всегда производимы съ тою же удобностью, съ какой и законъ у насъ издавался, то и поселилась въ практикѣ нашихъ исполнителей несчастная привычка представлять непрестанно о неудобствахъ, изъ чего и составилась большая часть дѣлъ, тяготящихъ всѣ департаменты и ввергающихъ высшее управлѣніе въ непрерывный беспорядокъ.—Тщетно власть исполнительная гремѣла подтвержденіями и угрозами.—Самая подтвержденія сіи и угрозы еще болѣе обнаруживали слабость закона.

«Изъ сего происходятъ слѣдующія истины: 1) что въ настоящемъ порядкѣ управлѣнія нѣть установленія для общаго соображенія дѣлъ государственныхъ въ отношеніи ихъ къ части законодательной; 2) что отъ недостатка сего установленія происходитъ главный беспорядокъ и смѣщеніе во всѣхъ частяхъ управлѣнія; 3) что твердость и постоянство закона требуютъ такого установленія и 4) что, наконецъ, великія государства движутся установленіями, лица перемѣняются и умираютъ, а духъ установленій живеть и въ теченіе многихъ столѣтій охраняетъ онъ».

Планъ Сперанскаго не былъ приведенъ въ исполненіе въ полномъ его объемѣ; осуществилась только нѣкоторая незначительная его часть и прежде всего преобразованіе Государственнаго Совѣта.—При нетерпѣніи Александра и его настояніи образованіе Государственнаго Совѣта было написано менѣе чѣмъ въ три мѣсяца и при томъ однимъ человѣкомъ.—При такой спѣшиности работы, Сперанскому не было, конечно, времени справляться съ лѣтописями и древними актами, хранившимися въ архивахъ; онъ не имѣлъ времени искать основъ ни въ Уложеніи, ни въ старинныхъ нашихъ Соборахъ, въ постановленіяхъ бояр-

скихъ и земскихъ Думъ, въ обычаяхъ и нравахъ народа¹⁾. — Въ Эрфортѣ его увлекъ Наполеонъ и, подъ вліяніемъ поклоненія ему, Сперанскаго вдохновляли уставы императорской Франціи. Имѣя въ виду готовые образцы для исполненія возложенной на него задачи, Сперанскій «откинуль прежнюю робость малоопытности. Вместо осмотрительныхъ попытокъ и нѣкоторой сдержанности, наступила эпоха самоувѣренности и смѣлой ломки всего существовавшаго»²⁾.

— Весьма заблуждаются тѣ, — говорилъ впослѣдствіи Троцкій, — кои думаютъ, что одинакія установленія вездѣ могутъ сопровождаемы быть одинакими послѣдовательностями. — Установленія, кои могли быть введены безъ неудобства въ одномъ государствѣ, могутъ произвести пагубный послѣдовательность въ другомъ, если во взаимствующемъ государствѣ образъ правленія и положенія народа, не будучи таковы же, каковы они въ государствѣ, изъ котораго формы заимствуются.

Защищая императора Александра отъ возводимыхъ на него впослѣдствіи обвиненій въ поспѣшности и необдуманности преобразованій, и обвиняя Сперанскаго, — Д. П. Троцкій старался доказать, что воля государя состояла въ томъ, чтобы, не нарушая издавна установленного и свойственного русскому государству управлѣнія, ввести въ немъ только нѣкоторая измѣненія и улучшенія и тѣмъ доставить благоенствіе народу. — «Но усовершенія сіи, бывъ основаны, вмѣсто опыта, на однихъ отвлеченныхъ понятіяхъ вновь возникшей философіи, должныствовали произвести дѣйствія несообразныя съ предположенною и ясно выраженою цѣлью государя императора»³⁾.

Ничего этого не было. — Сперанскій писалъ положеніе по указанію императора, съ которымъ постоянно совѣтовался; оба они одинаково думали, оба читали и исправляли написанное.

Еще во время пребыванія Александра въ Москвѣ, къ нему присыпались изъ Петербурга таинственные конверты, смущавши публику и многихъ приближенныхъ къ императору, въ особенности графа Аракчеева. — Конверты эти, какъ узнали впослѣдствіи, были отъ Сперан-

¹⁾ Необходимо припомнить, что въ то время Свода законовъ не существовало, что руководствомъ служили многочисленные указы, не приведенные въ систему и противорѣчившіе другъ другу; что постановленія боярскихъ Думъ не были изданы и оставались не только неизвѣстными, но и не приведенными въ порядокъ, и что впослѣдствіи самъ Сперанскій, сознавая важность опыта предшествовавшей жизни русского народа, далъ намъ „Полное Собрание законовъ Российской Имперіи“.

²⁾ А. Н. Пылинъ „Общественное движение въ Россіи при Александрѣ I“. Изданіе 1900 г., стр. 132 и 133.

³⁾ Записка Троцкія: „О неудобствахъ, происходящихъ отъ государственного управлѣнія въ формѣ единоличной и проч.“. Сборникъ Императ. Русского Исторического Общества, т. III, стр. 23—162.

скаго и заключали въ себѣ проектъ новаго положенія о Государственномъ Совѣтѣ.—Не ожидая, чтобы лица, окружавшія государя и стоявшія во главѣ управленія, сочувствовали преобразованіямъ, Александръ сначала держалъ это дѣло въ большомъ секрѣтѣ и, чтобы лучше сохранить тайну, поручилъ Сперанскому присыпать свою рукопись по частямъ въ запечатанныхъ конвертахъ, которые надписывались камердинеромъ Мельниковымъ: «Къ государю въ Москву».

— Мельниковъ важный человѣкъ!—ѣдко замѣчалъ графъ Аракчеевъ, негодавшій на то, что не знаетъ содержанія таинственныхъ пакетовъ.

Но сохранить тайну непроницаемо было очень трудно, и въ Москвѣ стали говорить, что въ конвертахъ заключается что-то важное.—Для разъясненія, чтѣ именно, ловили каждое слово, вѣрили всякому слуху и стали рассказывать съ неудовольствіемъ, что готовится конституція и представительный образъ правленія.

При всѣхъ своихъ либеральныхъ стремленіяхъ и несмотря на мягкость характера, Александръ ревниво оберегалъ свое самодержавіе и неограниченность власти и въ этомъ отношеніи не допускалъ никакихъ посягательствъ. — Слухи, распространившіеся по Москвѣ, его смущали тѣмъ болѣе, что онъ зналъ о нерасположеніи общества къ его начинаніямъ. «Александръ не пользовался популярностью,—говорить князь А. Чарторыйскій. — По своему характеру онъ не былъ русскимъ человѣкомъ. — Отличаясь отъ русскихъ хорошими и дурными качествами, онъ, въ кругу своихъ, былъ похожъ на экзотическое растеніе и никогда не былъ счастливъ». Желая привлечь на свою сторону общественное мнѣніе, сохранить популярность, вызванную недавнею поѣздкою въ Москву и, наконецъ, уничтожить всѣ слухи, — Александръ самъ первый нарушилъ тайну и открылъ то, что сначала такъ тщательно скрывалъ.

Въ декабрѣ 1809 года, въ разговорѣ съ княземъ Чарторыйскимъ, императоръ сказалъ ему, что готовится преобразованіе Государственного Совѣта и что онъ приметъ иную форму съ болѣе обширнымъ кругомъ дѣятельности; что устройство его произойдетъ по образцамъ, существующимъ въ иныхъ, лучше управляемыхъ государствахъ, каковы Франція и Англія.

— Есть много людей,—говорилъ при этомъ Александръ,—которые, не отдавая себѣ отчета въ значеніи словъ, воображаютъ, что будущее устройство Совѣта есть народное представительство, какъ будто можетъ быть народное представительство, избранное не страною, а зависимое отъ короны. То, что теперь будетъ сдѣлано для Совѣта, есть лишь первый шагъ для того, чтобы дойти до другихъ из-

мѣненій болѣе существенныхъ, относительно коихъ маѣнія мои нѣсколько не измѣнились¹⁾.

Слова эти, сказанныя, конечно, для распространенія, скоро стали извѣстными многимъ, и имъ оставались неизвѣстными только частности, съ которыми императоръ рѣшилъ познакомить лишь не многихъ. Когда положеніе о новомъ устройствѣ Государственного Совѣта было окончательно обработано, то, по желанію Александра, оно было передано на обсужденіе графу Салтыкову, графу Завадовскому, князю Лопухину и графу Кочубею. По одобреніи ими, проектъ былъ переданъ на разсмотрѣніе графа Н. П. Румянцева, предназначавшагося предсѣдательствовать въ новомъ Совѣтѣ, въ случаѣ отсутствія императора. Только за нѣсколько дней до обнародованія манифеста о готовящемся преобразованіи было сообщено о томъ графу Аракчееву, да и то не для того, чтобы узнать его мнѣніе, а чтобы нѣсколько изгладить неудовольствіе, которое онъ проявлялъ, вслѣдствіе скрытности, съ какою велось все это дѣло.

Графу крайне досадно было,—пишетъ Марченко²⁾,—«что новости сіи скрыты отъ него. Онъ готовилсяѣхать въ Грузино, но государь задержалъ, обѣщая прочесть съ нимъ Наказъ Совѣту». Видимо недовольный, Аракчеевъ говорилъ, что такое чтеніе безполезно, что онъ гражданской части вовсе не знаетъ, но любопытство пересилило, и онъ остался. Государь хотѣлъ прислать за нимъ 24-го декабря, но вместо того прислалъ къ нему Сперанскаго. «Не прошло и десяти минутъ,—продолжаетъ Марченко,—какъ графъ, отпустивъ Сперанскаго, спросилъ меня съ дѣлами. Я не видывалъ еще его въ подобномъ бѣшенствѣ. Не ставъ слушать бумагъ, приказалъ прислать ихъ въ Грузино, куда сей-часъ же онъ отѣзжаетъ».

Оказалось, что Сперанскій привозилъ ему не проектъ образованія Государственного Совѣта, а одно оглавленіе, чтобы на словахъ разсказать сущность новой организаціи. Аракчеевъ не сталъ его слушать, отпустилъ съ неудовольствіемъ и грубостью и передъ отѣздомъ въ Грузино, написалъ рѣзкое письмо государю съ просьбою объ отставкѣ³⁾.

Ссылаясь на то, что въ молодости получилъ плохое образованіе и не въ состояніи будетъ защищать въ Совѣтѣ интересы военного вѣдомства, Аракчеевъ просилъ уволить его отъ званія военного министра и при томъ какъ угодно государю.

¹⁾ Разговоръ князя А. Чарторыйского съ императоромъ Александромъ. „Русскій Арх.“ 1870 г., т. I, стр. 761.

²⁾ Въ своихъ запискахъ. „Русская Старина“ 1896 г. № 3, стр. 485.

³⁾ Въ недавно вышедшемъ изданіи „Государственный Совѣтъ 1801—1801 г.“ (стр. 18) весь этотъ эпизодъ рассказалъ не точно.

«Молю васъ, государь, — прибавлялъ онъ,— не затрудняться въ ономъ, ибо, черезъ не скорую перемѣну меня изъ сего званія, будетъ малая польза вамъ и государству, и только остановка въ дѣлахъ, въ коихъ дѣятельность по военной части необходима».

Письмо это должно было, конечно, удивить и огорчить императора Александра.

«Не могу скрыть отъ васъ, Алексѣй Андреевичъ, — писалъ государь¹⁾,— что удивленіе мое было велико при чтеніи письма вашего.

«Чему долженъ приписать я намѣреніе ваше оставить мѣсто, вами занимаемое. Говорить обинякомъ было бы здѣсь неумѣстно. Причины, вами изъясняемыя, не могу я принять за настоящія. Если до сихъ поръ вы были полезны въ званіи вашемъ, то при новомъ устройствѣ Совѣта почему сія полезность можетъ уменьшиться? Сie никому не будетъ понятно. Всѣ читавши новое устройство Совѣта нашли его полезнымъ для блага Имперіи. Вы же, на чье содѣйствіе я болѣе надѣялся, вы, твердивши мнѣ столь часто, что, кромѣ привязанности вашей къ отечеству, личная любовь ко мнѣ вамъ служить побужденіемъ,—вы, не взирая на оное, одни забывъ пользу Имперіи, спѣшите бросить управляемую вами часть въ такое время, гдѣ совѣсть ваша не можетъ не чувствовать, сколь невозможно васъ замѣнить. Вопросите искренно самого себя, какое побужденіе въ васъ дѣйствуетъ? и если вы будете справедливы на свой счетъ, то вы сіе побужденіе не похвалите.

«Но позвольте мнѣ, отложа здѣсь званіе, которое я на себѣ ношу, говорить съ вами какъ съ человѣкомъ, къ которому я лично привязанъ, которому во всѣхъ случаяхъ я доказалъ сию привязанность. Какое вліяніе произведетъ въ глазахъ публики ваше увольненіе отъ должности въ такую минуту, гдѣ преобразованіе, полезное и пріятное для всѣхъ, введено будетъ въ правительствѣ? Конечно, весьма дурное для васъ самихъ. Устройство Совѣта будетъ напечатано, всякий судить будетъ, что неотчего было вамъ оставлять своего мѣста, и заключенія будутъ весьма невыгодны на вашъ счетъ.

«Въ такую эпоху, гдѣ я право имѣль ожидать отъ всѣхъ благомыслящихъ и привязанныхъ къ своему отечеству жаркаго и ревностнаго содѣйствія, вы одни отъ меня отходите и, предпочитая личное честолюбіе, мнимо тронутое, пользу Имперіи, настоящимъ уже обрзомъ повредите своей репутаціи.

«Если все вышеписанное, противъ чаянія моего, надъ вами дѣйствія никакого не произведетъ, то, по крайней мѣрѣ, я въ правѣ требовать отъ васъ, чтобы до назначенія преемника вашего вы продолжали исполнять обязанность вашу, какъ долгъ честнаго человѣка онаго тре-

¹⁾ Н. К. Шильдеръ „Императоръ Александръ“. Т. II, стр. 262 и 263.

буется. При первомъ свиданіи нашемъ вы мнѣ рѣшительно объявите, могу ли я въ васъ видѣть того же графа Аракчеева, на привязанность котораго я думалъ, что твердо могъ надѣяться, или необходимо мнѣ будеть заняться выборомъ новаго военнаго министра».

Аракчеевъ остался при своемъ и просилъ избрать ему преемника.

«Мнѣнія публики столь различны,—писалъ онъ Александру¹⁾—что на оныя никогда положиться нельзя, и лучшее мнѣніе въ свѣтѣ—спокойная въ человѣкѣ совѣсть; я имѣю ее и буду съ нею вездѣ спокоенъ».

Съ отѣзгомъ Аракчеева курьеры три дня скакали изъ Петербурга въ Грузино и обратно, пока, наконецъ, 29-го декабря 1809 г. графъ прїѣхалъ въ столицу. Этотъ и послѣдующій день прошли въ объясненіяхъ съ государемъ, и, наконецъ, Александръ спросилъ Аракчеева, чѣмъ желаетъ онъ быть, т. е. оставаться ли военнымъ министромъ или быть предсѣдателемъ военнаго департамента Государственного Совѣта.

— Лучше самъ буду дядькою,—отвѣчалъ Аракчеевъ, — чѣмъ надѣть собою имѣть дядьку.

Императоръ изъявилъ согласіе и, возвратившись изъ дворца 1-го января 1810 года, послѣ открытия Государственного Совѣта на новыхъ началахъ и въ новомъ составѣ, графъ Аракчеевъ написалъ на прокладныхъ листахъ своего Евангелия: «Въ сей день сдалъ званіе военнаго министра. Совѣту всѣмъ, кто будетъ имѣть сюю книгу послѣ меня, помнить, что честному человѣку всегда трудно занимать важныя мѣста государства»²⁾.

Случай съ Аракчеевымъ и слухи, ходившіе по Москвѣ, указывали императору, что новое образованіе Государственного Совѣта будетъ встрѣчено многими съ недовѣріемъ и потому въ день открытия Совѣта онъ писалъ главнокомандующему въ Москвѣ, графу Гудовичу³⁾.

«Прежде, нежели въ обыкновенномъ порядкѣ дойдутъ къ вамъ акты обѣ открытий Государственного Совѣта, въ сей день совершившагося, послѣшаю доставить вамъ нѣсколько экземпляровъ манифеста и образованія сего государственного сословія. Я желаю, чтобъ, сообщивъ акты сіи кому вы за благо признаете, руководствовали вы о бщимъ мнѣніемъ къ истинному понятію о семъ важномъ государственномъ устаниленіи. А чтобъ поставить васъ къ болѣшей къ тому возможности,

¹⁾ Въ письмѣ отъ 29-го декабря 1809 г.

²⁾ Въ знакъ примиренія съ Аракчеевымъ государь прислалъ ему въ подарокъ пару лошадей съ санями. Графъ былъ очень обрадованъ такому небывалому подарку.

³⁾ Въ рескриптѣ отъ 1-го января 1810 г. „Сборникъ Археологическаго института“, кн. 2, отдѣль II, стр. 50 и 51.

препровождаю при семъ, для особенного свѣдѣнія вашего, записку о причинахъ необходимости сего учрежденія. Я надѣюсь, что вы и съ вами всѣ благомыслящіе люди найдутъ въ немъ новый оный самаго твердаго моего желанія всѣми вѣренными мнѣ отъ Бога средствами дѣйствовать къ единому благу любезнаго нашего отечества».

Въ манифестѣ объявлялось, что «къ утвержденію и распространенію единообразія и порядка въ государственномъ управлениі, признали мы нужнымъ установленію Государственнаго Совѣта дать образованіе свойственное пространству и величию нашей Имперіи»; что сколь ви были бы совершенны гражданскіе законы, они не могутъ быть тверды безъ государственныхъ установлений, во главѣ которыхъ долженъ стоять Совѣтъ. «Его разсмотрѣнію будетъ подлежать гражданское Уложеніе, которое,—говорилось въ манифестѣ,—по мѣрѣ совершенія его съ принадлежащими къ нему судебнми обрядами и устройствомъ судебнъ мѣстъ, будетъ поступать на его уваженіе. За симъ послѣдуетъ Уложеніе уголовное. Отъ успѣшнаго окончанія сего труда зависитъ общее устройство судебнай части. Ввѣривъ оную особенно Правительствующему Сенату, мы не умѣлимъ дать сему высшему въ Имперіи нашей судебному сословію образованіе, важному назначенію его свойственное, и присоединимъ къ установлениямъ его все, что можетъ ихъ усовершить и возвысить.

«Настоящее положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ требуетъ также неукоснительного разсмотрѣнія и опредѣленія. На сей конецъ доставимъ мы Совѣту планъ финансъ, составленный на началахъ, части сей наиболѣе свойственныхъ. Главныя основанія сего плана состоять въ томъ, чтобы всевозможнымъ сокращеніемъ піздержекъ привести ихъ въ подлежащую соразмѣрность съ приходами, установить во всѣхъ частяхъ управлениія истинный разумъ доброй экономіи и самыми дѣйствительными мѣрами положить твердое основаніе постепенной уплаты государственныхъ долговъ, коихъ ненарушимость, удостовѣренную всѣми государственными богатствами, мы всегда признавали и будемъ признавать однимъ изъ важнѣйшихъ и неприкосновеныхъ обязательствъ нашей Имперіи¹⁾.

Въ 9 часовъ утра, 1-го января 1810 года императоръ Александръ прибылъ въ Шепелевскій дворецъ, гдѣ, по повѣсткамъ, разосланымъ наканунѣ, собрались 35 человѣкъ, первыхъ членовъ Государственнаго Совѣта. Занявъ предсѣдательское кресло и видя, что назначенные предсѣдателями департаментовъ не знаютъ, въ какомъ порядкѣ имъ сѣсть, и

¹⁾ Манифестъ 1-го января 1810 г. Полное Собрание Законовъ, т. XXXI, № 24064.

пересаживаются съ мѣста на мѣсто, государь приказалъ имъ занять мѣста по старшинству¹⁾.

Обратившись къ собранію, императоръ высказалъ, что порядокъ и единообразіе дѣлъ требуютъ, чтобы для ихъ средоточія и соображенія было центральное учрежденіе, что такого до сихъ поръ не было и такимъ отнынѣ будетъ Государственный Совѣтъ.

— Какимъ образомъ,—спрашивалъ Александръ,—въ государствѣ, столъ обширномъ, разныя части управлѣнія могутъ идти състройностью и съ успѣхомъ, когда каждая движется по своему направленію и направленія сіи нигдѣ не приводятся къ единству? Одно личное дѣйствіе власти въ великомъ разнообразіи дѣлъ государственныхъ не можетъ сохранить сего единства. Сверхъ сего лица умираютъ; одни установленія живутъ и въ теченіе вѣковъ охраняютъ основаніе государствъ. Всѣ благонамѣренные люди давно уже чувствовали сіи истины. Любя отчество, бывъ поставленъ въ отвѣтъ передъ Богомъ въ счастіи его и благоустройствѣ, я болѣе другихъ долженъ быть ихъ осуществить. Не частными исправленіями, не подробностями многосложными и преходящими стоять и процвѣтаютъ государства. Среди всѣхъ работъ, среди войны и мира, въ непрерывномъ движеніи дѣлъ внутреннихъ и внѣшнихъ, мысль о твердыхъ государственныхъ установленіяхъ никогда меня не оставляла. Я всегда желалъ, чтобы благосостояніе Имперіи утверждалось на законѣ, а законъ былъ неподвиженъ на установленіяхъ. Я считалъ всѣ минуты жизни моей потерянными для блага Россіи, въ кои воину и внѣшними происшествіями намѣренія мои отвлекались отъ сей великой цѣли. Не скрыты отъ меня были всѣ постыдствія сего уменьшенія. Я чувствовалъ недостатокъ твердаго въ дѣлахъ порядка съ тою же живостью, съ кою обыкъ я любить и всему предпочитать пользы отечества. Наконецъ, Всеышній благословляетъ мои же ланія. Въ сей день, съ началомъ нового года, имѣю я удовольствіе положить твердое основаніе одному изъ важнѣйшихъ государственныхъ установлений. Государственный Совѣтъ будетъ составлять средоточіе всѣхъ дѣлъ высшаго управлѣнія. Бытие его отнынѣ станетъ на чредѣ установленій непремѣнныхъ и къ самому существу Имперіи принадлежащихъ. Призвавъ васъ въ составъ сего сословія, я не могъ вамъ дать высшаго свидѣтельства моего къ вамъ довѣрія. Все, что въ мысляхъ и желаніяхъ человѣческихъ есть самаго твердаго и непоколебимаго, все будетъ мною употреблено, чтобы установить порядокъ и оградить Имперію добрыми законами. Вы пріемлете священную обязанность мнѣ

¹⁾ Департаменты не имѣли нумераціи, и потому предсѣдатели не знали, какъ имъ размѣститься. Пересаживание ихъ съ мѣста на мѣсто послужило темою для басни Крылова—К в а р т е тъ.

въ семъ содѣйствовать. Передъ отечествомъ, передъ Богомъ, вы будете въ семъ отвѣтствовать. Передъ самыми высокими именами всѣ личныя уваженія должны исчезнуть. Изочтите миллионы (людей), кои отъ васъ ожидать будутъ твердой собственности, тишины и благоустройства, и измѣрьте симъ пространство вашихъ обязанностей и степень моего къ вамъ довѣрія. Уповая на благословеніе Всевышняго, мой долгъ будетъ раздѣлять труды ваши и искать одной славы, для сердца моего чувствительной, чтобы нѣкогда въ позднихъ временахъ, когда меня уже не будетъ, истинные сыны отечества, ощутивъ пользу сего учрежденія, вспомнили, что оно установлено было при мнѣ и моимъ искреннимъ желаніемъ блага Россіи¹⁾.

По словамъ барона М. А. Корфа, повтореннымъ потомъ и многими историками, рѣчь императора Александра произвела громадное впечатлѣніе. Никогда еще Россія, говорятъ они, не слыхала съ высоты престола рѣчи, исполненной такого чувства, такого достоинства и такихъ идей.

Кажется, это не совсѣмъ вѣрно: къ чувствительности Александра привыкли и читали много теплыхъ его реєскриптовъ и указовъ, но мало вѣрили, что эти реєскрипты и указы будутъ исполнены; мало вѣрили въ практическость вводимыхъ преобразованій, мало вѣрили и въ то, что преобразованія эти будутъ доведены до конца.

«Мнѣ кажется,—писалъ кн. Анд. Ив. Вяземскій къ государственному канцлеру графу А. Р. Воронцову,—что я вижу²⁾ преддверіе, строящееся съ необыкновенною роскошью и смѣлостью. Оно должно украсить зданіе, которое величиною и правильностью вѣроятно будетъ поражать потомковъ; но строится лишь одинъ фронтонъ, а о самомъ зданіи нѣть еще рѣчи. Вы не можете себѣ представить, какое впечатлѣніе все это производитъ на здѣшнюю (московскую) публику. Я вовсе не выѣзжаю, но тѣ не многіе, которые у меня бываютъ и которые часто вращаются въ обществѣ, увѣряютъ меня, что нѣсть конца сужденіямъ о будущихъ случайностяхъ и что съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ ожидаютъ послѣдствій всѣхъ этихъ начинаній... По-моему не стоило изъ-за столь малаго подымать столько шума... Петръ I сказалъ какъ-то: на что законы, если по нимъ не исполняются? У насъ есть законы, но ихъ безпрерывное противорѣчіе, наглость, съ которою имъ не повинуются, открытое и нахальное лихонимство, безграницная роскошь, которая есть

¹⁾ Рѣчь эта была написана Сперанскимъ и исправлена императоромъ Александромъ. Она напечатана нѣсколько разъ, но вполнѣ точно въ сочиненіи Н. К. Шильдера „Императоръ Александръ I“. Т. III, стр. 1—3 и въ недавно вышедшемъ изданіи „Государственный Совѣтъ. 1801—1901 г.“ Стр. 18 и 19.

²⁾ Арх. кн. Воронцова. Т. XIV.

первая причина всѣхъ золь, невнимательность и даже презрѣніе, съ которыми относятся къ должностямъ, если онѣ нед оставляютъ денегъ, этого единственнаго божества, передъ которыми все преклоняется, пороки, свойственные нашей формѣ правленія и нашему строю, котораго однако исправить безъ неминуемой опасности невозможно—вотъ тѣ затрудненія, которыхъ я предвижу для преуспѣянія желаемаго. Пусть суды наши по закону осуждаютъ и оправдываютъ, но да будутъ они, сколь возможно, составлены изъ людей безукоризненной честности; государь да не наказуетъ никого, и нелицемѣрный законъ да не слабнеть во вѣки; да будетъ наказаніе тѣмъ сильнѣе и тѣмъ примѣрнѣе, чѣмъ выше стоитъ преступникъ. Пороки правительства никогда не восходятъ снизу вверхъ. Для этого необходимо нравственное воспитаніе, о которомъ мы не имѣемъ почти понятія. Коль скоро дѣти наши становятся попугаями и начинаютъ лепетать на нѣсколькихъ языкахъ, коль скоро въ нихъ проявляется какой-нибудь легкій талантъ, все кончено—большаго не требуютъ...

«Изучая исторію и много размышляя, доходишь до того убѣженія, что для государства, какъ и для отдельныхъ лицъ, бываютъ несчастныя эпохи, въ которыхъ при самыхъ благихъ побужденіяхъ не достигаемъ своей цѣли, и даже наоборотъ, доходимъ до совершенно противоположнаго.

Du destin qui fait tout tel est l'arrêt cruel... ¹⁾

«Полнѣйшее отсутствіе людей способныхъ—вотъ характеристическая черта нашего времени. Не знаю, такъ ли вы судите, но по-моему, скудость эта наводить невольный ужасъ. Бездарность и нахальство, опасное даже при великихъ талантахъ, являются здѣсь порокомъ, облеченымъ въ оскорбительный комизмъ. Отсутствіе всякоаг дарованія соединено съ неимовѣрною самоувѣренностью. Присоедините къ этому всеобщую распущенность, забвеніе всего нравственнаго и честнаго. Лишь бы на житься, а какимъ грязнымъ путемъ—это все равно. И все это съ цѣлью вдоволь насладиться роскошью и изнѣженностью, насытить самыя низкия и животныя страсти. Картина не привлекательная, но клянусь, такова она на мои глаза. Пріѣзжайте сюда и, быть можетъ, вдали отъ тлетворного воздуха, васъ окружающаго, вы сами все увидите въ томъ же свѣтѣ».

Но возвратимся ко дню открытія Государственного Совѣта. Послѣ рѣчи императора, Сперанскій, назначенный государственнымъ секретаремъ и директоромъ комиссіи составленія законовъ ²⁾, прочиталъ ма-

¹⁾ Таковъ жестокій приговоръ судьбы, отъ которой все зависить.

²⁾ Указъ Государственному Совѣту 1-го января 1810 г. Архивъ Сената, копіи высочайшихъ повелѣній, кн. 304, листъ 8.

нифестъ, положеніе, списокъ предсѣдателей департаментовъ, списокъ членовъ Совѣта, списокъ секретарей и расписаніе дней присутствія. Императоръ Александръ вручилъ предсѣдателю Совѣта гр. Н. П. Румянцеву¹) проектъ первой части гражданскаго Уложенія и финансовый планъ. Это были первыя дѣла, предложенные на обсужденіе Совѣта. При Совѣтѣ состояли: государственная канцелярія, комиссія прошеній и комиссія составленія законовъ.

Характеръ дѣятельности новаго учрежденія довольно точно опредѣлялся его раздѣленіемъ на департаменты: 1) Законовъ, предсѣдателемъ котораго былъ назначенъ гр. Завадовскій; 2) дѣль Военныx хъ—предсѣдатель графъ Аракчеевъ; 3) дѣль Гражданскіхъ—предсѣдатель князь Лопухинъ и 4) Государственной экономіи—предсѣдатель Н. С. Мордвиновъ.

Всякій новый законъ, уставъ или образованіе новаго учрежденія должны были поступать на разсмотрѣніе Совѣта; но рѣшеніе его производилось въ исполненіе только по утвержденіи верховною властью.

Такимъ образомъ Государственный Совѣтъ становится посредникомъ между государемъ и министрами по всѣмъ частямъ управления и главныйшимъ образомъ по законодательной части. Всѣ дѣла поступали въ Совѣтъ черезъ государственного секретаря, который докладывалъ ихъ Совѣту, подносилъ журналы на высочайшее усмотрѣніе и сообщать высочайшую волю Совѣту.

Къ предметамъ занятій Государственного Совѣта относились вопросы объ объявленіи войны, заключеніи мира, «когда, впрочемъ, по усмотрѣнію обстоятельствъ, могутъ они подлежать предварительному общему соображенію».

Одною изъ главнейшихъ обязанностей Совѣта было разсмотрѣніе отчетовъ министерствъ, съ цѣлью, конечно, повѣрять правильность ихъ дѣйствий. Эта обязанность была встрѣчена весьма многими съ большимъ сочувствіемъ, такъ какъ самовластіе министровъ и ихъ безответственность уже успѣли оказать вредное влияніе на внутренній строй государства. «Хвалять,—писалъ изъ Москвы Ф. П. Ключаревъ министру полиціи А. Д. Балашову²),—учрежденіе Государственного Совѣта и радуются, что не черезъ министровъ пойдутъ дѣла». Впослѣдствіи оказалось, что радость эта была преждевременной.

Государственный Совѣтъ, по словамъ Сперанскаго³), былъ

¹) Въ укаzѣ Государс. Совѣту 1-го января было сказано: «Предсѣдателемъ Государственного Совѣта въ отсутствіе наше, повелѣваемъ быть государственному канцлеру графу Румянцеву». Арх. Сената, коні высоч. повелѣній, кн. 307.

²) Въ письмѣ отъ 30-го января 1810 г. „Русскій Арх.“ 1889 г. № 6, стр. 312.

³) Всеподд. отчетъ о дѣлахъ 1810 года. Сбор. Рус. Ист. общества, т. 21, стр. 458.

учрежденъ для того, чтобы власти законодательной, до сихъ поръ разбросанной, дать правильность, постоянство, твердость и однообразіе. Въ этомъ отношенія, спустя только годъ, по словамъ его, онъ, будто бы, исполнилъ уже свое назначеніе. Листъ императору Александру, Спенранскій слишкомъ увлекся и дошелъ до извращенія исторической истины.

«Никогда,—говорилъ онъ¹⁾,—въ Россіи законы не были разсматриваемы съ болѣшею зрѣльстью, какъ нынѣ; никогда государю самодержавному не представляли истины съ болѣшею свободою, такъ какъ никогда, должно правду сказать, самодержецъ не внималъ ей съ болѣшимъ терпѣніемъ. Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ самовластія къ истиннымъ формамъ монархическимъ. Два года тому назадъ умы самые смѣлые едва представляли возможнымъ, чтобы россійскій императоръ могъ съ приличіемъ сказать въ своемъ указѣ: въ явъ мнѣнію Совѣта; два года тому назадъ сіе казалось бы оскорблениемъ величества. Слѣдовательно, пользу сего учрежденія должно измѣрять не столько по настоящему, сколько по будущему его дѣйствію».

Современники рѣдко одѣниваютъ распоряженія правительства по будущей ихъ пользѣ. Охотниковъ на жертвы для будущаго поколѣнія всегда мало, и позднѣйшему историку не слѣдуетъ прилагать свою мѣрку въ оцѣнкѣ фактovъ и упрекать предковъ въ томъ, что они встрѣчали то или другое распоряженіе непріязненно. Люди всегда останутся людьми, своя рубашка ближе къ тѣлу, и тяжесть положенія непрѣбѣжно вызываетъ ропотъ; такъ и случилось. Новое образованіе Государственнаго Совѣта было встрѣчено не сочувственно обществомъ, главнымъ образомъ потому, что первымъ распоряженіемъ Совѣта было усиленіе податей и налоговъ. 2-го февраля 1810 г. былъ обнародованъ манифестъ, которымъ повелѣвалось прекратить выпускъ ассигнацій, признанныхъ государственнымъ долгомъ, объявлено сокращеніе расходовъ и возвышеніе податей. Для общества распоряженія эти являлись новою тягостью.

«Многіе простодушные,—писалъ Н. М. Карамзинъ²⁾,—впрочемъ не глупые, люди до нынѣ думаютъ, что совѣтники правительства въ семъ случаѣ имѣли свои тайные виды и хотѣли умышленно повредить государственному кредиту. Я пзыясняю себѣ загадку, какъ и въ другихъ случаяхъ, одною известною хвастливостью неосновательныхъ умовъ и не менѣе известною ихъ охотою умничать. Доселѣ назывались въ Россіи государственными долгами только тѣ суммы, которыя наше правительство занимало въ Голландіи или въ другихъ земляхъ; никто не при-

¹⁾) Всеподд. отчетъ о дѣлахъ 1810 г.

²⁾) Въ своей запискѣ „О древней и новой Россіи“ „Русский Арх.“ 1870 г. т. II, стр. 2307 и 2305.

числяль ассигнацій къ онѣмъ, и всякий считалъ ихъ деньгами, ибо онѣ служили какъ деньги въ куплѣ...

«Вмѣсто того, чтобы сказать просто: «необходимое умноженіе казенныхъ расходовъ требуетъ умноженія доходовъ, а новыхъ ассигнацій не хотимъ выпускать»—правительство торжественно объявило намъ, что ассигнаціи не деньги, но составляютъ необъятную сумму долговъ государственныхъ, требующихъ платежа металломъ, коего нѣть въ казлѣ!.. Слѣдствіемъ было новое возвышеніе цѣнъ на всѣ вещи и паденіе курса: первое отъ новыхъ налоговъ, второе отъ уменьшенія довѣрѣнности иноземцевъ къ нашимъ ассигнаціямъ, торжественно оглашеннымъ сомнительными векселями...»

«Умножать государственные доходы,—продолжалъ Н. М. Карамзинъ,—новыми налогами есть способъ весьма ненадежный и только временный. Земледѣлецъ, заводчикъ, фабрикантъ, обложенные новыми податями, всегда возвышаются цѣнны на свои произведения необходимыя для казны, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ открываются въ ней новые недостатки... Опять надоѣно умножать налоги и такъ до бѣзконечности».

Стѣсненіе виѣшней торговли и безпрерывныя войны, продолжавшіяся до 1810 года, разстроили государственные финансы, легли всею тяжестью на сельское населеніе. Цѣнность на всѣ предметы потребленія увеличивалась въ значительной степени, и само правительство откровенно заявляло въ манифестѣ, что разныя состоянія людей потерпѣли отъ сего великое отягощеніе. Подати стали поступать въ казну только на половину, а потомъ на одну четверть. Недостатокъ приходилось пополнять или внутренними займами или выпускомъ новыхъ ассигнацій. Къ 1810 году положеніе нашихъ финансовъ было самое печальное, и расходы превышали доходы «небѣжнымъ количествомъ», какъ выразился императоръ Александръ въ рескрипѣ князю Куракину¹⁾.

По предварительнымъ соображеніямъ, доходъ исчислялся въ 125.000.000, а расходъ въ 230.000.000, и такимъ образомъ недостатокъ простирался до 105.000.000. Сверхъ того число ассигнацій, признанныхъ государственнымъ долгомъ и обращавшихся внутри государства, простиралась до 577.000.000, для покрытія которыхъ не имѣлось ни малѣйшаго запаснаго фонда или какого-нибудь источника.

Въ виду такого положенія нашихъ финансовъ, подъ предсѣдательствомъ графа Завадовскаго былъ составленъ особый комитетъ, которому поручено было во что бы то ни было уменьшить издержки въ будущемъ 1810 году по всѣмъ министерствамъ. «Я приму,—писалъ Александръ тому же князю Куракину,—особымъ доказательствомъ истиннаго

¹⁾ Отъ 21-го декабря 1809 г. См. „Русскую Старину“ 1901 г. № 9, стр. 642.

усердія къ пользамъ государственнымъ, всякое сбереженіе и умѣреність въ піздержкахъ, которые министры найдутъ возможнымъ сдѣлать, каждый по своей части, хотя бы то было съ иѣкоторымъ стѣсненіемъ на 1810 годъ. Но стѣсненіе сіе спасетъ государство отъ самыхъ гибельныхъ послѣдствій упадающаго кредита». Уменьшеніе расходовъ не могло быть, конечно, значительно, не могло возстановить финансового равновѣсія, и потому императоръ принужденъ былъ обратиться къ пособію дворянства, коего ревность,—говорилъ онъ—и усердіе къ пользамъ отечества, во всѣхъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, всегда предшествовали всѣмъ другимъ состояніямъ и служили имъ примѣромъ и поощреніемъ.

«Дабы опредѣлить,—было сказано въ манифестѣ¹⁾,—сему пособію точную мѣру, полагается со всѣхъ помѣщичьихъ имѣній, не исключая и удѣльныхъ и прочихъ, императорской фамиліи принадлежащихъ, сократить единовременно и единственno на сей 1810 годъ умѣренную часть чистаго ихъ дохода, разчисляя онъ по количеству недвижимыхъ ихъ имуществъ, въ деревняхъ состоящихъ, по 50 коп. съ каждой ревизской души».

Манифестъ этотъ произвелъ сильное возбужденіе умовъ. Съ одной стороны, гласное сознаніе правительства, что финансы наши до сихъ поръ дурно управлялись, а съ другой, что отъ такого управления казна вовлечена въ значительные долги, на покрытіе которыхъ недостаточно обыкновенныхъ средствъ,—было для массы населенія непріятно и ошеломляюще новостью; люди же свѣдущіе отлично понимали, что объявленные налоги, по тогдашнему внутреннему и политическому положенію Россіи, не могутъ ограничиться однимъ 1810 годомъ, когда «отъ блокады всѣхъ пристаней, вывозъ нашихъ произведеній и вообще вся торговля почти совершино остановились». Такъ дѣйствительно и случилось. Манифестомъ 25-го января 1811 года, единовременные налоги 1810 года были обращены въ постоянные²⁾.

Ропотъ и неудовольствіе распространились среди всѣхъ сословій, и уѣдитъ ихъ въ необходимости этихъ мѣръ было трудно, такъ какъ послѣдующія события не облегчали, а увеличивали тяжесть положенія. Обѣщая прекратить выпускъ ассигнацій, правительство все-таки принуждено было въ томъ же 1810 году выпустить ихъ на сумму 43.060.000 руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ подушная и оброчная подати съ крестьянъ и мѣщанъ постепенно увеличивались; установлены были новые налоги: съ крестьянъ, торгующихъ въ обѣихъ столицахъ, съ иностраннныхъ ремесленниковъ, съ домовъ и купеческихъ капиталовъ.

¹⁾ Отъ 2-го февраля 1810 г. Полн. Собр. Законовъ, т. XXXI, № 24116.

²⁾ Полное Собр. Законовъ т. XXXI, № 24494.

Всльдъ за тѣмъ увеличены пошлины на гербовую бумагу и на бумагу для паспортовъ; увеличена цѣна на соль и пошлина на мѣдь, на продажу вина въ губерніяхъ малороссійскихъ, западныхъ и остзейскихъ, а таможенная пошлива вообще увеличена болѣе тѣмъ въ полтора раза.

Но и этихъ мѣръ оказалось недостаточно, и пришлось прибѣгнуть къ продажѣ государственныхъ имуществъ: лѣсовъ, арендныхъ и нѣкоторыхъ другихъ имѣній, съ ограниченіемъ, впрочемъ, что населенные крестьянами земли могли быть покупаемы только дворянами и купцами 1-ї гильдіи ¹⁾.

Предвидя, что манифестъ о налогѣ и послѣдующія распоряженія правительства къ пополненію государственной казны произведутъ не-пріятное впечатлѣніе на общество и въ особенности на жителей Москвы, императоръ писалъ графу Гудовичу и выражалъ надежду, «что сіе первое положеніе въ Государственномъ Совѣтѣ со времени новаго его образования, со всемо зрѣлостю соображенное, принято будетъ въ Москвѣ, при руководительствѣ вашемъ, въ настоящемъ его видѣ необходимости и истинной государственной пользы» ²⁾.

Препровождая же манифестъ о государственномъ займѣ, Александръ писалъ тому же графу Гудовичу ³⁾, — «что заемъ учреждается не для новыхъ расходовъ, но единственно для того, чтобы, уменьшивъ массу ассигнацій, возвысить изъ цѣну. Имущества, въ продажу назначаемыя, не уменьшать количества государственныхъ богатствъ. По трудности ихъ управленія, они никогда не приносили казнѣ важнаго дохода; въ частныхъ же рукахъ, они и государству будутъ полезнѣ. Впрочемъ, успѣхъ займа обезпеченъ предварительными соглашеніями съ капиталистами, и нарочитая часть его скоро пополнится. Симъ кредитъ государственный приобрѣтетъ новую силу и утвержденіе. Впослѣдовѣніи соединеніемъ мѣръ, конъ постепенно будутъ въ дѣйствіе приводимы, съ помощью Божію, достигнемъ мы той цѣли, чтобы поставить финансы наши на твердыхъ основаніяхъ».

Эти основанія могли утвердиться только съ исполненіемъ всего плана преобразованій, но императоръ Александръ сталъ охладѣвать къ нимъ, сталъ тяготиться ими. Новое учрежденіе Государственного Совѣта была одна изъ тѣхъ его прихотей, которая часто проявлялись въ немъ, «и онъ не успокоивался до тѣхъ поръ, пока его желанія не исполнялись. Когда же имъ овладѣвало такое неодолимое желаніе, то онъ не думалъ о томъ, будеть ли это хорошо или дурно, полезно или

¹⁾ Манифести 27-го мая и 10-го сентября 1810 г. Тамъ же, № 24244 и № 24346.

²⁾ Рескриптъ гр. Гудовичу, 3-го февраля 1810 г. „Сборникъ Археологическаго Института“, 1879 г. Кн. II, отдѣленіе II, стр. 51.

³⁾ Въ рескрипте отъ 3-го июня 1810 г. Тамъ же, стр. 53 и 54.

вредно; онъ заботился только объ устраниеніи всякихъ препятствій. Затѣмъ, достигнувъ цѣли, онъ успокаивался, становился иногда равнодушнымъ, а иногда впадалъ въ противорѣчіе съ самыми пламенными его желаніями»¹⁾). Подпись манифестъ объ образованіи Государственного Совѣта и положеніе о немъ, произнеся чувствительную рѣчь въ первомъ собраніи Совѣта, императоръ Александръ считалъ дѣло оконченнымъ, а Россію—получившую новыя либеральныя и лучшія установленія. Несмотря на данное обѣщаніе раздѣлять труды вмѣстѣ съ членами Государственного Совѣта, онъ присутствовалъ въ засѣданіи въ 1810 году только одинъ разъ, при разсмотрѣніи плана финансъ, а въ 1811 г. четыре раза, при обсужденіи проекта учрежденія Правительствующаго и Судебнаго Сената, о чемъ мы скажемъ ниже²⁾). Въ остальныхъ засѣданіяхъ его замѣнялъ графъ Румянцевъ.

«Въ сердцѣ императора,—писалъ де-Местръ³⁾,—тантся презрѣніе къ нынѣшнему устройству его Имперіи, и это чувство сильно благопріятствуетъ духу нововведеній... но когда дѣло доходитъ до приложенія и ему приходится дѣйствовать, то ему несчастливится, ибо на всѣхъ его дѣлахъ тяготѣеть какое-то проклятие. Его обвиняютъ въ недовѣрчивости, и дѣйствительно онъ недовѣрчивъ до крайности». Послѣдняя усиливалась подъ вліяніемъ всеобщаго ропота. Императора Александра тяготило то, что подданные не понимаютъ его благихъ намѣреній, но онъ не зналъ, отчего это происходитъ, не зналъ, что творилось внутри государства, и не подозрѣвалъ, какъ тяжело жилось всѣмъ сословіямъ. Весьма естественно, что при такихъ условіяхъ положеніе двухъ преобразователей должно было измѣниться: нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Александръ поторопилъ Сперанскаго скрѣйшимъ обнародованіемъ преобразованій, а теперь Сперанскій умолялъ государя докончить начатое;

«Въ 1810 году,—писалъ онъ⁴⁾,—положены одни первыя основанія. много начато и еще ничего не кончено... Отлагая до лучшихъ обстоятельствъ всѣ тѣ предположенія, кои собственно принадлежать къ устройству законодательного порядка, и ограничивъ себя на настоящее время однимъ устройствомъ порядка судебнаго и исполнительнаго»—

¹⁾ Mémoires de prince A. Czartoryski etc. Préface de M. de-Mazade. T. I 360.

²⁾ „Исторія образованія Государственного Совѣта въ Россії“, Даневскаго, стр. 81. Большая часть историковъ, повторяя слова М. А. Корфа, говорятъ, что Александръ присутствовалъ разъ въ недѣлю въ Общихъ Собраніяхъ Совѣта. Даневскій пользовался протоколами Совѣта, и потому мы остановились на его показаніи.

³⁾ Отъ 10-го (22-го) августа 1809 г. „Русский Арх.“, 1871 г. Т. I, 135.

⁴⁾ Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о дѣлахъ 1810 г., представленномъ императору Александру, 11-го февраля 1811 г. Сборникъ Императорскаго Русск. Историческаго Общества, т. XXI, стр. 458.

Сперанский считалъ необходимымъ: составить Уложение гражданское, судебное и уголовное; преобразовать Сенатъ въ судебный и правительственный; преобразовать губернскія учрежденія; принять мѣры къ погашенію долговъ, усилить государственные доходы введеніемъ новой переписи, учрежденіемъ поземельного сбора, улучшеніемъ устройства винныхъ откуповъ и доходовъ сть казенныхъ имуществъ.

«Можно съ достовѣрностью утверждать,—говорилъ Сперанский,—что безъ окончанія ихъ, ни порядка въ дѣлахъ, ни силы во внутреннемъ управлѣніи быть не можетъ; что, напротивъ, совершеніемъ ихъ, хотя бы даже и ничего не сдѣлано было въ устройствѣ порядка законодательнаго, Имперія поставлена будетъ въ положеніе столь твердое и надежное, что вѣкъ вашего величества всегда будутъ именовать вѣкомъ благословеннымъ¹⁾.

«Посему одно непрерывное стремленіе къ совершенію сихъ дѣлъ должно считать настоящимъ дѣломъ, достойнымъ вниманія вашего. Всѣ прочія внутреннія дѣла текущія суть только зло необходимое, и применѣтъ должно необходимое до тѣхъ поръ, доколѣ всѣ установленія, выше изображенныя, не устроются: ибо съ устройствомъ ихъ и самая дѣла текущія должны по всей необходимости исчезнуть или нарочито уменьшиться. И тогда одни дѣла воинскія и вѣнчанія политическія составлять будутъ предметъ упражненій вашего величества; внутреннія же гражданскія потекутъ сами собою и будутъ требовать одного верховнаго надзора и направлѣнія, не составляя, какъ нынѣ, ежедневной заботы и затрудненій. Таково есть пространство дѣлъ, къ окончанію предлежащихъ.

«Сколь дѣла сіи ни обширны, я надѣюсь, что виды вашего величества по всемъ симъ предметамъ будутъ съ точностью исполняться. Надежда сія утверждается болѣе тѣмъ, что я вошелъ уже, такъ сказать, въ существо ихъ; что матеріалы ихъ готовы и что, впрочемъ, по самому свойству своему, они между собою нераздѣльны».

На дѣльнадѣжды Сперанского не оправдывались. Не имѣя поддержки въ Александрѣ, онъ на первыхъ же порахъ встрѣтился противодѣйствіе въ старыхъ дѣльцахъ, каковыми были: Трощинскій, Мордвиновъ, Шишковъ, Философовъ и другіе.

Едва только была внесена въ Совѣтъ первая часть гражданскаго Уложения, какъ члены Совѣта стали требовать, чтобы въ подтверждѣніе каждой статьи были приведены русскіе законы, заявляя, что Уложение почерпнуто изъ Кодекса Наполеона и противно русскому духу. Шишковъ находилъ, что проектъ «даже по грамматической словесности»

¹⁾ Такимъ образомъ, титулъ Благословленнаго предсказанъ былъ императору Александру Сперанскому.

недостаточенъ; Трощинскій говорилъ, что первая часть Уложенія написана такъ, «чтобы, возмутъ море, утопить одну муху», а Философовъ, «видя, что Уложение составляется изъ иностраннныхъ, а не русскихъ законовъ, Ѳздилъ самъ къ государю и лично о семъ докладывалъ. Онъ говорилъ императору, что главный участникъ въ составленіи гражданскаго Уложения Розенкампфъ, нѣмецъ и не православнаго исповѣданія, то чтобы государь приказалъ вмѣсто него быть при докладѣ Уложения въ Совѣтъ Н. С. Ильинскому¹⁾.

Противъ Уложения возставали многія частныя лица и въ томъ числѣ Карамзинъ, хотя и не вполнѣ основательно. «Уже въ манифестѣ объявлено,—писалъ онъ²⁾,—что первая часть законовъ готова, что немедленно будутъ готовы и слѣдующія. Въ самомъ дѣлѣ, издаются двѣ книжки подъ именемъ проекта Уложения. Что же находимъ? Переводъ Наполеонова Кодекса!

«Какое изумленіе для россиянъ! Какая пища для злословія! Благодаря Всевышняго, мы еще не подпали желѣзному скіпетру сего завоевателя; у насъ еще не Вестфалія, не Итальянское королевство, не Варшавское герцогство, гдѣ Кодексъ Наполеоновъ, со слезами переведенный, служитъ уставомъ гражданскимъ. Для того ли существуетъ Россія, какъ сильное государство, около тысячи лѣть, для того ли около ста лѣть трудимся надъ сочиненіемъ своего полнаго Уложения, чтобы торжественно передъ лицомъ Европы признаться глупцами и подсунуть сѣду нашу голову подъ книжку, слѣпленную въ Парижѣ 6-ю или 7-ю экзѣ-адвокатами и экзѣ-якобинцами».

Подъ вліяніемъ ненависти къ Наполеону и оскорблennаго чувства национальной гордости, Н. М. Карамзинъ увлекся въ дальнѣйшемъ изложеніи до искаженія истинныи и исторической точности, до отрицанія даже существованія гражданъ въ Россіи³⁾. Для васъ не важны эти увлеченія, но важно то, что Карамзинъ являлся отголоскомъ общества и того, что чувствовалось и говорилось. Эти разговоры значительно замедляли дѣло преобразованій.

Сперанский объяснялъ ихъ только незнаніемъ общаго плана и отсутствиемъ способныхъ административныхъ дѣятелей.

— Тѣ,—говорилъ онъ императору Александру,—кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, какое Совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ вашихъ.

¹⁾ Записки Н. С. Ильинскаго, „Русскій Арх.“, 1879 г. Т. III, 433 и 434.

²⁾ Въ своей запискѣ „О древней и новой Россіи, въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ“. Записка эта вполнѣ и точно напечатана А. Н. Пыпиннымъ въ его книгѣ: „Общественное движение въ Россіи при Александрѣ I“, изд. 1900 г. Приложение, стр. 479—534.

³⁾ Подробный разборъ этой записи сдѣланъ А. Н. Пыпиннымъ въ выше названной книжкѣ, стр. 214—260.

не могутъ чувствоватьвать его важности. Они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается еще начало; они судять объ огромномъ зданіи по одному краеугольному камню. Но если бы зданіе сie и не совершилось, если бы политическія наши установленія и не двинулись впередъ, то и въ семъ предположеніи Совѣтъ есть уже весьма важное учрежденіе.

Осуждая большинство въ непониманіи истинныхъ пользъ сдѣланныхъ преобразованій, Сперанскій осуждалъ и наличный составъ членовъ Государственнаго Совѣта.

— Время,— говорилъ онъ,— съ какого начали у насъ заниматься публичными дѣлами, весьма еще не продолжительно; количество людей, кои въ предметахъ сихъ упражняются, вообще ограничено, и въ семъ ограниченномъ числѣ надлежало еще, по необходимости, избрать только тѣхъ, кои по чинамъ ихъ и званіямъ могли быть помѣщены съ приличіемъ. При семъ составѣ Совѣта нельзя, конечно, и требовать, чтобы съ первого шага поравнялся онъ въ правильности разсужденій и въ пространствѣ его свѣдѣній съ тѣми установленіями, кои въ семъ родѣ въ другихъ государствахъ существуютъ. Недостатокъ сей не можетъ, однако же, быть предметомъ важныхъ заботъ. По мѣрѣ успѣха въ прочихъ политическихъ установленіяхъ и сie учрежденіе само собою исправится и усовершится.

Но на усовершеніе никто однако же не разсчитавалъ и не надѣялся; всѣ видѣли одну ломку старыхъ учрежденій и ожидали еще большихъ безпорядковъ въ администрації.

«Въ продолженіе цѣлаго лѣта,—говорить Вигель¹⁾,—все государственное зданіе трещало и ломилось подъ всесокрушительною и всезиждательною десницею Сперанскаго».

П. В. Чичаговъ уѣхалъ даже за границу, чтобы, по его словамъ, вырваться изъ бездыны замѣшательства, неопытности, нелѣпости и самаго низкаго рабства. «Я бы долженъ быть воздержаться говорить объ этомъ,— писалъ онъ графу С. Р. Воронцову изъ Парижа²⁾,—по той причинѣ, что всѣмъ известно, что тамъ (въ Россіи) произошло, что происходитъ и къ чему все это должно привести, и потому, что у меня слишкомъ большое отвращеніе вспоминать события, которыя быль бы счастливъ забыть. Но, такъ какъ мнѣ нужно, чтобы вы знали о поведеніи, кото-раго я держался, я позволю себѣ описать нѣкоторые особые случаи, которые характеризуютъ общій ходъ дѣлъ.

«Удары власти неограниченной, произвольной и необдуманной уничтожили зарождающуюся промышленность, а нововведенія и постоянныя перемѣны окончательно поколебали то небольшое довѣrie, которое еще

¹⁾ Записки Вигеля, ч. III, 107.

²⁾ Въ письмѣ отъ 26-го марта. Архивъ князя Воронцова, т. XIX, стр. 168.

сохранялось къ распоряжениямъ правительства. Секретарь канцелярии графа Кочубея Сперанскій—главный авторъ указовъ. Вы можете судить, сколько человѣкъ, воспитанный въ такой школѣ, долженъ понимать въ подобныхъ дѣлахъ. Чтобы подтвердить примѣромъ то, что я выразилъ, стоитъ сказать, что это онъ предложилъ и составилъ указъ о камергерахъ и гражданскихъ чиновникахъ».

Видя въ этой реформѣ лишь плохое подражаніе тому, что дѣлается при французскомъ дворѣ, П. В. Чичаговъ признавалъ, что и новое образованіе Государственного Совѣта не болѣе какъ карикатура Совѣта во Франціи, карикатура не пригодная для Россіи.

Самъ Сперанскій зналъ, что его обвиняютъ въ подражаніи французскому образцу, но, прибавляяль онъ, «кромѣ раздѣленія дѣлъ ничего они не имѣютъ общаго»¹⁾). Современники же говорили, что это не подражаніе, а копія²⁾, что Государственный Совѣтъ учрежденъ для ограниченія монархической власти и совершенно непригоденъ для Россіи. Наслушавшись толковъ и пересудъ, извѣстный де-Местръ сожалѣлъ также, что Сперанскій, увлекшись быстротою работы, сталъ самъ вбрить во всесилie формы и ея пригодность. По словамъ де-Местра, Сперанскій смотрѣлъ на человѣка какъ на существо отвлеченное, никогда и нигдѣ не измѣняющееся, и для этого воображаемаго существа писалъ столь же воображаемыя планы государственного управлениія.

«Опытъ доказываетъ однако,—прибавляяль де-Местръ³⁾,—самымъ явнымъ образомъ, что каждый народъ имѣеть именно то правительство, которое онъ заслуживаетъ, такъ что всякий государственный проектъ, коль скоро онъ не вполнѣ гармонируетъ съ характеромъ націи—пагубная мечта».

Мечта эта лежала въ основѣ характера Александра, любившаго, по словамъ современника⁴⁾, «тѣшиться искусственнымъ изображеніемъ представительного правленія. Кому же лучше Сперанскаго можно было знать это? Государственный Совѣтъ и Правительствующій Сенатъ умѣль онъ въ глазахъ царя представить подобіемъ верхней и нижней камеръ парламента, тогдашихъ французскаго Сената и законодательнаго корпуса, тогда какъ они съ ними ничего не имѣли общаго. Совѣтъ былъ не что иное, какъ самъ Сперанскій, который предлагалъ

¹⁾) Письмо Сперанскаго императору Александру 5-го января 1813 года изъ Перми.

²⁾) Замѣчанія тайного совѣтника Старынкевича. Госуд. Арх. XI, № 1170.

³⁾) Въ письмѣ гр. Разумовскому въ іюнѣ 1810 г. Васильчиковъ, „Семейство Разумовскихъ“ т. II, 149.

⁴⁾) Записки Ф. Вигеля, часть III, 79.

въ немъ къ слушанію дѣла, потомъ, среди общаго молчанія членовъ, самъ разсуждалъ о нихъ и опредѣленія свои давалъ имъ подписывать.

Про Сперанскаго разсказывали въ обществѣ самыя несбыточныя вещи. Его считали ярымъ приверженцемъ Наполеона, человѣкомъ, возбуждающимъ недовѣріе и непріязнь подданныхъ къ своему государю ¹⁾, якобинцемъ, разрушающимъ государство, возгордившимся и зазнавшимся поповичемъ и проч.

Все это было хорошо известно самому Сперанскому.

«Христосъ Воскресе!—писалъ ему В. Н. Каразинъ ²⁾. Подъ симъ заглавиемъ всякой пишущій можетъ почитать себя равнымъ съ тѣмъ, кому онъ пишетъ. И для того я слышу воспользоваться столь благопріятнымъ временемъ, дабы не быть въ необходимости употреблять титуловъ «милостиваго государя» и «превосходительства», которые, не знаю почему, дики для моего сердца, писавши къ вамъ Михаило Михайловичъ.

«Мы были друзья нѣкогда. Не одно письмо отъ васъ я храню, гдѣ вы меня ³⁾... и единственнымъ, душевнымъ другомъ называете. Отчего все это перемѣнилось и до такой крайности? (я разумѣю здѣсь не молчаніе ваше на какое-нибудь одно или два мои письма; между вами и Магнитскимъ я умѣю дѣлать различіе; но напоминаю себѣ обѣдь въ домѣ вашемъ, при которомъ я только у стола былъ и при которомъ я увидѣлъ впервые, что вы меня изъ остатка лишь пристойности у себя терпите). Отчего?.. ⁴⁾ видно надобно искать причины въ обстоятельствахъ. Тщетно я ищу ее въ самомъ себѣ. Я могъ быть легкомысленъ, затѣйливъ и проч., и проч. Но черенъ, или съ какой другой стороны недостоинъ прежнихъ чувствованій вашихъ... ⁵⁾ никогда.

«Было время, въ которое черезъ меня же о васъ, т. е. обѣ истинныхъ вашихъ достоинствахъ ⁶⁾, едва ли не впервые съѣдали: ибо я смѣлъ говорить о васъ съ тѣмъ жаромъ, къ которому дружба лишь способна, когда меня спрашивали о связяхъ моихъ. Это, впрочемъ, какъ было до нынѣ, такъ и будетъ только Богу известно.

«Теперь дѣло не о томъ—вы многомогуши...»

Не одинъ В. Н. Каразинъ называлъ Сперанскаго гордымъ и зазнавшимся и не одинъ онъ завидовалъ его быстрому возвышенію. Сперанскій былъ въ это время на вершинѣ своей славы: онъ былъ государственнымъ секретаремъ, директоромъ комиссіи составленія зако-

¹⁾ Записки Бакуниной „Русс. Стар.“ 1885 г. № 9, стр. 394. Воспоминанія Ф. Булгарина, ч. V, стр. 319 и 320.

²⁾ Отъ 18-го апрѣля 1810 г. „Русс. Старина“ 1872 г. т. V, изд. 2-е, стр. 82.

³⁾ ⁴⁾ и ⁵⁾ Точки въ подлиннике.

⁶⁾ Не о лицѣ, которое, конечно, было известно. Примѣч. Каразина.

новъ, управляющимъ дѣлами Финляндіи, докладчикомъ по дѣламъ путей сообщеній и единственнымъ посредникомъ между государемъ и высшими государственными учрежденіями. Сверхъ того, императоръ Александръ весьма часто требовалъ его письменныхъ манифестовъ по разнымъ политическимъ вопросамъ, и Сперанскій среди своей колоссальной работы писалъ обширные записки, свидѣтельствовавшія, что ему было близко извѣстно тогдашнее политическое положеніе Россіи¹⁾). Въ его лицѣ сосредоточивалось все управление государствомъ, его считали временщикомъ, и завистники распускали о немъ самые невыгодные слухи, ходившіе по всей Россіи. Злословіе ставило Сперанскаго въ крайне тяжелое, можно сказать, опасное положеніе, и онъ сталъ думать о томъ, какъ бы снять съ себя всѣ нареканія.

«Когда вашему величеству,—писалъ онъ²⁾,—угодно было возложить на меня званіе государственного секретаря, я считалъ тогда невозможнымъ отъ сего уклониться. Можетъ быть, въ началѣ сего установленія было и нужно, чтобы я понесъ сіе бремя, но теперь Совѣтъ принялъ уже свой ходъ. Званіе государственного секретаря, отдѣльно взятое, не трудно; но соединенное съ званіемъ директора комиссіи (законовъ) и въ связи съ работами вышеприведенными (по преобразованіямъ) весьма тягостно и для силъ моихъ почти невозможно.

«Не скрою здѣсь, что раздѣленіе сихъ должностей имѣло бы еще другія личныя для меня выгоды.

«Меня укоряютъ, что я стараюсь всѣ дѣла привлечь въ однѣ руки. Вашему величеству извѣстно, сколь укоризна сія въ существѣ ея несправедлива; но во вѣнчаніи ея видѣ она имѣеть всѣ вѣроятности. Представляясь поперемѣнно, то въ видѣ директора комиссіи, то въ видѣ государственного секретаря, являясь по повелѣнію вашему, то съ проектами новыхъ государственныхъ постановленій, то съ финансовыми операциами, то со множествомъ текущихъ дѣлъ, я слишкомъ часто и на всѣхъ почти путяхъ, встрѣчаюсь и съ страстями, и съ самолюбіемъ, и съ завистью, а еще болѣе съ неразумѣніемъ. Кто можетъ устоять противъ всѣхъ сихъ встрѣчъ? Въ теченіе одного года я поперемѣнно былъ мартинистомъ, поборникомъ масонства, защитникомъ вольности, гонителемъ рабства и сдѣлался, наконецъ, записнымъ пллюннатомъ. Толпа подьячихъ преслѣдовала меня за указъ 6-го августа³⁾ эпиграммами и карикатурами; другая такая же толпа вѣльможъ со всею ихъ свитою, съ женами ихъ и дѣтьми, меня, заключеннаго въ моемъ

¹⁾ Нѣкоторыя изъ этихъ записокъ напечатаны нами въ „Русской Старинѣ“, а другія мы приведемъ виослѣдствіи.

²⁾ Во всеподданнейшемъ отчетѣ о дѣлахъ 1810 г. „Сборникъ Императ. Русск. Исторического Общества“, т. XIX, стр. 458 и слѣдующія.

³⁾ О чинопроизводствѣ.

кабинетѣ, одного, безъ всякихъ связей,—меня, ни по роду моему, ни по имуществу не принадлежащаго къ ихъ сословію, цѣлыми родами преслѣдуютъ, какъ опаснаго уновителя. Я знаю, что большая ихъ часть и сами не вѣрятъ симъ нелѣпостямъ, но, скрывая собственныя ихъ страсти подъ лициною общественной пользы, они личную свою вражду стараются украсить именемъ вражды государственной. Я знаю, что тѣ же самые люди превозносили меня и правила мои до небесь, когда предполагали, что я во всемъ съ ними буду соглашаться, когда воображали найти во мнѣ послушнаго клиента и когда польза ихъ страстей требовала противоположить меня другому. Я былъ тогда одинъ изъ самыхъ лучшихъ и надежнѣйшихъ исполнителей; но какъ скоро движениемъ дѣлъ приведенъ я былъ въ противоположность имъ и въ разномыслie, такъ скоро превратился въ человѣка опаснаго и во все то, что вашему величеству извѣстно болѣе, нежели мнѣ.

«Въ семъ положеніи мнѣ остается или уступить имъ или терпѣть ихъ гоненія. Первое я считаю вреднымъ службѣ, унизительнымъ для себя и даже опаснымъ. Дружба ихъ еще болѣе для меня тягостна, нежели разномыслie.

«Къ чѣму мнѣ раздѣлять съ ними духъ партій, худую ихъ славу и то пренебреженіе, коимъ они покрыты въ глазахъ людей благомыслящихъ? Слѣдовательно, остается мнѣ выбрать второе. Смѣю мыслить, что терпѣніе мое, время и опытъ опровергнутъ всѣ ихъ павѣты. Удовствованъ я также, что одно слово ваше всегда довѣрѣтъ поразить ихъ покушенія.

«Но къ чѣму, всемилостивѣйшій государь, буду я бременить васъ своимъ положеніемъ, когда есть самый простой способъ изъ него выйти и разъ навсегда прекратить тягостная для васъ и обидная для меня нареканія. Способъ сей состоить въ томъ, чтобы, отдѣливъ званіе государственного секретаря и сложивъ съ меня дѣла финляндскія, оставить меня при одной должности директора комиссіи. Тогда:

1) Зависть и злорѣчие успокоятся. Они почтутъ меня нисправергнутымъ, я буду смыться ихъ побѣдѣ, а ваше величество разъ навсегда освободите себя отъ скучныхъ предположеній. Симъ приведенъ я буду пока въ то счастливое положеніе, въ коемъ быть всегда желалъ, чтобъ весь плодъ трудовъ моихъ посвящать единственно вамъ, не ища ни шума, ни похвалъ, для меня совсѣмъ чуждыхъ. Смѣю привести здѣсь на память тотъ девизъ, который нѣкогда вамъ понравился: *j'ai desiré de faire du bien, mais je n'ai pas desiré de faire du bruit, parceque j'ai senti que le bruit ne fairait pas de bien, comme le bien ne fairait pas de bruit*¹⁾.

¹⁾ Я желалъ сдѣлать добро, но не хотѣлъ дѣлать шума, потому что я чувствовалъ, что шумъ не сдѣлалъ бы добра, такъ же, какъ добро не сдѣлало бы шума.

2) Тогда, и сie есть самое важнѣйшее, буду я въ состояніи обратить все время, всѣ труды мои на окончаніе предметовъ выше изображеныхъ (преобразованій), безъ коихъ, еще разъ смѣю повторить, всѣ начинанія и труды ваши будуть представлять зданіе на пескѣ.

«Изъ сего ваше величество усмотрѣть изволите, что не охлажденіе къ дѣламъ, но самая польза и успѣхъ дѣлъ заставляютъ меня желать и просить сего раздѣленія. Не отъ трудовъ, не отъ службы (сколько, впрочемъ, она для меня ни тѣгостна и по стѣсненному положенію домашнихъ экономическихъ моихъ дѣлъ, и по личнымъ непріятностямъ) я ишу симъ уклониться, но желаю и ищу дать времени моему лучшее и полезнѣйшее употребленіе.

«Простите мнѣ, ваше величество, еще одно откровенное здѣсь изъясненіе. Изъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ счастіе къ вамъ приближаться, я имѣль случай, можетъ быть болѣе другихъ, познать силу и пространство вашихъ мыслей и желаній, не въ подробностяхъ ежедневныхъ текущихъ дѣлъ, но въ самыхъ коренныхъ истинахъ, на коихъ стоятъ государства.

«Слѣдовательно, доколѣ истины сіи будутъ составлять главный предметъ вашихъ намѣреній, доколѣ останется самый слабый лучъ надежды въ ихъ исполненіи, доколѣ могу я хотя нѣсколько быть для сего полезнымъ: дотолѣ никакія уваженія, никакія непріятности не превозмогутъ надъ моимъ желаніемъ видѣть ихъ событіе».

Прочитавъ эту исповѣдь и не находя тогда ни повода, ни основанія удалять отъ себя Сперанского, какъ это сдѣлалъ впослѣдствіи, въ 1812 г., императоръ Александръ поручилъ ему продолжать начатыя преобразованія. Сперанскій повиновался.

Еще 25-го іюля 1810 года было обнародовано особое раздѣленіе дѣлъ въ порядкѣ исполнительному, и всѣ дѣла были распределены между 12 министерствами.

Въ началѣ же 1811 года Сперанскій представилъ проектъ новаго образованія Сената правительствующаго и судебнаго и считалъ утвержденіе его дѣломъ первостепенной важности.

«Здѣсь хотять насъ увѣрить,—писалъ Сперанскій еще 9-го августа 1809 года А. А. Столыпину¹⁾,—что Сенатъ вашъ есть самый высшій образецъ благоустроенного судилища. Вы знаете, склоненъ ли я симъ чудесамъ въ Россіи вѣрить; но по опыту я знаю, что когда люди пустятся защищать что-либо неимовѣрное, то спорить съ ними не должно; а надобно дать пройти этой горячкѣ, и они сами образумятся. Много уже пережилъ я сихъ странныхъ предубѣждений и сie переживу, да и

¹⁾ „Русский Арх.“ 1870 г. № 4 и № 5, стр. 881.

само оно, кажется, близко къ своему паденію. Еще четыре мѣсяца, и къ новому году надобно ожидать въ сей части совсѣмъ другаго порядка».

«Къ новому году,—писалъ онъ въ другомъ письмѣ ¹⁾,—все Уложеніе будетъ непремѣнно кончено и Сенатъ преобразованъ».

Проектъ о преобразованіи Сената былъ разсмотрѣнъ въ особомъ комитетѣ, составленномъ изъ графа Завадовскаго, князя Лопухина и графа Кочубея. По одобрѣніи ими, проектъ былъ напечатанъ и въ началѣ іюня 1811 года внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Тамъ онъ встрѣтилъ горячія и рѣзкія пренія и былъ задержанъ. «Сенатъ нашъ остановился,—писалъ Сперанскій А. А. Столыпину ²⁾,—и ни съ мѣста; еще по крайней мѣрѣ годъ будетъ въ семъ положеніи».

За то 25-го іюня 1811 года было обнародовано Общее учрежденіе министерствъ, въ которомъ былъ объявленъ и наказъ министрамъ. Цѣллю всѣхъ этихъ преобразованій было: установить единообразіе и порядокъ въ государственномъ управлениі; сосредоточить дѣла, относящіяся къ законодательству; сократить и облегчить движеніе дѣлъ и въ производствѣ ихъ дать болѣе единообразія и, наконецъ, означить съ точностью предѣлы власти министровъ и ихъ ответственность.

«Благія сія намѣренія,—говорилъ Д. П. Троцкій ³⁾,—дѣйствительно возбуждены были существовавшимъ въ то время положеніемъ вещей; но мѣры, принятые къ приведенію ихъ въ исполненіе, какъ въ образованіи Государственнаго Совѣта, такъ и въ общемъ учрежденіи министерствъ, должны были произвестъ совершенно противное дѣйствіе.

«Устройство центральнаго управлениія, правящаго дѣлами всей Имперіи, заслуживаетъ безъ сомнѣнія величайшаго вниманія, но еще болѣе заслуживаетъ уваженія устройство мѣстныхъ управлений, коимъ въ каждой губерніи, въ каждомъ уѣздѣ, въ каждомъ городѣ и въ каждомъ селеніи ввѣряется исполненіе предписаній правительства, и коимъ производять ближайшее и непосредственнѣйшее вліяніе на благосостояніе жителей всѣхъ классовъ.

«Частный человѣкъ, въ отношеніяхъ своихъ къ правительству, не иначе можетъ быть притѣсненъ, какъ посредствомъ дѣйствія мѣстнаго управлениія; въ отношеніяхъ гражданскихъ, онъ не иначе можетъ быть

¹⁾ Отъ 13-го сентября 1810 г. Тамъ же, стр. 882.

²⁾ Отъ 24-го октября 1811 г. Тамъ же, стр. 884.

³⁾ Въ запискѣ: „О неудобствахъ, происходящихъ отъ государственного управлениія въ формѣ единоличной“ и проч. Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общ., т. III, стр. 98.

защищень отъ притѣсненій частнаго же человѣка и удовлетворенъ за понесенный ему вредъ, какъ посредствомъ дѣйствія мѣстнаго же управлениія. Слѣдовательно, въ большей части случаевъ, во всякое время и на всемъ пространствѣ Имперіи благосостояніе, спокойствіе, собственность, честь и даже жизнь главнѣйшей части жителей государства зависятъ почти исключительно отъ мѣстныхъ управлений.

«Если мѣстныя управлениа устроены сообразно центральному управлению, равно какъ физическому и политическому положенію того мѣста, для котораго они установлены,—правительство дѣйствуетъ тогда съ увѣренностью во всѣхъ своихъ предположеніяхъ; частные же люди безопасны отъ злоупотребленій власти чиновниковъ. Если же, напротивъ, мѣстныя управлениа устроены несообразно центральному управлению, равно какъ физическому и политическому положенію мѣста, для коего они установлены,—самая благотворная предписанія правительства обращаются тогда въ источникъ разорительнѣйшихъ стѣсненій, и частные люди пользуются дарованными имъ правами въ такой только степени, до какой пожелаютъ допустить ихъ правительственные чиновники.

«Въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ частные люди обладаютъ средствами чинить сопротивленіе злоупотребленіямъ чиновниковъ, большого труда стоитъ удержаться худому мѣстному управлению. Ежели оное и поддерживается иѣкоторое время, вопреки желанія жителей, то оно наносить вредъ одному только правительству, возбуждая неудовольствіе, имѣющее средства обратиться въ открытое сопротивленіе. Но въ Россіи, въ которой государь есть единственный покровитель народа, и въ которой худое мѣстное управление можетъ задавить частнаго человѣка прежде, нежели голосъ его будетъ услышанъ правительствомъ,—самое устройство мѣстнаго управлениа должноствуетъ представлять обеспеченіе, т. е. мѣстное управление должно быть устроено такъ, чтобы никакой чиновникъ не могъ ничего дѣлать по самопроизволенію; чтобы, въ случаѣ желанія поступить самопроизвольно, удерживаемъ быль бдительнымъ надзоромъ со стороны государя, какъ единственнаго покровителя народа, и чтобы частный человѣкъ, въ случаѣ притѣсненія, увѣренъ быль найти близъ самаго мѣста своего жительства защитника, непрестанно бдящаго объ его безопасности».

Изъ всего этого видно, что наибольшая нужда была въ преобразованіи низшихъ, чѣмъ высшихъ центральныхъ управлений, а между тѣмъ, они были оставлены въ прежнемъ и, какъ намъ извѣстно, далеко не устроенному положеніи.

Положеніе о Государственномъ Совѣтѣ не было согласовано съ положеніемъ общаго образованія министерствъ и Комитета министровъ. По положенію Совѣта все дѣла законодательныя должны были разсма-

трявателься имъ, а по Положенію министерствъ не было указано ни одного дѣла по законодательной части, по которому министръ не могъ бы испросить высочайшаго повелѣнія. Министры могли не присутствовать въ Комитетѣ лично, а сноситься съ нимъ письменно. Въ главномъ теченіи дѣлъ Сенатъ былъ устраниенъ, потерялъ свое значеніе, и ему предоставлено было только обнародовать выходящіе изъ министерствъ указы. Въ одномъ параграфѣ Положенія о министерствахъ было сказано, что гражданскіе губернаторы не имѣютъ права входить съ представленіемъ къ министру помимо генералъ-губернатора, а въ другомъ—имъ предоставлено право сноситься, когда пожелаютъ, прямо съ министромъ. Такихъ противорѣчивыхъ параграфовъ было несолько, но, не перечисляя ихъ, должно сказать, что въ дѣлопроизводствѣ не было ни порядка, ни единообразія; дѣла одного и того же рода производились разными властями, безпрестанно сталкивавшимися между собою и пререкавшимися.

Наказъ министрамъ, имѣвшій цѣлью опредѣлить степень и предѣлъ ихъ власти, на самомъ дѣлѣ предоставлялъ имъ власть безпредѣльную. Они могли распоряжаться самовластно, и жаловаться на ихъ произволъ было некому. Это самовластіе повело къ тому, что въ самомъ непродолжительномъ времени даже и Государственный Совѣтъ подчинился Комитету министровъ.

«Министры,—говорить Н. С. Мордвиновъ¹⁾,—дабы отклонить возложенную на нихъ учрежденіемъ отвѣтственность, открыли легчайшій къ тому способъ въ самомъ учрежденіи Комитета министровъ. Они приняли правиломъ вносить въ онъ на утвержденіе всѣ дѣла, до управленія ихъ касающіяся, сперва по важнѣйшимъ предметамъ, а, наконецъ, всѣ безъ изъятія и самыя мелочныя, дабы никогда и ни за что не отвѣтчать, какія бы послѣдствія отъ ихъ предположеній и представлений ни оказались; ибо каждое ихъ дѣйствіе, будучи разрѣшено общимъ словоемъ министровъ и утверждено высочайшею властью, до нихъ лично коснуться не можетъ».

Въ Комитетъ министровъ стали поступать почти всѣ дѣла: тяжебные, законодательные, судные, распорядительные, и онъ представлялъ собою полное смѣщеніе самыхъ разнообразныхъ дѣлъ.

Преобразованія остановились. Сперанскій не только былъ удаленъ, но и сосланъ. Комитетъ министровъ сталъ высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, гдѣ «дѣла всякаго рода, и малыя и большія, судебныя и правительственные, решались по голосамъ, и голоса сіи издавались во всеобщее извѣстіе. Между тѣмъ ни составъ сего мѣста, ни порядокъ, ни власть его, ни предѣлы, ни отношенія его къ другимъ установлены».

¹⁾ Иконниковъ, «Графъ Мордвиновъ», стр. 544.

віямъ не были опредѣлены никакими гласными учрежденіями (положеніями)»¹⁾.

Такимъ образомъ въ администрації произошла полная путаница понятій и распоряженій. Доклады представлялись безъ справокъ и безъ приведенія соотвѣтствующихъ статей законовъ, и дѣла решались по усмѣтрѣнію присутствовавшихъ въ засѣданіяхъ. Комитетъ министровъ за-владѣлъ всею законодательною властью, сталъ верховнымъ министерствомъ и, устранивъ Государственный Советъ и Сенатъ, захватилъ въ свои руки дѣла, подлежащія ихъ решенію. Своеволіе и безпредѣльность власти министровъ остались тѣ же, что и прежде, и весь ходъ административной машины не улучшился, а сталъ еще хуже и неопредѣленіе.

Кого винить въ этомъ? Планъ преобразованій, задуманный Сперанскимъ, по глубинѣ мысли и обширности взгляда автора, опередилъ современниковъ болѣе, чѣмъ на полстолѣтіе, но надо сознаться, что Россія тогда была еще не готова принять формы правленія, предлагаемыя Сперанскимъ.

Въ нѣсколькихъ предыдущихъ главахъ мы изложили степень образования того общества, которому предлагалось новое правленіе, а здѣсь приведемъ слова г-жи Сталь.

«Большая часть русскихъ аристократовъ,—пишетъ она,—говорить такъ красиво и съ такимъ приличіемъ, что на первый разъ часто впадаешь въ иллюзію относительно степени ума и знанія у людей, съ которыми говоришь. На минуту можно почувствовать себя хорошо въ этой блестящей атмосферѣ, которая пріятно развлекаетъ; но въ концѣ концовъ, въ ней нельзя ничему научиться, нельзя развивать своихъ способностей, и люди, проводящіе время такимъ образомъ, не приобрѣтаютъ никакой способности ни къ умственному труду, ни къ дѣламъ».

По словамъ Сталь, русскіе дворяне, въ особенности аристократія, привыкли быть неограниченными господами своихъ крестьянъ и желали, «чтобы монархъ въ свою очередь былъ всемогущимъ», для поддержанія ихъ деспотизма.

Этотъ деспотизмъ таился и въ душѣ Александра, при всѣхъ его либеральныхъ мечтаніяхъ. Увлекшись отвлеченною идеею быть благодѣтелемъ своего народа, воспитанный республиканцемъ, мечтавшій о конституціи и даже о представительномъ правленіи, Александръ одобрилъ и самъ развивалъ планъ Сперанского, но какъ только онъ сталъ исполняться на дѣлѣ, императоръ какъ бы опомнился, не желалъ по-

¹⁾ В. Г. Щегловъ: „Государственный Советъ въ Россіи“, изданіе 1892 г., т. I, стр. 914—917.

ступиться своею властью и стать прислушиваться къ слухамъ, утверждавшимъ его въ томъ, что въ проектѣ Сперанского есть посягательство на ограничение его власти. Есть поводъ къ заключенію, что Александру не особенно нравилось начинать свои манифесты словами: «Внявъ мнѣнію Государственного Совѣта», и, впослѣдствіи онъ уклонился отъ этой фразы, просуществовавшей, и то не всегда, два съ половиною года. Соглашаясь въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ мнѣніемъ меньшинства членовъ Совѣта, и, утверждая его, онъ, конечно, не винилъ общему мнѣнію Совѣта, а поступалъ, какъ монархъ неограниченный и самодержавный.—Въ этой чертѣ характера государя и слѣдуетъ искать того, что онъ скоро охладѣлъ къ начатымъ преобразованіямъ и, не уступая просьбамъ Сперанского, не поддерживалъ его въ борьбѣ со старыми дѣльцами, явившимися его противниками.

Сперанскій желалъ дать Россіи въ цѣломъ то, что по частямъ осуществлялось почти въ теченіе цѣлаго вѣка, да и до сихъ поръ еще вполнѣ не осуществилось. — Но онъ былъ одинъ и не имѣлъ поддержки.—«У Сперанского,—какъ говорить историкъ (А. Н. Пыпинъ),—не было умѣнья бороться съ интригою, отъ которой онъ и палъ, не было желанія устранить своихъ враговъ»,—онъ вполнѣ положился на поддержку Александра и впослѣдствіи увидѣлъ всю непрочность такой опоры.—Сперанскій умолялъ императора докончить начатое, но голосъ его и просьба остались одинокими. Работая безъ устали, онъ одинъ, безъ всякой посторонней помощи, въ два года написалъ и частію осуществилъ планъ всеобщаго государственного управлѣнія, Положеніе о Государственномъ Совѣтѣ, Сенатѣ, Общее учрежденіе министерствъ, Наказъ министрамъ и, несмотря на упреки въ заимствованіи изъ французскихъ уставовъ, далъ имъ такое направлѣніе, которое, съ незначительными измѣненіями, сохранилось почти до нашихъ дней.—Выдающійся организаторъ, Сперанскій предлагалъ императору избѣгать всякой торопливости, открывать новыя учрежденія только тогда, когда все образование будетъ готово, переходъ отъ старыхъ учрежденій къ новымъ дѣлать постепенно, такъ чтобы имѣть возможность остановиться и сохранить въ силѣ прежній порядокъ, если бы для введенія нового встрѣтились неодолимыя препятствія. Но для всего этого необходимо было время, твердость, упорство и настойчивость. Александръ же постоянно колебался между мыслю и дѣйствительнымъ ея исполненіемъ.

«Признаюсь,—писалъ князь А. Чарторыйскій въ одномъ изъ писемъ государю ¹⁾,—что я увидѣлъ слишкомъ быть можетъ поздно и съ глубокимъ прискорбиемъ, что ваше величество не составили себѣ

¹⁾ Въ апрѣлѣ 1806 г. «Русскій Арх.» 1871 г. Т. I, стр. 722—746.

рѣшительнаго убѣжденія на счетъ предметовъ, занимавшихъ вашъ кабинетъ.

«Разобравши дѣло во всѣхъ подробностяхъ, условившись съ вами въ принципіѣ, ваше величество, по прошествіи иѣкотораго времени, приходили въ колебаніе, предавались сожалѣніямъ тягостнымъ для васъ, но еще болѣе для вашего кабинета.—Въ то время, когда, по собственнымъ вашимъ рѣшеніямъ, событія уже принимали опредѣленное направлѣніе, намъ приходилось все передѣливать съизнова, какъ будто бы ничего не было ни рѣшено, ни условлено.—Мы никогда не были увѣрены въ своей исходной точкѣ и лишь только пускались въ исполненіе данныхъ намъ приказаний, вновь возникали сомнѣнія, и всѣ основы нашей дѣятельности приходили въ колебаніе..... Ваше величество удостопрѣвъ своего довѣрія, для составленія обширнаго плана, извѣстное число лицъ, перестали ихъ слушать, какъ только было приступлено къ его исполненію.—Никогда ваше величество не оказываете полнаго довѣрія, и вотъ, можетъ быть почему, ничто не приходило къ желаемому концу.... Когда дѣла ведутся, и съ людьми обращаются такъ, какъ это было испытано нами, то теряется желаніе, едва поворачивается языкъ предлагать совѣты, не хочется настаивать на ихъ принятіи, утрачивается всякая надежда на правильное ихъ исполненіе.—Государю также весьма нужно внушать довѣріе.—Вашему величеству, если смѣю такъ выразиться, слѣдовало ободрять, примирять, вызывать совѣты, разбирать ихъ съ участіемъ и обдуманностю.—Дѣло въ томъ, что вы не хотите ихъ принимать, не придавая имъ ни цѣны, ни довѣрія».

Современники обвиняли Сперанского въ недосмотрахъ, а между тѣмъ, среди своей колоссальной работы, онъ ежедневно докладывалъ государю о самыхъ важныхъ дѣлахъ и писалъ записки по разнымъ политическимъ вопросамъ. Не слѣдовало ли облегчить Сперанского и передать разработку частностей другимъ лицамъ? Онъ самъ просилъ о томъ и признавалъ незаконченность и несовершенство составленныхъ имъ положеній, просилъ дать ему время и настоять, чтобы новая учрежденія велись «единобразно и неослабно». На пора увлечений миновала, голодъ его не былъ услышанъ, и де-Местръ былъ правъ, говоря, что на всѣхъ преобразованіяхъ Александра лежитъ какое-то проклятие.

Были и современники, которые отдавали должное блестящему организаторскому таланту Сперанского. — Такъ И. И. Дмитревъ въ своихъ запискахъ¹⁾ говорить, что всегда находилъ въ Сперанскомъ просвѣщеніе, благородство и привѣтливость. — Хотя впослѣдствіи между ними и произошло охлажденіе, «но это не мѣшало мнѣ,—пишетъ Дмитревъ,—отдавать ему полную справедливость и желать искренно, чтобы

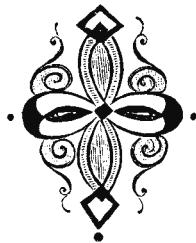
¹⁾ Взглядъ на мою жизньъ, стр. 199.

важный трудъ его, новое Уложеніе, которому онъ посвятилъ свои способности, лучшіе годы жизни своей, усовершенный Государственнымъ Совѣтомъ и впослѣдствіи собственной опытностью, скорѣе былъ довершеннъ и обнародованъ.—Тогда имя его дошло бы до потомства».

Желаніе Дмитріева исполнилось: имя Сперанского всегда сохранится въ исторіи, какъ выдающагося организатора и лучшаго сына Россіи.—Потомки сожалѣютъ и будутъ сожалѣть только о томъ, что ему не было оказано помощи и возможности окончить начатое и привести свой планъ въ исполненіе.—Разочарованный, подъ впечатлѣніемъ первыхъ слуховъ и разсказовъ, мимою неблагодарностью своихъ подданныхъ, Александръ уклонился отъ начатыхъ преобразованій и всесѣло обратилъ свое вниманіе на подготовку борьбы съ Наполеономъ, его сердечнымъ врагомъ.

Н. Дубровинъ.

(П р о д о л ж е н і е с л ё д у е тъ).

Нотное пѣніе въ церквахъ.

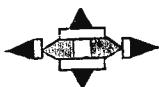
Предложение князя А. Н. Голицына Святѣшему Правительствующему Синоду.

10-го января 1816 г. № 29.

Государь императоръ, извѣстясь, что во многихъ церквахъ поютъ по нотамъ, не соотвѣтственно тому роду пѣнія, какое можетъ быть принято въ церквахъ, высочайше повелѣлъ, дабы впредь не вводить въ употребленіе тетрадей рукописныхъ, кои отнынѣ строжайше запрещаются, но все, что ни поется въ церквахъ по нотамъ, должно быть печатное и состоять или изъ собственныхъ сочиненій директора придворнаго пѣвческаго хора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бортнянскаго, или и другихъ извѣстныхъ сочинителей, но сихъ послѣднихъ сочиненія непремѣнно должны печатаемы быть съ одобреніемъ г. Бортнянскаго.

Его императорское величество изъявилъ при томъ волю свою, чтобы на преосвященныхъ епархіальныхъ архіереевъ возложено было строгое и неослабное смотрѣніе за тѣмъ, чтобы кромѣ печатныхъ нотъ отнюдь не были въ церквахъ ихъ вѣдомства вводимы тетради рукописныя.

Объявляя высочайшее его императорскаго величества повелѣніе Святѣшему Синоду, имѣю честь присовокупить для свѣдѣнія, что вмѣстѣ съ симъ я отнесся къ г. управляющему министерствомъ полиції объ учрежденіи циркулярныхъ по гражданскому управлѣнію предписаній относительно непечатанія впредь нотныхъ церковныхъ сочиненій, безъ одобренія директора придворнаго пѣвческаго хора.

Кончина А. С. Грибоедова по армянскимъ источникамъ.

(Изъ сочиненія Галуста Шермазаняна¹⁾: „Материалы для національной истории“).

внутъ мирза Якубъ - Маркарянъ родился въ Эривани отъ скромныхъ, но довольно известныхъ въ этомъ городѣ родителей. Онъ сталъ изучать древне-армянскій языкъ еще въ Эривани и затѣмъ для усовершенствованія отправился въ Эчміадзинъ къ одному изъ учениковъ известнаго въ то время Бертуміана.

Въ 1804 году во время осады крѣпости Эривани, когда конный отрядъ грузинскихъ добровольцевъ, поссорившись съ княземъ Ццицановымъ, рѣшилъ возвратиться на родину, къ нему присоедини-

¹⁾ Галустъ Шермазанянъ (онъ же Шермазанъ - Вартановъ), известный общественный дѣятель и писатель по новѣйшей армянской исторіи и археологии, родился въ г. Тифлисѣ въ 1815 году. Онъ высшаго образованія не получилъ, но, будучи одаренъ отъ природы большими способностями, сначала развилъ себя чтеніемъ, а потомъ путешествіями по разнымъ странамъ Востока. Въ молодости своей по торговымъ дѣламъ частоѣздилъ въ Персію, а особенно въ Таврізъ и Тегеранъ, где онъ былъ избранъ главою тифлисскихъ купцовъ, въ то время проживавшихъ въ Тегеранѣ. Въ 1861 году онъ былъ избранъ въ городскіе головы г. Тифлиса, которому онъ оказалъ большія услуги; но въ 1865 году онъ сильно пострадалъ нравственно и материально во время „такъ называемаго бунта“. Объ этомъ бунтѣ газета „Кавказъ“ (№ 53, 1865 г.) передаетъ слѣдующее: „на объявление Закавказской казенной палаты о взносѣ дополнительного налога, назначенаго съ лавокъ для продажи питей, съ цѣлью усиленія городской казны на покрытие необходимыхъ городскихъ расходовъ, всѣ тифлисскіе торговцы и ремесленники, составляющіе корпораціи, известныя подъ названіемъ амкаръ, и въ особенности, виноторговцы, на коихъ прямо падалъ увеличенный налогъ,

лось много армянскихъ купцовъ и мѣстныхъ жителей со своими семействами. При сѣтеваніи каравана мимо Св. Эчміадзина, Якубъ (Яковъ), не говоря ни слова ни своему учителю, ни товарищамъ по классу, безъ провизіи, даже безъ пары платя для перемѣны, съ одиѣми книгами за спиной, вышелъ изъ монастыря и присоединился къ отряду, разсчитывая попасть въ Тифлісъ къ только-что пріѣхавшему туда изъ Константинополя извѣстному ученому (кажется, это былъ Серопе Патканьянъ¹), для усовершенствованія въ наукахъ.

Якубъ два дня шелъ пѣшкомъ съ караваномъ, получая хлѣбъ отъ незнакомыхъ спутниковъ, но около Бамбакапора персидское войско внезапно атаковало и разсѣяло караванъ; большая часть была пере-

отвѣчали отказомъ, ссылаясь на существующую дороживизу сѣтныхъ припасовъ и на опасеніе еще большаго возвышенія цѣны на продукты, такъ какъ хлѣбные посѣвы во многихъ мѣстахъ края истреблены саранчою, мышами и градомъ»..

„27-го іюня народъ, собравшійся толпами, хотя и невооруженыи, и озлобленныи противу нѣкоторыхъ изъ своихъ выборныхъ, не отстоявшихъ, и о его мнѣнїи, общихъ интересовъ, прошавъ безпорядки, разрушивъ и разграбивъ дома городскаго головы Шермазана-Бартанова и сборщика податей Бажбекъ-Меликова, при чемъ сей послѣдній, хотя и встрѣтилъ нападающихъ неустранимо и защищался мужественно, былъ избитъ камнями и друтьими до такой степени, что вскорѣ умеръ“.

Во времена беспорядковъ у Шермазания пропала масса цѣнныхъ рукописныхъ историческихъ материаловъ. Съ этихъ поръ онъ уже окончательно покидаетъ арену общественной дѣятельности и всецѣло посвящаетъ себя собиранію и изученію материаловъ для новѣйшей армянской исторіи и археологии. Онъ предпринялъ путешествіе по Арmenіи и результаты его, полные интереса и содержательности, печаталъ сначала въ журнале „Крункъ“, а затѣмъ въ „Арагатѣ“ за 1876 и 1877 годы (этотъ послѣдній журналъ издается и въ настоящее время въ Эчміадзинѣ) подъ заглавіемъ „Путешествіе по Арmenіи“. Тутъ онъ коснулся разнообразныхъ вопросовъ по этнографіи армянъ и, между прочимъ, возбудилъ вопросъ о воспитаніи армянскихъ женщинъ. Принимая дѣятельное участіе въ кавказскихъ армянскихъ и русскихъ органахъ печати того времени, онъ напечаталъ нѣсколько переводныхъ и оригинальныхъ статей, немало поработалъ и въ Константинопольскихъ газетахъ „Аршалуйсь, Арагатянъ“ и „Масисъ“. Въ Тифлісѣ онъ издалъ книгу подъ заглавіемъ: „Анекдоты, забавные разсказы, басни и пр., взятые преимущественно изъ народной жизни“. Достойнымъ же украшеніемъ трудовъ Шермазания являются „Материалы для национальной исторіи“. Трудъ этотъ увѣнчанъ Измировской преміей имени Месропа и Саака—этихъ армянскихъ первоучителей, и изданъ въ годъ смерти автора. Девятую главу этого труда составляетъ переведенная и дополненная национальная статья „Евнухъ Мираф-Якубъ Маркарянъ“. Галустъ Шермазания умеръ въ 1891 году въ Орловской губерніи въ селѣ Залѣспомъ, где и похороненъ, вдали отъ любимой родины, которой отдалъ всѣ свои силы и всю энергию. М. А.

¹) Дѣдъ бывшаго профессора С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ армянского языка и словесности. Примѣч. переводчика.

бита, а уцѣлѣвшіе взяты въ плѣнъ. Въ числѣ послѣднихъ оказался и Якубъ, который былъ тогда въ возрастѣ 18—19 лѣтъ. Его и нѣсколькихъ плѣнниковъ ¹⁾ осудили въ Тавризѣ и отослали въ Тегеранъ въ шахскій гаремъ, где они воспитывались подъ руководствомъ своего именитаго соотечественника, главнаго евнуха Ага-Якуба-Кутули.

Исторія дѣтства Якуба неизвѣстна, и мы знаемъ лишь, что онъ былъ свѣдущъ въ древне-армянскомъ языкѣ, на которомъ писалъ безошибочно. По поступленіи въ гаремъ, Якубъ началъ изучать персидскій и арабскій языки подъ руководствомъ Ага-Якуба-Кутули, для усовершенствованія въ этихъ языкахъ занималъ еще очень хорошо подготовленного учителя, который кромѣ этихъ языковъ обучилъ его и персидскому счетоводному искусству—бухгалтеріи, которой персы обучались не менѣе 10—15 лѣтъ, какъ самому трудному и сложному искусству, чтобы по окончаніи получить званіе «метофа».

Якубъ за знаніе и любознательность получилъ титулъ миры, который даютъ въ Персіи лицу, владѣющему первомъ; очень часто въ корреспонденціи и въ «Исторіи Каджаровъ» дается также прозвище «ага» тому лицу, которое имѣеть титулъ или чинъ среди евнуховъ.

Случилось, что въ то время въ Тегеранѣ прїѣхалъ изъ Норь-Джуга нѣкто Степанъ, оказавшійся знатокомъ въ веденіи книгъ по двойной системѣ бухгалтеріи на армянскомъ и англійскомъ языкахъ, благодаря тому, что въ теченіе ряда лѣтъ въ англійскомъ бюро въ Мадрасѣ исправлялъ обязанности бухгалтера. Онъ обучилъ Мирзы-Якуба двойной бухгалтеріи и поступилъ въ торговое товарищество того же Якуба, Манучара и Хосрова хановъ въ качествѣ бухгалтера. Первоначальной причиной успѣха Мирзы-Якуба въ Персіи и является именно знаніе бухгалтерскаго искусства. По свидѣтельству Хосровъ-хана годовой расходъ шахскаго гарема въ тѣ времена приблизительно достигалъ 300.000 тумановъ ²⁾; для приведенія въ порядокъ запутанныхъ счетовъ и составленія краткаго отчета для шаха проходило 4—5 мѣсяцевъ и два или три метофа должны были заниматься исключительно этимъ дѣломъ. Когда же Кутули поручилъ отчетъ Мирзѣ-Якубу, то онъ въ теченіе 20 дней, самое большее въ мѣсяцъ, привелъ все въ порядокъ и на одномъ листѣ представилъ его шаху, который былъ не мало этому удивленъ. Наградивъ Якуба, шахъ приказалъ Кутули, чтобы тотъ оказывалъ особое ему покровительство. Благодаря этому Якубъ сдѣлался лично

¹⁾ Вмѣстѣ съ Якубомъ были взяты въ плѣнъ Хосровъ и Манучарь, которые впослѣдствіи сдѣлались ханами и играли видную роль при дворѣ Фетъ-Али-Шаха.

П р и мѣ ч. п е р е в о д ч и к а .

²⁾ Персидскій туманъ того времени равнялся 4 рублямъ.

П р и мѣ ч. п е р е в о д ч и к а .

извѣстенъ шаху. Онъ поручилъ ему составить годовой отчетъ по приходу и расходу Ирана; разбросанныя въ отдѣльности статьи соединить вмѣстѣ и представить ему. Всѣ эти и т. п. отчеты Мирза-Якубъ до такой степени упростили, что больше не было надобности въ метоффъ, который бы докладывалъ шаху; теперь шахъ самъ читалъ отчетъ, распредѣлялъ суммы и быстро охватывалъ всѣ данные.

Мирза-Якубъ, взамѣнъ старинныхъ персидскихъ знаковъ, приводилъ денежныя суммы индусскими цифрами (то, что европейцы называютъ арабскими цифрами, у персовъ принято называть индусскими). Онъ много хлопоталъ, чтобы «индусскія» цифры были введены въ официальной перепискѣ и отчетахъ Ирана, и были изгнаны изъ употребленія трудныя и запутанныя персидскія. Но старомодные метофы изъ-за личныхъ выгодъ являлись его противниками: бухгалтерское искусство, по большей части, считалось между ними наслѣдственнымъ, и другихъ ему не обучали.

Итакъ Мирза-Якубъ, благодаря своимъ трудамъ и природнымъ способностямъ, быстро выдвинулъся и сталъ наравнѣ съ передовыми дѣятелями своего времени. Говорили, что, если бы онъ держался до конца жизни магометанства, то навѣрное пошелъ бы очень далеко: достигъ и высшихъ должностей и высокихъ титуловъ; но онъ не пожелалъ получить даже званія хана—настолько онъ былъ твердый христіанинъ въ душѣ; днемъ и ночью онъ помышлялъ, какъ бы уйти изъ Персіи, чтобы подъ покровительствомъ христіанской державы свободно исповѣдовывать свою религию. И, можетъ быть, для этого за три—четыре года до того времени, какъ его убили, онъ началъ изучать французскій языкъ и, какъ передавали, достаточно смѣло говорилъ и писалъ по-французски. Онъ думалъ также изучить русскій языкъ, но не нашелъ учителя и держалъ при себѣ одного пленного солдата, чтобы у него учиться говорить по-русски до пріисканія лучшаго учителя.

Ага-Якубъ-Кутули, какъ главный евнухъ или «князь» гарема, не могъ искоренить дурнаго обыкновенія, уже давно привившагося въ гаремахъ, и особенно въ гаремѣ шаха: нѣсколько престарѣлыхъ евнуховъ и старыхъ женщинъ, долгое время проведшихъ въ гаремѣ, покупали на базарѣ по высокой цѣнѣ въ кредитъ разные старые, плохіе женскіе наряды, иногда и драгоценныя камни, приносили въ гаремъ и за еще болѣе дорогую цѣну продавали здѣсь женщинамъ, также въ кредитъ. По прошествіи срока, когда продавцы отъ упомянутыхъ посредниковъ, а послѣдніе отъ женщинъ гарема настойчиво требовали уплаты, женщины, не будучи въ состояніи выплатить долгъ, возбуждали энергичныя жалобы и протесты, чѣмъ причиняли крупныя непріятности Кутули. Поэтому послѣдній предложилъ шаху разрѣшить ему составить изъ нѣсколькихъ евнуховъ-капиталистовъ то-

варищество, которое устанавливало бы цѣны всѣмъ нужнымъ для женщинъ товарамъ при содѣйствіи опытныхъ купцовъ и за опредѣленныя цѣны покупало бы также и драгоцѣнныя камни въ присутствіи Кутули и надежныхъ ювелировъ, чтобы не было обмана; затѣмъ всѣ женщины могли бы покупать за цѣны, однажды назначенные, а не такъ, чтобы сегодня за дорогую, а завтра за дешевую цѣну.

Шахъ принялъ это предложеніе Кутули; но ни одинъ изъ евнуховъ не рѣшался брать на себя это дѣло, такъ какъ требовался большой капиталъ. Тогда Ага-Манучаръ Ениколопянцъ¹⁾ предложилъ товарищамъ по плѣну Ага-Хосрову Кайтмазянцу и Мирзѣ-Якубу принять предложеніе Кутули съ его капиталомъ, подъ тѣмъ лишь условиемъ, чтобы выручка была распредѣляема на четыре равные части: одна часть въ основной капиталъ, а остальная три дѣлились бы между тремя участниками, конечно, за вычетомъ расходовъ. Хосровъ говорилъ: «когда Манучаръ сообщилъ мнѣ объ этомъ, я думаю самъ-себѣ, будь я дуракъ, если не соглашусь. Чѣмъ я рискову: масла ли потрачу, или риса? Если потерпимъ убытки, чѣмъ я отвѣчаю, потому и согласился». Впослѣдствіи я догадался, что Манучаръ опасался за меня и особенно за Мирзу-Якуба, который состоялъ счетоводомъ гарема, такъ какъ для этого коммерческаго товарищества нанялъ вышеупоменованнаго Степана, изъ Испагани, въ качествѣ бухгалтера и дѣловаго корреспондента.

Эти три личности обладали удивительно противоположными вкусами. Хосровъ любилъ держать хорошихъ верховыхъ лошадей, имѣть богатую сбрую, украшать домъ богатою домашнею утварью и жить въ роскоши. Мирза-Якубъ заработанныя деньги тратилъ на ученье, на приобрѣтеніе богатой библіотеки, на наемъ учителей, а излишекъ отъ всего этого постоянно высыпалъ въ Эривань роднымъ.

Манучаръ же преслѣдовалъ одну цѣль—собирать и накоплять богатство. Фирманомъ шаха товарищество было утверждено и, насколько оно въ началѣ было замкнуто, настолько быстро расширило впослѣдствіи свои операциі. Товарищество посыпало своихъ агентовъ и находило корреспондентовъ въ Буширѣ, въ торговыхъ греческихъ городахъ, въ Багдадѣ, Тавризѣ, въ Константинополѣ; черезъ нихъ выписывало разныя мѣстныя, модныя, шелковыя, бумажныя и шерстяныя издѣлія и драгоцѣнныя камни; продавало ихъ не только въ гаремъ, но и самому шаху, который одарялъ ими своихъ сыновей и дочерей, при выходѣ замужъ.

¹⁾ Главный шахскій евнукъ; въ 1820-хъ годахъ въ Гиляни при шахскомъ сынѣ Ягъ-Ча-Мирза онъ управлялъ намѣстничествомъ. (Ср. А. С. Грибоѣдова—«О Гиляни». Пол. собр. соч. Грибоѣдова подъ ред. И. А. Шляпкина. Т. I, С.-Петербургъ 1889 г., стр. 70). Примѣч. переводчика.

Товарищество продавало также сыновьямъ шаха и намѣстникамъ, которые пріѣзжали изъ отдаленныхъ областей, во время новруза ¹⁾, представляясь шаху и, по возвращеніи къ мѣсту своего служенія, везли подарки своимъ женамъ. Когда же Хосровъ-хана назначили гилянскимъ правителемъ, товарищество вступило въ торговыя сношенія и съ Россіей, то-есть, съ Астраханью и Макарьевъ, служащимъ мѣстомъ ярмарки для Нижняго, посылая туда шелкъ, шелковая матерія и разныя издѣлія съ цѣлью ихъ продать, а мѣстные мануфактурные товары Россіи доставить въ Тегеранъ.

Товарищество просуществовало до 1819 года, а затѣмъ распалось, такъ какъ каждый изъ его участниковъ получилъ то или другое назначеніе: Мирза-Якубъ получилъ должность управляющаго шахскимъ казначействомъ. Онъ долженъ былъ слѣдить за тѣмъ, какія издержки имѣть гаремъ, подводить расходы и деньги на нихъ получать изъ казны помѣсячно. До его убийства шахъ три раза назначалъ его на эту должность и три раза отставлялъ, такъ какъ одинъ разъ онъ былъ посланъ въ Хорасанъ, правитель котораго вслѣдствіе упущеній въ городахъ не могъ явиться къ новрузу и представить отчеты шаху; Мирза-Якубъ, по приказанію шаха, отправился туда въ качествѣ надсмотрица (ревизора) за разсчетами, получилъ оставшуюся отъ податей сумму и привезъ въ Тегеранъ; другой разъ также командировали его къ ширазскому правительству въ качествѣ бухгалтера.

Такъ какъ главнымъ виновникомъ возмутительного убийства русского посла А. С. Грибоѣдова и его подчиненныхъ былъ Мирза-Якубъ, то необходимо подробнѣе ознакомиться съ этою личностью. Заранѣе признаюсь, что не намѣренъ обращаться къ официальнымъ документамъ и къ персидской исторіи, которая всегда, съ цѣлью себя оправдать, перекраиваетъ по-своему, а русскіе историки передаютъ то, что въ то время узнали изъ официальныхъ персидскихъ же сообщеній. Я привожу слышанное отъ лицъ, бывшихъ на мѣстѣ происшествія, и отъ очевидцевъ ²⁾, что можетъ представлять большія противорѣчія съ

¹⁾) Новрузъ—начало года, время представлениія отчета.

Примѣч. переводчика.

²⁾) Таковыми были Амбарпумъ (онъ же Ибрагимъ-бекъ)—куламъ русского посла, т. е. курьеръ (гонецъ), который, въ этотъ день, будучи въ посольскомъ домѣ, тяжко былъ раненъ и оставался полумертвымъ между убитыми. Но въ полночь почувствовалъ, что еще живъ и, положивъ руку на израненную шею, съ трудомъ добрался до дома одного знакомаго армянина, у котораго и остался до выздоровленія. Онъ до своей смерти получалъ изъ Россіи черезъ тавризскаго консула содержаніе 120 голландскихъ червонцевъ. Армянинъ Якубъ-Султанъ, который въ тотъ день со своими подчиненными солдатами охранялъ посольский домъ; шахъ-Абдуль-Азимъ—стражъ крѣпости,

официальными корреспонденциями обѣихъ державъ, но предоставляю читателямъ самимъ найти истину.

Когда мать Манучаръ-хана, Ускумъ-ханумъ, отправилась изъ Тифлиса въ Тегеранъ, ее сопровождалъ князь Давидъ Меликянцъ, который приходился ей внукомъ. Въ 1828 году братъ этого послѣдняго, Соломонъ Меликянцъ, сопровождалъ Грибоѣдова. Такъ какъ посолъ запоздалъ въ Тавризѣ, Соломонъ раньше его уѣхалъ въ Тегеранъ и остановился въ домѣ своего дяди Манучаръ-хана, помѣщающемся въ цитадели сзади шахскаго дворца, около, такъ называемой, крѣпости, Шимранъ. Владѣльцы и родные плѣнниковъ, узнавъ о выѣздѣ посла изъ Тифлиса, отправились слѣдомъ за нимъ въ Тегеранъ; но посолъ, какъ упомянуто, на время задержался въ Тавризѣ, а потому и они, слѣдя за нимъ, отыскивали своихъ плѣнныхъ; но что было имъ дѣлать, когда персияне не желали и отказывались возвращать ихъ¹⁾.

Извѣстіе обѣ этомъ дошло до Грибоѣдова, который просилъ Аббаса-Мирзу написать своему отцу шаху о недовольствѣ русскаго посла. Шахъ назначилъ Манучаръ-хана и Калантара изъ Тегерана, чтобы, въ случаѣ указанія имъ русскими подданными мѣста жительства плѣнниковъ, они посыпали своихъ людей, чтобы привести плѣнниковъ къ себѣ и затѣмъ публично опрашивали: и того изъ плѣнныхъ, который заявить желаніе возвратиться, обязательно передавали владѣльцу. Всѣдѣствіе этого распоряженія многіе персы стали тайно высылать изъ Тегерана своихъ плѣнниковъ, или въ самомъ Тегеранѣ переводить изъ одного района города въ другой, чтобы замѣсти ихъ слѣдѣ; многіе изъ плѣнныхъ уже впередъ отказывались вернуться на родину, такъ какъ персы съ угрозами заставляли ихъ, въ случаѣ опроса, отвѣтчать отказомъ, и пускали въ ходъ тысячу другихъ подобныхъ средствъ, лишь бы не возвращать плѣнныхъ обратно.

Поэтому Манучаръ и Калантаръ не могли исполнить возложеній на нихъ обязанности, главнымъ образомъ потому, что нѣкоторые

казначей армянской церкви Паронъ-Худадатъ. Паронъ-Мелкумъ изъ Тавриза, который былъ агентомъ Мирзы-Якуба иѣздила въ Тегеранъ для сдачи отчетности ему. Сосѣдъ посольского дома іавваръ (т. е. маіоръ) Фампа-бекъ. Тифлисцы—Иванъ Манташянцъ и Магдесъ-Эго Маркарянъ и другіе, изъ коихъ многіе живы и понынѣ (1883 годъ).

П р и м . а в т о р а .

¹⁾ Въ официальныхъ бумагахъ встрѣчаются разсказы о нѣкоторыхъ слу чаяхъ; между прочимъ, какъ нѣмецъ изъ Мариенфельда, найдя въ Казбинѣ свою dochь, взятую въ плѣнъ и вышедшую за мужъ за одного сенда, явившись въ Тавризѣ, заявилъ Грибоѣдову протестъ, что персъ, владѣлецъ плѣнницы, отказался вернуть ему его dochь. Грибоѣдовъ, какъ только прибылъ въ Казбинъ, приказалъ привести нѣмку и на нѣмецкомъ языке приглашать ее вернуться въ Россію къ своему отцу; но она не согласилась. П р и м . а в т о р а .

изъ плѣнныхъ находились у высоколставленныхъ лицъ. Манучаръ, видя эти затрудненія, съ офиціального разрѣшенія шаха, отказался отъ данного ему порученія и просилъ, чтобы это дѣло было поручено другому.

Когда Грибоѣдовъ вѣзжалъ въ Тегеранъ, персидское правительство приняло его самымъ пышнымъ образомъ, и старожилы говорили: «никогда мы не видывали такого пріема»; посла встрѣтили у такъ-называемой крѣпости шахъ-Абдуль-Азимъ и отвели помѣщеніе тамъ же въ прекрасномъ и просторномъ домѣ, принадлежащемъ одному шах-задѣ¹⁾). Этотъ домъ, если считать кривыя улицы, находился, навѣрное, болѣе чѣмъ въ полутора верстахъ отъ царскаго дворца. Разсказывали, что шахъ первый разъ во время пріема встрѣтилъ Грибоѣдова съ веселымъ и радостнымъ лицомъ и довольно продолжительное время задержалъ его у себя. По выходѣ отъ шаха, посолъ, предшествуемый нѣсколькими чинами двора, вошелъ въ большой залъ, гдѣ его ожидали всѣ высшіе сановники (въ числѣ коихъ находился и Мирза-Якубъ). Здѣсь подносили послу сахарную воду, халвіатъ, чай, кофе и проч. Всѣ бокалы, стаканы и прочая сервировка была изъ чистаго золота. Точно такимъ же образомъ угощали свиту послы и его прислугу въ другихъ комнатахъ, гдѣ ихъ размѣстили по чинамъ; только съ тою разницей, что тамъ сервировка была изъ серебра, вмѣсто золота.

Распорядителемъ всего былъ Манучаръ-ханъ. До выхода послы изъ пріемной шаха, нѣкоторые изъ сопровождавшихъ его съ интересомъ осматривали шахскій дворецъ. Въ числѣ ихъ было трое грузинъ, которыхъ узналъ по одеждѣ Иванъ Манташянцъ. Онъ съ своимъ дядей Хосровъ-ханомъ пришелъ во дворецъ, желая быть зрителемъ этого роскошнаго пріема. Манташянцъ подошелъ къ нимъ, познакомился и разспрашивалъ о разныхъ тифлисскихъ новостяхъ. По окончаніи торжествъ и возвращенія домой, Манташянцъ передаль Хосрову о своемъ разговорѣ съ грузинами. Послѣдній, сильно разсердившись на него, приказалъ, чтобы послы этого онъ не имѣль никакихъ сношеній съ ними. «Этотъ ничтожный, непонятный для меня эпизодъ—говорилъ Манташянцъ—имѣть значительныя послѣдствія». Спустя два или три дня послы сего Манучаръ-хана пошли навѣстить Хосровъ-хана. Послѣдній спросилъ Манучара: «неужели не боишься, что разрѣшаешь Солому (Меликянцу) бывать у послы?» Тотъ отвѣтилъ: «какъ я могу воспретить,

¹⁾ Ср. Nouvelles Annales des voyages 1830 г. Relation des événements qui ont précédé et accompagné le massacre de la dernière ambassade russe en Perse.—„L'ambassadeur descendit dans la belle maison de feu Mohammed Khan Zambor Ektchi Bachi, qui avait été parfaitement arrangée pour lui avec des bains et toutes les commodit s imaginables“. Т. 48. Р. 345. Прим. переводчика.

когда они старые знакомые и вмѣстѣ путешествовали изъ Тифлиса до Тавриза». Послѣ этого Хосровъ приказалъ Манташянцу выйти изъ комнаты. Немного спустя пришелъ Мирза-Якубъ, и всѣ трое уединились и разговаривали продолжительное время.

Затѣмъ, въ домѣ у Манучара или Хосрова эти три лица часто собирались, уединялись и долго-долго бесѣдовали. Манташянцъ прибавилъ: «я замѣтилъ, что у нихъ было какое-то особенное дѣло, но въ чёмъ оно заключалось, не могъ догадаться, впослѣдствіи же узнавъ о намѣреніи Мирзы-Якуба вступить подъ покровительство послана и его защиту, тотчасъ понялъ, что это и было причиною ихъ уединенныхъ и тайныхъ бесѣдъ. Отсюда я заключилъ, что возможно и вѣроятно, что Манучаръ и Хосровъ также намѣрены послѣдовать примѣру Мирзы-Якуба, если посолъ будетъ въ состояніи помочь ему».

Когда посолъ достигъ Тегерана, владѣльцы и родные плѣнниковъ давали ему тысячи жалобъ; но послана болѣе озабочивало дѣло плѣнниковъ Мазандарана, такъ какъ наибольшее число ихъ было тамъ, ибо еще тогда, когда война официально не была объявлена, кавалерія Мазандарана, которая вела свое происхожденіе отъ Каджара, т. е. изъ племени шаха, неожиданно напала на русскую границу, предала многія селенія огню и, во время набѣговъ, забрала множество плѣнниковъ, которыхъ отсыдала въ Мазандаранъ, где не было ни русскаго консула, ни агента; поэтому-то посолъ считалъ невозможнымъ вывести оттуда плѣнниковъ хотя и намѣревался послать консула или туда, или въ Рѣштъ. Но персидское правительство мѣшало ему въ этомъ, говоря, что въ трактатѣ не упоминается о такомъ условіи.

Хотя мы значительно уклонимся отъ рассказа, тѣмъ не менѣе упомянемъ здѣсь обѣ одномъ трогательномъ происшествіи, которое имѣть прямое отношеніе къ материаламъ національной исторіи¹⁾). Одинъ известный ханъ писалъ изъ Мазандарана Хосровъ-хану, что у него есть много плѣнниковъ и плѣнницъ въ гаремѣ или внѣ гарема и, что, «желая послать тебѣ въ подарокъ одну плѣнницу, за цѣломудріе которой ручаюсь, выбралъ эту восьми или девятилѣтнюю плѣнницу, по имени Диль-Фрушъ, которую посылаю вамъ въ подарокъ» и пр. Эта плѣнница красавица, смысленная и говорунья, въ короткій промежутокъ времени выказала удивительную симпатію къ Хосровъ-хану, также и этотъ послѣдній полюбилъ ее, какъ свою dochь.

Манташянцъ разсказывалъ, что когда Хосровъ-ханъ бывалъ дома, Диль-Фрушъ (т. е. радость сердца) не отходила отъ него, и ханъ также любилъ съ нею говорить, шутить и слушать ея эстроумные разсказы;

¹⁾ Рѣчь идетъ обѣ армянской національной исторіи.

Прим. переводчика.

*

онъ заказалъ для нея нѣсколько паръ разныхъ платьевъ; кромѣ того подарилъ ей 20 золотыхъ монетъ для ожерелья и 20 для лобной по-вязки. Мирза-Якубъ также подарилъ ей нѣсколько перстней съ драгоцѣнными камнями; и онъ каждый разъ, приходя къ намъ, приносилъ для нея подарокъ и обучалъ З-мъ армянскимъ словамъ. Диль-Фрушъ не переносила ни одного магометанина—говорилъ Манташянцъ; отъ нихъ она не принимала ни фруктовъ, ни сладостей; увидя ихъ, она недовольная убѣгала, какъ молния, и скрывалась или за ханомъ или за за мною и молчала. Сколько мы ни заговаривали съ нею, заставляли отвѣтить на наши вопросы, она, заупрямившись, не давала отвѣта. Наоборотъ, когда къ намъ приходили Манучарь-ханъ, Зурабъ-ханъ и другие армяне или грузины-плѣнники, она безъ зова сама прибѣгала, подходила, разговаривала съ ними; своими наивными, но остроумными рассказами смѣшила и удивляла ихъ. Иногда приходили такие персы, которыхъ Диль - Фрушъ не видала, и отъ нихъ тѣмъ не менѣе убѣгала. Хосровъ-ханъ, смѣясь, спрашивалъ: «Диль-Фрушъ, почему ты отличаешь, что одинъ турокъ, а другой христіанинъ, когда мы сами не можемъ ихъ отличать?»—«Видно, отвѣчала она, что въ вашихъ глазахъ нѣтъ свѣта и въ вашемъ носу нѣтъ обонянія». Однажды изъ Шамхора пришелъ армянинъ въ домъ хана и сначала, встрѣтивъ меня—разказывалъ Манташянцъ—спросилъ: «Слыхалъ ты, что здѣсь есть одна арманка, можетъ быть, она моя родственница, прошу покажите мнѣ ее».

Я пошелъ дать знать хану, который вмѣстѣ съ Диль-Фрушъ вышелъ изъ комнаты.

Диль - Фрушъ, увидѣвъ шамхорца, растерялась, поблѣдила, бросилась съ мѣста на мѣсто, вдругъ остолбенѣла, сдвинула брови, прищурилась и стала пристально смотрѣть ему въ лицо. Шамхорецъ подошелъ къ Диль-Фрушъ и со слезами на глазахъ сказалъ: «Назлу-джанъ ¹⁾), Назлу-джанъ»... Но она, испугавшись, на нѣсколько шаговъ отступила назадъ и стала по другую сторону хана и не сводила глазъ съ него. Шамхорецъ вновь началъ къ ней приближаться и сталъ доставать фрукты изъ кармана для передачи Диль-Фрушъ; она, отвергнувъ, подалась назадъ, отошла въ сторону хана и, подобно коту-воришкѣ, выпучивъ глаза, смотрѣла на него. Въ это время ханъ смѣялся и говорилъ: «Диль-Фрушъ, не бойся, не убѣгай» и, когда я глязомъ и головой далъ знакъ, чтобы она приняла сласти, Диль-Фрушъ, тихо подойдя, приняла сласти; опять хотѣла двинуться назадъ, но шамхорецъ, схвативъ ея руку и прослезившись, сказалъ: «Назлу-джанъ, Назлу-джанъ!» при этомъ прибавилъ: «узнаешь твоего амуд-

¹⁾ Назлу—христіанское имя Диль-Фрушъ, а „джанъ“ выражаетъ слово душечка.
Приим. переводчика.

жана (т. е. дядю), ахъ! вѣдь я твой амуджанъ, готовъ на все для тебя; Назлу-джанъ, умоляю тебя, подойди же, подойди же ко мнѣ». При этихъ словахъ лицо Назлу вдругъ приняло цвѣтъ абрикоса, потомъ покраснѣло, какъ пунцовая роза, и она расплакалась навзрыдъ. Когда же шамхорецъ рѣшительно привлекъ ее къ себѣ, приласкалъ ее, заключилъ въ свои объятия и горячо поцѣловалъ, Назлу не цѣловала его руки, а прямо лизала и приговаривала: «амуджанъ, амуджанъ». При этомъ невыразимо трогательномъ зрѣлищѣ даже присутствующіе мусульмане отирали слезы. Разсказывая это, Иванъ Манташянцъ, не смотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло 30 лѣтъ, прослезился. «Въ теченіе трехъ недѣль»—рассказывалъ онъ—«шамхорецъ каждый день посѣщалъ нашъ домъ, желая повидаться съ Назлу, и каждый разъ приносилъ сласти, чтобы ими расположить ее къ себѣ.

«Особенно памятенъ тотъ день, тотъ часъ и та минута, когда Назлу-Диль-Фрушъ должна была проститься съ нами. Узнавъ объ этомъ, нѣкоторые изъ плѣнниковъ-армянъ приходили нарочно навѣстить хана. Къ ранѣе подареннымъ нарядамъ ханъ присоединилъ еще одну кашемировую шаль, нѣсколько драгоценныхъ перстней, серегъ, булавокъ и др., множество шелковыхъ и шерстяныхъ тканей, ковровъ, при чемъ сказалъ шамхорцу, чтобы они спрятали все это для приданаго Диль-Фрушъ; далъ также тюкъ сущенныхъ сластей, одну верховую лошадь и 50 тумановъ деньгами. Мирза-Якубъ подарилъ отъ себя хорошаго коня и деньгами 10 тумановъ. Другие также подарили шаль и куски шелковыхъ и шерстяныхъ матерій, теперь не припомню, кто изъ нихъ, чѣмъ далъ.

«Тихая и грустная Назлу подходила при прощаніи ко всѣмъ присутствующимъ гостямъ, цѣловала руку; вотъ подошла къ Хосровъ-хану, тутъ же стоявшему; рыдая, вся въ слезахъ, припала она къ его ногамъ, поперемѣнно цѣловала ихъ, приговаривая «ханъ-джанъ, ханъ-джанъ». Хосровъ-ханъ насильно ее приподнялъ и, плача, началъ цѣловать въ лицо; тогда Назлу слезами покрыла его руки и, вновь неожиданно припавъ къ его ногамъ, обняла ихъ и стала осипать поцѣлуйами». Въ этомъ мѣстѣ, при разсказѣ, у Манташянца показались крупные слезы на глазахъ, и онъ заллакалъ; черезъ минуту онъ продолжалъ: «изъ присутствующихъ никто не могъ удержаться отъ слезъ. Шамхорецъ и я съ трудомъ отняли Назлу отъ ногъ хана и, на рукахъ отнесли ее въ ту улицу, где ожидали насть готовыя лошади. Когда ее хотѣли посадить на лошадь, она жалобно, со слезами умоляла Яхья-бега (такъ звали Ивана Манташянца): «амуджанъ, прошу еще разъ, разрѣшите пойти послѣдній разъ поцѣловать ноги хана, а потомъ пуститься въ путь». Это еще болѣе растрогало и разжалобило присутствующихъ. Плача и рыдая, она побѣжала, припала къ ногамъ хана, воскликнавъ: «ханъ-

дjanъ, не забывай меня, я прахъ ногъ твоихъ... Три человѣка съ трудомъ могли оторвать ее, отвести и посадить на коня. Такъ Диль-Фрушъ,—«радость сердца»,—въ тотъ же день для всѣхъ превратилась въ «печаль сердца».

«Ханъ приказалъ мнѣ, говорилъ Яхья-бегъ, послать за Назлу-Диль-Фрушъ нѣсколько фарашей (служителей), чтобы они проводили ее до каравана, ушедшаго уже часъ тому назадъ. Я, хорошо зная манеру служителей, не понадѣялся на нихъ, а приказалъ осѣдлать пять коней и самъ съ четырьмя служителями догналъ караванъ и проводилъ незабвенную «радость сердца» до станціи Кіараджъ; поручилъ ее вожаку каравана, попросилъ беречь ее въ дорогѣ и вернулся».

Вернемся и мы къ нашему Мирзѣ-Якубу. Его, какъ христіанин-фанатика, не могла прельщать блестящая слава и почтѣ, а потому онъ всегда думалъ оставить это обманчивое и непрочное положеніе и сдѣлаться виднымъ человѣкомъ на своей родинѣ, которая находилась подъ властью христіанского царя; тамъ онъ могъ бы свободно исповѣдывать свою религию.

Когда русскій посолъ прибылъ въ Тегеранъ, Мирза-Якубъ искалъ повода съ нимъ познакомиться, чтобы объявить ему свою сокровенную тайну. Его знакомые и тотъ же Хосровъ-ханъ впослѣдствіи рассказывали, что когда возникъ вопросъ о двухъ армянкахъ-плѣнницахъ, находящихся въ гаремѣ Аллаяръ-хана (который въ то время исправлялъ обязанности садръ-азама), шахъ въ качествѣ легата послалъ къ Грибоѣдову Мирзу-Якуба переговорить о плѣнницахъ. Воспользовавшись этимъ, онъ только тогда объявилъ послу о своихъ убѣжденіяхъ и намѣреніи. А сколько знатныхъ лицъ, не посвященныхъ въ смыслъ этой миссіи, по свойственной персамъ привычкѣ, клеветало на Мирзу-Якуба, утверждая, будто-бы онъ сообщилъ послу о томъ, что вышеупомянутыя плѣнницы находятся въ гаремѣ Аллаяръ-хана! Нѣсколько дней спустя Якубъ ночью отправился въ посольской домъ съ цѣлью остаться тамъ; но посолъ сказалъ ему: «не могу принять тебя тайно ночью, такъ какъ все мои дѣла должны быть извѣстны и явны; поэтому иди теперь, хорошенько подумай и если дѣйствительно желаешь вернуться на родину, приходи въ другой разъ днемъ, чтобы я могъ принять тебя подъ свою защиту».

Якубъ возвратился, но на слѣдующій день съ разсвѣтомъ, спустя часъ или два, вмѣстѣ съ своимъ братомъ и двумя плѣнниками-армянами пришелъ опять въ посольской домъ. Въ тотъ же день главнымъ предметомъ для разговора въ Тегеранѣ былъ переходъ Мирзы-Якуба подъ русское знамя; этому факту многие не вѣрили, говоря, что Якубъ не оставитъ славы и почта изъ-за такой перемѣны. На второй день посолъ отправилъ одного изъ служителей посольства вмѣстѣ съ слугами

Якуба, чтобы они принесли имущество послѣдняго, которое было по-мѣщено въ семи ящикахъ. Навьючивъ семь муловъ, слуги хотѣли вывезти ихъ изъ дворца, но люди Манучаръ-хана запретили это и задержали ихъ у себя. На слѣдующій день посолъ отправилъ официально драгомана посольства Мирзу-Наримана Меликъ-Шахназаряна спросить Манучаръ-хана о причинѣ запрета и задержанія. Послѣдній отвѣтилъ: «я воспретилъ, въ силу шахскаго приказа, и муловъ съ семью ящиками послалъ садръ-азаму». Драгоманъ обратился къ садръ-азаму; но тотъ отвѣчалъ, что Якубъ, какъ бывшій казначей и экономъ шахскаго гарема, долженъ казнѣ; кромѣ того у него была масса драгоцѣнныхъ вещей и нарядовъ, принадлежащихъ гарему; поэтому согласно приказу шаха они и арестовали его имущество.

Посолъ сообщилъ объ этомъ извѣстіи Якубу, который отвѣтилъ: «все это ложь и клевета, такъ какъ ровно годъ, какъ я отстраненъ отъ этой должности. Поэтому если какие счеты и имѣли со мною, то почему же не кончали до сего дня. На службѣ я въ разное время получалъ суммы изъ казны, но, по отстраненію отъ должности, покончилъ счеты, въ чемъ имѣю квитанціи, которыхъ находятся въ ящикахъ; могу показать ихъ, кому пожелаете. Во-вторыхъ, передавая драгоцѣнности и дорогіе наряды въ гаремъ, гардеробмейстеръ или казначей получаетъ квитанціи въ приемѣ отъ получателя; поэтому, если они имѣютъ отъ меня одно такое обязательство, пусть предъявлять, и я отвѣчу. Неужели же въ теченіе цѣлаго года они ни разу не хватились нарядовъ и драгоцѣнныхъ вещей, ежедневно вужныхъ для гарема».

На слѣдующій день посолъ поручилъ драгоману посольства Мирзѣ-Нариману отправиться вмѣстѣ съ Мирзою-Якубомъ въ домъ Манучаръ-хана, гдѣ было нѣсколько лицъ, официально назначенныхъ отъ шахскаго двора для разбора этого дѣла. Здѣсь выяснилось, что захваченные отъ Мирзы-Якуба ящики, дѣйствительно, Манучаръ отправилъ во дворецъ, гдѣ ихъ поставили въ одной комнатѣ, и дверь запечатали его печатью; но затѣмъ въ тотъ же день ночью во дворцѣ распорядились сорвать печать съ дверей комнаты безъ вѣдома Манучара и вынули изъ ящиковъ вещи, какія хотѣли. Нариманъ, усомнившись въ показаніи, возвратился вмѣстѣ съ Якубомъ. Это былъ уже важный фактъ, что во дворцѣ, узнавъ о существованіи квитанцій въ ящикахъ Якуба, безъ вѣдома Манучара сорвали его печать съ дверей, можетъ быть, съ цѣлью вынуть оттуда квитанціи, а если окажутся,—и другіе оправдательные документы. На самомъ дѣлѣ, такъ и случилось: изъ имущества Якуба почти половины не оказалось въ ящикахъ. Посолъ, видя, что это дѣло осложнилось, послалъ къ садръ-азаму первого секретаря посольства Мальцева, драгомана Мирзу-Наримана и Мирзу-Якуба. Официальные переговоры въ этотъ день вызвали смуту между представи-

телями обѣихъ сторонъ: такъ вскрытие ящиковъ Якуба и изыятіе оттуда документовъ Мальцевъ называлъ сперва нападеніемъ и насилиемъ, а затѣмъ даже воровствомъ, которое приписывалось придворнымъ, конечно, поощрившимъ находившихся тамъ персовъ. Тогда Манучаръ-ханъ отказался отъ участія въ этой комиссіи, чтобы впослѣдствіи не быть причастнымъ къ этому дѣлу. Въ тотъ же день Манучаръ-ханъ отправился къ Хосровъ-хану. Бывшій при этомъ Манташянъ разсказывалъ: «они уединились, я же сталъ за дверью съ цѣлью подслушать ихъ, такъ какъ переѣздъ Якуба въ посольство меня сильно интересовалъ; я желалъ во что бы то ни стало что-нибудь узнать объ этомъ происшествіи. Манучаръ-ханъ сказалъ Хосровъ-хану, что причиною сегодняшняго отказа отъ участія въ комиссіи онъ выставилъ, будто его обидѣли слова, произнесенные Мальцевымъ; но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что русское посольство теперь имѣть явное доказательство для выясненія истины, а тотъ, кто окажется соумышленникомъ правды, во что бы то ни стало, будетъ сочтенъ за врага Ирана; онъ не желаетъ пріобрѣсти этого имени. Тѣмъ не менѣе, если бы онъ былъ на мѣстѣ Мальцева, то сказалъ бы, что «я не знаю имени вашему поступку, научите меня такому слову, которымъ я могъ бы назвать эту поступокъ, чтобы просить васъ извиниться въ немъ». Итакъ, случилось, что въ этомъ происшествіи не только шахъ, но и занимающія высшіе посты лица были виновны; они не только не запрещали распространять въ городѣ разные нелѣпые слухи, и не обнародовали истины, чѣмъ успокоили бы умы, но, наоборотъ, распространяли сами невѣроятныя легенды; напримѣръ, будто Якубъ выругалъ мусульманскую религию, чemu каждый, услышавшій эти слова, еще болѣе поражался и возмущался. Конечно, распространители этой клеветы и нелѣпыхъ слуховъ имѣли свои расчеты: создать возмущеніе, не возвращать пленниковъ и запугать посла, чтобы онъ болѣе не домогался ихъ выдачи.

Цѣль большинства заключалась въ этомъ, а не въ безпорядкахъ, дошедшихъ до убийства людей и даже изувѣченія и смерти посла, что по шіитскому ученію магометанской религіи считается неизгладимымъ смертнымъ грѣхомъ. Итакъ, переговоры по вышеупомянутому происшествію между иранскимъ дворомъ и посольствомъ продолжались недѣлю, но они ни къ чему не привели, такъ какъ требованія персидского правительства отъ Якуба были совершенно нелѣпы, въ чемъ шахскій дворъ не хотѣлъ признаться; посольство же строго требовало, чтобы не только наличное имущество Якуба было возвращено, но и пропавшее, то-есть квитанціи, отчеты, драгоценные камни, ткани и особенно рѣдкія рукописи, гдѣ бы онѣ ни были, были собраны.

Дворъ находился въ самомъ затруднительномъ положеніи, такъ какъ

назначенными для открытия ящиковъ людьми было присвоено много вещей; или, говоря проще, было украдено и унесено, а теперь или становилось невозможнымъ собрать и раскрыть, кто что взялъ, такъ какъ виновные скрылись отъ гнѣва шаха, или дворъ самъ не хотѣлъ собирать, не желая получить названія воровъ.

Среди этихъ обстоятельствъ наступило 29-е января 1829 года. День былъ воскресный. Праздношатающаяся толпа, возбужденная и взволнованная, въ предшествіи, а быть можетъ, и подстрекаемая, нѣсколькими разсвирѣгѣвшими муллами и сеидами, явилась въ мечеть къ Имамъ-Зумэ - Мулла - Мсеху и предложила слѣдующій вопросъ: «какъ слѣдуетъ, по шаріату, поступить съ тѣмъ, кто былъ уже омусульманенъ и вновь вернулся къ своей прежней религіи?» Мулла-Мсехъ отвѣтилъ: «его слѣдуетъ убить». Эти-то три слова и послужили поводомъ къ извѣстной трагедіи. Нѣкоторые говорили, будто Имамъ-Зумэ спросилъ, кто этотъ вѣроотступникъ? Изъ толпы отвѣчали, это—евнухъ Мирза-Якубъ. Имамъ-Зумэ спросилъ: «вы слыхали изъ его усть объ отступлении отъ мусульманства». Толпа отвѣтила—«нѣтъ». «Итакъ»—сказалъ вновь Имамъ-Зумэ — «вы должны были собственными ушами услышать отъ него или должны были слышать трое лицъ, заслуживающихъ довѣрія, чтобы быть свидѣтелями, а потомъ уже этотъ вопросъ предлагать мнѣ». Были и такие, которые говорили, что изъ среды толпы вышло нѣсколько лицъ и удостовѣрили, будто слышали собственными ушами, какъ Якубъ произнесъ это отреченіе. Другіе говорили, будто именно подстрекатели-муллы пошли и изъ шахскаго дворца привели къ Муллѣ-Мсеху людей, засвидѣтельствовавшихъ, что они присутствовали на одномъ частномъ собраніи, когда Якубъ обругалъ мусульманство, сказавъ: «я принялъ христіанство». Увѣряли, будто мулламъ и сеидамъ свыше было внушено проводить толпу до посольского дома и тамъ научить, что и какъ кричать, но внутрь не входить и никому вреда не причинять, пока изъ дворца не придууть разсѣять толпу, чтобы посолъ только испугался и не предъявлялъ строгихъ требованій о пѣнникахъ. Но высочайшій дворъ не смогъ своевременно прислать помощи, а потому вопреки его желанію произошло печальное происшествіе и избіеніе.

Какъ бы то ни было, но доказано, что толпа, услыхавъ отъ Муллы-Мсеха вышеописанное рѣшеніе, согласно инструкціи сопровождавшихъ ее муллъ, въ тотъ же день разсѣялась, чтобы на слѣдующій день собраться въ оградѣ мечети Имама-Зумэ. Главные бунтари отправились на базаръ, ходили изъ магазина въ магазинъ, обходили каравансарай и наказывали на слѣдующій день не открывать ни магазиновъ, ни каравансарад, а собраться въ оградѣ мечети Имама-Зумэ; въ противномъ

случай, если кто откроет магазинъ или каравансарай, то его имущество и все тамъ находящееся будетъ уничтожено.

Теперь опишемъ дворецъ или такъ-называемый посольскій домъ. Въ какомъ печальномъ видѣ былъ онъ въ то время, когда ввелъ меня туда армянинъ Якубъ Султанъ въ 1852 году ¹⁾), когда я былъ въ Тегеранѣ. Онъ показалъ мнѣ сѣни, комнаты, подробно рассказывалъ, какой эпизодъ, гдѣ произошелъ, такъ какъ онъ въ тотъ день былъ въ посольскомъ домѣ, какъ я выше упомянулъ. Домъ былъ расположенъ около рва крѣпостной ограды; его главный входъ приходился съ запада надъ рвомъ. Передъ главнымъ входомъ была сдѣлана полукругомъ, то-есть, лунообразно, площадка, которая какъ бы сливалась съ улицей, чтобы у входа и во рву можно было многимъ свободно собраться и поставить лошадей. Черезъ главныя высокія и широкія ворота входишь плохень-кимъ, полумрачнымъ темнымъ проходомъ — длиною въ 50 шаговъ — внутрь въ передній дворъ. Правая сторона этого прохода — кирпичной стѣны — во время беспорядковъ мѣстами была пробита, а въ кирпичномъ сводчатомъ потолкѣ сдѣлана масса отверстій, черезъ которыхъ проникали лучи солнца, отбѣняя еще больше печальнную картину. Выйдя изъ передняго двора, вступаешь въ четыреугольный просторный внутренний дворъ, въ центрѣ которого находится большой полуразрушенный изъ тесаннаго камня высохшій бассейнъ, узкія дорожки съ четырехъ сторонъ котораго указывали, что когда-то этотъ дворъ былъ разбитъ на четыре части, на четыре цвѣтника, которые теперь поросли дикой заглохшей травой. По четыремъ сторонамъ этого двора были выстроены одноэтажныя большія и малыя комнаты, двери безъ створа, окна безъ рамъ, известка на потолкахъ тутъ и тамъ обсыпалась, мѣстами балки совершенно сгнили, обрушились или искривились. Въ комнатахъ видны куски земли, обросшіе дикими, печальными, будто одѣтыми въ трауръ травками, которыхъ выросли и засохли; вновь выросли и вновь засохли... Все это наводило тоску на душу и сердце зрителя. Въ комнатѣ на южной сторонѣ этого двора и пребывалъ нашъ Мирза-Якубъ Маркарянъ.

Изъ этого двора направляясь на востокъ, выходишь черезъ маленькую дверь и вступаешь въ другой дворъ — гаремъ, который, какъ и первый, построенъ четыреугольникомъ, съ комнатами въ одинъ этажъ по всѣмъ четыремъ сторонамъ, но поменьше, также обрушившимися и разоренными. Здѣсь, на стѣнахъ нѣкоторыхъ комнатъ до сихъ поръ еще оставались куски зеркалъ и были нарисованы масляными красками

¹⁾ Домъ этотъ, повидимому, былъ еще пѣль и въ 1853 году. (См. А. Берже. Смерть А. С. Грибоѣдова. „Русская Старина“ 1872 г. августъ, стр. 170, прим. А. Б.). „Въ бытность мою, въ 1853 г., въ Тегеранѣ, въ домѣ, гдѣ жилъ Грибоѣдовъ, помѣщалась верблюжья артиллерія“. Прим. п е р е в о д ч и к а.

цвѣты, различныя птицы и животныя. Все показывало, что этотъ дворъ, когда-то служилъ для знатныхъ людей, какъ роскошный, красивый гаремъ. Посереди этого двора росъ одинокій тополь; безъ воды онъ пожелтѣлъ и лишился зелени, многія вѣтви засохли, и онъ, точно въ глубокомъ горѣ, являлся безмолвнымъ свидѣтелемъ, напоминавшимъ человѣку о давно минувшей, ужасной кровавой бойнѣ. Отсюда попадаешь въ третій дворъ черезъ тѣсную и низкую дверь; но этотъ дворъ значительно меныше двухъ предыдущихъ. На его южной сторонѣ находилось только одно зданіе, состоящее изъ шести комнатъ; три внизу и три во второмъ этажѣ, гдѣ Грибоѣдовъ отдыхалъ, спалъ и занимался корреспонденціей или чтеніемъ.

Съ середины двора была сдѣлана одна узкая съ высокими ступенями лѣстница для входа въ верхнія комнаты. Сбродная толпа въ дьявольскомъ бѣшенствѣ разрушила балки верхнихъ комнатъ, мѣстами просверлила потолки, проникла во внутрь, убила посла, отрѣзала ему голову и руки и бросила; затѣмъ выбѣжала во дворъ и разграбила имущество, находившееся въ комнатахъ. Мы хотѣли подняться по этой лѣстницѣ наверхъ, войти въ комнаты и осмотрѣть ихъ, но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ ступеньки лѣстницы были полны щебня и было очень скользко; особенно балки потолковъ были навалены въ беспорядкѣ; мы не могли пролѣтѣть подъ ними и потому вернулись назадъ. По серединѣ этого двора мѣстами я останавливался и, какъ бы осталенѣвъ, устремлялъ взоры на разрушенное печальное зданіе, потомъ молча вышелъ вонъ. При выходѣ Якубъ-Султанъ разсказывалъ о разныхъ происшествіяхъ: о послѣ, обѣ его храбрыхъ казакахъ, но чувства и мысли были спутаны, и я ничего не могъ понять.

Въ понедѣльникъ, 30-го января, едва забрезжилось, какъ дали знать Манучаръ-хану, что нѣсколько мулль и сеидовъ ходятъ по базару и запрещаютъ открывать лавки, говоря, что «сегодня нужно идти въ посольской домъ, насильно взять Мирзу-Якуба-вѣроотступника и изрубить его въ куски». Манучаръ приказалъ разбудить Соломона Меликянца и послать его въ посольской домъ—сказать послу, что пока базарь еще не открылся весь и толпа не успѣла соединиться, пусть онъ пошлетъ Мирзу-Якуба съ нѣсколькими людьми въ мечеть шахъ-Абдулъ-Азима, откуда никто не осмѣлится взять его или напасть на него. А то если толпа соберется и пойдетъ на посольской домъ, правительство не будетъ въ состояніи помѣшать и отразить ея страшное нападеніе, даже если бы подвергся опасности посольской домъ. Соломонъ, дойдя до посольского дома, узналъ, что Грибоѣдовъ еще спитъ. Никто не осмѣливался его разбудить, но Соломонъ неотступно настаивалъ, чтобы прислуга разбудила его. Спустя довольно продолжительное время, послу, наконецъ, разбудили.

— Если кто-нибудь, а особенно русско-подданный, приходитъ подъ русское царское знамя и находится подъ его покровительствомъ, скажаль посолъ Соломону, я не могу его выгнать изъ посольского дома; но, если Якубъ самъ добровольно уйдетъ, я мѣшать не буду.

Соломонъ отправился къ Мирзѣ-Якубу и увѣщевалъ, чтобы онъ исполнилъ предложеніе Манучаръ-хана, но тотъ отвѣчаетъ: «я пришелъ и отдался сильному русскому знамени, поэтому, если посолъ выгонить меня изъ посольского дома, пойду въ мечеть шахъ-Абдулъ-Азима; въ противномъ случаѣ я своею волею отсюда не выйду; если бы даже меня здѣсь изрубили въ куски, я съ радостью готовъ умереть».

Соломонъ возвратился къ Манучару и сообщилъ о переговорахъ, которые велъ въ посольствѣ. Манучаръ вновь послалъ Соломона сказать послу, что Манучаръ-ханъ ручается черезъ нѣсколько дней благополучно взять Мирзу-Якуба отъ шахъ-Абдулъ-Азима—хранителя не-прикосновенности мусульманскихъ завѣтовъ и въ случаѣ желанія доставить къ нему или въ Тавризъ, къ консулу, но только пусть слушается и отправить Якуба къ хранителю завѣтовъ, пока толпа не направилась на посольской домъ. Посолъ и этого предложенія не принялъ. Тогда Соломонъ вновь обратился къ Якубу, чтобы тотъ вышелъ добровольно изъ посольского дома и, хоть бы съ нимъ, то-есть съ Соломономъ, отправился къ хранителю завѣтовъ; но Якубъ спокойно, не смущаясь, отважно повторялъ то, что и прежде отвѣчалъ. Соломонъ уже хотѣлъ идти сообщить о результатахъ переговоровъ Манучаръ-хану, какъ встрѣтилъ во внутреннемъ дворѣ Авраама Дадашянца—астраханца, ночью прибывшаго сюда. Онъ долгое время прослужилъ въ Персіи при русскомъ посольствѣ и хорошо зналъ характеръ и обычай персовъ; онъ оставался въ Тавризѣ, чтобы привезти грузъ для посольства, и въ прошлую ночь около двухъ часовъ прибылъ въ Тегеранъ. Поэтому Соломонъ, увидѣвъ его, очень обрадовался и, вкратцѣ рассказавъ сущность дѣла, попросилъ, уговорить послы—принять предложеніе Манучаръ-хана. Дадашянцъ пошелъ просить послы, но послы удивился, сказавъ: «въ такомъ дѣлѣ твое внимательство совершенно лишене, запрещаю тебѣ вмѣшиваться не въ свое дѣло, какъ это ты дѣлалъ при моихъ предшественникахъ».

Соломонъ, услыхавъ отъ Дадашянца приведенные слова, возвратился и сообщилъ Манучару.

Не прошло и полъ-часа послѣ ухода Меликянца, какъ сбродная толпа съ ревомъ и крикомъ подошла къ посольскому дому, но не осмѣлилась войти внутрь. Посолъ же, замѣтивъ происшедшее, приказалъ казакамъ и коннымъ солдатамъ изъ грузинъ взять оружіе, при чемъ одной части остататься на переднемъ дворѣ, а другой подняться на крышу

и тамъ стоять¹⁾). Затѣмъ велѣль запереть главныя ворота; такъ какъ толпа постепенно увеличивалась, скоплялась и время отъ времени издавала неистовые крики «аллахъ, аллахъ», но никому еще не причиняла вреда. Въ самомъ дѣлѣ, толпа, какъ уже сказано, была подговорена муллами и сеидами съ цѣлью запугать посла; поэтому бродяги и оборванцы начали черезъ посланного требовать, чтобы вывели изъ посольства Мирзу-Якуба, иначе они разломаютъ ворота посольского дома, войдутъ внутрь и, вырвавъ Якуба изъ ихъ рукъ, выведутъ воинъ; но муллы и сеиды грозили имъ и удерживали ихъ отъ такого поступка. При дворѣ, узнавъ о затѣяхъ толпы, распорядились, чтобы нѣсколько шахзадѣ²⁾ отправились туда убѣдить и разогнать ее; но пока шахзадѣ умывались, одѣвались, сѣдлали коней и собирали прислугу, прошло много времени, и они пришли, уже когда имъ дѣлать было нечего³⁾. Тутъ немножко остановимся. Участвовавшіе⁴⁾ въ этомъ грустномъ происшествіи и очевидцы разсказывали, что вооруженные русскіе солдаты, стоя на крышѣ коридора, завтракали; принесли вино и, выпивая, поднимали стаканы, будто пить за здоровье другъ друга. Одинъ изъ нихъ вызывающимъ образомъ, держа стаканъ въ рукѣ, сдѣлалъ знакъ толпѣ, какъ бы приглашая придти выпить.

Раздраженная этой выходкой толпа хотѣла подняться на крышу со стороны конюшни (которая была ниже) и на мѣстѣ убить ихъ; но муллы и сеиды, сдерживая толпу, не позволили ей устремиться туда. Вѣроятенъ слухъ, будто муллы эти собрали толпу, согласно приказу отъ двора, и знали, что шахзадѣ должны были прийти, поэтому и не допускали, быть можетъ, ожидая ихъ. Когда русскіе солдаты окончили свой завтракъ, вдругъ раздался звукъ отъ выстрѣла изъ ружья или пистолета, и въ толпѣ, на разстояніи 20 или 25 шаговъ къ югу

¹⁾ Вмѣстѣ съ ними было нѣсколько лицъ изъ армянъ, пришедшихъ за плѣнниками.

Прим. переводчика.

²⁾ Принцевъ.

³⁾ Исторія Каджаровъ передаетъ, что „шахзадѣ пошли, много просили толпу разойтись, но толпа ихъ не послушалась и пр. и пр.“ Изъ лицъ, бывшихъ на мѣстѣ, никто этого не удостовѣрилъ; поэтому и написанное въ исторіи Каджаровъ—вымыселъ.

Прим. автора.

⁴⁾ Въ Тегеранѣ многіе персы, бывшіе на мѣстѣ происшествія, и очевидцы не только рассказывали съ хвастовствомъ объ этомъ происшествіи, и не боялись говорить, что сами участвовали въ этой рѣзанѣ; даже поименно называли тѣхъ, кто что сдѣлалъ въ этотъ день и что вытерпѣлъ и кто былъ изъ мулль и сеидовъ, указывая для примѣра на ага-Миръ-Асада изъ Казвани, Сеидъ-Муртаза пшъ Зеандяна, муллу-Махмудъ-Боландриша, муллу-Саманда-Морисхана и другихъ.

Прим. автора.

отъ главныхъ воротъ, одинъ 15 или 16-лѣтній юноша оказался раненымъ.

Тогда черни оставила главныя ворота посольского дома и въ гиѣвѣ, съ яростью и звѣрскимъ шумомъ и крикомъ окружила юношу, а черезъ не сколько минутъ прошелъ слухъ, что раненый уже испустилъ духъ.

Въ этотъ моментъ, къ несчастію, Соломонъ Меликянцъ верхомъ, окруженній служителями и лакеями Манучаръ-хана изъ персовъ, появился съ южной стороны, гдѣ былъ раненъ и испустилъ духъ юноша. Онъ выжалъ отъ Манучаръ-хана сказать послу, что шахзадэ идуть разсѣять толпу, поэтому и посолъ хорошо поступилъ бы, передавъ Якуба шахзадэ, чтобы благодаря этому толпа успокоилась и была бы вынуждена повиноваться имъ; но если бы и случилось затѣмъ что-нибудь съ Якубомъ, пусть это произойдетъ виѣ посольского дома. Освирѣвшая толпа, думая, что Соломонъ—чиновникъ посольства, такъ какъ онъ былъ одѣтъ въ посольскую форму, напала на него со всѣхъ сторонъ, сѣтила съ коня, избила его и потащила къ тому мѣсту, гдѣ былъ раненъ и скончался юноша. Ударами кулаковъ и палокъ Соломонъ былъ убитъ.

Послѣ этого муллы и сеиды, потерявъ свое вліяніе, не въ состояніи были уже сдерживать толпу. Внѣслѣдствіи говорили, что никто не зналъ, какимъ путемъ проникла толпа въ посольскій домъ, такъ какъ, хотя она, взломавъ главныя ворота, и открыла ихъ, однако внутри находящаяся стража изъ персовъ со своимъ начальникомъ (во главѣ ея былъ Якубъ-Султанъ изъ армянъ), успѣла ихъ выгнать и вновь запереть ворота ¹⁾). Толпа, мучительнымъ образомъ убивъ Соломона, съ страшнымъ ревомъ и мятеожнымъ крикомъ: «джихате-джихать», то-есть, религіозный походъ, обратившись къ посольству, кричала: «невѣруючія собаки должны околѣть и подобно имъ должны быть избиты!»

Довольно продолжительное время мятежики пытались сокрушить главный створъ, но не могли сдѣлать ничего, такъ какъ сзади разношерстая толпа стала каменнымъ градомъ закидывать посольскій домъ. Тѣмъ временемъ съ рынка и откуда-то еще принесли большие молотки, въ родѣ мотыгъ и застуны и со страшнымъ трескомъ проломали ворота. Къ этому шуму присоединился неистовый крикъ черни, отчего городъ пришелъ въ ужасъ. Толпа, подобно неудержимому по-

¹⁾ Якубъ-Султанъ говорилъ, что „посольство заподозрило персидскую стражу, но почему, не понимаю. Русскіе насы могли быстро выгнать изъ зданія посольства, если бы не боялись раскрыть ворота, и когда толпа собралась около раненаго Соломона, русскіе нашли удобный случай быстро открыть ворота и выгнали насы. Допустимъ, что солдаты были персы, ихъ могли подозревать, но я же былъ христіанинъ и сильно расположень къ нимъ“.

Прим. автора.

току, наполнила проходъ въ посольство, но казаки, армяне и грузины съ отчаянной храбростью довольно продолжительное время оказывали сопротивление, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ были ранены, а другіе убиты. Такимъ образомъ посольская стража не позволяла толпѣ вступить въ слѣдующій дворъ; но когда замѣтила, что толпа съ крыши первого двора спустилась по стѣнамъ, то стража посольства спѣшила занять дверь прохода втораго двора, чтобы толпа не проникла туда. Большая часть необузданной толпы, оставшаяся на улицѣ, сообразивъ, что русскіе стоять въ тѣсномъ проходѣ и не позволяютъ передовой части толпы войти въ посольскій домъ, поднялась черезъ низкія стѣны конюшни на крышу и оттуда перешла на крышу посольскаго дома, между тѣмъ какъ бывшая тамъ вооруженная русская охрана спускалась внизъ въ проходъ на помощь казакамъ, рѣшивъ, что съ высокой крыши посольство безопасно. Амбарцума-бега, который по одеждѣ и наружности сильно походилъ на перса, толпа не убила; онъ говорилъ, что Мирза-Якубъ, до того момента спокойно и весело настроенный, сидѣлъ въ своей комнатѣ; но когда увидѣлъ, что голова толпы уже проникаетъ въ его комнату (Амбарцумъ прибавилъ, что, кажется, солдаты изъ нашей персидской охраны послѣ изгнанія изъ посольского дома, находясь вѣтъ, сообщили толпѣ мѣстопребываніе Якуба, поэтому толпа прямо и направилась къ его жилищу), онъ, Якубъ, всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и сказалъ: «меня хотите? я безоружный передъ вами, убейте меня скорѣе, чтобы по моей винѣ другіе не были убиты». До послѣдняго издыханія онъ повторялъ «бзанидъ, бзанидъ», то-есть бейте, бейте. Такъ и вышло: его тѣло было изрублено въ куски; затѣмъ толпа бросилась на другой дворъ, дверь котораго охранялась вооруженными русскими. Тутъ совершились съ обѣихъ сторонъ ужасныя, душу потрясающія убийства; но русскіе солдаты, съ неимовѣрнымъ упорствомъ и храбростю сражаясь и постепенно уменьшаясь въ численности, не въ состояніи были противодействовать; они вынуждены были уступить свою позицію и войти во второй дворъ.

Грибоѣдовъ, видя изъ окна своей комнаты эту ужасную картину, приказывалъ остальнымъ солдатамъ собраться на ступенькахъ лѣстницы, ведущей въ верхній этажъ, и, держа передъ собой шапки, ружья и пистолеты, стоять и не допускать толпу войти на верхъ и забраться въ его комнаты, пока отъ шахскаго двора не поспѣеть помочь. Самъ онъ одѣлся въ парадное платье и надѣлъ ордена, чтобы толпа, узнавъ его, отнеслась съ почтеніемъ и не посягнула бы на его особу. Но напрасенъ былъ его расчетъ! Взбѣшенная толпа ни на что не смотрѣла и уже ничего не боялась.

Подстрекатели и инициаторы-муллы и сеиды послѣ убийства Мирзы-

Якуба исчезли. Также и опытные старцы-фанатики послѣ убийства Мирзы-Якуба, согласно мусульманскому шаріату, считая свой священный долгъ исполненнымъ, подобно статуямъ, стояли на улицахъ или внутри въ углахъ дворовъ, въ качествѣ зрителей и ждали конца; а бродяги и городскіе негодяи, не зная, на что устремиться, дѣлали, что хотѣли.

Посоль въ одномъ и томъ же положеніи долгое время выдерживалъ осаду въ верхнемъ этажѣ, подъ защитой нѣсколькихъ отважныхъ и храбрыхъ казаковъ. Какъ только толпа, сбитая въ тѣснотѣ и узкотѣ дворѣ, замѣтила, что не въ состояніи окончательно уничтожить своихъ противниковъ, она бросилась на крышу, разрушила кровлю комнаты, занимаемой посломъ, снимала балки и бросала ихъ въ голову осажденныхъ; въ открывшіяся отверстія крыши бросали внутрь комнаты камни, палки, молоты; выстрѣлами изъ ружей и пистолетовъ убили посла, сорвали съ него ордена, надѣтое на немъ платье и его трехуголку и выбросили его изъ окна, тѣмъ самымъ желая показать толпѣ, что одержана полная побѣда¹⁾). Затѣмъ выйдя изъ комнаты и двора, мятежники напали на храбрыхъ казаковъ и дрались съ ними, пока, наконецъ, подоспѣли шахзадѣ и разсѣяли толпу²⁾). Изъ служащихъ въ посольствѣ спасся только одинъ Мальцевъ³⁾ со своимъ слугою и вышеупомянутый Амбарцумъ-бекъ, хотя послѣдній и былъ сильно раненъ, когда бродяги его распознали. Манучаръ-ханъ въ тотъ же день вечеромъ послалъ людей перевезти къ себѣ въ домъ тѣло Соломона Меликянца. Съ Ускумъ-ханумъ, при видѣ трупа внука, сдѣлался параличъ, и на второй день она скончалась. Манучаръ оба эти трупа отправилъ, для преданія землѣ въ оградѣ армянской церкви, чтобы черезъ нѣсколько дней перевезти въ Св. Эчміадзинъ и тамъ похоронить. Трупы убитыхъ во время неистовства черни цѣлыхъ три дня оставались въ посольскомъ домѣ⁴⁾; на четвертый день Калантаръ изъ Тегерана, по

¹⁾ Здѣсь авторъ противорѣчить сказанному на стр. 59. Ред.

²⁾ Неизвѣстное лицо въ письмѣ безъ подписи, адресованномъ изъ Тегерана аштаракскому Нерсесу-архіепископу (впослѣдствіи католикосу), описывая это печальное происшествіе, сообщало, что число убитыхъ достигало 54 человѣкъ; а русскіе офиціальные источники показываютъ, что число однихъ пришедшихъ на поиски пленниковъ достигало 48 лицъ. Прим. автора.

Письмо это въ переводѣ на русскій языкъ напечатано въ журналѣ, выходившемъ подъ редакціей Ал. Д. Ерицова, „Кавказская Старина“ 1872 г. № 1, ноябрь, стр. 28. Прим. переводчика.

³⁾ Ср. разсказъ Мальцева о своемъ спасеніи. „Рус. Вѣстникъ“ 1890 г. № 6, стр. 164 и слѣд. Прим. переводчика.

⁴⁾ Объ издѣвательствѣ надъ трупомъ А. С. Грибоѣдова см. Пушкина А. С., Собр. соч. т. IV, стр. 431. Изд. Литературного фонда. „Обезображеній трупъ его, бывшій три дня игралищемъ Тегеранской черни“... Nouvelles Annales des voyages. 1830. Т. 48. Р. 366. Рассказъ

приказанию шаха, ночью, тайкомъ, взялъ людей, передъ зданiemъ посольства во рву крѣпости выкопалъ яму и, собравъ всѣ трупы, приказалъ свалить вмѣстѣ въ эту яму и покрыть землей. Шесть или семь дней спустя послѣ этого происшествія, правительство, узнавъ, что Манучаръ намѣренъ трупы своей матери и племянника отправить въ Св. Эчміадзинъ, не знаю по чьей инициативѣ, послалъ людей раскопать яму, найти трупъ послы, отвезти въ армянскую церковь и также предать землѣ въ оградѣ ея, на случай, если русское правительство потребуетъ его выдачи. Посланые не могли узнать трупа Грибоѣдова, поэтому пригласили Аветиса Кузиняна и другихъ купцовъ—русскихъ подданныхъ—чтобы хоть тѣ могли распознать, но никто не могъ узнать его. Кто-то сказалъ, что дѣло не въ настоящемъ трупѣ послы, а въ его

персianina: „J'appris par mes domestiques qu'on avait traîné le cadavre mutilé de Mirza Iakoub par toute la ville, et qu'ensuite on l'avait jeté dans un fossé profond.

Il en fut de m me d'un corps qu'on supposait  tre celui de M. Griboyedov. On attacha des cordes aux jambes et un cort ge d risoire l'escorta dans les principales rues et les bazars de T héran en criant par intervalles: „Place, place   l'ambassadeur russe qui va rendre visite au schah. Restez debout pour t moigner votre respect, et saluez-le   la mode des Francs, en vous d couvrant la t te“. Apr s l'avoir longtemps promen  ainsi, on l'exposa   la vue du public dans la place qui m ne   la porte principale de la citadelle. A la chute du jour, tout  tant rentr  dans le calme, on le transporta, d'apr s les ordres du prince-gouverneur dans, la maison de Mohammed Khan. La nuit se passa tranquillement et le lendemain le ferach-bachi K rim khan fut d sign  pour faire op rer la translation de tous les cadavres; 44 personnes de l'ambassade russe avaient p ri. Apr s quelques recherches, on retrouva le corps de M. Griboyedov au milieu d'un tas de morts devant une des fen tres de son appartement. Je vis avec une sorte de satisfaction qu'il n'avait essuy  aucun outrage“.

Переводъ. Я узналъ отъ моихъ слугъ, что изувѣченный трупъ Мирзы Якуба таскали по всему городу, а затѣмъ бросили въ глубокій ровъ. Точно также было поступлено и съ предполагаемымъ тѣломъ г. Грибоѣдова. Къ его ногамъ привязали веревки, и шутливый поѣздъ сопровождалъ его по главнымъ улицамъ и по базарамъ Тегерана, крича время отъ времени: „Дайте мѣсто, дайте мѣсто русскому посланнику, которыйѣдетъ съ визитомъ къ Шаху. Стойте прямо, чтобы выказать ему ваше почтеніе, и поклонитесь ему по-европейски, обнаживъ голову“. Проволочивъ его такимъ образомъ долгое время, его выставили на показъ толпѣ на площади, которая вѣдѣтъ къ главнымъ воротамъ крѣпости. Когда съ наступленiemъ сумерекъ вездѣ водворился порядокъ, то его перенесли, по приказанію губернатора, въ домъ Мухаммед-хана. Ночь прошла спокойно, а на слѣдующій день ферахъ-баги Керимъ-ханъ былъ назначенъ для перенесенія всѣхъ тѣль; погибло 44 человѣка русского посольства. Послѣ нѣкоторыхъ поисковъ было найдено тѣло г. Грибоѣдова среди груды труповъ передъ однимъ изъ оконъ его квартиры. Я увидѣлъ съ нѣкоторыми удовольствіемъ, что ему не было нанесено никакого оскорблениа (?).

П р и м. п р е в о д ч и к а .

имени, поэтому на второй день взяли одинъ трупъ, который сравнительно менѣе былъ израненъ, и отвезли его въ армянскую церковь, гдѣ въ ея оградѣ и похоронили.

Черезъ двѣ недѣли, когда Манучаръ-ханъ трупы своей матери и Соломона помѣстилъ на одномъ тахтѣ-реванѣ и отправилъ въ Эчміадзинъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ верховыхъ, тогда на другомъ тахтѣ-реванѣ былъ отправленъ и предполагаемый трупъ Грибоѣдова: наполнили два мѣшка соломою, навьючили ими одну лошадь и трупъ, уложенный въ гробъ, помѣстили посерединѣ двухъ мѣшковъ, такъ какъ однимъ только гробомъ нельзя было навьючить лошадь.

Послѣ этого печального происшествія около мѣсяца спустя, одинъ персидскій купецъ явился къ Манучаръ-хану и заявилъ, что Мирза-Якубъ за нѣсколько дней до этого происшествія вручилъ ему одну связку кашемировыхъ шалей, вышитыхъ, съ его инициалами, съ тѣмъ, что сообщить впослѣдствіи, кому онѣ должны быть переданы; теперь, послѣ его убийства, онъ не знаетъ, что съ ними дѣлать, кому вручить? Манучартъ приказалъ отнести ихъ и передать верховному визирю, который, опечатавъ своею печатью, приказалъ Манучаръ-хану—хранить, какъ наследственное имущество.

Говорили, что Якубъ имѣлъ массу драгоцѣнныхъ камней и раздалъ разнымъ лицамъ, но никто обѣ этомъ не заявилъ, такъ они и пропали. Спустя нѣкоторое время, т. е. въ 1832—1833 годахъ, оставшееся имущество отъ Якуба русскій тавризскій консулъ вручилъ мужу дочери брата Якуба (брать Якуба былъ убитъ также въ посольствѣ) Мкртичу Карташяну, въ то время секретарю Эчміадзинскаго Синода.

Въ заключеніе приводимъ разсказъ Амбарцума, напечатанный въ газетѣ «Мшакъ» подъ заглавіемъ: «Убийство А. С. Грибоѣдова»¹⁾.

Разсказъ Амбарцума: «Нашъ вазиръ-мухтаръ (полномочный посолъ) былъ очень добродушный и милостивый человѣкъ,—сказалъ старецъ-разсказчикъ,—хотя господинъ въ высшей степени раздражительного характера. Въ числѣ лицъ, желающихъ вернуться на родину, были и такія, которыхъ сдѣлались евнухами при дворѣ Фетъ-Али-Шаха, и такія женщины, которыхъ поступили въ шахскій гаремъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ была одна очень красивая женщина, которая иногда, ночью, тайкомъ приходила къ вазиръ-мухтару въ домъ, находящійся въ кварталѣ Дараваза-Шахъ-Абдулъ-Азимъ (этотъ домъ и до сихъ поръ существуетъ) и умоляла послана выслать ее на родину, въ Тифлисъ. Ее принимали за мусульманку (она была грузинка). Когда узнали обѣ этомъ, то какъ шахъ, такъ и народъ страшно воз-

¹⁾ См. №№ 2 и 3 за 1895 г.

мутились; подумали, что эта грузинка находится въ любовныхъ отношеніяхъ съ вазиръ-мухтаромъ; въ глазахъ же мусульманъ такой проступокъ можетъ быть смыть только убийствомъ нарушителя закона.

«По шаріату, и женщина и вазиръ-мухтаръ должны были быть избиты камнями.

«Шахъ считалъ себя обезчещеннымъ, а духовенство считало святую религию поруганію. Каждый день на базарѣ мы слышали, какъ муллы въ мечетяхъ и на рынкахъ возбуждали фанатической народъ, убѣждая его отомстить, защитить исламъ отъ оскверненія «кяфиromъ». Мы приходили и рассказывали вазиръ-мухтару, но онъ только смѣялся и не вѣрилъ тому, чтобы они осмѣялись что-нибудь подобное сдѣлать. По настоящему нашихъ казаковъ и тѣлохранителей, онъ только одинъ разъ обратился шаху и заявилъ о возбужденіи народа.

«Шахъ просилъ быть покойнымъ, говоря, что никто не осмѣится ничего сдѣлать.

«Въ 1829 году въ послѣднихъ числахъ января, волненіе и возбужденіе въ городѣ постепенно увеличивались; шахъ со своими приближенными и своимъ гаремомъ выѣхалъ изъ города и поѣхалъ въ одну изъ близь лежащихъ деревень.

«Мы—курьеры и казаки, постоянно держали наготовѣ наши ружья и пистолеты, но посолъ считалъ невозможнымъ какое бы то ни было нападеніе на посольский домъ, надѣ крышей которого развѣвался русской флагъ.

«30-го января, едва забрезжилось, какъ вдругъ послышался глухой ревъ; постепенно слышались традиціонные возгласы: «Эа Али, салавать» (съ Богомъ), исходящіе изъ усть тысячной толпы. Несколько служащихъ бѣгомъ пришли извѣстить о томъ, что многочисленная толпа, вооруженная камнями, книжалами и палками, приближается къ посольскому дому, предшествуемая муллами и сеидами. Возгласы: «смерть кяфирамъ» были слышаны очень хорошо. Посоль тенерь понялъ опасность: онъ приказалъ запереть ворота, всѣмъ казакамъ и курьерамъ числомъ около 40 велѣлъ стоять позади воротъ и охранять домъ, а самъ вмѣстѣ съ двумя казаками, имѣя въ рукахъ ружье и пистолетъ, сталъ передъ дверью комнаты. При крикахъ: «Эа Али, салавать» и страшномъ грохотѣ обрушилась дверь подъ ударами топоровъ. Толпа завопила: «гдѣ невѣрующій вазиръ-мухтаръ?» Несколько десятковъ персидскихъ солдатъ, пришедшихъ для вида изъ сосѣднихъ казармъ, моментально скрылись. Казаки героически дрались, постепенно отодвигаясь къ комнатамъ. Когда почти всѣ были избиты и толпа приблизилась къ комнатамъ, посолъ со мною и вмѣстѣ съ двумя казаками лицомъ къ лицу стали навстрѣчу толпѣ.

«Видя, что наступила послѣдняя минута, я подошелъ къ послу и по-

*

просилъ, чтобы онъ вошелъ въ комнату, влѣзть въ печную трубу и че-резъ нее поднялся за крышу дома. Оказалось, что онъ съ мѣста ранилъ нѣсколькихъ и изъ ружья убилъ нѣсколько десятковъ персовъ. Я остановился передъ дверью и своимъ корпусомъ помѣшалъ толпѣ войти; сильные удары посыпались на мою голову, я упалъ, но все-таки произнесъ: «вазиръ-мухтаръ уже убить, чего вы еще хотите?»

«Не найдя никого въ комнатѣ, толпа побѣрила и вышла вонъ возвѣстить слухъ и отыскать трупъ. Въ это время кто-то замѣтилъ на крыше двухъ скрывающихся казаковъ; толпа тотчасъ взобралась на крышу и убила ихъ камнями; одинъ изъ мятежниковъ заглянулъ въ дымовую трубу и крикнулъ: «вотъ одинъ кяфиръ спрятался въ печкѣ». Въ одно мгновеніе разрушили печку и, извлекши оттуда уже избитое тѣло (это было тѣло Грибоѣдова), подвергли его тысячѣ ударовъ. Лежа на мѣстѣ, я слышалъ эти удары; меня считали уже умершимъ, или, можетъ быть, меня спасло отъ смерти то, что я былъ одѣтъ въ платье персидскаго курьера.

«Изуродованный и избитый трупъ послана вытащили во дворъ, и быстро все успокоилось...

«Когда я очнулся черезъ нѣсколько часовъ, кругомъ себя увидѣлъ однѣ развалины, трупы, человѣческое мясо и кровь...

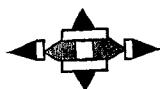
«Скрылся въ домѣ одного милосерднаго персіанина; узналъ, что цѣлыхъ два дня таскали по улицамъ трупы послы и казаковъ вмѣстѣ съ трупами дохлыхъ собакъ.

«Спустя два дня, наконецъ, пришелъ самъ шахъ; сердился, горевалъ и приказалъ подобрать трупы.

Я¹⁾ спросилъ старца-Амбарцума: «но неужели не нашли трупъ вазиръ-мухтара?» «Нашли одинъ трупъ и говорили, что это трупъ Грибоѣдова, но Богъ знаетъ, тотъ былъ или нѣтъ»...

«По нашему мнѣнію, этотъ разсказъ, переданный лицомъ-очевидцемъ и принимавшимъ участіе въ избіеніи, долженъ быть признанъ за самый достовѣрный».

Сообщ. съ дополненіями М. Я. Алавердянцъ.

¹⁾ Авторъ статьи, скрывающійся подъ инициалами Г. А.

Императоръ Павелъ.

Очеркъ развитія его личности.

III¹⁾.

Ентренній міръ юноши—Павла Петровича, со времени прекрасенія Порошинъмъ своихъ записокъ (13-го января 1766 года) остается совершенно неизвѣстнымъ. Да и вообще нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній объ его юношескихъ годахъ. Такъ продолжается до 1772 года, года совершеннолѣтія Павла Петровича, когда различные честолюбцы начинаютъ выдвигать впередъ его имя, какъ лица, имѣющаго всѣ права на занятіе россійскаго престола, якобы незаконно удерживаемаго за собой Екатерину. Такимъ образомъ, силою вещей былъ выдвинутъ впередъ и получилъ особое значеніе вопросъ объ отношеніяхъ Екатерины и Павла. Съ этого же собственно времени начинаютъ портиться и взаимные отношенія ихъ. А разъ начавъ ухудшаться, они ухудшались въ дальнѣйшемъ, почти помимо воли матери и сына, чисто роковымъ образомъ, въ силу неумолимой логики обстоятельствъ.

Почва для этого, по отношенію къ Павлу Петровичу, была подготовлена той обстановкой, среди которой разыгралось передъ нимъ событие 28-го июня 1762 года. Въ этотъ день, утромъ, чтобы перевести его изъ Лѣтняго дворца въ Зимній, его выхватили прямо изъ постели и, какъ онъ былъ, въ ночномъ костюмѣ, перенесли въ коляску, которая понеслась затѣмъ такъ, что, по свидѣтельству современника, казалось,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ сентябрь 1901 г.

что лошади летѣли. Въ этотъ же день, чтобы примирить его съ совершившимся фактомъ, ему было сказано, что Петръ Феодоровичъ имѣлъ намѣренія посягнуть на его жизнь. Это сообщеніе произвело на мальчика потрясающее дѣйствіе, и, какъ доносилъ позднѣе французскій посланникъ Сабатье-де-Кобръ, «онъ былъ охваченъ столь сильнымъ ужасомъ, что съ тѣхъ поръ его организмъ повредился». Самъ Павелъ Петровичъ высказывалъ впослѣдствіи (въ 1773 году), что «страхъ и обычная принужденность» вкоренились въ него съ 1762 года, и что именно съ этого времени у него создалась «привычка» къ подозрительности.

«Ко всѣмъ личнымъ дѣтскимъ воспоминаніямъ, — пишетъ Н. К. Шильдеръ, — нужно еще присоединить влияніе услугливыхъ или же опрометчивыхъ нашептываній со стороны разныхъ лицъ, отъ которыхъ, даже при идеальномъ надзорѣ, трудно было уберечь цесаревича.

«Весьма естественно поэтому, что въ умѣ маленькаго Павла прочно засѣло предубѣжденіе противъ матери. Оно выразилось въ непреобразимомъ ничѣмъ чувствѣ подозрительного страха, сознательного недоброжелательства къ лицу, вдобавокъ, якобы похитившему что-то, безспорно ему одному принадлежавшее по праву рожденія. Неумолимая послѣдовательность въ развитіи психическихъ явлений должна была сдѣлать свое дѣло и въ разсматриваемомъ случаѣ, а между тѣмъ доказано, до какой степени жестоко работаетъ, при извѣстной обстановкѣ, логика дѣтей; приговоръ этой логики, въ большинствѣ случаевъ, безпощадный; когда же, наконецъ, разсудокъ вступаетъ въ свои права, онъ оказывается бессильнымъ въ борьбѣ съ разыгравшимися страстями и установившимися предубѣжденіями.

«Екатерина, въ перепискѣ съ Гrimmомъ, однажды замѣтила: «Не всегда знаютъ, что думаютъ дѣти, и трудно узнать дѣтей, особенно, когда доброе воспитаніе пріучило ихъ слушать съ покорностію». Павелъ именно повиновался съ покорностію и, конечно, объ извѣстныхъ вещахъ научился своевременно молчать, но отъ этого, разумѣется, никакъ не выигрывали его сыновнія чувства по отношенію къ матери. Послѣ 6-го же іюля взаимныя отношенія получили еще новый, отсутствовавший дотолѣ, непріязненный оттѣнокъ. Между матерью и сыномъ появилась тѣнь, хотя и не грозная, но наложившая, однако, неизгладимую печать на отношенія императрицы къ своему первому вѣрноподданному».

Въ довершениі всего, и самъ главный воспитатель цесаревича, Никита Ивановичъ Панинъ, всегда придерживался убѣжденія, что «по устраненіи Петра III, всѣ права на русскій престолъ должны были перейти прямо къ цесаревичу Павлу Петровичу, а Екатерина, какъ его мать, должна была быть признана только правительницей до совер-

шеннолѣтія сына. Предположенія Панина (въ свое время) ни въ комъ не встрѣтили поддержки, и оберъ-гофмейстеру Павла Петровича пришлось, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ примириться съ совершившимся фактомъ; но свои мысли и взгляды Панинъ старался внушиТЬ своему воспитаннику». Въ соотвѣтствіи съ этимъ онъ не призналъ нужнымъ выяснить цесаревичу «истинный смыслъ переворота 1762 года и историческое значеніе воцаренія Екатерины, сравнительно съ правлѣніемъ ся предшественниковъ». Напротивъ того, восхваляя отца и вселяя въ сына снисходительное отношеніе къ его заблужденіямъ и увлеченіямъ, онъ ни слова не сказалъ о томъ, чѣмъ Россія обязана Екатеринѣ, а подобное слово, услышанное изъ устъ Панина, имѣло бы громадное значеніе для Павла и не прошло бы для него безслѣдно. Это одно только и могло бы побудить наслѣдника быть продолжателемъ дѣлъ своей матери на пользу Россіи». Подобный образъ дѣйствій со стороны Панина Н. К. Шильдеръ объясняетъ тѣмъ, что «оскорблѣнное самолюбіе Панина не устояло противъ искушенія подготовить себѣ въ наслѣдникъ мстителя за непризнаніе со стороны Екатерины его, панинской, политической мудрости; расходясь во взглядахъ съ императрицею, онъ задумалъ создать себѣ въ лицѣ своего воспитанника болѣе покорнаго слушателя и послѣдователя. Очевидно, что Павлу рассказали исторію его отца, какъ человѣка, желавшаго добра Россіи и ею непонятаго, неоцѣненнаго; отсюда явилось въ цесаревичѣ желаніе подражать отцу».

Слѣдствіемъ перечисленныхъ условій явилось то, что постепенно имя Павла Петровича сдѣлалось знаменемъ, вокругъ котораго стали группироваться недовольные правлѣніемъ Екатерины, по тѣмъ или другимъ причинамъ жаждавшіе перемѣны. «Въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—читаемъ мы въ сочиненіи Н. К. Шильдера,—они дѣйствовали съ согласіемъ или съ вѣдома великаго князя, въ другихъ случаяхъ — злоупотребляли его именемъ. Такъ было въ дѣлѣ Гурьева, Хитрова, Арсенія Мацѣевича, Беніовскаго и другихъ». Все это, конечно, дѣлалось извѣстнымъ императрицѣ и не могло не отражаться на взаимныхъ отношеніяхъ матери и сына.

Заброшенное въ душу Павла Петровича сѣмя недовѣрія къ матери взошло въ немъ пышнымъ, но ядовитымъ цветкомъ: онъ сталъ сосредоточиваться въ самомъ себѣ, въ немъ стали развиваться подозрительность и мнительность, опасеніе за свою жизнь. Одно время онъ самъ понялъ, что зашелъ по этому пути слишкомъ далеко. Такъ, въ 1773 году онъ признавался своему другу графу А. К. Разумовскому: «свою дружбою вы произвели чудо во мнѣ: я начинаю относиться съ недовѣріемъ къ моей прежней недовѣрчивости; но, мой другъ, необходимо, чтобы вы проявили настойчивость по отношенію ко мнѣ, потому что

вы имъете дѣло съ десятилѣтней привычкой и боретесь съ тѣмъ, что вкоренили въ меня страхъ и обычная принужденность». Въ другомъ случаѣ, въ томъ же 1773 году, онъ писалъ: «Я проводилъ время въ величайшемъ согласіи со всѣмъ окружающимъ меня—доказательство, что я держалъ себя сдержанно и ровно. Я все время прекрасно чувствовалъ себя, много читалъ и гулялъ, настоятельно помня то, что вы такъ рекомендовали мнѣ; я раздумывалъ лишь о самомъ себѣ, и, благодаря этому (по крайней мѣрѣ, я такъ думалъ), мнѣ удалось отѣлиться отъ беспокойствъ и подозрѣній, сдѣлавшихъ мнѣ жизнь крайне тяжелой... Я составилъ себѣ планъ поведенія на будущее время, который изложилъ вчера графу Панину, и который онъ одобрилъ—это какъ можно чаще искать возможности сближаться съ матерью, приобрѣтай ея довѣріе, какъ для того, чтобы по возможности предохранить ее отъ инсинуаций и интригъ, которыхъ могли бы затѣять противъ нея, такъ и для того, чтобы имѣть своего рода защиту и поддержку въ случаѣ, если бы захотѣли противодѣйствовать моимъ намѣреніямъ. Таковы мои планы».

Черезъ нѣсколько дней онъ снова писалъ графу А. К. Разумовскому: «Разъ уже было принято за принципъ стараться жить со всѣми, по возможности, въ самыхъ сердечныхъ отношеніяхъ, все обстояло благополучно и спокойно, какъ внутри, такъ и извнѣ. Я поступалъ такъ и замѣтилъ, что очень часто наши собственные ошибки являются первоначальными причинами обратныхъ явлений, что вызывается беспокойствомъ, которое мы допускаемъ проявляться внутри самихъ себя, и которое заставляетъ насъ считать чернымъ если не бѣлое, то сѣрое... Я обуздываю свою горячность, на сколько могу... Не переходя въ сплетничаніе, я сообщаю графу Панину обо всемъ, что представляется мнѣ двусмысленнымъ или же сомнительнымъ».

Рѣшимость сближаться съ матерью, пріобрѣсти ея довѣріе, обнаруженная цесаревичемъ весною 1773 года, повидимому, особенно окрѣпла въ первое время послѣ брака Павла Петровича съ Натальей Алексѣевной. Это обстоятельство императрица приписывала влиянию своей невѣстки, которую называла «золотой женщиной»; по этому поводу она высказала однажды: «я обязана великой княгинѣ возвращенiemъ мнѣ сына и отнынѣ всю жизнь употреблю на то, чтобы отплатить ей за услугу эту».

Вскорѣ, однако, и въ Натальѣ Алексѣевнѣ проснулись честолюбивые замыслы, и въ ея интересахъ стало сѣять раздоръ между мужемъ и своею свекровью. Но ранняя смерть помѣшила осуществленію ея конечныхъ плановъ, а обнаружившійся при этомъ характеръ ея отношеній къ графу А. К. Разумовскому подорвалъ ея авторитетъ въ глазахъ Павла Петровича. Вмѣстѣ съ тѣмъ, горькое разочарованіе въ горячо любимой женѣ и въ своемъ другѣ Разумовскомъ, подталкивавшемъ его

къ «дѣйствамъ» противъ императрицы Екатерины, естественно должно было способствовать улучшению его отношеній къ матери. И, дѣйствительно, вся его переписка съ матерью во время его вторичнаго сватовства проникнута столь несомнѣнной задушевностью, что положительно исключаетъ возможность какою бы то ни было притворства со стороны цесаревича. Къ тому же, и по своему характеру, лишенному всякой выдержки, онъ не былъ способенъ прятать свои истинныя чувства за красивыми фразами. А въ перепискѣ этой встрѣчаются такія мѣста: «За долгъ считаю вамъ первой открывать всегда самыя скрытныя чувства сердца своего и за первое удовольствіе свое поставляю». «Сколь счастливъ я, всемилостивѣйшая государыня, если, вами будучи руководимъ, заслужу выборомъ своимъ еще болѣе милость вашу». «Богъ благословляетъ всѣ намѣренія ваши, ибо благословляетъ Онъ всегда добрая». «Препоручаю невѣсту свою въ милость вашу и прошу о сохраненіи ея ко мнѣ». Въ свою очередь, въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ, императрица писала въ одномъ случаѣ, что нашла въ письмахъ цесаревича множество знаковъ любви и привязанности къ себѣ, а въ другомъ случаѣ выразилась слѣдующимъ образомъ: «Утѣшениемъ же наипаче сердцу моему есть ваше ласковое ко мнѣ расположеніе, кое при всякомъ случаѣ мнѣ изъявляете съ чувствительностью».

Характеръ отношеній Павла Петровича къ императрицѣ Екатеринѣ за это время отразился и въ наставленіи, которое онъ далъ своей невѣстѣ, относительно взаимныхъ отношеній ея и императрицы. «Къ императрицѣ,—писалъ онъ,—принцессѣ слѣдуетъ быть предупредительной и кроткой, не выказывать досады и не жаловаться на нее кому бы то ни было; объясненіе съ глазу-на-глазъ всегда будетъ наилучшее. Этимъ она избавитъ себя отъ многихъ интригъ и происковъ, которые не замедлятъ коснуться ея. Такъ какъ принцесса не можетъ имѣть никакихъ личныхъ цѣлей, то ей не придется что-либо скрывать отъ ея величества. Поэтому она хорошо поступить, говоря ей всегда откровенно все то, что у нея будетъ на душѣ: это (не говоря уже объ интригахъ), будетъ гораздо лучше для ея собственнаго спокойствія».

Улучшению отношеній императрицы и Павла Петровича способствовалъ самый бракъ его съ Маріей Феодоровной. Послѣ свадьбы великій князь, по словамъ Н. К. Шильдера, «сиялъ радостью», а эту радость, въ лицѣ Маріи Феодоровны, онъ получилъ по выбору, такъ сказать, изъ рукъ Екатерины. О степени же нѣжныхъ чувствъ, связывавшихъ въ то время цесаревича и Марію Феодоровну, можно судить по ихъ письмамъ, записочкамъ, впервые напечатаннымъ нынѣ въ сочиненіи «Императоръ Павелъ Первый». «Я не мэгу лечь, мой дорогой и обожаемый князь,—писала Марія Феодоровна еще невѣстой,—не сказавши вамъ еще разъ, что я до безумія люблю и обожаю васъ; моя дружба

къ вамъ, моя любовь, моя привязанность къ вамъ еще болѣе возросла послѣ разговора, который былъ у насъ сегодня вечеромъ. Богу извѣстно, какимъ счастьемъ представляется для меня вскорѣ принадлежать вамъ; вся моя жизнь будетъ служить вамъ доказательствомъ моихъ нѣжныхъ чувствъ; да, дорогой, обожаемый, драгоцѣнѣйший князь, вся моя жизнь будетъ служить лишь для того, чтобы явить вамъ доказательства той нѣжной привязанности и любви, которая мое сердце будетъ постоянно питать къ вамъ. Покойной ночи, обожаемый и дорогой князь, спите хорошо, не беспокойтесь призраками, но вспоминайте немного о той, которая обожаетъ васъ».

«Клянусь этой бумагой,—писала она на второй день своего обрученія,—всю мою жизнь любить, обожать васъ и постоянно быть нѣжно привязанной къ вамъ; ничто въ мірѣ не заставитъ меня измѣниться по отношению къ вамъ. Таковы чувства вашего на вѣки нѣжнаго и вѣрнѣйшаго друга и невѣсты».

«Душа моя,—писала она нѣсколько позднѣе,—я надѣюсь, что вы будете мною довольны, когда вамъ сообщу первой мой переводъ съ французскаго на русской языкъ. Это вамъ докажетъ, сколько я стараюсь вамъ во всемъ угодить, ибо, любя русскій языкъ, васъ я въ немъ люблю: я очень сожалѣю, что не могу изъяснить всего того, что сердце мое чувствуетъ, и съ сожалѣніемъ оканчиваю, сказавъ токмо вамъ, что вы мнѣ всего дороже на свѣтѣ».

«Всякое проявленіе твоей дружбы, мой милый другъ,—въ свою очередь писалъ цесаревичъ,—крайне драгоцѣнно для меня, и клянусь тебѣ, что съ каждымъ днемъ все болѣе люблю тебя. Да благословитъ Богъ нашъ союзъ такъ же, какъ Онъ создалъ его».

«Живое, непосредственное чувство не можетъ быть выражено,—писала великая княгиня уже 20-го сентября 1777 г., поздравляя Павла Петровича съ днемъ его рождения,—таково мое положеніе, мое драгоцѣнѣйшее сердце; въ этотъ день, когда увидѣлъ свѣтъ самый обожаемый, самый любимый изъ мужей, моя душа преисполнена радостью, удовлетвореніемъ, счастіемъ, и несмотря на всѣ мои усилия, мнѣ не удается описать вамъ эти чувства столь же живо, какъ ихъ чувствуетъ мое сердце. Живите долго, живите счастливый и довольный, живите, если возможно, тысячу лѣтъ, чтобы составить счастіе нѣсколькихъ миллионовъ душъ; вотъ тѣ моленія, которая я возношу къ небу въ этотъ чудный день. Я присоединяю къ нимъ еще одно: благоволите сохранить мнѣ вашу дружбу; она составляетъ мое счастіе, и я осмѣливаюсь надѣяться, что нѣсколько заслужила ее нѣжной привязанностью, которую питаю къ вамъ и которая кончится лишь съ моей жизнью. Вашъ нѣжнѣйший и вѣрнѣйший другъ и жена.

«Я обожаю васъ, до безумія люблю васъ; вы мой кумиръ, мое вы-

сочайшее благо, и я васъ люблю столько, столько, что не съумѣю выразить вамъ этого».

Вскорѣ однако совершилось событіе, роковымъ образомъ повліявшее на отношенія Павла къ Екатеринѣ: 12-го декабря 1777 года родился великий князь Александръ Павловичъ.

Павель Петровичъ и Марія Феодоровна мечтали о счастыи имѣть ребенка. Насколько цесаревичъ проникался святостью новыхъ предстоявшихъ ему обязанностей, видно изъ письма его къ архіепископу Платону отъ 23-го октября.

«Молите теперь Бога,—писалъ онъ,—о подвигѣ, которымъ счастіе и удовольствіе мое усугубятся удовольствіемъ общимъ. Начало декабря началомъ будетъ отеческаго для меня званія. Сколько велико оное по пространству новыхъ возлагаемыхъ чрезъ сіе отъ Бога на меня должностей! Его рука мнѣ всегда видна была. Грѣшилъ бы, если бы при семъ случаѣ усумнился... Мы, слава Богу, здоровы и наслаждаемся взаимною дружбою и спокойствіемъ, происходящимъ отъ чистой совѣсти. Пожелайте и молите Бога, чтобы Онъ намъ на вѣки ее сохранилъ, безъ чего ни пользы, ни славы быть не можетъ».

Въ письмѣ къ Платону отъ 25-го ноября великій князь снова возвратился къ этому вопросу и писалъ: «Благодарю васъ за доброе ваше о мнѣ мнѣніе. Стараться буду его вяще заслужить, а особливо исполненіемъ новыхъ должностей вступленіемъ чрезъ короткое время въ новое званіе, столь важное по отчету, которымъ всякой въ ономъ долженъ, а особливо каждой, въ моемъ мѣстѣ находящейся. Помолитесь о мнѣ. Богъ, благословлявшій меня въ столь различныхъ случаяхъ, меня и при семъ да не оставитъ».

«Если бы все прочее въ жизни моей соотвѣтствовало пріятностямъ внутренней моей, то бѣ я былъ совершенно счастливъ», писалъ цесаревичъ въ это же время графу Н. И. Панину.

И въ этомъ-то вопросѣ, столь глубоко захватывавшемъ все его существо, его ожидало внезапное и глубокое разочарованіе. «Признавая сына и невѣстку неспособными воспитать будущаго русскаго государя,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—Екатерина, какъ глава императорскаго дома, считала своимъ правомъ и обязанностью взять на себя заботы по воспитанію внука, въ надеждѣ увидѣть въ немъ впослѣдствіи воплощеніе лучшихъ своихъ думъ и стремленій. Воспитаніе собственнаго сына не удалось Екатеринѣ въ желаемомъ ею смыслѣ по не зависѣвшимъ отъ ея воли обстоятельствамъ; теперь же передъ императрицею явилась новая задача, и всѣ ея материнскія нѣжныя чувства обратились къ внуку, въ надеждѣ достигнуть иного, лучшаго результата».

Такимъ образомъ, въ извѣстной степени, снова была повторена ошибка, сдѣланная нѣкогда императрицей Елизаветой Петровной. И

хотя на этотъ разъ полнаго отчужденія сначала одного, а потомъ и другого сына отъ родителей и не послѣдовало, но эта «уступка родительскимъ правамъ сына» не поправила дѣла: пропасть между матерью и сыномъ разверзлась окончательно,

Какъ же, съ своей стороны, относилась Екатерина къ цесаревичу Павлу Петровичу?

Какъ извѣстно, тотчасъ по рожденіи, Павель Петровичъ былъ совершенно отчужденъ отъ матери. «Новорожденный младенецъ,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—всецѣло овладѣлъ вниманіемъ двора; что же касается матери, то она сдѣлала свое дѣло, и всѣ о ней позабыли». Мѣры, принятые императрицей, препятствовали ей быть матерью и руководить первыми шагами своего первенца, при чемъ ничего не было упущенено, чтобы довести взаимное отчужденіе до степени какъ бы нормальной привычки. Екатерина могла только украдкою узнавать о положеніи своего ребенка, потому что всякие вопросы о немъ могли быть истолкованы въ смыслѣ сомнѣнія въ заботливости императрицы. Наконецъ, для полной характеристики этой безотрадной семейной картины достаточно упомянуть, что только въ концѣ царствованія императрицы Елизаветы Петровны Екатерина получила дозвolenіе видѣть сына разъ въ недѣлю. А ранѣе того было еще хуже. Когда весною 1755 года велиокняжеский дворъ собирался перебѣгать въ Ораніенбаумъ, императрица разрѣшила Екатеринѣ передъ отѣздомъ взглянуть на сына; по счету это было въ третій разъ послѣ его рожденія».

При такой обстановкѣ въ Екатеринѣ не могли развиться нѣжныя материнскія чувства. Когда же Екатерина получила свободу дѣйствій, было уже слишкомъ поздно для этого. Но что было въ ея силахъ—она дѣлала. Она всячески старалась приблизить къ себѣ сына, обращеніе ея съ нимъ было самое нѣжное, она внимательно слѣдила за его воспитаніемъ и ученiemъ: мы видѣли выше, какимъ почетомъ былъ окруженнъ 10—11 лѣтній Павель Петровичъ. Однимъ словомъ, по справедливому замѣчанію покойного князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, «Екатерина видимо старалась подготовить достойнаго себѣ преемника». При этомъ не слѣдуетъ забывать, что въ глазахъ Екатерины Павель Петровичъ являлся единственнымъ и естественнымъ залогомъ упроченія порядка вещей, созданнаго ею 28-го іюня 1762 года.

Несмотря на всю скучность свѣдѣній о юношескомъ періодѣ жизни Павла Петровича, позволительно думать, что въ юношѣ-великомъ князѣ прорывалось невольное влечение къ своей державной матери. По крайней мѣрѣ, вотъ что писала сама Екатерина 24-го августа 1772 года, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Белькѣ: «во вторникъ я возвращаюсь въ городъ съ моимъ сыномъ, который не хочетъ уже оставлять меня ни на шагъ и котораго я имѣю честь такъ хорошо забавлять, что онъ

за столомъ иногда перемѣняетъ записки, чтобы сидѣть со мною рядомъ; я думаю, что мало можно найти примѣровъ подобнаго соотвѣтствія въ настроеніи».

Если же, несмотря на всѣ перечисленныя выше условія, прочнаго сердечнаго сближенія между сыномъ и матерью не установилось ко времени совершеннолѣтія цесаревича, то это должно быть объяснено почти исключительно потрясеніемъ, испытаннымъ Павломъ Петровичемъ 28-го іюня 1762 года и оставившимъ слѣды на всю его жизнь, внушеніями Панина и, несомнѣнно, наслѣдственными особенностями въ характерѣ цесаревича, перешедшими къ нему отъ Петра Феодоровича.

Когда, при приближеніи совершеннолѣтія Павла Петровича, начались происки со стороны разныхъ лицъ, имѣвшіе цѣлью очистить для него престолъ, и когда въ одномъ случаѣ въ дѣлѣ Сальдерна оказался замѣшаннымъ самъ цесаревичъ, и онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ признаться во всемъ императрицѣ, Екатерина не придала участію его въ этомъ дѣлѣ большаго значенія, чѣмъ оно имѣло въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, благодаря доброй волѣ Екатерины, несомнѣнно ставившейся сблизиться съ цесаревичемъ, это обстоятельство не отразилось на отношеніи ея лично къ самому Павлу Петровичу. Быть можетъ, при этомъ случаѣ она усмотрѣла лишь необходимость обратить большее вниманіе на окружающихъ ея сына. Поэтому становится вполнѣ понятной фраза ея въ письмѣ къ Белькѣ, въ которомъ она извѣщала ее объ удаленіи Панина: «мой домъ очищенъ или почти-что очищенъ», сообщила она. Вмѣстѣ съ тѣмъ она писала самому Павлу Петровичу, по поводу назначенія къ нему Салтыкова: «ваши поступки очень невинны, я это знаю и убѣждена въ томъ; но вы очень молоды, общество смотрѣтъ на васъ во всѣ глаза, а оно—судья строгій».

Насколько Екатерина старалась, такъ сказать, приручить къ себѣ цесаревича, видно изъ ея инструкціи Салтыкову. Она предписывала ему:

1) *Tâchez de vous rendre agréable à mon fils* (стараитесь сдѣлаться пріятнымъ моему сыну); 2) *Montrez-lui le plus de déférence possible, accompagnée de beaucoup de respect.* (Выказывайте ему какъ можно болѣе вниманія, соединенного съ большимъ уваженіемъ); 3) *Tâchez de gagner sa confiance* (стараитесь пріобрѣсти его довѣріе), но не спѣшите всѣмъ и безъ всякой суеты, ибо сначала думать надлежитъ, что, по молодости и по другимъ побочнымъ причинамъ, онъ нѣсколько дичиться станетъ: но вы на сіе не смотрите, и возьмите одинаковое, ровное и почтительное поведеніе». Въ заключеніе Екатерина высказала: «*Il est ambitieux, vous pourrez le prendre de ce côté là utilement.* (Онъ честолюбивъ, вы съ пользою можете дѣйствовать на него съ этой стороны)».

Съ своей стороны, она письменно говорила цесаревичу: «приходите ко мнѣ за совѣтомъ такъ часто, какъ вы признаете въ томъ необхо-

димость: я скажу вамъ правду со всею искренностью, къ какой только способна, а вы никогда не оставайтесь недовольнымъ, выслушавъ ее. Понимаете! Вдобавокъ, чтобы основательнѣе занять васъ, къ удовольствію общества, я назначу чашь или два въ недѣлю, по утрамъ, въ которые вы будете приходить ко мнѣ одинъ для выслушанія бумагъ, чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, съ законами страны и моими правительственныеими началами. Устраиваетъ это васъ?»

Къ сожалѣнію, это не устроило самое Екатерину. Именно на этой, дѣловой, почвѣ послѣдовало полное духовное разобщеніе между матерью и сыномъ: постепенно она стала убѣждаться, что Павелъ Петровичъ кореннымъ образомъ расходится съ нею во взглядахъ на задачи государственного управления.

Рѣшающее значеніе въ этомъ отношеніи имѣло, по мнѣнію Н. К. Шильдера, представленное цесаревичемъ императрицѣ въ 1774 году «Разсужденіе о государствѣ вообще, относительно числа войскъ, потребнаго для защиты онаго, и касательно обороны всѣхъ предѣловъ». Это «разсужденіе», по заключенію автора сочиненія «Императоръ Павель Первый», «по существу своему является ничѣмъ инымъ, какъ жестокой критикой царствованія, начавшагося въ 1762 году». Въ «Разсужденіи», между прочимъ, проводилась мысль, что Россіи необходимъ покой, предлагалось покрыть Россію чѣмъ-то въ родѣ военныхъ поселеній, ввести въ военному дѣлѣ столь строгую регламентацію, чтобы «никто отъ фельдмаршала до солдата не могъ извиниться недоразумѣніемъ, начиная о мундирныхъ вещахъ, кончая о строѣ», и т. п.

По словамъ В. А. Бильбасова, «Екатерина ставила выше всего интересы государства,—приносila имъ въ жертву всѣ другія соображенія и чувствованія», а потому понятно, какое разочарованіе должно было постигнуть ее въ этомъ дѣлѣ. «Вижу, въ какія руки попадеть Имперія послѣ моей смерти»,—воскликнула она впослѣдствіи,—и слова эти проникнуты несомнѣнно горечью.

Вполнѣ естественно, что, пока Павелъ Петровичъ являлся въ глазахъ Екатерины единственнымъ залогомъ упроченія ея династіи и обезпеченія въ Россіи правильнаго теченія государственной жизни, она почти безсознательно должна была стремиться къ поддержанію съ нимъ болѣе или менѣе близкихъ отношеній. Но колѣ скоро у него родился одинъ сынъ, а вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ и другой, необходимость чисто инстинктивнаго насилиованія своихъ собственныхъ чувствъ и мыслей исчезла. Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, человѣкъ впадаетъ даже въ противоположную крайность. Повидимому, въ своемъ отношеніи къ Павлу Петровичу послѣ рожденія Александра и Константина Павловичей, великая Екатерина не избѣгла влиянія этого общечеловѣческаго закона или этой общечеловѣческой слабости. Она не

только наносила болѣзненному самолюбию цесаревича ничѣмъ не поправимые удары, но, повидимому, даже отказывала ему въ несомнѣнно при-
сущемъ ему благородствѣ стремлений. Такъ, когда въ 1787 году Павелъ
Петровичъ рвался на Турецкую войну волонтеромъ, но Екатерина пер-
воначально не пускала его; она сочла желаніе цесаревича притворнымъ
и писала Потемкину, что Павелъ Петровичъ и Марія Феодоровна,
желавшая послѣдовать за мужемъ, «были весьма довольны оставаться,
разславляя только, что ѿхать хотѣли». Между тѣмъ лучшимъ опровер-
женiemъ словъ Екатерины служить то, что, въ концѣ-концовъ, цесаре-
вичъ добился все-таки разрѣшенія ѿхать на войну, хотя уже ему
пришлось отправиться на войну не съ турками, а со шведами; что же
касается Маріи Феодоровны, то отъ огорченія, что императрица не
разрѣшила ей сопровождать Павла Петровича въ армію, она почти
цѣлую неделю ничего не ѿла.

Логическимъ послѣдствіемъ всѣхъ изложенныхъ условій неизбѣжно
долженъ былъ явиться и явился въ дѣйствительности проектъ обѣ устра-
неніи отъ престолонаслѣдія Павла Петровича и о передачѣ престола,
помимо сына, внуку. Выполненіе этого плана облегчалось тѣмъ, что въ
царствованіе Екатерины оставался въ силѣ законъ Петра Великаго, по
которому правительствующіе государи Россійскаго престола имѣли право
назначать своимъ преемникомъ кого имъ будетъ угодно, не стѣсняясь
стариннымъ правомъ первородства, а въ случаѣ, если назначенный уже
наслѣдникомъ окажется неспособнымъ, могли отрѣшить его отъ пре-
стола.

О томъ, что Екатеринѣ не легко было примириться съ мыслью о
необходимости устранить Павла Петровича отъ престолонаслѣдія, сви-
дѣтельствуетъ слѣдующая собственноручная замѣтка Екатерины: «при-
знаться должно, что несчастливъ тотъ родитель, который себя видитъ
принужденнымъ, для спасенія общаго дѣла, отрѣшить своего отродія.
Тутъ уже совокупляется или совокуплена есть власть самодержавная
и родительская. Итакъ, я считаю, что премудрый государь Петръ I,
несомнѣнно, величайшія имѣль причины отрѣшить своего неблагодар-
наго, непослушного и неспособного сына. Сей наполненъ былъ противъ
него ненавистью, злобою, ехидною завистью, изыскивалъ въ отцовскихъ
дѣлахъ и поступкахъ въ корзинѣ добра пылинки худаго, слушалъ ла-
скателей, отѣляясь отъ ушей своихъ истину, и ничѣмъ на него не можно
было такъ угодить, какъ понося и говоря худо о преславномъ его
родителѣ. Онъ уже самъ былъ лѣтній, малодушенъ, двоякъ, нетвердъ,
суроў, робокъ, пьянъ, горячъ, упрямъ, ханжа, невѣжда, весьма посред-
ственного ума и слабаго здоровья».

Измѣненіе Екатериною своего отношенія къ Павлу Петровичу со
времени рожденія первыхъ внуковъ естественно отразилось и на отно-

шении цесаревича къ матери, внеся существенное отличие въ самый характеръ этихъ отношений противъ того, чѣмъ они были ранѣе.

Можно сказать, что въ общемъ до 1778 года Павелъ Петровичъ въ своихъ отношеніяхъ къ Екатеринѣ строго различалъ въ ней мать и императрицу: безмолвно преклоняясь передъ первой, онъ расходился во взглядахъ со второй. Начиная же съ 1778 года, оба эти понятія постепенно стали смѣшиваться у него или, вѣрнѣе, императрица стала за слонять собою мать. При этомъ въ ихъ отношеніяхъ сталъ проскальзывать и незамѣтно усиливаться оттѣнокъ личной враждебности, обусловленный положеніемъ, занятымъ императрицей, послѣ рожденія внуковъ. Этотъ элементъ враждебности особенно усилился съ 1793—1794 гг., когда стало совершенно явнымъ намѣреніе Екатерины устранить Павла Петровича отъ престола.

Въ отзывахъ своихъ объ Екатерининскомъ правлѣніи, относящихся по времени до 1778 г., цесаревичъ обнаруживаетъ свое несочувствіе ея системѣ и указываетъ на различные беспорядки, но какъ-бы винить во всемъ не ее лично, а тѣхъ, кто окружалъ ее. Въ томъ, что онъ доводить объ этихъ беспорядкахъ и неустроившихъ до ея свѣдѣнія, онъ видитъ даже выполненіе своего долга передъ императрицей и отечествомъ. Такъ, пресловутое «Разсужденіе» заканчивалось слѣдующими словами: «показавъ теперь все то, что къ равновѣсію потребно, и какую военную часть связь и пропорцію имѣть должна въ разсужденіи всего государства... совершилъ намѣреніе себя сдѣлать полезнымъ государству, писавъ сіе отъ усердія и любви къ отечеству, а не по пристрастію или корысти, въ такое время, гдѣ, можетъ быть, многіе, забывъ первые два подвига, заставившіе меня писать, слѣдуютъ двумъ послѣднимъ, а что больше еще, и жертвуя всѣмъ тѣмъ, чего святѣе быть не можетъ. А сему я былъ самъ очевидцемъ и узналъ самъ собою вещи и, какъ вѣрный сынъ отечества, молчать не могъ».

Позднѣе, въ началѣ 1777 года, объясняя барону К. И. Сакену о причинахъ, побудившихъ его уведомить императрицу о «страшныхъ беспорядкахъ», открытыхъ имъ по военному вѣдомству въ Ригѣ, онъ писалъ: «Если бы я нуждался въ политической партіи, я могъ бы умолчать о подобныхъ беспорядкахъ, чтобы пощадить извѣстныхъ лицъ; но, будучи тѣмъ, что я есть, я не могу имѣть ни партій, ни интересовъ, кромѣ интересовъ государства, а при моемъ характерѣ тяжело видѣть, что дѣла идутъ вкрай и вкось, въ особенности же, что причиною тому являются небрежность и личные виды. Я предпочитаю быть ненавидимымъ за правое дѣло, чѣмъ любимымъ за дѣло неправое».

Съ 1778 года картина мѣняется. Уже весною этого года Павелъ Петровичъ входилъ въ дружественную переписку съ графомъ П. И. Па-

нинимъ, «первымъ врагомъ» и «персональнымъ оскорбителемъ» Екатерины, съ которымъ онъ предается мечтамъ о томъ, что «достанется» имъ «вмѣстѣ исполнить то, о чёмъ» разсуждаютъ. Около того же времени Марія Феодоровна жалуется своей матери на «испорченность» императрицы. Черезъ годъ Павель Петровичъ называетъ жестокостью осужденіе его на полное бездѣлствіе. Въ 1781 году, передъ отправленіемъ въ заграничное путешествіе, онъ снова позволяетъ Никитѣ Панину застраховать себя различными опасеніями насчетъ плановъ Екатерины и уѣзжаетъ изъ Петербурга подъ сильнымъ впечатлѣніемъ ужаса. Наконецъ, во время своего пребыванія въ Парижѣ на вопросъ, сдѣланнаго Людовикомъ XVI, правда ли, что въ его свитѣ нѣтъ лица, на которое онъ могъ бы положиться, онъ отвѣчалъ: «Я быль бы очень недоволенъ, если бы возлѣ меня находился какой-нибудь привязанный ко мнѣ пудель: прежде, чѣмъ мы оставили бы Парижъ, моя мать вѣлья бы бросить его въ Сену съ камнемъ на шеѣ»¹⁾). Въ 1782 году англійскій посланникъ Гаррисъ прямо пишетъ о «неестественной враждѣ», существующей между матерью и сыномъ. Когда около половины восемидесятыхъ годовъ возникъ вопросъ о союзѣ нѣмецкихъ князей, «Павель Петровичъ,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—всѣми средствами противодѣйствовалъ намѣреніямъ императрицы, не одобрявшей этого союза; онъ не стѣснялся даже принять на себя какъ бы роль агента Фридриха Великаго при русскомъ дворѣ, поддерживая съ нимъ тайную переписку; такую же переписку онъ вѣль и съ его преемникомъ». Въ 1784 году цесаревичъ иронизируетъ насчетъ возможности того, что его пошлютъ въ Индию для исправленія. Въ томъ же году онъ сообщаетъ барону Сакену, что его вліяніе таково, что стоитъ ему указать на что-нибудь или на кого-нибудь, чтобы тѣмъ самымъ достигнуть какъ разъ обратнаго. Въ 1789 году онъ высказываетъ, что «руssкіе предпочитаютъ видѣть на престолѣ юбку вмѣсто мундира», говорить съ Сегюромъ «о мнимыхъ обидахъ со стороны императрицы и князя Потемкина, о непріятныхъ сторонахъ своего положенія, о страхѣ, съ которымъ относились къ нему, и о печальной участіи, которую готовилъ ему дворѣ». Осеню 1793 года гнѣвъ цесаревича противъ державной матери доходитъ одно время до того, что первоначально Павель Петровичъ отказывается присутствовать на свадьбѣ Александра Павловича. Въ 1794 году онъ высказываетъ уже, что «привыкъ къ шиканамъ».

¹⁾ Хотя достовѣрность этихъ словъ, произнесенныхъ въ присутствіи довольно большаго числа лицъ, засвидѣтельствована двумя очевидцами—королевой Маріей-Антуанеттой и ше Кампанъ, но все же думается, что въ передачу ихъ вкраилась какая-то неточность: вѣдь въ свитѣ велико-княжеской четы находились между прочимъ и князь А. Б. Куракинъ и Е. И. Нелидова.

Но какъ ни ухудшались взаимныя отношенія Екатерины съ одной стороны и Павла Петровича и Маріи Феодоровны—съ другой, но, все-таки, моментами, въ нихъ какъ бы просвѣчивали проблески чего-то другаго. И по этому поводу невольно приходитъ на мысль, что въ сокровенной глубинѣ ихъ душъ таилось неясное, быть можетъ, безсознательное сожалѣніе, что ихъ отношенія сложились такъ, а не иначе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, раздвоеніе отношенія Павла Петровича къ Екатеринѣ, какъ къ императрицѣ и матери, какъ будто бы не исчезло совершенно. По крайней мѣрѣ, оно несомнѣнно проявилось тотчасъ послѣ кончины государыни. Первый же правительственный мѣропріятія Павла Петровича явились полнымъ отрицаніемъ предшествовавшаго царствованія, а между тѣмъ, въ то же время, онъ проявилъ большое вниманіе къ памяти Екатерины, какъ человѣка. Такъ, Завадовскому, бывшему когда-то фаворитомъ Екатерины II, пожаловано было графское достоинство, а проживавшему въ Ревель Алексѣю Григорьевичу Бобринскому повелѣно было прибыть въ Петербургъ. Послѣ этого на Бобринскаго посыпались щедрыя и неожиданныя милости: 12-го ноября ему пожаловано было графское достоинство, подаренъ домъ, утверждены за нимъ имѣнія, назначенные Екатериною; затѣмъ послѣдовало назначеніе его шефомъ 4-го эскадрона конной гвардіи, награжденіе Аннинской лентой, производство въ генераль-маіоры и т. д. Наконецъ, на пріемѣ во дворцѣ императоръ Павель, выведя графа Алексѣя Григорьевича впередъ, представилъ его присутствовавшимъ, какъ своего брата. По случаю выселенія князя Зубова изъ дворца, для него былъ купленъ домъ и снабженъ всѣмъ необходимымъ. Павелъ Петровичъ постыдилъ его въ сопровожденіи императрицы, при чемъ при встрѣчѣ съ княземъ Зубовымъ произнесъ достопамятныя слова: «Кто старое помянеть, тому глазъ воинъ». Когда подали шампанское, государь сказалъ: «Сколько здѣсь капель, столько желаю тебѣ всего доброго», и, обращаясь къ императрицѣ, прибавилъ: «Вылей все до капли». И, выпивши самъ, онъ разбиль бокаль. Платонъ Александровичъ припалъ къ стопамъ государя и былъ поднятъ имъ со словами: «Я тебѣ скажаль, кто старое помянеть, тому глазъ воинъ». Когда же затѣмъ подали самоваръ, государь сказалъ Маріи Феодоровнѣ: «Разлей чай, у него вѣдь нѣтъ хозяйки». Позднѣе, черезъ годъ, когда возникъ вопросъ о празднованіи дня восшествія Павла Петровича на престолъ, и было сдѣлано предложеніе праздновать это событие 6-го ноября, т. е. въ самый день кончины императрицы Екатерины, Павелъ Петровичъ съ неудовольствиемъ отвергъ это предложеніе, высказавъ, что «восшествіе свое на престолъ въ день смерти матери» онъ «почитаетъ непристойнымъ праздновать».

Что касается почестей, возданныхъ новымъ государемъ праху

Петра Феодоровича, то неизвестно еще, какъ смотрѣль на это самъ Павелъ Петровичъ: являлось ли въ глазахъ сына возданіе праху отца почестей, равныхъ почестямъ, воздаваемымъ праху матери, сознательнымъ оскорблениемъ послѣдней, или же въ этой двойной процессіи похоронъ отца и матери онъ видѣлъ лишь какъ бы торжественное примиреніе ихъ за гробомъ?

При выясненіи взаимныхъ отношеній императрицы Екатерины и Павла Петровича естественно возникаетъ вопросъ, какъ смотрѣль Павелъ Петровичъ на возможность какого-нибудь «дѣйства» противъ нея? Справедливость требуетъ отвѣтить, что собственно только въ одномъ случаѣ, въ дѣлѣ Сальдерна, цесаревичъ примкнулъ къ планамъ, враждебнымъ Екатеринѣ. Это было въ 1772—1773 году, когда крайняя молодость цесаревича дѣлала его особенно доступнымъ постороннему влиянію. Но затѣмъ уже никакія внушенія, никакое с每一天леніе тяжелыхъ для него жизненныхъ условій не могли заставить его выйти изъ роли вѣрно подданного сына. Напротивъ того, извѣстны нѣсколько его поступковъ и отвѣтовъ, проникнутыхъ несомнѣннымъ благородствомъ и свидѣтельствующихъ о его безупречности въ этомъ отношеніи.

Такъ Кастера въ своей исторіи Екатерины разсказываетъ, что графъ Разумовскій, пораженный сочувствіемъ, которое народъ выказывалъ цесаревичу въ 1775 году, сказалъ ему:

— Вы видите, какъ вы любимы, выше высочество! О, если бы только вы захотѣли!..

Цесаревичъ ничего не отвѣтилъ на это, но бросилъ на Разумовскаго взглядъ, доказывавшій, что онъ умѣеть быть почтительнымъ сыномъ.

Въ откровенной бесѣдѣ съ прусскимъ посланикомъ барономъ Келлеромъ въ 1787 году, Павелъ Петровичъ говорилъ о необходимости заставить русскій народъ утратить привычку къ дѣйствамъ. Тогда же онъ высказываетъ слѣдующія мысли:

«Какимъ образомъ могли опасаться какихъ-либо начинаній въ мою пользу со стороны иностранного принца, не имѣющаго здѣсь друзей (принцъ Фридрихъ Виртембергскій). Они должны были быть увѣрены, что я никогда не одобрю чего-либо подобнаго. Не мнѣ судить, насколько было справедливо сдѣланное двадцать четыре года тому назадъ. Весь народъ присягнулъ тогда государынѣ, которая понынѣ царствуетъ надъ нимъ; была ли эта присяга искрення или нѣтъ—не знаю, но я былъ свидѣтелемъ общей покорности. Это дѣло лежитъ на совѣsti людей, дѣйствовавшихъ въ то время; что же касается меня, то я хочу жить въ ладахъ съ мою совѣстью. Я всегда совѣтуюсь съ нею, ничего не дѣлаю противнаго ей, и это счастіе я предпочитаю той болѣе блестящей роли, которая можетъ предстоять мнѣ въ исторіи... не знаю, будеть ли

*

ей передано мое имя. Таковы мои чувства: ихъ должны бы знать и не забывать того случая, при которомъ я открыто высказалъ ихъ».

Наконецъ, извѣстны его прекрасныя слова: «Я — подданный россійской и сынъ императрицы россійской; что между мною и ею происходитъ, того знать не подобаетъ ни женѣ моей, ни родственникамъ, ниже кому другому».

Екатерина прекрасно понимала характеръ своего сына и никакъ не опасалась какого-нибудь «дѣйства» съ его стороны. По словамъ князя Адама Чарторыйскаго, она спокойно спала подъ охраной роты гренадеръ, тогда какъ въ полуночи отъ нея Павель маневрировалъ со своею маленькою арміею. «Разстучаль мнѣ голову своею пальбою», только жаловалась императрица.

Нѣкоторые изъ современниковъ высказывали, что Екатерина не боялась Павла Петровича, потому что онъ отличался недостаткомъ личной смѣлости, и она прекрасно знала это. Подобный взглядъ представляется намъ ни на чёмъ не основаннымъ и безусловно несправедливымъ, по скольку онъ касается Павла Петровича.

Отношеніе его къ вопросу о «дѣйствахъ» объясняется, по нашему мнѣнію, несомнѣнно отличавшимъ его всегда стремленіемъ къ законности. «Во всемъ томъ, что я дѣлаю, у меня нѣтъ и не будетъ иной цѣли кроме Бога», писалъ Павель Петровичъ въ 1784 году, и, высказывая это, онъ былъ совершенно искрененъ. «Кто повиноваться не можетъ, тотъ и повелѣвать не умѣетъ», сказалъ Павель Петровичъ еще въ дѣйствѣ. И, оставаясь вѣренъ этой мысли, онъ повиновался Екатеринѣ, готовясь про себя повелѣвать впослѣдствіи.

II.

(Продолженіе слѣдуетъ).

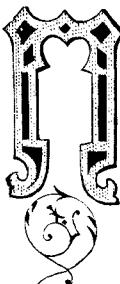

Воспоминанія протоієрея І. І. Базарова.

XI¹).

Введеніе земськихъ учрежденій.— Письмо В. П. Титова.— Предположенія о возвышенії бѣлого духовенства.— Война Пруссії съ Австріей.— Переводъ проповѣдей митрополита Филарета на французскій языкъ.— Желаніе иностранцевъ познакомиться съ догматами и обрядами православной церкви.— Лекція профессора Пальмера.— Приглашеніе о. Базарова на должность ректора С.-Петербургской духовной академіи.— Назначеніе ректоромъ протоієрея И. Л. Янышева.

режде чѣмъ продолжать мои воспоминанія о событияхъ 1866 года, я не могу не подѣлиться здѣсь съ моими читателями выдержкою изъ письма ко мнѣ моего усерднаго корреспондента и друга, дѣлившагося со мною впечатлѣніями происходившихъ въ ту пору реформъ и нововведеній въ государственной жизни въ Россіи, Владимира Павловича Титова. Въ этомъ письмѣ, писанномъ наканунѣ новаго 1866 года, онъ излагаетъ свои впечатлѣнія и свои взгляды по случаю введенія земства, въ которомъ онъ принималъ личное участіе въ качествѣ рязанскаго землевладѣльца. Каждая подробность въ этомъ письмѣ даже на разстояніи столькихъ лѣтъ дышитъ новизною и во всякомъ случаѣ интересна, какъ зачатокъ новой жизни, которой суждено было сложиться впослѣдствіи въ ту или другую форму,—тогда еще нельзя было предугадать—въ широкую ли, или узкую формальность самоуправленія. Вотъ эта выдержка.

¹) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1901 г.

Извиняясь, что, за недосугомъ, онъ не могъ отвѣтить многимъ изъ своихъ знакомыхъ въ Стутгартѣ, В. П. Титовъ продолжаетъ: «А послѣ новаго года будетъ и еще труднѣе, ибо хотя еще нѣтъ оффиціі, однако меня сажаютъ, кажется, въ департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ. Я не прочь возобновить поближе знакомство со старою рутиною. Она хоть отживаєтъ свой вѣкъ предъ новыми судебными уставами, не менѣе того, пробудетъ неизбѣжно еще нѣсколько лѣтъ, доколѣ очередь не обошла весь кругъ губерній. При томъ же къ ней привита временно гласность, что, по сознанію многихъ сенаторовъ, теперь уже способствуетъ яснѣ разумѣть интересы и права тяжущихся. Передъ моимъ проѣздомъ обратно черезъ Москву тамошняя публика, слишкомъ 500 человѣкъ, около 10 часовъ сряду просидѣла на уголовномъ допросѣ дѣлателей фальшивыхъ кредитокъ. Защита обвиняемыхъ была весьма драматична. Особенное вниманіе приковалъ плутовскою ловкостью и краснорѣчiemъ ляхъ Адаховскій (на Руси рѣшительно нѣтъ ни спасенія безъ нѣмцевъ, ни бѣды безъ ляховъ. Гони ихъ въ дверь на западѣ, лѣзутъ въ окно съ востока, являемсь неизбѣжно и нежданно подъ всякими видами и продѣлками. Тютчевъ въ этомъ вопросѣ находитъ у насъ сходство съ человѣкомъ, который, замѣтивъ мышьякъ у себя въ комнатѣ и желая очистить воздухъ отъ отравы, рѣшился ее глотать). Бытность моя въ Рязани была во многомъ еще хлопотливѣе Питера. Засѣданія длились 18 дней, не исключая праздниковъ, ибо ради безденежья никому не хотѣлось заживаться въ губернскомъ городѣ. Кромѣ 3-хъ—4-хъ часовъ собраний до обѣда, приходилось мнѣ сидѣть съ 8-ми—9-ти часами за полночь въ докладной комиссіи, гдѣ сдѣлали мнѣ честь выбрать меня предсѣдателемъ. Она, по существу предметовъ, состояла изъ 4-хъ отдѣловъ, по 3 гласныхъ въ каждомъ. Изъ 85 гласныхъ было на лицо до 65, большинство дворянѣ, въ томъ числѣ довольно столбовыхъ и богатыхъ. Изъ другихъ сословій безъ малаго 20; священниковъ всего 2, прочие на половину изъ купцовъ и крестьянъ; между послѣдними 4 волостныхъ старшины. Они и одинъ изъ священниковъ, сельскій благочинный о. Молchanовъ, говорили застѣнчиво по слогу, но смѣло и вообще дѣльно по существу. Сословной вражды я ни въ чемъ и ни разу не могъ замѣтить. Собрание при томъ не заносилось въ общія начала. Да и вообще обнаруживается въ земствѣ губерній болѣе практичности, чѣмъ въ столицахъ. Конечно, и между вопросовъ чисто практическихъ, есть не лишенные шероховатости, напримѣръ, передача капиталовъ. По одной продовольственной части земство Рязанской губерніи имѣеть получить назадъ отъ казенныхъ вѣдомствъ до 1.400.000 руб. сер. Пренія иногда возникали очень живыя, подъ часть не безъ кляузы, но всегда взаимно вѣжливо. Во многихъ нельзя было не любоваться природному дару слова и отмѣнно простой, здоровой ясности взгляда. Всего казусиѣ были два

послѣднія засѣданія. При закрытіи предложено «принести государю все-подданнѣйшую признательность за права, дарованныя земству». Гласный Офросимовъ возразилъ дѣлымъ цицероновскимъ спичемъ въ такомъ смыслѣ, что находитъ это преждевременнымъ, несовмѣстимымъ съ тою благоговѣйною осторожностью, какой требуетъ всякое заявленіе, подносимое высочайшей власти; посмотримъ-де, какъ все пойдетъ на дѣлѣ: позже будетъ время для признательныхъ заявлений и т. д. Это повело ко многимъ другимъ спичамъ, гдѣ говорили, кромѣ нѣсколькихъ дворянъ, и крестьяне, и купцы, и вашъ духовный собратъ о. Молчановъ. Обмы-номъ рѣчей разъяснилось, за что и въ какихъ именно предѣлахъ желательно теперь же принести признательность. Священникъ сказалъ: «духовенство доселѣ жило отлученное отъ свѣтскихъ интересовъ, теперь призвано въ нихъ участвовать и подавать голосъ отъ имени церкви». Крестьяне, благодаря за право участвовать въ совѣщаніяхъ такого почтенного собранія, объяснили, что въ 1861 году дѣло шло лишь о двухъ сословіяхъ, а теперь всѣ созываются земскими учрежденіями какъ бы въ одну семью, гдѣ и они почитаютъ себя счастливыми занимать свое мѣсто. Короче—признательность состоялась единодушно, и сами возражавшіе ораторы отказались на другой день отъ несогласія. Всѣ наиболѣе сложные предметы поручены управлять для разныхъ предварительныхъ распоряженій и доклада собранію на будущій годъ. Значить, засѣданія декабря 1866 года будутъ практически важнѣе нынѣшняго, а нынѣ главная задача заключалась въ хорошемъ выборѣ губернской управы. Предсѣдателемъ ея выбранъ раненбургскій помѣщикъ князь Волконскій, тотъ самый, съ коимъ происходила, по приказанію королевы, переписка обѣ имѣніи покойной А. А. Окуловой (школа ея рушилась, и самая вотчина, поступивъ къ ея племяннику, продана съ тѣхъ поръ въ чужія руки). Волконскій слывѣтъ за человѣка толковаго, съ умомъ расторопнымъ и твердою волею. Въ собраніи говорилъ довольно часто, но коротко и всегда дѣльно. Въ члены губернской управы выбраны шестеро: дворянъ 5 и 1 купецъ. Вотъ вамъ, почтенный батюшка, материалъ для разсказа нашимъ, а можетъ быть при случаѣ и ея королевскому величеству. Впрочемъ, теперь у васъ въ гостяхъ на новый годъ изустный повѣствователь всякой отечественной сути — синодальныйoberъ-прокуроръ. Дядя его, графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой, также сидѣлъ со мною въ числѣ гласныхъ, но захворалъ и уѣхалъ къ себѣ въ деревню, не дождавшись конца сессіи. Не взыщите за долговязое письмо, дорогой батюшка, и молитесь, да пошлетъ Господь силъ намъ грѣшнымъ сочетать дѣловую жизнь со свѣтскою. Къ послѣдней никогда я не чувствовалъ пристрастія, но дозналъ опытомъ, что безъ ушерба дѣламъ нельзѧ отъ нея вовсе устраниться. Христосъ съ вами».

30-го декабря 1865 года. С.-Петербургъ.

Въ апрѣлѣ этого года мнѣ пожалована была митра, и опять В. П. Титовъ является первымъ поздравить меня съ этою монаршою милостью. Очень странная мысль пришла ему по этому поводу,—мысль соединить съ этимъ архіерейскимъ отличиемъ бѣлаго духовенства особый титулъ преосвященства. Впрочемъ, это не было простою фантазией. Напротивъ, въ это время начинали проявляться тенденціи возвысить бѣлое духовенство если не надѣ чернымъ, по крайней мѣрѣ до высоты послѣдняго. Въ это время въ Святѣйшемъ Синодѣ засѣдали уже два представителя бѣлаго духовенства: протопресвитеръ Бажановъ и протоіерей И. В. Рождественскій. Была мысль увеличить число главныхъ священниковъ по разнымъ отраслямъ церковнаго управленія и такимъ образомъ создать противовѣсь черному духовенству, забравшему власть исключительно въ свои руки. Разъ промелькнула мысль даже оберъ-прокурора Св. Синода замѣнить докладчиковъ изъ бѣлаго духовенства, а князь Горчаковъ не прочь былъ назначить, по крайней мѣрѣ, въ Константинополь, Аѳины и Римъ, посланниками людей изъ бѣлаго духовенства и разъ серьезно предлагалъ мнѣ одно изъ такихъ мѣстъ. Но я отклонилъ отъ себя такую честь, замѣтивъ, что было бы болѣе канонически, если бы Св. Синодъ рѣшился имѣть своихъ представителей при патріаршихъ каѳедрахъ. Тогда, конечно, нашлись бы въ средѣ бѣлаго духовенства люди, которые могли бы съ честію и пользою для церкви проходить подобныя должности. Въ это время князь Горчаковъ такъ увлекался цвѣтущею эпохой Франціи, что мечталъ создать и въ Россіи Мазарини и Ришелье, а въ шутку или полусерьезно называлъ Василія Борисовича «наиѣ кардиналь Бажановъ».

Наступившая весна 1866 года была тревожнымъ временемъ для Германіи. Давно возгорѣвшаяся борьба между Пруссіею и Австріею изъ-за гегемоніи въ германскомъ союзѣ должна была рѣшиться междоусобною воиною. Между тѣмъ какъ сѣверныя государства Германіи, за исключеніемъ Ганновера и корфюриштва Гессенскаго, держали сторону Пруссии, вся южная часть германскаго союза бросилась въ объятія Австріи, трепеща за свое существованіе, и даже склонялась на сторону Франціи, надѣясь въ этой борьбѣ за существованіе найти опору въ Наполеонѣ III противъ разыгравшагося аппетита Бисмарка, готовившагося поглотить всю Германію pour le roi de Prusse.

Въ это время мое положеніе при королевѣ, далеко не политическое, стало затруднительно вслѣдствіе моего твердаго въ то время убѣжденія, что Германія идетъ неудержимыми шагами къ политическому объединенію подъ главенствомъ Пруссіи, и я въ первый и единственный разъ принужденъ былъ стать въ оппозицію противъ королевы, тогда убѣжденной совсѣмъ въ противномъ. Мнѣ это было тѣмъ тяжелѣе, что въ эту тяжелую для Ольги Николаевны, какъ королевы Виртембергской,

эпоху, я, въ качествѣ ея духовника, не могъ по внутреннему убѣжденію принять ея сторону и быть ея утѣшителемъ даже въ поддержаніи ея упованія на Бога, дающаго побѣды на враги. Мое внутреннѣе убѣженіе говорило мнѣ, что готовившаяся междуусобная война будетъ только безполезнымъ братоубийствомъ, и потому я всячески старался убѣдить королеву отступить отъ ложнаго увлеченія въ союзѣ съ Австріею покорить Пруссію и ввести ее въ предѣлы бывшаго корфюрштества Бранденбургскаго. Напрасно я указывалъ ея величеству на историческую судьбу Россіи, также объединившейся когда-то подъ главенствомъ Москвы. Королева отвѣчала мнѣ, что это не примѣръ для Германіи, такъ какъ въ Россіи былъ одинъ народъ, раздѣленный на удѣлы, между тѣмъ какъ Германія состоить изъ отдѣльныхъ племенъ, изъ которыхъ каждое имѣть свою исторію. Такъ, напримѣръ, Швабскій царствующій домъ гораздо древнѣе Гогенцоллернскаго, и корень исторіи нѣмецкаго народа находится въ его южныхъ отрогахъ, а никакъ не въ Пруссіи, которая не имѣть даже характера нѣмецкаго, образовавшись изъ разныхъ пришельцевъ и хищныхъ рыцарей, завоевавшихъ силою Поморье, (Роттог), населенное чуждымъ народомъ. Указывалъ я на Францію, также образовавшуюся изъ мелкихъ графствъ, наконецъ на Италію, начавшую тогда уже объединяться подъ главенствомъ Савойскаго дома. Въ отвѣтъ на все это королева прислала мнѣ для прочтенія статью въ «Revue des deux mondes», въ которой предвѣщалось неминуемое разрушеніе плановъ Бисмарка. Когда я возвратилъ эту статью ея величеству и на ея вопросъ, убѣдился ли я въ томъ, что было высказано въ этой статьѣ? я отвѣчалъ, что я остаюсь при прежнихъ мысляхъ, и еще разъ сердечно сожалѣю, что польется кровь вѣноподданныхъ ихъ величествъ безполезно, королева отпустила меня со словами: «сожалѣю, что вы находитесь на фальшивой дорогѣ». Послѣ этого я попросилъ себѣ отпуска на нѣсколько недѣль и отправился на воды въ Тельцъ въ Южную Баварію, гдѣ и переждалъ окончаніе возгорѣвшейся съ такимъ увлеченіемъ междуусобной войны и окочичившейся очень скоро полнымъ пораженіемъ юга и торжествомъ Бисмарка.

Вспоминая теперь на разстояніи почти четверти вѣка тогдашнее состояніе умовъ въ Германіи, не вѣришь самому себѣ, какая невѣроятная перемѣна произошла въ политическомъ настроеніи нѣмцевъ. Ненависть къ Пруссіи, особенно къ Бисмарку была такъ сильна, что опасно было показать малѣйшее сочувствіе къ этимъ тогдашнимъ заклятымъ врагамъ особенно южныхъ фатерландовъ. Какъ часто мы вдвоемъ съ моимъ пріятелемъ Н. О. Аделунгомъ, секретаремъ королевы, разсуждали потихоньку о томъ, что настанетъ время, когда тѣ же нѣмцы станутъ ставить памятники Бисмарку во всѣхъ своихъ столицахъ. И время это настало. Говорятъ, Бисмаркъ—врагъ Россіи. Но всѣ же

говорить, что это—единственный великий человѣкъ своего времени. Конечно, успѣхомъ своимъ въ объединеніи Германіи онъ всецѣло обязанъ Россіи и благоволенію къ Пруссіи покойнаго государя Александра Николаевича. Не то было бы при покойномъ императорѣ Николаѣ. Довольно вспомнить, какъ отнесся онъ къ подобной реформѣ Швейцарскаго союза въ сороковыхъ годахъ. Вѣрный политическому принципамъ, императоръ Николай не призналъ новой конституціи Швейцарскаго союза, какъ противорѣчившей постановленіямъ вѣнскаго конгресса, и отозвалъ свое посланство изъ Берна, а вмѣстѣ съ нимъ и наша тамошняя церковь была запакована въ ящики и долго хранилась въ нихъ безъ употребленія во Франкфуртѣ, пока, уже въ пятидесятыхъ годахъ, не была снова возвращена въ Женеву по просьбѣ проживавшей тамъ въ это время великой княгини Анны Феодоровны, разведенной супруги великаго князя Константина Павловича. Германскій союзъ былъ также узаконенъ вѣнскимъ трактатомъ и теперь безнаказанно разрушался политикою Бисмарка.

Но пока я находился въ добровольномъ изгнаніи въ Тельцѣ, событияшли такъ быстро, что пруссаки успѣли разбить стотысячную армію южанъ и при Кенигсгрецѣ окончательно выбросить Австрію изъ германскаго союза. Уже 31-го іюля мнѣ писать изъ Стутгартта мой пріятель Аделунгъ слѣдующее: «на счетъ политическихъ взглядовъ вы найдете въ Стутгартѣ совершенную перемѣну. Куда дѣвались эти лютые пруссоѣды, эти завоеватели Берлина, мечтавшие не на шутку королевство Пруссію обратить опять въ курфюршество. Они затихли и—кажется навсегда. По мѣрѣ того, какъ прусское побѣдоносное войско, разбивая на каждомъ шагу австрійцевъ, пошло на Вѣну, а съ другой стороны нѣсколько тысячъ пруссаковъ, разбивъ 100.000 союзныхъ, пошли на Мюнхенъ, занявъ безъ боя столицу Сейма (блаженныя памяти) Франкфуртѣ, крикуны затихли и стали исподтишка закупать разныя провизіи для ожидаемыхъ пруссаковъ (*captatis benevolentiae*), благоразумные же люди убѣдились въ совершенной гнили великой Австріи и въ всепокорящей интеллигенціи и организаціи Пруссіи. Всѣ же довольны, что отдѣлались синяками, и пришли къ тому заключенію, что вся будущность мелкихъ государствъ зависитъ теперь отъ ими же поруганного графа Бисмарка, который сумѣлъ же осуществить то единство Германіи, которое нѣмцы мили составить изъ отвлеченності. Даже во дворцѣ произошелъ разительный переворотъ въ мнѣніяхъ. Теперь на повѣрку выходитъ, что правы были тѣ, которыхъ взгляды казались такъ сумасбродными и такъ ошибочными».

Еще раньше, когда южане собирались на войну съ Пруссіею и выставили три соединенные корпуса подъ предводительствомъ трехъ принцевъ, Александра Дармштадтскаго (отца Баттенберговъ), Виль-

гельма Баденского (мужа Марии Максимилиановны) и Карла Баварского, Аделунгъ уже подшучивалъ надъ этими предводителями, называя ихъ — одного Александромъ Великимъ, другаго Вильгельмомъ Завоевателемъ, а третьяго Карломъ Смѣлымъ, и предвѣщалъ имъ скорое и неминуемое пораженіе, что и случилось. Пруссаки дѣйствовали съ такою быстротою, что не давали непрѣятелю времени соединиться и разбивали по частямъ отдѣльные корпуса. Такъ, виртембергское воинство, шедшее на соединеніе съ главными силами, было застигнуто недалеко отъ Стутгартта на бивуакѣ, и въ то время, какъ *gemütliche Schwaben* собирались варить себѣ ужинъ, вдругъ съ окрестныхъ возвышеностей на нихъ посыпались прусскія пули, положившія на мѣстѣ много невинныхъ жертвъ этой братоубийственной войны. Такъ было, между прочимъ, въ Киссингенѣ, гдѣ больные, между которыми было не мало и нашихъ соотечественниковъ, прескокойно пили свои утреннія воды, какъ, откуда ни возьмись, отрядъ пруссаковъ ворвался въ городъ и уже на улицахъ началъ перестрѣлку съ находившимся тамъ гарнизономъ баварцевъ, не ожидавшихъ вовсе нападенія на мѣсто водь, наполненное при томъ больными иностранцами.

Многіе изъ благородныхъ нашихъ соотечественниковъ поспѣшили вѣремя оставить Германію до начала междоусобицы и воротиться въ Россію. Такъ, одно семейство Трофимовыхъ, нѣсколько лѣтъ прожившее въ Стутгартѣ для воспитанія дѣтей, поспѣшило оставило намѣченное было здѣсь гнѣзда и перѣѣхало на житѣе въ свою деревню, откуда глава этого семейства, бывшій впослѣдствіи извѣстнымъ мировымъ судьею въ Петербургѣ, писалъ мнѣ отъ 20-го сентября слѣдующее: «Трудно себѣ представить, съ какою жадностью мы все, не выключая и маленькихъ дѣтей, читали газеты во время недавняго нашествія варваровъ на цвѣтущія плодородіемъ южно-германскія земли. Мы боялись за милый Виртембергъ и дорогой намъ Стутгартъ. Слава Богу, кончилось братоубийство, за которое поплатились невинныя жертвы прусскаго властолюбія. Кстати, позвольте познакомить васъ съ новымъ произведеніемъ ветерана русскаго Парнаса, князя Вяземскаго.

Противъ мнѣ самохваленье!
Неправда душу мнѣ скребѣть!
Меня смущасть Провидѣнье,
Когда на землю язвы плетѣ.
А въ мірѣ мысли и въ природѣ
Какъ бы на зло мнѣ съ трехъ концовъ
Вдругъ разыгрались на свободѣ
Холера, Бисмаркъ и Катковъ!

«Катковъ попалъ въ уровень съ истребителями рода человѣческаго потому, вѣроятно, что онъ въ чаду патріотизма хватилъ черезъ край, какъ почтмейстеръ Гоголя. Покровительственный и нравоучительный

тонъ передовыхъ статей Каткова съ каждымъ днемъ уменьшаетъ число его приверженцевъ. Катковъ осуществляетъ басню «Пустынникъ и Медвѣдь», — изъ усердія бѣть наповаль».

Наконецъ, буря пронеслась, оставивъ по себѣ роковые для южныхъ государствъ слѣды въ тайномъ договорѣ, по которому и войска, и дипломатія отдавались въ полное распоряженіе Пруссіи, и который хранился въ секретѣ до самаго столкновенія Пруссіи съ Франціей въ 1870 году. Все возвратилось опять къ мирнымъ занятіямъ. Королева уѣхала на морскія купанья въ Остенде; я поселился на своемъ мирномъ Ротенбергѣ. Правда, меня приглашали было въ Женеву на освященіе отстраивавшейся тамъ русской церкви. Но какъ это было уже въ концѣ августа и мы ожидали возвращенія королевы къ 30-му, дню ея рожденія, въ Фридрихсгаузѣ, гдѣ обыкновенно праздновался этотъ день богослуженіемъ, то я и принужденъ былъ отказаться отъ участія въ женевскомъ торжествѣ, за что навлекъ на себя неудовольствіе собравшихся тамъ съ разныхъ сторонъ сослуживцевъ, какъ видно изъ прилагаемаго при семъ письма ко мнѣ о. Іосифа Васильева. Писано оно было главнымъ образомъ по тому поводу, что одинъ французъ, м-р Serpinet, издавшій въ это время переводъ проповѣдей митрополита Филарета, обратился ко мнѣ съ просьбою поднести это изданіе отъ его имени королевѣ. Прежде чѣмъ исполнить эту просьбу, я обратился къ о. Васильеву за справками о личности этого француза, и вотъ что мнѣ отвѣчалъ на это о. Васильевъ:

21-го октября (2-го ноября) 1866 года Парижъ.

«Глубокоуважаемый мню о. Иванъ Ивановичъ.

«Только-что возвратился изъ поѣздки во внутреннюю Францію, какъ сего же дня єду въ Россію. А потому поспѣшио отвѣчаю на ваше любезное письмо.

«Г. Serpinet былъ учителемъ французскаго языка въ многихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, преимущественно женскихъ. Въ двѣнадцатилѣтнее пребываніе въ нашемъ отечествѣ, онъ, какъ я слышалъ, пользовался заслуженнымъ уваженіемъ. Въ Парижѣ я встрѣчалъ его у гр. Толстыхъ, г.г. Плотниковыхъ и слышалъ отличные отзывы о г. Serpinet. И самъ я пользовался его посѣщеніями и бесѣдами, которая всегда находилась занимательными и съ благороднымъ и просвѣщеннымъ взглядомъ на лица и вещи. Вѣрнымъ же переводомъ проповѣдей преосвященнаго митрополита московскаго г. Serpinet оказалъ нашей церкви и Россіи важную услугу. Но обѣ этомъ вы разсудите лучше меня.

«Всѣ мы душевно сожалѣли, что лишены были въ Женевѣ вашего почтеннаго присутствія. Наше сожалѣніе могло бы обратиться въ осужденіе ваше, если бы уваженіе къ вамъ и увѣренность въ невозможности не удержали насъ.

«Зачѣмъ это онъ ёдетъ въ Россію? думаете вы обо мнѣ. Не на чужую свадьбу собираюсь, а хлопочу устроить таковую въ моемъ семействѣ. Одинъ бакалавръ Московской духовной академіи желаетъ вступить со мною въ родство. А мой Кавказъ? Рушился, благодаря Св. Синоду, который отвергъ мое условіе о независимости отъ главнаго священника арміи и флота. Но это не мое дѣло. Меня просили на Кавказъ, я согласился условно. Надо мыкать горе въ Парижѣ.

«Зовутъ въ Посольство за депешами. Не осудите моего скораго и плохаго писанія, и вѣрьте моему сердечномууваженію и неизмѣнной преданности».

Наша духовная литература и наше богослуженіе сильно интересовали въ это время иностранныхъ богослововъ, которые старались поближе познакомиться съ нашою церковью и ея обрядною стороною. Такъ, этою же осенью по поводу погребенія скончавшагося въ Тюбингенѣ Пелопидаса, тамошній профессоръ университета, Пальмеръ, обратился ко мнѣ письмомъ за разъясненіемъ нѣкоторыхъ подробностей нашего богослуженія, при чемъ онъ писалъ между прочимъ слѣдующее: «Присутствуя при погребеніи статского советника Пелопидаса, я не могъ довольно насмотрѣться на достоинство вашего обряда, ни довольно наслушаться замѣчательно прекрасныхъ аккордовъ богослужебнаго пѣнія. Но я желалъ бы знать, слова этихъ пѣснопѣній были ли псалмы или молитвы вродѣ de Profundis или Miserere латинской церкви? У меня есть ваша книжка (мой переводъ панихиды съ объясненіями), но я прошуъ бы указать мнѣ въ ней тѣ слова, которыя были пѣты при погребеніи. Кроме того, я позволю себѣ еще одинъ вопросъ. Въ письмахъ Муравьеву о богослуженіи восточной церкви въ переводѣ Муральта находится, конечно, болѣе риторическое, чѣмъ наглядное, описание пасхальной ночи. Я бы хотѣлъ знать, дѣйствительно ли это изображеніе пасхального торжества вѣрно и соответствуетъ дѣйствительности? Такъ ли это совершается и теперь въ Россіи? И въ самомъ ли дѣлѣ, въ праздникѣ Пасхи всѣ привѣтствуютъ другъ друга словами: Христосъ воскресе! Вопистину воскресе!? Я предлагаю эти вопросы особенно потому, что мнѣ назначено на слѣдующей недѣлѣ держать въ Стутгартѣ публичное чтеніе, предметомъ которого я избралъ сопоставленіе символики и литургии въ различныхъ исповѣдавшихъ христіанской церкви, при чемъ мнѣ хотѣлось бы выставить на видъ эстетическую сторону богослуженія въ каждой церкви». Конечно, я не замедлилъ увѣрить профессора Пальмера въ томъ, что въ описаніи Муравьеву пасхальной службы не было ничего преувеличенного и что напротивъ этого, какъ ему казалось, риторическое изображеніе ниже дѣйствительности, что надо самому присутствовать въ ночь Пасхи, особенно въ Москвѣ, чтобы прийти въ религиозный восторгъ отъ этого торжественнаго празд-

нованія воскресенія Христова православною церковью. Послѣ этого я съ любопытствомъ ожидалъ назначенаго публичнаго чтенія въ Стутгартѣ. Мнѣ особенно было интересно услышать, какъ этотъ профессоръ протестантскаго университета выразится передъ смѣшанною аудиторией католиковъ, протестантовъ и православныхъ на счетъ той церкви, которую западные христіане привыкли считать заброшенnoю, темною и отсталoю. Но профессоръ Пальмеръ, несмотря на свою сдержанность, противъ воли увлекся восторгомъ при изображеніи обрядности православной церкви и особенно при описаніи торжества пасхальной ночи въ Россіи и увлекъ за собою слушателей, отвѣтившихъ ему на это громкими рукоплесканіями.

Но благодеятельное и мирное житіе мое въ Стутгартѣ въ концѣ этого года было нарушено еще разъ повторившеюся попыткою вызвать меня на служеніе въ Россію. 3-го ноября 1866 г. получилъ я нежданно-негаданно отъ графа Д. А. Толстаго, бывшаго тогда оберъ-прокуроромъ Св. Синода, слѣдующее приглашеніе:

«По поводу имѣющаго вскорѣ послѣдовать назначенія на епархію ректора С.-Петербургской духовной академіи епископа выборгскаго Іоанна, озабочиваясь избраніемъ ему достойнаго преемника въ должности ректорской, я обратилъ вниманіе на ваше высокопреподобіе, ученыe труды и просвѣщенная дѣятельность котораго на пользу православной церкви извѣстны не только въ Россіи, но и за границей.

«Покорнѣйше прошу ваше высокопреподобіе уведомить меня съ полною откровенностью, въ какой мѣрѣ означенное предположеніе мое согласуется съ вашими собственными намѣреніями и желаніемъ, дабы сообразно съ симъ, въ случаѣ вашего согласія, я могъ предложить о семъ Святѣйшему Синоду. Польза службы и личное мое къ вамъ уваженіе побуждаютъ меня выразить, что для меня было бы весьма пріятно, если бы вы приняли предлагаемую вамъ высокую должность. Въ случаѣ вашего на то согласія, благоволите испросить предварительно августѣйшее соизволеніе ея величества королевы, такъ какъ безъ разрѣшенія ея величества ни въ какомъ случаѣ не можетъ состояться ваше назначаніе; буде же таковое разрѣшеніе послѣдуетъ, то примите на себя трудъ испросить у ея величества приказанийъ касательно замѣщенія вашего мѣста.

«Въ ожиданіи отвѣта вашего, съ которымъ покорнѣйше пропути по возможности не замедлить, остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью вашего высокопреподобія покорнѣйшимъ слугою. Графъ Дмитрій Толстой».

Вотъ и опять я былъ поставленъ въ затруднительное положеніе борьбы между долгомъ службы и моимъ личнымъ отношеніемъ къ моей августѣйшей духовной дочери. И вотъ я отправился съ этою бумагою на

совѣтъ къ ея величеству. И въ этотъ разъ, королева отвѣчала мнѣ, что она согласна разстаться со мною, если того требуетъ польза службы. Но въ настоящемъ дѣлѣ она желала бы знать, почему выборъ о. ректора академіи падаетъ на меня, а не на кого другаго? Ожидаютъ ли чего лучшаго отъ моей личности, или хотятъ имѣть по тогдашнему стремлению къ всевозможнымъ реформамъ новаго человѣка съ новыми взглядами? Во всякомъ случаѣ она совѣтуется мнѣ напередъ выяснить себѣ, чего отъ меня хотятъ, и какъ графъ Толстой самъ приглашаетъ меня высказаться на это съ полною откровенностью, то королева и совѣтуется, прежде чѣмъ дать рѣшительный отвѣтъ, списаться съ графомъ Толстымъ и написанное предварительно показать ея величеству. На этомъ основаніи я отвѣтилъ графу Толстому слѣдующимъ письмомъ:

15-го (27-го) ноября 1866 г. Стутгартъ.

«Предложеніе, которое ваше сіятельство дѣлаетъ мнѣ въ почтеннѣйшемъ письмѣ вашемъ отъ 3-го ноября, такъ важно, что я стараюсь забыть при этомъ и свою личность, и свои интересы, и только имѣть въ виду самое дѣло. И потому покорнѣйше прошу принять мой отзывъ съ тою благосклонностью, съ которой вы изволили вызывать меня на полную откровенность.

«Назначеніе на място ректора духовной академіи лица изъ бѣлага духовенства—дѣло у насъ довольно новое, и имѣя до сихъ поръ одинъ только предшествующій примѣръ въ Московской духовной академіи, при предстоящемъ повтореніи того же и въ С.-Петербургской духовной академіи, заставить предлагать особые виды или намѣренія духовнаго начальства. Поэтому очень естественно освѣдомиться напередъ, какія требования будуть поставлены отъ того лица, на которое падеть выборъ въ такую важную должность? Соединено ли съ этимъ нововведеніемъ какое-либо особое направление въ воспитаніи и образованіи духовнаго юношества? Или же эта мѣра только случайная, не имѣющая никакого отношенія къ столь желаемому измѣненію прежнихъ порядковъ и отношеній?

«Если одно только послѣднее предположеніе вѣрно, то мои служебныя и личныя отношенія не позволяютъ мнѣ прервать той священной для меня связи, которая удерживаетъ меня здѣсь при особѣ ея величества. Другое дѣло, если выборъ начальства на такую важную должность падаетъ на меня, въ томъ предположеніи, что моя личность, моя долголѣтняя наглядность къ другимъ порядкамъ, моя совершенная новость въ застарѣлой рутинѣ нашихъ училищныхъ преданій именно нужны въ данную минуту,—въ такомъ случаѣ могу я принести въ жертву новому званію своему мои, болѣе чѣмъ служебныя только, отношенія къ августѣйшей особѣ, при которой я имѣю счастіе состоять духовникомъ.

Говоря это, я выражают не одни только свои чувства, но вмѣстѣ и взглядъ на это дѣло ея величества.

«Переходя отъ общаго взгляда на дѣло къ моимъ личнымъ отношеніямъ къ оному, я долженъ поставить на видъ, кромѣ моей совершеннной неопытности въ училищной службѣ, главнымъ образомъ мою долголѣтнюю отчужденность отъ нашихъ порядковъ, вслѣдствіе которой я могъ бы провести въ свою должностъ новость взгляда на веденіе управлениія однимъ изъ высшихъ нашихъ духовныхъ заведеній,ющую повести ко многимъ преобразованіямъ какъ внутренняго состоянія онаго, такъ и виѣшнихъ отношеній его. При этомъ я, конечно, долженъ приготовиться ко многимъ нареканіямъ въ европеизмѣ и еще, чего избави Боже, въ протестантизмѣ, но, идя на великое дѣло, я готовъ бы быть переносить злобную молву, если бы только я былъ увѣренъ въ сочувствіи къ моимъ дѣйствіямъ высшаго начальства.

«Но какъ вы въ вашемъ письмѣ благосклонно коснулись и моихъ собственныхъ намѣреній и интересовъ, то я долженъ признаться, что переходъ отсюда на какую бы то ни было службу въ Россію въ настоящую минуту помѣшалъ бы исполненію моихъ уже очень недалекихъ ожиданій. На первомъ планѣ въ этомъ отношеніи стоитъ окончаніе образованія моихъ сыновей, находящихся теперь при мнѣ, которое должно послѣдовать не ранѣе 2-хъ лѣтъ. Затѣмъ 16-го апрѣля 1869 года исполнится 25-ти-лѣтіе моего служенія за границею и съ этимъ соединенное право на пенсію. Если бы предлагаемое мнѣ назначеніе могло совпадать съ этимъ срокомъ, то это много облегчило бы мою рѣшиимость разстаться съ настоящею мою службою за границею.

«На основаніи всего этого, я позволяю себѣ, съ высочайшаго созвѣднія ея величества, въ отвѣтъ на дѣламое мнѣ предложеніе, представить слѣдующія соображенія на ваше благоусмотрѣніе:

1. Прежде всего желательно было бы имѣть полное и ясное свѣдѣніе о видахъ духовнаго начальства при предполагаемомъ назначеніи меня на мѣсто ректора С.-Петербургской духовной академіи.

2. Затѣмъ я просилъ бы покорнѣйше прислатъ мнѣ инструкцію ректора академіи съ дозволеніемъ войти по оной въ изложеніе моихъ личныхъ взглядовъ на это дѣло и моихъ предположеній по веденію управлениія академіею.

3. Наконецъ, въ виду совершенной новости для меня этого дѣла и полной неопытности въ управлениіи заведеніями, я сталъ бы просить дать мнѣ срока до 1869 года, въ продолженіе котораго я могъ бы приготовить себя къ предлагаемой мнѣ высокой должности какъ предварительнымъ изученіемъ самаго дѣла по инструкціямъ и уставамъ духовныхъ училищъ, такъ и болѣе специальнymъ наблюденіемъ надъ состояніемъ и управлениемъ подобныхъ заведеній за границею, какъ

протестантскихъ, такъ и католическихъ не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ.

«Въ заключеніе прошу вѣрить, что всѣ эти соображенія основаны не столько на личныхъ интересахъ, сколько на глубокомъ сознаніи важности этого дѣла, къ которому высшему начальству угодно будетъ призвать меня.

«Примите, высокоуважаемый графъ,увѣреніе въ глубокой преданности къ вамъ и моей искренней готовности жертвовать всѣмъ на благо родной церкви и отечества.

«Вашего сіятельства искренно и глубоко преданный слугаprotoиерей И. Базаровъ».

Этотъ отвѣтъ былъ принятъ въ Петербургѣ въ смыслѣ отказа, и уже 29-го ноября графъ Толстой изъявилъ мнѣ въ частномъ письмѣ свое сожалѣніе о несостоявшемся намѣреніи опредѣлить меня на мѣсто ректора С.-Петербургской духовной академіи. Я помѣщаю здѣсь и это письмо графа Толстаго ко мнѣ, изъ котораго снова до ясности видно, что судьба моя связана была моимъ положеніемъ при королевѣ, и потому каждая попытка привлечь меня на службу въ Россію ставилась прежде всего въ зависимость отъ воли ея величества. Самъ же я не могъ настоятельно стремиться оставить свое мѣсто въ Стутгартѣ, не оскорбивъ чувства привязанности или просто долговременной привычки ко мнѣ моей августейшей духовной дочери. Это же чувство деликатности руководило и самое начальство, имѣвшее право и возможность вызвать меня въ Россію на ту или другую должность. Лестныя выраженія по отношенію ко мнѣ въ письмѣ графа Толстаго сводятся однако же къ тому же предвзятыму началу, что я, несмотря на то и на это, прежде всего принадлежу по службѣ королевѣ и безъ ея воли не могу распоряжаться собою. Вотъ это письмо графа Толстаго:

«Какъ ни прискорбно было для меня получить отъ васъ отказъ на предложеніе принять мѣсто ректора С.-Петербургской духовной академіи, но, взвѣшивъ приводимые вами доводы, я не могу не сознать, что въ настоящее время дѣйствительно вамъ невозможно было поступить иначе. Я съ удовольствиемъ ожидалъ бы васъ до 1869 года, но вы знаете сами, что учебное заведеніе не можетъ оставаться безъ начальства въ продолженіе трехъ лѣтъ; потому ректоромъ академіи назначенъ сегодня protoиерей Янышевъ. Во всякомъ случаѣ, если только я самъ останусь оберъ-прокуроромъ Св. Синода еще три года, я буду счастливъ представить вамъ то мѣсто, которое въ то время откроется и будетъ соответствовать какъ вашимъ достоинствамъ, такъ и собственному вашему желанію. Разумѣется, какъ теперь, такъ и тогда я ничего не предприму безъ предварительного соизволенія ея величества королевы, такъ какъ для меня воля ея величества священна, не въ офиціальномъ, но въ дѣйствительномъ и полномъ значеніи этого слова.

«Когда представится случай, прошу покорнейше повергнуть предъя величествомъ искреннѣйшее выраженіе моей безграничной преданности. Очень одолжили бы меня, также напомнивъ обо мнѣ давнишней моей знакомой г-жѣ Томиловой. Вашъ покорнейший слуга Д. Толстой».

29-го ноября 1866 года.

Вслѣдъ за этимъ я получилъ письмо и отъ моего доброго пріятеля В. П. Титова, которому я тотчасъ же сообщиль смысль моего отвѣта на предложеніе графа Толстаго и просилъ его сообщить мнѣ о томъ, какое впечатлѣніе произведеть мой отзывъ на мое начальство. Изъ письма В. П. Титова видно, что мой отзывъ былъ принять не совсѣмъ въ смыслѣ полнаго отказа. Вотъ что писалъ мнѣ объ этомъ В. П. Титовъ:

С.-Петербургъ. 30-го ноября 1866 года.

«Прибавляю нѣсколько строкъ въ отвѣтъ на ваши довѣрительныя извѣстія отъ 15-го (27-го), дражайшій батюшка, объ отзываѣ, сдѣланномъ вами на предложеніе академического ректорства. Съ тѣхъ порь дошла, вѣроятно, и до вашего свѣдѣнія мысль о назначеніи туда Ивана Леонтьевича Янышева. Дѣло такимъ образомъ, кажется, можетъ почитаться на первый разъ оконченнымъ. Зная ваше мнѣніе объ о. Янышевѣ и дружескія къ нему отношенія, не сомнѣваюсь, что и вы порадуетесь этому выбору, какъ одному изъ самыхъ лучшихъ. Вы посмотрите, если состоится назначеніе Ивана Леонтьевича, какъ пойдетъ дѣло на ладъ. Пройдетъ года два, въ теченіе которыхъ самыя событія представлять вѣрнѣйшія ручательства того, какія на дѣлѣ окажутся трудности и какого позволительно ожидать успѣха. Съ другой же стороны, лишь бы удачно обошелся первый опытъ участія бѣлаго духовенства въ исправленіи важнѣйшихъ должностей по дѣлу церковныхъ училищъ, лишь бы обратилось благополучно это *initium dimidium laboris*, важныхъ и существенно полезныхъ мѣстъ найдется болѣе, чѣмъ вдоволь, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и на другихъ видныхъ и вліятельныхъ пунктахъ просторной нашей матушки-Россіи».

Назначеніе о. Янышева на мѣсто ректора С.-Петербургской академіи было самымъ подходящимъ дѣломъ во всѣхъ отношеніяхъ, и я удивляюсь, почему не палъ на него первого этотъ выборъ, и почему для этого обратились напередъ ко мнѣ и Ключареву (впослѣдствіи архіепископу харьковскому Амвросію)? Единственною причиною тому могло быть только то, что о. Янышевъ въ то время былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы занять мѣсто, которое до сихъ порь замѣщалось архіереями. Должность ректора академіи не могла ему помѣшать продолжать свои отношенія къ цесаревнѣ, и вотъ вслѣдъ за моимъ уклончивымъ отвѣтомъ ему предложили это мѣсто, которое онъ и принялъ, хотя, по свойственному ему смиренію, со страхомъ и трепетомъ, но вмѣстѣ и съ

полнымъ сознаниемъ важности принимаемаго на себя долга. Я помѣщаю здѣсь его письмо ко мнѣ, писанное при самомъ вступлениі его въ эту должностъ, характеризующее личность этого одного изъ лучшихъ вашихъ дѣятелей на поприщѣ духовнаго просвѣщенія. Его хотя и недолговременная служба въ должностіи ректора академіи оставитъ по себѣ свѣтлую страницу въ исторіи академіи. Но пусть потомки прочитаютъ сами это письмо его ко мнѣ и судятъ, съ какими чувствами онъ вступалъ на это поприще.

4-го декабря 1866 года. Волково.

«Ваше любезное письмо еще отъ 25-го октября дошло ко мнѣ чрезъ Ивана Васильевича Рождественского вмѣстѣ съ извѣстіемъ, что, въ случаѣ отказа Ключарева принять ректорство въ академіи, его предложить вамъ, такъ какъ вы вмѣстѣ съ нимъ были предложены первыми кандидатами на этотъ постъ. Вашъ отвѣтъ быть понятъ здѣсь какъ тонкій отказъ, ибо нельзя же было оставить мѣсто незанятымъ на два года, и вотъ мнѣ предложили его съ словами, что если и я откажусь, то бѣлое духовенство надолго снова будетъ устраниено отъ подобныхъ мѣстъ. Зная желаніе цесаревны видѣть меня поближе къ Петербургу и вида невозможность занять мѣсто въ Аничковомъ дворцѣ, уже давно занятое моимъ же товарищемъ и не представляюще ни средствъ къ жизни, ни поприща для дѣятельности, къ какимъ сдѣлана своего рода привычка, а съ другой стороны опасаясь, что, возвратившись въ Висбаденъ, я не найду покоя въ совѣсти за бѣгство отъ важнаго дѣла, я отдалъ себя на волю Божію. И тамъ и здѣсь—мнѣ приходится быть какъ будто вашимъ преемникомъ, по крайней мѣрѣ опытно взойти въ исполненіе мысли, вамъ впервые заявленной и давно предначертанной. Говорить ли, какъ бы мнѣ дорогъ былъ всякий вашъ совѣтъ, а тѣмъ болѣе участіе въ нашемъ общемъ дѣлѣ и долгѣ духовнаго просвѣщенія. А слушаевъ къ оному много. Вы можете написать что угодно для «Христіанскаго Чтенія», что угодно для прочтенія въ засѣданіи конференціи, которой предполагается дать по возможности дѣйствительное значеніе, и наконецъ можете, во имя блага церкви и моего личнаго спасенія, прямо бранить или поощрять меня, щадить и наказывать, и я, какъ неизбѣжно преданный вамъ, приму все къ самому серьезному соображенію и послѣднюю вашему слову съ любовью и покорностью, ибо знаю, что вы всегда были только благодѣтельны во всѣхъ вашихъ отношеніяхъ ко мнѣ грѣшному. Усерднѣйше прошу чрезъ ваше благосклонное посредничество и отца Репловскаго, если бы онъ вздумалъ снова первомъ послужить церкви, принять участіе въ нашемъ «Христіанскомъ Чтеніи», которое во всѣхъ отношеніяхъ хотѣлось бы поставить на болѣе разумныхъ и для сотрудниковъ болѣе привлекательныхъ основаніяхъ, о которыхъ въ свое время будетъ публиковано.

*

«Не могу вамъ описать, какая тревожная доселъ была жизнь моя и здѣсь въ Питерѣ, при перебѣдахъ изъ столицы въ Царское и обратно, при новыхъ знакомствахъ и возобновлениіи старыхъ, при множествѣ родныхъ, разсѣянныхъ по самымъ отдаленнымъ концамъ Питера, при неимѣніи квартирь, которая и теперь состоить изъ маленькаго угла на Волковомъ, гдѣ мы всѣ сбиты въ кучу и гдѣ я едва нахожу возможность писать даже эти строки. Но въ академіи будетъ попросторѣе квартира, хотя едва ли не тѣснѣе отъ дѣла. Однако о томъ позовольте писать вамъ изъ академіи. Кабы вы знали, какъ горячо желаю послужить церкви въ самыхъ нѣдрахъ ея. Вспомяните, смѣю просить васъ, и меня грѣшнаго съ академіею и въ сердцѣ и въ молитвахъ вашихъ и продлите дружбу вашу къ преданному вамъ всецѣло протоиерью И. Янышеву».

Не могу здѣсь не прибавить изъ моихъ воспоминаній о прошломъ опѣнки столь близкой мнѣ личности И. Л. Янышева. Онъ былъ человѣкъ увлекающійся, и все, что замѣчалось имъ хорошаго, въ личностяхъ ли или въ жизни вообще, приводило его въ восторгъ; напротивъ, всякая слабость въ человѣкѣ, всякий беспорядокъ въ дѣлахъ приводилъ его въ сердечное уныніе. Но рядомъ съ этимъ онъ живо интересовался успѣхами въ научной ли или церковной жизни. Живя въ Германіи среди ученыхъ богослововъ и образованныхъ пастырей, среди упорядоченной жизни гражданской, онъ горѣлъ желаніемъ все это пересадить на родную почву и скорбѣлъ душою о томъ, что все это хорошее такъ трудно принимается у настѣ въ Россіи. Ему было все свято, что служило къ возрастанію внутренняго человѣка въ вѣрѣ, надеждѣ и любви. Въ своей должности ректора академіи онъ обратилъ преимущественное вниманіе на учено-богословское образованіе духовнаго юношества и успѣхъ достигнуть въ этомъ отношеніи блестательныхъ результатовъ.

Періодъ управленія о. Янышевымъ академіею останется однимъ изъ блестящихъ въ исторіи этого высшаго богословскаго института.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма Г. С. Батенькова—князю Е. П. Оболенскому.

1.

7-го марта 1848 года. Томскъ.

И ваше письмо, почтеннѣйшій Евгений Петровичъ, я имѣлъ удовольствіе получить, точно уже удовольствіе потому, что не ожидалъ. Будучи такъ добры, вы повѣрите и моей благодарности.

Вы справедливо замѣчаете, что наукѣ нашего времени именно недостаетъ благочестія. Она вышла бы изъ своей шаткости и противорѣчій, еслибы признала Бога всему причиною. Какъ ни гляди, а приписывая все, даже и красоту природы, кругообращенію шара, дѣйствію центрального огня, возвышенію земной коры, электричеству, магнитизму и проч. и проч., даже пожалуй самому золоту—ничего изъяснить нельзя. Понадобится непремѣнно воля, разумъ и намѣреніе. Вотъ почему и можно похвалить начинавшееся стремленіе молодыхъ литераторовъ искать прогрессъ въ духѣ и внутреннею истину объяснять явленія.

Наука не разобрала даже самыхъ простыхъ предметовъ: времени и пространства. Она безусловно вѣрить зрѣнію и слуху и всегда колеблется вѣрить разуму.

Обстоятельства моей жизни заставили меня думать о времени. Прежде я едва ли не смысливалъ его съ машиною и опредѣлялъ простымъ счислениемъ. Прошелъ возрастъ школьніческихъ привычекъ, и ясно стало мнѣ, что всѣ известныя теоріи времени не содержать въ себѣ и столько даннаго (?), сколько требуетъ простая тригонометрія. Тамъ необходимо дѣйствительно измѣрить хотя одно основаніе. Считая цифрами часы, дни и годы, нельзя было ничего сказать о времени. Я примѣтилъ, что не цифрами, а скучою существеніе знаю время, и тогда понять, что чувство есть лучшее учебное пособіе, а когда прожилъ пятьдесятъ лѣтъ, конечно, уже не пропустивъ ни одной минуты, то вотъ и позмѣрилъ

нѣчто. Не тутъ ли путь къ открытию въ наукѣ Америки. Почему бы не стать уму въ свойственномъ ему самопознаніи; тогда онъ станетъ къ пространству не какъ къ стереометрической пустотѣ и къ времени, не какъ къ грубому механическому движенію, но въ прямомъ ихъ къ себѣ, къ жизни и къ Богу отношеніи, и вообще на природу будетъ смотрѣть тогда не какъ на взъерошенную дѣйствіемъ мертвыхъ силъ поверхности шара, но какъ на полное отраженіе вѣчнаго бытія живой разумной причины, и въ ней будетъ искать себѣ силы и благодати, столько же для знанія, сколько и для дѣйствія. Тогда достойно будетъ называть землю міромъ и обиталищемъ умной твари.

Мы уже слишкомъ умны и все, что настѣ окружаетъ, чрезъ мѣру искусственно, нами самими изобрѣтено и произведено, но кто это все сохранить? и где гарантія, что будетъ на это воля?.... должно вѣровать.

Вы упоминаете о послѣднемъ произведеніи Гоголя. Очевидно, что онъ въ состояніи переходномъ. Можно однако же опасаться, что не вполнѣ выразилъ смиреніе. Да и дѣло чрезмѣрно трудное. Самые ревностные подвижники не всегда могли довести эту добродѣтель до отреченія отъ собственного авторитета и замѣченія его вѣрою живому Богу. Тутъ не безнадежность, не уныніе, не сопротивленіе себя, а тихій свѣтъ Святаго Славы. Очевидно, что тутъ и для изящества словесности источникъ совершеннѣй; но достиженіе его, ежели и возможно индивидуально, то едва-ли скоро можетъ быть до того сообщительнымъ, чтобы и прессъ тому содѣствовалъ. Вотъ почему переходное состояніе есть преимущественно состояніе страданія, и чудно было бы, еслибы кому-нибудь удалось прійти въ дѣйствительный покой. И то много, если можно почерпать какое-нибудь утѣшеніе.

Въ письмѣ къ Ивану Ивановичу вы прочитаете нѣкоторыя подробности моего житія. Вамъ ихъ не повторяю, да и не интересны онъ столько.

Господь да хранитъ васъ и милуетъ; не забывайте меня. Батеньковъ.
Кланяйтесь отъ меня всѣмъ вашимъ товарищамъ.

2.

17-го января 1856 г. Село Петрищево (Бѣлевъ).

Уже мнѣ известно, что знаменитая нѣкогда Ялугоровская колонія обречена на запустѣніе, и главные ея представители удалились; въ числѣ ихъ и вы сами. Привѣтствую васъ съ давно желаемымъ возвращеніемъ къ роднымъ и на родину. Ежели все тридцатилѣтнее терпѣніе обратимъ мы въ живое чувство, трудно будетъ соперничать съ нами въ глубинѣ и прочности любви и во всей ея благородной дѣятельности по вѣрѣ и долгѣ.

Это въ первый разъ пишу я прямо къ вамъ. Израиль въ разсѣяніи, и никакая сжатость уже не возможна. Жалю, что, проѣхавъ Калугу на разсвѣтѣ и спѣша воспользоваться невѣрною переправою черезъ рѣку, я не могъ представиться княгинѣ Натальѣ Петровнѣ. Опасеніе мое было справедливо, ибо оттепель гналась по стопамъ и настигла меня, какъ только успѣлъ стать на мѣсто.

Я бы охотно отправился и теперь, сколько для свиданія съ вами, столько же и для того, чтобы проводить отдѣлившуюся на время отъ нашей семьи Марью Васильевну Кирьевскую, но это предпріятіе не совпадаетъ теперь съ другими задуманными поѣздками, и я ограничиваюсь письменной бесѣдой. Правду сказать, дальняя дорога такъ меня утомила, что я не успѣлъ въ два мѣсяца исчерпать всю пріятность наслажденія покоемъ, а долговременная разлука, почти чудомъ кончившаяся, такъ сокращаетъ время настояще, что кажется, оно наполнено однимъ свиданіемъ. Вѣрно, не чуждо и вамъ такое чувство.

Ни отъ кого изъ товарищѣй я прямо свѣдѣніе не получилъ, хотя знаю о нихъ нѣкоторыя подробности по письмамъ изъ Москвы и Питера. Можно, кажется, надѣяться, что около васъ составляется небольшая группа, хотя и не полагаюсь я на вѣрность данныхъ.

Одинъ только баронъ (Розентъ?) обогрѣлъ себѣ мѣсто въ столицѣ. Почему же и всѣмъ не желать бы того же, а совокупнымъ стремленіемъ и настойчивостью, при нынѣшнемъ расположеніи къ добру, почему бы и не одолѣть надзоръ и ограниченіе. Кажется, уже одни лѣта наши даютъ достаточный залогъ.

Прошу васъ, Евгений Петровичъ, сохранить ко мнѣ пріязнь, а отъ меня примите искреннее желаніе благословенія Божія на васъ и всее ваше.

Новый годъ мы встрѣтили въ новой обстановкѣ или, точнѣе сказать, въ возобновленной. По общему смыслу, это—добро, предзнаменованіе и возобновленіе добра. Дай Богъ.

Будьте здоровы! Вашъ преданный Батеньковъ.

3.

15-го сентября 1857 г. Петрищево.

.....Отъ нечего дѣлать я принялъся теперь за переводъ цѣлыхъ 28 томовъ «Histoire du bas Empire», самаго непростительнаго пробѣла въ нашей литературѣ, и хорошо бы было для этого образовать въ помощь мнѣ цѣлую Академію у васъ, особенно изъ молодыхъ артиллерійскихъ для славы ихъ и выгоды; а для напечатанія книгопродавцы готовы; однако даютъ, собаки, только пять рублей съ печатнаго листа. По опыту, уже сделанному, мнѣ нужно три недѣли времени на одинъ томъ.

При томъ я беру на себя не болѣе 10 книгъ, а остальныя (будеть переводить?) здѣшній народъ: оно бы не худо и одному зашибить тысячи полторы цѣлковыхъ; переводить крайне легко. Г. Le Beau пишетъ ясно и просто, какъ всѣ авторы XVIII вѣка, кротокъ, умный, но немного съ папскимъ или католическимъ душкомъ. Но за это мы не въ отвѣтѣ. Предметъ же этой судьбы Византіи — постоянно занимательный.

Ай батюшки, все исписать и поклониться негдѣ, а хочется поклониться всѣмъ, каждому и каждый съ каждымъ поклонись. Что симъ и исполнено.

Да хранитъ васъ Господь. Вѣрный вашъ Батеньковъ.

4.

29-го іюня 1861 г. Сел. Мишенское.

Благодарю васъ, мой добрый другъ Евгений Петровичъ, за ласковое и подробное извѣщеніе. Сегодня навечеріе назначенаго у васъ семейнаго торжества, и надлежало бы пустить входъ все краснорѣчіе и обратиться съ моимъ словомъ ко всѣмъ на особицу, но несносный жаръ не хуже болѣзни отнимаетъ всѣ силы, а мнѣ не хочется углубиться въ даль безпочтовую, не перекинувъ къ вамъ нѣсколько словъ. Оставьте меня на волю предаться въ эти дни простому душевному къ вамъ чувству и по возможности молитвѣ. Я и усталъ не много: ходилъ пѣшай къ обѣднѣ въ Бѣлевъ, хотѣлось видѣть тульскаго архиерея, въ епархіи котораго чаще всего болтаюсь почти пять лѣтъ, а самаго не видалъ, хотя это уже при мнѣ третій.

Не больше какъ черезъ мѣсяцъ времени письменная наша бесѣда замѣнится изустною, хотя, правду сказать, не много я вывезу для ея содержанія. Съ пріѣзда занимало меня то, что появленіемъ какихъ-то калужскихъ помѣщиковъ разыгрывалась здѣсь страшная буря и насы красными, разумѣется по-французски, называли потому, что отъ фатального декабря, какъ отъ бѣгства изъ Мекки въ Медину, считается лѣтосчиленіе всѣхъ возможныхъ эманципацій. Теперь все утихло, можно сказать, забыто, и я свернулся въ мой покой, какъ моллюскъ въ свою раковину.

Вопросами намъ перекидываться довольно трудно какъ по недостаткамъ сельской почты, такъ и по неимѣнію содержанія.

Теперь открываютъ волости, выбираютъ старшинъ и сельскихъ судей въ родѣ присяжныхъ. Новость, конечно, и занимательна, но желаемый тактъ далеко не установился. Первая присяга избирателей въ сословіи, гдѣ они не допускались, вѣроятно, производить впечатлѣніе въ умахъ, но жаль, что Св. Синодъ не позабылся изложить ее по самому существу дѣла, понятно и впечатлительно простому человѣку, а эта генеральная,

сочиненная Петромъ I и испещренная иноязычіемъ, далеко не соответствуетъ предмету. Мировые посредники все здѣсь разбираются на словахъ, по пятницамъ еженедѣльно сѣѣзжаются въ уѣздномъ городѣ. Но идетъ одна разработка и значительного доселѣ не предстало. Губ. присутствие циркуляромъ сильно понизило значеніе своего урочнаго положенія. Ему это легче потому, что составлено тяжелымъ для крестьянъ, а съ помѣщиками ближе уже имѣть дѣло.

Много слышимъ критики на самыи уставъ, особенно добровольное соглашеніе почитаются въ конецъ непрактичнымъ. Жалуются, что право владѣнія перестало быть обезпеченнымъ, когда теперь при полно-правности такое обширное поле произволу, то легче уже послѣ кроить собственность административно. Наконецъ, вошлютъ и на новыя учрежденія, называя ихъ огульною опекой надъ всею собственностью, а не находять ничего незаконнаго, если кто и не пустить мироваго посредника въ свое имѣніе.

Все это, какъ я сказалъ выше, разработка. Дѣло доселѣ не тронутое, подобно американскими лѣсамъ съ ихъ ліанами.

Простите, ежели опять найдете неясности, право, и разсуждать страшно, чтобы не ударило солнце въ голову, при 30° температуры.

Будьте здоровы!

По описанію банкета заключаю, что Маріи Яковлевны нѣть это лѣто въ Калугѣ.

Спросите у Петра Николаевича, достанеть ли у него на мѣсяцъ терпѣнія или переслать его книги по почтѣ?

5.

15-го февраля 1862 г. Усадьба Уткино.

Хотя отсутствіе мое весьма недолговременно и говорить рѣшительно не о чёмъ, но какъ завтра я располагаюѣ ходить въ Бѣлевъ 17-го, а въ субботу пойдеть къ вамъ почта, то и не хочется не окликнуть Калугу, при таковой оказіи.

Къ Цуриковымъ писано уже два раза, и осталось рѣшить, кому адресовать въ вашъ домъ, моральныи разницы нѣть: къ княгинѣ ли Натальѣ Петровнѣ или къ товаришу Евгению Петровичу, а прочтуть вѣрно сообща. Одно только обстоятельство послужило опредѣленію. Можетъ быть, доведется попросить о чёмъ-нибудь, чтобъ было передано ко мнѣ домой, а это при всей вѣжливости въ обращеніи къ главному лицу, кажется, немного не вѣжливымъ по содержанію, раздѣлить же самое чувство, впадая въ какой-то дуализмъ, мнѣ рѣшительно не возможно. И такъ, схватывая выраженіе французскаго конвента, пишу «единое и нераздѣльное».

Деревенская жизнь моя течетъ тихо и спокойно. Два раза только отворялъ наружныя двери. Однажды сдѣлалъ пѣшкомъ самую крошечную прогулку и въ воскресенье ѿздилъ къ обѣднѣ въ нашу Петрищевскую церковь; но какъ она, по обыкновенію, холодная, и мнѣ это тяжело, то и собираюсь, какъ выше сказано, въ городѣ, на навечеріе и утро прощенаго дня. Не маловажно для успокоенія и то, что во все время бытности здѣсь, въ расходной книжкѣ записано только бѣлый серебряный гривенникъ и 43 копѣйки серебряной мѣди. Думаю, что и Бѣлевъ не разоритъ: количество наличной кассы умѣтъ его прыть, а пріютъ въ немъ и еще одинъ на дорогѣ готовы, а весь путь составляетъ верстъ 15. Самойло, принимая должность возницы, говорить, что это пустяки.

Въ большомъ дѣлѣ крестьяне вообще и, кажется повсемѣстно, представляютъ неодолимую стѣну для отраженія подписи на уставныхъ грамотахъ. Нельзя бы по справедливости правительству не обратить на это вниманіе особливо въ концѣ тысячелѣтія, какъ на выработавшійся въ этотъ циклъ характеръ, логику и голосъ своего, неоспоримо великаго народа. Славянофилы утверждаютъ, что всякая сила дѣйствуетъ до нѣкоторой мѣры въ прямомъ направленіи, а потому въ обратномъ, развивается ли по свойству упругости или просто толкаеть. Едва-ли теорія ихъ теперь не оправдывается на дѣлѣ. Крестьяне не грубятъ, не буянятъ, мало спорятъ и даже добровольно соглашаются въ надѣлѣ. Одни представляютъ, что они не грамотны, на письмѣ добра и зла въ будущемъ различать не могутъ и смиренno покоряются закону, въ составленіи котораго не участвовали и не способны были участвовать. Вѣрятъ, что такъ и есть законъ, какъ имъ читаются и толкуютъ помѣщики, предводители, посредники и исправники, но принять на себя утвержденіе закона они не могутъ, и подпись ихъ излишня и неразумна, когда все дѣйствіе законно по взгляду знающихъ. У нихъ нѣть средствъ и искусства удержать за собою и тѣмъ обеспечить владѣніе землею. Напишутъ иначе, иначе и будетъ, какъ они уже привыкли видѣть. Крѣпости уже нѣть, въ остальномъ имъ старое понятіе. Ежели нужно что дѣлать съ отмѣнной крѣпости, это знаютъ лучше, кто ее отмѣняетъ. Пусть указъ, а не сами они, не зная, что дѣлаютъ, кабалять себя. Намъ нужна земля, и часто обидно наскъ надѣляютъ, но скажите на милость, какъ мы повѣримъ и подпишемъ, сколько оброка и сколько когда рабочихъ дней, когда читаютъ о данныхъ десятинахъ, когда мы едва сmekаемъ на фунты сѣна и на неполныя сажени дровъ и всегда почти доводится спорить, не говоря уже о мѣрѣ, вѣсѣ и складкѣ, въ чемъ мы тянемъ къ себѣ, а покупщики къ себѣ, и нѣть на свѣтѣ суда, который бы насъ помириль. А тутъ же разсчетъ на дни и часы съ штрафами, голова идетъ кругомъ и не можемъ сказать ни да, ни нѣть. Такъ законно, пустозаконно не противимся.

Вотъ крестьянская логика, такъ ясная, что разобрать ее можно. Не могу я назвать это ни гражданскимъ расколомъ, ни оппозиціей, а точно дѣйствіе упругости въ обратномъ направлениі. Пусть иныя подавали руки, и считается это подписью, но тутъ одно повиновеніе и уступка на соглашеніе и миръ, но закона никто не подписывалъ. Вотъ что похоже на протестацію. Объясняютъ безнравственнымъ разсчетомъ, мечтательными надеждами; но о цѣлой массѣ этого сказать нельзя; она лучше и разумѣе.

Нельзя сказать, чтобы самъ я глубоко входилъ въ это дѣло, но понимаю, что бюрократическимъ путемъ оно вполнѣ не устроится.

Съ россійской почты уже пересланы мнѣ письма, но изъ Калуги такъ скоро, исключая особенную надобность, я не требовалъ и не имѣю. Это равно форменному донесенію, что все благополучно.

Зима доселѣ крѣпится, но съ новымъ мѣсяцемъ можетъ быть и перемѣна; почему нельзя рисковать дорогою, и я остаюсь при прежнемъ намѣреніи выѣхать въ лунную ночь 2-го или 3-го марта, никакъ уже не позже втораго въ постъ воскресенія. Объ этомъ и надобно сказать Цуриковымъ, съ тѣмъ, чтобы почту 3-го марта взяли уже къ себѣ, а тѣ два письма, о которыхъ я просилъ, чтобы не зависѣть много отъ здѣшняго почтмейстера и не посыпать нарочного въ Дельцы, надобно адресовать въ Бѣлевъ на имя Авдотьи Петровны Елагиной для передачи мнѣ. Вотъ и все.

Полагая, что кромѣ вѣстъ не достанетъ ни у кого терпѣнія прочитать такое длинное и сухое посланіе, я ограничиваюсь поклонами Свистунову, Виктору Антоновичу и всей публикѣ. Прошу извиненія у Натальи Петровны, княгини Александры Андреевны, у Натальи Сергѣевны, Варвары Самсоновны и цѣлую ихъ ручки. Близокъ день, когда всѣхъ прощаютъ, простятъ и меня, навѣрное простятъ. Я всегда такъ надѣюсь, что бы ни дѣлалъ. Нельзя однако на особыцу не привѣтствовать Андрея Васильевича и Александра Михайловича, не обнять дѣтей и не погрозить нѣкоторой изъ нихъ, а Татьянѣ Александровнѣ не пожелать скораго и полнаго выздоровленія, и Кашкиныхъ забыть нѣть возможности; я поклонюсь имъ замку, когда буду проѣзжать черезъ гостепріимныя Прыски.

Кажется, довольно: не напрасно заплачено за марку; руки хотя и безъ толку, но въ волю расходились.

Слыши теперь лучшее. Вылѣчили здѣсь дружественный песь своимъ цѣлительнымъ языккомъ, точно уже противъ ожиданія непріятности совсѣмъ оглохнуть отъ старости. Грудь однако давить, и это не льстить надеждѣ помолодѣть.

Да хранитъ васъ Господь и укрѣпитъ ко мнѣ въ дружбѣ. Батень-
къвъ.

Тетенькѣ моей кивнуть не упустите. Ежели поѣду мимо, утромъ, можетъ быть, доведется ей стащить съ ногъ огромные сапоги.

Мы получили адресъ тверскихъ дворянъ, надѣлавшихъ шуму въ Москвѣ. Просятъ обѣ уничтоженіи (отмѣнѣ) всѣхъ сословныхъ привилегий и созваніи Земской Думы. Неуважительно отзываются о царскихъ совѣтникахъ, бирократіи и мировыхъ учрежденіяхъ.

Письмо еще имѣю отъ Натальи Петровны Киреевской; Цуриковымъ кланяется. Санченъкѣ почти завидуетъ, какъ удалившейся отъ мірскихъ треволненій. Отъ Погодина уже два письма. Все ихъ содержаніе, что писать ко мнѣ собирается. Лучшеву я еще не отвѣчалъ.

Сообщ. княгиня М. Г. Оболенская.

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаєва.

XXIV¹⁾.

Драматическая труппа прежнихъ годовъ: В. А. Карагыгинъ.—Брянский.—Дюръ.—Сосницкій.—Карагыгинъ 2-й.—Максимовъ.—Самойловъ.—Григорьевъ 1-й.—Григорьевъ 2-й.—Марковецкій.—Бурдинъ.—Мартыновъ.—Асенкова.—Самойлова 1-я.—Дюръ.—Самойлова 2-я.—Московская труппа: Мочаловъ.—Щепкинъ.—Самаринъ.—Шумской.—Садовский.—Оперная труппа: Артемовскій.—Воробьевъ.—Петрова.—Леоновъ.—Степанова.—Французская труппа M-r и M-me Alan.—Alexandre Méer.—Bresfan.—Verné—Росси.—Причины упадка русского театра.

было бы нѣкоторымъ упущеніемъ съ моей стороны, если бы я, въ своихъ «воспоминаніяхъ», не отвелъ нѣсколько страницъ въ память знаменитой, во всѣхъ отношеніяхъ, драматической труппѣ конца тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, тѣмъ болѣе, что прошло уже болѣе 30 лѣтъ, какъ она стала испаряться, а, между тѣмъ, такой совокупности, одновременно, столькихъ крупнейшихъ талантовъ едва ли мы дождемся. Эта совокупность не была однако слѣдствиемъ одной случайности, а имѣла, конечно, свою причину, о которой я упомяну лишь мелькомъ въ концѣ главы.

Прежде каждый родъ драматической литературы имѣлъ блестящихъ представителей среди артистовъ. Со смертью Карагыгина 1-го трагедія пала окончательно. О Шекспирѣ и даже о Шиллерѣ или о трагедіяхъ иныхъ авторовъ не можетъ быть уже давно и рѣчи. Безъ великихъ талантовъ трагедія является пародіей не только на драматическое искус-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ сентябрь 1901 г.

ство, но и на драматическую литературу; и потому нельзя не отдать справедливости нынешним артистам въ томъ, что они не берутся за трагическая роли. А между тѣмъ отсутствие трагедіи составляетъ отсутствие главнаго звена въ цѣпи драматического искусства.

Прежде всего я постараюсь охарактеризовать всѣхъ наиболѣе талантливыхъ артистовъ.

Каратыгинъ 1-й (Василій Андреевичъ). Онъ исполнялъ исключительно роли трагической и высоко-драматической. Я съ полнымъ убѣжденіемъ ставлю его въ разрядъ самыхъ геніальныхъ артистовъ. Впервые я увидаль Каратыгина въ 1836 году, и до нынѣ, въ теченіе полуѣка, я не встрѣчалъ для трагедіи ни у насъ, ни между иностранными артистами хотя бы единаго артиста, близко подходящаго къ Каратыгину 1-му. Этачъ человѣкъ точно родился трагикомъ. Усвоить себѣ до поразительной естественности движенія сильныхъ душъ изображаемыхъ имъ людей едва-ли возможно, не нося подобныхъ задатковъ въ своей натурѣ. Къ тому же, вѣнчнія условія Каратыгина были особенно благопріятны для артиста, изображающаго трагическую и драматическую роли. Онъ былъ большаго роста, имѣлъ чрезвычайно стройную фигуру, достойную для модели скульптора; движенія его, отъ выработки или по натурѣ, были изящно пластичны; голосъ его былъ особенно звучный баритонъ, достигавшій, въ нужные моменты, до потрясающаго могущества. Вѣрность интонаціи и размѣръ рѣчи, сообразно обстоятельствамъ, составляютъ, конечно, одно изъ главныхъ условій для артиста, въ особенности въ трагедіи или въ драмѣ. Иногда требуется особенная быстрота рѣчи, другой разъ наоборотъ, и Каратыгинъ, какъ въ интонаціи, такъ и въ размѣрахъ рѣчи, былъ не только не погрѣшителъ, но достигалъ въ этихъ отношеніяхъ полнаго совершенства.

Но превыше всего въ этомъ артистѣ горѣлъ задушевный, неподдельный и истинный огонь. Каратыгинъ дѣйствовалъ на публику обаятельно; съ появлениемъ его, бывало, просіаетъ, будто-бы, не только сцена, но и публика, которую онъ держалъ постоянно въ напряженномъ состояніи, потому, что она не желала пропустить ни единаго звука, ни единаго измѣненія его лица, или движенія его фигуры. Публика всегда была въ неистовомъ восторгѣ отъ игры Каратыгина; но онъ имѣлъ враговъ во вліятельномъ литературномъ кружкѣ; объ этомъ я упомяну ниже. Несмотря, однако, на этихъ и другихъ завистливыхъ враговъ, сценическое поприще Каратыгина было постояннымъ тріумфальнымъ его шествіемъ до конца жизни.

Натуральность и естественность игры Каратыгина составляли, конечно, главное его достоинство. Извѣстно, что господствуютъ два противоположные взгляда на сценическую игру; одни полагаютъ, что артистъ, при игрѣ, отнюдь не долженъ чувствовать и увлекаться, а дол-

жень изучить все виѣшнія условія изображаемаго имъ лица такъ, чтобы зрителю казалось, что артистъ въ самомъ дѣлѣ все чувствуетъ. Я же того мнѣнія, что истинный цѣнитель сценическаго искусства всегда подмѣтитъ, въ данномъ случаѣ, въ артистѣ натянутости чувства, и подобная игра не удовлетворить зрителя, а скорѣе оскорбитъ его. Другіе полагаютъ, что изученіе есть дѣло лише, что достаточно играть, какъ они говорятъ, однимъ и утромъ. Этотъ послѣдній взглядъ составляетъ другую крайность. Конечно, можно предпочитать игру и утромъ игрѣ дѣланной, безъ истиннаго чувства и увлеченія, но одного этого недостаточно: изученіе должно быть необходимымъ условіемъ для артиста. Онъ долженъ обдумать и изучить все, одинъ на одинъ, самъ съ собою; но когда, на сценѣ, является извѣстный, подходящій моментъ, истинный артистъ не можетъ не увлечься, смотря по состоянію своего духа,— одинъ разъ такъ, другой—иначе; между тѣмъ, предварительное изученіе, незамѣтно, безотчетно послужитъ артисту непремѣнно въ пользу увеличенія силы впечатлѣнія на зрителя.

Каратыгинъ совмѣщалъ въ себѣ оба условія: и истинный жаръ, и все виѣшніе атрибуты, необходимые для искусства игры, которые онъ пріобрѣталъ тщательнымъ изученіемъ, и доводилъ такимъ образомъ игру до полной иллюзіи и совершенства.

Племянникъ Василія Андреевича Каратыгина, Петръ Петровичъ, сынъ артиста Каратыгина 2-го, извѣстный отчасти въ литературѣ и котораго я хорошо зналъ, рассказывалъ мнѣ, что у его дяди была комната, обставленая кругомъ зеркалами, въ которую онъ всегда залипался передъ представлѣніемъ,—хотя бы онъ игралъ уже въ предстоящей пьесѣ множество разъ,—и просилъ домашнихъ находиться въ это время въ болѣе удаленныхъ комнатахъ.

Въ одной изъ своихъ статей Бѣлинскій, отдавая полную справедливость великому таланту Каратыгина, не призналъ за нимъ огненной страсти и трепетнаго одушевленія. Я позволю себѣ не согласиться въ этомъ отношеніи съ Бѣлинскимъ. Во-первыхъ, Бѣлинскій никогда не могъ отдатьться отъ впечатлѣнія, произведенаго на него игрою Мочалова въ Гамлетѣ и Отелло, которую онъ называлъ вулканическимъ вдохновеніемъ. Во-вторыхъ, въ другой статьѣ встрѣчается какъ бы иѣ-которое противорѣчие высказанному выше взгляду. Бѣлинскій, характеризуя игру Каратыгина въ «Заколдованнымъ домѣ», гдѣ Каратыгинъ игралъ Людовика XI, и восхитившись этой игрою, замѣтилъ, что во всей пьесѣ было только два мѣста, гдѣ Каратыгинъ показался ему не Людовикомъ XI, а Каратыгинымъ. Надо знать, что недоброжелатели Каратыгина упрекали его за то, что онъ слишкомъ силенъ въ извѣстныхъ сценахъ, отдаваясь своему темпераменту, тогда какъ роль того не требуетъ. Изъ этого слѣдуетъ, что Бѣлинскій упрекнулъ Каратыгина

за то, чѣмъ онъ восторгался въ Мочаловѣ, т. е. вулканическимъ вдохновенiemъ. Какъ бы то ни было, сзначеній упрекъ противорѣчить съ непризнанiemъ за Каратыгінымъ огненnoй страсти и трепетnаго одушевленія.

Я утверждаю, съ полнымъ убѣжденiemъ, что Каратыгинъ обладалъ и священнымъ огнемъ, и одушевленіемъ, и творческимъ талантомъ, необходимыми для истинного артиста-художника.

Я уже высказывалъ прежде то глубокое уваженіе, которое я питалъ къ Бѣлинскому; но это не можетъ помѣшать мнѣ сказать, что я не могу признать за Бѣлинскимъ его компетентности во взглядѣ на Каратыгина, и это по слѣдующей, весьма вѣской причинѣ. Бѣлинскій, послѣ перѣѣзда своего въ Петербургъ, въ 1839 году, и по день смерти, въ 1848 году, видѣлъ Каратыгина всего 4 или 5 разъ. Хотя это обстоятельство было хорошо мнѣ известно, но лучшимъ подтвержденiemъ этого факта служатъ его рецензіи. Вообще, Бѣлинскій имѣлъ пѣкоторое предубѣжденіе противъ игры Каратыгина, заимствованное имъ отъ другихъ, которое онъ не могъ разбить окончательно по той причинѣ, что онъ слишкомъ рѣдко видалъ Каратыгина.

По отношенію къ Каратыгину, Бѣлинскій довѣрялся своимъ пріятелямъ, которые не симпатизировали Каратыгину.

Я очень хорошо помню, какъ эти господа, пойдя посмотретьъ, ради новинки, какую-нибудь пошлую драму Кукольника, зажужжать Бѣлинскому, что Каратыгинъ невозможенъ, что противно идти смотрѣть его, что онъ только реветь и больше ничего. Между тѣмъ Каратыгинъ, обязанный играть въ этихъ драмахъ, дѣлалъ съ своей стороны всевозможныя усиленія, чтобы подобныя пьесы не проваливались сразу, такъ какъ онъ находили поддержку въ извѣстныхъ слояхъ общества.

Итакъ, Бѣлинскій видѣлъ Каратыгина два раза въ Москвѣ: въ «Гамлетѣ» и въ «Коварство и любовь». Затѣмъ, въ Петербургѣ, онъ видѣлъ: «Велизарія», «Парашу Сибирячку», «Гельфы и Гибелины» и «Заколдованный домъ». И свидѣтельствую, что, въ Петербургѣ, Бѣлинскій ни разу не видалъ Каратыгина ни въ «Гамлетѣ», ни въ «Отелло».

Приведу здѣсь подлинные отрывки изъ рецензій Бѣлинского объ игрѣ Каратыгина въ пьесахъ, которыя онъ, Бѣлинскій, самъ видѣлъ. Въ то же время, это будетъ доказательствомъ великой добросовѣтности незабвенного критика, такъ какъ я знаю, какъ сильно наускливали Бѣлинскаго на Каратыгина.

Въ «Гамлетѣ», — говоритъ Бѣлинскій, — Каратыгинъ игралъ «искусно».

О представлениі «Коварство и любовь» вотъ что сказалъ Бѣлинскій: «Въ искусстве изящная форма великое дѣло, особенно тамъ, гдѣ вдохновеніе не прорывается бурными волнами. Г. Каратыгинъ загово-

риль... Въ его словахъ, въ его дикціи мы не слыхали трепетнаго одушевленія, но, несмотря на то, чувствовали себя подъ вліяніемъ какого-то обаянія».

Послѣ представлениія «Велизарія», Бѣлинскій написалъ довольно большую статью, гдѣ, признавая въ Каратыгина высокаго художника, говоритъ, между прочимъ: «Пусть Каратыгинъ не перестаетъ показывать, что такое художественность формы, безъ которой и истинное искусство не достаточно и не полно. Каратыгинъ создалъ роль Велизарія. Онъ является на сценѣ Велизаремъ и сходить съ нея Велизаремъ, а Велизарій, которого онъ игралъ, есть великій человѣкъ, герой, который является грозой готоевъ и вандаловъ, руководителемъ христіанскаго міра противъ враговъ». Далѣе—«словомъ, въ продолженіе цѣлой роли, благородная простота, геройское величіе видны были въ каждомъ; шагъ, слышны были въ каждомъ словѣ, въ каждомъ звуку Каратыгина передъ вами постоянно являлось несчастіе въ величії».

Увидавъ «Парашу Сибирячку», Полевого, Бѣлинскій такъ отозвался объ игрѣ Каратыгина: «Его игра была, по обыкновенію, торжествомъ сценическаго искусства со стороны художественного созданія характера, въ пьесѣ довольно неопредѣленаго. Въ самомъ дѣлѣ, увидѣвъ разъ Каратыгина въ этой роли, нельзя забыть этого высокаго человѣка съ густыми усами, съ мрачнымъ видомъ, съ порывистыми движеніями, обличающими огненную страсти и желѣзную душу»... Далѣе: «Прекрасенъ былъ Каратыгинъ, въ сценѣ свиданія съ дочерью и въ этомъ безуміи, съ какимъ онъ узнаеть отъ нея о прощеніі».

Случилось Бѣлинскому видѣть Каратыгина въ «Гвельфахъ и Гибеллинахъ», и Бѣлинскій отнесся къ его игрѣ, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: «Пьеса составлена для роли Каратыгина, который, по обыкновенію, сыгралъ ее обдуманно, съ мыслью, умно и ловко воспользовался всѣми средствами, какія только могла она дать его таланту. О родѣ таланта г. Каратыгина каждый можетъ имѣть свое мнѣніе ¹⁾), но никто не можетъ, безъ нарушенія добросовѣтности, не согласиться, что онъ—артистъ въ душѣ, и что съ его удаленіемъ со сцены Александрийскаго театра, удалится оттуда искусство, не оставивъ по себѣ и слѣда».

Что же касается до отзыва Бѣлинскаго объ игрѣ Каратыгина въ «Заколдованнымъ домѣ», гдѣ Каратыгинъ игралъ Людовика XI, то Бѣлинскій посвятилъ этому представлению очень обширную статью, восхваляющую Каратыгина. Я приведу изъ этой статьи только нѣсколько строкъ: «Таковъ Каратыгинъ въ этой роли! Въ каждомъ словѣ, въ

¹⁾ Очевидный намекъ на тѣхъ, которые называли Каратыгина балаганнымъ актеромъ.

каждому жесту вы видите характер исторического Людовика XI. Посмотрите, какъ онъ согнулся, какъ часто кашляетъ, задыхается, какъ медленна и слаба его походка, какое коварство въ его будто-бы простодушномъ смѣхѣ, какъ онъ все видить, притворяясь, что ничего не видить, какъ онъ умѣеть прикинуться обманутымъ, чтобы вдругъ и врасплохъ схватить свою жертву и заставить ее во всемъ сознаться, замѣтите, какъ ужъ черезчуръ обыкновененъ его языкъ, простонародны его манеры, грубы шутки, и какъ сквозь все это виденъ король, знающій, что онъ король,увѣренный въ своемъ могуществѣ, въ силѣ своего ума и непреклонности воли! Вотъ вамъ игра Каратыгина, если это даетъ вамъ о ней хоть какое-нибудь понятіе!.. Игру его невозможно характеризовать словами, а надо видѣть, чтобы понять и оцѣнить верхъ драматического искусства и торжество его таланта, являющагося въ этой роли въ своемъ апогеозѣ».

Таковы отзывы Бѣлинского о тѣхъ роляхъ, въ которыхъ онъ самъ видѣлъ Каратыгина. Изъ этихъ отзывовъ видно, что Бѣлинский, вопреки всѣмъ наускиваніямъ, признавалъ въ Каратыгина великій талантъ и великаго драматического артиста и художника, одареннаго творческимъ элементомъ.

Я остановился довольно долго на вопросѣ о взглядѣ Бѣлинского на игру Каратыгина потому, что я возымѣлъ смѣость высказать, что я не согласенъ съ Бѣлинскимъ въ томъ, что Каратыгинъ будто-бы былъ лишенъ вдохновленія огня. Я счелъ своею обязанностью не только парализовать означенный взглядъ, но и доказать ошибочность его, и кажется, я доказалъ это фактами, т. е. тѣмъ, что Бѣлинский видѣлъ Каратыгина въ серьезныхъ роляхъ всего 4 или, быть можетъ, 5 разъ, а равно и тѣмъ, что артистъ, лишенный вдохновенія, не могъ бы произвести на Бѣлинского такого впечатленія, какое произвелъ на него Каратыгинъ, судя по рецензіямъ самого Бѣлинского.

Теперь я сообщу вкратцѣ обѣ игры Каратыгина въ другихъ наиболѣе сильныхъ роляхъ:

«Коварство и любовь», Шиллера. Я привелъ уже выше отзывъ Бѣлинского обѣ игрѣ Каратыгина въ этой пьесѣ. Къ этому отзыву я могу добавить, что большинство публики, во время игры Каратыгинымъ Фердинанда, проливало потоки слезъ.

«Разбойники», Шиллера. Каратыгинъ игралъ Карла Мора, а Брянскій его брата, Франца. Роль Карла не естественна и до невозможности натянута. Роль Франца очень благодарна, и всякий умный актеръ, и безъ выдающагося таланта, можетъ сыграть ее очень хорошо и сосредоточить вниманіе публики на себѣ. Между тѣмъ, въ Петербургѣ, Франца игралъ такой сильный артистъ, какъ Брянскій. Несмотря однако на это, Каратыгинъ сумѣлъ привлекать вниманіе публики на

Карла. Резонерства Карла выходили у него не противны, и необычайный тактъ для игры, которымъ обладалъ Карагыгинъ, подсказывалъ ему сглаживание того, что приторно и для зрителя скучно. Но въ пьесѣ есть высший сценический моментъ; это тотъ моментъ, когда Карль, вѣльвъ взломать двери подвала, наталкивается на отца, выходящаго оттуда еще живымъ, тогда какъ Карль считалъ его давно умершимъ. Представьте же себѣ положеніе человѣка, передъ которымъ внезапно предстало лицо, считавшееся давно умершимъ, но лицо живое. Страшное недоумѣніе и ужасъ должны охватить человѣка. Изобразить, въ подобномъ обстоятельствѣ, внезапный ужасъ и недоумѣніе въ томъ—стоитъ ли человѣкъ передъ живымъ лицомъ, или передъ призракомъ, должно представлять для артиста неодолимую трудность. Въ подобный моментъ, всякия слова, выражаютсѧ ужасъ и недоумѣніе, покажутся непремѣнно пошлыми и слабыми. Карагыгинъ, при своемъ громадномъ тактѣ для игры, чувствовалъ, что подобный моментъ надо изобразить не рутинно-пошлыми жестами или словами ужаса, а сообразно положенію духа человѣка, инымъ, болѣе натуральнымъ образомъ. Какъ же онъ поступалъ? Только-что Карль увидалъ призракъ—какой-то ураганъ отталкиваетъ его отъ отца и ураганъ такой силы, что роняетъ Карла на колѣна, назадъ, и продолжаетъ толкать его, уже въ этомъ положеніи, чрезъ всю сцену, какъ будто человѣкъ катится по рельсамъ. Каково же должно было быть изученіе и сколько надо было употребить времени для того, чтобы достигнуть подобного движенія. Но, кромѣ того, нужна была огромная сила мускуловъ и внутренняя сила духа для инициативы такого движенія. Такимъ образомъ, самый затруднительный моментъ изображался Карагыгинымъ блестящимъ образомъ. Потомъ, отецъ медленно идетъ къ Карлу; тогда только онъ убѣждается, что видеть дѣйствительно не призракъ, а живаго человѣка, и только тогда начинается уже рѣчь. Послѣ Карагыгина я раза три видалъ Карла Мора на немецкихъ сценахъ: въ Дрезденѣ, Вѣнѣ и еще гдѣ-то. Я видѣлъ тоже Карла Мора въ Москвѣ и въ провинціи, и повсюду онъ былъ болѣе нежели противенъ.

«Уголино», Полевого. Въ этой пьесѣ Карагыгинъ игралъ Ноно.— Читателямъ, болѣе или менѣе, должно быть извѣстно содержаніе пьесы. Я напомню только самую сильную сцену трагедіи.

Два молодыхъ существа, Ноно и Вероника, любятъ другъ друга, но они принадлежать къ семействамъ, враждующимъ между собою и питающимъ мысль о мщенніи. Ноно убѣгаешь съ Вероникой, и они скрываются въ горахъ, въ хижинѣ. Ежедневно Ноно ходить въ деревню за добываніемъ провизіи. Сцена представляетъ площадку въ горахъ; въ ущельи видна хижина, и Ноно съ Вероникой сидѣть на скамье подъ деревомъ, передъ его уходомъ на часокъ въ деревню. Мор-

**

лодая пара наслаждается любовью, и Каратыгинъ особенно рельефно напиралъ на эту сцену, чтобы рельефнѣе вышла слѣдующая за тѣмъ ужасающая, трагическая сцена. Въ роли Вероники я видѣлъ сначала г-жу Дюръ, но она была полнадля этой роли; а потому я видѣлъ въ этой роли восхитительную Вѣру Самойлову, не задолго до того, поступившую на сцену. Иллюзія вѣжныхъ взаимныхъ ласкъ была полная. Для Каратыгина Вѣра Самойлова была дитятей, его ученицей. Веронику беспокоитъ какое-то тяжелое предчувствіе, а потому она старается какъ можно дольѣ задерживать Ноно; любящая другъ друга парочка не подозрѣваетъ однако, что за нею уже слѣдятъ.

Спустя не много по уходѣ Ноно, является дядя Ноно, Уголино, который требуетъ, чтобы Вероника слѣдовала за нимъ. Вероника убѣгаетъ, но Уголино догоняетъ ее, въ ярости, закалывается и оставляетъ кинжалъ, принадлежащій его врагу Руджиро, дабы отстранить отъ себя подозрѣніе. Вскорѣ возвращается Ноно, удивляется, что Вероника не бѣжитъ къ нему, по обыкновенію, на встречу, и полагаетъ, что она спряталась гдѣ-нибудь за деревьями; но никого не видно и не слышно. Тогда Ноно идетъ въ хижину. Публика ждетъ неистового крика и вопля отчаянія; ничуть не бывало; въ хижинѣ царить гробовая тишина и такая пауза длится нѣсколько минутъ. Наконецъ, появляется на порогѣ Ноно, молча, блѣдный, какъ смерть; его ноги дрожатъ, онъ прислоняется спиной къ стѣнѣ хижины, у самыхъ дверей, и молчаніе продолжается. Потомъ, Каратыгинъ нѣсколько нагибается и манитъ къ себѣ рукой старика-пастуха, тутъ находящагося. Старикъ подходитъ, Каратыгинъ схватываетъ его за воротъ у затылка, сильно нагибаетъ его голову и тычетъ ее въ низенькую дверь хижины. Тогда только Каратыгинъ раскрываетъ ротъ и спрашиваетъ шопотомъ, но такимъ шопотомъ, отъ которого волосъ становится дыбомъ и который былъ слышанъ во всѣхъ концахъ залы: «Видѣлъ ли ты мертвыхъ?» и повторяетъ этотъ вопросъ раза три, при чемъ съ каждымъ разомъ усиливаются въ голосѣ звуки подготовляемаго рыданія, и затѣмъ Каратыгинъ грохается во весь ростъ на землю безъ чувствъ. Послѣ того прибѣгаютъ люди, вмѣстѣ съ убийцей, и приводятъ Ноно въ чувство. Но когда онъ приходитъ въ себя, когда ему показываютъ кинжалъ, тогда только вступаетъ въ свои права могучій голосовой органъ Каратыгина; зритель слышитъ какъ бы рыканія льва въ пустынѣ; нѣть мѣры проклятіямъ, нѣть тѣхъ тиранній, которымъ не придумывалъ бы Ноно подвергнуть убийцу Вероники. Всю эту сцену Каратыгинъ ведеть не подымаясь еще на ноги. Такъ изображалъ Каратыгинъ ужасающую трагическую сцену, которая у всѣхъ, видѣнныхъ мною послѣ Каратыгина актеровъ въ этой роли, выходила до невозможности слаба. Въ самомъ дѣлѣ, моментъ для Ноно ужасенъ, и нуженъ могучій талантъ, нуженъ для артиста

большой умъ, чтобы дѣйствительно потрясти зрителя, и чтобы вся описанная сцена не представилась ему зрѣлищемъ балаганнымъ. Бѣлинский не видаль Каатыгина въ этой роли, но замѣтилъ, въ одной своей статьѣ, что въ этой роли Каатыгинъ долженъ быть превосходенъ и можетъ пожинать лавры вмѣстѣ съ Полевымъ. Эта иронія относилась къ Полевому, а не къ Каатыгину. Каатыгинъ долженъ былъ играть эту роль и игралъ ее болѣе, нежели превосходно. Но и иронія относительно Полеваго совершенно не заслужена, такъ какъ трагедія Полеваго комбинирована искусно и удачно.

«Тридцать лѣтъ или жизнь игрока». Пьеса эта, конечно, далека до Шекспировскаго пошиба, она не затрагиваетъ общечеловѣческихъ струнъ; но не менѣе того обнимаетъ развитую въ человѣчествѣ страсть къ игрѣ. И эту страсть пьеса исчерпываетъ до дна. Пьеса эта преисполнена трагическими моментами и предоставляла Каатыгину широкую арену для его могучаго таланта. Онъ всегда и вездѣ выдерживалъ свои роли съ начала до конца; но выдержка роли въ этой пьесѣ, гдѣ человѣкъ является въ разныхъ, ужасныхъ контрастахъ своей жизни, выше всякаго сравненія. Во всѣхъ сценахъ онъ былъ превосходенъ, но два момента и, при томъ, моменты безъ словъ, гдѣ играло одно выраженіе лица, неизгладимо рисуются въ моихъ глазахъ, какъ бы это было сейчасъ. Вотъ эти моменты: когда Каатыгинъ въ рубицѣ, голодный, пришелъ просить чего-нибудь, чтобы притащить женѣ хлѣба, онъ встрѣчается въ Обержѣ путешественника, видимо богатаго, который приглашаетъ нищаго закусить съ нимъ и просить его проводить по неизвѣстной ему въ горахъ дорогѣ. Вся внутренняя борьба, начавшая совершаться въ душѣ игрока, читалась зрителемъ въ выраженіяхъ лица Каатыгина, моментально измѣнявшагося, смотря по пробѣгавшимъ въ его умѣ мыслямъ, и читалась какъ бы по книгѣ. Этотъ моментъ игры былъ самымъ выразительнымъ въ игрѣ Каатыгина. Другой моментъ: товарищъ по игрѣ, въ дѣйствительности, мошенникъ-шулерь, Вагнеръ, сообщаетъ игроку, что, пробираясь къ нему, онъ наткнулся на свѣже разрытую землю, расшевеливъ которую, увидѣлъ трупъ убитаго человѣка, еще не остывшаго. За часъ до того игрокъ сдѣлался уже убийцей, и при словахъ Вагнера въ немъ должна была возбудиться не внутренняя борьба, подобная той, которая была передъ тѣмъ въ Обержѣ, а иное душевное движение страха отъ уличаемаго преступленія. Въ этотъ моментъ, тоже молча, Каатыгинъ наводить ужасъ на зрителя. Затѣмъ, игрокъ и Вагнеръ садятся играть въ карты. Замѣчу здѣсь, мимоходомъ, что Каатыгинъ тасовалъ при этомъ карты, какъ можетъ дѣлать это только фокусникъ. Это показывается, до какой степени Каатыгинъ относился серьезно къ ролямъ, которыхъ онъ долженъ былъ изображать. Послѣдняя сцена этой пьесы была преисполнена

внѣшняго эффекта. Игроkъ,—уличенный Вагнеромъ въ убийствѣ и подстрекаемый имъ на новое убийство заснувшаго въ хижинѣ офицера, какъ на дѣло уже знакомое,—рѣшается на это преступленіе; но въ эту минуту молния ударяетъ въ хижину, она загорается; прибѣгаешь отсутствующая до того жена и объясняетъ, что спящій въ хижинѣ офицеръ—ихъ сынъ. Игроkъ, сознавая всю страшную пропасть своего нравственнаго паденія, схватывается упирающагося Вагнера какъ щенка и бросается вмѣтъ съ нимъ въ огонь, при крикѣ: «намъ съ тобой только и есть мѣсто въ адѣ!» Эта сцена исполнялась Карапыгинымъ съ потрясающимъ ужасомъ, и въ подобныхъ сценахъ внѣшняго эффекта сами враги Карапыгина признавали его превыше всякаго сравненія. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ я долго жилъ въ Парижѣ. Знаменитый артистъ, Фредерикъ Леметръ былъ еще живъ, и хотя онъ оставилъ уже сцену, но изрѣдка появлялся на ней. Мне случилось однако видѣть его два раза въ «Жизни игрока». Объ игрѣ его, въ этой роли, я слышалъ еще въ Петербургѣ отъ пріѣзжавшихъ изъ Парижа, когда случалось завести рѣчь о Карапыгинѣ. Дѣйствительно, я увидалъ великаго артиста, но о сравненіи впечатлѣнія, произведенного на меня имъ и производимаго на меня Карапыгинымъ, не могло быть и рѣчи: во всѣхъ отношеніяхъ Карапыгинъ былъ превосходнѣй.

Брянскій. Это былъ сильный драматический и трагическій артистъ, съ талантомъ, можно сказать, первокласснаго пошиба. Его игра была умна, строго размѣрена и строго разсчитана. Огненной игры у него не было, онъ принадлежалъ къ классической школѣ, совершенно подобной школѣ парижскаго Théâtre Français. Лучшей характеристики игры Брянского я не могу сдѣлать, какъ назвать его роднымъ братомъ итальянскаго актера Росси, котораго еще недавно видѣли у насъ въ Россіи: отчетливая, превосходная декламація, съ оттенкомъ пѣвучести и съ размѣренно повторяющимися повышеніями и пониженіями тоновъ голоса. Но пѣвучесть и постоянныя повышенія и пониженія тоновъ далеко не доходили у Брянского до надобности, какъ у Росси; вообще, игра Брянского была естественнѣе, чѣмъ у Росси. Въ памяти моей остались сильныя впечатлѣнія отъ игры Брянского въ «Оттело»—Яго, въ «Эсмеральдѣ»—Казимода, въ «Разбойникахъ»—Франца, въ «Жизни игрока»—Вагнера и др.

Но я долженъ сказать, что едва-ли я видѣлъ Брянского болѣе десяти разъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ Брянскій оставилъ почему-то на долго сцену, именно въ то время, когда мнѣ всего чаще приходилось бывать въ театрѣ; хотя вслѣдствіи онъ и появился вновь на сценѣ, но не надолго.

Дюръ. Этого артиста я всего видѣлъ раза четыре потому, что онъ скоро умеръ. Но мнѣ помнится, что его игра меня восхитила. Несмо-

тря на свою молодость, Дюръ имѣлъ громадное имя, и его потеря была очень чувствительна какъ для сцены, такъ и для обширнаго числа поклонниковъ его таланта.

Сосницкій. Это былъ первостепенный артистъ для, такъ называемой, высокой комедіи, а равно и для драмы; артистъ умный и съ огромнымъ талантомъ. Разнообразіе его амплуа было поразительно. Иногда онъ появлялся не только въ драмѣ, но и въ трагедії. И кого бы онъ ни игралъ, зритель былъ напередъ увѣренъ, что получить не только полное удовлетвореніе, но и огромное удовольствіе, и что онъ, зритель, увидитъ какъ бы настоящее лицо, которое желаетъ видѣть въ пьесѣ. Въ комедіяхъ Мольера Сосницкій былъ особенно хороши. Въ «Горе отъ ума», онъ, можно сказать, сотворилъ Репетилова. Многие ходили на «Горе отъ ума» единственно для того, чтобы видѣть Репетилова—Сосницкаго. Городничій—Сосницкій въ «Ревизорѣ», по-моему, былъ почти такъ же хороши, какъ Щепкинъ. Послѣдняго я видѣлъ въ роли городничаго два раза, и, конечно, безспорно, что я видѣлъ того самаго городничаго, котораго сотворилъ Гоголь. Но мнѣ кажется, что въ отзывѣ Бѣлинскаго, мелькомъ сдѣланного, о томъ, что «Сосницкій въ городничемъ на столько плохъ, на сколько въ этой роли превосходенья Щепкинъ»—слышится, отчасти, тонъ пристрастія къ Щепкину. Коротко говоря, съ уходомъ Сосницкаго со сцены, въ драматической труппѣ обнаружилась громадная брешь.

Каратыгинъ 2-й. Это былъ комикъ по природѣ. Артистъ умный, талантливый, острый и находчивый, съ неподдельнымъ юморомъ. На сцѣнѣ онъ былъ всегда какъ дома. Но мнѣ было часто досадно, когда его заставляли играть третьестепенные роли въ драмахъ и трагедіяхъ. Къ этимъ ролямъ, не подходящимъ къ нему ни съ какой стороны, онъ, видимо, относился съ пренебреженіемъ, и потому почти всегда былъ плоховать. Но въ амплуа, сродныхъ его таланту, Каратыгинъ неизменно доставлялъ большое удовольствіе чрезвычайно живой и натуальной игрой.

Максимовъ. Этотъ артистъ занималъ роли jepne-premier. Онъ имѣлъ положительно талантъ. По-моему, jepne-premier, въ сущности, суть роли самая неблагодарная и трудная потому, что, въ большинствѣ случаевъ, не представляютъ какого-либо характера, а являются во всемъ какъ общія мѣста. Между тѣмъ, у Максимова все выходило сносно и гладко. Наружность его гармонировала съ его амплуа: онъ былъ хорошаго роста, съ хорошей фігурой, съ хорошими манерами и многими признавался весьма красивымъ. По моимъ понятіямъ, онъ во многихъ роляхъ доказывалъ, что онъ артистъ умный и талантливый. Вообще, Максимовъ придавалъ своей игрѣ видъ «nonchalant», и въ такомъ родѣ игралъ Хлестакова, и былъ отличный Хлестаковъ; лучше

его былъ только развѣ московскій артистъ Шумскій. Но лучшаго Чацкаго я не видалъ. Онъ не придавалъ Чацкому тона серьезности и всѣ свои проповѣди и любовныя изліянія говорилъ какъ-бы шутя. Въ са-момъ дѣлѣ, вѣдь вся роль Чацкаго до крайности не естественна, не правдива и ходульна, и если играть ее въ серьезъ, то Чацкій выйдетъ и смѣшонъ, и глуповатъ, и вмѣсто «Горе отъ ума» явится «Горе отъ глупости».

Чацкій, по идеѣ самого автора, долженъ быть уменъ, образованъ и съ пониманіемъ уже людей. Съ самой ранней юности онъ проводить время въ Москву, за границей и возвращается въ родной край, о ко-торомъ осталось воспоминаніе, какъ о благоуханномъ садѣ. И вдругъ, вмѣсто сада, онъ попадаетъ въ гнилое болото. Онъ сразу видитъ это и начинаетъ, съ презрительно-шуточной манерой, язвить все населеніе бо-лота, безъ паѳоса глубоко оскорбленнаго человѣка, не выдавая открыто своего внутренняго чувства на общее посмѣяніе. Коротко говоря. Максимовъ, придавая игрѣ Чацкаго шуточно-желчный колоритъ, дѣлалъ все, что можно было сдѣлать изъ роли Чацкаго, чтобы онъ показался человѣкомъ умнымъ. Сознательно ли Максимовъ придавалъ означеный колоритъ Чацкому, или это было слѣдствиемъ его натуры,—это все равно. Но я повторяю: Чацкій-Максимовъ былъ превосходенъ, и луч-шаго я не видалъ.

Самойловъ. Это былъ человѣкъ необыкновенно талантливый, какъ была талантлива вся семья Самойловыхъ. Отецъ Самойлова былъ зна-менитый оперный артистъ. Кромѣ сына его Василія, на Петербургской сценѣ играли двѣ его сестры: Надежда и Вѣра, артистические звѣзды первой величины; въ провинціи два брата актеры имѣли выдающіеся успѣхи, а о талантливости третьяго брата, горнаго инженера, Сергія, я говорилъ уже въ одной изъ предшествующихъ главъ. Самойловъ Василій обладалъ особенnoю способностью виѣшняго изображенія кого бы то ни было. Онъ измѣнялъ физіономію, манеры и голосъ такъ, что передъ зрителемъ являлись именно тѣ самые субъекты, которыхъ изобра-жалъ Самойловъ. Напримеръ, въ пьесахъ: «Студентъ, хористъ и офи-церь», или въ «Комедіи съ дядюшкой», гдѣ нужно было безпрестанно перегримировываться, переряжаться и изображать разнородныхъ лицъ—Самойловъ былъ выше всякаго сравненія. Или, напримѣръ, въ роли «Левъ Гуричъ Синичкинъ», князя Шаликова, гдѣ онъ представлялъ растлѣнного, полуразвалившагося папильончика, балетомана, онъ былъ баснесловно натураненъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ Самойловъ игралъ Кречинскаго. Рѣчи его онъ придалъ самый слабый польскій акцентъ, и все время не сбивался ни на единій моментъ съ этого акцента. Между тѣмъ, зритель слышалъ чистую русскую рѣчь, но сразу угадывалъ, что онъ слы-

шить человѣка польской національности. Я долженъ однако сказать, что Самойловъ не обладалъ элементомъ творчества. Роли обыкновенныхъ людей, гдѣ не нужна была специальная гримировка и внешнія особенности, а нужно было созданіе характеровъ, Самойлову не удавались. Напримѣръ, въ сороковыхъ годахъ, онъ игралъ Молчалина въ «Горѣ отъ ума», и это былъ одинъ изъ самыхъ плохихъ Молчалиныхъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть. Самойловъ игралъ Молчалина такъ, чтобы возбудить въ публикѣ самое рѣзкое отвращеніе къ этому лицу, даже съ внешней стороны; вслѣдствіе этого, всякая возможная иллюзія со стороны Софы являлась немыслимой.

Свѣжа еще въ памяти Петербургской публики громкая слава, приобрѣтенная Самойловымъ подъ конецъ его артистического поприща. Слава, конечно, заслуженная, но, не въ обиду памяти Самойлова, я позволю себѣ сдѣлать ему упрекъ, какъ артисту. Увлекшись своей славой, Самойловъ вздумалъ играть въ трагедіяхъ Шекспира. Между тѣмъ, въ немъ не было и тѣни трагического или драматического таланта. Это тѣмъ болѣе не простительно, что онъ видѣлъ прежде самыхъ блестящихъ представителей Шекспировскихъ героеvъ. Я не пошелъ, конечно, смотрѣть изображеніе этихъ героеvъ Самойловымъ, чтобы не видѣть его въ жалкомъ положеніи. Но я пошелъ посмотретьъ его въ «Іоаннѣ Грозномъ», о которомъ кричала Петербургская публика. Я увидалъ отличную гримировку, походку, костюмъ и все атрибуты Іоанна Грознаго; но духа его я не увидалъ и не ощутилъ.

Григорьевъ 1-й. Этотъ актеръ, по моему взгляду, не имѣлъ выдающагося таланта, но онъ нигдѣ не портилъ ролей, имѣ играемыхъ. Въ сороковыхъ годахъ, онъ игралъ, напримѣръ, Фамусова, и былъ сноснымъ Фамусовымъ; а быть сноснымъ Фамусовымъ, на которомъ, преимущественно, сосредоточивается вся комедія, составляетъ уже нѣкоторымъ образомъ заслугу актера.

Григорьевъ 2-й игралъ, по преимуществу, типы купцовъ, гостииннодворцевъ и проч., и въ этихъ амплуа былъ превосходенъ.

Марковецкій. Этотъ актеръ имѣлъ нѣкоторое дарованіе; но, замѣня часто Мартынова, хотѣлъ подражать ему. Въ сущности, онъ олицетворялъ своей игрой фарсъ и всегда все шаржировалъ. Менѣе развитой публикѣ, которая не могла отличить фарса отъ истиннаго комизма, онъ очень нравился.

Бурдинъ появился гораздо позже и нерѣдко обнаруживалъ неподдельный талантъ. Въ особенности, публика обратила на него серьезное вниманіе тогда, когда онъ въ «Свадьбѣ Кречинскаго» какъ бы создалъ роль Расплюева, придавъ этой несчастной, грязноватой личности оттѣновъ драматизма.

Перейду, наконецъ, къ Мартынову, этому творческому гению въ

сценическомъ искусствѣ. Какъ ни признаю я геніальность Каратыгина, но геніальность творчества Мартынова я ставлю выше геніальности Каратыгина. Мартыновъ появился на сценѣ въ самомъ концѣ тридцатыхъ годовъ въ водевиляхъ и въ маленькихъ роляхъ. Между тѣмъ, кажется, въ 1842 году я увидаль его однажды въ роли Гарпагона, Мольера, и онъ произвелъ на меня необыкновенно сильное впечатлѣніе. По интригамъ, или по какой-либо другой причинѣ, Мартыновъ, въ этой роли, болѣе не показывался, и въ теченіе слишкомъ 15 лѣтъ фигурировалъ, по преимуществу, только въ водевиляхъ. Но кого бы и въ чемъ бы ни игралъ, онъ поражалъ своимъ талантомъ и всегда творилъ типы, чего, конечно, не могли не отѣнить истинные любители сценическаго искусства и опытные, развитые зрители. Что же касается до толпы, то и она всегда восхищалась Мартыновымъ. Въ сороковыхъ годахъ Мартынову давали иногда роль Осипа въ «Ревизорѣ», и это, положительно, былъ тотъ самый Осипъ, котораго нарисовалъ Гоголь. Появлялся Мартыновъ тоже въ «Горѣ отъ ума», попремѣнно съ Карапыгинымъ 2-мъ, въ роли Загорѣцкаго. И въ этой, маленькой роли, зритель видѣлъ не актера Мартынова, а того самаго свѣтскаго вруна Загорѣцкаго, который проживалъ нѣкогда, въ двадцатыхъ годахъ, въ Москвѣ. Отсутствіе шаржа и ненатуральности было отличительной чертою игры Мартынова. Читатель знаетъ, конечно, комедію: «Левъ Гурычъ Синичкинъ»; изъ этой забавной комедіи Мартыновъ создалъ комедію серьезную, такъ что зритель страдалъ страданіями Синичкина и радовался его радостями.

Таковы-то были амплуа Мартынова въ продолженіе, какъ я уже сказаъ, болѣе 15 лѣтъ. Но вотъ, въ послѣдней половинѣ пятидесятыхъ годовъ, появляется драма актера Чернышева: «Чужое добро въ прокѣ нейдеть». Мартыновъ выступаетъ въ этой пьесѣ въ сильной драматической роли молодаго ямщика. Тогда только прозрѣлъ литературный кругъ, пришедший въ недоумѣніе вмѣстѣ съ большинствомъ публики. Какъ же это такъ: мы смотрѣли болѣе 15 лѣтъ Мартынова какъ талантливаго веселаго забавника, а онъ оказывается—огромный драматическій артистъ. Въ непродолжительномъ временіи появилась новая превосходная драма, того же Чернышева: «Бѣдность не порокъ». Сцена передъ уходомъ къ дочери, сцена у дочери и послѣ возвращенія его домой обнаружили въ Мартыновѣ громаднаго артиста, глубоко понимающаго тончайшія пружины человѣческой души и смѣло могущаго бы явиться въ самой сильной трагической роли, подобно Карапыгину, если бы только онъ обладалъ вѣшними условіями послѣдняго. Означенная драма упрочила уже окончательно за Мартыновымъ имя великаго драматическаго артиста: съ тѣхъ поръ начали его чествовать, а онъ началъ чахоточно кашлять. Литературный міръ и большинство общества

спохватились поздненько. Летомъ 1839 года я видѣлъ Мартынова въ Эмсѣ, надѣявшагося еще на поправленіе своего здоровья. По возвращеніи изъ-за границы, Мартыновъ продолжалъ играть, и я видѣлъ его въ послѣдній разъ въ 1860 году. Затѣмъ, я уѣхалъ на долго изъ Петербурга, и не знаю хорошошенько, когда Мартыновъ умеръ и где могила этого высоко-гениального артиста.

Перейду теперь къ женскому персоналу.

Въ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ главѣ этого персонала стояла, безспорно, Карагина 1-ая, жена трагика Василия Андреевича. Въ это время, она стояла выше всѣхъ и по драматическому таланту, и по образованію, и по внѣшнимъ условіямъ: она была очень хороша собой. Извѣстно, что, бывши еще девушкой, она жила за границей специально для того, чтобы ознакомиться съ знаменитыми парижскими артистами того времени, когда игралъ еще Пальма. Я видѣлъ Карагину, будучи еще очень молодымъ юношей, въ 1836 году. Потомъ, я три года не былъ въ Петербургѣ и увидалъ ее опять въ 1839 году. Въ это время, она занимала еще иногда роли молодыхъ, но скоро уже перестала появляться въ подобныхъ роляхъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, я видѣлъ ее нѣсколько разъ въ роли матери Гамлета; Гамлета же игралъ мужъ ея. Въ этой роли, Карагина была величественно-хороша. Появлялась она тоже въ роли Натальи Дмитріевны въ «Горѣ отъ ума», и здѣсь, несмотря на незначительность этой роли, можно было полюбоваться ея умной игрой. Вообще, характеръ игры Карагиной подходилъ къ характеру размѣренной игры артистовъ Парижского «Théâtre Français», съ добавкою нѣкотораго природнаго одушевленія. Словомъ сказать, это была артистка высокаго стиля.

Къ числу отличныхъ актрисъ принадлежали тоже Брянская и Сосницкая. Но я не припомню указать на какія-либо выдающіяся ихъ роли. Они удалились со сцены, кажется, около начала пятидесятыхъ годовъ. Я видѣлъ еще знаменитую Вальберхову, между прочимъ въ роли матери Гамлета, когда мнѣ случилось быть въ этой трагедіи первый разъ, и она была великолѣпна.

Асенкова. Она была огромной восходящей звѣздой, которая, къ великому сожалѣнію всѣхъ любителей изящнаго искусства, безвременно потухла. Мнѣ удалось ее видѣть всего раза четыре или разъ пять, между прочимъ, въ роляхъ: Херубины въ «Свадьбѣ Фигаро», въ водевилѣ—«Гусарская стоянка» и въ «Эсмеральдѣ», и во мнѣ сохранилось впечатлѣніе полнаго восторга какъ отъ ея игры, такъ и отъ ея внѣшности.

Самойлова 1-я, Надежда Васильевна. Это была замѣчательно талантливая, умная, веселая и живая артистка. Въ водевиляхъ ее, кажется, никто до сихъ поръ не могъ замѣнить. Въ особенности, она была

хороша въ Лизѣ, въ комедіи «Левъ Гурычъ Синичкинъ». Впрочемъ, она была превосходна вездѣ и всегда, хотя бы ей приходилось играть роли и драматического характера. Но у нея было, сверхъ всего, одно великое достоинство, заключающееся въ томъ, что она обладала превосходнымъ, звучнымъ голосомъ контръ-альтowego тембра и была чрезвычайно музыкальна. Съ удалениемъ Каратыгина со сцены—нѣть болѣе Гамлете, а съ удалениемъ Самойловой—нѣть болѣе Офеліи. Эту роль Самойлова играла восхитительно и исполняла пѣснь Офеліи такъ, какъ это могла бы исполнить только первоклассная оперная примадонна. И самая музыка этой пѣсни, сочиненной незабвеннымъ творцомъ сотенъ превосходнѣйшихъ романсовъ Варламовымъ, могла бы встать въ первый номеръ наилучшей итальянской оперы. На «Гамлете» можно было ходить не только ради игры Каратыгина, но и ради пѣсни Офеліи, исполняемой Самойловой. Въ 1840 г., Надежда Васильевна числилась Самойловой 2-й, вѣроятно потому, что прежде нея была на сценѣ, нѣкоторое время, старшая сестра, которую я собственно на сценѣ никогда не видаль.

Г-жа Дюръ. Это была довольно талантливая, драматическая актриса съ очень красивою наружностью. Но въ то время, когда я сталъ ее видать въ драматическомъ амплуа, она была уже слишкомъ полна и для ролей молодыхъ не подходила.

Самойлова 2-я, Вѣра Васильевна. Этобыла артистка той же школы, къ которой принадлежала и Каратыгина 1-я. Она играла умно, всегда съ достоинствомъ и величественно; но была артистка холодная. Въ игрѣ ея было много искусства, но заключался нѣкоторый недостатокъ увлечения и вполнѣ истинного чувства. Въ пятидесятыхъ годахъ давали сцены изъ Онѣгина, и, кажется, по инициативѣ самой Вѣры Васильевны. Она изображала Татьяну. Въ изображеніи этой роли она была превыше всякихъ похвалъ: изящность, достоинство и даже искренность чувства блистали въ Татьянѣ яркимъ свѣтомъ. Вообще, жанръ игры Самойловой 2-й былъ совершенно схожъ съ жанромъ высокопробныхъ артистокъ Михайловского театра, какой была, напримѣръ, Плеса. Самойлова 2-я была прекраснаго роста, изящно сложна и хороша собой, хотя и не съ строго-правильными чертами.

Я не могу не упомянуть тоже о нѣкоторыхъ артистахъ Московской драматической труппы. Вѣдь эта труппа имѣла такихъ громкихъ представителей, которые, по мнѣнию многихъ, стояли даже выше петербургскихъ. Я упомяну, конечно, только тѣхъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть, а именно: Мочалова, Щепкина, Самарина, Шумского, Садовскаго и Живокини. Артисты женскаго персонала сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ въ памяти моей не сохранились.

Мочаловъ, какъ извѣстно, былъ трагикъ. Я видѣлъ его всего два раза въ 1839 году, въ роли Отелло. Онъ не произвелъ на меня тогда сколько-нибудь выдающагося впечатлѣнія. Присутствовавшіе на этихъ двухъ спектакляхъ, люди компетентные, какъ-то: Сергій Тимофеевичъ и Константина Сергеевичъ Аксаковы, Загоскинъ и Иванъ Ивановичъ Панаевъ находили, что Мочаловъ не въ ударѣ, а, между тѣмъ, они думали увидать во всемъ его блескъ. Но о безподобной игрѣ Мочалова въ «Отелло» и, въ особенности, въ «Гамлетѣ», много было писано Бѣлинскимъ.

Щепкина я видѣлъ много разъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ. По истинѣ, это былъ артистъ вдохновенный и доставлялъ полное наслажденіе. Почти всѣ роли, которыя игралъ Щепкинъ, исполнялись въ Петербургѣ Сосницкимъ превосходнымъ образомъ. Конечно, Щепкина многіе ставили значительно выше Сосницкаго, но многіе тоже, въ извѣстныхъ роляхъ, отдавали преимущество послѣднему, потому что въ немъ не замѣчалось того однообразія, какое замѣчалось нѣсколько въ игрѣ Щепкина. Послѣ отзывовъ Бѣлинского обѣ игрѣ Щепкина, я, конечно, ничего прибавить не могу.

Самаринъ. Этого артиста я видѣлъ въ Москвѣ не болѣе трехъ разъ. мнѣ онъ показался и весьма талантливымъ, и умнымъ, съ необыкновенно представительною наружностью. У меня осталось впечатлѣніе о немъ какъ о лучшемъ jepne-premier изъ тѣхъ, которыхъ я видаль на русскихъ сценахъ, и, конечно, Максимовъ, въ этихъ роляхъ, долженъ былъ уступить Самарину, тѣмъ болѣе, что Самаринъ былъ въ то же время артистъ для серьезныхъ ролей.

Шумскій. Это былъ сильно выдающійся талантъ, который, со временемъ, дошелъ до величины первокласснаго артиста и сталъ появляться съ огромнымъ успѣхомъ въ роляхъ драматического характера. Его репертуаръ былъ очень обширенъ; мнѣ случалось видѣть его, напримѣръ, въ тѣхъ роляхъ, которыя играли на Петербургской сценѣ, въ болѣе раннее время, Максимовъ и Самойловъ. Въ роли Хлестакова, онъ былъ лучше всѣхъ Хлестаковыхъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть. Кречинскому онъ придавалъ нѣсколько драматический характеръ и, по-моему, былъ лучше Самойлова, но не могъ придать своей рѣчи польского акцента, какой, какъ я упоминаль выше, придавалъ Самойловъ.

Садовскій былъ превосходный артистъ, преимущественно для драматическихъ ролей, и имѣлъ громное имя, привлекавшее публику въ театрь. Напримѣръ: исключительно ради Садовскаго, публика жаждала посѣщать комедію: «Не въ свои сани не садись», въ которой онъ исполнялъ роль Любима Торцова, и производилъ своей игрой въ этой роли сущій фуроръ. Я видѣлъ Садовскаго всего два или три раза.

Живокини я видалъ также не много разъ. Безспорно, что этотъ

актеръ былъ съ большимъ дарованіемъ; но мнѣ показалось, что его юморъ былъ болѣе дѣланный, нежели натуральный. Во всякомъ случаѣ Москва восхищалась имъ.

Мнѣ хочется сказать теперь нѣсколько словъ о русской оперѣ на-
чала сороковыхъ годовъ. Въ это время не было вовсе итальянской оперы,
и мнѣ не случалось слышать какую-либо итальянскую оперу съ русскими
пѣвцами, хотя такія оперы и давались. Изъ русскихъ же оперъ я слы-
шала только «Жизнь за Царя», «Руслана и Людмилу» и «Аскольдову
могилу».

Съ первыхъ же представлений «Руслана и Людмилы», опера эта
произвела на меня сильное впечатлѣніе, благодаря, конечно, такимъ
двумъ превосходнымъ артистамъ, какими были Петровъ и жена его
Воробьев-Петрова. Петровъ былъ дѣйствительно богатырь Ру-
сланъ, какъ по голосу, такъ и по игрѣ. Въ то время Петровъ имѣлъ еще
голосъ сильный, звучный, обладающій огромнымъ діапазономъ во всѣмъ
его регистрѣ, отлично обработанный, чрезвычайно подвижной, и до-
бавьте къ этому выдающееся искусство пѣнія. Не въ обиду будь ска-
зано послѣдующимъ послѣ Петрова Русланамъ, что всѣ они казались
мнѣ очень слабыми противъ Петрова. Ария Руслана: «О поле, поле...»
являлась полнымъ торжествомъ и средствъ, и искусства Петрова, при-
водившимъ публику въ неистовый восторгъ.

Справедливость требуетъ сказать, что въ означенное время по-
явился новый пѣвецъ—Артемовскій, который мѣнялся въ означенной
роли съ Петровымъ. Артемовскій обладалъ тоже прекраснымъ, силь-
нымъ и свѣжимъ голосомъ, такъ что Руслана можно было слушать съ
удовольствиемъ и при пѣніи Артемовскаго. Конечно, онъ не былъ Ру-
сланъ-Петровъ, но и Артемовскій, по-моему, былъ гораздо лучше всѣхъ
послѣдующихъ Руслановъ.

Въ 1864 году, я встрѣтилъ въ Новочеркасскѣ одного донскаго ка-
зака, проживавшаго нѣкогда въ Харьковѣ и занимавшагося обуче-
ніемъ церковныхъ пѣвчихъ. Этотъ казакъ сообщилъ мнѣ, что онъ былъ
первымъ учителемъ Петрова. Старикъ еще пѣлъ прекрасно подъ ги-
тару и, конечно, сильно гордился своимъ ученикомъ, достигшимъ боль-
шой извѣстности, и показывалъ письма къ нему отъ Петрова.

Воробьев-Петрова—жена поименованного пѣвца. Бывши еще не
замужемъ, она пріобрѣла громкое имя. Ея голосъ, высокое контръ-
альто, былъ, въполномъ смыслѣ, феноменальнымъ въ отношеніи кра-
соты, чистоты, круглоты, полноты и бархатности звука. По этимъ инди-
видуальнымъ свойствамъ звука ея голоса, можно приравнять его къ
подобнымъ индивидуальнымъ свойствамъ звука голоса Патти. Понятно,
что у одной въ одномъ регистрѣ, а у другой—въ другомъ. Особен-

ность голосовъ этихъ пѣвицъ была такова, что едва зритель услышитъ два-три звука, вылетѣвшихъ изъ ихъ усть, онъ уже обвороженъ круглotoю, полнотою и бархатностью ласкающихъ ухо этихъ звуковъ, помимо еще всякаго искусства пѣнія.

Гениальный Глинка, въ созданной имъ музыкѣ для роли Ратмира, дошелъ, можно сказать, до апоѳеоза выраженія нѣги и сладострастія. Воробьева-Петрова творила въ этой роли чудо и своими необычайно сладкими звуками и своимъ искусствомъ. Являлась полная иллюзія, и зритель, подъ обаяніемъ слушаемыхъ имъ звуковъ, находился какъ бы не въ театрѣ, а въ роскошномъ Восточномъ гаремѣ, дышащемъ нѣгой. Коротко говоря, невозможно высказать того впечатлѣнія, какое производила Петрова этой аріей на слушателя. Публикѣ еще памятно пѣніе Лавровской въ Ратмирѣ. Ея голосъ тоже бархатный; она была тоже превосходный Ратмиръ, но Ратмиръ холодный, тогда какъ Ратмиръ-Петрова былъ Ратмиръ огненно-страстный, что выражалось преимущественно не въ игрѣ, а въ звукахъ голоса, искусственнымъ образомъ управляемаго.

О прочихъ оперныхъ артистахъ я ничего не могу сказать особеннаго. Теноръ Леоновъ имѣлъ вѣрный, хорошій, но не очень сильный голосъ. Настоящая его фамилія Charpartier, хотя онъ и русскаго происхожденія; онъ воспитывался въ Парижѣ, гдѣ и получилъ прекрасное музыкальное образованіе. Послѣ того какъ Леоновъ оставилъ сцену, я встрѣтилъ его, во время постройки Донской желѣзной дороги, въ Новочеркасскѣ, гдѣ онъ содержалъ труппу. Замѣтивъ въ моей дочери особую страсть къ пѣнію, необыкновенно звучный и вѣрный голосъ, я пригласилъ Леонова давать ей уроки пѣнія. Эти уроки продолжались не долго, ибо я побоялся испортить голосъ дочери.

Степанова, сопрано. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, она была уже очень не молода, но сохраняла еще свой необыкновенно высокій голосъ и, въ то же время, особенно рѣзкій. Во времена первого появленія въ Петербургѣ Рубини, она пѣла съ нимъ въ «Лючіи». Вообще, ея пѣніе не оставило во мнѣ пріятнаго впечатлѣнія.

Вспомню тоже о нѣкоторыхъ французскихъ артистахъ Михайловскаго театра. Вообще, въ сороковыхъ годахъ, любителямъ драматического искусства везло. На французской сценѣ были тоже артисты первой величины: M-er и M-me A la p имѣли громкую извѣстность и у насъ, и въ Парижѣ. Когда играли эти артисты, то зритель могъ быть увѣренъ, что онъ всегда вынесетъ изъ спектакля большое художественное удовольствіе. Мнѣ помнится одна большая пьеса: «Les memoires du diable». Отъ замѣчательно художественной игры въ этой пьесѣ

артиста Alan, которая давалась очень часто, публика ломилась въ театръ.

Alexandre-Méer. Это была восхитительная артистка, «ingenue», умная, талантливая и грациозная. Такой «ingenue», по крайней мѣрѣ мнѣ, не случалось видѣть послѣ и въ Парижѣ. Alexandre-Méer вышла, кажется, замужъ за графа Апраксина и удалилась съ тѣхъ поръ со сцены.

Bressan. Онъ игралъ jeune-premier. Болѣе представительного, болѣе ловкаго и болѣе умнаго артиста трудно себѣ представить. По отѣзду изъ Петербурга онъ долго еще гремѣлъ въ Парижѣ, на сценѣ Comedie Française. Bressan былъ большаго роста, съ изящной фигурой и идеальной красоты. Петербургская публика была отъ него безъ ума. Бывшихъ уже послѣ jeune-premier, хотя и очень хорошихъ, какъ, напримѣръ, Berton и другихъ, нельзя и сравнивать съ Bressan.

Verné. Это былъ великий, естественный и натуральный комикъ, силу таланта котораго можно приравнять къ силѣ творчества Мартынова. Въ чемъ бы онъ ни игралъ, онъ доставлялъ истинно-художественное наслажденіе. Сценическій талантъ былъ, вѣроятно, врожденнымъ въ семье. Весной 1844 года, прїѣхала въ Петербургъ на гастроли M-me Albert, родная сестра Verné. Въ высоко-драматическихъ роляхъ она увлекала Петербургъ.

Я упомянулъ только о крупныхъ артистахъ прежняго Михайловскаго театра, а о другихъ у меня не осталось въ памяти чего-либо особенно выдающагося. Но вообще, въ тѣ времена, ensemble французскаго театра былъ превосходенъ, для всѣхъ родовъ драматической литературы, за исключениемъ, конечно, трагедіи, которая на Михайловскомъ театрѣ и не давалась.

Глубоко любя и уважая людей литературнаго кружка сороковыхъ годовъ, я не могу, однако, не высказать правды: они совершили великий грѣхъ въ отношеніи драматической петербургской труппы тѣхъ временъ. Они старались, всѣми силами, дискредитировать Александринскій театръ въ глазахъ образованной публики, отзываясь о немъ, какъ о театрѣ неприличномъ, некомильфотномъ, гдѣ могутъ находить удовольствіе не люди образованные и художественно развитые, а лишь гостиинодворцы. Между тѣмъ теперь пришли уже, болѣе или менѣе, къ сознанію, что намъ, быть можетъ, долго еще не дождаться хотя бы блзкаго подобія труппы сороковыхъ годовъ. Что же совершалось въ дѣйствительности? Всѣ, искренно любящіе наслаждаться великимъ драматическимъ искусствомъ, ъѣздили въ Александринку (выраженіе того времени), но старались скрывать это отъ своихъ знакомыхъ. Выходило, однако, такъ, что знакомые между собою люди, скрывавшіе другъ отъ друга свои посѣщенія Александринки, вдругъ встрѣчались тамъ, и тогда сва-

ливали свое посещение на детей или на какую-нибудь случайность, не упуская, при томъ, отзываться въ обществѣ объ Александринкѣ или съ ироніей, или съ пренебреженіемъ. Теперь, когда эта фальшь миновала, я нерѣдко встрѣчаю пожилыхъ людей, которые, при разговорѣ о прежней сценѣ, каются въ своемъ грѣхѣ и сознаются, что они, несмотря на наложенное литературнымъ кружкомъ, въ оныя времена, клеймо на Александринку, ъѣздили туда, втихомолку, чтобы насладиться игрой Карагыгина.

Карагыгинъ умеръ прежде, нежели влиятельный литературный кружокъ прозрѣлъ и опомнился отъ невнимательности своей въ дѣлѣ оғѣнки искренности въ драматическомъ искусствѣ. Другой же великий артистъ дожилъ до этого прозрѣнія прежнихъ своихъ враговъ; но было уже поздно,—грѣхъ былъ совершенъ.

Мартыновъ, имѣвшій призваніе къ самымъ высокимъ драматическимъ ролямъ, чутъ ли не восемнадцать неѣтъ расходовался по водевилямъ. Несмотря на это, Мартыновъ изъ каждой пустой роли создавалъ типъ, и если бы литературный кружокъ слѣдилъ за ямъ, то подмѣтилъ бы въ немъ великій талантъ вѣ-время. Но кружокъ этотъ не обращалъ на Мартынова никакого вниманія и разсматривалъ его, какъ балаганного гаера. Восемнадцать лѣтъ нравственного придавливанія своихъ натуральныхъ стремленій и выдерживаніе тяжелыхъ оскорблений своего громаднаго таланта,—быть можетъ, болѣе сильнаго, чѣмъ тотъ, которымъ обладалъ Карагыгинъ,—свое дѣло сдѣлали: Мартыновъ пріобрѣлъ себѣ въ награду— чахотку. Тогда известный литературный кружокъ вздумалъ чествовать Мартынова обѣдомъ съ громкими рѣчами, но этимъ отъ чахотки Мартынова не избавилъ. Къ истиннымъ талантамъ нужно относиться со вниманіемъ, и относиться вѣ-время, иначе можно совершить грѣхи непоправимые.

Восемнадцать лѣтъ Мартыновъ, въ глазахъ литературного кружка, былъ гаерь, и вдругъ, въ одинъ прекрасный день, сдѣлся великимъ артистомъ. Развѣ такія метаморфозы совершаются могутъ? Суть въ томъ, что лица известнаго литературного кружка или вовсе не ходили смотрѣть Мартынова, или смотрѣли на него сквозь кривыя очки, а когда очки эти кружокъ снялъ, или ихъ сняли съ него, то и увидѣлъ то, что могъ видѣть давно.

Если бы Карагыгинъ пожилъ подольше, то и онъ увидалъ бы тотъ же почетъ въ литературномъ кружкѣ, какого дождался, на краю гроба, Мартыновъ.

Всѣ эти замѣчанія клонятся къ тому, чтобы подтвердить мое убѣженіе въ томъ, что взгляды литературного кружка сороковыхъ годовъ на Карагыгина была неправдой, и неправдой вопіющей. Въ дѣйствительности же, театръ всегда ломился, когда игралъ Карагыгинъ, и

ни одно представление не проходило безъ самыхъ сильныхъ выражений восторга. Враждующій ему кружокъ старался относить его успѣхи къ грубому вкусу посѣтителей театра; на самомъ же дѣлѣ, Каратыгинъ производилъ обаяніе на всѣ слои общества однимъ своимъ появлѣніемъ на сцену и своей горячей и правдивой игрой увлекалъ неудержимо.

Въ сезонъ съ 1843 на 1844 годъ, находились въ Петербургѣ такие великие оперные артисты, какъ Рубини, Віардо и Тамбурини. Я, вмѣстѣ со всемъ петербургскою публикою, сходилъ отъ нихъ, какъ говорятъ, съ ума. Но признаюсь, что когда мнѣ почему-либо предстояла выборъ идти слушать ихъ, или смотрѣть Каратыгина, я не колебался ни мига и избиралъ Каратыгина. Истинно-правдивое драматическое искусство доставляетъ такое глубокое наслажденіе, какого никакое другое искусство въ той же мѣрѣ доставить не можетъ. И этою-то правдивостью и отличался Каратыгинъ.

Я не могу сдѣлать сравненія Каратыгина съ Мочаловымъ потому, что видѣлъ послѣдняго только два раза въ моей юности и при томъ оба раза во дни для него неудачные, чтѣ, какъ известно, случалось съ нимъ нерѣдко. Что же касается до Брянскаго, котораго я видѣлъ много разъ, то характеръ его игры былъ, по преимуществу, декламационный, уподобляющійся характеру игры Россіи.

Помяну теперь тѣхъ иностранныхъ выдававшихся нѣкогда и выдающихся нынѣ артистовъ, которые приходять мнѣ въ настоящую минуту на память изъ числа мною видѣнныхъ.

Въ Ращели классическая школа воплощалась въ своей крайней формѣ,—въ формѣ отвлеченной, хотя и въ высшей степени изящной, но душою не оживленной и, если можно такъ выразиться, въ формѣ статуйной. Но артистка эта имѣла на столько ума, что она являлась преимущественно въ такихъ роляхъ, въ которыхъ и не нужно было имѣть искренняго внутренняго огня. Сцена служила ей лишь поводомъ для того, чтобы декламировать звучные эффектные стихи и рисоваться въ подлежащемъ костюмѣ. Ристори явилась болѣе или менѣе удачной копировкой Ращели. Россіи, принадлежа къ той же классической школѣ, захотѣлъ внести ее въ Шекспира, т. е. совершилъ грубую фальшь. Героевъ Шекспира, людей живыхъ, нельзя втискивать въ неодушевленныхъ автоматовъ, хотя и превосходно, однообразно декламирующихъ и такъ же жестикулирующихъ, но все-таки остающихся куклами. Ращель поняла, что съ ея классической школой только и можно декламировать по преимуществу въ трагедіяхъ Расина и Корнеля, а Россіи вообразилъ, что съ тою же школой можно появляться въ произведеніяхъ Шекспира.

Изъ всего вышесказанного не слѣдуетъ однако выводить заключеніе, что я отношусь не съ полнымъ уваженіемъ къ школѣ, господ-

ствовавшій между артистами въ «Théâtre Français». Я долженъ сказать правду, что я никогда не выходилъ изъ этого театра неудовлетвореннымъ, но за то никогда не выходилъ тоже оттуда потрясеннымъ, за исключениемъ одного раза, когда я увидѣлъ въ первый разъ Круазеть въ роли «Sphinx».

Эта артистка составляеть, или составляла, исключение изъ всей труппы «Théâtre Français». Не потому ли, быть можетъ, она, обладая громаднымъ, непосредственнымъ талантомъ, не успѣла достигнуть тѣхъ результатовъ, которыхъ достигла бывшая ея асессье, Сарро Бернаръ, хотя и обладающая тоже великимъ талантомъ виѣшней игры, но далеко уступающа Круазеть въ правдивости драматического искусства?

Въ «Sphinx» Круазеть играла съ Саррою Бернаръ. Для человѣка, любящаго въ искусствѣ неподдельную натуральность и правдивость, при видѣ игры этихъ двухъ артистокъ, показалась бы странною возможность сравненія ихъ между собою. Такъ, Круазеть, силою своего непосредственного таланта, подавляла Сарру Бернаръ, и таково было впечатлѣніе ихъ игры какъ на меня, такъ и на моихъ знакомыхъ, бывшихъ со мною въ театрѣ.

Между тѣмъ, въ то время, французская публика раздѣлялась на два враждебные лагеря: одни восхищались Круазеть, а другие банили ее и восхищались Саррою Бернаръ. Впрочемъ, восторги отъ Круазеть относились только къ чисто виѣшнему эффекту, а именно къ сценѣ ея смерти. Смерть отъ отравленія казалась публикѣ настолько реальной, что многіе не хотѣли вѣрить въ игру, а вѣрили распущенному слуху о томъ, что Круазеть принимала, будто-бы, какое-то зелье, а затѣмъ, когда занавѣсь опускался, она принимала противоядіе, и этому обстоятельству приписывали уклоненіе ея отъ появленія на вызовы передъ публикой послѣ окончанія спектакля.

Откровенно признаюсь, что я, съ своей стороны, пропустилъ и въ слѣдующіе разы пропускалъ безъ всякаго вниманія предсмертныя корчи артистки, такъ какъ большая или меньшая правдоподобность ихъ изображенія не могла придавать никакого значенія силѣ ея таланта. А, между тѣмъ, этотъ виѣшний эффектъ и придалъ большую извѣстность Круазеть. Досадно было видѣть въ то время, что французская публика не оцѣнила въ ней необыкновенную правдивость и естественность ея игры, и не отмѣчала своимъ вниманіемъ ту сцену, въ которой, главнымъ образомъ, выказывалось могущество таланта артистки. Но прежде, нежели указать эту сцену, надо замѣтить, что пьеса Октава Фелье написана такъ художественно, что нѣтъ ни одного обращенія въ сторону, или одиночного монолога. Всѣ мысли и движенія души изображаемаго лица артистъ долженъ дать понять зрителю своей игрой. Я говорю о той сценѣ, когда Бланшъ (Круазеть), приготовивъ для себя стаканъ

*

съ ядомъ, хочетъ его выпить, и въ это время ея соперница (Сарра Бернаръ), не выдавшая приготовленія яда, просить воды, чтобы утолить жажду отъ сильной сцены. У Бланшъ зарождается мысль, не направить ли стаканъ съ ядомъ по адресу своей соперницы. Происходитъ внутренняя борьба, исходомъ которой является возвращеніе къ мысли самоотравленія. Тогда я смотрѣлъ «Sphinx» въ первый разъ, я не зналъ содержанія пьесы; не менѣе того, всѣ мысли, пробѣгавшія въ умѣ, и всѣ движенія сердца Круазетъ я читалъ, какъ по книгѣ, въ лицѣ артистки. Если публика не цѣнила въ ея игрѣ этого момента, то сама Круазетъ очень хорошо сознавала, что высшее напряженіе драматизма пьесы заключается въ этомъ моментѣ, и что именно тутъ она должна вложить весь свой талантъ, и, вѣроятно, потому она и сняла съ себя карточку въ этой сценѣ. Увидавши только одну эту карточку Круазетъ, можно уже получить нѣкоторое понятіе объ этой артисткѣ.

Обаяніе публики отъ Круазетъ ослабѣло, однако, довольно скоро. Это и понятно. Современная парижская публика не любить выносить изъ театра очень сильныхъ ощущеній и потрясеній. Ей нужно кратковременное развлеченье послѣ обѣда. Поэтому, ни истинно драматическія пьесы, ни истинные драматическіе таланты долго держаться тамъ не могутъ. Парижская публика любить преимущественно не настоящія драмы, а мелодрамы, съ буржуазными добродѣтелями, такими же мелочными пороками и со всевозможными внѣшними эффектами. Напримѣръ, приторнѣвшая, хотя и ловко составленная, мелодрама, желавшая изобразить быть извѣстной части русскаго общества—«Les Danichefs», выдержала, безъ перерыва, до 700 представлений, и потомъ, послѣ промежутка въ нѣсколько мѣсяцевъ, была возобновлена, и вновь выдержала, безъ перерыва, кажется, еще до 300 представлений. Наибольшее удовольствіе парижская публика ощущала отъ роли кучера, изображавшаго изъ себя типъ, подобный герою пьесы «Le jeune homme rauvre». Вѣдь парижская публика не можетъ не сознавать, что въ Россіи, какъ и во Франціи, кучера не могутъ имѣть образъ джентльмена, но ей, тамошней публикѣ, иѣть до этого дѣла. Оскорблѣніе художественной правды парижскую публику не мутить; были бы эффективныя фразы и легкое раздраженіе чувствъ, и этого довольно. Но, при этомъ, непремѣннымъ условіемъ должно быть благополучное окончаніе. Ни одна пьеса съ неблагополучнымъ окончаніемъ, по обыкновенію, долго не продерживается.

Обѣ Саррѣ Бернаръ какъ-то не хочется и говорить. Актриса, играющая два раза въ день, и сверхъ того, играющая въ одномъ и томъ же спектаклѣ три сцены изъ разныхъ пьесъ, являясь въ совершенно разновидныхъ роляхъ,—такая актриса серьезнѣй подкладки не имѣть и серьезной критикѣ подлежать не можетъ, какимъ бы сильнымъ дарованіемъ къ актерскимъ метаморфозамъ она ни обладала. Въ талантѣ

такого сорта можетъ, почемъ знать, перещеголять Сарру Бернаръ и Илька Огай. Мы скажутъ, пожалуй, что такія лихорадочные выходки Сарры Бернаръ могутъ быть оправданы страстью къ болѣе быстрой наживѣ. Я согласенъ, что страсть къ наживѣ можетъ совмѣщаться съ великимъ талантомъ. Но дѣло въ томъ, что истинно великий талантъ не найдеть въ себѣ той силы, которая можетъ побудить человѣка позорить свое искусство. А если такая сила въ человѣкѣ находится, то это и значитъ, что въ немъ нѣтъ таланта глубокаго, а если и есть какой-нибудь талантъ, то весьма мелкій.

Написаль я не мало, а не сказалъ еще ничего объ игрѣ Стрепетовой въ «Каширской старинѣ».

Я видѣлъ ее одинъ разъ и потому могу высказать вамъ только то впечатлѣніе, которое произвелъ на меня первый спектакль. Трагический талантъ Стрепетовой показался мнѣ на столько сильнымъ, что во мнѣ невольно пробудилось воспоминаніе о прежнихъ артистахъ.

Въ исполненіи роли Марьицы г-жею Стрепетовой на меня произвела особенно сильное впечатлѣніе сцена при обмынѣ колецъ. До минуты требованія Василемъ обмынаться кольцами мы видимъ обыкновенную дѣвушку, и трудно представить себѣ, какъ можетъ она явиться великимъ драматическимъ лицомъ. Нельзя не отдать справедливости автору: онъ необыкновенно удачно ввелъ въ пьесу,—сообразно міросозерданію изображаемыхъ имъ лицъ въ данную эпоху,—такой моментъ, который дѣйствительно способенъ быть затронутъ въ сердцѣ чистой, простой дѣвушки самую чувствительную струну. И эта струна, въ данномъ случаѣ, должна была зазвучать съ всею силою того духа, который пожелалъ вложить авторъ въ свою героиню.

Стрепетова поняла, что эта сцена есть самая возвышенная точка всей драмы, и что въ эту сцену надо положить всю свою силу. Артистка, не съумѣющая выдержать должнымъ образомъ упомянутую сцену, неминуемо уронитъ значеніе всей драмы. Моментъ заклинанія вызываетъ въ простой дѣвушкѣ всю скрывавшуюся въ ней до этого времени могучую силу ея души, и эта сила духа является новостью какъ для нея самой, такъ и для Василія. И все это выходитъ весьма правдиво и натурально. Съ минуты заклинанія Василій раздавленъ. Безъ всякихъ словесныхъ разъясненій становится очевиднымъ для Василія, что онъ не пара Марьицѣ, а для нея, что она не пара Василю; кромѣ того, дѣлается очевиднымъ и то, что съ этой минуты истинная любовь, если она и успѣла зародиться у этихъ двухъ лицъ, въ сущности, рухнула безвозвратно съ обѣихъ сторонъ. Василій не могъ внутренне не почувствовать своего, по сравненію съ Марьицѣ, слабодушія, и, слѣдовательно, нѣкотораго оскорблениія; а Марьица не могла не убѣдиться въ этомъ слабодушіи Василія, не нашедшаго въ своей любви столько

силы, чтобы послѣ заклинанія покончить дѣло тутъ же. Послѣ означеннаго момента могли гнѣздиться въ сердцахъ обоихъ лишь внѣшніе признаки любви, поджигаемые однимъ самолюбиемъ. Такъ дѣло и разыгралось въ послѣдующихъ актахъ драмы.

Смыслъ означеннай превосходной сцены былъ изображенъ Стрепетовой въ такомъ совершенствѣ и съ такою могучестью и искренностью, что тутъ вспомнился мнѣ характеръ игры Каратыгина.

Не стану говорить о сценѣ укора и отказа слѣдоватъ за Василѣмъ. Эта сцена была безукоризненна; но она на столько благодарна для артистки, что и не особенно сильный талантъ можетъ выполнить ее удачно.

Упомяну, въ заключеніе, о той послѣдней сценѣ, когда Марынца вышла изъ-за стола и начала говорить. Въ это время она была похожа скорѣй на царицу, чѣмъ на простую дѣвушку. И это, въ игрѣ Стрепетовой, ни сколько не шокировало. Говорила не простая дѣвушка, а говорильт ея устами глубоко настрадавшійся человѣческій духъ, достигшій, отъ размѣра горя, до величія необъятнаго, а потому величавый тонъ и величавыя манеры Стрепетовой въ этой сценѣ являются совершенно естественными.

Всѣ эти сцены могутъ казаться смѣшными при талантѣ, недостаточно могучемъ, но вѣдь и сцены изъ «Отелло», «Гамлета», «Короля Лира» и проч. кажутся тоже смѣшными при слабыхъ талантахъ.

Иному читателю можетъ показаться, что я отвелъ слишкомъ много мѣста очерку нашей прежней драматической труппы; но я твердо убѣжденъ, что не заслужу этого упрека отъ тѣхъ еще живыхъ людей, которые видѣли плеяду прежнихъ артистовъ. Эта плеяда заслуживала бы не бѣглаго моего очерка, а цѣлой книги, ибо сослужила не малую службу для исторіи развитія драматического искусства въ нашемъ отечествѣ. Къ сожалѣнію, литературные источники, по этому предмету, слишкомъ бѣдны, да и написать подобную книгу возможно лишь человѣку, передъ которымъ эта плеяда прошла воочию.

Если я остановился, преимущественно, на Каратыгинѣ и на Мартыновѣ, то потому, что это были слишкомъ выдающіяся, крупныя величины. Правда, что такой громадный талантъ, какимъ обладалъ Мартыновъ, можетъ конечно, появиться не сегодня, такъ завтра; но прежде, нежели встрѣтить необыкновенное совмѣщеніе всѣхъ тѣхъ условій, которыми обладалъ Каратыгинъ можетъ пройти и болѣе полѣка. Такъ же, какъ великий Шекспиръ, какъ драматургъ, такъ великий и Каратыгинъ, какъ исполнитель или толкователь твореній этого гenія. Повторю здѣсь, что, со смертью Каратыгина, на долгіе, многіе годы падъ на сценѣ и Шекспиръ, чтѣ и предсказывалъ Бѣлинскій, какъ это видно изъ одной его рецензіи. Поэтому, въ сущности, мой очеркъ Каратыгина скорѣе

слишкомъ кратокъ и блѣденъ, чѣмъ объемистъ и достаточно выразителенъ.

Тяжело сознавать, что прошло уже два поколѣнія, которыя были лишены высочайшаго наслажденія, испытанного нами отъ Шекспира и отъ другихъ высокихъ драматическихъ твореній, являвшихся на сценѣ.

Я думаю, что никто не станетъ оспаривать, что мы бѣдны нынѣ драматическими силами и, въ то же время, бѣдны и литературными. Въ прежнее время, блестѣли такія необыкновенно яркія звѣзды второй величины: Достоевскій, Тургеневъ, Григоровичъ, Гончаровъ и другіе. Въ критической литературѣ мы имѣли громадную силу—Бѣлинскаго. Среди драматическихъ артистовъ—Каратыгина и Мартынова. Въ музыкальномъ мірѣ—Глинку. Въ живописи—Брюлова. Въ ваяніи—Клодта. Въ наукѣ—Остроградскаго, Буняковскаго. Въ хирургії—Пирогова. И всѣ эти лица, почти одновременники, прошли мимо насъ, въ періодъ съ небольшимъ четверть вѣка. Но мы видимъ оскудѣніе крупныхъ талантовъ и по другимъ отраслямъ человѣческой дѣятельности.

Такое обстоятельство, воочію передъ нами стоящее, невольно возбуждаетъ вопросъ: гдѣ же кроются причины настоящаго оскудѣнія? Всякій можетъ объяснить означенное явленіе по собственному соображенію. Конечно, есть тому причины частныя, временные, хотя и весьма вѣскія; но я, по своему соображенію, обращу вниманіе на одну изъ причинъ, болѣе общую.

Въ числѣ этихъ причинъ мнѣ прежде всего бросается въ глаза отсутствіе вѣрной оцѣнки талантовъ и возведеніе на пьедесталы посредственостей и, часто, посредственостей весьма жалкихъ. Такое явленіе вытекаетъ, какъ слѣдствіе, изъ быстро нахлынувшей на общественную жизнь огромной массы неразвитыхъ элементовъ, и эта масса, не получившая должнаго образованія, бросилась обучаться всему изъ незамедлившихъ появиться популярныхъ книжонокъ.

Подобная явленія, бывшія въ другихъ странахъ, представляютъ, конечно, нѣкоторыя особенности, но сравненіе ихъ повело бы слишкомъ далеко: я констатирую лишь извѣстный фактъ.

Во всякомъ случаѣ, означенныя явленія можно уподобить появленію бурьяна и сорныхъ травъ, заглушающихъ здравые злаки и хлѣба, пока культура послѣднихъ не истребить первыхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

**Памятники гр. Румянцову, кн. Суворову, Кутузову и Барклаю-
де-Толли.**

Рескриптъ графу С. К. Вяземитинову.

23-го сентября 1818 г. Ахенъ.

Графъ Сергѣй Козычъ! Желая способствовать украшению столицы и для памятниковъ, сооруженныхъ въ честь двухъ нашихъ великихъ полководцевъ, избрать лучшее мѣсто, чтобы сіи знаменія отечественной благодарности дѣйствовали на потомство тѣмъ сильнѣе, повелѣваю: обелискъ, воздвигнутый побѣдамъ генераль-фельдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго, перенести на площадь Перваго кадетскаго корпуса, да юные питомцы сего училища, въ коемъ воспитывался самъ герой Задунайскій, созерцаютъ монументъ его славы; памятникъ же генералиссимуса, князя Италийскаго, графа Суворова-Рымникскаго поставить на новой площади близъ дома князя Салтыкова, гдѣ назначено быть Троицкому мосту. Отнынѣ сіи площади будуть называться, первая Румянцовскою, вторая Суворовскою. Прославляя безсмертныя дѣянія временъ минувшихъ, изъявимъ справедливую признательность и къ заслугамъ нашего времени. Слава генераль-фельдмаршаловъ князей Голенищева-Кутузова-Смоленскаго и Барклая-де-Толли требуетъ также достойныхъ памятниковъ, коими украсятся двѣ площади предъ соборнымъ храмомъ Казанскія Божія Матери, гдѣ россіяне видятъ многочисленные трофеи побѣдъ своихъ, дарованныхъ намъ Господомъ, и благословленныхъ человѣчествомъ. Произведеніе въ дѣйство сего намѣренія поручено мною особенной, для того учрежденной комиссіи.

Пребываю вамъ благосклонный.

БЫЛОЕ.

Изъ воспоминаний о пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.

III¹).

1-я гимназія въ 1855 г. — Директоръ В. В. Игнатовичъ и инспекторъ В. С. Бардовскій.—Субботніе отпуски.—Преподаватели.—Воспитатели.

сенью 1855 г. меня отдали наконецъ въ 1-ю гимназію. Вступление на престолъ императора Александра II принесло съ собою надежду на коренное обновление всего строя русской жизни. Чувствовалось, что начинается переходъ отъ стараго къ новому; обществомъ овладѣло бодрое настроеніе, впослѣдствіи получившее въ лагерѣ приверженцевъ старины наименование «разнудзданности». Новыя вѣянія, хотя еще и нерѣшительно, начинали уже отчасти отражаться на всемъ, между прочимъ, и на общихъ порядкахъ въ учебныхъ заведеніяхъ. При поступленіи въ гимназію, я засталъ ее въ самомъ началѣ периода преобразованій. Началось съ переобмундированія: прежніе мундиры съ фалдами, похожіе на фраки, замѣнились казакинами. Мы на третій же день пригнали такой казакинъ съ краснымъ воротникомъ, на которомъ были пришиты золоченыя позументныя полоски, съ красными же отворотами на рукавахъ и съ блестящими желтыми пуговицами. Казакинъ былъ тѣснъ, тугой стоячій воротникъ, съ непривычки, сильно натирая шею, но я мужественно переносилъ эти неудобства, довольно тѣснъ, что сталъ похожъ на военнаго. Для ежедневной носки дана мнѣ была куртка съ металлическими пуговицами и тоже съ краснымъ воротникомъ. Почему такое одѣяніе признавалось тогда нужнымъ для школьніковъ—неизвѣ-

¹) См. "Русскую Старину" сентябрь, 1901 г.

стно; достовѣрно только, что о просторныхъ блузахъ, въ которыхъ ходить нынѣшніе гимназисты, никто тогда не думалъ. А можетъ быть, придетъ время, когда люди будутъ, пожимая плечами, рассказывать, что въ старину студенты, лицеисты, правовѣды тоже носили мундиры военного вида, да еще и вовсе ненужныя имъ шпаги въ придачу. Но если вѣрно, что исторія не терпитъ скачковъ, то обмундированіе и подавно. Наши гимназическая полукафтанья (казакины) были все-таки шагомъ впередъ, составляли, такъ сказать, «эволюцію» въ мундирномъ вопросѣ. Такою же эволюціей было и ослабленіе школьнной дисциплины при началѣ моего гимназического ученія. Но, при всемъ ослабленіи ея, я все-таки сразу, ощутилъ разницу между строемъ гимназической жизни и тою атмосферой, которая окружала меня до гимназіи. Правда, начальники и наставники здѣсь не внушали мнѣ, новичку, трепета, но и близости ихъ ко мнѣ они не сочли нужнымъ показать. Между мною и ими съ первыхъ же дней образовалось разстояніе: я увидѣлъ, что не найду въ нихъ друзей, какъ было въ пансионѣ Гершельмана. Оказалось, что я попалъ не въ учебно-воспитательное заведеніе, а на педагогическую фабрику, гдѣ подготавливаютъ юношество къ получению аттестата объ окончаніи курса наукъ.

Не могу, однако, особенно хулыть пріютившую меня гимназію, такъ какъ знаю, что бывали другія хуже ея. 1-я гимназія, преобразованная лѣтъ за двадцать слишкомъ передъ тѣмъ изъ университетскаго Благороднаго пансиона, выгодно отличалась въ мое время (и до меня) отъ многихъ другихъ учебныхъ заведеній, особенно же отъ тогдашнихъ кадетскихъ корпусовъ. Принимая въ питомцы исключительно дворянскихъ дѣтей, она и держала ихъ соответственно ихъ привилегированному званію. Дворянчиковъ хотя иногда и сѣкли (впрочемъ, только за особо важные пропинности), но вообще обходились съ ними хорошо, сносно кормили и очень недурно содержали. Ихъ даже обучали танцамъ, чего теперь, кажется, нигдѣ не водится. Разъ въ недѣлю воспитанники надѣвали танцевальные башмаки и являлись въ рекреаціонный залъ, гдѣ ожидали ихъ учитель, привозившій съ собою скрипача. Учителемъ танцевъ много лѣтъ состоялъ мосьѣ Дютакъ, пожилой, но все еще гибкій, какъ львовыій прутъ, и легкій, какъ перышко, французъ съ неизмѣнною улыбкой балетнаго танцора на поддумяненномъ лицѣ. Вниманіе къ дѣтямъ привилегированнаго класса сказывалось также и въ несвойственной тому времени умѣренности взысканій за пропинности. Помимо рѣдко примѣнявшихся розогъ, цѣль наказаній, начинаясь съ оставленія безъ отпуска на воскресенье, оканчивалась заточеніемъ въ карцерь. Впрочемъ, и эта кара не была особенно сурова, такъ какъ узникъ не вполнѣ лишался возможности сноситься съ товарищами, оставшимися на свободѣ.

Директоромъ гимназіи былъ въ то время Викентій Викентьевичъ

Игнатовичъ, а инспекторомъ Василій Степановичъ Бардовскій. Оба они были люди добрые и жили между собою въ ладу, хотя и не во всемъ были согласны другъ съ другомъ. Директоръ, грузный и уже пожилой господинъ, лишь изрѣдка появлявшійся въ средѣ гимназистовъ, принималъ передъ ними наспущенный и внушительный видъ, съ цѣлью внѣдрить своей паствѣ должное уваженіе къ его авторитету. Но всѣ мы знали, что за этою торжественною внѣшностью кроется добрѣшая душа, неспособная къ суворости и несправедливости. Дѣтскій инстинктъ вообще трудно обмануть; поэтому даже новички—не говоря уже о воспитанникахъ старшихъ классовъ—легко постигали слабость директора, заключавшуюся въ стремлениі къ тому, чтобы мальчики считали его грозою. Слабости этой мы охотно потакали, дѣлая видъ, будто и въ самомъ дѣлѣ считаемъ его грозой. Бывало, при появлениі его въ коридорѣ, мы демонстративно притихали въ классахъ, мимо которыхъ онъ проходилъ; и сквозь стеклянныя двери намъ было видно, какъ онъ шествуетъ, строгий, величавый и довольный произведеніемъ впечатлѣніемъ, держа, по обыкновенію, въ руکѣ распущенный фулярный пакетъ и табакерку.

Инспекторъ держалъ себя гораздо проще. Онъ былъ прекрасно образованъ, но характеръ имѣлъ вспыльчивый и легко впадать въ тонъ «распекаля». Приземистый и плотный, онъ имѣлъ памятную всѣмъ его питомцамъ привычку съ рѣшительнымъ видомъ обдергивать книзу свой жилетъ, ухвативъ его за нижній край; при этомъ онъ такъ пристально смотрѣлъ въ глаза распекаемому, что тотъ такъ и ждалъ: еще минута—и послѣдуетъ наказаніе. Но дѣло почти всегда оканчивалось иначе: нашумѣвъ и едва не оборвавъ на себѣ жилета, Василій Степановичъ стихалъ и со словами: «Какъ вамъ не стыдно!» отходилъ въ сторону, оставилъ провинившагося въ состояніи сильного конфузца. Въ отличіе отъ директора, говорившаго намъ «ты», инспекторъ держался съ нами на «вы». Директоръ особенно цѣнилъ въ воспитанникахъ благонравіе и почтительность, въ связи съ шаблонными «успѣхами въ наукахъ»; инспекторъ же ставилъ выше всего въ мальчикахъ прямодушіе, честность и самостоятельность сужденія. Наиболѣе правдивыхъ онъ даже никогда не «распекалъ», а вмѣсто того вступалъ съ ними въ собесѣданія, стараясь взять логикой.

Мы всѣ жили въ интернатѣ: такъ-называемыхъ «приходящихъ» воспитанниковъ тогда еще не было. Мы проводили всю недѣлю въ гимназіи, а въ субботу, по окончаніи уроковъ, насы распускали по домамъ до утра понедѣльника. Отпускали, однако, только тѣхъ, за которыми присыпаема была изъ-дома прислуга, въ качествѣ провожатаго; безъ провожатаго не пускали даже учениковъ старшаго (VII) класса, хотя между ними были тогда великовозрастные малые. Смѣшино было смотрѣть,

какъ иной изъ нихъ, высокорослый и сильный, выходилъ на улицу въ сопровождениі какой-нибудь двѣнадцатилѣтней дѣвчонки, присланной за нимъ родителями. Какъ нарочно, самая маленькая дѣвочка приходила обыкновенно за самымъ рослымъ семиклассникомъ Л., славившимся на всю гимназію необычайною физическою силой и уже брившимъ себѣ бороду. Мы всѣ знали объ его подвигѣ съ казенной кочергою, которую онъ однажды изогнула въ спираль. Дежурный надзиратель (губернеръ), принявъ такой небывалый поступокъ за преступленіе, представилъ *copius delicti* инспектору. Очевидцы разсказывали, какъ В. С. Бардовскій—человѣкъ тоже необыкновенной силы—прибылъ съ кочергою въ классъ и, распекая Л., уже не обдергивалъ на этотъ разъ жилета, а силился выпрямить спираль. Л. сосредоточенно смотрѣлъ на его тщетныя попытки и, убѣдившись въ ихъ безплодности, спокойно пробасилъ:

— Позвольте, Василій Степановичъ, я расправлю.

И, къ изумленію присутствовавшихъ, въ самомъ дѣлѣ выпрямилъ кочергу. Василій Степановичъ только плечами пожалъ и даже не сказалъ обычнаго: «Стыдно!»

И за такимъ-то господиномъ присылали по субботамъ маленькую дѣвочку; установленного правила нельзя было нарушить.

Уже одна эта нелѣпость должна была заронить въ умахъ воспитанниковъ сомнѣніе въ доброкачественности гимназическихъ порядковъ. И дѣйствительно, чѣмъ ближе ознакомлялись мы, новички, съ подробностями гимназического быта, тѣмъ больше развивалась въ насъ склонность относиться ко многимъ изъ нихъ иронически. Такое же отношеніе вызывали къ себѣ и наши преподаватели, чего не должно бы быть въ надлежаще устроенному учебномъ заведенію. Учительскій персоналъ въ младшихъ и старшихъ классахъ былъ у насъ далеко не однороденъ и, говоря вообще, не особенно доброкачественъ. Только потомъ, съ переходомъ въ старшее отдѣленіе, намъ довелось встрѣтить прекраснаго преподавателя, въ лицѣ известнаго впослѣдствіи педагога и писателя Вас. Ив. Водовозова; но о немъ скажу послѣ. Большинство учителей относились къ своей задачѣ чисто формально, какъ-бы слѣдя поговоркѣ: «Отзовониль—и съ колокольни долой»; это были, скорѣе, чиновники, чѣмъ учителя. Въ первомъ классѣ только одинъ изъ преподавателей отдавался со страстью своему дѣлу, но зато и былъ онъ лишь учителемъ чистописанія. Онъ съ увлечениемъ выводилъ передъ нами на классной доскѣ красивыя строки и, сочетая практику съ теоріей, старался убѣдить насъ, что каллиграфъ почти то же, что художникъ. Наиболѣе искусныхъ изъ учениковъ онъ поощрялъ подарками, давая имъ въ награду тетрадки, на которыхъ собственноручно дѣлалъ золотыми чернилами надписи, окруженные затѣйливыми завитушками. Его можно помянуть добрымъ словомъ хоть за усердіе и за искреннее стремленіе

подѣлиться съ нами своими скромными знаніями; о другихъ же учителяхъ младшихъ классовъ даже и этого нельзя было бы сказать по чистой совѣсти. Учитель ариѳметики почему-то относился къ намъ особенно недружелюбно и, кажется, главною своею задачей считалъ улавливаніе учениковъ въ незнаніи урока, какъ бы «подсиживаніе» ихъ. Бывало, вызванный къ доскѣ излагаетъ заданное, какъ умѣеть, а учитель молча слушаетъ, не дѣля никакихъ поправокъ, если замѣтитъ ошибку. Слушаетъ-слушаетъ и вдругъ неожиданно: «На мѣсто. Единица!» И даже какъ будто радъ слушаю огорчить мальчика. Географіи обучалъ настѣ высокій старикъ изъ семинаристовъ, сумрачный въ ранніе часы, но весельчакъ и шутникъ на урокахъ, приходившихся послѣ завтрака: тутъ онъ острилъ, юмористически переиначивая фамиліи учениковъ, пересыпалъ свои разсказы по учебнику поясненіемъ географическихъ названій и проч. Я и теперь еще помню, съ его словъ, что Патагонію правильнѣе было бы называть «Потогоніею», потому что тамъ очень жарко. Если на урокъ случалось зайти директору или инспектору, учитель прерывалъ свой разсказъ на полусловѣ и начиналъ «спрашивать», вызывая, впрочемъ, только лучшихъ учениковъ, чтобы показать товаръ лицомъ. И если, глядя на него и на нѣкоторыхъ другихъ учителей, также прибѣгавшихъ къ такому приему, не всѣ мы усвоили склонность къ мошенническимъ повадкамъ, то въ этомъ ничуть не виновны эти учителя: они дѣлали въ этомъ отношеніи, сколько умѣли, но не могли же они развратить всѣхъ до единаго. Несомнѣнно, однако, что, благодаря ихъ примѣру, среди настѣ развился своего рода спортъ, заключавшійся въ томъ, чтобы, не зная урока, обмануть преподавателя. Въ этомъ отношеніи гимназисты, чѣмъ старше, тѣмъ становились изобрѣтательнѣе и изворотливѣе; нѣкоторые доходили даже прямо до наглаго надувательства, чѣмъ и похвалялись передъ товарищами. Придуманъ былъ также способъ и совсѣмъ освобождать себя на нѣкоторое время отъ всякихъ занятій: желающіе сказывались больными и поступали въ гимназический лазаретъ, благо нашъ докторъ, изъ военныхъ врачей, принималъ всѣхъ безъ разбора. Онъ, кажется, даже бывалъ доволенъ появленіемъ каждого новаго пациента, быть можетъ, стыдясь получать жалованье совсѣмъ ужъ даромъ. Въ медицинѣ онъ, повидимому, былъ очень несиленъ и почти всѣмъ прописывалъ одно и то же излюбленное имъ средство: какую-то «зеленую мазь». По его указанію, на дощечкѣ надъ постелью мнимо-больного фельдшеръ выставлялъ обыкновенно традиціональя слова: «*Febris catarrhalis*», которыя у гимназистовъ произносились, впрочемъ, нѣсколько иначе, а именно «фебрисъ притворя-лісь». Большею частью, искавши въ лазаретѣ отдыха выписывались оттуда къ субботѣ совершенно «выздоровѣвшими». Ничего подобнаго я не видалъ ранѣе, въ пансіонѣ Гершельмана.

Собственно воспитательная часть находилась тоже не въ очень искусныхъ рукахъ. Воспитателей или гувернеровъ, какъ у насъ называли ихъ, было четверо и все разныхъ национальностей: русскій, нѣмецъ, престарѣлый французъ, года черезъ два послѣ моего поступленія замѣненный другимъ французомъ же, и нѣкій сленообразный господинъ неизвѣстного племени: его считали остзѣйцемъ, фамилію же онъ носилъ итальянскую. Всѣ эти люди могли бы, вѣроятно, оказаться полезными на другихъ поприщахъ, но совершенно не годились въ воспитатели. Въ число ихъ обязанностей входило, между прочимъ, наблюденіе за нами во время вечерняго подготовленія къ урокамъ слѣдующаго дня, и они слѣдили за соблюденіемъ тишины—и только; помочи въ случаѣ затрудненій въ занятіяхъ мы отъ нихъ не ждали, да они и не могли бы оказать ее намъ по скучности своего образованія. Дряхлый французъ обыкновенно дремалъ надъ какою-нибудь книгой о Наполеонѣ I, котораго боготворилъ, хотя и покинулъ въ 1812 г., навсегда оставшись въ Россіи. Онъ, вѣроятно, могъ бы кое-что порассказать намъ о своей службѣ въ великой арміи, но никогда не разсказывалъ; быть можетъ, у него все уже спуталось или потускнѣло въ памяти. Другой французъ, мосье Робэнъ, впослѣдствіи смѣнившій старца, даже и читать не любилъ, а случайные разговоры обыкновенно сводилъ на свою жену, служившую въ кордебалетѣ. Мы любили его только за то, что въ его дежурство намъ полагалось ходить поутру въ баню, куда онъ и водилъ насъ, причемъ съ истиннымъ сладострастіемъ мылся сѣрымъ казеннымъ мыломъ. Баня помѣщалась въ ближайшемъ къ гимназіи переулкѣ, который носилъ тогда название Баннаго. И переулокъ, и баня были прескверные, но мы охотно ходили туда, такъ какъ эти прогулки вносили нѣкоторое разнообразіе въ наше житѣе. Миѣ живо вспоминаются онъ. Раннее, сѣре, туманное утро; на улицахъ еле мерцаютъ догорающіе масленые фонари на деревянныхъ столбахъ. Впереди, поднявъ воротникъ своего короткаго пальто, шествуетъ мелкими шажками маленький, толстенький мосье Робэнъ, а за нимъ идемъ мы, малыши, попарно, въ радостномъ настроеніи по случаю экстренной экскурсіи. Изъ насъ знающіе по-французски припѣваютъ сложенную *ad hoc* пѣсеньку:

Ce beau matin,
Nous allons au bain
Avec Monsieur Robin!

Весело и намъ, весело и недалекому французу, счастливому отъ предвкушенія удовольствія въслать помыться казеннымъ мыломъ.

Русскій гувернеръ, робкій, застѣнчивый, повидимому загнанный судбою молодой человѣкъ, совершенно стушевывался въ нашей толпѣ и не пользовался въ нашей средѣ ни малѣйшимъ авторитетомъ, такъ что не

имѣль и значенія въ качествѣ воспитателя. Почти то же можно сказать и о нѣмцѣ, котораго мы прозвали Вороной, въ виду его поразительного сходства съ этою птицей. Ворона терпѣливо отбывалъ свои дежурства, относясь къ нимъ единственно какъ къ службѣ, которая доставляла ему пропитаніе. Скудныя средства свои онъ пополнялъ тѣмъ, что, состоя также гимназическимъ библиотекаремъ, ставилъ въ счетъ выпускнымъ воспитанникамъ якобы утерянныя ими, въ продолженіе курса, книги; сумму этихъ фантастическихъ счетовъ онъ соразмѣрялъ со средствами каждого, правильно соображая, что на радостяхъ никто изъ выпускныхъ ни спорить, ни торговаться не станетъ.

Хуже всѣхъ былъ гувернеръ съ итальянскою фамиліей. Этотъ принадлежалъ уже прямо къ противному типу дѣльцовъ, вносящихъ распustившемуся на Руси столь пышнымъ цвѣтомъ. Французъ, нѣмецъ и русскій, унимая наль шумъ, видѣли въ этомъ исполненіе своей обязанности; господинъ же съ итальянскою фамиліей не допускалъ шума только потому, что онъ мѣшалъ ему писать дѣловыя письма и бумаги, которымъ онъ посвящалъ вечера своихъ дежурствъ. Черствый, сухой, мстительный по натурѣ, онъ смотрѣлъ на дѣтей, какъ на неизбѣжное зло, которое поневолѣ приходится выносить. Мы никогда не слышали отъ него ничего, кроме командныхъ словъ, очень умѣстныхъ на плац-парадѣ, но ненужныхъ въ учебномъ заведеніи, и рѣшительно всѣ терпѣть его не могли. Вся повадка его нисколько не отвѣчала общепринятому представлению о педагогѣ. Поступь спесивая: голова назадъ, животъ впередъ, походка въ развалку, огромная плоскія ступни носками вмѣстѣ. При томъ, и голосъ рѣзкій, какъ трубный звукъ. Занимался онъ какими-то выгодными дѣлами, доставившими ему впослѣдствіи хорошія средства къ жизни; должностность же воспитателя, очевидно, служила ему только переходною ступеню къ дальнѣйшей карьерѣ.

Почти всѣ эти лица оставались нашими гувернерами въ теченіе всѣхъ семи лѣтъ гимназического курса; но если бы ихъ и вовсе не было, мы ничего не потеряли бы, потому что заимствоваться отъ нихъ намъ было нечѣмъ. Гораздо полезнѣе ихъ были, пожалуй, для насъ наши «дядьки»: тѣ хоть чистили намъ сапоги и платье. На старшемъ отдѣленіи (съ IV класса) вмѣсто москвича Робэна появился новый гувернеръ, полуфранцузъ, полунѣмецъ, воспитавшійся въ Россіи и свободно говорившій по-русски. Онъ былъ молодъ, подвиженъ и болтливъ, но никогда не говорилъ съ нами по-французски, почему не могъ быть полезенъ намъ и со стороны практики въ этомъ языкѣ. Кстати замѣчу, что преподаваніе иностраннныхъ языковъ было поставлено въ нашей гимназіи нисколько не лучше, чѣмъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, кроме привилегированныхъ. Кто поступалъ въ гимназію безъ знанія языковъ, тотъ не научался имъ и къ оконченію курса, едва успѣвая достигнуть,

съ грѣхомъ пополамъ, умѣнія ошибочно читать по-немецки и по-французски и еще ошибочнѣе понимать прочитанное.

Другіе «предметы» преподавались также далеко неблестяще и въ младшихъ, и въ старшихъ классахъ. Не было учителей, которые хотѣли или умѣли бы заинтересовать насъ своимъ «предметомъ», а потому и все ученіе представлялось намъ формальностью, которую мы, по непонятному капризу начальства, должны выполнять. Представлялось не-понятнымъ, для чего намъ нужно знать алгебру, тригонометрію, латинскій языкъ и т. д., о которыхъ никогда не бываетъ и помина въ бесѣдахъ нашихъ взрослыхъ родственниковъ и знакомыхъ. Поэтому учились мы вяло, механически, какъ-бы отбывая повинность. Если мы и принимали на вѣру общепринятую истину, что каждый долженъ стремиться къ образованію, то все же оставалось неяснымъ, почему для этого необходимо знать «предметы», на нашъ взглядъ, никому ненужные. Самый способъ преподаванія ихъ внушалъ намъ большія сомнѣнія. Учителя, держась программы, сухо излагали въ классѣ, что положено, а потомъ «спрашивали» и ставили отмѣтки—только и всего. Не знаешь урока—вотъ тебѣ елиница (по школьной терминологіи «коль» или «дубина»), а дальше разбираися самъ, какъ умѣшишь. Но какъ разобраться, когда сразу не понялъ, а дальнѣйшихъ объясненій не даютъ? Конечно, отсталыхъ оказывалось очень много.

Въ числѣ другихъ, вспоминается мнѣ учитель исторіи—предмета очень благодарнаго въ воспитательномъ отношеніи. Толстенький, чисто-плотный господинъ въ туго накрахмаленныхъ воротничкахъ; ни дать, ни взять—сытый, самодовольный купчикъ. Войдетъ изысканно, почти кокетливою походкой, какъ-бы пританцовыя на гибкихъ щиколкахъ; сядетъ за каѳедру, аккуратно расправивъ фалды вицмундира и, послѣ обычной переклички и записи отсутствующихъ, раскроетъ на пюпитрѣ печатный учебникъ. Затѣмъ, граціозно подперевъ подбородокъ выхолленную рукой съ бирюзовымъ колечкомъ на мизинцѣ, начинаетъ читать по книгѣ, дѣлая видъ, будто говорить «своими словами». Ни поясненій, ни эпизодическихъ вставокъ для оживленія скучнаго и сухого рассказа учебника, вообще—ничего «посторонняго». «Сpartанцы дрогнули и отступили»—слово въ слово какъ въ книгѣ. Въ слѣдующій же урокъ происходитъ уже «спрашиваніе».

— Тихоновскій, вы разскажите!

А у Тихоновскаго отъ всего урока только и осталось въ головѣ, что спартанцы дрогнули и отступили; но онъ понимаетъ, что на этомъ далеко не уѣдешь, а потому сосредоточенно молчитъ до тѣхъ поръ, пока не получить единицы, послѣ чего мрачно опускается на скамью. А учитель вызываетъ уже другого:

— Тубановъ, вы разскажите!

Тубановъ, ловко считывая съ заслоненной тетрадью книгу, кое-какъ передаетъ урокъ. Потомъ еще два-три вызванныхъ, а тамъ и звонокъ: урокъ, слава Богу, конченъ. Чтобъ ему пусто было!

IV.

Демократизация состава гимназій.—В. И. Водовозовъ, какъ наставникъ.—М. А. Языковъ и его комиссіонерская контора.—Селеніе Стеклянного Завода.—Незаурядная дѣвушка.

Время шло и съ каждымъ годомъ свободнѣе стали проникать въ стѣны гимназіи отголоски усиливавшагося въ обществѣ преобразовательнаго движения. Возвращаясь изъ воскреснаго отпуска, многіе изъ насъ приносили различныя вѣсти, отражавшія настроеніе взрослыхъ. Кое-что оставалось для насъ неяснымъ, но, въ общемъ, чувствовалось дуновеніе чего-то свѣжаго, явившагося на смѣну крѣпостническимъ понятіямъ. Слухи о готовившейся крестьянской реформѣ давали обильную пищу нашей отроческой мысли, расширяя нашъ умственный кругозоръ. Къ тому же и самыі составъ воспитанниковъ существенно освѣжилъся притокомъ нового элемента, въ лицѣ «приходящихъ», приемъ которыхъ въ гимназію былъ допущенъ около этого времени, отчасти, благодаря, настоящимъ нашего почтеннаго инспектора, В. С. Бардовскаго. Онъ былъ горячимъ сторонникомъ допущенія вольноприходящихъ, безъ всякихъ сословныхъ ограниченій, и успѣлъ отстоять свою мысль. Столь знаменитаго впослѣдствіи «кухаркина сына» мы еще не видѣли—въ ту пору онъ еще не успѣлъ народиться, но въ нашей, до тѣхъ поръ исклучительно дворянской средѣ начали появляться дѣти разночинцевъ, мѣщанъ и мелкихъ купцовъ. Само собою разумѣется, что это не могло не способствовать демократизации нашихъ понятій. Чрезъ товарищей-плебеевъ, мы стали знакомиться съ разными сторонами жизни, до тѣхъ поръ мало или слишкомъ поверхностно известными намъ. Съ другой стороны, и плебеи почерпали отъ насъ немало такого, чего не почерпнули бы въ окружавшей ихъ житейской обстановкѣ. Въ этомъ отношеніи происшедшее въ стѣнахъ гимназіи «сліяніе сословій» было очень полезно для обѣихъ сторонъ и вполнѣ отвѣчало господствовавшимъ тогда въ публикѣ стремленіямъ. Къ тому времени, когда я былъ уже въ V классѣ, среди моихъ товарищѣй можно было уже по пальцамъ сосчитать тѣхъ, которые еще не успѣли освободиться отъ нѣкоторыхъ, привитыхъ имъ съ дѣтства сословныхъ предразсудковъ. Я помню, какое презрѣніе, смѣшанное съ негодованіемъ, вызывалъ въ насъ воспитан-

никъ VI класса Г., которому крѣпостной человѣкъ его отца, жившій въ Петербургѣ на оброкѣ, приносилъ раза два въ годъ по парѣ сапогъ, въ видѣ дани. Г., щеголеватый и очень занятый своею наружностью юнецъ, принималъ приношеніе, какъ должное, и даже, не говоря ни слова благодарности, сухо отпускалъ бѣднаго сапожника, имѣвшаго скорбный видъ тогдашняго угнетеннаго городскаго ремесленника. Мы корили Г. даровыми сапогами, дразнили его «побиушкой» и всячески досаждали ему; онъ выходилъ изъ себя и видимо страдалъ отъ насмѣшекъ, но отказаться отъ дани не рѣшался: бѣднага слишкомъ любилъ щеголять «собственными» сапогами, на высокихъ каблукахъ, такъ выгодно отличавшимися отъ грубо стачанныхъ казенныхъ. Помню также, какъ сторонились многіе изъ насъ отъ другого воспитанника старшаго класса, похвалявшагося тѣмъ, что братъ его служитъ квартальныемъ надзирателемъ и можетъ получать изъ лавокъ даромъ все, чѣмъ захочетъ.

Припоминая обстоятельства, способствовавшия въ гимназіи нашему умственному и нравственному развитію, не могу не упомянуть съ горячею признательностью объ учителѣ русской словесности въ старшихъ классахъ, покойномъ Вас. Ив. Водовозовѣ. Память этого прекраснаго наставника, яувѣренъ, чтится многими изъ его бывшихъ учениковъ. Однаково простой въ обращеніи, какъ съ нами, такъ и съ гимназическимъ начальствомъ, онъ былъ для насъ, прежде всего, образцомъ нравственной порядочности. Живая, увлекательная рѣчь его на урокахъ (которые онъ, чтобы поднять насъ въ собственныхъ глазахъ, называлъ «лекціями») привлекала къ себѣ вниманіе всего класса. Даже облынившіеся и опустившіеся ученики, въ другіе часы предпочитавшіе играть на заднихъ скамьяхъ подъ столомъ въ шашки—и тѣ охотно прислушивались иной разъ къ словамъ Василия Ивановича. Голосъ его былъ неособенно пріятенъ и походилъ на кряканіе, да и наружность Водовозовъ похвалиться не могъ; но когда, истолковывая намъ какое-нибудь литературное произведеніе, онъ прочитывалъ отрывки изъ него, снабжая ихъ пространными объясненіями, мы жадно слушали его. Онъ обладалъ даромъ освѣщать разбираемое произведеніе съ такою яркостью, что достоинства или слабыя стороны его становились видны слушателямъ, какъ на ладони. Онъ умѣлъ захотить насъ къ самостоятельному прочтению всей вещи, отрывки изъ которой прочитывалъ на урокѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заронить въ сердце слушателя то эстетическое чутье, при отсутствіи котораго красоты произведенія остаются незамѣченными читателемъ. На урокѣ онъ весь уходилъ въ излагаемый предметъ, говорилъ съ увлеченіемъ и, вѣроятно, не замѣчалъ ничего вокругъ себя, хотя и смотрѣлъ на насъ сквозь очки расширенными глазами. Его возбужденное настроеніе передавалось и намъ, и, по окончаніи урока, почти у

каждаго изъ насть оставалось пріятное впечатлѣніе живой умственной работы. Но Василій Ивановичъ, помимо своихъ увлекательныхъ лекцій, заботился еще и о томъ, чтобы пріучить насть къ самостоятельному труду. Онъ задавалъ намъ темы для сочиненій, заставляя насть писать разборы литературныхъ произведеній, дѣлать описанія видѣннаго нами въ жизни и т. п. Работы эти часто служили ему потомъ канвою для новой блестящей «лекціи». Рутиннаго «спрашиванія» онъ избѣгалъ, но по двумъ-тримъ вопросамъ, сдѣланнымъ какъ бы мимоходомъ, всегда умѣлъ опредѣлить степень познаній и развитія каждого изъ своихъ учениковъ. Охотою къ чтенію, распространившееся между нами въ старшихъ классахъ, многіе изъ насть были обязаны преимущественно вліянію Водовозова. Изъ всѣхъ учителей только ему одному обязаны мы были также и тѣмъ, что уже на полпути гимназического курса въ насть начали слагаться опредѣленныя этическія начала. Надо прибавить, что онъ едва-ли не первый напаль на мысль о важномъ значеніи выразительного чтенія. Съ цѣлью научить насть ему, онъ давалъ намъ разъучивать мѣста изъ произведеній Гоголя, которыхъ мы и разыгрывали въ лицахъ¹⁾.

Подъ вліяніемъ «лекцій» Василія Ивановича, никогда не ограничивавшихся рамками ихъ непосредственного предмета, въ головахъ нашихъ объединялись и осмысливались тѣ впечатлѣнія, которыя мы получали въ стѣнѣ гимназіи въ свободные отъ чтенія дни. Въ этомъ отношеніи я многимъ обязанъ также и моему дядѣ, который, по мѣрѣ моего подвигавшагося развитія, все чаще вступалъ со мною въ собесѣданія. Кромѣ того, немало пользы принесло мнѣ посѣщеніе нѣсколькихъ другихъ домовъ, особенно же дома Михаила Александровича Языкова, небезызвѣстнаго по литературнымъ воспоминаніямъ Панаева, который былъ его школьнѣмъ товарищемъ и приятелемъ. Языковъ былъ отнюдь не дюжинною натурой. По происхожденію, онъ принадлежалъ къ старинному барскому роду и получилъ соотвѣтственное воспитаніе. Въ характерѣ его были, однако, нѣкоторыя черты, не часто встрѣчавшіяся въ средѣ тогдашніхъ помѣстныхъ дворянъ. Живой и подвижный, несмотря на нѣкоторую тучность, онъ весь проникнутъ былъ духомъ почина и склоненъ ко всякому новшеству, носившему въ себѣ признаки свѣжихъ началь. Нельзя сказать, чтобы склонность эта была у него плодомъ продуманныхъ убѣжденій; скорѣе, она обусловливалаась просто впечатлительностью его натуры. Онъ имѣлъ обширныя связи въ различныхъ кругахъ, преимущественно же въ высшемъ служебномъ,

¹⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ достойномъ человѣкѣ сообщены въ книгѣ В. И. Семевскаго „Вас. Ив. Водовозовъ. Біографический очеркъ“. Спб., 1888 г.

вездѣ былъ любимъ, какъ остроумный и пріятный собесѣдникъ; общительности его, быть можетъ, способствовало и то, что въ немъ не было принципіальной прямолинейности, исключающей слишкомъ большое разнообразіе знакомствъ. Свѣтское воспитаніе сдѣлало изъ него человѣка покладистаго, способнаго внѣшнимъ образомъ мириться съ явленіями, которыхъ онъ въ глубинѣ души не одобрялъ, и относиться пассивно къ воззрѣніямъ, которыхъ раздѣлять не могъ, обладая яснымъ умомъ и добрымъ сердцемъ. Бывая въ «свѣтѣ», гдѣ онъ имѣлъ не мало родственныхъ связей, онъ отдавалъ, однако, предпочтеніе обществу людей литературного и артистического склада. Въ концѣ сороковыхъ годовъ въ просторной квартирѣ его на Троицкомъ подворьѣ частенько собирались литераторы и ученые, принадлежавшіе или примыкавшіе къ кружку Бѣлинскаго. Молодые, начинающіе писатели нерѣдко впервые встрѣчались и знакомились здѣсь съ тогдашними вожаками литературы. Здѣсь неразъ раздавались горячія рѣчи Бѣлинскаго, слышались блестящѣ-остроумные выходки Герцена, и въ пылкихъ спорахъ отшлифовалась, вѣроятно, не одна дѣльная мысль. Не было почти ни одного сколько-нибудь замѣтнаго литератора, съ которымъ Языковъ не былъ бы знакомъ болѣе или менѣе близко, и остается только пожалѣть, что онъ не оставилъ послѣ себя записокъ.

Около того времени, когда я, еще ребенкомъ лѣтъ шести-семи, бывалъ съ родителями на Троицкомъ подворьѣ, Языковъ, одержимый, какъ уже сказано, стремленіемъ къ новшествамъ, сдѣлалъ смѣлый шагъ, сильно повредившій ему въ глазахъ «свѣта». Продавъ свое наследственное имѣніе, онъ основалъ первую по времени въ Россіи коммисіонерскую контору, съ цѣлью снабженія провинцій всевозможными товарами, справками и т. п. При тогдашнемъ жалкомъ состояніи торговли въ провинціальныхъ населенныхъ пунктахъ, при бездорожью и скучности газетъ, нынѣ разносящихъ во всѣ углы массы всякихъ объявлений, предпріятие это имѣло особенно цѣнное значеніе для провинціаловъ, тѣмъ болѣе, что во главѣ его были поставлены знающіе люди изъ интеллигентнаго круга. Но во мнѣніи «свѣта» дѣло это было недостойно дворянина, и на Языкова многіе стали смотрѣть косо за его неумѣстный починъ; потомственный дворянинъ въ роли купца казался прямо непристойностью. Смѣлый инициаторъ нашелъ, однако, въ себѣ достаточно мужства, чтобы пренебречь предразсудкомъ. Контора (если не ошибаюсь, подъ фирмой «Дѣятельность») была открыта у Аничкина моста, на углу Невскаго и Фонтанки, и дѣла ея сразу пошли превосходно: справки всякаго рода, заказы, предложенія посыпались со всѣхъ сторонъ Россіи, какъ только свѣдѣнія о небыва-ломъ учрежденіи достаточно распространились. Поступали просьбы о рекомендациіи учителей и гувернантокъ, получались заказы на дамскіе

костюмы и шляпки, съ сообщенiemъ о цвѣтѣ волосъ и тѣлосложеніи за-казицъ и съ просьбами подобрать вещь «къ лицу»; выписывались сѣ-мена, книги, мануфактурный товаръ, фортепіано, билліарды и т. д. Новинка была слишкомъ заманчива, а денегъ у помѣщиковъ имѣлось тогда достаточно. Заказы, добросовѣстно выбранные и бережно упако-ванные, разсылались гужомъ и водою въ огромныхъ массахъ. Дѣло быстро развивалось; уже конторѣ приходилось зафрахтовывать цѣльные пароходы для доставки въ Петербургъ заграничныхъ товаровъ, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, послѣдовалъ крахъ. Обнаружились крупныя растраты, въ кассовыхъ книгахъ оказались вырванные кѣмъ-то листы... Подозрѣніе пало на управляющаго конторой, интеллигентнаго господина съ служебными и литературными связями; возникли пререка-нія, назначенъ былъ третейскій судъ, въ собраніи которого потрясен-ный Языковъ едва не упалъ въ обморокъ, но дѣло кончилось ничемъ; виновнаго найдено не было, а контора оказалась вынужденнаю ликви-дировать свои дѣла.

Человѣкъ практическій, вѣроятно, съумѣлъ бы еще какъ-нибудь вы-путаться изъ затрудненій и спасти гибнувшее предпріятіе; но Языковъ былъ полною противоположностью практическаго человѣка. Широкій замыселъ, смѣлая фантазія — это было его дѣломъ, практическое же осуществленіе своихъ плановъ онъ постоянно поручалъ другимъ, зная, что самъ онъ на это не годится. Впослѣдствіи, послѣдовательно занимая видныя служебныя должности въ трехъ губернскихъ городахъ, онъ въ каждомъ изъ нихъ оставилъ по себѣ слѣды, свидѣтельствующіе о его неутомимомъ починѣ: въ одномъ городѣ учредилъ клубъ съ читальнею, въ другомъ завелъ общество потребителей (одно изъ первыхъ въ Россіи), въ третьемъ — публичную библіотеку. Хлопотъ по такимъ поводамъ онъ не жалѣлъ: то и дѣло, являлся въ Петербургъ и «ходатайствовалъ». Бывало, всѣхъ на ноги подниметь, всѣ свои связи въ ходъ пустить, а ужъ просимаго добьется, послѣ чего ѳдетъ обратно, довольный и счаст-ливый. Наладивъ дѣло и сдавъ его съ рукъ на руки умѣлымъ людямъ, онъ отстранялся отъ него. Неразъ говоривъ онъ мнѣ послѣ, когда я уже былъ взрослымъ:

— Что же мнѣ было дальше-то мѣшаться? Вѣдь я въ этихъ дѣлахъ рѣшительно ничего и не умѣю, и не понимаю. Еще, пожалуй, напу-таешь.

Такъ же поступалъ онъ и на службѣ. Стоя во главѣ учрежденія, онъ никогда не зналъ подробностей его отправленій и заботился только о томъ, чтобы окружить себя честными, добросовѣстными и знающими сотрудниками. При знаніи людей, онъ рѣдко ошибался въ выборѣ.

Нѣкоторые изъ знакомыхъ Языкова считали его человѣкомъ легко-мысленнымъ и, виня его въ дилеттантизмѣ, снисходительно смотрѣли на

него сверху внизъ; но онъ дѣлалъ (и сдѣлалъ), что могъ и какъ умѣлъ, а строгіе суды его такъ и остались до гроба при одномъ самообольщѣніи собственнымъ глубокомысліемъ. На чьей же сторонѣ тутъ преимущество?

Въ продолженіе гимназического курса я ходилъ въ отпускъ то къ дядѣ, то къ Языковымъ, гдѣ у меня былъ сверстникъ и пріятель, ихъ старшій сынъ. Они жили тогда на Стеклянномъ Заводѣ, директоромъ котораго состоялъ Михаилъ Александровичъ. Теперь отъ Знаменской площади вплоть до Александро-Невской лавры тянутся сплошные ряды высокихъ каменныхъ домовъ и проложены рельсы паровой городской дороги; но въ тѣ годы не только эта часть Невскаго проспекта, но и предшествующая Знаменской площади представляли совершенно другую картину. Начиная отъ Надеждинской улицы, называвшейся тогда Шестилавочною, проспектъ имѣлъ видъ запущенной улицы какого-нибудь провинціального города. Гладкіе фасады старомодныхъ домовъ были выкрашены охрою, и въ нижнихъ этажахъ, вместо нынѣшихъ щегольскихъ магазиновъ, ютились грязные, засоренные лабазы, вонючія мелочныя, шорныя и каретныя лавки, гдѣ сидѣли купцы и прикащики въ чуйкахъ и тулашахъ, ничуть не похожіе на нынѣшихъ франтовъ въ яркихъ галстухахъ. За Николаевскою улицей, по справедливости носившею въ то время лестное название Грязной, начинали уже встрѣчаться накренившіеся сѣрые заборы изъ барочнаго лѣса. Знаменская площадь представляла собою заброшенный пустырь, гдѣ появленіе въ ночную пору сопряжено было съ рискомъ попасть въ руки лихому человѣку. Помимо, площадь не была даже мощена, хотя прилегающій къ ней конецъ Невскаго проспекта уже былъ вымощенъ отборнымъ, крупнѣйшимъ булыжникомъ. На площади, сколько помню, стояла полпцейская будка, изъ которой иногда выходилъ будочникъ и смотрѣлъ на небо, чтобы узнать, какой часъ. Слѣва виднѣлись рѣдкія лачужки Песковъ, нынѣ застроенныхъ и освѣщаемыхъ электрическими фонарями; вправо тянулась вдоль загнившей Лиговки скорѣе деревня, чѣмъ городъ, населенная ямщиками и извозчиками. Малочисленные фонари освѣщали ламповымъ масломъ, которое подвозилъ къ нимъ въ ручной телѣжкѣ обтрепанный фонарщикъ; въ видахъ наибольшаго свѣтowego эффекта, онъ протиралъ фонарныя стекла засаленною тряпкой.

Отъ площади до Лавры дорога шла уже совершенною пустыней. Еслибы не заборы по сторонамъ, нельзя было бы и догадаться, что городъ еще не кончился. Само-собою разумѣется, что по такимъ мѣстамъ я рѣшался ходить на Стеклянный Заводъ только въ дневную пору, а если случались деньги, то предпочиталъѣздить на извозчикъ, чѣмъ, по тогдашнимъ цѣнамъ, обходилось копѣекъ въ двадцать; если же хорошенъко поторговаться, то свезутъ, бывало, и за 17 копѣекъ. Скром-

ной цѣнѣ соотвѣтствовало и устройство извозчичьяго экипажа. Нынѣшихъ пролетокъ тогда еще не водилось; ъздили на длинныхъ дрожжахъ, похожихъ на бѣговыя и называвшихся «гитарою». Мужчины садились на нихъ верхомъ, а дамы бокомъ, свѣсивъ ноги на подножку. Извозчикъ помѣщался на маленькихъ козлахъ; костюмъ его состоялъ изъ деревенскаго армяка, высокой войлочной шляпы (гречаникъ) и рукавицъ; на спинѣ его болталась привѣшенная на ремешкѣ нумерная жестянка въ видѣ бубноваго туза. Поэтому сѣдокъ, когда бывалъ недоволенъ, билъ извозчика не по спинѣ (чтобы не оцарапать руку объ жестянку), а по шеѣ; такъ же поступали и будочники, когда, по ходу событій, требовалось ихъ вмѣшательство. Полицейскіе же офицеры предпочитали бить извозчиковъ прямо по лицу, или, выражаясь техническимъ терминомъ, «по мордѣ». Извозчикъ, съ своей стороны, по тогдашней своей безотвѣтственности, могъ на такие способы воздействиѧ отвѣтить только тѣмъ, что снималъ шляпу и просилъ прощенія: онъ зналъ, что въ кварталѣ съ нимъ обошлись бы еще хуже.

Стеклянный Заводъ, съ его селеніемъ фабричныхъ, являлъ собою прямо захолустье. Мѣстность эта, и нынѣ не могущая похвалиться ни чистотою, ни благоустройствомъ, была въ тѣ времена тиха и малолюдна. Въ жалкихъ домикахъ селенія жизнь шла вяло и безцвѣтно. На улицѣ лишь изрѣдка встрѣчались двое-трое какихъ-нибудь идущихъ по дѣлу прохожихъ, на которыхъ порою залаетъ откуда-нибудь изъ-подъ воротъ соскучившаяся отъ праздности собака. Если, бывало, пріѣдешь на извозчикъ, то въ иномъ окнѣ замѣтишь какое-нибудь женское лицо, интересующееся узнать, кто єдетъ и куда именно проѣдетъ. Совсѣмъ какъ въ деревнѣ.

Языковъ занималъ просторный одноэтажный деревянный домъ, обращенный двумя сторонами къ обширному саду при заводѣ. Семья Михаила Александровича состояла изъ его жены¹⁾, двоихъ (впослѣдствіи пятерыхъ) дѣтей, сестры жены и молодого человѣка, А. А. Попова, впослѣдствіи пріобрѣвшаго извѣтность, какъ художникъ. Въ этомъ домѣ мнѣ бывало несравненно веселѣе, чѣмъ у дяди: здѣсь не было размѣренности въ образѣ жизни, и господствовало оживленіе. Гости бывали часто, и сами Языковы перѣдко выѣзжали, имѣя свой экипажъ. Иногда вмѣстѣ со своимъ старшимъ сыномъ Языковъ возилъ и меня къ своимъ богатымъ и бон-tonнымъ родственницамъ, быть можетъ, съ цѣлью пріучить меня къ свѣтскому обращенію, которое, впрочемъ, такъ и не далось мнѣ. Я ді-

¹⁾ Екатерины Александровны. Она занималась мозаикою и хорошо рисовала. Сохранился прекрасно исполненный ею (карандашомъ) портретъ В. Г. Бѣлинскаго, снятый съ натуры незадолго до его смерти. Знатоки находили въ немъ большое сходство съ оригиналомъ.

чился въ домахъ этихъ дамъ высокаго полета и никакъ не могъ побороть моей застѣнчивости, когда онѣ снисходительно осматривали меня въ лорнетъ. У одной изъ нихъ, пользовавшейся вліяніемъ и почетомъ, вслѣдствіе близости ея къ нѣкоему высокому сановнику, былъ «салонъ», куда собирались именитыя лица, дипломаты и люди, искашіе карьеры; квартира ея была роскошно убрана, и чай разносилъ статный арапъ въ бѣлоснѣжныхъ воротничкахъ. Его сверкавшия по временамъ зубы занимали меня гораздо больше, чѣмъ сама хозяйка и ея аристократические гости. Съ дѣтьми послѣднихъ, разодѣтыми, какъ куколки, и уже достаточно усвоившими великосвѣтскія манеры, я сойтись не могъ по слишкомъ большому различію между нашими вкусами и привычками, хотя бы еще и дѣтскими. Словомъ, я не любилъѣздить въ эти дома и бывалъ доволенъ, когда меня туда не брали.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ я становился старше, я началъ въ посѣщеніяхъ семьи Языковыхъ находить новый интересъ. Все чаще началъ я заходить въ отдаленную комнату, где, среди груды книгъ и неописуемаго беспорядка, жила сестра г-жи Языковой, милая и добрая Элликонида Александровна Б. Тамъ проводилъ я долгіе часы, слушая ея нескончаемые разсказы и объѣдаясь вареньемъ, которое она мастерски варила. Элликонида Александровна была преоригинальная личность. Дѣвушка лѣтъ двадцати, бойкая и подвижная, съ большими живыми черными глазами и свѣжимъ смѣхомъ въ минуты веселаго настроенія, она легко могла бы сдѣлать хорошую «партію», еслибы мысли ея были направлены въ эту сторону. Не одинъ изъ молодыхъ людей, бывавшихъ въ домѣ Языкова, втайне питалъ нѣжное чувство къ этой дѣвушкѣ, ходившей, по державшейся еще тогда модѣ, въ букляхъ; говорить, даже степенный и вялый Ив. Ал. Гончаровъ увлекся ею на столько, что едва не сдѣлалъ ей предложеніе. Но она не думала о замужествѣ: ей хотѣлось учиться. Лѣтъ восемнадцати она, продавъ свою долю имѣнія, отправилась въ Парижъ, посѣщала Сорбонну и, вернувшись потомъ въ Петербургъ, продолжала свои разностороннія учебныя занятія. Работая одна, безъ руководителя, она не съумѣла систематизировать свое ученіе, но все же развила свой ясный отъ природы умъ и выработала себѣ опредѣленные взгляды. Но главною чертою ея натуры была необыкновенная доброта и отзывчивость къ чужой нуждѣ. Никто не съумѣлъ бы съ такою нѣжностью и съ такимъ тактомъ ободрить унывающаго, поддержать ослабѣвшаго, одушевить равнодушнаго, словомъ—«подковать» человѣка, если можно такъ выразиться. Однако, при всемъ томъ, на нее находили порою припадки взбалмошности, какимъ-то чудомъ уживавшейся въ ней съ разсудительностью и высокою гуманностью. Быть можетъ, въ этомъ сказалась настѣнчивость помѣ-

щичьей среды, изъ поколѣнія въ поколѣніе рождавшей самовластные характеры.

Привычки Элликониды Александровны были крайне просты: она готова была довольствоваться самою скучной обстановкой, самою скромною пищей, не говоря уже объ одѣяніи, которое очень мало занимало ее. Впослѣдствіи, когда она рѣшила начать трудовую жизнь и поселилась отдельно отъ Языковыхъ, никто по образу жизни и одеждѣ не призналъ бы въ ней бывшей помѣщицы. При своихъ родственныхъ связяхъ въ «свѣтѣ», она, конечно, могла бы заручиться хорошо оплачивающей работой, дорогими уроками; но она, совершенно чуждая корыстолюбивыхъ помысловъ, всю жизнь свою довольствовалась малымъ заработкомъ, давая уроки преимущественно дѣтямъ семей средняго класса, а вмѣстѣ съ тѣмъ обучая безвозмездно и нѣсколькихъ дѣтей бѣдняковъ. Одно время она занималась съ дочерью одной изъ своихъ богатыхъ родственницъ и жила у послѣдней; но какъ ни желала эта родственница доставить наставницѣ дочери всѣ удобства роскошной жизни, Элликонида Александровна избрала себѣ для жилья двѣ тѣсныя каморки въ дальнемъ углу дома и устроилась тамъ по-студенчески.

Работая неустанно, скромно питаясь и часто хворая, она дожила до глубокой старости и умерла въ бѣдности, спокойно озираясь на свою безупречную труженическую жизнь.

V.

Женскіе институты въ концѣ пятидесятыхъ годовъ.—Духъ гимназистовъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.—Шпіонъ въ гимназіи.

По мѣрѣ приближеніи того момента, когда, наконецъ «порвалась цѣль великая», прогрессивныя идеи захватывали все болѣе широкіе круги русского общества. Естественнымъ путемъ проникая въ мужскія учебныя заведенія, они не могли, конечно, не проникнуть и въ женскіе институты, хотя затворнический строй послѣднихъ, казалось бы, долженъ былъ предохранить ихъ отъ «заразы либерализма», какъ выражались поборники старыхъ порядковъ, все еще не хотѣвшіе сдаться и надѣявшихся запрудить хлынувшій потокъ живой воды. Извѣстно, что въ времена институтки, во все продолженіе курса, оставались почти безотлучно въ стѣнахъ своего заведенія. Съ родными они могли видѣться только въ опредѣленные дни, когда допускались на нѣсколько часовъ свиданія съ посѣтителями. Затворническая жизнь подъ ферулою чопорныхъ классныхъ дамъ и начальницы, которую воспитанницы называли своею

«maman», налагала на бѣдныхъ дѣвушекъ своеобразную печать. Теперь едва-ли многие еще помнятъ странный типъ тогдашней институтки, къ счастью отошедшей нынѣ въ область преданій. Выростая, подобно тепличному растенію, за оградой, куда едва-ли проникали отголоски виѣшней жизни, дѣвушки выходили потомъ на свѣтъ Божій нравственными уродцами. Смотря по натурѣ, онѣ являлись въ люди либо ханжами и лицемѣрками, либо существами наивными до невмѣняемости. Совершенное незнаніе людей, романтическая мечтательность и болѣзnenная сентиментальность — таковы были отличительныя черты тогдашней институтки. Каждой изъ нихъ, при вступлениі въ жизнь, приходилось перестраивать за-ново все свое міросозерцаніе, замѣнять привитыя институтскою дрессурой понятія новыми. Главною заботой института было то, чтобы воспитать дѣвушку въ правилахъ прописной морали и соблюсти голубиную чистоту ея помысловъ. Въ этихъ видахъ, въ классахъ дѣлались даже пропуски въ читаемыхъ произведеніяхъ и вносились поправки въ заучиваемыя стихотворенія. Стихи, въ родѣ: «Поднявши хвостъ и разметавши гриву», читались въ измѣненной согласно требованіямъ приличія редакціи: «Поднявши носъ» и т. д. Объ остальномъ, въ томъ числѣ и о снабженіи воспитанницъ нужными въ жизни познаніями, институтское начальство не особенно заботилось. Задача его заключалась въ томъ, чтобы изъ института выходили дѣвушки, окруженныя ореоломъ непорочности, скромныя и стыдливыя, словомъ, такія, про которыхъ въ какой-то опереткѣ поется:

Elle est tellement innocente
Qu'elle ne comprend presque rien¹⁾.

Нетрудно представить себѣ, сколько тяжелыхъ минутъ, сколько потою сердечныхъ мукъ приходилось переживать этимъ дѣвушкамъ, когда, прямо изъ института попавъ въ гувернантки, онѣ со столь жалкою подготовкой оказывались зажатыми въ стальныя клещи обыденной жизни, такъ непохожей на рисовавшуюся ихъ институтскому воображенію!

Но вотъ свѣжій воздухъ, которымъ повѣяло на рубежѣ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ, проникъ и сквозь институтскіе затворы. Новое настроеніе, вторгавшееся туда въ пріемные дни чрезъ родныхъ и знакомыхъ, и появленіе въ институтахъ такихъ учителей, какъ Ушинскій, Милюковъ, Водовозовъ и друг., — все это вдохнуло новую жизнь въ эти заведенія. Я видѣлъ это по моей сестрѣ, которую иногда посѣщалъ по воскресеньямъ. Чѣмъ ближе подвигался я къ окончанію гимназического курса, тѣмъ замѣтнѣе становилась для меня происшедшая въ мысляхъ и чувствахъ сестры перемѣна. Все болѣе спадала съ нея пелена, наброшенная на нее первыми годами пребыванія въ институтѣ. Наив-

¹⁾ Она до того невинна, что почти ничего не понимаетъ.

ная восторженность и пасторальная мечтательность съ каждымъ годомъ замѣтнѣе уступали мѣсто болѣе правильному отношенію къ окружающему. Это ставило насъ обоихъ въ сознательно-дружественные взаимныя отношенія. Вскорѣ обнаружилось, что и со многими изъ однокурсницъ сестры случилась та же метаморфоза. Дѣвушки, еще недавно предававшіяся по-тайному чтенію раздирательныхъ романовъ, обзавелись серьезными книгами, стали осмысленно относиться къ преподаваемымъ по программѣ «предметамъ». Словомъ, тутъ—какъ всегда и вездѣ—оправдалось слово, что тѣмъ не объять свѣта.

У насъ, въ гимназіи, въ 1861 г., когда я перешелъ въ послѣдній (VII) классъ, все шло уже совсѣмъ не такъ, какъ было при моемъ поступлѣніи шесть лѣтъ тому назадъ. Тогда выпускные воспитанники, большую частью великовозрастные (такъ какъ просиживали въ каждомъ классѣ по два года), вмѣняли себѣ въ достоинство свое молодечество, гордились физическою силой, а идеаломъ счастья считали военную службу. Побить слабѣйшаго, безъ нужды оскорбить грубымъ словомъ гувернера или учителя изъ мягкосердечныхъ—это и другія подобныя выходки признавались доблестными поступками. Теперь же, подъ вліяніемъ новаго теченія, все это вывелось: девизомъ стали порядочность, честность и... цивізмъ. Какъ ни смѣшно звучитъ это слово въ примѣненіи къ гимназисту, мы именно ставили себѣ цѣлью сдѣлаться стойкими гражданами, хотя и понимали роль гражданина по-книжному, такъ-сказать, въ отвлеченіи. Мы съ жадностью поглощали статьи руководящихъ критиковъ и публицистовъ въ тогдашнихъ журналахъ, добывали себѣ новѣйшія переводныя книги и старались держаться ужасно серьезными людьми. Намъ казалось, что мы уже совершенно приготовлены ко вступленію въ житейскую борьбу и что насъ совершенно напрасно задерживаются въ гимназіи еще на цѣлый годъ. Начали среди насъ появляться подражатели Базарова, котораго они, впрочемъ, тоже понимали по-своему, чисто съ вѣшней стороны. Пусть все это было дѣтски-нелѣпо и каррикатурно, но грѣшно было бы отнести къ тогдашнему нашему настроенію со злую наемѣшкой: оно родилось изъ чистаго источника, и подъ его покровомъ таились благородныя и безкорыстныя стремленія, во многихъ изъ насъ оставившія по себѣ глубокій следъ на всю жизнь. То была поистинѣ свѣтлая пора нашего существованія, когда мы цѣлкомъ, какъ говорится—всѣмъ нутромъ отдавались одушевлявшимъ насъ идеаламъ добра и справедливости. Въ торжество ихъ—и, притомъ, самое скорое, почти въ непосредственномъ будущемъ—мы слѣпо вѣрили. Помню, что подъ вліяніемъ увлеченія общественными вопросами (понимаемыми, правда, довольно неопределенно и сбивчиво), я даже прекратилъ издававшія мною рукописный сатирическій журналъ, посвященный осмѣшиванію гимназическихъ порядковъ, и началъ

рисовать карикатуры для «Искры». Помещение некоторых изъ нихъ очень льстило моему самолюбію: выходило, какъ будто я уже «служу обществу». Кстати замѣчу, что журналъ мой, гдѣ помѣщались и стихи одного изъ моихъ товарищей, впослѣдствіи ставшаго «сопредакторомъ» журнала, вовсе не былъ изданіемъ подпольнымъ, хотя и выходилъ безъ цензуры гимназического начальства. Вас. Степ. Бардовскій нерѣдко просматривалъ съ улыбкою наши писанія и рисунки и не налагалъ на насъ своего veto.

Завели мы было у себя также кружокъ любителей чтенія, который, впрочемъ, скоро распался: каждый убѣдился, что читать въ одиночку удобнѣе, съ точки зрѣнія затраты времени. Мѣстомъ собраній служила намъ квартира одного товарища, сына миллионера, въ его отцовскомъ домѣ. Мы сходились тамъ въ воскресные вечера; кто-нибудь читалъ избранную книжку, а остальные пили чай и слушали. Впрочемъ, толстякъ Т., послѣ двухъ-трехъ страницъ, обыкновенно впадалъ въ дремоту, заранѣе выпивъ стакана три чая и сѣѣвъ множество сухарей. По окончаніи чтенія, возникали разсужденія и споры по поводу прочитаннаго, причемъ, какъ всюду водится на Руси, пылкія рѣчи легко переходили въ колкости и «личности»; но это не мѣшало дебатамъ быть до извѣстной степени полезными для ихъ участниковъ и слушателей.

Комическую сторону нашихъ собраній составляло то, что мы окружали ихъ болышиою таинственностью. Зная, по слухамъ, что партія реакціи ведетъ глухую интригу противъ освободительного теченія, мы полагали, что, устраивая собранія, мы косвенно соучаствуемъ въ борьбѣ либераловъ съ консерваторами, и что поэтому наша затѣя, имѣя «политическій» характеръ, можетъ вызвать противъ себя гоненія. Мы были «либералами» и не хотѣли даваться въ руки противникамъ, чтобы не ослабить «нашей партіи». Мы серьезно вѣрили, что наше содѣйствіе что-нибудь да значитъ. Что дѣлать—мы были слишкомъ юны, а зеленої юности все представляется въ прикрашенномъ видѣ. У насъ, въ тѣсномъ кружкѣ, возникла было даже мысль объ изданіи тайного печатнаго органа—до такой степени преувеличивали мы свое значеніе и свои силы! И еще хорошо, что проектъ этотъ не осуществился. Не говоря уже о тяжкихъ послѣдствіяхъ такого замысла для насъ самихъ, чтѣ, кромѣ пустыхъ фразъ, могли бы сказать мы въ нашемъ «органѣ»? Да и кому онъ былъ бы нуженъ?

Нелѣпые, но все же благородные помыслы! Молодежь тѣмъ и дорога, что она способна къ безкорыстнымъ порывамъ, безъ примѣси узкихъ личныхъ разсчетовъ. При умѣломъ обращеніи съ нею, при благородномъ руководствѣ, изъ рядовъ ея всегда можно подготовить немало будущихъ полезныхъ слугъ отечества самой высокой пробы. Велика и непростительна ошибка тѣхъ педагоговъ, которые къ чистымъ порывамъ

молодежи относятся съ недовѣріемъ и подозрительностью, усматривая въ ея увлеченіяхъ, вполнѣ естественныхъ при незнакомствѣ ея съ дѣйствительностью, признаки злой воли.

Къ сожалѣнію, всегда были и будутъ люди, съ спокойной совѣстью набрасывающіе тѣнь подозрѣнія на молодежь, въ порывахъ которой имъ мнится опасность. Не было недостатка въ такихъ людяхъ и въ то время, о которомъ идетъ рѣчь. Расскажу эпизодъ, случившійся въ гимназіи незадолго до нашего выпуска.

Однажды зимою одинъ изъ приходящихъ учениковъ VI класса явился поутру сильно взволнованный и, тотчасъ же собравъ группу слушателей, спѣша и задыхаясь, рассказалъ престранную исторію. Неподалеку отъ гимназіи онъ былъ остановленъ на улицѣ неизвѣстнымъ господиномъ, который сказалъ ему, приблизительно, слѣдующее:

— Въ воскресенье въ вашей гимназіи будетъ обыскъ. Если у кого-нибудь изъ вашихъ товарищъ есть что-нибудь запрещенное—пусть уничтожать. Берегитесь, среди васъ есть шпіонъ. Смотрите же, скажите всѣмъ.

Съ этими словами неизвѣстный быстро удалился.

Извѣстіе это произвело у насъ переполохъ, особенно въ напемъ, VII классѣ. Съ одной стороны лестно: значитъ, и мы не лыкомъ шиты, если у насъ хотятъ сдѣлать обыскъ! Съ другой—какъ будто боязно: что, если мы окажемся политическими преступниками? Что грѣха таить—у насъ дѣйствительно ходили по рукамъ списки кое-какихъ недозволенныхъ стиховъ; были и разрозненные нумера «Колокола», невѣдомымъ путемъ попадавшіе къ намъ въ руки; но у кого же въ то время не было всего этого? Быль у насъ даже свой собственный стихотворецъ, сочинявший порою сокрушительные стишкі. Все запретное было, конечно, немедленно предано уничтоженію. Потомъ разсказывали, что въ ближайшее воскресенье, когда большинство воспитанниковъ было въ отпуску, классные шкапы наши подверглись деликатно произведеному осмотру особо командированными для того лицами, разумѣется, ничего запретнаго не нашедшими. Тѣмъ дѣло это и кончилось бы, еслибы не роковая вѣсть о присутствіи въ нашей средѣ предателя; она заронила въ насъ сѣмена раздора. Стало доискаваться виноваго, заподозрѣвали то того, то другого изъ товарищѣй. Заподозрѣнныій оказывался въ тѣмъ болѣе тягостномъ положеніи, что товарищи, не бросая ему обвиненія прямо въ лицо, начинали демонстративно сторониться отъ него. Скверно было то, что подозрѣнія основывались на простыхъ догадкахъ, созидаясь почти исключительно на внѣшнихъ признакахъ, на несимпатичныхъ чертахъ характера того или другого лица и т. п. Помню, какъ глубоко и надолго оскорблѣнъ былъ одинъ изъ моихъ товарищѣй, К., оказавшійся неповинно заподозрѣнныи въ шпіонствѣ. Это былъ юноша съ не по-юношески

развитымъ умомъ, лучшій ученикъ по математикѣ и отличный діалектический; во всѣхъ теоретическихъ спорахъ онъ почти всегда бралъ верхъ надъ своими противниками. Холодный и сдержанній по природѣ, онъ не только не имѣлъ въ гимназіи друзей, но и былъ непріятенъ многимъ изъ настѣ. Мы считали его своеокрыстнымъ практическимъ человѣкомъ, цѣняющимъ выше всего свои личные интересы. Этого оказалось достаточно для того, чтобы на него пало позорное подозрѣніе. Конечно, онъ сразу замѣтилъ, что вокругъ него образовалась пустота, и отлично понялъ причину этого явленія, но не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки оправдаться. Больше прежняго замкнувшись въ себѣ, онъ отвѣтилъ намъ гордымъ презрѣніемъ и ни съ кѣмъ не промолвилъ ни слова до тѣхъ поръ, пока дѣло обѣ истинномъ предателѣ не разяснилось окончательно. Только тогда, собравъ настѣ всѣхъ однажды въ классъ, онъ—какъ всегда, сдержанній, но весь блѣдный—взошелъ на каѳедру и ровнымъ, спокойнымъ голосомъ произнесъ намъ превосходно построенную рѣчъ, которою, какъ плетью, ударили по нашей совѣсти. Онъ указалъ намъ на несправедливость нанесенного ему оскорблѣнія, объявилъ, что приписывается это не столько нашей гнусности, сколько недомыслю, и заключилъ заявленіемъ, что теперь, когда съ него снято позорное пятно, онъ самъ не желаетъ имѣть товарищескихъ сношеній «со стадомъ барановъ». Наше искреннее раскаяніе не тронуло его: до самаго выпуска онъ такъ и остался въ гордомъ одиночествѣ.

Разяснилась же исторія о шпіонѣ совершенно неожиданнымъ для настѣ образомъ. Внезапно уволенъ былъ изъ гимназіи одинъ изъ воспитанниковъ III класса, перешедшій къ намъ изъ кадетскаго корпуса. Вскорѣ мы узнали, что уволенъ онъ по настоянію В. С. Бардовскаго, бывшаго въ то время уже директоромъ. Оказалось, что доносъ, послужившій поводомъ къ офиціальному осмотру нашихъ шкаповъ, сдѣланъ былъ именно этимъ воспитанникомъ, котораго все у насъ знали за крайне порочнаго мальчишку. Онъ былъ изъ числа приходящихъ и, вѣроятно, унаслѣдовавъ свои великокрѣпкія душевныя качества отъ той среды, которая окружала его за стѣнами гимназіи. Директоръ не нашель возможнаго допустить дальнѣйшее пребываніе такой «паршивой овцы» во вѣренномъ ему стадѣ, чтѣмъ дѣлаетъ честь его педагогическому такту.

Мнѣ думается, что, случись вся эта исторія не въ годы моего ученія, а десятю—пятнадцатью годами позже, когда на учебныхъ заведеніяхъ тяготѣло подозрѣніе въ неблагонадежности, дѣло могло бы, пожалуй, принять мрачный оборотъ и немало мальчиковъ зачислено было бы въ опасные преступники. И это—единственно за чтеніе недозволенныхъ стишковъ и изданій, свободно распространявшихся въ публикѣ.

А. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Россія и папскій преестоль.¹⁾

ГЛАВА II.

Катастрофа 27-го мая 1606 г.

Прелюдія скорой развязки. — Непримиримый противникъ. — Заговоръ открытъ. — Письма полковыхъ священниковъ. — Мнѣніе кармелитовъ. — Своеволіе поляковъ. — Свидѣтельство Мартина Стадницкаго. — Мнѣніе о Димитрии Нѣмоевскаго. — Свѣдѣнія, полученные о. Савицкимъ. — Письмо Димитрія къ Децию Стривери. — Аудіенція Савицкаго. — Неизвѣстность и треволненія. — Приготовленія къ Сицилійской вечернѣ. — Василій Шуйскій, душа заговора. — Окружающіе Димитрія. — Сообщники. — Жертвы. — Изрубленные сообщники. — Предположенія. — Тревожные симптомы. — Похотка Мишека. — Скептицизмъ Димитрія. — Послѣдній вечеръ. — Драгоценности принцессы Анны. — Ночь съ 26-го на 27-е мая. — Подъ звуки колоколовъ. — Спокойствіе Димитрія. — Шуйскій срываетъ съ себя маску. — Заговорщики въ Кремль. — Убіеніе Басманова. — Послѣднія минуты Димитрія. — Призваніе Мары надъ трупомъ. — Тѣла Димитрія и Басманова на лобномъ мѣстѣ. — Трагическія сцены. — Смѣшиное сожженіе. — Марина среди своихъ женщинъ. — Убійство Осмольскаго. — Героизмъ полекъ. — Бояре освобождаются Марину. — Опасность, угрожающая всѣмъ полякамъ. — Домъ священниковъ осажденъ. — Савицкій въ посольствѣ. — Свиданіе съ отцомъ Николаемъ. — Разлука. — Порядокъ восстановленія. — Число жертвъ. — Самборскій священникъ. — Разговоръ Фоскарини съ королемъ. — Сознаніе Сигизмунда. — Соранпо сообщаетъ извѣстія изъ Праги. — Его смѣшая предположенія. — Впечатлѣніе, произведенное въ Римѣ. — Заупокойная служба по Димитріи, отслуженная кардиналомъ Боргезе.

ремлевскія празднества были только блестящей прелюдіей къ ужасной развязкѣ. Хотя царь имѣлъ преданныхъ ему сторонниковъ, но у него были и непримиримые враги, которые помышляли объ его погибели. Наступившее спокойствіе было обманчиво; подъ остывшимъ пепломъ тлѣло пламя мятежа, вспыхивавшее изрѣдка зловѣщимъ блескомъ. Это беспокоило людей дальновидныхъ.

Помилованіе Василія Шуйскаго, производившаго слѣдствіе въ Угличѣ, создало Димитрію злобного и непримиримаго врага. Выполненіе заговора, возникшаго въ іюлѣ мѣсяцѣ 1605 г., было отложено только на время.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ сентябрь 1901 г.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года было обнаружено существованіе заговорщиковъ, которые угрожали общественному спокойствію. «Арестовано нѣсколько поповъ, — писалъ отецъ Никодай;— они наказаны болѣе или менѣе строго. Одного изъ нихъ подвергли пыткѣ, и онъ многое показалъ. Онъ былъ подкупленъ съ цѣлью отравить царя и долженъ былъ совершить цареубійство, пріобщая Димитрія». Новыя опасенія возбудило то обстоятельство, что во дворцѣ были найдены, неизвѣстно кѣмъ подброшенныя принадлежности черной магії; виновныхъ тщательно розыскивали. Въ то же время отецъ Андрей, который смотрѣлъ на вещи мрачнѣе своего товарища, писалъ, что все еще «полно опасности».

Выше мы видѣли, что Димитрію, по слухамъ его бракосочетанія съ Мариною, пришлось принять крутыя мѣры относительно духовенства. Объ этомъ упоминаетъ о. Николай въ письмѣ къ отцу Стривери отъ 20-го февраля 1606 г., на которое мы ссылались выше; онъ писалъ ему, что царь счелъ необходимымъ принять особенно строгія мѣры потому, что въ это время обнаружилась оппозиція и среди свѣтскихъ лицъ. Отецъ Николай упоминаетъ въ своемъ письмѣ о козняхъ, возмущеніяхъ, подавленіи мятежа; хотя онъ не распространяется объ этомъ, но изъ его словъ можно заключить, что страна переживала опасный кризисъ¹⁾.

Того же мѣсяця о положеніи дѣлъ были и міссіонеры-кармелиты, находившіеся въ то время проѣздомъ въ Москву. Димитрій разрѣшилъ имъ отправиться въ Персию немедленно или послѣ Пасхи по ихъ желанію. Они предпочли выѣхать 22-го марта, ибо, говорить историкъ ихъ ордена, объясняя причину ихъ поспѣшнаго отѣзда,—власть Димитрія не была прочна; ежедневно возникали новыя враждебныя ему партіи, и дальновидные люди имѣли полное основаніе опасаться, что онъ будетъ свергнутъ съ престола или погибнетъ подъ его развалинами²⁾.

Появленіе поляковъ и Маринѣ ускорило ходъ событій. Ея свита была многочисленна; поляки прибывшіе съ нею въ Москву, были хорошо вооружены, имѣли прекрасныхъ верховыхъ лошадей и держали себя какъ въ странѣ завоеванной. По ихъ собственному сознанію, они проявляли чрезмѣрную власть, предавались всевозможнымъ излишествамъ и животнымъ страстямъ, и безъ стыда и совѣсти позволяли себѣ средь бѣлага дня самые возмутительные поступки. Польскіе паны пѣли, танцевали, пировали въ Кремлѣ, подъ звуки шумной музыки; они дер-

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 499, письмо Чижовскаго къ Аквавивѣ отъ 21-го сентября 1605 г., и письмо Лавицкаго къ нему же; письмо Чижовскаго къ Стривери отъ 20-го февраля 1606 г.—Въ нашемъ собраніи, его же письмо къ тому же самому лицу отъ 20-го февраля 1606 г.

²⁾ Hist. gen Fr. Disc., т. II, стр. 140.

жались особнякомъ, не водили знакомства съ московитами, которые находили ихъ слишкомъ шумливыми и спѣсивыми. Слуги были еще хуже господъ. Среди нихъ были отъявленные негодяи и мошенники, которые позволяли себѣ всевозможные своеvolentные поступки, оскверняли православные храмы, буянили на улицахъ и оскорбляли честныхъ дѣвушекъ. Мартинъ Стадницкій при всемъ своемъ патротизмѣ строго осуждалъ своихъ соотечественниковъ. Поляки,—говорить онъ,—раздражали московитовъ своимъ распутствомъ; они обращались съ ними, какъ со своими слугами, поносили и ругали ихъ, ссорились съ ними и оскорбляли въ пьяномъ видѣ замужнихъ женщинъ¹⁾.

Многихъ особенно тревожило то обстоятельство, что и царь не внушилъ болѣе прежняго довѣрія. Тотъ Димитрій, котораго такъ хорошо зналъ Рангони, и котораго видѣлъ въ Краковѣ отецъ Андрей, сталъ неузнаваемъ. Въ немъ совершилось полное превращеніе; оно выражалось въ пошлыхъ шуткахъ, неумѣстныхъ требованіяхъ и въ пагубномъ ослѣпленіи. Одинъ польскій шляхтичъ изобразилъ царя въ 1606 г. слѣдующимъ образомъ: Димитрій честолюбивъ и высокомѣренъ,—писаль онъ,—не терпить ни малѣйшаго замѣчанія со стороны приближенныхъ, страстно увлекается военнымъ дѣломъ, жаждеть славы полководца, не любить, чтобы при немъ хвалили другихъ, любить выставиться и похвастать; любезенъ, но быстро увлекается, вспыльчивъ, хотя также быстро успокаивается; болѣе щедръ на словахъ, нежели на дѣлѣ; любить роскошь у себя дома и у другихъ; въ жизни умѣренъ, не навидить пьянство, но доступенъ другаго рода слабостямъ. Онъ обладаетъ яснымъ умомъ, хотя не особенно образованъ, говоритъ краснорѣчиво, стремится къ прогрессу, не отличается особыеннымъ рвениемъ къ дѣламъ вѣры, исповѣдуетъ православную религию, но не соблюдаетъ ея обряды такъ строго, какъ народъ²⁾.

Все то, что слышалъ въ Москвѣ о. Савицкій, было весьма мало утѣшительно. Бывшій исповѣдникъ царя долженъ былъ сознаться, что его духовный сынъ былъ очень развращенъ. Не будучи чернокнижникомъ, какъ подозревали иные, онъ былъ несомнѣнно одержимъ демономъ гордыни и сладострастія.

Люди болѣе наблюдательные подмѣтили въ немъ слѣдующія черты: большую склонность къ удовольствіямъ, доставляющимъ сильныя ощущенія, нежеланіе признавать надъ собою чьего-либо превосходства, большое самомнѣніе, заставлявшее его считать себя выше всѣхъ западныхъ монарховъ, человѣкомъ, предназначенному судбою удивить міръ своими геркулесовскими подвигами, сдѣлаться предводителемъ христіан-

¹⁾) Львовъ, библіотека Баваровскаго, Стадницкій, л. 16 в⁰.

²⁾) Нѣмоевскій, стр. 118.

скихъ войскъ, стать во главѣ крестового похода противъ турокъ и побѣдить полумѣсяцъ; онъ кичился присвоенной имъ императорскою властью; былъ высокаго мнѣнія о своемъ умѣніи и ловкости; наслаждался своимъ всемогуществомъ, какъ будто его царствованіе должно было быть вѣчно; неуважалъ папы, хотя искалъ его покровительства, и пыталъ къ королю польскому чувство ненависти, доходившее до вражды, которая побуждала его объявить королю войну. Савицкій бросаеть при этомъ мимоходомъ противъ царя слѣдующее обвиненіе: Димитрій,—говорить онъ,—хочетъ лишить Сигизмунда престола¹⁾.

Человѣкъ, въ которомъ произошла столь рѣзкая перемѣна, не могъ чувствовать симпатіи къ польскому іезуиту, бывшему вѣкогда повѣреннымъ его тайнъ и избраннымъ имъ передъ Богомъ въ свидѣтели его честныхъ, искреннихъ намѣреній. Но все же, 25-го мая о. Савицкому была назначена аудіенція, быть можетъ по настоятельной просьбѣ Марини. Видясь съ іезуитами рѣже, чѣмъ прежде, Димитрій не хотѣлъ однако окончательно отдалить ихъ отъ себя; этотъ загадочный человѣкъ считалъ возможнымъ дѣлать самыя странныя уступки. 23-го февраля онъ послалъ польскому провинціалу, Децию Стравери, письмо, начинавшееся слѣдующими высокопарными словами: «Въ виду того, что интересы преподобныхъ отцовъ, проживающихъ въ нашей имперіи, а равно интересы всего іезуитскаго ордена и самой священой римской церкви требуютъ прибытія къ намъ и присутствія вашего преподобія,—мы предлагаемъ вамъ предпринять это путешествіе, какъ повѣлѣваютъ вамъ долгъ и благочестіе, какъ можно скорѣе и прибыть къ намъ со всевозможной поспѣшностью: вы убѣдитесь тогда въ нашемъ благоволеніи къ іезуитскому ордену и къ вамъ лично»²⁾. Деций Стравери не поѣхалъ Москвы, но Димитрій, принимая Савицкаго, постарался доказать, что онъ помнить свои обѣщанія.

Въ назначенный день, іезуитъ былъ принятъ царемъ. Оставшись съ нимъ наединѣ, онъ поцѣловалъ ему руку и произнесъ обычное привѣтствіе. Димитрій отвѣчалъ ему въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ, заявивъ, что онъ счастливъ видѣть старого друга, которому онъ столь многимъ обязанъ; подтвердилъ, что онъ помнить свои обѣщанія и готовъ ихъ исполнить, и принялъ съ благодарностью письмо отъ генерала іезуитскаго ордена, Клавдія Аквавивы, и нѣсколько священныхъ вещицъ, въ числѣ которыхъ находились присланныя папою золотыя и серебряные дощечки съ индульгенціями и съ его изображеніемъ. Затѣмъ Димитрій всталъ съ мѣста и началъ ходить большими шагами

¹⁾ Велевицкій, т. II, стр. 145.

²⁾ Krakowъ, библіотека Ягеллоновъ, № 5, f. 635.—Rome et Démétrius, стр. 170, № 12.

взадъ и впередъ по комнатѣ, а такъ какъ Савицкій стоялъ неподвижно, то онъ взялъ его подъ руку, увлекъ за собою и заставилъ ходить вмѣстѣ съ нимъ. Разговоръ оживился и перешелъ на вопросы религіи. Ловко воспользовавшись случаемъ, о. Савицкій сказалъ царю, что онъ посланъ въ Москву для того, чтобы переговорить съ нимъ, выслушать его приказанія и привести ихъ, по возможности, въ исполненіе. При этихъ словахъ, пылкій и смѣлый путивльскій преобразователь прервалъ іезуита, сказавъ: «въ Москвѣ должна быть основана, и при томъ немедленно, коллегія съ учениками и профессорами, выписанными изъ-за границы». Но едва Савицкій приступилъ къ обсужденію этого плана, какъ Димитрій, быстро перемѣнивъ тонъ, заговорилъ о своемъ войскѣ: сто тысячи человѣкъ стоять подъ знаменами, сказалъ онъ, готовые двинуться по мановенію его руки, но онъ еще колеблется, не зная, придется ли двинуть ихъ противъ турокъ или противъ кого-либо иного. Затѣмъ, онъ сталъ безъ всякаго повода жаловаться на Сигизмунда, который отказываетъ ему дерзновенно въ императорскомъ титулѣ. Послѣ этихъ словъ, произнесенныхъ съ большимъ негодованіемъ, наступило короткое, но тягостное молчаніе. Савицкій невольно задавалъ себѣ вопросъ, не существовало ли тайной связи между арміей, готовой выступить въ походъ, и королемъ польскимъ; не настаивая болѣе на этомъ вопросѣ, онъ ограничился слѣдующимъ пожеланіемъ: «Будемъ надѣяться,—сказалъ онъ,—что Провидѣніе не допустить вражды и непріязни между столь могущественными монархами». Савицкому оставалось решить одинъ вопросъ, касавшійся его лично: слѣдовало ли ему вернуться въ Польшу или оставаться въ Москвѣ? Димитрій отвѣтилъ на это столь поспѣшно въ утвердительномъ смыслѣ, что Савицкій расхрабрился и попросилъ его объ одной милости: являться во дворецъ всякий разъ, какъ ему покажется необходимымъ имѣть аудіенцію. Царь тотчасъ изъявилъ на это свое согласіе и, открывъ двери, позвалъ своего польского секретаря, по всей вѣроятности одного изъ Бучинскихъ, и далъ ему соотвѣтствующее приказаніе. Затѣмъ, такъ какъ день склонился къ вечеру, а Димитрію хотѣлось навѣстить свою мать, то онъ любезно простился съ іезуитомъ, проговоривъ съ нимъ цѣлый часъ, и обѣщалъ ему дать вскорѣ болѣе продолжительную аудіенцію. Несмотря на эту синиходительность, объѣщавшую многое въ будущемъ, Савицкій не могъ отѣлаться отъ мрачныхъ предчувствій. Его смущали разныя мелочи, поразившія его во время пути; поступки московитовъ казались ему странными, и они заставали себѣ съ отцомъ Николаемъ съ тревоговою вопросью: чѣмъ все это разрѣшиится?

Опасность была значительнѣе и болѣе близка, нежели можно было думать. Предоставляя полякамъ веселиться, враги Димитрія подготовляли втайне новую сицилійскую вечерню. Душою заговора былъ Василій

*

Шуйскій со своими двумя братьями Димитріемъ и Иваномъ. Они были возвращены Димитріемъ изъ ссылки и, появившись при дворѣ, тотчасъ принялись за прежнія интриги. Посылка Безобразова въ Краковъ была ихъ дѣломъ; все то, что они велѣли передать Сигизмунду, исполнилось вскорѣ буквально благодаря ихъ личному участію въ этомъ дѣлѣ.

Димитрій былъ въ ихъ рукахъ безсознательнымъ орудіемъ своего собственнаго несчастія. Онъ не осуществилъ собою идеала, составленнаго представителями тѣхъ именитыхъ боярскихъ родовъ, кровь которыхъ лилась потоками въ царствованіе Иоанна Грознаго, честь которыхъ была попрана Борисомъ Годоновыемъ и которые теперь гордо подымали голову, предъявляя свои требованія. Новаго царя окружали Нагіе, по праву родства, разные выскочки, напоминавши собою приспѣшниковъ Иоанна Грознаго, еретики-поляки и другія лица. Всѣ эти люди, находившіеся у власти, имѣли значеніе только по лицу, которое стояло во главѣ ихъ; это не были коренные русскіе люди, ихъ не озарялъ блескъ вѣковыхъ традицій. Потомки Рюрика сознавали, что эти люди предвосхитили ихъ мѣсто, а что съ ними обошлись дурно и недостойно.

Подобное настроеніе умовъ какъ нельзя лучше показывало Шуйскимъ, гдѣ имъ надлежало искать себѣ единомышленниковъ. По свидѣтельству князя Волконского, они нашли таковыхъ около трехъ сотъ человѣкъ, среди самаго избраннаго общества¹⁾. Эти лица составили заговоръ, къ которому примкнули самые разнообразные люди. Шуйскіе имѣли въ своемъ распоряженіи многочисленныхъ пособниковъ, коихъ они умѣли заставить себя слушать и понимать. Подобная роль была для нихъ не новость, вокругъ нихъ всегда царилъ духъ мятежа и оппозиціи правительству; обѣ этомъ свидѣтельствуютъ обагренная кровью страницы русскихъ лѣтописей того времени. Дьякъ Тимоѳея Осиповъ и Петръ Тургеневъ изображены въ нихъ въ ореолѣ мученичества за то, что они противились Димитрію и пожертвовали жизню, отстаивая свои убѣжденія. Недовольные были и среди стрѣльцовъ, законныхъ защитниковъ царя, коимъ не доставало только энергичнаго предводителя для того, чтобы начать дѣйствовать; пока они его искали, ихъ выдали, судили и приговорили къ казни. Главные виновники поплатились за свою дерзость головою; ихъ же собственные товарищи изрубили ихъ съ неумолимой жестокостью. Что касается московской черни, этой великой измѣнницы, то можно было предсказать заранѣе, что ея преклоненіе передъ Димитріемъ не помѣшаетъ ей, въ извѣстный моментъ, пополнить ряды бунтовщиковъ²⁾.

¹⁾ Платоновъ, Очерки, стр. 286 и сл.

²⁾ „Русскія Лѣтописи“, т. VIII, стр. 74.—Масса, т. II, стр. 154.—Поповъ, Изборникъ, стр. 417.

Приготовленія къ заговору были сдѣланы съ величайшою поспѣшностью и въ величайшей тайнѣ. Объ нихъ можно судить только по догадкамъ и по рассказамъ нѣкоторыхъ лицъ, впрочемъ, весьма мало авторитетныхъ. Гнусные слухи, которые распространялись въ толпѣ про царя, съ цѣлью погубить его во мнѣніи народа, изображали его искателемъ приключений, отступникомъ вѣры, завладѣвшимъ престоломъ съ цѣлью предать московитовъ и страну полякамъ, а православную церковь католикамъ. Тѣ же обвиненія высказывались противъ него въ свое время Борисъ Годуновъ; теперь говорилось въ тайнѣ то, что онъ утверждалъ безуспѣшно во всеуслышаніе¹).

Заговоръ, организованный въ обширныхъ размѣрахъ, не могъ, конечно, оставаться тайною и не возбудить подозрѣній. Кое-кто изъ заговорщиковъ проболтался, были обнаружены тревожнаго свойства признаки, и обо всемъ этомъ Димитрій былъ своевременно предупрежденъ. 24-го мая среди поляковъ пронесся слухъ о предстоявшихъ убийствахъ. Ими овладѣлъ страхъ, но они продолжали веселиться и не принимали никакихъ мѣръ предосторожности; они не подумали даже сплотиться, а между тѣмъ они были разсѣяны по городу, что, въ случаѣ опасности, лишало ихъ возможности защищаться.

Невозмутимое спокойствіе Димитрія усугубляло ихъ беспечность. Царь говорилъ только о необходимости строго наказать всѣхъ тѣхъ, кто распространялъ тревожныя вѣсти. Однако, 26-го мая, когда зловѣщіе слухи усилились, поляки поручили кое-кому поговорить объ этомъ съ приближенными царя и настоять на томъ, чтобы было произведено слѣдствіе. Напрасный трудъ: «къ этому нѣтъ никакого повода,—отвѣчали имъ,—Димитрій такъ любимъ московитами, что недавно семь измѣнниковъ по одному подозрѣнію были изрублены и растерзаны чернью». Несмотря на беззаботность царедворцевъ, сенномірскій воевода попытался раскрыть глаза своему зятю или, по крайней мѣрѣ, предостеречь его. «Осторожность,—сказалъ онъ,—никогда не мѣшаетъ». «Бога ради, не говорите мнѣ болѣе объ этомъ,—отвѣчалъ Димитрій съ раздраженіемъ,—я знаю страну, которую я управляю, никто не злоумышляетъ противъ меня, я одинъ властень въ жизни и смерти».

Записка одного пѣмца, который предупреждалъ царя о предстоявшемъ на слѣдующій день убийствѣ, не произвела на него никакого впечатлѣнія такъ же точно, какъ слова Мнишека.

Чтобы успокоить поляковъ, Димитрій послалъ своего секретаря къ солдатамъ, приказавъ подтвердить имъ, что онъ строго покараетъ тру-

¹) Послѣдніе дни жизни Димитрія описаны обстоятельно у Велевицкаго, т. II, стр. 144; см. также Нѣмовскій, стр. 68; Стадницкій, f. 15; Руссель, стр. 20 и сл.

совъ. Тотъ же секретарь отправился вслѣдъ затѣмъ къ посланникамъ Сигизмунда и бесѣдоваль съ ними далеко за полночь. Въ искренности Димитрія не можетъ быть сомнѣнія. Онъ не вѣрилъ въ существованіе опасности, не мѣшалъ Маринѣ дѣлать приготовленія къ маскараду и предавался самъ невиннымъ развлеченіямъ, посвятивъ весь вечеръ, 6-го мая, Станиславу Нѣмоевскому, привезшему драгоцѣнности принцессы Аны. Благородный маклеръ разложилъ передъ Димитріемъ топазы, изумруды, рубины, жемчужныя ожерелья и брилліантовыя цѣпочки. Царь любовался блескомъ камней, приказалъ принести свои собственные драгоцѣнности, говорилъ о нихъ, какъ любитель, и пожелалъ оставить у себя на вѣкоторое время ящичекъ съ драгоцѣнностями принцессы¹⁾.

Димитрію пришлось вскорѣ убѣдиться въ томъ, какъ велика была его самонадѣянность. Часъ убийства бытъ назначенъ, мечь бытъ отточенъ, сигналъ условленъ.

Въ ночь съ 26-го на 27-ое мая, въ то время, когда поляки предавались сну, князь Василій Шуйскій приказалъ поставить караулъ у кремлевскихъ воротъ, введя предварительно въ городъ часть войска, стоявшаго лагеремъ въ окрестностяхъ. На разсвѣтѣ, тѣ же самые колокола, которые возвѣстили нѣкогда побѣду претендента, созвали заговорщиковъ для совершевія ихъ кроваваго дѣла. То не бытъ радостный трезвонъ; съ каждымъ ударомъ колокола, усиливался зловѣштій гулъ. Царь вышелъ изъ комнаты и освѣдомился, что за причина звона. Андрей Бонахъ, стоявшій въ то время на часахъ, наученный заранѣе, отвѣчалъ: что въ городѣ вспыхнулъ пожаръ. Димитрій приказалъ подать помощь горѣвшимъ и спокойно возвратился къ себѣ. Между тѣмъ, городъ заволновался; жители сбѣгались со всѣхъ сторонъ; одни изъ нихъ знали о заговорѣ, другіе слѣдовали машинально за толпою, увлеченныя ложными слухами, которые распространялись про поляковъ. Толпою руководиль Василій Шуйскій, который,бросивъ съ себя маску, стала открыто во главѣ матежа. Онъ проникъ въ Кремль, не встрѣтивъ сопротивленія, и направился къ царскому жилищу. Только одинъ преданный Димитрію человѣкъ, самый храбрый изъ всѣхъ, подбѣжалъ къ нему и попытался остановить его; это бытъ Басмановъ; но онъ бытъ тотчасъ поваленъ на землю, израненъ и умерщвленъ на порогѣ дворца. Пролитая кровь опьянила убійцъ; ихъ бѣшенство разгорѣлось вмѣстѣ съ ихъ алчностью, они бросились на поиски Димитрія.

Онъ понялъ, наконецъ, неминуемую опасность; перейдя отъ полнаго спокойствія къ отчаянію, Димитрій подошелъ къ окну и, увидавъ издали

¹⁾ Драгоцѣнныя вещи принцессы Аны были возвращены впослѣдствіи по привадлежности.—Нѣмоевскій, стр. 321.

волнующуюся толпу, поспѣшилъ къ оставленной имъ Маринѣ, воскликнувъ: «измѣна, душа моя, измѣна!» Не думая защищать жену, не видя со своей стороны ни въ комъ защиты, онъ началъ ходить изъ комнаты въ комнату, пока не дошелъ до окна, изъ которого можно было бѣжать. Но пока онъ колебался, заговорщики настигли его; одинъ изъ нихъ повалилъ его на полъ и выбросилъ въ окно. Димитрій сломалъ себѣ при паденіи руку и потерялъ сознаніе. Его подняли стрѣльцы и отнесли во дворецъ. Говорятъ, будто пока его несли, онъ пришелъ въ себя и обратился къ народу, стараясь расположить въ свою пользу солдатъ, коихъ онъ просилъ защитить его отъ Шуйскаго; но все было напрасно: его дѣло было проиграно. Бояре, руководившіе заговоромъ, окружили его, осыпали оскорблѣніями, укоряли его въ томъ, что онъ похитилъ престолъ; называли его разстрігою Гришкою Отрецьевымъ. Ихъ озлобленіе предвѣщало роковую развязку. Валуевъ первый всадилъ пулю въ жертву; прочіе добили его ударами сабель.

Убійцы поволокли неостывшій еще трупъ Димитрія изъ дворца. Они остановились передъ Вознесенскимъ монастыремъ, вызвали царицу Мареу и потребовали, чтобы она сказала, кто именно былъ Димитрій. Сначала она отвѣчала уклончиво. «Вы знаете это лучше меня»,—сказала она. Послѣ вторичнаго настойчиваго требованія, она объявила, вперивъ глаза въ окровавленные останки, что Димитрій былъ не ея сынъ; она отвергла свои собственные слова, пролитыя ею слезы радости и свои материнскія ласки. Заговорщикамъ только это и было нужно. Ободренные ея отвѣтомъ, они потащили отвергнутаго сына Мареи на Лобное Мѣсто и тамъ, гдѣ Шуйскій провозгласилъ его нѣкогда прирожденнымъ сыномъ Иоанна IV, они бросили его, нагаго, на доски и отдали его на поруганіе толпы. У ногъ Димитрія, лицо котораго было покрыто найденою у него маскою, былъ рас простертъ трупъ Басманова: ихъ дружба была скрѣплена смертью. Около ихъ труповъ цѣлыхъ три дня происходили позорныя, возмутительныя сцены; надругавшись надъ Димитріемъ самымъ гнуснымъ образомъ, убійцы похоронили его вдали отъ города, въ полѣ, въ священной оградѣ. Но тѣнь убитаго царя смущала умы. Въ народѣ пошелъ слухъ, будто надъ его могилою носится по ночамъ какой-то таинственный свѣтъ. Раздались жалобы и сожалѣнія. Тогда враги Димитрія рѣшили разъ-на-всегда покончить съ его гнусной для нихъ памятью. Они вырыли его трупъ, возили на позорной колеснице по улицамъ и положили на костеръ, сложенный съ этой цѣлью за городомъ. Пламя быстро истребило останки Димитрія, во самый пепель его казался опаснымъ. Надобно было уничтожить его до тла. Смѣшавъ этотъ пепель съ порохомъ, имъ зарядили пушку, и онъ былъ разсѣянъ на всѣ четыре стороны. «Такимъ образомъ,—говорили враги Димитрія,—проклятый похититель

престола не воскреснеть до дня послѣдняго суда». Сожженіе тѣла Дмитрія совершилось 9-го іюня. Возвратимся теперь къ событиямъ 27-го мая.

Въ то время, какъ Дмитрій испустилъ духъ подъ ударами своихъ противниковъ, Марина подверглась со своей стороны величайшей опасности. Многіе ненавидѣли польку и жаждали ея гибели. Въ первую минуту испуга, слыша многочисленные крики, возвѣщавшіе тревогу, она вскочила полунасажая съ кровати и спряталась у своихъ прислужницъ, занимавшихъ болѣе отдаленныя комнаты. Это было ея спасеніемъ. Найдя ся комнату пустою, заговорщики начали выламывать двери въ другіе покои, но на порогѣ одного изъ нихъ имъ преградилъ путь Осмольскій, обнажившій саблю. Бунтовщики провзили грудь этого преданного слуги и, только перешагнувъ чрезъ его тѣло, проникли въ помѣщеніе, где находились перепуганныя и трепетавшія отъ страха польки, которыхъ вели себя, впрочемъ, въ этомъ случаѣ геройски. Заговорщики требовали, чтобы имъ сказали, где Марина, но никто не выдалъ несчастную царицу, никто не предалъ ее въ руки этихъ изступленныхъ людей. Бояре успѣли выручить ее и отвезти въ надежное мѣсто вмѣстѣ съ приближенными къ ней женщинами. Только одна изъ нихъ, почтенная панна Хмелевска, была ранена и скончалась нѣсколько дней спустя, вслѣдствіе полученныхъ ею ранъ.

Полякамъ угрожала въ городѣ всюду опасность; разсѣянные по разнымъ кварталамъ, застигнутые врасплохъ, они узнали одновременно о насильственной смерти Дмитрія и обѣ опасности, которая имъ угрожала, но не имѣли времени сосредоточить своихъ силъ и оказать энергичнаго сопротивленія черни, жаждавшей крови и грабежа. Менѣе всего пострадали тѣ лица, кои могли сами защититься или коихъ приказано было охранять войску. Въ такомъ благопріятномъ положеніи находились посланники: бояре позаботились окружить ихъ домъ войскомъ и защитить ихъ отъ черни. Воевода сеномѣрскій и Константинъ Вишневецкій подверглись наибольшей опасности; они завалили двери своихъ домовъ, вооружили прислугу и выдержали настоящую осаду. Подобныя сцены повторились и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ Москвы.

Полковые священники испытали также не мало горя, но остались живы. Въ тотъ день, когда началось волненіе, Савицкій былъ у себя одинъ. Домъ, въ которомъ помѣщались іезуиты, былъ осажденъ чернью, которая ворвалась въ него, взломавъ двери. Защищаться было немыслимо; Савицкій укрылся въсосѣднемъ домѣ, занятомъ литовскими купцами.

Московиты замѣтили это и потребовали выдачи ксендза, но имъ зажали ротъ золотомъ. Въ тотъ же вечеръ Госѣевскій послалъ за своимъ старымъ другомъ, котораго онъ рѣшилъ защитить, пользуясь своимъ

преимуществомъ, какъ личность неприкосновенная; его требованіе было исполнено на слѣдующій же день.

Савицкій прошелъ по улицамъ Москвы въ сопровожденіи бояръ и тѣлохранителей, не смущаясь злобными взглядами враждебно настроенной толпы. Онъ добрался благополучно до дома посланниковъ, гдѣ Госсевскій принялъ его съ распостертыми объятіями. Отецъ Николай вскорѣ присоединился къ своему коллегѣ. Наканунѣ бунта онъ отправился въ помѣщеніе, занимаемое польскими солдатами, и провелъ съ ними кровавый день 27-го мая; благодаря вмѣшательству посланниковъ, ему было разрѣшено навѣстить отца Савицкаго. Ихъ свиданіе было непродолжительно. Отецъ Николай не хотѣлъ пренебречь своими обязанностями и оставить своихъ доблестныхъ солдатъ; поэтому онъ присоединился къ нимъ и рѣшилъ до конца раздѣлить ихъ участъ, какова бы она ни была. Что касается отца Савицкаго, то, имѣя другія обязанности, онъ остался вмѣстѣ съ о. Ансеринусомъ и съ посланниками.

Лица, затѣявши заговоръ противъ Димитрія, опасались вызвать войну съ Польщею насильственными дѣйствіями противъ поляковъ, прибывшихъ съ нимъ въ Москву. Поэтому когда главная жертва искупила тѣ преступленія, какія ей приписывали, когда престолъ Мономаха оказался снова незанятымъ, то они сочли долгомъ успокоить волненіе умовъ и обуздать толпу, которую они сами же разнудзали. Подъ вечеръ 27-го мая столица приняла обычный видъ, если не считать многочисленныхъ патрулей, которые расхаживали на улицахъ или охраняли дома. Волненіе продолжалось всего нѣсколько часовъ, но кровь лилась потоками. Говорятъ, будто всего на всѣмъ было перебито болѣе пятисотъ поляковъ: шляхтичей, солдатъ, простыхъ слугъ и большая часть несчастныхъ музыкантовъ. Въ числѣ жертвъ находился и самборскій священникъ Францискъ Помасскій. Онъ былъ въ алтарѣ, гдѣ служилъ обѣднє въ полномъ облаченіи, когда толпа ворвалась въ его квартиру и бросилась на него и на его слугъ. Тяжело раненый во время свалки онъ прожилъ послѣ этого всѣго два дня.

Извѣстіе о катастрофѣ, произошедшей въ Москвѣ, было получено въ Польшѣ очень поздно, только въ концѣ іюня. Венецианскій посланникъ Альвизъ Фоскарини живо описываетъ первое впечатлѣніе, которое произвело на Сигизмунда извѣстіе объ этомъ происшествії. Миссія этого дипломата при краковскомъ дворѣ была окончена; онъ присутствовалъ въ качествѣ представителя дожа при бракосочетаніи короля, выработалъ основы для взаимныхъ сношеній между обѣими странами и съумѣлъ, на прощальной аудіенціи, происходившей 1-го іюля 1606 г., вывѣдать у короля съ чисто итальянской хитростью исторію Димитрія. Фоскарини, обладавшій искусствомъ самаго ловкаго слѣдователя, осторожно зада-

валь Сигизмунду заранѣе обдуманные вопросы, желая проникнуть саму сущность дѣла. Его обстоятельная депеша даетъ намъ возможность воспроизвести его бесѣду съ королемъ почти дословно¹⁾). Пять дней передъ тѣмъ въ Краковѣ распространился слухъ о томъ, что Димитрій измѣнническимъ образомъ убить своимъ лакеемъ, и что большая часть поляковъ, отправившись съ Мнишкомъ, умерщвлены. Одни утверждали, что это извѣстіе было вполнѣ справедливо, другіе говорили, что оно ложно.

Фоскарини спросилъ Сигизмунда, что можно было думать объ этомъ.

Король: Въ этомъ извѣстіи есть доля правды. Оно сообщено намъ однимъ воеводою. Его письмо, посланное въ Ливонію на имя канцлера Льва Сапѣги, препровождено къ намъ. Въ немъ сообщается о возвращеніи въ Польшу пятисотъ поляковъ. Не знаю, есть ли эта цифра всѣхъ оставшихся въ живыхъ. Димитрій убить въ Духовъ день, на третій день послѣ его свадьбы. Убійца, еще ранѣе составлявшій противъ него заговоръ, былъ заключенъ имъ въ темницу и приговоренъ къ обезглавленію, но помилованъ по просьбѣ поляковъ. Я предупреждалъ сеномірскаго воеводу передъ его отъездомъ, чтобы онъ не подвергалъ опасности жизнь столькихъ поляковъ и чтобы онъ не дѣлалъ такихъ затратъ; но ни онъ, ни сопровождавшіе его шляхтичи, увлеченные любовью къ новизнѣ и надеждою на обогащеніе, не хотѣли меня слушать. Мнеъ неизвѣстно, виновны ли они въ этомъ происшествіи, я не знаю даже, пощажены ли воевода Мнишекъ и мой посланникъ. Я послалъ своего представителя въ Москву не только для того, чтобы присутствовать при бракосочетаніи Димитрія, но и для того, чтобы заставить послѣдняго отказаться отъ присвоеннаго имъ себѣ титула императора, цезаря и герцога Ливонскаго. Я не могъ одобрить его притязаній, не нанеся этимъ ущерба себѣ лично и прочимъ монархамъ. Чтобы заставить Димитрія отказаться отъ этихъ фантазій, я собирался предложить эти вопросы на обсужденіе ближайшаго сейма, безъ согласія котораго не можетъ быть принято окончательное рѣшеніе.

Фоскарини: Что касается посланника, то конечно онъ находится въ сохранности.

Король: Я въ этомъ не вполнѣ увѣреялся, такъ какъ это народъ варварскій.

Фоскарини: Какая причина могла вызвать эти событія?

Король: Я не знаю объ этомъ ничего положительного. Не подлежитъ сомнѣнію, что Димитрій отрекся передъ отъездомъ отъ православной ереси и принялъ втайне католическую вѣру. Быть можетъ, это стало извѣстно въ Москвѣ. Къ этому надо бно прибавить, что Димитрій

¹⁾ Венеція. Государственный архивъ, Polonia, II.

не былъ настоящимъ сыномъ Иоанна IV и братомъ Феодора. Когда сенномірскій воевода впервые говорилъ со мною объ этомъ дѣлѣ, то я сказалъ ему, чтобы онъ не вмѣшивался въ него и не компрометировалъ республику; но онъ не хотѣлъ ничего слушать. Вступивъ въ Москвию, онъ былъ отброшенъ вооруженою силою и едва успѣлъ укрыться въ крѣпости, которая добровольно передалась ему. Такъ какъ слухъ о томъ, будто Димитрій былъ прирожденнымъ сыномъ Иоанна IV, держался упорно, то воевода попытался еще разъ пригнѣти ему на помощь; онъ собралъ войско, проникъ въ страну, и этотъ разъ армія признала Димитрія своимъ истиннымъ монархомъ. Вступивъ на престолъ, онъ хотѣлъ въ благодарность за услуги, оказанныя ему воеводою, жениться на его дочери.

Фоскарини: Если извѣстіе о смерти Димитрія подтвердится, то это будетъ большой ударъ не только для Польши, которая потеряетъ столькихъ шляхтичей и значительныя суммы денегъ, но и для всего христіанскаго міра, ибо царь заявилъ папѣ о своемъ намѣреніи предпринять крестовый походъ противъ турокъ.

Король: Объ этомъ дѣйствительно была рѣчь. Нунцій послалъ даже по этому поводу въ Москву отъ имени папы своего племянника, который возвратился оттуда, одаренный подарками, и уже уѣхалъ въ Римъ. Два іезуита, находившіеся при Димитріи, поддерживали его въ этихъ мысляхъ, но трудно сказать, что произошло бы изъ этихъ плановъ.

Фоскарини: О смерти Димитрія все-таки можно пожалѣть, такъ какъ онъ былъ бы всегда союзникомъ Польши.

Король: На него нельзя было положиться. Я потерялъ всякую надежду на его услуги. Онъ бывалъ дерзокъ, дружескія отношенія съ ними были невозможны.

Фоскарини былъ доволенъ; онъ слышалъ изъ устъ самого короля объ интересовавшемъ его событий, составилъ себѣ понятіе объ его возникновеніи и возможныхъ послѣдствіяхъ. Разумѣется, Сигизмундъ былъ не вполнѣ откровененъ съ венеціанскимъ посланникомъ, онъ бѣсьдоваль съ нимъ обо всемъ, касавшемся его официальной политики, но тщательно скрылъ отъ него иѣкоторыя тайныя обстоятельства дѣла, хотя между прочими высказалъ одну важную тайну. «Димитрій,—сказалъ онъ,—не есть прирожденный сынъ Иоанна IV». Слѣдовательно, король разрѣшилъ свои сомнѣнія и имѣлъ опредѣленный взглядъ на вещи; онъ зналъ, что на московскомъ престолѣ возсѣдалъ искатель приключений, а между тѣмъ онъ вѣръ съ нимъ переговоры, какъ равный съ равнымъ, и отправлялъ къ нему посольства.

Повидамому, Фоскарини нимало не былъ этимъ смущенъ, онъ не подумалъ даже освѣдомиться о причинѣ этого обстоятельства.

Мало-по-малу злополучное извѣстіе распространилось при тѣхъ дво-рахъ, которые интересовались московскими событиями. Венеціанскій посланникъ въ Прагѣ, Франческо Соранцо, свидѣтельствуетъ 21-го августа 1606 г. о томъ, что извѣстіе о смерти Димитрія вызвало въ Прагѣ всеобщее сожалѣніе. Его считали добрымъ монархомъ, расположеннымъ къ католической церкви и желавшимъ послужить христіанскому миру. Это былъ для посланника прекрасный случай закинуть слово объ іезуи-тахъ, изгнанныхъ изъ Венеции свѣтской властью за непростительный въ ея глазахъ проступокъ. Соблюдая папскій интердиктъ, Соранцо съ величайшей самоувѣренностью дѣлаетъ ихъ отвѣтственными за всѣ проишедшія въ Москвѣ несчастія и говоритъ, что, очутившись среди народа суевѣрнаго и преданнаго обычаямъ старины, іезуиты стали настаивать на томъ, чтобы Димитрій порвалъ связь съ національной религіей, ввелъ въ странѣ католичество и совершилъ бы торжественно свое брако-сочетаніе съ полькою по католическому обряду, въ соборѣ, отнятомъ у православныхъ. Мятежъ и убийства были послѣдствиемъ этой неслыхан-ной дерзости. Добрый Соранцо, довольный случаемъ сообщить дожу это въ назиданіе, не позабылся провѣрить факты и вывелъ изъ нихъ поспѣшное заключеніе, что іезуиты вездѣ одни и тѣ же, что они по-стоянно вмѣшиваются въ дѣла правительства и что Димитрій былъ ихъ жертвою точно такъ же, какъ король португальскій Себастіанъ¹⁾.

Въ Ватиканѣ неожиданная смерть Димитрія произвела тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что ея никакъ не ожидали. Царя уже не было въ живыхъ, когда папа еще далъ свое согласіе на сооруженіе іезуит-ской коллегіи въ Оршѣ подъ высокимъ покровительствомъ короля поль-скаго и на пользу московитовъ и бесѣдовалъ долго съ Александромъ Рангони о другихъ тому подобныхъ проектахъ. Еще 12-го авгу-ста кардиналъ Боргезе желалъ Димитрію долгой жизни и выражалъ полную готовность всячески служить ему; тревожныя извѣстія разнеслись только въ исходѣ этого мѣсяца. Они были вскорѣ опровергнуты, но затѣмъ подтвердились окончательно. 9-го сентября римская депеша выражала опасеніе, что придется проливать «безконечныя слезы», а 23-го числа кардиналъ Боргезе сказалъ въ надгробномъ словѣ о по-чившемъ: «Злосчастная судба, постигшая Димитрія, служить новымъ доказательствомъ превратности человѣческой судьбы. Да приметъ Го-сподь его душу въ царство небесное и да окажетъ Онъ намъ таковую же милость»²⁾.

¹⁾ Тамъ же, Germania XXXVI.—Cappelletti, стр. 145, № 85.

²⁾ Ватиканскій архивъ, Polonia, 173, л. 64 в° 70, 80 в° 90.

II.

Избраніе Василія Шуйскаго.—Объясненіе выборной уловки.—Цятно крови.—Преступлениі Гришка Отрепьева.—Царевичъ Димитрій.—Перенесеніе мощей въ Москву.—Признаніе Марыи.—Чрезмѣрная власть и рабское повиновеніе.—Іовъ разрѣшаетъ московитовъ отъ клятвы.—Офиціальная грамоты и служивая литература.—Дѣла польскія.—Три группы.—Польскіе солдаты.—Положеніе посланниковъ.—Переговоры съ боярами.—Ударъ молніи.—Шльреніе.—Мнишеки.—Ихъ имущество расхищено.—Негритенокъ Марини.—Мечты воеводы.—Его допросъ.—Слабая сторона его отвѣтовъ.—Уловка.—Ссылка Мнишекъ въ Ярославль.

Россія не долго носила трауръ по Димитрію. Тѣло несчастной жертвы лежало еще непогребеннымъ на лобномъ мѣстѣ, когда князь Василій Шуйскій былъ провозглашенъ, 29-го мая, московскимъ царемъ и коронованъ 11-го юна безъ особаго торжества и народныхъ празднествъ, такъ сказать, украдкою. Григорій Волконскій, посланный къ королю польскому съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ бывшаго заговорщика, объяснилъ ему слѣдующимъ образомъ тайну этого послѣдн资料的 избранія: Шуйскій подкупилъ бояръ обѣщаніями,—сказалъ онъ,—и не задумался даже «обѣщать имъ раздачу провинцій» съ тѣмъ, чтобы потомъ отказаться отъ исполненія своихъ обѣщаній подъ предлогомъ необходимости беречь народное достояніе. Сигизмундъ припомнилъ, при слушаѣ этотъ избирательный маневръ и говорилъ объ немъ нунцію Симонетти; допустивъ даже, что подробности разсказа, быть можетъ, не вполнѣ точны, самая сущность его безспорно согласна съ истиной. Партия бояръ возвела Шуйскаго на престолъ, она же свергнула его съ престола. Его кратковременное царствованіе было рядомъ заговоровъ и интригъ, тѣмъ болѣе пагубныхъ, что изъ-за политического вопроса выдвигался вопросъ соціальный.

Для того чтобы придать своей власти законную силу, новый царь долженъ былъ прежде всего омыть Кремль отъ тяготѣвшаго надъ нимъ кроваваго пятна и представить убіеніе Димитрія какъ справедливое и неизбѣжное возмездіе. Это было дѣло не легкое и неблагодаряное, но все-таки осуществимое.

Царь имѣлъ подъ рукою слѣдственное дѣло, веденное при Борисѣ Годуновѣ; къ этому присоединились иѣкоторыя обстоятельства, говорившія не въ пользу Димитрія, къ тому же его нововведенія были не-навистны народу. Въ довершеніе всего во дворцѣ были произведены обыскъ, и въ столѣ Димитрія были найдены компрометтирующія его письма. Этого было достаточно, чтобы обвинить его и навѣки погубить въ глазахъ народа.

Московскіе жители неоднократно созывались на совѣщанія и были посвящены въ тайны ихъ бывшаго царя.

Чернь пріобрѣла во время волненій сознаніе своей силы; съ нею приходилось уже считаться, ее надобно было оберегать отъ соблазновъ и привязать къ правительственной власти. Многіе узнали съ изумлениемъ, что ихъ покойный царь не былъ ни сыномъ Иоанна IV, ни законнымъ монархомъ. Тѣ же самые бояре, которые присягали Димитрію, клялись въ томъ, что онъ былъ ни кто иной, какъ разстрѣга Гришка Отрѣпьевъ, рассказывали объ его происхожденіи, объ его исторіи и похожденіяхъ; приписывали ему рядъ преступленій и между прочимъ заключеніе преступнаго союза съ Польшей и вооруженное нашествіе на Москву. Россія была бы погублена, если бы онъ царствовалъ долѣе, говорили они, государственная казна была бы расхищена и нѣкоторыя области отторгнуты; православная церковь была бы преслѣдуема, народу была бы навязана католическая вѣра, всѣ бояре были бы перебиты,—такова была будущность, которую этотъ самозванецъ готовилъ своимъ подданнымъ. И это былъ не пустой вымыселъ, не пустое предположеніе. Въ доказательство приводили письма папы, Рангони, іезуитовъ, сеномірскаго воеводы. Самый фактъ этой переписки долженъ быть казаться подозрительнымъ и внушить вполнѣ справедливыя опасенія. Что же касается намѣренія перебить бояръ, то на этотъ счетъ имѣлось показаніе, исторгнутое у Бучинскаго¹⁾.

Но эти краснорѣчивыя рѣчи не успокоили народъ. Безпорядки время отъ времени повторялись; надобно было чѣмъ-нибудь поразить народъ, произвести на него сильное впечатлѣніе, вывести его изъ заблужденія. Шуйскаго осѣнила гениальная мысль; онъ понялъ, что ему слѣдовало исправить забывчивость, или оплошность, сдѣланную Димитріемъ, который въ продолженіе своего одиннадцатимѣсячнаго царствованія не коснулся маленькаго трупа, покончившагося въ Угличѣ. Сынъ Марыбы былъ погребенъ въ Преображенскомъ соборѣ, гдѣ никто не тревожилъ его вѣчнаго сна. Нѣкоторыя лица утверждаютъ, будто въ царствованіе Димитрія хотѣли что-то сдѣлать съ его трупомъ, но эта мысль была оставлена изъ боязни взволновать народъ, а также вслѣдствіе энергического противодѣйствія со стороны Марыбы. Какъ бы то ни было, Шуйскій ловко воспользовался этимъ обстоятельствомъ. Онъ велѣлъ привезти останки царевича въ Москву. Во главѣ депутаціи, посланной за ними, находился Фидареть Романовъ и два брата Нагие. Эти говорчивые дядюшки отреклись отъ своего самборскаго племянника и признали окончательно своимъ племянникомъ Димитрія Угличскаго.

¹⁾ Москва, главный архивъ, Polski st. sp., 26 л. 1—2.—Russell, La lѣgende de la vie et de la mort de Dѣmѣtrius и т. д., стр. 33. — Собр. гос. грам., т. II, стр. 296, № 140.

Страница истории была переделана согласно съ требованіями минуты. Слѣдствіемъ, произведеннымъ Шуйскимъ въ 1591 г., было установлено, что сынъ Мареи лишилъ себя жизни въ припадкѣ падучей болѣзни; хотя это самоубійство совершилось нечаянно, но оно не удовлетворяло требованіямъ минуты, его могъ съ большимъ успѣхомъ замѣнить ореоль мученичества. Поэтому было решено, что ребенокъ не умеръ случайно, но что наемные убійцы зарѣзали «непорочного агнца» по приказанію Бориса Годунова. Эта поправка, впрочемъ весьма правдоподобная, была сдѣлана кстати въ виду тѣхъ сценъ, которыхъ должны были вскорѣ разыграться.

Когда трупъ царевича былъ вырытъ изъ могилы въ присутствіи Филарета Романова и его спутниковъ, то оказалось, что онъ издавалъ удивительное благовоніе и сохранился превосходно; тѣло младенца было нѣжное и свѣжее, одежда нетронута, только сапожки были слегка потерты, а въ рукѣ у него были зажаты орѣшки, а не ножъ, какъ было удостовѣreno слѣдствіемъ. Все это походило на чудо; но вотъ ребенокъ началъ творить чудеса. Филаретъ тотчасъ извѣстилъ объ этомъ Шуйскаго, который былъ въ восторгѣ.

Мощи новаго чудотворца были перевезены въ Москву. 13-го июня царь, народъ и духовенство вышли имъ на встрѣчу. Мощи были положены въ опочивальню царей въ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ тотчасъ начались чудеса, такъ что не могло быть сомнѣнія въ ихъ святости. Шуйскій повелѣлъ установить въ честь ихъ перенесенія церковный праздникъ.

Все это происходило на глазахъ у царицы Мареи. Она участвовала въ церемоніи перенесенія мощей. Почести, воздаваемыя ея сыну, были равносильны упреку по отношенію къ ней. Она изливала свое раскаяніе въ горькихъ признаніяхъ. Несчастная женщина! Отданная сперва во власть Иоанна IV, затѣмъ преслѣдуемая Борисомъ Годуновымъ, она утверждала, что Димитрій запугалъ ее; этимъ объяснялась ея ложь и подчиненіе его требованіямъ. Василий Шуйскій и высшее духовенство были тронуты ея раскаяніемъ. Они великодушно и всенародно простили несчастную женщину, которую можно было скорѣе признать больною, нежели виновною въ обманѣ.

Цѣль была достигнута. Народъ былъ достаточно вооруженъ противъ самозваннаго царя. Небо и земля осуждали похитителя престола¹⁾.

Впечатлѣніе, произведенное на народъ этими торжественнымъ событиемъ, было не особенно продолжительно. Волненія повторялись периодически, и правительство не знало, чтѣ дѣлать.

¹⁾ Русск. Лѣт., т. VIII, стр. 78. — Русск. ист. библ., т. XIII, собр. 877, 899. — Чудеса, совершенныя Димитріемъ, вызвали сомнѣнія современниковъ.

Во время волнения, произшедшего въ февралѣ мѣсяцѣ 1607 г., Шуйскій, поддерживаемый своими сторонниками, попытался обратиться послѣдній разъ къ совѣсти православнаго народа. Съ этой цѣлью былъ возвращенъ изъ изгнанія бывшій патріархъ Іовъ, креатура Бориса, человѣкъ ненавистный Дмитрію. Привезенный въ Успенскій соборъ, онъ увидѣлъ тамъ многочисленную толпу народа съ патріархомъ Гермогеномъ во главѣ. Архидіаконъ прочиталъ съ высоты амвона просьбу, съ которой жители столицы обращались къ своему бывшему патріарху. Ихъ мучило раскаяніе: они нарушили клятву, данную Борису Годунову и Феодору, и святотатственно присягнули Дмитрію, похитившему престолъ. Ихъ связалъ клятвою патріархъ Іовъ, ему же надлежало разрѣшить отъ этой клятвы всѣхъ предстоявшихъ и отсутствующихъ, живыхъ и мертвыхъ. Съ точки зренія канонического права, эта просьба была верхомъ совершенства. Новый патріархъ обладалъ такими же полномочіями, какъ и прежній; предположивъ, что его избраніе было вполнѣ законно, онъ одинъ имѣлъ власть разрѣшить народъ отъ клятвы. Но Шуйскій не заботился о подобныхъ тонкостяхъ; онъ хотѣлъ только скрѣпить узы, связывавшія его съ московитами. Іовъ, въ отвѣтъ, приготовленномъ заранѣе и который былъ обнародованъ немедленно, прощалъ всѣхъ и настаивалъ на вѣрности Василію Шуйскому. Затѣмъ, растроганный старецъ сказалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ нѣсколько словъ, побуждая народъ жить мирно; но всѣ его слова и мудрые совѣты были скоро позабыты и остались невыполненными¹⁾.

Между тѣмъ царь дѣятельно заботился объ успокоеніи народа, не щадиль своихъ стараній въ Москвѣ и разсыпалъ грамоты въ самыя отдаленные мѣста. Въ этихъ грамотахъ, написанныхъ искусственнымъ перомъ, рассказывалась исторія Гришки Отрепьевы, повторялись признания, сдѣланныя Марою, и доказывались права Василія Шуйскаго на престолъ; грамоты эти читались во всѣхъ концахъ Россіи въ церквяхъ и распространялись въ народѣ воеводами. Кромѣ этихъ официальныхъ документовъ возникла цѣлая услужливая литература, которая получала указанія изъ дворца и распространяла въ народѣ идеи, какія правительству хотѣлось внушить народу. Лучшіе писаки того времени принялись за дѣло и, исполняя данное имъ приказаніе и весьма мало заботясь о справедливости, воскуривали єюмамъ въ честь Шуйскаго. Большая часть этихъ панегирическихъ сочиненій не имѣетъ значенія для исторіи; самое замѣчательное изъ нихъ называется: *Извѣстъ Варлаама*. Далѣе мы еще вернемся къ нему.

Эти сочиненія, даже въ моментъ ихъ появленія, имѣли успѣхъ чисто литературный, но не имѣли никакого практическаго значенія и вліянія

¹⁾ Акты... Арх. эксп., т. II, стр. 148, № 67.

на народъ. Ихъ читали, переписывали, передѣлывали, дѣлали изъ нихъ всевозможныя извлеченія, но отъ этого число сторонниковъ Шуйскаго не увеличивалось ¹⁾.

Поглощенный заботою о волненіяхъ, которая не прекращались внутри государства, царь долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ заниматься внѣшними дѣлами, изъ коихъ самаго настоятельнаго вниманія требовали дѣла польскія. Злосчастное событие 27-го мая перевернуло все вверхъ дномъ и создало новое положеніе вещей, полное недоразумѣній и противорѣчій. Король Сигизмундъ, которому пришлось такъ горько жаловаться на Димитрія, считался его первымъ другомъ; по странному недоразумѣнію его обвиняли въ томъ, что онъ оказалъ вооруженную помощь человѣку, котораго сами же русскіе призвали на престолъ. Отъ этихъ жалобъ конечно было далеко до объявленія войны, но это былъ хороший случай ловить рыбу въ мутной водѣ, тѣмъ болѣе, что поляки, находившіеся въ Москвѣ, могли служить заложниками.

Эти несчастные подвергались тщательной сортировкѣ. Молодая вдова царя и ея отецъ, ея родные и приближенные, посланники съ ихъ свитою и простые солдаты образовали три отдѣльные группы, коихъ постигла приблизительно одинакая судьба ²⁾.

Польскіе солдаты доставляли русскому правительству наиболѣе хлопотъ. Оно охотно отправило бы въ Польшу эти бесполезные рты, но необходимость дѣйствовать осторожно взяла верхъ. Остатки польского войска, вторгнувшагося въ предѣлы Россіи, пробыли въ плѣну около трехъ лѣтъ. Отецъ Николай, неразлучный со своею паствою, возвратился въ Krakovъ лишь 13-го февраля 1609 г. Онъ радовался тому, что могъ, во время этого долгаго испытанія, совершать ежедневно богослуженіе, пріобщать своихъ товарищъ и поддерживать въ нихъ бодрость духа, заслуживъ этимъ одобрение московитовъ ³⁾.

Если русскіе задерживали солдатъ, тѣмъ болѣе основанія они имѣли не выпускать посланниковъ. Такъ какъ пребываніе послѣднихъ въ Москвѣ было безцѣльно, то они выразили желаніе уѣхать немедленно, но бояре понимали, что посланники были бы свидѣтелями противъ нихъ, и поэтому решительно возстали противъ этого, стараясь объяснить свой отказъ законнымъ предлогомъ. Священные права иностранныхъ представителей не должны были быть явно нарушены, рѣшили бояре на первомъ же засѣданіи, происходившемъ 6-го іюня. Въ этотъ день по-

¹⁾ Собр. гос. грам., т. II, стр. 302, № 144 и сл. — Платоновъ, Очерки, стр. 316; Drevner, Skaz., passim.

²⁾ Собр. гос. грам., т. II, стр. 302, № 144 и сл. — Платоновъ, Очерки, стр. 316. Drevner Skaz., passim.

³⁾ Наше собраніе, письмо Чижовскаго къ Аквавивѣ отъ 14-го февраля 1609 года.

сланники были приглашены во дворец. Они находились еще подъ впечатлѣніемъ только-что совершившагося убийства, были весьма озабочены своею собственою участью, поэтому смотрѣли на все мрачно и печально. Во дворцѣ царствовало мрачное безмолвіе. На лицахъ присутствующихъ отражался испугъ.

Въ импровизированномъ совѣтѣ бояръ предсѣдательствовалъ князь Мстиславскій. Вмѣсть съ нимъ засѣдали два брата Шуйскихъ, Голицыны, Нагие, Романовъ, Татищевъ. Распростертые наканунѣ у ногъ Димитрия, они выпрямились теперь во весь ростъ и явились обвинителями своего бывшаго монарха. Перемѣна была столь внезапна и фантастична, что производила впечатлѣніе сновидѣнія. Мстиславскій, войдя въ свою роль, прочелъ длинный обвинительный актъ, въ которомъ царь Димитрий былъ отождествленъ съ Гришкой Отрепьевымъ и всѣ участники события обвинялись совершенно произвольно. Иныхъ виновныхъ кромѣ поляковъ, само собою разумѣется, не нашлось. Смирной Отрепьевъ официально предупреждалъ ихъ о томъ, говорили бояре, что роль претендента взялъ на себя его племянникъ Гришка Отрепьевъ; второе послѣство подтвердило это обстоятельство. Но поляки, не обращая на это вниманіе, оказали свое содѣйствіе искателю приключеній, вопреки существовавшему перемирію, что и было причиной всѣхъ послѣдующихъ бѣдствій.

Посланникамъ было легко исправить неточности этого изложенія и представить на него свои возраженія. «Московиты первые,—сказали они,—клялись въ томъ, что Димитрий былъ прирожденнымъ сыномъ Иоанна IV, а вы, бояре, убѣждали его прѣѣхать, вы короновали его, вы присягнули ему на вѣрность. Почему же вмѣняете вы полякамъ въ преступленіе то, что они шли по вашимъ стопамъ?»

Когда вопросъ былъ поставленъ такимъ образомъ, обѣ стороны очутились въ затруднительномъ положеніи. Ни русскіе, ни поляки не говорили всей правды. Въ виду всего вышесказанного московиты очутились въ крайне неловкомъ положеніи. Никакія уловки Татищева не могли помочь дѣлу. Князь Мстиславскій обвинялъ во всемъ человѣческие пороки и приписывалъ имъ всѣ происшедшія бѣдствія. Эти разсужденія весьма мало интересовали посланниковъ; ихъ мучили личныя заботы. Они требовали, чтобы ихъ отпустили немедленно; было решено доложить обѣ этомъ царю. Такъ какъ бояре медлили, то встревоженные посланники, желая ускорить свой отѣѣздъ, подали царю нѣсколько дней спустя прошеніе, въ коемъ подробно излагали всѣ мотивы своей просьбы.

Но имъ пришлось испытать весьма горькое разочарованіе! 15-го июня надѣдливый Татищевъ явился къ нимъ съ письмами покойнаго Димитрия. По прочтеніи ихъ, онъ объявилъ имъ, что князь Волконскій

и дьякъ Андрей отправяется въ Польшу для рѣшенія текущихъ дѣлъ, а что касается ихъ, посланниковъ, то они будутъ ожидать въ Москвѣ возвращенія русскихъ пословъ; эти слова были для поляковъ громовымъ ударомъ. Они поняли, что они очутились въ плѣну, всѣ ихъ возраженія ни къ чему не повели; грубая сила одержала верхъ. Несчастными овладѣла несказанная грусть; вместо кратковременного отсутствія изъ Польши они были обречены на продолжительное пребываніе вдали отъ родины, семьи, не имѣя возможности заботиться о своихъ дѣлахъ, что могло вредно отразиться на нихъ, къ тому же имъ приходилось жить при самыхъ печальныхъ условіяхъ. Ихъ прислуга, лошади и вещи были скучены въ плохомъ, тѣсномъ помѣщѣніи; они питались плохо, никогда не были накормлены досыта; за ними слѣдили, какъ за мошенниками, они не могли сообщаться съ внешнимъ міромъ, имъ не позволяли никуда выходить, они дышали спертымъ и зараженнымъ воздухомъ; дѣти свободной Польши были обречены на тяжкое рабство. Только при помощи всевозможныхъ уловокъ и хитрости имъ удавалось получать новості, обмѣниваться письмами; Николай де Мелло посыпалъ имъ изъ Соловецкаго монастыря длиннѣйшія посланія, разсчитывая на ихъ покровительство, чтобы получить свободу; но эти письма доставляли имъ весьма мало утѣшенія. Ихъ жизнь текла печально и однообразно, въ вѣчной борьбѣ съ ихъ тюремщиками и въ мечтахъ о Польшѣ, откуда они ожидали избавленія, которое не приходило.

Марина и воевода Мнишекъ также не могли похвалиться на свою судьбу. Отъ нихъ отобрали все ихъ имущество. Всѣ цѣнныя вещи и значительная сумма денегъ были конфискованы; изъ конюшенья воеводы были уведены лошади, его прекрасными винами угощались лица, разграбившія его имущество. Алчность бояръ не остановилась передъ трауромъ Маринѣ: они отняли у нея не только драгоценныя вещи, полученные ею отъ Димитрія, но и все то, что составляло ея личную собственность. Оставивъ дворецъ, въ которомъ она провела всего нѣсколько дней, Марина не имѣла ничего: ей было оставлено всего нѣсколько рубашекъ. Когда послѣ усиленныхъ и неотступныхъ просьбъ ей было разрѣшено свиданіе съ отцомъ, то она сказала: «Я хотѣла бы, чтобы мнѣ лучше возвратили моего негритенка, нежели мои драгоценности и наряды, которыхъ у меня было такъ много!» Среди всеобщихъ слезъ и стениній, эти слова прозвучали какъ взрывъ радостнаго смѣха. Молодая девушка, которую постигло столь тяжкое испытаніе, дышала молодостью и жизнью; беззаботная полька бросила съ безумной отвагою вызовъ судьбѣ, и судьба приняла ея вызовъ.

Говорятъ, будто воевода Мнишекъ и послѣ несчастнаго событія не отмѣнилъ царскій этикетъ, который соблюдался въ дни кратковременнаго величія его дочери, и окружилъ ее почестями, подобающими ца-

*

рицѣ. Разыгравая эту комедію, онъ имѣлъ серьезное основаніе: ему хотѣлось сохранить Маринѣ ускользавшую отъ нея корону. Подобно утопающему, который хватается за соломинку, Мнишекъ хотѣлъ воспользоваться присягою, данною Маринѣ, чтобы добиться объявленія ея регентшей, подготавливъ къ этому умы оказываемыми ей внѣшними знаками почтенія. Въ то же время, по словамъ Сигизмунда, онъ старался заручиться на это согласіемъ бояръ. Но его мечта вскорѣ разсѣялась. Русские не хотѣли видѣть на престолѣ женщину. Еще болѣе страннымъ кажется слухъ, передаваемый архіепископомъ Арсеніемъ; онъ говоритъ, будто существовалъ планъ соединить брачными узами вдову Димитрія и Василія Шуйского и этимъ разрѣшить затруднительное положеніе ¹⁾). Дѣйствительно, вновь избранный царь отказался отъ безбрачія, навязанного ему Годуновыми, но его выборъ палъ на русскую. Поляки не пользовались симпатіями русскихъ; Мнишекъ имѣлъ вскорѣ еще разъ случай убѣдиться въ этомъ.

Онъ былъ подвергнутъ допросу. Бояре хотѣли знать, что именно руководило его поведеніемъ относительно Димитрія и какого свойства были его отношенія къ нему. Если бы Мнишку удалось доказать царственное происхожденіе Димитрія, то онъ одержалъ бы верхъ надъ своими противниками. Конечно, онъ этого сильно желалъ; отъ этого зависѣла его честь и безопасность и будущность его дочери. Поэтому его отвѣты были смѣлы и рѣшительны и почти не допускали возраженій, но его доказательства были слабы. Сразу было видно, что онъ почерпнулъ свои свѣдѣнія изъ того же источника, какъ Вишневецкій, т. е. что онъ повѣрилъ Димитрію на слово. Изъ свидѣтелей поляковъ онъ могъ сослаться только на лифляндца, появившагося у Саїғи, и на плѣнного изъ Пскова; никого другаго онъ не разспрашивалъ. Но бояре все же были смущены его рѣчами. «Я хотѣлъ только торжества истины и справедливости,—сказалъ онъ; я никогда не переступилъ бы границы, если бы московиты не призвали Димитрія, не вооружились на его защиту и не сражались за него». Затѣмъ, онъ такъ же, какъ и посланники, спросилъ бояръ: «Зачѣмъ короновали вы его? Зачѣмъ присягали ему?» Бояре, разумѣется, ничего не отвѣчали на эти докучливые вопросы; приѣхавши съ Гришкѣ Отрепьевѣ служилъ имъ отговоркою; нравственное чувство было уже настолько притуплено, что клятвопреступныя показанія Нагихъ имѣли вѣсъ; на нихъ ссылались какъ на неопровергимое доказательство ²⁾.

Въ то время какъ происходили эти переговоры, не имѣвшіе никакого практическаго результата, воевода и его дочь находились подъ над-

¹⁾ Дмитревский, стр. 139, 232.

²⁾ Собр. гос. грам., т. II, стр. 219, № 140.

зоромъ своихъ хранителей. 25-го іюня имъ отвели помѣщеніе въ бывшемъ домѣ Аѳанасія Власьева, котораго постигла опала и который былъ сосланъ внутрь страны. Они прожили въ этомъ домѣ не долго. Въ исходѣ августа, всѣ поляки, за исключеніемъ посланника, получили приказаніе оставить Москву. Воевода, его дочь, ея ближайшіе родственники, бернардинские монахи, въ томъ числѣ и отецъ Ансеринусъ, были отвезены въ Ярославль. Это была настоящая ссылка со всѣми ея лишеніями и страданіями и безъ проблеска надежды. Это перемѣщеніе было вызвано затруднительнымъ положеніемъ дѣлъ.

III.

Легенда о Димитріи.—Письмо отца Босгравена къ Поссевину.—Донесеніе Франческо Таламіо.—Валевскій и Крипоскій.—Ихъ допрашиваетъ отецъ Барчъ.—Донесеніе нунція.—Сомнѣнія Рагони.—Письмо отца Андрея.—Слѣдствіе, произведенное о. бернардиномъ въ Самборѣ.—Свидѣтельство Яна Бильчинскаго.—Колебанія въ Ватиканѣ.—Несогласія среди московитовъ.—Неловкость, сдѣланная Шуйскимъ.—Князь Шаховской.—Отплата.—Польскій контингентъ.—Лиссовскій, Рожинскій и Иванъ-Петръ Сапѣга.—Казаки.—Появленіе Димитрія II.—Его происхожденіе по свидѣтельству Велевицкаго.—Онъ выдаетъ себя за Димитрія I.—Онъ располагается со свсими войсками въ Тушине.—Анархія въ Россіи.—Возвращеніе князя Волконскаго.—Новые польскіе посланники въ Москвѣ.—Заключеніе перемирия.—Отъездъ поляковъ.—Тайное соглашеніе.—Мнишки въ Тушине.—Кризисъ и превращеніе.—Свадьба Марини.—Ея холодность къ отцу.—Обѣщанія, данные Димитріемъ II.—Противорѣчивыя извѣстія, полученные въ Ватиканѣ.—Пріѣздъ двухъ сыновей воеводъ въ Римъ.—Ихъ показанія.—Сигизмундъ высказывается.

Бояре напрасно старались приписать появленіе Димитрія и его успѣхъ исключительно польской интригѣ; события жестоко изобличили ихъ во лжи. Причины всеобщаго недовольства лежали во внутренней неурядице, отъ которой страдало населеніе; народныя бѣдствія сдѣлали возможнымъ иноземное вмѣшательство. Волненія, охватившія Россію, не оставляли въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Народъ находился еще подъ впечатлѣніемъ катастрофы 27-го мая, въ церквяхъ раздавалась анаема противъ Гришки Отрепьева, какъ вдругъ пронеслась изумительная вѣсть: «царь Димитрій не былъ убитъ, онъ здравъ и невредимъ и готовится возвратиться въ Кремль». Если Димитрій былъ живъ, то невольно являлся снова вопросъ о его царственномъ происхожденіи. Что надо было думать обо всемъ этомъ?

12-го августа 1606 г. отецъ Босгравенъ, усердный корреспондентъ Поссевина, сообщалъ ему въ одномъ и томъ же письмѣ объ убийствѣ

Димитрія и о его вторичномъ появлениі. Слухи были весьма разнорѣчины. Московиты, по словамъ Босгравена, не вѣрили имъ. Поляки держались противуположныхъ мнѣній. Одни изъ нихъ вторили русскимъ; другіе утверждали, что Димитрій, будучи предупрежденъ о заговорѣ, бѣжалъ, пользуясь темнотою ночи, и что заговорщики убили вмѣсто него другаго человѣка, вслѣдствіе чего и были привяты такія мѣры предосторожности, включая сожженіе трупа для того, чтобы не было возможности провѣрить его личность. Прежде нежели отослать письмо, Босгравенъ навелъ еще разъ справки и заключилъ свое посланіе слѣдующими словами: «Сию минуту приѣхали изъ Вильны два еврея, которые утверждаютъ самымъ положительнымъ образомъ, что Димитрій несомнѣнно былъ убитъ. Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія»¹⁾.

Къ сожалѣнію, люди, столь добросовѣстные, какъ отецъ Босгравенъ, встрѣчались довольно рѣдко; весьма многіе, въ особенности люди низкаго происхожденія, легко увлекались всѣмъ чудеснымъ. Одинъ италіанскій купецъ, Франческо Тalamio, живо описываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ свои впечатлѣнія. Возвратясь съ ярмарки изъ Ярославля въ Галицію, онъ привезъ покупателямъ товары и кучу новостей. Самые любопытныя изъ нихъ касались исторіи Димитрія. По его словамъ, царь, полный жизни и силъ, находился въ Самборѣ, въ монастырѣ бернардиновъ, гдѣ онъ скрывался отъ постороннихъ глазъ. Его исторія была такова. Три таинственные личности проѣхали въ Галицію. Одинъ изъ нихъ, къ которому прочие относились особенно почтительно, сѣлъ въ карету, изъ которой онъ уже не выходилъ; эта карета, подъ конвоемъ двухъ всадниковъ, прибыла въ Самборъ. Тутъ слѣды путешественниковъ затерялись, а между тѣмъ въ замкѣ произошла неожиданная перемѣна. Дочь воеводы Мнишека, до тѣхъ поръ все время горевавшая, осушила свои слезы и повеселѣла. Одна изъ ея служанокъ, отправившись на базаръ за покупками, разболтала тайну, что причиною этой радости было присутствіе въ Самборѣ Димитрія. Одинъ изъ заклятыхъ враговъ царя, который радъ былъ бы его смерти, сознался въ присутствіи Таламіо, что Димитрію удалось спастись. Впрочемъ, обѣ этомъ громко заявляли всѣ участники rokosz'a. Столь рѣшительные доводы поразили легковѣрного италіанца; вспились еще болѣе легковѣрные люди, готовые слушать его и вѣрить ему.

Разсказъ, который ходилъ изъ устъ въ уста въ народѣ, дошелъ съ разными варіантами до высшаго общества. О. Барчъ имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ лично, когда чрезъ Кіевъ проѣхала депутація изъ Сѣверска въ поискахъ за Димитріемъ, въ полной увѣренности, что она отыщетъ его въ какомъ-нибудь замкѣ, гдѣ онъ спрятался. Обѣ этомъ

¹⁾ Наше собраніе, собственноручное письмо Босгравена къ Поссевину.

сообщилъ о. Барчу кіевскій епископъ Казимірскій, который вірочемъ самъ быль вполнѣ убѣжденъ въ смерти Димитрія. Нѣсколько офицеровъ, служившихъ въ арміи, съ которою претендентъ вторгся въ предѣлы Россіи, поддерживали противуположное мнѣніе. Нѣкто Валевскій и его слуга Сигизмундъ Крипосскій утверждали, что имъ извѣстно все какъ нельзя лучше и, дѣйствительно, ихъ не затрудняли никакія подробности, у нихъ было всегда наготовѣ какое-нибудь объясненіе. Подвергнутые о. Барчемъ допросу, они разсказали, что у Димитрія были два двойника; одного изъ нихъ звали Борковскій, другой быль племянникъ Мосальскаго. За исключеніемъ знаменитой бородавки, они были похожи на царя, какъ две капли воды. Поэтому когда царь хотѣлъ пользоваться свободой, то онъ приклеивалъ одному изъ нихъ накладную бородавку на носъ, передавая ему свои знаки отличія, и дѣло было сдѣлано: никто не подозрѣвалъ обмана. Такъ было и 27-го мая. Димитрія замѣнилъ Борковскій и въ то время какъ онъ падъ подъ ударами заговорщиковъ, царь ускакалъ изъ Москвы верхомъ на лошади. Конецъ исторіи такъ же страненъ, какъ ея начало. Отцомъ Барчемъ овладѣвали подъ чась сомнѣнія, но все-таки его поразило одно обстоятельство, которому онъ придавалъ особое значеніе. «Все удавалось Димитрію, говорилъ онъ, до тѣхъ поръ, пока онъ былъ признателенъ къ своему великому благодѣтелю, королю польскому, но какъ только онъ проявилъ неблагодарность, счастье измѣнило ему». Слушая эти разнорѣчивыя разсказы, о. Барчъ счелъ долгомъ сообщить нунцію всѣ подробноти, сдѣлавъ однако двѣ оговорки: за истину сообщаемыхъ фактovъ онъ возлагалъ отвѣтственность на тѣхъ лицъ, кои сообщили ему эти свѣдѣнія, но изъ предосторожности просилъ не упоминать его имени, передавая кому-либо этотъ разсказъ.

Сообщеніе о. Барча повергло Рангони въ величайшее недоумѣніе. И онъ уже слышалъ разсказъ Франческо Таламіо. Къ тому же молчаніе о. Савицкаго и Ансеринуса, которые, рассказывая о печальному происшествіи, не упоминали ни слова о Димитріи, казалось ему весьма знаменательнымъ. 31-го октября 1606 г. ему прислалъ торжествующее письмо о. Андрей. Опечаленный московскими событиями, бывшій полковой священникъ сѣѣздилъ въ Самборъ, гдѣ его постигло горькое разочарованіе; онъ не видалъ тамъ Димитрія, но его горе превратилось въ радость, когда къ нему явился во Львовъ одинъ офицерь съ письмомъ отъ дочери воеводы Мнишека, которая удостовѣряла, что Димитрій находится въ живыхъ. Въ военномъ мірѣ этому извѣстію вполнѣ вѣрили. О. Андрей былъ въ восторгѣ.

Эти слухи были настолько упорны, что одинъ бернардинскій монахъ, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ, былъ посланъ изъ Кракова въ Самборъ съ официальнымъ порученіемъ наве-

сти тамъ серьезная справки. Онъ возвратился съ документомъ, скрѣпленнымъ его сотоварищами, коимъ удостовѣрялось, что Димитрія не было въ ихъ монастырѣ: его не видѣли съ самаго его отѣзда.

Но чѣмъ болѣе царь былъ неуловимъ, тѣмъ большее число лицъ выбивались изъ силъ, желая воскресить его. 5-го января 1607 г., на канунѣ крещенія, прїѣхалъ во Львовъ изъ Ярославля бывшій секретарь Димитрія, Янъ Бильчинскій; онъ явился къ о. Андрею, своему бывшему духовнику, клялся ему, что Димитрію удалось спастись, что его дѣло подвигается впередъ, что Марина ожидаетъ его съ нетерпѣніемъ. Онъ разсказывалъ подробно о своемъ пребываніи у Мишековъ, и добрый о. Андрей снова воспылалъ надеждою и сталъ развивать свои планы относительно Московіи¹⁾.

Колебанія нунція отражались въ Ватиканѣ, куда Рангони препровождалъ всѣ документы, попадавши въ его руки, сообщая результаты добытыхъ имъ свѣдѣній и ходившіе въ обществѣ слухи. Кардиналь Боргезе, переходя отъ одной крайности къ другой, смотря потому, какое мнѣніе одерживало верхъ, былъ готовъ ко всяkimъ случайностямъ. Его интересовалъ вопросъ, почему царь медлилъ явиться, если онъ былъ живъ? Ему намекали въ отвѣтъ, что причиной этого могла быть предполагаемая неблагодарность къ королю польскому. Тогда кардиналь обсуждалъ заблаговременно тѣ мѣры, какія надлежало принять, чтобы примирить ихъ, какія грамоты придется послать Сигизмунду и какие благочестивые совѣты будутъ даны Димитрію. «Пусть онъ только раскается, говорилъ кардиналь, пусть онъ не окружаетъ себя еретиками, пусть онъ поработаетъ во славу Божію». Въ инструкціяхъ, которыя были даны 18-го ноября 1606 г. преемнику Рангони, проглядываетъ отчаяніе. Кардиналь отмѣчаетъ въ нихъ съ грустью, что со смерти Димитрія заброшены всѣ планы единенія съ Москвою, и настаиваетъ на проектѣ Рутского и на преобразованіи Базиліанскаго ордена. Однако въ заключительныхъ словахъ письма замѣтно колебаніе²⁾.

Впрочемъ, неудивительно, если въ Польшѣ и въ Римѣ не могли разобраться въ происходившихъ событияхъ. Вопреки словамъ о. Босгравена, сами московиты рѣшительно не знали, что думать о нихъ. Первый тревожный слухъ о неудавшемся убийствѣ былъпущенъ, кажется, Михаиломъ Молчановымъ, любимцемъ Димитрія. Вѣсти, слышан-

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 499, *Relatione d'un mercante italiano; Moscovitica* (донесеніе о. Барча); письмо Рангони къ кардиналу Боргезе отъ 2-го сентября 1606 г., письмо Лавицкаго къ Рангони отъ 31-го октября.—II, 230, письма Рангони къ кардиналу Боргезе отъ 25-го и 28-го сентября, и 25-го ноября 1605 г.—II, 234, письмо Лавицкаго къ Стривери отъ 12-го января 1607 года.

²⁾ Ватиканскій архивъ, *Polonia*, 173, л. 93 в⁰, 97, 102 в⁰, и т. д.

ная Таламіо на Ярославской ярмаркѣ, были только слабымъ отголоскомъ тѣхъ слуховъ, которые ходили въ Москвѣ, смущая умы, и разносились съ неимовѣрной быстротою по Россію. Ошибка, сдѣланная Василемъ Шуйскимъ, ускорила взрывъ давно уже подготовленной мины. Послѣ своего избранія онъ сослалъ въ отдаленный мѣста самыхъ ярыхъ сторонниковъ своего предшественника, а для того, чтобы смягчить впечатлѣніе, произведенное этой незаслуженной карою, онъ далъ нѣкоторымъ изъ нихъ высшія административныя должности. Такъ было поступлено съ Григоріемъ Шаховскимъ, человѣкомъ, преданнымъ Димитрію, дѣятельнымъ и предпріимчивымъ; Василій сдѣлалъ ошибку, назначивъ его воеводою въ Путівль. Это было равносильно тому, что поставить его во главѣ самыхъ преданныхъ приверженцевъ Димитрія и дать ему средства организовать восстание. Онъ ловко этимъ воспользовался, объявивъ, что Димитрій вскорѣ появится вновь, и призывалъ къ оружію подъ его знамена всѣхъ московитовъ. Его кличъ произвелъ на толпу магическое впечатлѣніе.

Послѣдовавшія событія бросаютъ яркій свѣтъ на тогдашнее соціальное положеніе Россіи. Ей приходилось искупить политическія ошибки, сдѣянныя Ioannomъ IV и Борисомъ Годуновымъ, и злоупотребленіе ими властью. Шаховской только продолжалъ втайнѣ дѣло Димитрія: казаки, бѣдняки, бродяги и ссыльные отклинулись на его зовъ и пошли подъ его знамена. Династический вопросъ служилъ только предлогомъ; людей прельщалъ грабежъ, погоня за свободою. Люди, обездоленные судбою, изъ коихъ хотѣли образовать авангардъ войска противъ татаръ, становились авангардомъ бунтовщикъ; бѣдный возставалъ противъ богатаго, угнетеннаго—противъ угнетителя; народъ готовъ былъ мстить и объявилъ войну существующему порядку. Человѣкъ, съ желѣзной волею и орлинымъ взглѣдомъ, могъ бы подавить это движение, но Василій, окруженный измѣнниками, не обладалъ ни тѣмъ, ни другимъ качествомъ.

Поляки знали все происходившее у своихъ сосѣдей. Они интересовались московскими событіями тѣмъ болѣе, что могли доставить помощь воюющимъ. Rokosz приближался къ концу, Livonія была усмирена, профессиональные драчуны оставались безъ дѣла; военная прогулка въ Россію представлялась имъ соблазнительной и заманчивой. Предлогъ къ тому являлся самъ собою; убитые и содергимые въ плѣну соотечественники давали право совершить возмездіе и вознаградить себя грабежемъ и добычею; поэтому въ самое короткое время сформировались многочисленныя банды, и известные предводители войска двинулись съ ними къ Московской равнинѣ. Самымъ грознымъ изъ этихъ партизанскихъ предводителей былъ Александръ Лисовскій, на половину разбойникъ, на половину генералъ, человѣкъ смѣлый, выносливый,

быстрый, какъ молнія; онъ не имѣлъ себѣ соперника въ искусствѣ организовать хищническіе набѣги, распространить далеко въ окрестности страхъ и ужасъ и напасть на непріятеля врасплохъ. Князь Романъ Рожинскій и Иванъ-Петръ Сапѣга также выступили въ походъ, но они хвастались тѣмъ, что ведутъ настоящую войну и даютъ сраженія по всѣмъ правиламъ искусства. Что касается казаковъ, то они были готовы на все. Атаману Заруцкому стоило кликнуть кличъ, и рубаки съ береговъ Дона и Днѣпра явились къ его услугамъ. Люди стекались со всѣхъ сторонъ въ Россію и пополняли ряды мятежной арміи.

Но имя, коимъ пользовались для того, чтобы поднять народъ, должно было рано или поздно воплотиться въ нечто реальное, иначе оно прошло бы призракомъ. Зачинщикамъ движенія хотѣлось, какъ можно скорѣе показать своего героя и сгруппироваться вокругъ него. Затруднительность положенія возрастала со дня на день. Димитрій не могъ возродиться изъ пепла; всѣ тѣ, кто былъ посвященъ въ его исторію, прекрасно знали это; но гдѣ было найти искателя приключеній, способнаго сыграть его роль и быть подставнымъ лицомъ? Послѣ многихъ поисковъ наконецъ былъ найденъ человѣкъ, обладавшій требуемыми качествами. Еще одна таинственная личность! По поводу его ходили самые баснословные разсказы. Велевицкій говоритъ, что онъ былъ секретаремъ Димитрія. Оставилъ безъ дѣла по смерти своего патрона, онъ былъ принять изъ состраданія въ домѣ одного могилевскаго священника и внесъ разладъ въ его семью. Оскорбленный мужъ наказать его плетью и предоставилъ его снова скитальческой жизни и нуждѣ. Доведенный до отчаянія, молодой человѣкъ прибылъ случайно въ Стародубъ, гдѣ выдалъ себя, неизвѣстно какимъ образомъ, за Димитрія, былъ призванъ таковымъ и принялъ командованіе арміей ¹⁾.

Собственно говоря, онъ ничего не понималъ въ военномъ искусствѣ, но возлѣ него были свѣдущіе люди, которые наставляли его своими совѣтами и руководили имъ. Потерпѣвъ нѣсколько пораженій и перенеся не мало испытаній, онъ добрался наконецъ въ 1608 г. въ Тушино, въ двѣнадцати верстахъ отъ Москвы, гдѣ и остановился. Это мѣстечко, которому было суждено пріобрѣсти такую печальную извѣстность, было превращено въ укрѣпленный лагерь и приняло вскорѣ видъ настоящаго городка. Въ немъ было сосредоточено огромное войско, коего продовольствіе привлекало множество людей; помимо купцовъ, продававшихъ свои товары, тутъ были измѣнники, торговавшіе своею честью. Тушино угрожало Москвѣ осадою, и за Димитріемъ II осталось навсегда название Тушинскаго вора.

¹⁾ Велевицкій, т. II, стр. 239.

Въ Россіи свирѣпствовала анархія. Хотя Василій Шуйскій одержалъ нѣсколько побѣдъ, строго наказалъ своихъ противниковъ, утопилъ Болотникова, одного изъ главарей возстанія, и повѣсили гнуснаго Петрушуку, мнимаго сына Феодора, но все-таки ему не удалось нанести бунтовщикамъ большаго и послѣдняго удара. Страна была обѣята возстаніемъ, раздираема партіями, доступна вторженію враговъ, не питала ни малѣшаго довѣрія къ царю, была игрушкою въ рукахъ искателей приключений и предавалась самымъ неистовыимъ порывамъ своихъ страстей. Василій понималъ всю опасность положенія и, никогда не имѣвъ желанія воевать съ Польшею, теперь все болѣе и болѣе склонялся къ мирному рѣшенію вопроса. События какъ нельзя лучше послужили ему на пользу.

Князю Волконскому, отправленному, какъ мы помнимъ, въ Краковъ, не удалось ничего добиться и заключить какой-либо сдѣлки. На первый же предложенный ему вопросъ о трагическихъ событіяхъ, происшедшихъ въ Москвѣ, онъ отвѣчалъ раздражительно, что Димитрій дѣйствительно былъ убитъ, но что поляки стѣумѣютъ воскресить его. Подобное вступленіе не предвѣщало ничего добра, и дѣйствительно, единственнымъ результатомъ русскаго посольства въ Краковъ было отправленіе польского посольства въ Москву. Посланніе Друдцкій-Соколинскій и Витовскій прибыли въ Кремль 22-го октября 1607 г. Хотя русскимъ несомнѣнно было выгодно дѣйствовать со всевозможной послѣдностью, но они не отказались отъ своихъ исконныхъ традицій и затянули переговоры къ полному отчаянію Олесницкаго и Госѣевскаго. Выведенныи изъ терпѣнія, соскучившись ожиданіемъ, они стали грозить своимъ тюремщикамъ, что пробоятся къ границѣ съ оружіемъ въ рукахъ, и стали дѣлать соотвѣтственные приготовленія. Чтобы успокоить ихъ, въ дѣло пришлось вмѣшаться боярамъ.

Между тѣмъ возраставшія затрудненія сдѣлали Василія болѣе сговорчивымъ. 23-го іюля 1608 г. было наконецъ заключено перемиріе на три года и одиннадцать мѣсяцевъ. Главнымъ условіемъ было предоставленіе свободы всѣмъ полякамъ, задержаннымъ въ Москвѣ. Польша, со своей стороны, обѣщалась не оказывать вооруженной помощи Тушинскому вору. Такимъ образомъ взаимныя выгоды обѣихъ націй были обеспечены; Василію оставалось вести борьбу только съ внутренними врагами, лишенными иноzemной поддержки, слѣдовательно, не столь опасными. Но перемиріе существовало только на бумагѣ; въ сущности противники не разоружались, измѣнники продолжали свое дѣло, и Сигизмундъ III помышлялъ о войнѣ. Гроза вскорѣ разразилась.

Во время происходившихъ переговоровъ, Мнишекъ и его дочь были вызваны изъ Ярославля въ Москву. Они первые должны были восполь-

зоваться вновь заключеннымъ соглашениемъ; заранѣе было решено, что Марина откажется отъ своихъ царскихъ правъ. Воевода сеномірскій достигъ такимъ образомъ конца своей бурной жизни; ему предстояло наслаждаться спокойной старостью. Для этого ему стоило только возвратиться въ Самборъ, къ частной жизни, занять снова свое мѣсто у домашнаго очага и продолжать свои служебныя обязанности и свои бѣсѣды съ о.о. бернардинами. Что помѣщало ему сдѣлать это тотчасъ? Роковое сдѣлание обстоятельствъ или честолюбіе?

Послѣ заключенія перемирия, Мнишеки оставили Москву вмѣстѣ съ Олесницкимъ и Госѣевскимъ. Ихъ сопровождала свита изъ пятисотъ человѣкъ, такъ какъ въ дорогѣ можно было всегда ожидать какой-нибудь засады, даже еслиѣхать проселками. Несмотря на всѣ принятые предосторожности, по пути произошла тревога. Былъ моментъ, когда конвой, желая избѣгнуть засады, хотѣлъ повернуть обратно, пожертвовавъ двумя или тремя днями ради своей безопасности. Этотъ вопросъ обсуждался горячо, посланники не могли говориться, и каждый изъ нихъ поступилъ по своему усмотрѣнію. Госѣевскійдовѣрчиво принялъ предложеніе московитовъ; его другъ Савицкій поступилъ точно такъ же; ни тому, ни другому не пришло раскаяться въ этомъ. Повернувшись обратно, они встрѣтили новое подкѣплевіе и хотя это нѣсколько замедлило ихъ путешествіе, но все же они достигли благополучно польской границы. Олесницкій и Мнишеки, не согласившись потерять времени на объездъ, продолжали свой путь въ томъ же направлѣніи и попали въ западню. Димитрій усердно слѣдилъ изъ Тушинъ за своею добычею; овладѣть Мариною было для него важнѣе, нежели выиграть сраженіе. Если бы она признала его своимъ супругомъ, то это придало бы ему огромное значеніе въ глазахъ народа! Случилось ли это по обоюдному согласію или нѣтъ, сказать трудно; какъ бы то ни было, путешественники были застигнуты врасплохъ сильнымъ отрядомъ, который безъ труда овладѣлъ ими и передалъ ихъ въ руки Яна-Петра Сапѣги, а послѣдній отвезъ ихъ въ Тушину. Такимъ образомъ Мнишеки, отецъ и дочь, остались у воротъ Москвы вмѣсто того, чтобы возвратиться въ Польшу.

Это происшествіе, чреватое послѣдствіями, было, по словамъ краковскаго нунція, только «хитрою продѣлкою» воеводы. Король раздѣлялъ этотъ взглядъ, и въ декабрѣ мѣсяца 1608 г. самъ раскрылъ нунцію честолюбивые планы несчастнаго отца. «Мнишекъ остался съ Димитріемъ, говорилъ Сигизмундъ, чтобы придать ему болѣе вѣса, отдать ему руку своей дочери, какъ только онъ достигнетъ престола, и дать ему возможность воспользоваться присягою, принесенною нѣкогда Маринѣ». Съ другой стороны, письмо Димитрія къ Мнишеку отъ 22-го августа 1608 г. вызываетъ сильное подозрѣніе историковъ; они въ одинъ

голосъ обвиняютъ воеводу въ томъ, что онъ облегчилъ своей дочери побѣгъ въ Тушино и даже самъ подалъ ей къ тому мысль. Въ сущности хотя въ его поведеніи было замѣтно нѣкоторое колебаніе, но, по возвращеніи въ Польшу, онъ объяснилъ свои поступки въ рѣчи, произнесенной имъ на сеймѣ 1611 г. Король былъ на этомъ сеймѣ, ему стоило только опровергнуть слова оратора или изобличить его во лжи, но онъ, по обыкновенію, предпочелъ не вмѣшиваться въ дѣло и предоставить сенаторамъ решить споръ между собою¹⁾.

Также точно неизвѣстна истина относительно Марини. Была ли она принесена въ жертву отцомъ? Или сама обрекла себя на разныя приключенія? Раздѣлила ли дочь магната добровольно ложе обманщика? Или же она была вынуждена къ тому угрозами и силою? Этотъ періодъ тревожной жизни Марини наиболѣе таинственъ.

Іванъ-Петръ Салѣга, бывшій очевидцемъ первого свиданія Марини съ Димитриемъ, вынесъ изъ него самое тягостное впечатлѣніе: по его словамъ, бывшая царица холодно приняла новаго претендента на московскій престолъ. Одинъ слуга Олесницкаго, вернувшись изъ Тушина, передавалъ сцену ихъ свиданія съ потрясающими подробностями: оскорбленная въ своей женской гордости, повинуясь непреодолимому отвращенію, Марина схватила, по его разсказу, ножъ, нацѣлилась имъ на свое сердце и воскликнула съ надрывающимъ душу отчаяніемъ: «лучше смерть». Этотъ благородный, но слишкомъ кратковременный порывъ свидѣтельствуетъ о благородствѣ ея чувствъ. Но это осталось неизвѣстнымъ Мартину Стадницкому. Рабски почтительный нѣкогда церемоніймейстеръ Маринѣ съ презрѣніемъ приписываетъ весь позоръ совершившагося своей несчастной родственницѣ. Если вѣрить ему, то она писала Димитрию II въ Тушино, условилась встрѣтиться съ нимъ и, прискакавъ къ нему, переодѣтая въ гусарское платье, бросилась въ его объятія. Если этотъ разсказъ не вполнѣ согласенъ съ истиной, то по крайней мѣрѣ онъ весьма романиченъ²⁾.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что Марина пережила въ это время страшную душевную борьбу, подъ влияніемъ которой она совершенно преобразилась. Ее называли любовницей обманщика; но она можетъ быть избавлена отъ этого позора. Димитрій и Марина были сво-

¹⁾ Акты.... Зап. Россіи, т. IV, стр. 264, № 177.—Собр. гос. грам., т. II, стр. 336, № 160.—Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 226, письмо Симонетти къ Боргезе отъ 5-го октября 1608 г.—Велевицкій, т. II, стр. 277.—Краковъ, Bibl. Jagellonienne, 102, л. 457.

²⁾ Стокгольмъ, Королевскій архивъ, рукоп. Браге, 349, л. 8 в°.—Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 228, письмо Симонетти къ кардиналу Боргезе, отъ 8-го ноября 1608 г.—Львовъ, Bibl. Баваровскаго, Стадницкій, л. 29 и сл.

бодны, церковь ничего не могла имѣть противъ ихъ брака; въ Тушинѣ находился бернардинскій монахъ о. Антоній. Какъ полковой священникъ, онъ имѣлъ обширныя права и могъ обвѣнчать молодыхъ людей ¹⁾). Быть можетъ, иные еще болѣе обвинять ее за этотъ бракъ, но лично для Марини онъ былъ однимъ безразсудствомъ меныше. Во всемъ прочмъ она стала неузнаваема. Школа несчастія не послужила ей на пользу. Быстрая перемѣна судьбы поколебала равновѣсіе ея душевныхъ силъ. Ея пылкая натура была потрясена уединеніемъ и ссылкою. Марина ушла въ себя, сознала свои силы; обреченная на неизвѣстное, она смѣло вошла въ свою роль, пожертвовавъ ради честолюбія своимъ личнымъ счастіемъ.

Нѣкогда почтительная къ своимъ родителямъ, къ своему дядѣ, кардиналу Мацѣевскому, котораго она просила быть ея совѣтникомъ и руководителемъ, она перестала повиноваться отцу и была непреклонна въ своихъ рѣшеніяхъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1609 г., воевода простился съ дочерью и уѣхалъ изъ Тушина, не давъ ей своего родительского благословенія. Что же произошло между ними? Это остается тайною. Несчастная дочь послала впослѣдствіи отцу письмо, преисполненное извиненій и сожалѣній, обѣщала исправиться и просила, въ то же время, прислать ей чернаго бархата на платье. Но въ глубинѣ ея души, несмотря на всѣ пережитыя ею испытанія, она глубоко любила отца, какъ о томъ свидѣтельствуютъ ея письма 1609 года. Обаяніе бывшаго величія не покидало бывшую царицу. Она писала краковскому нунцію въ такомъ тонѣ, какъ будто она находилась еще въ Кремлѣ и имѣла надежду выполнить грандиозные планы, составленные нѣкогда относительно Польши, а бернардинскіе монахи, совершившіе богослуженіе въ Самборской церкви, украшали алтарь серебряными подсвѣтниками, пожертвованными въ 1609 г. «царицею Мариною». Воевода Мнишекъ не забылъ своей дочери и въ разлукѣ. На сеймѣ 1611 г., подвергаясь энергичнымъ нападкамъ со стороны своихъ сотоварищѣй, которые обвиняли его въ честолюбіи и эгоизмѣ, онъ говорилъ, какъ подобаетъ отцу, скорбящему о своемъ ребенкѣ. Его желанія были очень скромны: онъ хотѣлъ, чтобы Марина пала къ ногамъ короля, испросила его прощенія и, получивъ помѣстье въ Польшѣ, удовольствовалась бы, вмѣсто короны, самой скромной долей. Повинуясь долгу совѣсти, Мнишекъ изобличилъ въ Тушинѣ обманщика, но его указанія не были приняты. Возвратясь въ Польшу, онъ переписывался съ дочерью; кто бы могъ поставить это ему въ вину? Онъ скорбѣлъ обѣ участіи польки, которую онъ принесъ въ жертву благу

¹⁾) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, IV, 274, f. 95 v°.

отечества и которую отечество не должно было забыть. Къ сожалѣнію, письма воеводы къ Маринѣ утрачены. Что касается писемъ Димитрія къ Мнишку, то они рисуютъ намъ искателя приключений, жаждавшаго достигнуть какъ можно скорѣе престола, предлагавшаго другимъ деньги и области, коими онъ самъ еще не владѣлъ¹⁾.

Въ Римѣ поняли Димитрія II довольно поздно. Кардиналъ Боргезе получалъ обѣ немъ самыя разнорѣчивыя свѣдѣнія и не зналъ, на котормъ изъ нихъ остановиться, но онъ лелѣялъ надежду, что первый Димитрій появится вновь, что его умъ созрѣтъ отъ перенесенныхъ имъ испытаній и что онъ примется за дѣло съ новымъ рвеніемъ. Чего только нельзя было ожидать отъ предавшагося раскаянію новообращеннаго католика! Рангони и впослѣдствіи его преемнику въ Krakovѣ приходилось выслушивать эти откровенные мечты кардинала Боргезе, вызванныя по большей части ихъ собственными депешами, которыхъ видоизмѣнялись сообразно съ ходившими въ обществѣ слухами о Димитріи.

Вновь назначенный въ Польшу нунцій Симонетти, проѣзжая въ исходѣ 1606 г. чрезъ Австрію къ мѣсту своего назначенія, слышалъ по пути, что Димитрій избѣжалъ смерти и готовился отомстить своимъ врагамъ. Проживъ около года въ Krakovѣ, онъ не слыхалъ обѣ немъ ничего нового, хотя время отъ времени этотъ слухъ опровергался. Въ письмѣ Олесницкаго, полученнымъ королемъ изъ Москвы, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1607 г., подтверждалось авторитетно извѣстіе о томъ, что Димитрій былъ живъ; по другимъ извѣстіямъ, полученнымъ въ томъ же мѣсяцѣ, можно было считать смерть Димитрія несомнѣнною. 25-го ноября слухи за и противъ казались одинаково вѣроятными, и нунцій, старавшійся взвѣсить ихъ, слагалъ съ себя всяющую отвѣтственность.

«Дай Богъ, — писалъ онъ, — чтобы Димитрій былъ живъ, но это извѣстіе кажется мнѣ весьма неправдоподобнымъ».

Нѣсколько недѣль спустя, въ исходѣ 1607 г., снова произошла перемѣна. Въ Римъ прибыли два младшіе сына сенномірскаго воеводы, Николай и Сигизмундъ, въ сопровожденіи своего наставника; они явились въ Ватиканъ, съ письмомъ отъ ихъ матери, извѣщавшей папу, что ею получено собственноручное письмо Димитрія. Какъ ни было успокоительно это свидѣтельство лица столь авторитетнаго, но кардиналъ Боргезе все же продолжалъ наводить справки, а Павелъ V просилъ Сигизмунда ходатайствовать за плѣнныхъ, ибо Мнишекъ и его дочь содержались въ то время въ Ярославлѣ. Папа считалъ ихъ достойными

¹⁾ См. переписку Мнишека, Марини и Димитрія II въ Собр. гос. грам., т. II, стр. 336—373.—Самбортъ, архивъ бернардиновъ, Acta, л. III.—Krakovъ, Bibl. Jagellonienne, 102, л. 457.

лучшай доли и дважды настоятельно просилъ короля (5-го іюля 1607 г. и 1-го іюля 1608 г.) замолвить за нихъ слово. Весь 1608 годъ прошелъ въ безплодныхъ переговорахъ и въ наведеніи болѣе или менѣе безуспѣшныхъ справокъ. Мишекъ былъ отпущенъ на свободу лишь въ 1609 г., а правда о Димитріи выяснилась окончательно только тогда, когда король польский рѣшилъ высказаться яснѣе. Собираясь объявить войну Россіи, ему было важно доказать, что такъ называемый Димитрій былъ не болѣе, какъ жалкій искатель приключеній ⁴⁾).

(П р о д о л ж е н і е с л ъ д у е тъ).

⁴⁾ Ватиканскій архивъ, Polonia, 173, л. 90 и сл.; рукоп. Боргезе, II, 224; шв. 45, т. III, л. 27 в°, № 73; т. IV, № 46.

Къ портрету графа Поццо-ди-Борго.

Имя этого дипломата было часто упоминаемо въ различныхъ статьяхъ «Русской Старины», относившихся къ царствованію императора Александра I. Прилагаемый къ настоящей книжкѣ портретъ графа даетъ намъ поводъ напомнить читателю, въ общихъ чертахъ, главнѣйшія черты его карьеры, наиболѣе видную часть которой составляетъ его служба Россіи.

Графъ Карлъ-Андрей Поццо-ди-Борго родился въ 1764 г. на Корсикѣ, близь Аяччіо, въ родовомъ замкѣ своихъ предковъ. Избравъ въ началѣ адвокатное поприще, онъ въ 1792 г. сталъ депутатомъ французского законодательного собранія, гдѣ вступилъ въ ряды жирондистовъ, но вскорѣ, ради своей личной безопасности, удалился изъ Франціи. Уже осенью того же года онъ примкнулъ къ знаменитому корсиканскому генералу Паоли, который, какъ известно, сперва воевалъ противъ генуэзцевъ, владѣвшихъ Корсику до 1768 г., а потомъ, послѣ покупки острова Франціею, управлялъ Корсику отъ имени послѣдней, но, поссорившись съ Конвентомъ, передалъ ее въ 1793 г. англичанамъ, прогнаннымъ, впрочемъ, оттуда въ 1799 г. Послѣдствіемъ анти-французской агитациіи было то, что, съ удаленіемъ англичанъ, Поццо-ди-Борго долженъ былъ покинуть Корсику. Пытая истинно-корсиканскую фамильную ненависть къ Бонапартамъ, графъ Поццо-ди-Борго оказался противникомъ французской революціи. Онъ поселился сперва въ Англіи, єздилъ съ секретными порученіями въ Вѣну, съ цѣлью подготовить коалицію противъ Франціи, и затѣмъ поступилъ на русскую службу. Въ качествѣ русского комиссара онъ былъ посланъ въ 1805 г. къ англо-неаполитанской, а въ 1806 г. къ прусской арміи. Когда же Россія вступила въ союзъ съ Наполеономъ, онъ временно покинулъ русскую службу и въ 1809—10 г.г. работалъ противъ Наполеона въ Австріи, на Востокѣ и въ Англіи. Наиболѣе важная пора его дѣятельности началась съ 1812 г.

Онъ способствовалъ заключенію русско-шведскаго союза, употребляль всѣ силы, чтобы склонить императора Александра I къ продолженію войны съ Франціею, старался побороть нерѣшительность Бернадота и вообще обнаруживалъ неутомимую дѣятельность въ этомъ отношеніи. Русское правительство отправило его комиссаромъ въ шведскій лагерь, а въ 1814 г. послало въ Англію, съ порученіемъ склонить ее къ рѣшительной политикѣ. Наградою за это было назначеніе Поцдо-ди-Борго на постъ русскаго посла въ Парижѣ. Императоръ Александръ I взялъ его также съ собою на вѣнскій конгрессъ. Кроме этого конгресса, онъ былъ представителемъ Россіи также на конгрессахъ веронскомъ и лондонскомъ. Когда Наполеонъ вернулся съ Эльбы, графъ Поцдо-ди-Борго поспѣшилъ съѣздилъ къ Людовику XVIII въ Гентъ, потомъ въ главную квартиру Вашингтона и присутствовалъ при сраженіи подъ Ватерлоо, былъ легко раненъ и получилъ за отличие званіе генераль-адютанта. Въ юльскую революцію 1830 г. положеніе его въ Парижѣ оказалось весьма затруднительнымъ, такъ какъ тамъ видѣли въ немъ представителя политики Россіи противъ Польши. Постъ паденія Варшавы, въ Парижѣ произведены были такія демонстраціи, что весною 1832 г. графа Поцдо-ди-Борго пришлось отозвать оттуда. Тѣмъ не менѣе, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, его снова послали въ Парижъ, а въ 1834 году перевели посломъ въ Лондонъ, гдѣ онъ и оставался на этотъ посту до 1839 г. Съ оставленіемъ посольского поста, онъ вышелъ въ отставку, поселился въ Парижѣ и умеръ тамъ въ февралѣ 1842 г.

Экспедиція Государственного Хозяйства.

(1797—1803 гг.).

I.

В числе полезныхъ учреждений, возникшихъ по инициативѣ императора Павла I, въ началѣ его царствованія, принадлежитъ основанная при Сенатѣ, именнымъ указомъ отъ 4-го марта 1797 г., Экспедиція Государственного Хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства¹⁾. Экспедиція, какъ видно изъ вступительныхъ словъ указа, должна была имѣть «общее наблюденіе за всѣми частями, къ пользѣ государства относящимися, и особенно за прочнымъ обзаведеніемъ иностранцевъ, подъ покровительство Россіи приходящихъ и къ поселенію вызываемыхъ, а частію уже въ разныхъ мѣстахъ Имперіи поселившихся».

Такимъ образомъ, Экспедиція Государственного Хозяйства, какъ принято называть ее для краткости, было поставлено двѣ главныхъ задачи: одна, болѣе широкая, обнимала все то, что по отдѣльнымъ управлѣніямъ, въ то время существовавшимъ, требовало общихъ соображеній по государственному хозяйству и дальнѣйшихъ распоряженій; другая, болѣе специальная, заключалась въ наблюденіи за переселеніемъ въ Россію и за прочнымъ обзаведеніемъ иностранныхъ выходцевъ, вызванныхъ манифестами императрицы Екатерины II.

Болѣе подробно обязанности Экспедиціи опредѣлены въ высочайше утвержденной того же 4-го марта 1797 г. запискѣ генералъ-прокурора

¹⁾ Полн. Собр. Зак., т. XXIV, № 17865.

*

князя А. Б. Куракина¹⁾. Къ предметамъ государственного хозяйства отнесено: все, что касается управленія коммерціи и мануфактуръ, горныхъ, соляныхъ и винныхъ дѣлъ, также изысканіе надежныхъ и полезныхъ средствъ для приведенія въ лучшее состояніе земледѣлія, ремесль, художествъ, разныхъ рукодѣлій, фабрикъ, заводовъ и вообще всего, что касается до настоящихъ выгодъ государственныхъ по внутренней и внѣшней торговлѣ. Въ дополненіе къ этой инструкціи, именнымъ указомъ отъ 6-го марта 1797 г.²⁾, Экспедиції предлагалось заняться изученіемъ мѣстныхъ выгодъ каждой губерніи, «дабы, узнавъ различныя преимущества и способности ихъ, тѣмъ вѣрнѣе открывала она точный путь, по коему бы не только рукодѣлія, но даже и самыя произведенія природы искусствомъ и тщаніемъ могли быть приводимы въ лучшее часть отъ часу состояніе и совершенство».

Въ томъ же 1797 году, по указу 23-го марта³⁾, вѣдомство Экспедиції Государственного Хозяйства расшириено было присоединеніемъ къ ней находившагося при кабинетѣ его величества географическаго департамента, а по указу 31-го марта⁴⁾, управлениія государственныхъ лѣсовъ, съ подчиненіемъ Экспедиції также лѣсной части по Адмиралтейству. Такимъ образомъ на Экспедиції Государственного Хозяйства лежало, какъ разсмотрѣніе многихъ важныхъ вопросовъ государственного хозяйства, такъ и непосредственное завѣдываніе нѣкоторыми отраслями управления.

Кому принадлежитъ мысль объ учрежденіи Экспедиції Государственного Хозяйства? Самому ли императору Павлу, или одному изъ его совѣтниковъ? Извѣстно, что вопросы объ устройствѣ государственного управлениія очень занимали Павла Петровича, и въ то время, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ престола, и впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался императоромъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ наказъ, который онъ составилъ 4-го января 1788 года, отправляясь въ шведскій походъ, одновременно съ завѣщательнымъ письмомъ великой княгинѣ Маріи Феодоровнѣ и съ актомъ о престолонаслѣдіи. Въ этомъ наказѣ изложены были мысли цесаревича о главныхъ отрасляхъ управлениія⁵⁾. Кроме того, сохранились двѣ собственноручныя записки императора Павла, найденные въ кабинетѣ Александра I и переданныя впослѣдствіи въ комитетъ 6-го декабря 1826 года⁶⁾,—одна объ устрой-

¹⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17866.

²⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17869.

³⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17896.

⁴⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17897.

⁵⁾ Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Д. Кобеко. Спб. 1882 г., стр. 295—297.—Н. К. Шильдеръ. Императоръ Павелъ I, стр. 217—219, 561—563.

⁶⁾ Обѣ эти записки напечатаны въ „Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго общества“, томъ XC. Спб. 1894 г., стр. 1—4 и 146.

ствѣ разныхъ частей государственного управлениѧ, другая обь устройствѣ Сената, но ни въ одномъ изъ этихъ документовъ не говорится обь учрежденіи Экспедиціи Государственнаго Хозяйства.

Согласно инструкції, данной Екатериной, 24-го іюня 1761 года, обергофмейстеру, генералъ-поручику Н. И. Панину, назначенному для воспитанія цесаревича Павла Петровича, въ планѣ этого воспитанія входило ознакомленіе съ экономическими условіями Россіи. «Предпочти-тельно предъ другими науками,—писала Екатерина,—надлежить подать его высочеству совершенное знаніе обь Россіи, показать ему съ одной стороны изъ дѣлъ прошедшихъ и нынѣшихъ изящныя качества Россійскаго народа, неустранимое его мужество въ войнѣ, непоколебимую его вѣрность и усердіе къ отечеству, а съ другой стороны плодородіе и почти во всемъ изобиліе пространнѣхъ Россійскихъ земель, и, наконецъ, надежные отечества нашего достатки и сокровища, кои оно въ вѣдрахъ своихъ сохраняетъ, такъ что нѣть нужды думать о награжденіи какихъ-либо недостатковъ постороннею помощью, а толь меныше вымыщленными человѣческою хитростью способами, но когда только употребленъ будетъ небольшой трудъ и прилежаніе, то сверхъ того проводольствованія можно еще избытками помогать другимъ народамъ». Выборъ нужныхъ для его высочества наукъ и знаній и порядокъ ихъ преподаванія предоставлены были опытности, благоразумію и дознанному искусству воспитателя ¹⁾.

По достижениіи цесаревичемъ, въ 1768 году, 14-лѣтняго возраста, согласно воспитательному плану Н. И. Панина наступило время приступить къ прямой государственной наукѣ, то-есть: къ познанію коммерціи, казенныхъ дѣлъ, политики внутренней и виѣшней, войны морской и сухопутной, учрежденія мануфактуръ и фабрикъ и прочихъ частей, составляющихъ правленіе государства, его силу и славу монаршу. Съ этою, очевидно, цѣлью одинъ изъ лучшихъ наставниковъ цесаревича, С. А. Порошинъ, готовилъ для своего ученика сочиненіе подъ заглавіемъ: «Государственный механизмъ», но, къ сожалѣнію, въ это время Порошинъ, по придворнымъ интригамъ, былъ устраненъ отъ обязанностей наставника и удаленъ отъ двора цесаревича, вслѣдствіе чего прекратилось и веденіе интереснаго дневника Порошина, а такимъ образомъ осталось неизвѣстнымъ, какъ была осуществлена программа государственныхъ наукъ Н. И. Панина ²⁾. Хотя впослѣдствіи Павелъ обнаружилъ всего болѣе наклонности къ военному дѣлу, и при томъ болѣе къ виѣшней его сторонѣ, несмо-

¹⁾ Императоръ Павелъ Первый, Н. К. Шильдера. Приложенія, стр. 513—514.

²⁾ Императоръ Павелъ I, Н. К. Шильдера. Спб. 1901 г., стр. 55.

тря на мѣры, принятія Панинымъ для ослабенія этой природной его наклонности, тѣмъ не менѣе, по отзыву всѣхъ современниковъ, Павелъ былъ очень образованъ, хорошо знакомъ съ исторіей и, вѣроятно, не чуждъ былъ и нѣкоторыхъ политico-экономическихъ познаній того времени. Во всякомъ случаѣ интересъ, проявленный имъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, къ учрежденію Экспедиції Государственного Хозяйства, къ упорядоченію начавшагося при Екатеринѣ переселенія иностраннныхъ колонистовъ въ Россію и, наконецъ, къ болѣе правильному устройству внутренняго управлениія крестьянскаго сословія, особенно продовольственной части, достаточно свидѣтельствуютъ о благонамѣренныхъ стремленіяхъ Павла къ исправленію тѣхъ неурядицъ внутренняго управлениія Имперіи, которыхъ ускользали отъ вниманія мудрой Екатерины, будучи заслонены болѣе обширными государственными заботами.

Всего вѣроятнѣе, что мысль объ Экспедиції Государственного Хозяйства принадлежала софийскому протоіерею г. Павловска, А. А. Самборскому. Будучи близкимъ къ цесаревичу лицомъ, потому что онъ сопровождалъ его въ 1781 году въ заграничное путешествіе, и въ то же время страстнымъ поклонникомъ англійского земледѣлія, съ успѣхами котораго онъ лично ознакомился во время пребыванія своего въ Англіи и составилъ сочиненіе объ этомъ предметѣ, изданное въ 1787 году,—Самборскій могъ легко впушить, въ 1797 г., Павлу Петровичу мысль объ основаніи учрежденія, которое соотвѣтствовало бы возникшему въ 1793 году въ Англіи: «Board of Agriculture», по ініціативѣ извѣстныхъ англійскихъ агрономовъ Артура Юнга и Джона Синклера.

По указу 4-го марта 1797 г. Экспедиція должна была состоять изъ двухъ сенаторовъ и четырехъ членовъ; на содержаніе Экспедиціи назначено было 37.450 р. ¹⁾). Съ присоединеніемъ лѣснаго управлениія къ Экспедиціи, она была усиlena однимъ членомъ по лѣсной части съ канцеляріей изъ 13 лицъ и съ отпускомъ 5.825 р. ²⁾). На содержаніе географическаго департамента, по штату, высочайше утвержденному 17-го августа 1797 г., назначено было 7.000 р. ³⁾). Такимъ образомъ

¹⁾ Въ томъ числѣ сенаторамъ: первому 3.000 р., второму 2.500 р., четыремъ членамъ по 1.875 р., правителью канцеляріи 1.500 р., четыремъ секретарамъ и экзекутору по 750 р., на переводчиковъ, регистраторовъ, архиваріуса и прочихъ канцелярскихъ служителей и сторожей 15.000 р., 12-ти юнкерамъ по 100 р. и на канцелярскіе расходы 3.000 р. (П. С. З., т. XLIV, ч. 2, книга штатовъ. Штатъ Экспедиціи къ № 17866).

²⁾ П. С. З., т. XXV, № 18429 и т. XLIV, ч. 2, книга штатовъ, къ № 18429.

³⁾ П. С. З., т. XLIV, ч. 2-я, № 18100. Сумма 7.000 р. распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: совѣтнику 800 р., географу съ помошникомъ 900 р., тремъ учителямъ для черчевія ландкартъ, плановъ, чертежей къ учебнымъ кни-

общая сумма расходовъ на содержаніе Экспедиції Государственного Хозяйства въ 1797 году простиравась до 50.275 р. По обращеніи въ 1798 г. всѣхъ казенныхъ лѣсовъ въ вѣдѣніе адмиралтействъ коллегіи ¹⁾, и по возвращеніи географического департамента, въ вѣдѣніе собствен-наго его величества депо-картъ ²⁾), составъ Экспедиції Государствен-наго Хозяйства былъ сокращенъ съ 1-го января 1802 года, а штатъ ея уменьшенъ до 24.275 р. ³⁾.

Экспедиція, какъ учрежденная при Сенатѣ, была поставлена подъ главное вѣдѣніе генераль-прокурора, который обязанъ быть содѣйство-вать успѣшной ея дѣятельности и представлять выработанныя ею поста-новленія по части хозяйственнаго благоустройства на высочайшее бла-гоусмотрѣніе.

О первыхъ начинаніяхъ Экспедиціи мы узнаемъ изъ именнаго указа, объявленнаго генераль-прокуроромъ 30-го апрѣля 1797 г. ⁴⁾), при чемъ въ первомъ пункѣ этого указа сказано, что государь императоръ «удостоилъ всемилостивѣйшаго благоволенія приступъ къ важному столь предмету и начальныя упражненія Экспедиції». Изъ остальныхъ четырехъ пунк-товъ видно, что вниманіе Экспедиції на первыхъ порахъ сосредоточи-лось на попеченіи обѣ иностраннныхъ колонистахъ и на вопросѣ объ устройствѣ практической школы землемѣрія.

Экспедиція оставалась въ непосредственномъ завѣдываніи генераль-прокурора, дѣйствительного тайного советника, князя Алексія Бори-совича Куракина 2-го, до 8-го августа 1798 года, когда однимъ ука-зомъ князь Куракинъ былъ освобождѣнъ отъ нѣкоторыхъ изъ поручен-ныхъ ему дѣлъ, а другимъ Сенату повелѣно было принять въ свое по-печеніе всѣ хозяйственныя заведенія по всему государству и, разсмо-трѣвъ пользу, какую они приносили и могутъ приносить въ будущемъ, представить на высочайшее утвержденіе нужныхъ по сему распоряженія ⁵⁾.

Изъ представленнаго Сенатомъ и утвержденнаго 10-го октября 1799 г. доклада ⁶⁾ видно, что Сенатъ призналъ дѣятельность Экспедиціи по объединенію всѣхъ отраслей государственного хозяйства весьма полез-

гамъ, архитектурныхъ плановъ, профилей, фасадовъ, ландшафтовъ и пр. 1.250 р., шести граверамъ и словорѣзамъ 1.700 р., секретарю, онъ же смотритель и бухгалтеръ 450 р., мастеру при печатаніи картъ 120 р., вольному работнику къ фигурному стану 80 р., двумъ сторожамъ 20 р., на наемъ дома съ отопленіемъ и освѣщеніемъ 900 р., на покупку матеріаловъ и инструментовъ 680 р.

¹⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18533, 20-го мая 1798 г.

²⁾ П. С. З., XXVI, № 19607, им. ук. 18-го октября 1800 г.

³⁾ П. С. З., т. XXVI, № 20082, дек. 19—1801.

⁴⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17946.

⁵⁾ Оба указа напечатаны въ „Сенатскомъ Архивѣ“, I, стр. 425 и 426

⁶⁾ П. С. З., т. XXV, № 19147.

ною, а всѣ распоряженія къ усовершенствованію ввѣренныхъ Экспедиції заведеній и по опекѣ надъ иностранными поселенцами вполнѣ цѣлесообразными, но такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ распоряженій оправдались уже на опыте, то Сенатъ предложилъ съ своей стороны лишь немногія постановленія, о которыхъ будетъ упомянуто ниже въ своеемъ мѣстѣ.

По всѣмъ дѣламъ, производившимся въ Экспедиції, составлялись обстоятельный доклады и журналы, какъ принято въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, восходившіе по болѣе важнымъ вопросамъ на разсмотрѣніе Сената, по заключеніямъ котораго полагались высочайшия резолюціи. Высочайшая воля объявлялась Экспедиціи или генераль-прокуроромъ, или именными указами Сенату, а иногда и Экспедиціи непосредственно.

Съ самаго начала въ составъ Экспедиціи были привлечены выдающіеся люди того времени. Старшимъ сенаторомъ назначенъ былъ А. В. Храповицкій, известный литераторъ и дѣлецъ XVIII вѣка, другъ Державина и Дмитріева, исполнявшій съ 1782 до 1793 года обязанности личнаго секретаря при императрицѣ Екатеринѣ II. Уволенный отъ этихъ обязанностей, какъ думаютъ нѣкоторые біографы Храповицкаго, за веденіе своего «Дневника», Храповицкій былъ произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ. Неблаговоленіе государыни въ послѣдніе годы къ своему секретарю было, безъ сомнѣнія, известно императору Павлу, а посвященіе ему А. В. Храповицкимъ оды по случаю восшествія императора на престолъ, при чемъ вскользь упомянуто было и о томъ, что крестнымъ отцомъ Храповицкаго былъ Петръ III, не могли не обратить вновь вниманія императора на Александра Васильевича. Награжденный въ день коронаціи орденомъ Анны 1-й степени и имѣніемъ въ 600 душъ, Храповицкій призванъ былъ 4-го марта 1797 г. принять главное завѣданіе экспедиціями и, по отзыву современниковъ, занимался очень дѣятельно, не рѣдко самъ сочиняя сенатскіе рапорты и доклады государю, и вообще пользовался въ Сенатѣ большими вліяніемъ. Должность старшаго члена Экспедиціи онъ занималъ до 26-го октября 1800 г.¹⁾), когда былъ отставленъ отъ службы и замѣненъ оберъ-прокуроромъ Пущинымъ, съ оставленіемъ послѣдняго въ прежней должности. Храповицкій умеръ 29-го декабря 1801 г. и незадолго до смерти, при Александрѣ I, былъ награжденъ чиномъ дѣйствительного тайного совѣтника²⁾.

¹⁾ „Сенатскій Архивъ“, I, стр. 665.

²⁾ Съѣдѣвія объ А. В. Храповицкомъ извлечены изъ его біографіи, составленной Н. Барсуковымъ и приложенной къ дневнику А. В. Храповицкаго, изд. А. Ф. Глазунова, 1874 г.

Вторымъ сенаторомъ въ Экспедицію былъ назначенъ тайный со-
вѣтникъ П. П. Тарбѣевъ. Начавъ службу въ гвардіи въ 1761 году, онъ
состоялъ въ чинѣ генераль-маюра съ 1783 г. до начала 1785 года,
сперва с.-петербургскимъ оберъ-полицмейстеромъ, а затѣмъ губернато-
ромъ въ той же губерніи, съ 1785 г. былъ не у дѣлъ съ жалованьемъ;
въ 1796 г. 20-го декабря пожалованъ былъ чиномъ тайного совѣтника
и званіемъ сенатора, а въ 1797 г. назначенъ членомъ Экспедиції.
По увольненіи Храповицкаго, Тарбѣевъ остался завѣдующимъ Экспеди-
ціей до присоединенія ея къ министерству внутреннихъ дѣлъ въ 1802
году. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ и довѣріемъ своихъ со-
временниковъ. 25-го декабря 1796 г. онъ былъ назначенъ въ комиссию
для раскрытия злоупотребленій по строенію южныхъ крѣпостей и одес-
ского порта, по доносу контролера Иванова; въ 1798 г. былъ коман-
дированъ въ Лифляндію, для прекращенія скотскаго падежа; въ 1800
году осматривалъ нѣкоторыя присутственныя мѣста С.-Петербургской
губерніи, былъ избираемъ графиней Матюшкиной, вдовой оберъ-гоф-
мейстера, и вдовой генерала графа Потемкина, попечителемъ ихъ имѣ-
ній, для расплаты съ кредиторами, съ правомъ продавать и заклады-
вать для этой цѣли ихъ имѣнія. Тарбѣевъ былъ человѣкъ недостаточ-
наго состоянія, жилъ однимъ жалованьемъ и, хотя въ ноябрѣ 1800 г.
ему было пожаловано 5.000 к. с. земли въ Саратовской губерніи, однако
онъ этого отвода, повидимому, не дождался, такъ какъ, по неудобству
для заселенія назначеннай ему земли и по просьбѣ его о замѣнѣ ея дру-
гую, переписка по этому предмету тянулась еще въ 1808 г. и даже
дѣло доходило до общаго собранія Сената. Тарбѣевъ умеръ въ іюлѣ
1810 г. и погребенъ на счетъ суммы 1.000 р., отпущенnoй изъ Каби-
нета, по ходатайству министра юстиціи Дмитриева ¹⁾).

Четыре члена Экспедиції, назначенные сверхъ двухъ сенаторовъ,
были: 1) Софійскій протоіерей Самборскій; 2) дѣйствительный
статскій совѣтникъ Хитрово, служившій въ правленіи заемнаго бан-
ка; 3) статскій совѣтникъ Габлицъ, состоявшій при генераль-проку-
рорѣ по хозяйственной части, и 4) бывшій директоръ домоводства С.-Пе-
тербургской губерніи коллежскій совѣтникъ Татариновъ.

Изъ четырехъ членовъ мы остановимся на двухъ, болѣе выдающихся
и болѣе дѣятельныхъ по Экспедиції, на протоіерее Самборскомъ и на
Габлицѣ.

¹⁾) Свѣдѣнія о сенаторѣ П. П. Тарбѣевѣ частію извлечены изъ „Сенат-
скаго Архива“, I, стр. 48, 53, 87, 397, 437 и 676, и изъ подлинныхъ сенат-
скихъ дѣлъ о сенаторѣ Тарбѣевѣ, доставленныхъ намъ сенаторомъ Гр. К. Рѣ-
пинскимъ, частію сообщены секретаремъ, И. Р. Историческаго общества Г. Ф.
Штейндманомъ.

Софійській протоієреї А н д р е й А е а н а с є в и ч ъ С а м б о р с к і й долгое время состоялъ при русской миссіи въ Лондонѣ, по возвращеніи же въ Россію былъ протоіереемъ Софійского собора въ Павловскѣ, въ 1781 году сопровождалъ цесаревича во время его заграничной поѣздки, съ 1784 года преподавалъ законъ Божій и англійскій языкъ великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ и великимъ княжнамъ, за что и былъ награжденъ, 4-го марта 1797 г., одновременно съ назначеніемъ его членомъ Экспедиції, пожалованіемъ ему въ вѣчное и потомственное владѣніе имѣнія Стратилатовка, въ Изюмскомъ уѣздѣ, Слободскоукраинской губерніи, съ 500 душъ, со всѣми угодьями, и сверхъ того со смежными казенными Захарьевскими лѣсами въ количествѣ 1.224 десят.

Протоієрей Самборскій считался въ то время «мужемъ испытанымъ въ сельскомъ хозяйствѣ», а потому его непосредственному поученію поручено было устройство первой землемѣрческой школы. Въ августѣ 1799 г. Самборскій, по случаю назначенія его домовыми священникомъ и духовникомъ великой княгини Александры Павловны, вышедшей за эрцгерцога Іосифа, палатина венгерскаго, былъ уволенъ изъ членовъ Экспедиціи и замѣненъ камергеромъ Бакунинымъ, которому также поручено было непосредственное завѣдываніе практическою школою землемѣрія ¹⁾.

Другимъ выдающимся и дѣятельнымъ членомъ Экспедиції Государственного Хозяйства былъ Карлъ Ивановичъ Г а б л и цъ (р. 1752† 1821). Онъ получилъ образованіе въ Московскомъ университѣтѣ, сопровождалъ академика Гмелина въ его поѣздкѣ по Волгѣ, Каспійскому и Азовскому морямъ (1769—1773) и занимался ботаническими изслѣдованіями. Въ 1774 г. онъ объѣхалъ Гилянскія горы и представилъ Академіи наукъ свои описанія и коллекціи; въ 1776 г. былъ назначенъ директоромъ Астраханской конторы; въ 1781—82 гг. участвовалъ въ экспедиціи подъ начальствомъ графа Войновича для учрежденія удобнаго порта на Каспійскомъ морѣ и оставилъ журналъ этой экспедиціи. Въ 1784 г. Потемкинъ поручилъ Габлицу составить физическое описание Крыма; въ 1785 г. онъ былъ определенъ совѣтникомъ таврической уголовной палаты, въ 1786 г.—директоромъ экономіи, въ 1788—таврическимъ вице-губернаторомъ, а въ 1797 г.—членомъ Экспедиції Государственного Хозяйства и товарищемъ управляющаго удѣлами. Въ 1803 г., по присоединеніи Экспедиціи къ министерству внутреннихъ

¹⁾ Свѣдѣнія о протоієреѣ Самборскомъ заимствованы изъ брошюры: „Протоієрей А. А. Самборскій, законоучитель императора Александра I“. Свящ. Н. Степленскаго, изъ именныхъ указовъ Павла I, въ „Сенатскомъ Архивѣ“, I, стр. 127, 237 и 550 и изъ сочиненій Н. К. Шильдера: Императоръ Александръ I, и Императоръ Павелъ I.

дѣль, Габлицъ быль управляющимъ этою Экспедицією и директоромъ государственныхъ лѣсовъ. Въ 1808 г. онъ уволенъ, по болѣзни, отъ этой должности, назначенъ сенаторомъ и состоять членомъ комитета по дѣламъ таврической губерніи ¹⁾.

Въ личномъ составѣ членовъ Экспедиції происходили довольно частыя перемѣны ²⁾.

24-го декабря 1797 г. коллежскій совѣтникъ Татариновъ назначенъ быль петербургскимъ вице губернаторомъ, а его мѣсто заняль находившійся не у дѣль кол. сов. Полторацкій; но и Полторацкій уволенъ быль 12-го сентября 1798 г. Въ концѣ 1798 г. въ Экспедиції оказались уже двѣ ваканціи: одна Полторацкаго, а другая, вѣроятно, Хитрово, о времени увольненія котораго мы указа не нашли; ваканціи эти были замѣщены, одна — 13-го ноября 1798 г. кол. сов. Озеровыемъ, а другая — 5-го декабря, того же года д. ст. сов. Лефеберомъ. Сверхъ того, изъ указа, даннаго Сенату 21-го августа 1797 г., видно, что въ то время членомъ Экспедиції состоять д. ст. сов. Львовъ ³⁾.

11-го августа 1799 г. на мѣсто уволенаго члена Самборскаго назначенъ быль дѣйствительный камергеръ Бакунинъ, которому поручено непосредственное завѣдываніе практическою школою землемѣдѣлія. Съ передачею школы, въ октябрѣ 1799 г., въ вѣдомство удѣловъ, туда же перешель и Бакунинъ, и, въ качествѣ главнаго директора школы, 23-го июня 1800 г. былъ пожалованъ въ тайные совѣтники.

Въ февралѣ 1800 г. Озеровъ быль перемѣщенъ въ лѣсной департаментъ, а на его мѣсто, членомъ Экспедиції назначенъ быль служившій въ канцеляріи генераль-прокурора, надворный совѣтникъ Вольфт.

28-го марта 1800 г., членомъ Экспедиції назначенъ быль числившійся при герольдіи кол. асс. Джунковскій, произведенный по этому случаю въ надворные совѣтники.

¹⁾ Габлицу припадлежать слѣдующія сочиненія: 1) „Физическое описание Таврической области по ея мѣстоположенію и по всѣмъ тремъ царствамъ природы“. Спб. 1785 (переведено на французскій, нѣмецкій и англійскій языки). 2) „Наставление о разведеніи въ Россіи кунжутнаго сѣмени и дѣланіе изъ оного масла“, Спб. 1801. 3) „Географическая извѣстія, служащія къ объясненію прѣжняго состоянія нынѣшней Таврической губерніи, собраныя изъ разныхъ древнихъ и среднихъ временъ писателей“. Спб. 1803. 4) „Исторический журналъ бывшей 1781 и 1782 годовъ на Каспійскомъ морѣ россійской эскадры подъ командою графа Войновича“. М. 1809. Свѣдѣнія о И. И. Габлицѣ извлечены изъ краткаго описанія его жизни и службы, „Сынь Отечества“, 1821, т. 73, №№ 43 и 44 и изъ „Словаря русскихъ свѣтскихъ писателей“ митрополита Евгенія.

²⁾ Помѣщаемыя здѣсь свѣдѣнія о времени назначенія и увольненія разныхъ членовъ Экспедиції извлечены изъ именныхъ указовъ императора Павла I, напечатанныхъ въ изданіи: „Сенатскій Архивъ“, I, 1888 г.

³⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18103.

При увольненіи А. В. Храповицкаго, 26-го октября 1800 г., въ Экспедицію назначенъ былъ оберъ-прокуроръ Сената Пущинъ съ со-храненіемъ должности оберъ-прокурора.

14-го февраля 1801 г. Лебеберъ былъ уволенъ по прошенію и замѣненъ находившимся не у дѣлъ д. ст. сов. Похвисневымъ.

При сокращеніи штата Экспедиціи въ декабрѣ 1801 г. она состояла изъ управляющаго Экспедиціей, сенатора Тарбѣева, его товарища тай-наго совѣтника Габлица и изъ трехъ членовъ: д. ст. сов. Похвиснева, кол. сов. Вольфа и над. сов. Джунковскаго. Д. ст. сов. Пущинъ былъ оставленъ за штатомъ, съ выдачею ему, не въ зачетъ, единовременно годового оклада—2.500 р. и съ тѣмъ, чтобы быть опредѣленнымъ пред-почтительно предъ прочими къ соотвѣтственной должности¹⁾.

Дѣятельность Экспедиціи Государственного Хозяйства была кратко-временна, но очень разнообразна, и хотя результаты ея не по всѣмъ частямъ вѣдѣнія оказались успѣшными, тѣмъ не менѣе она осталась не безслѣдно въ исторіи русскаго сельскаго хозяйства. За Экспедицію навсегда сохранился честь почина по многимъ важнымъ вопросамъ госу-дарственного хозяйства, получившимъ болѣе широкое и правильное развитіе лишь впослѣдствіи, когда явилась большая потребность и боль-шее сознаніе въ необходимости образованія и практическаго опыта, и правительственної поддержки. Отрывочные указанія въ нѣкоторыхъ офиціальныхъ изданіяхъ не даютъ ясного и полнаго понятія о дѣятельности Экспедиціи Государственного Хозяйства; чтобы оцѣнить эту дѣятельность, нужно обозрѣть ее во всей совокупности, по сохранившимся актамъ, частію напечатаннымъ въ Полномъ собраніи законовъ, частію же хранящимся подъ спудомъ архивовъ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы дѣлаемъ подобную попытку, опираясь какъ на указанные печатные акты, такъ и на дѣла Экспедиціи, переданныя въ 1836 г. изъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ учреждавшееся мини-стерство государственныхъ имуществъ. Нѣкоторые стороны мало-извѣстной дѣятельности Экспедиціи были отчасти затронуты въ интересной брошюрѣ г. Беренда, «Volks-und Staatsnirtschaftliche Awchau-ungen in Russland auf der Grenzscheide des 18 und 19 Jahrhunderts. Archivalische Studie von Eduard Berendts». St. Petersburg, 1888. Г. Бе-рендтъ ограничился, впрочемъ, лишь изложеніемъ и оцѣнкою только нѣкоторыхъ проектовъ, представленныхъ въ Экспедицію, по разнымъ экономическимъ вопросамъ.

¹⁾ На томъ же основаніи были оставлены за штатомъ и нѣкоторые чи-новники канцеляріи Экспедиціи, съ полученіемъ годовыхъ окладовъ, въ об-щей суммѣ 6.410 р., изъ прибылей, получаемыхъ Экспедиціей отъ заготовле-ния гербовой бумаги для векселей и заемныхъ писемъ. П. С. З., т. XXVI, № 20082.

Группируя всѣ предметы, которыхъ коснулась дѣятельность Экспедиціи, на сколько она намъ извѣстна, ее можно подвести подъ слѣдующія главныя рубрики, которыхъ мы и будемъ держаться при дальнѣйшемъ изложеніи:

1) Попеченіе о развитіи земледѣлія, преимущественно путемъ распространенія теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній; 2) обеспеченіе народнаго продовольствія, посредствомъ устройства хлѣбныхъ магазиновъ; 3) организація внутренняго порядка въ казенныхъ селеніяхъ; 4) надѣль однодворцевъ землею; 5) попеченіе объ иностраннѣхъ колонистахъ; 6) упорядоченіе лѣсной части; 7) попеченіе о развитіи разныхъ отраслей сельскаго хозяйства, каковы: скотоводство, овцеводство, шелководство, виноградарство, а также распространеніе разныхъ полезныхъ растеній; 8) дѣятельность по развитію картографической части и 9) разсмотрѣніе разныхъ вопросовъ государственного хозяйства.

В. Вешняковъ.

(П р о д о л ж е н і е с лѣдуетъ).

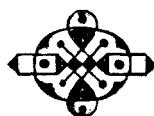
Новороссійскій край въ 1816 году.

Высочайшее повелѣніе министру финансовъ.

4-го мая 1816 года № 66.

Флигель-адъютантъ Киселевъ, по возвращеніи изъ Новороссійскаго края, донесъ мнѣ между прочимъ: 1) что казенные лѣса ежегодно болѣе и болѣе истребляются; 2) что недостатокъ въ мѣдной монетѣ крайне ощущителенъ; у откупщиковъ вымѣниваютъ ее, платя отъ 15-ти до 25-ти копѣекъ съ рубля, а въ Бессарабіи по 40 копѣекъ; 3) что при весьма маломъ заселеніи Новороссійскаго края, казенные крестьяне нуждаются землею отъ пріумноженія жителей, отъсосѣднихъ помѣщиковъ и отъ нарѣзки казною земель въ такой отдаленности отъ селеній, что крестьяне обрабатывать ее не въ состояніи, для чего и нужно или сдѣлать новый раздѣлъ по числу наличныхъ душъ, или разселить крестьянъ по удобности земель.

Я повелѣваю вамъ обратить вниманіе на предметы сіи и о мѣрахъ исправленія доносить мнѣ чрезъ Комитетъ министровъ.

Николай Ивановичъ Тургеневъ

ВЪ СВОЕМЪ ОПРАВДАНИИ.

(Изъ бумагъ Павла Васильевича Щуковскаго).

III¹⁾.

«Полковникъ Бурцовъ, вмѣстѣ съ полковникомъ Комаровымъ, привезъ Тульчинской управѣ извѣстіе о разрушениі Союза Благоденствія и долженъ былъ представить ей письменное сообщеніе отъ предсѣдателя московскаго съѣзда. Но уже зналъ все по слухамъ, Пестель и Юшневскій на предварительномъ совѣщаніи условились: во-первыхъ, не признавать общества разрушеннымъ; во-вторыхъ, воспользоваться симъ случаемъ, чтобы удалить всѣхъ слабосердыхъ, представля имъ опасности и трудность предпріятія».

Я ничего не зналъ о происходившемъ въ Тульчинѣ до чтенія Донесенія, точно такъ же, какъ мнѣ неизвѣстны имена почти всѣхъ тѣхъ лицъ, о коихъ здѣсь упоминается. Но все же я скажу, хотя это замѣчаніе не имѣтъ само по себѣ никакого значенія и свидѣтельствуетъ только о сбивчивости показаній, данныхъ обвиняемыми, что я никогда не разсыпалъ никакого письменнаго извѣщенія о распущеніи общества, если только подъ словомъ «предсѣдатель» подразумѣваютъ меня.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что Пестель и Юшневскій, главные члены южнаго общества, были вполнѣ убѣждены въ томъ, что московское общество было распущено дѣйствительно, а не только для вида.

Справедливость этого подтверждается показаніемъ Никиты Му-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ сентябрь 1901 года.

равьева. По его словамъ, общество было по крайней мѣрѣ совершенно разстроено, что равносильно распущенію. «Большая часть членовъ изъ него вышло», говоритъ онъ. Но кто же изъ нихъ остался, спрашиваю я.

Въ особенности гдѣ они остались? «Остававшися въ управѣ, не имѣя между собою связи, не имѣя никакого устава и общаго управлѣнія, не знали, чего хотѣли, или не могли дать себѣ отчета въ своихъ желаніяхъ», продолжаетъ онъ. Не есть ли это картина распаденія общества, которую онъ тутъ начерталъ? Я понимаю, почему онъ не употребилъ слово распущење. Потому что въ сущности нечего было распускать, по той простой причинѣ, что ранѣе ничего не было создано. Подмѣтилъ ли читатель, просматривая Донесеніе, что правленія когда-либо были связыны между собою, имѣли какую-либо цѣль и знали, чего они хотятъ.

Далѣе въ Донесеніи говорится:

«Только въ исходѣ 1822 года Петербургское или Сѣверное общество снова образовалось»¹⁾.

Въ этомъ мѣстѣ читатель находитъ выноску, содержаніе которой показалось даже самому редактору столь ничтожнымъ, что онъ не включилъ ее въ текстъ. Но я нахожу, что это примѣчаніе имѣло для меня самое пагубное значеніе. Вотъ что говорится въ этомъ примѣчаніи:

Одинъ изъ обвиняемыхъ, Семеновъ, показалъ:

1-е, что по возвращеніи своемъ изъ Москвы въ 1821 г. (это было въ началѣ года, такъ какъ я помню, что я пріѣхалъ въ саняхъ, слѣдовательно, еще зимою), я занялся учрежденіемъ новаго общества;

2-е, что я предлагалъ вступить въ него тремъ лицамъ: ему, Семенову, князю Оболенскому и полковнику Нарышкину;

3-е, что я привлекъ въ общество трехъ человѣкъ: Митькова, Якова Толстаго и Миклашевскаго;

4-е, что дѣятельность этого общества вскорѣ прекратилась;

5-е, Семенову не известно, имѣло ли это общество уставъ;

6-е, онъ былъ такъ добръ присовокупить, что я никогда не высказывалъ преступныхъ замысловъ противъ императорской фамиліи.

¹⁾ Титулярный советникъ Семеновъ показываетъ, что Николай Тургеневъ, возвратясь изъ Москвы въ 1821 году, начинай изъ нѣкоторыхъ членовъ уничтоженного съѣзда составлять новое тайное общество; въ оно приглашали прежнихъ, князя Оболенскаго, полковника Нарышкина и его, Семенова, да принялъ полковника Митькова, Якова Толстаго и Миклашевскаго. Вскорѣ потомъ гвардія выступила въ походъ, и дѣйствія общества прекратились. Семеновъ не знаетъ, имѣло ли оно уставъ; онъ прибавляетъ, что ни Тургеневъ, ни другіе члены сего общества не обнаруживали при немъ (Семеновѣ) злодѣйственныхъ намѣреній противъ императорской фамиліи.

Я начинаю свое возражение на эти обвинения нѣсколькими вопросами:

1-е, каковъ былъ характеръ этого общества? какова была его цѣль, средства? этого никто не знаетъ. Кромѣ этого примѣчанія объ этомъ не встрѣчается ни малѣйшаго намека во всемъ дальнѣйшемъ Донесеніи. Самому Семенову, давшему показаніе объ этомъ, также ничего не извѣстно; по его словамъ, онъ не знаетъ даже, имѣло ли общество уставъ.

Сдѣлало ли что-нибудь это общество, дѣятельность котораго вскорѣ прекратилась? По словамъ показывающаго, вся дѣятельность, вся дѣятельность общества ограничились тѣмъ что его учредитель привлекъ къ нему трехъ лицъ;

2-е, да существовало ли когда-нибудь это общество?

Въ Донесеніи объ этомъ не упоминается. Все то, что редакторъ говоритъ объ этомъ, какъ бы мимоходомъ, заключается въ этомъ примѣчаніи! Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ остальныхъ, легкомысленное отношение Донесенія доходитъ до жестокости.

Въ замѣткѣ, о которой я говорю въ моемъ заключеніи, сказано, что двое членовъ, привлеченныхъ мною въ общество, заявили, что они были приняты мною. Но въ какое общество? Въ то ли общество, которое, какъ я сказалъ, никогда не существовало или въ то, которое было распущено?

Что касается одного изъ этихъ господъ, Миклашевскаго, то я никакъ не могу понять, о какомъ вступлениі и о какомъ обществѣ онъ говоритъ и едва помню его самого. Что касается втораго, Митькова съ которымъ я впослѣдствіи близко сошелся въ Карлсбадѣ, то я помню, что давалъ ему читать, по его настоятельной просьбѣ, уставъ распущенаго общества или «Зеленую книгу», которую я взялъ для этой цѣли у кого-то на время. Но это происходило тогда, когда общество еще существовало; когда же оно было распущено, то ни о какомъ поступлении въ него, если это совершилось въ 1822 г., разумѣется, не могло быть и рѣчи.

Слѣдовательно, Никита Муравьевъ, единственный человѣкъ, называющій меня однимъ изъ учредителей общества, присовокупляетъ, что я не принималъ въ него новыхъ членовъ.

Прочія лица, указанныя Семеновымъ: Оболенскій и Нарышкинъ ничего не говорятъ по этому поводу.

Я особенно настаиваю на томъ, что годомъ основанія общества названъ 1821 годъ. Выше мы видѣли, что новое Петербургское или Сѣверное общество организовалось только въ исходѣ 1822 г. Изъ этого слѣдуетъ, что это были два различныхъ общества и между основаніемъ того и другаго прошло два года; слѣдовательно, обвиненія, касающіяся

одного изъ нихъ, не могутъ относиться къ другому и обратно. Между тѣмъ на этомъ показаніи основана замѣтка, извлеченая изъ Донесенія, въ которой не дѣлается различія между этими двумя обществами и меня обвиняютъ и въ учрежденіи, и въ возстановленіи общества, и въ томъ, что я привлекалъ въ него членовъ и самъ былъ его членомъ, какъ будто каждый изъ этихъ фактовъ относится къ одному и тому же обществу.

Возвращаясь къ тексту Донесенія, читатель наталкивается снова на примѣчаніе, въ которомъ говорится, что:

Главными изъ основателей или возобновителей этого нового общества, учрежденного въ 1822 году, были, по показанію одного изъ обвиняемыхъ (Никиты Муравьевъ), кромѣ него князь Оболенскій и я.

Но къ этому прибавлено, что я воздерживался отъ принятія новыхъ членовъ. Это послѣднее обстоятельство показываетъ, что тутъ видимо подразумѣвается другое общество, а не то, о которомъ я говорю.

Далѣе говорится, что я отказался отъ должности предсѣдателя этого общества и такъ какъ это замѣчаніе связано съ именемъ князя Оболенскаго, то надобно думать, что оно сдѣлано имъ.

Таковы показанія моихъ двухъ такъ называемыхъ сотоварищѣй, которые противорѣчатъ другъ другу. Безпристрастный читатель, конечно, обратить вниманіе на то обстоятельство, что эти господа, говоря о томъ, чего я не дѣлалъ, и упоминая объ обязанностяхъ, отъ которыхъ я уклонился, не говорятъ, что я сдѣлалъ и какія обязанности несъ.

Къ чему сводятся доказательства, на основаніи которыхъ утверждаютъ, будто я участвовалъ въ учрежденіи нового общества? Къ простому показанію Никиты Муравьевъ, не подтвержденному никакимъ доказательствомъ, никакими данными, и которое не объясняетъ, въ чёмъ именно состояла моя дѣятельность. Если судить по Донесенію, то оказывается, что я принималъ дѣятельное участіе въ учрежденіи общества. Выше мы видѣли, что я былъ занятъ учрежденіемъ общества въ 1821 г., а, следовательно, въ 1822 г. учреждалъ другое общество и вмѣсть съ тѣмъ отказался отъ должности предсѣдателя этого общества! Это дѣятельное участіе въ учрежденіи обществъ и одновременное уклоненіе отъ управления ими довольно курьезно, чтобы не сказать противорѣчиво.

Дѣло въ томъ, что я не только не участвовалъ въ учрежденіи этого нового общества, но что, до отѣзда своего изъ Россіи, я даже не зналъ о томъ, было ли учреждено какое-нибудь новое общество.

Но могутъ мнѣ возразить, что показаніе Никиты Муравьевъ весьма важно. Дѣйствительно, оно казалось мнѣ серьезной загадкой въ то время, когда я былъ занятъ составленіемъ моихъ предыдущихъ записокъ; оно имѣло для меня особенное значеніе потому, что это показа-

ніе было сдѣлано Никитою Муравьевымъ, которому было хорошо известно, какъ мало значенія я придавалъ тайнымъ обществамъ, и который часто видѣлъ, какъ я смеялся надъ ними и самъ нерѣдко смеялся вмѣстѣ со мною. Какъ могло случиться, думалъ я, что человѣкъ говорить не только то, что не согласно съ истиной, но даже какъ разъ противное тому, что ему известно! Я не пытался объяснить это или высказать по этому поводу какой-либо догадки, а только заявилъ, что я этого совершенно не понимаю, и умолялъ попросить Муравьева подтвердить свои слова и объяснить свое показаніе.

Нѣсколько лѣтъ спустя мнѣ передавали, что Никита Муравьевъ заявилъ роднымъ, что все то, что онъ говорилъ обо мнѣ, неправда. Нѣсколько времени спустя мнѣ сообщили, что его жена (которую я могу теперь назвать не компрометтируя, такъ какъ ея уже нѣть на свѣтѣ) говорила неоднократно, что ея мужъ часто высказывалъ, что хотя онъ и далъ показанія противъ меня, и подписалъ эти показанія, но они ложны и что онъ находился въ такомъ состояніи, когда онъ не понималъ, что говорилъ.

Очевидно, я не могъ дать рѣшительно никакого объясненія на столь туманное и крайне не правдоподобное обвиненіе. При томъ справедливость обвиненія должна быть доказана тѣмъ лицомъ, которое обвиняетъ; обвиняемому же нѣть надобности доказывать неосновательность обвиненія. Скажу только, что никакой законъ въ мірѣ не призналъ бы достаточнымъ это единичное обвиненіе.

Въ примѣчаніи, о которомъ я говорю въ своемъ заключеніи, указаны еще нѣкоторые лица, будто бы обвинявши меня въ общихъ чертахъ въ томъ, что я возстановилъ общество; это князь Трубецкой, Орловъ и Матвѣй Муравьевъ.

Весьма вѣроятно, что эти показанія не имѣютъ между собою ничего общаго: въ примѣчаніи не говорится даже, о какомъ именно обществѣ тутъ идетъ рѣчь; между тѣмъ на этомъ замѣчаніи основанъ мой приговоръ! Такъ, напр., очевидно, что показаніе Орлова свидѣтельствуетъ только о томъ, что я думалъ основать вмѣстѣ съ нимъ общество до моего поступленія въ общество «Зеленої книги». Его показаніе не можетъ относиться ко второму обществу, такъ какъ изъ Донесенія ясно видно, что я вступилъ въ общество долгое время спустя послѣ его учрежденія. Это показаніе не можетъ также относиться къ обществу 1822 г., такъ какъ мы не выдались съ Орловымъ со времени моего отѣзда изъ Москвы, въ 1821 году, и я съ нимъ впослѣдствіи не переписывался. Поэтому ему не могло ничего быть известно о какихъ-либо попыткахъ съ моей стороны учредить общество въ это время.

«Его (общество) раздѣлили на убѣжденныхъ и соединенныхъ или согласныхъ. Союзъ убѣжденныхъ или верхній

*

кругъ составлялся изъ основателей¹), принимали въ оный и другихъ изъ союза соединенныхъ, но не иначе, какъ по согласію всѣхъ находившихся въ Петербургѣ убѣжденныхъ..

«Возобновивъ тайное общество, начальникомъ онаго нѣсколько времени признавали одного Никиту Муравьевъ; потомъ въ концѣ 1823 года, рѣшась для лучшаго успѣха имѣть трехъ предсѣдателей, присоединили къ нему князя Сергея Трубецкаго, лишь возвратившагося изъ-за границы и князя Евгения Оболенскаго»².

Показаніе князя Трубецкаго не можетъ относиться къ обществу «Зеленої книги», ни къ обществу 1822 года по той простой причинѣ, что въ Донесеніи говорится, что Трубецкой пріѣхалъ въ Петербургъ только въ 1823 году. Слѣдовательно, князь Трубецкой былъ за границею въ то время, когда было учреждено это новое общество, поэтому онъ не можетъ давать показаній о томъ, что происходило въ Петербургѣ за годъ до его прїѣзда.

Что касается Матвѣя Муравьевъа, то его показаніе мнѣ положительно не понятно. Изъ документовъ, приложенныхъ къ слѣдственному дѣлу, видно, что онъ не принадлежалъ къ новому обществу, образовавшемуся въ Петербургѣ. Слѣдовательно, онъ не можетъ давать показанія о томъ, при какихъ обстоятельствахъ это общество было учреждено или возстановлено.

Если тутъ идетъ рѣчь объ обществѣ 1822 г., то какимъ же образомъ приводятся показанія только этихъ трехъ лицъ и не упоминается вовсе о показаніяхъ другихъ членовъ общества, которые находились въ то время въ Петербургѣ?

Моими обвинителями выступаютъ тутъ три свидѣтеля: во-первыхъ, тѣ же князь Трубецкой и Матвѣй Муравьевъ, на показанія которыхъ я ссылаюсь по поводу того, что сказано по предыдущему обвинительному пункту, и Семеновъ, показаніе котораго, разобранное выше, относится къ 1821 г., а не къ 1822 году и который не говоритъ, что я принималъ участіе въ учрежденіи общества; а что я одинъ хотѣлъ учредить его.

Я заимствую всѣ эти побочные обстоятельства изъ замѣчанія, со-

¹) Главными изъ сихъ основателей, или возобновителей общества, по словамъ Никиты Муравьевъа, были: онъ самъ, кн. Оболенскій и Николай Тургеневъ, который, однако же, не участвовалъ въ принятіи новыхъ членовъ. Въ обоихъ отдѣленіяхъ Сѣверного общества, соединенныхъ и убѣжденныхъ, равно какъ и въ Южномъ, членовъ принимали безъ всякихъ обрядовъ.

²) Мѣсто правителя предлагали Николаю Тургеневу; онъ отказался за неиздоровьеъ, множествомъ иныхъ занятій и худымъ успѣхомъ его предсѣдательства въ Москвѣ.

ставленного яко бы на основаниі Донесенія комиссіи, въ которой, однако же, обѣ этомъ вовсе не упоминается, и привожу эти факты въ томъ видѣ, въ какомъ они изложены въ этомъ примѣчаніи. Если читатель былъ удивленъ отсутствіемъ порядка и метода въ Донесеніи слѣдственной комиссіи и въ особенности совершеннымъ отсутствіемъ тѣхъ характерныхъ признаковъ, коими долженъ отличаться всякий юридическій актъ, то онъ будетъ еще болѣе изумленъ, увидавъ, что рѣшеніе Верховнаго уголовнаго суда представляетъ собою столь удивительную и непонятную пуганицу. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли было обвинить меня въ томъ, что я учреждалъ и возстановлялъ общество, не указывая, какое именно общество? Возможно ли основывать это обвиненіе на показаніяхъ, которыя никакъ не могли бы быть приняты во вниманіе, если бы только потрудились выяснить фактъ и сравнить даты? Разумѣется, это могло еще болѣе запутать то, что и безъ того было туманно и запутано!

Хотя, очевидно, меня нельзя обвинять въ томъ, что я возстановилъ новое общество, но я все-таки хочу сдѣлать по поводу этого общества нѣкоторые замѣчанія.

Въ Донесеніи излагается организація новаго общества. Надобно сознаться, что это изложеніе сдѣлано весьма подробно, въ особенности если привять во вниманіе, что члены говорили обѣ этомъ на память, ибо письменнаго устава общества, повидимому, не существуетъ.

Далѣе говорится о цѣляхъ новаго общества, но эта цѣль указана такъ же неопределенно, какъ и тѣ цѣли, о коихъ было говорено выше. Тутъ упоминается впервые о насильственныхъ средствахъ, которыя общество, какъ самостоятельная единица, предполагало употреблять.

Редакторъ могъ перепутать даты, могъ умолчать о двухъ лѣтнемъ періодѣ времени, протекшемъ между распущеніемъ прежняго и учрежденіемъ новаго общества; быть можетъ, онъ даже хотѣлъ изобразить эти два общества какъ одно; но могъ ли онъ, будучи добросовѣстнымъ, не отмѣтить огромной и очевидной разницы, существовавшей между тайными происками, которые происходили до и послѣ 1821 года? Правда, мы увидимъ ниже, что въ Донесеніи говорится весьма опредѣленно о томъ, что это новое общество обнаружило свою дѣятельность только въ концѣ 1824 г., послѣ отѣзда князя Трубецкаго въ Петербургъ; но этого замѣчанія, которое я могу считать счастливой случайностью по отношенію ко мнѣ, такъ какъ я уѣхалъ изъ Россіи въ началѣ этого года, — недостаточно; сдѣлавъ это замѣчаніе, редакторъ не исполнилъ всего, что предписывала ему справедливость и строгая истина. Ему слѣдовало прежде всего установить различіе между этими двумя обществами, изъ коихъ одно было распушено въ 1821 г., а другое учреждено въ исходѣ

1822 года. Онъ долженъ быть выяснить и опредѣлить совершенно точно характеръ каждого изъ этихъ обществъ; долженъ быть указать, кто именно принадлежалъ къ первому обществу, кто ко второму и кто былъ членомъ того и другаго. Тогда редакція Донесенія отличалась бы ясностью и правдивостью, и можно было бы рѣшить легко и безошибочно, какое именно общество преслѣдовало одни простые принципы филантропіи и патріотизма и которое изъ нихъ было виновно въ преступномъ намѣреніи произвести восстаніе съ оружіемъ въ рукахъ. Для того, чтобы прийти къ этому необходимому и обязательному заключенію, редактору стоило только воспользоваться добросовѣстно тѣми документами, какіе были у него въ рукахъ; это видно изъ того, что даже я извлекъ изъ его Донесенія, конечно, не безъ труда, всѣ данные, необходимыя для того, чтобы установить разницу, существовавшую между этими двумя обществами, выяснить ихъ отличительный характеръ и степень виновности; если бы редакторъ потрудился сдѣлать то же самое до меня, то можно предположить, что Верховный судъ также различилъ бы, во-первыхъ, эти два общества, а во-вторыхъ, распредѣлилъ бы и членовъ согласно степени ихъ виновности и сообразно съ этимъ произнесъ бы свой приговоръ; то, что редакторъ не сдѣлалъ изъ человѣко любія, могло быть внушено ему чувствомъ долга.

Останавливаясь на этомъ пунктѣ, только для того, чтобы замѣтить, что я видѣлся съ Никитою Муравьевымъ послѣ возвращенія моего изъ Москвы и до отѣзда изъ Россіи; но я и не подозрѣвалъ того, что онъ стоялъ во главѣ какого бы то ни было общества; мнѣ было известно, что онъ не пользовался особою популярностью въ прежнемъ обществѣ, изъ коего многие члены вошли, какъ видно изъ Донесенія, въ составъ новаго общества; могъ ли я думать, что Никита Муравьевъ будетъ стоять во главѣ какого бы то ни было новаго общества? и даже, что онъ могъ быть вообще членомъ какого-нибудь общества?

Въ концѣ 1823 г. было рѣшено дать Никитѣ Муравьеву въ помощники еще двухъ предсѣдателей: князя Трубецкаго и князя Оболенскаго. Что же дѣлалъ въ то время я, одинъ изъ основателей этого общества? Я отказался,—говорится въ примѣчаніи,—отъ должности директора. Принималъ ли я, послѣ этого отказа, какое-нибудь дальнѣйшее участіе въ обществѣ, какъ одинъ изъ его учредителей? Въ Донесеніи обо мнѣ болѣе ничего не говорится.

Въ этомъ сплетеніи нелѣпостей, злонамѣренныхъ и преступныхъ словъ, лжи и противорѣчій обо мнѣ упоминается впервые по поводу учрежденія новаго общества въ 1822 г. и на основаніи показанія одного только лица.

Читатель увидитъ, что далѣе будетъ говориться о моемъ присутствіи

на одномъ засѣданіи, но я докажу, что я находился въ то время въ Неаполѣ.

Теперь посмотримъ, къ чему сводятся взвѣденія на меня обвиненія по отношенію къ этому новому обществу. Меня обвиняютъ въ томъ:

1) Что я былъ однимъ изъ его учредителей; это обвиненіе основывается на показаніи одного обвиняемаго (Никиты Муравьева), которое не подтвердилось никакими фактами, никакими данными, которыхъ говорили бы о какой-либо дѣятельности съ моей стороны; въ Донесеніи сказано только, что я воздерживался отъ принятія въ общество новыхъ членовъ.

2) Что я отказался отъ мѣста директора. Но такъ какъ это замѣчаніе, приведенное въ Донесеніи, не походитъ на обвиненіе, то я остановлюсь только на первомъ и единственномъ обвиненіи; оно единственno само по себѣ и по числу лицъ, меня обвинявшихъ, словомъ единственno во многихъ отношеніяхъ.

Годъ спустя, говорится въ Донесеніи, т. е. въ исходѣ 1824 г., князь Трубецкой отправился въ Киевъ.

Въ это время я простился со всѣми тайными обществами, со всѣми ихъ членами и отправился въ началѣ того же года, а именно 9 апреля 1824 г. въ Карлсбадъ.

Я помню, что, уѣхавъ изъ Петербурга, я оставилъ тамъ князя Трубецкаго.

Если бы редакторъ придерживался болѣе строгого чиселъ, то онъ избавилъ бы отъ большаго труда не только меня, но, увѣренъ, и нѣкоторыхъ изъ моихъ судей, которые могли бы въ такомъ случаѣ легко убѣдиться въ томъ, что было время, когда я не имѣлъ физической возможности участвовать въ тайныхъ обществахъ; это было время, проведенное мною за границею.

«Синопенія новаго Петербургскаго или Сѣвернаго союза съ Южнымъ, какъ показываютъ многіе допрошенные, были довольно рѣдки и почти всегда на словаѣ. Думы боялись ввѣрять письма даже сочленамъ своимъ, ибо оныя могли по нечаянному случаю попасть въ руки постороннихъ. Сіи два общества не соглашались во многомъ, особенно же касательно своего внутренняго устройства; но имѣли одну цѣль: ниспроверженіе существующаго порядка, и въ обоихъ уже занимались сочиненiemъ законовъ для преобразованія Россіи. Для достижения цѣли своей, также въ обоихъ думали употребить одни средства: силу, дѣйствіе войскъ, которыхъ надѣялись склонить къ возмущенію»¹⁾.

¹⁾ По всему видно, что сія мысль родилась въ нихъ не прежде 1821 года п, вслѣдствіе бывшихъ не задолго передъ тѣмъ революцій въ

Тутъ говорится положительно, что цѣлью обоихъ обществъ было: ниспроверженіе существующаго порядка.

Въ Донесеніи не говорится, что эта цѣль была выражена въ уставахъ этихъ обществъ; не видно также, были ли эти уставы предъявлены при разбирательствѣ дѣла, да и вообще, существовали ли они когда-либо: слѣдовательно, редакторъ могъ почерпнуть эти свѣдѣнія только изъ показаній обвиняемыхъ. Но въ такомъ случаѣ объ этихъ показаніяхъ слѣдовало упомянуть. Надобно было доказать, что эта цѣль была присуща именно обществу или обществамъ, а не преслѣдовалась только нѣкоторыми ихъ членами. Мы уже видѣли, что цѣль прежняго общества, какъ явствуетъ изъ его устава и изъ всѣхъ прочихъ обстоятельствъ дѣла, была вполнѣ невинная, каковы бы ни были намѣренія нѣкоторыхъ его членовъ; и что они сообщали другъ другу эти намѣренія не въ за-сѣданіяхъ общества, а на частныхъ или случайныхъ собраніяхъ.

Изъ Донесенія видно, что первые признаки этихъ преступныхъ намѣреній могутъ быть отнесены, по отношенію къ Петербургскому обществу, къ концу 1824 г., когда общество начало обнаруживать лихорадочную дѣятельность со вступленія Рылѣева въ составъ правленія. Слѣдовательно, это возмущеніе нельзя по крайней мѣрѣ приписывать тѣмъ, кои выѣхали изъ Россіи въ началѣ этого года.

Я занимался дѣйствительно редактированіемъ законовъ, но для Государственного Совѣта Россійской имперіи, а не для тайного общества. Удивительно, что общество, занятое разработкою разныхъ проектовъ законовъ и конституцій, не сочло нужнымъ возложить это дѣло на меня, принимая во вниманіе, что меня считали достойнымъ этого труда для Государственного Совѣта? Совѣтовались ли, по крайней мѣрѣ, со мною тѣ лица, кои редактировали эти проекты? или хотя бы показывали ихъ меѣ? Объ этомъ не упоминается ни слова ни въ ихъ показаніяхъ, ни въ Донесеніи. Со стороны общества было по меньшей мѣрѣ неблагодарно скрывать свои проекты отъ своего учредителя!

И то и другое изъ этихъ обществъ, читаемъ далѣе въ Донесеніи, хотѣло прибѣгнуть къ вооруженной силѣ, надѣясь привлечь къ возмущенію войско.

Тутъ также слѣдовало выяснить точнѣе показанія обвиняемыхъ, на которыхъ, за отсутствіемъ иныхъ доказательствъ, редакторъ долженъ былъ волей неволей основывать свои заключенія. Вместо этого мы находимъ, въ этомъ мѣстѣ Донесенія, еще одно примѣчаніе, ничѣмъ не уступающее по своей жестокости прочимъ примѣчаніямъ.

Испаніи, Неаполѣ и Піемонтѣ. Иные,—говорятъ Пестель,—полагали, что возмущенію должно быть въ Петербургѣ; другое, что надобно начать въ арміи. идти на Москву и тамъ принудить сенатъ провозгласить перемѣну, установить новый образъ правленія.

Въ немъ говорится, что мысль о вооруженномъ возстаніи зародилась въ умѣ заговорщиковъ не прежде 1821 года. Въ подтверждение этого важнаго указанія, редакторъ передаетъ сказанное по этому поводу Пестелемъ.

Замѣчу, во-первыхъ, что эта совокупность данныхъ ограничивается, какъ видимъ, единственно тѣми данными, кои сообщены Пестелемъ.

Если мнѣ возразить, что редакторъ счелъ излишнимъ приводить показанія другихъ лицъ, то я замѣчу, что это обстоятельство, т. е. рѣшеніе общества дѣйствовать силою и возмущеніемъ, есть самое важное обстоятельство во всемъ слѣдствіѣ. Съ одной стороны мы видимъ, что тайныя общества существовали въ Россіи съ 1815 или 1816 г.; а съ другой, что возмущеніе произошло въ 1825 г. Было ли рѣшено прибѣгнуть къ возмущенію съ самого начала? Конечно, нѣтъ. Когда же это было рѣшено? Было бы крайне необходимо точно опредѣлить, когда именно было принято это рѣшеніе. Редакторъ указываетъ на 1821 годъ, но не приводитъ никакихъ доказательствъ въ подтверждение своихъ словъ. Можно предположить, что онъ избралъ этотъ годъ, предпочтительно передъ какимъ-либо другимъ, только по случайному совпаденію возстаній, происходившихъ въ это время въ Испаніи и Италіи, о коихъ онъ упоминаетъ. Посмотримъ, правильно ли сдѣлано указаніе на 1821 годъ.

Мы видѣли изъ Донесенія, что именно происходило въ обществѣ въ 1821 году. Въ это время происходило общее собраніе въ Москвѣ; тогда же было много разговоровъ о дальнѣйшемъ существованіи общества въ Тульчинѣ. Этотъ годъ (пусть читатель обратитъ на это особенное вниманіе) былъ промежуточнымъ между старымъ и новымъ обществомъ; это былъ періодъ самого большаго бездѣйствія членовъ всѣхъ обществъ, въ особенности проживавшихъ въ Петербургѣ.

Въ какое же именно время въ этомъ году возникла мысль о возмущеніи? произошло ли это въ Москвѣ, на общемъ собраніи? Все бывшее на этомъ собраніи описано довольно подробно, и, обсудивъ то, что происходило въ Москвѣ, я спрашиваю, есть ли хоть тѣнь вѣроятія, чтобы мысль о возмущеніи возникла именно въ Москвѣ? Говорилъ ли тамъ обѣ этомъ кто-либо? Мнѣ кажется, мы видѣли тамъ какъ разъ противуположное.

Быть можетъ, это случилось въ Петербургѣ, послѣ того, какъ общество было распущено? Это также весьма мало вѣроятно; мы не знаемъ ничего о томъ, что происходило въ этомъ году въ Петербургѣ, исключая возникновенія общества, въ учрежденіи котораго меня обвиняютъ, и дѣятельность котораго прекратилась такъ быстро. Наконецъ, быть можетъ, это случилось въ Тульчинѣ? Это также весьма мало вѣроятно, такъ какъ въ Донесеніи говорится, что лица, находившіяся въ это время

въ Тульчинѣ, были заняты поддержаніемъ или воскрешеніемъ распадавшагося общества. Имъ некогда было думать о возмущеніи въ то время, когда общество было въ такомъ упадкѣ.

По какому роковому стечению обстоятельствъ редакторъ избралъ самое не подходящее, самое мало вѣроятное время и пріурочилъ къ нему фактъ самый важный во всемъ слѣдственномъ дѣлѣ? Можно ли говорить, что мысль о возмущеніи возникла въ то время, когда прежнее общество болѣе не существовало, а новое еще не было учреждено? Господь обнаруживаетъ иногда клевету весьма странными путями. Этотъ неудачный выборъ времени значительно ослабляетъ обвиненіе.

Нельзя сказать, чтобы было безразлично, когда именно возникла мысль о возмущеніи, въ 1821 г. или позднѣе и что достаточно знать, что возмущеніе было произведено и что, слѣдовательно, оно было задумано раньше. Это могло дѣйствительно быть безразлично для редактора, объ этомъ свидѣтельствуетъ лучше всего та легкость, съ какою онъ упоминаетъ объ этомъ чрезвычайно важномъ обстоятельствѣ въ примѣчаніи, но это не безразлично для меня. Прежнее общество распалось только въ 1821 г. Если мысль о возмущеніи возникла до распущенія общества, въ особенности, если бы эта мысль была приписана, какъ это дѣлается здѣсь, большинству членовъ, въ такомъ случаѣ отвѣтственность могла бы падать и на меня. Поэтому для меня весьма важно обратить вниманіе читателя, во-первыхъ, на то, какъ неправдоподобно это обвиненіе и, во-вторыхъ, на легкость, съ какою объ этомъ говорится.

Псвторяю—за эту мысль отвѣтственны только тѣ, въ чьемъ умѣ она зародилась ¹⁾.

«Между тѣмъ и въ обществѣ Петербургскомъ явилась болѣшая противъ прежняго и беспокойная дѣятельность, особенно со времени вступленія Рылѣева въ думу, на място князя Сергѣя Трубецкаго. Онъ и принятый имъ въ апрѣль 1825 года, причисленный къ Верхнему кругу Александръ Бестужевъ... утверждаетъ,

¹⁾ Въ повѣстованіи о томъ, что происходило въ Тульчинѣ, въ Донесеніи упоминается о показаніи одного обвиняемаго, который говоритъ, что уже въ 1821 году, на одномъ собраниі, происходившемъ послѣ восстановленія Союза на югѣ, на которомъ присутствовалъ Пестель, —было объявлено о цѣли общества измѣнить во что бы то ни стало существующій государственный порядокъ, испровергнуть престолъ и т. п.... Весьма возможно, что, говоря въ своемъ примѣчаніи о существовавшемъ съ 1821 г. проектѣ восстанія, докладчикъ имѣлъ въ виду и это показаніе. Имя Честеля встрѣчается въ этомъ показаніи такъ же, какъ и въ примѣчаніи редактора. Если это такъ, то изъ этого же показанія видно, что это рѣшеніе было принято въ Тульчинѣ, послѣ того, какъ прежнее общество было распущено; и этого достаточно для моего личнаго оправданія.

что съ первого засѣданія его въ кругѣ Убѣждденыхъ, онъ увѣрился въ ничтожности силъ ихъ общества, что съ тѣхъ поръ, до 27-го ноября, онъ видѣлъ въ немъ одну игрушку, даже искалъ средства удалиться, только не нарушая даннаго обѣщанія и не ссорясь съ товарищами; что для сего думалъ нынѣшнею зимою жениться въ Москвѣ и ѿхать на нѣсколько лѣтъ за границу».

Изъ этихъ строкъ Донесенія нельзѧ вывести иного заключенія, кромѣ того, что Петербургское общество проявило лихорадочную дѣятельность со времени вступленія Рылѣева въ составъ правленія. Проявляло ли оно какую-нибудь дѣятельность до этого времени—не видно.

Мы видѣли выше, что Рылѣевъ замѣстилъ въ правленіи князя Трубецкаго, ѿхавшаго въ Киевъ. Князь Трубецкой ѿхалъ въ Киевъ въ исходѣ 1824 г. Я выѣхалъ изъ Россіи въ началѣ 1824 г. (9-го апрѣля).

Изъ этого сопоставленія числь выходить, что Петербургское общество проявило свою дѣятельность послѣ моего отѣзда изъ Россіи. Поэтому, не выходя изъ предѣловъ благоразумія, можно предположить, что во время пребыванія въ Петербургѣ я могъ и не замѣтить о существованіи этого общества, такъ какъ оно было въ то время бездѣятельно.

Я останавливалась еще на этомъ пунктѣ только для того, чтобы замѣтить, что даже люди, принимавшие дѣятельное участіе въ возмущеніи, какъ, напримѣръ, Бестужевъ, считали общество ничтожнымъ и смотрѣли на его занятія какъ на простое препровожденіе времени, и это въ періодъ гораздо болѣе близкій къ возмущенію, нежели эпоха, когда я ѿхалъ изъ Россіи.

Далѣе говорится въ Донесеніи, что Бестужевъ и Рылѣевъ привлекли въ общество много новыхъ членовъ и между прочимъ Торсона; слѣдовательно, Торсонъ вступилъ въ общество въ 1825 году.

Члены сѣвернаго правленія познакомились съ капитаномъ Якубовичемъ въ 1825 г. Въ томъ же 1825 г., осенью, подполковникъ Батенковъ познакомился съ Рылѣевымъ и Бестужевымъ. Рылѣевъ, въ присутствіи Батенкова, слѣдовательно, въ 1825 году, обсуждалъ вопросъ о томъ, что они сдѣлаютъ, въ случаѣ ежели бы императоръ отвергнулъ условія, которыя будутъ ему предложены, и сказалъ: «не вывезти ли за границу? Что къ сему мнѣнію пристали: Трубецкой, Никита и Матвѣй Муравьевы, Оболенскій и Николай Тургеневъ, и что для сего ему (Рылѣеву) отъ думы вѣрно приготовить Кронштадтскій флотъ чрезъ надежныхъ офицеровъ».

Читатель видѣлъ, что все разписанное происходило въ 1825 году; а я ѿхалъ изъ Россіи въ 1824 году и провелъ всю зиму 1825 г. въ Неаполѣ, и слѣдовательно ясно, что я не могъ раздѣлять высказанного ими мнѣнія.

Однако, не только Рылѣевъ заставляетъ меня присутствовать въ

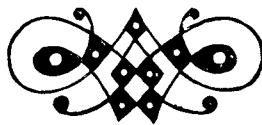
1825 г. на одномъ изъ петербургскихъ засѣданій, но другой подсудимый, Матвѣй Муравьевъ, подтвердилъ это показаніе. Правда, онъ взялъ свои слова обратно впослѣдствіи, но при какихъ обстоятельствахъ это было сдѣлано? Онъ сдѣлалъ это заявленіе въ то время, когда его допрашивали въторично по поводу этого засѣданія, разумѣется, не для того, чтобы узнать правду обо мнѣ, но по какому-то другому поводу, такъ что онъ отказался отъ своихъ словъ случайно, между прочими.

Справедливость требуетъ, сдѣлать замѣтить, что это обвиненіе, отвергнутое слѣдственной комиссией, устраниено также и Верховнымъ уголовнымъ судомъ; несмотря на несправедливость, съ какою я осужденъ, я признателенъ ему за то, что онъ не упомянулъ объ обвиненіи, которое огорчило бы меня болѣе всего.

Въ остальной части Донесенія мое имя больше не упоминается.

Сообщ. А. А. Фоминъ.

(Продолженіе следуетъ).

Письма В. А. Жуковского къ великой княгинѣ Александрѣ Феодоровнѣ изъ первого его заграничнаго путешествія въ 1821 году ¹⁾.

1.

Дрезденъ, 1 іюня (н. стиля, 1821).

Есть уже три дни, какъ я путешествую, но буду говорить вашему императорскому высочеству только о Берлинѣ; по сю пору (хотя я уже и видѣлъ много прекрасныхъ предметовъ, для меня совершенно новыхъ) самое живое чувство мое есть воспоминаніе о послѣднихъ минутахъ, проведенныхыхъ въ Берлинѣ. Ваше высочество позволили мнѣ писать къ вамъ просто, безъ принужденія, какъ перо велитъ: этимъ милостивымъ позволеніемъ дали вы неизысканную прелесть моему путешествію. Не довольно того, чтобы видѣть и чувствовать прекрасное, надоѣно еще и сказать объ немъ; а кому лучше, простѣе и непринужднѣе скажешь о прекрасномъ, какъ не вамъ: прошу васъ мнѣ вѣрить; я не думаю

¹⁾ Печатаемыя письма В. А. Жуковского къ великой княгинѣ Александрѣ Феодоровнѣ изъ первого его заграничнаго путешествія нельзя назвать, за исключеніемъ лишь двухъ писемъ, вполнѣ неизвѣстными. Именно письма отъ 20-го мая (1-го іюня) 1821 года и отъ 1-го (13-го) ноября того же года въ печати еще не появлялись. Изъ остальныхъ трехъ писемъ значительныя извлечениа были напечатаны еще при жизни самого Жуковского (въ „Полярной Звѣздѣ“ 1824 года, Сочиненіяхъ въ прозѣ В. Жуковского, изданныхъ въ 1826 году, и въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1827 года) и затѣмъ помѣщались въ послѣдующихъ изданіяхъ его сочиненій. Въ полномъ же видѣ и эти три письма не были изданы; но и въ напечатанныхъ отрывкахъ изъ нихъ встрѣчаются, сравнительно съ подлинниками, съ одной стороны пропуски, а съ другой небольшія измѣненія и добавленія. И. Б.

хвалить васъ—на что вамъ похвала!—но то, что составляетъ мое прямое счастіе при васъ, есть эта полная свобода души; стоитъ только имѣть добрыя, чистыя чувства, и при васъ будетъ хорошо! И мнѣ почти всегда хорошо! Но я не дѣлаю изъ этого собственаго достоинства — это достоинство ваше! Мое же достоинство состоится только въ томъ, что я способенъ чувствовать красоту другой души; мнѣ весело знать вашу душу во всей ея чистой, невинной прелести; это меня часто возвышаетъ и дѣлаетъ внутренно счастливымъ! Какъ я благодаренъ вашему позволенію писать къ вамъ: безъ бумаги и пера всего бы этого я никогда вамъ не сказалъ, а теперь это говорится само собою, безъ всякихъ принужденій. Моимъ переводчикомъ передъ вами будетъ самъ великий князь: это новая прелесть моей переписки съ вашимъ высочествомъ; великий князь долженъ знать мое къ вамъ отношеніе такъ, какъ оно есть. Повѣрьте: не честь служить вамъ, не выгоды, какія можетъ мнѣ доставить моя служба, привязываютъ меня къ моей милой должности — нѣть! просто вашъ характеръ! Счастіе знать вашу чистую душу, счастіе понимать эту душу (ради Бога не вообразите, что я хвалю васъ! Это не иное что, какъ необходимость сказать вамъ то, что я думаю и чувствую про себя и чѣмъ такъ часто бываю счастливъ тихомолкомъ), надежда, что всѣ эти прекрасныя качества, данныя Богомъ, даны не напрасно, а принесутъ свой плодъ — вотъ то, что дѣлаетъ мое положеніе при васъ столь пріятнымъ! Ничего не желаю отъ васъ, кроме въры этому безкорыстному моему чувству! Знай я, что вы отдаете мнѣ полную справедливость въ этомъ отношеніи, и я совершенно доволенъ! Мысль о вашемъ счастіи всегда меня трогаетъ: я вижу тутъ что-то чистое, высокое! Примѣшать къ этому чувству какіе-нибудь посторонніе виды собственныхъ выгодъ значило бы его испортить! Къ счастію, до сихъ поръ со мною этого не случилось! Вы созданы для того, чтобы имѣть друзей въ тѣхъ, которые принадлежать вамъ — здѣсь слово друзей не должно казаться вамъ неприличнымъ! И не имѣя этого дружескаго сношенія, какое бываетъ между ровными, можно быть другомъ судьбы вашей, можно желать вамъ добра безкорыстно, точно изъ благодарности къ вашему прямому, прелестному характеру. Простите, что все это пишу; но для меня было необходимо все это написать; опять повторяю, для меня нужно, чтобы вы и въ особенности великій князь, который будетъ это читать и (*hélas!*) переводить, знали въ точности, въ чемъ состоитъ мое къ вамъ отношеніе. Можетъ ли быть для васъ лишнимъ тотъ человѣкъ, который, принадлежа вамъ, принадлежитъ вамъ единственно по искреннему уваженію къ вашему характеру, и все свое лучшее полагаетъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ этой же самой привязанности и въ томъ, что вы на этотъ счетъ ему отдаете справедливость.

Изъ начала моего письма ваше высочество можете замѣтить, что я путешественникъ, что уже нѣсколько привыкъ бродить; еще не покинувъ Берлина, я сдѣлалъ уже отступленіе. Возвращаюсь къ Берлину. Проводивъ ваше высочество¹⁾, я нѣсколько времени шатался по потсдамскимъ улицамъ, ожидая возвращенія короля отъ парада, чтобы имѣть честь откланяться его величеству. Милостивая ласка, съ какою е(го) в(еличество) простился со мною, меня живо тронула; онъ два раза пожалъ мнѣ руку; онъ говорилъ мнѣ объ вѣсть; онъ говорилъ, что надѣется на Эмсъ и на Спа для вашего здоровья; а я шепнуль про себя: *gewissenhaft*²⁾ и прибавилъ: дай Богъ, чтобы это было такъ! А слово *gewissenhaft* великое слово!—Я хотѣлъ кончить этотъ печальный день у принцессы Радзивиль³⁾, но никакъ не могъ успѣть отъ хлопотъ, и хорошо сдѣлалъ, что не успѣлъ, потому что я не видаль бы ее: этотъ день утомилъ ее, и она въ вечеру не выходила. Я проси-дѣлъ у M-lle Wildermeth⁴⁾, и ваше высочество можете сами угадать, въ чемъ состояли наши разговоры.

Но почти одинацдцать часовъ; время бѣжало съ письмомъ на почту; я долженъ отложить описание моихъ послѣднихъ минутъ въ Берлинѣ до другой почты, чтобы теперь сказать вашему высочеству о главномъ. Въ ту самую минуту, въ которую готовъ я былъ сѣсть въ мой смиренный *Stuh(l)wagen*⁵⁾, чтобы начать свое странствіе, получаю письмо отъ князя Гарденберга⁶⁾ и при немъ крестъ Краснаго Орла. Эта милость его величества есть въ то же время и ваша милость: не умѣю сказать, какъ она меня тронула. Я осмѣлился благодари-ть его величество письменно: здѣсь благодарю и ваше высочество. Этотъ крестъ есть для меня драгоценный памятникъ нѣсколькихъ веселыхъ дней жизни; и его пріятно получить отъ такого государя, котораго не можешь не любить и не уважать, когда узнаешь вблизи.

Простите, ваше высочество! Благослови Богъ ваше путешествіе— когда пишу это, слезы готовы навернуться на глазахъ! Ваша судьба кажется мнѣ святою принадлежностью Прорицанія; обѣ вѣстъ легко мо- литься: сердце само собою подымается въ высоту, и молитва обѣ вѣстъ дол жна быть услышана: что можетъ быть чище такой молитвы!

¹⁾ Великая княгиня Александра Феодоровна отправилась лѣчиться въ Эмсъ.

²⁾ Т. е. добросовѣстно.

³⁾ Принцессы прусской Луизы (р. 1770†1836), бывшей замужемъ за кня- земъ Антономъ Радзивилломъ (р. 1775†1833).

⁴⁾ Воспитательница великой княгини Александры Феодоровны.

⁵⁾ Т. е. шарабантъ.

⁶⁾ Князь Карлъ-Августъ Гарденбергъ (р. 1750†1822), прусский министръ, канцлеръ и предсѣдатель Государственного Совѣта.

Перечитавъ мое письмо, нахожу, что въ немъ нѣтъ никакого порядка и что въ немъ одни повторенія одного и того же. Прошу ваше высочество милостиво меня простить! Не могу даже обѣщать вамъ и впередъ исправиться! Я не могу писать писемъ иначе, какъ давъ волю перу моему; и ваше высочество позволили мнѣ имѣть эту свободу. Смѣю просить у васъ милостиваго снисхожденія.

Приношу мое глубочайшее почтеніе его императорскому высочеству.

Съ чувствомъ неограниченной привязанности, благодарности и почтенія имѣю честь быть вашего императорскаго высочества всепокорнейшимъ слугою Жуковскій.

2.

(Дрезденъ, 4-го (16-го) іюня—Прага, 10-го (22-го) іюня—Карлбадъ,

17-го (29-го) іюля 1821 года).

Дрезденъ, 4 (16) іюня ¹⁾.

Послѣ удовольствія видѣть начинается для меня удовольствіе рассказывать вашему императорскому высочеству о томъ, что я видѣлъ. Я прожилъ двѣ недѣли въ Дрезденѣ и завтра поутру ѿду. Но прежде, нежели буду говорить вашему высочеству о моемъ путешествіи, скажу нѣсколько словъ о моихъ послѣднихъ минутахъ въ Берлинѣ, о которыхъ хотѣлъ говорить и ничего не сказалъ въ первомъ письмѣ моемъ. Напередъ однако прошу у вашего высочества прощенія: вы позволили мнѣ писать къ вамъ непринужденно, слѣдовательно, быть болтливымъ, и я воспользуюсь этою привилегіею, можетъ быть, насчетъ вашего терпѣнія. Но, какъ важный учитель русскаго языка, считаю обязанностію остеречь васъ: не учитесь правильному русскому слогу изъ моихъ писемъ:

¹⁾ Настоящее письмо писано Жуковскимъ въ три приема: оно начато въ Дрезденѣ, 4-го (16-го) іюня, продолжено въ Прагѣ 10-го (22-го) іюня и кончено въ Карлбадѣ 17-го (29-го) іюля. Въ Дрезденѣ Жуковскій пріѣхалъ, какъ видно изъ его дневника, вечеромъ 19-го (31-го) мая. Извлечения изъ этого письма были первоначально напечатаны: 1) въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1827 года, ч. XIV, отдѣлевіе второе, стр. 114—122, подъ заглавиемъ „Отрывокъ изъ письма о Саксонії“ (см. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е, Спб. 1885, т. V, стр. 421—425), при чемъ окончаніе въ этомъ „Отрывкѣ“ со словъ: „Я не буду описывать всего, что со мною было въ Дрезденѣ“ („Московскій Телеграфъ“, ч. XIV, отд. второе, стр. 122—124; Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. V, стр. 425—427) прибавлено изъ письма Жуковскаго къ его племянницамъ М. А. Мойеръ и А. А. Воейковой (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. V, стр. 544), и 2) въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1824 годъ, стр. 97—119, подъ заглавиемъ „Путешествіе по Саксонской Швейцаріи“ (см. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е, т. V, стр. 427—438).

я ихъ не сочиняю, а пишу, какъ судѣбѣ угодно, безъ всякой строгой правильности; мое перо иногда набредетъ на такую фразу, которую самъ же я послѣ, какъ критикъ, буду имѣть честь представить вамъ въ примѣръ ошибки, и съ этой стороны письма мои могутъ имѣть особенную пользу для нашихъ уроковъ.—Я покинулъ Берлинъ съ благодарнымъ чувствомъ за многія счастливыя минуты, въ немъ проведенные, послѣднихъ же никогда не забуду. 28 мая ¹⁾), въ 10 часовъ поутру, пришелъ я прощаться къ кронпринцу ²⁾), по его назначенію. Я нашелъ въ его большомъ кабинетѣ посторонняго, и это сначала испортило было для меня то чувство, съ какимъ я вошелъ туда: подумалъ, что все кончится для меня тѣмъ, что я откланяюсь холодно наследному принцу Пруссіи. Но онъ вышелъ къ намъ и, поговоривъ нѣсколько минутъ съ постороннимъ, позвалъ меня къ себѣ въ свой маленький кабинетъ; тамъ провелъ я съ нимъ счастливые полчаса, и онъ простился со мною такъ, что я уже никогда не разстанусь съ нимъ въ благодарномъ воспоминаніи. Принцессы Вильгельмъ ³⁾), Александрина ⁴⁾ и Луиза ⁵⁾ были чрезвычайно ко мнѣ милостивы: и это меня особенно тронуло; ихъ милость была для меня безцѣнными знакомъ вашей. Въ этотъ день обѣдалъ я у принцессы Радзивиль ⁶⁾: это были для меня грустно-счастливыя минуты! Замѣтно было, что она безпрестанно думала объ васъ, и часто на глазахъ ея навертывались слезы. За столомъ сидѣлъ я между матерью и дочерью; разговоры были только объ васъ и о томъ, что къ вамъ близко; я рассказывалъ о прекрасныхъ московскихъ дняхъ, а они о вашемъ прошедшемъ. Какъ было ощущительно, что для нихъ всѣхъ чего-то общаго милаго не доставало; не будучи мрачны, они были наполнены однимъ печальнымъ чувствомъ, которое во всемъ само собою выражалось. Въ самомъ концѣ обѣда имѣль я нечаянное удовольствіе еще разъ увидѣть кронпринца: онъ пріѣхалъ прощаться съ принцессою Радзивиль. Но конецъ этого приятнаго-грустнаго дня долженъ быть для меня испортиться: давали Олим-

¹⁾ Нового стиля.

²⁾ Кронпринцу Фридриху-Вильгельму, впослѣдствіи прусскому королю Фридриху-Вильгельму IV.

³⁾ Супруга прусского принца Вильгельма (брата короля Фридриха-Вильгельма III), принцесса Маріанна, рожд. принцесса Гессенъ-Гомбургская.

⁴⁾ Дочь короля Фридриха-Вильгельма III, принцесса Александрина, бывшая потомъ замужемъ за великимъ герцогомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ Павломъ-Фридрихомъ.

⁵⁾ Младшая дочь короля Фридриха-Вильгельма III, впослѣдствіи бывшая замужемъ за принцемъ Фридрихомъ Нидерландскимъ.

⁶⁾ См. выше, стр. 222, прим. 3-е.

п ію¹⁾); я сначала не намѣренъ былъ ѿхать въ театръ потому, что долженъ былъ въ девять часовъ ити къ M-lle Wildermeth, гдѣ обѣщала меня дождаться M-e Kleist, чтобы со мною проститься; но кронпринцъ сказалъ мнѣ, что еще увидится со мною въ театрѣ, и я отправился туда, съ тѣмъ чтобы ѿхать послѣ втораго акта: второй актъ кончился, я искалъ его, но его не было, и я долженъ былъ лишиться минуты удовольствія, о которой и теперь еще жалѣю; на другой день узнаю отъ графини Трухзесь²⁾), что по окончаніи піесы онъ самъ искалъ меня, и не могу сказать вамъ, какъ это мнѣ было больно... Простите, что все это пишу: я вполнѣ пользуюсь своею привилегіею.

Путешествіе отъ Берлина до Дрездена. Чтобы не утомилось вниманіе вашего высочества, хочу раздѣлять свои письма на статьи. Вотъ первая. Отъ Берлина до Виттенберга ѿхаль я по слѣдамъ вашего высочества. Въ Виттенбергѣ осматривалъ я, какъ и вы, обѣ старинныя церкви, заглянулъ въ келью Лютера, видѣлъ имя нашего Петра, написанное имъ на двери мѣломъ³⁾), и, слѣдя дурному примѣру всѣхъ посѣтителей (и вашему), отрѣзалъ себѣ кусокъ отъ Лютерова стола, котораго скоро не узнаетъ духъ Лютеровъ (если онъ только посѣщаетъ прежнее, земное жилище свое): такъ онъ изрѣзанъ благоговѣйными ножами путешественниковъ; жаль, что въ этой кельѣ стоять старинные портреты, которыхъ не было въ ней во время Лютера—это мѣшаетъ воображенію. Изъ Виттенберга поїхаль я черезъ Пречъ въ Торгau, гдѣ есть старинный, весьма живописный замокъ: его поправляютъ; я лазилъ на высокую его башню и любовался окрестностями. На другой день поутру (31 мая) прїехалъ я въ Мейссенъ, но фар-

¹⁾ Опера Спонтини.

²⁾ Оберъ-гофмейстера королевскаго прусскаго двора.

³⁾ Петъ Великій посѣтилъ Виттенбергъ 3-го октября 1712 года. Объ этомъ посѣщеніи въ Походномъ журнale государа за 1712 годъ записано слѣдующее: „Октября 3-го дня изволилъ обѣдать въ Виттенбергѣ, которой отъ Бѣльца 3 мили, гдѣ лежитъ Мартынь Люторь. И послѣ обѣда были въ его кирхѣ, гдѣ онъ скончанъ, и потомъ смотрѣли его библіотеки; тутъ же видѣли его рюмку или стаканъ, которымъ онъ пилъ, и послѣ казали еще его полату, гдѣ онъ жилъ, и за печью въ той полатѣ указывали капли чернилъ и сказывали, что когда онъ, сидя въ той полатѣ, писалъ и въ то время пришелъ къ нему дьяволъ, тогда будто онъ въ дьявола чернилницу бросилъ и тѣ чернила будто тутъ на стѣнѣ доднесъ остались. И тогда просили тутошніе пасторы, дабы государь изволилъ подписать въ той полатѣ свое имя по обычаяу, какъ всѣ подписываютъ; и по тому прошенію имъ свое подписать изволилъ мѣломъ на дверяхъ, а гдѣ капли чернилъ, и тутъ на доскѣ изволилъ подписать, такожъ мѣломъ, сіе: „Чернила новыя и совершенно сіе неправда“. И потомъ изволилъ ходить по огороду и смотрѣть фортеціи; и тогда пили про здоровье и палили изъ пушекъ“ (см. Походный журналъ 1712 года, Спб. 1854, стр. 38—39).

форової фабрики видѣть не могъ—быль праздникъ Вознесенье,—за то осмотрѣлъ соборную церковь, которая весьма достойна примѣчанія по своей величественной готической архитектурѣ. Въ ней есть двѣ картины, одна Лукаса Кранаха: Распятіе, другая, какъ увѣряютъ, Альбрехта Дюрера: Поклоненіе маговъ Христу. Послѣдняя, кто бы ни былъ живописецъ, понравилась мнѣ гораздо болѣе первой: необыкновенная выразительность въ лицахъ; она створчатая; на дверцахъ, которые служать и крышкою для картины, изображены четыре апостола. Видѣ съ мейссенской башни чрезвычайно обширный. Дорога же отъ Мейссена до Дрездена есть не иное что, какъ веселый садъ на полугорѣ: съ правой стороны Эльба, а съ лѣвой то высокой утесистой берегъ, то отлогой зеленой скатъ или холмъ, то виноградники, и безпрестанно встрѣчаются веселые сельские дома. Дорога прекрасная, лучшей не можетъ быть и въ саду; по сторонамъ почти вездѣ широкіе тротуары изъ песчанаго камня; ихъ не трудно и дѣлать и содержать: матеріалъ (то-есть утесы) у самой дороги. Вообще характеръ этой природы и ея жителей есть какая-то спокойная веселость: у каждой опрятной хижинѣ есть небольшой садъ, обнесенный низкою каменною стѣною; полезное служить и украшеніемъ: почти всѣ дома одѣты виноградомъ, и на окнахъ между зеленою виноградныхъ листьевъ мелькаютъ цветы. Особенно плѣнило меня положеніе такъ называемаго Wakkerbarts Ruhe ¹⁾: видишь на холмѣ зданіе, похожее на часовню — въ немъ похороненъ Wakkerbart ²⁾, основавшій въ этомъ мѣстѣ училище. У подошвы холма, служащаго могилою основателю, стоитъ довольно обширный домъ, извѣстный нынче подъ именемъ Langes Institut: въ немъ живутъ и учатся дѣти. Простая архитектура дома, чистый вымощенный камнемъ дворъ, два высокихъ тополя у воротъ, къ которымъ отъ дороги идетъ густая аллея, рощи изъ яворовъ и каштановъ по обѣимъ сторонамъ дома съ дорожками и сидѣлками, окружающая ясная, плодоносная природа — все вмѣстѣ составляеть картину прекрасную, и воображенію невольно представляются первыя счастливыя времена молодости. Если бы я не спѣшилъ въ Дрезденъ, то навѣстилъ бы этихъ

¹⁾ Т. е. Wackerbarthsruhe, небольшой замокъ близъ мѣстечка Kötzenbroda, въ 9 километрахъ отъ Дрездена.

²⁾ Одинъ изъ графовъ Ваккербартовъ (Wackerbarth), графъ Августъ-Христофоръ (р. 1662†1734 въ Wackerbarthsruhe), былъ саксонскимъ генераломъ и губернаторомъ Дрездена. — Въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1827 года, гдѣ первоначально былъ напечатанъ отрывокъ изъ настоящаго письма (ч. XIV, отд. II, стр. 114—122) название этого мѣстечка и имя его владѣльца были напечатаны въ искаженному видѣ: Wakkerfait Ruhe и Wakkerfait (стр. 116). Эти ошибочные чтенія повторяются и во всѣхъ послѣдующихъ перепечаткахъ „Отрывка изъ письма о Саксоніи“, включая и вышедшее въ текущемъ 1901-мъ году десятое изданіе Сочиненій В. А. Жуковскаго въ стихахъ и прозѣ.

дѣтей, которыя безпечно начинаютъ свою жизнь, въ веселомъ пріютѣ, между гробомъ ихъ благотворителя (но этотъ гробъ названъ: die Ruhe) и большою дорогою, по которой столько путешественниковъ, имъ неизвестныхъ, мимо ихъ проходитъ и исчезаетъ. Вечеръ былъ прекрасный, и мнѣ хотѣлось застать послѣдній блескъ солнца на дрезденскомъ мосту. За четверть мили отъ города я вылѣзъ изъ своего смиреннаго Stuhlwagen, вѣльмъ емуѣхать въ трактиръ Золотаго ангела, а самъ съ планомъ въ рукахъ пошелъ пѣшкомъ. Время было удивительно ясное, я шелъ и радовался, глядя на близкій Дрезденъ. Видъ его отъ деревни Neudorf, черезъ которую я проходилъ, очаровательный: думаю, что это самый лучшій при заходящемъ солнцѣ. Оно садилось позади меня такъ, что весь яркой свѣтъ лучей падалъ на городъ, который свѣтился между зеленою каштановъ, кленовъ и тополей; вблизи на берегу Эльбы между темными деревьями мелькала мельница; за нею свѣтлозеленый широкій лугъ; далѣе виденъ былъ прекрасный дрезденскій мостъ, надъ нимъ густыя лицы Брюлева сада, и величаво изъ-за вершинъ древесныхъ подымался куполь церкви Богоматери (die Frauenkirche) и блистала великолѣпная католицкая церковь со своею высокою башнею. Я остановился на мосту и долго любовался и прелестю береговъ Эльбы, которые съ обѣихъ сторонъ являлись обширнымъ амфитеатромъ, и городомъ, и множествомъ народа, который толпился на мосту. Я не хотѣль уйти въ свой темный трактиръ, не проводивъ на покой своего милаго солнца (съ которымъ такъ коротко познакомился въ Потсдамѣ), долго бродилъ по террасѣ Брюлевой; пестрая толпа мелькала въ лучахъ подъ зеленою липъ, и все было чрезвычайно живо; небо ясно угасало, и на немъ прекрасно выдѣлялся высокій крестъ, стоящій на мосту: это давало картинѣ вечерней что-то величественное. Жаль только, что Эльба своею мутностію ее нѣсколько портила: я еще ни разу не видаль ее чистою; вода ея во все это время была желтокрасная: это отъ дождей; падая въ горахъ Богемскихъ, она мутить бѣгунце въ нее ручьи, изъ которыхъ многіе заносятъ въ нее киноварь и красятъ ее красною краскою; она текла спокойно, а цвѣтъ ея говорилъ о бурѣ.

Прага, 10 (22) іюня.

Дрезденъ. Плаунъ. Тарантъ. Буду описывать вашему высо-
честву мое путешествіе по порядку. Въ Дрезденѣ нашелъ я многихъ изъ
нашихъ русскихъ, между прочими и князя Гагарина ¹), которого ваше

¹) Князя Григорія Ивановича Гагарина (р. 1782 † 1837), товарища Жуков-
скаго по Университетскому благородному пансиону. Князь Гагаринъ посвятилъ

высочество видѣли въ Берлинѣ: но онъ на другой же день уѣхалъ въ Карлсбадъ. Болѣе всѣхъ обрадовался я Олсуфьеву¹): онъ здѣсь съ матерью и сестрою. Чтобы не пропустить благопріятной минуты (погода, которая до сихъ порь была весьма непостоянна, показалася мнѣ уставившееся), условились мы вмѣстѣ съ Олсуфьевымъ ити на другой день (2 июня) въ Плаунъ, а оттуда въ Тарантъ. Рано поутру мы отправились пѣшкомъ черезъ Рекницъ, гдѣ остановились, чтобы взглянуть на памятникъ Морд²); онъ очень простъ: гранитный пьедесталь, на которомъ лежитъ бронзовый шлемъ. Видъ отъ него, въ ясную погоду, когда отдаленіе не покрыто шарами, долженъ быть великолѣпный; мы не могли имъ любоваться; Дрезденъ не хотѣлъ намъ себя показать; онъ окутался въ густой дымъ собственныхъ своихъ печей и едва былъ виденъ, и всѣ окрестности были туманны. Наше удовольствіе было половинное; зато въ Плаунѣ было оно полное. Мой путеводитель Олсуфьевъ (который Н. В. сдѣлался великимъ ботаникомъ и умѣеть назвать по-латыни каждую дрезденскую травку) нарочно повелъ меня полями, чтобы вдругъ изумить нечаяннымъ взглядомъ на Плаунъ. Въ самомъ дѣлѣ неожиданно очутились мы на краю гранитнаго утеса сажень въ 70, съ котораго вдругъ представилась намъ вся Плаунская долина, освѣщенная солнцемъ; надобно было тихонько подползти къ краю и лечь, чтобы взглянуть съ крутизны внизъ безъ круженія головы: это глубокая зеленая долина, виющаяся между высокими утесами, которые однако не имѣютъ ничего чрезвычайно дикаго: они покрыты веселыми деревьями, буками, кленами, пирамидальными дубами и кое-гдѣ темными елями; быстрая рѣчка Бессерица, въ это время довольно мелкая, шумитъ и пѣнится по камнямъ и приводить въ движение колеса многихъ мельницъ, которая оживляютъ всю долину. Узенькою тропинкою спустились мы въ ея глубину; у прекраснаго каменнаго моста Бессерицы

себя дипломатической дѣятельности; онъ служилъ при посольствахъ въ Константинополь, Парижъ, Римъ; потомъ былъ нашимъ министромъ въ Туринѣ и Мюнхенѣ.

¹) Василій Дмитріевичъ Олсуфьевъ (р. 1796 † 1858), впослѣдствіи бывшій гофмаршаломъ двора цесаревича Александра Николаевича и потомъ оберъ-гофмейстеромъ, въ 1856 году возведенныій въ графское достоинство. Отецъ В. Д. Олсуфьева, Д. А. Олсуфьевъ былъ женатъ на Дарьѣ Александровнѣ Делициной, отъ брака съ которой имѣлъ двухъ сыновей и двухъ дочерей: Марью Дмитріевну, бывшую замужемъ за П. И. Мухановымъ, и Софию Дмитріевну, бывшую замужемъ за И. М. Спиридовымъ.

²) Памятникъ извѣстному французскому генералу Морд (Moreau), въ 1813 году вызванному императоромъ Александромъ I изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, гдѣ онъ проживалъ съ 1805 года. Онъ участвовалъ въ совѣтахъ о направленіи военныхъ дѣйствій союзниковъ противъ Наполеона. Тяжело раненый въ сраженіи подъ Дрезденомъ, онъ умеръ 20-го августа 1813 года.

ожидала насъ коляска, и мы поѣхали въ Тарантъ; дорога идеть берегомъ Вессерицы, мимо деревень, сельскихъ домовъ и мельницъ, и все долиною, которая безпрестанно мѣняетъ видъ свой, такъ что одна и та же картина представляется въ тысячѣ живописныхъ оттѣнковъ. Въ часъ доѣхали мы до Таранта (маленькой, веселый городокъ, извѣстный минеральными водами), заказали въ трактирѣ обѣдъ и пошли бродить. День былъ жаркой, обѣщалъ грозу, но не сдержалъ обѣщанія. Самый обширный видъ на Тарантъ и его окрестности—отъ Храма солнца: это бесѣдка изъ коры, покрытая соломою, весьма недостойная своего имени; но самъ живописный видъ изъ оконъ развалившаго(ся) замка: подъ самыми стѣнами развалинъ прудъ, влѣво церковь, за прудомъ весь городокъ съ окружающими его кудрявыми утесами, и все чрезвычайно оживлено. Природа не хотѣла быть здѣсь ужасною и самые дикіе утесы свои скрыла она здѣсь подъ свѣтлою зеленою разнообразныхъ деревъ, и впечатлѣніе, которое она здѣсь производить, есть какое-то спокойное, веселое довольство: радуешься настоящею минутою, не мысля о далекомъ! Ясная, живая существенность, не смѣшанная ни съ чѣмъ идеальнымъ! Заслуживъ свой аппетитъ, мы весьма вкусно отобѣдали въ трактирѣ, и между тѣмъ, какъ мы ъли форелей и густо испеченныя яйцы (вмѣсто выпускной яицницы, которой не умѣли опи- сать по-немецки трактирищу), нѣсколько менестрелей играли на арфѣ и пѣли *Freut euch des Lebens, Am Rhein, am Rhein* и польской Огинскаго; виртуозы были не первого класса, но я слушалъ съ удовольствиемъ: всѣ эти мелодіи были знакомцы стараго времени. Мы возвратились довольно рано въ Дрезденъ, и, не желая потерять послѣднихъ прекрасныхъ минутъ яснаго дня, отправились пѣшкомъ въ *Linkische Bad*: здѣсь по воскресеньямъ, середамъ и пятницамъ проводятъ свой вечеръ жители Дрездена; за входъ надобно заплатить нѣсколько грошей, въ пользу музыкантовъ, забавляющихъ публику. Множество столовъ разставлено подъ липами для тѣхъ, которые хотятъ пить кофе, пиво, курить табакъ или просто сидѣть въ своемъ кругу и смотрѣть на проходящихъ. Въ сказанные три дни можно здѣсь увидѣть весь Дрезденъ, но я не видалъ всего Дрездена, хотя и была пятница: полное собраніе было наканунѣ, въ четвергъ (въ день Вознесенія), и жители Дрездена, весьма точные люди, заплативъ четвергу тѣ гроши, которые принадлежали пятницѣ, не захотѣли отступить отъ правила, и оркестръ игралъ въ пустынѣ.

Карлсбадъ, 17 (29) іюня.

Теперь опишу вашему высочеству свое путешествіе по Саксонской Швейцаріи. Я сдѣлалъ его вмѣстѣ съ моимъ вѣрнымъ товарищемъ Олсуфьевымъ, и мы употребили на него цѣлые три дни.

5 июня рано поутру отправились мы въ коляскѣ въ дорогу; все это путешествіе можно бы сдѣлать пѣшкомъ, но есть мѣста, которыхъ мало достойны примѣчанія, и мы рѣшились обойти пѣшкомъ только то, что любопытнѣе, и надобно признаться, что ногамъ нашимъ было довольно работы.

Пильницъ. Ломенъ. Ottowalde-Grund. Время было нѣсколько туманно, когда мы оставили Дрезденъ; но въ Пильницѣ встрѣтили мы ясную погоду, и во весь этотъ день солнце (не смотря на нѣсколько дождевыхъ эпизодовъ) было къ намъ довольно благосклонно. О Пильницѣ не могу сказать вашему высочеству ничего: окрестности его пріятны, но самъ дворецъ и садъ мало достойны примѣчанія. Наливши кофе въ трактирѣ, мы побѣхали далѣе, въ городокъ Ломенъ, гдѣ оставили свою коляску, и отсюда началось наше пѣшее ходство; коляску же отправили мы дожидаться насъ въ деревнѣ Ратевальде. Въ Ломенѣ есть старинный замокъ: съ высокой его террасы взглянули мы на рѣчку Везеницу, которая течеть живописными берегами—видъ прекрасный! Передъ глазами часть городка и мельница, которой колеса приводятся въ движение быстрымъ водопадомъ. Изъ Ломена пошли мы полемъ и скоро по крутой тропинкѣ спустились въ Ottowalde-Grund—я не знаю, какъ выразить по-русски слово Grund: это не долина, а узкий, глубокий и длинный порѣзъ между утесами, дорога, которую въ старыя времена проложила себѣ вода, проточившая камни. Незапнная противоположность той глубины, въ которой мы очутились, съ тою веселую равнину, которую мы покинули, была весьма разительна: вдругъ все дико, мрачно и сурово; идешь узкою тропинкою, между огромныхъ камней, покрытыхъ старымъ мохомъ и въ ужасномъ беспорядкѣ набросанныхъ на днѣ долины; по обѣимъ сторонамъ стѣны утесовъ, покрытыя елями и соснами; надъ головою узкая полоса голубаго неба; кое-гдѣ на вершинахъ свѣтъ солнца; внизу же свѣжесть и сумракъ, и нельзя описать того разнообразія, въ какомъ представляются здѣсь утесы: то вдругъ огромная отдѣлившаяся колонна, на которой вмѣсто капители мохъ и сосны; то вдругъ цѣлая стѣна, треснувшія, наклонилась и грозится тебя задавить; то вдругъ странныя фигуры камней поражаютъ глаза и воображеніе; и эти странныя фигуры подали поводъ ко многимъ народнымъ баснямъ. Нашъ болтливый проводникъ (котораго на все путешествіе взяли мы въ Ломенѣ) разсказывалъ намъ біографію нѣкоторыхъ утесовъ: такъ напримѣръ въ Ottowalde-Grund есть глубокая, низкая пещера, которая называется Teufelskѣche: въ ней жарить свою дичь и, вѣроятно, угощаетъ єю дьявола такъ называемый дикій охотникъ (der wilde Jäger), здѣсь извѣстный подъ именемъ безголоваго Дириха; онъ часто по ночамъ съ ужаснымъ крикомъ, вихремъ и градомъ бѣгаєтъ по утесамъ и забавляется охотою; есть мѣсто, которое

называется Steinerne Haus: на днѣ долины лежить обрушившійся камень, имѣющій фигуру дома. Долина, почти вездѣ въсъма узкая, вдругъ такъ стѣсняется, что едва можно пройти двумъ человѣкамъ, и нѣсколько камней, сорвавшихись съ высоты, увязли въ ущеліи и образовали кровлю: это мѣсто называется Ottowalde Thore. Сквозь эти ворота входишь въ Raingrund, потомъ въ die Hölle, потомъ узкою дорожкою начинаешь подыматься вверхъ: вокругъ тебя все дико по прежнему, кажется, что находишься въ такомъ мѣстѣ, где никогда не была нога человѣческая, все въ разрушеніи, дико и сурово; но, взобравшись на высоту, видишь себя вдругъ на лугу, кругомъ кустарникъ и веселая, густая роща; тропинка вѣтается черезъ рощу, и тутъ кое-гдѣ сквозь деревья начинаютъ проскакивать виды на голубую даль съ свѣтлымъ небомъ, и начинаешь подозрѣвать, что величественное зрѣлище близко... Чтобы вполнѣ насладиться неожиданностю, я не даль воли своему нетерпѣнію; какъ ни манили меня выглядывавшіе изъ-за деревьевъ утесы, я шель, уставивъ глаза на свою тропинку и на вялые листья, которыми она была покрыта: наконецъ, вдругъ исчезли деревья, и мы очутились на Bastey.

Die Basteys. Какъ жаль, что надобно употреблять слова, буквы, перо и чернила, чтобы описывать прекрасное. Природа, чтобы пленять и удивлять своими картинами, употребляет утесы, зелень деревьевъ и луговъ, шумъ водопадовъ и ключей, сиянье неба, бурю и тишину, а бѣдный человѣкъ, чтобы выразить впечатлѣніе, производимое ею, долженъ замѣнить ея разнообразные предметы однообразными чернильными каракульями, между которыми гораздо труднѣе добраться до смысла, нежели между утесами и пропастями до прекраснаго вида. Что мнѣ сказать вашему высочеству о несравненнѣйшемъ видѣ съ Bastey! Какъ изобразить чувство нечаянности, великодѣліе, неизмѣримость дали, множество горъ, которыхъ вдругъ открылись глазамъ, какъ голубыя окаменѣвшія волны моря, свѣтъ солнца и небо съ безчисленными облаками, которые наводили огромныя, подвижныя тѣни на горы, поля, воды, деревни и зѣмки, пестрѣвшіе передъ глазами съ удивительною прелестію! Каждый изъ этихъ предметовъ можно назвать особынѣмъ словомъ, но то впечатлѣніе, которое всѣ они вмѣстѣ на душѣ производятъ, для него нѣтъ выраженія; тутъ молчать языкъ человѣка, и ясно чувствуешь, что прелесть природы въ ея невыразимости! Надобно однако посвятить нѣсколько чернильныхъ каракулекъ описанію Bastey. Это утесь во сто сажень перпендикулярной вышины, выдавшійся изъ ряда другихъ утесовъ надъ самою Эльбою, которая у подошвы его извилась дугою; вправо и влѣво такие же крутые, но не столь высокіе утесы; передъ глазами всѣ горы Саксонской Швейцаріи, или, лучше сказать, огромные камни, со всѣхъ сторонъ обтесанные и неприступные: высокій Lilienstein съ

кудрявою вершиною, Königstein съ своими башнями, Pfaffensteine, Papststein и множество другихъ, влѣвѣ der grosse Winterberg, на горизонтѣ die Erzgebirge, вправѣ Пирна; въ дали Дрезденъ; деревни по берегамъ Эльбы кажутся карточными домиками, а лодки, плывущія на парусахъ по рѣкѣ, свѣтыми тихо-ползущими мышками. На утесахъ, торчащихъ влѣво отъ Bastey, стоялъ въ старину, какъ увѣряетъ преданіе, разбойничій замокъ, еще видны скважины, означающія мѣсто бывшаго моста; нѣкоторыя щели утесовъ и теперь закладены камнями, и на нѣкоторыхъ скалахъ, по которымъ нынче трудно и ползти, остались еще колеины отъ колесъ: этотъ замокъ конечно былъ неприступенъ; но онъ разрушенъ пушками съ противоположныхъ утесовъ, которые и понынѣ называются шанцами и на которые мы взирались: съ нихъ представляется глазамъ совсѣмъ другая картина: точно стоишь на крутой скалѣ, торчащей изъ моря, только вмѣсто волнъ окружаютъ тебя вершины елей и соснь, и между ими, какъ острова, бѣльютъ и чернѣютъ другіе утесы, страшно разорванные и разбросанные. Случай оживилъ для нась эту картину, плѣнительную мертвымъ своимъ ужасомъ, и воображенію довольно живо представилось старое время, когда на этихъ крутизнахъ гнѣздились разбойники, тираны окрестностей (какъ говорить Делиль)¹⁾: въ то самое время, какъ мы отъ Bastey спустились по крутизнѣ на дно пропасти, на высотѣ затрубили въ рогъ, эхо проснулось, раздалось по скаламъ, и все опять замолчало; опять тотъ же звукъ, тотъ же отзывъ и то же молчаніе; вслѣдъ за рогомъ заграла арфа и запѣла голосъ; какъ ни глубока была пропасть, нозвуки струнъ доходили до слуха; кто игралъ, было не видно, но окружающая дичь казалась оживленною: мы долго стояли, слушали, наконецъ пошли, скоро звуки замолкли, и все опять одичало. Надобно знать, что около Bastey есть нѣсколько досчатыхъ хижинъ: тамъ можно всегда найти обѣдъ, и тамъ всегда встрѣтишь арфистовъ: ихъ то пѣсня намъ слышалась.

Дорога отъ Bastey въ Шандау. Съ высоты Bastey спустились мы въ Rat(h)ewalde-Grund и ущеліями, подобными первымъ, пошли къ деревнѣ Ратевальде, гдѣ нась дожидалась наша коляска; тропинка вилась между такими же камнями, какъ и первые, но окружающіе виды были еще живописнѣе, а утесы огромнѣе и величественнѣе: одна громада этихъ утесовъ называется, не знаю почему, die grosse Gans, другая die kleine Gans; одинъ утесъ der Lamm въ самомъ дѣлѣ похожъ на ягненка, лежащаго на крутой скалѣ; съ другомъ утесѣ, называемомъ die Mönchsteine разсказываетъ преданіе, что онъ есть памятникъ Божія гнѣва, наказавшаго преступную любовь: онъ есть не иное что,

¹⁾ Знаменитый французскій поэтъ Жакъ Делиль (р. 1738†1813).

какъ монахъ и монахиня, окаменѣвшіе въ минуту встрѣчи на мѣстѣ назначенного свиданія (то же самое разсказываютъ обѣ одномъ утесѣ близъ Эйзенаха). На одной высокой скалѣ видишь группу мелкихъ камней: ихъ называютъ Affensteine, ибо они должны изображать обезьянъ въ разныхъ положеніяхъ. Долиною Grünbachthal, по берегу ручья, отъ котораго она получила имя, начали мы снова взбираться на высоту: его воды въ своемъ теченіи образуютъ два водопада, которые въ началѣ весны или послѣ проливныхъ дождей должны быть весьма живописны: но мы видѣли одинъ мелкій, быстрый ручей, который пріятно шумѣлъ и пробирался между камней. Первое его паденіе называется Amselloch потому, что камень, съ котораго онъ падаетъ, образуетъ пещеру, довольно глубокую: видишь серебреную струю, перерѣзывающую надвое темный входъ пещеры; а вошедши подъ наѣсь, видишь ту же струю, которая кажется прозрачнымъ кристальнымъ столбомъ; сквозь брызги видна вся бѣгущая внизъ долина, и въ самомъ концѣ задвигаютъ ее дымящеся отъ паровъ громадою огромныхъ скалъ Affensteine. Довольно уставть отъ своего путешествія, пришли мы наконецъ въ деревню Ратевальде, сѣли въ коляску и поѣхали въ Шандau черезъ Ziegenrѣck(en), съ котораго имѣли прелестный видъ на окрестность при заходящемъ солнцѣ. Шандau извѣстенъ своими минеральными водами и ванными; мы остановились за городомъ, въ трактирѣ, гдѣ находятся и ванны. Его положеніе живописно; но намъ уже было не до живописныхъ положеній: усталость и ея родной братъ голодъ тормошили насть; отъ голода избавились мы вкуснымъ ужиномъ, а усталость прогнала уснувший сонъ, и могу уверить ваше высочество, что и я, и мой товарищъ по-коились сномъ праведниковъ, ибо наши обѣ совѣсти (по крайней мѣрѣ на ту минуту) были весьма непорочны.

Кuhstall. Мы не дали себѣ воли нѣжиться, встали рано и, позавтракавъ, пустились въ путь. Нѣсколько времени — пока было можно и чтобы не тратить напрасно силъ —ѣхали мы берегомъ источника Кирнича въ коляскѣ; наконецъ дорога наша оборотилась въ тропинку; мы пошли пѣшкомъ и начали взбираться по крутизнѣ къ Kuhstall. Достигнувъ съ трудомъ до высоты, пришли мы дорожкою, обсаженою стрижеными елями, ко входу пещеры или, лучше сказать, къ огромнымъ воротамъ, сдѣланнмъ самою природою посреди утесовъ: эти ворота называются Kuhstall потому, что въ 30-лѣтнюю войну жители окружныхъ мѣстъ прятали подъ ихъ сводомъ отъ хищничества шведовъ свою скотину, и они такъ огромны, что подъ ними могло скрываться довольно большое стадо. Въ наши времена этотъ пріютъ несчастія сдѣлся однимъ предметомъ беззаботнаго любопытства, и память минувшихъ ужасовъ только оживляетъ то удовольствіе, которое производитъ чудесный видъ пещеры и пропастей, ее окружающихъ.

И сводъ ея и стѣны кажутся мозаикою, такъ испестрены они именами путешественниковъ, которые вездѣ хотятъ оставить вѣчный следъ своего минутнаго пребыванія. И намъ захотѣлось отвѣдать вѣчности: Олсуфьевъ взгромоздился на лѣстницу и, пока я занимался временными, то есть кушалъ жареный картофель, начертилъ для будущихъ временъ свое и мое имя на такомъ мѣстѣ, далѣе котораго ничья смѣлая рука не достанетъ. Въ пещерѣ есть все для этого нужное, кисти и чернила. Въ стѣнахъ ея въ одномъ мѣстѣ выдолблена кухня, въ другомъ погребъ; во все лѣто живутъ здѣсь люди, которые угощаются путешественниковъ обѣдомъ и кофе; нашлись также и арфисты. На утесахъ, образующихъ Kuhstall, много предметовъ, достойныхъ любопытства; нѣкоторые напоминаютъ ужасную 30-лѣтнюю войну: напримѣръ одна маленькая пещера называется Wochenbett: въ ней, по преданию, скрывалась отъ шведовъ беременная женщина, родила своего младенца и провела первые дни родовъ въ безопасности; одинъ нависшій надъ пропастю камень, съ котораго страшно посмотреть въ глубину, называется die Kanzel: съ него проповѣдовали какой-то священникъ, который послѣ былъ сброшенъ въ пропасть, и мѣсто, съ котораго его столкнули, наименовано Pfaffensprung. Здѣсь въ старину скрывались и разбойники; ихъ замокъ, стоявшій на вершинѣ надъ самымъ Kuhstall, назывался Wildenstein; взбираться къ нему можно только по темной, узкой трещинѣ, въ самой срединѣ утеса находящейся; едва можетъ протѣсниться одинъ человѣкъ; мы кое-какъ пролѣзли и съ высоты, гдѣ нѣть уже и признаковъ замка, любовались ужасомъ окрестностей. Все это мѣсто окружено лабиринтомъ пещеръ, въ которыхъ было легко и скрываться и защищаться, и одна изъ нихъ называется Schneiderloch (по имени разбойника Шнейдера, который долгое время въ ней прятался); одинъ человѣкъ могъ оборониться въ ней отъ цѣлой арміи: къ ней надо бно карабкаться по узкимъ камнямъ, висящимъ надъ бездною, согнувшись въ дугу, потому что и надъ головою висятъ такие же камни; въ самой же пещерѣ нельзя стоять, такъ она низка—но видѣть изъ нея удивительный: все вокругъ тебя, передъ тобою, надъ тобою и подъ тобою въ развалинахъ; здѣсь царство разрушенія; одно только эхо здѣсь существуетъ—минутный, быстро исчезающій житель, только разительнѣе напоминающій о вничтожествѣ. Нашъ проводникъ началъ кричать, и эхо по нѣскольку разъ повторяло его крики, и молчаніе, которое всякой разъ смѣняло голосъ, было еще разительнѣе послѣ мгновеннаго звука. Осмотрѣвъ всѣ эти предметы (ихъ можно видѣть безъ всякой опасности, либо вездѣ для проходящихъ подъланы перилы), мы опять сошли въ Kuhstall и, провожаемые арфою, начали спускаться въ глубину долины, которую надо бно было пройти, чтобы потомъ подняться на Klein Winterberg. На двѣ долины мы остановились и увидѣли

надъ головою Kuhstall, который снизу показался намъ едва замѣтною трещиною; мы увидѣли нѣсколько мужчинъ и дамъ, пришедшихъ по слѣдамъ нашимъ въ пещеру, и въ трубку могли различить, что они вальсировали подъ арфу, которой звуки все намъ слышались: изъ пропасти закричали мы имъ б р а в о! и полѣзли на Klein Winterberg.

Klein Winterberg. Фортуна, до сихъ порь къ намъ благосклонная, отказалась отъ насъ у подошвы этой горы: небо задернулось облаками, и начался дождь, сначала мелкой, потомъ довольно сильной; мы промокли до костей. Одно утѣшеніе намъ оставалось; проводникъ увѣрялъ насъ, что на высотѣ горы найдемъ мы защиту. Хотя мы и шли все лѣсомъ, но это нисколько не спасало отъ дождя, напротивъ его удвоивало; вѣтеръ шаталъ деревья, и крупныя капли, сыпавшіяся съ листвьевъ, составляли крупный древесный дождь, который нимало не уступалъ небесному. Но вотъ мы на вершинѣ, и дождикъ пересталъ. Спѣшу къ обѣщанному убѣжищу—что же? Это не иное что, какъ каменная бесѣдка, со всѣхъ сторонъ открытая, въ которой бушевалъ сильный, холодный вѣтеръ. На первую минуту чувство обманутой надежды было весьма непрѣятно: но часто живѣйшая удовольствія находишь тамъ, гдѣ ихъ не ожидаешь. Новое, чудесное зрелище поразило насъ: облака разорвались огромными массами и страшно летали надъ нашими головами; голубое небо выглядывало и исчезало; на всѣхъ пунктахъ горизонта являлись тучи, однѣ уходящія, другія идущія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ были совершенно черныя, и подъ ними чернѣли далекія горы, которая врѣзывались въ нихъ своими вершинами; въ другихъ мѣстахъ тучисливались дождемъ съ горизонтомъ, и казалось, что тамъ былъ промежутокъ пустоты, какъ будто что-то разрушилось и одинъ только столбъ пыли остался. Ближніе предметы были еще чудеснѣ! Горы съ лѣсистыми боками, долины, деревья, утесы, все смѣшалось въ одинъ хаосъ; дождикъ пересталъ, и со всѣхъ сторонъ начали подыматься пары: тамъ вилась ужасная бѣлая змѣя въ клубящемся облакѣ дыму; тамъ множество легкихъ облаковъ летѣли, какъ стая привидѣній; тамъ вершина горы была перерѣзана туманною полосою; тамъ цѣлая гора синѣла на воздухѣ, и подъ нею волновалась облака; тамъ вдоль глубокой долины тянулась и подымалась длинная полоса паровъ, похожая на дымъ отъ обширнаго пожара въ лѣсу или на необъятную, разбросанную сѣдуя гриву какого-нибудь чудовища, которую раздувалъ и рвалъ сильный вѣтеръ—словомъ, зрелище было неописанное; я забылъ холодъ и мокроту и не могъ наглядѣться на этотъ величественный хаосъ. А арфа какъ тутъ! Вошедши въ бесѣдку, мы и не примѣтили, что въ углу ея притаился старый богемецъ съ маленькою дочерью; увидѣвъ путешественниковъ, онъ принялъся исполнять свою должностъ, заигралъ и запѣлъ; а малютка начала ему вторить! И что жъ они за-

иѣли? Прощаніе Бонапарта съ Франціею. (Я списалъ эту пѣсню; она, кажется, стала народною: я слышалъ ее и на Bastey и послѣ на Schlossberg подлѣ Теплица). Признаюсь, такая неожиданная гармонія посреди туманнаго волненія, между утесовъ, поразила меня. Пѣніе было неискусное, но въ соединеніи дрожащаго голоса старика съ звонкимъ и еще не созрѣвшимъ голосомъ младенца было что-то трогательное; а содержаніе пѣсни разительно согласовалось съ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ она намъ слышалась: вокругъ насъ все было пустынно и дико; вѣчные утесы стояли неподвижно, и между ими легкимъ дымомъ, ничтожными призраками; летали остатки минувшей бури: по неволѣ видѣлось тутъ бурное, разлетѣвшееся величіе Наполеона! И что-то было прискорбно поражающее въ этомъ имени, недавно грозномъ, которое (безъ всякаго о немъ понятія) старикъ и младенецъ повторяли въ глухой дичи, чтобы получить иѣсколько крейцеровъ отъ проходящаго. На наше счастіе вблизи бесѣдки, построенной для удовольствія путешественниковъ, нашлась лачужка, въ которой мы развели огонь, обсушились и даже напились кофе. Пока мы грѣлись и морчились отъ дыма, нашъ проводникъ разсказывалъ намъ сказки. Черезъ полчаса мы опять отправились въ путь; но на вершинѣ большаго Winterberg, съ которого въ ясную погоду можно видѣть какъ въ панорамѣ всѣ горы Саксоніи и часть горъ Богемскихъ, не видали мы ничего: опять начался мелкой дождь, и все слилось въ однообразной, не-проницаемой туманѣ.

Prebischt Thor. Вздохнувъ о потерѣ удовольствія и не надѣясь переждать ненастья, которое, казалось, совсѣмъ овладѣло небомъ, пошли мы далѣе; но дождикъ вдругъ пересталъ, и мы ободрились и, наконецъ, миновавъ утесы, называемые die Schäfersteine, и переступивъ за границу Богеміи, очутились на высотѣ утеса, называемаго Prebischt Thor. Съ этой крутизны имѣли мы почти такой же видъ, какъ и съ Klein Winterberg; но впечатлѣніе, которое онъ сдѣлалъ надѣ нами, было точно похоже на радость: прояснившееся время прояснило и душу. Воспоминаніе о Prebischt Thor есть самое пріятное изъ всѣхъ, оставшихся мнѣ отъ Саксонской Швейцаріи. Prebischt Thor есть такая же сквозная пещера, какъ и Kuhstall, только несравненно уже и выше; сперва всходишь на верхъ того камня, который образуетъ ея сводъ, потомъ уже спускаешься подъ самый сводъ; но какъ описать это чудесное мѣсто! Вообразите узкую скалу, длиною въ десять или пятнадцать сажень, а шириной не болѣе четырехъ аршинъ, положенную на два другихъ стоячихъ утеса; на этой узкой, каменной полосѣ стоишь, будучи окруженнъ спереди, справа и слѣва пропастями сажень во сто глубиною, изъ которыхъ какъ страшилища высываются другіе голые утесы; за ними зеленѣютъ съ трехъ сторонъ долины; позади ихъ поднимаются лѣсистыя

невысокія горы, между которыми также видишь дно извишающихся долинъ, а за этими близкими зеленѣющими горами стоять, какъ привидѣнія, далекія, синія, и надъ всѣмъ этимъ неописаннымъ разнообразiemъ горъ и долинъ вообразите тотъ же чудесный туманъ, волнующійся, ле-тающій, но гораздо болѣе прозрачный, такъ что по временамъ можно было различить все, что таилось подъ его зыбкими волнами; но иногда вдругъ онъ совершенно сгущался, и въ эти минуты казалось, что стоишь на краю свѣта, что земля кончилась и что за шагъ отъ тебя уже нѣтъ ничего, кромѣ бездны неба. Рядомъ съ Prebisch Thor находится другая скала, отдѣленная отъ первой пропастью, гораздо выше, уже и круче: она называется Prebisch Wand. Мы лазили на нее, чтобы взглянуть на Prebisch Thor сбоку—видъ несравненный! Не понимаешь, для кого созданы природою въ пустынѣ эти таинственныя ворота и куда ведутъ они: кругомъ ихъ бездны, сквозь ихъ отверстіе виденъ одинъ волнующійся туманъ и что-то, какъ будто изъ другаго свѣта, мелькаетъ сквозь этотъ полупрозрачной сумракъ; и на высотѣ утеса, образующаго ихъ сводъ, на голомъ гранитѣ, ростетъ одинокая ель; корни ея совсѣмъ обнажены, не знаешь, откуда берутъ они свою пищу, но она зелена, свѣжа, и бури ея не трогаютъ: я подумалъ о Фридрихѣ¹⁾—эта картина для его кисти! У самой Prebisch Wand стоитъ, какъ будто ея сторожъ, ужасная уединенная скала Prebisch Kegel: это гранитный столбъ, со всѣхъ сторонъ неприступный: съ начала свѣта никто, кромѣ развѣ орла, не бывалъ на его вершинѣ, и эта неприкосновенность придавала ему какое-то величіе.

Возращеніе въ Шандау. Солнце выглянуло изъ тучъ, когда мы отъ Prebisch Thor спустились въ глубину долины по лѣсистой горѣ, называемой die Heiligen Hallen и которая, какъ необытный разрушенный амфитеатръ съ безчисленными ступенями, подымалась позади насъ; утесы образовали стѣны, своды, ложи и галлереи: надо было итти по крутому ихъ скату почти цѣлую версту, чтобы добраться до dna долины, и тутъ я узналъ, что итти долго по крутизѣ вѣрхъ гораздо труднѣе, нежели подыматься въ верхъ. Все потемнѣло, когда мы спустились въ Bielgrund и по берегу быстраго ручья пошли къ Hirnischkretschen, пограничное мѣстечко, где находится австрійская таможня,—здѣсь кончается Саксонія и начинается Богемія. Нашъ проводникъ, шедшій впередъ, сыгралъ надъ нами забавную шутку; намъ надо было проходить мимо нѣсколькихъ мельницъ, и онъ вездѣ разсказывалъ, что мы турки; усы Олсуфьевы подтверждали этотъ разсказъ, и насъ вездѣ

¹⁾ Живописецъ Каспаръ-Давидъ Фридрихъ (р. 1774 † 1840). Его картины, преимущественно ландшафты, носятъ романтическій и меланхолическій характеръ.

встрѣчали толпы ребятишекъ; мы нарочно заговаривали съ ними по-русски, чтобъ насы не поняли; но насы или отвѣчали громкимъ хохотомъ, или совсѣмъ не отвѣчали и разбѣгались. Въ Hirnischkretschen дожидалась насы лодка, и мы поѣхали Эльбою въ Шандау. Несмотря на вечернюю сырость, наше плаваніе было пріятно: между утесами, которые какъ стѣны подымаются на правомъ берегу рѣки, одинъ достоинъ примѣчанія по своей фигурѣ: его называютъ *die Königsnase*; въ самомъ дѣлѣ видишь профиль огромной головы, смотрящей на воды изъ-за скалы, и эта голова съ движеньемъ лодки безпрестанно перемѣняетъ и физіономію, и положеніе; наконецъ, она ложится и пропадаетъ; нѣсколько елей, выросшихъ на высотѣ, кажутся букетомъ, пришпиленнымъ ко груди каменнаго великана. Была почти ночь, когда мы возвратились въ Шандау, столь же усталые и голодные, какъ наканунѣ; но такъ какъ въ Шандау опять нашлись вкусныя форели и такъ какъ наши совѣсти все еще продолжали быть непорочными, то мы, какъ и наканунѣ, отужинали съ аппетитомъ и заснули глубокимъ сномъ праведныхъ.

Lilienstein. Brand. Hohnstein. Не стану подробно описывать вашему высочеству остального нашего путешествія: ничто не будетъ ново въ описаніи, хотя видѣяніе нами предметы имѣютъ каждый много отличнаго. Мы взирались въ жаръ, по песку на крутой *Lilienstein*, съ котораго видишь вблизи *Königstein* и необъятную гористую окрестность: на краю горизонта можно различить, какъ темную точку, Ноллендорфскую часовню. У подошвы *Лиліенштейна* (въ 1813) расположились укрѣпленіемъ лагеремъ остатки французской арміи, почти уничтоженной въ Россіи — и теперь еще видны батареи. Это, какъ говорить Олсуфьевъ, было предсказаніемъ того, что случилось послѣ: Наполеонова армія нашла защиту подъ камнемъ лилии, въ виду роковой Ноллендорфской часовни. Съ *Лиліенштейна*, черезъ поля и свѣжую долину *Tiefegrund*, достигли мы около вечера до утеса, называемаго *der Brand*: онъ очень сходенъ съ *Bastey*, и видѣть съ него если не обширнѣе, то привлекательнѣе: передъ самыми глазами, въ глубинѣ, зеленая долина, вдоль которой по излучинамъ ручья вѣтется дорога; къ ней примыкаетъ другая долина, такая же свѣжая и зеленая; за ними густая, темная роща, за которую въ двухъ мѣстахъ блестаетъ Эльба и синѣютъ тѣ же горы, которыхъ видны съ *Bastey*: вечернее солнце удивительно украшало и разнообразило эту картину. Прежде нежели оно закатилось, успѣли мы притти въ городокъ *Hohnstein* посмотретьъ находящійся въ немъ старинный замокъ: можно сказать, что онъ виситъ надъ пропастю и что скала, его держащая, всякую минуту готова съ нимъ обрушиться. Часть этой пропасти, въ которую со страхомъ глядишь съ террасы замка, обращенной нынѣ въ цвѣтникъ, называется *Vägen-*

garten: въ ней когда-то за высокими стѣнами живали медвѣди, которыхъ ловили въ окружныхъ лѣсахъ; изъ оконъ замка можно было любоваться ихъ дикою домашнею жизнью. Въ замкѣ показываютъ остатки старинныхъ тюрьмъ; одна изъ нихъ, темная и низкая, называлась die Marterkammer и была опредѣлена для пытки; нынче хранится въ ней одинъ невинный картофель; въ другой, полуразвалившейся, содержался преступникъ Клеттенбергъ (за дѣланіе фальшивой монеты); этотъ несчастный вздумалъ было спастись и изъ соломы, служившей ему подстилкою, свилъ веревку, спустился по ней изъ окна, но веревка была слишкомъ коротка; онъ прыгнулъ и переломилъ ногу; его поймали и казнили; а предательницу-веревку и теперь показываютъ путешественникамъ. Въ Hohnstein кончилось наше странствіе. Здѣсь дожидалась насъ коляска наша, пріѣхавшая сюда изъ Шандау. Было гораздо за полночь, когда мы возвратились въ Дрезденъ.

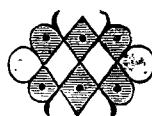
Такъ прошли для меня въ самыхъ чистыхъ удовольствіяхъ три дни. Простите, если я наскутилъ вашему высочеству длиннымъ своимъ описаніемъ. Я предаюсь вполнѣ тому счастію, которое вы же дали мнѣ милостивымъ своимъ приказаніемъ писать къ вамъ, счастію сообщать вамъ то, что я вижу, думаю и чувствую въ моемъ путешествіи. Это веселое путешествіе есть ваше благодѣяніе; и вы же сообщили ему и главную его прелесть: мнѣ весело видѣть и такъ же весело пересказывать о видѣнномъ вашему высочеству.

Приношу здѣсь мое глубочайшее почтеніе его императорскому высочеству и съ чувствомъ этого неограниченаго почтенія, съ живѣйшею благодарностью за всѣ безцѣнныя ваши милости честь имѣю быть вашего императорскаго высочества покорнѣйшимъ слугою

Жуковскій.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ные тюками, оставаясь без падлежащего присмотра, посылали о себе дурную славу въ обитателяхъ Петербургской стороны. По штату 1816 г., число воспитанниковъ ограничено 2,000, которыхъ составили 8 ротт; въ томъ же году прекращенъ приемъ дворянъ, имѣвшихъ болѣе 20 лѣтъ. Суровая дисциплина тогдашняго времени практиковалась въ полку во всей силѣ; строй запрещалъ въ обученіи первое мѣсто; дворяни муштировали ежедневно по пяти часовъ, а въ 1820 г. было отстроено для этого обширный манежъ; рядомъ съ нимъ находились столовый залъ и кухня, произведения которой не отличались ни вкусомъ, ни опрятностью. Спали воспитанники по пяти на двухъ сдвинутыхъ кроватяхъ; бѣлье мѣнялось разъ въ недѣлю. Выпуски были часты: въ 1812 г.—17. Въ общемъ, до 1831 г. заведеніе дало свыше 8 тысячъ офицеровъ.

Въ 1832 г. Дворянскій полкъ совершенно отдѣленъ отъ 2-го корпуса и усилены средства образования; въ 1834 г. учреждены 4 обиныхъ и 2 специальныхъ класса; по указаніямъ Я. И. Ростовцева, разработаны учебники, и полкъ ни въ чёмъ не отличался отъ остальныхъ корпусовъ; въ 1837 г. онъ перемѣщенъ былъ въ существующее понынѣ красное зданіе на Спасской улицѣ Петербургской стороны. Задача полка сдѣлалась—довершать образование кадетъ губернскихъ корпусовъ, воспитанники которыхъ начали прибывать въ полкъ съ 1838 г., принося освѣженіе, благотворные элементы и постепенно сливаясь съ корпами¹.

Переименованій въ 1855 г. въ Константиновскій кадетскій корпусъ, Дворянскій полкъ перемѣщенъ въ 1857 г. на Обуховский, нынѣ Забалканскій проспектъ, а въ 1859 г. получилъ название 2-го военнаго Константиновскаго училища.

«Перенесемся же въ минувшее,—такъ заключилъ свою рѣчь М. Г. Гольмдорфъ,— и начнемъ нашо собраніе, какъ и прежде бывало, молитвою за царя и навишихъ творищъ».

Музика заиграла народный гимнъ, подхваченный всѣми присутствовавшими; затѣмъ оркестръ перешелъ къ молитвѣ за навишихъ, слившійся въ общий аккордъ навишихъ ее бывшихъ воспитанниковъ. Обѣдъ прошелъ съ соблюдениемъ всѣхъ формальностей кадетскаго быта. Вначалѣ повѣстка барабанщика пригласила къ закускѣ, а затѣмъ бой къ столу перемѣстилъ всѣхъ, какъ было въ заведеніи, къ серированнымъ въ нѣсколько рядовъ обѣденнымъ столамъ. По сигналу барабанщика пропѣта предъобѣдная молитва, и всѣ заняли мѣста, гдѣ при кувертахъ лежалъ складной погонъ бывшаго Дворянскаго полка и на внутренней его части помѣщено меню обѣда: «супъ съ центуками, рыба по-волонтерски, говядина по-нестеровски²), пуншъ Леткова». Прислуга разносила кушанья по вразмынку, какъ на

¹) Корпами назывались воспитанники, поступившие прямо въ полкъ.

²) Е. Нестеровъ былъ экономомъ съ 1836 по 1856 г., капитанъ А. Г. Летковъ—коман-

быкновенныхъ параштахъ, но, съ блюдами въ рукахъ, строилась въ двѣ шеренги и потомъ, по удару барабана, разомъ направлялась къ столамъ. Послѣ обѣда всѣ построились въ одну общую роту, по выпускамъ, и подъ звуки оркестра, игравшаго «тихій маршъ», по командѣ ген.-лейт. М. Г. Черняева, прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо своего фельдфебеля.

На второмъ обѣдѣ, 14 марта 1883 г., въ первый разъ въ числѣ присутствовавшихъ находилось болѣе 10 человѣкъ изъ юнкеровъ 2-го Константиновскаго училища. Кашеварь предложилъ сборъ для учрежденія стипендій въ какомъ-либо среднемъ заведеніи, въ память Дворянскаго полка. Обнесенная имъ шапка дала основаніе будущему капиталу. На собраніи 1885 г. было постановлено: поручить собирательямъ товарищеской комилки ходатайство объ испрошеніи разрѣшенія учредить, на проценты съ капитала, стипендіи, и было собрано 300 р.

На обѣдѣ 14 марта 1888 г. М. И. Семевскій предложилъ образовать при библіотекѣ Константиновскаго училища особый отдѣлъ изъ трудовъ бывшихъ воспитанниковъ Дворянскаго полка.

Обѣдъ 1892 г. былъ безъ винъ, такъ какъ деньги, обыкновенно расходуемыя на вина, пожертвованы были въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

Праздникъ 1895 г. былъ особенно торжественъ: Константиновское артиллерійское училище, въ первый годъ своего существованія, праздновало 88-ю годовщину рожденія своего прѣдѣда—Дворянскаго полка.

Въ 1899 г. «Дворяне» и «Константиновцы» праздновали 92-ю годовщину своей almae matris. Вотъ программа этого праздника: 1) вступление въ сферу дѣйствій; 2) подступы къ чаркѣ; 3) занятія позицій; 4) повѣстка; 5) кулинарная симфа въ З приема; 6) передовые тосты; 7) донасенія отсутствующихъ; 8) тризна по выѣзжшимъ изъ строя; 9) здравицы; 10) разрядка курительныхъ патроновъ; 11) докладъ о товарищеской комилкѣ; 12) отбой и переходъ къ зеленому полю. 30-го января 1899 г., на совѣтательномъ собраніи 38 лицъ, разсмотрѣнъ былъ проектъ устава «Общества вспомоществования бывшимъ «Дворянамъ» и «Константиновцамъ», который и былъ утвержденъ 2-го марта.

Особенно подробно описано празднованіе 14-го марта 1901 г.

Въ концѣ книги подытожены: перечень литературныхъ трудовъ бывшихъ воспитанниковъ Дворянскаго полка и преемственныхъ ему заведеній, доставленныхъ въ особый отдѣлъ библіотеки Константиновскаго артиллерійскаго училища, по 1-е мая 1901 г., списокъ «Дворянъ» и «Константиновцевъ», участниковъ товарищескихъ собраний 14-го марта 1882—1901 г., по годамъ выпуска изъ заведенія, а также имена участниковъ этихъ собраний, не бывшихъ именами заведенія, по служившихъ и служащихъ въ немъ.

Н. К-шъ.

диръ роты служителей и учитель пѣнія въ 50-хъ годахъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1901 г.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старинѣ“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гр. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событияхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и материалы къ биографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, учёныхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобиографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе быт русского общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакції.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; призпанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакції „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1900 по 9 рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **бесплатно**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXII-й.

НОЯБРЬ.

1901 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. И. Дубровина. 241—264
II. „Полярная Звѣзда“ и „Невскій Альманахъ“. (1826—1827 гг.). Сообщ. И. Д. 265—269
III. Воспоминанія протоіероя I. Базарова 271—291
IV. Театральная интрига въ 1822 году. (В. А. Карагантьевъ и И. А. Катенина). Ив. Кубасова. 293—304
V. Императоръ Павелъ. Очеркъ развиція его личности. И. 305—322
VI. Нѣсколько новыхъ словъ о пребываніи Гоголя въ Одессѣ въ 1850—51 гг. Николая Лериера. 323—326
VII. Николай Ивановичъ Тургеневъ въ своемъ оправданіи. (Изъ бумагъ Навла Васильевича Жуковскаго). Сообщ. А. А. Омниѣ. 327—340
VIII. Михаилъ Васильевичъ Остроградскій подъ надзоромъ полиціи. 341—342
IX. Россія и папскій престолъ. И. Пирлиага. (Съ французскаго). 343—369
X. Былое. Изъ воспоминаній о пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ А. Р. 371—388
XI. Письма В. А. Жуковскаго къ великой княгинѣ Александре Феодоровнѣ изъ первого его заграницаго путешествія въ 1821 году.
- Сообщилъ И. А. Бычковъ.
- ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ И. А. Бычковъ.
2) Портретъ графа Александра Христофоровича Бенкендорфа. Грав. И. И. Хемницкій.

- XII. Экспедиція Государствен. Хозяйства (1797—1803гг.). В. И. Вешнякова. 403—422
XIII. Родословн. Басмановыхъ. 423—430
XIV. Записки генерала В. И. Левинштерна 431—457
XV. Празднованіе XL-й годовщины освобожденія крестьянъ 459—464
XVI. Записная книжка „Русской Старинѣ“; Письмо М. Сперанскаго императору Николаю. 19-го июня 1827 г. (стр. 270). — Просьба арестантовъ въ 1812 году объ отправлении ихъ въ действующую армію. 22-го сентября 1812 г. (292). — Письмо М. Сперанскаго — гр. Аракчееву. 14-го сентября 1816 г. Великополье. — Просьба графа Ростопчина объ увольненіи его въ отставку. 15-го октября 1823 г. Москва. (370). — Распоряженіе о наблюденіи за продажею карикатуръ. 29-го мая 1823 года (402). — 0 бла-гочиніи въ церквяхъ. Записка графа Аракчеева. 23-го января 1816 года. (458).
XVII. Библиографич. листонъ (на оберткѣ).

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1901 г.
Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стр. обертки.
Пріемъ подѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подьяческая, 89.
1901.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1901 г.

Бібліографіческий листокъ.

„Русский Біографический Словарь.“. Фаберь—Цявловский. Изд. подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества А. А. Половцова. С.-Пб. 1901 г., 8°, 521 стр. (цѣна 6 р. 50 к.).

Мало еще извѣстное, а потому и не вошедшее въ обиходъ грандиозное издание Русскаго Историческаго Общества медленно, по безостановочно подвигается впередъ: настоящій томъ, по счету четвертый (I—А—Александъръ II, II—Алексинскій—Бестужевъ-Рюминъ, III—Ибакъ—Ключаревъ), появился въ свѣтъ въ мартѣ текущаго года, а въ началѣ наступающаго, какъ мы слышали, готовится къ выходу новый выпускъ, въ который войдетъ біографія русскихъ дѣятелей на букву П. (до Петра Великаго исключительно). Своевременно, но мѣрѣ выхода предыдущихъ томовъ, въ печати появлялись замѣтки, посвященные предпрѣятію А. А. Половцова (изданіе ведется за его личныхъ средства), въ которыхъ, съ большими или меньшими безпристрастіемъ отмѣчались достоинства «Словаря». Къ числу достоинствъ издания справедливо причислялись широта плана, привлеченіе въ обиходъ большого количества архивныхъ материаловъ, къ которымъ сотрудники «Словаря» допускались съ болѣею или менѣею свободою, наконецъ, несомнѣнное достоинство многихъ статей, принадлежащихъ перу нашихъ извѣстныхъ, или вачинающихъ ученыхъ. Настоящий томъ, отличаюсь тѣми же качествами, чѣмъ и ранѣе вышедши, производить еще болѣе благопріятное впечатлѣніе какъ со стороны полноты, такъ и въ отношеніи детальной разработки статей. Отсылая интересующихъ къ самому изданию, отмѣтили въ новомъ томѣ статьи наиболѣе обстоятельныя: таковы біографіи Б. Хмельницкаго (проф. Маркевича), Филарета Дроздова (проф. Корсунскаго), митр. Филиппа (С. В. Рождественскаго), А. С. Хомякова (А. М. Левагина), Д. И. Фонвизина (акад. Ідачова), статьи В. В. Синовскаго (объ А. И. Хвостовѣ, Е. В. и М. М. Херасковыхъ), Н. П. Павловы-Сильванскаго, В. И. и Д. А. Корсаковыхъ, Б. Л. Модзалевскаго (гр. Д. И. Хвостовъ, и др.), Я. Колубовскаго, С. Н. Кулибина, Вс. С-каго, А. Чулкова, Н. И. Веселовскаго, Б. Савинкова (ки. И. Д. Цициановъ), Б. Горскаго и др. Съ окончаніемъ всего задуманнаго издания «Словарь» будетъ необходимъ всѣмъ издавателямъ и любителямъ нашей старины, почему мы и желаемъ такому памятнику предпрѣятію Русскаго Историческаго Общества полѣтія успѣха.

Д. В. Цвѣтаевъ. Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ. Приложеніе къ историческому изслѣдованію. Книга первая. Варшава. 1901 г.

С. Ф. Либровичъ. Царь въ плѣну. Спб. 1901 г.

Новый трудъ Д. В. Цвѣтаева представляетъ черновикъ собраннаго Д. В. историческаго матеріала, въ который вошли документы, вламы и рисунки. На основаніи добытыхъ источниковъ Д. В. оспариваетъ распространенное мнѣніе, по которому заброшенная на землемѣрѣ дворѣ Первой мужской въ Варшавѣ гимназіи постройка въ видѣ часовни считается усыпальницей Шуйскихъ. Доказательству этого вопроса будетъ посвященъ слѣдующій выпускъ.

Трудъ С. Ф. Либровича—топельская книжка, цѣликомъ посвященная тому же вопросу плѣненія, кончины и погребенія Шуйскихъ и представляетъ удачный популярный очеркъ смутнаго времени. Несмотря на скромную цѣну, въ книжкѣ до сорока прекрасно воспроизведенныхъ различныхъ иллюстрацій.

В. Л.—ій.

Николай Лернеръ «Первая одесская газета». Страницы изъ истории русской печати. Одесса 1901 г.

Въ небольшой брошюрѣ, подъ выше приведеннымъ заглавіемъ, г. Лернеръ излагаетъ исторію возникновенія и прекращенія первой одесской газеты.

Газета эта, издававшаяся на французскомъ языке и посыпша пазваніе: «*Messager de la Russie M ridionale, ou feuille commerciale, publi  avec l'autorisation du gouvernement*»¹⁾, выходила въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ: съ 1-го апреля 1820 до октября 1823 года. Издателемъ газеты была небогатая компанія, подъ руководствомъ весьма образованнаго француза Ивана Даваллопа; онъ былъ агрономъ и хозяинъ овчарного заведенія во Франції; но, испытавъ разныя потери, искалъ средство для существованія, для чего и началъ издавать газету, которая выходила по вторникамъ и пятницамъ сперва на одномъ полулистѣ, по невозможности, какъ сказано въ программѣ, издавать ее, при недостаткѣ типографическихъ средствъ, цѣлыми листами. Газета была посвящена преимущественно торговлѣ, а потому въ ней объявлялось о прибывшихъ и отошедшихъ корабляхъ, курсѣ векселей и мо-

¹⁾ «*Вѣтникъ Южной Россіи или коммерческий листокъ, издаваемый съ позволенія начальства.*

ГРАФЪ АЛЕѢСАНДРЪ ХРИСТОФОРОВИЧЪ
БЕНКЕНДОРФЪ.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XIV¹).

Отношения России къ Франціи въ 1810 году.—Докладъ Наполеону министерства иностранныхъ дѣлъ о необходимости войны съ Россіею.—Положеніе Наполеона во Франціи.—Приготовленія Россіи къ военнымъ дѣйствіямъ.—Записка М. М. Сперанскаго.—Учрежденіе должностей военныхъ агентовъ при нашихъ посольствахъ.—Желаніе и просьбы Барклая-де-Толли о скорѣйшемъ заключеніи мира съ Турциею.

ъ началѣ 1810 года многіе, по ходу политическихъ событий, считали войну съ Наполеономъ неизбѣжною.—«Я нашель въ Москвѣ, писалъ графъ Ростопчинъ²), множество слуховъ о близкомъ разрывѣ съ Франціею и уныніе отъ упадка денегъ и возвышенія цѣнъ».

Невыгодный для Россіи Шёнбруннскій миръ съ Австріею, возбудившій продолжительную дипломатическую переписку по такъ называемому польскому вопросу, о которомъ мы скажемъ въ своеемъ мѣстѣ, и неудачное сватовство Наполеона положило, можно сказать, конецъ союзу его съ императоромъ Александромъ. Полное, но скрытое до времени охлажденіе началось съ того времени, когда Наполеону было заявлено, что императрица Марія Федоровна, по молодости великой княжны Анны Павловны, не можетъ согласиться на бракъ своей дочери съ императоромъ Франціи. Этотъ отказъ глубоко оскорбилъ Наполеона, но за то былъ сочувственно встрѣченъ русскими людьми.

¹) См. „Русск. Старину“ октябрь № 10, 1901 г.

²) Великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ 24-го марта 1810 г. „Русский Арх.“ 1869 г., т. I, стр. 759.

«Извѣстіе о разводѣ императора французовъ съ Жозефиной, писалъ Ф. П. Ключаревъ А. Д. Балашеву ¹⁾, очень поспѣшно дошло сюда (въ Москву) изъ Петербурга. Расположеніе мыслей о нашей великой княжнѣ, ежели бы жребій палъ быть ей невѣстою императора Наполеона, имѣю долгъ представить вамъ со всею искренностію, что ни одинъ голосъ, въ краткое время существованія сего слуха, не былъ пріятнымъ. Причина— недовѣрность, далеко распространенная, къ намѣревающемся вступить въ новый бракъ. Даже говорили, что Жозефина не неплодна, а можетъ быть самъ онъ таковъ».

Какъ бы то ни было, но Наполеонъ послѣ отказа старался при всякомъ удобномъ случаѣ выказать свою непріязнь и нерасположеніе, но дѣлалъ это скрытно, а въ разговорахъ и объясненіяхъ увѣрялъ въ противномъ. Въ 1810 году онъ болѣе чѣмъ когда-либо нуждался въ союзѣ съ Россіею. Французскіе курьеры поминутно отправлялись въ Петербургъ изъ различныхъ мѣстъ пребыванія императора; многія письма Наполеона и депеши его министра иностраннаго дѣлъ посылались по почтѣ, конечно, съ токо цѣлью, чтобы вся Европа могла узнать ихъ содержаніе, доказывающее о тѣснѣйшемъ союзѣ Россіи съ Франціею.

Вступая во второй бракъ съ австрійскою эрцгерцогинею, Наполеонъ, прежде окончательного объявленія о томъ австрійскому дому, сообщиль обѣ этомъ русскому посланнику въ Парижѣ и своею любезностью старался во всемъ предупредить Александра. Причиною такого поведенія были запутанныя дѣла Франціи въ Испаніи, гдѣ французы по временамъ терпѣли значительную неудачу и почти не имѣли никакого успѣха. Переговоры съ Англіею тоже не подвигались впередъ, отчего увеличивалось число недовольныхъ мѣрами французскаго императора. Выдти изъ этого онъ могъ, только опираясь на союзъ съ сильнымъ и могущественнымъ государствомъ, какова была въ ту эпоху Россія. Сознавая это, Наполеонъ готовъ былъ временно употребить всѣ средства, чтобы только расположить, или, лучше сказать, ввести въ заблужденіе императора Александра и отдалить все то, что могло ослабить его союзъ съ Россіею.

Въ Петербургѣ не довѣряли его любезностямъ.

«Все сіе показываетъ, писалъ между прочимъ графъ Румянцовъ графу Н. М. Каменскому ²⁾, что императоръ Наполеонъ, обремененный многими уже затрудненіями, старается избѣгать новыхъ. Дѣла его, особенно же въ Испаніи, въ такомъ положеніи, что, конечно, въ тече-

¹⁾ Отъ 13-го января 1810 г. „Русский Архивъ“ 1889 г. № 6, стр. 311.— Ф. П. Ключаревъ былъ въ то время московскимъ почтъ-директоромъ, а А. Д. Балашевъ—министромъ полиціи.

²⁾ Арх. минист. иностран. дѣлъ. „Campagnes Turques“.

ніе сего года не успѣть онъ распутать ихъ на столько, чтобы обратить вниманіе свое на другой край».

Императоръ Александръ не придавалъ особенной цѣны любезностямъ Наполеона. Онъ созиравъ, что, въ виду затруднительности положенія, французскій императоръ готовъ сдѣлать все, чтобы сохранить необходимый для себя союзъ съ Россіею. Петербургскій кабинетъ смотрѣлъ на дѣло, какъ оно было въ дѣйствительности.

«Я не скрою отъ васть, писалъ графъ Румянцовъ тому же графу Н. М. Каменскому ¹⁾), того, что хотя дѣйствительно императоръ Наполеонъ во всѣхъ случаяхъ тщится показать дружество и привязанность къ нашему августейшему монарху, но я, тѣмъ себя не ослѣпляя, почитаю сie не столько дѣйствиемъ его личной склонности, сколько послѣдствиемъ его затруднительного положенія, въ каковое многія обстоятельства его поставили и въ коемъ нынѣ нужно ему болѣе, нежели когда-нибудь, сохранить доброе къ себѣ расположение его величества и поддержать существующій между ними союзъ».

Графъ Румянцовъ былъ болѣе чѣмъ правъ въ своемъ мнѣніи.

Въ мартѣ 1810 года, по приказанію Наполеона, былъ составленъ его министромъ иностранныхъ дѣлъ докладъ ²⁾), въ которомъ говорилось, что, въ виду неизбѣжнаго сближенія Россіи съ Англіею, союзъ Франціи съ первою державою приходитъ къ концу и война съ нею настоятельно необходима для сохраненія первенствующаго положенія Франціи въ Европѣ.

По словамъ доклада, второй бракъ Наполеона, устанавливая новыя и близкія отношенія съ Австріею, не можетъ не привести въ недалекомъ будущемъ къ перемѣнѣ европейской политики и требуетъ немедленнаго обсужденія интересовъ французской имперіи. Пока австрійскій домъ придерживался совѣтовъ Англіи, до тѣхъ поръ Франція принуждена была смотрѣть на свои связи съ Россіей, какъ на необходимый противовѣсь, который обеспечивалъ бы хотя нейтралитетъ сѣвера. «Я говорю,—сказано въ секретномъ докладѣ,—скорѣе нейтралитетъ, чѣмъ союзъ, и это не безъ основанія» потому, что, несмотря на кажущееся присоединеніе къ континентальной системѣ четырехъ державъ, господствующихъ на Балтійскомъ побережью, не подлежитъ сомнѣнію, что «испорченность и недобросовѣстность дворовъ съ одной

¹⁾ Отъ 4-го іюля 1810 г. Арх. минис. иностранныхъ дѣлъ. „Campagnes Turques“.

²⁾ Секретный докладъ, представленный Наполеону министерствомъ иностранныхъ дѣлъ 4-го (16-го) марта 1810 г. „Рус. Стар.“ 1897 г. № 3, стр. 421.

стороны и старыя привычки народовъ—съ другой» открыли англичанамъ сбыть своихъ товаровъ¹⁾.

«При такомъ положеніи вещей, — спрашивалъ составитель доклада,—къ чему служить для Франціи мнимая коалиція сѣверныхъ государствъ противъ англичанъ? Не обладая морскими силами для дѣйствительного воздействиа на послѣднихъ, расположенный въ тайнѣ покровительствовать обману, замѣняющему для нихъ дозволенную торговлю, они, отдавая пустыя приказанія, лишь дѣлаютъ видъ, что способствуютъ цѣлямъ вашего величества и исполняютъ свои обязательства. По этому-то и блокада, которая должна была заставить Англію умереть съ голода среди сокровищъ обѣихъ Индій, свелась къ системѣ безсвязной, лишенной единства и безрезультатной. Россія, Пруссія, Данія, Швеція, подъ видомъ открытаго разрыва съ лондонскимъ дворомъ и близкихъ отношеній къ Франціи, сохраняютъ настоящій нейтралитетъ, выгодный лишь для англичанъ, такъ какъ состояніе нашего флота дѣляетъ его совершенно призрачнымъ для насъ. И тогда преимущества, которыхъ мы ожидали отъ союза съ Россіей, съ каждымъ днемъ исчезаютъ. Россія, напротивъ того, быстро пользуется всѣми выгодами, вытекающими для нея изъ союза съ нами. Она уже мирно владѣетъ Финляндіей и, для полнаго осуществленія всѣхъ секретныхъ соглашеній тильзитскаго и эрфуртскаго, ей остается лишь обеспечить себѣ договоромъ обладаніе Молдавіей, Валахіей и Бессарабіей, съ давнихъ поръ покоренныхъ и занятыхъ ея войсками».

Указавъ на то, что лишь одно вліяніе Россіи можетъ противодѣйствовать видамъ Франціи относительно сѣвера и востока Европы, докладъ обращается къ характеристику императора Александра. «Этотъ государь ни достаточно силенъ, чтобы облечь одного изъ своихъ министровъ исключительнымъ довѣріемъ, ни достаточно слабъ, чтобы быть управляемымъ имъ. Его политика—проявленіе личныхъ взглядовъ: его чувства, повидимому, влекутъ его къ союзу съ вашимъ величествомъ, но вліяніе императрицы-матери, хотя обусловленное скорѣе любовью, чѣмъ политикой, и различие взглядовъ въ совѣтѣ незамѣтно, и какъ бы мимо его сознанія, дѣйствуютъ на умъ императора».

Состояніе финансъ Россіи, паденіе торговли, по словамъ доклада, рано или поздно приведутъ ее къ сближенію съ Англіею; толчокъ, данный Россіею, заставитъ Пруссію, Швецію и Данію сдѣлать то же. При такихъ условіяхъ Англія можетъ распространить свое вліяніе на Турцію и такимъ образомъ создать коалицію противъ Франціи. «Поэтому

¹⁾ Секретный докладъ, представленный Наполеону министерствомъ иностранныхъ дѣлъ 4-го (16-го) марта 1810 г. „Русс. Старина“ 1897 г. № 3 стр. 422—424.

пріучимъ себя смотрѣть на Россію, какъ на естественную союзницу Англіи и приготовимся бороться на континентѣ съ послѣдствіями сближенія между этими двумя державами, какъ только уже не въ нашей власти будетъ помѣшать ему».

«Прежде,—продолжаетъ докладъ,—у Франціи были три союзника, сдерживавшіе въ должностныхъ границахъ колоссальную имперію, которую Петръ Великій отяготилъ Европу. Всѣ троє продолжаютъ еще существовать, несчастные, ослабленные, унылые, но могущіе воспринять новую жизнь и даже быть возвращенными къ ихъ прежней политикѣ творческою рукою вашего величества». Союзники эти: турки, шведы и поляки, на которыхъ слѣдовало обратить особенное вниманіе.

«Необходимо протянуть войну турокъ съ русскими до тѣхъ поръ, пока значительная часть французскихъ войскъ, необходимая въ Испаніи и Португаліи, сохранитъ за собою посредничество въ случаѣ заключенія мира и убѣдить Порту уступить Франціи Морею и Кандію въ замѣнъ помощи, которую она получила бы для того, чтобы снова завладѣть Малой Татаріей и Крымомъ. Въ случаѣ, если Турція принуждена будетъ заключить миръ съ Россіею, постараться отбросить на англичанъ всю постыдную необходимость уступки (Россіи) Молдавіи и Валахіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ гарантировать султану неприосновенность остальной части его владѣній и пробудить въ немъ надежду на помошь въ другое время». Вторымъ союзникомъ были шведы, лишившіеся Финляндіи. Несомнѣнно, что союзъ Англіи съ Россіею доведетъ Швецію до крайности, и Франціи необходимо возвратить ей независимость и безопасность, такъ какъ граница ея съ Россіею ничѣмъ не обеспечена. «Было бы благоразумно возбудить въ шведахъ надежды и дать имъ субсидіи, упрочить ихъ новое правительство, поддержать озлобленіе, которое должна возбуждать потеря Финляндіи; но при всемъ томъ заключить явный союзъ съ этимъ пошатнувшимся престоломъ лишь послѣ того, какъ будетъ обеспечено спокойствіе Испаніи и будутъ приготовлены затрудненія для Россіи на сѣверѣ, востокѣ и центрѣ Европы.

«Поляки—вотъ третій изъ старинныхъ союзниковъ Франціи противъ колоссальной Русской имперіи. Въ Польшѣ Франція найдеть постоянно самыхъ полезныхъ союзниковъ для униженія русской державы и для спасенія Турціи и Швеціи отъ ига, имъ угрожающаго. Вотъ, гдѣ долженъ быть установленъ центръ равновѣсія сѣвера, столь необходимаго для спокойствія остальной Европы и для величія Франціи».

Возсоединеніе всей прежней Польши подъ управлениемъ саксонскаго дома отбросило бы Россію къ своимъ прежнимъ границамъ. Она сохранила бы только «отъ своего полуѣвропейского узурпаторства лишь Курляндію и провинціи, отнятые отъ Отоманской имперіи. Турки, пользуясь ослабленіемъ Россіи и всеобщимъ движеніемъ, направленнымъ противъ

нея, могли бы возстановить свои границы до Днѣстра и, можетъ быть, даже до Днѣпра, теченіе котораго отъ его верховьевъ до Очакова должно было бы составлять русскую границу».

«Успѣхъ этого предпріятія навѣки упрочилъ бы зданіе новой имперіи, а численность, храбрость, явное превосходство французской арміи, еще болѣе безспорное превосходство того, кто руководитъ ею, сокровенные желанія, готовность, энтузіазмъ поляковъ и ничтожество Пруссіи со времени Тильзитскаго мира—не позволяютъ сомнѣваться въ успѣхѣ, если вѣнскій дворъ, соединенный съ французскимъ священными узами и его дѣйствительными интересами, пожелаетъ способствовать его осуществленію. Тогда въ дѣйствительности была бы возстановлена имперія Карла Великаго, увеличенная и укрѣпленная просвѣщеніемъ десяти вѣковъ; тогда Россія была бы дѣйствительно отрѣзана отъ цивилизованной Европы, а Англія—отъ континента. Этотъ планъ можетъ казаться гигантскимъ, а онъ, однако, является лишь слѣдствіемъ довѣрія, которое должны возбуждать величайшія чудеса, сотворенные гениемъ вашего величества»¹⁾.

Сводя въ одно цѣлое, составитель доклада приходилъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) что союзъ Франціи съ Россіею, несмотря на личный характеръ Александра, слѣдуетъ считать союзомъ непрочнымъ и близящимся къ концу;

2) что сближеніе петербургскаго и лондонскаго дворовъ не можетъ быть отдалено на очень долгое время и зависить отъ состава и политики англійскаго министерства;

3) что на Пруссію, въ случаѣ разрыва съ Россіею, слѣдуетъ смотрѣть какъ на врага;

4) что Польша и Саксонія являются самыми полезными и вѣрными союзниками Франціи противъ Россіи и наиболѣе заинтересованными въ раздѣлѣ остатковъ Прусской монархіи;

5) что не слѣдуетъ ничѣмъ пренебрегать для привлечения къ себѣ Швеціи; продолжать переговоры въ Константинополѣ и привлечь на свою сторону Австрію и Данію.

Докладъ этотъ, дававшій программу будущихъ дѣйствій, выражавшій довѣріе къ генію Наполеона, и ожиданія отъ него еще большихъ чудесъ льстиль ему и увлекалъ его.

— Черезъ пять лѣтъ я буду владѣть свѣтомъ,— говорилъ онъ. Остается только Россія, но я подавлю ее... Я строю ежегодно по пятнадцати кораблей; какъ только у меня ихъ будетъ полтораста, я буду господствовать и на морѣ.

¹⁾ „Русская Старина“ 1897 г., № 3, стр. 442 и 443.

Въ разговорѣ съ генераломъ Вреде во время охоты, Наполеонъ скратилъ и этимъ срокъ.

— Еще три года,—сказалъ онъ ему,—и я буду владыкою вселенной.

Онъ не сознавалъ еще тогда, что звѣзда его меркнетъ и что среди его окружающихъ есть противники, подкапывающіеся подъ его величіе. Во главѣ ихъ стоялъ Талейранъ и внослѣдствіи Коленкуръ, его посланникъ въ Петербургѣ.

Въ январѣ 1810 года графъ Нессельроде былъ посланъ въ Парижъ подъ предлогомъ заключенія займа, а въ дѣйствительности для того, чтобы обо всемъ происходившемъ уведомлять императора Александра, черезъ посредство Сперанскаго, помимо канцлера графа Румянцева. Недовѣрчивый и неоткровенный императоръ Александръ I вель дипломатические переговоры тремя путями:透过儿 графа Румянцева, флигель-адъютанта Чернышева и графа Нессельроде и при томъ такъ, что ни одинъ изъ нихъ не зналъ, что поручалось другому и третьему.

«Заемъ не удался,—говорить Нессельроде ¹⁾),—но переписка установилась и продолжалась восемь мѣсяцевъ. Куракинъ ²⁾ и министръ иностранныхъ дѣлъ ³⁾ ничего о ней не подозрѣвали. Письма мои основывались на разговорахъ съ Талейраномъ и другими лицами, противниками возраставшаго честолюбія Наполеона».

Всѣ эти лица вели сношенія съ графомъ Нессельроде въ тайнѣ, но повелитель Франціи, не подозрѣвая о томъ, все болѣе и болѣе развивалъ свое самовластіе.

Присоединеніе къ Франціи Церковной области и Ганновера, распространеніе континентальной системы, разорившей всѣ союзныя съ Франціею государства, и не удавшіеся переговоры по поводу Польши ⁴⁾ возстановили императора Александра противъ Наполеона. Непріязнь эта усилилась и дошла до оскорблениія, когда въ декабрѣ 1810 года былъ присоединенъ къ Франціи сѣверный берегъ Германіи. При этомъ родственникъ русскаго императора, герцогъ Ольденбургскій, лишился наследственныхъ своихъ владѣній. Императоръ Александръ протестовалъ противъ такого нарушенія трактатовъ. Парижскій кабинетъ не принялъ протеста, и тогда Александръ приказалъ отправить его ко всѣмъ нашимъ посланникамъ, для сообщенія дворамъ, при которыхъ они находились.

Вмѣстѣ съ тѣмъ 19-го (31-го) декабря было обнародовано «Положеніе о нейтральной торговлѣ на 1811 годъ». Этимъ положеніемъ раз-

¹⁾ Записки графа К. В. Нессельроде. „Русск. Вѣст.“ 1865, № 10, стр. 545.

²⁾ Тогдашній посолъ нашъ въ Парижѣ.

³⁾ Графъ Н. П. Румянцевъ.

⁴⁾ О нихъ будетъ сказано ниже.

рѣшился ввозъ въ Россію колоніальныхъ товаровъ, на нейтральныхъ американскихъ судахъ, и запрещался ввозъ многихъ французскихъ товаровъ, а на другіе налагалась высокая пошлина, чтобы оградить вывозъ звонкой монеты изъ Россіи ¹⁾). Этою мѣрою было нанесенъ чувствительный ударъ континентальной системѣ, сохраненіе которой упорно преслѣдовалось Наполеономъ. Понятно, что обнародованіе Россіею новаго положенія о торговлѣ было для многихъ преднаменованіемъ скораго разрыва и хотя миръ наружу сохранился, но въ дипломатическихъ сношеніяхъ, между Петербургомъ и Парижемъ, усилилась неискренность, сдержанность и рѣзкость ²⁾).

Наполеонъ настаивалъ на отмѣнѣ таможеннаго тарифа, а Александръ требовалъ возстановленія герцогства Ольденбургскаго, и оба стали явно во враждебныя отношенія другъ къ другу.

— Вотъ большая планета,—сказалъ Наполеонъ присланному къ нему флигель-адъютанту Чернышову,—которая принимаетъ ложное направлениe; я ничего болѣе не понимаю въ ея движениi. Она можетъ такъ дѣйствовать только съ намѣреніемъ разойтись съ нами; будемъ насторожѣ и примемъ мѣры, предписываемыя благоразумiemъ.

Продолжая съ Чернышевымъ разговоръ о недоразумѣніяхъ, возникшихъ между Россіей и Франціею, Наполеонъ сказалъ ему: «что всѣ они не важны, если бы императоръ Александръ не издалъ новаго тарифа, взволновавшаго всю Европу». Наполеонъ жаловался на то, что у насъ жгли запрещенные французскіе товары. Чернышевъ отвѣчалъ, что подобныя мѣры принимались еще при императрицѣ Екатеринѣ II.

— Позвольте мнѣ сказать вамъ,—съ жаромъ возразилъ Наполеонъ,—что въ то время Россія предписывала законы всей Европѣ и къ тому же не считалась въ числѣ просвѣщенныхъ государствъ; въ настоящее же время, сдѣлавшись европейскою націей, она не можетъ уклоняться отъ соблюденія установленныхъ правилъ. Я жгу англійскіе товары потому, что веду съ Англіей непримируемую войну. Въ отвѣтъ на сдѣланное мнѣ оскорблѣніе, я приказалъ жечь въ своихъ гаваняхъ лѣсъ, поташъ, пеньку, желѣзо, вообще все, что приходитъ изъ Россіи: вотъ каковъ союзъ нашъ съ вами!

— Американцы имѣютъ доступъ въ мои гавани,—отвѣчалъ Александръ,—потому что я не могу обойтись совершенно безъ торговли и, по условіямъ тильзитскаго договора, я обязанъ соблюденiemъ не берлинскаго и миланскаго договоровъ, а уставовъ, руководствующихъ въ

¹⁾ Шлоссеръ, „Всемірная історія“, изд. 1872 г., т. VI, стр. 587.

²⁾ Подробности этихъ сношеній не входятъ въ нашу программу, и желающие могутъ найти ихъ въ сочиненіяхъ: Н. К. Шильдера: „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“; М. И. Богдановича: „Императоръ Александръ“ и многихъ другихъ.

сношенихъ съ нейтральными государствами; я держусь этихъ уставовъ точнѣе, нежели Франція.

Недовольный такимъ отвѣтомъ, Наполеонъ сталъ обращаться съ нашимъ посланникомъ княземъ Куракинымъ дерзко и грубо.

— Вы хотите,—сказалъ онъ ему,—вести дѣла, а единственный умный человѣкъ изъ вашего посольства, графъ Нессельроде, собирается уѣхать отъ васъ.

— Не понимая ничего въ ходѣ дѣлъ, которому у васъ слѣдуютъ,—говорилъ Наполеонъ тому же Куракину 3-го (15-го) августа 1811 г.,—я поступаю какъ человѣкъ въ первобытномъ состояніи, который когда не разумѣеть, высказываетъ недовѣрчивость. Въ Россіи есть таланты; но то, что тамъ дѣлается, доказываетъ, что у васъ или потеряли голову, или таять заднія мысли. Въ первомъ случаѣ вы походите на зайца, у которого дробь въ головѣ и который кружится то въ ту, то въ другую сторону, не зная, по какому направленію онъ слѣдуетъ, ни куда добѣжитъ. Пора намъ кончить наши споры. Императоръ Александръ и графъ Румянцовъ будутъ отвѣтчины передъ лицомъ свѣта за всѣ бѣдствія, могущія постигнуть Европу въ случаѣ войны. Легко начать войну, но трудно опредѣлить, когда и чѣмъ она кончится.

Сваливая вину на другихъ, Наполеонъ жаловался всѣмъ, что императоръ Александръ лишилъ его дружбы,увѣряясь что не желаетъ войны; но что политическое положеніе дѣлаетъ ее неизбѣжно.

«Война будетъ,—писалъ онъ королю Виртембергскому ¹⁾). Она будетъ вопреки мнѣ, вопреки императору Александру, вопреки благу Франціи и Россіи. Я уже такъ часто бывалъ въ такомъ положеніи, и опытъ прошедшаго раскрываетъ мнѣ будущность. Все это сцена изъ оперы, а дѣйствующія машины въ рукахъ англичанъ».

Эта нація была больнымъ мѣстомъ въ сердцѣ Наполеона, вела его къ разнаго рода заблужденіямъ и ошибкамъ. Въ 1811 году онъ находился на высотѣ своего величія и могущества; онъ подчинилъ себѣ все, что можно было подчинить, и могъ бы спокойно почтить на лаврахъ. Быстрое и легкое достиженіе родственнаго союза съ Австріею, только-что разбитою и униженною имъ, указывало, что вчерашніе враги ищутъ его покровительства и преклоняются передъ нимъ, что всѣ остальные работѣствуютъ въ безмолвномъ молчаніи и ловятъ каждое слово, чтобы судить о степени его благоволенія или неудовольствія. Это низкопоклонство, вмѣстѣ съ честолюбиемъ и самоувѣренностью, развило въ Наполеонѣ то, что онъ считалъ себя выше всего земнаго. Не

¹⁾ Отъ 21-го марта (2-го апрѣля) 1811 г. „Русский Арх.“ 1890 г., № 10, стр. 224.

безъ его, конечно, согласія во всѣхъ низшихъ школахъ Франціи преподавали катехизисъ, въ которомъ говорилось, что самъ Богъ поставилъ Наполеона великаго своимъ представителемъ на землѣ и что потому всякое вѣроломство въ отношеніи особы императора Франціи влечеть за собою вѣчное проклятие ¹⁾). Какъ такому человѣку не стать во главѣ всемирной монархіи? Тому препятствуютъ, однако же, двѣ державы: Россія и ненавистная ему Англія, не признающія его божественнаго происхожденія, не подчиняющіяся его волѣ и желаніямъ, и остающіяся свободными.

Неудачная въ теченіе многихъ лѣтъ борьба съ Англіей и желаніе подавить ее во что бы то ни стало сдѣлались задачею жизни Наполеона, и нелѣпая идея о полномъ закрытіи ей доступа въ порты континентальныхъ государствъ стала руководящимъ началомъ его политики. А между тѣмъ въ концѣ 1810 года Россія обнародовала новый тарифъ, облегчающій Англіи доступъ въ ея порты. Это обнародованіе не только разрушило союзъ, но нанесло явное оскорблѣніе Наполеону, и походъ въ Россію стала для него неизбѣжнымъ. Сначала онъ самъ утверждалъ, что такой походъ былъ бы безумiemъ; но когда дѣло коснулось Англіи и его оскорблѣнія, то Наполеонъ сталъ убѣждать себя и доказывать другимъ всю необходимость войны и возможность ея успѣха. Такъ какъ Россія сдѣлалась главнымъ препятствиемъ дѣлу морскаго мира, то война съ нею являлась только одною изъ операций въ борьбѣ противъ Англіи. Подъ вліяніемъ страсти и ненависти, Наполеонъ считалъ необходимымъ нанести ударъ съверу и стать, наконецъ, владыкою вселенной. «Ему хотѣлось воевать съ Россіею, говоритъ Барантъ ²⁾), онъ готовился къ тому, но въ то же время сознавалъ трудность и опасность этой войны. За-воевательная страсть боролась въ немъ съ холоднотою разсудка и яснымъ пониманіемъ обстоятельствъ. Онъ никому не повѣрялъ мучительныхъ думъ и тревогъ, которыхъ одолѣвали его. Онъ не могъ не подумать о случайностяхъ войны въ семи стахъ миляхъ отъ Франціи, въ странѣ неизвѣстной, столь мало похожей на всѣ страны, въ которыхъ водилъ онъ войска свои. Кромѣ того позади себя онъ оставлялъ въ Испаніи англійскую армію, которую не удавалось его генераламъ выгнать оттуда и которая служила опорою возставшему населенію» Наполеонъ зналъ, что Германія стонетъ подъ игомъ его, которое становилось съ каждымъ днемъ тяжелѣе, и что она готова свергнуть оное при первой его неудачѣ.

¹⁾ М. И. Богдановичъ, „Исторія царств. императора Александра I-го“, т. III, примѣчаніе II, стр. 36 (приложеніе).

²⁾ Въ своихъ воспоминаніяхъ. „Русскій Арх.“ 1890 г. № 10, стр. 224.

«Припоминая себѣ,—говорить графъ П. Х. Граббе ¹⁾,—это время, я нахожу въ собственныхъ и въ чужихъ впечатлѣніяхъ что-то похожее на ощущенія, предшествующія разрушительному урагану. Воздухъ казался душенъ.—Тучи собирались на разныхъ точкахъ Европы; громъ, еще отдаленный, гремѣлъ только за Пиренеями. Мюраты, Жеромы, Іосифы занимали брошенные престолы. Чувство неясное непрочности всего существующаго наполняло сердца. Людовикъ Бонапарте, король Голландіи, не постигшій знаменія времени и помышлявшій о благо-состояніи своего народа, осмѣянный и поруганный Наполеономъ, бѣжалъ съ своего опозоренного трона. Нелѣпые костры изъ англійскихъ товаро-ровъ горѣли въ разныхъ городахъ Германіи къ изумленію жителей. Растрѣлѣніе нравовъ, отъ неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, какъ бываетъ во времена чумы, видимо развивалось повсюду, особенно въ высшихъ сословіяхъ общества.

«Наполеонъ казался наверху насильственнаго могущества и въ изступленіи раздраженіи противъ Россіи, особенно противъ Англіи, мысленно поглощалъ мимоходомъ первую и помышлялъ объ Индіи. Прейсишъ-Эйлау, Аспернъ, Ваграмъ въ Германіи, Байона и истреби-тельная война въ Испаніи, эти остерегательныя угрозы Провидѣнія осѣленному завоевателю, не вразумили его. Совѣты и противорѣчія благоразумія и предусмотрительности не находили уже къ нему доступа.

«И я удивляюсь Наполеону, но для меня онъ далекъ отъ истиннаго идеала величія человѣка. Удивляюсь я рѣдкому, многообъемлющему уму его, поразительной дѣятельности; но онъ не противостоялъ ни одному искушенію; но даръ, рѣдкий даръ остановиться вѣ-время не принадле-жалъ ему.... Наполеонъ прошелъ какъ всесокрушительная буря, оставилъ послѣ себя одинъ развалины и урокъ блистательного ума и огромнаго всепопирающаго самолюбія».

Европа желала столкновенія Россіи съ Франціею, видѣла въ немъ свое спасеніе и опасалась, что борьба Александра съ Наполеономъ не состоится. Графъ Меттернихъ не скрывалъ своихъ опасеній насчетъ примиренія Россіи съ Франціей въ ущербъ Австріи и Пруссіи. Другой дипломатъ, Жозефъ де-Местръ, даже съ ужасомъ говорилъ себѣ этомъ. Онъ писалъ, что миръ можетъ состояться потому, «что оба государя запугиваютъ одинъ другаго; но если примиреніе состоится, то оно совершится при помощи новаго дьявольскаго соглашенія: съ одной стороны будетъ признанъ титулъ Западнаго императора со всѣми его послѣдствіями, а съ другой—кто же помѣшаетъ этимъ двумъ господамъ раздѣлить между собою Европу» ²⁾.

¹⁾ Въ своихъ памятныхъ запискахъ. „Рус. Арх.“ 1873 г., т. I, 856 и 857.

²⁾ Н. К. Шильдеръ, „Императоръ Александръ I-й“, т. III, стр. 21.

Нельзя допустить, чтобы Наполеонъ не зналъ о всеобщей къ нему ненависти какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ, но когда человѣкъ желаетъ убѣдить себя въ противномъ, онъ всегда это сдѣлаетъ. Такъ дѣлалъ и императоръ Франціі: онъ ласкалъ себя мыслю, что подъ его желѣзною рукою никакое восстаніе невозможно и положеніе его прочно.

— Вы надѣетесь на союзниковъ,—говорилъ онъ князю Куракину,— гдѣ они? Не на австрійцевъ ли, съ которыми вели войну въ 1809 г. и у коихъ взяли область¹⁾ при заключеніи мира? Не на шведовъ ли, у которыхъ отняли Финляндію? Не на Пруссію ли, отъ которой отторгли часть владѣній, несмотря на то, что были съ нею въ союзѣ.

Произнося эти слова, Наполеонъ ласкалъ себя надеждою и старался убѣдить другихъ, что всѣ эти державы будутъ скорѣе союзницами его, чѣмъ Россіи. Онъ не обращалъ вниманія на то внутреннее состояніе, въ которомъ находилась тогда Франція. Онъ зналъ о настроеніи умовъ и недовольствѣ своихъ подданныхъ, но не придавалъ этому значенія; зналъ, что онъ надоѣль французамъ, но не зналъ что противъ него ведутъ интригу даже лица, близкія къ нему. Мы говорили уже о тайныхъ переговорахъ графа Нессельроде съ Талейраномъ, а теперь къ нимъ примкнулъ и Коленкуръ, тогдашній французскій посолъ въ Петербургѣ. Въ интимныхъ разговорахъ съ императоромъ Александромъ, Коленкуръ нерѣдко обращалъ его вниманіе на властолюбіе своего императора, угрожавшее Россіи.

Получивъ изъ Парижа депешу о томъ, что французское правительство никогда не было такъ наклонно къ миру, какъ въ настоящее время, и что армія не будетъ усиlena, Коленкуръ представилъ ее императору Александру.

— Это противно всѣмъ полученнымъ мною свѣдѣніямъ,—отвѣчалъ государь,—но ежели вы скажете мнѣ, что этому вѣрите, то я измѣню свое убѣжденіе.

Такое обращеніе къ чести благороднаго человѣка заставило Коленкура встать, взять свою шляпу, поклониться государю и уйти, не сказавъ ни слова. Въ другой разъ, получивъ изъ Парижа депешу, посолъ сказалъ одной изъ своихъ знакомыхъ: «бывають минуты, когда честный человѣкъ желаетъ смерти»²⁾.

Положеніе Коленкура въ Петербургѣ было очень трудное. Наполеонъ говорилъ, что онъ сдѣлался русскимъ, былъ недоволенъ его донесеніями о миролюбіи Александра и, въ апрѣлѣ 1811 года, замѣнилъ его Лористономъ. Это былъ человѣкъ откровенный и честный, но не имѣвшій дипломатическихъ дарованій своего предшественника и, конечно,

¹⁾ Тарнопольскую.

²⁾ Богдановичъ, „Исторія царствованія императора Александра“, т. III, стр. 115.

не пользовавшійся благосклонностію и довѣріемъ Александра. Не желая терять столь драгоцѣннаго источника для полученія свѣдѣній, какимъ являлся Коленкуръ, государь предложилъ ему войти въ сношеніе съ графомъ Нессельроде и посыпать черезъ него письма въ Петербургъ. Стараясь оправдать противниковъ Наполеона и своихъ корреспондентовъ, Нессельроде говорить, что «всѣ эти люди не помышляли объ измѣнѣ (?) Наполеону; они хотѣли лишь остеречь его (?) отъ порывовъ его собственныхъ страстей, воспрепятствовать веденію нескончаемыхъ войнъ, изводившихъ народонаселеніе Франціи, обѣднявшихъ его и угрожавшихъ катастрофой».

Французы не охотно уже пополняли ряды войскъ частыми наборами. Конскрипты скрывались по лѣсамъ и уклонялись отъ службы, представлявшей имъ одни лишенія и тягость въ будущемъ. Ихъ отцы, матери и жены проклинали виновника общихъ бѣдствій; страна, лишенная лучшей части молодаго поколѣнія, обложенная тяжкими поборами, бѣднѣла замѣтно отъ стѣсненія и почти прекращенія торговли. Рабочіе въ Парижѣ жаловались на постоянно возрастающую цѣну хлѣба и прочихъ необходимѣйшихъ потребностей. «Прежнее восторженное обаяніе и чувство признательности французовъ къ Наполеону за возстановленный общественный порядокъ и высоко вознесенную народную славу смѣнились усталою покорностью, потребностью отдыха, затаенною памятью столькихъ пожертвованій и полнымъ отсутствіемъ усердія и преданности».

«Человѣку, жившему при немъ (Наполеонѣ),—говорить Баранть¹⁾,—и внимательно его наблюдавшему, было очевидно, что онъ былъ сиѣдаемъ мыслю обо всемъ этомъ. Онъ страдалъ безсонницей и ночью по цѣлымъ часамъ не сходилъ съ дивана, погруженный въ думы. Не будучи боленъ, онъ однако не пользовался полнымъ здоровьемъ. У него иногда пухли ноги; онъ ощущалъ потребность развлечься охотою или верховою Ѣздою. То, что дѣжалось вопреки его волѣ, болѣе надоѣдало ему, нежели раздражало. Иногда, повидимому, онъ предавался отчаянію».

Но настоящее прискутило ему и уже не удовлетворяло; будущее машило къ себѣ новою славою, могуществомъ и неудержимо звало впередъ.

— Я обязанъ идти постоянно впередъ,—сказалъ однажды Наполеонъ генералу Фоа,—если остановлюсь, я паду.

Это убѣжденіе заставляло повелителя Франціи отталкивать всякую мысль о затрудненіяхъ и препятствіяхъ, а вѣра въ себя, въ свой гений давала ему твердую надежду побѣдить ихъ.

Онъ думалъ покорить Россію свободою и Москвою: свободою прель-

¹⁾ Въ своихъ воспоминаніяхъ, „Русс. Арх.“ 1890 г. № 10, стр. 224.

стить народъ и привязать его къ себѣ; а Москвою онъ думалъ пріобрѣсти миръ славный для себя и пагубный для Россіи ¹⁾.

— Я, — говорилъ онъ ²⁾, — не только не опасался этой войны, но почиталъ ее неизбѣжною. Мне хотѣлось только начать ее въ надлежашій часъ. Россія была слишкомъ сильна, чтобы составить часть той политической системы Европы, которой я былъ творцомъ и которой средоточіе находилось во Франції. Зданіе, мною воздвигнутое, отстояло слишкомъ далеко отъ его основанія. Россія тяготѣла всею своею тяжестію на верхнюю часть сего зданія. Александръ I, будучи меня моложе, вѣроятно, пережилъ бы меня, и тогда моя Имперія распалась бы непремѣнно на части. Слѣдовательно, нужно было отбросить Россію за предѣлы Европы, дабы она не вредила единству моей Имперіи. Нужно было дать этому новому политическому распределенію довольно твердые предѣлы, чтобы сообщить ему силу бороться успѣшно съ могуществомъ царей. Для осуществленія моего плана слѣдовало возсоздать Польшу на крѣпкомъ основаніи, и въ то же время нужно было побѣдить русскихъ на полѣ брани, дабы принудить ихъ къ принятію тѣхъ границъ, которыхъ я хотѣлъ начертать мечемъ. Вытѣсненная такимъ образомъ изъ политической системы Европы, Россія была бы отѣлена отъ нея двумя стами тысячъ стражей, которыхъ я былъ бы готовъ поддержать при всякомъ случаѣ.

Идея великой войны на сѣверѣ обрисовалась передъ нимъ ясно; эта послѣдняя борьба казалась ему все менѣе и менѣе неизбѣжною; онъ какъ-бы читалъ ее въ исторіи будущаго.... онъ говорилъ себѣ, что успѣхъ такого предпріятія уничтожилъ бы повсюду послѣдніе остатки сопротивленія и возстанія, освободилъ бы его отъ необходимости имѣть союзниковъ, т. е. признавать кого-либо равнымъ себѣ, и оставилъ бы его одного среди колъноисклоненной Европы. «Чудовищная мечта о всеобщемъ владычествѣ, основанномъ на паденіи послѣдней державы (Россіи), существующей еще независимо отъ него, коснулась Наполеона; пагубное видѣніе поднялось передъ нимъ, призывало, искушало его ³⁾. . . »

Рѣшаясь на борьбу съ Россіею, Наполеонъ сознавалъ, что для успѣха ея необходима значительная подготовка, а слѣдовательно время, пока онъ устроить свои дѣла въ Европѣ такъ, что въ состояніи будетъ обратить всѣ свои силы на пораженіе Россіи. Но влекомый безотчетно впередъ и подъ вліяніемъ назрѣвавшей мысли, онъ не въ состояніи

¹⁾ Письмо графа Ростопчина издателю. „Русский Вѣстникъ“, 1813, ч. 22, № 5, стр. 66 и 67.

²⁾ „Паденіе Польши“ М. Волковъ. Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей 1864 г., кн. I, стр. 133.

³⁾ «Вѣстникъ Европы» 1893 г. № 5, стр. 359.

былъ скрыть своихъ намѣреній и съ непостижимою наивностью вы-
сказался Чернышеву, въ одномъ изъ разговоровъ съ нимъ.

— Вы,—сказалъ онъ,—поставили себя въ непріязненное положеніе со всѣми. Даю честное слово, что если только вы не начнете со мною войны, я не начну ее въ продолженіе четырехъ лѣтъ. Выжиданіе для меня чистый выигрышъ; я уже разсчиталъ все: война съ вами остановить развитіе моихъ морскихъ силъ, но шести-сотъ миллионовъ моей казны станетъ на все. Употребивъ въ семь году сто миллионовъ на чрезвычайные расходы, буду имѣть триста тысячъ человѣкъ, не считая войскъ Рейнскаго союза; на будущій годъ издержавъ 50-ю миллионами болѣе, буду имѣть шестьсотъ тысячъ человѣкъ, а черезъ четыре года выставлю 800 или 900 тысячъ, и тогда—можетъ ли Россія дѣйствовать противъ меня такими же силами?

Послѣ такого заявленія чего было ожидать въ будущемъ отъ хищника престоловъ? Неужели уступить его требованіямъ и смотрѣть спокойно, какъ онъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, будетъ готовиться къ ополченію на Россію и, приготовившись, предъявить еще большія претензіи. Императоръ Александръ не желалъ идти ни на какія уступки и былъ не прочь отъ того, чтобы ускорить развязку.

Въ запискѣ, составленной по порученію государя и ему представ-
ленной 11-го марта 1811 г., Сперанскій писалъ, что «необходимо показать рѣшительную твердость, что не токмо по видамъ пользы, но по со-
вершенной необходимости, мы принуждены удерживать прежнія наши
положенія во всей силѣ. Податливости и снисхожденія тутъ могутъ
только поощрить предпримчивость Наполеона, а между тѣмъ готовиться
къ неминуемой войнѣ».

По мнѣнію М. М. Сперанскаго, предыдущія войны мы вели почти
безъ денегъ, въ долгъ. «Отъ того,—говорилъ онъ,—войска наши би-
лись храбро на мѣстахъ; но впередъ никогда не подвигались, ибо безъ
денегъ все приходитъ поздно и некстати. Сверхъ того обѣ прошедшія
войны начали мы внезапно и почти безъ опыта. Теперь было время при-
готовиться, познать людей и вещи. Войска тѣ же, но генералы опыт-
нѣе. Вместо Вязмитинова и князя Волконскаго есть Аракчеевъ и Бар-
клай. Сіе одно полагаетъ уже необъятную разность. Впрочемъ, хотя
энтузіазму много вѣрить и не должно, но нельзя отрицать, что энтузі-
азмъ есть великая мѣра, когда не управляются имъ, а упра-
вляютъ. Извѣстно же, что войны съ Франціею у насъ всѣ желають,
и нѣтъ, можетъ быть, извѣстія, которое принято бы было съ равнымъ
восхищеніемъ. Не должно предаваться сему восхищенію, но можно вос-
пользоваться имъ въ свое время слѣдующимъ образомъ:

- 1) Войну вести не въ долгъ, но наличными деньгами.
- 2) Денегъ достать можно: а) посредствомъ внутренняго окладнаго

займа, расположенного по имуществу на дворянство и купечество. Теперь одно купечество, за открытие морской торговли ¹⁾), съ радостю даромъ дасть до 25 миллионовъ рублей. Заемъ у обоихъ состояній (дворянства и купечества) безъ всякаго усиливъ составить можетъ до ста миллионовъ рублей. б) Заемъ серебромъ въ посудѣ. Примѣръ сего займа мы видѣли въ Австріи, но съ тою разностию, что онъ открытъ быль не въ войнѣ (т. е. не во время войны), но послѣ войны, послѣ пораженій и потери всѣхъ портовъ. Тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ успѣхъ.

«Сими способами и приготовляясь благовременно, можно съ твердостью вступить въ войну и хотя успѣхъ ея неизвѣстенъ,—то однако же достовѣрно, что изъ двухъ золъ надобно выбирать меньшее; а война конечно, лучше, чѣмъ потеря осмы (западныхъ) губерній и всѣ слѣдствія, кои отъ сего произойти могутъ. Во всѣхъ случаяхъ должно быть увѣренными, что Россію можно побѣдить разъ и два, но покорить ее, по самому физическому ея положенію, не возможнѣо».

Сперанскій совѣтоваль сближать къ границѣ нечувствительно наши войска и запасы и приготовлять связи «войнѣ сей приличныя».

«Сколько не благоразумно было бы,—говорилъ онъ,—отступить нынѣ отъ принятой (континентальной) системы, столь неудобно, да и невозможнѣо будетъ, вступая въ войну съ Франціею, продолжать ее съ Англіею. Изъ сего само собою уже слѣдуетъ, что съ первымъ, такъ сказать, выстрѣломъ должно возстановить связь съ Англіею. Но тогда возстановить ее будетъ поздно и неудобно. Англія возмечтаетъ, что нужда заставила насъ броситься въ ея систему, и поставить податливости своей высокую цѣну. Слѣдовательно, связь съ Англіею должно издалека приготовить и, ничего нынѣ не перемѣнявъ настоящемъ, устроить будущее. По сему нынѣ же нужно завести тамъ безгласнаго агента изъ купечества, который бы словесно и по одной рекомендациіи графа Воронцова могъ передавать наши виды, по мѣрѣ ихъ раскрытия, ведя сіе дѣло такъ, чтобы при открытии войны оставалось только его кончить. Симъ однимъ всѣ связи наши по необходимости теперь должны быть ограничены».

Сперанскій предполагалъ, что Наполеонъ въ непосредственную войну съ нами не вступитъ, а «будетъ производить ее своимъ вліяніемъ». Онъ обѣщаетъ Швеціи Финляндію, Австріи—Силезію въ замѣнѣ Галиціи или Сербіи и даже Малую Валахію, Польшѣ—возстановленіе, «а нась будетъ увѣрять въ дружбѣ».

По мнѣнію автора записки, Швеція «со всѣмъ жаромъ бросится въ Финляндію, какъ скоро обнадежена будетъ Франціею. Она будетъ считать, что теперь можетъ возвратить Финляндію или никогда. Польскія наши провинціи безъ сомнѣнія отложатся и предпримутъ войну за спа-

¹⁾ По случаю объявленія новаго тарифа.

сеніе отечества; сіе весьма естественно. Австрія не вступить, можетъ быть, въ войну дѣятельную, но, промѣнявъ Силезію на Галицію, обязана, конечно, будетъ двинуть свои войска здѣсь или въ Молдавію». Порта всегда будетъ готовымъ намъ непріятелемъ; въ мирѣ съ нами ее обольстить Молдавію, а въ войнѣ — сильнымъ пособіемъ.

Опредѣлившисъ, кто будутъ наши враги, Сперанскій предлагалъ свой планъ поведенія, который должно принять съ каждымъ изъ названныхъ государствъ.

«Какъ скоро,—писалъ онъ,—война по возстановленіи Польши содѣлается неизбѣжною, то всякое угощеніе видамъ Франціи къ отвращенію сей войны будетъ не дѣйствительно. Къ дерзости прибавитъ она большую еще предпріимчивость. Слѣдовательно, какъ скоро первыя представленія наши о неперемѣнности положенія герцогства Варшавскаго будутъ на самомъ дѣлѣ отвергнуты, должно показать Франціи, что мы готовы на войну и перемѣняемъ всю свою (политическую) систему.

«Ничего не щадить, чтобы привязать къ намъ Финляндію. Между тѣмъ однако же не терять надъ нею твердаго надзора.

«Въ Австріи намъ дѣлать нечего, кроме того, чтобы стараться предвидѣть движеніе войскъ ея. Она есть совершенное орудіе Франціи.

«На Польшу считать никакъ не нужно. Свойство войны, которая въ ней можетъ возникнуть, будеть имѣть всѣ опасности воспаленного патріотизма. Посему нынѣ же, т. е. въ мартѣ мѣсяца (1811 г.), должно начать къ ней (войнѣ) приготовленія. Существо плана (приготовленій) состоить въ простомъ разсужденіи, чего могутъ желать наши (западныя) провинціи въ новомъ вѣцѣ порядкѣ? — свободы и возстановленія. Россія можетъ имъ дать и то и другое, и никто не дастъ имъ и дешевле, и прочнѣе.

«Сколь ни лестно кажется обладаніе Молдавіей, но по истинѣ оно никакъ не вѣроятно. Какой интересъ можетъ имѣть Франція, въ настоящемъ ея союзѣ съ Австріею, усиливать насъ и ослаблять Порту? Между тѣмъ отъ одного ея слова, отъ малѣйшаго движенія войскъ австрійскихъ, зависить остановить всѣ мирные переговоры даже и при совершенномъ турецкихъ войскъ пораженіи, ибо что поразить мы можемъ? Корпусъ отъ 15—20 тысячъ человѣкъ. Слѣдовательно, продолжая войну, стараясь поражать, должно искать, домогаться всѣхъ случаевъ вступить въ переговоры; должно пріучать себя къ той мысли, чтобы оставить Молдавію, удержавъ земли по Прутѣ, и, если можно, взять порядочную контрибуцію».

Мнѣніе Сперанскаго сводилось къ тому, чтобы привлечь на свою сторону возможно большее число союзниковъ и дѣятельно готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ. Приготовленія эти были начаты еще въ 1810 году.

— Если Наполеонъ вторгнется въ Россію,—говорилъ графъ Н. М. Каменскій,—и мнѣ придется дѣйствовать противъ него, то я начну отражать его отъ Смоленска.

— Читайте и перечитывайте журналъ Петра Великаго,—совѣтовалъ императоръ Александръ Барклау-де-Толли. Великій преобразователь, заманивая Карла внутрь Россіи, предписывалъ своимъ полководцамъ томить непріятеля, упорно драться въ мелкихъ стычкахъ и, избѣгая генерального сраженія, портить дороги и не оставлять непріятелю надежнаго пріюта ¹⁾.

Совѣты эти не нужны были Барклаю. Еще въ 1807 году, когда, тяжело раненый подъ Прейсиш-Эйлау, лежалъ въ Мемель, онъ говорилъ знаменитому историку Нибуру:

— Если бы мнѣ пришлось воевать противъ Наполеона въ званіи главнокомандующаго, то я избѣгалъ бы генерального сраженія и отступалъ, увлекая за собою французскую армію, ослабляя ее на каждомъ шагу недостаткомъ въ жизненныхъ запасахъ и частными нападеніями, а между тѣмъ сохраняя собственные войска и усиливалъ ихъ подкрепленіями, пока Наполеонъ вмѣсто рѣшительной побѣды нашелъ бы вторую Полтаву.

Италіанецъ графъ Фаньяни въ своихъ письмахъ изъ Россіи, появившихся до отечественной войны, упоминаетъ, что многіе русскіе говорили ему объ отступлениіи внутрь страны, для ослабленія непріятеля и выигранія времени, пока глубокая осень и зима прекратятъ возможность продолжать военные дѣйствія ²⁾.

Гораздо позже и именно въ маѣ 1812 года, когда императоръ Александръ, послѣ смотра 1-го корпуса, уѣзжалъ изъ Шавли, офицеры генерального штаба спрашивали генерала Довре и полковника Дибича о характерѣ дѣйствій.

— Мы отступимъ,—отвѣчали они.

— Далеко ли?

— Какъ угодно будетъ Наполеону, хоть до Волги.

Въ сентябрѣ 1811 года флигель-адъютантъ полковникъ Чернышевъ писалъ графу Румянцову: «Необходимо продлить борьбу, по возможности. — Самый опытъ показалъ намъ, что таковъ единственный способъ, могущій дать намъ почти несомнѣнную надежду побѣдить Наполеона, который всегда приходилъ въ замѣшательство и запутывался, какъ только встремлялся сколько-нибудь продолжительное сопротивленіе; но доселѣ еще никогда не умѣли пользоваться затрудненіями, въ коихъ онъ находился, потому что не заботились своевременно собрать необхо-

¹⁾ Исторія жизни и царствованія Александра I, С. Глинки. Издан. 1828 г. стр. 75, 76 и 84.

²⁾ М. И. Богдановичъ, Т. III, стр. 173—179.

димая къ тому силы. — Должно вести медленную, не рѣшительную войну, удерживать непріятеля, пользуясь каждою преградою, имѣть всегда подъ рукою значительные резервы, для поддержанія дѣйствующей арміи въ случаѣ неудачи, либо для того, чтобы воспользоваться ошибками противника. — Такими средствами можно совершенно разстроить военную систему Наполеона, заставить его отказаться отъ его намѣреній и совершенно истощить его силы.

Къ этому надо прибавить, что иностранцы, въ томъ числѣ и бывшій маршалъ Бернадотъ, такъ жаждавшіе войны Россіи съ Франціею и опасавшіеся, что она можетъ не состояться, наперерывъ другъ передъ другомъ присылали свои проекты, число которыхъ достигало до двадцати. — По большей части авторы ихъ предлагали завлечь Наполеона въ Россію, длить оборону, избѣгать рѣшительныхъ сраженій, томить непріятеля малою войною и истреблять голодомъ огромныя массы войска, противъ настѣ направляемыя ¹⁾.

Такимъ образомъ въ основу будущихъ нашихъ военныхъ дѣйствій былъ положенъ оборонительно-огратительный планъ. — Съ этой цѣлью въ западное пограничное пространство были разосланы офицеры разнаго рода оружія для рекогносцировокъ и выбора позицій. — Къ концу августа 1810 года было осмотрѣно все пространство между Западною Двиною и Днѣстромъ до границъ Пруссіи, герцогства Варшавскаго, Галиціи и Молдавіи, намѣчены переправы, мѣста для укрѣпленныхъ лагерей и запасовъ продовольствія; все это нанесено на карту, съ обозначеніемъ выбранныхъ позицій ²⁾. — Вмѣстѣ съ тѣмъ

¹⁾ Въ 1841 году, — пишетъ Ю. К. Арнольди, — служилъ я помощникомъ столонаачальника въ архивѣ министерства иностраннѣхъ дѣлъ, и на моей обязанности лежало приводить въ порядокъ дипломатическую корреспонденцію съ 1801 по 1820 годъ. — Такимъ образомъ оказалась, между прочимъ, въ моихъ рукахъ и переписка императоровъ Павла Петровича и Александра Павловича съ иностраннными государствами и правителями государствъ. — Къ послѣднимъ принадлежала въ то время, въ 1810 году, королемъ и народомъ шведскими избранный наследный принцъ Карль Іоаннъ Понте-Корвоскій и Нефшательскій, бывшій маршалъ Бернадотъ. Россіи, предвидѣвшей въ 1811 г. неминуемое столкновеніе съ французскимъ императоромъ, необходимо было заручиться союзомъ съ Швеціею, или, по крайней мѣрѣ, ея нейтралитетомъ. — Указывая въ одномъ изъ своихъ писемъ къ императору Александру II Павловичу на обычную любимую манеру Наполеона быстро всею массою вторгаться во внутрь непріятельской страны, Бернадотъ подалъ практическій совѣтъ, чтобы русская армія, избѣгая по возможности генерального сраженія, вовлекала непріятеля въ самое сердце Россіи, а затѣмъ, нападая на него со всѣхъ сторонъ, постаралась уничтожить его по частямъ. — (Воспоминанія Юрия Арнольди „Русскій Архивъ“, 1891 г. № 7, стр. 327).

²⁾ Огношеніе Барклая-де-Толли кн. Волконскому 21-го августа 1810 г. № 291. Подробности распоряженій правительства по приготовленію къ воен-

укрѣпляли Ригу, строили новую крѣпость въ Бобруйскѣ, исправляли и строили крѣпости: въ Динабургѣ (Двинскѣ) и Киевѣ.

Одновременно съ этимъ, въ маѣ 1810 г. были приняты мѣры къ тому, чтобы на приходящихъ въ наши порты купеческихъ корабляхъ не могли вѣзжать въ Россію подозрительные люди и провозиться тайно письма изъ-за границы.—Съ этою цѣлью было высочайше повелѣно всѣ эстляндскія, лифляндскія, курляндскія и финляндскія таможни, заставы и таможенный досмотръ подчинить военному надзору, «не снимая однако же съ нихъ обыкновенной зависимости отъ Коммерцъ-колледжіи»¹⁾. Для поддержанія же наружнаго союза съ Наполеономъ, разрѣшено было французскому правительству покупать въ Россіи корабельный лѣсъ и отправлять его во Францію²⁾.

Сознавая всю важность имѣть точныя свѣдѣнія о состояніи иностраннѣхъ армій о дѣлаемыхъ тамъ приготовленіяхъ, о благосостояніи жителей и направленіи ихъ умовъ, въ особенности въ государствахъ, прилегавшихъ къ нашимъ границамъ, военный министръ Барклай-де-Толли обращалъ особенное вниманіе на польскія провинціи. — Бѣлостокскому коменданту полковнику Шицу поручено было слѣдить за тѣмъ, нѣтъ ли въ области лицъ, преданныхъ Наполеону, не вооружаются ли жители и не готовятъ ли скрытно оружія, мундировъ и военной амуниціи; не дѣлаютъ ли того же въ герцогствѣ Варшавскомъ; не угѣсяются ли крестьяне неблагонамѣренными помѣщиками и гражданскими начальствомъ, не ведется ли секретной переписки съ заграничными обывателями и проч.³⁾.

«Варшава,—писалъ Барклай-де-Толли графу Ливену⁴⁾,—составляющая главный узелъ многихъ военно-политическихъ сношеній, должна наиболѣе быть предметомъ нашихъ обозрѣній. — По неимѣнію тамъ нашего агента, нужно туда чаще отправлять эмиссаровъ, свѣдущихъ, проницательныхъ и опытныхъ.

«При вашемъ сіятельствѣ находится достойный чиновникъ подполковникъ Рени. — Весьма полезно бы было, подъ видомъ службы, командировать его будто къ главнокомандующему Молдавскою арміею, приказавъ емуѣхать на Варшаву и Каменецъ-Подольскъ. Въ настоящемъ

нымъ дѣйствіямъ, по распоряженію Главнаго штаба печатаются въ изданіи: „Отечественная война 1812 г. Подготовка къ войнѣ“ подъ редакціей А. З. Мышиевскаго. Въ настоящее время вышло два тома.

¹⁾ Отношеніе Барклай-де-Толли генерал-лейтенанту Штейнгелю 6-го мая 1810 г., № 116.

²⁾ Тоже графу Витгенштейну 28-го сентября 1810 г.

³⁾ Предписаніе полк. Шицу 28-го апрѣля 1810 г., № 107.

⁴⁾ Письмо Барклай графу Христофорову Андр. Ливену 26-го августа 1810 г., № 296.

политическомъ состояніи Россіи, мѣста сіи, по ближайшему къ ней со-
сѣдству, достойны особаго уваженія и замѣчанія.—При обратномъ воз-
вращеніи, г. Ренни можетъ взять другое направлениe пути, дабы болѣе
распространить обозрѣніе того пространства.—Я отправляю на-дняхъ
надежнаго чиновника черезъ Кёнигсбергъ и Торнъ въ Дрезденъ, чтобы
получить всѣ по сей дирекціи нужныя по предмету военной части свѣ-
дѣнія».

Точно такія же свѣдѣнія Барклай просилъ графа П. А. Шувалова
доставить ему обѣ Австріи и отправилъ въ Молдавскую армію полков-
ника барона Тейля, приказавъ ему ѿхать черезъ Венгрію и обратно
черезъ Галицію и Моравію ¹⁾.

Но всѣ получаемыя такимъ путемъ свѣдѣнія имѣли отрывочный и
случайный характеръ, а потому Барклай впервые учредилъ должности
военныхъ агентовъ при нашихъ посольствахъ. «Поводомъ къ этой мѣрѣ,—
говорить П. Х. Граббе ²⁾,—было слѣдующее: миссії наши при иностранн-
ыхъ дворахъ, несмотря на тогдашній рѣшительный перевѣсь меча
надъ первомъ, оставались на дипломатической ногѣ и не довольно обра-
щали вниманія на все, до военныхъ приготовленій въ Европѣ относя-
щееся. Да и тѣ свѣдѣнія, которыя доходили дипломатическимъ путемъ
до канцлера графа Румянцева, не всегда сообщались вполнѣ военному
министру. Барклай-де-Толли нашелъ, что по важности обстоятельствъ
необходимо было имѣть при значительныхъ миссіяхъ военныхъ офице-
ровъ, которые бы, если не исключительно, то въ особенности занима-
лись наблюденіями по части военной, во всѣхъ отношеніяхъ».

Такъ въ Мюнхенѣ былъ назначенъ артиллеріи поручикъ Граббе, въ
званіи канцелярскаго чиновника при миссіи, Брозинъ—въ Кассель,
полковникъ Ренне—въ Берлинъ, маюրъ Прендель—въ Дрезденъ, въ
званіи адъютанта посланника нашего генераль-лейтенанта Ханыкова,
а флигель-адъютантъ Чернышевъ, по извѣстнымъ императору Александру
«его способностямъ», оставленъ въ Парижѣ, для исполненія возлагаемыхъ
на него порученій и доставленія свѣдѣній ³⁾.

«Превосходное состояніе физическихъ и военныхъ силъ Француз-
ской имперіи,—писалъ ему Барклай-де-Толли ⁴⁾,—и непосредственное
вляніе ея на большую часть европейскихъ державъ заключаютъ въ
себѣ всѣ виды нашего вниманія. Я поставляю себѣ пріятною обязан-
ностью начертать вашему высокоблагородію цѣль и правила сего пору-
ченія. Благоразуміе ваше убѣждаетъ меня, что, во всѣхъ дѣйствіяхъ,

¹⁾ Отношеніе Барклай гр. Шувалову отъ 26-го августа 1810 г. № 297.

²⁾ Записки графа П. Х. Граббе. «Русский Арх.» 1873 г., т. I, стр. 844.

³⁾ Письма Барклай графу Н. П. Румянцову 3-го и 10-го сентября 1810 г.
№№ 304 и 925.

⁴⁾ Предписаніе Чернышеву, отъ 23-го сентября 1810 г. № 340.

по возлагаемой на васъ обязанности, вы сохраните надлежащую скромность и осторожность. Пользуясь всѣми удобствами нахождения вашего въ Парижѣ, вы должны прилагать неусыпное стараніе къ пріобрѣтенію точныхъ познаній статистическихъ и физическихъ о состояніи Французской имперіи, обращая наиболѣе на военное состояніе оной вниманіе. Вслѣдствіе чего потщитесь собирать достаточныя извѣстія о всѣхъ, относительно до военного соображенія отношеніяхъ Франціи къ зависимымъ отъ ея вліянія державамъ и, разсмотрѣвъ оныя основательнымъ образомъ, доставьте ко мнѣ описанія: о числѣ войскъ во Франціи, устройствѣ, образованіи и вооруженіи ихъ; расположеніи ихъ по квартирамъ, съ означеніемъ мѣстъ главныхъ запасовъ; о состояніи крѣпостей; о свойствахъ, способностяхъ и достоинствахъ лучшихъ генераловъ и о расположениіи духа войскъ».

Точно такія же инструкціи были даны и другимъ офицерамъ, посыпляемымъ за границу. Впослѣдствіи къ этимъ обязанностямъ прибавлены: доставленіе картъ и плановъ, а въ особенности секретныхъ проектовъ военныхъ операций, тайныхъ диспозицій о движеніи, дѣйствіи или расположеніи войска. «Употребляйте,—писалъ Барклай посыпаемымъ офицерамъ,—всевозможная старанія къ пріисканію и доставленію ко мнѣ сихъ рѣдкостей, какою бы ни было цѣною».

Собирая свѣдѣнія объ иностраннѣхъ арміяхъ и проявивъ въ этомъ отношеніи необыкновенную дѣятельность, Барклай не могъ не сознать всю трудность своего положенія и опасность, угрожавшую Россіи. Отклоненіе этой опасности онъ видѣлъ въ скорѣйшемъ заключеніи мира съ Турциею.

«Мы здѣсь, въ столицѣ,—писалъ онъ графу Н. М. Каменскому¹),—съ нетерпѣніемъ ожидаемъ отъ васъ извѣстій о началѣ военныхъ дѣйствій. По настоящимъ политическимъ обстоятельствамъ, единственно отъ скончаго мира съ турками зависить благополучіе Россіи. Обширность открытыхъ западныхъ границъ нашихъ, союзъ родства императора французовъ съ австрійскимъ домомъ и развлеченностъ военныхъ нашихъ силъ,—все угрожаетъ опасностью отечеству нашему. Я поставляю сіе на видъ передъ вашимъ сіятельствомъ по обязанности моей и искреннему желанію быть съ вами всегда откровенну. Вы теперь въ такомъ положеніи, что государь императоръ и всѣ соотечественники ваши отъ рѣшительныхъ токмо вашихъ дѣйствій и быстрыхъ успѣховъ ожидаютъ цѣлости и благосостоянія знаменитой Россійской имперіи».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Барклай просилъ и содѣйствія министра иностраннѣхъ дѣлъ графа Н. П. Румянцева къ скорѣйшему заключенію мира съ Турциею.

¹) Отъ 14-го марта 1810 г. № 71. Графъ Н. М. Каменскій въ то время командовалъ войсками, дѣйствовавшими въ Турціи.

«Сколь ни скрыты обстоятельства,—пишь онъ ему ¹⁾,—отъ коихъ можетъ возникнуть пламя сей браны, и сколь ни пагубны ея послѣдствія, однако же мы всѣ еще въ несомнѣнной пребываемъ надеждѣ, что тотъ, который по днѣсъ столь искусно управляетъ политическими сношеніями государствъ ²⁾, предвидя неизбѣжную для Россіи опасность, конечно, предприметъ всѣ мѣры къ отвращенію оной; а если того уже нельзя, то неукоснительно всевозможное употребить стараніе, дабы приготовить надежные средства къ противоборствованію оной. Послѣдній сей долгъ есть священнѣйшая обязанность, возложенная на особу вашего сіятельства, а также и на меня, коего правленію вѣрены военные силы. Умѣя всегда достойно цѣнить заслуги и высокія качества вашего сіятельства по взаимнымъ сношеніямъ нашихъ обязанностей, я смыю вамъ, какъ вѣрный сынъ отечества, открыть сопряженное съ чистѣйшими чувствами разсужденіе мое относительно до разматриваемаго нами предмета».

Вопреки мнѣнію М. Сперанскаго, Барклай-де-Толли находилъ, что войны 1805—1807 гг. были ведены при обстоятельствахъ, совершенно противныхъ настоящему положенію. Тогда русская арміяувѣнчивалась лаврами победы съ союзѣю Австріею, Англіею, Пруссіею и Швеціею. Цѣѣтущее состояніе финансъ представляло обильные источники для продолженія войны; тогда обширныя сосѣднія провинціи отдѣляли насть отъ непріязненной державы. «Нынѣ держава сія, деспотически владычествуя надъ важною (болѣею) частью Европы, прилегаетъ къ предѣламъ тѣхъ провинцій, на вѣрность коихъ мы полагаться не можемъ ³⁾... Къ симъ обстоятельствамъ прибавить еще должно недостаточную защиту обширныхъ предѣловъ нашихъ, скудость въ запасахъ, нужнейшихъ къ продовольствію, недостатокъ въ крѣпостныхъ орудіяхъ, снарядахъ, порохѣ и проч. и, наконецъ, истощенные источники денегъ въ казнѣ.

«Сообразивъ все сіе,—прибавлялъ Барклай-де-Толли,—ваше сіятельство, безъ сомнѣнія, согласитесь со мною, что беспокойствія мои не безъ основанія, и надѣюсь, что извините во мнѣ неодолимое желаніе видѣть въ наискорѣйшемъ времени прекращеніе настоящей съ Портою Оттоманской войны. Беззамедлительное заключеніе съ нею мира легко можетъ исторгнуть насть изъ настоящаго положенія».

Увѣренный въ томъ, что уменьшеніе нашихъ требованій можетъ склонить турокъ къ миру, Барклай просилъ графа Румянцева подумать объ этомъ, но получилъ отвѣтъ, что императоръ не соглашается на уступки.

¹⁾ Въ письмѣ отъ 18-го августа 1810 г. № 288.

²⁾ Т. е. графъ Румянцевъ.

³⁾ Т. е. къ провинціямъ, присоединеннымъ къ Россіи послѣ раздѣла Польши.

«На сіе позвольте вамъ представить,—отвѣчалъ Барклай-де-Толли,—что государь императоръ, коего милосердіе къ вѣрноподданнымъ неограниченно, поставляя свыше всего благосостояніе своего народа и уважая съ толикою мудростю и снисхожденіемъ всѣ средства къ достиженію онаго,—не откажетъ изъявить высочайшее свое соизволеніе, коль скоро его величеству сдѣлано будетъ въ томъ надлежащимъ образомъ представленіе. Въ надеждѣ чего, и осмѣливаюсь утруждать ваше сіятельство покорнѣйшею моюю просьбою о принятіи на себя сего труда.

«Я думаю съ справедливостью утверждать, что участъ Россіи зависить отъ мѣръ, каковыя въ настоящемъ положеніи будутъ приняты къ скорѣйшему прекращенію войны съ турками, ибо когда миръ въ теченіе сего года не будетъ возстановленъ, то на будущій годъ къ совершенію онаго болѣе еще встрѣтится затрудненія.

«Переговоры, которые, какъ понимаю я, предполагаете ваше сіятельство вести въ зимнее время, кажется, весьма слабую представляютъ надежду, потому что до будущей весны многія обстоятельства перемѣняются, и вмѣсто желаемаго мира легко случиться можетъ, что мы приуждены будемъ заняться обороною беззащитныхъ западныхъ границъ нашихъ. Неминуемый сей жребій предусмотрѣть можно изъ настоящаго положенія раздробленныхъ и разсѣянныхъ военныхъ нашихъ силъ. Однако жь повторить я долженъ, что если миръ сей годъ утвержденъ будетъ, то довольно еще останется намъ времени сосредоточить наши силы и сугубымъ мужествомъ и благоразумными мѣрами отразить участъ, Россію угрожающую..... Я не осмѣливался бы ваше сіятельство симъ беспокоить, если бы не предвидѣлъ неизбѣжную войну, слѣдствіе коей тѣмъ можетъ быть для насъ пагубнѣе, что настоящее положеніе нашихъ финансъ не въ силахъ содѣйствовать пожертвованіямъ достаточной суммы, дабы быстрыми и рѣшительными мѣрами привести въ устройство стѣсненные недостатками военные силы и тѣмъ утвердить безопасность нашей Имперіи».

Опасенія Барклая въ этомъ послѣднемъ отношеніи были тѣмъ спѣнѣ, что онъ сознавалъ недостаточность боевыхъ силъ, которыми могъ располагать, и ихъ неподготовленность. «Вмѣсто сильныхъ и мужественныхъ войскъ,—говорилъ онъ¹—,—полки наши составлены теперь болѣшюю частю изъ солдатъ неопытныхъ и къ тягостямъ войны не прѣбывающихъ».

На подготовку ихъ и было обращено особое вниманіе.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Письмо Барклая-де-Толли графу Н. П. Румянцову 18-го августа 1810 г. № 288.

«Полярная Звѣзда» и «Невскій Альманахъ».

(1826—1827 гг.).

Въ январѣ 1827 года генераль-адъютантъ А. Х. Бенкендорфъ препроводилъ къ начальнику Главнаго штаба графу И. И. Дибичу безымянную записку, въ которой было сказано, что въ «Невскомъ Альманахѣ» на 1827 годъ, изданномъ коллежскимъ секретаремъ Егоромъ Аладынымъ, помѣщены изъ «Звѣздочки», которую К. Рылѣевъ и А. Бестужевъ хотѣли издать какъ приложеніе къ «Полярной Звѣздѣ» на 1826 годъ, слѣдующія статьи:

- 1) «Замокъ Эйзенъ», безъ подписи автора, а въ «Звѣздочку» статья эта была набрана подъ заглавіемъ «Кровь за кровь», сочиненіе А. Бестужева.
- 2) «Гайдамакъ», сочиненіе Порfirія Байскаго, а въ «Звѣздочкѣ» подписано сочиненіе Сомова.

3) «Пѣсня», стихотвореніе Туманскаго.

4) «Къ зарѣ», стихотвореніе Хомякова.

«Кромѣ оныхъ помѣщены нижеслѣдующія сочиненія О. Глинки, коихъ въ «Звѣздочкѣ» не оказалось: 1) «Дорогіе перлы». 2) «Пригожей рыболовкѣ». 3) «Завѣянные слѣды». 4) «Къ Алинѣ». 5) «Сказки».

При этомъ была приложена слѣдующая біографическая справка:

«Нѣкто Аладынъ, служащій по особымъ порученіямъ при здѣшнемъ вице-губернаторѣ, вовсе не литераторъ, а спекуляторъ, издаетъ третій годъ «Невскій Альманахъ».

«Александръ Бестужевъ и К. Рылѣевъ приготовили къ новому 1828 г. прибавленіе къ «Полярной Звѣздѣ», подъ названіемъ «Звѣздочка». Нѣсколько листовъ уже было отпечатано въ типографіи Главнаго штаба и на прочія статьи находились также пропущенные цензурою рукописи. Послѣ 14-го декабря, отпечатанные листы и оригиналыдержаны

въ штабѣ и не выданы родственникамъ. Между тѣмъ, книгопродавцы хотѣли купить у вдовы Рылѣва и у матушки Бестужевыхъ рукописи за 2.500 р. съ правомъ напечатать безъ именъ.

«Достовѣрно известно, что рукописи сіи не выходили въ свѣтъ; но вдругъ піесы сіи появляются напечатанными въ «Невскомъ Альманахѣ» на 1827 годъ.

«Извѣстно, что Аладинъ выпрашивалъ позволеніе у нѣкоторыхъ лицъ къ напечатанію ихъ шесть, отданныхъ въ «Звѣздочку», объясняя, что онъ уже имѣть ихъ въ рукахъ, равно какъ и другія—Бестужева и Рылѣва, доставъ оныя изъ типографіи Главнаго штаба.

«Обстоятельство сіе, кажется, заслуживаетъ особеннаго вниманія».

Чтобы узнать, отъ кого именно Аладинъ получилъ помѣщенные имъ статьи, графъ И. И. Дибичъ приказалъ потребовать отъ него объясненіе, въ которомъ онъ показалъ:

1) Что статья «Замокъ Эйзенъ» куплена имъ у матери Бестужева за 400 рублей.

2) «Гайдамакъ»—получена имъ отъ г. Сомова, какъ автора.

3) «Пѣсня», стихотвореніе Туманскаго и «Къ зарѣ»—сочиненіе Хомякова получены отъ авторовъ въ Москвѣ.

4) Стихотворенія Ф. Глинки: «Дорогіе перлы», «Пригожей рыболовѣ», «Завѣянные слѣды», «Къ Алинѣ» и «Сказки»—получены еще въ началѣ 1826 года отъ самого автора, приславшаго ихъ изъ Петроводска, куда онъ былъ высланъ на службу.

Сверхъ того, Аладинъ объявилъ, что и въ другихъ журналахъ напечатаны нѣкоторыя статьи изъ «Звѣздочки», приготовленной на 1826 г.

Такъ, говорилъ Аладинъ, въ «Новостяхъ литературы», издаваемыхъ Воейковымъ, напечатано: «Княгинѣ Волконской», сочиненіе Козлова; «Зависть Генія», сочиненіе Языкова¹⁾). Въ журнале, издаваемомъ Измайловымъ, напечатано: «Описаніе шахова кладбища»; въ Альманахѣ «Сѣверные цветы», издаваемомъ Дельвигомъ—«Графинѣ * * *²⁾», сочиненія князя Вяземскаго и «Дѣвѣ картины», отрывокъ неизвѣстнаго. Въ газетѣ «Сѣверная Пчела», издаваемой Ф. Булгариномъ, напечатано: «Отрывокъ изъ персидской повѣсти», соч. Ободовскаго и въ журнале «Сынъ Отечества», издаваемомъ Н. Гречемъ,—«Вечеръ на Мечукѣ», соч. Григорьева.

Ко всему этому Аладинъ присовокупилъ, что напечатанныя имъ въ «Невскомъ Альманахѣ» статьи набраны имъ по корректурнымъ листамъ печатавшейся въ военной типографіи Главнаго штаба «Звѣз-

¹⁾ Въ „Новостяхъ литературы“ напечатано подъ заглавиемъ „Геній“.

²⁾ Въ Альманахѣ напечатано подъ заглавиемъ „Княжнѣ * * *“.

дочки», нынѣ остановленной и задержанной; что листы эти хранились у извѣстного по занятіямъ литературую г. Сомова.

Для удостовѣренія, справедливо ли показаніе Аладына, были спрошены черезъ полицію¹⁾ г. Орестъ Сомовъ и мать Бестужева. Послѣдня подтвердила, что она дѣйствительно получила за статью сына четыреста рублей²⁾, а служившій при главномъ управлѣніи Россійской американской компаніи столоначальникомъ Орестъ Сомовъ далъ слѣдующее объясненіе³⁾:

«По словесному запросу вашего высокоблагородія, точно ли я сообщалъ корректурные листы двухъ статей, помѣщенныхъ въ «Невскомъ Альманахѣ»: «Замокъ Эйзенъ», соч. А. Бестужева и «Гайдамакъ», повѣсть моего сочиненія, издателю «Невскаго Альманаха» г. Аладыну, имѣю честь симъ вамъ почтительнѣше объяснить, что, занимаясь уже нѣсколько лѣтъ печатаніемъ разныхъ книгъ, я, по просьбѣ издателей, просматривалъ также корректуру изданныхъ за прошлые годы альманаховъ: «Полярная Звѣзда» и печатавшагося въ 1825 году также альманаха «Звѣздочка»; ибо многіе издатели книгъ и журналовъ, имѣя довѣріе къ грамматическимъ моимъ свѣдѣніямъ, часто меня просили обѣ оказаніи имъ таковой услуги. И какъ послѣдняя только корректура нужна типографіи для поправокъ, то, дабы не смѣшивать подписаныхъ листовъ, предпослѣдняя обыкновенно почти всегда удерживается тѣмъ, кто ону просматриваетъ, яко вовсе ненужная, и употребляется потомъ въ видѣ оберточной бумаги. Таковыхъ ненужныхъ корректурныхъ листовъ отъ печатавшагося альманаха «Звѣздочки» оставалось у меня нѣсколько, впрочемъ не полныхъ, ибо третьяго полулиста повѣсти: «Замокъ Эйзенъ» (въ подлинникѣ «Кровь за кровь») у меня вовсе не было; да и сохранившіяся валялись съ прочими ненужными бумагами. Впослѣдствіи, разбирая мои бумаги, я отыскалъ сіи листки, и какъ въ оныхъ заключалась написанная мною и одобренная цензурою повѣсть «Гайдамакъ», то я и сберегъ оные.

«Весною же минувшаго 1826 года, издатель «Невскаго Альманаха» г. Аладынъ, который не знаю для чего самъ искалъ моего знакомства, пришелъ ко мнѣ и узнавъ изъ разговоровъ, что мною была написана помянутая повѣсть, просилъ у меня оной для просмотрѣнія; и какъ у меня не было ея переписанной набѣло, то я и рѣшился дать ему ону въ корректурныхъ листахъ, ии мало не подозрѣвая, чтобы онъ могъ

¹⁾ Отношеніе дежурнаго генерала Потапова — петербургскому оберъ-полиціймайстеру 18-го февраля 1827 г. № 261.

²⁾ Объясненіе статской совѣтницы Прасковыи Бестужевой 20-го февраля 1827 г.

³⁾ С.-Петербургскому полиціймайстеру полковнику К. Ф. Дершау 21-го февраля 1827 г.

сдѣлать какое-либо изъ оныхъ употребленіе безъ воли тѣхъ, кому принадлежать піесы въ собственность; ибо на сей счетъ между литераторами должна существовать литературная совѣсть, запрещающая имъ самовольно присвоивать себѣ чужое. Отдавая не дольше какъ на сутки—время, въ которое можно было только прочесть оныя статьи—я тѣмъ болѣе былъ спокоенъ, что оныя печатались съ одобреніемъ цензуры и, слѣдовательно, не могли считаться въ числѣ запрещенныхъ. Сверхъ того, какъ выше сказано, они были неполны. Г. Аладынъ и дѣйствительно на другой же день по утру возвратилъ мнѣ оные, и съ тѣхъ поръ случай сей вовсе вышелъ у меня изъ памяти, какъ маловажный и изъ котораго я не предвидѣлъ и не ожидалъ никакихъ послѣдствій. Наконецъ, 3-го декабря, г. Аладынъ, послѣ нѣсколькихъ настоятельныхъ просьбъ дать въ альманахахъ піесу моего сочиненія (чего, по болѣзни и не имѣя времени, не могъ я сдѣлать), писалъ ко мнѣ, прося позволенія помѣстить повѣсть «Гайдамакъ» въ «Невскомъ Альманахѣ». Считая себя въ правѣ располагать своею собственностью, я далъ ему на то позволеніе и ожидалъ, что онъ будетъ просить у меня самой піесы для переписанія съ черновой моей тетради; но крайне былъ удивленъ, когда въ вышедшемъ въ началѣ сего года «Невскомъ Альманахѣ» нашелъ не только мою повѣсть, но и повѣсть А. Бестужева, подъ другимъ заглавиемъ. Я тогда же заготовилъ было письмо къ г. Аладыну, но какъ дѣло сіе показалось мнѣ весьма щекотливымъ, ибо въ письмѣ я по необходимости долженъ былъ говорить объ его поступкѣ не въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ; то и отложилъ объясненія съ нимъ по сему дѣлу до личнаго свиданія. Между тѣмъ, г. Булгаринъ, встрѣтивъ г. Аладина, вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ «Невскаго Альманаха» въ книжной лавкѣ Н. Слѣнина, на извиненія г. Аладина въ похищеніи чужой собственности, при многихъ свидѣтеляхъ сказаль ему, что весьма неприлично и неблагопристойно печатать статьи безъ названія тѣхъ, комъ имѣютъ на оныя право собственности, и что симъ не только нарушается цензурный уставъ, но и законы чести. Г. Булгаринъ сказалъ при семъ, что поелику имѣнія государственныхъ преступниковъ не конфискованы, а отданы родственникамъ по праву наслѣдства, то и литературная собственность, какъ-то книги и одобренныя цензурою статьи принадлежать также родственникамъ. Семейство же Бестужевыхъ весьма недостаточно, а за статьи «Звѣздочки», въ случаѣ, если правительство благоволить разрѣшить печатаніе оныхъ, давали помянутому семейству 1.000 руб., а за одну статью прозаическую 400 р. Тогда г. Аладынъ сказалъ, что поелику статья уже напечатана, то онъ просить г. Булгарина доставить расписку и деньги семейству Бестужевыхъ 400 руб., говоря, что онъ самъ не знакомъ съ онымъ, и сты-

дится показаться въ первый разъ въ домѣ послѣ подобнаго поступка. Булгаринъ согласился и отдалъ деньги 400 руб. г.-жѣ Бестужевой.

«Вотъ все, что мнѣ известно о семъ дѣлѣ и о чёмъ имѣю честь по всей справедливости донести вашему высокоблагородію».

Изъ всего изложеннаго было видно, что доносъ на военную типографію оказался несправедливымъ, и дежурный генералъ главнаго штаба генераль-адъютантъ Потаповъ писать А. Х. Бенкендорфу:

«По полученной отъ вашего превосходительства запискѣ о нѣкоторыхъ статьяхъ «Невскаго Альманаха», я приказалъ сдѣлать подъ рукою изслѣдованіе. Личное объясненіе издателя того «Альманаха», г. Аладына, изложенное во включеній у сего запискѣ, удостовѣряетъ, что статьи «Полярной Звѣзды», на 1826 годъ приготовленныя, которыя помѣщены въ его «Альманахѣ», имъ получены отъ самихъ сочинителей, и одна куплена у матери Бестужева, а вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ всю неосновательность доноса и ложную клевету на военную типографію Главнаго штаба его императорскаго величества.

«Обстоятельство, упомянутое въ объясненіи Аладына, что изъ статей «Полярной Звѣзды», приготовленныхъ на 1826 годъ, нѣкоторая напечатаны и въ другихъ журналахъ и альманахахъ, издаваемыхъ г. Воецковымъ и другими литераторами, заслуживаетъ особенное вниманіе, ибо оно даетъ поводъ къ заключенію, что доносчикъ, говоря объ одномъ «Невскомъ Альманахѣ», дѣствовалъ изъ личной вражды къ Аладыну или къ чиновникамъ военной типографіи. Вообще я полагаю, что человѣкъ, который по неосновательности или по пристрастію могъ бы ввести начальство въ несправедливое заключеніе на счетъ подчиненныхъ, долго и хорошо служившихъ, недостоинъ, чтобы показаніямъ его впредь дана была вѣра».

Сообщ. Н. Д.

Собственноручное благодарственное письмо М. Сперанского императору Николаю.

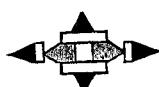
19-го июня 1827 г.

Повергаю къ стопамъ вашего императорскаго величества чувства благодарности за всѣ милости, коими благоугодно вамъ было ободрить посильные труды мои и лично и въ высочайшемъ реескриптѣ, здѣсь мною полученному.

Тщетны бы были всѣ усиля мои и моихъ сотрудниковъ ¹⁾), если бы не были они одушевляемы непосредственнымъ и безпрерывнымъ вниманиемъ вашего величества.

Послѣ столѣтніхъ колебаній и безуспѣшныхъ опытовъ, ваше императорское величество положили твердую основу сему дѣлу. Совершеніе его должно быть первымъ долгомъ совѣсти для всѣхъ тѣхъ, коихъ благоугодно вамъ было къ тому предназначить.

Съ сими расположениями, при помощи Божіей, можно быть увѣренными, что время ожиданій сократится и попеченія вашего величества скоро достигнутъ своей цѣли, получать единую награду, неусыпныхъ трудовъ вашихъ достойную, правильного и твердаго законодательства.

¹⁾ По составленію Полнаго Собрания законовъ.

Воспоминанія протоієрея І. І. Базарова.

XII ¹⁾.

Письмо В. П. Титова съ текущими новостями въ Россіи.—Шокушеніе на жизнь императора Александра II въ Парижѣ.—Прибытие императрицы въ Стутгартъ.—Устройство православной церкви въ По.—О. М. И. Горчаковъ и его книга „Монастырскій приказъ“.—Императорское семейство въ Классен-генѣ.—Пріѣздъ туда баварского короля Людвига.—Швальбахъ и его окрестности.—Прусская королева Августы.—Югенгеймъ.—И. С. Тургеневъ въ Стутгартѣ.—Положеніе нашего духовенства въ Россіи.—Двадцатипятилѣтній юбилей И. И. Базарова.—Письмо В. П. Титова.

отя чаша труда и службы на пользу церкви въ званіи ректора Академіи прошла мимо меня, тѣмъ не менѣе, я не переставалъ еще надѣяться, что рано или поздно мнѣ удастся такимъ или другимъ образомъ послужить церкви и отечеству на родной почвѣ, и люди, близко знавшіе меня и дружески расположенные ко мнѣ, могли думать, что несостоявшееся назначеніе могло и должно было причинить мнѣ болѣе или менѣе основательное огорченіе. Въ такомъ смыслѣ первымъ отозвался мой старинный пріятель и другъ Владимиръ Павловичъ Титовъ, котораго письмо я тѣмъ охотнѣе прилагаю здѣсь въ подлинникѣ, что оно кромѣ личного характера содержить въ себѣ много подробностей общественного интереса. Вотъ это письмо:

С.-Петербургъ. 1-го (13-го) марта 1867 года.

«Давно собираюсь писать вамъ, почтеннѣйший и дорогой батюшка. Безпорядокъ въ дипломатической канцеляріи отчасти виновать въ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1901 г.

моемъ безмолвії. Грамотка, вами ко мнѣ пущенная 16-го (28-го) декабря, во время отлучки моей изъ Петербурга, попала ко мнѣ въ руки лишь 10-го февраля, да и то вовсе случайно, бывъ замѣчена среди кипы конвертовъ дежурившимъ въ канцеляріи моимъ племянникомъ. Это не худо имѣть въ виду и вообще вѣрнѣе переписываться по почтѣ, исключая тѣхъ особыхъ случаевъ, когда грамота или пакетъ могутъ быть поручены личному вниманію и аккуратности курьера. Такую оказію скоро представить вамъ вѣроятно возвращеніе въ Россію графа Менгдена. Воротясь изъ Россіи, я не нашелъ ожидаемаго отъ васъ отголоска ни касательно г-жи Пелопидасъ, ни о впечатлѣніи, произведенномъ на васъ назначеніемъ о. Янышева. Затѣмъ, получивъ отповѣдь ея изъ Тюбингена и ваше послѣдующее посланіе, я до 10-го февраля могъ думать, что въ незримомъ для меня уголкѣ вашего сердца залегло какое ни есть уныніе, оставляемое вами про себя. Тѣмъ болѣе порадовали меня за поздалыя ваши строки отъ 16-го (28-го) декабря, ибо я изъ нихъ удостовѣрился, что унынія вовсе не бывало и что добрѣйший мой духовный отче по-прежнему остался себѣ вѣренъ, *semper idem*—черта всегда успокоительная для моей души въ людяхъ, мною любимыхъ—и что вы на сей разъ откровенно и въ полномъ согласіи съ собою доволыны продолжать вали не только духовную, но задушевную дѣятельность въ Стутгартѣ. Кромѣ того удовлетворительного чувства, что мое внутреннее чутье оказалось безошибочнымъ, пріятно мнѣ было и за васъ и за нашу добрую, вѣрную себѣ королеву, для которой не могло быть равнодушнымъ отпустить васъ именно въ тѣ годы, когда ваше отсутствіе столь полезно для воспитанія и развитія Вѣры Константиновны. Значить, придворные знахари, т. е. тѣ люди, въ коихъ ясный человѣческій смыслъ изнемогъ подъ гнетомъ темной стороны придворнаго быта—ибо во всякомъ быту есть свой свѣтъ или благовидность и свои потемки, сирѣчь безобразіе—эти знахари могли спокойно оставаться при своихъ премудрыхъ догадкахъ и намекахъ. Мнѣ же утѣшительно было слышать отъ самой императрицы подтвержденіе того, что послѣ вашей условной отповѣди быстрый и рѣшительный поворотъ къ назначенію Ioanna Леонтьевича произошелъ именно изъ внимательности къ чувствамъ королевы, дабы не держать въ недоумѣніи вопросъ, ей очевидно лежацій къ сердцу.

«Обращаясь къ совсѣмъ иному предмету, именно къ заботамъ и стѣсненнымъ обстоятельствамъ Авдотьи Васильевны Пелопидасъ, прошу васъ, любезнѣйшій батюшка, потрудиться прочесть и переслать ей въ Тюбингенъ прилагаемое письмо. Въ виду тяжкихъ ея недоумѣній, нельзя издалеча ничего совѣтовать, и вы, находясь ближе, можете лучше нашего руководить ее къ выбору разумной стези. Къ сожалѣнію, не предвижу для нея ничего по части женскихъ учебныхъ заведеній.

Вообразите,увѣряютьъ, будто въ одномъ Питерѣ нѣсколько сотъ замужнихъ и незамужнихъ дамъ, по разстроеннымъ обстоятельствамъ, чаютъ опредѣленія на разныя степени должностей по этому вѣдомству. Къ тому же, вводятъ по оному теперь новые штаты, въ силу которыхъ содержаніе отчасти увеличивается, но за то число должностей вообще сокращается. Межъ верхняго слоя чающихъ, конечно, происходитъ уже волненіе по случаю отѣзда директрисы Шостакъ во Флоренцію, въ сопутствіи юной дѣвицы графини Перовской, тогда какъ бѣдная А. А. В—ва по-прежнему остается доживать зимовку у Синяго моста. Графиню Толстую будеть горько оплакивать княжна Е. М., всегда находившая въ покойной преданное расположение и поддержку. Узнавъ про эту неожиданную кончину, я вздохнулъ, невольно вспомнивъ сообщенное когда-то королевъ дополненіе притчи о десяти дѣвахъ съ вопросомъ: почему остался забытымъ третій разрядъ дѣвъ съ излишнимъ преизбыткомъ масла? Новый примѣръ, какъ трудно, или, вѣрнѣе, невозможно угодить на всѣхъ и всегда. Изъ чего слѣдуетъ, что вѣрнѣйшимъ и спокойнѣйшимъ для житейской практики девизомъ остается мое любимое: *semper idem*. Въ мужскомъ кругу гражданскихъ хлопотъ, продолжаютъ толковать о шести московскихъ профессорахъ, которые вдругъ подали въ отставку изъ университета, по примѣру Чичерина и Дмитриева, вслѣдствіе личности и неурядицы тамошняго совѣта, при выборѣ Лешкова на новыя 5 лѣтъ, послѣ 25 проведенныхъ имъ на каѳедрѣ. Графъ Д. Толстой не хочетъ уступить упорству меньшинства. Но онъ и публика съ грустію теряютъ въ меньшинствѣ лучшихъ и извѣстнѣйшихъ преподавателей, при грустномъ и безъ того безрыбѣ таковыхъ и въ Москвѣ и повсюду. Мелкія страсти усложнили вопросъ. Но испортили онъ главное слабость попечителя и не къ стати хитрая уклончивость бывшаго министра. Опасаясь новой ссоры съ прежними врагами, Катковымъ и Леонтьевымъ, онъ испугался правильно отвѣтить и чрезъ то обратить вопросъ на прямую дорогу.—Такими же уловками Валуевъ предостерегаетъ двѣ бѣдовыя газеты: «Москву» и «Народный голосъ». Разница между ними та, что Аксаковъ,—человѣкъ неугомонный и крайне пристрастный, но честный. А издатель «Народного голоса», съ помощникомъ его, бывалымъ арктическимъ префектомъ іезуитовъ и папы (Джунковскій), просто неугомонны, и никто не понимаетъ, чѣмъ снискали себѣ какую-то закулисную подпору. Книгу Чичерина о народномъ представительствѣ вы, конечно, уже имѣете. Судя по ней, земскіе соборы всегда играли довольно жалкую роль въ русской исторіи. По новымъ судебнѣмъ учрежденіямъ произвела въ Москвѣ великий эфектъ оправданная въ убийствѣ мужа крестьянка; присяжныхъ убѣдила въ пользу ея защита юнаго адвоката князя Урусова, племянника покойной княгини Горчаковой. Не говорю вамъ ни о Критѣ, ни о

Сербіи, хоть многіе продолжаютъ вѣрить, что туда собираются въ отставномъ видѣ ташкентскій Черняевъ, Раевскій и другіе нетерпѣливы воины. Опоздалъ и спѣшу послать пакетъ мой къ графу Толлю. Не оставляйте меня, батюшка, добрыми вашими письмами. В. Т.»

Другіе, напротивъ, какъ, напримѣръ, мой строгій дядюшка, протоіерей Иванъ Васильевич Рождественскій, прямо осуждали меня за то, что я не принялъ безусловно предложенаго мѣста, и не щадилъ даже королевы Ольги Николаевны, которая при каждомъ случаѣ такъ или иначе удерживала меня при себѣ. Самъ же я въ своемъ христіанскомъ квѣтизмѣ спокойно предавалъ себя въ волю Божію, готовый по зову свыше идти, куда укажутъ, или оставаться на мѣстѣ, гдѣ уже указано жить и дѣйствовать по силѣ и способностямъ. Такъ, и въ эту зиму 1867 года, я спокойно продолжалъ заниматься своимъ дѣломъ въ Стутгартѣ, какъ вдругъ со мной случилось небывалое происшествіе—меня чуть не раздавило на улицѣ перехавшимъ черезъ меня экипажемъ. Это происшествіе было для меня и громомъ Божіимъ, пронесшимся надъ мою головою, и вмѣстѣ чудеснымъ перстомъ Божіимъ, спасшимъ мнѣ жизнь на дальнѣйшую дѣятельность на землѣ. Это событіе такъ еще живо въ моемъ воспоминаніи, несмотря на разстояніе 20 лѣтъ, что я въ состояніи записать его здѣсь во всѣхъ подробностяхъ. Это было въ марта, вечеромъ часу въ 11-омъ. Я возвращался домой отъ Свербѣевыхъ, у которыхъ пилъ чай, и проходилъ по улицѣ, упирающейся въ поперечную, не имѣвшую другаго исхода, какъ направо или налево. Слыши за собою стукъ экипажа, я спѣшилъ перейти эту улицу поперекъ къ противоположнымъ домамъ,увѣренный, что экипажъ повернетъ направо или налево, какъ какъ прямо въ моемъ направленіи ему пришлось бы упереться въ дома. Но потому ли, что кучеръ былъ пьянъ и заснулъ, или это былъ иногородній экипажъ, незнакомый съ улицами Стутгарта, только въ ту минуту, какъ я ступилъ уже на троттуаръ, экипажъ на всемъ скаку чуть не врѣзался въ окна нижняго этажа и быстро повернувшись въ сторону уже на троттуарѣ, гдѣ я находился. Я помню это мгновеніе, когда лошадь свалила меня съ ногъ, и моя первая мысль была подобрать подъ себя руки и ноги и подставить спину подъ экипажъ. Затѣмъ я слышу, какъ четыре колеса пронесли мимо меня съ двухъ сторонъ; я всталъ на ноги, экипажъ исчезъ, а ко мнѣ подѣжали люди, стоявшіе тутъ же у воротъ дома, въ который чуть не вѣхъаль бѣшеный экипажъ; одинъ изъ нихъ подаетъ мнѣ шляпу, другой зонтикъ, и оба спрашиваютъ, не зашибленъ ли я, не поврежденъ ли? Но я, какъ во снѣ, отвѣщаю чуть не съ изумленіемъ, что со мной ничего не случилось такого, и взявъ отъ нихъ шляпу и зонтикъ, пошелъ преспокойно домой. Когда я раздѣлся, оказалось, что на шляпѣ, прямо на лбу, отпечатлѣлся слѣдъ копыта лошади и другой такой же на спинѣ

пальто. Но я не почувствовал ни этихъ ударовъ, ни даже слѣда боли отъ нихъ на тѣлѣ. Все это какъ будто и прошло незамѣтно для меня самого, но когда на другое утро я сидѣлъ спокойно въ своемъ кабинетѣ и читалъ какую-то книгу, входить ко мнѣ мой домашній докторъ, посѣщавшій меня и безъ того ежедневно, а въ этотъ разъ предупрежденный о случившемся, и спрашивавшій меня озабоченно о моемъ здоровье, я вдругъ вмѣсто отвѣта такъ сильно разрыдался, что не могъ остановиться нѣсколько минутъ. Тутъ только я понялъ, что случай этотъ, въ которомъ Богъ сохранилъ мнѣ жизнь, оставилъ меня невредимымъ, произвелъ однако такое потрясеніе нервовъ, отъ котораго я затѣмъ слегъ въ постель и долго не могъ поправиться. И на этотъ случай я получилъ сочувственный отзывъ отъ моего друга В. П. Титова въ слѣдующемъ письмѣ:

С.-Петербургъ. 29-го апрѣля 1867 года.

«Что съ вами, дорогой и почтеннѣйший батюшка? Слыши обѣ опасности и спасеніи вашемъ такіе чудесные разсказы, что не знаю, чему вѣрить, и во всякомъ случаѣ желалъ бы получить удостовѣреніе, что вы теперь совсѣмъ здоровы. Во-первыхъ, просто не понимаю, какъ могъ произойти среди нашей безмятежной Фридрихсштрассе казусъ отъ коней, гдѣ жизнь ваша спасена особливымъ промысломъ Божіимъ? Во-вторыхъ, говорятъ, будто вы послѣ того самаго казуса и вовсе независимо отъ него были нездоровы, такъ что не могли служить на праздникъ Пасхи. Все это, надѣюсь, принадлежитъ уже къ разряду давнoproшедшаго, и нѣсколько строкъ вашей руки авось меня вполнѣ удовлетворять и успокоить.

«Въ такомъ упованіи дозвольте еще разъ обратиться къ вашему добруму, благотворительному посредству. Мнѣ писала изъ Тюбингена А. В. Пелопидасъ, что рѣшается на-дняхъ выѣхать въ Россію и весьма скоро предполагаетъ видѣть меня проѣздомъ черезъ Питеръ. Сама по себѣ такая рѣшимость меня радуетъ, ибо вполнѣ согласна съ извѣстными и вамъ совѣтами московскихъ ея родныхъ. Надлежало бы однако не выпускать изъ виду два обстоятельства: 1) Въ Петербургѣ и Москвѣ доселѣ такъ упорно стоитъ зимняя стужа, что едва-ли не лучше переждать сѣ дѣтьми, привыкшими къ теплому климату. 2) Мнѣ сдается, что на перепутьѣ къ парижской выставкѣ или оттуда неминуемо послѣдуетъ родственное посѣщеніе въ Стутгартъ. Королева такъ милостива, что это, можетъ статья, открыло бы болѣе удобства, нежели въ Россіи, замолвить съ пользою о дѣтяхъ родственницы В. А. Жуковскаго. Никто лучше васъ, добрѣйший батюшка, не можетъ преподать ей полезнаго совѣта и подпоры. Надѣюсь, что она еще не выѣхала, и потому спѣшу отправить вамъ эти бѣглые строки. В. Т.».

*

Упомянутое въ письмѣ В. П. Титова высочайшее посѣщеніе Стутгартъ дѣйствительно состоялось 12-го іюня этого года. Но въ то время, какъ мы радостно готовились къ встречѣ дорогаго гостя, изъ Парижа получена была депеша о покушеніи на жизнь государя. Нашъ посолъ Будбергъ телеграфировалъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: «En revenant de la revue du bois de Boulogne un coup de pistolet a été tiré contre la calèche où se trouvaient notre auguste maître, l'empereur Napoléon et les deux grands ducs. Personne n'a été atteint. L'indignation publique est générale»¹⁾). По полученіи этого извѣстія, всѣ русскіе въ Стутгартѣ собрались въ придворную церковь на благодарственный молебенъ, который былъ совершенъ въ присутствіи короля и королевы и многочисленныхъ лицъ, придворныхъ и военныхъ, поспѣшившихъ выразить сочувствіе къ миновавшей опасности, грозившей жизни столь дорогаго для отечества и столь почитаемаго всѣми иностранцами монарха. Вскорѣ послѣ этого, именно 12-го іюня, государь прибыль изъ Парижа въ Стутгартъ. Для встречи его величества всѣ собрались въ церкви. Государь явился прямо съ желѣзной дороги въ дорожномъ партикулярномъ платьѣ, очень серьезный и какъ бы утомленный. По выслушаніи краткаго молебствія, онъ подъ руку съ королевою обошелъ всѣхъ присутствовавшихъ въ церкви русскихъ, удостоивъ каждого, не исключая и маленькихъ дѣтей, милостивымъ словомъ. При этомъ мнѣ припоминается маленький смѣшной анекдотъ. Въ числѣ встрѣчавшихъ государя былъ состоявшій секретаремъ посольства въ Стутгартѣ графъ Толь съ супругою и двумя дочками, лѣтъ 4 и 6. Когда мы ожидали государя, я въ праздничныхъ ризахъ и митрѣ былъ среди церкви и между прочимъ разговаривалъ съ семействомъ графа Толя и его малютками. Потомъ, когда всѣ воротились домой, графиня Толь спрашивается своихъ дѣвочекъ, какъ имъ понравился государь.

— Очень, — отвѣчали онѣ, — особенно понравилась эта длинная мантія и муфта съ фотографіями на головѣ.

Сначала не повѣли этого дѣтскаго лепета, но потомъ объяснилось, что онѣ приняли меня за государя, удивляясь моей богатой ризѣ, по ихнему, длинной мантіи, и глядя на мою митру съ образами въ медальонахъ, которая въ ихъ глазахъ представилась муфтою съ фотографіями. Когда же имъ старались объяснить, что государь былъ тотъ господинъ въ пальто, который съ ними разговаривалъ послѣ службы, онѣ не хотѣли вѣрить, чтобы такъ просто одѣтый господинъ могъ быть госу-

¹⁾) Возвращаясь со смотра въ Булонскомъ лѣсу, былъ сдѣланъ пистолетный выстрѣль въ коляску, гдѣ находились нашъ августейший повелитель, императоръ Наполеонъ, и оба великихъ князя. Никто не былъ раненъ. Негодованіе было всеобщимъ.

даремъ. Когда я послѣ разсказывалъ про это королевѣ, она отвѣчала, что съ нею бываетъ то же, когда она заѣзжаетъ въ дѣтскіе пріюты, состоящіе подъ ея покровительствомъ, по окрестнымъ деревнямъ, и разговариваетъ съ дѣтьми, то они всегда смотрятъ ей на голову, ища короны, безъ которой они не могутъ представить себѣ королевы.

Остальное время 1867 года прошло для меня въ мирныхъ занятіяхъ не только своимъ мѣстнымъ дѣломъ, но и отдаленными интересами нашихъ заграничныхъ церквей. Не знаю, по какой особой причинѣ почти всѣ наши заграничные церкви обращались и со своими нуждами, и за совѣтомъ въ Стутгартъ. Способствовало ли этому центральное положеніе нашей церкви среди остальныхъ, или пребываніе въ здѣшней столицѣ царственной особы русской, хотя въ то время находились еще въ живыхъ великая княгиня Марія Павловна въ Веймарѣ и королева видерландская Анна Павловна въ Гагѣ. Какъ бы то ни было, но еще покойная великая княгиня Елена Павловна, мимо зоркаго взгляда которой не проходило незамѣченнымъ ни одно явленіе политической и церковной жизни, говорила мнѣ въ свое время, что изъ заграничныхъ священниковъ слѣдовало бы одного сдѣлать благочиннымъ, по ея мнѣнію, даже архіереемъ, во всякомъ случаѣ главнымъ священникомъ всѣхъ заграничныхъ церквей, къ которому всѣ и каждый могъ бы обращаться за совѣтомъ и разрѣшеніемъ въ трудныхъ случаяхъ, «потому,—прибавила ея высочество,—что ваше петербургское начальство не понимаетъ ни нашихъ нуждъ, ни вашего положенія за границей». Хотя ничего подобнаго не было сдѣлано нашимъ правительствомъ, но *de facto* я съ давнихъ поръ, чтѣ продолжается и доселѣ, сдѣлся нѣкотораго рода центромъ разныхъ сношеній по мѣстнымъ нуждамъ заграничныхъ церквей. Такъ и въ этомъ году ко мнѣ обратились за помощью и совѣтомъ наши соотечественники, проживавши въ По въ южной Франціи, возымѣвшіе мысль устроить тамъ постоянную церковь для прїѣзжающихъ туда проводить зиму больныхъ русскихъ. Одна изъ моихъ бывшихъ прихожанокъ по Стутгарту писала мнѣ по этому поводу изъ По слѣдующее: «Колонія русскихъ здѣсь значительно увеличилась, и это дало возможность подвинуть дѣло нашей церкви нѣсколько впередъ; купили землю и уже начали постройку. Покамѣстъ церковное служеніе продолжаетъ совершаться въ маленькой комнатѣ, нанятой въ прошломъ году, и у насъ въ настоящее время здѣсь два священника, представители чернаго и бѣлого духовенства. О. Несторъ, присланный къ намъ изъ Петербурга, іеромонахъ, бывшій прежде морскимъ офицеромъ и носившій фамилію Засъ, прибылъ сюда на-дняхъ, а до него совершалъ у насъ службы о. Кустодіевъ, состоящій при нашемъ посольствѣ въ Мадридѣ, молодой, весьма скромный и образованный человѣкъ, прибывшій сюда для поправленія здоровья своей жены. Итакъ, повидимому, осуще-

ствляется давно задуманная мысль имѣть въ По, куда стекается столько больныхъ соотечественниковъ нашихъ, постоянную церковь и постояннаго священника, коего христіанскія утѣшенія и напутствія могли бы подкреплять и ободрять страждущихъ, болѣе или менѣе готовыхъ къ переходу въ жизнь вѣчную. Быть можетъ, императрица, равно и королева Ольга Николаевна не откажутъ помочь намъ въ этомъ добромъ дѣлѣ!»

По моему представлению объ этомъ королевѣ, ея величество изъявила свою готовность пожертвовать на это известную сумму, но съ однимъ условиемъ, чтобы не строили отдѣльного храма, а удовольствовались бы покупкою дома, въ которомъ помѣстили бы домашнюю или, такъ называемую, походную церковь. Въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда наши соотечественники собирались строить храмы за границею, королева въ своихъ возраженіяхъ противъ этихъ предпріятій руководилась тою справедливою мыслью, что мѣста временнаго сбора русскихъ на водахъ или климатическихъ курортахъ вовсе не обезпечены отъ случайностей, которыя могутъ помышшать имъ собираться туда, и тогда эти храмы останутся пустыми и даже безъ хозяевъ, такъ какъ они строились и содержались на добровольныя пожертвованія. Въ такихъ случаяхъ домовую церковь легко закрыть, снявъ иконостасъ и—пожалуй—продавъ опять домъ. Но храмъ! Что съ нимъ дѣлать въ подобномъ случаѣ? Закрыть и запечатать двери, а ключи и надзоръ за охраною зданія передать комитету, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Карлсбадѣ, состоялъ изъ доктора еврея и одного нѣмца протестанта. Въ По послушали нашего совѣта: вмѣсто того, чтобы строить храмъ, приобрѣли покупкою домъ и въ немъ устроили домовую церковь, и не прошло нѣсколькихъ лѣтъ, какъ нашъ совѣтъ оказался практическимъ. Но—такое мѣсто, которое, въ родѣ Мерана и другихъ климатическихъ курортовъ, принадлежитъ къ числу временно излюбленныхъ русскими мѣстностями, въ которыя разъ и два стекается множество посѣтителей, и затѣмъ вдругъ ни одного изъ русскихъ. И вотъ, недавно былъ случай, что священникъ, состоящій на службѣ при нашей церкви въ По, принужденъ былъ въ одну зиму, когда никого не было изъ русскихъ въ По, а слѣдовательно не было и источниковъ для содержания церкви и священнослужителя, явиться въ Ниццу и просить пребывавшихъ тамъ русскихъ спасти его отъ бѣды и голодной смерти. Сострадательныя соотечественницы наши устроили въ пользу его благотворительный базаръ, который далъ около 10.000 франковъ, и такимъ образомъ, временно спасли осиротѣвшую церковь въ По. Но это можетъ повториться и опять, и тогда не останется другаго средства, какъ закрыть церковь и домъ продать хотя бы въ пользу благотворительной цѣли. Поэтому правъ былъ князь Горчаковъ, который, бывши мини-

стромъ иностранныхъ дѣлъ, отвѣчалъ на всѣ просьбы русскихъ основать тамъ или здѣсь русскую церковь за границею, что онъ не дастъ на это разрѣшенія, пока ему не представятъ капитала въ 200.000 руб., обезпечивающаго содержаніе церкви и причта при ней. Но наши соотечественники, руководимые тою мыслью, что намъ стыдно не имѣть своей церкви вездѣ, гдѣ есть русскіе, когда англичане повсюду строятъ свои кирки и имѣютъ свое богослуженіе, стали обходиться безъ разрѣшенія своего правительства и настроили на свой счетъ много церквей, которыхъ остаются и доселѣ безъ причта, за неимѣніемъ основнаго капитала. Такъ, въ Эмсѣ церковь, приписанная къ Висбаденской, такъ въ Баденъ-Баденѣ, состоящая подъ вѣдѣніемъ нашего священника въ Карлсруѣ, такъ въ Веве, куда наѣзжаетъ для службы нашъ священникъ изъ Женевы, такъ въ Карлсбадѣ и другихъ болемскихъ водахъ, гдѣ церкви на зиму закрываются, а лѣтомъ приглашаются для служенія наши священники изъ Праги и Веймара. Издержки на это покрываются каждогодно сборами съ прїѣзжающихъ русскихъ. А если ихъ будетъ мало или вовсе не будетъ? Тогда придется закрывать.

Весной 1868 года меня порадовалъ мой бывшій сослуживецъ М. И. Горчаковъ своими успѣхами на поприщѣ богословской науки, приславъ мнѣ свою книгу «Монастырскій приказъ», за которую онъ получилъ степень магистра государственного права отъ С.-Петербургскаго университета. Хотя предметъ этой диссертации былъ спеціально русскій, тѣмъ не менѣе удачею этой ученой работы онъ много обязанъ той подготовкѣ которая ему досталась на долю во время его пребыванія за границею въ должности псаломщика при нашей церкви, при чемъ онъ все свободное отъ церковной службы время — а его много при заграниценныхъ церквяхъ — употреблялъ на слушаніе лекцій въ Тюбингенскомъ университѣтѣ. Такъ какъ Тюбингенъ находится въ разстояніи трехъ часовъ Ѣзы по желѣзной дорогѣ отъ Стутгартта, то Горчаковъ совсѣмъ поселился въ Тюбингенѣ и оттуда прїѣзжалъ на службу въ Стутгартъ. Тамъ онъ слушалъ знаменитаго профессора церковной исторіи Гефеле, извѣстнаго въ учено-богословскомъ мірѣ своею исторіею соборовъ. Онъ извѣстенъ и своимъ протестомъ противъ догмата непогрѣшимости папы на ватиканскомъ соборѣ. Онъ говоривъ мнѣ при частомъ свиданіи съ нимъ: «ich bin ein guter Katholik, aber kein Römling». И, несмотря на это, его сдѣлали епископомъ ротенбургскимъ въ Виртембергѣ, правда, по особому ходатайству нашей королевы, и заставивъ его подчиниться опредѣленію ватиканского собора, чтѣ онъ и сдѣлалъ, выбросивъ при новомъ изданіи своей *Conciliengeschichte* все, что находилось въ ней неблагопріятнаго для нового догмата ¹⁾). Припоминается мнѣ при этомъ

¹⁾ Въ оправданіе себя въ этомъ противорѣчіи себѣ самому онъ говорилъ: «протестуя противъ непогрѣшимости, я не хотѣлъ самъ быть непогрѣшимъ».

одинъ случай изъ первого знакомства М. И. Горчакова съ тогда еще профессоромъ Гефеле, характеризующій разность отношений пастырей къ насомымъ въ нашей и римско-католической церкви. Когда я представилъ въ первый разъ Горчакова Гефеле, тотъ, зная, что профессоръ вмѣстѣ и духовное лицо, подошелъ къ нему по русскому обычаю подъ благословеніе. Это ужасно изумило Гефеле, и когда ему объяснили, что таковъ обычай въ Россіи, онъ удалился въ свой кабинетъ, надѣль на себя эпитрахиль, и тогда только преподалъ Горчакову свое благословеніе, показавъ этимъ, что это онъ считаетъ актомъ церковной службы, а не такъ, какъ у насъ видять въ этомъ простое благословеніе духовнаго отца на свое духовное чадо. Такъ какъ М. И. Горчаковъ, вмѣстѣ съ экземпляромъ своего сочиненія, прислалъ мнѣ два экземпляра для поднесенія королю и королевѣ, то я исходатайствовалъ ему отъ его величества золотую медаль «*für Kunst und Wissenschaft*», выдаваемую ученымъ и художникамъ за особыя заслуги.

Между тѣмъ, немощи мои, повторявшіяся каждогодно при наступленіи весны, потребовали и въ этомъ году починки моего здоровья. Въ этотъ разъ меня отправили въ Киссингенъ пить тамошній Ragozzi и купаться въ соленой водѣ. Ужъ я доканчивалъ тамъ свой курсъ водъ и надѣялся скоро избавиться отъ этого скучнаго занятія, какъ пришло извѣстіе, что въ Киссингенъ юдетъ императрица Марія Александровна для лѣченія и что на время пребыванія ея величества въ Киссингенѣ командируется наша походная церковь со всѣмъ причтомъ изъ Стутгартта. Такимъ образомъ, я попалъ прямо съ мѣста лѣченія на службу. Въ началѣ іюля прибыла императрица и при первомъ свиданіи со мною стала жаловаться на то, что ее вырвали изъ прекраснаго пребыванія въ Петергофѣ и прислали въ этотъ душный Киссингенъ, гдѣ дышать нечѣмъ. И дѣйствительно, кто бывалъ въ Киссингенѣ среди лѣта, тотъ знаетъ, какое это противное мѣсто съ его грязною рѣченкою, протекающею у самой променады, гдѣ на небольшомъ пространствѣ подъ деревьями толпится масса народа, пьющаго воды подъ звуки надоѣвшей всѣмъ музыки куръ-оркестра. Но доктора неумолимы. По ихъ понятію, одно водолѣченіе должно замѣнить и воздухъ, и радости жизни, которыхъ лишаются люди, оставляющіе и домъ, и семью на время лѣченія водами. Впрочемъ, императрица прибыла въ сопровожденіи своихъ младшихъ дѣтей и въ ожиданіи скораго прибытія и государя императора. Дѣйствительно, 10-го (22-го) іюля послѣдовало прибытіе его величества. Я спросилъ, не нужно ли будетъ устроить встрѣчу государю въ церкви, но князь Барятинскій отвѣтилъ мнѣ, отъ имени императрицы, что этого не нужно, такъ какъ прѣѣздъ ожидается поздно вечеромъ и что его величество будетъ утомленъ отъ продолжительного путешествія; поэому императрица предлагаетъ мнѣ встрѣтить государя на крыльцѣ у подъ-

ѣзда вмѣстѣ съ прочими русскими, проживающими въ Киссингенѣ, и при томъ въ сюртукѣ, а не въ рясѣ. Послѣднее бывало обязательно для всей свиты во время заграничнаго путешествія государя, такъ какъ и самъ онъ являлся въ партикулярномъ платьѣ. Поэтому удостоенный во все время пребыванія ихъ величествъ въ Киссингенѣ каждый день быть приглашеннымъ къ высочайшему столу, я всегда являлся не иначе, какъ въ сюртукѣ. Вообще покойный государь держалъ себя за границею очень просто, какъ бы слагая съ себя на время свое величество. Помню, разъ шелъ я гулять за городъ, поднимаясь по узкой улицѣ въ гору, какъ изъ-за угла на встрѣчу мнѣ появился государь. Не успѣлъ я еще снять шляпы, какъ его величество взялъ меня подъ руку и повелъ назадъ, говоря: «посторонитесь». Я сначала не понялъ, какъ вслѣдъ за этимъ изъ-за того же угла показался экипажъ, тяжело спускавшійся съ довольно крутаго подъема. Въ экипажѣ находилась императрица съ дѣтьми. Государь, очевидно, вышелъ изъ экипажа на спускѣ и, встрѣтивъ меня почти на поворотѣ за уголь, вѣроятно, опасался, чтобы я не попалъ подъ экипажъ. Въ другой разъ я шелъ гулять съ однимъ моимъ знакомымъ, Н. Н. Шидловскимъ по узкой тропинкѣ по направленію къ салинамъ, какъ на встрѣчу намъ появился государь, возвращавшійся по той же тропинкѣ изъ салинъ, гдѣ его величество бралъ ванны. Мы остановились, чтобы дать дорогу государю. Поровнявшись съ нами, его величество подалъ мнѣ руку, потомъ взглянулъ на моего сопутника, вдругъ, какъ бы вспоминая, произнесъ:

— Ты—Шидловскій?

— Такъ точно, ваше величество.

— Лѣчишься здѣсь?

— Никакъ нѣтъ, ваше величество. Пріѣхалъ только повидаться съ отцомъ Базаровымъ.

— А-А!—сказалъ государь и прошелъ далѣе.

Шидловскій не могъ придти въ себя отъ изумленія, какъ государь могъ узнать его.

— Тому назадъ,—говорилъ онъ,—лѣтъ десять, что я служилъ адьютантомъ у Сухозанета. Съ тѣхъ поръ я вышелъ въ отставку, обрось, какъ видите, бородою, и въ этомъ почти дорожномъ костюмѣ!

Но государь обладалъ зоркостью взгляда и этою часто изумительною памятью лицъ. Въ одинъ изъ его пріѣздовъ въ Стутгартъ на дебаркадерѣ была масса народу, въ которую замышдалась и моя невѣстка, жена моего старшаго сына, желавшая увидать государя, который знавалъ ее дѣвочкой въ Николаевскомъ институтѣ и отличалъ ее, какъ дочь полковника

*

Хромова, бывшаго, въ свою очередь, сотоварищемъ его величества по дѣтскимъ играмъ въ кадетскомъ корпусѣ. Вышедъ изъ вагона, государь, сдва окинулъ взоромъ толпу, какъ замѣтилъ мою певѣстку и протянулъ ей руку. Немудрено, что передъ нимъ благовѣли и—по-институтски—обожали его всѣ воспитанницы нашихъ женскихъ воспитательныхъ институтовъ.

Еще до приѣзда въ Киссингенъ государя, туда прибыль баварскій король Людвигъ, тотъ самый, который такъ трагически и такъ загадочно погибъ въ волнахъ Штаренбергскаго озера. Въ то время это былъ крайне красивый юноша, несмотря на свой 23-лѣтній возрастъ, царствовавшій уже 4 года на престолѣ, доставшемся ему въ такихъ юныхъ лѣтахъ. Уже и тогда онъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе юношескимъ энтузиазмомъ ко всему изящному въ области искусства. Самъ онъ, представляя изъ себя изящную фигуру молодаго человѣка, привлекалъ на себя взоры любопытства и удивленія, такъ какъ и въ то время въ немъ замѣчались странности, обращавшія на себя вниманіе. Начать съ того, что онъ имѣлъ странную походку. Онъ ходилъ, какъ-то особенно выкидывая ноги въ обѣ стороны и безпрестанно снимая шляпу и раскланиваясь на обѣ стороны, хотя бы никого не было ни съ той, ни съ другой стороны. Онъ особенно благовѣль передъ нашей императрицею; другіе говорили, что онъ просто былъ влюблѣнъ въ нее, несмотря на то, что въ это время она могла бы быть ему если не матерью, то тещею. Король все время устремлялъ свое вниманіе на императрицу, за которой онъ слѣдилъ на каждомъ шагу, и на водахъ, и на прогулкахъ, сопровождая ее даже въ нашу церковь, богослуженіе которой ему такъ понравилось, что, оставляя Киссингенъ, онъ пожаловалъ мнѣ свой баварскій орденъ св. Михаила 2-й степени. Разъ случилось мнѣ видѣть этого юношу-короля въ такомъ положеніи. Прихожу я какъ-то утромъ въ домъ, гдѣ жила наша императрица, и вижу въ коридорѣ почти у самыхъ дверей императрицы короля, который стоитъ прижавшись къ стѣнѣ и чего-то дожидается. Въ это время изъ дверей выходитъ секретарь ея величества Шторхъ и тоже съ изумленіемъ замѣчаетъ короля въ такомъ положеніи. Онъ обращается къ нему съ вопросомъ: «Прикажете, ваше величество, доложить о васъ императрицѣ?» на что король, видимо сконфуженный, отвѣчалъ: «о, нѣть! но я думалъ, что въ это время императрица выходитъ на прогулку, и хотѣлъ сопровождать ея величество». Когда же Шторхъ замѣтилъ, что императрица сегодня чувствуетъ себя усталою и на прогулку не пойдетъ, то король сталъ потихоньку ретироваться, прося ничего не говорить о себѣ императрицѣ.

При императрицѣ находилась въ это время фрейлиной А. В. Жуковская, дочь нашего незабвенного поэта Василия Андреевича, и мнѣ

пріятно было возобновить съ нею знакомство. Я зналъ ее еще дѣвочкой въ семействѣ ея родителей, потомъ послѣ смерти ихъ она жила года два въ ортопедическомъ заведеніи въ Канцтатѣ близъ Стутгарта, гдѣ я занимался съ нею уроками закона Божія, и вотъ теперь я встрѣтился съ нею при дворѣ, гдѣ она была принята не только фрейлиной, но почти въ семью, какъ дочь столь близкаго императорской фамиліи человѣка.

Въ концѣ пребыванія въ Киссингенѣ, я получилъ отъ старшаго моего сына извѣстіе изъ Лейпцига, что онъ удостоенъ степени доктора. Такъ какъ онъ съ первого курса въ Петербургскомъ университѣтѣ отправился за границу и штудировалъ сперва въ Тюбингенѣ, потомъ въ Гейдельбергѣ и, наконецъ, докторировалъ въ Лейпцигѣ, то ему для получения мѣста въ Россіи приходилось сдавать сперва кандидатскій экзаменъ, чтѣ очень было трудно не прошедшему всего курса въ русскомъ университетѣ; поэтому я обратился съ просьбою къ находившемуся тогда въ Киссингенѣ министру народнаго просвѣщенія графу Толстому, нельзя ли допустить моего сына, въ качествѣ доктора иностраннаго университета, къ экзамену прямо на магистра. Но министръ мнѣ на-отрѣзъ отказалъ въ этомъ, говоря, что изъ этого вышелъ бы прецедентъ, которыемъ воспользовались бы многіе изъ иностраннѣхъ докторовъ, отъ которыхъ не было бы отбою. По счастію, бывшіе въ одно время съ моимъ сыномъ за границею наши ученые профессора, Бутлеровъ, Менденльевъ и другіе, взяли подъ свое покровительство молодаго доктора, допустивъ сына моего, на основаніи устава, дающаго право факультетамъ призывать иностраннѣхъ ученыхъ къ преподаванію, съ держаніемъ экзамена на магистра, чѣмъ онъ и воспользовался, получивъ вслѣдъ затѣмъ мѣсто доцента химії въ Киевскомъ университетѣ.

Но моя служба при высочайшемъ дворѣ не ограничилась Киссингеномъ. Государь уѣхалъ, но императрица съ младшими дѣтьми перевѣхала въ Швальбахъ, куда и мы съ церковью и причтомъ послѣдовали за ея величествомъ. Въ Киссингенѣ, по случаю пребыванія тамъ государя, было еще болѣе оживленіе, но въ Швальбахѣ было такъ тихо и скучно, что всѣ мы, служащіе при императрицѣ, порывались, хоть куда-нибудь, только бы не сидѣть въ этой ямѣ, гдѣ одни только пользовавшіеся водами были заняты съ утра до вечера лѣченіемъ. И вотъ, разъ собрались мы, А. А. Тютчева съ великой княжной Марией Александровной и я, сдѣлать прогулку по Рейну до Штольценфельса, этого возобновленнаго замка прусской королевской фамиліи. При этомъ было условлено, что великая княжна пойдетъ въ строжайшемъ инкогнито, чтобы избѣгнуть всякихъ представлений и встрѣчъ. И дѣйствительно, на пароходѣ мы свободно двигались между пассажирами, и никто не обращалъ на насъ вниманія. Но каково было наше изумленіе, когда,

высаживаясь на берегъ у Штолъценфельса, мы замѣтили на берегу цѣлую толпу нѣмцевъ въ бѣлыхъ галстукахъ и съ растопыренными пальцами въ бѣлыхъ перчаткахъ. То были чиновники, служащи при замкѣ, которымъ дано было знать о посѣщеніи великой княжной для осмотра замка, въ который допускаются посѣтители только съ особаго разрѣшенія. Дѣлать было нечего. Пришлось принимать представленія и въ присутствіи чопорныхъ нѣмцевъ, стоявшихъ кругомъ насъ безъ шляпъ, усаживаться на ословъ, такъ какъ подъемъ въ замокъ очень крутъ, а экипажей нарочно не было заказано. Впрочемъ, благодаря нарушенному *incognito*, намъ показали внутренность замка во всѣхъ подробностяхъ, какъ не показываютъ простымъ туристамъ.

Въ другой разъ мнѣ захотѣлось побывать въ Шлангенбадѣ, отстоящемъ на одинъ часъ пути отъ Швальбаха, и какъ я и здѣсь обѣдалъ каждодневно со всею свитою за столомъ императрицы, то я долженъ былъ отправиться на цѣлый день для этой прогулки. На другой день, когда я явился къ столу, императрица мнѣ говорить:

— А вчера у насъ обѣдала королева прусская Августа (теперешняя императрица германская, вдова императора Вильгельма), которая поручила вамъ кланяться и сожалѣла, что вы выбрали день для прогулки, когда она была здѣсь.

Этотъ милостивый поклонъ былъ вмѣстѣ и высочайшимъ выговаромъ. Обѣ отношеніяхъ моихъ къ императрицѣ Августѣ я уже говорилъ раньше, и здѣсь только мнѣ припомнилось ея завѣщаніе мнѣ являться къ ея величеству, гдѣ бы я ни былъ въ ея присутствіѣ. Хотя въ этотъ разъ я отлучился не намѣренно, не зная обѣ ея посѣщеніи нашей императрицы въ этотъ день, тѣмъ не менѣе я далъ себѣ слово больше не отлучаться изъ Швальбаха и дѣлить скучу съ другими. По отбытии императрицы изъ Швальбаха въ Дармштадтъ, мы воротились съ нашою походною церковью и причтомъ въ Стутгартъ, но къ 30-му августа насъ потребовали опять въ Югентеймъ, имѣніе принца Александра Гессенскаго, куда прибыль и государь, для совершенія только молебна, для чего въ саду была раскинута палатка, такъ какъ помѣщеніе въ замкѣ принца было небольшое, а при наѣздѣ гостей даже тѣсное. Прелестно мѣстоположеніе этого замка въ горахъ Оденвальда недалеко отъ Дармштадта! Видъ съ того мѣста, на которомъ была раскинута палатка для нашей службы, былъ восхитительный. Извѣстно, что принцъ Александръ, теперѣ уже покойный, былъ любимымъ братомъ покойной императрицы Маріи Александровны, и потому всякий разъ, когда императрица бывала за границею, она проводила нѣсколько недѣль въ этомъ прелестномъ имѣніи, совершенно какъ въ своей семье, тѣмъ болѣе, что и государь любилъ эту семью и одному изъ сыновей принца Александра удалось сдѣлаться княземъ болгарскимъ,

и можно быть увѣреннымъ, что если бы живъ былъ императоръ Александръ Николаевичъ, не случилось бы всего того, отчего пострадала и Болгарія и наши отношенія къ ней, такъ какъ всѣ дѣти принца Александра любили и почитали покойнаго государя, какъ роднаго отца, и никогда молодой принцъ Александръ не позволилъ бы себѣ увлечься чѣмъ бы то ни было вопреки волѣ и желаніямъ своего августейшаго дяди.

По окончаніи моего служенія въ этотъ годъ при императорскомъ дворѣ, за что мнѣ пожалованъ былъ опять брилліантовый крестъ, я долженъ былъ явиться въ Фридрихсгавенъ, лѣтнее пребываніе нашей королевы, гдѣ встрѣтилъ мою воспитанницу великую княгиню Ольгу Феодоровну, и пробывъ тамъ нѣсколько дней, воротился на свой Ротенбергъ, чтобы заключить тамъ лѣтній сезонъ обычнымъ сборомъ винограда и затѣмъ воротиться въ Стутгартъ на зимнія квартиры.

Здѣсь въ ноябрѣ мнѣ привелось сдѣлать два интересныхъ знакомства. На эту зиму въ Стутгартѣ поселился съ семействомъ А. М. Жемчужниковъ, и здѣсь у него родилась дочь. Восприемникомъ при крещеніи ея былъ И. С. Тургеневъ, который для этого пріѣхалъ изъ Бадена. Какъ рассказывалъ мнѣ Свербѣевъ, Тургеневъ всячески изобѣгалъ Стутгартъ, зная, что королева Ольга Николаевна была недовольна имъ за то, что онъ въ повѣсти «Отцы и дѣти» дать герою романа имя Базарова, «какъ будто онъ не знаетъ,—прибавляла при этомъ ея величество,—что это имя носить мой духовникъ». Поэтому и въ этотъ разъ онъ пріѣхалъ въ Стутгартъ только на нѣсколько часовъ и послѣ крестинъ сейчасъ же уѣхалъ обратно въ Баденъ. Я въ первый разъ встрѣтился съ нашимъ знаменитымъ писателемъ, и мнѣ показалось, что ему было какъ-то неловко со мною. Но потомъ мы разговорились и при этомъ—не знаю по какому поводу—Тургеневъ сказалъ о себѣ:

— У меня такая глупая натура, что если я видѣлъ или слышалъ что-нибудь замѣчательное, я не могу быть спокoenъ, пока не напишу этого. Хоронили мы Грановскаго въ Москвѣ. Уже наша процессія, протянувшаяся чуть не на версту, приближалась къ кладищу, какъ въ это самое время обгоняетъ нашу процессію какой-то мужиченко въ розвальняхъ, сидя бочкомъ на гробу и изъ всѣхъ силъ погоняя веревочнымъ кнутикомъ свою кляченку. Очевидно, онъ спѣшилъ обогнать наше помпезное погребальное шествіе, чтобы поскорѣе свалить своего покойнаго въ могилу. Вотъ этотъ-то контрастъ картины престолѣдуетъ меня доселѣ, и я не успокоюсь, пока не напишу его.

И дѣйствительно, вскорѣ затѣмъ онъ включилъ эту сцену въ одинъ изъ своихъ прекрасныхъ разсказовъ. Послѣ этого мнѣ никогда не случалось болѣе встрѣтиться съ Тургеневымъ, хотя я часто бывалъ въ Баденѣ, гдѣ онъ тогда жилъ въ своей виллѣ рядомъ съ виллой м-me Viardot,

которая и до сихъ поръ носить имя «villa Тургеневъ», хотя уже давно перешла въ другія руки. Но странно, что мнѣ не разъ случалось во время этихъ поѣздокъ въ Баденъ попадать на русскихъ людей, изъ которыхъ многіе только за тѣмъ и заѣзжали въ Баденъ, чтобы посмотѣть на Тургенева. Они подходили ко мнѣ и учили спрашивали:

— Позвольте узнать, вы не Тургеневъ ли? — и на мой отрицательный отвѣтъ говорили: — извините, но такое сходство.

А другіе, даже знавшіе меня лично, также увѣряли, будто я ужасно напоминаю собою Тургенева. Я не знаю, могъ ли я или кто другой гордиться такимъ сходствомъ, а скорѣе слѣдовало жалѣть, что наружность бываетъ обманчива, не всегда соотвѣтствуя внутреннему достоинству.

Зимою въ своемъ уединеніи я возобновилъ переписку съ своими пріятелями въ Россіи, поставленными волею судьбы дѣйствовать на благо общее. Такъ, между прочимъ, о. Янышевъ, бывшій въ это время ректоромъ С.-Петербургской духовной академіи, сообщалъ мнѣ о всѣхъ современныхъ теченіяхъ и чаяніяхъ въ нашей родной церкви. «Новый уставъ академіи,—писалъ онъ мнѣ,—еще не разсмотрѣнъ Св. Синодомъ; надѣемся въ слѣдующемъ году на введеніе его, и тогда только можно будетъ ожидать болѣе прочного и плодотворного просвѣщенія нашего духовнаго юношества, которое, вообще говоря, показываетъ много доброй воли и способно принести пользу церкви и отечеству. Много, много предстоитъ трудовъ нашей церкви, но только понемногу дѣятели ея могутъ уразумѣть, что ей предстоитъ сдѣлать и какъ приняться за это дѣло. Переводъ св. писанія есть только первый шагъ къ той великой цѣли, которая состоится въ томъ, чтобы церковь была не только сокровищницей таинствъ, но прежде всего воспитательницей народа чрезъ богослуженіе и школу. Для этой цѣли и вѣнчшее положеніе духовенства и внутреннее направленіе нашей іерархіи должно совершенно измѣниться,—а это задача для цѣлаго государства, исполнимая только при совокупномъ содѣйствіи и божескихъ и человѣческихъ средствъ. Народу—настоятельная нужда въ нравственномъ содѣйствіи и воспитательномъ вліяніи церкви, а духовенство между тѣмъ шагу не можетъ сдѣлать безъ того, чтобы не протянуть руки и не вымаливать насущнаго хлѣба у своихъ воспитанниковъ. Судите, какъ нелегко быть педагогомъ въ такой обстановкѣ. Миръ нашъ—поистинѣ иной міръ, чѣмъ западный. Въ государственномъ отношеніи все, что ни сдѣлано доселѣ, оказывается превосходно сдѣланнымъ, и каждый годъ будетъ болѣе и болѣе доказывать это къ общему счастію или лучшему къ увеличенію общаго благоденствія. Но для церкви, если она должна хоть отрицательно не мѣшать общему дѣлу, нужны большія и радикальныя улучшенія. Будемъ ждать, не скажутъ ли что ближайшіе годы? А пока

отрадно хоть что-нибудь дѣлать, хоть даже не мѣшать дѣлать другимъ полезное на будущія времена».

Въ 1869 году 16-го апрѣля исполнилось 25 лѣтъ моего служенія въ священническомъ санѣ. По этому случаю мнѣ оказаны были разныя милости, какъ со стороны королевы, такъ и отъ государя. Кромѣ пожалованного мнѣ по этому случаю изъ Кабинета его величества креста, взамѣнъ котораго мнѣ было выдано 3.000 рублей, государю угодно было положить мнѣ пожизненную пенсію по 1.500 рублей въ годъ. Королева заказала для этого случая образъ-складень, на которомъ въ срединѣ находится образъ Федоровской Божией Матери (фамильный образъ дома Романовыхъ), а въ четырехъ боковыхъ поляхъ изображенія святыхъ дня моего рожденія, моего посвященія, святыхъ соименныхъ моему семейству и 4-хъ святыхъ соименныхъ тѣмъ великимъ княгинямъ, при которыхъ я служилъ: великой княгинѣ Елизавѣтѣ Михайловнѣ, въ Висбаденѣ, великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ и Вѣрѣ Константиновнѣ въ Стутгартѣ, и королевѣ Екатеринѣ Павловнѣ, погребенной на Ротенбергѣ. Образъ этотъ былъ присланъ императрицею съ нарочнымъ курьеромъ ко дню моего юбилея и несказанно меня обрадовалъ не столько своимъ богатымъ и изящнымъ исполненіемъ, сколько мыслю, положенною въ основаніе этого поднесенія, и чувствомъ высочайшаго благоволенія, выраженнымъ въ выгравированномъ на обратной доскѣ образа псалмѣ: «Живый въ помоши Вышняго», также излюбленномъ и испробованномъ нашею царскою фамилиею. При этомъ мнѣ вспоминается разсказъ А. А. Окуловой, бывшей воспитательницею великой княгини Ольги Николаевны.

— Покойный государь Николай Павловичъ,—рассказывала она,— собиралсяѣхать на Кавказъ. Передъ самымъ отѣзломъ мы сидимъ за завтракомъ, и я приготовила напередъ псаломъ «Живый въ помоши Вышняго», написанный на маленькой бумажкѣ, сложенной въ видѣ ладонки, какія носятъ на крестѣ. Но какъ отдать это государю? Я и сунула эту бумажку въ руку сидѣвшей подлѣ меня Ольги Николаевны, чтобы она попросила государя взять это съ собою. Но и та сконфузилась, не смѣя обратиться съ такою просьбою хотя и къ любимому и всегда ласковому съ дѣтьми своими отцу, но всегда и для нихъ могущественному монарху. Государь, сидѣвшій противъ насъ, замѣтилъ это замѣшательство и, прямо обратившись къ великой княжнѣ, спросилъ: «Оля, ты хочешь мнѣ что-то сказать?» Тогда нужно было открыть нашъ заговоръ, и государь, улыбнувшись, протянулъ черезъ столъ руку съ словами: «ну, дай сюда. Я надѣну это на кресть». Во время этой поѣздки на Кавказъ, при спускѣ съ горы, экипажъ государя опрокинулся и чуть не свалился въ пропасть. Государь вспомнилъ при этомъ усердіе своей любимой дочери и приказалъ на этомъ мѣстѣ, гдѣ

ему угрожала такая опасность, поставить столбъ и на немъ написать псаломъ: «Живый въ помоши Вышняго». Съ тѣхъ поръ этотъ псаломъ сталъ излюбленнымъ въ царской семье.

Изъ моей переписки съ тогдашними общественными дѣятелями у меня сохранилось нѣсколько интересныхъ писемъ, бросающихъ свѣтъ на тогдашнее настроение и скромныя начинанія, которыя въ настоящее время стали совершившимися фактами. Вотъ одно изъ такихъ писемъ графа А. Е. Комаровскаго, извѣстнаго патріота и славянофила, писанное мнѣ изъ Москвы 4-го марта 1869 года. «Послѣ пребыванія прошлымъ лѣтомъ въ Ревель судьба привела насъ въ Либаву, гдѣ мы присутствовали при освященіи тамъ православнаго храма вмѣсто убогаго молитвеннаго дома, существовавшаго въ Либавѣ въ продолженіе 34-хъ лѣтъ. Какъ изготавлялся нашъ храмъ къ освященію, того описывать не стану. Довольно сказать, что мы уготовляли его почти такъ же, какъ безродная бѣдная невѣста снаряжается къ вѣнцу. Это зрѣлице и все нами тогда перечувствованное такъ сильно на всѣхъ насъ подействовало, что, возвратясь сюда, мы не могли скрыть нашихъ впечатлѣній отъ родныхъ и знакомыхъ. Избраніе же меня почетнымъ братчикомъ и попечителемъ въ возникающихъ въ балтійскомъ краѣ братствахъ возлагало еще болѣе на меня обязанность передать здѣсь нами тамъ слышанное, видѣнное и испытанное. Слѣдствіемъ этого было возвваніе, напечатанное въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» отъ здѣшнихъ дамъ къ пожертвованію въ пользу православныхъ церквей, братствъ и школъ балтійскаго края. Благодаря большому сочувству общества, дѣло наше пошло хорошо. Оно возникаетъ и въ Петроградѣ и также въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Государыня императрица и царскія дѣти пожертвовали деньги и разныя церковныя принадлежности. Хотя государынѣ императрицѣ, говоря о нашихъ дѣлахъ, и угодно называть его: «*votre soci t , votre association*», но мы не дерзаемъ еще принимать название общества или комитета, полагая, что дѣло не въ кличкѣ, а въ сущности самаго дѣла. А что оно полезно и дѣствуетъ благотворно, въ томъ я вполнѣ убѣдился въ послѣднюю поѣздку въ Ригу. Къ превеликой моей радости я нашелъ тамошній православный и неправославный русскій людъ какъ бы воскресшимъ, обновленнымъ. Такъ пригрѣль нашихъ балтійскихъ братьевъ первый лучъ теплого русскаго солнца». Далѣе графъ Комаровскій пишетъ о стараніяхъ его по проведенію Ковно-либавской желѣзной дороги, «въ виду прочнѣйшаго закрѣпленія балтійскаго края за Россіей» и въ этомъ отношеніи отдаетъ справедливость «Московскимъ Вѣдомостямъ», которая однѣ «съ непоколебимымъ постояннствомъ» отстаивали необходимости этой дороги, и прибавляетъ: «Надѣюсь, что мнѣ удастся, когда концессія на эту дорогу будетъ выдана, видѣть редакторовъ «Московскихъ

Въдомостей», потрудившихся по дѣлу Ковно-либавской дороги, избранными въ почетные граждане г. Либавы».

Осенью этого года мнѣ предстояла было интересная поездка въ Римъ вслѣдь за королевою, отправившуюся туда, чтобы познакомить съ сокровищами древности и искусства воспитывавшуюся у нея великую княжну Вѣру Константиновну. Къ сожалѣнію, обстоятельства не позволили мнѣ увидать Римъ въ этотъ интересный моментъ, когда тамъ собрался известный ватиканскій соборъ. Правда, изъ свиты королевы мнѣ сообщали подробности о всемъ происходившемъ въ это время въ вѣчномъ городѣ, но все это было не то, что мнѣ пришлось испытывать лично нѣсколько лѣтъ спустя при моемъ посвѣщеніи Рима, хотя и не въ такую интересную минуту, какъ въ этомъ году. О пребываніи нашей королевы въ Римѣ и ея свиданіи съ папою Піемъ IX много говорили и писали въ это время въ газетахъ. По этому случаю мнѣ писала оттуда воспитательница ¹⁾ великой княжны Вѣры Константиновны: «Мы здѣсь читаемъ въ газетахъ разговоръ ея величества съ папою и не понимаемъ, какъ могутъ печатать и выдавать за истину то, что было говорено еп. tête à tête». А говорено было, какъ я послѣ узналъ отъ самой королевы, между прочимъ, о назначеніи на вакантную каѳедру католическаго епископа въ Виртембергѣ профессора Тюбингенскаго университета Гефеле, который присутствовалъ въ это время на ватиканскомъ соборѣ и успѣлъ уже заявить себя протестомъ противъ дебатировавшагося вопроса о непогрѣшимости папы. И несмотря на это, ходатайство королевы было принято во вниманіе, и Гефеле былъ назначенъ епископомъ Ротенбургскимъ съ именемъ Іосифа. Правда, его заставили при этомъ произнести Pater, рескав! и при новомъ изданіи его известной исторіи соборовъ смягчить его рѣзкій отзывъ объ еретичествѣ папы Либерія, которое онъ особенно выставлялъ, какъ доказательство противъ непогрѣшимости папы. Изъ подробностей настоящаго пребыванія въ Римѣ заимствую изъ того же письма слѣдующее: «Въ прошлый понедѣльникъ мы присутствовали при посвѣщеніи одного испанца въ кардиналы; по правдѣ сказать, это чистая комедія, которой придаютъ только окраску духовной церемоніи. Сегодня же была торжественная служба въ церкви св. Петра въ присутствии папы и всего духовенства здѣшняго и иностранного, съѣхавшагося со всѣхъ концовъ свѣта на предстоящей соборѣ. По окончаніи богослуженія была процессія, въ которой принималъ участіе и папа, несшій св. дары, а духовенство шло попарно съ зажженными свѣчами. Прибавьте къ этому великолѣпное пѣніе папской капеллы и массы народа, стоящаго на колѣнахъ. Картина была поразительно хороша.

¹⁾ Е. М. Трусова.

Но при этомъ надо боя замѣтить, что мы все въ Римѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, чувствуемъ отсутствіе, или, лучше сказать, недостатокъ нашей православной церкви. Вчера королева поѣхала въ церковь св. Хризостома, прежнюю греческую церковь, гдѣ теперь служать приѣхавшіе сюда армяне, но нашла ее пустою. Въ катакомбѣ мы ходили вмѣстѣ съ Путятиными подъ руководствомъ Palmer'a, который изъяснялъ памъ все очень подробно». Все это заставило меня очень сожалѣть, что меня тамъ не было, и укрѣпляло во мнѣ намѣреніе побывать въ Римѣ, чemu суждено было исполниться только 12 лѣтъ спустя.

Въ заключеніе воспоминаній этого года не могу удержаться, чтобы не приложить здѣсь письма ко мнѣ Владимира Павловича Титова, которое хотя и не содержитъ въ себѣ никакихъ особенно важныхъ извѣстій изъ Рима, тѣмъ не менѣе интересно по своему характеру, свойственному перу этого во всякомъ случаѣ исторического дѣятеля, который умѣлъ въ мимолетныхъ чертахъ давать намеки на современные теченія. Вотъ это письмо:

«С.-Петербургъ, 29-го сентября 1869 года. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ норовлю заявить вамъ, добрый, почтенныйший батюшка, возвратъ мой на сырые холодные берега финской нашей Леты изъ Елисейскихъ полей замосковной Руси, гдѣ мое лѣто текло среди жаровъ, достойныхъ средней Италіи. Всльдѣ за письмомъ моимъ отъ 17-го текущаго мѣсяца къ ея величеству королевѣ, узналь я подлежащій скорому исполненію проектъ путешествія ея съ Вѣрой Константиновной въ Римъ. Прибавляють, что и вы думаете употребить въ пользу вакантъ, создаваемый отсутствіемъ августейшей покровительницы стутгартскаго православнаго прихода, на тотъ конецъ, чтобы съ вашей стороны взглянуть на открытие сице рекомаго вселенскаго собора и погрѣться цѣлебными лучами южнаго солнца. Дай Богъ, чтобы вліяніе ихъ оказалось подлинно цѣлебнымъ въ крымской Ливадіи. Всѣ здѣсь заняты вопросомъ: гдѣ окажется удобнѣйшимъ зимовать въ ожиданіи возстановленія силъ императрицы? Между тѣмъ, здѣшній офиціальный міръ понемножку воскресаетъ изъ лѣтняго, не столько еще застоя, сколько разброда. Завтра 30 лѣтняя годовщина службы нашего принца Петра Георгіевича по воспитательнымъ и благотворительнымъ заведеніямъ императрицы Маріи. Всѣ званы на открытие новой больницы, жертвуемой городу принцемъ, и на освященіе тамъ Петропавловской домовой церкви. Будутъ, вѣроятно, о. Васильевъ и кое-кто еще изъ членовъ комиссіи, наряженной, дабы разсудить адресъ Овербека къ Св. Синоду за подписью 106 западныхъ христіанъ, желающихъ сочетаться съ православною церковью во всемъ, исключая нѣкоторыхъ мѣстныхъ своихъ обрядовъ. Проведя въ Москвѣ 10 дней на обратномъ сюда пути, я познакомился тамъ съ англичаниномъ Хетзерле, который, чисто и всецѣло

перейдя въ нашу вѣру, добивается денегъ на постройку греко-восточного храма въ небольшомъ промышленномъ городѣ близъ Бирмингама, гдѣ самый собиратель будетъ служить православную обѣдню на англійскомъ нарѣчіи. Я надѣялся, но, увы, не могу извѣстить васъ о вступлении въ духовную семинарію облагодѣтельствованнаго королевою крестника моего Владимира Смирнова. Онъ не выдержалъ экзамена приемнаго, впрочемъ, кажется не по своей винѣ, а потому, что заранѣе было велико принять всего 20 мальчиковъ изъ числа слишкомъ 80 охотниковъ. Опасаются переполнить церковныя училища, въ виду сокращенія числа сельскихъ приходскихъ церквей, сокращенія, которое, впрочемъ, не обойдется безъ многихъ ощущительныхъ неудобствъ. Если ворота въ церковную карьеру найдутся слишкомъ узкими, то и Смирнову придется, по примѣру другихъ, готовить себя къ мірскимъ профессіямъ. Я ему толкую не терять духу и продолжать учиться дома для поступления со временемъ, можетъ статься, въ гимназію. — Жена моя задержана въ Парижѣ кончиною престарѣлой своей тетки.— Не знаю теперь, когда ожидать ее назадъ. Преданный вамъ Титовъ».

(Продолжение следуетъ).

*

Просьба арестантовъ въ 1812 году объ отправлениі ихъ въ дѣйствующую армію.

Предложеніе Сенату министра юстиціи И. И. Дмитриева.

22-го сентября 1812 г. № 4838.

По высочайшему его императорскаго величества повелѣнію, главно-командующій въ С.-Петербургѣ г. генераль-отъ-инфантсрии Вязмитиновъ препроводилъ ко мнѣ списокъ о содержащихся въ здѣшней Градской тюрьмѣ арестантахъ, объявившихъ желаніе вступить въ военную службу, съ тѣмъ, чтобы ихъ употребить въ первое дѣло противъ непріятеля.

По разсмотрѣніи моемъ означенного списка, я имѣль счастіе входить съ докладомъ къ государю императору, и его императорское величество высочайше повелѣть соизволить:

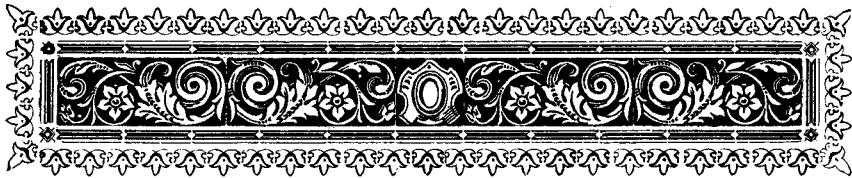
1) Дѣла о подсудимыхъ дворянскаго состоянія, производящіяся въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ здѣшней губерніи и въ Правительствующемъ Сенатѣ, привести немедленно къ окончанію на основаніи законовъ. На сей конецъ предоставить разсмотрѣніе ихъ уголовной и гражданской палатамъ по равнымъ частямъ, а въ Правительствующемъ Сенатѣ 1-му и 2-му отдѣленіямъ 5-го департамента, и по мѣрѣ окончанія ихъ подносить всеподданнѣйшіе доклады на высочайшую конфирмацию.

2) Дѣла о разночинцахъ, преданныхъ суду за кражу, пристанодержательство, составленіе подложныхъ актовъ и тому подобное, гдѣ съ обличеніемъ подсудимаго сопрягается и удовлѣтвореніе обижденныхъ, раздѣля подобнымъ же образомъ между уголовною и гражданскою палатами, привести немедленно къ окончанію на основаніи законовъ.

3) Дѣла о людяхъ простаго состоянія, судимыхъ за побѣгъ, составленіе фальшивыхъ паспортовъ, отпускныхъ и тому подобное, гдѣ преступленіе влечетъ по себѣ одно личное взысканіе безъ всякой сторонней претензіи, далѣе не производить и таковыхъ подсудимыхъ отправить немедленно по распоряженію главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ въ полки дѣйствующей арміи противъ непріятеля.

Я честь имѣю предложить Правительствующему Сенату о приведеніи въ надлежащее исполненіе послѣдовавшей по сему предмету высочайшей воли.

Театральные интриги въ 1822 году.

(В. А. Караганть и П. А. Катенинъ).

П. А. Караганть въ VIII-ой главѣ своихъ «Записокъ» довольно подробно разсказываетъ о двухъ театральныхъ мелочахъ 1822 года, бывшихъ въ Петербургѣ, именно — объ арестованіи брата его извѣстного трагического актера Василія Андреевича Караганина и о высылкѣ изъ столицы записного театрали и писателя Павла Александровича Катенина. Факты эти сами по себѣ незначительные, даже мелочные, но они представляютъ любопытную страничку въ исторіи отношеній нашей публики, общества и власти къ театральнымъ дѣятелямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчиво говорять о той чрезмѣрной строгости, которая къ этимъ дѣятелямъ прилагалась.

Мелочи, о которыхъ идетъ рѣчь, небезъизвѣстны, и мы напоминаемъ о нихъ не по чему-либо иному, какъ изъ желанія подѣлиться съ публикой имѣющимися у насъ «документальными» данными къ упомянутымъ двумъ исторійкамъ.

Документы эти — «Переписка по поводу арестованія и освобожденія актера Караганина» и «Дѣло о неприличномъ поведеніи въ театрѣ отставного полковника Катенина и о высылкѣ его изъ С.-Петербурга, съ воспрещеніемъ вѣзда въ обѣ столицы» — отчасти исправляютъ, отчасти восполняютъ и иллюстрируютъ свѣдѣнія, проникшія въ печать, а потому могутъ быть для любителей и не лишними и не безъинтересными¹).

¹) «Переписка» (въ копії) была весьма любезно предоставлена въ наше распоряженіе Г. А. Иванинскимъ, нашедшимъ ее въ Архивѣ Комендантскаго Управлѣнія С.-Петербургской крѣпости. «Дѣло» извлечено нами при содѣй-

Однинадцатого марта 1822 года въ 9-мъ часу вечера комендантъ С.-Петербургской крѣпости А. Я. Сукинъ получилъ отъ графа М. А. Милорадовича слѣдующую записку: «Милостивый Государь, Александръ Яковлевич! Актеръ Карадигинъ (sic) нагрубилъ и продолжаетъ грубить главному директору ¹⁾, почему, дабы здѣлать примѣръ, прошу вашего превосходительства его посадить въ крѣпости впредь до повеленія». Просьба генералъ-губернатора была немедленно исполнена: въ 10 часовъ вечера того же дня Каратыгинъ былъ уже доставленъ въ крѣпость и посаженъ въ казематъ. Отецъ и братъ Василія Андреевича скрыли отъ матери «преступника» его участъ, и та узнала о судьбѣ сына лишь на другой день отъ пріѣхавшихъ къ нимъ актрисы А. М. Колосовой и П. А. Катенина. Рѣшено было написать просьбу о помилованіи и ѿхать къ генералъ-губернатору...

Перепуганная А. Д. Каратыгина взяла наскоро составленное Катенинымъ прошеніе и въ сопровожденіи Колосовой поѣхала къ гр. Милорадовичу съ ходатайствомъ за сына. Графъ принялъ дамъ очень строго, его не тронули и слезы несчастной матери преступника; но смѣлыя рѣчи Колосовой подействовали на генералъ-губернатора...

«Этотъ урокъ»—сказалъ онъ, отпуская просительницъ—«быть нуженъ молодому либералу, который набрался духу отъ своего учителя Катенина ²⁾; впрочемъ, нынѣшній же день велю его освободить».

Дѣйствительно, въ тотъ же день гр. Милорадовичемъ была написана, а на слѣдующій отправлена къ коменданту крѣпости слѣдующая записка: «Милостивый государь, Александръ Яковлевич! Актера Карадигина въ уваженіе раскаянія его и по желанію Аполлона Александровича Майкова прошу приказанія выпустить изъ крѣпости». А отъ директора театровъ комендантъ получилъ 13-го же марта письмо такого содержанія: «Милостивый государь, Александръ Яковлевич! Прилагаемое при семъ письмо къ содержащемуся подъ арестомъ актеру Каратыгину покорнѣйше прошу ваше превосходительство приказать ему вручить, и, когда онъ прочтетъ оное, то съ подателемъ же сего, освободя его изъ-подъ ареста, препроводить ко мнѣ,—о честь имѣю при семъ присоединить и приказаніе его сіятельства графа Михайла Андреевича. Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйший слуга Аполлонъ Майковъ». Итакъ, В. А. Кааратыгинъ былъ освобожденъ, послѣ

ствіи А. З. Мышиловскаго изъ бумагъ, принадлежащихъ Военно-ученому архиву. Названныхъ лицъ покорнѣйше просимъ принять нашу искреннюю признательность.

¹⁾ Т. е. директору театровъ—А. А. Майкову.

²⁾ П. А. Катенинъ былъ учителемъ декламаціи В. А. Кааратыгина и другомъ его.

того какъ просидѣлъ въ казематѣ 42 часа¹⁾). До насъ не дошло письмо А. А. Майкова къ В. А. Каратыгину, и не извѣстно, было ли Каратыгінъ изложено письменно раскаяніе, о которомъ говорится во второмъ приведенномъ нами предписаніи генераль-губернатора; но въ чёмъ состояло «преступленіе» В. А. Каратыгина, извѣстно изъ «Записокъ» брата знаменитаго нашего трагика.

«Въ 1822 году, 9-го марта, на 4-й недѣлѣ великаго поста»— говорить онъ—«быть у насъ въ театральномъ училищѣ домашній спектакль, подъ руководствомъ кн. Шаховскаго. Я участвовалъ въ этомъ спектаклѣ, и братъ мой пришелъ посмотреть меня... По окончаніи первой пьесы, въ которой я игралъ, мы съ братомъ вышли въ танцovalную залу, где тогда помѣстили учебные столы и скамейки, которые были сдвинуты на самый конецъ залы. Отойдя къ сторонѣ, мы прислонились къ одному изъ этихъ столовъ и начали разговаривать между собою; онъ дѣлалъ мнѣ нѣкоторая замѣчанія на счетъ съигранной мною роли. Во время антракта зала наполнилась нашей театральной публикой; на другомъ концѣ этой длинной залы были кн. Шаховской и Майковъ; мы, загороженные отъ нихъ толпою, вовсе ихъ не замѣтили и продолжали спокойно разговаривать. Вдругъ Майковъ подбѣжалъ къ намъ и съ рѣзкимъ выговоромъ обратился къ брату, какъ онъ смѣлъ сидѣть въ его присутствии. Братъ, озадаченный такою неожиданностью, нѣсколько сконфузился и отвѣчалъ, что, во-первыхъ, онъ не сидѣлъ, а стоялъ, прислонясь къ столу; во-вторыхъ, вовсе не видалъ его. Майковъ не хотѣлъ слышать никакихъ оправданій и явно старался своею грубостью вызвать мосго брата на дерзость.

— Ты мальчишка,—говорилъ онъ ему—я научу тебя уважать начальство! Ты не смотри на то, что я хожу въ старомъ фракѣ,—я все-таки твой директоръ и не позволю тебѣ забываться передо мной!..

Братъ мой поблѣдѣлъ отъ негодованія и твердо отвѣчалъ ему: «Повторяю вамъ, ваше превосходительство, что я васъ не видалъ. Что же вамъ еще отъ меня угодно?»—«Хорошо, хорошо! Я проучу тебя за эту дерзость!» сказалъ онъ и, отойдя отъ насъ, началъ опять разговаривать съ княземъ Шаховскимъ вполголоса... Слѣдующій затѣмъ день прошелъ очень спо-

¹⁾ П. А. Каратыгинъ говорить, что, отиуская преступника, комендантъ обратился къ нему съ слѣдующими напутственными словами: „Я, по моей должности, никогда не бываю въ театрѣ, но слышалъ отъ многихъ знакомыхъ, что вы артистъ даровитый; вотъ, теперь, какъ вамъ придется представлять на сценѣ какого-нибудь арестанта, вы, побывши у насъ, конечно, еще натуральне сыграете свою роль. Прощайте, сударь! До свиданія я уже не скажу вамъ (смѣючись, прибавилъ онъ). Я къ вамъ въ театрѣ неѣзжу, такъ дай Богъ, напредки и вамъ не посѣщать насъ грѣшныхъ. Желаю вамъ успѣховъ. Не поминайте насъ лихомъ“ („Записки“. С.-Петербургъ. 1880, стр. 88).

коинъ, и мы полагали, что тѣмъ и кончится эта вздорная исторія¹⁾. Но братья, какъ оказалось, ошибались: исторія только что начиналась.

Трудно сказать, насколько достовѣренъ разсказъ П. А. Карагыгина, и въ совершенной точности не известны подробности преступленія его брата; но известенъ достовѣрно тотъ фактъ, что за губость своему начальству актеръ могъ получить довольно внушительный «урокъ»: не больше, не меныше, какъ заключеніе въ крѣпость.

Павла Александровича Катенина, друга и учителя В. А. Карагыгина, постигла въ тотъ же годъ еще горшай участъ: за свое сильное пристрастіе къ театральнымъ дѣламъ и дѣлишкамъ и за слишкомъ свободное и громкое выраженіе своихъ театральныхъ вкусовъ онъ былъ лишенъ права входа въ театры и даже былъ высланъ изъ Петербурга, «съ воспрещеніемъ вѣзда въ обѣ столицы». Кара, понесенная Катенинымъ, въ свое время надѣлала много шума въ петербургскомъ театральномъ мірѣ. О близайшемъ поводѣ и причинахъ удаленія Катенина отъ храма Мельпомены повѣствуетъ и лѣтописецъ русскаго театра П. Н. Араповъ, разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ» и П. А. Карагыгинъ и отецъ послѣдняго А. В. Карагыгинъ въ своемъ «Дневнике²⁾; самъ П. А. Катенинъ вотъ что писалъ между прочимъ о постигшей его непріятной исторіи своей хорошей знакомой-артисткѣ А. М. Колосовой³⁾: «Я болѣе не хожу въ русскій театръ. мнѣ это чисто-на-чисто воспретили. Я былъ насколько непочтителенъ, что сказалъ вслухъ послѣ представлениія «Поликсены», что царица-мать не имѣеть права выводить съ собою своихъ протеже, которыхъ никто не вызываетъ; любовникъ Гекубы по этому поводу насплетничалъ, а сія вдова Пріама, которая всегда была зла, а въ этотъ день злѣе обыкновеннаго, потому что ей меныше апплодировали, чѣмъ молодому Пирру⁴⁾, который впервые имѣлъ честь играть съ нею,—явилась съ великимъ шумомъ жаловатьсяся, говоря, что она не можетъ быть спокойна на сценѣ до тѣхъ поръ, пока я буду въ залѣ. Аполлонъ⁵⁾, по совѣту Аристофана⁶⁾, обратился къ нынѣшнему, вамъ знакомому Меценату⁷⁾, а Меценатъ, черезъ три

¹⁾ „Записки“, стр. 82—83.

²⁾ См. „Лѣтопись русскаго театра“ П. Арапова, Спбрг. 1861, стр. 328—329; „Записки П. А. Карагыгина“ Спбрг. 1880, стр. 89—91; „Русскій театръ въ царствованіе Александра I-го“, въ „Рус. Стар.“ 1880 г., № X, стр. 272.

³⁾ Въ письмѣ отъ октября 1822 года. Письма П. А. Катенина къ А. М. Колосовой напечатаны В. И. Боцяновскимъ въ „Рус. Стар.“ 1893 г., № III и IV.

⁴⁾ В. А. Карагыгину.

⁵⁾ А. А. Майковъ.

⁶⁾ Ен. А. А. Шаховского.

⁷⁾ Гр. М. А. Милюрадовичу.

дня призвавъ меня къ себѣ, запретилъ мнѣ навсегда входъ въ русскій театръ. Въ основѣ этого дѣла лежитъ нечто гнусное, но есть въ немъ и добрая доля смѣшныхъ подробностей, о которыхъ вы узнаете по возвращеніи: писать было бы слишкомъ долго. Утѣшаюсь тѣмъ, что, когда это дѣло стало предметомъ общихъ разговоровъ, нашлось не болѣе трехъ или четырехъ голосовъ, не принявшихъ мою сторону; но увы! я тѣмъ не менѣе страдаю, ибо мнѣ скучно, и я не смѣю дѣлать того, что дѣлаютъ всѣ, потому что... Слышатся ли подобныя вещи въ Парижѣ?»¹⁾.

Итакъ, Катенинъ навлекъ на себя наказаніе «непочтительностью» къ знаменитой трагической актрисѣ Е. С. Семеновой, непочтительностью особенно рѣзко выражившейся 18-го сентября 1822 г. при представлении трагедіи Озерова «Поликсена». Небезинтересно поэтому вспомнить, какъ прошелъ этотъ роковой для Катенина спектакль. Сообщаемъ свѣдѣнія о немъ по имѣющимся подъ руками данными, сопоставленіе которыхъ не лишено интереса. Вотъ что прежде всего говорится въ офиціальномъ донесеніи графа М. А. Милорадовича государю: «18-го сентября давали на Большомъ театрѣ трагедію «Поликсена», въ которой ролю Гекубы играла Семенова большая, ролю Пирра (В. А.) Карапыгинъ, а роли Агамемнона Брянской. Публика по обыкновенію вся вообще аплодировала Семеновой, отчасти же аплодировано было и Карапыгину. По окончаніи спектакля публика вызывала Семенову, продолжая аплодировать. Нѣкоторые голоса вызывали новую дебютантку—воспитанницу театральной школы Азаревичеву, игравшую роль Поликсены. Отставной полковникъ Катенинъ кричалъ: «Карапыгина!» Когда занавѣсь былъ поднятъ, то показалась Семенова съ Азаревичевою и принятая была съ обыкновеннымъ восторгомъ; но полковникъ Катенинъ кричалъ: «не надо бояться ихъ; дайте намъ Карапыгина!» Всталъ изъ кресла и махалъ руками, повторяя сіе съ крикомъ нѣсколько разъ. Семенова, услышавъ сіе и замѣтивъ маханіе руками, подала знакъ Азаревичевой подойти ближе, однако жъ со всѣмъ приличиемъ сдѣлала нѣсколько поклоновъ публикѣ. Между тѣмъ слышны были голоса: «Какъ это дерзко! Какъ это можно себѣ позволить!» Нѣсколько другихъ вызывали Карапыгина и Брянского. Занавѣсь опять поднята. Карапыгинъ и Брянский вышли на сцену. Потомъ занавѣсь опущена и тѣмъ все окончилось. На счетъ поступка Катенина были въ партерѣ непріятныя сужденія. Я былъ въ креслахъ и хотя я замѣтилъ поступокъ Катенина, но не подавалъ никакого вида.

На другой день узналъ я, что Катенинъ уговорилъ нѣсколько своихъ

¹⁾ А. М. Колосова находилась въ то время въ Парижѣ.

знакомыхъ какъ можно болѣе апплодировать Каратыгину и стараться, чтобы онъ былъ вызванъ прежде Семеновой; но когда увидѣль, что вся публика желала вызвать Семенову, тогда онъ сдѣлалъ ей вышеозначенное огорченіе. Узналъ я также, что Катенинъ дерзокъ и подбираетъ въ партерѣ партіи, дабы господствовать въ ономъ и заставлять актеровъ и актрисъ искать его покровительства. А посему и нашель я приличнымъ пригласить къ себѣ полковника Катенина, внушилъ ему неблагоразумный его поступокъ, какъ относительно Семеновой, которую онъ огорчать не имѣлъ права, равномѣрно и относительно публики, которая была тѣмъ недовольна, отчего могла бы произойти съ кѣмъ-либо и скора. Совѣтовалъ ему впредь въ русской театрѣ неѣздить, дабы рѣшительно прекратить подобные поступки и могущія отъ оныхъ случиться непріятныя происшествія»¹⁾.

Въ «соответствіи» съ донесеніемъ графа Милорадовича былъ напечатанъ и отчетъ обѣ этомъ спектаклѣ въ журналѣ «Благонамѣренный» (единственная отличающаяся подробностями рецензія на «Поликсену», данная тогдашней периодической печатью.)

«Чѣмъ инымъ можно начать замѣчанія о семъ представлѣніи»—чи-таемъ въ «Благонамѣренномъ»²⁾—«какъ не признательностью и удивленіемъ къ неподражаемому таланту г-жи Семеновой б(ольшой). Чего не въ состояніи сдѣлать она надъ сердцемъ зрителя?... Нѣть, ничье перо не выразить всего того, что чувствовалъ я при видѣ несчастной Гекубы, и я, не умѣя говорить обѣ игрѣ несравненной Семеновой, молчу... но доволенъ по крайней мѣрѣ тѣмъ, что понимаю ее». Далѣе идетъ снисходительный отзывъ обѣ игрѣ Азаревичевой и Брянского. Но вотъ какое замѣчаніе находимъ обѣ игрѣ В. А. Каратыгина: «Хотя роль Ширра весьма незавидна, но, вѣроятно, г. Каратыгинъ обнадеженьбылъ, что онъ отличится, и потому-то не щадя ни себя, ни зрителей, выбивался изъ силъ и кричалъ... Ахъ! какъ онъ кричалъ! А охрипілый голосъ его доказывалъ, что, приготовляясь отличиться, навѣрное разъ десятокъ также прокричалъ онъ роль свою и на дому. Какъ жаль этого молодого актера, подававшаго прежде большую о себѣ надежду! Неужели не краснѣлъ онъ, выходя послѣ піесы вмѣстѣ съ Семеновой и не былъ

¹⁾ Изъ „Дѣла о неприличномъ поведеніи въ театрѣ отст. полк. Катенина“ и пр. (Военно-ученый архивъ).—Катенинъ такъ передалъ своимъ друзьямъ замѣчаніе, сдѣланное ему гр. Милорадовичемъ: „Первая наша актриса Семенова, чувствуя себя вами обиженнай, не желаетъ болѣе являться на сцену, если вы, г. Катенинъ, останетесь судьею ея представлѣній, а это было бы большое лишеніе для публики, и потому я васъ прошу неѣздить въ театрѣ, когда г-жа Семенова будетъ играть“ (См. у Арапова, „Лѣтопись рус. театра“, стр. 329.)

²⁾ „Благонамѣренный“ 1822 г., ч. XX, стр. 140—146.

внутренно убѣжденъ, что игралъ Пирра чрезвычайно дурно, такъ дурно, какъ никогда еще не игралъ?...

«Если до такой степени успѣли уже его ослѣпить, то, искренно со- жалѣя о немъ, вину тѣхъ мнимыхъ знатоковъ театра, которыхъ онъ слушается; вину также партеръ и раѣкъ, которымъ давно надлежало бы запретить хлопанье и вызовы и предоставить это право только сидя- щимъ въ креслахъ».

О степени достовѣрности и правдивости этого отзыва можно су- дить уже по одному пристрастію и по запальчивости, которыми дышетъ перо рецензента. Очевидно, что послѣдній не столько хотѣлъ возвеличить уже знаменитую Семенову, сколько унизить ученика Катенина и вмѣстѣ съ тѣмъ (между строкъ) излить свое негодованіе по поводу прошедшаго скандала. Ясно, какъ день, что журналъ А. Е. Измайлова былъ весьма недоволенъ апплодисментами, раздававши- мися въ честь Пирра-Каратыгина. Прямымъ подтвержденіемъ этому можетъ служить и замѣчаніе самого редактора-издателя по поводу апплодисментовъ вообще, сдѣланное, правда, не въ отчетѣ о спектаклѣ, 18-го сентября, но представляющее несомнѣнныи отголосокъ этого злополучнаго спектакля. (Оно и напечатано-то въ одной книжкѣ съ от- зывомъ о «Поликсенѣ»). Вотъ это замѣчаніе: «Желательно, чтобы вы- зовы и даже апплодисменты въ нашемъ театрѣ дѣлались безъ всякихъ пристрастій. Интриги между актеровъ непростительны; но ин- триги между зрителями во сто разъ непростительнѣе. И сколько есть молодыхъ шалуновъ, которые безъ зазрѣнія совѣсти говорять публично, что по приказанію какого-нибудь молокососа-сочинителя аппло- дировали такому-то актеру, или шикали такой-то актрисѣ. О, дѣти! некому вѣсъ сѣчь!» ¹⁾.

Ниже мы постараемся выяснить причины такого неодобрительного отзыва «Благонамѣреннаго» и намековъ его редактора-издателя, теперь же послушаемъ, что говоритъ altera pars. Отецъ знаменитаго впослѣд- ствіи В. А. Каратыгина—А. В. Каратыгинъ отмѣтилъ въ своеъ дне- вникѣ: «Сентября 18-го. «Поликсена», трагедія В. А. Озерова... Пріемъ Василія въ роли Пирра былъ чрезвычайный. Это породило зависть въ г-жѣ Семеновой, которая обратила своеъ мненіе на П. А. Катенина, будто бы онъ, при вызовѣ ея, кричалъ: «не надо!» Она сама непра- вильно поступила, выведя съ собой на сцену свою ученицу Азареви- чеву, которую хотя и вызывали, но очень слабо... и г. Катенину запре- щено было єздить въ театры. О правосудіе!» ²⁾. Послушаемъ, наконецъ, что говоритъ объ этомъ же спектаклѣ лѣтописецъ русскаго театра:

¹⁾ «Благонамѣренный» 1822 г., ч. XX, стр. 108, примѣчаніе.

²⁾ «Русск. Старина» 1880 г., № X, стр. 272.

«18-го сентября, дана была въ бенефисъ Толченова трагедія Озерова «Поликсена». Кат. Сем. Семенова руководила въ это время Мар. Азаревичеву въ приготвляемыхъ ею роляхъ молодыхъ принцессъ въ трагедіи. Нельзя было отказать молодой актрисѣ въ дарованії; но талантъ ея значительно уступалъ таланту Алекс. Мих. Колесовой, которой появление на русской сценѣ въ подобномъ аплюа было появление замѣчательное... В. А. Каратыгинъ въ первый разъ игралъ въ трагедіи «Поликсена» съ Семеновой роль Пирра... Трагедія была сыграна на славу; театръ былъ полонъ; пріемъ Каратыгина въ роли Пирра былъ чрезвычайный: зала безпрестанно оглашалась рукоплесканіями послѣ его монологовъ, и это возродило зависть въ Семеновой. По опущеніи окончательно занавѣса, публика начала вызывать Каратыгина; Семенова, привыкшая разыгрывать сценическую повелительницу, вывела Азаревичеву и, отступивъ нѣсколько шаговъ назадъ, безмолвно объяснила публикѣ, что слава этого пріема должна относиться къ ея ученицѣ. Многимъ любителямъ театра не понравилось это, и нѣсколько голосовъ закричали: «Азаревичеву на надо!» Когда произошелъ шумъ въ театрѣ, П. А. Катенинъ громко замѣтилъ, что «не слѣдовало Азаревичевой выходить, никто ее не звалъ, и что это—дерзость со стороны Семеновой и значитъ смѣяться надъ публикой». Такое заключеніе Катенина, кото-раго Семенова не любила за его руководство Каратыгина, было передано ей тотъ же вечеръ съ прибавленіями, какъ это всегда водится»... ¹⁾).

Сопоставляя всѣ приведенные данные объ этомъ спектаклѣ, не трудно замѣтить, что они, сходствуя въ мелочахъ, различно говорятъ именно о самомъ главномъ—степени «неприличія» въ поступкѣ Катенина и о поводахъ къ скандалу, Катенинымъ въ театрѣ учиненному. Хорошо ли дѣйствительно игралъ П. А. Каратыгинъ, были ли въ честь его шумные аплодисменты, кричалъ ли Катенинъ «Семенову не надо!», вотъ собственно пункты, безпристрастное освѣщеніе которыхъ дало бы возможность выяснить степень виновности Катенина. Въ донесеніи графа Милорадовича, несмотря на всю его официальность, чувствуется пристрастіе: оно въ пользу Семеновой. И это понятно. Милорадовичъ былъ предупрежденъ; ему были известны и прежнія «самонадѣянныя и неприличныя выходки» пылкаго и увлекающагося Катенина; наконецъ, графъ Милорадовичъ скорѣе могъ принять сторону Семеновой [пріѣхавшей къ нему на другой же день послѣ скандала въ театрѣ съ жалобой], какъ потому, что знаменитая трагическая актриса, съ упрочившейся репутацией «неподражаемой», пользовалась его отмѣннымъ покровительствомъ, такъ и потому, что за нее горой стояло большинство

¹⁾ Араповъ, „Лѣтопись русскаго театра“. Спб. 1861 г., стр. 327—328.

«высокопоставленныхъ» цѣнителей искусства (начать хотя бы съ князя И. А. Гагарина, впослѣдствіи на ней женившагося), которые, конечно, требовали возмездія за причиненное актрисѣ—выражаясь языкомъ донесенія—«огорченіе»... Что же касается журнала А. Е. Измайлова, то отъ него и нельзя было ожидать безпристрастнаго голоса тамъ, гдѣ рѣчь шла о Катенинѣ. Издатель «Благонамѣреннаго», во-первыхъ, былъ горячимъ и убѣжденнымъ поклонникомъ Е. С. Семеновой, а главное—литературнымъ врагомъ Катенина. Въ «Благонамѣренномъ» мы находимъ не мало самыхъ восторженныхъ отзывовъ о первой и самые рѣзкіе приговоры литературной дѣятельности второго; въ перепискѣ же Измайлова находимъ и весьма несочувственныій отзывъ о Катенинѣ, какъ учитель декламації ¹⁾). Катенинъ, въ свою очередь, терпѣть не могъ Измайлова и вотъ что, между прочимъ, писалъ однажды А. М. Колюсовой: «Не лишнимъ полагаю вѣсть и Евгению Ивановну (мать А. М.) предостеречь на счетъ «Благонамѣреннаго» Измайлова, который къ вамъ Ѣздитъ. Это — преподлое животное, преданное Тиграну ²⁾ и Семеновой; нѣтъ имени достойнаго тѣхъ статей, которыя онъ обо мнѣ печаталъ,—это превосходитъ вѣроятіе ³⁾). Берегитесь и вы, а то онъ пожалуй, Ѣздить къ вамъ будетъ и прочее, да какъ обругаетъ въ журналѣ, такъ и досадно даться въ обманѣ» ⁴⁾.

Далѣе. Обращаясь къ «показаніямъ» Арапова, А. В. и П. А. Карагыгиныхъ, мы замѣчаемъ въ нихъ сочувственное отношеніе къ Катенину; они подтверждаютъ шумный и заслуженный успѣхъ В. А. Карагыгина, а въ «неприличномъ поступкѣ» Катенина видѣть лишь вполнѣ понятное и справедливое негодованіе страстиаго театрала. Если вѣрить П. А. Карагыгину, то Катенинъ и по отношенію къ Семеновой былъ далеко не непочтителенъ: по его словамъ, Катенинъ не кричалъ «Семенову не надо!», а кричалъ «Семенову одну!», когда та вышла съ Азаревичевой ⁵⁾. Но, какъ бы то ни было, а блестителями тишины и порядка поведеніе Катенина было найдено неприличнымъ. Оправдывать виновнаго вполнѣ было бы рисковано.

Не забудемъ, что хотя Катенинъ и былъ дѣйствительно окружены интригами, но онъ и самъ нерѣдко ихъ велъ. Вѣдь это былъ страшный, самолюбивый, «вѣчно-кипѣвшій, какъ кофейникъ»—по выраженію Ф. Ф.

¹⁾ „Не умѣя, подобно прочимъ нашимъ учителямъ декламаціи, читать, Катенинъ обучаетъ молодую Колюсову“,—писалъ однажды А. Е. Измайлова И. И. Дмитреву. (См. „Русскій Архивъ“ 1871 г., №№ 7 и 8, ст. 972)

²⁾ Т. е. графу М. А. Милорадовичу.

³⁾ Катенинъ имѣлъ въ виду статьи, напечатанные о его „Спѣѣ“ въ 21 и 22 ч. „Благонамѣреннаго“ за 1823 г.

⁴⁾ „Русск. Стар.“ 1893 г., № 3, стр. 653—654.

⁵⁾ „Записки П. А. Карагыгина“. Спб. 1880 г., стр. 91.

Вигеля—театраль. Что Катенинъ м о гъ вызвать въ театрѣ скандалъ,— это вѣроятно: на то онъ былъ способенъ; доказательствомъ сему могутъ служить нѣкоторые факты изъ его жизни и характеристики его, оставленные современниками.

Вотъ что говорить о немъ, напримѣрь, только что упомянутый Ф. Ф. Вигель: «Круглолицый, полнощекій и румяный, какъ херувимъ на вербѣ, этотъ мальчикъ вѣчно кипѣлъ, какъ кофейникъ на комфоркѣ. Онъ былъ довольно хорошо съ Шаховскимъ, ибо далеко превосходилъ его въ неистощимой хулѣ писателямъ: ни одному изъ нихъ не было пощады, ни русскимъ, ни иностраннымъ, ни древнимъ, ни новымъ, и Виргилій всегда бывалъ первой его жертвой. Мудрено завидовать людямъ, двѣ тысячи лѣтъ назадъ умершимъ; можетъ быть, ему не хотѣлось быть на-ряду съ обычновенными людьми, почтительными къ давно признаннымъ достоинствамъ, и смѣлостью сужденій стать выше ихъ; а скорѣе не было ли это слѣдствиемъ страсти его къ спорамъ?.. Катенину много помогали твердая память и сильная грудь; съ ихъ помощью онъ всячаго перекрикивалъ и долго еще продолжалъ спорить, когда утомленный противникъ отвѣчалъ ему молчаніемъ... Видаль я людей самолюбивыхъ до безумія, но подобного ему не встрѣчалъ»... ¹⁾). Характеристика злая, но довольно справедливая.

Итакъ, оставляемъ открытымъ вопросъ о степени виновности Катенина. Во всей этой нѣсколько запутанной и какъ бы недосказанной исторіи намъ, по крайней мѣрѣ, яснымъ кажется то, что поведеніе Катенина въ этотъ злополучный спектакль было лишь поводомъ къ столь строгому наказанію его; что скандалъ, вызванный имъ въ театрѣ 18-го сентября 1822 г., былъ лишь «девятымъ валомъ», послѣднимъ раскатомъ бури, начавшейся далеко ранѣе за кулисами и вдругъ хлынувшей въ зрительный залъ въ этотъ роковой вечеръ. Едва ли не за кулисами былъ составленъ и приговоръ Катенину...

Въ отвѣтъ на свое донесеніе графъ Милорадовичъ получилъ слѣдующее отношеніе князя Волконскаго изъ Вероны отъ 20-го октября 1822 года:

«Государь императоръ, прочитавъ записку вашего сіятельства о неприличномъ поступкѣ отставнаго полковника Катенина, повелѣть мнѣ соизволилъ сообщить вамъ, что, ежели бы сей поступокъ сдѣланъ былъ кѣмъ-нибудь другимъ, то его величество нашелъ бы достаточнымъ рас-

¹⁾) „Записки Ф. Ф. Вигеля“. Москва 1892 г., т. III, стр. 148; см. также Сочин. кн. Вяземскаго, т. VII, стр. 148; „Истор. рос. академіи“ М. И. Сухомлинова, т. VII, стр. 89—91; о П. А. Катенинѣ см. статью Е. П. Пѣтухова („Ист. Вѣстн.“ 1878 г., № VIII), В. И. Бодяновскаго („Русск. Стар.“ 1893 г., №№ III и IV, тамъ же и письма его къ А. М. Колосовой), Л. Н. Майкова (въ прим. къ III т. Сочин. К. Н. Батюшкова).

пораженіе, вашимъ сіятельствомъ опредѣленное; но какъ г-нъ Катенинъ и на предь сего замѣченъ быль неоднократно съ невыгодной стороны и потому и удаленъ изъ лейбъ-гвардіи Преображенского полка, то его величество повелѣваетъ вашему сіятельству выслать г-на Катенина изъ Петербурга, съ запрещеніемъ въѣзжать въ обѣ столицы безъ высочайшаго на то разрѣшенія, о чмъ благоволите сообщить г. управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и московскому военному губернатору»¹⁾). Повелѣніе государя было немедленно сообщено Катенину; полиція отбрала у него подпись—не въѣзжать въ обѣ столицы²⁾ и 7-го же ноября (въ день полученія отношенія изъ Вероны) въ 11 час. утра Катенинъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Красное Село. Но пребываніе опального въ Красномъ Селѣ графу Милорадовичу показалось неудобнымъ, и онъ просилъ генерала И. Ф. Паскевича удалить его оттуда; о каковомъ дѣйствіи и писалъ князю П. М. Волконскому слѣдующее:

«Милостивый государь, князь Петръ Михайловичъ! Отставной полковникъ Катенинъ, получивъ повелѣніе выѣхать изъ столицы, отпра- вился было въ Красное Село, гдѣ расположень 3-й батальонъ лейбъ-гвардіи Преображенского полка. Находя пребываніе его тамъ крайне неприличнымъ, сказалъ я о семъ генераль-лейтенанту Паскевичу, по опредѣлѣнію котораго Катенинъ изъ Краснаго Села тотъ же часъ и выѣхалъ. О всевысочайшемъ запрещеніи ему въѣзда въ обѣ столицы сообщилъ я господамъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и московскому генераль-губернатору»³⁾.

Высланный и изъ Краснаго Села, онъ остановился невдалекѣ отъ него въ гостиницѣ, прозванной «Красной Кабачекъ», находившейся на петергофской дорогѣ. Тамъ онъ прожилъ почти мѣсяцъ, пока не окончилъ (черезъ друзей) своихъ домашнихъ дѣлъ въ Петербургѣ: у него было большое хозяйство, библиотека и проч. Онъ рѣшилъ уѣхать и перевезти все цѣниое и библиотеку изъ столицы въ свою деревню (въ Костромской губерніи, Кологривскаго уѣзда, близъ Чухломы), куда и выѣхалъ въ сопровожденіи А. В. Карагина 5-го декабря 1822 года. Такъ кончилась эта исторія, принесшая Катенину столь великое горчечіе: онъ на три года былъ разобщенъ съ столицей, театромъ и литературной средой, три года прожилъ—по его выраженію—«въ странѣ медвѣдей». Лишь въ іюнѣ 1825 года онъ получилъ высо-

¹⁾ Копія съ отношенія князя П. М. Волконскаго—графу Милорадовичу отъ 20-го октября 1822 г. изъ Вероны (Военно-ученый архивъ).

²⁾ См. подробности въ „Запискахъ П. А. Карагина“, стр. 91—92—и въ дневникѣ А. В. Карагина („Русск. Старина“ 1889 г., № X, стр. 272).

³⁾ Письмо графа Милорадовича—князю П. М. Волконскому отъ 10-го ноября 1822 г. (Военно-ученый архивъ).

чайшее разрѣшеніе вернуться вновь въ Петербургъ ¹⁾), каковымъ разрѣшеніемъ вскорѣ и воспользовался.

Разсказъ о непріятности, постигшей въ 1822 г. Катенина, заключаемъ сообщеніемъ остроты, пущенной кѣмъ-то по поводу его исторіи и долго ходившей по Петербургу. Кто-то сказалъ: «Буря разбила Катенина у Гагаринской пристани» ²⁾). Если вспомнить отношенія князя И. А. Гагарина къ Е. С. Семеновой, которая пользовалась княжескимъ покровительствомъ чуть ли не съ первого выхода на сцену и впослѣдствіи стала княгиней Гагариной, то остроту эту нельзя не признать весьма удачной...

Ив. Кубасовъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1893 г., № 4-й, стр. 201.

²⁾ Изъ неизданной рукописи П. Л. Яковлева.

Императоръ Павелъ.

Очеркъ развитія его личности.

IV ^{1).}

Парактеръ Павла Петровича развивался и окончательно сложился главнымъ образомъ подъ вліяніемъ взаимныхъ отношеній его и Екатерины и того ложнаго положенія, которое создали ему обстоятельства. Въ его позднѣйшемъ облике нѣтъ ни одной черты, ни одной особенности, задатковъ которой не было бы въ его раннемъ дѣтствѣ; но, силою вещей, изъ нихъ особенно развилась тѣ, которыя, напротивъ того, было бы желательно если не искоренить совершенно, то, по крайней мѣрѣ, на сколько возможно смягчить.

Въ 1773 году, не за долго до вступленія цесаревича въ первый бракъ, Сольмсъ писалъ о немъ своему другу Ассебургу: «Не будучи большаго роста, онъ красивъ лицомъ, безукоризненно хорошо сложенъ, пріятелъ въ разговорѣ и въ обхожденіи, мягокъ, въ высшей степени вѣжливъ, предупредителенъ и веселаго нрава. Въ этомъ красивомъ тѣлѣ обитаетъ душа прекраснѣйшая, честнѣйшая, великодушнѣйшая и въ то же время чистѣйшая и невиннѣйшая, знающая зло лишь съ дурной стороны, знающая его лишь на столько, чтобы преисполниться рѣшиности избѣгать его для себя самой и чтобы порицать его въ другихъ; однимъ словомъ, нельзя въ достаточной степени нахвалиться великимъ княземъ, и да сохранить въ немъ Богъ тѣ же чувства, которыя онъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1901 г.

питаетъ теперь. Если бы я сказалъ больше, я заподозрѣлъ бы самого себя въ лести».

Этотъ отзывъ рисуетъ намъ того очаровательнаго «prince adorable», который скрывался въ Павлѣ Петровичѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отзывъ Сольмса несомнѣнно доказываетъ, что въ то время равновѣсіе между противоположными качествами, присущими Павлу-цесаревичу, еще не было нарушено. Какъ разъ къ этому времени относится усиленная работа Павла Петровича надъ самимъ собою. Онъ старался какъ можно чаще искать возможности сближаться съ матерью, проводилъ время въ величайшемъ согласіи со всѣмъ окружавшимъ его, обуздывалъ свою горячность на сколько могъ, держаль себя сдержанно и ровно, приля къ заключенію, что беспокойство, которому мы даемъ проявляться внутри самихъ себя, очень часто заставляетъ насъ считать чернымъ если не бѣлое, то сѣрое. Конечнымъ результатомъ этихъ усилий надъ самимъ собою явилось то, что ему «удалось отѣлаться отъ беспокойствъ и подозрѣній, дѣлавшихъ жизнь крайне тяжелою».

Но для того, чтобы подобное счастливое состояніе духа цесаревича упирчилось, нужно было бы стеченіе особо благопріятныхъ условій, а этого-то и не случилось. Прежде всего, «беспокойство», заставляющее насъ видѣть бѣлое чернымъ, должно было снова завладѣть Павломъ Петровичемъ подъ вліяніемъ честолюбивыхъ замысловъ Наталіи Алексѣевны и происковъ различныхъ интригановъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ Петербургѣ явился Потемкинъ, вызванный Екатериною изъ Дунайской арміи. Виолятъ естественно, что сыновнее чувство цесаревича не могло не возмущаться и мириться съ вліяніемъ фаворитовъ. Возвышеніе же Потемкина было особенно непріятно Павлу Петровичу: это былъ уже не «дуралей (butor)», какъ онъ называлъ Орлова. Напротивъ того, «въ лицѣ новаго фаворита явился даровитый исполнитель мыслей Екатерины, вліяніе котораго вскорѣ почувствовалось въ дѣлахъ, тогда какъ самолюбивый наслѣдникъ оставался въ тѣни... «Къ тому же,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—цесаревичъ усмотрѣлъ еще въ Потемкинѣ не только врага по убѣжденіямъ, но и соперника, пользовавшагося довѣріемъ императрицы, а это преимущество онъ считалъ своимъ исключительнымъ, законнымъ правомъ».

Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ рѣшиности цесаревича сближаться съ матерью и отѣлаться отъ беспокойствъ и подозрѣній было ниспослано тяжелое испытаніе. Нѣть ничего удивительнаго, что при своихъ врожденныхъ особенностяхъ Павелъ Петровичъ не могъ выдержать этого испытанія. Наконецъ, когда у него родились первые два сына, и Екатерина устранила его отъ руководства ихъ воспитаніемъ, «чаша терпѣнія Павла Петровича переполнилась»,— пишетъ Н. К. Шильдеръ,—«сердце прониклось желчью, а душа гнѣвомъ... Въ умѣ

Павла воскресали съ новой силой... тяжелыя воспоминанія давно прошедшихъ событий, тѣ терзавшіе его призраки (*fantômes*), о которыхъ Марія Феодоровна упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Изъ него стало вырабатываться своеобразное воплощеніе нового Гамлета, неумолимый судья за совершенное нѣкогда злое дѣло... Всѣ эти тяжелыя думы преисполненная желчи и негодованія цесаревича прикрывались наружнымъ видомъ полной покорности, подъ которымъ однако таились безсильная злоба и нетерпѣливое поджиданіе вождѣнія часа возмездія».

Къ сожалѣнію, вокругъ Павла не нашлось никого, кто бы своимъ вліяніемъ на него воспрепятствовалъ его характеру развиваться въ томъ направленіи, какъ это произошло въ дѣйствительности.

Напротивъ того, окружающіе его, пользуясь его именемъ какъ орудіемъ для своихъ интригъ, всячески разжигали его страсти. А между тѣмъ Павель Петровичъ, по природѣ своей, вовсе не принадлежалъ къ разряду людей, недоступныхъ благотворному вліянію. Еще Порошинъ замѣтилъ, что «очень возможно исправлять въ его высочествѣ случающіяся иногда за нимъ погрѣшности и склонить его къ познанію доброго: надобно знать только, какъ за то браться». Мы видѣли также, какое чудо произвело въ немъ вліяніе Разумовскаго. Но вліяніе это, какъ умиротворяющій элементъ, было кратковременно: оно прервалось бракомъ Павла Петровича съ Наталіей Алексѣевной, когда и Разумовскій не устоялъ противъ искушенія завязать политическія интриги. Позднѣе Репнинъ старался подействовать на цесаревича успокойительнымъ образомъ, и его письма къ нему проникнуты несомнѣнною искренностью. Но голосъ Репнина, совѣтовавшаго «хорошенько изучить самого себя, чтобы не подавать повода къ тому предубѣждению, которое часто внушается намъ беспокойствомъ въ характерѣ, приводящимъ къ тому, что мы дѣлаемся подозрительными», учившаго, что «думать, что постоянно поступаютъ не хорошо, столь же дурно, какъ и воображать, что кто-либо постоянно поступаетъ хорошо»,—голосъ этотъ звучалъ одинаково звучалъ къ тому же изъ прекраснаго далека. Безспорно полезнымъ было вліяніе Маріи Феодоровны. Она выработала себѣ известную систему, «хранительную тактику, осторожное примѣненіе о которой,— пишетъ Н. К. Шильдеръ,—въ виду болѣзненнаго самолюбія Павла Петровича, поддерживало до вѣкоторой степени миръ и правильное теченіе жизни при великонижескомъ дворѣ. Тяжелый опытъ привель Марію Феодоровну къ усвоенію подобнаго образа дѣйствій, и она пользовалась для этой цѣли разными близкими ко двору ея лицами. Этимъ путемъ иной разъ удавалось спасать цесаревича отъ послѣдствій дурныхъ внушений, порывовъ гнѣва, доходившихъ нерѣдко до бѣшенства, и напрасной подозрительности». Но вліяніе Маріи Феодоровны, при

**

всей его благотворности вообще, не могло быть особенно действительнымъ и прочнымъ уже по тому одному, что она сама была оскорблена Екатериной въ своихъ материнскихъ чувствахъ. Поэтому при ея благородствии и осторожности она могла удерживать цесаревича отъ того или иного отдельнаго опрометчиваго поступка, но не могла содействовать искорененію въ немъ «беспокойства» и «подозрѣній», побуждавшихъ его къ известному шагу. Что же касается вліянія Нелидовой, то, къ сожалѣнію, оно явилось слишкомъ поздно, когда характеръ Павла Петровича сформировался окончательно. Ей оставалось лишь смягчать отдельныя проявленія характера Павла, но не вліять на самообразованіе его личности. Слагался же этотъ характеръ такъ, что особенно доступнымъ сдѣлался дурному вліянію. И, какъ писалъ Лагаринъ,— «злые совѣтники овладѣли умомъ Павла и наполнили душу его подозрѣніями».

Мы уже упомянули выше, что Екатерина, ознакомившись со взглядами сына на вопросы государственного управления, увидѣла себя вынужденной оставить его въ сторонѣ отъ дѣлъ. По этой причинѣ онъ не былъ призванъ даже къ участію въ дѣлахъ Совѣта, учрежденного въ 1769 году.

Почти постоянно люди, отстраненные отъ власти и вліянія на ходъ дѣлъ, становятся въ ряды оппозиціи господствующему направлению. Вполнѣ естественно, что, при его впечатлительности, Павель Петровичъ не избѣгъ подобной же участіи. Главнымъ образомъ, отмѣченнымъ свойствомъ человѣческой натуры слѣдуетъ объяснить положеніе, занятое цесаревичемъ по отношенію къ мѣропріятіямъ правительства Екатерины. Постепенно онъ сталъ критиковать все, что ни дѣлалось вокругъ него. Уже въ 1777 году онъ заявлялъ, что ему «тяжело видѣть, что дѣла идутъ вкривь и вкось, въ особенности же, что причиной тому являются небрежность и личные виды». А десять лѣтъ спустя онъ откровенно высказывалъ прусскому посланнику барону Келлеру, что его принципы, «какъ многимъ, безъ сомнѣнія, известно», совершенно расходятся съ принципами администраціи Екатерины.

Вынужденное бездѣліе томило цесаревича, оскорбляло и еще болѣе растревляло его болѣзnenное самолюбіе, вызывало въ немъ тяжелое чувство обиды. Онъ съ горечью жаловался на это. Такъ, въ 1778 году онъ высказывалъ въ письмѣ къ барону К. И. Сакену, что жестоко быть обреченнымъ на бездѣліе въ двадцать четыре года и лишь наблюдать за событиями «съ верхушки своей башни». Позднѣе, въ 1784 году, онъ съ грустью восклицалъ въ письмѣ къ графу Н. П. Румянцову: «вотъ я тридцать лѣтъ безъ всякаго дѣла!»

Оппозиція же, чисто пассивная, но въ силу этого еще болѣе упорная, въ которую онъ сталъ по отношенію къ правительству Екатерины, въ

связи съ сознаниемъ своего полнаго бессилія измѣнить что-либо въ происходящемъ, должна была ожесточать его, усиливать раздражительность характера, вырабатывать въ немъ взглядъ на необходимость принятія крайнихъ мѣръ. Въ этомъ отношеніи уже въ 1782 году Павель Петровичъ поддавался вспышкамъ запальчиваго гнѣва. Такъ, коснувшись въ разговорѣ съ великимъ герцогомъ Тосканскимъ ближайшихъ сотрудниковъ Екатерины (Потемкина, Безбородки, Бакунина, Маркова и графовъ Семена и Александра Воронцовыхъ) и выразивъ увѣренность, что они подкуплены австрійскимъ дворомъ, Павель Петровичъ воскликнулъ между прочимъ: «Какъ только я получу какую-нибудь власть, я прикажу выдрать ихъ, я разжалую, выгоню ихъ!»

Но человѣкъ не можетъ жить безъ дѣла. Если у него нѣтъ прямаго дѣла, онъ самъ создаетъ, просто выдумываетъ себѣ дѣло. Такъ было и съ Павломъ Петровичемъ. Спасаясь отъ томившаго его бездѣствія, онъ создалъ себѣ пресловутыя гатчинскія войска, которымъ сталъ отдавать все свое время, всѣ свои помыслы. Екатерина мѣтко охарактеризовала эти занятія цесаревича, назвавъ ихъ икрою въ куклы. «Организація, обмундированіе и обученіе гатчинцевъ,—читаемъ мы въ сочиненіи «Императоръ Павель Первый»,—не имѣли ничего общаго съ порядками, существовавшими въ правительственныхъ россійскихъ войскахъ. Это было какъ-бы молчаливый протестъ противъ военной системы, установленной въ царствованіе Екатерины. Среди россійской арміи появились какимъ-то чудомъ, какъ-бы съ дозволенія правительства, какія-то обособленныя войска, устроенные по прусскому образцу и походившія на живую каррикатуру уже отжившихъ свое время Фридриховскихъ порядковъ. Однимъ словомъ, по позднѣйшему выраженію Екатерины, «батушкина армія» воскресла во всей красѣ. Дѣйствительно, въ Гатчинѣ всесѣло возродились «обряды неудобъ-носимые», которые, будучи введены Петромъ III, «не токмо храбости военной не умножали, но паче растравляли сердца болѣзнивныя всѣхъ вѣрноподданныхъ его войскъ».

«Великій князь, который, впрочемъ, очень уменъ и можетъ быть пріятнымъ въ обхождевіи, если онъ того желаетъ,—писала принцесса Саксенъ-Кобургская о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ ею изъ посѣщенія Гатчины,—отличается непонятными странностями, между прочимъ, дурачествомъ устраивать все вокругъ себя на старо-прусскій ладъ. Въ его владѣніяхъ тотчасъ встрѣчаются шлагбаумы, окрашенные въ черный, красный и бѣлый цветъ, какъ это имѣть мѣсто въ Пруссіи; при шлагбаумахъ находятся часовые, которые опрашиваютъ проѣзжающихъ, подобно пруссакамъ. Всего хуже то, что эти солдаты русскіе, переодѣтые въ пруссаковъ; эти прекрасные на видъ русскіе, наряженные въ мундиры временъ короля Фридриха-Вильгельма I, изуродованы этой допотопной формой. Русскій долженъ оставаться русскимъ. Онъ самъ

это сознаеть, и каждый находитъ, что онъ въ своеї одеждѣ, въ короткомъ кафтанѣ съ волосами, остриженными въ кружокъ, несравненно красивѣе, чѣмъ съ косою и въ мундирѣ, въ которомъ онъ въ стѣсненномъ и несчастномъ видѣ представляется въ Гатчинѣ. Офицеры имѣютъ видъ, точно они срисованы изъ стараго альбома. За исключениемъ языка, они во всемъ прочемъ вовсе не похожи на русскихъ. Нельзя сказать, чтобы эта метаморфоза была умно придумана. Мнѣ было больно видѣть эту перемѣну, потому что я чрезвычайно люблю этотъ народъ».

«Тактика прусская и покрой ихъ военной одежды,—пишетъ одинъ изъ современниковъ, Пишевицъ,—составляли душу сего воинства; служба вся полагалась въ просаленной головѣ, сколь можно больше, коротенькой трости, непомѣрной величины шляпѣ, натянутыхъ сапогахъ выше колѣна и перчаткахъ, закрывающихъ локти. Вѣзжая въ Гатчину, казалось, вѣзжаешь въ прусское владѣніе. При разводахъ его высочество наблюдалъ точно тотъ же порядокъ, какой наблюдался въ Потсдамѣ во времена Фридриха II. Здѣсь можно было замѣтить повторенія нѣкоторыхъ анекдотовъ сего прусскаго короля, съ нѣкоторыми прибавленіями, которыя сему государю никогда бы въ мысль не вошли, напримѣръ: Фридрихъ II во время Семилѣтней войны одному изъ полковъ въ наказаніе оказанной имъ робости велѣлъ отпороть тесьму съ ихъ шляпъ. Подражатель гатчинской одному изъ своихъ баталіоновъ за неточное выполненіе его воли велѣлъ сорвать петлицы съ ихъ рукавовъ и провестъ, въ примѣръ другимъ, черезъ кухню въ ихъ жилища. Запальчивость наслѣдника оказывалась при всѣхъ ученіяхъ: за ничто офицеровъ сажалъ подъ стражу, лишалъ чиновъ, помѣщая въ рядовые, и потомъ толикая жъ малость приводила ихъ опять въ милость. Всякой день можно было наслышаться новыхъ анекдотовъ въ Петербургѣ о дворѣ Гатчинскомъ».

Что касается личнаго состава гатчинскихъ войскъ, то, пишетъ Н. К. Шильдеръ, «онъ былъ не завидный. Одинъ изъ современниковъ отзывается о гатчинскихъ офицерахъ цесаревича, этихъ будущихъ опричникахъ Павловскаго царствованія, слѣдующимъ нелестнымъ образомъ: «Это были, по большей части, люди грубые, совсѣмъ не образованные, сорь нашей арміи; выгнанные изъ полковъ за дурное поведеніе, пьянство или трусость, эти люди находили убѣжище въ гатчинскихъ баталіонахъ и тамъ, добровольно обратясь въ машины, безъ всякаго нѣудовольствія переносили всякий день отъ наслѣдника брань, а, можетъ быть, иногда и побои. Между сими подлыми людьми были и чрезвычайно злые. Изъ гатчинскихъ болотъ своихъ они смотрѣли съ завистью на счастливцевъ, кои смѣло и гордо шли по дорогѣ почестей. Когда, наконецъ, счастіе имъ также улыбнулось, они закипѣли mestio, разѣзжая

по полкамъ, вездѣ искали жертвъ, дѣлали непріятности всѣмъ, кто отличался богатствомъ, пріятною наружностію или воспитаніемъ, а потомъ на нихъ доносили».

«Гатчинские офицеры,—пишетъ уже упомянутый нами Пищевичъ,—были бродяги, выгнанныя за разныя гнусности изъ арміи, которые, не имѣя пристанища, рады были все переносить изъ-за куска хлѣба. Гатчинская армія не помѣщала ни одного офицера, который бы помышлялъ о чести,—имъ нерѣдко придаютъ охоту къ службѣ палкой».

Вообще, по словамъ Ростопчина, Павелъ былъ окруженъ въ Гатчинѣ людьми, «изъ которыхъ наиболѣе честный заслуживалъ быть колесованнымъ безъ суда».

Хотя Екатерина Великая и назвала занятія Павла Петровича съ Гатчинскими войсками игрою въ куклы, но въ глазахъ цесаревича это была далеко не игра. Напротивъ того, по словамъ Н. К. Шильдера, «онъ видѣлъ въ этихъ войскахъ вѣрный залогъ будущаго возрожденія россійской арміи, нуждавшейся, по его мнѣнію, въ коренному преобразованіи въ гатчинскомъ духѣ. Постепенно онъ совершилъ погрузился въ мелочи военного дѣла», признавая все болѣе подобное занятіе важнѣйшимъ для государя занятіемъ. «Вмѣстѣ съ тѣмъ мелочность требованій, которую онъ привыкъ проявлять въ Гатчинѣ въ области военного дѣла, онъ перенесъ впослѣдствіи и на дѣла общаго государственного управления».

Къ сожалѣнію, вліяніе гатчинской кардегардіи не ограничились сферою одного, Павловскаго, царствованія: оно распространилось и на слѣдующее царствованіе, Александра I. По справедливому замѣчанію историка императора Павла, «Гатчинские порядки причинили Александру непоправимое зло; они привили ему увлеченіе фронтомъ, «мелкостями» военной службы, солдатской выправкой, однимъ словомъ, экзерцирмейстерство, парадоманію. Усмотрѣвъ въ порядкахъ, заведенныхъ отцомъ, существенную сторону военного дѣла, Александръ, свыкнувшись съ подобнымъ взглядомъ, перешелъ впослѣдствіи въ этомъ искусствѣ даже своего брата Константина и довелъ въ свое царствованіе выправку до небывалаго совершенства. Кроме того, Александръ сблизился въ Гатчинѣ съ людьми, которые при другихъ порядкахъ остались бы для него вѣчно чуждыми. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ; сближеніе великаго князя съ этимъ выдающимся представителемъ Гатчинского капральства дорого обошлось впослѣдствіи Россіи».

Чтобы понять, на сколько глубоко было вліяніе гатчинской кардегардіи на Александра Павловича, достаточно припомнить, что подъ Аустерлицемъ русскіе сражались съ Наполеономъ такъ же, какъ ма-

неврировали въ Гатчинѣ: для соображеній и руководства операциями штабъ захватилъ съ собою планы гатчинскихъ маневровъ.

Къ концу восьмидесятыхъ и къ началу девяностыхъ годовъ Павель Петровичъ долженъ былъ почувствовать себя окончательно неудовлетвореннымъ и несчастнымъ; беспрестанные удары, наносимые его самолюбію, какъ самой императрицей, такъ и ея приближенными, томительное и оскорбительное для него бездѣйствие, отстраненіе его отъ воспитанія дѣтей, наконецъ, денежная затрудненія,—все это не могло не дѣлать его положенія особенно тягостнымъ. Единственнымъ исходомъ изъ этого положенія являлся переходъ власти въ его руки, и онъ страстно сталъ желать ея. Обладаніе властью представлялось ему тѣмъ лучезарнымъ свѣтомъ, который долженъ быть озарить его жизнь. Но и въ этомъ отношеніи онъ не могъ быть спокойенъ за будущее: для него, конечно, не оставалось тайной намѣреніе императрицы устраниить его отъ престолонаслѣдія и передать вѣнецъ, помимо него, Александру Павловичу. Такимъ образомъ, отъ него ускользнула бы послѣдняя возможность, послѣдняя надежда на улучшеніе своего положенія. Вполнѣ естественно поэту, что опасеніе не быть допущеннымъ до обладанія властью держало его въ состояніи постояннаго душевнаго напряженія. «Возможность измѣненія порядка престолонаслѣдія въ пользу великаго князя Александра Павловича,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—волновала цесаревича болѣе всѣхъ прочихъ обрушившихся на него въ ту пору заботъ и огорченій; мысль утратить престолъ окончательно лишила Павла Петровича всякой способности спокойно обсуждать какое бы то ни было дѣло». Сосредоточивъ всѣ свои помыслы и надежды на мысли объ обладаніи властью, Павель Петровичъ ревниво и съ предупрежденіемъ присматривался по всему окружающему, склонный во всякомъ ничтожномъ обстоятельствѣ видѣть грозящую ему опасность, выводившую его изъ себя. «Невозможно безъ содроганія и жалости видѣть все, что дѣлаетъ великий князь отецъ,—писалъ Ростопчинъ, въ 1793 году,—онъ какъ будто-бы изобрѣтаетъ способы внушить къ себѣ нелюбовь. Онъ задался мыслю, что ему оказываются неуваженіе и хотятъ пренебрегать имъ. Исходя отсюда, онъ привязывается ко всему и наказываетъ безъ разбора... По сердамъ у него бываютъ маневры, и каждый день онъ присутствуетъ при разводѣ, а также при экзекуціяхъ, когда онъ слушаются; малѣйшее опозданіе, малѣйшее противорѣчіе выводитъ его изъ себя, и онъ воспаляется гнѣвомъ.... Каждый день, только и слышно, что о насилиствахъ, о мелочныхъ придиркахъ, которыхъ постыдился бы всякий частный человѣкъ. Онъ ежеминутно воображаетъ, что хотятъ ему досадить, что намѣрены осуждать его дѣйствія».

«Исторія всѣхъ царей, низложенныхъ съ престола или убитыхъ,—

пишеть въ своихъ мемуарахъ Сегюръ,—была для него мыслью, неотступно преслѣдовашею его и ни на минуту не покидавшею его. Эти воспоминанія возвращались, точно привидѣніе, которое, безпрестанно преслѣдуя его, сбивало его умъ и затемняло его разумъ».

Подъ давленiemъ постоянной мысли о возможности утраты престола въ будущемъ, въ характерѣ Павла Петровича окончательно окрѣпли подозрительность, недовѣрчивость, раздражительность, отсутствіе самообладанія, склонность къ гибкимъ вспышкамъ, къ крутымъ мѣрамъ. Въ довериеніе всего, около этого же времени во Франціи разыгрывалась революція. Конечно, цесаревичъ не могъ относиться къ ней спокойно. Еще Панинъ вселялъ въ него убѣжденіе, что цари—намѣстники на землѣ Бога во плоти, а въ Парижѣ посягнули на жизнь вѣнценосца. Но этого мало. Французская революція грубо касалась и самаго большаго мѣста Павла Петровича: она грозила ниспроверженiemъ престоловъ, а мысль о престолѣ въ будущемъ была завѣтною мыслью цесаревича. Поэтому французская революція являлась какъ-бы его личнымъ врагомъ. Этимъ обстоятельствомъ, быть можетъ, слѣдуетъ объяснить ту особынную страсть, съ которой относился Павелъ Петровичъ къ соображеніямъ, совершившимся во Франціи въ бытность его наслѣдникомъ престола. Въ этомъ же, какъ намъ кажется, кроются причины той неустанной строгости, съ которой, по своемъ воцареніи, онъ преслѣдовалъ «якобинцевъ» и «якобинскій духъ».

«Со времени начала французской революціи,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—весь складъ понятій, мыслей и чувствъ цесаревича получилъ особынныи, еще болѣе рѣзкій противъ прежняго оттѣнокъ нетерпимости и самаго крайняго деспотизма; наслѣдникъ сокрушался ужасами, сопровождавшими революцію, и не замѣчалъ, или не хотѣлъ замѣчать причинъ, вызвавшихъ столь печальныя явленія. Разсуждая о сихъ несчастіяхъ, великий князь все относилъ къ слабости въ правлениі короля французскаго. Нахлынувшіе же въ Россію съ той поры эмигранты окончательно сбили съ толку цесаревича: онъ, не стѣсняясь, сталъ говорить о необходимости править желѣзною лозою».

«Великій князь,—писалъ Ростопчинъ весною 1774 года,—всюду видѣть вѣти революції. Онъ всюду находитъ якобинцевъ».

Когда получались извѣстія о какихъ-либо новыхъ ужасахъ, совершившихся во Франціи, Павелъ Петровичъ говорилъ великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ:

— Вы видите, мои дѣти, что съ людьми слѣдуетъ обращаться, какъ съ собаками.

Однажды Павелъ Петровичъ читалъ газеты въ кабинетѣ императрицы и выходилъ изъ себя:

— Что они все тамъ толкуютъ! — воскликнулъ онъ. — Я тотчасъ все бы прекратилъ пушками.

Считая воспитателя своихъ сыновей Лагарпа якобинцемъ, Павель Петровичъ около трехъ лѣтъ ни слова не говорилъ съ нимъ, а при встрѣчахъ отворачивался отъ него. Упоминая же о немъ въ разгово-рахъ съ дѣтьми, цесаревичъ спрашивалъ:

— Что, этотъ якобинецъ все еще при васъ?

На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно положительно утверждать, что лѣтомъ 1796 года императрица Екатерина рѣшила привести нако-нецъ въ исполненіе свою мысль объ устраненіи Павла Петровича отъ престолонаслѣдія. Въ іюлѣ она предложила Маріи Феодоровнѣ потребовать отъ цесаревича отреченія отъ правъ на престолъ, а въ сентябрѣ посвятила въ свои планы и Александра Павловича. Около того же времени въ Петербургѣ стали распространяться слухи, что 24-го но-ября, въ день тезоименитства Екатерины, а по другимъ извѣстіямъ 1-го января 1797 года, послѣдуютъ важныя перемѣны; что появится манифестъ о назначеніи наследникомъ престола Александра Павловича; что Павла Петровича удалять въ замокъ Лоде и т. п.

Слухи эти, конечно, доходили до цесаревича. Зная, какъ онъ доро-жилъ возможностью быть у власти, легко представить себѣ, какое впе-чатлѣніе они должны были произвести на него. Съ 12-го сентября онъ уже не видѣлъ императрицы. Повидимому, онъ приготовился ко всевоз-можнымъ случайностямъ. По крайней мѣрѣ, когда 5-го ноября 1796 года въ Гатчину прїѣхалъ графъ Николай Зубовъ, чтобы извѣстить Павла о смертельной болѣзни императрицы, онъ воскликнулъ, обращаясь къ Маріи Феодоровнѣ: «мы погибли!» «Когда же онъ узналъ,—читаемъ мы въ статьѣ «Императоръ Павелъ въ его дѣяніяхъ и приказахъ»¹⁾, что вотъ, наконецъ, онъ будетъ императоромъ, переходъ отъ страха къ ра-дости былъ слишкомъ неожиданъ, нравственное потрясеніе слишкомъ сильно, и первая система цесаревича не могла не пошатнуться. Впо-слѣдствіи Кутайсовъ выражалъ сожалѣніе, что не пустилъ ему кровь при этомъ случаѣ».

«Такимъ образомъ какъ бы оправдались слова Эпинуса, преподавав-шаго цесаревичу физику и часто говорившаго про него: «голова у него умная, но въ ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточкѣ; порвется эта ниточка, машинка завертится, и тутъ конецъ и уму, и раз-судку». Есть основаніе думать, что эта ниточка оборвалась именно 5-го ноября 1796 г.

¹⁾ „Русская Старина“ 1897 года, ноябрь.

V.

Справедливость требуетъ однако сказать, что тѣневыя стороны въ характерѣ Павла Петровича во многихъ случаяхъ какъ-бы стушевывались. По роковой неизбѣжности, нежелательныя черты его характера съ каждымъ годомъ получали, по выражению Н. К. Шпильдера, «все большее преобладаніе надъ мимолетными проблесками чего-то другаго, лучшаго, безспорно проявлявшагося при различныхъ случаяхъ», но полнаго преобладанія ихъ никогда не наступило. «Безпокойство, подвижность, недовѣрчивость, крайняя впечатлительность, однимъ словомъ, тѣ странности, которыя явились впослѣдствіи причинами его ошибокъ, его несправедливостей и его несчастій¹⁾), проявлялись лишь тогда, когда, такъ или иначе, затрагивался вопросъ обѣ его положеній. Въ эти моменты онъ какъ бы перерождался весь. «Любезенъ въ обществѣ, невозможенъ въ дѣлахъ», сказалъ о немъ князь де-Линь, и трудно было бы подыскать болѣе счастливое и мѣткое выраженіе для опредѣленія той раздвоенности личности, которая наблюдается въ Павлѣ Петровичѣ: какъ просто человѣкъ, онъ былъ склоненъ мыслить и поступать совершенно иначе, чѣмъ въ тѣ минуты, когда онъ выступалъ офиціально. Явившись въ Берлинѣ въ качествѣ наследника русскаго престола, для выбора себѣ невѣсты, онъ хотя и находился въ гостяхъ у своего кумира, Фридриха Великаго, «величайшаго героя, удивленіе нашего вѣка и удивленіе потомства», но производилъ совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ то, которое произвелъ позднѣе въ Парижѣ, пріѣхавъ туда инкогнито подъ именемъ графа Сѣвернаго. Вотъ что записалъ о немъ Фридрихъ Великий въ своихъ историческихъ трудахъ: «Мы не можемъ пройти молчаниемъ сужденіе, высказанное знатоками относительно характера этого молодаго принца. Онъ показался гордымъ, высокомѣрнымъ и рѣзкимъ (*altier, haut et violent*), чтѣ заставило тѣхъ, которые знаютъ Россію, опасаться, чтобы ему не было трудно удержаться на престолѣ, на которомъ, будучи призванъ управлять народомъ грубымъ и дикимъ (*dure et feroce*), избалованнымъ къ тому же мягкимъ управлениемъ нѣсколькихъ императрицъ, онъ можетъ подвергнуться участіи, одинаковой съ участіемъ его несчастнаго отца».

Сама манера великаго князя кланяться поражала непріятно: «Вообще,— замѣчаетъ въ своихъ запискахъ очевидецъ берлинскихъ празднествъ Тьебо,—высокопоставленные люди наклоняются очень мало, если они отвѣчаютъ на поклонъ другихъ; они представляютъ намъ сгибать все тѣло, но, по крайней мѣрѣ, и они немного наклоняютъ голову. Великий

¹⁾ Слова Сегюра.

же князь поступалъ прямо наоборотъ: онъ взглѣдывалъ на тѣхъ, которые ему кланялись и, не наклоняя голову, поднималъ ее еще выше; однѣмъ словомъ, онъ предоставлялъ себѣ только вторую часть поклона, который, такимъ образомъ, походилъ у него на какое-то проявленіе владычества. Я скажу еще, что онъ говорилъ очень мало, и нельзѧ привести ни одного слова, имъ сказаннаго».

Междѣ тѣмъ, «въ Парижѣ,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—подобно тому, какъ и во всѣхъ случаяхъ, когда онъ того желалъ, Павелъ Петровичъ очаровалъ французское общество».

Отзыvъ Фридриха Великаго особенно поражаетъ, если сопоставить его съ отзывами большинства современниковъ объ обращеніи Павла цесаревича при обычныхъ условіяхъ. Мы уже привели отзывъ князя де-Линя. «Онъ любезенъ и очень вѣжливъ»,—писала о немъ ландграфиня Гессен-Дармштадтская въ 1773 году. «Павелъ желалъ нравиться»,—высказалъ Сегюръ на основаніи первого же знакомства съ Павломъ Петровичемъ въ 1785 году. «Ваѣшнія формы обращенія цесаревича,— пишетъ Н. К. Шильдеръ,—если онъ того желалъ, отличались привѣтливостью, изысканною вѣжливостью, чарующею любезностью. Проявленіе этихъ сторонъ характера Павла Петровича преимущественно поражало лицъ, мало его знавшихъ, и привлекало къ нему сочувствіе тѣхъ, которыхъ онъ удостоивалъ подобного обращенія; отъ вниманія постороннихъ наблюдалъ, конечно, ускользали при этомъ непріятныя стороны его характера, а также мрачныя думы, терзавшія подчасъ новаго Гамлета и отравлявшія ему существованіе».

Павелъ цесаревичъ, такой, какимъ онъ являлся въ минуты душевнаго спокойствія, не могъ не привлекать къ себѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ отзывы современниковъ и отдѣльныя, сдѣлавшіяся извѣстными, мысли и разсужденія цесаревича. Наиболѣе всесторонними слѣдуетъ признать отзывы о Павлѣ цесаревичѣ, высказанные въ интимной перепискѣ императоромъ австрійскимъ Іосифомъ II и его братомъ великимъ герцогомъ тосканскимъ Леопольдомъ. Іосифъ II писалъ о графѣ и графинѣ Сѣверныхъ, что съ незаурядными способностями и довольно обширными познаніями они соединяютъ большое желаніе видѣть и учиться; что лучше всего съ ними быть совершенно откровенными, и, «такъ какъ они нѣсколько болѣе недовѣрчивы въ силу обстоятельствъ, чѣмъ по своему характеру», то тщательно избѣгать всего, что могло бы показаться комедіей; что они очень нѣжные и заботливые родители; что они ведутъ крайне правильную жизнь; что всѣ предметы, истинно прекрасные, безконечно интересуютъ ихъ; что общественные учрежденія, благотворительныя и воспитательныя, возбуждаютъ въ нихъ большой интересъ; что знакомство съ наиболѣе образованными и извѣстными людьми составляетъ главную цѣль ихъ любопытства; что они крайне нетребовательны по части

стола и любять простыя, но хорошия кушанья. Съ своей стороны, Леопольдъ повѣрялъ своему брату, что графъ Сѣверный сверхъ большихъ ума, способностей и вдумчивости обладаетъ талантомъ вѣрно схватывать идеи и быстро соображать всѣ возможные выводы изъ вихъ; что онъ будетъ строгъ и склоненъ къ поддержанію порядка, неограниченной дисциплины, правиль и точности, что ни разу, ни однимъ словомъ, онъ не обмолвился ни о своемъ положеніи, ни объ императрицѣ.

Громадное значеніе для характеристики Павла цесаревича, въ его «свѣтлыхъ минутахъ»¹⁾, имѣютъ написанное имъ передъ вступленіемъ въ бракъ съ Марией Феодоровной наставленіе своей невѣсты²⁾, наказъ, сочиненный имъ, повидимому, въ 1788 году, во время приготовленій къ отѣзду въ действующую армію, въ которомъ онъ излагалъ свои взгляды на различные вопросы государственного правленія, и письма-завѣщаанія Марии Феодоровнѣ и великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ, относящіяся къ тому же времени³⁾.

Хотя наставленіе невѣсты и запечатлѣно постоянно отличавшимъ Павла Петровича стремлениемъ къ строгой регламентаціи, и цесаревичъ касался въ немъ даже вопросовъ о гардеробѣ, совершении туалета и пр., но въ общемъ оно является прекраснымъ памятникомъ его мыслей и чувствъ. Такъ, нельзя не отмѣтить выраженнаго въ немъ цесаревичемъ трогательнаго сознанія своихъ собственныхъ недостатковъ и слабостей. «Ей (Марії Феодоровнѣ),—писалъ Павелъ Петровичъ,—придется прежде всего вооружиться терпѣніемъ и кротостью, чтобы сносить мою горячность и измѣнчивое расположение духа, а равно мою нетерпѣливость. Я желалъ бы, чтобы она принимала снисходительно все то, что я могу выразить иногда даже, быть можетъ, довольно сухо, хотя и съ добрымъ намѣреніемъ, относительно образа жизни, умѣнья одѣваться и т. п. Я прошу ее принимать благосклонно совѣты, которые мнѣ случится давать ей, потому что изъ десяти совѣтовъ все же можетъ быть одинъ и хороший, допустивъ даже, что остальные будутъ непригодны».

Изъ отдѣльныхъ взглядовъ и мнѣній, высказанныхъ Павломъ Петровичемъ въ наставленіи, приведемъ здѣсь слѣдующіе:

«Ровность въ обхожденіи всегда пріятна, такъ какъ она никого не отличаетъ, никому не вредить и не даетъ повода ни къ хвастовству, ни къ жалобамъ».

¹⁾ Выраженіе графа Шалена, употребленное имъ въ разговорѣ съ графомъ Ланжерономъ.

²⁾ „Русская Старина“ 1898 г. февраль, Е. С. Шумигорскій: „Інструкція великаго князя Павла Петровича великой княгинѣ Марії Феодоровнѣ“.

³⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1867 г., т. I, отд. I. М. И. Семевскій: „Материалы къ русской исторіи XVIII вѣка“.

«Вопросъ о знаніи русскаго языка—вопросъ первостепенной важности какъ для извѣстнаго рода публики, такъ и для народа, для прислуги, для молитвъ, чтенія и т. п.».

«Надобно привыкнуть самой принимать счетъ всего израсходованаго, провѣрять итоги и такимъ образомъ самой привыкнуть къ порядку и сдерживать и внушать страхъ тѣмъ, кто нашелъ бы для себя выгоднымъ представлять не особенно вѣрные счеты, ссылаясь на ошибки въ вычисленіяхъ, что случается очень часто».

«Никогда ничего не брать въ долгъ, но всегда на наличныя деньги».

«Нашъ образъ жизни,—писалъ онъ,—долженъ быть строго опредѣленъ, какъ для нась самихъ, такъ и для прочихъ лицъ, и приблизительно по однѣмъ и тѣмъ же причинамъ. Подчиняясь въ жизни извѣстнымъ правиламъ, этимъ мы защищаемъ себя отъ своихъ собственныхъ фантазій, которыя нерѣдко переходятъ въ капризы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даемъ примѣръ другимъ людямъ, которые обязаны подчиняться тѣмъ же правиламъ».

Затронувъ въ наставлениіи даже такой вопросъ, какъ обращеніе съ прислугой, Павель Петровичъ говорилъ, что въ отношеніи къ прислугѣ «болѣе мягкое обхожденіе всегда будетъ наилучшимъ; однако, слѣдуетъ внимательно слѣдить затѣмъ, чтобы прислуга точно исполняла свои обязанности, а въ случаѣ неисправности, чтобы ей было тотчасъ сдѣлано по этому поводу замѣчаніе, дабы заставить ее быть всегда внимательной».

Крайне характерными для Павла Петровича являются его разсужденія, касающіяся домашняго образа жизни. «Я сказалъ выше,—читаемъ мы въ объясненіяхъ къ двѣнадцатой статьѣ,—что точное исполненіе правиль—одно изъ главныхъ условій, которыя слѣдуетъ соблюдать въ жизни, повторяю это еще разъ, въ особенности, относительно домашняго обихода. Пока мы придерживаемся извѣстныхъ правилъ, до тѣхъ поръ мы спасаемъ себя отъ многаго, а скука, одинъ изъ главныхъ недуговъ человѣка, не имѣеть, такъ сказать, власти надъ нами. Поэтому я считаю долгомъ просить принцессу подчиняться, съ своей стороны, извѣстнымъ правиламъ какъ въ образѣ жизни, такъ и относительно занятій въ частности. Я совсѣмъ бы принцессѣ вставать довольно рано, чтобы имѣть время причесаться, употребить часъ или два на занятія и затѣмъ окончить свой туалетъ вполнѣ, тѣмъ болѣе, что мое собственное препровожденіе времени распределено такъ, что, начиная съ девяти часовъ, когда я бывало совсѣмъ одѣтъ, и до полудня у меня нѣть ни минуты свободной (это касается вставанія). Я убѣдительно прошу ее быть готовой къ полудню, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ къ $10\frac{1}{2}$ часамъ. Въ послѣбѣднное время я прошу ее заниматься также чтенiemъ, музыкой и иными предметами, которые она сама най-

деть полезными и пріятными; въ числѣ утреннихъ занятій я прошу принцессу назначить извѣстные часы на русскій языкъ и другія занятія для того, чтобы пріобрѣсти нѣкоторая познанія по части исторіи, политики и географіи нашей страны, а также относительно религіи и церковныхъ обрядовъ. Что касается времени отхода ко сну, то я прошу принцессу подчиняться моей привычкѣ къ регулярной жизни (которая виначалъ покажется ей, быть можетъ, стѣснительной), тѣмъ болѣе, что, въ видахъ моего здоровья и моихъ утреннихъ занятій, я не имѣю возможности, несмотря на мои молодыя лѣта, бодрствовать ночью»...

«Я прошу ее никогда не дѣлать, даже въ ея собственной комнатѣ, ничего такого, что имѣло бы видъ таинственности или желанія сдѣлать что-либо тайкомъ, ибо это болѣе, чѣмъ что-либо, подстрекаетъ любопытство своею таинственностью и заставляетъ дѣлать не особенно лестныя предположенія, ибо всякий говорить себѣ, что, у кого чиста совѣсть, тому нечего бояться и, слѣдовательно, прятаться отъ кого-либо».

Въ наказѣ или «предписаніи» о порядкѣ управлениія Россіей не только обращаютъ на себя вниманіе, но просто поражаютъ слѣдующія мѣста:

«Предметъ каждого общества,—писалъ цесаревичъ,—блаженство каждого и всѣхъ. Общество не можетъ существовать, если воля каждого не будетъ направлена къ общей цѣли. Для того правительство, правительства разнаго рода. Лучшее то, которое ближайшимъ способомъ преимущественно достигаетъ до своего предмета. Изъ того разные роды правленія рождаются. Чѣмъ больше земля, тѣмъ способы исполненія труднѣе, слѣдственно, первое попеченіе должно быть—облегчать ихъ. Самое простое облегченіе сего рода—препорученіе исполненія одному, но связано съ неудобствами человѣчества....»

«Законы у насъ есть, но въ порядокъ привести въ ихъ смыслъ. Новыхъ не дѣлать, но сообразить старые съ государственнымъ внутреннимъ положеніемъ, а указы почитать просто учрежденіями, а не законами».

«Законы для наблюденія. За наблюденіемъ должно смотрѣть. Государь, будучи человѣкъ, за всѣмъ усмотрѣть не можетъ, хотя бы и не имѣть страстей; то для того и другаго надобны правительства. Таковъ Сенатъ, прочия судебнага мѣста и прочее».

«Государь, будучи надъ всѣмъ смотрѣть за разными частями, и для того въ облегченіе не только ума его, но и совѣсти, имѣть ему совѣтъ, составленной изъ особъ, которымъ поручено смотрѣть за разными частями и родами дѣлъ государства».

«Сказавъ о способахъ безпосредственныхъ къ достижению предмета общества, т. е. блага утвержденіемъ законовъ,—сказать должно: сіе состояніе законы утверждаютъ. Таковое первое дворянство. Оно—под-

пора государства и государя и для того придать ему уваженія, не попуская въ него лишнихъ членовъ или недостойныхъ и имѣя съ государствомъ равный интересъ должно его на службу обращать».

«Крестьянство содержить собою всѣ прочія части и своими трудами, слѣдственно, особаго уваженія достойно и утвержденія состоянія, не подверженаго нынѣшнимъ перемѣнамъ его, изъ благодарности отечества и для того, чтобы тѣмъ лучше трудились, и государство имѣло тѣмъ вѣрнѣе снабженіе.

«Но сего предписанія не довольно, ибо исполненіе потребно; а прежде онаго быть не можетъ, пока каждое состояніе и каждый онаго членъ не узнаеть воспитаніемъ пространства своихъ должностей къ первому предмету—благу общества; а сего достигнуть не можно безъ воспитанія, отъ котораго понятіе прямое закона, самого себя и вещей и, слѣдственно, нравы, безъ которыхъ опять общество бѣдствено, ибо члены развратны.

«Для сего школы и училища, основанныя на правилахъ правленія, дабы воспитаніемъ влагалось понятіе вещей къ назначеннй цѣли и напряженія каждого, по мѣрѣ состоянія, исполненіемъ должностей къ общей цѣли общества.

«Торговля, служа къ богатству земли, сводить народы и тѣмъ самымъ полируетъ нравы и открываетъ новыя стези смыслу человѣческому и способамъ государственнымъ.

«Мануфактуры, фабрики и ремесла—отрасли сего, сила и, слѣдственно, цѣлость общества,—итакъ о нихъ не пущай отмѣнно, а особенно у насъ, гдѣ сія часть запущена.

«Сюда къ промысламъ принадлежитъ вино и соль. Послѣдняя запущена, итакъ стараться исправить, а первое основано на злоупотреблѣніи, ибо коронной монополь развратительный для правовъ; итакъ искать сей доходъ не прибавлять, а убавлять, замѣни прилежаніемъ въ другихъ отрасляхъ.

«Доходы государственные—государства, а не государя, и, составляя богатство его, составляютъ цѣлость, итакъ знакъ, и способъ благополучія земли. Они двоякіе: или съ земли, или съ промысла. Первые держать соразмѣрно возможности съ надобностю, ибо удѣляются отъ имѣній частныхъ людей. Другіе поощрять, ибо основаны на трудахъ и прилежанії, всегдашнія средства сплы и могущества земли. Поощреніе сіе—одобрение и способствованіе.

«Расходы размѣрять по приходамъ и согласовать съ надобностями государственными, и для того вѣрно однажды расписать такъ, чтобы никакъ не отягчать земли, но помнить, что можетъ быть случай, гдѣ нужда заставить большой расходъ дѣлать, итакъ не вплоть и обрѣзъ

класть, и при томъ нѣкоторое количество имѣть въ казнѣ, но не большое, дабы не отвратить онаго отъ нужнаго теченія.

«Распорядясь,—какъ сказалъ выше,—не можетъ не произойти морального и физического равновѣсія, доводящаго до общей доброй вѣры во всѣхъ частяхъ, за которую смотрѣть, ибо основаніе тишины и блаженство каждого и всѣхъ и достиженіе цѣли закона Божія, предмета первѣшаго.

«Для достиженія такового предмета и сохраненія его—необходимо стараться постановить правила общей безопасности, рождающейся отъ стеченія всѣхъ вещей къ одному предмету, и для соблюденія оной учредить земскую и городовую полицію.

«Родства, которыя никогда не должны заставлять забывать прямаго, государственного интереса, и суть послѣднія всегда, ибо обыкновенно идутъ на персону».

Письма-завѣщанія Павла Петровича къ Маріи Феодоровнѣ и къ великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ, помѣченныя 4-го января 1788 года, свидѣтельствуютъ, какъ серьезно смотрѣлъ цесаревичъ на свои обязанности, и какъ высоко ставилъ онъ заботы о благѣ государства. Въ письмѣ-завѣщаніи Маріи Феодоровнѣ, отъ 4-го января 1788 года онъ писалъ: «Старайся о благѣ прямомъ всѣхъ и каждого. Дѣтей воспитай въ страхѣ Божіи, какъ началѣ премудрости, въ добронравіи, какъ основаніи всѣхъ добродѣтелей. Старайся объ ученіи ихъ наукамъ, потребнымъ къ ихъ званію, какъ о томъ, что, преподавая знанія, открываешь разсудокъ. Не пренебрегай и тѣлесныхъ выгодъ, ибо отъ нихъ здоровье къ понесенію трудовъ и наружность благообразная, пленяющая глаза. Все сіе клони къ поспѣшествованію бодрости и твердости духа. Укрѣпи ихъ въ намѣреніи моемъ о наслѣдствѣ и законѣ онаго и въ приведеніи въ порядокъ прочихъ частей, но старайся имъ внушить, что человѣкъ всякий долженъ подчинять себя разсудку, а особливо такой, которой Богомъ призванъ подчинять страсти другихъ и управлять людьми и цѣлью государствомъ и народомъ. Такимъ только себя подчиненіемъ можетъ удержать другихъ въ ономъ, а особливо своихъ собственныхъ потомковъ, подавая имъ примѣръ, а свою же совѣсть успокоить».

Въ завѣщаніи же своимъ дѣтямъ, великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ, цесаревичъ Павелъ Петровичъ высказывалъ между прочимъ такія мысли: «Вы теперь обязаны предъ престоломъ Вышняго посвященіемъ жизни вашей отечеству заслуживать и за меня, и за себя, что избралъ Онъ нась и предопредѣлилъ. Помните оба, что вы посланы отъ Всевышняго къ народу, а не народъ къ вамъ, и для его блага; итакъ, пекитесь о немъ, сохрания его, а лучшее сохраненіе—тишина, которой примѣръ подавайте вы между собою, ибо

вы примѣръ всему, и нигдѣ оное столь не нужно, какъ въ нашемъ государствѣ, которое не наслаждалось много плодами тишины».

Свое завѣщаніе дѣтямъ Павелъ Петровичъ заключилъ слѣдующими глубоко трогательными словами: «Будьте счастливы, счастіемъ земли вашей и спокойствіемъ души вашей. Богъ вамъ да дастъ его, какъ меня сподобилъ въ жизнь свою онымъ наслаждаться».

Къ числу безспорно интересныхъ и характерныхъ для Павла Петровича мыслей, высказанныхъ имъ въ бытность свою цесаревичемъ, слѣдуетъ отнести и глубоко вѣрную мысль, выраженную имъ въ запискѣ о гвардіи: «въ бездѣлицахъ опасно идти противу обычая и привычекъ. Развѣ не чувствительнымъ образомъ».

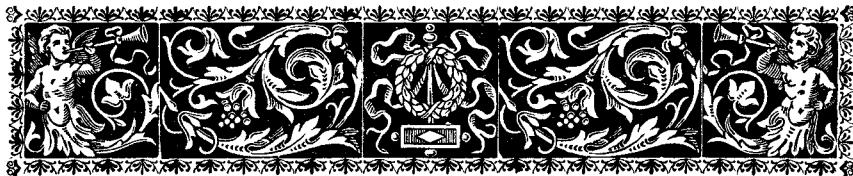
Мысль эта особенно поражаетъ въ устахъ Павла Петровича, такъ какъ постоянно онъ поступалъ какъ разъ обратно.

Всобще ко всѣмъ этимъ сужденіямъ Павла цесаревича можно применить замѣчаніе, сдѣланное Н. К. Шильдеромъ въ одномъ частномъ случаѣ: «Онъ одушевленъ быть, какъ видно, наилучшими намѣреніями и, подъ счастливымъ вдохновеніемъ, всегда находилъ хорошія слова для ихъ выраженія. Не разъ Павель Петровичъ пользовался въ своей жизни такими хорошими словами, и, читая ихъ, можно даже удивляться, какимъ образомъ благія намѣренія не сопровождались лучшими послѣдствіями. Но для осуществленія этихъ прекрасныхъ намѣреній не въ мірѣ грезъ, а на дѣлѣ, недоставало у него одного—выдержанки. Характера хватало только на мгновеніе, а человѣческая жизнь долгая, какъ выразилась Екатерина въ одномъ изъ своихъ писемъ. Являлось не-предвидѣнное огорченіе, и оно вызывало тотчасъ неразумную вспышку гнева, сопровождающую иной разъ и сожалѣніемъ, а задуманное хорошее дѣло отодвигалось на недосягаемую даль и оставалось хорошимъ словомъ».

П.

(И продолженіе слѣдуетъ).

Нѣсколько новыхъ словъ о пребываніи Гоголя въ Одесѣ въ 1850—51 г.г.

21-го февраля будущаго года минетъ ровно полстолѣтія со дня кончины Гоголя. Уже теперь, почти за полгода до будущихъ юбилейныхъ празднествъ, немало говорится о приготовленіяхъ къ нимъ. Произведенія великаго писателя станутъ съ этого дня общему собственностью, и немало популярныхъ и дешевыхъ изданій Гоголя разойдется по всей грамотной Россіи. Надо думать, что благодарное отечество съумѣть достойно почтить память своего великаго сына. Одесса, два раза видѣвшая Гоголя въ своихъ стѣнахъ, несомнѣнно, примѣтъ участіе въ этомъ великомъ праздникѣ нашей культуры и тоже «отпразднуетъ и отликуетъ» грядущіе «гоголовскіе дни». Настоящія строки имѣютъ цѣлью сообщить воспоминанія о Гоголѣ одного почтенного одесского старожила, въ дни своей юности имѣвшаго случай пожимать ту руку, которая написала «Мертвые души», и любезно подѣлившагося этими немногими и незначительными, но все же освященными драгоцѣнными именемъ Гоголя воспоминавіями съ пишущимъ эти строки, а также указать одинъ способъ увѣковѣченія памяти о пребываніи Гоголя въ столицѣ Новороссійскаго края.

Гоголь былъ въ Одесѣ, какъ сказано, два раза ¹⁾). Въ первый, онъ пріѣхалъ въ столицу Юга, возвращаясь на родину изъ своего путешествія въ Святую землю, во второй половинѣ апрѣля 1848 года и черезъ двѣ недѣли — 6-го мая выѣхалъ изъ нея. Во второй разъ Гоголь

¹⁾ Нѣкоторыя данины для исторіи пребыванія Гоголя въ Одесѣ можно найти въ IV-мъ томѣ „Матеріаловъ для біографіи Гоголя“ В. И. Шенрока, въ сборникѣ Л. М. де Рибаса „Изъ прошлаго Одессы“ (воспоминанія Н. Г. Тройницкаго и Толченова) и въ стат. моей „Гоголь въ Одесѣ“ („Одесскій листокъ“ 1900 г. 25-го февраля, № 52).

Н. Л.

*

прибылъ въ Одессу въ октябрѣ 1850 года, измученный, больной, разсчитывая поправить на югъ свое слабое здоровье, и прожилъ здѣсь всю зиму 1850—51 г.г. На третьей недѣлѣ великаго поста 1851 г. онъ уѣхалъ изъ Одессы. Къ этому-то времени и относятся немногія воспоминанія о Гоголѣ почтенаго старожила, д. с. с. Антона Людвиговича Деменитру (старшаго брата извѣстнаго героя-студента Ришелевскаго лицея, нынѣ покойнаго, отличившагося въ 1854 году своимъ рѣдкимъ мужествомъ на знаменитой Щеголевской батарੇѣ, во время бомбардированія Одессы флотомъ союзниковъ). Въ настоящее время Антонъ Людвиговичъ одинъ изъ очень немногихъ, которые помнятъ Гоголя, и это придаетъ его коротенькому разсказу особый интересъ.

Въ бытность въ Одессѣ Гоголя проживалъ въ ней младшій братъ А. С. Пушкина, Левъ Сергеевичъ, нѣкогда непосѣдливый, пылкій «Левушка» и «vaillant capitaine», какъ звали его близкіе, а потомъ мирный членъ одесской таможни (сконч. 19-го июля 1852 г. въ Одессѣ). Въ его семье, гостепріимной, любезной и общительной, собиралось лучшее одесское общество. Самъ хозяинъ дома, живой, умный, образованный и добродушный, былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ со многими писателями и выдающимися людьми. Въ Одессѣ у него часто бывалъ молодой Я. П. Полонскій; однимъ изъ первыхъ Левъ Сергеевичъ призналъ и оцѣнилъ по достоинству развивавшійся съ необычайною силою поэтическій талантъ незабвеннаго Н. Ф. Щербины¹⁾). Бывалъ у него и Гоголь, другъ его великаго брата. Въ домѣ Л. С. Пушкина, жившаго на углу Греческой и Преображенской ул., зимою 1850—51 г.г. имѣлъ случай познакомиться съ Гоголемъ и А. Л. Деменитру, тогда студентъ Ришелевскаго лицея.

По его разсказу, худой, блѣдный, съ длиннымъ, выдающимся и острымъ, словно птичьимъ, носомъ, Гоголь своей оригинальной наружностью, эксцентрическими манерами произвелъ на своего новаго знакомаго весьма странное впечатлѣніе какого-то «буки». На великомъ писателѣ тогда уже лежала печать не здѣшняго міра. Всѣ окружающіе оказывали творцу «Мертвыхъ душъ» знаки величайшаго вниманія, но Гоголя это стѣсняло и коробило, и онъ относился какъ-то небрежно къ этимъ проявленіямъуваженія своихъ поклонниковъ. Онъ былъ вялъ, угрюмъ, соредоточенъ; говорилъ очень мало. За обѣдомъ его всячески старались растормошить,—что называется, «разговорить», заводя рѣчъ о предметахъ, которые, казалось, могли его заинтересовать,

¹⁾ Въ концѣ 1849 г. Щербина напечаталъ въ Одессѣ первый сборникъ своихъ произведений: «Греческія стихотворенія». (Книжка эта нынѣ очень рѣдка).

но онъ былъ по-прежнему молчаливъ и угрюмъ. Одна дама обратилась къ нему съ какимъ-то вопросомъ, но уткнувшійся въ свою тарелку Гоголь ничего не отвѣтилъ, какъ будто и не разслышалъ вопроса (а, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ не разслышалъ). Его оставили въ покоѣ и заговорили о мѣстныхъ одесскихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ. Кто-то произнесъ фамилію негопіавта-грека Родоканаки. При этомъ словѣ Гоголь на мгновеніе встрепенулся и спросилъ студента Деменитру, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ:

— Это что такое? фамилія такая?

— Да,—подтвердилъ Деменитру: это фамилія.

— Ну, это Богъ знаетъ что, а не фамилія,—сказалъ Гоголь. Этакъ только обругать человѣка можно: ахъ ты, рродоканака ты этакая!...

Всѣ разсмѣялись, а Гоголь опять погрузился въ свои мысли. Обѣдъ кончился. Хозяева и гости перешли въ гостиную. Зашель разговоръ о Лермонтовѣ. Левъ Сергеевичъ досталъ и показалъ гостямъ перчатку Лермонтова, снятую съ руки безвременно погибшаго поэта послѣ его злополучной дуэли съ Н. С. Мартыновымъ. Всѣ съ любопытствомъ поглядѣли на эту реликвию, но Гоголь не обратилъ на нее ни малѣйшаго вниманія и, казалось, не слушалъ и разсказа хозяина дома о Лермонтовѣ, котораго Левъ Сергеевичъ близко зналъ. Это, впрочемъ, понятно. Со второй половины сороковыхъ годовъ Гоголь былъ уже не тотъ пламенный юноша-поэтъ, который написалъ «Вечера на хуторѣ», не тотъ геніальный художникъ, въ полномъ расцвѣтѣ своего дарованія, который создалъ «Ревизора» и «Мертвые души». Иначе отнеслись къ памяти погибшаго на поединкѣ представителя свободной, кристально-чистой поэзіи, гордо возвеличивавшій человѣческій духъ и права личности, не могъ мрачный, истерзанный душевнымъ недугомъ, мистически-настроенный авторъ «Переписки съ друзьями».

Жилъ Гоголь за Сабанѣевымъ мостомъ, въ домѣ А. А. Троцкаго, нынѣ принадлежащемъ Деппѣ, на Надеждинской улицѣ. Въ этомъ домѣ проживала также, пососѣдству съ Гоголемъ, семья Картамышевыхъ, у которыхъ часто бывалъ А. Л. Деменитру¹). Въ домѣ Троцкаго Гоголь жилъ въ находившемся во дворѣ отдельномъ флигелѣ, до сихъ поръ сохранившемся безъ значительныхъ измѣненій, и занималъ во второмъ этажѣ дѣвъ небольшія комнатки. Бывая у жившихъ бокъ-о-бокъ съ Гоголемъ Картамышевыхъ, Ант. Людв. иногда слышалъ несшіеся изъ комнатъ Гоголя вздохи и шепотъ молитвы: «Господи помилуй! Господи помилуй!»²).

¹) Одинъ изъ членовъ этой семьи, Константинъ Воинѣтьевичъ Картамышевъ, литераторъ, былъ впослѣдствіи основателемъ газеты „Новороссійскій Телеграфъ“, нынѣ уже не издающейся.

²) А. Л. Деменитру до сихъ поръ отлично помнить тѣ комнаты, въ которыхъ жилъ Гоголь, и легко можетъ ихъ указать.

Когда совершился въ Гоголѣ печальный внутренній переломъ, и явилась въ свѣтъ «Переписка съ друзьями», Гоголь, какъ извѣстно, сталъ смотрѣть на свою прежнюю литературную дѣятельность какъ на тяжкій грѣхъ и, сознавая, что ей обязанъ своею славой, старательно избѣгалъ какихъ бы то ни было знаковъ вниманія къ нему, какъ къ писателю. Зачитывавшіеся его произведеніями студенты Ришельевскаго лицея, какъ разсказывается А. Л. Деменитру, съ благоговѣніемъ, смѣшаннымъ съ удивленіемъ и любопытствомъ, оглядывали на улицѣ странно одѣтаго, съ сумрачнымъ и скорбнымъ, блѣднымъ лицомъ геніальнаго поэта, уже человѣка «не отъ міра сего». Тѣ, что были посмѣлѣ, даже стѣдовали за нимъ; правда, въ довольно почтительномъ отдаленіи. Это раздражало Гоголя, и, завида студентовъ, шедшихъ ему на встрѣчу, онъ иной разъ бѣгствомъ въ первыя попавшіяся ворота спасался отъ стѣснявшаго и тяготившаго его, такъ сказать, и вѣнѣне, и внутреннєе, вниманія молодежи.

Въ Одессѣ, на Пушкинской улицѣ, надъ воротами скромнаго двухъ-этажнаго дома старой постройки, красуется простая мраморная доска, говорящая прохожему о томъ, что въ этомъ домѣ жилъ въ 1823 году Пушкинъ. Такую же доску, съ надписью: «Здѣсь жилъ Гоголь въ 1850—51 гг.» стѣдовало бы Одесской думѣ установить надъ воротами того дома на Надеждинской улицѣ, въ которомъ молился и работаль надъ вторымъ томомъ «Мертвыхъ душъ» великий писатель. Отношеніемъ къ памяти геніевъ родины измѣряется ростъ нашего культурнаго сознанія, а наше пренебреженіе къ ихъ славнымъ именамъ—неуваженіе къ самимъ себѣ. Пусть же скромная мраморная доска съ немногорѣчивой надписью всегда напоминаетъ о великомъ человѣкѣ, чьимъ имѣнемъ гордится даже каждый клочокъ земли, по которому ступала нога безсмертнаго поэта.

Николай Лернеръ.

Николай Иванович Тургеневъ

ВЪ СВОЕМЪ ОПРАВДАНИИ.

(Изъ бумагъ Павла Васильевича Жуковскаго).

Къ напечатанію редакцію оправданію Николая Ивановича Тургенева присоединено три „Приложенія“, въ которыхъ хотя и встрѣчаются повторенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаются и весьма любопытныя новыя подробности. Эти приложенія помѣщаются ниже на страницахъ „Русской Старины“.

Ред.

I¹⁾.

Въ первой части этого приложенія я попытаюсь изложить если не поводы обвиненія, то, по крайней мѣрѣ, тотъ путь, коимъ это обвиненіе состоялось. Начинаю съ оговорки, что все, что я скажу, не можетъ быть подтверждено мною никакими законными доказательствами. По примѣру Донесенія, за отсутствиемъ доказательствъ, я ограничусь слухами.

Въ верховномъ уголовномъ судѣ былъ членъ, который, какъ говорятъ, былъ главнымъ рычагомъ всего этого дѣла. Онъ будто-бы редактировалъ заключенія суда и умолялъ императора не прощать осужденныхъ. Однако, этотъ человѣкъ былъ въ свое время несчастенъ. Онъ самъ былъ нѣкогда жертвою несправедливыхъ подозрѣній и ничѣмъ не доказанныхъ обвиненій.

Въ тотъ самый день, когда долженъ былъ быть произнесенъ въ судѣ окончательный приговоръ подсудимымъ, человѣкъ этотъ говорилъ, что по его мнѣнію не было достаточныхъ уликъ для моего обвиненія.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь, 1901 г.

-- Единственно,—сказалъ онъ,—въ чемъ его можно обвинить, это въ отказѣ явиться въ судъ. Но русскій законъ не караетъ за это, такъ что его ни въ чемъ нельзя обвинить.

Сказавъ это, онъ въ тотъ же день подписалъ мой смертный приговоръ. Говорятъ, будто въ началѣ засѣданія онъ по-прежнему былъ того мнѣнія, что меня нельзя обвинить, но устрашенный гневомъ сенатора Баранова или, если хотите, увлеченіемъ его краснорѣчіемъ, онъ присоединился въ концѣ-концовъ къ его мнѣнію и увлекъ остальныхъ.

Другой судья N¹⁾, человѣкъ извѣстный возвышенностью и благородствомъ своего характера и своими дипломатическими способностями, имѣлъ много времени, спустя послѣднія, случай разсмотрѣть предъявленныя противъ меня обвиненія и призналъ, что приговоръ, произнесенный противъ меня, былъ несправедливъ. Разумѣется, его нельзя обвинять въ томъ, что онъ участвовалъ въ произнесеніи этого приговора, если принять во вниманіе, въ какомъ видѣ ему было представлено дѣло, и отсутствіе съ его стороны опыта въ уголовномъ судопроизводствѣ. Но все же ему дѣлаетъ честь, что онъ сознался въ томъ, что приговоръ былъ произнесенъ несправедливо. Мы видѣли въ моихъ замѣчаніяхъ на Донесеніе, что редакторъ не хотѣлъ даже признать ошибки, доказанной числами. Читатель припомнитъ, съ какимъ трудомъ юристы признали, слишкомъ поздно, важную ошибку, происшедшую въ дѣлѣ Калласа. Герцогъ Орлеанскій спросилъ, однажды, предсѣдателя суда:

— Какъ могло случиться, чтобы столь извѣстный судья могъ сдѣлать подобную ошибку?

— Нѣтъ той лошади, ваше высочество,—отвѣчалъ предсѣдатель,—которая бы не спотыкалась.

— Но не цѣлая же конюшня!—отвѣчалъ принцъ.

Другой судья, сенаторъ К., также имѣлъ случай прочесть нѣкоторыя объясненія, данныя по моему дѣлу. Но онъ призналъ несправедливость приговора, произнесенного противъ меня послѣ нѣкоторыхъ колебаний возраженій съ его стороны.

Другой судья, также бывшій дипломатъ, на вопросъ, предложенный ему однимъ почтеннымъ человѣкомъ, какимъ образомъ меня обвиняли на основаніи столь неправдоподобныхъ показаній,—отвѣчалъ простодушно: «мы отлично знали, что относительно его приговоръ не могъ быть приведенъ въ исполненіе, вотъ почему мы не возражали противъ него».

Наконецъ, одинъ судья заявилъ уже впослѣдствіи, что если бы я

¹⁾ Въ оригиналѣ фамилія не названа.

явился въ судъ, то я былъ бы оправданъ и что причиною моего обвиненія было мое отсутствие.

Въ числѣ судей былъ одинъ человѣкъ, котораго мнѣ было весьма прискорбно видѣть среди нихъ. Это былъ почтенный старецъ, котораго я зналъ прежде и который меня хорошо зналъ.

Во время моихъ служебныхъ сношеній съ нимъ (въ Государственномъ Совѣтѣ), которыя продолжались нѣсколько лѣтъ, я неоднократно былъ свидѣтелемъ того, какъ заботливо онъ относился къ соблюденію справедливости и человѣколюбія въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ.

Я не разъ видѣлъ, какъ, во время засѣданія Государственного Совѣта, онъ вставалъ со своего мѣста и заявлялъ, что такое-то дѣло, рѣшенное и подписанное имъ и его товарищами, было решено несправедливо, и не упускалъ при этомъ случая замѣтить, что онъ убѣдился въ своей ошибкѣ, вслѣдствіе представленныхъ мною доводовъ.

Эти дѣла касались въ большинствѣ случаевъ крестьянъ, которые хотѣли получить отпускныя отъ своихъ помѣщиковъ. Но были и другаго рода дѣла.

Я помню, что однажды, приготавляя къ рѣшенію въ Совѣтѣ одно уголовное дѣло, я убѣдился, читая краткое извлеченіе дѣла, представленное Сенатомъ, что въ немъ были замѣшаны другія лица, участь которыхъ была решена за годъ передъ тѣмъ и которые были сосланы въ Сибирь по указу Сената, подтвержденному въ свою очередь Государственнымъ Совѣтомъ. Я замѣтилъ, что эти лица были осуждены незаконно, но увидѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что вышеупомянутый сановникъ принималъ участіе въ рѣшеніи Совѣта; я показалъ ему это дѣло и доказалъ неправильность приговора. Онъ всталъ со своего мѣста, сознался въ ошибкѣ, сдѣланной имъ и его товарищами, назвалъ того, кто нашелъ эту ошибку, и потребовалъ отмѣны приговора. Государственный Совѣтъ рѣшилъ единогласно отмѣнить его, и императоръ, болѣе дорожившій интересами правосудія, нежели произнесеннымъ приговоромъ, утвердилъ это рѣшеніе.

Почтенный стариkъ, о которомъ я говорю, отлично зналъ, что въ моихъ взглядахъ не было ничего преступнаго. Онъ зналъ, что я былъ далекъ отъ желанія поступить по русской пословицѣ («вымести лѣстницу сверху»), но что я всегда утверждалъ, что надобно было заняться улучшеніемъ фундамента, т. е. освобожденіемъ крестьянъ.

II.

Я представлю здѣсь на благоусмотрѣніе читателя нѣкоторые факты, которые прольютъ свѣтъ на побочные обстоятельства, способствовавшія, быть можетъ, моему обвиненію.

Проведя нѣсколько лѣтъ за границею, во-первыхъ, для своего образования, а затѣмъ въ качествѣ чиновника, состоявшаго на государственной службѣ, я возвратился въ Россію приблизительно два года спустя послѣ умиротворенія Европы въ 1815 г. Я началъ свою дѣятельность въ Россіи, издавъ, въ 1821 г., книгу: «О теоріи налоговъ», которая была написана мною раньше, когда цензура была не такъ строга, какъ впослѣдствіи; мнѣ разрешили высказать печатно свои взгляды относительно различныхъ формъ правленія, на сколько это касается налоговъ; главное, мнѣ разрешили высказать въ этой книгѣ откровенно мой взглядъ на положеніе крѣпостныхъ людей въ Россіи. Мысли, высказанныя мною по этому поводу, вызвали съ одной стороны сочувствіе нѣкоторыхъ лицъ, но съ другой—неодобрение весьма многихъ, дошедшее до озлобленія. Съ этихъ именемъ порь я прослылъ во мнѣніи многихъ лицъ, дающихъ въ Петербургѣ тонъ, либераломъ, революціонеромъ, якобинцемъ, карбонарiemъ и т. п.

Что касается меня, то мысль объ освобожденіи крестьянъ занимала меня за долго до моего возвращенія въ Россію. Чѣмъ долѣе я жилъ въ этой странѣ, тѣмъ болѣе убѣжался въ необходимости и возможности уничиженія крѣпостнаго ига.

Было известно, что покойный императоръ, съ самаго восшествія своего на престоль, возимѣль намѣреніе совершить этотъ великий актъ. Онъ исполнилъ это впослѣдствіи относительно извѣстной части своей Имперіи.

Когда мнѣ предложили вступить въ члены Союза Благоденствія и когда я прочелъ уставъ этого общества, я подумалъ, что, вступивъ въ него, я буду въ состояніи споспѣшствовать успѣху этого дѣла.

Вступивъ въ это тайное общество, я не нашелъ въ немъ никакой организаціи. Я слышалъ только о томъ, что такой-то и такой-то былъ членомъ или продолжалъ быть членомъ общества. Встрѣчаясь со мною, члены то говорили мнѣ, что общество падаетъ, что никто не знаетъ, что дѣлать, что тотъ или другой членъ бездѣятеленъ, а тотъ никогда не сходится со своими товарищами; то говорили, что нѣкоторые члены, видя, что общество бездѣятельно, желали созвать общее собраніе, чтобы решить что-нибудь опредѣленное. Я былъ одинъ или два раза на подобнаго рода собраніяхъ, на которыхъ члены, повторивъ свои обычныя сѣтованія на бездѣятельность общества, на затруднительность и даже невозможность чего-либо достигнуть при недостаткѣ усердія въ однихъ и равнодушіи другихъ, переходили обыкновенно къ разговорамъ о литературѣ, о текущихъ новостяхъ и т. п. На одномъ изъ этихъ собраній, видя, что члены не могутъ найти предмета для занятій, я сказалъ имъ,

что существуютъ вещи, не только заслуживающія вниманія; но коими всякому честному человѣку даже обязательно заняться.

— У каждого изъ васъ, господа,—сказалъ я,—есть или будуть крѣпостные; освободите ихъ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлайте все возможное для этого. Пусть каждый изъ васъ поставитъ себѣ задачею освободить хотя бы лакея, который ему служить. Не думайте, что это будетъ глашъ волющаго въ пустынѣ. Примѣръ подѣстествуетъ. Вы говорите, что общество не предписываетъ вамъ никакой опредѣленной дѣятельности. Обязуйтесь сдѣлать то, что я вамъ предлагаю. Это будетъ занятіе полезное для васъ и благотворное по своимъ послѣдствіямъ. Кроме этой существенной дѣятельности, пишите занятій въ науки,—читайте.

Въ то же время я назвалъ нѣсколько книгъ, которыя могли служить къ ихъ самообразованію.

Всѣ, съ кѣмъ я говорилъ, присоединились къ моему мнѣнію. Но мнѣ не известно, какую это принесло пользу.

Я высказывалъ свой взглядъ на крѣпостное право не однімъ только членамъ общества. Я говорилъ объ этомъ со всѣми; какъ только мнѣ приходилось бесѣдовать съ кѣмъ-нибудь, я тотчасъ старался развивать мои сокровенные мысли. Я писалъ по этому поводу проекты для комиссіи законовъ, для Государственного Совета и, наконецъ, написалъ записку для самого государя¹⁾.

Эта записка, въ которой я высказалъ все, что у меня было на душѣ относительно крѣпостного права и освобожденія крестьянъ, была передана однімъ изъ моихъ пріятелей графу Милорадовичу, въ то время петербургскому генерал-губернатору, который былъ, какъ мнѣ говорили, отъ нея въ восторгѣ и поспѣшилъ представить ее императору.

Нѣсколько дней спустя, увидавъ меня въ Государственномъ Совѣтѣ, графъ высказалъ по поводу этой записки свое удовольствіе въ выраженияхъ, которыхъ показались мнѣ даже преувеличеными, и сказалъ, что въ ту минуту мою записку читаетъ самъ императоръ.

Нѣсколько времени спустя я узналъ, что императоръ также остался доволенъ этой запиской, говорилъ о ней съ графомъ и сказалъ, что у него имѣются и другія записки по этому предмету и что онъ намѣренъ со временемъ воспользоваться ими. Въ то же время императоръ показалъ графу печать покойной императрицы Екатерины II, изображавшей улей, и сказалъ, что онъ будетъ дѣствовать, руководствуясь этимъ символомъ. Ничто въ жизни не доставило мнѣ такого удовольствія. Я былъ обязанъ графу Милорадовичу. А меня обвинили въ участіи

¹⁾ Записка эта напечатана мною въ IV выпускѣ „Сборника историческихъ материаловъ изъ архива собственной его величества канцелярии“, стр. 441.

въ возмущеніи, во время которого этотъ человѣкъ погибъ жертвою своего долга.

Словомъ, во все время моего пребыванія въ Россіи, мысль объ освобожденіи крестьянъ была мою единственою думою и заботою; меня называли ея апостоломъ. Надо мною шутили по этому поводу.

— По его мнѣнію,—сказалъ однажды тотъ почтенный старецъ, о коемъ я упоминалъ выше,—по его мнѣнію только одни мужики честные люди.

— Онъ сердится,—говорилъ другой,—что я не говорю объ освобожденіи крестьянъ въ своихъ балладахъ.

Однажды представился случай примѣнить мою теорію на дѣлѣ, и я подписалъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми лицами, не принадлежавшими къ тайному обществу, прошеніе на имя императора, предлагая дать волю крестьянамъ, принадлежавшимъ каждому изъ настѣ, и умоляя его величество позволить намъ предложить другимъ послѣдовать нашему примеру. Прошеніе было подано, но осталось безъ послѣдствій. Хотя я только присоединился къ этому проекту и число моихъ крестьянъ было слишкомъ незначительно по сравненію съ крѣпостными, принадлежавшими прочимъ лицамъ, подписавшимъ прошеніе, чтобы я могъ играть главную роль въ этомъ дѣлѣ, но это предложеніе было признано революціоннымъ и приписано моему мнимому якобинству.

Если мои читатели страдали когда-нибудь навязчивой идеей, то они поймутъ, что человѣкъ бываетъ иногда всесѣло поглощенъ одною мыслію и ко всему другому относится равнодушно,

Въ Донесеніи говорится, что члены тайныхъ обществъ обсуждали вопросъ о различныхъ формахъ правленія и конституціяхъ, что либеральные идеи были въ то время въ модѣ.

Полагаетъ ли редакторъ, что вліяніе этой моды ограничивалось тайными обществами? Объ образѣ правленія и конституціяхъ могли говорить не только въ тайныхъ обществахъ. Объ этомъ говорили въ свѣтѣ, въ салонахъ, при дворѣ, въ присутственныхъ мѣстахъ, въ кабинетахъ министровъ. Самъ императоръ поручилъ однажды нѣкоторымъ лицамъ представить ему проекты конституціи для Россійской Имперіи. Какъ известно, его величество далъ конституцію царству Польскому и объявилъ въ своей рѣчи, что она дастъ конституцію и Россіи, когда она будетъ къ тому болѣе подготовлена. Кто осмѣялся сказать послѣ этого, чтобы было преступно говорить о конституціяхъ?

Достаточно было бы ссылки на такие авторитеты, чтобы оправдать мои разговоры относительно революціонныхъ идей. Но дѣло въ томъ, что я не только не былъ ихъ дѣятельнымъ поборникомъ, но я никогда не раздѣлялъ мнѣнія тѣхъ лицъ, копи находили, что конституція была бы благомъ для Россіи, по той простой причинѣ, что мнѣ казалось всегда

и неприличны мъ домогаться политическихъ правъ для себя въ то время, какъ миллионы нашихъ согражданъ не пользовались даже гражданскими правами.

Я неоднократно высказывалъ не только членамъ общества, но и постороннимъ лицамъ, что единственный недугъ государства, настоятельно требующій лѣченія, есть крѣпостное право, что конституція не излѣчить его, что какъ только высшіе классы получатъ политическія права, то будетъ очень трудно лишить ихъ тѣхъ несправедливыхъ правъ, коими они пользуются надъ своими крѣпостными; найдутся, быть можетъ, люди, которые откажутся отъ этихъ правъ, но что цѣлые классы общества никогда этого не сдѣлаютъ; стѣдовательно, только самодержавная монархическая власть, существующая въ Россіи, можетъ освободить крестьянъ. Дворянское сословіе никогда не сдѣлаетъ этого, тѣмъ болѣе, если оно получить новыя права; надобно сначала получить необходимое, а затѣмъ уже думать о роскоши; высшіе классы, не имѣя политическихъ правъ, пользуются за то полной личной и имущественной безопасностью и могутъ проживать свободно, гдѣ хотятъ, тогда какъ съ крестьянами, привязанными къ землѣ, обращаются почти какъ съ вещами, а не какъ съ существами, созданными по образу и подобію Божіему.

— Васъ по крайней мѣрѣ не продаются,—говорилъ я нерѣдко,—а вы думаете объ улучшеніи своего благосостоянія, не думая отказаться отъ права продавать другихъ.

Вотъ въ какомъ смыслѣ я всегда говорилъ о конституціяхъ и разныхъ образахъ правленія; я бьюсь объ закладъ, что не найдется человѣка въ мірѣ, будь то членъ тайного общества, или членъ какого-нибудь литературного общества, англійского клуба, Государственного Совѣта, который могъ бы привести сказанное мною слово, которое показало бы, что я думалъ о чёмъ-нибуль иномъ кромѣ освобожденія крестьянъ.

Читатель пойметъ послѣ этого мое изумленіе, когда я узналъ, что я былъ обвиненъ и приговоренъ къ смертной казни за намѣреніе ниспропагнуть существующій въ Россіи порядокъ и ввести республиканскій образъ правленія.

Чтобы покончить съ вопросомъ о репутаціи, которой я пользовался, скажу, что нѣкоторые сострадательные люди не преминули говорить обо мнѣ сть императоромъ, изображая меня либераломъ, якобинцемъ, человѣкомъ опаснымъ, подстрекателемъ, возбуждающимъ людей противъ правительства. Однажды, когда на меня пожаловался одинъ высший сановникъ, министръ, обвинившій меня въ томъ, что благодаря моимъ интригамъ въ Государственномъ Совѣтѣ былъ отвергнутъ его проектъ, то императоръ разсердился и велѣлъ сказать мнѣ, что его тер-

пѣнію есть границы. Такъ какъ я былъ вполнѣ увѣренъ въ величодушіи императора, то я написалъ ему, высказавъ въ письмѣ откровенно всю несправедливость этого обвиненія. Милостивое отношение государя ко мнѣ впослѣдствіи даетъ мнѣ право думать, что этотъ доносъ не повредилъ мнѣ болѣе, чѣмъ всѣ другія обвиненія.

Доносъ по поводу тайныхъ обществъ и моей принадлежности къ нимъ произвелъ, мнѣ кажется, болѣе сильное впечатлѣніе.

Изъ Донесенія мы видѣли, что императору сдѣланъ былъ доносъ на общество, именуемое Союзомъ Благоденствія, однимъ изъ его членовъ и что въ этомъ доносѣ было упомянуто обо мнѣ. Это доказывается, что императору было извѣстно о существованіи общества и о моей принадлежности къ нему; я имѣю еще другія доказательства, что императору было извѣстно все, что могло быть извѣстно объ этомъ обществѣ. Такъ напр. я узналъ, вскорѣ послѣ того какъ было распущенено Московское общество, что правительству было извѣстно о собраніи, происходившемъ въ Москвѣ; самыя слова его величества, переданныя мнѣ при моемъ отѣздѣ, о которыхъ будешь упомянуто далѣе, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что императоръ зналъ о моей принадлежности къциальному обществу; если это общество было въ самомъ дѣлѣ такъ преступно, какъ старается показать Донесеніе слѣдственной комиссіи, если я, лично, былъ такимъ отъявленнымъ заговорщикомъ, какъ можно предполагать, судя потому, что я былъ приговоренъ къ смерти, то какъ же согласовать то обстоятельство, что императоръ зналъ объ этомъ и въ то же время оказалъ мнѣ столь милостивое вниманіе, въ особенности передъ моимъ отѣздомъ? Я знаю положительно (и даже изъ офиціального источника), что долгое время спустя послѣ моего отѣзда изъ Россіи, императоръ соблаговолилъ говорить обо мнѣ съ участіемъ и высказалъ, что я нуженъ ему въ Государственномъ Совѣтѣ для работы надъ Сводомъ законовъ. Очевидно, императоръ, зная, что я былъ членомъ тайного общества, не считалъ это обстоятельство достаточно важнымъ не только для того, чтобы подвергнуть меня какой-либо ответственности, но даже для того, чтобы относиться ко мнѣ съ меньшимъ благоволеніемъ. Между тѣмъ слѣдствіе удостовѣreno одно только это преступленіе съ моей стороны, если его можно считать таковыемъ.

Надобно полагать, что его величество лучше сумѣлъ оцѣнить это общество, нежели это было сдѣлано впослѣдствіи. Я знаю также, что, говоря обо мнѣ, его величество сказалъ однажды, что нельзя себѣ представить всѣ ужасы, которые ему наговорили обо мнѣ.

— Но я ничему не вѣрю,—присовокупилъ императоръ,—такъ какъ я знаю, что онъ честный человѣкъ.

Императоръ выражалъ свое добре мѣнѣне обо мнѣ не однми словами, я приведу тому доказательство.

Видя, что мое здоровье было разстроено непомѣрными трудами въ Государственномъ Совѣтѣ, я рѣшилъ уѣхать весною 1823 г. за границу, не оставляя однако службы. Мнѣ сказали, въ это время, что скоро освободится одно мѣсто, которое я имѣть бы право занять. Не имѣвъ никогда такъ называемыхъ покровителей, я написалъ императору письмо, въ коемъ высказалъ ему свое желаніе занять это мѣсто. Два или три дня спустя императоръ приказалъ графу Аракчееву передать мнѣ, что ему неизвѣстно, освободится ли указанное мѣсто, и что онъ желалъ бы, чтобы я остался въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ я былъ ему полезенъ, и что если незначительный размѣръ содержанія, присвоеннаго занимаемому мною мѣstu, и недостаточность личныхъ средствъ требуютъ денежнаго вспомоществованія, то императоръ готовъ дать мнѣ пособіе.

Я отказался отъ этого, отвѣтивъ, что я обратился къ его величеству не ради денегъ; говорю это не изъ хвастовства, а только для того, чтобы сказать, что мой отвѣтъ заслужилъ одобрение императора.

Это милостивое вниманіе ко мнѣ государя заставило меня съ удвоеннымъ усердіемъ предаться своимъ служебнымъ занятіемъ, чтѣ отразилось на моемъ здоровыи; гдѣ спустя врачи посовѣтовали мнѣ уѣхать въ Карлбадъ. Императоръ соблаговолилъ разрѣшить мнѣ поѣздку за границу и вмѣстѣ съ тѣмъ пожаловалъ меня въ слѣдующій чинъ, приказавъ оставить мнѣ содержаніе, колиъ я пользовался, и выдать мнѣ извѣстную сумму денегъ на путевыя издержки. Но это не все. Императоръ приказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ генералу графу Аракчееву передать мнѣ, что онъ совѣтуетъ остерегаться за границею злонамѣренныхъ людей, коихъ вездѣ много и которые, конечно, постараются обмануть меня.

— Передайте ему,—сказалъ императоръ генералу графу Аракчееву,—что я велю ему быть осторожнымъ не какъ монархъ, но что я даю ему этуто совѣтъ какъ христіанинъ.

Обсуждая все сказанное выше, читатель можетъ по справедливости удивиться тому, что Донесеніе слѣдственной комиссіи, приводя противъ меня всѣ несообразныи и противорѣчивыи показанія обвиняемыхъ, умолчало о моихъ мысляхъ относительно освобожденія крестьянъ и о моихъ стараніяхъ достигнуть этого. Быть можетъ, объ этомъ обстоятельствѣ боялись упоминать, чтобы не пролить въ глазахъ людей, хорошо меня знавшихъ, слишкомъ яркій свѣтъ на истинную причину неудовольствія противъ меня. Это могло не понравиться нѣкоторымъ членамъ слѣдственной комиссіи, которые, видя въ числѣ учредителей преобразователей и главныхъ членовъ тайныхъ обществъ однихъ военныхъ, хотѣли, какъ говорятъ, вѣроятно изъ духа солидарности, бросить обвиненіе и

противъ кого-либо изъ статскихъ и избрали меня, какъ одно изъ самыхъ видныхъ среди нихъ лицъ.

Если есть какая-либо возможность найти причину моего несчастія, то надобно полагать, что этою причиною были мои взгляды на освобожденіе крестьянъ, мои старанія достичнуть этого и ненависть, которую это возбудило въ нѣкоторыхъ лицахъ.

Чтобы быть послѣдовательнымъ, я не могъ желать прекращенія въ Россіи монархической власти, ибо, зная личный характеръ императора, его взглядъ на этотъ предметъ и его власть, я былъ увѣренъ, что онъ болѣе радѣлъ о благѣ своихъ крестьянъ, нежели кто-либо изъ его подданныхъ. Я долженъ былъ весьма естественно придерживаться этого взгляда, такъ какъ рабы всегда пользовались болѣшимъ благосостояніемъ при неограниченной монархії, нежели при иномъ образѣ правленія, въ особенности при республикѣ. Мы видимъ даже, что завоеванныя страны пользуются нерѣдко болѣшими льготами со стороны неограниченной монархической власти (какъ напр. Финляндія и царство Польское), нежели при конституціонномъ правленіи (Ирландія и Корсика подъ владычествомъ англичанъ).

Если это такъ, то возможно ли, чтобы я стремился къ ниспроверженію существующаго въ Россіи порядка и къ учрежденію республики? Чтобы допустить подобное противорѣчіе въ моихъ взглядахъ, подобную нелѣпость въ моихъ поступкахъ, надобно было бы имѣть ясныя, положительныя и законныя доказательства. А мы видѣли, къ чему сводятся слухи, ходившіе на мой счетъ.

Возвращаясь къ моему тайному обществу, я скажу, что въ то время, когда я состоялъ его членомъ, я присутствовалъ въ Петербургѣ всего на одномъ или двухъ засѣданіяхъ или совѣщаніяхъ; я упоминаю объ нихъ только потому, что они были назначены по просьбѣ нѣкоторыхъ членовъ, желавшихъ созыва общаго собранія; я былъ на этомъ собраніи по ихъ приглашенію, хотя надобно сказать, что эти такъ называемыя засѣданія или совѣщанія ничѣмъ не отличались отъ моихъ бесѣдъ съ нѣкоторыми членами при случайной встрѣчѣ у знакомыхъ.

Въ то время, когда я состоялъ членомъ этого общества, т. е. съ 1819—1821 г., оно находилось въ упадкѣ, какъ это признано самою слѣдственной комиссией. Въ 1821 г., нѣкоторые члены, наскучивъ бездѣятельностью общества, хотѣли рѣшить что-нибудь окончательно и собрались для этого въ Москвѣ. Я былъ на этомъ собраніи случайно, а не въ качествѣ депутата. На этомъ собраніи, въ Москвѣ, было объявлено о прекращеніи общества; говорятъ, будто я объявилъ, что оно распускается окончательно и безповоротно. Вскорѣ послѣ этого я уѣхалъ изъ Москвы, гдѣ остались почти всѣ тѣ, кои участвовали въ этомъ собраніи.

Я узналъ изъ Донесенія, что когда общество было распущенено, то члены говорили (только говорили) о преобразованіи общества.

По возвращеніи въ Петербургъ, я продолжалъ знакомство съ тѣми членами общества, коихъ я зналъ раньше. Да и почему бы мнѣ было не водить съ ними знакомства? Я вѣдь былъ знакомъ съ ними не по обществу.

Если, какъ видно изъ Донесенія, въ 1822 г. общество дѣйствительно было учреждено или преобразовано, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что это произошло безъ моего вѣдома.

Лица, учредившія это общество, знали, что я былъ въ числѣ тѣхъ лицъ, кои распустили прежнее общество. Они видѣли мое нежеланіе учреждать новое общество, мое вполнѣшее отвращеніе къ этому. Въ ихъ показаніяхъ встрѣчаются указанія, свидѣтельствующія о томъ, что мои чувства въ этомъ отношеніи были имъ извѣстны.

Развѣ они не видѣли, что при моихъ работахъ въ Государственномъ Совѣтѣ у меня физически не было времени заняться обществомъ.

Развѣ они не знали, что мои чувства къ императору совершенно не соотвѣтствовали ихъ собственнымъ?

Развѣ они не знали моихъ мыслей относительно освобожденія крестьянъ?

Къ чему было имъ говорить мнѣ объ учрежденіи ихъ общества, если они не могли вмѣстѣ съ тѣмъ высказать мнѣ своихъ намѣреній относительно императора и возмущенія?

Это новое общество, говорится въ Донесеніи, уже не преслѣдовало патріотическихъ и филантропическихъ цѣлей, оно готовилось къ вооруженному восстанію.

Теперь я спрашиваю, было ли упомянуто обо мнѣ хотя въ одномъ изъ многочисленныхъ показаній, данныхъ обвиняемыми относительно ихъ намѣреній, касавшихся возмущенія и дареубійства? Ни въ ихъ показаніяхъ, ни въ Донесеніи, разумѣется, не опущено ничего, что могло бы послужить къ обвиненію моему и прочихъ сообвиняемыхъ.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, я видѣлъ Бриггена чаще другихъ обвиняемыхъ и помню, что онъ говорилъ объ этомъ обществѣ не иначе, какъ шутя; я долженъ даже сказать, что никто изъ членовъ общества не говорилъ объ немъ серьезно, и не ожидалъ отъ него никакихъ результатовъ. Я высказалъ то же самое въ моей первой запискѣ и этимъ навлекъ на себя гнѣвъ тѣхъ лицъ, кои читали ее въ Петербургѣ, ознакомившись предварительно съ Донесеніемъ слѣдственной комиссіи.

Но я говорилъ въ то время объ обществѣ только то, что мнѣ было извѣстно, и не могъ говорить иначе, ибо я не могъ знать въ то время

о томъ, какую связь Донесеніе старалось установить между обществомъ и возмущеніемъ 14-го декабря.

Мое чолвѣйшее равнодушіе къ обществу доказывается еще тѣмъ, что въ предыдущей моей запискѣ я предлагалъ спросить Митькова, одного изъ обвиняемыхъ, говорили ли мы съ нимъ хотя одно слово объ обществѣ, живя вмѣстѣ въ одномъ домѣ въ Карлсбадѣ?

Въ самомъ Донесеніи есть одно обстоятельство, подтверждающее мое показаніе о томъ, что я не зналъ объ учрежденіи новаго общества.

Это то мѣсто, въ которомъ говорится, что общество начало проявлять дѣятельность или, лучше сказать, подало признакъ жизни только въ исходѣ 1824 г. Между тѣмъ я уѣхалъ изъ Россіи въ началѣ этого года (4-го апрѣля); поэтому я спрашиваю, неужели же такъ невѣроятно, что я ничего не зналъ въ Петербургѣ объ учрежденіи новаго общества, коль скоро учредители его имѣли, съ одной стороны, причины не открывать мнѣ своихъ тайнъ, а съ другой стороны, коль скоро извѣстно, что это новое общество не подавало признака жизни до моего отѣзда?

Безъ сомнѣнія, послѣ 1821 г. между разными лицами могли происходить преступные разговоры, но никто не говоритъ, что я принималъ въ нихъ участіе.

Единственный разговоръ, по поводу которого упоминается обо мнѣ, происходилъ въ 1825 г., когда я былъ въ Неаполѣ.

Я долженъ сказать еще, что, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, я все рѣже и рѣже встречался съ бывшими членами нашего общества: я видѣлся въ то время съ моими знакомыми очень рѣдко по причинѣ моихъ служебныхъ занятій. Уже въ началѣ 1823 г. я рѣшилъѣхать за границу и отложилъ это рѣшеніе до слѣдующаго года только по причинѣ милостиваго ко мнѣ отношенія государя.

Скажу въ заключеніе, что, уѣзжая изъ Россіи, я вовсе не думалъ о тайныхъ обществахъ, а тѣмъ менѣе зналъ о существованіи такового въ Петербургѣ. Еще менѣе я могъ подозрѣвать, что меня могли обвинить впослѣдствіи въ томъ, что я зналъ о существованіи подобного общества, или что я принадлежалъ къ нему: съ самаго отѣзда моего по настоящему время я не переписывался ни съ кѣмъ изъ членовъ тайныхъ обществъ.

Общее заключеніе и выводъ.

Я доказалъ свою принадлежность исключительно къ тому обществу, которое было распущено въ 1821 г., уставъ котораго существуетъ подъ названіемъ Зеленой книги, которое не имѣло никакой преступной цѣли и относилось настолько безразлично ко всяkimъ благимъ и дурнымъ начинаніямъ, что естественнымъ послѣдствіемъ этого было его распущеніе.

Я доказалъ, что послѣ того, какъ это общество было распущено, я не принадлежалъ ни къ какому иному обществу, и до такой степени ничего не зналъ о его существованіи, что, уѣзжая изъ Россіи, я не счелъ нужнымъ дать ни одному изъ членовъ ни малѣйшаго отчета о моемъ намѣреніи оставить отечество; ни одно письмо, ви одна строчка, написанная мною, не указываетъ на то, что я принималъ впослѣдствіи хотя бы малѣйшее участіе въ томъ, чтѣ дѣлалось въ Россіи.

Я доказалъ, что не было ни засѣданія, ни письменного постановленія относительно мнимой республики; впрочемъ, въ подтвержденіе этой истины не было бы надобности приводить никакихъ доказательствъ кромѣ словъ самаго Донесенія, которое по весьма странной сбивчивости говоритъ о разговорахъ, которые могли показаться инымъ лицамъ совѣщаніями. Слѣдовательно, это не были совѣщанія; но кромѣ того 4 свидѣтеля противъ 3 доказали, что и эта фраза не была произнесена.

Я доказалъ, что кромѣ этой фразы противъ меня не можетъ быть предъявлено никакого обвиненія, такъ какъ всѣ мои сношенія съ членами принадлежащими къ первому обществу, прекратились съ моимъ отъѣздомъ изъ Россіи. Я также точно не отвѣтственъ за ихъ дальнѣйшіе мысли и поступки, какъ всѣ тѣ люди, которые встрѣтились съ ними только разъ въ жизни.

Я доказалъ, что участіе моя была рѣшена столь легкомысленно, что даже не сочли нужнымъ обратить вниманіе верховнаго уголовнаго суда на то, что я уѣхалъ изъ Россіи приблизительно за два года до возмущенія, не поддерживалъ никакихъ сношеній съ обвиняемыми,—обстоятельство, которое должно было убѣдить всякаго доброжелательнаго человѣка въ моей невинности.

Я доказалъ, что не сочли нужнымъ обратить вниманіе на невѣрность показанія одного изъ обвиняемыхъ относительно удаленія императора, хотя это показаніе опровергается тѣмъ, что я отсутствовалъ въ это время изъ Россіи и не провѣрили всего, что могли сказать въ обвиненіе отсутствующаго люди, коимъ память такъ сильно измѣняла.

Я доказалъ, наконецъ, что я не принималъ и не могъ принимать участія въ возмущеніи 14-го декабря; что самый дальновидный человѣкъ не могъ бы себѣ представить возможности этого события до моего отѣзда изъ Россіи и что мой смертный приговоръ, сводится къ слѣдующему:

Николай Тургеневъ приговоренъ къ смертной казни за то, что онъ былъ лично знакомъ съ некоторыми обвиняемыми, разговаривалъ съ ними о самыхъ обыкновенныхъ вопросахъ философіи, или о политическихъ вопросахъ; мечталъ (если хотите) о преобразованіяхъ

*

суда и народномъ образованіи, но находилъ осуществленіе ихъ невозможнымъ и торжественно отъ нихъ отказался.

Если смерть и ссылка должны быть удѣломъ тѣхъ, кто, пресядь-
дая невинную цѣль, вступилъ когда-либо въ сообщество съ преступ-
ными людьми, если считается преступнымъ принадлежать къ тайному
обществу въ то время, когда таковыя общества еще не воспрещены
и когда о существованіи его было извѣстно императору, и цѣль общества
была совершенно невинна или, по крайней мѣрѣ, судя по словамъ
Донесенія, оно не имѣло никакой опредѣленной цѣли, если это
можетъ служить поводомъ къ тому, чтобы смѣшать обвиняемаго съ
людьми, съ коими онъ такъ долго не имѣлъ ничего общаго, въ такомъ
случаѣ я страдаю не напрасно.

Но законъ божественный и человѣческій налагаетъ на насъ
отвѣтственность только за наши собственные поступки. Онъ не караетъ
насъ за преступныя мысли, если онъ не сопровождались дѣйствиемъ.

Читатель будетъ удивленъ, что я воспользовался для своего оправ-
данія только текстомъ Донесенія, на основаніи котораго произнесенъ
мой приговоръ; я оспаривалъ выводы и противорѣчія, не противу-
поставляя имъ никакихъ новыхъ фактovъ, о которыхъ бы не упомина-
лось въ Донесеніи.

Я доказалъ этимъ, что можно было бы безо всякой защиты съ моей
стороны убѣдиться въ моей невинности изъ простаго сопоставленія
фактовъ и чисель.

Я присовокуплю, что, мучимый всю жизнь мыслю объ освобожденіі
крестьянъ въ Россіи, я не могъ желать перемѣны въ образѣ правленія
или домогаться ея, такъ какъ только воля самодержавнаго монарха
могла достигнуть этой цѣли безпрепятственно.

Сообщ. А. А. Фоминъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

**Михаилъ Васильевичъ Остроградскій¹⁾ подъ надзоромъ поэ-
лиції.**

1.

*Отношение начальника Главнаго штаба графа Дибича главнокомандую-
щему въ С.-Петербургѣ графу П. Толстому.*

5-го іюня 1828 г. № 1454.

По высочайшему повелѣнію имѣю честь препроводить при семъ къ вашему сиятельству рапортъ л.-гв. Московскаго полка полковника Бутовскаго²⁾ на имя его императорскаго высочества, командующаго гвардейскимъ корпусомъ, о иѣкоемъ Остроградскомъ, прибывшемъ изъ Риги въ Дерптъ и отправившемся въ С.-Петербургъ. Государю императору благоугодно, дабы ваше сиятельство приказали за симъ Остроградскимъ имѣть въ столицѣ секретный надзоръ и примѣчать за его поведеніемъ и связями съ тѣмъ, что буде изъясненное въ рапортѣ Бутовскаго подозрѣніе окажется не безосновательнымъ, то Остроградскаго арестовать, а бумаги, при немъ имѣющіяся, отобрать и разсмотрѣть, Г-ну Бутовскому же объявить высочайшее благоволеніе за тѣ вѣрноподданническія чувства, коими онъ руководствовался, сдѣлавъ вышеупомянутое донесеніе обѣ Остроградскому.

Сию высочайшую волю имѣю честь сообщить вашему сиятельству для приведенія оной въ надлежащее исполненіе.

¹⁾ Биослѣдствін академикъ и геніальный математикъ, известный всему ученому миру.

²⁾ Рапортъ этого не былъ возвращенъ Дибичу и потому при дѣлѣ не находится.

2.

Письмо главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ—графу И. И. Дибичу.

17-го іюля 1828 г. № 2803.

Въ исполненіе высочайшей воли, объявленной мнѣ вашимъ сиятельствомъ, въ отношеніи отъ 5-го іюня, подъ № 1454, при коемъ вы изволили препроводить ко мнѣ рапортъ полковника Бутовскаго его императорскому высочеству, командающему гвардейскимъ корпусомъ, о прибывшемъ изъ Риги въ Дерптъ и отправившемся въ С.-Петербургъ, нѣкоемъ Остроградскомъ, я поручилъ г. военному генералъ-губернатору приказать немедленно отыскать означеннаго Остроградскаго, учредить за нимъ дѣятельнѣйший секретный надзоръ и увѣдомить меня какъ можно скорѣй: гдѣ онъ живеть? съ кѣмъ онъ знается? какого онъ поведенія и образа мыслей? равно какъ вообще о всемъ, что въ отношеніи къ нему узнано будетъ. При семъ я просилъ г. генералъ-адъютанта Голенищева-Кутузова, чтобы всѣ мѣры для отысканія Остроградскаго и наблюденія за нимъ были приняты самыемъ секретнымъ и непримѣтнымъ образомъ, дабы отнюдь не подать ему повода къ сокрытию чего-либо отъ бдительности правительства.

Всѣдѣствіе сего, военный генералъ-губернаторъ увѣдомилъ меня, что помянутый Михайло Остроградскій есть дворянинъ Полтавской губерніи и живеть здѣсь у брата своего, чиновника 8-го класса, Осипа Остроградскаго, служащаго въ канцеляріи морскаго министерства и квартирующаго въ 1-й морской казармѣ. Михайло Остроградскій имѣть здѣсь значительный кругъ знакомыхъ, болѣшею частью изъ сослуживцевъ брата его, чиновниковъ департамента морскаго министерства; онъ знакомъ также съ флигель-адъютантомъ его императорскаго величества, полковникомъ Лазаревымъ. Въ образѣ жизни сего Остроградскаго не замѣчено ничего предосудительнаго. Нынѣ изъявилъ онъ желаніе ёхать отсюда Полтавской губерніи въ Кобелецкій повѣтъ, и какъ онъ не подалъ никакого повода къ подозрѣнію, то генералъ-губернаторъ приказалъ полиціи въ томъ ему не препятствовать, а я просилъ г. малороссійскаго военнаго губернатора имѣть его секретно на замѣчаніи.

Увѣдомляя о семъ вѣсть, милостивый государь мой, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

Россія и папскій престолъ.¹⁾

КНИГА ПЯТАЯ. ПОЛЯКИ ВЪ КРЕМЛЪ.

ГЛАВА I.

Война съ Москвою. 1609—1618 гг.

Політическое движение въ Польшѣ и въ Ватиканѣ.—Предложение, сдѣланное москвитянами.—Тайное поручение, возложенное на князя Волконского.—Предложение возобновлено другимъ эмиссаромъ.—Легкая добыча.—Денежный вопросъ.—Положение Симонетти.—Походъ на Ватиканъ.—Проекты и воспоминанія.—Причины войны съ русскими, изложенные Сигизмундомъ III.—Дѣло, рѣшенное въ Римѣ.—Отсутствие свѣдѣній и справокъ.—Точка зреінія на Ватиканъ кардинала Боргезе.—Посланіе папы.—Желанія короля.—Настаіваніе королевы.—Ея слезы и пожиманіе плечами.—Вольскій въ Римѣ.—Отказъ въ субсидії.—Ловкія мѣры.—Затрудненія Павла V.—Его денежныи затрудненія.—Сикстъ V и Стефанъ Баторій.—Призвание папы.—Отвѣтъ, подсказанный нунцію.—Польское посольство къ папѣ.—Оно возложено на Павла Волоцкаго.—Данныи ему инструкціи.—Милости папы.—Онъ даетъ субсидію въ сорокъ тысячъ экю.—Досада короля.—Порицаніе заднимъ числомъ.—Отецъ Бембо и подарки кардинала Боргезе.

1609 годъ ознаменовался перемѣнами въ польской политикѣ, которая отразилась на политикѣ Ватикана, послѣдовавшаго примѣру Польши. Идея объединенія и союза славянскаго міра, носившаяся время отъ времени въ воздухѣ, принимала всегда въ концѣ концовъ воинственный характеръ. Поэтому призрачная дружба Сигизмунда и Димитрія I привела къ войнѣ съ Москвою.

Никогда еще обстоятельства не слагались благопріятнѣе для поляковъ. Во-первыхъ, москвитяне сами дѣлали разныя предложения Сигизмунду и желали сближенія обоихъ народовъ. Припомнимъ, что уже въ исходѣ 1605 г. Безобразовъ предлагалъ ему престолъ отъ имени нѣко-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1901 года.

торыхъ бояръ, пожелавшихъ какъ можно скорѣе покончить съ Димитриемъ. Съ тѣхъ поръ переговоры съ Польшею не прекращались, но они велись тайно и въ смыслѣ противоположномъ официальнымъ переговорамъ. Въ то время не существовало секретной дипломатіи; Людовикъ XV не подалъ еще къ тому примѣра; большую частью, одни и тѣ же лица принимали на себя безъ зазрѣнія совѣсти двойственную роль: отвергали съ глаза на глазъ то, что они сами заявляли публично. То же случилось и въ 1606 г., когда князь Волконскій прибылъ въ Польшу съ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ Василія Шуйскаго и съ требованіемъ, чтобы Польша признала его. Это былъ шагъ вполнѣ правильный; только нѣсколько довѣренныхъ лицъ были посвящены въ тайну. Волконскій заявилъ имъ по секрету, что бояре не хотятъ видѣть на престолѣ Василія Шуйскаго и намѣрены предложить корону самому Сигизмунду или его сыну Владиславу. Московскій посланникъ также былъ сторонникъ этого плана и хотѣлъ имѣть личное свиданіе съ молодымъ принцемъ; его желаніе было удовлетворено.

Нѣсколько времени спустя въ Вавельскій замокъ прибылъ другой агентъ, посланный тѣми же боярами и на котораго было возложено подобнаго же рода порученіе. Онъ сознался полякамъ вполнѣ откровенно, что второй Димитрій былъ личностью, подставною для того, чтобы досадить Шуйскому, и побуждалъ короля выставить на границу войско, говоря, что русскіе помогутъ ему овладѣть страною безъ шума и сопротивленія. Припомнивъ недавнія события, Сигизмундъ могъ бы увидѣть, что москвитяне повторяли буквально все то, что они говорили нѣкогда претенденту. Это было весьма знаменательно. Эти свѣдѣнія почерпнуты нами у иунція Симонетти, который слышалъ ихъ отъ самого короля.

Предложенія, съ коими обратились къ королю москвитяне, чрезвычайно взволновали его, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые поляки, лица повидимому весьма компетентныя, изображали ему Россію какъ добычу, овладѣть которой было чрезвычайно легко. Объятая анархіей, раздираемая партіями, она не могла бы оказать сопротивленія отвагѣ поляковъ, которые предали бы ее огню и мечу. Олесницкій писалъ королю пѣтъ тюрьмы, въ которой онъ былъ заключенъ, что вслѣдствіе непрекращавшихся въ Россіи волненій погибло за послѣдніе годы болѣе ста тысячъ человѣкъ; цѣлые города были разорены и опустошены, у Шуйскаго не было войска и денегъ, и его враги усиливались и держали сторону короля польскаго¹⁾.

Другіе совѣтники короля, обсуждая практическую сторону вопроса, настаивали на немедленномъ взятіи Смоленска, важной крѣпости, ко-

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 234, письмо Симонетти къ Боргезе отъ 7-го октября 1607 г.

торую поляки всегда стремились возвратить, какъ только она доставалась въ руки русскихъ. Поляки лъстили себя надеждою, что, при приближеніи ихъ войска, передъ ними сами собою откроются ворота этой крѣпости.

Въ сущности, король считалъ войну съ Москвою вполнѣ естественной и необходимой. Какъ потомокъ Ягеллоновъ, онъ былъ убѣждѣнъ въ своихъ неоспоримыхъ правахъ на Россію; заключенное недавно перемиріе считалось недѣйствительнымъ, въ особенности послѣ того, какъ Шуйскій вступилъ въ сношенія съ Швеціей; великая мысль о религіозной пропагандѣ еще болѣе подкрѣпляла эти доводы. Оставалось только рѣшить вопросъ о денежныхъ средствахъ, необходимыхъ для того, чтобы довести до конца войну, которая могла разрѣшить всѣ вопросы въ желаемомъ смыслѣ, по требовала огромныхъ затратъ. Гдѣ удалось бы найти на это деньги, если страна отказалась въ нихъ королю? Единственнымъ средствомъ казалось прибѣгнуть къ помощи папы. Правда, Павелъ V ничего не далъ Димитрію, и Димитрій, въ свою очередь, не просилъ у него денежнай помощи; но было ли это достаточною причиной, для того, чтобы король отказался отъ своихъ плановъ? Почему бы, по крайней мѣрѣ, не выવѣдать кое-что у нунція?

Симонетти не пользовался такимъ довѣріемъ Сигизмунда, какъ Рангони. Упорный отказъ со стороны папы пожаловать епископу Реджю кардинальскую шапку вызвалъ охлажденіе между Ватиканомъ и Вавельскимъ замкомъ; это отразилось на положеніи нунція при дворѣ короля польскаго. Однако, король, оставляя въ сторонѣ всякую подозрительность, бесѣдовалъ съ нимъ иногда откровенно, сообщалъ ему свои дальнѣйшия планы, говорилъ съ нимъ о событияхъ, происходившихъ въ Москвѣ, и опытный глазъ дипломата легко могъ подмѣтить воинственныя пополненія короля. Нунцій еще въ 1607 г. убѣдился въ томъ, что Сигизмундъ помышлялъ о войнѣ и что эта мысль преслѣдовала его давно. Уже въ 1608 г. король говорилъ объ этомъ съ нунціемъ вполнѣ откровенно. Рѣшивъ начать войну съ Московскимъ государствомъ, Сигизмундъ предпринялъ одновременно миролюбивый походъ на Ватиканъ, съ нескрываемой цѣлью получить отъ него субсидію. Самыми дѣятельными его союзниками въ этомъ случаѣ была его супруга, королева Констанція, и гофмаршалъ Николай Вольскій.

Король приступилъ къ вопросу издалека: прежде, нежели говорить о деньгахъ, онъ изложилъ нунцію 6-го декабря 1608 года свои планы, объяснилъ ему свои права и предался историческимъ воспоминаніямъ. Двадцать пять лѣтъ назадъ, Сикстъ V, не коснувшись даже своего знаменитаго денежного сундука, хранящагося въ замкѣ св. Ангела, оказалъ Стефану Баторію обильную помощь золотомъ. Бережливый до мелочности, онъ берегъ свои средства для великихъ дѣлъ, которыхъ онъ

всегда готовъ бытъ поддержать съ изумительной щедростью. Сигизмундъ разсчитывалъ найти въ папѣ изъ семейства Боргезе втораго Сикста V, быть можетъ не столь богатаго, но не менѣе щедраго. Онъ разыгрывалъ роль человѣка, продолжающаго дѣло Баторія, которое вызывало всегда сочувствіе Ватикана и казалось въ то время легче осуществимымъ, и прежде, чѣмъ обнажить шпагу, онъ излагалъ свои политическіе взгляды: его цѣлью будетъ всегда,—говорилъ онъ,—слава Божія, которую онъ готовъ распространять хотя бы цѣною своей крови. Эти слова не были въ устахъ Сигизмунда только условной формулой, они вполнѣ согласовались съ его сокровенными убѣжденіями и составляли самую сущность его программы¹⁾.

Возвращаясь неоднократно къ этому предмету, король высказалъ его Симонетти во всѣхъ подробностяхъ. Впослѣдствіи, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ папѣ, онъ изложилъ въ нѣсколькихъ словахъ причины, побудившія его объявить войну Россіи. Онъ говорилъ, какъ крестоносецъ, какъ мститель, какъ человѣкъ, призванный творить судъ и расправу. «Хотя я не сомнѣваюсь,—писалъ онъ Павлу V, 30-го октября 1610 г.,—что вашему святѣйству извѣстны причины, побудившія меня объявить войну Московскому государству, но здѣсь будетъ умѣстно повторить ихъ вкратцѣ для того, чтобы окончательно выяснить ихъ. Причины эти слѣдующія: распространеніе истинной христіанской вѣры и польза моего государства, неприосновенность моихъ владѣній и сохраненіе пограничныхъ городовъ, которые непріятель собирался, повидимому, разорить, пуская для этого въ ходъ тайная козни, захватъ исконныхъ владѣній королей польскихъ, совершенный измѣнническимъ образомъ тираномъ Василиемъ Ивановичемъ, наконецъ, тиранство столькихъ самозванцевъ, которые, будучи увлечены страстнымъ желаніемъ царствовать, выдавали себя за потомковъ великихъ князей московскихъ, разоряли Россію, какъ завзятые разбойники, и усыпили ее могилами своихъ жертвъ, угнетая въ то же время подданныхъ моего королевства и нарушая вмѣстѣ съ тѣмъ мои права на наслѣдіе великихъ князей московскихъ»²⁾.

Какъ много было сказано въ этихъ словахъ! Король припомнить и исторію польского народа, и свое царственное происхожденіе, и законность своихъ правъ, и современные события,—все это было затронуто въ его письмѣ, все говорило въ его оправданіе. Надобно, впрочемъ, отмѣтить то обстоятельство, что самая сущность фактовъ и ихъ юриди-

¹⁾) Тамъ же, рукоп. Боргезе, II, 226, письмо Симонетти къ Боргезе отъ 6-го декабря 1608 г.

²⁾) Римъ, Архивы Boncompagni, E., 7, собственноручное письмо. См. также Lubienski, стр. 153; Theiner, т. III, стр. 316, 25-го октября 1609 г.

ческое значение не подвергались обсужденію въ Римѣ. Они были прияты на вѣру. Все сказанное Сигизмундомъ было принято безъ проповѣдки и не возбудило сомнѣній. Никто не подумалъ о необходимости выслушать и другую сторону. Правда, Шуйскій не послѣдовалъ примѣру Бориса Годунова и не позаботился освѣдомить папу о положеніи дѣлъ. Поэтому въ Римѣ были въ полномъ невѣдѣніи, относительно намѣреній москвитянъ, и въ Ватиканѣ всѣ обстоятельства дѣла представлялись въ томъ освѣщеніи, какое придавали ему поляки.

Вслѣдствіе того, что папа не былъ надлежащимъ образомъ освѣдомленъ и къ тому же искренно сочувствовалъ королю польскому, онъ неожиданно отказался отъ издавна лелѣянной имъ мысли о союзѣ Россіи съ Польшей, которую самъ же Павель V неоднократно проповѣдывалъ. Папа не интересовался сущностью столкновенія, происшедшаго между обѣими націями, онъ признавалъ совершившійся фактъ объявленія войны и принялъ сторону поляковъ. Сигизмундъ выдавалъ себя избранникомъ москвитянъ, его личныя свойства и принципы обѣщали многое въ будущемъ, его планы согласовались съ намѣреніями папы; поэтому въ Римѣ возносили молитвы о дарованіи ему побѣды такъ же точно, какъ вѣкогда молились обѣ успѣхѣ Димитрия. Кардиналъ Боргезе, позабывъ вопросъ национальный, держался исключительно этой точки зреянія. Онъ писалъ 3-го января 1609 г., что никакое предпріятіе не могло быть болѣе славнымъ и достохвальнымъ, какъ покореніе Москвы; восхищался величиемъ души того, кто былъ способенъ предпринять это благочестивое дѣло, и призывалъ на него благословеніе Божіе. Два года спустя, онъ находилъ, что московская корона, возложенная на главу Сигизмунда, будетъ лучшимъ залогомъ религіознаго возрожденія москвитянъ. Подобныя чувства выражались и въ папскихъ грамотахъ. Въ ночь подъ Рождество Христово 1609 г., Павель V, благословивъ, по обыновенію, мечь и нарямникъ, послалъ эти воинскіе знаки отличія Сигизмунду, который, какъ защитникъ истинной вѣры, долженъ былъ стяжать побѣду¹⁾.

Король польскій благодарили за эти знаки сочувствія, коими онъ былъ очень тронутъ, хотя они казались ему слишкомъ платоническими. Ему приходилось сдѣлать огромныя затраты, его средства были скучны, ему нужны были не слова, но крупныя суммы денегъ. Поэтому, пока продолжались его свиданія съ нунціемъ, онъ настаивалъ все время на крайней для него необходимости получить субсидію.

¹⁾ Ватиканскій архивъ. Polonia, 173, л. 280 в⁰, 285 в⁰; шк. 45, т. V, стр. 46 в⁰, № 128. Theiner, т. III, стр. 327, 328, № CCLV, CCLVI. Римъ, Архивы Boncompagni, E, 37, письмо Симонетти къ Боргезе отъ 7-го февраля 1611 г.

Послѣ отъѣзда Рангони, настала очередь дѣйствовать его царственной супругѣ.

Королева Констанція, вѣсма преданная своей новой родинѣ, съумѣла снискать любовь поляковъ, несмотря на то, что она была по происхожденію изъ австрійскаго дома. Она унаслѣдовала качества своей доблестной матери, королевы баварской Маріи, и разумную настойчивость ея характера. Симонетти вскорѣ уѣхала, что ему приходилось имѣть дѣло съ личностью энергичной и настойчивой. Королева говорила о томъ, что папа окажеть поддержку королю, какъ о вещи само собою понятной, и дѣлала видъ, что она въ этомъ ни мало не сомнѣвается. Стоило только уѣхать любящаго отца въ бѣдственномъ положеніи его возлюбленнаго сына. Всякій разъ какъ только нунцій рѣшался пробормотать что-либо въ опроверженіе этихъ словъ, королева любезно упрекала его за его пристрастіе, возобновляла разговоръ и приходила всякий разъ къ одному и тому же неизбѣжному заключенію. «Я не могу повѣрить,—говорила она,—что въ виду огромной важности, какую будетъ имѣть это пріобрѣтеніе для блага всего христіанскаго міра, религії и святаго престола, папа могъ бы отказать его величеству королю въ помощи, которую онъ великодушно оказывалъ вѣсма многимъ монархамъ при менѣе важныхъ обстоятельствахъ». Истошивъ все свое краснорѣчіе, королева прибѣгла къ болѣе дѣйствительнымъ средствамъ. Однажды, глаза ея наполнились слезами, которыя она съ трудомъ могла удержать; другой разъ, почтительная дочь святаго отца, къ великому изумленію нунція, презрительно покъжала своими королевскими плечами. Домогательства королевы то ласковыя, то настойчивыя, не прекращались въ теченіе всего 1610 г. Съ февраля мѣсяца 1611 г. королева не говорила болѣе о субсидіяхъ и только просила молиться за короля, стараясь запечатлѣть въ умѣ нунція, что король имѣлъ цѣлью «славу Божію и возвеличеніе и распространеніе святой католической вѣры». Нунцію оставалось только прикидываться непонимающимъ и дѣлать видъ, будто онъ не видѣтъ въ этихъ словахъ намека и упрека¹⁾.

Королева Констанція не одна старалась воздѣйствовать на папу въ этомъ дѣлѣ. Наперникъ Сигизмунда, Николай Вольскій, пользуясь его особымъ довѣріемъ, также употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы заставить папу раскошелиться. Онъ предпринялъ даже съ этой цѣлью поѣздку въ Римъ и словесно изложилъ Павлу V «причины, побудившія короля объявить войну Московскіи, его требованія и надежды на успѣшное окончаніе войны, а равно пользу, какая могла

¹⁾ Theiner, т. III, стр. 324.—Римъ, архивы Boncompagni, E., 35; письма Симонетти къ Боргезе, отъ 30-го января 1610 г.; E., 36, 18-го августа 1610 г.; E., 37, 7-го февраля 1611 г.

проистечь изъ этого для христіанскаго міра вообще и для Польши въ частности». Папа принялъ маршала съ почетомъ, осыпалъ его милостями, поручилъ ему свезти Сигизмунду мечъ и нарамники и, ничего не давъ отъ себя лично, обѣщалъ замолвить слово въ Венеціи, во Флоренціи и въ отдаленной Лотарингії. Отказъ былъ высказанъ въ столь вѣжливой формѣ, что Вольскій не пришелъ въ особенное уныніе и уѣхалъ изъ Рима, тотчасъ принявся докучать обѣ этомъ дѣлѣ папѣ и кардиналамъ, составивъ себѣ такъ же, какъ и королева, заранѣе извѣстный планъ дѣйствій.

Исходнымъ пунктомъ этого плана былъ случайный ходъ событій. «Милость Господня ясно видна въ томъ,—писалъ онъ Павлу V изъ Флоренціи, 15-го марта 1610 г.,—что столь обширная имперія изъявляетъ свою преданность его величеству добровольно, безъ кровопролитія и, такъ сказать, съ общаго согласія», и въ то время, какъ измощенная и истерзанная Россія изнемогала подъ ударами ея враговъ, онъ восторгался по поводу тѣхъ «корткихъ» мѣръ, коими надѣялся достигнуть дружескаго съ нею соглашенія. Единственною его заботою, послѣ того, какъ онъ сдѣлалъ это чудное открытие, было, чтобы Павелъ V раздѣлилъ заслуги и славу Сигизмунда, само собою разумѣется давъ послѣднему денегъ. Онъ приходилъ въ отчаяніе, видя, что папа не добивался этой чести и что христіанскіе монархи мало заботятся о дѣлахъ вѣры, но, по зрѣломъ размышленіи, онъ утѣшался мыслю, что Господь ниспошлетъ помошь неисповѣдимыми путями¹⁾.

Настойчивыя просьбы Сигизмунда повергали папу и его министровъ въ жестокое затрудненіе. Павелъ V одобрилъ не колеблясь грандиозные планы короля; онъ былъ не прочь, чтобы на московскомъ престолѣ возсѣдалъ монархъ-католикъ, но онъ предпочиталъ, чтобы походъ совершился на средства Польши и не обременилъ далеко не цвѣтущіе финансы Ватикана. Онъ жаловался, что, при его вступленіи на папскій престолъ, касса Ватикана оказалась почти пустою и что ему предстояли большие расходы. Большая часть его доходовъ была поглощена борьбою съ «турецкой опасностью», какъ выражались въ то время. Надобно было дать Германіи и Италии средства къ защите противъ полумѣсяца и не забыть также Авиньона, который, послѣ убіенія Генриха IV, всегда могъ подвергнуться внезапному нападенію со стороны гугенотовъ. Въ Римѣ со всѣхъ сторонъ получались просьбы о вспомоществованіи. Папа не зналъ, какъ выполнить обѣщанія, коими онъ связалъ себя раньше и ему не хотѣлось ничего обѣщать впредь;

¹⁾ Ватиканскій архивъ, Polonia, 174, л. 33 в°. — Восемь писемъ Вольскаго къ Павлу V, къ кардиналамъ: Боргезе, Ланфранко и Симонетти, хранящіяся въ Ватиканскихъ архивахъ, Polonia, 37 А, л. 232, 344, 358 и въ архивахъ Boncompagni, E. 40.

поэтому въ Римѣ съ самаго начала постарались поставить дѣло такъ, чтобы Сигизмундъ не могъ ссылаться на бывшіе примѣры.

«Степанъ Баторій,—писалъ нунцію кардиналь Боргезе, 10-го января 1609 г.,—намѣревался воевать съ турками, а не съ москвитянами, поэтому Сикстъ V обѣщалъ помочь ему и даже послалъ ему вексель на 25 тысячъ экю».

Память нѣсколько измѣняла автору этого письма, ибо завоеваніе Москвы входило такъ или иначе въ планы Баторія, но тогда не время было предаваться особенно точнымъ историческимъ воспоминаніямъ¹⁾. Главное нужно было чѣмъ-нибудь объяснить и оправдать отказъ папы помочь королю. Павелъ V сознавался откровенно, что его денежныя средства не соотвѣтствовали его доброму желанію; взамѣнъ денегъ онъ расточалъ королю свои пожеланія и не скучился въ выраженіяхъ своего участія. Кардиналъ Боргезе совѣтовалъ нунцію отвѣтить королю въ томъ же духѣ и поощрять его храбро вести съ нимъ борьбу. Въ Польшѣ и въ Римѣ безконечно разнообразили припѣвъ одной и той же пѣсни: одни просили субсидій, другіе отказывали въ нихъ²⁾.

Мы не находимъ слѣдовъ переговоровъ, которые велись въ 1611 г., по не подлежитъ сомнѣнію, что переговоры эти возобновились, по крайней мѣрѣ, по случаю отправленія къ папѣ посольства, для увѣренія его въ сыновнемъ послушаніи короля. Сигизмундъ III откладывалъ съ года на годъ отправку этого посольства, во избѣженіе значительныхъ расходовъ, какіе оно влекло за собою. На настойчивыя напоминанія объ этомъ, онъ отвѣчалъ нунцію уклончиво, подчасъ даже насмѣшиливо. «Я пошлю въ Римъ, въ качествѣ посланника, каноника», — сказалъ онъ однажды. Симонетти вѣжливо отклонилъ это предположеніе.

Наконецъ, въ 1613 г. эта высокоторжественная и дѣловая миссія была возложена официально на епископа житомирскаго Павла Волуцкаго. Его друзья заранѣе разболтали тайну данныхъ ему инструкцій. Относительно войны съ Московіей королю хотѣлось убѣдить Павла V въ своей правотѣ и законности и въ пользу, какая могла изъ этого произойти. Боязнь, чтобы завистники не оклеветали его намѣреній, заставляла короля защищать ихъ во всеуслышаніе. Несмотря на всѣ препятствія, онъ хотѣлъ продолжать войну во что бы то ни стало, побѣдить упорство москвитянъ и заставить ихъ вступить съ нимъ въ соглашеніе. Папу любезно предупреждали о томъ, что въ дѣлахъ церкви православнымъ придется, быть можетъ, сдѣлать вначалѣ кое-какія

¹⁾ Ватиканскій архивъ, Polonia, 173, л. 282.—См. т. II, стр. 291 и сл.—Wierzbowski, Materyaly, стр. 264, № 382.

²⁾ Theiner, т. III, стр. 328, № CCLVI.—Ватиканскій архивъ, Polonia, 174, л. 60 в°, письмо Боргезе къ Симонетти, отъ 29-го мая 1610 г.

уступки, но что онъ вознаградится затѣмъ съ лихвою. О денежной помощи на этотъ разъ не говорилось ни слова. Въ офиціальной бумагѣ упоминалось только объ аннатѣ (папскихъ доходахъ) и о правѣ получать подати съ духовенства, но это не успокоило папу, такъ какъ было решено, что обѣ осталыи посолы будуть говорить съ нимъ лично¹⁾.

Дѣйствительно, онъ обсуждалъ въ Римѣ вопросъ о субсидії, хотя также безуспѣшно. Впрочемъ, папа далъ, согласно желанію короля, не только просимыя имъ денежная уполномочія, но даже убѣждалъ богатыхъ польскихъ епископовъ добровольно исполнить требованіе короля. Чтобы подкрѣпить сказанное примѣромъ, онъ самъ далъ 40 тысячъ экю, которыя были предоставлены 10-го августа 1613 г. въ распоряженіе кардинала Монтальта, протектора Польши²⁾). Признательность короля не была равносильна папской щедрости. Такъ какъ папа не согласился дать Рангони кардинальскую шапку, какъ о томъ просилъ Волуцкій, то настойчивый покровитель бывшаго нунція былъ такъ опечаленъ этимъ, что все осталыи казалось ему ничтожнымъ. Его озлобленіе и досада возрастали, онъ то и дѣло представлялъ своего кандидата, и папа, во избѣженіе того, что отъ него потребуютъ выполненія его обязательствъ, былъ вынужденъ то и дѣло перечислять тѣ «особая одолженія, какія были оказаны имъ королю польскому», при чемъ онъ особенно настаивалъ на тѣхъ суммахъ, которыя были имъ даны или получены при его посредствѣ для веденія войны съ Москвою³⁾). Это напоминаніе было равносильно упреку, который и былъ съ теченіемъ времени высказанъ даже прямо. 8-го апрѣля 1617 г., кардиналъ Боргезе писалъ нунцію по поводу нѣкоторыхъ слуховъ, ходившихъ въ Краковѣ, и, между прочимъ, писалъ въ видѣ упрека, что «король выказалъ такъ мало благодарности по поводу субсидій, данныхъ ему въ прежнее время, что всякая новая просьба съ его стороны была бы просто неумѣстна». Онъ осыпалъ похвалами представителя папы за то, что онъ съумѣлъ отклонить домогательства черезчуръ смѣлыхъ просителей.

Впредь отъ Ватикана болѣе нечего было ожидать. Сигизмундъ не настаивалъ уже на деньгахъ, но онъ не отступался отъ своего любимца. Слишкомъ преданный церкви и вѣрный своимъ принципамъ, чтобы возставать противъ папы, онъ нападалъ на довѣренное лицо Павла V

¹⁾ Римъ. Архивъ Boncompagni, Е., 38, письмо Симонетти къ Боргезе отъ 29-го декабря 1611 г.; Е., 39, письмо Бароффи къ нему же отъ 22-го іюня 1612 г.

²⁾ Theilher, т. III, стр. 356, № CCLXXXII.—Краковъ; Музей Чарторыйскихъ, № 320, л. 327.

³⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 67, л. 71.

и изливалъ на него свою желчь. Возвратясь изъ Рима, отецъ Бембо не посмѣль даже поднести королю подарки, присланные кардиналомъ Боргезе: онъ хорошо зналъ, что они не будутъ приняты¹).

II.

Война съ Москвою.—Чѣмъ объясняется довѣрчивость Сигизмунда III.—Отѣзѣдъ изъ Кракова.—Переходъ черезъ границу.—Жолкіевскій, военный герой.—Догадливый совѣтникъ.—Побѣда при Клушицѣ.—Реакція, наступившая въ Москвѣ.—Показаніе Василія Шуйскаго.—Его постриженіе.—Избраніе на престолъ Владислава.—Русское посольство, отправленное въ Смоленскъ.—Занятіе Москвы Жолкіевскимъ.—Его торжество въ лагерѣ подъ Смоленскомъ.—Бѣгство Димитрія II въ Калугу.—Затруднительное положеніе Марини.—Ея письмо къ Сигизмунду III.—Марина присоединяется къ Димитрію.—Войско выступаетъ изъ Тупина.—Шествіе Димитрія на Москву и возвращеніе въ Калугу.—Счастливая случайность.—Охота.—Месть Петра Урусова.—Убіеніе Димитрія.—Отчаяніе Марини.—Рожденіе Ioannia.—Осада Смоленска.—Побѣдноносный приступъ.—Посѣщеніе королемъ Вильны и Варшавы.—Показываютъ пленного царя.—Инструкція Сигизмунда III.—Сеймъ 1611 г.—Сарматская имперія.—Единство правительственной власти и вѣроисповѣданія.—Сеймъ одобряетъ войну.

Папа оказался щедрѣе на обѣщанія, нежели на дѣло, но и поляки не спѣшили принести свою лепту въ общее дѣло. Когда король объявилъ, въ 1609 г., войну Москвѣ, то большинство сенаторовъ одобрили его намѣреніе, но Сеймъ не утвердилъ чрезвычайныхъ налоговъ, которыхъ потребовала война. Сигизмундъ предпринималъ походъ на свой страхъ, чтѣ было съ его стороны большой смѣлостью. «Я возлагаю надежду единственно на помощь Всевышняго»,—говорилъ онъ нунцію наканунѣ своего отѣзда²).—Весьма возможно, что онъ слишкомъ довѣрялъ свѣдѣніямъ, которые доставляли ему его агенты, и возлагалъ слишкомъ большія надежды на обѣщанія той партии, которая держала въ Москвѣ сторону поляковъ.

Король видѣлъ передъ собою только двухъ враговъ: царя Василія Шуйскаго, коего положеніе на престолѣ было весьма шатко и сомнѣванца Димитрія II, который еще не достигъ престола. Можно было льстить себя надеждою устранить того и другаго, но одержать надѣль ними побѣду не значило еще покорить страну: это было бы только началомъ ея завоеванія. Великая ошибка Сигизмунда, ослѣпленнаго кратковременнымъ успѣхомъ, заключалась въ томъ, что онъ не понялъ,

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 358, депеша на имя кардинала Боргезе, отъ 8-го апрѣля 1617 г.—Велевицкій, т. III, стр. 247.

²⁾ Римъ, Архивъ Vonscompagni, E., 34, письмо Симонетти къ Боргезе, отъ 3-го августа 1609 г.—Ватиканскій архивъ, Germania, 114, A; его же письмо къ тому же лицу отъ 17-го августа 1609 г.

что позади Василія и Димитрія, позади бояръ, игравшихъ въ руку полякамъ и мятежной толпы народа, была Россія, приверженная къ старинѣ, враждебная всему иностранному, Россія могучая и здоровая, готовая на жертвы, способная на терпѣніе и героизмъ. Война была продолжительнѣе и тяжелѣе, а ея результаты менѣе прочны, нежели думалъ или предполагалъ король.

28-го мая 1609 г., онъ выѣхалъ изъ Кракова, куда ему не суждено было вернуться въ теченіе тѣхъ двадцати трехъ лѣтъ, которыхъ продолжалось еще его царствованіе, и направился вмѣстѣ со своей супругою и принцемъ Владиславомъ въ столицу Литвы.

Чтобы получать возможно скорѣе извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій, королева жила во время похода въ Вильнѣ. Нунцій счелъ долгомъ переселиться туда же. Два мѣсяца слишкомъ были посвящены на послѣднія приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ. Король простился со своей супругою 18-го августа и двинулъся во главѣ своей арміи въ Оршу. Въ исходѣ сентября, поляки приблизились къ московской границѣ; погода была сырая и туманная, но въ ту минуту, когда они вступили на московскую землю, лучъ солнца пробился сквозь тучи, заволакивавшія небо, и осенілъ армію своимъ блескомъ. Она огласилась восторженными кликами; солдаты сочли это за счастливое предзнаменованіе и привѣтствовали короля ¹⁾). Излишне было бы описывать походъ, который уже не разъ былъ изложенъ съ талантомъ и знаніемъ дѣла ²⁾, но, въ виду его связи съ папской политикой, мы отмѣтимъ здѣсь некоторые выдающіеся его эпизоды.

Героемъ этой войны и самымъ свѣдущимъ совѣтникомъ короля по дипломатической части былъ великий польскій гетманъ Станиславъ Жолкевский, ветеранъ побѣдоносныхъ войнъ Баторія, личный другъ и сотоварищъ по оружію безсмертного героя. Онъ не сочувствовалъ этому походу, но, будучи призванъ принять въ немъ участіе, выполнилъ блестящимъ образомъ долгъ гражданина и воина; на его долю выпала самая трудная обязанность. Король рѣшилъ осадить Смоленскъ, а Жолкевскому съ отдельнымъ отрядомъ поручилъ собрать польскія банды, разсѣявшіяся въ Россіи, дать сраженіе Шуйскому и въ случаѣ надобности самому Димитрію. Это порученіе было весьма серьезное, такъ какъ Жолкевскому приходилось углубиться въ страну, подвергаясь опасности быть окруженнымъ болѣе сильнымъ непріятелемъ; за то въ случаѣ успѣха оно сулило большія выгоды. Нанести непріятелю смѣлый

¹⁾ Велевицкій, т. III, стр. 7 и сл.—Theiner, т. III, стр. 313.

²⁾ См. Иловайскаго, Костомарова, „Смутное время“, Платонова, Очерки, Нѣмцевичъ, Вержбовскій, Материалы, т. II; Арсеній (изд. Дмитріевскаго), Кобержицкій, Видекингъ.—Мы будемъ руководствоваться главнымъ образомъ докладами Симонетти.

и рѣшительный ударъ было въ духѣ Жолкіевскаго. Пройдя хорошую военную школу, онъ прекрасно съумѣлъ воспользоваться своими смѣлыми развѣдчиками и шпіонами. Благодаря искусно принятымъ имъ мѣрамъ, московская армія, стоявшая лагеремъ въ Клушина, была застигнута врасплохъ. Она состояла изъ русскихъ, шведовъ, французовъ и нѣмцевъ и находилась подъ командою Дмитрія Шуйскаго и Якова де-ла-Гарди.

Предводители и солдаты, погруженные въ глубокій сонъ, проснулись при звукахъ польскихъ трубъ, дававшихъ сигналъ къ атакѣ. Завязалось жаркое сраженіе, Жолкіевский одержалъ полную побѣду и захватилъ огромную добычу. Оружіе, знамена, золото и серебро, одежда, драгоценные мѣха—все было брошено въ лагерь москвитянами, которые обратились въ бѣгство.

Многіе наемные французскіе и нѣмецкіе солдаты перешли на службу поляковъ. Что касается шведовъ, то они получили, въ силу особаго соглашенія, право вернуться на родину съ воинскими почестями. Послѣ этого пораженія у московскаго царя не было болѣе арміи.

Побѣда, одержанная поляками при Клушина, отразилась въ Москвѣ. Столица, которой угрожали одновременно съ двухъ сторонъ: Жолкіевскій, расположившійся лагеремъ въ Можайскѣ, и Дмитрій, поспѣшившій изъ Тушина, возстала противъ Шуйскаго. Для этого человѣка, искусившагося въ заговорахъ и измѣнѣ, насталъ роковой часъ, ему готовилось возмездіе, и онъ сдѣлался вскорѣ жертвою измѣнниковъ. Руководители заговора ловко съумѣли скрыть свои замыслы; они призывали всѣхъ москвитянъ къ восстанію; толпѣ былъ данъ пароль; всѣ въ одинъ голосъ требовали низложенія Шуйскаго; это была воля народа. У царя не нашлось защитниковъ, и онъ не оказалъ бунтовщикамъ никакого сопротивленія. Преклонившись передъ приговоромъ народа, онъ сошелъ безъ славы съ престола, который былъ созданъ не для него, и сложилъ знаки своего царскаго достоинства. Своей покорностью онъ надѣялся, быть можетъ, избѣжать мести народа. Но вышло иначе. 7-го юля, въ 4 часа по полудни, къ нему явились бояре и объявили, что ему придется надѣться монашескую рясу и поселиться навсегда въ монастырѣ: это было равносильно гражданской смерти¹⁾). При этомъ требованіи пробудилась вся энергія Шуйскаго; онъ рѣшительно отказался исполнить его и подчинился только силѣ. Говорятъ, будто въ то время, какъ монахъ брилъ ему голову, одинъ свѣтскій священникъ читалъ за него обычную при

¹⁾ По словамъ Симонетти, который передаетъ разсказъ Жолкіевскаго, Шуйскій былъ низложенъ и заточенъ въ монастырь въ одинъ и тотъ же день, а именно 7-го юля. Римъ, архивъ Boncompagni, E., 36, депеша 9-го августа 1610 г.

постриженіи формулу, которую онъ упорно не хотѣлъ произнести. Насильственно отторгнутый отъ міра, онъ понималъ, что его общественная жизнь была покончена на всегда; для него настало горе и бѣдствія. Жена Василія также была заключена въ монастырь. Двое его братьевъ, Димитрій, побѣжденный при Клушицѣ, и Иванъ содержались подъ строгимъ карауломъ.

Въ то время, какъ москвитяне смѣло низложили своего царя, Жолкіевскій поддерживалъ сношенія со столицею и зорко слѣдилъ за ходомъ событій. Уже 2-го августа ему было известно о существованіи въ Москвѣ партій, изъ коихъ одна желала имѣть русскаго царя; другая была на сторонѣ Димитрія, а третья была предана Владиславу. Во главѣ этой послѣдней состоялъ князь Мстиславскій, именитый бояринъ, превосходившій мнози богатствомъ и знатностью рода. Хотя эта третья партія была не особенно сильна, но она находилась въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, ибо Мстиславскій стоялъ во главѣ временнаго правительства, заступившаго мѣсто Шуйскаго. Поэтому не трудно было предсказать дальнѣйшія событія.

Московское правительство обмѣнялось съ Жолкіевскимъ письмами, ему было дано свиданіе, съ нимъ вступили въ переговоры. Владиславъ одержалъ верхъ надъ своими соперниками; принцу-католику предлагали корону съ условіемъ, чтобы онъ принялъ православную вѣру: Россія готова была присягнуть только православному царю. Чтобы не встрѣтить непреодолимаго препятствія, гетманъ не хотѣлъ самъ решить этого щекотливаго вопроса, предоставивъ это принцу Владиславу и его отцу; онъ дѣйствовалъ такъ искусно, что успѣлъ заключить съ москвитянами договоръ, который Сигизмундъ долженъ былъ быть ратифицированъ впослѣдствіи. Главная статья этого договора была такова, что она могла перевернуть вѣрхъ дномъ исторію всѣхъ славянскихъ народовъ: судьбы Россіи вручались этимъ договоромъ въ руки поляка, передъ которыми открывались Кремлевскія ворота. Москвитяне, не ожидая отвѣта Сигизмунда, начали присягать Владиславу и только по исполненіи этого торжественнаго обряда отправили пословъ въ лагерь подъ Смоленскъ для обсужденія совмѣстно съ королемъ условій договора.

Но настоящее торжество великаго гетмана было впереди: партія, приверженная полякамъ, движимая страхомъ, который ей внушали полчища Димитрія, и измѣнчивая московская чернь предложила ему занять столицу войскомъ. Жолкіевскій тотчасъ изъявилъ на это свое согласіе. 9-го октября 1610 года онъ отправилъ королю донесеніе изъ Кремля, извѣщая его объ одержанномъ мирнымъ путемъ столь изумительномъ успѣхѣ. Гетманъ былъ настолько хозяиномъ положенія, что къ нему привезли Василія Шуйскаго изъ монастыря и его двухъ братьевъ изъ тюрьмы и отдали ихъ въ его полное распоряженіе, предоставивъ ему *

рѣшить ихъ дальнѣйшую участъ. Три потомка славнаго рода Шуйскихъ не могли ничего болѣе ожидать отъ своихъ соотечественниковъ.

Хотя присутствіе Жолкіевскаго было необходимо въ Москвѣ, однако онъ счелъ долгомъ тотчасъ отправиться въ лагерь подъ Смоленскъ. Нельзя было ничего считать оконченнымъ до тѣхъ поръ, пока король не одобрить избранія Владислава; съ его стороны можно было предвидѣть опасенія и колебанія. Гетманъ ожидалъ этого, и ему хотѣлось лично переговорить съ Сигизмундомъ, поэтому онъ появился 8-го ноября въ королевскомъ лагерѣ, таша за собою Василія Шуйскаго. Бывшій тиранъ, какъ называетъ его Симонетти, сидѣлъ на телѣгѣ, свидѣтельствуя по пути о бѣдствіи, постигшемъ его отчество. Слѣдующіе дни были посвящены дѣламъ. Несмотря на похвалы, коими король осыпалъ счастливаго побѣдителя, послѣдній вскорѣ убѣдился, что условія договора, заключеннаго имъ съ московскимъ правительствомъ, никогда не будутъ соблюдены.

Въ концѣ того же 1610 года, исchezъ другой врагъ Сигизмунда Димитрій II, который былъ такъ же весьма опасенъ для Россіи, но его исчезновеніе, давъ народу возможность быстрѣе сосредоточиться, принесло болѣе пользы москвитянамъ, нежели полякамъ. Бракъ съ Мариною не поднялъ значенія этого жалкаго искателя приключений и не возвысилъ его нравственно.

Даже по отзывамъ его сторонниковъ, онъ оставался все тѣмъ же, невѣжественнымъ и ограниченнымъ человѣкомъ, пьяницей, ненавистнымъ для всѣхъ окружающихъ.

Въ немъ не было ни одного изъ тѣхъ военныхъ качествъ, которыя способны воодушевить толпу. Онъ не обладалъ даже самымъ обыкновеннымъ мужествомъ, какъ онъ и доказалъ это на дѣлѣ. Сигизмундъ, перейдя границы Московіи, вошелъ въ сношеніе не съ Димитріемъ, а съ тѣмъ сбродомъ, который находился подъ его командою. Польскіе агенты, прибывшіе въ Тушино, даже наотрѣзъ отказались вести переговоры съ обманщикомъ. Они предпочитали имѣть дѣло прямо со своими соотечественниками или съ русскими. Это открыло глаза Димитрію; бояры и войско не внушали ему болѣе довѣрія. Подвергаясь ежедневно всевозможнымъ непрѣятностямъ, онъ поддался страху и, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, бѣжалъ тайно отъ Марины, 6-го января 1610 г., въ Калугу. Съ стратегической точки зрѣнія выборъ былъ сдѣланъ превосходно.

Въ Тушино были болѣе удивлены, нежели встревожены бѣгствомъ Димитрія, но для Марины это былъ страшный ударъ. Она была одна, безо всякой поддержки; что ожидало ее среди этой недисциплинированной вольницы? Одною изъ ея первыхъ мыслей былъ ея прежній монархъ. Она не забыла благосклонности короля, была увѣрена въ благо-

городствѣ его чувствѣ и въ письмѣ отъ 16-го января 1610 г. обратилась къ Сигизмунду съ мольбою о защитѣ. Перенеся жестокіе удары судьбы и покоряясь волѣ Провидѣнія, молодая полька, заживо погребенная въ Тушинѣ, съумѣла выразить свои чувства въ выраженіяхъ трогательныхъ, но исполненныхъ благородства.

«Я потеряла все,—писала она королю,—но вѣрю въ правоту моего дѣла и въ мои права на московскій престолъ, основанныя на коронованії, принадлежащія мнѣ по праву наслѣдства и въ силу принесенной мною двукратно присяги». Не требуя возстановленія своихъ правъ, она полагалась на милосердіе короля, на его доброту и справедливость; просила щедро вознаградить ее и ея семью и писала, что если король желаетъ, то онъ можетъ продолжать войну съ Московіей ¹⁾). Это письмо, разумѣется, дошло до Сигизмунда, но, насколько намъ известно, оно осталось безъ отвѣта.

Впрочемъ, ему трудно было отвѣтить Маринѣ, такъ какъ, начертывая эти строки, она помышляла въ то же время о томъ, какъ бы присоединиться къ Димитрію. Объ этомъ догадывались въ Тушинѣ и зорко слѣдили за нею, но она съумѣла обмануть бдительность своихъ караульщиковъ. Надѣвъ военный мундиръ, она бѣжала въ свою очередь 2-го марта въ сопровожденіи нѣсколькихъ преданныхъ ей слугъ и прибыла сначала въ Дмитровъ къ Сапѣгѣ. Несчастіе возбудило въ ней храбрость. Ей позволили говорить съ солдатами. Ея пылкая рѣчъ, ея слезы и мольбы привлекли многихъ на ея сторону, и, получивъ подкрѣпленіе, она добралась съ нимъ благополучно до Калуги.

Въ то же время, т. е. въ теченіе марта мѣсяца 1610 г., изъ тушинского лагеря было выведено все войско. Послѣ побѣга Димитрія, въ то время какъ Марина также готовилась бѣжать, переговоры, начатые съ королемъ, привели къ заключенію договора, коимъ престолъ былъ утвержденъ за Владиславомъ, но обязательная сила этого договора была весьма сомнительна. Въ войскѣ, находившемся въ Тушинѣ, царствовало самое страшное безнечаліе и своеоліе, и оно разсѣялось во всѣ стороны. Большинство казаковъ двинулось въ Калугу, гдѣ они собирались снова вести жизнь, исполненную приключеній. Что касается поляковъ, то они предпочли дѣйствовать заодно съ Сигизмундомъ и подчиниться его власти. Тушино опустѣло, движеніе и жизнь перенеслись въ новую резиденцію Димитрія ²⁾.

Несмотря на испытанныя неудачи, самозванецъ не отказывался отъ

¹⁾ Симонетти препроводилъ латинскій текстъ этого письма папѣ (Римъ, Архивъ Boncompagni, E, 85). Италіанскими переводаами, изданными Чіампи и другими, нельзя довѣрять.

²⁾ Платоновъ, Очерки, стр. 424, 622, прим. 165.

своихъ плановъ и собираль своихъ приверженцевъ. Вскорѣ послѣ пораженія при Клушино, онъ снова сбодрился и сталъ лагеремъ въ Коломенскомъ, въ то время какъ Жолкевскійшелъ къ столицѣ на Можайскъ. Всеобщее смятеніе было такъ велико и Москва находилась въ столь опасномъ положеніи, что самыя смѣлѣя мечты могли осуществиться. Трудно сказать, чѣмъ кончилось бы дѣло, если бы въ него не вмѣшался Жолкевскій. Послѣ низложенія Шуйскаго было решено, что великій гетманъ дастъ сраженіе Димитрю. Послѣдній узналъ объ этомъ въ-время и уѣхалъ, снова въ Калугу, гдѣ его ожидала трагическая кончина.

22-го декабря 1610 г. Димитрій не помнилъ себя отъ радости. Нѣсколько маленькихъ крѣпостей изъявили ему свою покорность. Петръ Урусовъ донесъ ему, что онъ встрѣтилъ и разбилъ нѣсколько польскихъ патрулей. Для того чтобы отпраздновать это счастливое событие, въ окрестностяхъ города была организована охота, на которую Димитрій отправился въ сопровожденіи москвитянъ и трехъ сотъ татаръ. Начальникомъ этихъ послѣднихъ былъ тотъ же Петръ Урусовъ, который, относясь къ Димитрю съ виду почтительно и покорно, питалъ къ нему въ душѣ жажду мести. Заключенный нѣкогда въ тюрьму татаринъ составилъ въ темницѣ самые мрачные замыслы и хотя онъ былъ помилованъ Димитріемъ и получилъ весьма почетное назначеніе, но онъ не отказался отъ мести. Случай къ тому представился ему въ тотъ день. Когда охотники расположились отдохнуть и предались обильнымъ возліяніямъ, то Урусовъ, все предусмотрѣвъ и подготовивъ заранѣе, сдѣлалъ знакъ своимъ татарамъ; они тотчасъ кинулись на Димитря, изрубили его саблями и послѣднѣо обратились въ бѣгство, побивъ и ранивъ москвитянъ, которые по своей малочисленности не могли защищаться и радовались тому, что они не были всѣ перебиты. Они сообщили въ Калугу печальное извѣстіе о кончинѣ Димитря.

Раздраженные его убийствомъ приверженцы Димитря перебили около сотни татаръ, которые оставались въ городѣ и не принимали участія въ заговорѣ. Подобная участія ожидала и поляковъ, но возбужденную чернь удалось успокоить. Горе Марины по поводу этого события не поддается описанію. Обезумѣвъ отъ этой неожиданной потери, находясь въ послѣднемъ періодѣ беременности, она горько жаловалась на свою судьбу и выражала желаніе раздѣлить участіе покойнаго. Она осушила слезы только тогда, когда у нея родился сынъ, котораго она поручила приближеннымъ къ ней москвитянамъ, смотрѣвшимъ на него какъ на наследника престола. До вунція дошелъ слухъ, что этотъ младенецъ былъ крещенъ по православному обряду и назывался Иваномъ Димитревичемъ¹⁾). Но Марина успокоилась ненадолго. Судьба готовила ей тяжкія испытанія.

¹⁾ Римъ, Архивъ Вопкомпagni, E, 37, депеша 19 февраля 1611 г.

Въ то время какъ происходили всѣ вышеописанныя событія, и Жолкевскій, покрывъ себя славою, проникъ въ Москву, король не могъ похвастать никакой побѣдою. Нѣсколькихъ дней, проведенныхъ подъ Смоленскомъ, было достаточно для того, чтобы онъ убѣдился, какъ нѣвѣрны были полученные имъ свѣдѣнія. Ворота крѣпости не только не открылись передъ нимъ, какъ это ему предсказывали, но, напротивъ того, они накрѣпко захлопнулись. Поляки очутились передъ толстыми каменными стѣнами, увѣнчанными тридцатью восемью башнями, доступъ къ которымъ былъ весьма затрудненъ холмами и долинами. Всѣ требования поляковъ были отвергнуты осажденными съ величайшимъ негодованіемъ, такъ что полякамъ пришлось вести правильную осаду крѣпости, воздвигнуть апроши и нѣсколько разъ идти на приступъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а осажденные все не сдавались. Болѣе благоразумные люди настоятельно совѣтовали королю оставить Смоленскъ, идти на Москву, соединить свою армію съ войскомъ Жолкевскаго, владѣвшаго уже Кремлемъ, и основаться съ принцемъ Владиславомъ въ самомъ центрѣ страны. Смѣлость идеи говорила за нее, но король считалъ постыднымъ тронуться съ мѣста, не взявъ Смоленска. Осажденные проявляли не менѣе упорства въ своей защитѣ. Какъ ни пытались поляки проникнуть въ крѣпость силою, перелѣзть черезъ стѣны, поджечь крѣпость, русскіе всякий разъ отражали съ успѣхомъ ихъ нападенія, гибли отъ непріятельского огня, отъ лишеній и болѣзней, но не сдавались. Въ польскомъ лагерѣ появлялись изрѣдка перебѣжчики, коихъ пожелтѣвшія ляца и распухшіе члены свидѣтельствовали о геройствѣ, съ какимъ остальные исполняли свой долгъ, несмотря на всѣ претерпѣваемыя ими лишенія. Однако Сигизмундъ, не желая явиться на сеймъ съ пустыми руками, рѣшилъ въ половинѣ 1611 года, и именно 13-го іюня, штурмовать крѣпость. Искусно заложенна миною была взорвана часть крѣпостной стѣны, въ которой открылась широкая брешь. Поляки энергично атаковали крѣпость съ четырехъ сторонъ одновременно. Когда осаждающіе проникли въ нее, то она представляла собою море огня и крови; дальнѣйшее сопротивленіе было невозможно. Воевода Шеинъ, запершись въ башнѣ, сдался только при послѣдней крайности. Вскорѣ на стѣнахъ Смоленска взвилось польское знамя. Русскіе, послѣ геройской защиты, потерпѣли пораженіе; счастье улыбнулось ихъ врагамъ. Король имѣлъ удовольствіе адресовать 25-го іюня посланіе Павлу V ex arce mea Smolensco, по поводу чего папа принесъ ему и королевѣ Констанції самыя искреннія поздравленія¹⁾.

¹⁾ На дубликатѣ письма Сигизмунда поставлено: 26-го іюня 1611 г. — Римъ, Архивъ Boncompagni, E, 7. — Письма папы напечатаны у Teiner'a, т. III, стр. 347, № CCLXVII; Ватиканскій архивъ, шк. 45, т. VII, л. 11 V^o, № XXIX.

Наконецъ-то Сигизмундъ могъ вернуться побѣдителемъ. Вильна первая принесла ему поздравленія. Королева и принцъ Владиславъ встрѣтили его за городомъ, гдѣ были воздвигнуты тріумфальные арки, прославлявшія его подвиги. Нунцій Симонетти обратился къ королю съ рѣчью, воспитанники іезуитской коллегіи произнесли стихотворенія. Празднество окончилось торжественнымъ молебствіемъ въ церкви бернардинского монастыря. Это было только прелюдіей еще болѣе восторженного приема, оказанного ему въ Варшавѣ. Верхомъ торжества было появление плѣнного царя и его братьевъ. Жолкіевскій произнесъ трогательную рѣчь, поручая царя ихъ милосердію, а король поздравилъ ихъ съ тѣмъ, что они попали во власть христіанина, а не тиранна. Плохое утѣшеніе для Василія Шуйскаго, которому было суждено пережить гибель всѣхъ своихъ надеждъ, быть трофеемъ побѣдителя и олицетворить собою унижение Москвы передъ Польшею.

Это происходило 19-го октября 1611 г. на глазахъ у сейма, собравшагося въ Варшавѣ еще 27-го сентября. Сейму предстояло высказаться по поводу московскихъ дѣлъ; отъ него зависѣло утвержденіе налоговъ. Поэтому Сигизмундъ давно и тщательно подготовилъ къ этому почву. Инструкціи, данный имъ сеймикамъ, представляли этотъ вопросъ въ самыхъ радужныхъ краскахъ. Одержаные успѣхи служили залогомъ окончательного покоренія Россіи. Король общашь не обращать ее въ ленное владѣніе ни свое, ни сына. «Всякое новое пріобрѣтеніе послужить на пользу республики,—говорилъ онъ,—и если потребуются жертвы, то онѣ вознаградятся огромными преимуществами»¹⁾.

Такого рода рѣчи произвели переворотъ въ общественномъ мнѣніи, и это отразилось при подачѣ голоса сенатомъ. Въ 1605 г., когда на сеймѣ раздавался еще голосъ Замойскаго, большинство сенаторовъ высказалось противъ войны съ Москвою. 8-го октября 1611 г. всѣ двадцать три присутствовавшия на засѣданіи сенатора, въ томъ числѣ воевода Миншекъ, единогласно одобрили этотъ походъ. Высказавъ похвалы королю, они рѣшили, что «*impresa di Moscovia*», какъ называлъ ее нунцій, было необходимо продолжать, и что обѣ этомъ надо было довести до свѣдѣнія прочихъ монарховъ христіанскихъ державъ и въ особенности его святѣшства, затѣмъ слѣдовало наложить большія подати, уплатить солдатамъ недоданное имъ жалованіе и ассигновать нужныя суммы на дальнѣйшіе расходы.

Усердіе иѣкоторыхъ сенаторовъ шло еще дальше. Они напомнили своимъ коллегамъ, что король израсходовалъ на военные надобности изъ своихъ собственныхъ средствъ миллионъ сто тысячъ флориновъ, и

¹⁾ Ватиканскій архивъ, *P o l o p i a*, 37, А., л. 384, *Instructio Sigismundi III.—Римъ, Архивъ Boncompagni*, Е., 7, письмо Сигизмунда III Вольскому отъ 12-го июня 1611 г., Е, 40, письмо Вольскаго Павлу V отъ 2-го августа 1611 г.

что республика обязана принять это въ соображение. Предложение было щекотливое, такъ какъ оно затрагивало принципиальный вопросъ. Не преступилъ ли король законныхъ границъ, объявивъ войну безъ согласія сейма? и не слѣдовало ли предупредить впредь возможность подобнаго злоупотребленія властью, обнародовавъ новую конституцію? Самая строгія лица такъ именно и взглянули на это дѣло, но нашлись говорчіе сенаторы, которые не желали нововведеній и оправдывали дѣйствія короля. Они напомнили о данной ими клятвѣ вернуть отторгнутыя провинціи и сослались, какъ говорить нунцій, на «многія другія уважительныя причины». Большинство сенаторовъ рѣшительно высказалось за короля и его политику. Блистательнымъ доказательствомъ этого была рѣчь, произнесенная великимъ канцлеромъ вслѣдъ за подачею голосовъ. Обращаясь къ депутатамъ сеймиковъ, Лаврентій Гембіцкій, епископъ Владиславскій, умолялъ ихъ идти по стопамъ сенаторовъ, подать единодушно голосъ за войну съ Москвою, не мѣшать выполненію неисповѣдимыхъ путей Прovidѣнія, которыя могли привести къ созданію обширной сарматской имперіи подъ главенствомъ одного монарха и одушевляемой единой святой католической вѣрой. Эти краснорѣчивыя рѣчи убѣдили слушателей только на половину. Сеймъ одобрилъ войну; что касается налоговъ, то они были увеличены въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, и въ добавокъ нѣкоторая часть ихъ была присуждена въ видѣ вознагражденія королю. Но i m p r e s a тѣмъ не менѣе продолжалась¹⁾.

III.

Война и дипломатія.—Кровавыя сцены, происходившія въ Москвѣ.—Россія овладѣваетъ собою.—Польскій гарнизонъ въ непріятельской странѣ.—Сигизмундъ и Владиславъ у воротъ Москвы.—Вынужденное отступленіе.—Предложение заключить миръ.—Заруцкій, Марина и Иванъ Дмитріевичъ.—Ихъ бѣгство.—Ихъ выдаются москвитянамъ.—Дальнейшая ихъ судьба.—Марина передъ судомъ исторіи.—Смягчающія вину обстоятельства.—Отзыvъ Сигизмунда III о Михаилѣ Романовѣ.—Імператоръ Матеїй избранъ въ посредники.—Неудача переговоровъ.—Война съ Москвою.—Владиславъ начинаетъ дѣйствовать.—Переписка съ папою.—Затрудненія, предвидѣнныя въ Москвѣ.—Мнѣніе окружающихъ.—Два письма Владислава Павлу V.—Ясно изложенная двойная просьба.—Важный вопросъ, превратившійся въ вопросъ совѣсти.—Три пункта, предложенные инквизиціи.—Отрицательный и не полный отвѣтъ.—Этотъ пробѣлъ возмѣщенъ Павломъ V.—Его двойной отвѣтъ.—Его предпочтѣніе къ латинской вѣрѣ.—Предосторожности, принятыя нунціемъ.—Владиславъ удовлетворенъ.—Деулинское перемиріе.

Сигизмундъ думалъ покорить Москву двоякимъ путемъ: силою оружія и путемъ дипломатіи. Военныя дѣйствія не мѣшали ему вести,

¹⁾ Тамъ же, Е., 38, двѣ десяти Симонетти къ Боргезе отъ 8-го октября 1611 года.

впрочемъ, съ весьма малою надеждою на успѣхъ, переговоры съ боярами, которые были на сторонѣ Польши. Камнемъ преткновенія было избраніе Владислава. Москвитяне присягнули ему и требовали, чтобы онъ прибылъ въ Москву, но Сигизмундъ не отпускалъ его; твердс рѣшилъ замѣнить сына, хотя бы только вначалѣ, и временно овладѣть властью, онъ не спѣшилъ высказаться и по поводу религіозныхъ вопросовъ, которые были навязаны будущему царю, и обратился за совѣтомъ къ папѣ въ послѣдній моментъ; отвѣтъ святѣшаго отца уясняетъ римскую политику.

Дѣйствуя столь медленно и прибѣгая къ подобнымъ уловкамъ, король сильно рисковалъ, въ чёмъ онъ скоро убѣдился по ходу событий. Послѣ отѣзда Жолкіевскаго, въ апрѣль мѣсяцѣ 1611 г., на Пасхѣ, въ Москвѣ разыгрались снова кровавыя сцены. Жителямъ надоѣли поляки, они хотѣли быть хозяевами у себя дома и отдѣлаться отъ своихъ докучливыхъ гостей. Послѣдніе подозрѣвали это и, не будучи столь безпечны, какъ Димитрій, при первыхъ же признакахъ возмущенія оставили Кремль, подожгли городъ съ четырехъ концовъ, предались грабежу и убийствамъ и возвратились въ укрѣпленія съ богатой добычей изъ драгоценныхъ вещей и сѣйстныхъ припасовъ. Отнынѣ, польскій гарнизонъ находился въ странѣ непрѣятельской и могъ ожидать мщенія, ибо не только Москва, но вся Россія воспряла духомъ и была злобно настроена противъ иноземцевъ. Во главѣ народнаго движенія стала Троицкая Лавра, она побѣдоносно отразила нападеніе Сапѣги и Лисовскаго и выдержала продолжительную осаду. Изъ монастыря раздавались пла-менные рѣчи, возбуждавшія народъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ страны. Народъ призывался къ оружію, чтобы изгнать иностранцевъ, подавить анархію и какъ можно скорѣе воскресить отечество, бывшее при послѣднемъ изздыханіи. Этотъ призывъ нашелъ откликъ во всѣхъ сердцахъ, потому что онъ затрогивалъ религіозное чувство, возбужденное кандидатурой католика на московскій престолъ. Защитники отечества выростали изъ-подъ земли, соревновали между собою въ воодушевленіи и стекались подъ знамена Минина и Пожарскаго. Между тѣмъ какъ поляки торжествовали въ Варшавѣ кратковременную побѣду, русская армія быстро сформировалась, сосредоточила свои силы въ окрестностяхъ Москвы, подала вооруженную помощь жителямъ и обложила поляковъ въ Кремль.

Народное движеніе приняло уже огромные размѣры, а Сигизмундъ все еще надѣялся подавить его. Но онъ понялъ наконецъ, что имя Владислава звучало лучше его имени, что избранный монархъ долженъ быть находиться среди тѣхъ, кто его избралъ, поэтому, приказавъ гетману литовскому Ходкевичу приблизиться къ Москвѣ, онъ рѣшилъ въ исходѣ 1612 года лично привезти туда своего сына. Заблужденіе Си-

гизмунда было еще такъ велико, что, не успѣвъ собрать болѣе значительныхъ силъ, онъ отправился въ сопровожденіи самаго незначительнаго отряда, который можно было назвать скорѣе конвоемъ, нежели настоящей арміей. Но уже было поздно. Прибывъ въ Вязьму, онъ узналъ, что Кремлевскій гарнизонъ, изнемогши отъ усталости, голода и всевозможныхъ лишеній, сдался на капитуляцію. Городъ и укрѣпленія были въ рукахъ русскихъ; и послѣднихъ уже нельзя было поставить межъ двухъ огней, какъ въ томъ случаѣ, если бы у поляковъ были соумышленники въ крѣпости.

Тѣмъ не менѣе, король съ обычнымъ своимъ упрямствомъ дошелъ до Волоколамска; тутъ только глаза его открылись окончательно. Прибытие Владислава далеко не походило на вѣѣздъ монарха въ свою имперію. Какая разница съ побѣдоноснымъ шествіемъ Димитрія! Народъ вмѣсто того, чтобы выходить ему на встрѣчу, запирался въ своихъ крѣпостяхъ, которыя преграждали ему путь. Уполномоченные Владислава, посланные въ Москву, были прогнаны оттуда, и въ столицѣ уже не было преданныхъ Польшѣ бояръ, которые могли бы вести съ ними переговоры. Сигизмундъ очутился у воротъ враждебно настроенной противъ поляковъ столицы, съ малочисленной до смѣшнаго арміей и съ царемъ, котораго подданные не хотѣли признавать; польское войско страдало отъ холода и не имѣло возможности достать сѣйстныхъ припасовъ. Увидавъ себя на краю пропасти, Сигизмундъ взвѣсилъ свое положеніе, и его рѣшеніе было быстро принято: онъ возвратился въ Польшу со своимъ сыномъ Владиславомъ, намѣреваясь осуществить свой планъ современемъ. Отступленіе короля польскаго было спасеніемъ для Россіи. Несмотря на господствовавшія въ странѣ смуты, борьбу партій и соперничество бояръ, русскимъ удалось, наконецъ, избрать себѣ царя и прекратить безначаліе, господствовавшее во времія междуцарствія. Выборъ страны палъ на юнаго Михаила Романова, коронованнаго въ Москвѣ въ іюль мѣсяцѣ 1613 года. Его избраніе было равносильно низложенію Владислава, о чѣмъ бояре поспѣшили довести до свѣдѣнія Сигизмунда, предложивъ ему заключить миръ и обмѣняться плѣнными, въ числѣ коихъ находился отецъ царя, архіепископъ Филаретъ, отправленный въ Варшаву посланникомъ и съ коимъ поляки обращались, какъ съ плѣннымъ — сознаніе весьма тяжкое для любящаго сына¹⁾.

Прежде чѣмъ окончить переговоры съ Польшей, которые привели между прочимъ къ новой войнѣ, Михаилу надобно было подумать о соперникѣ, который находился еще въ колыбели. Сынъ Марины былъ провозглашенъ царемъ въ Калугѣ; Марина руководствовалась совѣтами Заруцкаго, а Заруцкій былъ способенъ на все. Мы уже упоминали его

¹⁾ Собр. гос. грам., т. III, стр. 22, № 7.

имя на предыдущихъ страницахъ. Это былъ атаманъ Донскихъ казаковъ, отличавшійся только умѣніемъ владѣть саблей. Сторонникъ Дмитрія II, осыпанный имъ милостями, онъ игралъ нѣкоторую роль во время междуцарствія и послѣ избранія Михаила Романова заявилъ себя преданнымъ сыну Марины. Преслѣдуемый и разбитый войсками новаго царя, онъ бѣжалъ въ Астрахань, гдѣ пытался поднять татаръ и персональ противъ Михаила. Его удалось прогнать изъ Астрахани, откуда онъ бѣжалъ съ Марией, маленькимъ Иваномъ и нѣсколькими стами казаковъ. Въ договорѣ за нимъ были посланы войска, съ приказаніемъ взять Заруцкаго живымъ или мертвымъ. Казаки не особенно спѣшили, поэтому царское войско нагнало ихъ; будучи окружены, они выдали Заруцкаго, Марию, ея сына Ивана и, какъ сказано въ русскомъ документѣ, монаха Николая. Для такихъ важныхъ преступниковъ не было пощады. Заруцкій былъ посаженъ на коль въ Москвѣ. Что касается Марины, то обѣ ней съ тѣхъ поръ не имѣется никакихъ извѣстій. Погибла ли она насильственной смертью? Влачila ли до тѣхъ поръ гдѣ-либо въ тиши монастыря жалкое существованіе? Этого никто не знаетъ. У Бернардиновъ сохранилось преданіе, что она была потоплена вмѣсть съ ея родными, въ томъ числѣ и ея домовыми священникомъ, отцомъ Антониемъ, который былъ преданъ ей до конца жизни ¹⁾.

Впрочемъ, съ самаго вступленія Марины въ бракъ съ Дмитріемъ II, ея жизнь полна таинственнаго. Очевидно, молодая женщина, измученная ссылкою, испытавъ такія ужасныя несчастія, не могла снести послѣдняго удара судьбы. Исторія отнеслась къ ней такъ же сурово, какъ и сама жизнь: поляки и русскіе осипали ее наперерывъ самыми жестокими упреками. Набожная дочь Самборскаго воеводы стала, по ихъ словамъ, женщиной безстыдной, порочной, весьма сомнительной патріоткой; непомѣрно честолюбивая, она была готова всѣмъ пожертвовать для того, чтобы сохранить для сына призрачный престоль. Ослѣпленная безумными мечтами величія, она отвергла, по ихъ словамъ, съ презрѣніемъ всѣ предложения Сигизмунда III и предпочла мирной, но безвѣстной жизни безумную погоню за счастіемъ. Дѣйствительно, поступки Марины говорятъ скорѣе противъ нея: неустранимая наездница, она скакала по большимъ дорогамъ, переодѣтая въ мужское платье, окруженнная казаками, чтобы раздѣлить жизнь искателя приключеній. Но кто скажетъ, дѣйствовала ли она по своему собственному побужденію или подчинялась чьей-либо волѣ? Увлекалась ли она сво-

¹⁾ Акты Ист., т. III, стр. 23, № 25 и сл.—Краковъ, музей Чарторыйскихъ, Teka Naruszewicza, 108, л. 196 в°.—Монахъ Николай, о которомъ говорится въ документѣ, быть можетъ, и быть именно отецъ Андрей.—По словамъ іезуита Ростовскаго (стр. 284), сынъ Марины находился въ 1626 г. въ іезуитской коллегіи въ Вильно, подъ покровительствомъ короля и Льва Сапѣги.

ими фантазіями или же была жертвою рокового стеченія обстоятельствъ? Написавъ 16-го января 1610 г. королю письмо съ большимъ достоинствомъ и разсудительностью, она умолкла. Намъ не известно, чтѣ она говорила впослѣдствіи, какія ей были даны обѣщанія или какими угрозами, быть можетъ, старались подѣйствовать на нее. Между Самборомъ и Астраханью цѣлая пропасть: молодая женщина, прошедшая этотъ путь при самыхъ тяжкихъ и безотрадныхъ условіяхъ, заслуживаетъ снисхожденія по многимъ причинамъ. Справедливость требуетъ, чтобы онъ былъ принятъ во вниманіе, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не выяснились всѣ обстоятельства дѣла.

Какова бы ни была таинственная кончина Марини, съ ея исчезновеніемъ для Михаила Романова уменьшилась опасность и стало одною заботою меныше. Его власть мало по малу упрочивалась среди глубоко потрясенаго общества; въ то время какъ вся Россія уже признала его своимъ монархомъ, Сигизмундъ еще не допускалъ мысли, чтобы такая прекрасная страна могла ускользнуть изъ-подъ его власти. Въ его глазахъ Михаилъ былъ не болѣе, какъ сынъ попа, человѣкъ незнаннаго происхожденія, ребенокъ, неспособный управлять страною, посаженный на престолъ, помимо знатныхъ бояръ, какими-то неизвѣстными избирателями. Избраніе Михаила было величайшимъ беззаконіемъ,—говорилъ онъ,—ибо единственнымъ законнымъ монархомъ Россіи былъ Владиславъ, коему народъ присягнулъ, коего знатнѣшіе бояре все время звали въ Россію и который возсѣдалъ бы уже на престолѣ, если бы нѣкоторыя лица не затѣяли противъ него интриги, и ввѣль бы Имперію въ концѣртъ европейскихъ державъ.

Такъ думалъ Сигизмундъ о Россіи, послѣ междуцарствія, когда ненависть къ полякамъ и католикамъ достигла среди русскихъ высшей степени. Онъ бесѣдовалъ объ этомъ откровенно съ германскимъ императоромъ Матвѣемъ, котораго русскіе, наскучивъ войною, избрали посредникомъ для переговоровъ съ Польшею. Императоръ отнесся къ возложенной на него роли добросовѣстно. Обсуждая съ королемъ польскимъ вопросъ о вѣроятномъ исходѣ войны, онъ осторожно проводилъ мысль, что признаніе Михаила было бы самымъ вѣрнымъ средствомъ добиться мира. Это выводило Сигизмунда изъ себя. Онъ засыпалъ императора письмами, заставлялъ писать ему Владислава, заподозрилъ императора въ пристрастія, но въ концѣ концовъ согласился на его вмѣшательство, въ дѣйствительности котораго онъ сильно сомнѣвался. 6-го апреля 1616 г., когда переговоры кончились полнѣйшею неудачею, онъ могъ похвастать, что сбылось все то, что онъ предвидѣлъ, и что отъ этихъ вѣроломныхъ варваровъ, какъ онъ называлъ москвитянъ, нечего было ожидать. Подъ этими словами скрывалась тайная угроза;

дѣйствительно, четыре мѣсяца спустя, 25-го іюля, Сигизмундъ заявилъ императору, что сеймъ одобрилъ войну съ Москвою¹⁾.

Когда была объявлена война, польскою молодежью овладѣло небывалое воодушевленіе; она устремилась вслѣдъ за Владиславомъ, который самъ сталъ этого разъ во главѣ войска, довольною возможностью избѣгнуть такимъ образомъ родительской опеки. Уѣхавъ къ армїи, онъ говорилъ, что предпочитаетъ умереть скорѣе, нежели продолжать свою монотонную жизнь въ Варшавѣ. Пріобрѣсти монархію на сѣверѣ было равносильно для него покончить со всѣми домашними непріятностями и стяжать славу и независимость²⁾. Его честолюбивыя мечты заходили очень далеко; раздѣляя заблужденіе отца, онъ счелъ долгомъ открыть свои надежды папѣ и испросить у него, черезчуръ преждевременно, разрѣшеніе на нѣкоторые предметы.

Мнимый побѣдитель такъ твердо надѣялся короноваться въ Кремль, что онъ хотѣлъ заранѣе обсудить всѣ подробности этой церемоніи. Его положеніе было весьма сходно съ положеніемъ злополучнаго претендента, съ тою лишь разницею, что одинъ изъ нихъ исповѣдывалъ католическую вѣру тайно, а другой исповѣдывалъ ее открыто. Владиславъ, подобно своему предшественнику, боялся оскорбить религиозное чувство православнаго народа, выставляя напоказъ пышные обряды латинской церкви. Идеаль, къ которому онъ стремился, было возсѣсть на московскій престолъ, не поступаясь своей совѣстью и вмѣстѣ съ тѣмъ не огорчая своихъ новыхъ подданныхъ; примирить эти два требованія было не легко; надъ разрѣшеніемъ этой задачи трудились всѣ окружающіе принца. Одни изъ нихъ склонялись къ безусловно строгому исполненію долга другіе, въ томъ числѣ отецъ Бембо, духовникъ короля, находили необходимымъ сдѣлать самыя широкія уступки. Всѣ были того мнѣнія, что Владиславу необходимо представить этотъ вопросъ на благоусмотрѣніе папы и положиться на его рѣшеніе: точно также дѣйствовалъ Мнишекъ относительно Димитрія. Первый шагъ былъ сдѣланъ самимъ Владиславомъ. Передъ крещеніемъ огнемъ католическому принцу приличествовало заручиться благословеніемъ папы. 6-го апрѣля 1617 года, онъ обратился къ нему съ просьбою благословить его для того, чтобы онъ могъ послужить достойнымъ образомъ вѣрѣ и отечеству; за этимъ письмомъ послѣдовало второе, помѣченное тѣмъ же числомъ, въ которомъ обсуждался вопросъ о коронованіи. Это пись-

¹⁾ Вѣна, государственный архивъ, Polonia, письма Сигизмунда къ Матвѣю отъ 14 го апрѣля 1613 г., 11-го мая 1615 г., 6-го апрѣля и 23-го іюля 1616 г.

²⁾ Krakowъ, музей Чарторыйскихъ, нѣсколько важныхъ рукописей объ этой войнѣ, см. №№ 2726, 2763.

мо написано самимъ принцемъ, но по внушенію отца; вотъ приблизительно что онъ говоритъ въ этомъ письмѣ:

«Мои предки,—писалъ Владиславъ,—понимали, какое важное значение будетъ имѣть «возвращеніе» Московіи во владѣніе христіанской республики и въ нѣдра католической церкви, но они по большей части не обладали возможностью добиваться этого; нынѣ обстоятельства приняли болѣе благопріятный оборотъ, прежняя династія угасла, всѣ классы общества избрали меня единогласно, и несмотря на промедленіе съ моей стороны весьма многіе москвитяне остались мнѣ вѣрны. Поэтому мы рѣшили воспользоваться этимъ выгоднымъ положеніемъ, расширить границы не только Польши, но и христіанской республики и католической вѣры, и я поспѣшаю повиноваться божественному Пророчеству и волѣ моего отца».

Вступая на это блестящее поприще принцу приходилось считаться съ однимъ серьезнымъ затрудненіемъ. Русскіе, глубоко преданные ста-риннымъ обычаямъ, могли предъявить по случаю коронованія разныя требования, которыхъ необходимо было предусмотрѣть. Поэтому Владиславъ, какъ человѣкъ, понимавшій значеніе обрядовъ и ихъ отношеніе къ догматамъ вѣры, изложилъ свою просьбу вполнѣ ясно и опредѣленно. Во-первыхъ, онъ выражалъ самымъ опредѣленнымъ образомъ желаніе, чтобы ему была предоставлена полная свобода сообразоваться съ обрядами греко-уніатской церкви; онъ желалъ, чтобы его короновалъ греко-уніатскій епископъ, и хотѣлъ пріобщиться святыхъ тайнъ подъ обоими видами. Во-вторыхъ, допускская возможность того, что ему придется короноваться у православнаго епископа, принцъ просилъ у папы на это разрѣшенія, совѣта и указаній.

Письмо Владислава затрагивало чрезвычайно важные національные и религіозные вопросы. Обращеніе къ греко-уніатскому вѣроисповѣданію открывало новую эру сближенія: между католическимъ монархомъ и православной Имперіей появлялась неожиданно точка соприкосновенія. Та и другая сторона соблюдала бы одни и тѣ же обряды, и единство богослуженія облегчило бы соглашеніе относительно догматовъ. Попытка къ подобному соглашенію была сдѣлана на Флорентійскомъ соборѣ, повтореніемъ которого былъ Брестскій соборъ. Но въ Римѣ, повидимому, не поняли огромнаго, совершенно исключительного значенія этого нововведенія и предпочли сдѣлать изъ него только вопросъ совѣсти и стать на строго богословскую точку зрения. Впрочемъ, Павелъ V пожелалъ лично заняться этой просьбою; приказалъ сдѣлать справку въ документахъ и представилъ все дѣло на заключеніе инквизиціи. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1617 г., на обсужденіе этой высшей духовной инстанціи были представлены слѣдующіе три пункта:

- 1) можетъ ли Владиславъ, въ виду общаго блага христіанской респу-

блики, быть коронованъ православнымъ епископомъ? 2) можетъ ли онъ пріобщиться подъ двумя видами? 3) и въ случаѣ крайней необходимости, можетъ ли онъ исполнять всѣ прочіе обряды?

Эти вопросы не представляли сами по себѣ ничего новаго или неожиданного; для того, чтобы отвѣтить на нихъ, стоило только спрятаться, въ какомъ смыслѣ были рѣшены въ недавнее время подобные же вопросы, затронутые Сигизмундомъ III и Димитріемъ. Члены инквизиціи дѣйствительно сослались въ своемъ отвѣтѣ на эти рѣшенія, и между прочимъ на постановленія Лаодикійскаго, Кареагенскаго и Латранскаго соборовъ, которые вполнѣ согласовались съ мѣрами, принятymi въ послѣднее время; постановленія этихъ соборовъ были утверждены самыми знаменитыми богословами; святой Герменегильдъ запечатлѣлъ ихъ своею кровью. Вопросы, предложенные на обсужденіе инквизиціи, были разносторонни, поэтому и отвѣтъ инквизиціи былъ подкроѣленъ многочисленными ссылками: онъ былъ отрицательный по всѣмъ тремъ пунктамъ. Впрочемъ, римскіе инквизиторы отвѣтили на предложенные имъ вопросы не достаточно точно, они обсуждали вопросъ о православномъ епископѣ и вовсе не приняли во вниманіе высказанное Владиславомъ предположеніе, что надъ нимъ могъ совершить обрядъ коронования греко-уніатскій епископъ¹⁾.

Обстоятельный отвѣтъ, присланный папою, восполнилъ этотъ пробѣль. Во-первыхъ, Павелъ V вполнѣ соглашался съ рѣшеніемъ инквизиціи. «Папскій престолъ не дастъ просимаго принцемъ разрѣшенія,—писалъ онъ,—въ томъ случаѣ, если епископъ, которому придется короновать принца, будетъ православнаго вѣроисповѣданія. Если же епископъ будетъ греко-уніатскій, то папа согласится на то, чтобы онъ священнодѣйствовалъ при коронованіи и чтобы Владиславъ пріобщился по православному обряду». Слѣдовательно, папа дѣлая уступку только на этотъ разъ и даваль разрѣшеніе весьма неохотно, не скрывая при этомъ своихъ сокровенныхъ мыслей. Онъ отдавалъ, разумѣется, предпочтеніе латинской вѣрѣ и желалъ, если возможно, чтобы Владиславъ пріобщился по католическому обряду. Онъ даже заранѣе назначилъ для этой церемоніи епископа житомірскаго Андрея Липскаго и снабдилъ его надлежащими полномочіями. Мысль, что католикъ будетъ возсѣдать на московскомъ престолѣ, окруженный православными подданными—николько не смущала папу. Онъ полагалъ даже, что если вести дѣло умѣючи, то это нововведеніе не представить никакихъ затрудненій. Впрочемъ, папа, точно такъ же, какъ и члены инквизиціи, не распространялся по поводу этого вопроса, придавая ему значеніе частнаго случая, который требовалъ немедленнаго рѣшенія, и не ка-

¹⁾ Римъ, Архивъ папскаго престола, IV, л. 94 и сл.

сался вопроса о единеніи церквей, что было дѣломъ будущаго. Относительно главного пункта польскому принцу пришлось удовлетвориться отказомъ, точно такъ же, какъ Димитрю.

Пока этотъ вопросъ обсуждался въ Римѣ, Владиславъ выступилъ въ походъ. Папа не пожелалъ отвѣтить ему лично и только предупредилъ принца, что отвѣтъ будетъ сообщенъ ему нунцемъ; при этомъ были приняты всевозможныя мѣры предосторожности, чтобы дать понять Владиславу, что ему не будетъ сдѣлано болѣе никакихъ уступокъ и чтобы отнять у него всякое желаніе настаивать на своей просьбѣ. Такъ, напримѣръ, краковскому нунцю Франциску Діотавелли, епископу сентъ-анджельскому (*evêque de Sant' Angelo*) было приказано никому не показывать текста папской депеши, а сдѣлавъ изъ нея краткое извлеченіе, передать его Владиславу на отдѣльномъ листѣ безъ подписи. Услужливые посредники взялись разъяснить принцу свойство и размѣръ данного ему разрѣшенія; все пошло какъ по маслу. Владиславъ находился въ то время въ Вязьмѣ; онъ только-что одержалъ незначительный успѣхъ на полѣ битвы и предавался, впрочемъ, нѣсколько преждевременно, радостнымъ надеждамъ. При тогдашнемъ его настроеніи все казалось ему прекраснымъ: такъ было принято имъ и папское рѣшеніе¹⁾.

Впрочемъ, польскому королевскому принцу не пришлось имъ воспользоваться. Не имѣя достаточныхъ силъ, несмотря на контингентъ казаковъ и, не имѣя достаточно денежныхъ средствъ, онъ не могъ овладѣть Москвою. Всѣ его попытки были побѣдоносно отражены, онъ былъ вынужденъ начать переговоры, а 1-го декабря 1618 г. (по ст. ст.) было заключено въ Деулинѣ перемиріе, на четырнадцать лѣтъ на такихъ выгодныхъ условіяхъ, на какія поляки не могли даже разсчитывать. За ними остались такія важныя крѣпости, какъ Смоленскъ, Новгородъ Сѣверскій, Черниговъ, не считая другихъ. Утомленіе, которое испытывали москвитяне, сдѣлало ихъговорчивыми. Впрочемъ, поляки возвратили свободу Филарету Романову, отцу царя, и вернули русскимъ нѣсколько крѣпостей. Честь была спасена, но народная вражда не угасла.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, II, 68, л. 480; II, 225, л. 169; II, 241, письмо Діотавелли къ Боргезе, отъ 1-го сентября 1617 г.; II, 427, л. 183, V; II, 74, л. 54

Собственноруч. письмо М. Сперанского—гр. Аракчееву.

14-го сентября 1816 г. Великоновълье.

Довершите ваши ко мнѣ милости, дозволивъ мнѣ себя видѣть или здѣсь или въ Грузинѣ.—Какъ скоро дозволите, то черезъ часъ или два я буду въ Новгородѣ.—Не откажите, м. г., въ сей милости.—Это есть первая необходимость сердца, исполненного благодарности.

Рукою Аракчеева написано: «Новгородъ 15-го сентября отвѣчалъ тотъ же часъ».

**Собственноручное всеподданійшее прошеніе графа Ростопчина
объ увольненіи въ отставку.**

15-го октября 1823 г. Москва.

Употребя безъ успѣха многія средства къ поправленію разстроеннаго здоровья, принесеннаго усердіемъ въ жертву вамъ и отечеству, возвратился нынѣ въ оное. Но признавая въ себѣ недостатокъ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ быть болѣе съ честію и пользою по службѣ вашаго императорскаго, величества осмѣливаюсь просить объ увольненіи меня отъ оной оберъ-камергеромъ ¹⁾).

¹⁾ Прослѣдовалъ указъ государственному совѣту 14-го декабря № 137.

БЫЛОЕ.

Изъ воспоминаний о пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.

VI¹).

Петербургскіе пожары въ 1862 г.— Наше участіе въ ихъ тушепіи.— Люди нажившіесь на чужомъ несчастіи.— Публичное наказаніе кнутомъ.

Б

есною 1862 г. мы сдавали выпускные экзамены. Время было тогда въ Петербургѣ тревожное: общее вниманіе поглощено было студенческими волненіями и пожарами, по поводу которыхъ ходили самые разнообразные толки. Пожары приписывались поджогамъ, но никто не могъ сказать, кѣмъ и съ какою цѣлью они производятся. Одни подозрѣвали тутъ польскую интригу, другие винили студентовъ, третыи намекали на возможность участія въ этомъ дѣлѣ недовольныхъ крестьянскою реформой. То и дѣло распространялись по городу слухи о захваченныхъ, будто-бы, въ томъ или другомъ мѣстѣ поджигателяхъ. Подметнымъ письмамъ съ предупрежденіемъ о предстоявшихъ пожарахъ не было числа; люди находились въ постоянномъ страхѣ и жили какъ на бивакахъ, заблаговременно завязавъ свои вещи въ узлы и уложивъ въ сундуки, чтобы легче было вынести ихъ въ случаѣ опасности. Городъ ежедневно загорался въ различныхъ мѣстахъ, и пожарные сбились съ ногъ, едва поспѣвая туда, где требовалась ихъ помошь. Жаркая и сухая погода способствовала распространенію огня въ кварталахъ, где были скучены деревянныя постройки. Огромныя пространства выгорали съ необыкно-

¹) См. „Русскую Старину“ октябрь 1901 г.

венной быстротой, чтò объясняется какъ характеромъ тогдашнихъ строений, такъ и недостаточностью противопожарныхъ средствъ. Надо было видѣть, чтò представлялъ собою до пожара выгорѣвшій тогда Апраксинъ дворъ. То были ряды сбитыхъ въ кучу ветхихъ деревянныхъ лавчонокъ и ларей, стоявшихъ такъ тѣсно и до такой степени загроможденныхъ всевозможнымъ хламомъ, что мѣстами между ними можно было прорваться не иначе, какъ бокомъ. Старое платье, тюфяки, перья, пухъ и разныи мелкій скарбъ—все это грудами висѣло и валялось здѣсь, загромождая дорогу. Не менѣе опасно въ пожарномъ отношеніи было положеніе извозчиковъ дворовъ, тянувшихъ сплошными рядами вдоль Лиговки. Жалкія деревянныя кѣтушки, служившія конюшнями, покривившіеся досчатые заборы, тѣсные дворы, полныя чавоза, соломы и всякаго сухого мусора, придавали этой части города видъ забытаго Богомъ захолустья. Водопровода не было тогда еще и въ поминѣ¹⁾ , а мелководная Лиговка не могла дать достаточнаго количества воды въ случаѣ пожара. А пожаръ не заставилъ себя долго ждать; я видѣлъ его и никогда не забуду этой страшной картины. Не прошло и часа съ тѣхъ поръ, какъ загорѣлось въ одномъ домишкѣ,—и уже оба берега Лиговки были охвачены пламенемъ. Обитавшая здѣсь бѣднота была объята паникой. Люди суетливо вытаскивали изъ пылавшихъ костромъ домовъ свой скарбъ и, какъ безумные, давя другъ друга, сваливали его въ кучу у рѣчки; нагроможденныи вещи падали въ Лиговку, запружая ея и безъ того узкое русло. Среди треска пламени, въ адской жарѣ, въ одинъ общій гуль смѣшивались крики, стоны, причитанія, удары лома и топоровъ. Хищники растаскивали вынесенное изъ домовъ имущество въ тѣхъ мѣстахъ, где его не успѣвали оцѣпить войсками. Дрожки, столы, табуретки, раскололвшіеся комоды загромождали проѣздъ, затрудняя доступъ пожарнымъ. Въ воротахъ били чѣмъ попало лошадей, испуганныхъ общею сумятицею и не дававшихъ вывести себя со двора; многія изъ нихъ падали и гибли въ пламени. Надъ толпою взвивались горѣвшія головни, въ раскаленномъ воздухѣ захватывало дыханіе. Вспоминается мнѣ растерянное лицо бабы, стоявшей съ иконою въ рукахъ подъ окнами своей квартиры: всѣ надежды свои она возложила на заступничество иконы. Помню: недалеко отъ меня кто-то выбросился изъ окна и, тяжело хлюпнувшись на землю, остался недвижимъ, а черезъ него уже бѣжали потерявшие всякое соображеніе люди. Группы добровольцевъ, потные и грязные, съ сосредоточеннымъ выраженіемъ лицъ, отчаянно работали пожарными насосами, помогая пожарнымъ; пожарные рукава согнули, высасывая жидкую грязь со дна обезводившей Лиговки.

¹⁾ Съ ужасомъ вспоминаю, какъ мы пивали воду изъ Фонтанки. Какъ мы только уѣхали!

Къ вечеру почти вся Лиговка представляла собою два длинныхъ ряда тлѣвшихъ и дымившихся развалинъ.

Свидѣтелемъ этого и нѣсколькихъ другихъ пожаровъ мнѣ довелось быть потому, что нашъ классъ рѣшилъ посвящать промежутки между экзаменами спасанію погоравшихъ. Сдавъ тотъ или другой экзаменъ, каждый спѣшилъ къ условленному мѣсту пожара и, не дожидаясь прибытія товарищѣй, привимался за дѣло. Для насъ это было не спортомъ, не развлеченіемъ; намъ казалось, что наше ничтожное участіе дѣйствительно можетъ облегчить горе иного бѣдняка, и къ этому мы относились, какъ къ дѣлу чести. По этому поводу опять повторю, что зеленая молодежь смотритъ на все по-своему и что эту черту ея необходимо принимать во вниманіе при оцѣнкѣ ея поступковъ. Само собою, tolку отъ нашей страстной работы на пожарахъ было мало, но намѣренія наши были хороши. Лучшее, чего намъ удавалось достигнуть, ограничивалось тѣмъ, что мы успѣвали иногда поспѣть кстати, чтобы снести съ переполненной дымомъ лѣстницы какого-нибудь растерявшагося отъ страха человѣка, какую-нибудь старушку, или вынести на улицу ту или другую вещь, которую, быть можетъ, черезъ нѣсколько минутъ похищали воры. Въ остальномъ мы были совершенно бесполезны и нерѣдко смыты. Разъ мы, въ пылу усердія, съ большимъ трудомъ выбросили на улицу изъ третьаго этажа чье-то фортепіано; отъ него навѣрно остались послѣ этого одни осколки, и хорошо еще, если оно не придавило какого-нибудь случайного прохожаго. Лично себѣ я ставлю въ заслугу спасеніе кипѣвшаго самовара: съ опасностью жизни я снесъ его съ пятаго этажа подъ ворота, гдѣ на него тогда же наѣхали пожарные. Не думаю, чтобы владѣльцы самовара были особенно благодарны мнѣ за такую услугу.

Тогдашніе пожары были для большинства людей недостаточнаго класса гораздо болѣе тяжелымъ бѣствиемъ, чѣмъ нынѣшніе: теперь страхованіе имущества практикуется этими людьми довольно часто, а въ то время о немъ мало кто думалъ. Поэтому множество людей, разъ погорѣвъ, надолго лишалось возможности обзавестись заново необходимымъ скарбомъ. Зато, съ другой стороны, находились предпримчивые людишки, для которыхъ общее бѣствіе служило источникомъ легкой наживы. Рассказывали, что послѣ истребленія огнемъ Апраксина двора выкраденное оттуда имущество послужило основаніемъ для богатства кое-какихъ скунщиковъ, со временемъ обратившихся въ крупныхъ торговцевъ и достопочтенныхъ домовладѣльцевъ. Кто знаетъ, не ихъ ли почину обязано было столичное населеніе поджогами?

Изъ сильныхъ впечатлѣній, пережитыхъ мною въ этотъ годъ, особенно ярко запечатлѣлось въ моей памяти воспоминаніе о первой и послѣдней видѣнной мною сценѣ публичнаго наказанія кнутомъ. Не умѣю объяснить, что именно побудило меня отправиться на это потрясаю-

щее зре́лище; не думаю, чтобы мною руководилъ при этомъ инстинктъ жестокости, такъ какъ ни тогда, ни послѣ, я не ощущалъ его въ себѣ. Помню только, что, идя на мѣсто казни вмѣстѣ съ товарищемъ, которому принадлежала инициатива въ этой затѣѣ, я испытывалъ величайшее волненіе. Дѣло было очень раннимъ утромъ; тѣмъ не менѣе, когда мы пришли на Конную площадь, гдѣ назначено было совершение казни, народа было уже тамъ видимо-невидимо. Толпа состояла изъ людей всякаго званія, но преобладало простонародье; были тутъ же и дѣти, которыхъ старшіе поднимали на рукахъ, чтобы и имъ было видно. Съ нашего мѣста можно было разглядѣть вдали высокій помостъ, на которомъ стояла «кобыла», а около нея человѣкъ въ красной рубахѣ съ за-сучеными рукавами. Разсмотрѣть лица его я не могъ за дальностью разстоянія и съ бѣнiemъ сердца вслушивался въ раздававшіяся отрывочные фразы близайшихъ сосѣдей. Говорили обѣ искусствѣ палача, о томъ, что онъ умѣеть, если захочетъ, однимъ ловкимъ ударомъ забить человѣка на-смерть. Гуль толпы то крѣпчалъ, то ослабѣвалъ; мнѣ чувствовалось въ немъ возбужденное настроеніе собравшейся здѣсь массы людей. Вдругъ гуль затихъ, и въ толпѣ произошло усиленное движеніе къ центру; насть сдавили со всѣхъ сторонъ. Вскорѣ мы увидѣли, что на помостѣ происходит какое-то замѣшательство; потомъ все какъ будто пришло въ порядокъ, и стало видно, что на кобылѣ распростерты человѣкъ съ обнаженной спиной. Палачъ, отступивъ отъ него, ноправилъ свой засученный рукавъ, издалъ какой-то рѣзкій звукъ и взмахнулъ кнутомъ. Я невольно зажмурился и уже не видаль, какъ опустилась плеть; я только услышалъ отчаянный, пронзительный вопль наказуемаго и, зажавъ уши, сталъ изо всѣхъ силъ протискиваться вонъ изъ толпы. Пробиться сквозь эту плотную массу людей, приковавшихъ взоры къ роковому помосту, было крайне трудно, и, пока я работалъ локтями и плечами, расчищая себѣ путь и получая тумаки, до слуха моего долетѣло еще нѣсколько раздирающихъ душу воплей съ помоста. Когда, весь мокрый и дрожащий, я выбрался, наконецъ, на свободное мѣсто, я увидѣлъ около себя моего товарища, о которомъ совсѣмъ было позабыть. Онъ тоже дрожалъ, былъ блѣденъ и смотрѣлъ на меня расширенными глазами. Не сказавъ другъ другу ни слова, мы бросились почти бѣгомъ прочь отъ этого ужаснаго мѣста.

VII.

Наше дѣтское самомнѣніе, обусловленное незнаніемъ жизни.—Практическіе плоды гимназического ученія.

Говоря выше о чистотѣ и безкорыстіи нашихъ юношескихъ стремлений въ выпускномъ классѣ, я отнюдь не имѣть намѣренія выставлять моихъ товарищѣй, а тѣмъ менѣе себя самого, образцами добродѣтели. Въ нась, несомнѣнно, было много очень непохвальныхъ качествъ. Иначе и быть не могло: вѣдь мы были плоть отъ плоти и кость отъ кости нашихъ взрослыхъ современниковъ. Природа не допускаеть скаковъ, и никогда не можетъ случиться, чтобы молодое поколѣніе не имѣло значительного сходства со старымъ. Но молодежи всегда было и будетъ свойственно считать себя представительницей совершенно новаго типа, не имѣющаго никакихъ точекъ соприкосновенія съ предшествующимъ поколѣніемъ. Такъ смотрѣли на себя и мы, и отсюда происходили тѣ несуразные поступки наши, которые внесли горе и страданіе во многія почтенныя семьи. Многіе изъ нась, ослѣпленные ничѣмъ не оправдывавшимся самомнѣніемъ, нисколько не щадили чувствъ своихъ родителей и родныхъ, которымъ обязаны были своимъ воспитаніемъ, и явно—иногда даже до наглости—давали имъ чувствовать свое якобы превосходство надъ ними. Много родительскихъ, особенно любящихъ материнскихъ сердецъ было жестоко ранено въ то время не въ мѣру заносчивыми дѣтьми, которыя вообразили себя солью земли. Пылкіе юноши, отрицая естественность семейныхъ привязанностей, думали поставить на ихъ мѣсто холодно-разсудочныя отношенія, которыхъ, какъ извѣстно, оказывается недостаточно даже для поддержанія доброго знакомства съ посторонними. Вместо того, чтобы быть людьми ума и сердца вмѣстѣ, они хотѣли стать простыми мыслящими машинками. Но какой же отецъ, какая мать—если они сами не искалѣченные нравственно люди—могутъ удовлетвориться однимъ разсудочнымъ отношеніемъ къ нимъ ихъ дѣтей?

Да, приняли-таки мы тогда грѣха на душу! При всей нашей гуманности, при всемъ благородствѣ нашихъ стремлений, мы были несправедливы и жестоки къ хорошимъ людямъ, которымъ были очень многимъ обязаны. Виною тому была наша чрезмѣрная заносчивость и прямолинейность, обыкновенно сопутствующая односторонности. Не зная жизни, мы считали всѣ наши розовыя мечты осуществимыми и такъ какъ во взрослыхъ замѣчали сомнѣніе на этотъ счетъ, то готовы были видѣть въ нихъ противниковъ. Мы были «передовыми», а они «постепеновцами»; но зачѣмъ же—разсуждали мы—прогрессу совершающейся по-

степенно, если все можетъ быть сдѣлано сразу? Какъ это сдѣлать? Очень просто: декретировать «свободу, равенство и братство»; только и всего. Какъ только предписаніе выйдетъ, всѣ тотчасъ же обратятся въ братьевъ и заживутъ какъ нельзя лучше. Не будетъ ни униженныхъ, ни оскорблennыхъ, ни обездоленныхъ материально, потому что всякий вѣдь только того и ждетъ, чтобы ему позволили поступиться собственными интересами въ пользу ближняго.

Повторяю: не зная жизни и людей, мы приписывали массѣ тѣ же мысли и чувства, которыя одушевляли нась самихъ. Въ этомъ отношеніи мы, пожалуй, очень походили на институтокъ недавняго прошлаго; зато и нась, подобно имъ, дѣйствительность начала съ первыхъ же шаговъ гладить противъ шерсти. Въ шестнадцать-семнадцать лѣтъ отроку надо бы уже знать что-нибудь о тѣхъ условіяхъ, которыя ожидаютъ его по выходѣ даже изъ средней школы, а главное—о тѣхъ побужденіяхъ, которыми руководится въ жизни большинство, ставящее низменные интересы превыше всякихъ идеаловъ. Но мы не знали этого; въ нашихъ рыцарскихъ мечтаніяхъ не было мѣста для такой «университетной» мысли. Не испытавъ сами гнетущей нужды, мы не имѣли и не могли имѣть живого представленія о томъ, какъ отражается она въ большинствѣ случаевъ на всемъ духовномъ складѣ человѣка. Отсюда наша крайняя нетерпимость ко всему, что не совпадало съ нашими радужными ожиданіями, и къ людямъ, порою возражавшимъ намъ на основаніи житейского опыта. Такихъ людей мы безъ дальнихъ разсужденій зачисляли въ ретрограды и, по возможности, сторонились отъ нихъ. Прямые преемники такъ-называемыхъ «людей сороковыхъ годовъ», мы не очень-то далеко ушли отъ нихъ въ отношеніи склонности къ идеологии, хотя и приписывали себѣ — неизвѣстно, почему — качества «практическихъ» людей въ хорошемъ значеніи этого слова. Принимая за источникъ человѣческихъ поступковъ единственно духовныя побужденія, мы, въ сущности, совершили такую же ошибку, въ которую впали позднѣйшія поколѣнія юнцовъ, рѣшившія, съ чужого голоса, что источникомъ всего служить единственno желудокъ. Минѣ кажется, что виною этихъ ошибокъ является наша школа; въ ней несомнѣнно есть изъянья, обѣ устраненія котораго давно пора бы позаботиться.

Относительно нась могу сказать одно: по выходѣ изъ гимназіи, мы обладали извѣстного рода развитіемъ, знали пройденные по программѣ «предметы» и имѣли совершенніе неправильныхъ представленія о дѣйствительности. Въ смыслѣ подготовительной ступени къ высшему образованію, такого багажа было, пожалуй, и достаточно; но куда годились тѣ изъ нась, которымъ, въ силу обстоятельствъ, либо нельзѧ было поступить въ университетъ, либо не удалось окончить въ немъ курса? Не зная ни ремесла, ни какого-нибудь другого практическаго дѣла, что могли

они предпринять, кромъ обычной розничной продажи своихъ школьныхъ познаній, въ формѣ грошовыхъ уроковъ, кромъ занятій перепискою, изготавленіемъ для рынка сомнительного качества переводовъ и т. п.? Притомъ, гимназія всѣмъ своимъ строемъ отрывала своихъ питомцевъ недворянскаго происхожденія отъ интересовъ той среды, изъ которой они вышли. Сыновья купцовъ ни за что не хотѣли заняться торговлей: зная темныя стороны купеческой дѣятельности, они относились къ ней съ понятною брезгливостью. То же было съ дѣтьми мѣщантъ, мелкихъ чиновниковъ и иного званія людей. По существу, это можетъ быть названо явленіемъ хорошимъ: никто не хотѣлъ служить дѣлу, которое признавалъ неблагороднымъ. Но не должна ли входить въ число задачъ школы забота о томъ, чтобы юношество, просвѣтляясь духовно, вмѣстѣ съ тѣмъ выростало съ сознаніемъ, что наибольшую пользу прогрессу всякой можетъ принести честною работой въ той средѣ, которая всего ближе знакома ему съ ранняго дѣтства? И не должна ли средняя школа, помимо столь занимательныхъ предметовъ, какъ стереометрія, латинская грамматика и проч., вооружать своихъ питомцевъ также и тѣми познаніями, которыя могутъ пригодиться имъ въ практической жизни? Здѣсь, конечно, не мѣсто рѣшать эти вопросы, но въ школьныхъ воспоминаніяхъ нельзя не коснуться ихъ попутно хотя бы вскользь.

VIII.

Спектакль и литературный вечеръ въ гимназіи.—Мих. Ив. Семевскій, какъ актеръ и разсказчикъ.—Депутація къ французскимъ артисткамъ.—Пѣнныи поэтъ.—Чтеніе Некрасова, Майкова, Писемскаго и Беведиктова.—Разсказы И. Ф. Горбунова.

Зима 1862 г., предшествовавшая нашему выпуску, ознаменовалась въ гимназіи двумя небывалыми до тѣхъ поръ въ ея стѣнахъ событиями: устройствомъ спектакля и литературного вечера съ благотворительною цѣлью. Такихъ спектаклей и вечеровъ бывало тогда въ Петербургѣ множество, и всѣ они, по новости дѣла, имѣли большой успѣхъ. Это подало нашему наставнику В. И. Водовозову мысль воспользоваться стремленіемъ публики къ зрѣлищамъ, чтобы путемъ спектакля собрать хоть какія-нибудь средства для тѣхъ изъ выпускныхъ воспитанниковъ, которые, по выходѣ изъ гимназіи, не имѣли бы возможности даже экипироваться. Дѣятельнымъ помощникомъ его въ осуществленіи этой мысли явился близкій къ нему въ то время человѣкъ, Мих. Ив. Семевскій, впослѣдствіи основатель «Русской Старины», а тогда еще

начинавший писатель изъ молодыхъ офицеровъ. Оба эти лица энергично взялись за дѣло. Не безъ труда и хлопотъ добыли они разрѣшеніе на постановку запретной до тѣхъ поръ пьесы Островскаго «Доходное мѣсто», пріискали исполнителей и исполнительницъ ролей и руководили ихъ репетиціями. Двѣ роли пришлись на долю воспитанниковъ старшаго класса гимназіи. Уже первыя считки показали, что пьеса, во всякомъ случаѣ, не «провалится», а можетъ быть сойдетъ даже и совсѣмъ гладко. Достали на прокатъ у театральнаго предпринимателя въ Измайловскомъ полку декораціи, соорудили въ большомъ рекреаціонномъ залѣ заправскую сцену, наняли оркестръ. Надо было, сверхъ того, пригласить нѣсколько лицъ для участія въ предполагавшемся послѣ спектакля дивертисментѣ; съ этою цѣлью воспитанники выбрали изъ своей среды двѣ депутаціи, на которыхъ и были возложены разыѣзды по знаменитостямъ. Въ одну изъ нихъ попалъ и я, чтѣ дало мнѣ случай разъ въ жизни увидѣть во-очію установленныя всякими ненужными вещами и сильно парфюмированныя жилища нѣкоторыхъ артистокъ тогдашней французской труппы Михайловскаго театра. Мой товарищъ и я, вдвоемъ составлявшіе эту депутацію, чрезвычайно конфузились въ совершенно непривычной для насъ обстановкѣ и навѣрно были очень смѣшины въ нашихъ парадныхъ мундирчикахъ, изъ которыхъ успѣли немного вырості; но, сознавая важность возложенной на насъ миссіи, мы бодрились и старались не уронить своего достоинства. Помнится, мы прежде всего побывали у г-жи Мокуръ, очень посредственной, но бывшей въ модѣ актрисы. Она вышла къ намъ въ какомъ-то «доводящемъ умъ до восторга» пеньюарѣ и съ ярко накрашенными губами; потомъ поѣхали къ плѣнительной, хотя и черезчуръ полной Милѣ, были и у красавицы Деверіи, о которой въ то время ходило по городу столько заманчивыхъ анекдотовъ. Не знаю, вслѣдствіе ли нашего неумѣнія обходиться съ дамами этого круга или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, только изъ всѣхъ посѣщенныхъ нами звѣздъ французской сцены одна лишь Деверіа съ первыхъ же словъ выразила согласіе помочь добруму дѣлу и—чтѣ важнѣе всего—исполнила свое обѣщаніе: послѣ спектакля, на который она пріѣхала въ гимназію въ сопровожденіи красиваго кирасирскаго офицера, она продекламировала со сцены какое-то слаждавое стихотвореніе, начинавшееся словами: «*Donnez aux pauvres!*»

Спектакль нашъ сошелъ какъ нельзя лучше, при переполненному зрительномъ залѣ. Наибольшій успѣхъ выпалъ на долю жены нашего учителя географіи Д. Д. Семенова, впослѣдствіи сдѣлавшаго удачную педагогическую карьеру; роль Фелицаты Герасимовны (въ «Доходномъ мѣстѣ») исполнена была этой дамою дѣйствительно мастерски. Недуренъ хотя недостаточно натураленъ, былъ въ роли благороднаго Жадова Мих. Ив. Семевскій. Естественность, кажется, и вообще не была свой-

ственна его характеру. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, онъ держался либерального образа мыслей и былъ не прочь щегольнуть свободомыслиемъ въ «сценахъ изъ народнаго быта», которыхъ охотно разсказывалъ. Съ легкой руки И. О. Горбунова, такихъ рассказчиковъ развелось тогда немало, но всѣ они, какъ почти всегда бываетъ съ подражателями, не съумѣли достигнуть той степени искусства, какою обладалъ ихъ оригиналъ. Общій недостатокъ ихъ «сценъ» заключался въ вымученности темы и въ замѣчаніи живого, естественного юмора смѣшными словами. Не было свободенъ отъ этого недостатка и Семевскій, какъ сочинитель и рассказчикъ «сценъ». Слушая его, нельзя было не получить впечатлѣнія, что онъ говорить не совсѣмъ то и не совсѣмъ такъ, чтѣ и какъ думаетъ, а какъ будто немногого фальшивитъ. Такой же непскренній тонъ приданъ былъ имъ и роли Жадова; тѣмъ не менѣе, благодаря самой сущности этой роли, онъ былъ награжденъ бурными рукоплесканіями зрителей.

Спектакль, согласно программѣ, завершился дивертисментомъ, который ознаменовался, между прочимъ, довольно характернымъ для того времени скандаломъ. Надо сказать, что за кулисами у насъ устроено было буфетъ для угощенія участниковъ представленія. Дамы пили чай и кушали фрукты, мужчины принесли преимущественно напитки и закуску. Въ числѣ участниковъ дивертисмента находился одинъ изъ весьма небезъизвѣстныхъ въ ту пору поэтовъ, любезно согласившійся прочесть одно изъ своихъ стихотвореній. Поэтъ этотъ, къ сожалѣнію, принадлежалъ къ многочисленной тогда группѣ литераторовъ-алкоголиковъ, не только не стыдившихся своего недуга, но даже какъ будто щеголявшихъ выставленіемъ его напоказъ. Онъ пріѣхалъ къ намъ въ гимназію вполпьяна и, конечно, тотчасъ же пристроился къ бутылкамъ у буфета: пилъ-пилъ, даже не закусывая, и къ тому времени, когда пришла пора выходить ему на сцену, оказался пьянъ, какъ сапожникъ. Какъ ни старались распорядители спровадить его домой, онъ, съ шумомъ и попозновенiemъ къ буйству, ворвался на сцену. Я какъ сейчасъ помню этотъ отвратительный эпизодъ. Ослѣпленный свѣтомъ лампъ, пьяный поэтъ остановился посрединѣ сцены и нѣсколько мгновеній молча смотрѣлъ осоловѣлыми глазами на публику, какъ-бы соображая, куда онъ попалъ. Зрители въ недоумѣніи притихли; всѣ бывшіе за сценой съ тревоговою приникли къ щелямъ въ кулисахъ. Поэтъ постоялъ, пошатываясь, потомъ громко икнулъ и вдругъ, взмахнувъ рукою, началъ декламировать заплетающимся языкомъ что-то безсвязное.

— Занавѣсь! — трагическимъ шепотомъ командовали за сценою растерявшіеся распорядители.

— Н-не надо! Погоди! — крикнулъ поэтъ и, жестикулируя, сѣлъ на полъ.

Пока спускали занавѣсь, онъ успѣлъ, среди общаго смущенія, довольно громко и отчетливо продекламировать:

„Одѣяло сбито... свернуто въ комокъ...
Съ головы свалился шелковый платокъ“...

Но тутъ его уже силою убрали со сцены. Изъ залы неслось шиканье и слышались свистки.

По нынѣшнимъ нравамъ, сцена эта должна быть признана чѣвроятною; но я не выдумалъ ее и изобразилъ все такъ, какъ было въ дѣйствительности. Повторяю, среди тогдашніхъ литераторовъ была многочисленная группа алкоголиковъ, и пьянство ихъ, даже публичное появленіе ихъ въ пьяномъ видѣ, весьма многихъ тогда нисколько не шокировало. Я не хочу называть именъ, потому что имѣю въ виду не обличеніе, а только обрисовку нѣкоторыхъ чертъ той удивительной поры, когда въ одномъ и томъ же человѣкѣ наилучшія стремленія, умъ, порою даже значительный талантъ, могли уживаться съ привычками и нравами дикаря. Нѣсколько далѣе мнѣ придется еще разъ коснуться этой непривлекательной темы; теперь же скажу только, что въ запискахъ моихъ нѣть вымысла.

Вскорѣ послѣ такъ нелѣпо закончившагося театральнаго вечера, устроеннъ былъ у насъ еще и вечеръ музыкально-литературный, съ тою же, какъ и прежде, благотворительною цѣлью. Изъ литераторовъ участвовали въ немъ Некрасовъ, Майковъ, Писемскій и почему-то приглашенный Бенедиктовъ, уже задолго передъ тѣмъ выслушенный Добролюбовымъ съ его прежней литературной позиціей. Въ виду существовавшаго тогда почти всеобщаго охлажденія публики къ этому поэту, никто не думалъ, чтобы онъ могъ имѣть успѣхъ на вечерѣ, но вышло наоборотъ. При появлѣніи на эстрадѣ Бенедиктова, маленькаго тщедушнаго, франтовато одѣтаго старичка съ гладко зачесанными впередъ височками, въ залѣ послышались лишь очень жидкія рукоплесканія, какія обыкновенно расточаются публикою изъ простой вѣжливости; но когда онъ съ паѳосомъ прочиталъ выбранное имъ небольшое стихотвореніе, зала огласилась бурными кликами одобренія и аплодисментами: стариkъ подкупилъ слушателей какъ пламенемъ своей декламаціи, такъ и темою прочитанной вещицы. Въ стихахъ, сколько помню, говорилось о томъ, что на смѣну старымъ бойцамъ пришли новые, молодые, которымъ поэтъ и говоритъ въ послѣдней строкѣ: «шагайте черезъ наасъ!» Къ такому призыву, конечно, не могла не отнестиъ сочувственно тогдашняя публика, возлагавшая необыкновенные надежды на «молодое поколѣніе». Особенно неистово кричали въ залѣ мы, гимназисты, принявшиѣ возглазъ Бенедиктова прямо на свой счетъ. Поэтъ былъ видимо растроганъ горячимъ приемомъ, котораго, быть можетъ, не ожидалъ, и съ поклонами на всѣ стороны, пятясь, удалялся съ эстрады среди общаго шума.

Потомъ мы увидѣли на эстрадѣ плотную, тяжеловѣсную фигуру Писемскаго. Онъ какъ-то мужиковато сѣлъ за поставленный для него столикъ съ традиціонными при публичныхъ чтеніяхъ двумя свѣчами въ высокихъ подсвѣчникахъ и, развернувъ книгу, прочелъ отрывокъ изъ какой-то своей повѣсти. Читалъ онъ грубымъ голосомъ и имѣя строгій видъ, но оттѣнки разговоровъ своихъ персонажей передавалъ мастерски; окончивъ же чтеніе, самъмъ спокойнымъ образомъ поднялся со стула и, мало обращая вниманія на рукоплесканія, ушелъ какъ-бы чѣмъ-то недовольный.

Некрасовъ и Майковъ, читавшіе нѣсколько позже, по окончаніи различныхъ вокальныхъ и инструментальныхъ нумеровъ программы, оказались декламаторами двухъ совершенно несходныхъ между собою школъ. Майковъ, прочитавшій, сколько мнѣ помнится, свое извѣстное стихотвореніе «Полѣ», увлекъ всю залу пыломъ и энергией своей декламаціи; онъ не пѣлъ, не подывалъ на тѣхъ словахъ и фразахъ, которымъ требуется придать особенную выпуклость, т. е. не впадалъ въ шаржировку, свойственную декламаторамъ, лишеннымъ чувства эстетической мѣры. Съ другой стороны, онъ не читалъ стиховъ, какъ прозу, съ остановками на точкахъ среди стиха на столько продолжительными, что для слушателя утрачивается возможность наслаждаться плавностью, какъ-бы музыкальностью пьесы и звучностью рифмъ. Такая шероховатая манера чтенія была, какъ извѣстно, свойственна Полонскому, декламація котораго производила мѣстами такое впечатлѣніе, будто чтецъ либо заикнулся, либо споткнулся. У Майкова же, при отсутствіи какъ излишней пѣвучести, такъ и спотыканія, каждое слово выдѣлялось съ надлежащею полнотой, а между тѣмъ стихи оставались стихами, не сбиваясь на прозу. Что касается Некрасова, то его чтеніе нельзя было назвать декламаціей. Не говоря о томъ, что уже въ тотъ вечеръ, когда мнѣ впервые довелось слышать его, голосовыя средства его были подточены болѣзнью и говорилъ онъ сиплымъ голосомъ, самая манера его поражала однообразіемъ и унылою монотонностью. Ни пониженій, ни повышеній тона, все ровно, одинаково, какъ шорохъ песку подъ колесами медленно движущагося воза. На нашемъ вечерѣ Некрасовъ прочиталъ свое стихотвореніе на смерть Добролюбова, которое, конечно, многіе еще помнятъ:

„Я покинулъ кладбище унылое,
Но я мысль мою тамъ позабыть:
Подъ землею въ гробу пріютлася
И глядить на тебя, мертвый другъ“ и т. д.

Къ такой вещи и манера, и слабый голосъ Некрасова, пожалуй, подходили: они, въ параллель самой темѣ, вызывали въ слушателяхъ скорбное, кладбищенское настроеніе. Но достаточно представить себѣ,

что такимъ же могильнымъ тономъ были бы прочитаны строфы, полныя огня и энергіи, и несостоятельность некрасовской манеры выкажется сама собою.

Музыкально-литературный вечеръ нашъ, говоря вообще, прошелъ блестяще. Огромный успѣхъ имѣли пѣвицы-любительницы, которыхъ, помимо прекрасныхъ голосовъ, публика горячо привѣтствовала преимущественно за самый фактъ появленія ихъ на подмосткахъ. Въ ихъ лицѣ чествовалася либеральной починъ особь, порвавшихъ связь съ недавнимъ еще нелѣпымъ предразсудкомъ, признававшимъ сценическую дѣятельность унизительною. Давно ли для актрисъ закрыты были двери въ «порядочные» дома, а на воспитанницъ Театрального училища смотрѣли какъ на дѣвушекъ, которыхъ сама судьба предназначила для карьеры наложницъ? И вотъ являются дамы и дѣвицы изъ вполнѣ «порядочнаго» круга, которая смѣло—даже не подъ тремя звѣздочками, а съ пропечатаніемъ полной фамиліи на афишѣ—выступаютъ публично на подмосткахъ! Это была одна изъ перчатокъ, которая въ то время бросаемы были новымъ временемъ старому; тогдашняя чуткая публика цѣнила это.

Успѣху вечера немало способствовалъ также и юный актеръ Ив. Фед. Горбуновъ, уже успѣвшій въ то время создать себѣ извѣстность рассказами изъ народнаго быта, вызвавшими вскорѣ, какъ уже было сказано, множество подражателей. Рассказы его, частью появившіеся потомъ въ печати, дышали здоровымъ юморомъ и обличали въ авторѣ тонкую наблюдательность; но особенный, какъ говорится, «смакъ» они получали въ устной передачѣ самого Горбунова. Лицо его, очень заурядное, изъ тѣхъ, какія часто встрѣчаются среди смыщленыхъ простолюдиновъ, обладало необычайною подвижностью; благодаря этому, а также умѣнію соотвѣтственно распоряжаться своими тѣлодвиженіями, Горбуновъ мастерски воспроизводилъ разнообразнѣйшіе типы. При этомъ природа надѣлила его настолько гибкимъ голосомъ, что еслибы прослушать съ закрытыми глазами какую-нибудь изъ его сценъ, гдѣ идетъ разговоръ въ толпѣ, слушателю едва ли повѣрилось бы, что передъ нимъ говорить всего одинъ человѣкъ. Переходы отъ одного голоса къ другому не представляли для Горбунова никакой трудности, такъ что непосредственно вслѣдъ за фистулой какого-нибудь мастерового до уха слушателей доходилъ сплюснутый басъ городового, убѣждающаго толпу разойтись, а городового почти на полусловѣ перебивалъ уже новый голосъ, не похожій на прежніе. Впослѣдствіи извѣстность этого талантливаго разскაщика еще болѣе упрочена была созданіемъ имъ типомъ резонера генерала Дитятіна; но рѣчей Дитятіна мнѣ, къ сожалѣнію, не доводилось слышать лично отъ Горбунова.

IX.

Первые шаги по выходѣ изъ гимназіи.—Частные кружки; ихъ карикатурная сторона.—Увлеченія и разочарованіе.

Выше уже было говорено, что наша гимназія, по внутреннему своему строю, была не хуже, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже лучше другихъ. Тѣмъ не менѣе, она ни въ одномъ изъ нась не возбудила привязанности къ себѣ, и уже одно это является осуждающимъ приговоромъ ей, какъ воспитательному заведенію. Получивъ на руки аттестаты объ окончаніи курса, мы безъ сожалѣнія покинули гимназическое зданіе, чтобы уже никогда больше не заглядывать въ него. Взаимная связь наша прекратилась такъ же прозаически, какъ прекращаются чисто дѣловыя отношенія. Обѣ стороны какъ-бы исполнили нѣчто въ родѣ договора: мы терпѣливо высидѣли въ гимназіи семь лѣтъ, она, съ своей стороны, снабдила нась аттестатами—и дѣло съ концомъ. Никакихъ такъ-называемыхъ «телячьихъ нѣжностей», въ родѣ теплого напутствія выбывающему на волю юношеству, доброго совѣта на дорогу и проч., не было: просто—ступайте, моль, и разбирайтесь сами, какъ знаете, въ житейской гуще!

И вотъ мы стали разбираться.

Прежде всего, по традиції, устроили въ складчину прощальное товарищеское пиршество въ скромной кухмистерской. Были, пили, говорили рѣчи, приличныя вольнымъ людямъ, и, прогулявъ рубля по три на человѣка, разошлись по домамъ въ самомъ приподнятомъ настроеніи и въ увѣренности, что будущее Россіи въ нашихъ рукахъ. Никто изъ нась и не подумалъ бы тогда, что руки-то у нась коротки.

Университетъ въ тотъ годъ стоялъ закрытый, вслѣдствіе предшествовавшихъ безпорядковъ; поэтому намъ предстоялъ продолжительный досугъ. Кто могъ, пользовался имъ для чтенія всяческихъ книгъ и журналовъ, кто не могъ, тотъ старался пріискать себѣ какое-нибудь хлѣбное занятіе—уроки, переписку или переводы, такъ какъ ничего другого дѣлать мы не умѣли. Нѣкоторые, чтобы не терять года, рѣшили поступить въ другія высшія учебныя заведенія. Но и тѣ, и другіе, и третыи особенно страстно бросились въ разговоры, причемъ многимъ довольно скоро удалось выработать въ заправскихъ говоруновъ и настолько обнаглѣть, чтобы непрекращающи рѣшать сплеча самые сложные вопросы. Надо замѣтить, что подобные говоруны пользовались въ то время въ извѣстныхъ кружкахъ нѣкотораго рода почетомъ: легковѣрные люди принимали ихъ шумное краснобайство за чистую монету, не допуская даже мысли, чтобы за красивыми фразами могъ скрываться просто

пустой болтунъ. Я далекъ отъ намѣренія бросить камнемъ въ лучшую, серезную часть тогдашняго общества, давшую немалое число вполнѣ почтенныхъ дѣятелей на разнообразныхъ поприцахъ, но не вижу надобности умалчивать и обѣ обратной сторонѣ медали, затушевывать каррикатурную сторону петербургскаго настроенія той эпохи. Безъ каррикатуры же дѣло не могло обойтись уже потому, что тогдашнее общественное движение, разлившись очень широкою волной, вынесло на поверхность немало незрѣлыхъ и несерезныхъ элементовъ. Они-то (выражаясь цвѣтисто) и составили ту мутную вакиль на варившемъ великия реформы котлѣ, которая впослѣдствіи сослужила такую хорошую службу реакціонной партіи. Эту каррикатурную сторону эпохи общественнаго пробужденія составляли образовавшіеся тогда въ Петербургѣ, въ значительномъ числѣ, кружки и собранія для пустопорожнихъ разговоровъ. Въ разныхъ домахъ съѣзжались въ опредѣленные дни люди, нерѣдко даже недостаточно близко знакомые съ хозяевами, и «дѣлились мыслями» по современнымъ вопросамъ. Почти всѣ дни недѣли были разобраны: у кого собирались по воскресеньямъ, у кого по вторникамъ, у кого по субботамъ, такъ что праздному человѣку, любящему поговорить, можно было хоть каждый вечеръ проводить въ гостяхъ. Въ этомъ, конечно, еще не было ничего дурного, тѣмъ болѣе, что существовали дома, въ которыхъ дѣйствительно собиралось дѣльное и трезвое общество, соотвѣтственно чему и происходившій тамъ обмѣнъ мнѣній могъ только способствовать умственному подъему присутствовавшихъ. Но значительное, если не большее, число тогдашнихъ собраній, впослѣдствіи получившихъ название «говориленъ», походило просто на забаву досужихъ людей. Два-три такихъ кружка мнѣ довелось наблюдать довольно близко; не называя лицъ, я попытаюсь обрисовать, въ общихъ чертахъ, эти собранія въ томъ видѣ, въ какомъ они запечатлѣлись въ моей памяти. Прибавлю кстати, что въ консервативныхъ кружкахъ я не бывалъ и характера ихъ не знаю, а потому и буду говорить только о либеральныхъ или, вѣрнѣе, о якобы-либеральныхъ или, пожалуй, даже просто безтолковыхъ.

Обыкновенный ходъ дѣлъ на подобныхъ собраніяхъ бывалъ таковъ: въ назначенный разъ навсегда день, хозяинъ закупалъ сыру, колбасы, сардинъ или иныхъ закусокъ, смотря по средствамъ, и часовъ съ девяти вечера начиналъ поджидать гостей. Хозяйка, въ большинствѣ случаевъ, даже при скучныхъ средствахъ мужа, не принимала участія въ хозяйственныхъ хлопотахъ, такъ какъ не считала такихъ мелочей заслуживающими вниманія «развитой» женщины (а какая же женщина не считала себя тогда развитою?). Устройство банкета возлагалось на прислугу, а прислуга чаще всего бывала изъ дешевыхъ, простая деревенская дѣвушка съ весьма невысокими понятіями о чистоплотности.

Это, конечно, не особенно выгодно отражалось на сервировкѣ стола: на немъ появлялись исцарапанный отъ чистки пескомъ тусклый самоваръ, далеко не безукоризненной чистоты чайная и иная посуда и грубо, какъ для судорабочихъ, нарѣзанныя колбаса, селедка и проч. Впрочемъ, и гости не бывали особенно требовательны; по тогдашней либеральной модѣ, большинство интеллигентіи прямо бравировало неряшествомъ. Юноши ходили нестриженными и нечесанными, потому что имъ «некогда» было заниматься такими пустяками; по той же причинѣ дѣвушки демонстративно не мыли себѣ шею по цѣлымъ мѣсяцамъ и нимало не заботились о чистотѣ костюма. Странно было то, что одна и та же причина вызывала два совершенно противоположныхъ результата у молодыхъ людей двухъ половъ: юноши, за недосугомъ, отпускали себѣ длинные волосы, а дѣвушки, напротивъ, остригались въ скобку — и тоже за недосугомъ. Но подобный вздоръ оставался тогда незамѣченнымъ, и примѣру дѣвицъ вскорѣ начали подражать пожилыя дамы, на склонѣ лѣтъ внезапно замѣтившія, что коса мѣшаетъ имъ «заниматься».

Мало-по-малу квартира наполнялась или даже переполнялась посѣтителями всѣхъ возрастовъ. За недостаткомъ мебели размѣщались гдѣ случится: на подоконникахъ, на отнятой у прислуги табуреткѣ, на письменномъ столѣ хозяина, и вообще держали себя непринужденно. Шумъ, говоръ, смѣхъ не прерывались ни на минуту; общество тѣ окружало какого-нибудь оратора, среди облаковъ табачнаго дыма произносившаго заглушаемую общимъ движенiemъ рѣчъ, тѣ разбивалось на группы, причемъ шумъ становился оглушительнымъ. Въ одномъ углу кто-нибудь читалъ вслухъ отрывки изъ послѣдняго русскаго заграницнаго листка, въ другомъ декламировалось безцензурное стихотвореніе, въ третьемъ съ азартомъ, свойственнымъ русскому человѣку (которому, какъ известно, и споръ не въ споръ, если онъ безъ крика), дебатировались тѣ или другие отвлеченные или общественные вопросы. Иной изъ посѣтителей, заранѣе обдумавшій шансы подготовленного имъ эфекта и все время переходившій отъ одной группы къ другой съ загадочной улыбкой, внезапно — но такъ, чтобы всѣ видѣли — удалялся въ переднюю, откуда черезъ минуту возвращался съ печатнымъ листкомъ въ рукѣ. Листокъ этотъ — конечно, безцензурный — онъ мужественно носилъ съ собою, тая его подъ стелькою калоши до востребованія. Въ нѣкоторыхъ кружкахъ постоянно встрѣчались двѣ-три фигуры въ русскихъ боярскихъ костюмахъ; такие костюмы были носимы тогда даже лицами, имѣвшими вовсе не русскія фамиліи. Это дѣлалось въ подражаніе извѣстному изслѣдователю отечественной старины Хмырову, щеголявшему въ цвѣтной шелковой рубашкѣ и бархатныхъ шароварахъ. Встрѣчались и люди, одѣтые по-крестьянски, наподобіе другого извѣст-

наго писателя, Якушкина, носившаго совсѣмъ простонародное одѣяніе. Всегда можно было встрѣтить здѣсь и нѣсколькихъ литераторовъ, преимущественно изъ разряда алкоголиковъ, о которыхъ я уже упоминалъ ранѣе. Изъ нихъ мнѣ чаще всего доводилось видѣть двухъ братьевъ Ш., рѣдко бывавшихъ трезвыми. Оба были талантливы и умны; одинъ пользовался извѣстностью, какъ недурной беллетристъ, другой писалъ иностранное обозрѣніе въ «толстомъ» журналѣ, но оба были горькими пьяницами, нѣсколько разъ допивались до бѣлой горячки и умерли потомъ въ ужаснѣйшей обстановкѣ въ какихъ-то трущобахъ. Одного изъ нихъ—того, что писалъ иностранная обозрѣнія—мнѣ довелось однажды, нѣсколько лѣтъ спустя, встрѣтить зимою, въ трескучій морозъ, на Сѣнной, въ ужасномъ видѣ: засунувъ окоченѣвшія руки въ карманы брюкъ и весь съежившись отъ холода, онъ пробирался черезъ площадь рысцою; все одѣяніе его состояло изъ фуражки съ порваннымъ козырькомъ, порыжѣлаго фрака, видимо съ чужого плеча, и галопѣ, надѣтыхъ на босую ногу. Несчастный недугъ обоихъ этихъ писателей не препятствовалъ имъ, однако, пользоваться радушнымъ пріемомъ во многихъ домахъ. Какъ уже было сказано, пьянство не ставилось тогда въ вину интеллигентному человѣку. Быть даже одинъ стихотворецъ, человѣкъ весьма даровитый, но размѣнявшийся на мелочь, который открыто похвалялся тѣмъ, что не можетъ писать иначе, какъ въ состояніи опьяненія—и ничего: въ иныхъ домахъ онъ былъ желаннымъ гостемъ. Трудно подыскать объясненіе такому тогдашнему взгляду на пьянство, но, если не ошибаюсь, дѣло заключалось въ ошибочной оцѣнкѣ причинъ этого порока. Предполагалось, что человѣкъ прибѣгаеть къ вину не вслѣдствіе безхарактерности и внутренней дряблости, а потому, что окружающая дѣйствительность слишкомъ угнетаетъ его умъ, который и вынужденъ искать забвенія въ одурманеніи. Про литератора-пьяницу говорили тогда: «При его впечатлительности, онъ не можетъ равнодушно переносить господствующаго въ мірѣ зла». При этомъ упускали, однако, изъ вида, что быть равнодушнымъ зрителемъ зла нѣтъ никакой надобности, а если требуется бороться съ нимъ то ужъ, во всякомъ случаѣ, не пьянствомъ. Оставляли безъ вниманія также и то соображеніе, что, потакая пьянству во имя впечатлительности натуры, можно было логически дойти до утвержденія, что чѣмъ впечатлительнѣе человѣкъ, тѣмъ большее количество спиртныхъ напитковъ должно ему требоваться.

Какъ бы ни было, присутствіе пьяныхъ было въ ту пору не только терпимо на вечеринкахъ, но даже мало кого шокировало. Само собою разумѣется, что людямъ, пьянствовавшимъ «отъ впечатлительности», охотно подражали многіе, никакою впечатлительностью не обладавшіе, но желавшіе этимъ способомъ засвидѣтельствовать свою «близость къ

народу», который, какъ извѣстно, тоже не прочь отъ вышивки. Слово «народъ» вообще не сходило тогда съ языка у всѣхъ говоруновъ, начиная отъ недавнихъ откупщиковъ, высосавшихъ изъ крестьянскаго населенія миллионы, и кончая помѣщиками, выдѣлившими крестьянамъ негодные для обработки земельные надѣлы. О народѣ же разлагольствовали на всѣ лады и либеральные петербургскіе чиновники, и мы, зеленая молодежь, большую частью въ глаза не видавши деревни. Все «народное» вдругъ сдѣлалось всѣмъ чрезвычайно милымъ и «мужички» (какъ называли тогда крестьянъ) обратились въ идеальныя созданія. Начавшееся вскорѣ послѣ того «хожденіе въ народъ» слишкомъ ясно показало, однако, что, при всей нашей нѣжности къ «мужичку», между нимъ и нами лежитъ зияющая пропасть и что понять другъ друга мы не можемъ, потому что говоримъ на разныхъ языкахъ. А мы-то, отуманные нашими теоретическими выводами, на которые мы были такие мастера, полагали, что «мужички» только того и ждутъ, чтобы вышли впередъ мы, бойцы за право и справедливость, и повели ихъ за собою!

Разговоры начинались за чаемъ, не прерывались въ теченіе всего вечера и достигали кульминаціоннаго пункта послѣ закуски. Къ этому времени всеобщее возбужденіе бывало обыкновенно уже настолько велико, что требовало выхода въ усиленныхъ тѣлодвиженіяхъ: начинались танцы подъ плохенькое фортепіано, отъ времени до времени смѣнявшіеся пѣніемъ. Отъ исполнителей требовалась не столько изящная передача данной пьесы, сколько «идейность» выбора: надо было, чтобы пьеса была непремѣнно съ гражданскою начинкой, какъ будто дѣло шло не о пріятномъ препровожденіи времени, а о пробужденіи въ слушателяхъ цивическихъ чувствъ. Нужды нѣть, что вся «идейность» извѣстной вещицы не стоила ломанаго грона и ни для кого не была новостью—содержанію всегда отдавалось предпочтеніе передъ формою. Исполненіе, хотя бы даже плохое, какихъ-нибудь стишковъ, похожихъ на отрывки изъ передовыхъ статей, положенные на музыку, цѣнилось выше художественно спѣтаго поэтическаго романса, въ которомъ не было гражданскаго элемента. Если же такие романсы и бывали исполнены, то развѣ только съ сатирическою цѣлью скопировать какого-нибудь изъ современныхъ извѣстныхъ пѣвцовъ. Невозможно, конечно, предположить, чтобы подобное отношеніе къ искусству раздѣлялось всѣми участниками вечеринокъ, особенно изъ «стараго поколѣнія» (т. е. въ возрастѣ свыше 40 лѣтъ); но едва-ли будетъ ошибкою, если предположить, что многіе лукавили и не высказывали своего мнѣнія, чтобы не прослыть «отсталыми». При такихъ условіяхъ неудивительно, что успѣхъ выпадалъ порою на долю людей самой посредственной даровитости и только кружилъ имъ голову, развивая въ нихъ преувеличи-*

ченное представление о собственныхъ силахъ. Всего комичнѣе было то, что подобнымъ собраниемъ участники ихъ придавали серьезное общественное значеніе: они видѣли въ нихъ одно изъ средствъ служенія прогрессу. Неудивительно, что при такомъ взглядѣ на дѣло многіе, уходя съ вечеринки, уносили съ собою сознаніе исполненнаго гражданскаго долга. Все это достаточно свидѣтельствуетъ о нашемъ тогдашнемъ недомысліи и о нашей склонности создавать себѣ миражи, въ чемъ, наравнѣ съ извѣстною частью взрослыхъ, были повинны и мы, юноши того времени, которымъ средняя школа не дала мѣрки для сужденія о житейскихъ дѣлахъ.

Мѣрка эта начала слагаться у каждого изъ насть лишь впослѣдствії, когда, подъ вліяніемъ усилившагося консервативнаго теченія, многіе недавніе либералы неожиданно обратились въ чистѣйшей воды консерваторовъ. Для насть это было первымъ разочарованіемъ, за которымъ послѣдовалъ рядъ другихъ. Въ началѣ мы приписывали происшедшую въ нашихъ недавнихъ единомышленникахъ перемѣну ихъ «измѣнѣ убѣжденіямъ» и только потомъ разгадали, что и измѣнить-то имъ было нечemu, такъ какъ люди эти были просто говорильными машинками и умѣли лишь поворачивать носъ по вѣтру.

A. P.

(П р о д о л ж е н і е слѣдуетъ).

Письма В. А. Жуковского къ великой княгинѣ Александрѣ Феодоровнѣ изъ первого его заграничнаго путешествія въ 1821 году¹⁾.

3¹⁾.

(Карлсбадъ, 23-го іюля (5-го іюля) — 29-го іюня (10-го іюля) 1821 г.).
Карлсбадъ, 23 іюня (5 іюля).

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ описывалъ я вашему императорскому высочеству путешествіе мое по Саксонской Швейцаріи. Теперь буду имѣть честь представить вамъ отчетъ въ остальной моей дрезденской жизни. Я познакомился въ Дрезденѣ съ нѣкоторыми интересными людьми, но буду говорить вашему высочеству только о двухъ, о Фридрихѣ²⁾ и Тикѣ³⁾.

¹⁾ Извлеченія изъ этого письма были первоначально напечатаны: 1) въ „Московскомъ Телеграфѣ“ 1827 года, часть XIII, отдѣленіе первое, стр. 20—32, подъ заглавіемъ „Отрывокъ изъ письма о Саксонії“ (см. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е, т. V, стр. 438—445) и 2) въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1824 г., стр. 241 — 249, подъ заглавіемъ „Рафаелева Мадонна“ (см. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 8-е, т. V, стр. 445 — 449). — Не лишнимъ будетъ замѣтить, что П. А. Ефремовъ ошибочно указывалъ, будто „Огрызокъ изъ письма о Саксонії“ (Соч. Жуковскаго, т. V, стр. 438—445), находящійся въ настоящемъ письмѣ, составляетъ извлеченіе изъ письма Жуковскаго къ великой княгинѣ отъ 17-го (29-го) іюня 1821 года (см. тамъ же, стр. 445 и 543). Добавимъ, что въ экземплярѣ XIII-й части „Московскаго Телеграфа“ за 1827 годъ, принадлежащемъ Императорской Публичной Библиотекѣ, въ началѣ „Отрывка изъ письма о Саксонії“ (стр. 20), рукою князя П. А. Вяземскаго карандашомъ написано: „Мною доставлено“.

²⁾ Живописецъ Фридрихъ (о немъ см. „Русскую Старину“ 1901 г., октябрь, стр. 238, примѣчаніе).

³⁾ Людвигъ Тикъ (Tieck, р. 1773 † 1853), извѣстный поэтъ и критикъ одинъ изъ главнѣйшихъ представителей романтизма въ Германіи.

Кто знаетъ Фридриховы туманныя картины и по этимъ картинамъ, изображающимъ природу съ одной только мрачной ея стороны, вздумаетъ искать въ немъ задумчиваго меланхолика съ блѣднимъ лицемъ, съ поэтическою мечтательностю въ глазахъ, тотъ ошибется. Лице Фридриха не поразить никого, кто съ нимъ встрѣтится въ толпѣ; это сухощавый, средняго роста человѣкъ, бѣлокурый, съ бѣлыми бровями, нависшими на глаза; отличительная черта его физіономіи есть простодушіе; таковъ онъ и характеромъ: простодушіе чувствительно во всѣхъ его словахъ; онъ говорить безъ краснорѣчія, но съ живостію искренности и чувства, особливо когда коснешься до любимаго его предмета, до природы, съ которой онъ какъ семьянинъ; но онъ говорить объ ней такъ же, какъ ее изображаетъ, безъ мечтательности, а съ оригинальностю: и въ картинахъ его нѣтъ ничего мечтательнаго; напротивъ, онъ нравится своею вѣрностію, ибо каждая возбуждаетъ въ душѣ воспоминаніе о чёмъ-то знакомомъ; если находишь въ нихъ болѣе того, что видѣть глаза, то этому та причина, что живописецъ смотрѣлъ на природу не какъ артистъ, который въ ней ищетъ только образца для кисти, а какъ человѣкъ съ чувствомъ и воображеніемъ, который повсюду находитъ въ ней символъ человѣческой жизни. Фридрихъ мало заботится о правилахъ искусства: онъ пишетъ свои картины не для знатоковъ живописи, а для друзей его образца, природы; критики могутъ имъ быть недовольны, но лучшій изъ критиковъ, непредубѣжденное чувство, всегда на его сторонѣ. Онъ такъ же точно и судить о чужихъ картинахъ: я нѣсколько разъ былъ съ нимъ вмѣстѣ въ галерѣ; смотря на многія картины, онъ не умѣлъ назвать мнѣ живописцевъ, и вообще все то, что заключается въ учебныхъ книгахъ о живописи, мало ему знакомо: за то во многихъ картинахъ находилъ онъ такія красоты или недостатки, которые только тому, кто заглянулъ въ учебную книгу природы, могутъ быть примѣтны. Я нашелъ у него нѣсколько начатыхъ картинъ—одну изъ нихъ вѣрно было бы пріятно вамъ имѣть; она можетъ служить дополненіемъ той, которую вы уже имѣете: лунная ночь; небо было бурно, но буря миновалаась, и всѣ облака сбѣжались на отдаленный горизонтъ, оставивъ полнеба уже совершенно чистымъ; луна стоять надъ самыми тучами, и ихъ края освѣщены ея блескомъ; море тихо низкій берегъ усыпанъ камнями; на берегу якорь; вдали на самомъ краю моря виденъ парусъ бѣгущаго къ берегу корабля (это въозвращаються на родину тѣ, которые на вашей картинѣ ее покидаютъ)—его ждутъ! Двѣ молодыя женщины сидятъ на камняхъ и смотрять на далекій парусъ съ спокойною надеждою; двое мужчинъ, болѣе нетерпѣливыхъ въ своей надеждѣ, перепрыгнули черезъ первые камни и стоять нѣсколькими шагами ближе къ кораблю, посреди воды и смотрятъ также въ даль; передъ ними еще нѣсколько камней, но до нихъ уже допрыгнуть невозможно—эта картина только что начата; но рисунокъ прекрасный—просто

и выразительно! Она вдвое больше вашей; я спросилъ о цѣнѣ—сто червонѣцъ! Фридриху теперь задана задача: кому-то хочется имѣть двѣ картины; на одной должна быть изображена южная природа въ ея роскошной и величественной прелести; на другой природа съ вѣра во всей красотѣ ея ужасовъ—послѣднюю взялся написать Фридрихъ; но онъ еще самъ не знаетъ, что напишетъ; ждетъ минуты вдохновенія, которое (по его словамъ) приходитъ къ нему иногда во снѣ. Я такъ скоро и коротко познакомился съ Фридрихомъ, и онъ такъ показался мнѣ сродни, что я предложилъ было ему ѻхать вмѣстѣ со мною въ Швейцарію—моихъ денегъ достало бы на двоихъ,—но онъ мнѣ отказалъ и еще болѣе понравился своимъ отказомъ. «Вы хотите имѣть меня съ собою (отвѣчалъ онъ мнѣ), но тотъ я, который вамъ нравится, съ вами не будетъ! Я долженъ остаться одиный и знать, что я одиный, чтобы разглядѣть и почувствовать природу вполнѣ; я долженъ отдаться тому, что меня окружаетъ, слиться съ моими облаками и утесами, чтобы быть тѣмъ, что я есмь. Одиночество необходимо мнѣ для разговора съ природою: однажды случилось мнѣ прожить цѣлую недѣлю въ Оттовальде-Grund между утесами и елями, и во все это время не встрѣтилъ я ни одного живаго человѣка; правда, такой методы не присовѣтую никому—and для меня было это уже излишествомъ: невольно мрачность заходить въ душу. Но это же должно доказать вамъ, что мое товарищество не можетъ ни для кого быть пріятно!».

Послѣ Фридриха надо описать Тика. Онъ имѣть важную, но прекрасную наружность; въ молодости вѣрно былъ онъ красавецъ; теперь ему должно быть около 50-ти лѣтъ: человѣкъ посредственного роста, довольно толстый; въ лицѣ нѣть ничего разительного, но это лицо всегда замѣтишь: во всѣхъ чертахъ какое-то приятное согласіе; глаза, не имѣя ни особеннаго блеска, ни быстроты, весьма выразительны: въ нихъ есть мечтательность Штернбальда¹⁾; и вообще видишь въ Тикѣ человѣка мыслящаго, но котораго мысли болѣе принадлежать его собственному, идеальному миру, нежели существенности. Это поэтическая сторона Тика—вотъ прозаическая: онъ безпрестанно страдаетъ ревматизмомъ, ходить согнувшись и едва можетъ передвигать ноги. Въ первое мое свиданье съ нимъ мы немного поспорили: онъ обожатель Шекспира, и можетъ быть никто изъ самихъ англичанъ не понимаетъ Шекспирова духа такъ, такъ онъ. Я признался ему въ своемъ грѣхѣ, сказалъ, что chef-d'oeuvre Шекспира Гамлетъ кажется мнѣ чудовищемъ, что я никакъ не могу найти въ немъ того глубокаго смысла, который находится

¹⁾ Дѣйствующее лицо романа Тика „Franz Sternbalds Wanderungen“, вышедшаго въ свѣтъ въ 1798 году.

въ немъ Шлегель¹⁾: онъ видить въ его непонятности всю человѣческую судьбу съ ея загадками; такимъ образомъ легко изъяснить нелѣпости, и мнѣ кажется, что тѣ, кто столь много видятъ въ Гамлеть, доказываютъ тѣмъ болѣе собственное богатство мыслей и воображенія, нежели его превосходство. «Но въ томъ-то и привилегія генія (сказалъ мнѣ Тикъ), что онъ, безъ ясной мысли и не назначая себѣ наперѣдь дороги, по одному естественному стремленію вдругъ доходитъ до того, что другое медленнымъ размышеніемъ по слѣдамъ его открываютъ. Чувство, которому онъ повинуется, есть темное, но вѣрное; онъ вдругъ подымается на высоту и, стоя на ней, служить для другихъ свѣтлымъ маякомъ, которымъ они руководствуются на невѣрной своей дорогѣ!»—Это прекрасно и справедливо вообще, но право не знаю, какъ примѣнить это къ Гамлету!—Тикъ нѣмецкій Плещеевъ²⁾: онъ прекрасно читаетъ драматическія сочиненія. Я просилъ, чтобы онъ прочиталъ мнѣ Гамлета и чтобы послѣ чтенія сообщилъ подробнѣ свои мысли обѣ этомъ чудесномъ уродѣ. Онъ далъ мнѣ слово, и я, по окончаніи моего путешествія по Швейцаріи Саксонской, явился къ нему опять. Въ первое мое посѣщеніе нашелъ я его одного съ какою-то пожилою дамою, которую принялъ за его жену, потому что она хозяйничала и меня угощала: но это была графиня Финкенштейнъ, живущая съ его семействомъ. Во второй разъ нашелъ я ихъ всѣхъ въ сбѣрѣ; жена его кажется женщиной простаго, здраваго ума; обѣ дочери милы, особенно старшая, которая, не будучи красавицею, имѣетъ много пріятнаго: доброе дитя, съ умною простотою, образованностію и женскою скромностію. Это семейство мнѣ понравилось; они приняли меня съ доброжелательствомъ, и во всѣ минуты, которая послѣ я провелъ съ ними вмѣстѣ, былъ я у нихъ, какъ дома, какъ съ домашними знакомцами, и въ Тикѣ я радъ былъ найти то, чего единственno ищу въ людяхъ, уже знакомыхъ мнѣ по таланту: добродушіе. Онъ не могъ читать Гамлета (піеса слишкомъ длинна, а онъ былъ не совсѣмъ здоровъ), но прочиталъ Макбета. Великое искусство! точно живопись въ словахъ; особенно понравились мнѣ въ чтеніи всѣ мѣста ужасныя! Онъ такъ же, какъ Плещеевъ, читаетъ, не называя лицъ, но по голосу и по физіономіи легко можно ихъ всѣхъ узнавать: кажется однако, что въ выраженіи чувства уступаетъ онъ нашему смуглому декламатору³⁾). Въ

¹⁾ Извѣстный критикъ, поэтъ и языковѣдъ Августъ-Вильгельмъ Шлегель (р. 1767†1845).

²⁾ Пріятель Жуковскаго, Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ (р. 1775†1827). Онъ обладалъ сценическими дарованіями, замѣчательною мимикою и прекрасною дикціею. На него обратила вниманіе императрица Марія Феодоровна, пригласившая его къ себѣ въ чтецы.

³⁾ А. А. Плещеевъ имѣлъ смуглый цвѣтъ лица и черные волосы, почему

другой разъ читалъ онъ мнѣ Шекспирову комедію *Was Ihr wollt*¹⁾, и въ комическомъ онъ еще лучше, нежели въ трагическомъ; но все Плещеевъ кажется мнѣ забавнѣе, можетъ быть и потому, что французская комедія мнѣ болѣе знакома, нежели Шекспирова. Шекспиръ смѣшилъ рѣзкимъ изображеніемъ характеровъ; но въ шуткахъ его нѣтъ тонкости; по большей части одна игра словъ, и онъ часто оскорбляетъ ими вкусъ. Сверхъ того кажется мнѣ, что Тикъ дошелъ до смѣшнаго искусства: характеръ его болѣе важный, нежели веселый; а нашъ Плещеевъ забавенъ и весель характеромъ: за то въ каждой комедіи онъ, какъ дома; и разныя рожи, которыя во время чтенія появляются на черноватомъ его ликѣ, не стоять ему ничего. Мнѣ жаль было разставаться съ Тикомъ: вѣроятно это навсегда! Онъ обрадовался, когда я ему сказалъ, что вы любите его Штернбальда²⁾ и что въ вашемъ альбомѣ выписано нѣсколько мѣстъ изъ этой книги.

Картинная галлерея. Внутренняя зала. Я видѣлъ въ Дрезденѣ оружейную, собраніе древностей, Менгсовы гипсы³⁾, но видѣлъ мелькомъ, слѣдовательно и говорить обѣихъ не могу. Сожалѣю, что иенасты почти не позволило мнѣ познакомиться съ прелестными скрестностями Дрездена; въ мое пребываніе были ясными только тѣ дни, которые такъ удачно я выбралъ для путешествія въ Тарантъ и по Саксонской Швейцаріи: остальные же почти все были дождливые. Но я воспользовался ими для обозрѣнія картинной галлереи, въ которой былъ разъ шесть—слишкомъ мало, чтобы познакомиться съ нею, какъ должно. Я подходилъ къ этой галлереѣ съ любопытствомъ ожиданія: мнѣ весело было передъ нею остановиться и сказать себѣ, что между мною и лучшимъ созданіемъ Рафаэлева генія одна только стѣна, что разстояніе и препятствія исчезли и что я черезъ минуту увижу глазами то, о чёмъ до сихъ порь слыхало только одно воображеніе. Но при входѣ въ эту галлерею первое чувство, какое въ себѣ замѣчаешь, есть досада неисполненного ожиданія. Думаешь войти во святилище искусства, въ которомъ его уважаютъ, и входишь въ огромный сарай, довольно темный, котораго стѣны загромождены нечистыми картинами въ бѣдныхъ золотыхъ рамкахъ. Маленькия неопрятныя сѣнцы

Жуковскій называлъ его „негромъ“ (см. „Русскую Старину“ 1883 года, томъ XXXVIII, стр. 99 и 106, и т. XXXIX, стр. 235, а также „Русскій Архивъ“ 1900 г., сентябрь, стр. 20). По этой же причинѣ Плещеевъ получилъ въ „Арзамасѣ“, коего онъ былъ членомъ, прозвище „Черный вранъ“.

¹⁾ Какъ вамъ угодно.

²⁾ См. выше, стр. 391, прим.

³⁾ Собраніе гипсовыхъ слѣпковъ съ произведеній античной скульптуры, сдѣланныхъ известнымъ живописцемъ Антономъ-Рафаэлемъ Менгсомъ (1729—1779).

ведутъ прямо въ галлерею; на окнахъ бросаются въ глаза множество шляпъ; безпрестанно нарушаетъ внимание звонъ колокольчика, висящеаго на двери, затворяемой и отворяемой всякую минуту; множество стакновъ для тѣхъ, которые списываютъ картины, стоять въ окнахъ и заслоняеть свѣтъ, и число самихъ картинъ такъ велико въ одномъ мѣстѣ, что внимание невольно приходитъ въ замѣшательство: однѣмъ словомъ, здѣсь все сдѣлано, чтобы помѣшать искусству произвести свое дѣйствіе. Галлерея состоить изъ двухъ огромныхъ залъ—одна въ нутрення, гдѣ италіанская школа, другая наружная, въ которой фламандская и пр. Послѣдняя гораздо обширнѣе первой. Можно сказать, что треть картинъ не существуетъ для зрителя: однѣ повѣшены такъ высоко, что никакое зрѣніе до нихъ не достанетъ; другія висятъ въ простыняхъ, въ темнотѣ, и глаза, ослѣпленные свѣтомъ изъ оконъ, видѣть одну темную холстину съ неясными фигурами въ запачканныхъ золоченыхъ рамкахъ. Вотъ нѣкоторыя картины италіанской школы, на которыхъ успѣль я посмотрѣть съ болѣшимъ примѣчаніемъ. Две головы Спасителя, Гвидо Рени. Одна почти одинакія, но выраженіе лицъ розное: на одномъ страданіе съ покорностю и смиреніемъ, на другомъ то же страданіе, но съ живостю спасающей любви. Обѣ этихъ двухъ картинахъ сказала покойная великая княгиня Екатерина Павловна¹⁾: *L'un souffre, l'autre supporte*²⁾.—И родіада съ головою святаго Иоанна Крестителя, Леонардо да Винчи—прекрасное женское лицо, на которомъ выражается суровость души, не растроганной, но втайне смущенной образомъ мертввой головы Иоанна.—Святая Сесилія, играющая на органахъ, Карло Дольче. Вамъ она извѣстна: это идеаль женской, скромной прелести. Славная Тиціанова Венера—признаюсь въ своемъ преступленіи; эта Венера, несмотря на совершенство живописи, показалась мнѣ холодна, какъ ледъ.—Спаситель съ чашею, Карло Дольче. Это также славная картина; она, кажется, была нѣсколько разъ выгравирована; но дѣйствіе, которое она производить, болѣе механическое, нежели нравственное; оно принадлежитъ болѣе яркимъ ея краскамъ. Стоя передъ нею, по предубѣжденію, силился я себя увѣрить, что въ лицѣ Спасителя, благословляющаго таинственную чашу, точно есть все то, чему въ немъ быть должно въ минуту любви и жертвы, но какое-то темное чувство со мною спорило; наконецъ Фридрихъ рѣшилъ сомнѣніе однимъ словомъ: *Es ist kein Gott der Liebe, es ist ein Heuchler*³⁾. И это правда: искусство безъ души.—Что сказать о Коррежиевой ночи?

¹⁾ Королева Виртембергская (р. 1788†1819).

²⁾ Т. е. Одинъ страдаетъ, другой терпитъ.

³⁾ Т. е. Это не Богъ любви, это лицемѣръ.

Надобно быть живописцемъ или знатокомъ, чтобы вполнѣ ей удивляться! Въ самомъ дѣлѣ, сіяніе, на ней распространенное, есть чудное созданіе кисти: все, что близко Спасителя, освѣщено яркимъ его блескомъ, который безъ лучей кругомъ его разливается; чѣмъ далѣе отъ него, тѣмъ мрачнѣе, и за этимъ ночнымъ мракомъ видна вдали на горизонтѣ полоса утренняго свѣта: удивительная свѣжесть и прозрачность! Но вотъ и все дѣйствіе! Сама же сцена, изображенная на картинѣ, не производить никакого: пастухи не боготворятъ Новорожденного, а смотрѣть на Него съ грубымъ любопытствомъ, ангелы не радуются, а кривляются; одно только лицо Богоматери прекраснѣо.—Здѣсь въ трехъ картинахъ есть полная исторія святой Магдалины. Фра(н)ческини изобразилъ ее въ минуту перехода отъ свѣта къ покаянію и Богу: блестящіе уборы сброшены, у ногъ ея лежитъ дисциплина, которую она сама себя истерзала; уставъ отъ тѣлеснаго страданія и скорби душевной, она лежитъ на рукахъ женщины, ее ободряющей; за нею другія двѣ, которая смотрѣть на нее съ удивленіемъ и жалостію; Магдалина Коррежіева уже забыла свѣтъ; она читаетъ, но на лицѣ ея одно вниманіе и важное размышеніе; она еще только старается постигнуть. Магдалина Баттоніева не только забыла свѣтъ, но уже подружилась съ пустынею: вся прежнія живыя чувства въ ней пробудились, но ихъ предметъ перемѣнился; она читаетъ и улыбается отъ радости: любящая душа нашла, что ей надобно. Коррежіева совершилъ, какъ картина, Баттоніева пріятѣе по милому выраженію.

Наружная зала. Чувствуешь, что отыхаешь послѣ большаго напряженія нравственнаго, когда отъ итальянской школы переходишь къ фламандской. До сихъ поръ передъ тобою была идеальная, возвышенная природа; надобно было съ усилиемъ отдѣлиться отъ обыкновеннаго, чтобы постигнуть то, что представлялось глазамъ твоимъ, и вдругъ изъ этого величественнаго міра вступаешь въ знакомый земной, гдѣ все понятно и ясно: изъ области возвышеннаго воображенія переселяешься въ область любезнаго воспоминанія. Я это испыталъ надъ собою, когда изъ внутренней галлереи перешель въ наружную. Въ ней много картинъ Рубенсовыхъ, но я на нихъ не смотрѣль; я не люблю Рубенса; его натура для меня отвратительна; одна только картина его меня плѣнила, Воскресеніе Лазаря въ Сансуси; остальными пускай восхищаются живописцы. Хотя Дрезденская галлерея не такъ богата картинами фламандской школы, какъ нашъ Эрмитажъ, но есть прекрасныя: есть много Рюисдалевыхъ ландшафтovъ, еще болѣе Бувермановыхъ, три или четыре прекрасныхъ Поттера и не болѣе трехъ Клодъ Лорреня. Между Рембрантовыми замѣтилъ я такъ называемаго Ганимеда, но это Ганимѣдъ въ карикатурѣ: орель схватилъ мальчика и мчить его на утесь, чтобы тамъ разорвать; мальчикъ кричитъ отъ

страха и боли; въ немъ нѣтъ ничего идеального, но воображенію различительно представляется его неизбѣжная, мучительная смерть. Не говоря о другихъ картинахъ, скажу объ одной, которую навѣщалъ я всякой разъ, когда приходилъ въ галлерею, она—Дидрикова¹⁾: Спаситель исцѣляетъувѣчнѣхъ. (Мнѣ кажется, что она была выгравирована). Христосъ окруженнъ учениками и книжниками, но Онъ отъ нихъ отдѣляется, Онъ стоитъ на высотѣ и у ногъ Его страдальцы, молящіе исцѣленія. Противоположность между ихъ лицами, обезображенными болѣзнию или горемъ, и лицемъ Христа, спокойно-величественнымъ и полнымъ всемогущей милости, весьма разительна. И какъ много разнообразія и чувства въ изображеніи страждущихъ! На носилкахъ лежитъ молодой человѣкъ, въполномъ цвѣтѣ лѣтъ, но разслабленный; его принесла старушка мать съ помощью маленькаго его брата: не его молодая рука служила подпорою дряхлой матери, а она при старости должна нести на плечахъ своего сына, свою умирающую надежду; сильный, рослый человѣкъ съ напряженіемъ и осторожностію несетъ другаго, который совсѣмъ опустился и виситъ на плечахъ его: это братъ, вѣрный другъ въ бѣдѣ, несетъ роднаго своего брата. Въ колыбели лежитъ младенецъ: онъ уже умираетъ, и молодая его мать, пораженная этимъ видомъ, забыла самого Спасителя, къ которому прішла съ надеждою, она стоитъ на колѣняхъ, нагнувшись лицемъ на колыбель, и плачетъ. Еще множество лицъ, и все составляеть одно пріятное цѣлое. До сихъ поръ я говорилъ вашему высочеству только о прекрасныхъ картинахъ, теперь буду говорить о Мадоннѣ, которую видѣлъ Рафаэль.

29 іюня (10 іюля).

Рафаэла Мадонна. Я смотрѣль на нее несолько разъ, но видѣлъ ее только однажды такъ, какъ мнѣ было надо. Въ первое мое посѣщеніе я даже не захотѣлъ подойти къ ней: я увидѣлъ ее издали, увидѣлъ, что передъ нею торчала какая-то фігурка съ пурпурною головою, что эта проклятая фігурка еще держала въ своей дерзкой рукѣ кисть и безпощадно ругалась надъ великою душою Рафаэля, которая вся въ этомъ чудесномъ твореніи; въ другой разъ испугалъ меня самъ директоръ галлереи (который за червонецъ показываетъ картины путешественникамъ и къ которому я не разсудилъ прибѣгнуть): онъ стояль передъ нею съ своими слушателями и, какъ попугай, болталъ вытерженій наизусть вздоръ; наконецъ однажды, только было я расположился дать волю глазамъ и душѣ, подошла ко мнѣ одна моя зна-

¹⁾ Живописца Христіана-Вильгельма-Эрнста Дітриха (Dietrich, p. 1712 † 1774).

комка и принялась мнѣ напшептывать на ухо, что она передъ Мадонною видѣла Наполеона и что ея дочери похожи на Рафаелевыѣ ангеловъ. Я рѣшился притти въ галлерею какъ можно ранѣе, чтобы предупредить всѣхъ посѣтителей: это удалось. Я усѣлся на софу противъ картины и просидѣлъ цѣлый часъ, смотря на нее. Надобно признаться, что здѣсь поступаютъ съ нею такъ же непочтительно, какъ и со всѣми другими картинами. Во-первыхъ, она, не знаю для какой готтентотской причины, уменьшена; верхняя часть полотна, на которомъ она написана, и съ нею верхняя часть занавѣса, изображеннаго на картинѣ, загнуты назадъ (это сказывала мнѣ M-me Humboldt¹⁾), слѣдовательно и пропорція и самое дѣйствіе цѣлаго теперь убѣвлены и не отвѣчаютъ намѣренію живописца; второе, она вся въ пятнахъ, не вычищена, худо поставлена, такъ что сначала можешь подумать, что копія, съ нея сдѣланная, чистая и блестящая, лучше самаго оригинала; наконецъ, что не менѣе досадно, она, такъ сказать, теряется между другими картинами, которыхъ, окружая ее, развлекаютъ вниманіе: напримѣръ, рядомъ съ нею стоитъ портретъ сатирическаго поэта Аретича, Тиціановъ, прекрасный—но какое сосѣдство для Мадонны! И такова сила той души, которая дышеть и вѣчно будетъ дышать въ этомъ божественномъ созданіи, что все окружающее прощадаетъ, какъ скоро посмотришь на нее со вниманіемъ. Сказываютъ, что Рафаель, натянувъ полотно для этой картины, долго не зналъ, что на немъ будетъ: вдохновеніе не приходило; однажды онъ заснулъ съ мыслю о Мадоннѣ, и вѣрно какой-нибудь ангелъ разбудилъ его; онъ вскочилъ! Она здѣсь! закричалъ онъ, указавъ на полотно, и начертилъ первый рисунокъ. И въ самомъ дѣлѣ это не картина, а видѣніе: чѣмъ долѣе глядишь, тѣмъ живѣе увѣряешься, что передъ тобою что-то неестественное происходитъ (особливо, если смотришь такъ, что ни рамы, ни другихъ картинъ не видишь). И это не обманъ воображенія: оно не обольщено здѣсь ни живостію красокъ, ни блескомъ наружнымъ! Здѣсь душа живописца, безъ всякихъ хитростей искусства, но съ удивительною простотою и легкостію, передала холстинѣ то чудо, которое во внутренности ея совершилось. Я описываю ее вамъ, какъ совершенно для васъ неизвѣстную; вы не имѣете объ ней никакого понятія, видѣвшіи ее только въ спискахъ или въ Миллеромъ²⁾ эстампѣ: не видавъ оригинала, я хотѣлъ купить себѣ въ Дрезденѣ этотъ эстампъ, но, увидѣвъ, не захотѣлъ и посмотреть на него: онъ, можно сказать, оскорбляетъ святыню воспоминанія. Часъ,

¹⁾ Жена Вильгельма фонъ Гумбольдта, съ которой Жуковскій, какъ видно изъ его дневника, познакомился въ Берлинѣ.

²⁾ Граверъ Йоганнъ - Фридрихъ - Вильгельмъ Миллеръ (Müller, p. 1782 1816).

который провелъ я передъ этою Мадонною, принадлежитъ къ счастливымъ часамъ жизни, если счастiemъ должно почитать наслажденіе самимъ собою. Я былъ одинъ; вокругъ меня было все тихо; сперва съ нѣ-которымъ усиліемъ вошелъ въ самого себя, потомъ ясно началъ чувствовать, что душа распространялась: какое-то трогательное чувство величія въ нее входило; неизобразимое было для нея изображено, и она была тамъ, гдѣ только въ лучшія минуты жизни быть можетъ! Геній чистой красоты былъ съ нею.

Онъ лишь въ чистыхъ мгновеніяхъ
Бытія слетаетъ къ намъ,
И приносить откровенія,
Благодатныя сердцамъ:
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
Лучшей жизни покрываю
Приподъемлетъ онъ порой!
А когда пасъ покидаетъ—
Въ даръ любви, у насъ въ виду
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду! ¹⁾).

Не понимаю, какъ мѣгла ограниченная живопись произвести не-объятное! Передъ глазами полотно; на немъ лица, обведенныя чертами, и все стѣснено въ маломъ пространствѣ, и, несмотря на то, все не-объятно и неограничено! И точно приходитъ на мысль, что эта картина родилась въ минуту чуда: занавѣсь раздернулся, и тайна неба открылась глазамъ человѣка. Все происходитъ на небѣ; оно кажется пустымъ и какъ будто туманнымъ, но это не пустота и не туманъ, а какой-то тихой, неестественный свѣтъ, полный ангелами, которыхъ присутствіе болѣе чувствуешь, нежели замѣчаешь: можно сказать, что все, и самый воздухъ, обращается въ чистаго ангела въ присутствіи этой небесной, мимоидущей Дѣвы. И Рафаель прекрасно подписалъ свое имя на картинѣ: внизу ея, съ границы земли, одинъ изъ двухъ ангеловъ устремилъ задумчивые глаза въ высоту; важная, глубокая мысль царствуетъ на младенческомъ лицѣ: не таковъ ли быть долженъ быть самъ Рафаель въ то время, когда онъ думалъ о своей Мадоннѣ?—Будь младенцемъ, будь ангеломъ на землѣ, чтобы имѣть доступъ къ тайнѣ небесной! И какъ мало средствъ нужно было для живописца, чтобы произвести нѣчто такое, чего нельзя истощить мыслю: онъ писалъ не для глазъ, все обнимающихъ во мгновеніе и на мгновеніе, но для души, которая чѣмъ болѣе ищетъ, тѣмъ болѣе находитъ. Въ Богоматери, идущей по небесамъ, не примѣтно никакого движенія,

¹⁾ Приведенные стихи взяты Жуковскимъ изъ его стихотворенія „Лалла Рукъ“.

но чѣмъ болѣе смотришь на нее, тѣмъ болѣе кажется, что она приближается; на лицѣ ея ничто не выражено, то есть на немъ нѣть выраженія понятнаго, имѣющаго опредѣленное имя, но въ немъ находишь въ какомъ-то таинственному соединеніи все: спокойствіе, чистоту, величіе и даже чувство, но чувство, уже перешедшее за границу земнаго, слѣдовательно, мирное, постоянное, не могущее уже возмутить ясности душевной; въ глазахъ ея вѣтъ блистанія (блестящій взоръ человѣка всегда есть признакъ чего-то необыкновенного, случайного, а для нея уже нѣть случая—все совершилось!), но въ нихъ есть какая-то глубокая, чудесная темнота; въ нихъ есть какой-то взоръ никакъ особенно не устремленный, но какъ будто видящій необъятное; она не поддерживаетъ Младенца, но руки ея смиренно и свободно служатъ Ему престоломъ: и въ самомъ дѣлѣ эта Богоматерь есть не иное что, какъ одушевленный престолъ Божій, чувствующій величіе Сидящаго. И Онъ, какъ царь земли и неба, сидитъ на этомъ престолѣ; и въ Его глазахъ есть тотъ же никакъ не устремленный взоръ; но эти глаза блестятъ, какъ молніи, блестятъ тѣмъ вѣчнымъ блескомъ, котораго ничего ни произвести, ни измѣнить не можетъ! Одна рука Младенца съ могуществомъ Вседержителя оперлась на колѣно; другая какъ будто готова подняться и простерться надъ небомъ и землею. Тѣ, передъ которыми совершается это видѣніе, св. Сикстъ и мученица Варвара, стоять также на небесахъ: на землѣ этого не увидишь. Старикъ не въ восторгѣ: онъ полонъ обожанія мирнаго и счастливаго, какъ святость; святая Варвара очаровательна своею красотою: величость того явленія, котораго она свидѣтель, дала и ея стану какое-то разительное величіе; но красота лица ея человѣческая именно потому, что на немъ уже есть выраженіе понятніе: она въ глубокомъ размышеніи; она глядитъ на одного изъ ангеловъ, съ которымъ какъ будто дѣлится таинствомъ мысли. И въ этомъ нахожу я главную красоту этой картины (если слово картина здѣсь у мѣста). Если бы Рафаель представилъ обыкновенного человѣка зрителемъ того, что на картинѣ его видѣть одни ангелы и святые: онъ или даль бы лицу его выраженіе изумленнаго восторга (ибо восторгъ есть чувство здѣшнее: онъ на минуту, быстро и неожиданно отрываетъ насъ отъ земнаго) или представлялъ бы его падшаго на землю съ признаніемъ безсилія и ничтожности. Но состояніе души, уже покинувшей землю и достойной неба, есть глубокое, постоянно(е) чувство, возвышенное и просвѣщенное постигнувшимъ мыслю, безмолвное, неизмѣняемое счастіе, которое все заключается въ двухъ словахъ: чувствую и знаю! И эта-то блаженствующая мысль царствуетъ на всѣхъ лицахъ Рафаелевой картины (кромѣ, разумѣется, лица Спасителева и Мадонны): все въ размышеніи, и святые и ангелы. Рафаель какъ будто хотѣлъ изобразить для глазъ верховное назначеніе

души человѣческой. Одинъ только предметъ напоминаетъ въ картинѣ его о землѣ: это Сикстова тиара, покинутая на границѣ здѣшняго свѣта.—Вотъ то, что я думалъ въ тѣ счастливыя минуты, которыя прошли передъ Мадонною Рафаеля. Какую душу надлежало имѣть, чтобы произвести подобное! Бѣдный Миллеръ¹⁾! Онъ умеръ въ домѣ сумасшедшихъ! Удивительно ли? Онъ сравнилъ бѣдное свое подражаніе съ оригиналомъ, и мысль, что онъ не понялъ великаго, что онъ его обезобразилъ, что оно для него недостижимо, убила его. И въ самомъ дѣлѣ надобно быть или безразсуднымъ, или просто механическимъ маляромъ безъ души, чтобы осмѣяться списывать эту Мадонну: одинъ разъ душѣ человѣческой было подобное откровеніе! Дважды случиться оно не можетъ. Здѣсь было бы у мѣста, но я не стану говорить о Мадоннѣ Голбейновой, которая также въ своемъ родѣ есть совершенство: она столько же трогаетъ душу своею простотою, сколько Рафаелева ее наполняетъ своимъ величиемъ; Голбейнъ свелъ на землю все то, что Рафаель представилъ на небесахъ; и каждая изъ этихъ двухъ картинъ дѣйствуетъ наоборотъ: смотря на Рафаелеву, сначала углубляешься въ какое-то высокое размышленіе, потомъ уже чувствуешь, что ты растроганъ, радь бы стать на колѣна и благодарить, но не за милость особенную, а за то, что ты человѣкъ и имѣешь душу, которой назначеніе у тебя передъ глазами; смотря на Голбейнову, ты прежде всего тронутъ, потомъ уже невольно и высокая мысль на тебя находитъ, и ты вспоминаешь о небѣ.

Послѣ Мадонны Рафаелевой говорить уже не о чёмъ, и я оканчиваю свое письмо, черезъ мѣру длинное: но это есть натуральное слѣдствіе милостивой привилегіи, данной мнѣ вашимъ высочествомъ. Прибавлю одно: вашему высочеству должно уже быть известно, что великий князь Михаилъ Павловичъ въ Карлбадѣ. Я имѣлъ счастіе здѣсь съ нимъ встрѣтиться, и ему угодно было остановить меня на нѣсколько дней въ здѣшнемъ мѣстѣ. Онъ усердно посѣщаетъ источники, скоро дойдетъ до горячаго Шпруделя и гуляетъ во фракѣ. Не думаю, чтобы Карлбадъ, который до сихъ поръ не выходилъ изъ-подъ дождя и сырыхъ туманныхъ облаковъ, имѣлъ много прелести для его высочества; но онъ знаетъ святое слово *g e w i s s e n h a f t*²⁾, и я уже слышалъ отъ него, что онъ чувствуетъ иѣкоторое облегченіе. Сердечно желаю, чтобы ваше высочество испытали надъ собою всю силу этого волшебнаго *g e w i s s e n h a f t*: если оно произведетъ желанное дѣйствіе, то я напишу къ нему благодарное посланіе, и оно будетъ признано лучшимъ словомъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Изъ Цириха буду имѣть честь описать вашему

¹⁾ См. выше, стр. 297.

²⁾ Т. е. добросовѣстно.

высочеству мое путешествіе отъ Дрездена до Швейцаріи. Ёду черезъ нѣсколько часовъ изъ Карлсбада. Не смѣю надѣяться счастія получить нѣсколько строкъ отъ вашего высочества, но если вы не захотите мнѣ отказать въ этомъ счастіи, то вотъ мой адресъ: à Zurich à M-r H. Gaspar Escher ¹⁾ pour remettre à J.

Осмѣливаюсь здѣсь засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе его императорскому высочеству.

Съ чувствомъ неограниченной преданности честь имѣю быть вашаго императорскаго высочества покорнѣйшимъ слугою Іуковскій.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Hans-Kaspar Escher (p. 1775 † 1859), архитекторъ и фабриканть машинъ въ Цюрихѣ.

Наблюдение за продажею каррикатуръ.

Отношение Доблича управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

29-го мая 1823 г.

Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы ваше сиятельство циркулярно предписали всѣмъ гг. гражданскимъ губернаторамъ обратить особенное вниманіе, посредствомъ градскихъ и земскихъ полицій, на всѣхъ торгующихъ каррикатурами въ губерніяхъ, имъ ввѣренныхъ, не окажутся ли въ числѣ сихъ каррикатуръ такія, кои оскорбляютъ нравственность и правительство; и буде таковыя будутъ найдены, то немедленно доносили бы вашему сиятельству съ приложениемъ эстамповъ, для доведенія оныхъ до высочайшаго свѣдѣнія.

О сей высочайшей волѣ государя императора, я имѣю честь сообщить вашему сиятельству для зависящаго отъ васъ распоряженія.

Экспедиція Государственного Хозяйства.

(1797—1803 гг.).

II¹).

Заботы Экспедиции по улучшению земледѣлія въ Россіи выражались, прежде всего и главнымъ образомъ, въ устройствѣ, согласно плану генераль-прокурора князя Куракина, особенной Практической школы земледѣлія. Учрежденіе такой школы мотивировалось «необходимостью приведенія сельскаго домоводства въ успѣшнѣйшій порядокъ и надежнѣйшее устройство». Съ этою цѣлью въ школѣ предполагалось преподавать какъ теоретическая, такъ и практическая свѣдѣнія по сельскому хозяйству, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ «никакія предписанія безъ дѣйствительного опыта изъяснены и доказаны быть не могутъ»².

Для производства опытовъ, школѣ было отведенъ изъ вѣдомства царскосельской конторы участокъ земли въ 152 дес. 1.170 кв. саж., въ 24 верстахъ отъ Петербурга, близъ г. Павловска, между деревнею Тирлевою, домомъ протопресвитера Самборского и Московскою дорогою. Задачи школы и приписанаго къ ней хозяйства были очень обширны. Такъ, она должна была на опыте доказать пользу многопольного хозяйства и возможность избѣгать обычнаго въ Россіи трехпольного земледѣлія, при которомъ государство лишается ежегодно плодовъ отъ третьей части своей праздно лежащей пахотной земли. Затѣмъ школа должна была вводить въ свои сѣвообороты новыя растенія, полезныя для человѣка или скота, а также для удобренія земли, знакомить

¹) См. „Русскую Старину“, 1901 г., октябрь.

²) П. С. З., т. XXIV, № 17866 и 17946.

*

съ травосъяніемъ, производить опыты устройства живыхъ изгородей, осушенія болотъ, удобренія минеральными туками, обработки полей улучшенными орудіями. Сверхъ того, на школу возлагалось перевести на русскій языкъ лучшія тогда сельскохозяйственная сочиненія съ нѣмецкаго и англійскаго языковъ. Ученики должны были, сообразно съ временами года и обыкновеннымъ ходомъ хозяйства, производить всѣ работы своими собственными руками подъ руководствомъ наставниковъ, чтобы практически достигать познаній въ каждой отрасли хозяйства. Грамотные и болѣе развитые ученики должны были, сверхъ того, заниматься чтеніемъ сельскохозяйственныхъ книгъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; незнающіе грамоты обучались дѣланію земледѣльческихъ орудій и крестьянскимъ ремесламъ, а ученицы—домашнимъ работамъ.

Курсъ ученія полагался трехлѣтній. По штату, высочайше утвержденному 20-го февраля 1798 года¹⁾, въ школѣ полагалось 53 казенныхъ вакансій, всего на 5.040 руб., въ томъ числѣ: 8—для студентовъ Московскаго университета по 150 руб. для каждого, 5—для семинаристовъ, по 104 рубля; 10—для питомцевъ сиропитательныхъ домовъ, по 104 р., 10—для воспитанницъ такихъ же домовъ, по 84 руб. и 20—для казенныхъ крестьянъ, поочередно отъ разныхъ губерній, по 72 руб. Сверхъ того, допускался приемъ господскихъ и вольныхъ людей отъ 17 до 30 лѣтъ, съ платою по 90 рублей въ годъ.

Различного званія ученики и ученицы, говорилось въ Положеніи о школѣ (§ 14), могутъ, по выходѣ изъ нея, различными средствами обратить пріобрѣтенныя ими познанія на пользу общую: студенты, какъ болѣе способные, могутъ быть употребляемы съ успѣхомъ при удѣльныхъ экспедиціяхъ для учрежденія новыхъ земледѣльческихъ школъ; питомцы сиропитательныхъ домовъ могутъ поступить потомъ въ управители, приказчики и садовники казенныхъ и владѣльческихъ деревень, а питомицы—въ домостроительницы, скотницы и огородницы. Относительно семинаристовъ предполагалось, что они, сдѣлавшись священниками, будутъ возбуждать поселянъ къ улучшенію сельскаго хозяйства; относительно же казенныхъ и господскихъ крестьянъ,—что они будутъ служить примѣромъ своимъ сосѣдямъ и сообщать имъ полученные свѣдѣнія.

Все, что производилось въ школѣ по разнымъ отраслямъ хозяйства, должно было служить, какъ говорилось въ Положеніи о школѣ, «примѣромъ къ подражанію, для поправленія и усовершенствованія онъхъ на всемъ пространствѣ Имперіи. Посему земля школы, сообразно четыремъ главнымъ отдѣламъ сельскаго хозяйства [1) земледѣліе, 2) садоводство и лѣсоводство, 3) скотоводство и 4) архитектура и механика],

¹⁾ П. С. З., т. XLIV, ч. II, книга штатовъ № 18390.

раздѣлена была на четыре части: 140 дес. отведено подъ пашню, раздѣленную на 7 полей; 25 дес.—подъ сады и огороды; 62 дес.—подъ лѣсъ, 25 дес.—подъ усадьбу, строенія для скота и пастбище. Каждымъ отдельномъ долженъ быть завѣдывать особый наставникъ съ однимъ или двумя помощниками. При архитекторѣ и механикѣ полагались столяръ, слесарь и кузнецъ. Наставникъ скотоводства предполагался женатый, чтобы жена его, занимая мѣсто скотницы и птичницы, могла давать воспитанницамъ школы наставления по разнымъ частямъ домашняго хозяйства. Сверхъ того, при школѣ полагался земскій, онъ же казначай и журналистъ, и при немъ лекарь. Для перевода иностраннѣхъ книгъ назначался переводчикъ. Окладнаго жалованья не назначалось, потому что многія лица приглашались по контракту, съ жалованьемъ по ихъ искусству и знанію. Всего на наставниковъ и на весь личный составъ опредѣлено было 11.000 руб.

На ремонтъ строеній, инвентаря и на всѣ хозяйственныя расходы, включая книги и лекарства, назначалось 4.000 руб.; общій же расходъ по содержанію школы исчислялся въ 20.040 руб.

Необходимыя издержки по первоначальному устройству школы повелѣвалось заимствовать изъ орденской капитальной суммы по мѣрѣ надобности, докладывая о каждомъ позаимствованіи его величеству; нужный же для удобренія земли навозъ отпускать изъ близъ квартирующихъ кавалерійскихъ полковъ.

Устроителемъ и начальникомъ школы былъ назначенъ, какъ уже сказано выше, членъ Экспедиціи, протоіерей Самборскій, подъ особынѣмъ наблюденіемъ самого генераль-прокурора. Школа оставалась въ вѣдѣніи Самборскаго до 1799 года, когда онъ былъ назначенъ состоять духовникомъ ко двору великой княгини Александры Павловны въ Будапешть.

Изъ дѣлъ Экспедиціи обѣ устройства земледѣльческой школы, сохранившихся въ архивѣ бывшаго министерства госуд. имущ.¹⁾, видно, что на первоначальная издержки по школѣ отпущено было 88.808 р. 47 к. Въ томъ числѣ:

Изъ департамента удѣловъ, въ 1797 году, 10.000 р.

Изъ государственного ассигнаціоннаго банка на строенія школы, въ 1798 году, 48.711 руб. 70 к.

Изъ штатной суммы, на жалованье и на ремонтъ школы, съ 22-го сентября 1798 г. по 13-е ноября 1799 года	17.169 р. 17 к.
--	-----------------

Изъ прибыльной экспедиціонной суммы отъ дѣланія вексельной бумаги, съ іюня 1798 г. до сентября 1799 г., на хлѣбопашество и ремонтныя работы. . . .	12.928 р. 70 к.
--	-----------------

¹⁾ №№ 13911 и 13912.

Такимъ образомъ изъ 88.000 р. въ первые два года употреблено было на школу 64.129 р. 67 $\frac{1}{2}$ к., изъ остальныхъ же денегъ часть, 9.535 р., пошла на постройку двухъ маленькихъ домовъ въ Среднерогатской колоніи, а прочія суммы переданы были въ распоряженіе преемника Самборского, по управлению школою, д. ст. сов. Бакунина.

Нельзя сказать однако, чтобы дѣло устройства школы шло успѣшно. Изъ сохранившейся переписки Самборского съ Экспедицію видно, что, несмотря на оказанное ему высочайшее довѣріе, онъ встрѣчалъ постоянное противодѣйствіе со стороны членовъ Экспедиціи. Результатомъ такого положенія дѣлъ было то, что, по заявленію Самборского, въ августѣ 1799 года никакого хозяйства въ школѣ заведено не было, ни одно строеніе ни для людей, ни для скота не было окончено, многія работы начаты, но ни одна не была приведена къ концу; поэтому годовой ремонтной суммы для окончанія всего оказывалось недостаточнѣмъ. Самый отпускъ денегъ на жалованье служащимъ производился съ большими задержками, такъ что Самборскій вынужденъ былъ запирать деньги и снабжать служащихъ всѣмъ нужнымъ. Самое назначеніе служащихъ производилось не всегда согласно съ представленіями Самборского. Такъ, на мѣсто рекомендованного имъ въ архитекторы—Амвросимова, человѣка искуснаго, уволеннаго съ хорошими аттестатами отъ графа Панина изъ экспедиціи городового строенія, назначенъ былъ корнетъ Ушинскій, только что переименованный въ архитекторы. Нѣкоторая же должностная лица, назначенныя помимо Самборского, во-все не явились; какъ напр. актеръ (комедіантъ) Прейфелисъ, имѣвшій будто бы, по отзыву Экспедиціи, основательныя познанія(?) въ виноградарствѣ, садоводствѣ, земледѣліи, пчеловодствѣ, скотоводствѣ и скотоврачеваніи. Наилучшимъ и наиболѣе дѣятельнымъ помощникомъ своимъ по хозяйству Самборскій считалъ Гребницкаго, который производилъ всѣ хозяйственныя работы и съ успѣхомъ обучалъ воспитанниковъ, такъ какъ наставники еще не были назначены, хотя Самборскій и рекомендовалъ для этой цѣли англичанина Петита, какъ опытнаго земледѣльца, знакомаго съ климатомъ Россіи и условіями русскаго хозяйства и извѣстнаго лично ихъ величествамъ, потому что онъ въ прежніе годы пахалъ въ Павловскомъ саду пашню. На должность земскаго Самборскій рекомендовалъ переводчика школы Брандорфа, находя лицо, исполнявшее эти обязанности (Софронова), человѣкомъ недостойнѣмъ и неспособнѣмъ. Подъ конецъ, отношенія дотого обострились, что Экспедиція прислала Самборскому рядъ запросовъ, наполненныхъ обвиненіями по поводу неустройства школы. Это вынудило Самборскаго, при выходѣ его изъ школы, отвѣтить рѣзкимъ, но исполненнымъ достоинства отзывомъ отъ 26-го августа 1799 г. При этомъ вину всѣхъ указанныхъ неурядецъ Самборскій приписывалъ самой Экспедиціи и

преимущественно иѣкоторымъ ея членамъ; имена въ письмѣ впрочемъ не упомянуты. По всей вѣроятности, одинъ изъ таковыхъ былъ Полторацкій, которому Экспедиція поручила значительную часть денегъ, ассигнованныхъ на веденіе хлѣбопашства, еще въ то время, когда школою завѣдывалъ Самборскій.

Полагаясь на правоту своихъ дѣяній, Самборскій предлагалъ Экспедиції прислать трехъ членовъ въ школу для обозрѣнія всего въ ней производства и, еслибы что оказалось неисправнымъ, то въ добромъ согласіи и молчаніи исправить. Однако такого посѣщенія школа не удостоилась. «Обвиненiemъ ли, или оправданiemъ сie почитать? Я не доумѣваю,— писалъ Самборскій и присовокупляль: и не надлежить мнѣ болѣе о семъ размышлять, поелику ея императорскаго величества, все-милостивѣйшей и наипечителнѣйшей матери посѣщеніе и обозрѣніе всего торжественно меня оправдаетъ, а при томъ и око царево, проникнувшее во всѣ подробности, господинъ генераль-прокуроръ, мужъ, преисполненный правосудія и безпристрастія, его высокопревосходительство Александръ Андреевичъ Беклемишевъ не предастъ меня на жертву оглашателямъ, да и самыя бѣдныя сироты и ихъ успѣхи меня оправдаютъ»...

«Послѣ всего сего, писаль въ заключеніе Самборскій, я съ тяжкимъ вздоханіемъ скажу, что не тако созидается общее благо. Искушенъ многими оскорблѣніями долгомъ поставляю также просить всенижайше господь сочленовъ иѣкоторыхъ, дабы не предписывали, яко же мнѣ, насаждать терновникомъ, достойно-почтенѣйшему моему преемнику и новому члену, его превосходительству Модесту Петровичу Бакунину; ибо онъ, будучи одаренъ весьма чувствительнымъ сердцемъ и благородными свойствами души, а при томъ имѣя слабое здоровье, если когда уязвится острыми терновника иглами, то непремѣнно оставить практическую школу, которая послѣ него или въ слабомъ останется дѣйствіи, или совсѣмъ разрушится! Молю васть, почтенѣйшіе члены, сохраните сего истиннаго сына церкви и отечества, яко зѣницу ока, и простите меня великодушно, что такъ откровенно пишу къ вамъ. Сie я принужденъ быть сдѣлать потому, дабы ясно открылось, на чьей сторонѣ есть перевѣс неустройства, которое да удалится отъ всѣхъ на всегда, еще и потому, что я былъ первымъ орудіемъ въ соглашеніи г-на Бакунина къ принятію въ свое попеченіе практическую школу, въ основаніи которой я имѣлъ счастье участвовать, еще и потому, что азъ есмь служитель Бога Вышняго, которому отъ Бога же предписуется настоять благовременнѣй и безвременнѣй обличать и умолять, да творите судь и правду и прочая; я же горячѣйша буду приносить молитвы, да Богъ міра и любви обитаетъ въ сердцахъ вашихъ. Аминь».

Приложивъ къ своему посланію вѣдомость количества занятой и

обработанной земли, а также счетъ въ полученныхъ и израсходованыхъ имъ деньгахъ, Самборскій просилъ прислать жалованье находящимся при школѣ лицамъ за двѣ трети и уплатить ему лично 5.500 р., должны ему за домъ, изъ котораго его вытѣснилъ его сочленъ и еще въ прибавокъ обругалъ. Сверхъ того было приложено англійское письмо съ переводомъ англичанина Роберта Пурвіза (R. Purves), о томъ, что онъ можетъ изготавлять всякаго рода земледѣльческія орудія и машины, а также производить постройку мельницъ, деревянныхъ и каменныхъ домовъ, и готовъ быть наставникомъ молодыхъ людей въ практическихъ архитектурныхъ занятіяхъ. Экспедиція, однако, уклонилась отъ всякихъ дальниѣшихъ сношеній съprotoіереемъ Самборскимъ на томъ основаніи, что 11-го августа 1799 г. послѣдовалъ высочайший указъ о назначеніи директоромъ школы дѣйствительного статскаго совѣтника Бакунина, а опредѣленіемъ Сената отъ 17-го августа и резолюціею Экспедиції отъ 22-го августа сдѣлано было распоряженіе о принятіи Бакунинымъ школы земледѣлія. Посему правитель канцеляріи поручено было возвратить Самборскому его письмо отъ 27-го августа 1799 (изъ Бѣлозерки близъ г. Павловска) въ подлинникѣ, оставивъ копію при дѣлѣ, а Бакунину предоставлено было сдѣлать окончательный расчетъ съ Самборскимъ и по своему усмотрѣнію избрать въ наставники сельской архитектуры или рекомендованного Самборскимъ Амвросимова, или англичанина Пурвіза.

Почему у protoіерея Самборского сложились столь ненормальныя отношенія къ другимъ членамъ Экспедиції? Были ли они вызваны недостатками его характера, или зависѣю къ нему кого-либо изъ членовъ Экспедиціи, или другими причинами? Данныхъ для выясненія такой ненормальности у насъ нѣтъ. Всего вѣроятнѣе, что Самборскій, какъ главный, повидимому, инициаторъ земледѣльческой школы, былъ проникнутъ сознаніемъ превосходства англійской системы земледѣлія и мечталъ путемъ нагляднаго примѣненія ея въ Россіи содѣйствовать исправленію нашего исконнаго трехпольного хозяйства, а это встрѣтило полное недовѣріе и равнодушіе въ остальныхъ членахъ, которые и старались ему противодѣйствовать всякими способами, считая всѣ его увлеченія несбыточной утопіей.

Недолго, однако, послѣ Самборского земледѣльческая школа оставалась въ вѣдѣніи Экспедиціи. Уже въ октябрѣ 1799 года, въ докладѣ Сената о всѣхъ хозяйственныхъ заведеніяхъ экспедиціи указывалось, между прочимъ, что съ самаго открытія школы всѣ вакансіи, назначенные для крестьянъ, замѣщались людьми, взятыми изъ удѣльныхъ селеній, а потому признано было болѣе цѣлесообразнымъ передать эту школу, съ приписаніемъ къ ней кирпичнымъ заводомъ, въ удѣльное вѣдомство, такъ какъ польза, ожидаемая отъ заведенія, можетъ распро-

страняться съ болѣшимъ успѣхомъ между удѣльными крестьянами, какъ находящимися подъ особымъ управлѣніемъ и надзоромъ. О таковой передачѣ послѣдовалъ высочайшій указъ 10-го октября 1799 г., при чёмъ всѣ расходы по содержанію школы были отнесены на счетъ удѣльного вѣдомства, которому переданы были также всѣ дѣла, счеты и шинуровыя книги по учрежденію и строеніямъ практической школы земледѣлія и состоящихъ при ней бывшей полотняной фабрики и такъ называемаго Галичскаго кирпичнаго завода.

Дальнѣйшая судьба практической школы не относится до исторіи Экспедиціи, а потому мы ограничимся здѣсь краткимъ указаніемъ, что, несмотря на заботы, приложенные Бакунинымъ къ содержанію и развитію школы и къ созданію вспомогательныхъ къ ней примѣрныхъ усадебъ или зашашекъ въ разныхъ губерніяхъ, на чѣмъ послѣдовало соизволеніе императора Павла I въ 1800 году ¹⁾, министромъ удѣловъ Троцкимъ, въ концѣ 1803 года, представленъ былъ императору Александру I подробный докладъ о результатахъ дѣятельности школы, и испрошено было разрѣшеніе, «для сохраненія казенныхъ выгодъ и спокойствія поселянъ», на закрытіе школы земледѣлія съ Смоленскимъ ея усадьбищемъ, которая, по выражению Троцкого, въ пять лѣтъ обошлась правительству въ 206.028 р. 89^{3/4} к.; «за сю толико знатную издержку существенной прибыли получено деньгами 1.087 р. 85 к., ученьемъ—ничего».

Желающіе ближе ознакомиться съ судбою первой въ Россіи практической школы земледѣлія могутъ найти не безъинтересныя свѣдѣнія въ статьѣ покойнаго В. И. Чаславскаго: *Первая земледѣльческая школа въ Россіи (1797—1803)*, въ журналѣ «Сельское хозяйство и лѣсоводство» (часть СV, отд. II). Статья эта была основана, впрочемъ, только на общедоступныхъ печатныхъ источникахъ, а не на подлинныхъ дѣлахъ Экспедиціи и Департамента удѣловъ.

Одновременно съ учрежденіемъ первой практической школы земледѣлія, близъ г. Павловска, Экспедиціи пришлось заняться разсмотрѣніемъ нѣсколькихъ поступившихъ въ нее заявлений и проектовъ о необходимости другихъ подобнаго рода учрежденій. Такъ, надворнымъ соѣтникомъ Эли, въ числѣ разныхъ замѣчаній по управлѣнію казенными имѣніями и по сельскому хозяйству вообще, предлагалось, между прочимъ, учредить на первый случай въ Петербургѣ экономическое училище, выбравъ достойныхъ и знающихъ экономію людей къ преподаванію экономическихъ знаній. По этому поводу Экспедиція высказала, что къ учрежденію въ С.-Петербургѣ училища практическаго земледѣлія и сельского домоводства вообще предположеніе уже сдѣлано; но весьма

¹⁾ П. С. З., т. XXVI, № 19760.

было бы полезно заведеніе такихъ же училищъ и въ другихъ частяхъ Имперіи ¹⁾.

Въ марта 1798 года, генералъ-прокуроромъ княземъ Куракиномъ, по высочайшему повелѣнію, передана была на разсмотрѣніе Экспедиції всеподданнѣйшая записка коллежскаго совѣтника, члена Бергъ-колледжіи Франца-Людвига фонъ-Канкрина (отца знаменитаго впослѣдствіи русскаго министра финансовъ Е. Ф. Канкрина) объ учрежденіи въ Россіи Академіи лѣснаго, городоваго и сельскаго хозяйства. Согласно представленному при этой запискѣ плану, Академія должна была состоять изъ двухъ классовъ, каждый съ 5-ти-лѣтнимъ курсомъ. Въ первомъ классѣ три года посвящалось изученію языковъ русскаго, французскаго и особенно нѣмецкаго, а остальные два—ариометриѣ, черченію и чистой математикѣ. Во второмъ классѣ—первые три года назначались для изученія физики, химіи, въ предѣлахъ нужныхъ для сельскаго хозяйства, сельскохозяйственной архитектуры и механики, нужной какъ для городового, такъ и для сельскаго хозяйства. Послѣдніе два года назначались для лѣсной ботаники, егерскаго и форстнаго искусства, для городового и сельскаго хозяйства. Принимать учениковъ предполагалось съ 8-ми-лѣтняго возраста, но тѣхъ, которые до вступленія своего уже упражнялись въ наукахъ, разрѣшалось принимать и позже, въ первый или во второй классъ, смотря по познаніямъ, сокращая имъ, сообразно съ успѣхами, время пребыванія въ Академіи.

Студенты должны быть выпускаемы въ регистраторы, секретари и въ егерскіе офицеры. Тѣхъ, которые окажутъ особливую охоту къ егерскому и лѣсному искусству и къ стрѣлянію въ цѣль, рекомендовалось выпускать егерскими офицерами. Студентамъ форстнаго и егерскаго искусства присваивались кортики, а прочимъ—мѣдные тесаки. Лучшихъ изъ выпускныхъ студентовъ предполагалось посыпать, въ числѣ двухъ и болѣе въ Швецію, Англію и Германію, для ознакомленія съ тамошнимъ лѣснымъ и сельскимъ хозяйствомъ.

Учителей, нужныхъ для обученія разнымъ наукамъ, Канкринъ находилъ возможнымъ пріискать за сходное содержаніе въ С.-Петербургѣ; преподавателей же лѣснаго, городового и сельскаго хозяйства выписать изъ Германіи, равно какъ и хорошаго форстмейстера для обучения студентовъ егерскому искусству и стрѣлянію въ цѣль.

Недостатка въ ученикахъ, какъ на казенное, такъ и на собственное содержаніе за годовую плату, авторъ проекта не предвидѣлъ, если выпускнымъ студентамъ будутъ предоставлены преимущества для скорѣйшаго опредѣленія къ должностямъ.

Управлениe Академіи должно было состоять изъ куратора или глав-

¹⁾ Дѣло Экспедиціи № 13861 по архиву М. Г. И.

наго директора, который всѣмъ управляетъ, изъ директора, который бы руководилъ науками и хозяйствомъ, изъ одного оберъ- и унтеръ-инспектора, надзирающихъ за учащимися, и одного эконома для веденія сче-тovъ. Какъ главный, такъ и подчиненный ему директоръ должны были знать науки, преподаваемыя въ Академіи, особенно же форстъ- и каме-ральную науку, а также нѣмецкій языкъ. При директорѣ предполагалась канцелярія, а при Академіи библиотека, собраніе моделей разныхъ машинъ и натуральный кабинетъ или собраціе разныхъ породъ деревъ. Для Академіи Канкринъ испрашивалъ право именоваться, по имени императора, Павловскою и пользоваться всѣми правами, предоставленными другимъ подобнымъ же учрежденіямъ, и имѣть печать съ вы-сочайшимъ императорскимъ гербомъ. Для помѣщенія Академіи Канкринъ считалъ необходимымъ избрать казенное строеніе съ садомъ въ С.-Пе-тербургѣ, где съ болѣшимъ удобствомъ можно было найти учителей и другихъ служащихъ за сходную цѣну, и ближе ознакомиться съ город-скимъ хозяйствомъ, фабриками и т. п. Для практическаго же изученія сельскаго хозяйства Канкринъ просилъ дать въ управлениe Академіи лежащую близъ Петербурга деревню, населенную колонистами.

При Академіи авторъ проекта желалъ имѣть служителей изъ нѣм-цевъ, а рабочихъ людей изъ казенныхъ крестьянъ; для обеспеченія же академического дѣла—снарядить при ней небольшую команду.

Для учрежденія Академіи Канкринъ испрашивалъ ежегодную сумму, не опредѣляя ея размѣра, считая, что государство, образованіемъ по-лезныхъ людей для статской службы, сохранитъ тѣ деньги, которыя вывозились бы въ чужія страны для найма иностранцевъ.

Сверхъ того, Канкринъ полагалъ, что расходы казны будутъ со временемъ сокращаться, если: 1) будетъ взимаема извѣстная сумма съ пан-сионеровъ, при вступленіи ихъ въ Академію; 2) если въ пользу учре-женія института будутъ предоставляемы деньги за отдачу на откупъ удобныхъ для охоты мѣстъ; 3) если бы учредить сборъ съ оборотныхъ денегъ (лѣсныхъ пошлинь) съ казенныхъ дровъ, продаваемыхъ для фабрикъ, по 20 кои. на каждыя сто бревенъ, и наконецъ, 4) если братъ одну двадцатую долю со всѣхъ денегъ, издерживаемыхъ виѣ государ-ства не для казенныхъ надобностей.

Представляя вышеизложенный планъ проектированной имъ Академіи, Канкринъ присовокупилъ, что считалъ бы себя счастливымъ, если бы это начертаніе удостоилось милостиваго вниманія его императорскаго величества и если бы въ отношеніи сего вкратцѣ начертаннаго плана онъ могъ быть удостоенъ высочайшаго довѣрія и призванъ къ участію въ дальнѣйшей разработкѣ этого дѣла и затѣмъ занять въ институтѣ мѣсто директора, сохранивъ должность члена государственной Бергъ-коллегіи, такъ какъ касательно преподаваемыхъ въ институтѣ наукъ,

онъ и своими услугами, и вышедшими въ печать сочиненіями, уже достаточно выказать свои званія, и какъ въ россійскомъ, такъ и въ лифляндскомъ сельскомъ хозяйствѣ не мало упражнялся.

Записка фонъ-Канкриня докладывалась 4-го марта 1798 года въ Экспедиції Государственного Хозяйства, которая признала учрежденіе Академіи по предложеному имъ плану совершенно не нужнымъ, въ виду того, что

1) «для сельского хозяйства, яко важнѣйшей части, нынѣ находится подъ вѣдѣніемъ Экспедиції особая школа, въ коей назначенное практическое обученіе имѣтъ болѣе близкое отношеніе къ полному сельскому хозяйству, нежели тѣ науки, о коихъ предполагаетъ прожеектъ, и тѣмъ скорѣе ученики, въ школу принимаемые, должныствуя большою частью состоять изъ поселянъ, могутъ распространить по всей Имперіи земледѣльческое искусство и знаніе сельского хозяйства;

2) «для лѣснаго хозяйства Экспедиція, въ начертаніяхъ своихъ о управлениі сею частью, опредѣлила при форстмейстерахъ быть иѣкоторому числу учениковъ, кои на самой практикѣ будуть познавать свойства деревъ и способы къ ихъ разведенію и сохраненію, руководствуясь правилами о лѣсахъ, составленными въ сей Экспедиціи и основанными на ботанической наукѣ; сверхъ чего и въ вышесказанной школѣ будуть преподаваться нужныя наставленія въ лѣсоводствѣ;

3) «городовое хозяйство не требуетъ почти никакихъ знавій: ариѳметика и здравый разсудокъ для сего достаточны, и въ европейскихъ государствахъ не токмо Академіи, ниже какого училища для сей особенно части учреждаемо не было».

Заключеніе Экспедиції было представлено, черезъ генераль-прокурора князя Куракина, на высочайшее усмотрѣніе и утверждено государемъ, о чёмъ и объявлено фонъ-Канкрину 21-го іюня того же года ¹⁾.

Кромѣ того, Экспедиція въ самомъ началѣ своего существованія занята была проектомъ учрежденія ветеринарного училища для предупрежденія и борьбы съ распространенными въ Россіи скотскими болѣзнями, но обѣ этихъ проектахъ будетъ уместнѣе упомянуть тогда, когда мы будемъ говорить о мѣрахъ по развитию и улучшенію скотоводства.

Здѣсь же въ связи съ мѣрами обѣ улучшенніи земледѣлія и сельского домоводства, слѣдуетъ сказать обѣ учрежденіи въ вѣдѣніи экспедиціи Школы глиnobитнаго строенія.

Въ 1797 году, одинъ изъ членовъ Экспедиції Государственного Хозяйства, действительный статской совѣтникъ Н. А. Львовъ, человѣкъ, одаренный разнообразными талантами, очень любознательный и дѣя-

¹⁾ Дѣло Экспедиції № 13879.

тельный, придумалъ способъ строить дома изъ земли и тѣмъ обратилъ на себя вниманіе императора Павла, по повелѣнію котораго онъ построилъ въ Гатчинѣ изъ этого нового материала такъ-называемый Пріоратъ, красиво расположеннное зданіе, до сихъ поръ сохранившееся. По этому поводу и по ходатайству Львова, 21-го августа 1797 года былъ данъ Правительствующему Сенату указъ объ учрежденіи въ принадлежащемъ Львову селѣ Никольскомъ (близъ Торжка, Тверской губерніи) Училища земляного бытаго строенія, «для доставленія сельскимъ жителямъ здоровыхъ, безопасныхъ, прочныхъ и дешевыхъ жилищъ и въ соблюденіе лѣсовъ въ государствѣ», на слѣдующихъ основаніяхъ¹⁾:

«1) Управляющіе губерніями имѣютъ отправить въ училище изъ безлѣсныхъ провинцій по два ученика, выбравъ оныхъ изъ молодыхъ и добродорядочнаго поведенія крестьянъ казеннаго вѣдомства, снабдить ихъ отъ правительства паспортами, а отъ общества—одеждою и харчевыми деньгами.

2) Ученики сіи, получая отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Львова нужная для нихъ квартиры, дрова, желѣзные и деревянные инструменты безденежно, въ учениіи своемъ должны имѣть предметомъ строеніе изъ земли всякаго рода жилыхъ домовъ, скотныхъ дворовъ, конюшень, оградъ и т. п., дѣланіе разнаго рода фундаментовъ, покрытие сельскихъ и хозяйственныхъ строеній прочными изъ соломы и изъ вѣреса съ глиною сдѣланными кровлями, особаго рода черепицею и гонтомъ.

3) А дабы училище сіе могло существовать безъ особой на то суммы и, распространяя пользу свою въ государствѣ, не отяготить частнаго начальника заведенія сего издержками какъ на материалы и инструменты, такъ и на содержаніе мастеровъ на его коштѣ, отдать означеному дѣйствительному статскому совѣтнику Львову въ собственность Московскаго уѣзда, бывшую Симонова монастыря землю, нынѣ въ числѣ оброчныхъ статей находящуюся, подъ названіемъ Тюхольскихъ казенныхъ покосовъ, съ лѣсными и пахотными угодьями и водами, съ коихъ хозяйственнымъ доходомъ имѣть онъ распоряжаться не только на содержаніе школы, но и на выстройку на той данной ему землѣ образцовыхъ земляныхъ строеній изъ собственныхъ его материаловъ.

4) По выучкѣ, каждой губерніи ученики обязаны построить на вышеписанной землѣ образцовое земляное строеніе, по окончаніи котораго получаютъ они название присяжныхъ мастеровъ и о томъ отъ начальника своего аттестаты, безъ каковыхъ запрещается земляное строеніе дѣлать, дабы по неумѣнію строителей не подвергнуть строеніе опасно-

¹⁾ П. С. З., т. XXIV № 18103. Дѣла экспедиціи №№ 13867, 13868, 13872 (по архиву мин. гос. имущ.).

сти и тѣмъ не отвратить поселянъ отъ подражанія толико полезнаго для нихъ дѣла.

5) По возвращеніи первыхъ присяжныхъ мастеровъ съ аттестатами на свое жилище управляющіе губерніями имѣютъ отправить немедленно другихъ, повторяя таковое отправленіе, доколѣ нужное число строителей, по мѣрѣ надобности въ нихъ для казенныхъ селеній, выучено будетъ.

6) Не возбраняется и помѣщицамъ отдавать въ ученіе сего хозяйственнаго строенія собственныхъ своихъ людей, на добровольныхъ условіяхъ съ начальникомъ училища; а дабы извѣстно было въ публикѣ учрежденіе оного, припечатать о семъ въ вѣдомостяхъ».

Въ томъ же 1797 году изъ всѣхъ губерній, кроме Архангельской, Вятской, Выборгской, Иркутской и Лифляндской (какъ богатыхъ лѣсомъ и потому не нуждающихся въ земляныхъ постройкахъ), были присланы въ Никольское потребованные указомъ ученики, а два года спустя было выпущено изъ школы 72 мастера и 56 подмастерьевъ. Затѣмъ до 1802 года выпущено всего: мастеровъ—377, подмастерьевъ—87 и учениковъ—351, а всѣхъ—815 человѣкъ. Какъ въ селѣ Никольскомъ, такъ и на Тюхольской дачѣ ими были построены разныя зданія, жилыя и нежилыя, и въ 21 губерніи, какъ видно изъ присланыхъ губернаторами свѣдѣній,—различная пробная постройки, впрочемъ, весьма незначительныя (большую частью—сарай для пожарныхъ инструментовъ и караульныя будки). Сомнительное въ своихъ результатахъ изобрѣтеніе вызвало много разнородныхъ толковъ, пересудовъ и насмѣшекъ; такъ Карамзинъ говорилъ, что подъ начальствомъ Львова мужики толкуютъ землю безъ толку; зато другіе ожидали отъ этого изобрѣтенія очень многаго, и другъ Львова, Державинъ, написалъ къ его портрету двустишие:

„Хоть взять онъ отъ земли и въ землю онъ пойдетъ,
Но въ зданьяхъ земляныхъ онъ вѣчно проживеть“ ¹⁾.

Наконецъ, по представлению нѣкоторыхъ губернаторовъ, что во введеніи имъ губерніяхъ ученики для земляного строенія не нужны, Сенатъ, указомъ 26-го іюня 1802 года, приказалъ болѣе учениковъ къ Львову не отправлять. Такимъ образомъ, занятія въ училищѣ должны были прекратиться; вскорѣ затѣмъ (въ началѣ 1803 года) умеръ и самъ Львовъ, а со смертью его все это дѣло было оставлено, такъ какъ на практикѣ оказалось, что земляное битое строеніе обходится гораздо дороже деревянного, а въ иныхъ мѣстахъ равняется и каменному.

¹⁾ Сочиненія Державина, 2-е акад. изданіе, I, 365—366; II, 289—291.

III.

Вопросы о народномъ продовольствии и о хлѣбныхъ запасныхъ магазинахъ занимали Павла Петровича съ самаго начала его царствованія и были поручаемы имъ особенному вниманію Сената и Экспедиції Государственного Хозяйства. Хотя мысль о запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ высказана была уже Петромъ Великимъ въ его указахъ 27-го февраля 1723 года и 20-го января 1724 года ¹⁾), при чемъ предполагалось при камеръ-коллегіи учредить особую контору и особаго человѣка (экономіи Генеральнаго), «который бы всегда мыслилъ и доносиль о магазинахъ государственныхъ» и о томъ какъ «во время недорода народъ довольствовать»; но мысль эта долго оставалась безъ применения и ограничивалась одними проектами, напримѣръ: генераль-полиціймейстера Салтыкова ²⁾ (1733 годъ) и проектъ генераль-фельдмаршала П. И. Шувалова (1754 годъ). Лишь именнымъ указомъ 20-го августа 1762 года ³⁾ Екатерина II повелѣла: «хлѣбные магазины завести во всѣхъ городахъ, дабы всегда цѣна хлѣба въ моихъ рукахъ была». Постепенное учрежденіе хлѣбныхъ запасовъ въ селеніяхъ начинается съ 1765 года, какъ видно изъ именнаго указа 10-го марта 1765 года, даннаго коллегіи экономіи ⁴⁾; однако, учрежденіе запасныхъ магазиновъ въ экономическихъ и дворцовыхъ волостяхъ шло довольно медленно и мало успѣшио; поэтому при установленіи порядка внутренняго управлениія въ селеніяхъ крестьянъ удѣльного вѣдомства 5-го апрѣля 1797 года предписывалось при каждомъ сельскомъ приказѣ учредить запасный магазинъ и для наполненія магазиновъ установить ежегодный хлѣбный сборъ съ поселянъ, по количеству земли, каждымъ владѣемой, съ каждой десятины озимаго хлѣба по полупуду ржи, а съ десятины яроваго—по 30 фунтовъ овса и гречи, при этомъ предписывались мѣры для освѣженія запасовъ хлѣба и для выдачи ссудъ на посѣвъ и на прокормленіе крестьянъ ⁵⁾). Всльдѣ за тѣмъ и въ казенныхъ селеніяхъ, по докладу Экспедиції, высочайше утвержденному 7-го августа 1797 года, предписывалось учредить въ каждой волости запасные магазины на одинаковыхъ основаніяхъ съ удѣльными. Именнымъ указомъ 18-го марта 1798 года повелѣвалось Сенату обратить надлежашее вниманіе, находятся ли сельскіе и городовые магазины

¹⁾ П. С. З., т. VI, № 4120 и т. VII, № 4175.

²⁾ П. С. З., т. IX, № 6426.

³⁾ П. С. З., т. XVI, № 11,649.

⁴⁾ П. С. З., т. XVII, № 12351.

⁵⁾ П. С. З., т. XXIV, № 17906.

тамъ, гдѣ учредить ихъ велѣно, и то ли количество хлѣба содергать, какъ по вѣдомостямъ быть должно, имѣя неослабное бѣніе, чтобъ сія часть, столь хозяйству государственному необходимая, была всегда въ надлежащей исправности и охраненіи. Сенатъ потребовалъ отъ губернаторовъ обстоятельныхъ свѣдѣній, съ тѣмъ, чтобы не оставались безъ должнаго исполненія всѣ тѣ требованія объ исправномъ содергованіи магазиновъ, какія послѣдовали изъ Экспедиціи Государственного Хозяйства, въ силу предоставленнаго ей попеченія и распоряженія по этому предмету¹⁾). Затѣмъ именнымъ указомъ 9-го апрѣля 1798 года было вновь подтверждено Сенату обратить особенное вниманіе на скорѣйшее приведеніе въ порядокъ запасныхъ магазиновъ.

Между тѣмъ до высочайшаго свѣдѣнія продолжали доходить слухи о неудовлетворительномъ состояніи хлѣбныхъ запасовъ; посему именнымъ указомъ 11-го ноября 1799 года было вновь предписано Сенату со ссылкою на 20 губернскихъ начальствъ, не исполнившихъ распоряженіе правительства,—изслѣдовать о причинѣ таковыхъ упущеній и взыскать безъ изъятія все то, чего въ запасныхъ магазинахъ недостаетъ. Сенатъ назначилъ губернаторамъ 4-хъ недѣльный срокъ для представленія подробнѣй вѣдомостей о сельскомъ запасномъ хлѣбѣ и о способахъ, коими они полагаютъ пополнить предписанный двухъ-годовой запасъ.

Въ какой степени императоръ Павелъ интересовался этимъ вопросомъ, видно изъ того, что, въ самый день изданія вышеупомянутаго указа 11-го ноября, государь назначилъ засѣданіе общаго собранія Сената въ Гатчинѣ и прибылъ лично въ собраніе послѣ развода съ цесаревичемъ Александромъ Павловичемъ. Подойдя къ своему мѣсту и представивъ присутствующимъ великаго князя, какъ сенатора, императоръ выразилъ свою волю, чтобы наслѣдникъ его занималъ первое по немъ мѣсто въ Сенатѣ, а затѣмъ объявилъ, что предметъ настоящаго собранія есть разсмотрѣніе составленнаго по его приказанію проекта объ учрежденіи запасныхъ магазиновъ въ имперіи. «Поручаю вамъ, милостивые государи»,—прибавилъ въ заключеніе Павелъ Петровичъ,—«неотлагательно заняться этимъ дѣломъ, съ которымъ сопряжено благосостояніе народа, претерпѣвающаго большія бѣдствія во времена неурожая». Проектъ составленъ былъ генераль-провіантмейстеромъ, генераль-лейтенантомъ Обольяниновымъ²⁾.

Разсмотрѣвъ этотъ проектъ въ общемъ собраніи всѣхъ петербург-

¹⁾ П. С. З., т. XXV, № 18448.

²⁾ Императоръ Павелъ Петровичъ, Н. К. Шильдера, стр. 371—372. Авторъ изслѣдованія относитъ это засѣданіе къ октябрю 1799 г., но вѣроятнѣе, что оно происходило 11-го ноября 1799 года.

скихъ департаментовъ, Сенатъ, поставивъ задачу гораздо шире, чѣмъ въ предшествовавшихъ своихъ докладахъ, и, признавая количество запаснаго хлѣба недостаточнымъ для оказанія помощи въ случаѣ нужды, предположилъ завести запасные хлѣбные магазины по всей Имперіи, въ селеніяхъ всякаго званія, казенныхъ и владѣльческихъ, съ годовою пропорціею хлѣба, согласно мнѣнію Обольянинова, по три четверти ржи и по три четверика яроваго на ревизскую душу, съ тѣмъ, чтобы запасные сельскіе магазины или житницы находились непремѣнно при всякомъ селеніи, имѣющемъ не менѣе 50 дворовъ; селеніямъ же, состоящимъ изъ меньшаго числа дворовъ, дозволялось соединяться къ содержанію одного магазина по удобности мѣстнаго положенія. При этомъ предполагалось поручить губернаторамъ обсудить, совмѣстно съ дворянскими предводителями и почетнѣйшими изъ дворянъ, вопросъ о томъ, нельзя ли въ изобильныхъ губерніяхъ наложить сборъ и въ большемъ количествѣ, а въ губерніяхъ не хлѣбныхъ устранить возможныя затрудненія въ сборѣ, и мнѣніе свое представить въ Экспедицію Государственного Хозяйства.

Указавъ порядокъ храненія и освѣженія хлѣба, Сенатъ обязалъ губернаторовъ доставить въ Экспедицію Государственного Хозяйства, не позже шести недѣль по полученіи предписанія, обстоятельный вѣдомости о томъ, въ какихъ имѣнию казенныхъ и помѣщичьихъ селеніяхъ заведены или предположены запасные магазины, сколько хлѣба полагается для каждого магазина, и сколько его требуется собрать. Два раза въ годъ, всѣ запасные магазины, какъ въ казенныхъ, такъ и въ помѣщичьихъ селеніяхъ подлежали освидѣтельствованію нижними земскими судами или довѣренными чиновниками отъ губернатора, а затѣмъ генеральная вѣдомость о запасномъ хлѣбѣ во всей губерніи съ указаніемъ количества собранного хлѣба и количества взаимообразныхъ выдачъ, и не послѣдовало ли какого помѣшательства въ сборѣ хлѣба, должна быть доставляема въ Экспедицію Государственного Хозяйства.

На докладѣ Сената послѣдовала 29-го ноября 1799 года высочайшая резолюція: «быть по сему, а смотрѣніе имѣть предводителямъ, а не инымъ»¹⁾.

IV.

Дѣятельность Экспедиціи касалась не только у устройства сельскихъ хлѣбныхъ магазиновъ, но и внутренняго устройства казенныхъ поселеній, какъ это видно изъ высочайше утвержденного 7-го августа 1797 года доклада Экспедиціи о раздѣленіи казенныхъ селеній на волости и

¹⁾ П. С. З., т. XXV, № 19203.

о порядкѣ внутренняго ихъ управлениія ¹⁾). Дѣло это возникло по поводу высочайшаго повелѣнія, чтобы, при сочиненіі вѣдомостей казеннымъ имѣніямъ, не различать селеній по званіямъ, но писать цѣльными волостями, показывая число деревень, ревизскихъ душъ, земель и угодій. При составленіи этого доклада Экспедиція руководствовалась, главнымъ образомъ, высочайше утвержденныемъ 5-го апрѣля 1797 г. учрежденіемъ объ удѣльныхъ имѣніяхъ. Въ числѣ матеріаловъ, предложенныхъ для соображенія Экспедиції генераль-прокуроромъ по этому дѣлу, было и установление сельскаго порядка въ казенныхъ селеніяхъ бывшаго Екатеринославскаго намѣстничества, введенное тамъ въ 1787 г. ²⁾ и распространенное въ 1790 г. на нѣкоторыя съверныя губерніи ³⁾, однако установление это, какъ не утвержденное высочайшею властью, не было признано возможнымъ принять во вниманіе ни Экспедицію, ни комиссіею составленія законовъ ⁴⁾. По разнообразію губерній и неравенству казенныхъ селеній по числу душъ и количеству земли, опредѣлительного числа душъ для каждой волости не было назначено, но гражданскимъ губернаторамъ предоставлено было вмѣстѣ съ казенными палатами, образовать волости для лучшаго порядка въ сельскомъ управлениі, не болѣе какъ изъ 3.000 душъ. Въ каждой волости учреждалось волостное правление съ волостнымъ старшиною, однимъ старостою или выборнымъ мѣстнаго селенія и однимъ писаремъ, въ каждомъ селѣ или деревнѣ—по одному выборному или старшинѣ и на каждые 10 дворовъ по одному десятскому. Голова и писарь выбирались на 2 года, а старосты на одинъ годъ. Обязанности волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ были подробно опредѣлены согласно учрежденію объ удѣлахъ.

Экспедиція не оставила безъ надлежащаго вниманія и разсмотрѣнія и частные проекты или заявленія, нерѣдко поступавшія къ генераль-прокурору. Такъ, вадворнымъ совѣтникомъ Эли были представлены на разсмотрѣніе Экспедиції замѣчанія ⁵⁾ по управлению казенными имѣніями. Сущность предложеній заключалась въ слѣдующемъ:

1) Казенные деревни осмотрѣть и описать чрезъ знающихъ экономію людей.

2) Для умноженія выгоды отъ казенныхъ деревень, вмѣсто платежа трехрублевой въ годъ подати, установить, чтобы крестьяне работали два дня въ недѣлю для короны.

3) Для прекращенія недоимокъ податей съ казенныхъ крестьянъ

¹⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18082.

²⁾ П. С. З., т. XXII, № 16603.

³⁾ П. С. З., т. XXIII, № 16840.

⁴⁾ Дѣло Экспедиціи, 1797 г., № 13865, по Архиву М. Г. И.

⁵⁾ Дѣло Экспедиціи, № 13861, по Архиву М. Г. И.

и для управлениі казенными помѣстьями учредить въ С.-Петербургѣ или Москвѣ особое правительство, составленное по примѣру прочихъ коллегій, которое бы состояло подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ его императорскаго величества. Для управлениія же по уѣздамъ, для 500 душъ мужскаго пола быть приказчику, у 3.000 душъ—эконому, у 15 до 20.000 душъ—оберъ-эконому, съ тѣмъ, чтобы приказчики зависѣли отъ экономовъ, экономы отъ оберъ-экономовъ, а сіи—отъ правленія.

Подробно разсмотрѣвъ эти проекты, Экспедиція высказала слѣдующее заключеніе:

«По великому пространству Россіи, заключающему въ себѣ различные климаты, земли и народы, нельзя постановить общихъ для сельского хозяйства правилъ и утвердительно положить, которая часть онаго вообще полезнѣйшая. Хотя земледѣліе и скотоводство суть лучшія средства для обогащенія народнаго, но въ Россіи есть мѣста, где, по свойству климата и земли, сіи части сельского хозяйства или мало приносятъ прибыли, или и вовсе неудобны, и для того жители занимаются тамъ другими, выгоднѣйшими для нихъ, промыслами. Описать всѣ казенныя вѣдомства деревни съ хозяйственными примѣчаніями, дабы по тому можно было сдѣлать лучшее соображеніе о недостаткахъ ихъ и выгодахъ, признается полезнымъ.

«Обратить всѣхъ казенныхъ крестьянъ на пашню, съ тѣмъ, чтобы они вместо платежа трехрублеваго оброка, работали два дня въ недѣлю на государя, могло бы, конечно, принести казнѣ болѣе дохода противъ нынѣшняго; но сіе не повсюду въ дѣйство произведено быть можетъ. Учрежденіе для управлениія казенныхъ помѣстій особой коллегіи будетъ то же, что бывшая коллегія экономіи: тогда были казенные управители и комиссары, но недоимки черезъ то не прекращались. Личная же оберъ-экономовъ власть, столь обширная, можетъ служить поводомъ къ разнымъ злоупотребленіямъ и не соответствуетъ никакимъ узаконеніямъ Российскаго государства».

Въ числѣ проектовъ хозяйственного свойства, передаваемыхъ на разсмотрѣніе Экспедиціи генераль-прокуроромъ, были и весьма странные, какъ, напримѣръ, слѣдующія замѣчанія костромскаго помѣщика князя Шелешпанскаго ¹⁾.

1) «Для прекращенія опустошенія цѣлыхъ селеній побѣгомъ въ скиты по подговору раскольниковъ, обольщающихъ простодушныхъ крестьянъ мнимымъ благочестіемъ, укрывающихъ ихъ отъ государственныхъ поборовъ, и чрезъ представительство богатыхъ людей ихъ секты не только въ скитахъ, но и въ городахъ умножающихъ число тунеядцевъ», авторъ предлагалъ «определѣніемъ изъ казны награжденія побудить къ

¹⁾) Дѣло Экспедиціи, № 13863 (по Архиву М. Г. И.).

*

доносамъ о таковыхъ бѣглецахъ, которыхъ, такъ же, какъ и ихъ укрывателей, отдавать годныхъ—въ солдаты съ зачетомъ, а негодныхъ—на поселеніе или на рудокопные заводы; изслѣдованія же по доносамъ чинить отправленіемъ тайно воинской команды, капитанъ-исправниковъ, у коихъ въ уѣздѣ найдутся слободы съ живущими бѣглецами, штрафовать лишеніемъ чиновъ, а съ деревень, въ коихъ бѣглецы найдены будутъ, брать рекрутъ безъ зачета».

2) «Къ искорененію нерадѣнія касательно сбереженія жизни и воспитанія незаконныхъ дѣтей, рожденныхъ во время отлучки крестьянъ для промысловъ, дабы, бывъ призрѣны, не погибали», авторъ предлагалъ «учрежденіе изъ доходовъ общественнаго призрѣнія сиротскихъ домовъ въ такихъ губерніяхъ, откуда крестьяне болѣе на промыслы отлучаются, или позволить помѣщикамъ и поселянамъ принимать къ себѣ таковыхъ дѣтей и укрѣплять ихъ за собою».

3) «Для вящшаго умноженія народа позволить служащимъ въ армії начальникамъ и шляхетству брать изъ разныхъ магометанскихъ и идолопоклонническихъ націй плѣнниковъ въ вѣчное услуженіе, а по воспріятіи ими христіанскаго закона позволить женить ихъ на крѣпостныхъ. Также дозволить купечеству вывозить съ новонайденныхъ острововъ дикій народъ, ясакомъ не обложенный, и продавать владѣльцамъ въ крѣпость. Сверхъ сего, бѣжавшихъ изъ Россіи и пока возвратившихся раздавать офицерамъ, такъ же какъ и разнаго рода вольныхъ иностранцевъ, въ Россію пріѣхавшихъ и ни въ цехъ, ни въ какое другое состояніе не записавшихся».

Разсмотрѣвъ эти замѣчанія, Экспедиція напila:

1) Что хотя бы и былъ побѣгъ въ скиты раскольниковъ, но не умается тѣмъ сборъ узаконенныхъ податей, потому что не токмо за выбылыхъ разными случаями, но даже за отданныхъ въ рекруты и умершихъ, каждое селеніе платить подати отъ ревизіи до ревизіи; равнымъ образомъ, не нужно и средство для прекращенія побѣговъ, ибо существуетъ законъ о доносителяхъ и какимъ образомъ доводы свои доказывать должны. Способъ для сыска бѣглыхъ тайнымъ отправленіемъ воинской команды представляется насильственнымъ и послужить явнымъ поводомъ къ притѣсненію раскольниковъ въ противность указамъ.

2) Для сохраненія жизни дѣтей незаконорожденныхъ, предписано съ подробностію въ учрежденіи о Воспитательномъ домѣ; укрѣпленіе же ихъ за помѣщиками и поселянами не соответствуетъ человѣколюбію и совершенно противно существующимъ узаконеніямъ.

3) Плѣнниковъ безъ войны не бываетъ, а при заключеніи мира дѣлается размѣнъ или особенное о возвратѣ оныхъ постановленіе. Брать иначе идолопоклонниковъ и магометанъ на границахъ и островахъ

законы благоустроенного государства и общеноародное право воспрещаютъ. О иностранцахъ, въ Россію пріѣхавшихъ, существуютъ трактаты тѣхъ державъ или республикъ, откуда они происхожденіе свое имѣютъ.

Въ виду этихъ соображеній, Экспедиція предлагала оставить предположенія кн. Шелешпанскаго безъ всякаго вниманія, съ чѣмъ и согласился генераль-прокуроръ, князь Куракинъ.

Въ мартѣ 1800 г. генераль-прокуроръ П. Х. Обольяниновъ передалъ въ Экспедицію, для разсмотрѣнія и заключенія, два проекта о продажѣ казенныхъ пустопорожнихъ земель, небольшими участками, людямъ всѣхъ состояній.

Неизвѣстные авторы проектовъ указывали, что польза отъ такого дозволенія состоять будеть въ умноженіи пошлинъ за совершеніе купчихъ и въ увеличеніи земельной подати, и предлагали предоставить право покупки земель также и огородникамъ изъ ростовскихъ и ярославскихъ крестьянъ. Разсмотрѣвъ эти проекты, Экспедиція высказалась противъ нихъ, на томъ основаніи, что «купцы и мѣщане уже имѣютъ право на покупку земель; ежели же распространить сіе позволеніе и на крестьянъ, то симъ смѣшаются всѣ состоянія, поравняясь нѣкоторымъ образомъ чрезъ сіе право собственности одно съ другимъ, чрезъ что нарушается государственная постановленія, опредѣляющія каждому роду людей приличная преимущество и обязанности. Если же дать сіе позволеніе и помѣщицкимъ крестьянамъ, то сіе послужить къ нарушенію правъ дворянства, тѣмъ болѣе, что земель казенныхъ, впustѣ лежащихъ и удобныхъ, далеко не много, ибо недостаетъ оныхъ и въ обширнѣйшихъ губерніяхъ для нарѣзки указанной 15-ти десятинной пропорціи казеннымъ крестьянамъ. А ежели бы въ нѣкоторыхъ губерніяхъ таковыя земли и были, то именнымъ его императорскаго величества указомъ декабря 8-го дня 1796 года запрещена таковая продажа порожнихъ казенныхъ земель въ частныя руки».

По всѣмъ этимъ причинамъ Экспедиція не находила ни пользы, ни возможности въ помянутомъ предположеніи, ибо оно основано на слабомъ заключеніи отъ одной части къ цѣлому государству, ни знаніемъ статистического его состоянія, ни законодательныхъ порядковъ не подкрепленное; о чёмъ и было донесено рапортомъ генераль-прокурору.

Вопросъ о разрѣшеніи людямъ всѣхъ состояній пріобрѣтать земли былъ разрѣшенъ въ слѣдующемъ году, указомъ императора Александра I, 12-го декабря 1801 г. ¹⁾), по обсужденіи въ особомъ состоявшемъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ императора, негласномъ комитетѣ ²⁾.

¹⁾ П. С. З., т. XXVI, № 20075.

²⁾ См. мою брошюру: „Крестьяне-собственники“. Слб. 1858 г. и Н. К. Шильдера, „Императоръ Александръ I“, т. I.

Изыскивая средства для приведенія въ лучшее состояніе земледѣлія у крестьянъ, Экспедиція вошла также въ разсмотрѣніе положенія многочисленнаго класса однодворцевъ, которые, обитая въ изобильнѣйшихъ губерніяхъ Имперіи, терпѣли большую нужду по малоземелью. Сдѣлавъ подробный историческій обзоръ происхожденія однодворцевъ и ихъ крестьянъ, Экспедиція пришла къ заключенію, что малоземелье ихъ было результатомъ не только ихъ размноженія, но главнымъ образомъ разныхъ злоупотребленій, вслѣдствіе которыхъ они нерѣдко одни и тѣ же участки продавали и закладывали въ разныя руки и оттого завели множество судныхъ и исковыхъ дѣлъ. Для устраненія этихъ затрудненій Экспедиція полагала нарязать всѣмъ однодворцамъ и ихъ крестьянамъ, въ виду уравненія ихъ съ казенными крестьянами, до 15 дес. на душу, согласно высочайше утвержденному 27-го ноября 1797 г. докладу Сената о надѣлѣ казенныхъ крестьянъ землею¹⁾), прекратить большую часть спорныхъ дѣлъ о земляхъ между однодворцами и другими лицами, при недостаткѣ же излишнихъ земель для надѣла однодворцевъ, часть жителей переселить въ другія губерніи. Докладъ Экспедиціи, по разсмотрѣніи его въ общемъ Сената собраніи, былъ высочайше утвержденъ 21-го июля 1798 г. и расpubликованъ въ сенатскомъ указѣ отъ 24-го сентября того же года²⁾). Впрочемъ, въ слѣдующемъ же году, по высочайше утвержденію 10-го октября 1799 г. докладу Сената, дѣло о нарязкѣ земель однодворцамъ передано было изъ Экспедиціи Государственного Хозяйства въ межевой департаментъ Сената для сосредоточенія съ прочими дѣлами о надѣлѣ землею казенныхъ крестьянъ³⁾.

В. Вешняковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ П. С. З., т. XXIV, № 18256.

²⁾ П. С. З., т. XXV, 18676.

³⁾ П. С. З., т. XXV, № 19146 п. 6.

Родословная Басмановыхъ.

I.

асмановы были отраслью рода Плещеевыхъ.

Родоначальникъ Басмановыхъ, Даниилъ Андреевичъ Плещеевъ (кол. VII, 100) носилъ прозваніе Басманъ. Онъ взять былъ въ плѣнъ литовцами подъ Оршою въ 1514 году и умеръ въ Литвѣ¹⁾.

Сынъ его, Алексѣй Даниловичъ, записанный въ тысячной книгѣ 1550 г., по первой статьѣ, съ отмѣткою «съ Переяславля», пожалованъ былъ въ окольничіе въ 155 $\frac{1}{2}$ (7060) г.; въ бояре въ 155 $\frac{5}{6}$ (7064) г. и показанъ «выбывшимъ», т. е. казненнымъ въ 156 $\frac{8}{9}$ (7077) г.)²⁾.

Казнь его вызвана была подозрѣніемъ въ измѣнѣ.

Въ переписной книжѣ Посольского приказа 1626 года значится: «столпъ, а въ немъ статейный списокъ изъ сыскнаго измѣннаго дѣла 15 $\frac{69}{70}$ (78) году на новгородскаго архіепископа Пимена, новгородскихъ діаковъ, подьячихъ, гостей, владычныхъ приказныхъ, дѣтей боярскихъ и подьячихъ, какъ они ссылались въ Москву съ бояры, съ Алексѣемъ Басмановымъ, сыномъ его Федоромъ, казначеемъ Никитою Фуниковымъ, печатникомъ Иваномъ Михайловымъ Висковатого, Семеномъ Василье-

¹⁾ Кн. Долгоруковъ. „Росс. род. книга“, IV, 174. Ср. С. И. Р. И. О. т. 35, стр. 654, гдѣ, подъ 1522 г., онъ значится въ числѣ „лучшихъ людей“, содержавшихся въ плѣну въ Литвѣ.

²⁾ Древн. Росс. Вивл., XX, 38, 40 и 50. О немъ упоминается въ духовной Дмитрія Григорьевича Плещеева (кол. VIII, 154) весьма важной для уясненія родственныхъ связей Плещеевыхъ. Лихачевъ. Сборникъ актовъ. Спб. 1895, № XI. Грамоту по мѣстническому его дѣлу съ Шереметевымъ см. у Лихачева. Мѣстническія дѣла. Спб. 1894 г., № 1.

вымъ Яковля, да съ дьякомъ Васильемъ Степановыемъ, Андреемъ Васильевыемъ, да съ княземъ Леанасиемъ Вяземскимъ о сдачѣ Великаго Новгорода и Пскова ¹⁾).

По словамъ Курбскаго, Алексѣй Басмановъ былъ зарѣзанъ сыномъ своимъ Федоромъ ²⁾.

Федоръ Алексѣевичъ Басмановъ, любовникъ, какъ выразился кн. Курбскій, царя Ивана, пожалованъ въ кравчие въ 156^{5/6} (7074) г. и показанъ «выбывшимъ» въ 157^{0/1}, (7079) году ³⁾.

Имѣлъ онъ двухъ сыновей: Петра и Ивана. Въ 1588 году раздѣлили они даннаго имъ матерью ихъ (т. е. женою Федора Алексѣевича) вотчины, при чемъ старшій братъ, Петръ, получилъ, между прочимъ, въ Переяславскомъ уѣздѣ село Елизарово съ деревнями ⁴⁾. Въ раздѣльной съ братомъ Петръ Федоровичъ Басмановъ говоритъ, что «пожаловала насть государыня наша матушка княгиня Варвара Васильевна, подѣлила насть съ братомъ, полюбовно, государскимъ жалованьемъ, вотчинами и помѣстерьемъ» ⁵⁾.

Позднѣе, а именно въ 1623 году, только что упомянутое село Елизарово сдѣлалось предметомъ спора между Фаддеемъ Ивановичемъ Колодкинымъ-Плещеевымъ (кол. X, 247) и сыномъ его Михаиломъ (кол. XI, 300), съ одной стороны, и вдовою Ивана Федоровича Басманова, Ириною Васильевную, съ другой. Въ судномъ обѣ этомъ селѣ дѣлѣ записано, что «сосланъ-де былъ Алексѣй Даниловичъ (Басмановъ-Плещеевъ) на Бѣлоозеро и съ дѣтьми съ Федоромъ съ сыномъ, а у Алексѣя жены не было въ тѣ поры, а былъ женатъ сынъ его Федоръ Алексѣевичъ и Алексѣя-де Даниловича и сына его Федора не стало въ опалѣ на Бѣлоозерѣ, а остались послѣ Федора жена съ дѣтьми съ Петромъ да съ Иваномъ Федоровичи, а послѣ-де того царь Иванъ Васильевичъ всея

¹⁾ Карамзинъ, IX, прим. 299. Архиепископъ Пименъ хирот. 20-го ноября 1552 г. изъ иноковъ Кириллова м-ря; 14-го февраля 1570 г. повезенъ, въ опалѣ, въ Москву и † 25-го сентября 1571 г.

²⁾ Въ одной рукописной разрядной книжѣ (Лихачевъ. Разрядные дѣяки. Слб. 1888, стр. 278, пр.) упоминается въ 1552 г., въ чинѣ окольничаго, Василий Даниловичъ Басмановъ, но въ боярскомъ спискѣ, изд. въ Древн. Росс. Вивл., такого имени нѣтъ. Можно думать, что имя „Василій“ Басмановъ поставлено опискою, вмѣсто „Алексѣй“, такъ какъ ему предшествуетъ, въ рукописи, имя Василія Семеновича Серебрянаго.

³⁾ Древн. Росс. Вивл. XX, 47 и 51.

⁴⁾ Дѣлъ его, бояринъ А. Д. Басмановъ купилъ у племянника своего Ивана Дмитревича Плещеева-Колодки (кол. IX, 192) въ Нерльскомъ стану Переяславльскаго уѣзда, пустошь Вишка и отдалъ ее въ церковь Никиты и Онуфрия въ селѣ Елизаровѣ по своему роду и „по своимъ людцемъ, которые въ государскихъ службахъ подъ Казанью при мнѣ, Алексѣѣ, побиты“. Дарственная его обѣ этомъ запись во „Влад. губ. вѣд.“ 1855 г. № 48 или во Владимѣрскомъ Сборнику Тихонравова. М. 1857, стр. 132.

⁵⁾ А. Ю., № 266.

Русіи пожаловалъ Федорову жену съ дѣтьми съ Петромъ да съ Иваномъ, велѣль ихъ взять въ Великій Новгородъ и отдать брату ея князю Андрею Васильевичу Сицкому; а послѣ того изъ Новгорода велѣль ее взять къ Москвѣ и выдать за князя Ивана Константиновича Курлятева, а дѣтей ея Петра и Ивана взялъ къ себѣ, къ государю ¹⁾).

Изъ приведенныхъ документовъ явствуетъ, что жена Федора Алексѣевича Басманова была рожденная княжна Варвара Васильевна Сицкая; овдовѣвъ, вступила она во второй бракъ съ княземъ Иваномъ Константиновичемъ Курлятевымъ и была еще въ живыхъ въ 1588 г., когда приложила печать къ раздѣльной своего сына Петра.

Бракомъ Ф. А. Басманова съ княжной В. В. Сицкою Басмановы вступили въ свойство съ Романовыми, такъ какъ отецъ княжны Варвары Васильевны, бояринъ кн. Василій Авдreeевичъ Сицкій, убитый въ 1578 г. подъ Венденомъ, женатъ былъ на Аннѣ Романовнѣ Юрьевой-Захарьиной, старшей сестрѣ царицы Анастасии ²⁾). Онъ былъ дружкою, а его жена—свахою княжны Марії Владимировны Старицкой, на свадьбѣ ея съ королемъ Арцымагнусомъ, происходившой въ Новгородѣ, въ 1573 г. ³⁾. Вѣроятно, послѣ этой свадьбы, Варвара Васильевна Басманова поручена была своему брату, князю Андрею Васильевичу ⁴⁾).

Въ родѣ князей Курлятевыхъ было два князя Ивана Константиновича. Они были родные братья. Старший умеръ на государевой службѣ въ Серпуховѣ въ 1583 году, время кончины младшаго не известно. Вѣроятно, вдова Басманова выдана была за Ивана большаго, имѣвшаго сына, кн. Ивана Ивановича; князь же Иванъ Константиновичъ меньшой показанъ въ родословной росписи неженатымъ и бездѣтнымъ.

Второй бракъ В. В. Басмановой съ кн. Курлятевымъ можетъ быть объясненъ тѣмъ, что князья Курлятевы были еще ранѣе въ свойствѣ съ Плещеевыми (вѣты рода которыхъ составляли Басмановы), такъ какъ дѣдъ князя Ивана Константиновича, кн. Иванъ Васильевичъ Курля-Оболенский женатъ былъ на Анастасіи Федоровнѣ Плещеевой ⁵⁾.

Петръ Федоровичъ Басмановъ, известный сподвижникъ Лжедими-

¹⁾ Акты Федотова-Чеховскаго. Кіевъ. 1860, I, 266.

²⁾ Еще ранѣе Андрей Петровичъ Плещеевъ (кол. VII, 86) женатъ былъ на дочери Якова Ивановича Кошкина-Казака (колѣнъ V рода Андрея Ко-былы). Селифонтовъ. Сборникъ материаловъ по истории предковъ царя Михаила. Спб. 1898, II, 12 и 18.

³⁾ Древ. Росс. Ппвл., XIII, 98 и 102.

⁴⁾ Другой братъ В. В. Басмановой, кн. Иванъ Васильевичъ Сицкій, женатый на Евфиміи Никитичнѣ Романовой, сосланъ и постриженъ былъ, вмѣстѣ съ женою, при царѣ Борисѣ. Доводчикомъ на него былъ Осипъ Ивановичъ Плещеевъ (кол. X, 236). Временникъ М. О. И. и Д., XIV, 49. Ср. тамъ же стр. 64—65 и 140—141.

⁵⁾ Кн. Лобановъ, „Русск. род. книга“, II, 35—36.

трія, одновременно съ нимъ погибшій, имя котораго едва-ли не въ первый разъ встрѣчается въ разрядахъ подъ 1590 г.¹⁾, женатъ былъ на княжнѣ Дарьѣ Ивановнѣ Турениной († 1603 г.), дочери окольничаго, кн. Ивана Самсоновича Туренина († 1597 г.)²⁾ и его жены, Домны Ивановны.

Кромѣ дочери Дарьи, у кн. Ивана Самсоновича были еще двѣ дочери: княжна Елена, за кн. Иваномъ Семеновичемъ Куракинымъ³⁾ и княжна Марія, за кн. Андреемъ Владимировичемъ Колызовымъ-Мосальскимъ⁴⁾.

Бракомъ съ кн. Турениною Басмановъ вступилъ въ свойство съ Годуновыми, ибо дядя кн. Ивана Самсоновича, кн. Федоръ Ивановичъ Туренинъ женатъ былъ на Евдокіи Михайловнѣ Годуновой⁵⁾.

Петръ Федоровичъ Басмановъ имѣлъ одного сына, умершаго ранѣе отца.

Младшій братъ Петра Федоровича, окольничій Иванъ Федоровичъ Басмановъ, убитый въ 1604 году въ стычкѣ съ разбойничьею шайкою атамана Хлопко⁶⁾, женатъ былъ на Принѣ (инока Ираїда) Васильевнѣ Салтыковой, † 2-го апрѣля 1639 г.

У него была дочь, Фотинія Ивановна, † 8-го октября 1642 г. въ замужествѣ за кн. Василіемъ Яншіевичемъ Сулемешевымъ, † 28-го октября 1641 г. Она была второю его женою, такъ какъ первая его супруга, Анна Ивановна Н., † 6-го іюля 1620 г.⁷⁾.

¹⁾ Симбирскій сборникъ. М. 1845 г., стр. 110. Мѣсяца января въ 18 д. потель царь и великий князь изъ Новагорода въ Нѣмецкую землю. А рынды у царя и великаго князя, князь Иванъ большой да князь Иванъ меньшой Никитичи Одоевскіе, князь Андрей Андреевичъ Телятевскій; четвертый рында Петръ Федоровичъ Басмановъ; и Петръ Басмановъ билъ челомъ въ отечествѣ о счетѣ на князя Андрея Телятевскаго; и Петра Басманова государь отставилъ, а въ Петрово мѣсто, четвертый рында Алексѣй Романовъ сынъ Плещеевъ (кол. IX, 196).

²⁾ Древ. Росс. Вивл., XX, 65 и 66. Кн. И. С. Туренинъ былъ приставомъ при князѣ И. П. Шуйскомъ, сосланномъ царемъ Федоромъ Нов. лѣтоисецъ. М. 1853, стр. 26.

³⁾ Холмогоровъ. Истор. свѣд. о церквахъ, V, 146. У кн. Долгорукова (I, 315) и въ архивѣ кн. Куракина, Спб. 1890, I, 357, женою кн. Ивана Семеновича показана Гликерія NN.

⁴⁾ Холмогоровъ. Истор. свѣд. о церквахъ, V, 147. Былъ рындою на свадьбѣ Лжедимитрія. Древ. Росс. Вивл., XIII, 118. Г. Бранденбургомъ въ Родѣ кн. Мосальскихъ, Спб. 1893, стр. 48, имя его жены не указано.

⁵⁾ Извѣстія Рус. Генеалог. Общ. Спб. 1890, I, 102—103.

⁶⁾ Древ. Росс. Вивл. XX, 72—73.

⁷⁾ Древ. Росс. Вивл. XIX, 387 и 388. Брать кн. Василія, кн. Юрій Яншіевичъ Сулемешевъ † 6-го февраля 1637 г., женатъ былъ первымъ бракомъ на сестрѣ кн. Димитрія Мамстрюковича Черкасскаго, кн. Маріи, а вторымъ на дочери Михаила Михайловича Салтыкова, Мареѣ. Бѣлокуровъ во Вре-

Въ 1636—1644 г.г. упоминается Евпраксія Басманова, первона-
чально соборная старица, а потомъ игуменья Покровскаго въ Суздалѣ
монастыря ¹⁾).

Смертью Петра Федоровича, 17-го мая 1606 г., пресекся родъ Бас-
мановыхъ.

Хотя Басмановы съ Плещеевыми въ роду разошлись, но, тѣмъ не
менѣе, общность ихъ происхожденія сохраняла силу. Когда Петръ Фе-
доровичъ Басмановъ передался Лжедимитрю, то съ грамотою лжецаря
посланъ былъ въ Москву, вмѣстѣ съ Гаврилою Пушкинымъ, Наумъ
Михайловичъ Плещеевъ (кол. IX, 201), который за это былъ «пожало-
ванъ помѣстнымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ» ²⁾. Еще болѣе
интересно записанное въ судномъ дѣлѣ 1623 года о селѣ Елизаровѣ, о
которомъ говорено было выше, свидѣтельство шовѣреннаго Фаддея Пле-
щеева, что когда «Петра (Басманова) при Ростригѣ убили, и они-де
(Плещеевы) и всѣ того же надѣ собою убивства чаяли» ³⁾.

II.

Представленная родословная Басмановыхъ основана на раздѣль-
ныхъ и вкладныхъ ⁴⁾ записяхъ и на данныхъ, заключающихся въ
тяжебномъ о недвижимомъ имуществѣ дѣлѣ. Въ одной части, однако,
не согласна она со свѣдѣніями, встрѣчающимися въ трудахъ русскихъ
генеалоговъ.

Сенаторъ Бороздинъ въ статьѣ о Басмановыхъ утверждаетъ, что
вдова Федора Алексѣевича Басманова вышла въ другой разъ за князя
Василія Юрьевича Голицына, который также имѣлъ отъ первого брака
(съ кѣмъ не сказано) сыновей и въ томъ числѣ Василія, прославивша-
гося впослѣдствіи посольствомъ своимъ въ Польшу ⁵⁾.

мен. 1899, IV, стр. 7; Леонидъ. Вкладная книга Новоспасскаго м-ря. Спб.
1883, стр. 27; Древ. Росс. Вивл. XIX, 386 и Забѣлинъ. Быть русскихъ ца-
рицъ. М. 1859, стр. 349.

¹⁾ Строевъ, Списки іерарховъ. Спб. 1877, стол. 692; А. И., III, 345.

²⁾ Временникъ, XIV, 41 и 140.

³⁾ Акты Федотова-Чеховскаго, I, 267.

⁴⁾ Списокъ погребенныхъ въ Троицкой Сергиевской лаврѣ. М. 1880,
№№ 93, 94 и 95.

⁵⁾ Энциклопедический Лексиконъ Плюшара, Спб. 1836, V, 41—43. Со-
гласно этому, въ статьѣ о кн. Голицыныхъ (тамъ же, XIV, 3) князь Василій
Васильевичъ названъ сведеннымъ братомъ Петра Федоровича Бас-
манова.

Затѣмъ, кн. Долгоруковъ, въ своеї «Россійской Родословной книгѣ», въ одномъ случаѣ, въ родословной кн. Голицыныхъ (I, 284), показалъ, что князь Василій Юрьевичъ Голицынъ женатъ былъ на вдовѣ Петра Федоровича Басманова (жена котораго, однако, умерла ранѣе мужа), а въ другомъ—въ родословной Басмановыхъ (IV, 174, примѣч.), что Федоръ Алексѣевичъ Басмановъ женатъ былъ на вдовѣ того же князя В. Ю. Голицына (во иночинахъ Софіѣ), хотя первый изъ этихъ двухъ лицъ казненъ въ 1571 году, а второй умеръ въ 1584 году. Несообразности очевидны.

Наконецъ, въ Матеріалахъ для полной родословной росписи кн. Голицыныхъ, собранныхъ кн. Н. Н. Голицынымъ (Кievъ, 1880, стр. 9), повторяются приведенные свѣдѣнія, и показано, что кн. Василій Юрьевичъ, † 1589 г., былъ женатъ (послѣ 1571 года), на вдовѣ боярина и кравчаго Федора Алексѣевича Басманова-Шлещеева ¹⁾ († 1571), въ схимонахинахъ Вознесенскаго монастыря въ Кремль Софіѣ, † между 1623—1625 г.

Такимъ образомъ мірское имя жены кн. В. Ю. Голицына продолжало оставаться невыясненнымъ, и только въ «Родословномъ сборникѣ» г.г. Руммеля и Голубцова (Спб. 1886, I, 262) въ родословной Желябужскихъ показана: «Соломонида Григорьевна, во иночествѣ Софія, игуменья Вознесенскаго монастыря въ Кремль (до 1613), † 1623—1625; 1) за бояриномъ и кравчимъ Федоромъ Алексѣевичемъ Басмановымъ, † 1571; 2) за бояриномъ княземъ Василіемъ Юрьевичемъ Голицынымъ (Булгаковымъ), † 1584 г. Это показаніе включено кн. Н. Н. Голицынымъ въ его послѣдній трудъ: «Родъ кн. Голицыныхъ». (Спб. 1892, стр. 114).

Однако Н. Н. Лихачевъ документально доказалъ, въ своемъ разборѣ книги кн. Н. Н. Голицына ²⁾, что въ 1573 году упоминается жена кн. Василія Юрьевича, Дарья, которая и должна быть признана первою его супругою, и что отчество второй его жены (во иночинахъ Софія) было не Григорьевна, а Ивановна. Этимъ, конечно, въ значительной степени подрывается достовѣрность показанія родословной Желябужскихъ о принадлежности ея къ этому роду. Во всякомъ случаѣ, она никоимъ образомъ не могла быть вдовою Федора Басманова, такъ какъ послѣднюю звали Варвара Васильевна.

Утвержденіе, что кн. Василій Юрьевичъ Голицынъ женатъ былъ, будто бы, на вдовѣ Федора Алексѣевича Басманова, основывается, ка-

¹⁾ Ф. А. Басмановъ не былъ бояриномъ, а только кравчимъ.

²⁾ Новое родословіе кн. Голицыныхъ. Спб. 1893 (изъ журнала „Библіографъ“), стр. 14, 18 и 25.

жется, на приведенномъ Карамзинымъ (Х, пр. 572) изъ московской лѣтописи пастора Бера свѣдѣніи, что, по убієніи Петра Басманова, князь Иванъ Голицынъ ¹⁾, сводный братъ умершаго, взялъ съ площади, съ дозвolenія бояръ, трупъ его и похоронилъ подъ его сына, за англійскимъ подворьемъ.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что нѣмецкій текстъ лѣтописи Бера (до сихъ поръ неизданный) Карамзинъ и Устряловъ ²⁾ передали по-русски вполнѣ точно. Подтверждается это тѣмъ, что въ хроникѣ Буссова говорится о погребеніи Басманова въ слѣдующихъ словахъ: «Des Baschmanoffs Stief-Bruder erlangte bey den Vornehmsten, dass er seines Brüders Cörper vom Marchte mögte abholen und begraben lassen» ³⁾. Равнымъ образомъ Петрей сообщаетъ, что: «weil aber Bosmanno von einem fürnemen Gesehlecht und Familia war, und seinen Stieffbruder im Leben hatte, erlangte er bey den vornehmesten Fürsten und Herren so viel, dass er seinen Bruder von Markt möchte weg holen und begraben lassen» ⁴⁾.

Ни Буссовъ, ни Петрей не называютъ однако этого Stieffbruder'a Басманова княземъ Голицынымъ, и если фамилія Голицынъ находится въ лѣтописи Бера, то произошло это, несомнѣнно, по ошибкѣ. Признавъ, что кн. Иванъ Васильевичъ Голицынъ былъ сводный братъ Петра Федоровича Басманова, необходимо признать или, что Федоръ Алексѣевичъ Басмановъ († 1571 г.) былъ женатъ на вдовѣ кн. Василия Юрьевича Голицына († 1584 г.), а это, очевидно, невозможно, или, наоборотъ, что кн. В. Ю. Голицынъ былъ женатъ на вдовѣ Ф. А. Басманова, а это также невозможно.

Какъ показано выше, Варвара Васильевна Басманова отъ первого брака имѣла двухъ сыновей, Петра и Ивана Басмановыхъ. Затѣмъ вступила она во второй бракъ съ княземъ Иваномъ Константиновичемъ Курлятевымъ, у котораго, по родословной, показанъ сынъ, князь Иванъ. Остается предположить, что онъ былъ сынъ князя Ивана Константиновича отъ первого брака, или, другими словами, что кн. Иванъ Константиновичъ женился на Басмановой, будучи вдовцомъ, и что, следовательно, Петръ Басмановъ и князь Иванъ Курлятевъ были сводные братья. Беръ, по незнанію, назвалъ кн. Курлятева ⁵⁾ княземъ Голицынымъ, — ошибка, для иноземца, возможная.

¹⁾ Второй сынъ кн. Юрія Васильевича.

²⁾ Сказанія современниковъ. Спб. 1831, I, 99. По Никоновской лѣтописи (VIII, 75), Петръ Басмановъ похороненъ былъ у Николы Мокраго.

³⁾ Rerum Rossicarum Scriptores Exteri. Petropoli. 1851, I, 58.

⁴⁾ Ibid., 193.

⁵⁾ Князь Иванъ Ивановичъ Курлятевъ въ спискѣ чиновъ 1605 г. названъ чашникомъ великимъ и присутствовалъ при свадьбѣ Лжедимитрия. Древ. Росс. Вивл., XIII, 119 и 121.

Междуд тѣмъ наши генеалоги, труды большинства которыхъ лишены исторической критики и, вслѣдствіе этого, представляютъ весьма малую научную цѣнность, приняли на вѣру показаніе хроники Бера, несомнѣнно ошибочное. Очевидно, что признаніе ими точнымъ показанія ошибочного, не подвергнутаго ими анализу, неизбѣжно должно было, въ свою очередь, привести къ новымъ ошибкамъ и, дѣйствительно, къ нимъ привело.

Записки генерала В. И. Левенштерна.

XLIV ^{1).}

Взятие французскихъ блокгаузовъ.—Принцесса Ангальтская.—Маршалъ Ней.—Сраженіе при Денинвицѣ.—Полковникъ Лачиновъ.—Въ ожиданіи дуэли.—Баронъ Паленъ.

не заставилъ себя долго ждать; я былъ радъ служить подъ начальствомъ молодаго генерала, который уже успѣлъ заявить о себѣ, умѣль разсчитать свои движенія и пользоваться обстоятельствами.

Генералъ Чернышевъ обладалъ рѣдкимъ качествомъ—не завидовать подчиненнымъ; напротивъ, онъ давалъ имъ случай отличиться, умѣль выставить ихъ заслуги и такъ какъ онъ пользовался благоволенiemъ при дворѣ, то награды сыпались на тѣхъ, кто служилъ подъ его начальствомъ.

Онъ сообщилъ мнѣ свой планъ атаковать одновременно всѣ аванпосты передъ Виттенбергомъ и поручилъ мнѣ командованіе его пра-вымъ флангомъ и приказалъ мнѣ начать атаку.

Непріятель, находившійся у опушки лѣса, встрѣтилъ меня довольно сильнымъ ружейнымъ огнемъ.

Чернышевъ пустилъ въ ходъ орудія и далъ мнѣ такимъ образомъ возможность обойти лѣсъ и взять одинъ блокгаузъ, который непріятель, застигнутый мною врасплохъ, тотчасъ покинулъ; я взялъ его, не потерявъ ни одного человѣка.

Послѣ того какъ блокгаузъ былъ взятъ, всѣ остальные, находившіеся на этой линіи блокгаузы были оставлены французами и заняты нашими войсками.

Мы никакъ не ожидали столь блестящаго результата, и когда обѣ немъ донесли королевскому принцу, то онъ не хотѣлъ вѣрить этому.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1901 г. августъ.

— Я считаю казаковъ способными на многое, сказаъ онъ, но все-таки не думаю, чтобы они могли брать блокгаузы, обороняемые французами.

Если подвигъ цѣнится по количеству потерянныхъ людей, то подвигъ, совершенный нами, былъ ничтоженъ, такъ какъ мы не потеряли при этомъ ни одного человѣка.

Наше движеніе было совершено смѣло и быстро; оно внушило страхъ непріятелю, который предполагалъ, вѣроятно, что за нами шла пѣхота и, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ крѣпости, оставилъ эти блокгаузы, которые мы тотчасъ принялись разрушать; но это дѣло было не легкое, и намъ не удалось бы выполнить его безъ помощи крестьянъ, коимъ мы позволили взять всѣ деревянныя части зданій.

Послѣ этого Чернышевъ устроилъ свою главную квартиру въ Смиль-кендорфѣ и поручилъ мнѣ командование аванпостами.

Я обѣдалъ у него каждый день; обѣдъ присыпался ему отъ принцессы Ангальтской, двоюродной сестры и современницы Екатерины II, кѣсторя жила въ Косвигѣ. Обѣдъ привозили въ фургонѣ, запряженномъ четверкою лошадей, и Чернышевъ получалъ его буквально горячимъ.

Въ числѣ приглашенныхъ находились обыкновенно Константинъ Бенкендорфъ и Шоппингъ (Shoppingh); изъ нихъ первый услаждалъ насъ игрою на гитарѣ, а второй — своимъ прекраснымъ голосомъ. Романсы и водевильные куплеты, которые я слушалъ, лежа на соломѣ и покуривая трубку, доставляли мнѣ болѣе удовольствія, нежели въ театрѣ.

Къ моимъ аванпостамъ пріѣхалъ адъютантъ королевскаго принца съ письмомъ отъ его королевскаго высочества къ маршалу Нею.

Это былъ графъ Лилленкрювъ или Лилленкранцъ, обративший общее вниманіе въ Парижѣ своей красивой наружностью и пріятнымъ обхожденіемъ; его сопровождало нѣсколько англичанъ, находившихся при главной квартирѣ принца.

Не дожидаясь появленія трубача, я приблизился къ французскимъ аванпостамъ и сдѣлалъ знакъ платкомъ, что я желаю говорить съ ними.

Мнѣ предложили подѣхать ближе; между тѣмъ явился трубачъ, котораго я просилъ Чернышева прислать мнѣ; графъ Лилленкрювъ также подѣхалъ. Въ этотъ моментъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей.

Къ счастью никто, кроме моей бѣдої лошади, не былъ раненъ.

Однако, письмо надобно было передать во что бы то ни стало; поэтому приходилось вновь продѣлать тотъ же маневръ.

Этотъ разъ изъ предосторожности я приблизился къ французамъ пѣшкомъ и приказалъ трубить, что есть мочи.

Заслышавъ выстрѣлы, полковникъ выѣжалъ изъ крѣпости; онъ подошелъ ко мнѣ и вѣжливо извинился, взялъ депешу изъ рукъ адъютанта, и мы возвратились на бивуакъ, довольные тѣмъ, что у насъ никто не былъ раненъ, хотя въ насъ и стрѣляли чуть не въ упоръ.

Однако, королевский принцъ, узнавъ объ этомъ изъ донесенія своего адъютанта, написалъ маршалу Нейю, прося его сдѣлать необходимыя распоряженія, дабы избѣжать повторенія фактовъ, столь противныхъ военнымъ обычаямъ и честности.

Маршалъ Ней извинился передъ нимъ, обѣщалъ, что виновные будутъ наказаны, присовокупивъ, что выстрѣлы были сдѣланы не французами, но поляками и что онъ ручается за то, что если принцъ пожелаетъ вести съ нимъ переговоры, то его парламентеры не будутъ подвергаться оскорблѣніямъ.

Пока мы проводили время, истребляя вкусные обѣды принцессы Ангальтской, любуясь колокольнями Виттенберга и вспоминали неугомоннаго Лютера, который произвелъ изъ своей монашеской кельи такой переворотъ въ Европѣ. Начались приготовленія къ достопамятному сраженію при Денневицѣ.

Маршалъ Ней двинулъ свои войска къ Ютербоку. Королевскій принцъ перемѣнилъ фронтъ и нанесъ ему решительное пораженіе.

Въ сраженіи принимала участіе часть корпуса Воронцова. Кавалерія барона Палена покрыла себя славою; ею были взяты первыя орудія. И этотъ разъ энергичнѣе всѣхъ дѣйствовали пруссаки.

Генералъ Чернышевъ отправилъ меня на лѣвый флангъ въ Лютербургъ, откуда я долженъ былъ оперировать на Щаане и Зейда.

Я прибылъ туда въ тотъ моментъ, когда началось бѣгство Нея; такъ какъ его сообщеніе съ Виттенбергомъ было прервано, то онъ былъ вынужденъ отступить къ Йоргau; это движеніе вызвало большое замѣшательство въ войскѣ; Ней потерялъ много людей, которые были взяты въ пленъ, и не мало орудій. Я, со своей стороны, взялъ нѣсколько сотъ плѣнныхъ, много повозокъ и резервныхъ парковъ.

Потерпѣвъ пораженіе, Ней перешелъ обратно Эльбу, чтобы реорганизовать свою армію, которая была почти вся истреблена.

Королевскій принцъ пошелъ на Косвигъ и Цербстъ.

Чернышевъ оставилъ меня одного у Виттенберга, чтобы наблюдать за непріятелемъ до прибытія графа Тауенцина, которому было поручено вести осаду Виттенберга и Торгau.

Я расположился на высотахъ Аполлендорфа, откуда могъ слѣдить за всѣми движеніями непріятеля. Вскорѣ прибылъ графъ Тауенцинъ (Tauensien), а я получилъ отъ графа Воронцова приказаніе присоединиться къ нему на равнинахъ Цербста.

На этихъ плодоносныхъ равнинахъ была сосредоточена вся сѣверная армія, съ цѣлью приготовиться къ переправѣ черезъ Эльбу или двинуться на оборону Берлина и дать третье сраженіе въ случаѣ, если бы Наполеону вздумалось идти на эту столицу.

Я передалъ занятые мною посты пруссакамъ и уѣхалъ въ ту же

ночь; не останавливаясь въ Косвигѣ, переполненномъ шведами, я прибылъ рано утромъ въ Біацъ (Biaz), сборный пунктъ всѣхъ казацкихъ полковъ.

Въ самой деревнѣ стоялъ полковникъ Лачиновъ, командовавшій полкомъ калмыковъ; онъ собралъ, по приказанію генерала Стaalя, весь бывшій въ этой деревнѣ фуражъ. Я попросилъ его подѣлиться со мною; онъ прикинулся глухимъ. Такъ какъ генерала Стaalя не было, то мнѣ приходилось либо обойтись безъ фуража, либо взять его силою.

Мои лошади изнемогали отъ усталости, поэтому я не колебался. Я приказалъ казацкой сотнѣ сѣсть на лошадей и, взявъ вторую сотню для подкрайленія, отправился съ ними, чтобы взять силою то, что мнѣ не хотѣли дать добровольно.

Это надѣлало страшного шума; калмыки сбѣжались, чтобы защищить свои магазины; мои казаки угрожали имъ, держа пики на перевѣсъ, между тѣмъ какъ ихъ товарищи связывали конныя сѣна и увозили ихъ. Полковникъ былъ взбѣшенъ этимъ самоуправствомъ, которое произошло по его винѣ, и послалъ письменную жалобу графу Воронцову.

Тѣмъ временемъ мои лошади наѣлись всласть; я этого только и хотѣлъ и не заботился объ остальномъ, такъ какъ я чувствовалъ себя совершенно правымъ: я взялъ силою сѣно, которое было получено путемъ реквизиціи, а не было куплено за деньги.

Графъ Воронцовъ, который меня совершенно не зналъ, весьма естественно, повѣрилъ взведенному противъ меня обвиненію и писалъ мнѣ въ этомъ смыслѣ, впрочемъ, съ соблюденіемъ должной вѣжливости. Оправдывать свой поступокъ письменноказалось мнѣ слишкомъ долго, поэтому я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ графу.

Дѣло было улажено въ пять минутъ.

Отказывая мнѣ въ сѣнѣ, полковникъ Лачиновъ сослался на пословицу: «всякій за себя, Богъ за всѣхъ»; на этомъ основаніи и я сказалъ графу Воронцову, что хотя мои лошади не были знакомы съ пословицами, но онѣ потребовали отъ меня того же и такъ какъ я исполнилъ ихъ просьбу, то могу выступить со своимъ отрядомъ минутъ черезъ пять, если онѣ прикажутъ.

Графъ Воронцовъ не могъ удержаться отъ улыбки и сказалъ:

— Хотя вы и поступили самовольно, но, будь я на вашемъ мѣстѣ, я поступилъ бы точно такъ же: первая обязанность всякаго начальника заботиться о своемъ отрядѣ, къ тому же жители деревни были обязаны кормить всѣхъ. Полковникъ Лачиновъ не понялъ смысла приказанія, даннаго мною генералу Стaalю. Оставимте это дѣло; Лачиновъ также забудетъ о немъ; ваши лошади и люди имѣютъ все необходимое, поэтому вы можете сѣсть со мною въ коляску и отправиться въ глав-

ную квартиру: королевский принцъ и генералъ Винценгероде имѣютъ въ вѣсъ надобность.

Генералъ Винценгероде пригласилъ меня отобѣдать; онъ сказалъ мнѣ, что писалъ императору и просилъ о наградѣ для меня; я былъ польщенъ его пріемомъ и доволенъ тѣмъ, что онъ сулилъ мнѣ въ будущемъ.

Пригласивъ меня послѣ обѣда къ себѣ въ кабинетъ, онъ приказалъ мнѣ выступить два часа спустя, обѣщалъ дать мнѣ въ видѣ подкрѣпленія полкъ тверскихъ волонтеровъ и предписалъ переправиться чрезъ Эльбу вплавь, занять мѣстность между Заалою и Мульдою, наблюдать за Магдебургомъ, запастись лодками и материалами, нужными для постройки моста чрезъ Эльбу у Акена, собрать съ жителей контрибуцію и пройти впередъ какъ можно далѣе, прикрывая въ то же время движеніе генерала Чернышева на Кассель.

«Почему бы мнѣ не блокировать въ то же время и луну?» подумалъ я, но промолчалъ, чтѣ приходилось, къ сожалѣнію, дѣлать довольно часто, получая столь несообразныя приказанія.

И такъ я былъ снова предложенъ своимъ собственнымъ силамъ.

Эта самостоятельность сопряжена съ болѣю отвѣтственностью поэтому приходится немало волноваться и тревожиться, но зато пріобрѣтаешь въ одинъ годъ болѣе опытности, нежели служа въ армїи десять лѣтъ.

Привычка дѣлать многое на свою отвѣтственность вырабатываетъ твердость характера и сообразительность, необходимыя во всякомъ дѣлѣ.

На обратномъ пути я остановился на минутку на бивуакѣ, и приказалъ казакамъ сѣсть на лошадей, поѣхаль далѣе. Мнѣ пришлось пройти чрезъ деревню, занятую полковникомъ Лачиновымъ съ его калмыками. Нуждаясь въ проводнике, я просилъ сельского старосту дать мнѣ такового, но оказалось, что Лачиновъ уже забралъ всѣхъ людей, кои могли быть намъ полезны.

Пришлось снова вступить съ нимъ въ переговоры и просить его уступить маѣ хотя одного человѣка; но полковникъ, разсерженный тѣмъ, что я взялъ у него силою магазинъ съ сѣномъ, отказалъ мнѣ въ этомъ наотрезъ. Я не сталъ спорить и удалился. Но какъ только онъ ушелъ къ себѣ, я вернулся и, благодаря моему знакомству съ нѣмецкимъ языкомъ, мнѣ удалось безъ труда за два эку соблазнить одного изъ его проводниковъ; ко мнѣ явились еще два молодца, перескочивъ чрезъ заборъ со двора, гдѣ ихъ держали подъ присмотромъ.

Когда полковнику донесли объ этомъ, то онъ прибѣжалъ ко мнѣ взбѣшенный и потребовалъ объясненія. Я отвѣчалъ спокойно, что мой поступокъ былъ вызванъ крайнею необходимости. Мнѣ нуженъ былъ *

хорошій проводникъ, а онъ оставался на мѣстѣ и имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько проводниковъ.

Дрожа отъ гнѣва, онъ потребовалъ отъ меня удовлетворенія.

— Охотно,—отвѣчалъ я,—но не теперь; въ настоящее время я себѣ не принадлежу, я долженъ отправиться въ экспедицію, которую я не могу отложить. Въ первую же свободную минуту я буду къ вашимъ услугамъ и надѣюсь, что вы не откажете мнѣ тогда въ проводникѣ на тотъ свѣтъ, котораго вы не хотѣли дать мнѣ на семъ свѣтѣ.

Онъ удовольствовался моимъ словомъ, хотя шутка, сказанная мною, вызвала съ его стороны маленькую гримасу; мы условились драться при первой же встрѣчѣ.

Къ несчастью для него и, быть можетъ, къ счастью для меня онъ былъ вскорѣ убитъ. Я искренно пожалѣлъ о немъ: хотя это былъ человѣкъ не далекий, но вполнѣ честный и порядочный; во всякомъ случаѣ дуэль въ военное время, по моему мнѣнію, вѣць нелѣпая; каждый изъ настѣ ежедневно подвергаетъ свою жизнь опасности.

Покончивъ съ этимъ, я направился къ тому пункту, гдѣ я считалъ возможнымъ безъ особенного труда переправиться черезъ Эльбу.

Вскорѣ я встрѣтилъ графа Воронцова съ его начальникомъ штаба, генераломъ Понсэ (Poncet); онъ щахъ въ дрожкахъ оттуда, гдѣ я долженъ былъ переправиться черезъ рѣку.

Мы долго говорили объ экспедиціи, которую мнѣ предстояло совершилъ; онъ увѣрялъ меня, что мнѣ нельзя будетъ переправиться черезъ рѣку иначе, какъ вплавь, чтѣ было не особенно пріятно.

Со своей очаровательной улыбкою, Воронцовъ сказалъ, что ему очень пріятно видѣть, какъ весело и беззаботно я иду на встрѣчу опасности.

— Да,—отвѣчалъ я,—но повадится кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить. Меня уже пятый разъ посылаютъ развѣдать, что дѣлается въ тылу непріятельской арміи!

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—тайное предчувствіе говоритъ мнѣ, что вашъ кувшинъ останется цѣлымъ.

XLV.

Переправа черезъ Эльбу вплавь.—Шведскій королевскій принцъ.—Графъ Лемарруда.—Камергеръ Вестфальского двора.—Генералъ Ланюсъ и казаки.—Боронцовъ и Дмитрій Нарышкинъ.—Бюллетень шведскаго королевскаго принца.—Генералъ Гиршфельдъ.—Полковники: Платенъ и Бойне.—Випценгероде и Бюловъ.—Занятіе Бернбурга.

Я присоединился къ генералу Чернышеву на самомъ берегу Эльбы, тдѣ онъ со своей обычной дѣятельностью успѣлъ уже соорудить небольшой плотъ и переправить на другой берегъ нѣсколько орудій и батальонъ grenадерскаго полка подполковника Бекера, который долженъ былъ прикрывать нашу переправу.

Лошади переправились вплавь; надъ водою выставлялись только ихъ ноздри и уши. Во время этой переправы шелъ проливной дождь, такъ что всѣмъ намъ, такъ или иначе, пришлось вымокнуть. Я потерялъ при этомъ только одну лошадь; всѣ остальные переплыли рѣку благополучно.

Молодымъ офицерамъ, коимъ придется совершить когда-либо подобную переправу, могу дать слѣдующій совѣтъ: лошадей надоѣно ставить треугольникомъ, острымъ угломъ впередъ. Въ вершинѣ этого угла долженъ находиться хороший и смѣлый пловецъ, а по обѣимъ сторонамъ слѣдуетъ поставить смѣлыхъ людей, которые заставили бы лошадей войти въ воду. Какъ только онѣ будуть въ водѣ, дѣло пойдетъ само собою; ни одна лошадь не повернетъ назадъ; ими руководитъ инстинктъ.

Вступивъ на лѣвый берегъ, промокши до костей, я тотчасъ отправился къ Заалѣ и расположился на ночлегъ на берегу этой рѣки въ замкѣ Розенбурга, принадлежащемъ шведскому королевскому принцу, и который былъ пожалованъ ему Наполеономъ, какъ французскому маршалу.

Помѣщеніе въ замкѣ было прекрасное, управляющій имъ г. Гоничъ оказался весьма любезнымъ, а его жена была хороша собою и очаровательна.

Я сущился передъ каминомъ, когда прибылъ адъютантъ генерала Чернышева, съ приказаниемъ прибыть къ нему.

Совершивъ переправу такъ же благополучно, какъ я, генералъ остановился въ разстояніи полуверсты отъ Розенберга.

Какъ мнѣ ни было досадно ташиться снова ночью, по дожду, но я не могъ отвѣтить отказомъ и побѣхалъ.

Генералъ сообщилъ мнѣ, что ему приказано вернуться: шведскому королевскому принцу донесли, что изъ Магдебурга выступилъ французскій отрядъ численностью въ 5.000 человѣкъ, чтобы занять Бернбургъ

и теченіе Заалы; поэтому можно было ожидать, что онъ атакуетъ насъ на слѣдующій день и такъ какъ мы были гораздо малочисленнѣе его и намъ некуда было отступить, то, по всей вѣроятности, мы утонули бы въ Эльбѣ. Поэтому принцъ приказалъ Чернышеву немедленно начать отступление. Генераль предупредилъ меня, что онъ выполнитъ это движение въ ту же ночь, и совѣтовалъ послѣдовать за нимъ, такъ какъ и я, вѣроятно, незамедлю получить подобное же приказаніе.

Такъ какъ пѣль моей экспедиціи была совершенно иная и я былъ подчиненъ непосредственно графу Воронцову и поэтому долженъ быть руководствоваться его приказаніями, то мнѣ слѣдовало выждать ихъ. Поэтому я отвѣчалъ, что не могу воспользоваться его совѣтомъ, и буду ожидать приказавшій.

Генераль дружески замѣтилъ мнѣ, что я подвергаю себя большой ответственности; если его считали слишкомъ слабымъ, чтобы противостоять непріятелю, тѣмъ болѣе мнѣ нельзя было полагаться на мои незначительныя силы.

— Вамъ достаточно совѣта, который я вамъ даю,—присовокупилъ онъ.—Бываютъ обстоятельства, когда совѣтъ замѣняетъ непосредственное приказаніе.

Когда я попросилъ его изложить этотъ совѣтъ письменно, то онъ отвѣчалъ отказомъ; поэтому я рѣшилъ остататься.

— Предоставляю вѣсть судьбы,—сказалъ генераль,—но не пеняйте на меня, если я не одобряю ваше рѣшеніе.

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ я,—за ваши добрые совѣты и за выраженное мнѣ участіе; вы не сомнѣваетесь, конечно, что мнѣ было бы пріятно исполнить ваше приказаніе, но въ настоящую минуту позвольте мнѣ поступить такъ, какъ повелѣваетъ долгъ.

Онъ дружески пожалъ мнѣ руку и удалился.

Я разослалъ во всѣ стороны разведчиковъ, чтобы слѣдить за движениемъ мнимаго 5.000 корпуса, такъ напугавшаго шведскаго королевскаго принца.

Одинъ прусскій офицеръ, поручикъ Клицингъ, зять хозяйки замка, пріѣхавшій туда тайкомъ для свиданія со своей молодой женой, перевѣрился по моей просьбѣ черезъ Заалу. Какъ мѣстный житель, онъ выполнилъ возложенное на него порученіе такъ успѣшно, что возвратился три часа спустя со ста лошадьми, нагруженными овсомъ, водкою и съ 50 быками, коихъ гнали въ Магдебургъ и которыхъ онъ захватилъ близъ этой крѣпости.

Онъ увѣрилъ меня, что въ окрестностяхъ никто не слышалъ о появленіи непріятельской колонны.

Хотя я получилъ, въ свою очередь, отъ графа Воронцова приказаніе слѣдовать за генераломъ Чернышевымъ, но, будучи лучше его освѣ-

домленъ о положеніи дѣлъ, я рѣшилъ на свой страхъ не исполнять это приказаніе и отправилъ въ главную квартиру графа транспортъ, захваченный мною у самыхъ воротъ Магдебурга.

Я писалъ ему въ своемъ донесеніи, что такъ какъ приказаніе перейти обратно Эльбу было дано мнѣ вслѣдствіе распространившагося извѣстія о появлениіи французского отряда, идущаго изъ Магдебурга, то я считаю долгомъ (такъ какъ этой колонны нигдѣ не видали) не оставлять занятой мною весьма выгодной позицій, тѣмъ болѣе, что мнѣ уже удалось достать и спустить на рѣку лодки, находящіяся на Заалѣ. Я ручался головою за цѣлостность моего отряда и выражалъ надежду, что графъ Воронцовъ одобрить мою рѣшимость оставаться на лѣвомъ берегу Эльбы и извинить меня за неповиновеніе, принимая во вниманіе, какія важныя причины руководили моимъ рѣшеніемъ.

Графъ Воронцовъ, умѣвшій одобрить все то, что дѣлалось подъ вліяніемъ настоятельной необходимости, одобрилъ мое рѣшеніе, но возлагалъ на меня всю отвѣтственность за послѣдствія, какія оно могло имѣть. Онъ рѣшилъ, однако, просить королевскаго принца и генерала Винценгероде отмѣнить данное мнѣ приказаніе.

Дѣйствительно, мнѣ было разрѣшено продолжать мои операциіи на Заалѣ; генералу Чернышеву велѣно было вторично перейти Эльбу и идти на Кассель. А мнѣ было поручено прикрывать его движеніе, наблюдать за Магдѣбургомъ и въ особенности за всѣми отрядами, какіе непріятель могъ выслать изъ этой крѣпости, тревожить его какъ можно болѣе, постараться дойти до Гальберштадта и Вольфенбюттеля и кружиться около Бернбурга, чтобы обезпечить отступленіе Чернышева, если бы ему пришлось совершить его въ этомъ направленіи.

Съ этой цѣлью, я немедленно переправилъся черезъ Заалу у Резенбурга, гдѣ едва не утонулъ. Послѣ этого я направился къ Барбы (Barby), откуда пронесъ эскадронъ конныхъ егерей; въ Гроссензальца (Grossensalza) также находился отрядъ егерей, которые, получивъ подкрепленіе, атаковали насъ, но были опрокинуты и оставили въ моихъ рукахъ до двадцати плѣнныхъ солдатъ и двухъ офицеровъ.

Оттуда я пошелъ на Шенебекъ, разославъ сильные отряды къ Фрозе, Фемерслебену и Оттенслебену.

Встревоживъ этими быстрыми движеніями всѣ непріятельскіе отряды, находившіеся въ Магдебурга, я вернулся обратно и остановился въ Кальбе, чтобы дать отдохнуть лошадямъ, и въ тотъ же вечеръ отправился чрезъ Стасфуртъ (Stasfurth), чтобы ночевать въ Ашерслебенѣ (Aschersleben).

Бросивъ взглядъ на карту, всякий убѣдится, что подобные перѣезды могутъ быть совершены только на казацкихъ лошадяхъ. Всякая иная кавалерія совершенно выбилась бы изъ силъ.

Я имѣлъ при этомъ цѣлью заставить графа де-Лемарруа подумать, что вся Магдебургская равнина была наводнена нашими войсками: этотъ планъ удался вполнѣ, такъ какъ онъ приказалъ всѣмъ отрядамъ, находившимся въ этой мѣстности, отступить къ городу.

На слѣдующее утро я появился въ Гальберштадтѣ, къ великому удивленію жителей, и расположился лагеремъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ генералъ Чернышевъ столь блестательно взялъ въ пленъ генерала Оска и захватилъ 24 орудія.

Я былъ въ тотъ же день въ Вольфенбюттель и узналъ, что Чернышевъ прошелъ черезъ Брауншвейгъ безпрепятственно и шелъ къ Касселю.

Желая доставить это пріятное извѣстіе какъ можно скорѣе въ главную квартиру, я повернулся обратно, завладѣвъ, однако, предварительно всѣми вещами, принадлежавшими вестфальскому правительству, какъ-то: кассою, архивами и списками тайной полиціи, изъ коихъ мы узнали имена многихъ лицъ, служившихъ шпionами, и могли такимъ образомъ осторегаться ихъ впредь.

Я воспользовался своимъ кратковременнымъ пребываніемъ въ этой мѣстности, чтобы обложить жителей довольно значительной контрибуціей въ видѣ овса, водки, быковъ и лошадей для артиллериі, которые были препровождены въ Бернбургъ, гдѣ, по приказанію главной квартиры, я долженъ былъ занять позицію.

Чтобы обложить жителей контрибуціей какъ можно равномѣрнѣе, я созвалъ властей Гальберштадта, Вольфенбюттеля и Кведлинбурга и поручилъ имъ наблюдать за этимъ, но рѣшилъ, однако, со своей стороны, слѣдить за тѣмъ, чтобы мои приказанія были строго исполнены.

Всѣ лица, приглашенныя мною, явились въ назначенное время, понимая, какъ важно было ихъ присутствіе въ вопросѣ, имѣвшемъ такое огромное значеніе для страны.

Только одинъ бывший камергеръ прусского двора, всецѣло преданный въ то время вестфальскому правительству, не явился лично, а пріслалъ протестъ по поводу объявленной мною мѣры, которую онъ называлъ противузаконной. Такъ какъ мнѣ некогда было обсуждать вопросъ о законности, то я приказалъ двадцати казакамъ сѣсть на лошадей и привезти бывшаго камергера изъ его замка силою, чтѣ и было исполнено. Я никогда не выдалъ болѣе жалкой физіономіи.

Когда онъ вошелъ ко мнѣ, я работалъ съ его коллегами; я приказалъ поставить ему стулъ въ углу въ той залѣ, гдѣ происходило наше совѣщаніе. Когда всѣ бумаги были изготовлены, то онъ подписалъ ихъ вмѣстѣ съ остальными, и его супруга, прибѣжавшая изъ замка, чтобы просить о его помилованіи, была очень удивлена, увидавъ его съ перомъ въ рукахъ, подписывавшаго, правда, не особенно охотно, актъ, который прочие подписали добровольно.

Прибывъ въ Бернбургъ, я поспѣшилъ ознакомиться съ мѣстностью, будучи увѣренъ, что генераль Лемарруа не оставитъ меня въ покоѣ; я поставилъ двѣ сотни казаковъ въ Кальбе (Kalbe) и, не теряя времени, сталъ переправлять на другой берегъ лодки и материаы, необходимые для сооруженія моста, по которому Сѣверная армія должна была перейти Эльбу; всѣ эти материаы были сосредоточены генераломъ Александромъ Бенкендорфомъ въ Акенѣ.

Я нашелъ въ Ротенбургѣ очень большія барки, которыхъ доставили мнѣ немало хлопотъ, такъ какъ французы пустили ихъ ко дну. Но мнѣ удалось починить ихъ и отправить, куда слѣдуетъ, но графъ Лемарруа, желая помѣшать этому, приказалъ генералу Ланюссе (Lanusse) атаковать меня. Мои аванпосты предупредили вѣ-время о приближеніи нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ пѣхоты и кавалеріи; я рѣшилъ запищать свою позицію, на сколько позволять мои средства и данныя обстоятельства. Дѣйствительно, вскорѣ показалась голова колонны, шедшей изъ Гаттерслебена.

Я отлично понималъ, что, не имѣя ни пѣхоты, ни артиллеріи, я не имѣлъ плановъ на успѣхъ, но, не желая оставить позицію, не предпринявъ все возможное, чтобы сохранить ее, я сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія. Полкъ Попова былъ поставленъ передъ Бернбургомъ, въ оврагѣ, который тянулся параллельно большой дорогѣ, коей шелъ непріятель. Этотъ оврагъ скрывалъ устроенную противъ него засаду.

Я приказалъ полку пропустить пѣхоту и атаковать кавалерію, шедшую въ иѣкоторомъ разстояніи позади пѣхотной колонны. Надѣясь смѣшать непріятеля этимъ неожиданнымъ движеніемъ, я разсчитывалъ, что онъ остановится; а я всталъ съ полкомъ тверскихъ волонтеровъ на большой дорогѣ впереди Бернбурга.

Какъ только французская кавалерія выступила изъ деревни, я приказалъ атаковать ее, производя адскій шумъ; она не успѣла построиться. Считая себя въ совершенной безопасности, французы не приняли обычныхъ предосторожностей: поэтому кавалерія была опрокинута и отброшена къ пѣхотѣ, потерявъ 120 солдатъ и 5 офицеровъ, взятыхъ нами въ пленъ.

Эта внезапная атака простоявала, какъ я и ожидалъ, движение пѣхоты.

Генералъ Ланюссе приказалъ выдвинуть орудія и открылъ по моему отряду сильный огонь. Благодаря тому, что онъ дѣйствовалъ слишкомъ методично, я успѣлъ собрать полкъ Попова, который отступилъ къ занятой мною позиціи; а это было бы чрезвычайно трудно выполнить, если бы генералъ Ланюссе быстро и энергично двинулся впередъ, что я, конечно, сдѣлалъ бы на его мѣстѣ. Я говорю это не для того, чтобы похвастать; я всегда дѣйствовалъ по вдохновенію, и опытъ показалъ

мнѣ, что это былъ наилучшій и зачастую самый безопасный образъ дѣйствій.

Когда дымъ отъ выстрѣловъ разсѣялся, то генералъ Ланюсъ убѣдился, что я просто-на просто надуулъ его. Тогда онъ двинулъ свое войско впередъ, велѣлъ бить атаку, осыпалъ меня картечью и заставилъ отступить.

Уланскій поручикъ Сонинъ, исполнявшій обязанности моего адютанта, былъ контуженъ, и подъ нимъ была убита лошадь, но это не помѣшало ему поскакать во весь опоръ къ графу Воронцову, чтобы сказать ему отъ моего имени, что я не надѣюсь удержаться въ Бернбургѣ, хотя онъ находился еще въ моихъ рукахъ.

Французская колонна безъ труда проникла въ городъ; мы продолжали сражаться въ рукопашную на улицахъ Бернбурга.

Я приказалъ казачьей сотнѣ спѣшиться; эти превосходные стрѣлки, вооруженные хорошими ружьями, обороняли мостъ, который мнѣ вовсе не хотѣлось отдать непріятелю.

Въ этомъ пунктѣ происходила оживленная перестрѣлка до тѣхъ поръ, пока генералъ Ланюсъ не поставилъ двухъ орудій такъ, что они могли обстрѣливать мостъ въ длину, между тѣмъ какъ изъ двухъ другихъ орудій стрѣляли по немъ съ боку; такъ какъ весь берегъ былъ кромѣ того усыпанъ стрѣлками, то съ моей стороны было бы безуміемъ долѣе защищать мостъ и жертвовать напрасно моими храбрыми казаками. Поэтому я былъ вынужденъ оставить его, снявъ предварительно нѣсколько досокъ, чтобы непріятель не могъ преслѣдовать меня по пятамъ. Я занялъ позицію въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ города. Французы быстро починили мостъ и атаковали меня на моей позиціи. Ихъ поддерживали два эскадрона кирасиръ. Собравъ легкую кавалерію, съ которой я имѣлъ дѣло часть тому назадъ, они вышли изъ города и вступили со мною въ бой, за ними шла пѣхота по узкой улицѣ, подававшейся довольно круто въ гору.

Я окружилъ кирасиръ и смѣло атаковалъ ихъ; они повернули обратно, но не смѣшались; однако, отступая, они опрокинули легкую кавалерію, которую я такъ хорошо проучилъ по утру, а она оттѣснила, въ свою очередь, пѣхоту; въ концѣ концовъ войско пришло въ замѣшательство и перешло обратно черезъ мостъ, коимъ я снова овладѣлъ.

Послѣ этой стычки, произошедшей на улицахъ города, мостъ и самъ городъ остались во власти генерала Ланюса, я же занялъ позицію позади маленькой рѣчки, въ четверти верстахъ отъ Бернбурга. Огонь прекратился, и мы разставили аванпосты въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга.

Наши потери, которыхъ могли бы быть весьма значительны, соотвѣтственно тѣмъ усилиямъ, какія были употреблены нами, чтобы удер-

жать течениe Заалы, оказались не особенно велики. Я взялъ у французовъ 120 солдатъ и 5 офицеровъ.

Между прочимъ два казака, изъ полка Попова, увлекшись сражениемъ на улицахъ Бернбурга, замѣтили слишкомъ поздно, что мною былъ данъ сигналъ къ отступленію и были окружены французами на самомъ мосту. Перила моста были сломаны; они этимъ воспользовались и смѣло соскочили съ моста на своихъ лошадяхъ съ высоты 8 — 10 саженей.

Такъ какъ французы заняли уже оба берега, то помочь имъ не было возможности; одинъ изъ нихъ былъ тяжело раненъ въ рѣкѣ, а другой взять въ плѣнъ здравымъ и невредимымъ.

Доблестный генераль Ланюсъ, бывшій свидѣтелемъ этого геройскаго поступка, приказалъ положить казака въ свою карету и отправилъ его вмѣстѣ съ товарищемъ къ губернатору Магдебурга, графу де-Лемарруа, наградивъ каждого изъ нихъ наполеондоромъ.

Я узналъ объ этомъ изъ донесенія генерала Ланюса, перехваченнаго моими разведчиками, и которое я препроводилъ чрезъ графа Воронцова къ шведскому королевскому принцу; онъ былъ въ восторгѣ. Изъ этого же донесенія онъ узналъ, что я дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ весьма энергично, за что онъ и выразилъ мнѣ благодарность въ дневномъ приказѣ.

Послѣ этого сраженія я провелъ ночь весьма тревожно на бивуакѣ.

Графъ Воронцовъ, слышавъ кононаду и узнавъ иѣкоторыя подробности отъ моего адютанта, посыпалъ своихъ офицеровъ узнать, въ какомъ я нахожусь положеніи. Онъ тревожился за работы, начатыя въ Акенѣ и Росславѣ (Rosslaw).

Я досадовалъ по поводу того, что мнѣ пришлось покинуть Бернбургъ, и рѣшилъ атаковать непріятеля на слѣдующій день и прогнать его во что бы то ни стало.

Я хотѣлъ добиться хитростью того, чего мнѣ не удалось достичнуть силою. Отъ преданныхъ мнѣ людей я получилъ самыя точныя свѣдѣнія о силахъ непріятеля и о томъ, какія контрибуціи онъ собираль съ жителей.

Занявъ довольно выгодную позицію, въ четверти верстахъ отъ города, позади небольшой рѣчки съ весьма крутыми берегами, и имѣя для отступленія два каменныхъ моста, одинъ отъ другаго на разстояніи трехъ verstъ, я приказалъ охранять эти мосты сильными отрядами, и на слѣдующій день я надѣдалъ хлопотъ французамъ, непрестанно тревожа ихъ и подготовляя такимъ образомъ атаку.

Я хотѣлъ утомить французовъ, держа ихъ весь день въ тревогѣ. Чтобы скрыть отъ нихъ численность моихъ силъ, я спряталъ казаковъ позади деревни и приказалъ имъ, время отъ времени, бить въ един-

ственный бывший въ моемъ распоряженіи барабанъ, чтобы они думали, что ко мнѣ подходитъ на помощь пѣхота.

Съ наступленіемъ ночи, я послалъ двѣ сотни, подъ командою прусскаго поручика Клицинга, прекрасно знакомаго съ мѣстностью, приказавъ ему переправиться черезъ Заалу вплавь, въ разстояніи одной мили отъ Бернбурга и появиться по ту сторону города, на Магдебургской дорогѣ, надѣлавъ болѣе шума, нежели причинивъ вреда непріятелю. Кромѣ того я намѣревался атаковать на разсвѣтѣ французскіе посты, опрокинуть ихъ и вступить въ городъ, смѣшившись съ ними.

За часъ до восхода солнца, я атаковалъ одновременно всѣ аванпосты непріятеля. Счастье благопріятствовало мнѣ; ни одинъ человѣкъ не ускользнулъ отъ меня, всѣ были взяты въ пленъ. Я поскакалъ къ мосту, гдѣ французы не оказали мнѣ почти никакого сопротивленія; овладѣлъ имъ и вступилъ въ городъ.

По ту сторону города, мой отрядъ дѣйствовалъ такъ же успѣшно. Генералъ Ланюссъ, застигнутый буквально врасплохъ, приказалъ отступать и, собравъ своихъ солдатъ, оставилъ городъ. Намъ достались всѣ повозки, нагруженныя разными предметами, взятыми у жителей въ видѣ контрибуцій. Поручикъ Клицингъ преслѣдовалъ непріятеля верстъ съ десять, а я былъ безконечно радъ, имѣвъ возможность помѣтить свое донесеніе графу Воронцову изъ самаго Бернбурга.

Графъ Воронцовъ былъ весьма доволенъ достигнутымъ результатомъ, а шведскій королевскій принцъ, узнавъ обо всемъ изъ моего донесенія и въ особенности изъ донесенія, посланнаго генераломъ Ланюссомъ графу Лемарру и перехваченнаго казаками, былъ такъ доволенъ, что пожаловалъ мнѣ крестъ (*la croix militaire du glaive*), и просилъ императора дать мнѣ Георгія. Я получилъ его, наконецъ, хотя мнѣ слѣдовало имѣть его, по представлению генерала Ермолова, за Бородинское сраженіе и по представлению генерала Милорадовича за пораженіе, нанесенное Нею; какъ бы то ни было, я получилъ, наконецъ, Георгія, это главное,

Графъ Воронцовъ прислалъ мнѣ своего адъютанта, Дмитрия Нарышкина, съ копіей весьма лестнаго для меня бюллетеня шведскаго королевскаго принца, который казаки хранять, какъ доказательство ихъ славнаго подвига. Воспроизвожу здѣсь этотъ бюллетень:

Главная квартира у Дессау. 4-го октября 1813 года.

«Полковникъ баронъ Левенштернъ сражался, съ горстью казаковъ, противъ двухъ слишкомъ тысячъ человѣкъ непріятеля, на улицахъ Бернбурга.

«Послѣ 4 часоваго боя, когда къ непріятелю подошла артиллерія, городъ былъ оставленъ, но на слѣдующій день онъ взять обратно.

«Смѣтливость и храбрость, выказанная казаками въ этомъ, какъ и во всѣхъ послѣдующихъ случаяхъ, дѣлаютъ имъ величайшую честь.

«Эти неустранимые люди суть глаза арміи; они сражаются въ сомкнутомъ строю, разсыпаютъ эскадроны, атакуютъ карре, переплываютъ рѣки и появляются въ тылу непріятельской арміи, внося въ нее ужасъ и смятеніе».

Графъ Воронцовъ прислалъ мнѣ шесть серебряныхъ Георгіевскихъ крестовъ для раздачи наиболѣе отличившимся солдатамъ; мои офицеры также не были забыты.

Шведскій королевскій принцъ придавалъ большое значеніе сохраненію позиціи при Бернбургѣ; это было ясно изъ того, какія значительныя силы были предоставлены имъ въ мое распоряженіе послѣ этого дѣла. Онъ далъ мнѣ два прекрасныхъ шведскихъ батальона, съ двумя орудіями, подъ командою подполковниковъ Платена и Бойе (Boyé), одинъ батальонъ и два эскадрона прусскихъ уланъ, съ двумя орудіями подъ командою графа Шверина.

Шведскій королевскій принцъ писалъ 18-го октября 1818 г. графу Тауненцу изъ Брейтенфельдта нижеслѣдующее:

«Прикажите генералу Гиршфельду оказать дѣятельную поддержку отряду, находящемуся въ Бернбургѣ, въ случаѣ если полковникъ Левенштернъ будетъ атакованъ непріятелемъ. Эта позиція имѣть весьма важное значеніе».

Въ другомъ дневномъ приказѣ, на имя генерала Бюлова, данномъ въ главной квартирѣ въ Цербстѣ 10-го октября 1813 г., говорилось:

«Его королевское высочество приказываетъ вамъ послать, по полученіи настоящаго приказа, въ Бернбургѣ два батальона и два орудія, которые поступятъ въ распоряженіе полковника Левенштерна». Въ другомъ приказѣ на имя маршала Штединга (Stedingk), отъ 15-го октября, говорилось:

«По приказанію королевскаго принца, шведская кавалерія должна выдвинуться завтра въ 6 часовъ утра впередъ позиціи, занятой шведской арміей».

Вмѣстѣ съ тѣмъ королевскій принцъ приказалъ, чтобы два орудія, одинъ батальонъ бригады Бойе и батальонъ Энгельбрехтена были посланы немедленно въ Бернбургѣ, гдѣ они будутъ состоять, вмѣстѣ съ русскими и прусскими войсками, подъ начальствомъ полковника Левенштерна.

Наконецъ, въ дневномъ приказѣ, данномъ 16-го октября 1813 г., въ Гогентурнѣ на имя генераловъ Винценгероде и Бюлова, были указаны слѣдующія диспозиціи:

«По приказанію королевскаго принца, генералы Винценгероде и Бюловъ должны увѣдомлять генерала Гиршфельда и Левенштерна

о всякомъ движениі непріятеля. Отъ нихъ зависятъ успѣшныя дѣйствія Сѣверной арміи».

Изъ этого видно, что занятіе Бернбурга имѣло цѣлью не только овладѣть этимъ городомъ и получить отъ мѣстныхъ жителей необходимое продовольствіе; значеніе его было гораздо важнѣе.

Одержавъ побѣду надъ непріятелемъ, я овладѣлъ снова обоими берегами Заалы и имѣлъ такимъ образомъ возможность препровождать по назначению материалы, необходимые для постройки мостовъ черезъ Эльбу, безъ коихъ Сѣверная армія не могла бы совершить переправу черезъ рѣку.

Моя позиція служила въ то же время опорнымъ пунктомъ генералу Чернышеву, и я имѣлъ возможность поддерживать сообщеніе съ нимъ и съ арміей.

Но главной моей цѣлью было открыть Сѣверной арміи путь къ Эльбѣ и служить ей прикрытиемъ, чтобы гарнизонъ Магдебурга не могъ тревожить ее. Кромѣ того, владѣя всею мѣстностью, между Магдебургомъ и Заалою, я лишалъ генерала Лемарруа продовольствія и фуража, которые онъ могъ бы получить въ этой изобилующей всѣмъ мѣстности.

Шведскій королевскій принцъ, оцѣнивъ всѣ преимущества моей позиціи и понимая, какъ мнѣ трудно было удержать се съ горстью казаковъ, не хотѣлъ болѣе подвергать меня опасности—встрѣтиться съ непріятелемъ съ неравными силами. Поэтому онъ прислалъ мнѣ вышепоименованную подкѣплѣнія. Такимъ образомъ, мой маленький отрядъ состоялъ изъ русскихъ, шведовъ и пруссаковъ, которые жили между собою въполномъ согласіи и горѣли нетерпѣніемъ сразиться съ непріятелемъ.

Поручивъ мнѣ своихъ шведовъ, королевскій принцъ выказалъ этимъ особое довѣріе, такъ какъ, за исключеніемъ генерала Чернышева, никто до тѣхъ поръ не могъ похвастатъ, что у него былъ подъ командою хотя бы одинъ шведъ. Принцъ не расточалъ своихъ шведовъ и поступалъ въ этомъ случаѣ вполнѣ правильно, такъ какъ Швеція не организуетъ и не содержитъ такихъ большихъ армій, какъ Россія, Франція, Пруссія и Австрія.

XLVI.

Намѣреніе Наполеона двинуться на Берлинъ.—Переправа шведскаго королевскаго принца на лѣвый берегъ р. Саалы.—Оставленіе французами с. Кальбе.—Движеніе Сѣверной арміи къ Лейпцигу.—Радость жителей по случаю побѣды, одержанной союзниками.—Баль, даний Левенштерномъ.—Движеніе его отряда къ Эйслебену.—Охота.—Прибытіе въ Нордгаузенъ.—Контибуція, собираемая съ жителей шведскимъ комиссаромъ.

Сѣверная и силезская арміи выполняли предписаннія имъ движенія. Блюхеръ перешелъ Эльбу у Вартенбурга и двинулъся къ Галле. Королевскій принцъ перешелъ эту рѣку у Акена и Росслава и остановился между Саалой и Мульдою.

Армія Блюхера измѣнила боевой порядокъ и стала вправо отъ Сѣверной арміи; что же касается королевскаго принца, то, опасаясь атаки со стороны Наполеона, онъ перешелъ Саалу у Ротенбурга, а Винценгероде у Альслебена; маршаль Штедингъ у Бернбурга.

Тогда Наполеонъ отдался на время отъ своей операционной линіи по направлению къ Виттенбергу и Дессау, чтò заставило предположить съ его стороны намѣреніе идти на Берлинъ, вслѣдствіе чего наше сообщеніе съ этой столицею было прервано, и королевскій принцъ и маршаль Блюхеръ едва не были вынуждены перейти обратно Эльбу.

Въ то время говорили, что противъ этого энергично возсталъ самъ маршаль и его ближайшіе союзники, между прочимъ Гейзенау и Миффлингъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что мы имѣли возможность принять участіе въ славномъ Лейпцигскомъ сраженіи только благодаря тому, что мы удержались на Саалѣ.

Переправа на лѣвый берегъ Саалы, совершенная королевскимъ принцемъ, объяснялась различно. Вотъ въ чёмъ заключалась истинная причина этого движенія, какъ я это слышалъ изъ вѣрнаго источника.

Французскій отрядъ, перешедшій Эльбу у Виттенберга, разрушилъ мостъ у Росслава: это былъ авангардъ французской арміи. Наполеонъ имѣлъ намѣреніе переправить всю свою армію съ лѣваго на правый берегъ Эльбы и перенести такимъ образомъ театръ военныхъ дѣйствій изъ саксонскихъ провинцій, гдѣ онъ былъ почти окруженнъ нами, въ Пруссію, бывшую очагомъ нѣмецкаго революціоннаго движенія.

Наполеонъ могъ бы осуществить этотъ планъ, какъ только ему удалось бы переправиться черезъ Эльбу. Оба фланга его арміи и фронтъ были бы прикрыты съ одной стороны Дрезденомъ, Виттенбергомъ, Торгау и Магдебургомъ, а съ другой Глогау, Кюстриномъ и Штеттиномъ. Онъ могъ бы въ такомъ случаѣ, смотря по обстоятельствамъ, снять блокаду съ крѣпостей, лежавшихъ по Вислѣ, Одеру и Эльбѣ, взять

Штрасбургъ, охраняемый весьма слабымъ гарнизономъ, вызвать еще разъ восстание въ Польшѣ, которая, ожидая къ тому указанія, поддерживала сношенія съ Франціей и съ Голландіей и, наконецъ, призвать на помощь маршала Даву и датскую армію.

Операционный базисъ Наполеона былъ обеспеченъ, и съверная Германия была открыта для его военныхъ операций, такъ какъ слабый корпусъ Вальмодина, входившій въ составъ арміи шведского королевскаго принца, очутившись между двухъ огней, былъ бы, вѣроятно, вынужденъ сложить оружіе.

Мосты черезъ Эльбу, находившіеся въ Іеркландѣ, Бойценбургѣ, между Гамбургомъ и Магдебургомъ, давали Наполеону возможность перенести войну въ Ганноверъ, Брауншвейгъ и курфиршество Гессенское и заключить такимъ образомъ союзниковъ между Дрезденомъ, крѣпостями на Эльбѣ, Одерѣ, Вислѣ и восставшей Польшой.

Таковъ былъ обширный стратегический планъ, составленный Наполеономъ. Для выполненія его все уже было подготовлено; переправа черезъ Эльбу, совершенная у Виттенберга корпусомъ генерала Ренье, коего прикрывалъ маршалъ Ней, была первымъ шагомъ къ осуществленію этого плана.

Наполеону достаточно было опередить на одинъ или два перехода войска Шварценберга, прикрыть свое движение однимъ армейскимъ корпусомъ, и онъ могъ бы направить свои главныя силы противъ съверо-германской и силезской армій, которые, будучи подавлены его превосходными силами, оставили бы открытыми дороги на Берлинъ, Гамбургъ и Варшаву.

Шведский королевский принцъ угадалъ планъ своего противника и, понимая, насколько онъ могъ быть опасенъ для насть въ случаѣ его удачи, постарался помѣшать его выполненію своими искусствами и ловкими движеніями.

Съ одной стороны было большою смѣлостью преградить Наполеону переправу черезъ Эльбу, такъ какъ, въ случаѣ неудачи, мы могли быть опрокинуты въ рѣку, не имѣя съ фланговъ ни крѣпостей, ни тетъ-депоновъ. Перейти обратно на правый берегъ Эльбы было бы равносильно пожертвованію всѣми плодами побѣды, одержанныхъ Гросбееренѣ и Денневицѣ. Имѣя же столь смѣлаго и отважнаго противника, владѣвшаго при томъ крѣпостями, значило поставить на карту всю дальнѣйшую участъ похода.

Поэтому надобно было прибѣгнуть къ иному средству, взять храбростью, броситься на операционную линію непріятеля въ тотъ моментъ, когда онъ угрожалъ нашей операционной линіи, поддержать богемскую армію, соединить наши силы съ силами силезской арміи и разрушить такимъ образомъ планъ Наполеона.

Эта цѣль была вполнѣ достигнута переправою черезъ Саалу; маневръ былъ разсчитанъ безподобно.

Онъ помѣшалъ выполненію смѣлаго плана Наполеона, который, не имѣя уже возможности напасть на Сѣверную армію, или помѣшать ея соединенію съ силезской арміей, отказался отъ выполненія своего втораго обширнаго плана и потерялъ такимъ образомъ свободу дѣйствій, которую онъ все время старался сохранить. Этотъ маневръ привелъ къ Лейпцигскому сраженію.

Каждый обсуждалъ его въ то время со своей точки зрењія, но угадать намѣреніе противника и помѣшать осуществленію его плана было дѣломъ генераловъ, которые держать въ своихъ рукахъ судьбы имперіи.

Бернадотъ зналъ тактику своего противника, умѣлъ быстро схватить его мысль и такъ же быстро принять мѣры къ тому, чтобы разстроить его планы; поэтому онъ сосредоточилъ всѣ свои силы тамъ, где непріятель былъ всего слабѣе; въ этомъ и заключается все искусство веденія войны. Очутиться въ томъ пунктѣ, где непріятель не ожидаетъ вашего появленія, значитъ подготовить побѣду; это сдѣлалъ шведскій королевскій принцъ.

Всѣдѣствіе этихъ новыхъ соображеній, маршалъ Штедингъ пришелъ съ шведской арміей въ Бернбургъ, чтобы переправиться въ этомъ пункте черезъ Саалу, и устроилъ тутъ свою главную квартиру.

Я обѣдалъ у него въ то время, какъ одинъ казачій офицеръ доложилъ мнѣ, что изъ Магдебурга выступила сильная непріятельская колонна, которая направлялась на Кальбе, откуда она прогнала моихъ казаковъ; онъ прибавилъ, что, по всей вѣроятности, непріятель не замедлитъ явиться къ Бернбургу.

Маршалъ Штедингъ былъ встревоженъ этимъ извѣстіемъ, опасаясь за свой правый флангъ, которому непріятель видимо угрожалъ. Я тотчасъ предложилъ ему встать съ моими двумя казачыми полками и съ двумя эскадронами прусскихъ уланъ на дорогѣ, соединявшей Магдебургъ съ Кальбе, отрѣзать такимъ образомъ французамъ отступление, устранишь ихъ, однимъ словомъ, въ то время какъ маршалъ атакуетъ французовъ съ фронта, мои батальоны нападутъ на ихъ тылъ.

Маршалъ одобрилъ мой планъ и, чтобы обеспечить мнѣ успѣхъ, приказалъ гусарскому полку Мернера, следовать за мною и выполнить то же движеніе; онъ далъ мнѣ сверхъ того четыре орудія конной артиллеріи. Этотъ планъ былъ немедленно приведенъ въ исполненіе.

Мои казаки мигомъ были на лошадяхъ, и я ускакалъ съ ними, чтѣ очень удивило старика маршала. Онъ не могъ понять, что одного слова, сказанного мною казачьему офицеру, было достаточно для того, чтобы эти непоколебимые воины, какъ онъ ихъ называлъ, вскочили на лошадей и тронулись въ путь.

Я приказалъ шведскимъ гусарамъ слѣдовать за мною, какъ только они будутъ готовы, и эшелонироваться вслѣдъ за прусскими уланами, которые шли вмѣстѣ со мною.

Вся блестящая молодежь главной квартиры выразила желаніе сопровождать меня; каждый хотѣлъ участвовать въ экспедиціи; это была съ ихъ стороны своего рода овация, сдѣланная мнѣ. Но маршалъ разрѣшилъ это только нѣкоторымъ лицамъ; еслибы онъ отпустилъ всѣхъ, кто просился щѣхать со мною, то онъ остался бы одинъ.

Между тѣмъ ко мнѣ пріѣхалъ изъ силезской арміи мой братъ Георгий, капитанъ л. гв. Гусарского полка, адъютантъ генералъ-адъютанта барона Корфа. Онъ былъ свидѣтелемъ испытаннаго мною нѣсколько тщеславнаго чувства при видѣ того, что у меня была такая почетная свита. Я далъ ему превосходную лошадь, и его красный мундиръ, расширенный золотомъ, нисколько не портилъ общаго впечатлѣнія.

Въ то время какъ я разыгрывалъ такимъ образомъ роль главно-командующаго въ миниатюрѣ, мои бородатые и немногого грязненькие казаки были уже довольно далеко.

Пришпоривъ лошадь, я вскорѣ былъ въ главѣ отряда, который былъ поставленъ мною по дорогѣ, идущей изъ Кальбе въ Магдебургъ; казакамъ было приказано не спѣшиваться.

Разсчитывая на содѣйствіе маршала Штединга, который, располагая цѣлой арміей, легко могъ защитить Бернбургъ, я послалъ мои батальоны вдоль рѣки по направленію къ Кальбе, приказавъ имъ однако не атаковать непріятеля, а ограничиться демонстраціею на его флангѣ.

Я рѣшилъ беречь, на сколько возможно, шведовъ, будучи увѣренъ, что королевскій принцъ будетъ признателенъ мнѣ за это; за то они должны были помочь мнѣ вытѣснить французовъ изъ Кальбе и погнать ихъ ко мнѣ на равнину, где я намѣревался встрѣтить ихъ, какъ подобаетъ. Я не располагалъ употребить въ дѣло гусаръ Мернера, полагая обойтись съ однimi казаками и храбрыми прусскими уланами, но шведская конная артиллерія была мнѣ необходима для того, чтобы ослабить французскую колонну.

Жители деревень Глоте и Ценцѣ (Glotte et Zentz) должны были доставить продовольствіе моему отряду; розданные мною солдатамъ спиртные напитки заняли на нѣкоторое время этихъ молодцовъ, горѣвшихъ истерпѣніемъ поскорѣе увидѣть зрелище, которое обѣщало быть весьма интереснымъ и могло покрыть ихъ славою. Шведы страстно желали услышать свистъ пуль, что имъ рѣдко удавалось вслѣдствіе крайней осторожности Штединга и прекрасно разсчитанныхъ дѣйствій королевскаго принца. Эта осторожность входила въ намѣченный принцемъ планъ дѣйствій. Ему предстояло еще завоевать Норвегію, и поэтому

надобно было щадить армию; онъ не былъ простымъ главнокомандующимъ, которому даютъ новое войско, когда его армія погибла.

Я съ нетерпѣniемъ ожидалъ появленія шведовъ, но увидѣлъ на обширной равнинѣ только приближавшуюся ко мнѣ французскую колонну, которая была вынуждена оставить Кальбе вслѣдствіе движенія, совершенного моими батальонами. Я стоялъ на дорогѣ, по которой должна была пройти эта колонна, и былъ готовъ принять ее, но, увы, не было видно ни орудій, ни гусаръ.

Наконецъ, прискакалъ адъютантъ маршала Штединга и объявилъ, что гусары Мернера не будутъ посланы мнѣ на помошь; онъ передалъ мнѣ письмо маршала и копію съ полученнаго имъ приказанія, пожалѣль о томъ, что я поставленъ въ такое затруднительное положеніе, и выразилъ надежду, что я выйду изъ него со славою.

Вотъ дневной приказъ, данный маршаломъ Штедингомъ въ Ротенбургѣ 12-го октября 1813 г. на имя генерала Мернера:

«Его королевское высочество получилъ донесеніе вашего превосходительства относительно положенія шведской арміи подъ Бернбургомъ и въ его окрестностяхъ.

«Принцъ приказываетъ вамъ не разсѣевать ввѣренной вамъ кавалеріи, такъ какъ вы должны быть готовы къ выступленію. Предложите полковнику Левенштерну дѣйствовать, не ожидая посторонней помощи. Войска, данные въ его распоряженіе генераломъ Путтицомъ, должны оставаться съ нимъ впередъ до дальнѣйшаго распоряженія даже тогда, когда вы уйдете съ позиціи.

«Вмѣсто того чтобы посыпать разѣзы въ Дессау, полковникъ Левенштернъ пошлетъ ихъ только по направленію къ Магдебургу и т. д.

Всѣ молодые шведы тотчасъ оставили меня, и я очутился въ очень печальному положенію въ виду приближавшейся непріятельской колонны съ 8 орудіями во главѣ.

Я послалъ маршала Штединга ко всѣмъ чертамъ за то, что я потерялъ по его винѣ такой прекрасный случай показать ему, что можно сдѣлать, дѣйствуя энергично.

Его кавалерія успѣла бы возвратиться вѣ-время, къ тому же появленіе непріятельской колонны, восьми орудій и двухъ генераловъ было достаточно вѣскимъ аргументомъ, чтобы оправдать его въ этомъ случаѣ, если бы его отрядъ запоздалъ часа на два; этого времени было бы вполнѣ достаточно, чтобы покончить дѣло; трофеи, которые достались бы намъ, разумѣется, успокоили бы гнѣвъ Бернадотта; шведамъ не мѣшило немножко понюхать пороха, и они могли сдѣлать это ничѣмъ не рискуя.

События давали маршалу Штедингу возможность воспользоваться

*

тѣмъ, что графу Лемарруа (de Lemarroi) не было извѣстно о прибытии шведской арміи на берега Саалы.

Французскій генералъ былъ слишкомъ опытный и хороший воинъ, чтобы обречь 2.000 человѣкъ вѣрной гибели; поэтому если бы онъ только зналъ о присутствіи шведскихъ войскъ, то конечно не началъ бы дѣла: слѣдовало воспользоваться этимъ обстоятельствомъ! Графъ Воронцовъ такъ и сдѣлалъ бы; но старый посланникъ, пріятный и остроумный собесѣдникъ въ салонѣ, позабыть уже свои блестательные подвиги во время финляндской войны. Онъ исполнилъ буквально приказаніе шведского королевскаго принца, который, находясь вдали отъ театра военныхъ дѣйствій, не могъ правильно судить о нихъ.

Старикъ маршалъ лишилъ меня такимъ образомъ славнаго дѣла.

Однако надобно было что-нибудь предпринять въ виду этой проклятой колонны, которая подходила все ближе и ближе.

Впослѣдствіи, въ 1814 г., я былъ свидѣтелемъ того, какъ двѣ кавалерійскія дивизіи, генерала Корфа и Васильчикова, не могли прорвать колонну генерала Пактгода; только съ появлениемъ конной артиллеріи, приведенной самимъ императоромъ Александромъ, побѣда склонилась на сторону русскихъ.

Я находился, сравнительно говоря, въ подобномъ же положеніи, поэтому я отвѣчалъ отказомъ на настоянія храбраго графа Шверина, который умолялъ меня позволить ему атаковать французовъ съ его уланами; я поступилъ въ этомъ случаѣ отчасти инстинктивно, отчасти по зрѣломъ размышленіи.

Я имѣлъ основаніе не соглашаться на его предложеніе, тѣмъ болѣе, что я былъ вполнѣ увѣренъ, что графъ Лемарруа навѣрно эшелонировалъ другой отрядъ, чтобы поддержать эту колонну. Чтобы быть свое-временно увѣдомленнымъ объ этомъ, я послалъ 200 человѣкъ казаковъ на Магдебургскую дорогу.

Послѣ того какъ непріятель осыпалъ насъ ядрами и картечью, я подѣхалъ къ французской колоннѣ одинъ съ трубачемъ и закричалъ, чтобы она сдалась: мы отвѣчали на смѣшками и выстрѣлами. Это было вполнѣ справедливо.

Поневолѣ пришлось ограничиться дѣйствіями на флангѣ непріятеля и исполнять роль жандармовъ, подбирая французскихъ мародеровъ.

Отъ смѣшнаго по великаго одинъ шагъ.

Я пришелъ на эту позицію сіяя отъ радости, а вернулся въ Бернбургъ сконфуженнымъ; шведской арміи уже и слѣдъ простылъ, она ушла въ Ротенбургъ, чтобы соединиться съ шведскимъ королевскимъ принцемъ. Я не имѣлъ даже удовлетворенія сказать старому маршалу, что онъ пропустилъ блестящее дѣло и подвергъ меня безо всякой надобности большой опасности.

Мои шведские и прусские батальоны добросовестно исполнили свой долгъ, вытѣснивъ непріятеля изъ Кальбе и заставивъ его выйти на равнину.

Мой братъ, съ которымъ я не успѣлъ еще сказать ни слова, смѣялся надъ моимъ страннымъ гостепріимствомъ, говоря, что я угощаю гостей пульями и картечью.

Его веселость заставила меня позабыть свою неудачу. Мой способъ веденія войны нравился ему болѣе, нежели служба въ арміи, где приходилось рѣдко участвовать въ сраженіяхъ; поэтому онъ рѣшилъ остаться со мною, чтѣ доставило мнѣ несказанное удовольствіе.

Онъ разстался со мною только въ Ліэжѣ (Lièges), вступивъ въ отрядъ генерала Александра Бенкендорфа, съ коимъ онъ совершилъ блестящій походъ въ Голландію, позабывъ такимъ образомъ совершенно о существованіи генерала барона Корфа, съ которымъ онъ свидѣлся только въ Суассонѣ; генералъ съ удивительной снисходительностью простилъ ему его продолжительное и опасное свиданіе со мною.

Между тѣмъ армія начала свое большое движеніе на Лейпцигъ.

Въ дневномъ приказѣ королевскаго принца было сказано: «генераль Гиршфельдтъ и полковникъ Левенштернъ первый въ Акенѣ, а второй въ Бернбургѣ должны оборонять свои позиціи до послѣдней крайности, чтобы обеспечить Сѣверной арміи возможность совершить наступательное движеніе; королевскій принцъ будетъ благодаренъ имъ за ихъ дѣйствія».

16-го, 17-го и 18-го числа происходило сраженіе подъ Лейпцигомъ.

Сраженіе это настолько достопамятно и неоднократно описано такъ талантливо и въ такой подробности, что я не рѣшаюсь писать о немъ.

Трудно себѣ представить радость мѣстныхъ жителей, когда они узнали о благопріятномъ исходѣ Лейпцигскаго сраженія.

Я хотѣлъ принять участіе въ общей радости и дать мѣстнымъ дамамъ балъ, надѣясь, что генералъ Лемарруа не попрепятствуетъ этому послѣ сдѣланныхъ имъ безплодныхъ попытокъ вытѣснить меня изъ Бернбурга.

Герцогъ Ангальтъ Бернбургскій, жившій въ Бюттельштедтѣ (Bütтельstedt), весьма любезно прислалъ ко мнѣ одного изъ своихъ камергеровъ, поручивъ ему заботиться о моемъ благополучіи во время моего пребыванія въ Бернбургѣ, поэтому у меня было вдоволь всякой дичи, плодовъ и превосходнаго вина:

У этого камергера была сумасшедшая жена, за которую ухаживала очень красавая и къ тому же очень кокетливая особа, которая замѣняла, повидимому, во всѣхъ отношеніяхъ хозяйку дома. Я сталъ ухаживать за нею, къ величайшему огорченію моего любезнаго камергера, и

когда мнѣ хотѣлось удалить его изъ дома, то я даваль ему какое-либо порученіе къ герцогу, въ чемъ онъ не могъ мнѣ отказать. Такимъ образомъ я злоупотреблялъ немногимъ положеніемъ.

Такъ какъ эта дама любила до страсти танцы, то я воспользовался всеобщимъ радостнымъ настроениемъ и далъ для нея балъ, который обошелся мнѣ 200 луидоровъ.

Но еще мало было не жалѣть денегъ, надо было организовать балъ сколько-нибудь сносно въ городѣ, гдѣ нельзя было достать самаго необходимаго и въ которомъ только что разсѣялся дымъ сраженія.

Мой братъ, неутомимый танцоръ, и нѣсколько шведскихъ офицеровъ любителей повеселиться, взяли на себя этотъ трудъ.

Приглашенія были разосланы всѣмъ значительнымъ лицамъ города и его окрестностей. Оказалось, что нѣкоторыя приглашенныя дамы жили въ районѣ, занятомъ французами; тѣмъ не менѣе, онѣ пріѣхали на балъ, выхлопотавъ на это разрѣшеніе у французскаго генерала, который просилъ ихъ передать мнѣ, что, не желая лишить дамъ удовольствія присутствовать на моемъ балу, онѣ далъ имъ конвой, который сопровождалъ ихъ до нашихъ аванпостовъ, но такъ какъ этотъ балъ дается въ ознаменованіе побѣды подъ Лейпцигомъ, то онѣ выговариваются себѣ право присутствовать на немъ.

Я понялъ иронический смыслъ его словъ, но пренебрегъ его угрозою и не отмѣнилъ бала.

Домъ, нанятый мною для бала, находился на окраинѣ города, близъ нашихъ аванпостовъ; я удвоилъ число этихъ постовъ и поставилъ возлѣ дома двѣ заряженныя пушки и цѣлый батальонъ подъ ружьемъ, собираясь принять гостя достойнымъ образомъ, если бы ему вздумалось въ самомъ дѣлѣ пожаловать къ намъ.

Не малаго труда стоило составить сносный оркестръ. Капельмейстеръ явился ко мнѣ съ вытянутымъ лицомъ и заявилъ, что оркестръ будетъ хромать, такъ какъ въ немъ отсутствуютъ два кларнета и первая скрипка, которые не могутъ выбраться изъ деревни, занятой непріятелемъ.

Я велѣлъ сдѣлать репетицію и убѣдился, къ величайшему моему ужасу, что получилось дѣйствительно нѣчто ужасное. Если бы къ этому оркестру прибавить нѣсколько кастрюль, то отъ этой музыки улетѣла бы изъ нашихъ степей вся саранча. Оставалось одно средство. Я спросилъ капельмейстера, рискнуть ли музыканты уѣхать изъ деревни, если имъ будетъ обѣщано за это каждому по два луидора.

Онѣ отвѣчали утвердительно.

Тогда я приказалъ 150 казакамъ сѣсть на лошадей и послалъ съ ними моего неутомимаго и смѣлаго поручика Клицинга (пруссака) съ приказаниемъ вытѣснить изъ деревни непріятельскій отрядъ, имѣть на-

готовъ трехъ лошадей и похитить музыкантовъ, разумѣется, съ ихъ инструментами и какъ можно скорѣе ускакать изъ деревни.

Поручикъ Клицингъ исполнилъ это порученіе безподобно, прогналъ непріятеля, увезъ моихъ виртуозовъ и не потерялъ при этомъ ни одного человѣка, такъ что эта шутка не доставила мнѣ ни малѣйшихъ угрозъ совѣсти.

Этотъ балъ, по разнообразному составу приглашенныхъ, могъ быть довольно натянутымъ, но вышло иначе. Всѣ были такъ рады избавиться отъ тяготѣвшаго надъ ними ига французовъ, что веселились отъ души; танцы затянулись до утра.

Французскій генералъ не прѣѣхалъ на балъ, какъ онъ обѣщалъ, и хорошо сдѣлалъ, такъ какъ я принялъ бы его съ воинскими почестями.

Въ полночь ко мнѣ привели взятыхъ въ плѣнъ вахмистра и четырехъ конныхъ егерей. Я велѣлъ ввести ихъ въ зало; дамы немного испугались, но, видя, что эти господа были изумлены своимъ положеніемъ не менѣе ихъ, онѣ быстро успокоились. Я встрѣтилъ плѣнныхъ любезно и, зная, что всѣ французы умѣютъ танцевать, предложилъ имъ принять участіе въ вечерѣ, на что они согласились. Танцы и вино заставили ихъ скоро позабыть, что они находятся въ плѣну. Мои казаки, не желая отставать отъ своихъ изящныхъ и веселыхъ противниковъ, протанцевали казачка; такимъ образомъ всякий способствовалъ по мѣрѣ силъ оживленію праздника.

На слѣдующій день, въ 7 часовъ утра, въ Бернбургѣ не осталось и слѣда о нашемъ пребываніи.

Я получилъ ночью приказъ оставить позицію, которая послѣ Лейпцигскаго сраженія не имѣла уже никакого значенія: заботы о Магдебургѣ были предоставлены арміи Беннигсена.

Мнѣ велѣно было отправиться въ Эйслебенъ и ожидать тамъ дальнѣйшихъ приказаній.

Графъ Воронцовъ шелъ на Кассель.

Шведскимъ баталіонамъ было приказано присоединиться къ арміи королевскаго принца, а пруссакамъ — къ корпусу генерала Гиршфельда.

Я былъ уже далеко отъ Бернбурга, когда проснулись прелестныя дамы, составлявшія украшеніе моего бала.

Генералъ Гиршфельдъ потребовалъ, чтобы поручикъ Клицингъ вернулся къ нему. Такъ какъ онъ мнѣ былъ необходимъ, въ особенности въ Германіи, какъ иѣменецъ, то я обратился къ королю прусскому съ просьбою дозволить ему не возвращаться въ полкъ и оставаться при мнѣ. Король разрѣшилъ это охотно.

Поручикъ Клицингъ былъ прекрасный, усердный, смѣшилъ

и очень храбрый офицеръ. Поэтому я былъ очень доволенъ, что онъ остался со мною. Онъ отправился изъ Бернбурга въ Эйслебенъ впередъ, чтобы приготовить мнѣ встречу въ замкѣ, принадлежавшемъ его зятю.

Такъ какъ онъ зналъ мою страсть къ охотѣ, то его зять организовалъ таковую въ честь меня. Со мною всегда было шесть левретокъ; саксонскіе землевладѣльцы выходили изъ себя, видя, какъ много дичи я истребляю на ихъ землѣ и въ ихъ лѣсахъ, хотя въ этой мѣстности было множество зайцевъ.

Напи степные зайцы проворнѣе и имѣютъ болѣе сильныя ноги; надобно полагать, что въ Германіи зайцы заразились флегматичностью нѣмцевъ, такъ какъ мнѣ не случалось тутъ упустить ни одного зайца, тогда какъ на Украинѣ они нерѣдко посрамляли моихъ собакъ.

Я составилъ свой конвой изъ тѣхъ казаковъ, которые лучше всего охотились на лисицъ и зайцевъ. Ихъ было пятнадцать человѣкъ; они не разставались со мною ни днемъ, ни ночью и носили гусарскіе мундиры, взятые ими въ бою. Всѣ остальные казаки добивались чести поступить въ этотъ конвой и поэтому не давали пощады французскимъ гусарамъ, такъ какъ, не имѣя гусарскаго мундира, снятаго съ пѣнина, они не имѣли ни малѣйшей надежды попасть въ конвойные. Гусарскій мундиръ представлялъ еще то преимущество, что непріятель, видя въ нашихъ рядахъ мундиры регулярныхъ войскъ, думалъ, разумѣется, что въ нашемъ отрядѣ было также регулярное войско; это зачастую нагоняло на него страхъ.

Привилегію этого маленькаго отряда составляло то, что онъ всегда первый шелъ въ огонь и дѣйствовалъ на моихъ глазахъ, вслѣдствіе чего этимъ казакамъ легче было получить Георгія; кромѣ, того они освобождались отъ аванпостной и пикетной службы, ихъ лучше кормили, и они всегда имѣли по мѣрѣ возможности лучшее помѣщеніе, но за то подвергались болѣй опасности. Кромѣ того, они исполняли при мнѣ роль жандармовъ или внутренней полиції. Если кто-либо изъ казаковъ обвинялся въ кражѣ, то конвойнымъ поручалось раскрыть дѣло, и они исполняли это всегда успѣшно.

Согласно полученному мною приказанію, я остановился въ Эйслебенѣ и разставилъ казаковъ на хорошихъ квартирахъ.

Бургомистръ помѣстилъ меня въ плохонькой гостиницѣ.

Я отдохнулъ не болѣе 36 часовъ, какъ прискакалъ отъ генерала Винценгероде курьеръ съ приказаниемъ идти къ Гейлигенштадту и находиться въ распоряженіи маршала Штединга.

Я прѣѣхалъ въ Нордгаузенъ поздно вечеромъ. Тамъ находился въ это время шведскій военный комиссаръ, который обложилъ городъ

большой контрибуції въ видѣ одежды, продовольствія, фуража и потребовалъ кромѣ того 10.000 луидоровъ.

Жители, выведенные изъ себя, прислали ко мнѣ депутацію, прося освободить ихъ отъ уплаты этой суммы, увѣряя, что они охотно доставятъ все остальное.

Я пригласилъ къ себѣ шведского комиссара и потребовалъ, чтобы онъ предъявилъ мнѣ приказаніе начальства, на основаніи котораго онъ дѣйствовалъ. Онъ попросилъ меня пройти въсосѣднюю комнату, служившую мнѣ кабинетомъ, и, когда мы остались одни, объявилъ, что онъ не имѣтъ письменнаго приказанія обложить жителей денежной контрибуціей, но что маршалъ Штедингъ приказалъ ему словесно взять съ нихъ 10.000 луидоровъ и далъ въ его распоряженіе эскадронъ, чтобы поддержать это требованіе.

Я нашелъ, что словеснаго приказанія недостаточно, тѣмъ болѣе, что если бы почтенному маршалу пришла подобная мысль, то онъ, по всей вѣроятности, захотѣлъ бы принять на себя въ этомъ случаѣ ответственность и следовательно далъ бы комиссару письменное приказаніе.

Шведскій военный комиссаръ былъ въ отчаяніи и предложилъ мнѣ подѣлить контрибуцію; тогда я поспѣшилъ отворить дверь въ зало и сказалъ уполномоченнымъ отъ города, что я очень радъ тому, что имѣю возможность объявить имъ, что г. комиссаръ не настаиваетъ болѣе на денежной контрибуціи, но что вещи должны быть немедленно доставлены, такъ какъ г. комиссаръ уѣзжаетъ изъ города въ тотъ же день.

Я постарался уладить дѣло какъ можно деликатнѣе: комиссаръ ушелъ взбѣшенный.

Городъ прислалъ депутацію благодарить меня за то, что я избавилъ его отъ когтей этого шведскаго вампира, и поднесъ мнѣ великолѣпное ружье, сдѣланное въ Нордгаузенѣ. Я принялъ подарокъ и, полагаю, имѣлъ на это нравственное право.

Французскіе генералы составляли себѣ такимъ путемъ цѣлую состоянія, да и самъ Наполеонъ пріобрѣлъ отель въ улицѣ Шантерэнъ и Мальмэзонъ не на капиталъ, доставшійся ему отъ отца. Надобно отдать честь русскимъ войскамъ: они вели себя съ 1813 и 1814 г.г. честно и не выказывали алчности.

Я уѣхалъ изъ Нордгаузена на слѣдующій день.

Въ Эйслебенѣ меня дотого восхитилъ оркестръ мѣстныхъ музыкантовъ, что я нанялъ ихъ на все время до окончанія военныхъ дѣйствій. Это обошлось довольно дорого, но я могъ доставить себѣ это удовольствіе послѣ всѣхъ понесенныхъ мною трудовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О благочинии въ церквахъ.

Записка графа Аракчеева 23-го января 1816 г. № 50.

Государь императоръ, усматривая изъ получаемыхъ донесеній о происшествіяхъ нерѣдко происходящихъ со стороны разнаго званія людей въ церквахъ предосудительные поступки, повелѣть мнѣ соизволить объявить комитету высочайшую волю, дабы повсемѣстно сдѣлано было подтвержденіе о соблюденіи въ церквахъ должнаго порядка и тишины и чтобы строжайше взыскиваемо было за всякий противный тому шагъ, ибо его величество считаетъ однимъ изъ важнѣйшихъ преступлений нарушенія обязанностей благопочитанія и вѣроисповѣданія. Для чего въ особенности поручаетъ г. управляющему министерствомъ полиціи и министру юстиціи, первому имѣть строгій надзоръ черезъ полицію и при малѣйшемъ отступленіи отъ правилъ, которыя соблюдаются быть должны въ церквахъ, отсылать виновныхъ, не взирая ни на какое лицо, къ суду; а послѣднему наблюдать, чтобы не происходило медленности въ судо-производствѣ по таковымъ дѣламъ и послабленія, но чтобы каждый неукоснительно получалъ достойное по законамъ воздаяніе.

Празднованіе XL-й годовщины освобожденія крестьянъ¹).

19-го февраля давно уже считается у насъ знаменательнымъ днемъ, посвященнымъ воспоминанію о великому дѣлѣ освобожденія крестьянъ,—самой славной и свѣтлой страницѣ въ исторіи Россіи за вторую половину истекшаго столѣтія. Въ этотъ день происходитъ ежегодно, всегда отличающійся большой задушевностью, традиціонный обѣдъ участниковъ великой реформы.

Первоначально (именно съ 1862 г.) на обѣды эти собирался тѣсный кружокъ лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ дѣятельности знаменитыхъ Редакціонныхъ Коммисій или имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ дѣлу освобожденія крестьянъ, но, съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ ряды главныхъ дѣятелей крестьянской реформы постепенно рѣдѣли, къ участію въ обѣдахъ были привлечены лица, дѣйствовавшія по приведенію въ исполненіе Положеній 19-го февраля 1861 г., а также старшіе дѣятели нынѣшнихъ крестьянскихъ учрежденій и, наконецъ, лица, согласно высочайшему повелѣнію 30-го августа 1898 г., имѣвшія право на ношеніе по наслѣдству золотой медали за труды по освобожденію крестьянъ.

19-го февраля 1901 года, въ сорокалѣтнюю годовщину великой реформы, обѣдъ, происходившій въ ресторанѣ Донана, имѣлъ особенно сердечный характеръ и отличался многолюдствомъ²). Изъ

¹) Редакція не могла помѣстить этой статьи раньше, такъ какъ она была поздно доставлена.

²) Участниками его были слѣдующія 32 лица: М. В. Арцимовичъ, сынъ В. А. Арцимовича, Н. А. Боровковъ, А. А. Геркѣ, А. С. Дембовецкій, Г. А. Евреиновъ, В. В. Калачовъ, графъ П. А. Капnistъ, Н. В. Кипошенковъ, Н. Н. Колопинъ, баронъ П. Л. Корфъ, Е. А. Куровскій, Е. И. Ламанскій,

числа участниковъ обѣда только два, именно Е. И. Ламанскій и П. П. Семеновъ, принимали участіе, въ качествѣ членовъ Редакціонныхъ Коммиссій, въ подписаніи проекта Положенія 19-го февраля ¹⁾, а П. А. Шульцъ и Н. Н. Колошинъ были совѣщательными членами Редакціонныхъ Коммиссій ²⁾.

Предсѣдательствовалъ на обѣдѣ П. П. Семеновъ, а обязанности распорядителя обѣда, за отсутствіемъ и по просьбѣ А. Н. Куломзина, исполнялъ графъ Я. Н. Ростовцовъ, внукъ Я. И. Ростовцова, главнаго и при томъ непосредственнаго сподвижника императора Александра II по крестьянской реформѣ.

Обычные на обѣдахъ 19-го февраля, освященные традиціей, тосты были провозглашены этотъ разъ слѣдующими лицами:

П. П. Семеновымъ за здоровье государя императора.

Имъ же въ память главнаго виновника великаго дѣла крестьянской реформы, покойнаго императора Александра II и завершившаго это дѣло императора Александра III.

Е. И. Ламанскимъ: за великое дѣло 19-го февраля 1861 г.

П. А. Шульцемъ: за всѣхъ дѣйствующихъ и дѣйствовавшихъ въ пользу крестьянской реформы.

Вслѣдъ за этимъ тостомъ, согласно общему единодушному желанію, была составлена и послана предсѣдателемъ телеграмма великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ съ благодарнымъ вспоминаніемъ о незабвенныхъ заслугахъ великаго князя Константина Николаевича въ крестьянскомъ дѣлѣ. На телеграмму эту полученъ былъ слѣдующій милостивый отвѣтъ императорскаго высочества:

«Меня глубоко трогаетъ добрая память славныхъ дѣятелей великаго дѣла 19-го февраля, бывшихъ сотрудниками моего незабвеннаго великаго князя въ осуществлѣніи великодушной воли Царя-Освободителя. Васъ, вашего брата и всѣхъ участниковъ телеграммы сердечно благодарю. Александра».

А. А. Мельниковъ, Ю. Н. Милютинъ, А. А. Нарышкинъ, А. И. Нератовъ, И. А. Новиковъ, князь А. Д. Оболенскій, А. И. Петровъ, графъ Я. Н. Ростовцовъ, П. П. Семеновъ, А. П. Семеновъ, внукъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, А. С. Стишинскій, П. Е. Татариновъ, Ф. Г. Тернеръ, Л. П. Томара, Н. А. Тройницкій, Н. А. Хвостовъ, князь М. И. Хилковъ, князь П. Н. Цертелевъ, П. А. Шульцъ, Н. П. Щепкинъ.

¹⁾ Третій изъ оставшихся въ живыхъ членовъ этихъ Коммиссій, Н. П. Семеновъ, не могъ, по болѣзни, присутствовать на обѣдѣ.

²⁾ Изъ числа приглашенныхъ кромѣ Н. П. Семенова не могли участвовать на обѣдѣ по нездоровью или другимъ причинамъ: А. П. Брянчаниновъ, В. Г. Быховецъ, В. И. Вещняковъ, Н. П. Долгово-Сабуровъ, Я. Г. Есиповичъ, А. Ф. Кони, А. Н. Куломзинъ, П. О. Липленфельдъ-Тоаль, В. М. Маркусъ, баронъ В. М. Менгденъ, А. И. Скребицкій, Н. П. Смирновъ, А. С. Танѣевъ.

Затѣмъ П. П. Семеновымъ былъ провозглашенъ молчаливый тостъ въ память умершихъ тружениковъ по крестьянской реформѣ, при чёмъ была почтена память первого предсѣдателя Редакціонныхъ Комиссій Я. И. Ростовцова и всѣхъ главныхъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ: Н. А. Милютина, Ю. Ф. Самарина, кн. В. А. Черкасскаго и др.

Теплымъ словомъ предсѣдательствующій помянулъ вслѣдъ за этимъ скончавшихся въ прошломъ году дѣятелей по крестьянскому дѣлу, постоянныхъ участниковъ обѣдовъ 19-го февраля, бывшаго послѣдніе годы ихъ предсѣдателемъ Н. И. Стояновскаго, графа П. П. Шувалова, С. А. Мордвинова и Н. Н. Биппена.

Графъ Петръ Павловичъ Шуваловъ явился впервые виднымъ дѣтелемъ по крестьянскому дѣлу въ качествѣ петербургскаго губернскаго предводителя дворянства и предсѣдателя С.-Петербургскаго комитета, гдѣ онъ безусловно былъ горячимъ сторонникомъ крестьянъ. Призванный волею Царя-Освободителя къ участію въ качествѣ члена-эксперта въ составъ Редакціонныхъ Комиссій, онъ очень скоро разошелся во взглядахъ съ большинствомъ комиссіи, допуская только немедленное личное освобожденіе крестьянъ и настаивая на оставленіи на вѣчныя времена земель, состоящихъ въ ихъ пользованіи, въ собственности землевладѣльцевъ; при чёмъ допускалъ дарованіе крестьянамъ, какъ онъ выражался, эмфитевического права на пользованіе владѣемыми ими землями, за существующія повинности, съ переоброчкою ихъ по истеченіи каждыхъ 20 лѣтъ. Такая форма освобожденія крестьянъ, которую предсѣдатель Редакціонной Комиссіи называлъ «птичьею свободою», не встрѣтила сочувствія въ средѣ Редакціонной Комиссіи, и графъ П. П. Шуваловъ самъ пожелалъ оставить Редакціонную Комиссію, но, удержаный императоромъ Александромъ II въ ихъ составѣ, не принималъ никакое дѣятельного участія въ ихъ трудахъ. Тѣмъ не менѣе члены Комиссіи сохранили глубокое уваженіе къ личному характеру antagonista ихъ мнѣній, цѣнѧ въ немъ не только честность и стойкость его убѣжденій, но и неизмѣнное сочувствіе къ дарованію немедленной личной свободы крѣпостнымъ крестьянамъ.

Н. И. Стояновскій собственно членомъ Редакціонныхъ Комиссій не былъ. Когда по высочайше утвержденному положенію объ образованіи этихъ Комиссій члены отъ правительства назначались отъ каждого министерства по соглашенію ихъ министровъ съ предсѣдателемъ Комиссіи, то Я. И. Ростовцовъ просилъ графа В. Н. Панина о назначеніи въ Комиссіи просвѣщенныхъ и извѣстныхъ своимъ сочувствіемъ дѣлу освобожденія крестьянъ оберъ-прокуроровъ Сената М. Н. Любощинскаго и Н. И. Стояновскаго. На назначеніе Любощинскаго графъ Панинъ немедленно согласился, но вместо Н. И. Стояновскаго назначилъ, въ видѣ особаго, деликатнаго вниманія къ Я. И. Ростовцову, Н. П. Семенова.

Но и Н. И. Стояновскій обойдѣнъ не былъ и нѣсколько позже былъ назначенъ графомъ Панинымъ членомъ отъ министерства юстиціи въ административную, такъ называемую губернаторскую, комиссию при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, выработавшую, подъ предсѣдательствомъ Н. А. Милютина, первоначальный проектъ мировыхъ судей, разсмотрѣнныи и значительно видоизмѣненныи Редакціонными Коммиссіями. Члены этой административной комиссіи, работавшіе параллельно и въ связи съ Редакціонными Коммиссіями, получили также золотыя медали за труды по освобожденію крестьянъ. Впослѣдствіи Н. И. Стояновскій былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей по судебнай реформѣ и до конца дней своихъ не переставалъ трудиться на пользу Россіи въ средѣ Государственнаго Совѣта, въ особенности по пересмотру нашего гражданскаго законодательства. Добрую память оставилъ по себѣ Н. И. Стояновскій и въ тѣсномъ дружескомъ кругѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ великихъ реформахъ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

С. А. Мордвиновъ тоже не былъ членомъ Редакціонныхъ Коммиссій, но, по близости своихъ отношеній къ Н. А. Милютину, на сестрѣ котораго былъ женатъ, стоялъ вблизи ко всему ходу дѣлъ освобожденія крестьянъ, а впослѣдствіи принялъ непосредственное участіе въ дѣлѣ приведенія въ исполненіе Положеній 19-го февраля 1861 г., въ качествѣ члена отъ правительства въ Ісковскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи. Вѣрнымъ своимъ гуманнымъ и широкимъ взглѣдамъ остался С. А. Мордвиновъ и въ своей позднѣйшей дѣятельности въ средѣ Государственнаго Совѣта.

Сенаторъ Н. Н. Биппенъ въ эпоху освобожденія крестьянъ былъ сначала мѣровымъ посредникомъ, а потомъ астраханскимъ вице-губернаторомъ, еще въ то время, когда въ Астраханской губерніи завершалась крестьянская реформа.

Обычный тостъ за благоденствіе Россіи былъ провозглашенъ Н. П. Щепкинымъ. Отъ имени отсутствующаго Н. П. Семенова прочтено было кн. П. Н. Цертелевымъ слѣдующее стихотвореніе, посвященное памяти А. С. Пушкина.

Памяти А. С. Пушкина въ день 26 мая 1899 года.

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство падшее по мани ю царя,
И надѣ отечествомъ свободы и просвѣщеной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная зара?
А. Пушкинъ.

Надъ Пушкинымъ святую тризну
Его рожденья въ сотый годъ,
Свершаетъ, любящій отчизну,
Россій доблестный народъ.

И слава вѣщаго поэта
 Бѣжитъ теперь изъ края въ край,
 И отъ заботъ ничтожныхъ свѣта
 Уносить насть въ волшебный рай.
 Отнынѣ слѣдъ непзгладимый
 Оставленъ русскимъ торжествомъ
 Пусть знаетъ міръ, что нашъ любимый
 Поэтъ насть близилъ съ Божествомъ;
 Что онъ народу сталъ любезенъ
 Своей великою душой,
 Что былъ отечеству полезенъ,
 Ставъ путеводицей въ немъ звѣздой.
 Ее затмить вздымались козни:
 Пошли мы гибельнымъ путемъ.
 Не замѣтая въ нашей розни,
 Какой стезею мы идемъ.
 Въ народномъ чувствѣ нѣть двоенъ:
 И такъ, покинемъ путь чужой,
 Пойдемъ, отвергнувъ заблужденья,
 Пѣвца дорогую прямой.
 Онъ напѣ пророкъ, онъ русскій геній
 Въ своихъ возвышеныхъ мечтахъ,
 Въ изящной прелести твореній,
 Въ неподражаемыхъ стихахъ.
 Къ нему любовь есть наша сила.
 Пока въ насть духъ его живеть,
 Не разлучить насть и могила:
 Идемъ смѣлѣй за нимъ впередъ!
 Достигли рабства мы паденъя
 По мановенію Царя.
 Свободы, мира, просвѣщенія
 Восходитъ новая заря!

Николай Семеновъ,
 бывшій воспитаникъ Императорскаго
 Царскосельского Лицея 12-го выпуска.

Всльдъ за этимъ пили за здоровье Н. П. Семенова, одного изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ членовъ Редакціонныхъ Комиссій и историка крестьянской реформы. По общему желанію ему была отправлена телеграмма, подписанная всѣми присутствовавшими на обѣдѣ. Такая же телеграмма была послана и отсутствовавшему постоянному распорядителю обѣдовъ 19-го февраля А. Н. Куломzinу всльдъ за тостомъ за его здоровье. Особо пили здоровье предсѣдателя обѣдовъ 19-го февраля бывшаго члена-завѣдывавшаго дѣлами Редакціонныхъ комиссій П. П. Семенова, распорядителя нынѣшняго обѣда графа Я. Н. Ростовцова, а также Ю. Н. Милютина, сына извѣстнаго государственного дѣятеля и самаго выдающагося труженика по крестьянской реформѣ Н. А. Милютина. При этомъ предсѣдателемъ были по-

вторены слѣдующія прекрасныя слова, посвященные памяти Н. А. Милютина покойнымъ предсѣдателемъ обѣдовъ 19-го февраля и также извѣстнымъ государственнымъ дѣятелемъ П. А. Заблоцкимъ-Десятовскимъ:

«Да будетъ же честно и славно имя Николая Алексѣевича; да будетъ благословенна среди насть его память; да благословится она и послѣ того, когда тотъ изъ насть, кому судьба пошлетъ справить послѣдній обѣдъ, 19-го февраля, благословить имя Николая Алексѣевича въ послѣдній разъ отъ имени Редакціонныхъ Комиссій» ¹⁾.

Въ заключеніе Н. А. Боровковымъ была прочитана бессмертная рѣчь императора Александра II въ предсѣдательствомъ имъ Общемъ Собраниі Государственного Совѣта при внесеніи въ него проекта Положенія объ освобожденіи крестьянъ.

Среди всѣхъ этихъ рѣчей и тостовъ общимъ сочувствиемъ была встрѣчена депутація земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ, которая, по обыкновенію, справляла обѣдъ 19-го февраля въ томъ же ресторанѣ Донаона; нѣкоторые изъ присутствующихъ составили отвѣтную депутацію.

Товарищескіе обѣды участниковъ великаго дѣла 19-го февраля 1861 г. происходять въ этотъ день неизмѣнно съ 1862 г. Первымъ предсѣдателемъ до самой своей кончины (въ 1881 г.) былъ одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей крестьянской реформы А. П. Заблоцкій-Десятовскій; позже его замѣнилъ К. К. Гротъ, бывшій до того неизмѣннымъ распорядителемъ обѣдовъ; послѣ смерти К. К. Грота предсѣдательство на обѣдахъ перешло къ Н. И. Стояновскому, а затѣмъ — къ П. П. Семенову. Вотъ завѣтъ, высказанный на первомъ же обѣдѣ 19-го февраля Н. А. Милютинымъ и воѣми тогда единодушно принятый: «Отнынѣ ежегодно, въ великий день 19-го февраля, собираться членамъ Редакціонныхъ Комиссій для чествованія сего дня. И когда, одинъ за однимъ, сойдутъ въ могилу члены Редакціонныхъ Комиссій, а останется въ живыхъ хоть одинъ изъ нихъ, — да подыметъ онъ, въ день 19-го февраля, бокаль въ память своихъ сотоварищей и выпить за благоенствіе Россіи и за великое дѣло, совершенное 19-го февраля 1861 года. И только этотъ обѣдъ да будетъ послѣднимъ обѣдомъ участниковъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ» ²⁾.

Будемъ надѣяться, что память объ этомъ великому дѣлѣ будетъ чтиться всегда такъ же сердечно и свято, а всѣ традиціи знаменательныхъ обѣдовъ 19-го февраля будутъ незыблѣмы среди отмѣченныхъ высочайшимъ вниманіемъ наследниковъ славныхъ дѣятелей великой эпохи освобожденія крестьянъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“, т. XLII, 1884, стр. 693.

²⁾ См. „Русская Старина“, т. XLI, 1884, стр. 672.

неть, дѣнахъ на тавары, о продажѣ съ публичнаго торга; но политическихъ извѣстій помѣщать издателю не было дозволено; для пуждь мѣстныхъ жителей печатались извѣстія о прѣѣзжающихъ и выѣзжающихъ изъ Одессы и изъкоторыхъ замѣтки о театрѣ, музыкѣ и увеселеніяхъ. Цифра газеты была довольно высока для того времени: годовая — 45 руб. ассигнациями, полугодовая — 25 руб.

Компания издателей газеты «*Messager*» состояла изъ слѣдующихъ лицъ: А. В. Гибали, дворянинъ Петербургской губерніи, кончишаго курсъ въ Менскому университету и бывшаго учителемъ французскаго языка въ одесской коммерческой гимназіи и институтѣ; г. Сорока — содержателя французской книжной лавки; Л. Л. Элана, по происхожденію евреи, птомца Кёнигсбергскаго университета, занимавшагося педагогическою дѣятельностью и внесъ въ бывшаго директора одесской коммерческой гимназіи; I. Ф. Феррарини, птомца Палестринскаго университета, преподававшаго итальянскій языкъ въ одесскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ своемъ письмѣ графу М. С. Воронцову г. Даваллонъ сообщаетъ о себѣ слѣдующее: уроженецъ Парижа, онъ въ 1786 г. прѣѣхалъ въ Лондонъ, вступилъ въ англійское подданство, былъ гражданиномъ Лондона, негощающимъ, главнымъ секретаремъ комитета по прѣѣзду о взятыхъ въ войнѣ съ Францией плѣнникахъ, соѣдѣнниковъ французскаго консульства. Вернувшись во Францію, онъ былъ редакторомъ «Обозрѣнія торговли и статистики», былъ затѣмъ секретаремъ комиссии по продажѣ шерсти въ Байонѣ, кассиромъ этой комиссіи; птомъ былъ директоромъ склада и общественнаго заведенія для мытья шерсти въ Париже и офицеромъ національной гвардіи. Но приглашенію герцога де-Ришелье, Даваллонъ въ 1816 г. прїѣхалъ въ Россію. «Я первый ввелъ въ здѣшніемъ краѣ,—продолжаетъ онъ свою автобіографію,—способъ приводженія шерсти, сдѣлавъ се годно для вывоза и выѣзда сконъ; и построилъ на Барабоѣ заведеніе съ новымъ приспособленіемъ для мытья шерсти, а до моего прїѣзда въ Одессы эта отрасль промышленности была здѣсь неизвѣстна; я первый предпринялъ изданіе коммерческой газеты...»

Компаніонъ принялъ за дело энергично, и 1-го апреля 1820 г. вышелъ въ свѣтъ первый пумеръ газеты на французскомъ языке. Редакція «*Messager*» два раза пыталась выпустить газету на русскомъ языке, и первый русский пумеръ ея вышелъ 1-го июня 1821 г., подъ редакціей Гибали; онъ посыпалъ название «Вѣстника Южной Россіи». Опытъ не удался: число подписчиковъ на это изданіе достигло всего семи, и газета, тѣмъ не менѣе, издавалась въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; при вторичномъ попыткѣ въ 1822 г. издавать газету на русскомъ языке, нашлось всего пять чоловѣкъ, желавшихъ получить эту газету. Что же касается французскаго изданія, то оно пользовалось пѣ-

которымъ вниманіемъ публики; ее выписывали въ разныхъ мѣстахъ Европы и получали даже въ Филадельфиі.

Однимъ торговыми извѣстіями газетѣ до-волѣствоваться было трудно, и предпріимчивый Даваллонъ обратился къ графу Воронцову съ прошбой разрѣзть печатать въ «*Messager*» политической статьи, извлеченные изъ журналовъ, напечатанныхъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Позвolenіе было дано 18-го сентября 1823 г. Но пользовался этимъ правомъ Даваллонъ очень не долго. 10-го октября того же года въ прибавленіи къ своей газетѣ онъ напечаталъ кое-какія сообщенія, которыхъ не печатать не имѣлъ права. Это и было поводомъ къ прекращенію изданія газеты. Графъ Воронцовъ, наказывая издателя лишениемъ дарованного недавно позволенія, хотѣлъ не только сдѣлать наказаніе это болѣе онущительнымъ, но и довести о немъ до всеобщаго сѣдѣнія черезъ то же изданіе и написалъ объ этомъ своеемъ решеніи слѣдующую замѣтку для газеты: «Замѣтка для напечатанія въ слѣдующемъ номерѣ «*Messager de la Russie-Mcridionale*». Одесса, 13-го октября 1823 г.

«Въ виду того, что редакція этого листка напечатала въ прибавленіи къ 80 № одну статью, еще неопубликованную въ петербургскихъ и московскихъ газетахъ, и нарушила этимъ тѣ точныя условія, на которыхъ было разрѣзено печатать, кромеъ торговыхъ, еще другія статьи, то это разрѣшеніе у насъ отнято; ей запрещено отныне впередъ до нового распоряженія печатать статьи какого бы то ни было содержанія, если они не относятся къ торговлѣ Одессы, и она должна руководствоваться тѣмы правилами, которыя были въ силѣ до 18-го сентября сего года.»

Эта замѣтка была вручена г. Даваллону, который отказался ее напечатать. Всѣдѣ за отказомъ Даваллона напечатать набросанные графомъ Воронцовыми строки, поставлены въ скромное времіе прекращеніе выпуска газеты. 17-го ноября того же года началъ выходить новая газета «*Journal d'Odessa ou Courrier Commerciaal de la Nouvelle Russie*», причемъ графъ Воронцовъ несодѣствовалъ для нея разрѣшеніе печатать политическія извѣстія и метеорологіческія наблюденія. Редакторомъ и издателемъ ея былъ Карлъ-Морицъ Сейти, завѣдывавший городской типографіей. Въ 1827 г. это изданіе было преобразовано въ двойную русско-французскую газету — «*Journal d'Odessa*» или «Одесский Вѣстникъ».

Такимъ образомъ, первая одесская газета просуществовала всего 3½ года. Ея краткое существование неѣсколько выяснило тѣ задачи, которымъ должна была преслѣдоваться тогдашняя одесская печать, и ся преемникъ, «Одесский Вѣстникъ» явился лучшимъ первоначальнымъ изданіемъ на югѣ Россіи.

Н. К-шъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1901 г.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подпischиковъ въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старинѣ“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мель и Ко), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гр. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событияхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣкѣ.—III. Жизнеописанія и материалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, иерописки и документы, рисующіе быт русского общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписанными въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подпischики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложениемъ удостовѣренія мѣстного почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для панечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніемъ и иамѣненіемъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1900 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присыляемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **бесплатно**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXII-й.

ДЕКАБРЬ.

1901 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. Н. Дубровина и а.	465—491	XI. Николай Иванович Тургеневъ въ своемъ оправданіи. (Изъ бумагъ Навла Вас. Жуковскаго). (Оконч.). Сообщ. А. А. Оманинъ. 649—680
II. Воспоминанія К. С. Веселовскаго. Время президента графа Д. Н. Блудова въ Академіи Наукъ 1855—1864. К. Веселовскаго.	495—528	XII. О преобразованіи учебныхъ завѣденій. Рескрипты императ. Николая—А. С. Шишкову 681—682
III. Три „Молитвы“. Николая Лерпера.	529—532	XIII. Записки генерала В. И. Левенштерна 683—699
IV. Воспоминанія протоіеряя И. И. Базарова (Оконч.).	533—560	XIV. Записная книжка „Русской Старины“: Опаздываніе чиновниковъ на службу. Письмо графу И. А. Апрасину. 26-го января 1810 г. (стр. 634).—Н. М. Карамзинъ и А. С. Шишковъ. Письмо Г. Р. Державина—А. С. Шишкову. 12-го февраля 1816 г. (648).—Н. М. Карамзинъ и гр. Н. П. Румянцовъ. 14-го апреля 1816 г. Москва. (700).
V. Императоръ Павель. Очеркъ развиція его личности. (Окончаніе). П.	561—572	XV. Указатель личныхъ имень въ 105, 106, 107 и 108 томахъ „Русской Старины“ изд. 1901 года.
VI. Алексѣевскій равелинъ въ 1862—65 гг. (Изъ монъ воспоминаній). И. в. Борисова	573—578	XVI. Библіографич. листокъ (на оберткѣ).
VII. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.	579—592	
VIII. Къ исторіи изданій „Горе отъ ума“. Сообщ. А. И. Станкевичъ	593—596	
IX. Россія и папскій престоль. 597—633 (Окончаніе). П. Пирогина		
X. Былое. Изъ воспоминаній о пятидесятихъ и шести-десятыхъ годахъ. А. Р. 635—647		

ПРИЛОЖЕНИЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ И. А. Бычковъ.

2) Портретъ графа Дмитрія Николаевича Блудова. Грав. И. И. Хеллинцкій.

Принимается подписька на „Русскую Старицу“ изд. 1902 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 страница обертки.

Пріемъ подѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

При сеѧмъ номерѣ прилагаются объявленія: 1) Нива; 2) Издание „Брокгаузъ-Ефронъ“.
Библіотека Естествознанія; 3) Народное здравіе, Самообразованіе и Хозяйка.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Польская, 39.

1901.

XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря 1901 г.

Библіографіческий листокъ.

А. С. Пушкинъ, его публицистическая и журнальная дѣятельность. Историко-литературный очеркъ К Кузьминскаго. Изданіе И. П. Жемочкина подъ редакцію А. И. Кирпичникова. Москва. 1901 г.

Членъ Попечительного Совѣта студенческаго общежитія имени Императора Николая II, И. П. Жемочкинъ, годъ назадъ пожертвовалъ въ библиотеку общежитія полный экземпляр Пушкинского «Современника». Студентъ-филологъ г. Кузьминскъ взялся написать объ этомъ драгоценномъ памятникѣ русской литературы классического периода рефератъ, который разросся въ цѣлое небольшое изслѣдованіе о публицистической и журнальной дѣятельности Пушкина вообще, — вотъ происхожденіе разсматриваемой нами книги.

Прежде всего авторъ дѣлаетъ краткій очеркъ главнѣйшихъ событий изъ жизни поэта, особенно ярко отразившихъ на его судьбѣ и дѣятельности. Пушкинъ, какъ извѣстно, получилъ образованіе въ наиболѣе либеральной пору царствованія императора Александра I когда западно-европейскія политическія идеи стали извѣстны русскимъ не только изъ книгъ, но и изъ непосредственнаго наблюденія лицъ, побывавшихъ въ Западной Европѣ. Потомъ онъ долго вращался среди тѣхъ лицъ, которыхъ хотѣли воспользоваться этими идеями, выработанными вѣковой исторіей, и перенести ихъ на русскую почву. Обладая могущественнымъ средствомъ — стихотворными талантами, онъ способствовалъ распространенію этихъ идей и возбуждалъ, зачастую въ рѣзкой формѣ, критическое отношеніе къ русской дѣятельности и правительству. Рѣзкие и часто необдуманные поступки возбуждали противъ него правительство и довели его до ссылки на югъ Россіи. Эта ссылка, вмѣстѣ съ вліяніемъ западно-европейскаго пессимизма, усилила раздраженіе и недовольство существовавшимъ порядкамъ, что и явилось за собою новую ссылку. Покинувъ югъ, онъ проводилъ два года въ деревнѣ, занимаясь изученіемъ русской исторіи и русской жизни вблизи народа и среди чисто-русской природы. Тѣмъ временемъ совершаются важные события: умеръ императоръ Александръ, и вступилъ на престоль императоръ Николай Павловичъ. Вступленіе на престоль сопровождалось бунтомъ «декабристовъ», — по большей части друзей и вдохновителей Пушкина въ области политики. Это событие вырвало изъ русского общества лучшую его часть, которая необдуманно приступила къ проведению лучшихъ стремлений того времени; уцѣлѣвшимъ единомышленникамъ нужно было

позаботиться о просвѣщеніи общества, и это сдѣлялось главною цѣлью ихъ дѣятельности. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей былъ А. С. Пушкинъ, который своимъ талантомъ охватилъ всѣ главнѣйшия вопросы, формулировалъ ихъ, возбуждалъ сочувствіе или невѣдавіе. Его поэзія была зачастую проникнута публицистикой; она откликалась на все то, что интересовало лучшую часть общества, пробуждая въ немъ лучшія стремленія.

Когда Пушкинъ прибылъ въ Москву и нашелъ въ кружкѣ Веневитинова людей, всею душою преданныхъ литературѣ, то у него явилось желаніе поработать именно съ ними на журнальномъ поприщѣ. Намѣреваясь издать альманахъ «Гермесъ», Веневитиновъ и Погодинъ обратились къ Пушкину за содѣйствіемъ. Онъ воспользовался удобнымъ случаемъ и сказалъ: «Альманахъ не надо издавать, пусть Погодинъ издаетъ въ послѣдній разъ, а послѣ становѣмъ и издавать журналъ; кого бы редакторомъ». Предложеніе Пушкина издавать журналъ понравилось кружку Веневитинова. Журналъ называли «Московскимъ Вѣстникомъ»; редакторомъ былъ названъ Погодинъ, въ помощники ему Рожалинъ. Изданіе велось на коллективныхъ начальахъ, статьи должны были помѣщаться по большинству голосовъ главныхъ сотрудниковъ. Пушкину было назначено огромный гонорарь — съ каждымъ 1.200 экз. 10.000 руб. Цензоромъ журнала былъ названъ С. Т. Аксаковъ, и сотрудники были всея люди талантливые, а дѣло шло плохо, и въ 1830 г. журналъ прекратилъ свое существование; онъ не выдержалъ трудной борьбы съ тѣми, противъ которыхъ сражался, и не достигнулъ цѣли, которую себѣ поставилъ, главнымъ образомъ благодаря равнодушію общества. Участіе въ изданіи «Московскаго Вѣстника» для Пушкина было урокомъ въ томъ отношеніи, что онъ ближе присмотрѣлся къ журнальной работѣ и увидѣлъ на яркомъ примѣрѣ, что русская публика еще очень и очень неподготовлена къ серьезному чтенію.

Далѣе авторъ говорить о дѣятельности Пушкина въ «Литературной Газетѣ», редактировавшейся барономъ Дельвигомъ. Главная цѣль, которую руководили издатели «Литературной Газеты», заключалась, по словамъ Анненкова, въ томъ, чтобы образовать какой-либо оплотъ противъ журнальной монополіи, злѣченной издателями «Сѣверной Ичели» и «Сына отечества». Въ третьемъ номерѣ «Литературной Газеты» была помѣщена статья Пушкина «О литературной критикѣ», въ которой положеніе критики рисуется слѣдующимъ образомъ: «Критика въ нашихъ журналахъ или огра-

погр. пкнз. СПБ., 9 ноября 1901 г.

тип. тов. „общ. польза“, в. подъяч., д. 39.

ГРАФЪ ДМИТРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

БЛУДОВЪ.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XV¹⁾.

Мѣры, предпринятыя Барклаемъ-де-Толли къ обученію войскъ и облегченію солдатской службы.—Составъ офицеровъ.—Низкій уровень ихъ образованія.—Средства къ его поднятію.—Быть офицеромъ и солдатъ.—Дисциплина и ученье.—Переводъ наставлений Наполеона въ день сраженія.—Сознаніе офицеровъ въ необходимости изученія военной исторіи.—Образованіе съ этой цѣлью общества въ Имайловскомъ полку.—Издание подполковникомъ Хато-вымъ «Опыта общей тактики».—Всеобщая ненависть къ Наполеону.—Появленіе кометъ.—Патріотическое настроеніе.

Ѣятельный и неутомимый, пріобрѣвшій опытъ въ предѣлидущихъ кампаніяхъ, Барклай-де-Толли, со дnia назначенія своего военнымъ министромъ, обращалъ особенное вниманіе на живую боевую силу Россіи и на нравственную подготовку войскъ.

«Главное въ военныхъ экзерциціяхъ занятіе солдата,— писалъ онъ,— должно быть въ цѣльной стрѣльбѣ; искусство сіе не можетъ иначе пріобрѣтаться, какъ без приажденіемъ поощреніемъ къ тому охоты.

«Офицеры, отъ коихъ зависитъ весь успѣхъ сего дѣла, предварительно должны быть сами испытаны въ правилахъ необходимыхъ цѣльной стрѣльбы; замѣчанія и пріемы ихъ должны быть основательны и вѣрны»²⁾.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, ноябрь 1901 г.

²⁾ Приказъ военнаго министра 6-го сентября 1810 г. № 309. Воен.-учен. арх., отд. I д. № 277. По свидѣтельству Ланжерона, русские солдаты стрѣляли

Указавъ на нѣкоторыя подробности, которыя должны быть приняты при обученіи стрѣльбѣ, военный министръ выражалъ надежду, «что если дивизіонные, полковые и баталіонные командиры неослабное будутъ имѣть смотрѣніе за симъ ученіемъ, то въ короткое время нижніе чины въ цѣльной стрѣльбѣ доведены будутъ до совершенного искусства, которое у насъ нынѣ еще въ большомъ небреженіи. Гг. начальники обязаны надзирать, чтобы офицеры сами занимались стрѣляніемъ въ цѣль, дабы они могли съ лучшимъ успѣхомъ учить солдатъ».

«По дошедшемъ ко мнѣ свѣдѣніямъ,—писалъ Барклай въ другомъ приказѣ¹⁾—что въ нѣкоторыхъ полкахъ обучаются нижнихъ чиновъ стрѣлять въ цѣль безъ штыковъ и ранцевъ, я въ обязанности себя нахожу рекомендовать дивизіоннымъ начальникамъ, чтобы они приказали ученіе сіе производить съ примкнутыми штыками, а иногда и въ полной аммуниції, ибо людямъ должно пріучаться стрѣлять мѣтко въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ будутъ находиться во время сраженій съ непріятелемъ».

Вмѣстѣ со введеніемъ новыхъ правилъ въ обученіе солдата, принимались мѣры и къ облегченію его службы, но къ сожалѣнію мѣры эти ограничивались одними бумажными распоряженіями и въ большинствѣ случаевъ не исполнялись.

Такъ, 9-го апрѣля 1801 года повелѣно было во всѣхъ полкахъ обрѣзать у нижнихъ чиновъ пукли, косы же оставить, но только такъ, чтобы были длиною въ 4 вершка и завязывались бы въ половину воротника.—«Егоимператорское величество, дѣлая сіе облегченіе.—писалъ генералъ-адъютантъ Ливенъ,—надѣется что гг. шефы тѣмъ болѣе будутъ наблюдать опрятность нижнихъ чиновъ»²⁾.

Распоряженіемъ, этимъ воспользовались прежде всего офицеры; они стали придумывать разныя прически и дозволять себѣ отступленія отъ формъ.

«Помню какъ теперь,—говоритъ О. В. Булгаринъ³⁾,—удивленіе наше, когда поручикъ нашей роты Бабинъ явился безъ пуклей, съ небольшою косою, привязанною въ половоротника, съ волосами, спущенными на лобъ (называемыми тогда эсперансами), въ короткихъ сапогахъ вмѣсто

на удачу, иногда на воздухъ и вовсе стрѣлять не умѣли. Ученій со стрѣльбою не производилось. Для этой цѣли выдавалось по три пули на солдата, и нѣкоторые командиры, понимая важность стрѣльбы, заготовляли пули изъ глины, но отъ стрѣльбы ими портились ружья. (Запис. Ланжерона, „Русская Мысль“ 1896 г. № 9, стр. 39).

¹⁾ Приказъ военного министра 10-го июня 1811 г. № 28. Военно-ученый архивъ, отд. I, № 277.

²⁾ Арх. Канцел. воен. минист., высочайшія повелѣнія кн. № 127.

³⁾ Въ своихъ воспоминаніяхъ, изд. 1846 г. т. II, стр. 5—7.

шибляетъ... Намъ казалось это удивительно хорошо! При отступлениі оть прежней формы появились военные моды въ причесѣ, повязкѣ галстуха, ношенніи шляпы и шпаги.—Вмѣсто чрезвычайно низкихъ офицерскихъ шляпъ, введены огромныя высокія шляпы съ чернымъ султаномъ (въ кавалеріи бѣлымъ); вмѣсто отлогаго воротника, лежавшаго на спинѣ, стали носить превысокіе воротники до самыхъ ушей; вмѣсто широкихъ и длинныхъ фалдъ мундировъ, мундиры были короткіе съ фалдочками въ два пальца.—Пудра и косы не были отмѣнены, но прическа совершенно измѣнилась.—Щеголи сбивали волосы на верху головы (тупей) и всю красу поставляли въ вискахъ (*oveilles de chien*), эсперансахъ и широкой короткой косѣ».

Возникшая мода не затрудняла конечно офицеровъ, но тяжело отзывалась на солдатахъ, оть которыхъ требовала также тщательной и красивой прически.—Чтобы достигнуть этого, необходимо было употребить много времени, и потому въ большей части полковъ прическа производилась съ вечера. Связанные ею солдаты думали только о томъ, чтобы не испортить ее къ утру; убранство головы не давало имъ покоя и ночью.

Такимъ образомъ желаніе императора Александра облегчить солдата на первыхъ же порахъ, несмотря на сдѣланное распоряженіе, не было исполнено.

«Дошло до свѣдѣнія его императорскаго величества,—писалъ государь самъ, оть своего имени, въ собственноручной запискѣ ¹⁾),—что въ нѣкоторыхъ полкахъ продолжается еще обычай чесать волосы людямъ съ вечера, передъ строемъ.—Столь не нужное щегольство совсѣмъ противно намѣренію его величества.—Оное имѣло цѣллю, при заведеніи существующей простой чески, единственно доставленіе большаго спокойствія солдатамъ.—Долгъ гг. шефовъ былъ сему въ точности сообразоваться и за онимъ строго наблюдать.

«Въ подтвержденіе сего, его императорское величество предписываетъ всѣмъ шефамъ, чтобы подобного впредь не случалось и чтобы приложили свое стараніе о пріученіи людей во ввѣренныхъ имъ полкахъ какъ возможно проворнѣе чесаться и одѣваться, сохраняя при томъ всю должную опрятность.—Для достижения же сего умножить число умѣющихъ убирать такъ, чтобы одинъ другаго чесалъ».

Облегченіе по внѣшности мало облегчало внутреннюю жизнь солдата, и положеніе его было очень тяжелое.—Оно, конечно, зависѣло прежде всего оть командировъ частей и состава офицеровъ.—Послѣдніе комплектовались почти исключительно дворянами, уровень образованія которыхъ былъ весьма низокъ. Графъ Ланжеронъ называлъ ихъ просто

¹⁾ Военно-ученый арх., отд. III, № 1053.

невѣждами, считавшими лишнимъ заниматься военными науками и ни во что ставившими военное искусство такихъ знаменитостей, каковы Густавъ Адольфъ, Конде, Тюренъ, Евгений Савойскій, Лаудонъ и Фридрихъ II.—Ланжеронъ указываетъ лишь на очень не многимъ русскихъ генераловъ, которые занимались военными науками, а остальные смѣялись надъ ними. Познанія большинства генераловъ, по словамъ графа О. П. Толстаго¹⁾, ограничивались «вытяженіемъ носковъ», ружейными пріемами и полковыми ученіями.

— Мнѣ,—говорить онъ,—однажды случилось быть въ ихъ обществѣ, въ кабинетѣ Петра Александровича Толстаго, гдѣ они рассматривали географическія карты и разные планы, которыхъ у Петра Александровича было большое собраніе.—Между прочимъ зашла рѣчь объ опредѣленіи разстоянія до предметовъ, находящихся на дальнемъ и недоступномъ мѣстѣ, а также объ опредѣленіи высоты горъ; никто изъ присутствующихъ не могъ объяснить, какъ это дѣлается».

«Офицеры кичились быть хорошими фронтовиками,—говорить С. Г. Волконскій²⁾,—и книги забытыя не сходили съ полокъ». По словамъ генерала Маевскаго, до 1812 года военная наука была у насъ совершенно въ «дикомъ состояніи»³⁾. Впрочемъ, не надо забывать, что въ то время многими европейскими государственными дѣятелями признавалось, что наука не только не нужна военнымъ, но и вредна.

Вотъ что писалъ извѣстный де- Майстеръ графу Разумовскому⁴⁾: «Наука, по самому существу своему, во всѣ времена и при всякой формѣ правленія, годна не для всѣхъ, даже и не для всѣхъ, принадлежащихъ къ высшему сословію.—Напримеръ, военные (т. е. $\frac{80}{100}$ дворянства) отнюдь не должны, да и не могутъ быть учеными.—Однимъ только артиллеристамъ, инженерамъ и морякамъ потребны познанія въ математикѣ, но познанія эти почти исключительно практическія и вовсе не такъ глубоки, какъ воображаютъ.—Весьма кстати замѣчено было во Франціи, что никогда не случалось моряку-академику захватить вражескій фрегатъ.—Къ тому же вездѣ существуютъ для разныхъ этихъ родовъ службы специальная школы, но для того, чтò называется арміею, наука не только недосягаема, она даже вредна.—Наука изъ военного дѣлаетъ домосѣда, лѣнивца, она почти всегда его лишаетъ того безотвѣтного мужества и удальства, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ на войнѣ.—Къ тому же, большинство никогда не захочетъ прилежно заняться, въ особенности же высшій классъ общества.—Военная жизнь,

¹⁾ Записка гр. О. П. Толстаго. „Русская Старина“ т. VII, стр. 42.

²⁾ Въ своихъ запискахъ, изд. 1901 г., стр. 61.

³⁾ „Русская Старина“ 1873 г. № 8, стр. 141.

⁴⁾ Бывшему въ то время министромъ народнаго просвѣщенія въ іюнѣ 1810 г. А. А. Васильчиковъ.—„Семейство Разумовскихъ“, т. II, стр. 254.

за нѣкоторыми исключеніями, которыхъ нельзя брать въ соображеніе, всегда была и будетъ разсѣянною.—Отнимите отъ ежедневныхъ занятій офицера время, необходимое для свѣтскихъ обязанностей, для удовольствій и для военнаго ученія, спрашиваются, что останется для науки?».

У насъ не раздѣляли такого взгляда, но недостаточное число учебныхъ заведеній въ Россіи было причиною того, что большая часть дворянъ, маминъкихъ сыновъ, не обучаясь ничему, даже грамотѣ, и достигнувъ извѣстнаго возраста, поступали преимущественно въ полки, расположенные въ мѣстахъ ихъ жительства, унтеръ-офицерами и за тѣмъ, часто проживая спокойно въ своихъ имѣніяхъ, до-служивались, правдами и неправдами, до офицерскаго чина. 8-го апрѣля 1801 года графъ Ливенъ сообщилъ циркуляромъ всѣмъ начальникамъ частей, что государь императоръ, усмотрѣвъ, что въ полкахъ находится очень много унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ, не умѣющихъ совсѣмъ грамотѣ, «повелѣлъ принимать безграмотныхъ не иначе какъ рядовыми»¹⁾. Тѣ же, которые успѣли быть произведенными въ офицеры до этого разпоряженія, оставались неграмотными во всю свою службу.

Поэтому въ 1807 году было объявлено «благородному дворянскому сословію», что всѣ желающіе вступить въ военную службу молодые неслужащи дворяне, отъ 16 лѣтъ и болѣе, могутъ, вместо опредѣленія въ полки унтеръ-офицерами, пріѣзжать въ Петербургъ и явиться въ кадетскіе корпусы, куда они будутъ немедленно приняты. Оставаясь тамъ только самое необходимое время, для изученія порядка службы и продолжая ученіе въ классахъ, соотвѣтственныхъ ихъ познаніямъ, они будутъ выпускаемы въ полки прапорщиками или корнетами.

«Я увѣренъ,—писалъ императоръ Александръ²⁾,—что симъ распоряженіемъ достаточно облегчены будуть благородному юношеству средства вступленію въ службу соотвѣтственно ихъ званію, напаче въ такое время, когда честь и польза государства призываешьъ къ службѣ каждого члена благороднаго сословія, знаменитаго своею любовью и вѣрностью къ отечеству».

Одновременно съ этимъ министру народнаго просвѣщенія графу Завадовскому поручено³⁾ извѣстить черезъ попечителей округовъ всѣхъ дворянъ, обучающихся въ гимназіяхъ, университетахъ и другихъ училищахъ, что желающіе поступить въ военную службу будутъ приняты на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Студенты, окончивши курсы въ университетахъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, должны явиться въ одинъ изъ кадетскихъ корпусовъ, куда

¹⁾ Арх. Канцеляр. воен. министер., высочайшія повелѣнія кн. № 127.

²⁾ Въ рескрипѣ графу Кочубею 14-го марта 1807 г. Арх. Сената, копія высочайшихъ повелѣній, кн. № 292.

³⁾ Рескриптъ отъ того же 14-го марта. Тамъ же.

будутъ немедленно приняты унтеръ-офицерами и, пробывъ въ оныхъ опредѣленное время, для пріученія ихъ къ воинской службѣ, будутъ выпускаемы и опредѣляемы въ полки офицерами.

2) Не имѣющіе званія студентовъ, гимназисты и обучающіеся въ другихъ заведеніяхъ дворяне, въ возрастѣ не менѣе 16 лѣтъ, являясь въ кадетскіе корпусы въ Петербургѣ, будутъ помѣщаемы, по мѣрѣ ихъ познаній, въ соотвѣтственные классы, для окончанія въ оныхъ наукъ и пріученія ихъ къ воинской службѣ, послѣ чего, по мѣрѣ ихъ успѣховъ, будутъ опредѣляемы въ полки прапорщиками и корнетами.

Дворянство не охотно слѣдовало такому предложенію и предпочитало поступать унтеръ-офицерами преимущественно въ гвардейскіе полки, чтѣ годъ спустя и вызвало новое распоряженіе военнаго министра.

«Объявляется всѣмъ гвардейскимъ полкамъ,—писалъ графъ Аракчеевъ¹⁾—что по высочайшей волѣ, опредѣляющіеся въ гвардію недоросли изъ дворянъ не иначе могутъ быть приняты, какъ по испытаніи въ знаніяхъ предположенныхъ для сего наукъ. Оный экзаменъ назначено производить у генераль-маиора Клингера и не прежде можно представлять таковыхъ на смотръ государю императору, какъ по полученіи отъ него, генераль-маиора Клингера, аттестата объ удостоеніи къ принятію. А безъ сего аттестата запрещается утруждать таковыми представленіями государя императора, ибо сіе будетъ противъ установленія, основанного на высочайшей волѣ».

Мѣра эта могла оказать благодѣтельное вліяніе на корпусъ офицеровъ только въ будущемъ; настоящее же представлялось въ неприглядномъ видѣ.

«Пѣхоту (гвардейскую) я не любилъ,—пишетъ Ф. Я. Мирковичъ²⁾,—и служба въ ней была такъ обременительна, что человѣку некрѣпкаго сложенія трудно было и выносить. Караулы, которые пѣхота содержала во всѣхъ концахъ столицы, дежурства и непрерывныя ежедневныя ученья просто изнуряли, и кто только могъ, избѣгалъ пѣхоты. При томъ только въ двухъ полкахъ, Преображенскомъ и Семеновскомъ, было тогда болѣе порядочное общество офицеровъ, состоявшее на половину изъ пажей. Государь былъ шефомъ обоихъ полковъ и особенно ихъ любилъ. Общество офицеровъ остальныхъ полковъ было менѣе, чѣмъ посредственное, такъ что въ общественномъ мнѣніи армейскіе артиллерійскіе офицеры стояли выше гвардейскихъ пѣхотныхъ.

¹⁾ Въ приказѣ отъ 11-го февраля 1808 г. Воен.-учен. арх., отд. I № 265.

²⁾ Въ своихъ запискахъ. См. жизнеописаніе Ф. Я. Мирковича, т. I, изд. 1889 г., стр. 19.

Въ кавалеріи отличались обществомъ офицеровъ только кавалергарды и лейбъ-гусары, куда поступала вся знатная и богатая молодежь.

«Хотя Кавалергардскій полкъ,—говоритъ С. Г. Волконскій¹⁾,—славился составомъ корпуса офицеровъ, но въ общемъ смыслѣ о моральной (нравственной) жизни не могу ничего сказать хорошаго. Во всѣхъ моихъ товарищахъ, не исключая и эскадронныхъ командировъ, было много свѣтской щекотливости, чѣмъ французы называютъ *point d'honneur*, но врядъ ли кто бы выдержалъ во многомъ разборъ своей собственной совѣсти. Вовсе не было ни въ комъ религиозности, скажу даже во многихъ безбожничество. Общая склонность къ пьянству, разгульной жизни, молодечеству... Шулерничать не было считаемо за порокъ, хотя въ правилахъ чести были мы очень щекотливы. Еще другое странное было мнѣніе,—это, что любовникъ, пріобрѣтенный за деньги, за плату, не подлецъ... Весьма ложное понятіе о чести, весьма мало дѣлъной образованности и почти во всѣхъ преобладаніе глупаго молодечства, которое теперь я назову чисто порочнымъ. Въ одномъ одобряю ихъ: это—тѣсная дружба товарищеская и храненіе приличий того времени».

Офицеры сливались въ одно цѣлое, «какъ скоро рѣчъ шла о какомъ-либо дѣлѣ, относящемся до чести полка и мундира или защиты обиженнаго начальствомъ офицера».

Эта особенность была, какъ увидимъ впослѣдствіи, достояніемъ всего корпуса офицеровъ.

Кромѣ названныхъ четырехъ полковъ, офицерскій составъ вообще «представлялъ сборище молодыхъ людей мало образованныхъ и чуждыхъ столичныхъ обществъ. Отъ нихъ требовалось только, чтобы они были исправными фронтовыми офицерами. Не посыпать общество и неѣздить ни на какие балы,—это было непремѣннымъ условіемъ, чтобы понравиться своему корпусному командиру²⁾. Цесаревичъ иенавидѣлъ всю знать и преслѣдовалъ ихъ въ полкахъ³⁾.

Многіе офицеры гордились тѣмъ, что кромѣ полковыхъ приказовъ ничего не читали; фронтовая служба ихъ исключительно занимала, и они рѣдко показывались въ обществѣ.

Отчужденіе отъ него вело къ суровости нравовъ, кутежамъ и по-пойкамъ. День проходилъ среди ученій, хожденія по набережной, обѣдѣ въ трактире, всегда орошенномъ черезъ край виномъ, въ отправленіи общей ватагой въ театръ, или кутежъ и пьянство⁴⁾). Молодечество и удачество составляли исключительный характеръ молодежи. «И въ войнѣ

¹⁾ Въ своихъ запискахъ. Изд. 1901 г.

²⁾ Великому князю Константину Павловичу.

³⁾ Жизнеописаніе Ф. Я. Мирковича. Изд. 1889 г., т. I, стр. 19.

⁴⁾ Записки С. Г. Волконского, изд. 1901 г., стр. 59.

и мирѣ,—говоритъ Ф. В. Булгаринъ¹⁾,—мы искали опасностей, чтобы отличиться безстрашіемъ и удальствомъ. Попировать, подраться па сабляхъ, побушевать, где бы не слѣдовало, это входило въ составъ нашей военной жизни въ мирное время». Ведя вѣчную войну съ рябчиками, т. е. со статскими, военная молодежь не покорялась никакой власти кромѣ полковой и всегда противодѣйствовала городской и земской полиціямъ.

Сами начальники подавали тому примѣръ. Командиръ Измайловскаго полка генералъ Малютинъ отличался своимъ хлѣбосольствомъ, молдечествомъ и удальствомъ. «Этотъ Малютинъ,—говоритъ Вигель,—былъ добрый малый, гуляка, великий другъ роскоши и всякихъ увеселеній, который имѣлъ особенное искусство придавать щеголеватость даже безобразному тогдашнему военному костюму. Но это въ немъ было не главное: въ фронтовомъ дѣлѣ былъ онъ величайшій мастеръ; за то все ему прощалось, даже страсть его къ щегольству²⁾).

Тогда было въ модѣ держать собственные катера, и Малютинскій катеръ былъ извѣстенъ всему Петербургу своимъ роскошнымъ убранствомъ и удальми гребцами, а Измайловскій полкъ—своими пѣсельниками и плясунами.

«Осеню 1806 года,—пишетъ Булгаринъ³⁾,—въ пять часовъ по полудни отправился я въ Измайловскія казармы. На половинѣ Вознесенскаго проспекта услышалъ я звуки русской пѣсни и музыки. У Измайловскаго моста я нашелъ такія густыя толпы народа, что долженъ былъ слѣзть съ дрожекъ и пробираться пѣшкомъ. Что же я тутъ увидѣлъ? Возлѣ моста на Фонтанкѣ стоялъ катеръ генерала Малютина. Онъ сидѣлъ въ немъ съ дамами и пѣсельскими мужчинами, а на мосту находились полковые пѣсельники и музыканты и почти всѣ офицеры Измайловскаго полка въ шинеляхъ⁴⁾ и фуражкахъ съ трубками въ зубахъ⁵⁾. Хоры пѣсельниковъ, т. е. гребцы и полковой хоръ, то смынялись, то пѣли вмѣстѣ, а музыканты играли въ промежутки. Шампанское лилось рѣкой въ пивные стаканы и громогласное «ура!» раздавалось подъ открытымъ небомъ».

Въ это самое время императоръ Александръ подѣхалъ на дрожкахъ съ набережной Фонтанки и спросилъ у полицейскаго офицера:

— Что это значитъ?

— Генераль Малютинъ гулять изволить,—отвѣчалъ спрошенный.

¹⁾ Въ своихъ воспоминаніяхъ, т. II, стр. 135.

²⁾ Записки Вигеля, т. I, 91.

³⁾ Въ своихъ воспоминаніяхъ, т. II, стр. 142—145.

⁴⁾ Тогда не было мундирныхъ сюртуковъ. Прим. Булгарина.

⁵⁾ Тогда на городскихъ улицахъ курить не позволялось.

Государь приказалъ кучеру повернуть лошадь и поторопился уда-
литься.

Подобные кутежи продолжались всю ночь до утра и сопровождались разными насилиями надъ мирными жителями. На слѣдующій день приходили въ полки жалобы, и виновные тотчасъ сознавались, что считалось долгомъ чести. На полковыхъ гауптвахтахъ всегда было тѣсно отъ арестованныхъ офицеровъ, особенно въ Стрѣльнѣ, Петергофѣ и Мраморномъ дворцѣ. «Буйство хотя и подвергалось наказанію, но не почиталось порокомъ и не помрачало чести офицера, если не выходило изъ известныхъ условныхъ границъ. Стрѣлялись чрезвычайно рѣдко, только за кровавыя обиды, за дѣла чести; но рубились за всякую мелочь, за что нынѣ и не поморщатся».

Распущенность начальниковъ была весьма заразительна и, по мнѣнію великаго князя Константина Павловича, вела къ упадку дисциплины. Впрочемъ, онъ смотрѣлъ на нее своими особыми глазами. Съ раннихъ лѣтъ великій князь усвоилъ себѣ понятіе, что офицеръ есть не что иное, какъ машина; все, что командиръ приказываетъ своему подчиненному, должно быть исполнено, хотя бы это была жестокость «Моего мнѣнію, начальнику должна быть предоставлена полная и неограниченная власть надъ подчиненнымъ: онъ можетъ сдѣлать подчиненного своимъ слугою и употреблять его на все и вездѣ».

«Понеже,—сказано было въ высочайшемъ указѣ 4-го июня 1806 г.¹⁾,—ничто такъ не наносить вреда службѣ, какъ ослабленіе субординаціи, то стражайшимъ образомъ подтверждается, чтобы низшіе къ высшимъ чинамъ имѣли совершенное по службѣ повиновеніе и приказанія ихъ исполняли безпрекословно. Высшіе же, обращаясь съ подчиненными ласково и отдавая справедливость отличающимся исправностью и достохвальнымъ поведеніемъ, не входили бы однако же ни въ какое фамильярное обхожденіе, но взыскивали должное къ себѣ почтеніе и уваженіе не только при отправленіи службы, но и во всякомъ мѣстѣ и случаѣ».

Спустя два года графъ Аракчеевъ счелъ необходимымъ подтвердить высочайший указъ, при чемъставилъ себя примѣромъ исполненія обязанностей начальника.

«Съ самаго вступленія моего въ званіе военнаго министра,—писалъ онъ²⁾,—замѣчаль я, что субординація не наблюдается въ некоторыхъ случаяхъ въ полной ея силѣ. А какъ известно, что оная есть главнейшее правило, связующее всѣ части военной службы, то и полагаю

¹⁾) Циркулярный указъ главнымъ начальникамъ. Арх. канцелярии военн. министерс. Связка 8, дѣло № 7.

²⁾) Въ приказѣ отъ 9-го июня 1808 г. „Русскій Арх.“ 1875 г. т. III, 314

должною по званію моему обязанностю объявить слѣдующее. Нерѣдко случается, что, особливо въ публичныхъ собраніяхъ, младшіе чиновники не сохраняютъ въ отношеніи старшихъ должнаго уваженія, и даже самой благопристойности, то причину сему отношу я не столько на счетъ младшаго чиновника, какъ къ лицу старшаго, упускающаго изъ виду должное за сіе взысканіе, и черезъ то дающаго совершенный поводъ къ явному ослабленію установленныхъ правилъ военной службы. Въ ономъ мнѣніи удостовѣряюсь я, поставляя собственно себя примѣромъ: ибо никогда не замѣчалъ я, чтобы въ отношеніи меня была нарушена субординація; слѣдовательно, какъ нынѣ, такъ и впередъ увѣрительно заключать должно, что если генераль не будетъ взыскивать за неисполненіе обязанностей младшихъ его чиновниковъ, то таковой докажетъ, что онъ не умѣеть удержать должностнаго къ себѣ уваженія».

Великій князь Константина Павловичъ тотчасъ же воспользовался этимъ распоряженіемъ и, будучи генералъ-инспекторомъ всей кавалеріи, писалъ въ своемъ приказѣ¹⁾:

«Господамъ офицерамъ передъ всѣми генералами дѣлать вѣтъ службы фронть, какъ на улицѣ, такъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, исключая, если случится сіе въ комнатахъ, поднявъ лѣвую руку къ шляпѣ, киверу или каскѣ²⁾, а въ комнатѣ встрѣтясь съ генералами становиться къ онимъ лицомъ; равномѣрно всякому младшему передъ старшимъ штабъ-или оберъ-офицеромъ, не останавливаясь на улицѣ, поднимать лѣвую руку къ шляпѣ, киверу или каскѣ.

«Всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ наизубѣдительнѣйше предписываю себѣ вразумить, что какъ въ службѣ, такъ и вѣтъ оной, во всякомъ обществѣ, въ публичныхъ собраніяхъ, на гуляньяхъ—единымъ словомъ вездѣ, гдѣ двое встрѣтятся, одинъ изъ нихъ есть старѣе и для того младшему передъ старшимъ оказывать военное почтеніе и послушаніе и что мнемаго названія въ одномъ чинѣ (камрадства) товарищества нѣть, ибо одинъ выше, а другой ниже въ спискѣ поставленъ.

«Часто мною замѣчено, что г.г. офицеры, имѣя братьевъ или родственниковъ въ унтеръ-офицерскихъ чинахъ, обходятся съ ними фамильярно въ публикѣ, и какъ оное совсѣмъ противно порядку службы, ибо со стороны чужіе офицеры и унтеръ-офицеры, не знаятъ родства

¹⁾ Въ приказѣ по всей кавалеріи отъ 29-го октября 1808 г., № 16.

²⁾ До 23-го июня 1808 г., всѣ генералы, штабъ-и оберъ-офицеры при встрѣчѣ съ императоромъ снимали шляпы и каски. Въ этотъ день приказомъ военнаго министра предписано „шляпѣ не снимать, а вмѣсто сего, во-первыхъ, останавливаться, и во-вторыхъ, подымать лѣвую руку къ шляпѣ. Равнымъ же образомъ наблюдать сіе штабъ-и оберъ-офицерамъ при встрѣчѣ съ генералами и вообще во время строя ни въ какомъ случаѣ шляпѣ не снимать“. См. Военно-ученый арх., Отд. I, д. № 265.

между таковыми, могутъ взять съ того примѣръ, который совсѣмъ противенъ порядку службы и законамъ, устанавливающимъ раздѣленіе чиновъ, то и въ сихъ случаяхъ должно равномѣрно сохранить чинопочитаніе.

«Находя себя принужденнымъ дать сей приказъ, я буду неослабно взыскивать за несоблюденіе онаго».

Вскорѣ послѣ Тильзита императоръ Александръ предоставилъ Константина Павловичу главное распоряженіе по администраціи и обученію войскъ. Отъ великаго князя зависѣло введеніе и отмена во всей арміи какъ фронтовыхъ, такъ и хозяйственныхъ порядковъ. Константинъ Павловичъ писалъ строгіе приказы, напоминаль о дисциплинѣ, но всѣ его старанія не вели къ желаемымъ результатамъ. Причина этого лежала въ тогдашнемъ строѣ общества. Офицеры, почти исключительно дворяне и помѣщики, были сибариты, не привыкшіе подчиняться, а напротивъ повелѣвать и пользоваться жизнью. Они переносили въ войска привычки родительского дома, своеоліе и всѣ особенности помѣщичьяго быта. Командиръ полка или ротный были въ сущности помѣщики своей части, болѣе дисциплинированной и послушной, чѣмъ крестьяне, и, смотря на солдатъ какъ на своихъ крестьянъ, считали себя въ правѣ распоряжаться ими, какъ своею вещью и собственностью. Ходячая нынѣ излюбленная фраза «сѣрая скотина» была тогда больше примѣнена къ солдату, чѣмъ теперь. Солдатъ въ глазахъ тогдашнихъ офицеровъ былъ тотъ же крестьянинъ, надъ которымъ они имѣли власть жизни и смерти. Это понятіе такъ всосалось въ плоть и кровь офицеровъ, что жестокое обращеніе съ солдатомъ не считалось предосудительнымъ, никого не удивляло, не оскорбляло и не вызывало противодѣйствія.

Были люди честные и добрые, готовые прийти на помощь ко вся кому въ частной жизни, сочувствовавшіе чужому горю, возмущавшіеся при чтеніи романовъ или въ разговорахъ противъ всякой жестокости и въ то же время сурово и безжалостно наказывавшіе солдатъ. П. Пестель, проповѣдывавшій равенство, писавшій Русскую Правду и ратовавшій за республиканскій образъ правленія, былъ необыкновенно жестокъ съ солдатами своего полка. Таково было то время! Плакали надъ жалостливыми романами, сентиментальничали въ жизни и въ то же время слѣдовали поговоркѣ: «моему нраву не препятствуй».

Въ общемъ, положеніе солдата было очень тяжелое.— Въ то время по рукамъ ходили вирши подъ заглавiemъ «Жизнь солдатская» въ которыхъ говорилось:

Я отечеству защита,
А спина всегда избита.
Я отечеству ограда,
Въ тычкахъ—пинкахъ вся награда.

Кто солдата больше бьетъ,
И чинъ тотъ достаетъ,
Тѣмъ старательнъ, хорошъ,
Хоть на черта онъ похожъ,
А коль бить кто не умѣетъ,
Тотъ ничего не разумѣетъ.

Графъ Ланжеронъ, отстаивавшій строгія правила въ обращеніи съ солдатами и считавшій тѣлесныя наказанія необходимыми для поддержанія дисциплины, приводить, однако же, съ особымъ раздраженіемъ примѣръ безумной жестокости.—Онъ говорить о множествѣ случаевъ, въ которыхъ солдаты умирали подъ ударами палокъ и розогъ.—Многіе офицеры находили въ этихъ истязаніяхъ «особое удовлетвореніе и, какъ бы ради спорта, за чаемъ, велѣли наказывать солдатъ виновныхъ и невинныхъ» ¹⁾.

Вотъ что разсказываетъ М. С. Щепкинъ въ своихъ запискахъ ²⁾.

Въ 1802 году зашелъ онъ палатку къ И. Ф. Б. ³⁾, гдѣ находилось еще нѣсколько офицеровъ, и услышалъ споръ. И. Б. держалъ на 500 руб. пари съ другимъ офицеромъ, что солдатъ его роты Степановъ выдержитъ тысячу палокъ и не упадеть. «Это меня чрезвычайно поразило, говоритъ Щепкинъ, тѣмъ болѣе, что мы знали И. Б. какъ благороднаго человѣка; но вотъ каково было наше хваленое время: я, признаюсь, старался скрыть мое волненіе, боясь быть уличеннымъ въ слабости».

Послали за солдатомъ, мужчиною вершковъ восьми, широкоплечимъ и костистымъ.

— Степановъ! синенькую и штофъ водки,—сказалъ ему И. Б.,—выдержишь тысячу палокъ?

— Рады стараться, ваше благородіе,—отвѣчалъ онъ.

Щепкинъ обезумѣлъ.

— Какъ же ты, братецъ на это согласился?—спросилъ онъ у проходившаго мимо его Степанова.

— Ахъ! парнюга,—отвѣчалъ онъ,—все равно даромъ дадутъ.

Щепкинъ сообщилъ объ этомъ полковому командиру, у которого были гости, и «повѣрите ли,—замѣчаетъ Щепкинъ,—все это принято обществомъ съ хохотомъ, а нѣкоторые даже повторяли: «ахъ, какіе милые шалуны». А другіе отзывались: «каковъ русскій солдатъ!» Только одна А. А. Анненкова замѣтила полковому командиру князю И. Г. В.

— Князь! пожалуйста, хоть для своего рожденія не прикажи; право, жалко, все-таки человѣкъ.

¹⁾ „Русская Мысль“ 1896 г. № 9, стр. 33.

²⁾ Записки и письма М. С. Щепкина, Москва, изд. 1861 г., стр. 149.

³⁾ Полныхъ фамилій авторъ не называетъ.

Князь призвалъ офицеровъ.

— Что вы, шалуны,—сказалъ онъ,—тамъ затѣяли какое-то пари? Ну, вотъ дамы просятъ оставить это; надѣюсь, что просьба дамъ будетъ уважена.

Такое поведеніе и жестокость офицеровъ осуждались, хотя и довольно робко, военною литературою.

«Еще и понынѣ,—писалъ Трухачевъ¹⁾,—водится въ нѣкоторыхъ полкахъ не жестокость, не тиранство, но что-то на сie похожее и едва-ли сносное, а болѣе за ученья. Хотя со времени царствованія государя Александра Павловича весьма примѣтнымъ образомъ прекращена жестокость; но все еще остались въ полкахъ слѣды такъ называемыхъ бравыхъ капитановъ, которые однимъ тиранствомъ заслужили имя бдительного и попечительного ротнаго начальника; другое же, чтобы быть на счету таковыхъ же, слѣдовали совсѣмъ противу чувствъ своихъ не похвальному сему примѣру. Продли милосердный Боже благословенно многія лѣта императору; его сердце остановило (?) въ войскахъ тиранство, и солдатъ не страшится (?) уже службы, однако же поколачиваютъ безъ содроганія²⁾.

Поколачивание происходило большею частію во время учений, не имѣвшихъ однообразія, а потому не удобо-усваиваемыхъ солдатомъ. Въ то время, по словамъ Ф. Я. Мирковича, не придерживались и не руководствовались уставомъ, а были рукописныя тетради, въ родѣ «Эволюціи Коннаго полка». Каждый полкъ имѣлъ свою тетрадь неизвѣстнаго происхожденія или заимствовалъ у другаго, вносила свои поправки и измѣненія по своему произволу и по нимъ производилъ муштровку. Такое разнообразіе въ обученіи вызвало вмѣшательство военнаго министерства. 16-го апрѣля 1801 г. генералъ-адъютантъ графъ Ливенъ объявилъ высочайшее повелѣніе, чтобы до полученія особаго распоряженія полки во всемъ поступали на основаніи устава и прочихъ предписаній, до порядка службы относящихся.

«Если же бы дошло до свѣдѣнія ихъ, что въ войскахъ, въ Петербургѣ находящихся, и сдѣлана какая-либо перемѣна, то равномѣрно, чтобы себѣ примѣромъ не ставили, но ожидали бы надлежащаго предписанія³⁾.

Муштровка войскъ доводилась до поэтическаго восторга. — Войска выводились на ученье задолго до назначенаго часа.— Измученные долгимъ ожиданіемъ, валившіеся подъ грузомъ ранца, подавленные тяжестью тупо надѣтаго кивера, съ колыхающимся отъ вѣтра почти аршин-

¹⁾ Маипръ Бѣлозерскаго мушкетерскаго полка.

²⁾ „Военный Журналъ“ 1810 г., книга V, стр. 61.

³⁾ Арх. Канцел. воен. минист. Высочайшія повелѣнія, книга № 127

нымъ султаномъ, затянутые «до удавленія» тugo застегнутымъ воротникомъ и скрещенными на груди ремнями, солдаты съ напряженнымъ вниманіемъ исполняли команды, требовавшія отъ нихъ бодрости и быстрого исполненія.

— Смотри веселѣя!.. Больше игры въ носкахъ... Прибавь чувства въ икры!..—кричали имъ начальники.

«Бывало,—говорить современникъ¹⁾,—церемоніальнымъ маршемъ передъ начальникомъ проходишь, такъ вѣдь до одной жилки въ тѣлѣ почтеніе ему выражаютъ; а о правильности темпа въ шагѣ, о плавности поворота глазъ направо, налево и бодрости вида—и говорить нечего! Идешь это передъ ротою, точно одно туловище съ ногами впередъ идеть, а глаза такъ отъ генерала и не отрываются... А нынче что? Ну, кто нынче ухитрится ногу съ носкомъ въ прямую линію горизонтально такъ вытянуть, что носокъ такъ тебѣ и выражаетъ, что, вотъ-моль, до послѣдней капли крови готовъ за царя и отечество животъ свой положить».

Одиночныя ученья зимою были еще сносны, но съ наступленіемъ весны они производились съ 9 часовъ утра до 2-хъ по полудни, при чмъ за малѣйшую ошибку съ солдатами обращались не только строго, но и жестоко.

Ахъ, прекрасная весна,
Ты пріятна и красива,
Если вольнымъ кто родится.
А солдату ты, весна,
Очень, очень несносна!
Туть пачнется въ ней ученье
И тиранство и мученье.
О! солдатская синева,
Ты къ несчастью рождена.

Лучше въ свѣтѣ не родиться,
Чѣмъ въ солдатахъ находиться,
Этой жизни хуже нѣть,
Изойди весь бѣлый свѣтъ.
Въ караулѣ пойдешь, такъ горе,
А съ караула, такъ и вдвое.
Въ карауле намъ мученье,
А какъ смѣнишься,—ученье.
Въ караулѣ жмутъ подтяжки,
На ученьи жди растяжки,
Стой прямѣе, не тянись,
За тычками не гонись.
Оплеухи и пинки
Принимай какъ блинки²⁾.

¹⁾ «Изъ очерковъ недавней старины». «Русскій Арх.» 1871 г., т. II стр. 1255.

²⁾ Поэма «Жизнь солдатская» (рукопись).

Жестокость въ обращеніи съ солдатомъ была всѣмъ извѣстна, и правительство неоднократно приходило къ нему на помощь, но безуспешно.

«Доходитъ до свѣдѣнія моего,—писалъ императоръ всѣмъ главнымъ начальникамъ¹⁾,—что во многихъ полкахъ при обученіи солдатъ и рекрутъ экзерції, наказываютъ ихъ съ такою строгостью, какую употреблять должно въ случаѣ важныхъ только преступлений. Метода сія, бывъ столь же вредна для службы, сколько противна здравому разсудку, введена, конечно, или отъ непонятія, въ чемъ состоять должна воинская строгость, или же отъ природной иѣкоторыхъ наклонности къ жестокостямъ.

«Первое непростительно никакому офицеру, а послѣдняя, обнаруживающая дурныя свойства души, уничтожаетъ въ немъ самое достоинство человѣка. Неоспоримо, что строгость въ войсکѣ отнюдь ослабляема быть не должна, и взысканіе за проступки дѣлать надлежитъ неупустительно; но съ преступленіями, подвергающими виновнаго строгому наказанію, нельзя смѣшивать погрѣшностей, происходящихъ отъ неумышленности или отъ непривычки еще къ тому, о чёмъ погрѣшающей не имѣть прежде никакого понятія. Преступленія моральныя, какъ запрещаемыя всѣми законами: грабежъ, воровство, обманъ и проч., такъ въ особенности нетерпимыя въ службѣ воинской: неповиновеніе командиру, оплошность стоя въ караулѣ, небреженіе ружья своего и амуниції, отлучка безъ позволенія, трусость противъ непріятеля и т. п., требуютъ неотложнаго взысканія, сужденія по воинскимъ артикуламъ и неизбѣжнаго наказанія; но ошибки въ ружейныхъ пріемахъ, въ маршированіи, въ словахъ, когда рапортуетъ или является вѣстовымъ, особенно же въ новопринятомъ солдатѣ, требуютъ больше неусыпности офицера и способности къ его поученію, нежели строгости. Она въ семъ случаѣ не только невмѣстна, но вредна для службы и для самыхъ успѣховъ въ доведеніи обучаемыхъ до надлежащаго познанія, ибо, кроме того, что черезъ частыя безразсудныя наказанія лишается солдатъ здоровья и крѣпости, толико нужныхъ ему для понесенія трудовъ военныхъ, не согласно съ разумомъ, чтобы онъ, выходя на ученье, имѣть въ намѣреніи своеемъ ошибаться съ умысла; напротивъ того, ежеминутное ожиданіе палочныхъ ударовъ, а особенно въ человѣкѣ торопливомъ, разстраиваетъ вниманіе его, и при всемъ напряженіи силъ исполнять наиболѣшимъ образомъ командуемое, ошибается онъ на всякомъ шагу и при всякомъ словѣ.

«Движимъ будучи чувствованіемъ состраданія къ сему толико заслуживающему о себѣ пощеченія классу людей и желая, чтобы какъ вышнє,

¹⁾ Отъ 12-го іюня 1804 г. «Русская Старина» т. VI, стр. 283.

такъ и другіе офицеры, при обученіи солдатъ должностямъ ихъ и экзирциціи, давали себѣ больше труда къ вразумленію ихъ въ томъ прилежнымъ и частымъ растолкованіемъ и тѣмъ, а не побоями, гдѣ безъ нихъ обойтиться можно, доводя ихъ до совершенной исправности, отличали сами себя успѣхами и пріобрѣтеніемъ похвалы и достойной справедливости. Я рекомендую вамъ возьмѣть объ ономъ рачительное попеченіе и сообщить съ сего копіи гг. шефамъ полковъ вѣренной вамъ инспекціи, на тотъ конецъ, чтобы они не предписаніями и не отдачею въ приказахъ, а внушеніями при случаяхъ приличныхъ ротныхъ (эскадронныхъ) командинрамъ и собственнымъ своимъ надзоромъ, старались дать желаемое на сей предметъ вліяніе. Впрочемъ, сіе мое повелѣніе сохранить имъ, какъ и вамъ, въ одномъ своемъ только свѣдѣніи.

Въ 1808 году, графъ Аракчеевъ объявилъ¹⁾ всему петербургскому горизонту высочайшее повелѣніе, чтобы во время жаровъ не производить никакого ученья, а когда оно бываетъ рано утромъ, то оканчивать не позже 8 часовъ. Аракчеевъ обѣщалъ слѣдить за этимъ и строго взыскивать съ ослушивающихся командинровъ.

Наконецъ, въ 1810 году послѣдовало новое распоряженіе военного министра Барклай-де-Толли.

«Усматривая изъ всѣхъ вообще полковыхъ рапортовъ непомѣрное число больныхъ нижнихъ чиновъ,—писаль Барклай²⁾,—я долгомъ себѣ поставляю обратиться къ вашему превосходительству, чтобы предписать гг. дивизіоннымъ командинрамъ, при наступающихъ осмотрахъ войскъ во всѣхъ родахъ ученья: цѣльно и стрѣльбѣ, и исправности оружія и одеждѣ, обратить особенное вниманіе на содѣржаніе солдатъ. По моему мнѣнію, нѣть другой причины къ умноженію больныхъ и даже смертности, какъ неумѣренность въ наказаніи, изнуреніе въ ученьяхъ силъ человѣческихъ и непопеченіе о сытной пищи. Вашему превосходительству по опыту должно быть извѣстно закоренѣлое въ войскахъ нашихъ обыкновеніе: всю науку, дисциплину и воинскій порядокъ основывать на тѣлесномъ и жестокомъ наказаніи;—были даже примѣры, что офицеры обращались съ солдатами безчеловѣчно, не полагая въ нихъ ни чувствъ, ни разсудка. Хотя съ давняго времени мало-по-малу таковое звѣрское обхожденіе перемѣнилось, но и по нынѣ еще часто за малыя ошибки весьма строго наказываютъ, учать весьма долго и даже по два раза въ день, что допустить можно только въ наказаніе лѣнивыхъ и непонятныхъ; въ пишу солдатамъ кромѣ хлѣба ничего не доставляютъ; а на лицахъ ихъ не токмо не видно здоровья и жив-

¹⁾ Въ приказѣ отъ 29-го мая 1808 г. Военн.-учен. арх., Отд. I, № 265.

²⁾ Въ циркулярномъ отношеніи отъ 9-го іюня 1810 г. Военн.-ученый арх. Отдѣл. I, дѣло № 277.

ности, но по цвѣту и худобѣ можно назвать цѣлые роты или баталіоны больными и страдающими.

«Господа дивизіонные командиры обязаны употребить усилия старанія о сбереженіи людей въ полкахъ, чрезъ бдительный надзоръ за обращеніемъ офицеровъ съ нижними чинами. Россійскій солдатъ имѣть всѣ отличнѣйшія воинскія добродѣтели: храбръ, усерденъ, послушенъ, преданъ и неприхотливъ, слѣдственно, есть много способовъ, не употребляя жестокости, довести его до познанія службы и содержать въ дисциплинѣ.

«Я приказалъ ежемѣсячно представлять мнѣ выписку изъ полковыхъ рапортовъ о числѣ больныхъ, по коей судить буду о способностяхъ и усердіи полковыхъ начальниковъ, ибо за неопровергаемую истину принять можно, что число въ полку больныхъ показываетъ ясно образъ управления.

«Покорнѣйше прошу ваше превосходительство предписать въ донесеніяхъ обѣ осмотрѣ войскъ, сверхъ предписаннаго прежними повелѣніями, помѣщать мнѣніе дивизіонныхъ командировъ о здоровомъ состояніи нижнихъ чиновъ и хорошемъ ихъ содержаніи».

Распоряженія эти остались историческими памятниками благихъ намѣреній императора Александра и его соподвижниковъ, не осуществившихся на дѣлѣ: они остались свидѣтелями того, что за исполненіемъ сдѣланного распоряженія необходимо неослабное наблюденіе и обузданіе послушниковъ, а это было дѣло трудное, когда примѣръ тому подавалъ великий князь Константинъ Павловичъ, стоявшій во главѣ начальниковъ.

Живя постоянно въ Стрѣльнѣ, великий князь цѣлый день и даже ночью муштровалъ свое войско и стрѣльбою по ночамъ не давалъ покоя жителямъ. Смиренный иночъ Троицко-Сергіевской пустыни Евгений Болховитиновъ, впослѣдствіи знаменитый митрополитъ кіевскій, жаловался своему пріятелю Македонцу, что Константинъ Павловичъ не даетъ монахамъ спать, открывая по ночамъ около 11 или 12 часовъ пушечную пальбу. «Онъ ужасный охотникъ до пальбы и до экзерції», прибавляя Евгений¹⁾.

Желая вдоворить порядокъ и однообразіе въ строю, великий князь вызывалъ въ Стрѣльну изъ всѣхъ кавалерійскихъ полковъ по одному штабъ и по два оберъ-офицера, для узнанія порядка кавалерійской службы. Онъ производилъ имъ ученья съ ранняго утра и до поздней ночи.

Трепещетъ Стрѣльна вся, по всюду ужасъ, страхъ.

Неужель землетрясеніе?

Нѣтъ, нѣтъ! Великій князь ведетъ насъ на ученье.

Будучи чрезвычайно вспыльчивъ, Константинъ Павловичъ былъ рѣзокъ въ обращеніи съ офицерами и солдатами и весьма часто вы-

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1870 г. Т. I, стр. 827.

ходилъ изъ границъ предоставленной ему власти. Гнѣвъ его не зналъ предѣловъ. Онъ самъ потомъ осуждалъ свои поступки и нерѣдко просилъ у оскорбленныхъ прощенія. «Много офицеровъ, полковниковъ и генераловъ были имъ оскорблены на маневрахъ, парадахъ и ученьяхъ, въ особенности на послѣднихъ»¹⁾.

«Однажды,—пишетъ графъ Ланжеронъ въ своихъ запискахъ²⁾,—я видѣлъ, какъ велиcant князь Константинъ Павловичъ велѣлъ наказать одного прaporщика, Лаптева, 50-ю ударами за неважное упущеніе при разводѣ. Другой случай: не задолго до коронаціи императора Александра I, Николай Олсуфьевъ былъ наказанъ пятнадцатью ударами (сабли) плашмя. На другой день онъ сдѣлался гвардейскимъ офицеромъ, а впослѣдствіи генеральсь-адъютантомъ великаго князя Константина Павловича».

При такомъ обращеніи съ офицерами о солдатахъ и говорить нечего. Но солдатъ съ терпѣniемъ переносилъ самыя жестокія наказанія, проходилъ безъ ропота не сколько разъ сквозь строй или какъ тогда называли по «зеленоi улицѣ», если назначенное ему наказаніе было справедливо и одинаково для всѣхъ. Онъ покорялся и покорялся безропотно всѣмъ требованіямъ, если они исходили отъ начальника справедливаго, дѣлывшаго съ нимъ ходъ и голодъ, готоваго положить жизнь своей за честь русскаго знамени.

— Для милаго дружка и сережку изъ ушка, говорили гусары, когда Кульневъ запретилъ своимъ солдатамъ носить серьги³⁾.

Несмотря на всѣ невзгоды, на всю тяжесть службы, русскій солдатъ удивлялъ Европу. Нѣмецъ Шторхъ, французъ графъ Ланжеронъ и англичанинъ Вильсонъ одинаково восторгались имъ.

Русскій солдатъ—спартанецъ,—говорить Ланжеронъ⁴⁾,—онъ «воздержаніемъ въ пище и питьѣ походитъ на испанца, терпѣniемъ на чеха, гордостью на англичанина, мужествомъ—на шведа, предпріимчивостью и энтузіазмомъ—на француза или на венгерца. Въ немъ нѣть жестокости.—Никогда не слышенъ ропотъ въ средѣ русскихъ солдатъ; во имя Россіи и царя, они всегда готовы на геройскіе подвиги».

«Когда россіянинъ нападаетъ на непріятеля,—писалъ Шторхъ⁵⁾,—то онъ почтаетъ долгомъ своимъ или побѣдить или умереть. Искусный маневръ и предусмотрительное отступленіе вовсе ему не нравятся. Онъ не

¹⁾ Изъ разсказовъ старого лейбъ-гусара. „Русский Арх.“ 1887 г. № 10, 196.

²⁾ „Русская Мысль“ 1896 г. № 9, стр. 33 и 34.

³⁾ Изъ очерковъ недавней старины „Русский Арх.“ 1871 г., т. II, стр. 1264. Въ этихъ очеркахъ читатель найдетъ многія подробности жестокаго обращенія съ солдатами.

⁴⁾ „Русская Мысль“ 1896 г. № 9, стр. 31.

⁵⁾ Въ статьѣ: «Русский солдатъ» „Улей“ на 1812 г., ч. III, стр. 491—495.

знаеть, что такое отступить, а сильно разумѣть только слово—впередъ. Необходимый жаръ, чтобы пробиться побѣдительски, соединенный съ народнымъ духомъ, также особенная довѣренность къ судьбѣ—«чemu быть, того не миновать»—поставляютъ пѣхоту россійскую на первѣйшій степени въ Европѣ.

«Сперва довѣренность къ народному патрону (заступнику Николаю чудотворцу)¹⁾ творила все, а нынѣ мѣсто сіе заступило сильное слово и аши, коего могущество производить чудеса. Русскій начинаетъ битву хладнокровно; но лишь только изъ нихъ падеть одинъ, то раздаются тысячи голосовъ: нашъ бѣгутъ; они (солдаты) требуютъ дозвolenія броситься на непріятеля, отъ чего тогда весьма трудно воздержать ихъ... Въ очевидной опасности русскій солдатъ идетъ равнодушно, будучи увѣренъ, что съ нимъ ничего не сдѣлается, если Богъ не допустить; онъ вѣритъ, что если время не пришло, то пуля не возьметъ.

«Русскій особенно отличается отъ прочихъ народовъ удивительнымъ терпѣніемъ, перенесеніемъ всего и безъ сомнѣнія онъ крѣпче изъ всѣхъ европейцевъ. Суворовъ, хорошо знавшій сіе свойство, нападалъ на непріятеля тотчасъ послѣ самыхъ тягостныхъ переходовъ, безъ роздыха, а особливо въ Италии подъ жаркимъ небомъ. И французы всегда обманывались, когда хотѣли утомить русскихъ. Сей солдатъ готовить свой обѣдъ, когда можетъ, не спитъ, когда занять службою; напротивъ того на досугѣ радъ спать сутки. Онъ гораздо меньше имѣеть нуждъ, въ сравненіи съ прочими войсками, и потому во время войны не много стоитъ».

По словамъ графа Ланжерона, русскіе солдаты какъ нельзя болѣе скромны въ пицѣ и могутъ обойтись безъ говядины и водки. Онъ восхищается безусловнымъ послушаніемъ русскаго солдата.

То же или почти то же писалъ и англичанинъ Вильсонъ²⁾. «Русскій солдатъ,—говорить онъ,—привыченъ ко всѣмъ перемѣнамъ погоды и нуждамъ, къ самой худой и скучной пицѣ, къ походамъ днемъ и ночью, къ труднымъ работамъ и тягостямъ. Солдаты упорно храбры и удобно возбуждаются къ славнымъ подвигамъ, преданы своему государю, начальнику и отечеству, набожны, но не омрачены суевѣріемъ, терпѣливы и говорчivы. Природа одарила ихъ самыми лучшими существенными способностями для военныхъ дѣйствій; штыкъ есть истинное оружіе русскихъ; храбрость ихъ безпримѣрна».

Извѣстны слова Фридриха II-го, сказавшаго, что «убить русскихъ солдатъ легче, чѣмъ побѣдить ихъ».

¹⁾ Такъ думалъ нѣмецъ Шторхъ.

²⁾ Выписка изъ книги: „Краткія замѣчанія о составѣ русскихъ войскъ“ и проч. С.-Петербургъ, издан. 1812 г.

Въ такомъ положеніи были живыя боевые силы Россіи, когда въ половинѣ 1810 года сильно запахло войною. Всѣ встрепенулись, стали оглядываться назадъ и въ ожиданіи гостя, хотя и не желаннаго, готовились встрѣтить его достойнымъ образомъ.

Назначенный въ маѣ 1810 года управляющимъ квартирмейстерскою частью князь П. М. Волконскій употреблялъ всѣ усиленія къ улучшенію устройства этой части и привлекалъ на службу хорошо подготовленныхъ и образованныхъ офицеровъ. Князь всѣми средствами поощрялъ поступленіе въ колонновожатые молодыхъ людей, обладавшихъ основательными свѣдѣніями въ математическихъ наукахъ, въ чемъ ему много помогало основанное въ Москвѣ Н. Н. Муравьевымъ «Общество математиковъ».

Въ высочайше утвержденномъ уставѣ Общества ¹⁾ говорилось, что члены его, будучи убѣждены въ необходимости содѣйствія математическихъ наукъ познанію, во многихъ частяхъ споспѣшствующихъ государственному благу, при томъ возбуждаемые истинною и чистѣйшею любовью къ Отечеству, постановили себѣ непреложнымъ правиломъ возможно стараться о распространеніи математическихъ наукъ между своими соотечественниками. «Но какъ изъ прикладныхъ частей математики вообще самая полезная суть механика и военное искусство, то напичаче на нихъ Общество обратило свое вниманіе и устремило всѣ труды къ приготовленію молодыхъ людей особенно въ военную службу».

Принявъ званіе почетнаго члена математического общества и познакомившись съ его президентомъ Н. Н. Муравьевымъ, князь Волконскій нашелъ въ немъ полезнаго сотрудника, который частными средствами и своими обширными знаніями содѣйствовалъ къ возвышенію и усовершенствованію квартирмейстерской части, одной изъ важнѣйшихъ отраслей военной службы.

Съ своей стороны великій князь Константинъ Павловичъ, очарованный военнымъ гениемъ Наполеона и подъ его влияніемъ, перемѣнилъ свой взглядъ на военное дѣло, и въ іюлѣ 1810 года, приказалъ напечатать у себя въ Стрѣльнѣ и разослать войскамъ переводъ «Наставленія въ день сраженія его императорско-королевскаго величества Наполеона I». Въ немъ говорилось о сбереженіи людей отъ утомленія передъ сраженіемъ, «ибо свѣжія войска способнѣе къ дѣлу, нежели обремененный усталостью», указывалось на то, что войска должны въ точности знать, что отъ нихъ требуютъ, и чтобы всякий зналъ, что ему дѣлать. Отъ начальниковъ требовалось, чтобы они ясно, но кратко излагали обязанности каждого подчиненнаго имъ лица, не

¹⁾ Полное Собр. Законовъ, т. XXXI № 24614.

увеличивая и не уменьшая трудностей, равномѣрно не оказывая къ непріятелю ни страха, ни презрѣнія.... «Итакъ начальники не должны скрывать отъ подчиненныхъ трудности, которыя имъ преодолѣть, и уси-лія, которыя вынести надобно будетъ, давъ на замѣчанія, что во всякомъ случаѣ успѣхъ зависѣть будетъ отъ тишины, порядка и послушанія во время дѣла и особенно отъ твердости духа и храбрости, которыя по мѣрѣ непріятельского стремленія увеличиваться должны....»

«Какъ бы главный начальникъ ни былъ дѣятеленъ,—говорилось да-лѣе въ «Наставлениѣ»,—ему невозможно видѣть всего войска и быть вездѣ, слѣдовательно остается частнымъ начальникамъ дѣйствовать по обстоятельствамъ каждому, стараясь одержать побѣду, но не отходя отъ даннаго начальствующимъ плана, который долженъ быть основаніемъ всѣхъ частныхъ дѣйствій».

Наставлениѣ это перечитывалось и изучалось въ войскахъ. Готовясь къ предстоящимъ военнымъ дѣйствіямъ, нѣкоторые офицеры стали читать военный сочиненія и изучали кампаніи преимущественно самого Наполеона. Еще лѣтомъ 1809 года въ Измайловскомъ полку образовалось общество офицеровъ, занимавшихся военными науками.

«Мы,—пишетъ М. М. Муромцевъ¹⁾,—собирались у нашего поручика Михаила Александровича Фонвизина²⁾. Тутъ бывали Дибичъ, Березинъ, графъ Дамасъ, Спиридовъ³⁾ и многіе, которыхъ не упомню. Читали «Commentaires de César», Семилѣтнюю войну Фоларда и Вобана. Всѣ чувствовали, что война будетъ неизбѣжно, а потому множество офицеровъ стало заниматься военными науками.... Кругъ нашъ прибавился А. А. Вельяминовымъ и П. А. Рахмановымъ, людьми замѣчательными. Они издавали «Военный журналъ». Этому обществу я много обязанъ тѣмъ малымъ образованіемъ, какое пріобрѣлъ. Тактика вошла теперь въ моду.

Подполковникъ Хатовъ издалъ «Опытъ общей тактики». Барклай-де-Толли писалъ по этому поводу въ приказѣ по войскамъ: «Весьма приятно видѣть, когда офицеръ, съ отличнымъ рвениемъ и исправностію исполняя долгъ службы своей, занимается сверхъ того въ свободные часы военными науками, столь необходимыми для своей и общей пользы. Сочиненіе свиты его императорскаго величества по квартирмейстерской части подполковника Хатова: «Опытъ общей тактики» много приносить чести его усердію и военнымъ познаніямъ. Выхваляя по достоинству его трудъ, свидѣтельствую ему должную благодарность въ

¹⁾ Воспоминанія М. М. Муромцева. „Русскій Арх.“ 1890 г. № 1, стр. 70 и 71.

²⁾ Впослѣдствіи декабристъ.

³⁾ Впослѣдствіи декабристъ.

примѣръ всѣмъ господамъ офицерамъ, кои отъ правительства или домашнегополучили хорошее воспитаніе и образованіе въ наукахъ»¹⁾.

Приказъ этотъ оказалъ благотворительное влияніе на офицеровъ. Мы,— говоритъ М. М. Муромцевъ²⁾,— начали по утрамъ опять съѣзжаться у Фонвизина и заниматься военными науками. Дибичъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ) читалъ намъ Семилѣтнюю войну. Въ это же время Д. Давыдовъ написалъ:

Жомпни да Жомини, а о водкѣ ни полслова.

Императоръ Александръ I былъ съ офицерами очень внимателенъ и милостивъ, «а великий князь Константинъ не смѣлъ дѣлать тѣхъ непріятностей, какъ прежде. 1811 годъ смягчалъ сердце начальства: офицеровъ берегли». Никогда государь не занимался своею гвардіею такъ много, какъ въ 1811 году: присутствовалъ ежедневно въ дворцовомъ ма-нежѣ на разводѣ, а каждое воскресенье производился такъ называемый кейзеръ-парадъ³⁾.

Непрѣбѣжность войны была ясна для Александра I, для большей части русского общества и для угнетенной Европы. Тамъ, всѣ стремились къ тому, чтобы свергнуть ненавистное имъ иго Наполеона, а въ Россіи возбудить национальное единство противъ злаго генія войны, исполнена, передъ однимъ именемъ котораго все трепетало⁴⁾. Въ этомъ направлениі дѣйствовали и обѣ императрицы.

На одномъ изъ обѣдовъ во дворцѣ, Коленкуръ сказалъ, что пріятнѣе было бы съѣздить въ Парижъ, чѣмъ въ Сибирь.

— А я лучше поѣду въ Сибирь, чѣмъ въ Парижъ,—отвѣчала императрица Елизавета Алексѣевна, обращаясь къ Н. С. Мордвинову⁵⁾.

Всѣ, кто только имѣлъ случай, высказывали полную ненависть къ Наполеону. Извѣстная г-жа Сталь, ненавидѣвшая императора Франціи, во время обѣда у графа Румянцева замѣтила великодушный форфоровый сервизъ, присланный Наполеономъ въ подарокъ графу. Посмотрѣвъ на поставленную ей тарелку, она увидѣла на ней изображеніе ястреба необыкновенной породы. Это было изображеніе такъ называемаго королевскаго ястреба, или, какъ было сказано въ надписи: «царя ястребовъ». Обратившись къ хозяину, Сталь сказала ему: «это царь ястребовъ, а вы получили его въ подарокъ отъ ястреба царей»⁶⁾.

¹⁾ Приказъ военнаго министра 26-го января 1811 г. Воен.-учен. арх. отд. I, д. № 282.

²⁾ „Русскій Арх.“ 1890 г., № 1, стр. 80 и 81.

³⁾ Ф. Я. Мирковичъ. Его жизнеописаніе, т. I, изд. 1889 г., стр. 24.

⁴⁾ Изъ воспоминаній графа Рошешуара „Рус. Арх.“ 1890 г. № 4, стр. 484.

⁵⁾ Воспоминанія графини Мордвиновой, изд. 1873 г., стр. 51.

⁶⁾ „Малкъ“ 1842 г., т. I, стр. 59.

Этотъ послѣдній все болѣе и болѣе омрачалъ политический горизонтъ, а въ небесномъ пространствѣ являлись знаменія, по вѣрованію народа, не предвѣщавшія ничего хорошаго.

9-го марта 1811 года жители г. Богослана видѣли на небѣ три свѣтлыхъ линіи, сближавшіяся другъ къ другу и образовавшія нѣчто въ родѣ колчана со стрѣлами и потомъ исчезнувшія¹⁾). Вслѣдъ затѣмъ явилась на горизонтѣ великолѣпная комета краснаго цвѣта съ длиннымъ хвостомъ, видимая въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Она была очень замѣчательна по своей величинѣ и блеску. Комета имѣла большое ядро, хвостъ очень густой и свѣтлый; когда не было луны, то отъ кометы освѣщалась часть неба²⁾). Подобной кометы, — говорить Вигель³⁾,— «я во всю жизнь мою не видывалъ ни прежде, ни послѣ. Все лѣто вплоть до осени, горѣла она на нашемъ небѣ и освѣщала мои вечернія и ночные прогулки». Комета была такъ ярка, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ ее можно было видѣть невооруженнымъ глазомъ. По вечерамъ на набережныхъ и бульварахъ Петербурга толпы гуляющихъ любовалась ея длиннымъ хвостомъ, горѣвшимъ на голубомъ небѣ⁴⁾). Жители Москвы, наоборотъ, предавались тревожнымъ опасеніямъ и ожидали для себя неминуемыхъ бѣствий. Въ Тулѣ совершенно сгорѣлъ большой оружейный заводъ; послѣдовавшія вслѣдъ за тѣмъ пожары во многихъ городахъ, селахъ и горяще лѣса давали поводъ къ разнаго рода предсказаніямъ и толкамъ. «Хотя мы,—говорить М. П. Третьяковъ⁵⁾,— знали по слухамъ, что между Россіею и Франціею возникли тогда важныя несогласія и что обѣ державы вооружаются и увеличиваютъ ратныя силы, однако, надѣялись, что властелинъ Франціи, Наполеонъ, не осмѣится напасть на Россію въ собственныхъ ея предѣлахъ».

А если бы и напалъ, то «народъ,—писалъ С. И. Глинка⁶⁾,— помня щій древніе нравы и славу предковъ; народъ, отличный отъ другихъ на рѣчиемъ своимъ и обычаями, безпредѣльно преданный государю и начальникамъ; наконецъ, твердый и непоколебимый въ вѣрѣ—сей народъ, одушевляясь вѣрою, прославится подвигами неслыханными. Вѣра все замѣнить; и можетъ ли быть что-нибудь сильнѣе мысли, что смерть на полѣ сраженія есть начало жизни безсмертной и блаженной! Вѣра пре-

¹⁾ Рапортъ оренбургскаго военнаго губернатора министру внутр. дѣлъ 3-го мая 1811 г., Арх. мин. внутр. дѣлъ департ. полиції, дѣло № 136.

²⁾ Калейдоскопъ воспоминаній.— „Русскій Арх.“, 1872 г., т. II, 2270.

³⁾ Въ своихъ воспоминаніяхъ. Ч. III, стр. 172.

⁴⁾ Воспоминанія А. П. Бутенева. „Русск. Арх.“ 1881 г., кн. III, стр. 58.

⁵⁾ Въ своихъ воспоминаніяхъ. „Русская Старина“ 1892 г., № 8, стр. 307.

⁶⁾ „Русскій Вѣстникъ“ 1811 г. № 1, ч. 13, стр. 79.

восходиѣ мнѣнія о чести, которое не удовлетворяетъ ни сердца, ни души».

Вѣрь въ незыблемость и стойкость русскаго народа, С. Н. Глинка сравнивалъ его съ галлами (французами).

«Галлы,—писаль онъ въ «Рускомъ Вѣстникѣ»,—управляемы римлянами, смѣшались съ ними. Римскіе законы и народчія почти повсемѣстно водворились; нравы римлянъ часть отъ часу болѣе вкоренялись. Явились римскія бани, конскія ристалища, сраженія бойцовъ или гладіаторовъ. Словомъ, въ началѣ пятаго столѣтія едва-ли галлы были въ галлахъ».

«То ли видимъ во время владычества татаръ надъ Россіей. Въ какомъ изъ нашихъ городовъ возникли нравы татаръ? Гдѣ учредились ихъ обычанія, празднества, обряды, вѣра и проч.? Гдѣ узаконенія ихъ истребили коренно русское право? Наконецъ, гдѣ русскіе не были русскими? Тщетно Батый и наследники его стремились истребить Россію въ Россіи. Князья, бояре, граждане, люди всѣхъ сословій, противуборствую угрозамъ, мученіямъ, въ примѣръ грядущихъ столѣтій, жили и умирали русскими.

«Непоколебимо храня любовь къ вѣрѣ, отечеству и Богу, они текли подъ знаменами Донскихъ и прочихъ героеvъ своихъ къ низложенію татарскихъ племенъ; не унывали отъ неудачъ, зная и чувствуя, что постіянство и твердость духа все преодолѣваютъ. Наконецъ, достигли цѣли своей: счастіе покорилось имъ усилиямъ, усилиямъ твердымъ, постепеннымъ; потряслось владычество царей ордынскихъ.—Орды пали передъ торжествующей Россіей... Русскіе остались русскими».

Съ приближеніемъ отечественной войны появились въ печати патріотические стихи, основывались новыя періодическія изданія, съ патріотическою цѣлью. Правительство поощряло то и другое, и когда при появлениі «Сына Отечества» императоръ Александръ узналъ о недостаточности состоянія издателя его, Н. Греча, то приказалъ выдать ему тысячу рублей ¹⁾.

Выѣстѣ съ тѣмъ, оберегая общество отъ возможныхъ со стороны Наполеона интригъ и проникновъ, Комитетъ министровъ положилъ ²⁾, чтобы въ настоящихъ обстоятельствахъ, издатели всѣхъ періодическихъ сочиненій въ государствѣ, въ коихъ помѣщаются политическія статьи, почерпали изъ иностраннѣй газетъ такія только извѣстія, которыя до Россіи вовсе не касаются, а имѣющія нѣкоторую связь съ нынѣшнимъ нашимъ политическимъ положеніемъ, заимствовали единственно изъ

¹⁾ Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи. Изд. 1862 г., стр. 19.

²⁾ Письмо графа Алексея Разумовскаго С. С. Уварову 20-го апрѣля 1812 г. № 1568, Арх. С.-Петерб. универс., дѣла почетителя № 117.

С.-Петербургскіхъ Вѣдомостей», издаваемыхъ подъ ближайшимъ надзоромъ».

При этомъ необходимо припомнить, что въ то время существовало двѣ литературы: одна печатная, болѣе обширная и другая рукописная—менѣе обширная, но зато болѣе ядовитая. По рукамъ ходило множество стиховъ, акrostичовъ, эпиграммъ и разныхъ листковъ, направленныхъ противъ Наполеона и современныхъ политическихъ событий.—Въ числѣ ихъ были, между прочимъ и «Скрижали Наполеона».

I. Народы Европы! Азъ есмь единий вашъ царь и властелинъ, да не будутъ вамъ иные цари.

II. Не творите себѣ другихъ владыкъ, ни всякаго подобія онымъ. Хощу, да ни въ какой странѣ не будетъ иного повелителя, кромѣ меня; покланяйтесь и служите мнѣ единому.

III. Однако же не прѣмлите имени моего всуе, но произносите его всегда съ ужасомъ и трепетомъ.

IV. Помните мою конскрипцію! Всякій годъ изъ семи юношь—шесть должны поступать подъ мои знамена, а седьмой будетъ мнѣ работати и давати дани, яко Кесарю.

V. Оставляйте дѣти отцовъ и матерей вашихъ, идите на войну.—Тамъ благо вамъ будетъ, хотя вы и не долголѣтни будете на землѣ.

VI. Изъ подъ знаменъ моихъ никто не уйди.

VII. Отнюдь не ропщите, сіе бо противно волѣ моей, и кто разверзть уста, того я лютої смерти предамъ.

VIII. Не укради только у меня, ибо я самъ стяжалъ отъ другихъ все, что имѣю.

IX. Не послушайте на меня свидѣтельствъ ни истинныхъ, ни ложныхъ; а другихъ царей безславьте и поносите елико возможно.

X. Если не сотворите моихъ заповѣдей, то я не пожалѣю ни женъ, ни домовъ вашихъ, ни сель, ни рабовъ, ни рабынь; пойму вашихъ воловъ, куръ, ословъ и свиней и все, елико имате.

«Въ сихъ десяти заповѣдяхъ содержатся главныя правила поступковъ новаго Макиавеля—завоевателя.—Съ первого взгляда онѣ кажутся смѣшны, но Наполеонъ доказалъ ихъ основательность своимъ поведеніемъ.—Его прокламація къ солдатамъ, декреты и другія публичныя бумаги содержать сіи заповѣди только въ другихъ словахъ».

Въ отвѣтъ на «Скрижали» явился листокъ подъ заглавіемъ «Символъ политической вѣры русской»:

I. Вѣрю во единаго государя Александра I, кроткаго и человѣколюбиваго царя земли русской и всея сѣверныя страны.

II. Исповѣдую священные уставы мудростью великихъ князей, православныхъ царей, императоровъ утвержденные и никогда не признаю

законовъ чуждыхъ, не преклоню колѣно предъ владыкою чужеземныхъ или пришлецовъ.

III. Вѣрю во единое Отечество, охранявшее благоденствіе нашихъ предковъ и нынѣ охраняющее насъ самихъ. Исповѣдую, что его польза единосущна съ мою собственою.

IV. Вѣрю, что благотворное правительство избавить насъ отъ злыхъ рукъ Наполеона, рожденного въ Корсикѣ, отъ невѣрной жены Летиціи, пропырствомъ достигнувшаго престола, поработившаго Францію, Италію и Германію.—Наконецъ, въ восьмое лѣто своего лютаго царствованія пришедшаго на сѣверъ съ своими клевретами и крамольниками, для порабощенія или ограбленія земли русской.

V. Но я вѣрю, что онъ пострадаетъ отъ рукъ нашихъ воиновъ.

VI. И не превознесется (онъ) по описаніямъ лживыхъ его рабовъ и наемниковъ.

VII. И не сядѣтъ одесную отца-отечества царя русскаго.

VIII. И паки не придетъ къ намъ со славою творити живыхъ мертвыми и царствію его скоро будетъ конецъ.

IX. Чаю возстановленія престоловъ, низверженыхъ хищною его рукою.

X. И будущаго благоденствія разоренныхъ имъ народовъ.

Такіе листки читались съ увлеченіемъ и жадностью, переписывались въ разные сборники и усиливали нерасположеніе къ Наполеону, котораго справедливо считали виновникомъ всѣхъ невзгодъ.

Всѣ желали выдти изъ того тяжелаго положенія, въ которое были поставлены совершеннымъ прекращеніемъ торговли, упадкомъ курса, дороговизною первыхъ потребностей жизни и усиленными чрезвычайными налогами. «Тяжкое время пережили мы отъ Тильзитскаго мира до разрыва 1812 года,—говорить Н. И. Гречъ ¹⁾). Россія не была покорена врагомъ, не повиновалась ему формально, но и союзъ съ властолюбивымъ завоевателемъ былъ уже вѣкотораго рода порабощеніемъ.—Земля наша была свободна, но отяжелѣлъ воздухъ; мы ходили на волѣ, но не могли дышать».—Ненависть къ французамъ возростала по часамъ. Няни разсказывали, что они нехристи, пытаются лошадинымъ мясомъ и даже пожираютъ маленькихъ дѣтей ²⁾), а простой народъ еще не забылъ, какъ вѣсколько лѣтъ тому назадъ въ церквахъ проповѣдовывалось, что Наполеонъ антихристъ. Для всѣхъ сословій онъ явился какимъ-то чудовищемъ, подвиги котораго были собраны въ такъ называемомъ его Титулѣ.

«Мы, Наполеонъ Великий, Божіумъ гнѣвомъ и кровю вѣнчанный,

¹⁾ Въ своихъ запискахъ. Изд. 1886 г., стр. 224.

²⁾ Воспоминанія Ю. К. Арнольди, „Русский Арх.“, 1891, № 7, 326.

императоръ французовъ, кавалеръ ордена Большаго Чернаго, у Пруссіи похищенаго орла, военачальникъ многочисленной адской ватаги, разбойникъ, вѣроотступникъ египетскій, похититель престоловъ: Неаполя и Испаніи; палачъ Италіи, златожадная піявица Голландіи, великий разрушитель польскій, переторжчикъ владѣній Саксоніи, Баваріи и Бюргенберга, гнусный бездѣльникъ, мальтійскій разбойникъ, атаманъ черной парижской шайки, грабитель галлереи въ Дрезденѣ, тать сокровищъ гессенъ-кассельскихъ, королевско-княжескій воръ лошадей въ Берлинѣ, мошенникъ саксонскій, живодеръ тѣла Фридриха Великаго въ Потсдамѣ, ненасытный волкъ въ Германіи, измѣнникъ и клятвопреступникъ противъ Россіи, братъ Плутуса и начальникъ всего дьявольскаго рыцарства въ преисподней и проч.».

Ненависть къ Наполеону естественно переносилась и на его посланника Коленкура. Онъ видѣлъ это и всѣми средствами старался, учтивостью и предупредительностью, сгладить непріязненные къ нему чувства. Тѣмъ не менѣе «многіе изъ насъ,—говоритъ С. Г. Волконскій ¹⁾,—прекратили посѣщенія въ тѣ дома, куда онъ былъ вхожъ. На зовъ его на баль мы не ъздили, хотя насъ сажали за это подъ арестъ и между прочими нашими выходками негодованія было слѣдующее:

«Мы знали, что въ угловой гостиной занѣпаемаго имъ дома былъ поставленъ портретъ Наполеона, а подъ нимъ какъ бы тронное кресло, а другой мебели не было, что мы почли обидой народности. Что же мы сдѣлали? Зимней порой, въ темную ночь, нѣсколько изъ насъ, сѣвъ въ пошевни, поѣхали по Дворцовой набережной, взявъ съ собою удобомѣтательные каменъя, и, поровнявшись съ этой комнатой, пустили въ окна эти метательныя вещества.

«Зеркальныя стекла были повреждены, а мы, какъ говорится французами, *fouette cacher* ²⁾. На другой день жалоба, розыски; но донынѣ врядъ ли кто знаетъ и то по моему разсказу—кто былъ въ санкахъ и я въ томъ числѣ».

Военная молодежь горѣла нетерпѣніемъ отомстить французамъ за неудачи, испытанныя въ предыдущихъ кампаніяхъ. Это желаніе было столь сильно, что въ немъ офицеры полагали единственно свой гражданскій долгъ. Побѣды въ Финляндіи и Турциі не ослабляли чувства мщенія къ французамъ и ненависти къ Наполеону. Литература воспѣвала подвиги предковъ, а С. Н. Глинка печаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» разсужденія о военномъ искусствѣ, и въ этотъ періодъ времени его литературный журналъ обратился въ военный, отмѣчавшій всякую особенность прежнихъ патріотическихъ событий въ Россіи.

¹⁾ Въ своихъ запискахъ. Изд. 1901 г., стр. 61 и 62.

²⁾ А насъ и слѣдъ простыль.

Подобно тому, какъ въ 1807 году и теперь въ театрахъ Петербурга и Москвы давались патріотическія піесы, среди которыхъ трагедія Озерова «Дмитрій Донской», какъ наиболѣе подходившая къ современнымъ событіямъ, вызывала особый восторгъ и энтузіазмъ. Трагедія эта читалась и перечитывалась, и многие знали подходящіе стихи наизусть.

Вспоминая о Наполеонѣ, какъ похититель престоловъ, кто могъ равнодушно слушать слѣдующія слова:

Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Прешедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы
И свергнуть, наконецъ, насилиствія яремъ!
Доколѣ было намъ въ отечествѣ своемъ
Терпѣть татаровъ власть и въ униженной долгъ
Рабами ихъ сидѣть на княжескомъ престолѣ?..
Ахъ! лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестный!
Такъ предки мыслили, такъ мыслить будемъ мы... ¹⁾.

Рѣчь эта покрывалась рукоплесканіями, подобными грому, и театръ трещалъ отъ нихъ. Но особенный восторгъ вызывали стихи:

Вы видѣли, князья, татарскую гордыню
Россіи миру нѣть, доколь ее въ пустыню
Свирѣпостью своей враги не превратять,
Иль къ рабству пріучивъ, сердецъ не развратять,
И не введуть межъ пасъ свои злочестны нравы.
Отъ нашей храбости намъ должно ждать управы;
Въ крови враговъ омыть прошедшихъ лѣть позоръ,
И начертать мечемъ свободы договоръ.
Тогда по истинѣ достойными отдамъ
Мы будемъ Россіянъ, освобожденныхъ нами... ²⁾
Постыдно будетъ намъ отъ боя уклоняться,
Когда священный долгъ и честь велятъ сражаться... ³⁾
Но первый сердца долгъ къ тебѣ, Царю Царей!
Всѣ царства держатся десницею Твоей:
Прославь, и утверди, и возвеличи Россію!
Какъ прахъ земной, сотри враговъ кичливу выю,
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноніеменникъ могъ:
Языки вѣдайте: великъ Россійскій Богъ! ⁴⁾.

Современники, перенесши, за послѣднее время, много тревогъ, опасений и лишеній, не могли не восторгаться такими рѣчами и примѣняли ихъ къ текущимъ событіямъ. Во всѣхъ слояхъ общества, «въ позолоченныхъ ли салонахъ высшаго круга, въ отличающихся ли простотою казарменныхъ помѣщеніяхъ, въ тихой ли бесѣдѣ дружеской, въ разгуль-

¹⁾ Сочиненія Озерова, изд. 1828 г., ч. II, стр. 3, 7 и 8.

²⁾ Тамъ же, стр. 13.

³⁾ Тамъ же, стр. 54.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 85.

номъ ли обѣдѣ или вечеринкѣ,—одно только высказывалось: желаніе борьбы, надежда на успѣхъ, на возрожденіе отечественаго достоинства и славы имени русскаго. Въ домашнемъ кругу отцы благословляли дѣтей своихъ, жены—мужей, любовницы—милыхъ ихъ сердцу на дѣло святое, близкое каждому русскому¹⁾.

Были конечно и такие, которые, помня наши неудачи въ предыдущихъ кампанияхъ и преклоняясь передъ военнымъ гениемъ Наполеона, говорили, что затѣваемая борьба будетъ намъ не по силамъ, но ихъ было очень мало и ихъ считали трусами. Никто ихъ не оспаривалъ, но выражалъ презрѣніе къ ихъ словамъ и поступкамъ. «Общество чувствовало опасности,—говорить Н. И. Гречъ²⁾,—но возвышенное ощущеніе благодарнѣйшихъ движений любви къ государю и отечеству волновало всѣ сердца. Но это не былъ страхъ. Мы отнюдь не ужаснулись нашествія Наполеонова; ни мало имъ не изумились. Оно давно уже было предвидѣно, предсказано и ожидалось со дня на день. Особы, посвященные въ тайны кабинетовъ, утверждали, что, вѣроятно, все кончится миролюбиво, что нѣтъ никакихъ ясныхъ примѣтъ скораго начатія войны. Но публика судила и видѣла иначе, видѣла правду, которой до времени нельзѧ было возгласить во всеуслышаніе».

Въ общемъ, вся Россія какъ одинъ человѣкъ желала войны, не навидѣла Наполеона и радовалась его неудачамъ въ Испаніи. Вѣсти о возникшихъ несогласіяхъ и близости борьбы жадно ловились публикою и были встрѣчаемы съ такимъ же восторгомъ, какъ извѣстія объ одержанной нами побѣдѣ надъ турками. Въ устахъ каждого было неизвѣстное имя Наполеона; въ обществѣ только о немъ и говорили. «Но онъ въ безуміемъ своемъ самолюбіи,—писалъ графъ Ф. В. Ростопчинъ,—не хочетъ признать за истину, что неудовольствіе его есть похвала, немилость—награда, гнѣвъ—слава, а печатная брань—грамота на бессмертіе». Наполеону приписывали всѣ невзгоды: говорили, что онъ, при помощи своихъ сторонниковъ-французовъ, жившихъ въ Россіи, поджигаетъ наши города, распространяетъ фальшивыя ассигнаціи и проч. Какъ же не отомстить ему? Порывъ національной гордости и чести высказывался при всякомъ случаѣ словомъ и дѣломъ. Молодежь спѣшила въ ряды войскъ, а удалившися изъ военной службы поступали опять въ нее, не обращая вниманія на то, что, за время ихъ отставки, бывшіе ихъ подчиненные становились начальниками.

«Наполеонъ,—писалъ Ф. Н. Глинка³⁾,—разгромивъ большую часть Европы, стоять, какъ туча, и хмурится надъ Нѣманомъ. Онъ подобенъ бурной рекѣ, надменной тысячью похищенныхъ источниковъ; грудь рус-

¹⁾ Записки С. Г. Волконского, изд. 1901 г., стр. 149.

²⁾ Въ своихъ запискахъ. Изд. 1886 г., стр. 223.

³⁾ Письма русскаго офицера. Москва, изд. 1870 г., стр. 4.

ская есть плотина, удерживающая его стремление,—прорвется—и наводнение будетъ неслыханное! О, другъ мой! ужели бѣдствія нашествій повторятся въ дни наши?.. Ужели покореніе? Нѣтъ, русскіе не выдадутъ земли своей! Если недостаетъ воиновъ, то всякий изъ настѣ будетъ одною рукою водить соху, а другою сражаться за Отечество!»

Патріотическое настроеніе достигло до высшаго предѣла; каждый считалъ своимъ долгомъ пожертвовать своимъ достояніемъ и собою для блага и счастія Россіи. Ненависть къ французамъ и нерасположеніе ко всѣмъ иностранцамъ были всеобщія и высказывались при каждомъ удобномъ случаѣ.

— Для васть Россія мундиръ ваши,—сказалъ однажды графъ Остерманъ иностранцу маркизу Паулуччи: вы его надѣли и снимете, когда хотите, а для меня Россія—кожа моя.

Съ такими патріотическими задатками можно было спокойно смотрѣть на будущее и ожидать великихъ событий.

— У меня нѣтъ такихъ генераловъ, какъ ваши,—говорилъ императоръ Александръ I Коленкуру въ прощальной аудіенці; я самъ не такой полководецъ и администраторъ, какъ Наполеонъ, по у меня хороши солдаты, преданный мнѣ народъ, и мы скорѣе умремъ съ оружіемъ въ рукахъ, нежели позволимъ поступать съ нами, какъ съ голландцами и гамбургцами. Но увѣряю васъ честью, я не сдѣлаю первого выстрѣла. Я допущу васъ перейти Нѣманъ, и самъ его не перейду; будьте увѣрены, что я не объявлю вамъ войны; я не хочу войны; мой народъ, хотя и оскорблѣнъ отношеніями ко мнѣ вашего императора, но такъ же, какъ и я, не желаетъ войны, потому, что онъ знакомъ съ ея опасностями. Но если на него нападутъ, то онъ съумѣеть постоять за себя¹⁾.

«Въ 1811 году,—писалъ Н. М. Карамзинъ въ посвященіи своей исторіи императору Александру,—въ счастливѣйшія минуты моей жизни, читаль я вамъ, государь, нѣкоторыя главы моей исторіи объ ужасахъ Батыева нашествія, о подвигѣ героя Димитрія Донскаго въ то время, когда густая туча бѣдствій висѣла надъ Европой, угрожая и любезному отечеству нашему. Вы слушали съ восхитительнымъ для меня вниманіемъ; сравнивали давно минувшее съ настоящимъ и не завидовали славнымъ опасностямъ Димитрія, ибо предвидѣли для себя еще славнѣйшія».

Александръ твердо вѣрилъ въ патріотизмъ и въ предстоящую стойкость русскаго народа, но его беспокоило положеніе западныхъ нашихъ губерній, недавно присоединенныхъ отъ Польши.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Шильдеръ, т. III, стр. 26. Богдановичъ, т. III, 116.

Воспоминанія К. С. Веселовскаго.

Время президентства графа Д. Н. Блудова въ Академіи Наукъ
1855—1864¹⁾.

„Воспоминаніе, двойникъ того, что было,
„Отъ жатвы времени сей уцѣлѣвшій цвѣтъ“.

Кн. П. А. Вяземскій.

Грезидентство графа Д. Н. Блудова въ Академіи Наукъ составляетъ свѣтлую страницу въ исторіи нашего высшаго ученаго учрежденія; но для вѣрной оцѣнки его оно должно быть вставлено въ болѣе обширныя рамки. Началомъ своимъ оно совпадаетъ съ тяжелыми годами ликвидаций, приведшей къ Парижскому миру, какъ слѣдствію Крымской войны, а конецъ его соприкасается съ началомъ эпохи великихъ реформъ, увѣко-вѣчившихъ имъ императора Александра II. Для справедливой оцѣнки этого президентства требовалось бы разсмотрѣть его въ связи съ условіями времени и съ характеромъ всей многообразной государственной дѣятельности Блудова, и опредѣлить его значеніе путемъ сравненія съ предыдущими временами,—президентства графа С. С. Уварова,—и послѣдовавшими—графа Ф. П. Литке. Не задаваясь такою обширною и сложною темою, для которой можетъ быть еще и не настало время, за неимѣніемъ под-

¹⁾ Помѣщая на страницахъ „Русской Старинѣ“ настоящую статью, редакція съ грустью заявляетъ, что она написана и исправлена авторомъ за нѣсколько дней до его кончины, послѣдовавшей 3-го ноября. Имя Константина Степановича Веселовскаго тѣсно связано съ дѣятельностью Академіи Наукъ въ теченіе почти полвѣка, и редакція надѣется въ непродолжительномъ времени представить читателямъ біографическія о немъ свѣдѣнія. Ред.

готовительныхъ для нея работъ, я имѣю въ виду только болѣе скромную цѣль—представить рядъ набросковъ и воспоминаній, какъ свидѣтельство современника, поставившаго себѣ закономъ—искренность и безпристрастіе даваемыхъ имъ показаній.

Представляемыя здѣсь воспоминанія относятся къ восьмилѣтію 1855—1864 гг. Не всѣ они касаются до графа Блудова, но могутъ оказаться иногда не лишними для изображенія того времени.

1855 годъ отмѣченъ въ исторіи Академіи почти одновременною смѣною двухъ человѣкъ, блюстителей ея интересовъ и вершителей ея дѣлъ. 4-го сентября скончался въ Москвѣ престарѣлый графъ С. С. Уваровъ, распоряжавшійся Академіей почти 38 лѣтъ въ званіи ея президента, а незадолго передъ тѣмъ, именно 10-го января того же года, сошелъ въ могилу многолѣтній *socius laborum*, «потомственный» ея непремѣнныи секретарь Павелъ Николаевичъ Фуссъ, исполнявшій въ ней 30 лѣтъ секретарскую должность ¹⁾). Эти два имени до того срослись съ названіемъ Академіи, и преобладающее вліяніе ихъ на направление всѣхъ ея дѣлъ пустило въ теченіе столь долгаго времени до того глубокіе корни, что и тотъ и другой могли съ полнымъ правомъ, пародируя знаменитое изреченіе Лудовика XIV, сказать о себѣ «Академія—это я», и это тѣмъ болѣе, что время установило между обоими полное согласіе, скажу болѣе: истинную и искреннюю дружбу. Всѣ и въ Академіи, и внѣ ея, до того къ нимъ привыкли, что въ то время нельзя было себѣ представить Академію безъ Уварова и Фусса, и одновременное исчезновеніе ихъ открывало двери въ неизвѣстность.

Назначеніе преемника Уварову было дѣломъ самого государя. Когда министръ просвѣщенія доложилъ ему объ открывшейся вакансіи президента Академіи, государь сказалъ: «Я дамъ ей президента, которымъ она будетъ довольна», и указомъ 26-го ноября 1855 года назначилъ Блудова. Выборъ этотъ, конечно, былъ самый счастливый. По своимъ государственнымъ заслугамъ онъ былъ, можно сказать, первымъ сановникомъ въ Имперіи; многосторонняя образованность и рѣдкія качества прекрасной души соединялись въ немъ съ высокимъ уваженіемъ къ наукѣ,

¹⁾ П. Н. Фуссъ родился въ Петербургѣ въ 1798 году, когда его отецъ, Николай Ивановичъ, былъ уже ординарнымъ академикомъ; ему еще не было и двухъ лѣтъ, какъ отецъ былъ сдѣланъ, 7-го сентября 1800 г., непремѣннымъ секретаремъ, и оставался въ этомъ званіи до самой своей кончины, послѣдовавшей 23-го декабря 1825 г., такъ что секретарство обоихъ Фуссовъ, отца и сына, обнимаетъ собою въ исторіи Академіи періодъ въ 55 лѣтъ. А если присоединить къ нимъ 31 годъ секретарства Іоанна-Альберта Эйлера, связанного съ Фуссами узами родства, то окажется, что эта вліятельная должность находилась въ рукахъ семейства Эйлеръ-Фуссъ непрерывно въ теченіе 86 лѣтъ. Рѣдкій примѣръ пригодный, можетъ быть, для защитниковъ наслѣдственности умственныхъ способностей.

что и отражалось у него въ постоянномъ, неподдѣльномъ благодушномъ расположениі къ ея представителямъ и служителямъ. При этихъ задаткахъ, восьмилѣтнее президентство графа Дмитрія Николаевича было однимъ изъ счастливѣйшихъ для Академіи, а въ особенности для академиковъ.

Не такъ скоро и удачно разрѣшили вопросъ о непремѣнномъ секретарѣ. При томъ значеніі, какое во всякой Академіи имѣть лицо, облеченое этимъ званіемъ, какъ представитель ея въ ученомъ свѣтѣ и какъ органъ, черезъ руки котораго проходятъ всѣ ученыя дѣла ея, выборы въ эту должность составляютъ одно изъ важнѣйшихъ событий во внутренней жизни ученой корпораціи, и поэтому не мудрено, что они приводятъ въ движение весь муравейникъ. Такъ какъ исполненіе всего установленнаго порядка этихъ выборовъ требовало времени, то, во избѣженіе остановки въ отправленіи текущихъ дѣлъ, поручено было, по смерти Фусса, временно исполнять секретарскія обязанности, по физико-математическому отдѣленію—В. Я. Буняновскому, а по историко-филологическому—М. И. Броссе, и затѣмъ началась избирательная агитација, изъ которой выдѣлились два кандидата: одна часть членовъ конференції, дорожа традиціей, по которой секретарствовали въ нашей Академіи почти цѣлое столѣтіе одни математики, стояли за Буняновскаго; другіе, отдавая полную справедливость благородству характера его, находили, что недостатокъ въ немъ самостоятельности и энергіи, при крайней скромности и уступчивости, могло имѣть неблагопріятное вліяніе на ходъ общаго академического дѣла, выставляли своимъ кандидатомъ академика А. О. Миддендорфа. Борьба между ними была очень оживленная и кончилась 7-го апрѣля 1855 г., еще до президентства графа Блудова—избраніемъ въ непремѣнныиіе секретари Миддендорфа, т. е. человѣка, наименѣе созданнаго и приготовленнаго для этой должности, какъ это оказалось потомъ на дѣлѣ.

Гр. Блудовъ, при вступленіи своемъ въ Академію президентомъ, засталъ, что званіе вице-президента носилъ князь Сергій Иванович Давыдовъ, именно—только носилъ, такъ какъ онъ не принималъ почти никакого участія въ дѣлахъ Академіи. Это былъ человѣкъ пожилой, много послужившій, въ то время уже сенаторъ, и хотя свѣтски и образованный, но при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ невольно возникъ вопросъ: какое отношеніе могло быть между нимъ и высшимъ ученымъ учрежденіемъ. И самъ собою кстати вспоминался отзывъ историка университета св. Владимира о дѣятельности кн. Давыдова, какъ попечителя Киевскаго учебнаго округа ¹⁾.

¹⁾ Исторія Імп. Університета св. Владимира, сост. М. Ф. Владимирський-Будановъ, т. I, стр. 175.

Тамъ читаемъ: кн. Давыдовъ былъ «повидимому, не чуждъ общаго, болѣе свѣтскаго просвѣщенія», но «незнакомство его съ сферою для него совершенно новою и крайняя лѣнность и беспечность побуждали его отдаваться въ руки другихъ. Ему было тягостно посѣщать университетъ. Если иной разъ приходилъ онъ въ университетъ во время экзаменовъ, то развѣ отъ скучи; онъ садился на студентской скамьѣ и рисовалъ карандашемъ головки, а рисовалъ онъ очень хорошо; съ такимъ же небреженіемъ относился онъ и къ текущимъ дѣламъ по управлению окружомъ». Тѣмъ же характеромъ отличалось и пребываніе его въ званіи вице-президента Академіи; дѣлами ея онъ очевидно не интересовался; почти никогда не бывалъ въ засѣданіяхъ и собраніяхъ конференціи, разумѣя повидимому указанія устава такъ, что должностъ вице-президента состоить лишь въ томъ, чтобы замѣнять президента въ случаѣ его болѣзни или отсутствія. Всѣ прикосновенія къ нему Академіи состояли только въ томъ, что ему иногда посыпались для подписанія неважныя бумаги, изъ комитета правленія, касавшіяся хозяйственной части и личнаго состава служащихъ. Такое положеніе было для него тѣмъ естественнѣе, что и гр. Блудовъ никогда не возлагалъ на него никакихъ порученій по Академії. Что касается академиковъ, то всѣ ихъ прикосновенія къ нему заключались лишь въ томъ, что они въ Новый годъ ъздили къ нему записываться въ поздравительную книгу, лежавшую для этого въ его прихожей¹⁾.

Однимъ изъ первыхъ распоряженій гр. Блудова по вступленіи его на президентство было назначеніе особой комиссіи для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ приложенія дѣйствующихъ для Академіи законоположеній. Поводомъ къ этому распоряженію послужили

¹⁾ Кн. С. И. Давыдовъ происходилъ изъ князей Грузинскихъ, которыхъ родъ получилъ свое начало отъ сына царя кахетинскаго Александра I († 1511), царевича Дмитрия, сына которого — Давидъ получилъ княжеское достоинство и сдѣлался родоначальникомъ этой фамиліи. — Изъ потомковъ его — сынъ князь Ивана Михайловича — кн. Сергій Ивановичъ родился въ 1790 г. Воспитаніе получилъ въ домѣ родителей, а потомъ учился въ университетахъ Геттингенскомъ и Оксфордскомъ. Въ 1809 г. поступилъ въ гражданскую службу, которую въ 1812 г. перемѣнилъ на военную, и, дослужившись до полковничьяго чина, вышелъ въ 1825 г. въ отставку. Въ 1827 г. поступилъ опять въ гражданскую службу, въ которой назначенъ въ 1828 г. витебскимъ, а въ 1832 г. гродненскимъ вице-губернаторомъ, въ 1833 г.—правителемъ Бѣлостокской области, въ 1835 г.—минскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а въ 1838 г.—попечителемъ Киевскаго учебнаго округа, въ 1845 г. сенаторомъ, и наконецъ въ 1852 г. 18-го марта вице-президентомъ Академіи Наукъ. Изъ этой должностіи уволенъ 7-го августа 1863 г., скончался 17-го марта 1878 г.—Такимъ образомъ, біографія его вся умѣщается въ рамкѣ гражданской службы, въ исторіи же Академіи онъ прошелъ, какъ тѣнь, не оставляющая по себѣ никакого слѣда.

дошедшія до Блудова мнѣнія и желанія нѣкоторыхъ членовъ отдѣленія русскаго языка и словесности. Одни изъ этихъ членовъ находили неумѣстною и невыгодною ту обособленность отъ двухъ остальныхъ отдѣленій, которыя были установлены изданнымъ въ 1841 г. Положеніемъ о II отдѣленіи; другіе же напротивъ считали эту самую обособленность, и какъ слѣдствіе ея—извѣстнаго рода самостоятельность и независимость отъ конференціи Академіи,—за драгоцѣнную привилегію отдѣленія, которая должна быть сохранена и придавать отдѣленію характеръ преемницы и наслѣдницы созданной Великой Екатериной—Россійской Академіи.

И вотъ, предложеніемъ 1-го марта 1856 года графъ Блудовъ поручилъ Академіи избрать изъ среды своей комиссію, по два члена отъ каждого отдѣленія, «для разсмотрѣнія разныхъ вопросовъ, возникающихъ при соглашеніи устава Академіи 1836 года съ изданнымъ въ 1841 году Положеніемъ объ отдѣленіи русскаго языка и словесности». Членами этой комиссіи были избраны по I-му отдѣленію Ленцъ и Гельмерсенъ; по II-му отдѣленію—Плетневъ и Никитенко, и по III-му отдѣленію Кеппенъ и я; впослѣдствіи вместо Гельмерсена назначенъ былъ членомъ Остроградскій, а на мѣсто Плетнева—Срезневскій.

Съ первого приступа къ своимъ занятіямъ комиссія натолкнулась на подводный камень. По издавна установленному ею обычаю, да и по указаніямъ устава, во всѣхъ собраніяхъ, какъ конференціи, такъ и особыхъ комиссій, если не присутствуетъ президентъ или вице-президентъ, право предсѣдательствовать принадлежитъ непремѣнному секретарю; на этомъ основаніи Миддендорфъ и сталъ было предсѣдательствовать въ комиссіи; но это, Богъ знаетъ почему, показалось обиднымъ для предсѣдательствовавшаго въ то время въ отдѣленіи русскаго языка и словесности, властолюбиваго и тщеславнаго И. И. Давыдова, который захотѣлъ играть въ этомъ дѣлѣ первенствующую роль. Отсюда произошло столкновеніе съ Миддендорфомъ, который, понятно, не хотѣлъ добровольно поступиться неотъемлемымъ, принадлежавшимъ ему правомъ. Споръ о предсѣдательствѣ затянулся не къ пользѣ дѣла и разрѣшился тѣмъ, что Блудовъ, предложеніемъ 31-го марта, назначилъ И. И. Давыдова предсѣдателемъ комиссіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ Миддендорфу, какъ непремѣнному секретарю, принимать участіе во всѣхъ разсужденіяхъ комиссіи.

Это насилиственное вмѣшательство Давыдова въ это дѣло вызвало величайшее неудовольствіе академиковъ, и они, поддаваясь весьма обыкновенному человѣческому чувству, вымѣщали свою досаду нѣмою обструкціей, держась въ засѣданіяхъ пассивной роли и предоставивъ самому Давыдову, мало знакомому съ внутреннею жизнью Академіи наукъ и чуждому ея интересамъ, разбираться самому въ этомъ дѣлѣ.

*

Легко себѣ представить, какъ, при такихъ условіяхъ, должна была идти работа: она была большою тратою времени; породила много горячихъ споровъ и стоила немалой порчи крови. Первое засѣданіе комиссіи, подъ предсѣдательствомъ И. И. Давыдова, происходило 5-го апрѣля 1856 года, а кончила она свои труды только въ мартѣ 1857 года, внесенiemъ въ общее собраніе конференціи проекта нового устава Академіи, который и былъ конференцію одобренъ въ засѣданіи 30-го мая 1857 года.

Когда я, вслѣдъ затѣмъ, исправляя уже обязанности непремѣнного секретаря, представилъ графу Блудову этотъ такими трудными родами вымученный плодъ занятій комиссіи, графъ принялъ его очень холодно и спросилъ только, предполагается ли при этомъ какое-либо увеличеніе отпуска на Академію суммъ изъ казны. Когда же я ему доложилъ, что въ представляемомъ проектѣ такое увеличеніе составило бы до 30.000 руб. въ годъ, графъ сказалъ мнѣ очень опредѣльно и ясно почти текстуально слѣдующее: «вотъ видите, мнѣ очень хорошо известно нынѣшнее затруднительное положеніе нашихъ государственныхъ финансъ, вынуждающее ограничиваться при назначеніи новыхъ расходовъ крайнею неотложностью; характера такой неотложности потребности науки и Академіи не имѣть, и я составленному вами проекту нового устава не могу дать хода». При этомъ онъ мнѣ возвратилъ, даже не развернувъ его, представленный ему проектъ; и комиссіи пришлось только сказать: «oleum et oregam perdidis».

Вотъ, что была въ сущности эта комиссія, съ точки зрѣнія правдивой исторіи; но не таковою она изображалась устами современныхъ академическихъ ораторовъ. Въ похвальномъ словѣ, произнесенномъ вскорѣ послѣ смерти Блудова, въ общемъ собраніи Академіи 6-го марта 1864 г., академикъ А. В. Никитенко, увлекаясь естественнымъ при надгробныхъ рѣчахъ желаніемъ превознести чествуемую личность, зашелъ слишкомъ далеко, приписавъ Блудову реформаторскія вождѣнія по отношенію Академіи. «Вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность президента, — сказалъ Никитенко, — Блудовъ предпринялъ измѣнить устройство Академіи согласно съ требованиями времени, обновить, такъ сказать, ея организацію и усилить ея материальные средства». Академическое краснорѣчіе пользуется иногда особою вольностью, почти даже правомъ усиливать краски, хотя бы съ нѣкоторою неточностью относительно истины; но исторія такого права не имѣть, она не можетъ принимать реторическія фіоритуры за свидѣтельскія показанія: для нея одинъ законъ — голая истина, безъ румянъ и прикрасъ. А исторія обязана сказать, что ни о какой реформѣ Академіи Блудовъ никогда не думалъ; никакихъ указаній въ этомъ смыслѣ членамъ комиссіи никогда не

дѣлалъ, предоставляя имъ, какъ ближе знакомымъ съ положеніемъ и нуждами Академіи, полную свободу высказаться по своему усмотрѣнію. Наконецъ, Блудовъ былъ слишкомъ опытный государственный дѣятель, чтобы предпринимать реформу чего-нибудь при отсутствіи положительныхъ фактовъ, указывающихъ на ея необходимость; а такихъ фактовъ Академія не представляла; измѣненіе редакціи нѣкоторыхъ параграфовъ устава, какую имѣлъ въ виду Блудовъ, еще не есть реформа, и если въ послѣдніе годы президентства его снова возникла мысль о новомъ уставѣ для Академіи, то починъ исходилъ не отъ Блудова, а отъ бывшаго тогда министромъ А. В. Головкина, бывшаго, какъ известно, большимъ охотникомъ надѣлять всѣ бывшія въ его вѣдомствѣ учрежденія новыми уставами.

Признавъ по обстоятельствамъ времени не возможнымъ думать о какомъ-либо увеличеніи денежныхъ средствъ Академіи на счетъ государственного казначейства, Блудовъ за то, стойко оберегалъ тѣ средства, какими она пользовалась, отъ всякихъ посягательствъ на нихъ для постороннихъ надобностей. Такъ, въ одномъ году когда въ министерствѣ просвѣщенія не достало средствъ для выдачи ежегодныхъ пособій минералогическому и нѣкоторымъ другимъ ученымъ обществамъ, Норовъ рѣшилъ выдать такое пособіе изъ экономическихъ суммъ, которая въ то время, т. е. до введенія въ 1863 году правилъ составленія государственныхъ сметъ и системы единства кассы, были въ распоряженіи Академіи. Когда обѣ это мѣсто дошло до свѣдѣнія Блудова, то онъ, вопреки министерскаго распоряженіи, рѣшительно въ такой выдачѣ отказалъ. Это привело Норова въ величайшій гнѣвъ, и вотъ какое средство онъ придумалъ, чтобы выместить свою досаду. Пригласивъ меня къ себѣ на обѣдь, онъ во все время, что мы сидѣли за столомъ, формально пушилъ меня, что называется, распекалъ меня по-начальнически, и это еще въ присутствіи постороннихъ, такъ какъ тутъ же были еще кто-то изъ его семейства, и какой-то чиновникъ, кажется, его секретарь. Такая вспыльчивость была въ натурѣ вообще добродушиаго и даже слабохарактернаго Норова. «Видано ли это,—говорилъ онъ,—я министръ, и не могу распорядиться въ подвѣдомой мнѣ Академіи! На что это похоже!» Напрасно я ему объяснялъ, что я тутъ былъ ни при чемъ, что о распоряженіи Блудова я до той минуты даже ничего не зналъ (я въ то время не присутствовалъ въ комитетѣ правленія Академіи, по которому состоялось это распоряженіе); Норовъ, разъ расходившись, продолжалъ свои упреки, забывъ или не желая знать, что такое своеобразное гостепріимство онъ оказываетъ своему гостю, а не своему подчиненному.

Я уже сказалъ, что за полгода до назначенія графа Блудова президентомъ, академикъ Миддендорфъ былъ избранъ въ непремѣнныя

секретари. Трудно себе представить, что заставило его принять это звание. Произведя обширные изыскания для изучения природы на огромных пространствах русского севера — в экспедицию 1840 г., в сообществе К. М. Бера, к Белому и Ледовитому морям, съ 1842 по 1844 гг. въ академическую экспедицию на север Сибири, Миддендорфъ былъ въ то время весь погруженъ въ разработку привезенныхъ изъ этихъ экспедицій материаловъ и съ большимъ одушевлениемъ трудился надъ своимъ монументальнымъ «Сибирскимъ путешествиемъ», составившимъ ему громкую славу въ ученомъ свѣтѣ. Послѣ трудовъ такого рода, лежащія на непремѣнномъ секретарѣ канцелярскія занятія представлялись ему слишкомъ скромными и не интересными; они тѣмъ болѣе были для него докучливы, что до того времени онъ не имѣлъ случая освоиться съ порядками официального дѣлопроизводства. Не желая никакъ жертвовать для нихъ временемъ, необходимымъ для ученыхъ занятій, онъ устроилъ секретарскую часть слѣдующимъ образомъ: все до-обѣдненное время было у него отдано наукѣ, а для письменныхъ занятій по должности непремѣнного секретаря онъ назначилъ вечерніе часы. При такомъ порядке не только значительно сокращалось время для этихъ занятій, но и являлись разныя неудобства для сношеній съ канцеляріею секретаря. Затрудняясь составленіемъ дѣловыхъ бумагъ, онъ для этого называлъ особаго чиновника, титуларного советника Альберта Альбертовича Люджера, столоначальника въ гидографическомъ департаментѣ морскаго министерства, свѣдущаго въ иностранныхъ языкахъ, которому онъ платилъ за его работу изъ собственныхъ своихъ средствъ; онъ-то собственно и былъ редакторомъ всѣхъ бумагъ Миддендорфовой канцеляріи¹). Когда я послѣ Миддендорфа вступилъ въ завѣдываніе канцеляріей конференціи, то нашелъ дѣла въ большомъ беспорядкѣ. Напримѣръ, съ писемъ и отношеній, которыхъ отправлялись изъ канцеляріи въ разныя мѣста и разнымъ лицамъ, не оставлялись при дѣлахъ копіи, или такъ называемые отпуски и мнѣ приходилось года два послѣ того распутывать дѣла и пополнять по возможности старыя упущенія. Когда я говорилъ объ этомъ Миддендорфу, именно о неимѣніи при дѣлахъ копій съ того, что имъ куда-нибудь писано, то онъ отвѣчалъ: «и, и, батенька, всѣ мы и все вами писанное потонетъ въ Летѣ забвенія; не стоятъ они сохраненія». Такая примѣсь философіи къ канцелярскому порядку довольно характеризуетъ этотъ порядокъ.

Къ счастію, секретарствованіе Миддендорфа было не продолжительно.

¹) Этаотъ Люджеръ былъ сынъ Генріеты Люджеръ, урожденной Рочфоръ, содержавшей въ 1830 годахъ въ Петербургѣ пансіонъ для девицъ и о которой сохранилъ извѣстія графъ Бутурлинъ въ своихъ любопытныхъ запискахъ въ „Русскомъ Архивѣ“, 1897 г. № 2, стр. 243 и № 3, стр. 409 и 440.

Не долѣе года по избранію его въ непремѣнныя секретари, онъ по приглашенію военнаго вѣдомства, принялъ участіе въ составлениі устава кавалерійской службы, и по этому поводу онъ просилъ объ увольненіи его отъ занятій по должностіи секретаря и его обязанности по этой части были возложены на меня. Вступивъ затѣмъ 2-го ноября 1856 г. въ отправленіе секретарской должностіи, онъ скоро заболѣлъ горломъ (съ потерей голоса) и уѣхалъ на четыре мѣсяца, съ 23-го мая по 20-е сентября 1857 года за границу для лѣченія на минеральныхъ водахъ, и мнѣ пришлось вторично исправлять его должностіи. Въ томъ же году, 1-го ноября, онъ просилъ и получилъ полное увольненіе отъ званія непремѣннаго секретаря, обязанности котораго были исполняемы имъ менѣе двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ я, замѣняя его, вполнѣ ознакомился съ этою должностію, да и товарищи мои имѣли достаточно времени, чтобы испытать меня съ этой стороны; такъ что когда назначены были новые выборы на эту должностію, то избраніе мое въ общемъ собраніи конференціи 1-го ноября 1857 г. состоялось такимъ огромнымъ, лестнымъ для меня большинствомъ голосовъ (30 изъ 34 баллотировавшихъ), что мнѣ оставалось только повиноваться такъ дружно высказанному желанію товарищѣй.

Миддендорфъ, въ бытность свою непремѣннымъ секретаремъ, составлялъ какъ бы центръ, около котораго охотно группировались учёные и образованные люди, будучи привлекаемы къ нему его значеніемъ въ наукѣ, его умомъ и остроумiemъ, его любезностью и привѣтливостью. Устроенные имъ тогда у себя еженедѣльные, по воскресеньямъ, журъ-фіксы были весьма многолюдны и оживленны; здесь всегда можно было встрѣтиться съ интересными личностями изъ міра учёного, медицинскаго, педагогическаго, и просто съ людьми пресвѣщенными, интересующимися наукой. Кто-нибудь изъ гостей, а чаще всего самъ хозяинъ, читалъ составленное специально для этой цѣли полуученое, полуушутливое изложеніе какой-нибудь интересной темы, для оживленія бесѣды, въ ожиданіи скромнаго, но всегда веселаго ужина, которымъ кончался вечеръ. Всѣ академики, т. е. члены всѣхъ трехъ отдѣленій, были разъ на всегда приглашены на эти журъ-фіксы; но не знаю, почему никто изъ членовъ втораго отдѣленія на нихъ не показывался; имѣли ли они что-либо лично противъ Миддендорфа, или же причиною ихъ отсутствія было то, что фамилія хозяина кончалась на дорфъ и что онъ былъ лютеранинъ, не знаю.

Я охотно бывалъ на этихъ вечерахъ, находя удовольствіе быть въ обществѣ людей образованныхъ, связанныхъ между собою узами радушной пріязни. Но это послужило тогда нѣкоторымъ лицамъ, ко мнѣ недоброжелательнымъ, поводомъ распускать слухи о моемъ пристрастіи къ нѣмцамъ. Что такие слухи тогда ходили, я узналъ изъ такого источ-

ника, который имѣлъ для меня особое значение; обѣихъ сообщилъ мнѣ вскорѣ по назначеніи меня непремѣннымъ секретаремъ самъ графъ Блудовъ. Понятно, что къ такому упреку, исходившему изъ такихъ устья, я не могъ оставаться равнодушнымъ, тѣмъ болѣе, что я легко угадывалъ, гдѣ эти слухи зарождались, и догадывался о не совсѣмъ дружелюбныхъ чувствахъ со стороны нѣкоторыхъ товарищей. «Враговъ имѣть въ мірѣ всякъ». Поэтому обдумавъ хорошенько свое положеніе въ Академії, я рѣшился лучше сложить съ себя званіе непремѣнного секретаря, чѣмъ испытывать недоброжелательство тѣхъ, кому не успѣль угодить, и вслѣдствіе этого отправилъ къ графу Блудову письмо слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь графъ Дмитрій Николаевичъ! При послѣднемъ докладѣ моемъ ваше сіятельство изволили сообщить мнѣ замѣчаніе о распространившемся, какъ въ самой Академії, такъ и въ оной, обвиненіи меня въ пристрастномъ направленіи мною дѣлъ Академіи въ пользу соченовъ нѣмецкаго происхожденія и въ ущербъ русскихъ ученыхъ изъ соотечественниковъ. Обвиненіе въ недостаткѣ патріотизма должно быть тяжко для всякаго гражданина, любящаго свое отчество, для всякаго честнаго человѣка, дорожащаго своимъ именемъ; но еще тяжелѣе для того, кто, будучи облечень общественнымъ довѣріемъ, поставленъ на такую должность, при исполненіи которой онъ дѣйствуетъ отъ имени цѣлаго сословія и можетъ имѣть болѣе или менѣе вліянія на ходъ общаго дѣла. Наконецъ, еще менѣе могу я оставаться равнодушнымъ къ подобному обвиненію предъ лицомъ вашего сіятельства, какъ начальника и покровителя Академіи, коего высокія и всѣмъ извѣстныя чувства патріотизма и справедливости должны непремѣнно осуждать человѣка, подвергшагося такому важному обвиненію. Въ сихъ обстоятельствахъ настоящее мое объясненіе кажется мнѣ священнымъ моимъ долгомъ.

«Я никогда не искалъ мѣста непремѣнного секретаря. Вступая въ Академію, я радовался лишь возможности исключительно предаться наукѣ, въ которой находилъ большии душевной отрады, чѣмъ въ практической жизни. Еще гораздо прежде избранія меня въ секретари, я всѣми силами отклонялъ отъ себя предложения нѣкоторыхъ соченовъ моихъ, которые уже тогда говорили мнѣ обѣ ихъ желаніи содѣйствовать такому избранію; и если послѣ того я рѣшился принять званіе секретаря, то единственно уступая почти единодушному желанію моихъ соченовъ, выразившемуся столь лестнымъ для меня образомъ, въ баллотировкѣ общаго собранія 1-го ноября 1857 года. Въ голосѣ общаго избранія есть какое-то обаяніе, противъ котораго не всякий можетъ устоять. Тѣмъ не менѣе, даже принявъ должность, съ которой соединенъ нѣкоторый почетъ, я считалъ, что принесъ съ своей стороны жертву Академіи. Не говорю уже о томъ, что при этомъ я долженъ

былъ отказаться отъ выгодъ гражданской карьеры въ то самое время, когда, послѣ 20 лѣтней службы, она начинала манить меня уже не-слишкомъ несбыточными надеждами повышенія, и отъ такихъ, довольно значительныхъ для меня, материальныхъ выгодъ, отъ которыхъ отецъ семейства и человѣкъ, живущій единственно своими трудами, можетъ быть не всегда и въ правѣ отказываться; но главною съ моей стороны жертвою я считалъ то, что, принимая на себя обязанности, для исполненія которыхъ едва доставало всего моего времени, я долженъ быть разстаться съ занятіями наукой, которой себя посвятилъ, и отказаться отъ спокойствія кабинетной жизни, которое столько цѣнилъ. Смѣю самымъ чистосердечнымъ образомъ удостовѣрить ваше сіятельство, что душевно и искренне былъ бы радъ, если бы въ то время выбрать Академіи паль не на меня. Но разъ решившись принять на себя обязанности, при исполненіи которыхъ неизбѣжно столкновеніе съ весьма различными характерами, убѣжденіями и стремленіями, я твердо рѣшился неуклонно руководствоваться одними правилами строжайшаго безпристрастія, и нисколько не жертвуя своими собственными убѣженіями, ибо человѣкъ безъ твердыхъ убѣженій не достоинъ быть представителемъ какого бы то ни было сословія,—всякое дѣло направлять, по крайнему моему разумѣнію, единствено съ точки зреянія требованій науки и достоинства Академіи. Я всегда былъ далекъ отъ духа партий, а еще менѣе имѣть сочувствія къ тѣмъ, которые подымаютъ раздоръ во имя одной національности. Смотрѣть непріязненно и завистливо на нѣмцевъ значитъ имѣть слишкомъ мало вѣры въ жизненные силы и будущность Россіи. Когда же дѣло идетъ о наукѣ, то вліянія вопроса о національности кажутся мнѣ совершенно неумѣстными, и созданное недавно, писателями извѣстнаго рода, слово: Ру́сская наука считаю решительно лишеннымъ всякаго смысла. Если національные раздраженія вносятся иногда нашею современною литературую въ область ученыхъ споровъ, то это служить только доказательствомъ младенчества у насъ науки, которой міровое значеніе еще не достаточно сознается. Но въ Академіи, какъ соединеніи главныхъ представителей науки, какъ высшаго ученаго сословія, коего задача состоитъ въ расширеніи области человѣческихъ знаній, всякія увлеченія чувствъ національности были бы крайне неумѣсты и не только оскорбляли бы достоинство науки, но и служили бы укоромъ для цѣлой Академіи. — Академикъ, будь онъ русскій или нѣмецъ, если онъ добросовѣстно и по мѣрѣ силъ трудится надъ наукой, достоинъ въ одинаковой степени признательности. — Иностранцы, оставляющіе свое отечество для того, чтобы привести намъ сокровища своихъ знаній и помочь намъ въ дѣлѣ водворенія у насъ науки, достойны столько же благодарности Россіи, какъ и природные русскіе, успѣшно дѣйствующіе на томъ же

поприщѣ. — Но когда среди этой самой Академіи, нѣкоторые русскіе позволяютъ себѣ наносить жестокія оскорблѣнія своимъ товарищамъ во имя ихъ не русскаго происхожденія, то такие поступки могутъ только возбуждать негодованіе всякаго самаго даже искренняго патріота, если онъ при этомъ сколько-нибудь образованный человѣкъ. Я былъ свидѣтелемъ подобныхъ поступковъ и долженъ былъ краснѣть за Россію. Тѣ, которые позволяли себѣ подобные поступки, доказывали ими, что они не понимаютъ ни своихъ обязанностей въ отношеніи къ Академіи, ни своего положенія въ отношеніи къ наукѣ. Раздѣлять ихъ слѣпая и заносчивыя увлеченія я, конечно, не могу, а это должно было послужить въ глазахъ ихъ достаточнымъ поводомъ къ обвиненію меня въ пристрастіи къ нѣмцамъ.

«Скажу болѣе — мое чувство національности гораздо глубже оскорбляется подобными поступками нѣкоторыхъ русскихъ, чѣмъ сознаніемъ того несомнѣннаго и объясняемаго исторію факта, что въ дѣлѣ науки мы еще далеко отстали отъ нѣкоторыхъ народовъ Европы и въ особенности отъ нѣмцевъ. Это аксіома для всякаго, кто изучалъ современное состояніе науки добросовѣтно, не внося въ мирную область знанія нѣумѣстныхъ въ этомъ дѣлѣ и всегда слѣпыхъ увлеченій ложнаго патріотизма.

«Безприострастіе, которое я себѣ поставилъ путеводною птицей при отправленіи обязанностей секретарскихъ, и отъ котораго я, по моему убѣжденію, никогда не отступалъ, заставляетъ меня сказать, что въ Академіи нѣть партій; что если, съ одной стороны, нѣкоторые, впрочемъ немногіе русскіе, члены ея вносятъ, къ прискорбію, даже въ сферу чисто ученой дѣятельности постороннюю примѣсь запальчивыхъ страстей худо понимаемаго патріотизма, то съ другой стороны нѣмцы (я съ сожалѣніемъ употребляю эти неточныя названія; но это для краткости) далеки отъ того, чтобы платить имъ тѣмъ же; они скорбятъ о нихъ, пренебрегаютъ ихъ оскорблѣніями, чѣмъ, конечно, доказываютъ свое нравственное превосходство. Они любятъ Россію и русскихъ, и доказываютъ это тѣмъ, что посвящаютъ свои труды пользѣ Россіи. Тѣ самые нѣмцы, которымъ нѣкоторые столь несправедливо приписываютъ непріязненное настроеніе противъ всего русскаго, первые радуются всякому проявленію науки между природными русскими и ничего не желаютъ усерднѣе, какъ возможности призывать въ среду Академіи нашихъ отечественныхъ ученыхъ. Съ 1850 года принято въ Академію наукъ (по I и III отдѣленіямъ оной) 12 новыхъ членовъ: изъ нихъ 7 природныхъ русскихъ, 3 изъ уроженцевъ Остзейскихъ губерній, которые, какъ уроженцы части имперія, должны быть принимаемы наравнѣ съ русскими, и только двое изъ новыхъ членовъ суть иностранцы. Эти цифры достаточно доказываютъ, что Академія внимательно слѣ-

дитъ за движеньемъ науки въ отечествѣ и не упускаетъ случая призывать въ свой составъ отечественныхъ ученыхъ, когда къ тому представляется возможность.

«Но какъ бы я ни чувствовалъ, въ своей собственной совѣсти, убѣженія, что въ продолженіе кратковременнаго пребыванія моего въ должности непремѣнного секретаря, всегда, во всѣхъ случаяхъ поступалъ безъ всякой пристрастія и руководствовался ежедневно соображеніями о выгодахъ науки и достоинствѣ Академіи; тѣмъ не менѣе зная, что никто въ своемъ собственномъ дѣлѣ судью быть не можетъ, охотно отдаю свои поступки и дѣйствія на судъ другихъ. Если, какъ ваше сіятельство изволили замѣтить, обвиненія меня въ пристрастіи къ нѣмцамъ слышатся и въ Академіи, и внѣ оной, то можетъ быть, что такія обвиненія имѣютъ достаточныя основанія. Если такими основаніями служать мои убѣжденія, которыя я со всею откровенностью изложилъ выше предъ вашимъ сіятельствомъ, то мнѣ остается только сожалѣть объ этомъ; но убѣжденія мои перемѣнить уже не въ моей власти, ибо они плодъ наблюдений, размышеній и опытовъ всей моей жизни. Но благо общее должно быть для каждого выше личныхъ разсчетовъ, и если я, какъ человѣкъ пристрастный, не заслуживаю болѣе довѣрія, а безъ довѣрія нельзѧ, съ пользою для общаго дѣла, исполнять столь трудныя обязанности непремѣнного секретаря, то я готовъ, безъ малѣйшаго колебанія, сложить съ себя сіе званіе.

«Высокія чувства великодушія и справедливости вашего сіятельства, которыя я имѣль счастіе извѣдать, будучи поставленъ обязанностями своей должности въ столь непосредственный отношенія къ вашему сіятельству, служать мнѣ порукою въ томъ, что ваше сіятельство оцѣните истинныя мои побужденія въ настоящемъ случаѣ, а потому не лишите меня, и какъ просто лишь академика, благосклоннаго и столь высоко цѣнимою мною расположенія вашего».

Не прошло и двухъ часовъ, послѣ того какъ я отправилъ это письмо, какъ прїѣзжаетъ курьеръ, съ приглашеніемъ, чтобы я тотчасъ же явился къ Блудову. Онъ принялъ меня до чрезвычайности любезно, почти извинялся, что нечаянно и неумышленно оскорбилъ меня; говоря, что онъ и не думалъ упрекать меня въ недостаткѣ безпристрастія, а сообщалъ только, въ видѣ разговора, о ходившихъ о томъ слухахъ, которымъ онъ самъ не вѣрить; и заключилъ тѣмъ, что на увольненіе меня отъ должности непремѣнного секретаря онъ не согласенъ, такъ какъ считаетъ, что мое удаленіе было бы потерей для Академіи, и онъ отпустилъ меня только послѣ того, какъ взялъ съ меня слово объ увольненіи и не думать.

Такія объясненія изъ усть такого прямаго и симпатического человѣка, какъ Блудовъ, обезоружили меня, и я остался.

По множеству лежавшихъ на немъ дѣлъ государственной важности, графъ Блудовъ не могъ часто присутствовать въ засѣданіяхъ Академіи; въ засѣданія отдаленій онъ никогда не пріѣзжалъ. Но, желая показать свое вниманіе къ Академіи, онъ въ первые годы своего президентства, пока позволяло ему здоровье, бывалъ въ засѣданіяхъ общаго собранія конференціи, при чемъ постоянно выказывалъ замѣчательную любознательность, вызывая объясненія объ ученыхъ вопросахъ, о которыхъ упоминалось въ читаемыхъ въ его присутствіи протоколахъ засѣданій. Такъ, услышавъ, что астрономы, для опредѣленія своихъ уравненій, прибѣгаютъ къ наблюденію искусственныхъ звѣздъ, онъ полюбопытствовалъ узнать, что это за звѣзды; на это старикъ В. Я. Струка замѣтилъ, что это очень сложный вопросъ, и что онъ боится утомить вниманіе графа слишкомъ длинными объясненіями, какія были бы для этого необходимы, чтобъ повидимому не очень понравилось любознательному президенту.

Но къ сближенію президента съ академиками служили не столько присутствіе въ собраніяхъ конференціи, сколько застольныя бесѣды съ ними.

Блудовъ не былъ охотникъ до большихъ обѣдовъ и банкетовъ; но не любилъ также обѣдать одинъ. Время обѣда было для него време-немъ отдыха отъ государственныхъ дѣлъ, въ теченіе котораго лучшимъ развлечениемъ отъ нихъ служила для него бесѣда съ умными и образованными людьми. Поэтому у него ежедневно было три, четыре и рѣдко болѣе приглашенныхъ, передъ которыми онъ расточалъ всѣ чары своей любезности; при его многосторонней образованности, при его живости ума, громадной памяти и словоохотливости, разговоры съ нимъ были для собесѣдниковъ необыкновенно занимательны и поучительны. Особенно неистощимъ былъ Блудовъ въ занимательныхъ разсказахъ о современныхъ и прошедшихъ, важнѣйшихъ событияхъ политической и литературной исторіи Россіи,—разсказахъ, источникомъ для которыхъ служило знакомство Блудова съ массою архивныхъ документовъ и важнѣйшихъ дѣлъ, въ которыхъ онъ самъ участвовалъ въ теченіе своей долгой и дѣятельной жизни.

Къ такимъ-то обѣдамъ и были нерѣдко приглашаемы то тотъ, то другой изъ академиковъ; и я не разъ бывалъ удостоиваемъ этой чести и всегда впослѣдствіи сожалѣль, что въ то время не записывалъ всѣ интересные и поучительные разсказы, которые удавалось мнѣ на этихъ обѣдахъ слышать изъ устъ Блудова.

По окончаніи обѣда, хозяинъ и гости переходили въ гостиную гра-фини, гдѣ подавали кофе и продолжалась начатая за столомъ бесѣда, пока Блудовъ, опустивъ незамѣтно руку въ карманъ, не надавливалъ пружины своихъ часовъ съ репетиторомъ. Это было сигналомъ, что

гости должны были удаляться, тогда хозяинъ требовалъ къ себѣ своего секретаря или другаго чиновника своей канцеляріи и начиналъ свои вечернія занятія государственными дѣлами.

Однажды, когда я былъ приглашенъ къ Блудову на обѣдъ, онъ былъ за столомъ въ очень хорошемъ расположении духа, по обыкновенію любезенъ и разговорчивъ, но когда послѣ обѣда мы перешли въ гостиную графини, гдѣ подавали кофе, графъ вдругъ пришелъ въ какое-то возбужденное состояніе и сталъ певать, что въ русской Академіи до сихъ порь нѣтъ настоящаго представителя русской исторіи, и говорилось это тономъ упрека. Конечно, внутренне я не могъ не соглашаться съ Блудовымъ; но съ формальной стороны могъ бы замѣтить, что, по уставу, въ Академіи полагается лишь одна ординатура по исторіи, и ее занимаетъ Н. Г. Устряловъ, а экстраординарнымъ академикомъ по этой же части состоитъ А. А. Куникъ; оба они избраны были задолго до моего вступленія въ Академію, такъ что въ избраніи ихъ я не участвовалъ и поэтому не могу нести никакой ответственности за ихъ избраніе. Но всего этого, чтѣ впрочемъ и самъ Блудовъ долженъ былъ знать, я не счелъ возможнымъ тутъ же напомнить ему, зная по опыту, что это могло бы только болѣе раздражить Блудова, и поэтому я отвѣчалъ на его попрекъ уклончиво, общими мѣстами, въ возможно примирительномъ духѣ. Но во всякомъ случаѣ такая вспышка неудовольствія меня очень удивила, и я стороной узналъ, что было поводомъ къ ней, и узналь слѣдующее: утромъ того же дня у графини былъ профессоръ Московскаго университета С. М. Соловьевъ, обыкновенно прѣбывавшій, во время университетскихъ вакацій, въ Петербургѣ, для собиранія въ государственномъ архивѣ материаловъ для своихъ работъ. Этимъ все объяснялось. Соловьевъ считалъ кровною для себя обидою, что онъ, авторъ многотомной «Русской Исторіи», до сихъ порь не членъ Академіи Наукъ, въ которой сидѣть ненавистный ему Куникъ, котораго трудовъ онъ, кажется, совсѣмъ не признавалъ, какъ и не особо высоко цѣнилъ имъ автора неконченной исторіи «Петра Великаго». Куникъ съ своей стороны платилъ Соловьеву такою же взаимностью; когда, послѣ смерти Устрялова, предстояло избрать ему преемника по ординатурѣ, то въ комиссіи, на которую было возложено избрать кандидата, одно упоминаніе имени Соловьева приводило Куника въ неистовство, и потому, чтобы дѣйствовать примирительно, сю предложеніе былъ Н. В. Калачевъ, а Соловьевъ былъ избранъ членомъ Академіи по отдѣленію русскаго языка и словесности.

Вспоминается мнѣ при этомъ еще другой эпизодъ, связанный съ обѣдами у графа Блудова, случившійся въ первыхъ числахъ апрѣля 1859 года. Гости, приглашенные къ обѣду, собирались, въ ожиданіи появленія хозяина, въ гостиной графини; подойдя къ дверямъ этой ком-

ната, я увидѣлъ, что графиня Автонина Дмитріевна сидѣла на диванѣ, а противъ нея на креслѣ Иванъ Давыдовичъ Деляновъ, которому она говорила съ большимъ жаромъ и съ видомъ сильношаго огорченія, чутъ не задыхаясь отъ слезъ. Я остановился въ дверяхъ, не зная, войти мнѣ или неѣтъ въ комнату. До слуха моего долетѣли только послѣднія фразы: « успокойтесь же, графиня,— говорилъ слашавымъ голосомъ и съ своей обычной улыбкой Иванъ Давыдовичъ,— вѣдь это уже люди образованные».

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите, какъ бы ни былъ человѣкъ образованъ, но если онъ худо говоритъ о моей матери, я ему руки не подамъ!— былъ отвѣтъ.

Когда я затѣмъ вошелъ въ комнату, разговоръ этотъ прекратился, но послѣ я узналъ отъ Делянова о причинѣ огорченія графини: она только въ тотъ день, изъ газетъ, узнала о расpubликованномъ 3-го апрѣля того (1859) года, высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта о предоставлѣніи евреямъ-купцамъ 1-й гильдіи и евреямъ-иностраннымъ подданніемъ права жительства и торговли виѣ черты постоянной осѣдлости евреевъ. Графъ, щадя антисемитическія чувства дочери, чтобы ее не огорчать, скрывалъ отъ нея, что подобный законъ разсматривался въ Государственномъ Совѣтѣ.

1859 годъ отмѣченъ большимъ пожаромъ, истребившимъ, 16-го февраля, химическую лабораторію Академіи, помѣщавшуюся въ то время въ первомъ этажѣ зданія, обращенномъ окнами къ университету, тамъ, где теперь находится физіологическая лабораторія; а надъ нею, во второмъ этажѣ, помѣщался Азіатскій Музей. Пожаръ произошелъ по неосторожности академика Ю. О. Фричше, который производилъ въ лабораторіи перегонку каменно-угольного масла и, не окончивъ ее, уѣхалъ куда-то на званый обѣдъ, не погасивъ огня въ печи и не отставя реторты отъ огня. Въ его отсутствіе реторта лопнула, содержимое ея вспыхнуло и разлилось, и какъ лабораторія была въ это время заперта, и въ ней никого не было, то огонь имѣлъ достаточно времени похозяйничать на просторѣ въ помѣщеніи, въ которомъ находилась масса каменно-угольныхъ продуктовъ, бывшихъ предметомъ специальнѣхъ изслѣдовавій Фричше. Огонь былъ очень силенъ; громадные огненные языки, вырывавшіеся изъ оконъ, лизали стѣны до втораго этажа, представляя опасность и для Азіатскаго Музея, и только энергическимъ дѣйствіемъ пожарной команды должно приписать, что этотъ музей не пострадалъ.

Это происшествіе, когда о немъ было доложено общему собранію Академіи, въ ближайшемъ его засѣданіи, вызвало цѣлую бурю негодованій противъ академика Фричше; ориенталисты и присоединившіеся къ нимъ члены II отдѣленія Академіи и слышать не хотѣли, чтобы

лабораторія оставалась долѣе въ такой опасной близости къ музеюмъ; не соглашались даже на то, чтобы она была исправлена и оставалась бы временно въ своемъ помѣщеніи, а требовали, чтобы были приняты мѣры къ устройству лабораторіи въ особомъ зданіи, вдали отъ музеевъ. На это другіе члены собранія возражали, что, конечно, постройка для химической лабораторіи особаго зданія есть дѣло весьма желательное, но какъ неизвѣстно, будуть ли у Академіи когда-нибудь средства для возведенія такого зданія, и можетъ пройти много времени, пока представится къ тому возможность, то было бы несправедливо лишать химиковъ Академіи возможности заниматься учеными изслѣдованіями, и при томъ въ теченіе неопределенного и можетъ быть долгаго времени; поэтому они полагали необходимымъ возобновить погорѣвшую лабораторію, съ принятиемъ лишь нѣкоторыхъ мѣръ предосторожности, и между прочимъ, обязать химиковъ не дѣлать въ лабораторіи никакихъ работъ съ взрывчатыми веществами. Дебаты по этому предмету, какъ всегда бываетъ, когда въ дѣло замѣщаются личные вопросы, скоро приняли весьма страстный характеръ и составили собою такое бурное засѣданіе, какого я другаго не помню во все мое долгое пребываніе въ Академіи.

Въ ту пору проводилась предложенная Татариновымъ весьма важная финансовая мѣра, извѣстная подъ названіемъ единства кассы, по которой всѣ хозяйственныя доходы, бывшіе въ распоряженіи разныхъ вѣдомствъ, подлежали обращенію въ Государственное казначейство. Изъ такихъ доходовъ въ то время составилось въ кассѣ Академіи 40.000 руб. экономической суммы, а когда «по примѣрному» разсчету, составленному состоявшимъ при Академіи архитекторомъ А. С. Кириловымъ, было опредѣлено, что этой суммы было бы достаточно для постройки особаго зданія для химической лабораторіи, то этимъ и воспользовался графъ Блудовъ, чтобы дать ходъ этому дѣлу согласно желанію общаго собранія конференціи. Такимъ образомъ онъ и отнесся 26-го апрѣля 1860 года къ министру народнаго просвѣщенію Евгр. Петр. Ковалевскому, о необходимости—вывести лабораторію изъ зданія музеевъ, постройкою для нея особаго зданія, съ расширеніемъ ея для работы обоихъ химиковъ Академії, и съ употребленіемъ для сего, по «примѣрному» разсчету, до 40.000 руб. экономической суммы, подлежащей передачѣ въ Государственное казначейство.

Это предположеніе Блудова, по докладу Ковалевскаго, 20-го мая 1860 года удостоилось высочайшаго соизволенія. Но когда, вслѣдствіе этого, были составлены архитекторомъ необходимые для предположенной постройки подробные чертежи и полная смета, то оказалось, что для возведенія особаго зданія лабораторіи потребно ровно вдвое (т. е. до 90.000), противъ исчисленной по «примѣрному» разсчету суммы.

Такъ какъ у Академіи не было въ распоряженіи такихъ денежныхъ средствъ, а графъ Блудовъ, по своимъ убѣжденіямъ, не считалъ возможнымъ просить изъ Государственного казначейства какихъ-либо пособій на науку въ то время, какъ всѣ финансовыхъ средства требовались для покрытия болѣе важныхъ государственныхъ потребностей, то пришлось все дѣло обѣ этой постройкѣ остановить или, какъ говорится на офиціальномъ языкѣ—отложить до болѣе благопріятнаго времени. Это было тѣмъ удобнѣе, что отъ такой проволочки не страдали ученые интересы, такъ какъ погорѣвшая лабораторія была между тѣмъ исправлена и ремонтирована въ прежнемъ видѣ, и въ ней возобновились по-прежнему работы химиковъ.

Дѣло, можетъ быть, и долго оставалось бы въ такомъ положеніи, въ ожиданіи лучшихъ дней, если бы не подоспѣло на его выручку слѣдующее обстоятельство:

Въ Академіи, въ числѣ разныхъ коллекцій, было собраніе египетскихъ древностей, пріобрѣтенное въ давнее время отъ иѣкоего Кастильона; оно было совершенно не нужно Академіи, въ которой и египтолога никогда не было, и было куплено на ея малыя денежныя средства единственно по приказанію министра народнаго просвѣщенія. Эта-то коллекція оказалась въ то время желательною для Императорскаго Эрмитажа, въ которомъ она очень кстати пополнила бы собраніе памятниковъ древняго искусства. Поэтому коллекція эта, по высочайшему повелѣнію, была передана въ Эрмитажъ, а графъ Блудовъ получилъ отъ министра императорскаго двора увѣдомленіе, отъ 21-го мая 1863 г., о томъ, что государь пожаловалъ въ вознагражденіе за нее 11.500 руб. изъ суммъ Кабинета. Съ присоединеніемъ этихъ денегъ къ капиталу изъ хозяйственныхъ суммъ Академіи, предназначеному на постройку химической лабораторіи и наrostавшему съ тѣхъ поръ процентами, образовался всего капиталъ въ 56.500 руб. Такъ какъ и этой суммы было еще недостаточно для предположенной постройки, то графъ Блудовъ, вѣрный своему правилу не обременять государственную казну какими-либо требованіями на пользу науки, прибрѣгъ къ слѣдующему средству: онъ предложилъ извѣстному подрядчику, много лѣтъ производившему обыкновенныя лѣтомъ ремонтныя работы по домамъ Академіи, петергофскому 2-й гильдіи купцу Никитѣ Артамонову, взять на себя всю работу постройки лабораторіи оптомъ за 55.000 руб., а подъ рукою дано было ему знать, что за хорошее исполненіе этой работы онъ можетъ ожидать себѣ почетной награды. Когда Артамоновъ на это согласился, то графъ Блудовъ, 30-го мая 1863 г., просилъ министра народнаго просвѣщенія, въ то время уже А. В. Головнина, испросить высочайшее соизволеніе на приведеніе въ исполненіе его предположеній и исходатайствовать: 1) чтобы предназначенная на по-

стройку химической лаборатории сумма, составлявшая въ то время до 45.000 руб., а равно и деньги, слѣдующія Академіи изъ Кабинета его императорскаго величества за египетскія древности, въ количествѣ 11.500 руб., а всего 56.500 руб., какъ не вошедшія въ смету Академіи на 1863 годъ, не были обращаемы, на основаніи высочайше утвержденаго 8-го Февраля 1863 г. журнала комитета финансъ, въ Государственное казначейство, а предоставлены на постройку означенной лабораторіи; 2) предоставить Академіи заключить съ Артамоновымъ контрактъ съ тѣмъ, чтобы работы производились подъ руководствомъ архитектора Академіи, кол. ассес. Кирилова, при содѣйствіи особой комиссіи, назначенной гр. Блудовымъ, изъ непремѣнного секретаря, одного или двухъ академиковъ; а въ эту комиссію, по части технической, графъ Блудовъ пригласилъ архитектора II отдѣленія Собственной его императорскаго величества канцеляріи, кол. ассес. Пеля.

Дѣло по этому представленію было внесено Головиннымъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ оно подлежало разсмотрѣнію департамента экономіи. Предсѣдатель этого департамента К. В. Чевкинъ твердо стоялъ на стражѣ того, чтобы во вводившейся тогда «системѣ единства 'кассы» не было допускаемо ни малѣйшаго отступленія и послабленія, поэтому на предлагаемый Блудовымъ способъ покрытия расходовъ на постройку лабораторіи онъ не соглашался. Нужды нѣть, что дѣло шло о суммѣ собственно незначительной, нужды нѣть, что Блудовъ могъ бы и просто просить объ отпускѣ такой суммы изъ государственныхъ средствъ, не связывая этого требованія съ изъятіемъ изъ закона, обратившаго всѣ хозяйственныя средства разныхъ вѣдомствъ въ доходъ казны. Въ томъ видѣ, въ какомъ сдѣлано было представленіе о лабораторіи, Чевкинъ увидѣлъ отступленіе отъ «системы»; а одобреніе его—составило бы собою прецедентъ, который открылъ бы двери и для болѣе важныхъ уклоненій отъ закона. Желая избѣжать конфликта съ Блудовымъ, который въ это время (съ 1861 г.) былъ уже предсѣдателемъ Государственного Совѣта, Чевкинъ, чтобы достигнуть соглашенія путемъ личныхъ объясненій, пріѣхалъ самъ къ Блудову, полагаясь, конечно, при этомъ на силу своего краснорѣчія и на извѣстную уступчивость и говорчливость графа. Вышло однако не такъ, какъ онъ ожидалъ; возраженія его сильно не понравились графу, въ немъ заговорили нервы, и онъ, всегда столь учтивый и мягкий, впалъ въ такой тонъ крайняго раздраженія, что Чевкину оставалось только отступить. «Успокойтесь, графъ! успокойтесь; все будетъ сдѣлано по вашему», повторялъ онъ, отступая задомъ къ дверямъ кабинета.

Наконецъ, 26-го декабря 1863 года графъ Блудовъ получилъ отъ министра народнаго просвѣщенія увѣдомленіе о состоявшемся въ Государственномъ Совѣтѣ мнѣніи, высочайше утвержденномъ, относительно

постройки новой химической лаборатории Академии; вследствие чего и было тотчас же приступлено к работе; но Блудовъ, какъ известно, не дожилъ до окончанія этой постройки, точно такъ, какъ не дожилъ до того и составитель плановъ и смыты на эту постройку, архитекторъ Кириловъ, погибшій подъ ножемъ убийцы въ самомъ центрѣ столицы.

Кириловъ имѣлъ обычай проводить свои вечера въ клубѣ, помѣщавшемся на углу Гороховой улицы и Адмиралтейской площади; чтобы возвращаться оттуда къ себѣ домой, на Васильевскій островъ, ему нужно было проходить черезъ очень пустынныи уголъ, бывшій между Адмиралтейскимъ бульваромъ, берегомъ Большой Невы и Петровскою площадью, усыпанной огромными гранитными глыбами, привезенными по Невѣ для постройки Исаакіевского собора. И среди бѣлаго дня, проходіе старались обходить этотъ дикий уголъ, а подъ вечеръ и особенно ночью это былъ прямой пустырь. Тутъ-то убийца, выбравъ ночку по-темнѣю, зарѣзаль и ограбилъ несчастнаго Кирилова, неосторожно пробиравшагося домой среди этихъ глыбъ¹⁾.

Постройку послѣ него лабораторіи продолжалъ принятый послѣ Кирилова архитекторомъ Академіи Рудольфъ Богдановичъ Беригардъ, первый въ ту пору знатокъ строительного искусства, бывшій впослѣдствіи директоромъ строительного училища. Имъ-то и окончена постройка прекраснаго зданія, находящагося по 8-й линіи Васильевскаго Острова, между Николаевскою набережною и Большімъ проспектомъ, и составляющаго единственный памятникъ президенства графа Блудова въ Академіи.

Изъ воспоминаній, относящихся къ 1861 году, позволяю себѣ привести слѣдующее. Въ началѣ марта этого года, я получилъ отъ академика А. Я. Купфера слѣдующую записку:

Monsieur et cher frère

Le comte Stroganoff m'a demandé, si je ne savai pas un statisticien qui pourrait donner des leçons dans cette science au Grand-duc Héritier; je lui ai promis de vous consulter pour cette affaire. Il voudrait un savant qui se borne aux faits sans en faire le canevas des idées politiques d'un parti, enfin qui ne soit ni rouge ni blanc. Reflétissez et repondez moi aussitôt que vous serez satisfait de votre choix²⁾. Tout à Vous.

3-е mars 1861.

Kupffer.

¹⁾ Архитекторъ кол. ас. Алексѣй Семеновичъ Кириловъ былъ ученикомъ императорской Академіи художествъ, въ которую поступилъ въ 1809 г. и въ которой онъ былъ современникомъ К. П. Брюлова, Андр. Тона, Ник. Ефимова, и получилъ въ 1821 году аттестатъ первой степени.

²⁾ Переводъ. „Графъ Строгановъ спрашивалъ меня, не знаю ли я статистика, который могъ бы давать уроки этой науки великому князю наследнику. Я обѣщалъ ему посовѣтоваться съ вами. Онъ желаетъ такого уч-

Такой вопросъ, еслибы я былъ честолюбивъ и искалъ бы сдѣлать карьеру, представлялъ мнѣ случай и поводъ предложить свои услуги для чтенія лекцій статистики наслѣднику. Но, по зреіомъ обсужденіи, я на это не рѣшился. Уже одно указаніе, что лекціи должны состоять изъ однихъ фактовъ, т. е. безъ объясненія ихъ значенія и смысла, представляло для меня мало соблазнительного. Излагать съ глубокимъ видомъ ученаго однѣ цифры, которая каждый безъ всякой науки можетъ и самъ находить въ любомъ статистическомъ ежегодникѣ, — это дѣло столь же скучное для лектора, какъ и для слушателя. Конечно, можно одною уже группировкою простыхъ фактovъ сказать многое, дающее имъ смыслъ, не разсказывая его и не подчеркивая ихъ значенія какими-либо комментаріями. Но для этого, кромѣ особаго таланта, необходимо было близкое знакомство съ тою обстановкою, въ которой должны были происходить лекціи цесаревичу, съ понятіями и требованиями тѣхъ лицъ, подъ надзоромъ и контролемъ которыхъ они поставлены, и прежде всего самого гр. Строганова, какъ воспитателя великаго князя. Излагать науку такъ, какъ самъ ее понимаешь, безо всякой утайки и поддѣлки — есть задача на столько пріятная, что ею можно увлечься; но читать ее *in usum delfini* — на это я не чувствовалъ въ себѣ достаточно способностей. *Sim ut sum, aut non sim.* Кромѣ того чтеніе лекцій, о которыхъ мнѣ писалъ Купферъ, во всякому случаѣ потребовало бы много времени для приготовленій къ нимъ, а исполненіе обязанностей по званію непремѣннаго секретаря, въ которое я былъ облеченъ не задолго передъ тѣмъ конференціею Академіи (1858, ноября 1-го), поглощало все мое время и всѣ мои помыслы. Поэтому, отвѣчая Купферу на его вопросъ, я, ничего не говоря о себѣ, называлъ ему имена профессоровъ, читавшихъ статистику въ разныхъ университетахъ, какъ на кандидатовъ, изъ которыхъ можетъ быть сдѣланъ выборъ самимъ Строгановымъ.

Вскорѣ затѣмъ я получилъ отъ Ивана Ивановича Давыдова, директора Педагогического института, уже прямой вопросъ отъ имени графа Строгонова, не желаю ли я принять на себя чтеніе лекцій статистики наслѣднику цесаревичу. Ему я отвѣчалъ, что какъ ни лестно было бы для меня такое порученіе, но, не занимавшись никогда преподаваніемъ и не имѣя поэтому случая приобрѣсти навыка въ немъ, я опасаюсь, что не буду въ состояніи оправдать высокаго довѣрія, которое было бы мнѣ въ этомъ случаѣ оказано. Тѣмъ и окончились эти переговоры.

наго, который ограничился бы одними фактами, не дѣлая ихъ канвою для политическихъ идей какой-нибудь партіи, однимъ словомъ, чтобы онъ не былъ ни краснымъ, ни бѣлымъ. Подумайте объ этомъ и дайте мнѣ отвѣтъ, какъ скоро вы будете довольны выборомъ".

**

Слѣдствіемъ этого было то, что къ чтенію означенныхъ лекцій былъ приглашенъ профессоръ Киевскаго университета Н. Хр. Бунге, которому эти лекціи открыли дорогу къ министерскому портфелю.

За два года до смерти графа Блудова, послѣ ефемернаго министерства графа Путятина (1861), на постъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ 25-го декабря 1861 г. А. В. Головнинъ, имѣвшій болыпое вліяніе на Академію. Вмѣсто того, чтобы оставлять всесѣло за президентомъ работу о ближайшемъ направленії дѣлъ, касающихся внутренней жизни ученаго учрежденія, онъ часто принималъ такую заботу непосредственно на себя, пользуясь при этомъ правами доброго лицейскаго товарищества со мною. Минуя громоздкія формы офиціальныхъ бумагъ за номеромъ, онъ, и будучи уже министромъ, сохранилъ для сношеній между нами существовавшую и прежде форму маленькихъ интимныхъ записокъ даже и тогда, когда онѣ касались дѣлъ Академіи. Пока живъ былъ Блудовъ, вліяніе Головнина на Академію было еще не очень чувствительно, но при преемникѣ Блудова,—при графѣ Липке, оно было таково, что въ сущности Академіей управлялъ не столько президентъ, сколько непосредственно самъ министръ.

Однимъ изъ первыхъ дебютовъ Головнина въ роли министра народнаго просвѣщенія была забота объ упорядоченіи всего, что касается дѣлъ періодической печати и въ особенности цензуры, бывшей въ то время еще въ вѣдомствѣ того министерства. Въ этихъ видахъ, онъ, вскорѣ послѣ своего назначенія, пригласилъ къ себѣ редакторовъ нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ на совѣщеніе объ этомъ предметѣ, а вслѣдъ затѣмъ, въ февралѣ 1862 г., и я былъ приглашенъ къ Головнину, который сообщилъ мнѣ о своемъ предположеніи дать дѣлу цензуры иную организацію, а для доставленія по этому предмету проекта новаго устава назначить особую комиссію, придавъ ей, въ отношеніи ся состава, не столько чиновничій, сколько ученый характеръ; вслѣдствіе чего онъ назначасть меня предсѣдателемъ такой комиссіи. Какъ я ни отнѣкивался отъ такой чести, приводя разные резоны, онъ, однако, принимая, кажется, мой отказъ за отказъ пьяницы отъ чарки вина, настоялъ на своемъ и заставилъ меня согласиться, сказавъ съ удареніемъ, что я долженъ принять предсѣдательство въ комиссіи, на которую будетъ возложено дѣло такой государственной важности, и что онъ мнѣ предоставляетъ сдѣлать выборъ лицъ для назначенія въ члены этой комиссіи. На это я замѣтилъ, что для сохраненія за комиссіею, согласно его желанію, характера ученаго, естественнѣе всего было бы составить ее изъ профессоровъ университета какъ юристовъ, такъ и тѣхъ, которые и сами бывали цензорами и слѣдовательно знакомы съ цензурною практикою, при чемъ, въ видѣ примѣра, назвалъ А. В. Ни-

китенко; впрочемъ, я просилъ дать мнѣ подумать объ остальныхъ, и мы условились, что дня черезъ два или три я представлю ему списокъ предполагаемыхъ мною кандидатовъ въ члены комиссіи. На этомъ мы и разстались, но еще не истекъ этотъ срокъ, какъ я получилъ уже теперь отъ министра официальную бумагу, которой мнѣ давалось знать, что комиссія для пересмотра, измѣненія и дополненія постановлений по дѣламъ книгопечатанія, назначена имъ подъ предсѣдательствомъ статьи-секретаря князя Д. А. Оболенского, и что я назначенъ въ эту комиссію членомъ. Эта сухая официальная бумага послѣ выше описанной полу-начальнической, полу-товарищеской бесѣды, безъ всякихъ объясненій о причинѣ перемѣны, не могла не возмутить меня, и я въ первую минуту хотѣлъ было написать Головину письмо, съ просьбою уволить меня изъ числа членовъ комиссіи; но въ это самое время приѣзжалъ ко мнѣ князь Оболенскій и сообщасть, что Головину очень совѣтно, что онъ такъ поступилъ со мною, при чемъ Оболенскій усердно просилъ меня не отказываться отъ членства въ комиссіи. Нечего было дѣлать; чтобы не выказывать мелочную обидчивость, когда дѣло идетъ о дѣлѣ действительно государственной важности, я, по слабости характера, уступилъ и впослѣдствіи жалѣль.

Эта комиссія состояла, кромѣ меня, изъ предсѣдателя Петербургскаго цензурнаго комитета, В. А. Цеза, профессора полицейскаго права Петербургскаго университета Андріевскаго и директора департамента народнаго просвѣщенія Воронова. Засѣданія комиссіи начались тотчасъ по ея учрежденіи и происходили въ квартирѣ Оболенскаго, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ графа Протасова, тестя Оболенскаго. Въ первыхъ засѣданіяхъ предстоявшая работа была раздѣлена между членами: на меня было возложено—приготовить главу о періодическихъ изданіяхъ; Вороновъ взялъ на себя главу о порядкѣ надзора за типографіями, литографіями и другими заведеніями, связанными съ печатнымъ дѣломъ; Андріевскій долженъ былъ проектировать статьи о карательныхъ мѣрахъ за проступки и преступленія, совершенные посредствомъ печатнаго слова, а князь Оболенскій оставилъ за собою проектированіе общихъ постановлений. По распределеніи такимъ образомъ работы, мы разстались до осени, обязавшись изготавить къ тому времени каждымъ принятую имъ на себя часть общаго труда. Я тотчасъ же принялъ за специальное изученіе законодательства о періодической печати главнѣйшихъ государствъ: Франції, Бельгіи, Австріи, Пруссіи и другихъ государствъ Германіи; обложившись полною, или по крайней мѣрѣ лучшою литературою предмета, трактатами и комментаріями, я при помощи такихъ пособій составилъ проектъ постановлений, который по долгому обдумываніи представлялся мнѣ наиболѣе отвѣщающимъ съ

одной стороны видамъ правительства, а съ другой—интересамъ литературы.

Еще не возобновлялись засѣданія комиссіи и проектъ мой еще не былъ сообщенъ ни предсѣдателю, ни членамъ ея, какъ Головнинъ раза два призывалъ меня къ себѣ, чтобы освѣдомиться о положеніи работъ комиссіи, и, узнавъ, что лежавшая на мнѣ часть ихъ уже готова, потребовалъ, чтобы я написалъ о главныхъ выводахъ, къ которымъ я пришелъ, «статью для газетъ». Это было совершенно въ его духѣ. Объ этихъ выводахъ онъ весьма мало меня разспрашивалъ, а главнымъ дѣломъ для него было завязать газетную полемику. Въ первый разъ, что онъ говорилъ мнѣ объ этомъ, я еще могъ отвѣтиться кое-какими уклончивыми фразами, но когда онъ во второй разъ повторилъ свое требование о газетной статьѣ, я вынужденъ былъ сказать ему, что подготовленная мною работа есть изложеніе пока лишь моего личного взгляда, до которого публикѣ нѣть никакого дѣла; что работа моя исполнена по порученію комиссіи, но сей еще не была сообщена, и что поэтому отдать ее на судъ печати, прежде чѣмъ она подвергнется обсужденію членовъ комиссіи, я счѣль бы поступкомъ неприличнымъ по отношенію своихъ товарищѣй по комиссіи. Такое возраженіе не понравилось министру, да и не могло ему понравиться. Головнинъ при всей своей учтивости—даже утонченной учтивости—не терпѣлъ, какъ министръ, возраженій, и тотчасъ же впадалъ въ начальническій тонъ, съ отвѣткой досады. Какъ бы то ни было, я не поступился своими убѣждѣніями и статьи для газетъ не написалъ.

Такая неподатливость моя получила потомъ должное возмездіе. Когда комиссія, окончивъ порученное ей дѣло, была 14-го января 1863 года закрыта, то Головнинъ объявилъ князю Оболенскому, за его усердіе, благодарность его императорскаго величества, предоставивъ ему объявить такую же и лицамъ, участвовавшимъ въ трудахъ комиссіи. Эта градація въ способѣ объявленія высочайшей благодарности была тонкимъ чиновничимъ уколомъ, который я понялъ, но къ которому остался совершенно равнодушенъ. Работая не для наградъ, я счѣль для себя самою лучшею наградою то, что проектированныя мною статьи закона о печати, относящіяся до періодическихъ изданій, по обсужденіи ихъ какъ въ означенной комиссіи, такъ и въ бывшей потомъ по тому же предмету второй комиссіи, и наконецъ въ Государственномъ Совѣтѣ, были одобрены почти безъ всякихъ существенныхъ измѣненій и вошли въ дѣйствующій законъ почти цѣликомъ въ той редакціи, какая была мною предложена.

Во все время президентства графа Блудова расходъ на удовлетворенія такихъ потребностей Академіи, для которыхъ по штату не отпускалось особыхъ суммъ изъ Государственного казначейства, произ-

водился изъ бывшей тогда въ ея распоряженіи такъ называемой экономической суммы, составлявшейся изъ доходовъ, какіе ей предоставлялось самой извлекать изъ назначенныхъ ей для этого оброчныхъ статей, а именно изъ доходовъ отъ изданиі «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», отъ продажи календарей, отъ частныхъ работъ, производимыхъ въ типографії Академіи, отъ продажи академическихъ изданий и пр. Поэтому увеличеніе доходности этихъ источниковъ составляло постоянную заботу ея администраціи. Обстоятельства времени, о которомъ я говорю, заставили обратить особое вниманіе на необходимость мѣръ къ увеличенію доходности «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Эта газета, старѣйшая представительница русской періодической печати, была долгое время въ рукахъ Очкина, который былъ сперва только редакторомъ на жалованыи, когда газета издавалась самою Академіею, а потомъ получилъ ее въ арендное содѣржаніе, соединяя въ себѣ званіе и редактора и издателя. Послѣдній контрактъ его съ Академіей былъ заключенъ 28-го декабря 1856 года, срокомъ на шесть лѣтъ, т. е. по 28-е декабря 1862 года, такъ что дальнѣйшія мѣры относительно этой газеты приходились на время президентства Блудова. Очкінъ вель редакторское дѣло «аккуратно¹⁾ и благонамѣренno», не скорилъ съ своимъ цензоромъ²⁾, такъ какъ онъ и самъ былъ прежде цензоромъ; понимая свое время и будучи по природѣ человѣкомъ смиреннымъ и даже смиреннымъ, онъ былъ самъ для своей газеты строже всякаго цензора. При этомъ онъ, конечно, не могъ придать «Вѣдомостямъ» особой жизни и значенія и если свою аренду, впрочемъ очень умѣренную³⁾, онъ долгое время уплачивалъ исправно, т. е. другими словами—вель дѣло не безъ выгода для себя, то единственno благодаря тому, что «С.-Петербургскія Вѣдомости» были долгое время вполнѣ защищены отъ всякой конкуренціи⁴⁾. Но эта блаженная для редакціи пора постепенно, незамѣтно смѣнялась иными днями: съ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ литература стала оживляться, печатному слову

¹⁾ Объ этихъ мѣрахъ я имѣлъ случай помѣстить особую статью въ „Русскомъ Архивѣ“ П. И. Бартенева, 1893 г., № 7; но для полноты разсказа о дѣлахъ, характеризующихъ президентство Блудова, я позволилъ себѣ привести здѣсь небольшое извлеченіе изъ той статьи.

²⁾ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ до 1848 г. издавались безъ цензуры, но въ этомъ году въ числѣ другихъ мѣръ усиленія надзора за періодическою печатью, и имѣ данъ съ 9-го апрѣля того года цензоръ.

³⁾ Онъ платилъ Академіи за право изданиія по 13.000 руб. въ годъ, и сверхъ того по 1 рублю за каждый годовой экземпляръ газеты свыше 5.000 экземпляровъ.

⁴⁾ Въ то время еще не утратилъ силы циркуляръ графа Уварова по цензурному вѣдомству отъ 1-го октября 1836 г., запрещавшій входить съ представленіями о разрешеніи новыхъ періодическихъ изданий.

понемногу давалось болѣе простора, начали появляться новыя периодические изданія, и къ ежедневнымъ газетамъ ходъ времени предъявлялъ новыя требования, тогда какъ самъ Очкинъ старѣлъ, былъ одолѣваемъ старческими недугами, и послѣ случившагося съ нимъ параличного припадка, былъ вынужденъ ежегодно въ лѣтніе мѣсяцы єздить для лѣченія за границу на минеральная воды. Въ этихъ обстоятельствахъ онъ взялъ себѣ въ помощники А. А. Краевскаго, съ которымъ и заключилъ частный контрактъ; этотъ контрактъ, какъ частная между ними сдѣлка, былъ заключенъ помимо Академіи, которой содержаніе его оставалось непрѣдѣльнымъ. Кажется, по заключеніи такого контракта, Очкинъ былъ только по имени редакторомъ газеты, а въ дѣйствительности редактировалъ, а, можетъ быть, и издавалъ ее Краевскій; но до этого Академіи не было никакого дѣла, такъ какъ всѣ обязательства контрагента по отношенію къ ней въ точности исполнялись. Краевскій, я думаю, видя въ Очкинѣ человека отжившаго, разбитаго параличемъ, не упустилъ бы, если бы могъ, перевести на свое имя весь контрактъ его съ Академіею; но дѣло въ томъ, что едва-ли онъ въ то время могъ бы получить на такую передачу разрѣшеніе со стороны цензурного вѣдомства, у которого онъ состоялъ еще съ 1849 года на худомъ счету¹⁾), такъ что когда въ 1855 г. Очкинъ уѣзжалъ на три мѣсяца за границу лѣчиться, министръ народнаго просвѣщенія, разрѣшивъ поручить Краевскому на это время всѣ обязанности редактора и издателя «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», предложилъ Академіи имѣть за редакціею ихъ самое строгое наблюденіе.

Въ этихъ обстоятельствахъ, въ виду предстоявшаго истеченія срока контракта съ Очкінимъ, Академія должна была заблаговременно позаботиться о томъ, чтобы передать газету въ болѣе солидныя руки; чтобы въ то время, какъ подготавливались великия реформы государственные, открывались новые горизонты для общественной дѣятельности и зарождалась у насъ публицистика, имѣть во главѣ редакціи человека, который сдѣлалъ бы изъ старѣйшей русской газеты органъ, отвѣчающій требованіямъ времени²⁾). Въ охотникахъ сѣсть послѣ Очкіна на редакторское кресло недостатка не было, осо-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1892 г., іюль, Воспоминанія С. Д. Полторацкаго, стр. 46.

²⁾ Что такимъ человѣкомъ не могъ быть и физически и умственно отжившій Очкинъ, въ томъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Это доказалъ всего лучше самъ же Очкинъ, когда, по прекращеніи контракта съ Академіей, онъ затѣялъ издавать новую ежедневную газету „Оттерки“, жалко пропущившую всего съ небольшимъ три мѣсяца (съ 1-го января по 8-е апрѣля 1863 г.), а черезъ два года и самъ Очкинъ скончался, 12-го марта 1865 года.

бенно между чиновниками и такого сорта претендентами, которые готовы были, за неимением литературныхъ заслугъ, проложить себѣ дорожку путемъ протекціонизма. При этомъ случаѣ нельзя не вспомнить съ глубокою признательностью о графѣ Д. Н. Блудовѣ. Высоко цѣнія Академію, онъ никогда не оказывалъ на нее какого-либо давленія, въ угоду какихъ бы то ни было вліяній на него со стороны; по отличавшему его возвышенному чувству справедливости, онъ, во всѣхъ дѣлахъ, связанныхъ съ честью Академіи, оказывалъ ей полное довѣріе и предоставлялъ ей самой свободно решать всѣ тѣ самые существенные и часто деликатные вопросы, по которымъ она одна несла ответственность. Когда я въ первый разъ докладывалъ ему дѣло о газетѣ и спросилъ, не имѣть ли онъ въ виду кого-либо, кому онъ счѣль бы желательнымъ поручить редакцію, то Блудовъ сказалъ, что онъ представляетъ Академіи поискать достойнѣйшаго, полагаясь вполнѣ на ея выборъ, но не желаетъ стѣснять ее какимъ-либо съ своей стороны указаниемъ, лишь бы только не быть ею предложенъ въ редакторы Краевскій. Это произнесъ онъ съ особымъ ударениемъ, которое давало знать, что то была не мимолетная фраза. Тогда я обратилъ вниманіе Блудова на то, что лучшую большою политическою газетою были тогда «Московскія Вѣдомости», обязанные своимъ превосходствомъ, конечно, таланту М. Н. Каткова, бывшаго ихъ редакторомъ до 1855 г. и который, можетъ быть, согласится переселиться въ Петербургъ и взять въ аренду академическую газету. Эта мысль очень понравилась графу и по его порученію я тотчасъ же написалъ объ этомъ Каткову въ Москву. Но прошло много времени, а отвѣта на мое письмо не было. Такое молчаніе нельзя было понять иначе, какъ за отказъ, а между тѣмъ время летѣло, и долѣе медлить решенiemъ дѣла о газетѣ не было возможно. Тогда явилась мысль о Валентинѣ Федоровичѣ Коршѣ. Лично его въ Академіи нѣ знали, но на него, какъ на желанного кандидата, указывало то обстоятельство, что онъ былъ послѣ Каткова, т. е. съ 1856 г., редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей» и съ того времени содѣйствовалъ доставленію этой газетѣ выдающагося положенія въ русской тогдашней прессѣ¹⁾). Въ этихъ соображеніяхъ было, по порученію Блудова, писано Коршу, который, вместо того, чтобы перекидываться письмами, тотчасъ пріѣхалъ изъ Москвы и подаль Блудову, 23-го января 1862 г., записку объ условіяхъ, на которыхъ онъ соглашался принять на себя издание «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Всльдѣ затѣмъ, 16-го апрѣля того же года

¹⁾ Помощникомъ Корша по редакціи означенныхъ „Вѣдомостей“ былъ съ 1856 года по октябрь 1857 года К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, а послѣ него— М. П. Щепкинъ.

было получено въ Академіи отъ Головнина увѣдомленіе, что, по его все-подданнѣйшему докладу о порядкѣ отдачи въ аренду «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», государь императоръ повелѣть соизволилъ: предоставить графу Блудову отдавать эти «Вѣдомости» собственnoю его властю лицамъ по его избранію и на условіяхъ, какія онъ признаетъ правильными¹⁾). При этомъ Головнинъ просилъ увѣдомить его, только для съѣдѣній, кому и на какихъ условіяхъ будетъ предоставлено изданіе «Вѣдомостей». На этомъ основаніи проектъ контракта съ Коршемъ былъ утвержденъ графомъ Блудовымъ 28-го апрѣля 1862 г. срокомъ на шесть лѣтъ, съ 1-го января 1863 г. по 31-е декабря 1868 г. Прибавлю съ сожалѣніемъ, что Коршъ не совладѣлъ со всѣми трудностями, какія ему представились при изданіи газеты, и даль письмо къ тому, что «С.-Петербургскія Вѣдомости» были графомъ Д. А. Толстымъ перенесены изъ Академіи наукъ въ непосредственное завѣдываніе министерства народного просвѣщенія. Но это относится уже къ позднѣйшему времени, которое лежитъ за предѣлами того периода лѣтъ, которыми ограничиваются настоящія воспоминанія.

Нѣсколько дней спустя по рѣшеніи дѣла съ Коршемъ, но еще до подписанія контракта съ нимъ, Блудовъ потребовалъ меня къ себѣ и сказалъ: «Вотъ Катковъ прѣѣхалъ изъ Москвы и былъ у Антонины (дочери графа, жившей вмѣстѣ съ нимъ), которая проситъ отдать ей «С.-Петербургскія Вѣдомости»; но я сдѣлать этого не могу, такъ какъ я далъ слово Коршу. Я готовъ доставить Каткову вознагражденіе въ иномъ видѣ. Повидайтесь съ нимъ и предложите ему, не хочетъ ли онъ взять и издавать отъ имени Академіи ученый журналъ, въ родѣ Парижскаго *Journal des Savants*, при чемъ мы могли бы предоставить ему нужные средства. А между тѣмъ онъ незнакомъ съ министромъ народного просвѣщенія и желаетъ быть ему представленнымъ. Вы хорошо знакомы съ Головниномъ, такъ съѣздите къ нему съ Катковымъ и представьте его министру».

Такъ и было сдѣлано. Я заѣхалъ за Катковымъ въ гостиницу, въ которой онъ остановился, и привезъ его къ Головнину, который жилъ тогда на Гагаринской пристани, въ домѣ Яковлева. Представленіе было не длинное и ограничилося обычнымъ въ этихъ случаяхъ обмѣномъ фразъ. Головнинъ, который съ близкими ему людьми и въ интимномъ кругу былъ привѣтливъ и изысканно любезенъ, почему-то, когда говорилъ какъ министръ, съ людьми мало ему знакомыми, старался принимать на себя видъ какой-то напускной важности—*gravitas romana*—

¹⁾ Этимъ отмѣнялся существовавшій дотолѣ порядокъ, по которому объ отдачѣ «Вѣдомостей» въ аренду Академія входила съ представлениемъ къ министру народного просвѣщенія, а имъ дѣло вносилось въ Комитетъ министровъ.

которая такъ мало шла къ его вѣшности. Этимъ ли или чѣмъ другимъ, только произвелъ онъ на Каткова невыгодное впечатлѣніе, и когда мы вышли отъ министра и спускались съ лѣстницы, Катковъ тутъ же коротко сказалъ мнѣ: «а не нравится мнѣ вашъ Головнинъ».

Сдача съ 1863 г. «Петербургскихъ Вѣдомостей» въ аренду Коршу повлекла за собою два эпилога. Для Каткова она послужила поводомъ просить и получить въ арендное содержаніе «Московскія Вѣдомости», которыхъ онъ прежде издавалъ только какъ редакторъ на жалованыи за счетъ университета, и создать одною силою своего таланта органъ печати небывалаго до того времени значенія. Въ немъ онъ явился систематическимъ и сильнымъ противникомъ Головнина и своими яростными на него нападками много содѣствовалъ его паденію. А. Краевскій нашелъ себѣ дорогу къ сердцу ministra народнаго просвѣщенія и при его поддержкѣ основалъ свою ежедневную политическую газету «Голосъ», съ характеромъ министерскаго оффіціоза, который однако не смогъ защитить Головнина отъ нападокъ московской газеты, но за то съ самаго своего основанія радушно открылъ свои столбцы, вѣроятно въ интересахъ народнаго просвѣщенія, безпрестаннымъ и всяческимъ нападкамъ на Академію наукъ.

Когда Шницлеръ задумалъ свое извѣстное сочиненіе «L'Empire des Tzars», то, будучи знакомъ съ А. В. Головниномъ, обратился къ нему съ просьбою содѣствовать ему въ исполненіи этого предпріятія сообщеніемъ свѣдѣній о министерствѣ народнаго просвѣщенія и подвѣдомыхъ ему учрежденіяхъ. Такъ какъ это соотвѣтствовало всегдашнимъ заботамъ нашего правительства способствовать распространенію за границей правильныхъ свѣдѣній о Россіи, то Головнинъ принялъ просьбу Шницлера очень горячо и поручилъ составленіе записки съ означенными свѣдѣніями одному изъ чиновниковъ его министерства, который исполнилъ приказанія начальства, какія бы они ни были, безъ отговорокъ и скоро. Записка была составлена и приготовлена къ печати; но когда она была представлена Головнину въ корректурѣ, то онъ, прежде чѣмъ одобрить ее, прислалъ ее мнѣ при слѣдующей пидулкѣ: отъ 27-го октября 1863 г. «Прилагаемая при семъ въ корректурѣ записка составлена для Шницлера, который помѣстить ее въ третьемъ томѣ «L'Empire des Tzars», и можетъ быть и мы напечатаемъ ее въ «Журналѣ министерства просвѣщенія», но прежде отсылки Шницлеру прошу васъ потрудиться исправить свѣдѣнія, касающіяся Академіи наукъ, и возвратить мнѣ».

Прочитавъ записку, я увидѣлъ, что составитель ея, очевидно, совсѣмъ незнакомый съ исторіею Академіи наукъ, не придумалъ ничего лучшаго, какъ взять всѣ свѣдѣнія о ней изъ одной весьма тенденціозной о ней статьи Русскаго Энциклопедическаго Словаря. Поэтому, возвращая Головнину доставленную имъ корректуру, я отвѣчалъ ему, что въ приго-

тovленной для Шницлера запискѣ «статья объ Академіи наукаѣ составлена весьма неудовлетворительно; при всей своей краткости, она содержитъ въ себѣ много невѣрного относительно Академіи, и при томъ, такъ какъ эта невѣрность относится не столько къ существу фактovъ, сколько къ ихъ оцѣнкѣ и къ духу изложенія, то исправить эту статью измѣненiemъ нѣкоторыхъ выражений и невѣрныхъ указаній на факты невозможно, а было бы необходимо, вмѣсто нея, составить совершенно новую статью, котораяполнѣе и правильнѣе изображала бы исторію Академіи и болѣе соотвѣтствовала бы требованію тѣхъ читателей, для которыхъ она назначается. Самъ г. Шницлеръ, человѣкъ весьма начитанный и хорошо знакомый съ трудами нашей Академіи, былъ бы, конечно, весьма удивленъ этой статьѣ, если бы получилъ ее въ настоящей ея редакціи и при томъ отъ самого министерства народнаго просвѣщенія. Еще менѣе удобно было бы помѣщеніе этой статьи въ «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія». Въ поясненіи моей мысли долгомъ считаю присовокупить, что составитель упомянутой статьи, видимо, въ своемъ изложеніи слишкомъ близко держался статьи, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ была напечатана противъ Академіи, и въ которой авторъ, увлекаясь пристрастными взглядами той школы, къ которой онъ принадлежитъ, очевидно, нисколько не дорожа исторической истиной, искаженіе фактovъ недостаточно известной ему исторіи Академіи употребилъ какъ средство для проведения своихъ одностороннихъ политическихъ убѣждений, не имѣющихъ, впрочемъ, никакого отношенія къ исторіи наукъ. Такъ какъ по изложеннымъ выше причинамъ исправить доставленную вами статью невозможно, то долгомъ считаю обратить ваше вниманіе на то, что для приложенія къ составляемому нынѣ проекту устава изготавляется историческая записка о трудахъ и дѣятельности Академіи за все время ся существованія, и что этою запискою могла бы быть замѣнена статья объ Академіи въ запискѣ, назначенной для г. Шницлера».

На это Головинъ отвѣчалъ запиской отъ 4-го ноября: «я вамъ чрезвычайно благодаренъ за прекрасную мысль замѣнить въ запискѣ для Шницлера то, что говорится объ Академіи, статьею, которая изготавляется у васъ, и буду ожидать эту статью съ нетерпѣніемъ».

Нѣсколько дней послѣ того, именно 12-го ноября того же 1863 г., я получилъ отъ Головина слѣдующую писульку: «Вотъ, почтеннѣйший Константинъ Степановичъ, статья «Современника», которую я прошу васъ серіозно заняться и на которую написать сильное опроверженіе, чтобы разъ навсегда покончить съ толками о безполезности Академіи; пожалуйста покажите мнѣ вашу статью прежде напечатанія».

При этой запискѣ была приложена октябрьская книжка «Современ-

ника» 1863 г., въ которой въ отдѣлѣ «Внутреннее Обозрѣніе» стр. 403—409, былъ напечатанъ написанный въ ироническомъ тонѣ обзоръ нѣкоторыхъ послѣднихъ трудовъ Академіи, преимущественно по отдѣленію русскаго языка и словесности, и помѣщены насмѣшки надъ Я. К. Гrotомъ и надъ его изданіемъ Державина.

Такое подталкиваніе меня Головиниымъ на полемику съ газетами изъ-за Академіи—было не первое; напротивъ, подобныя требованія возобновлялись имъ нерѣдко, и я рѣшился разъ навсегда покончить не съ газетными выходками противъ Академіи—ихъ нельзя прекратить никакими опроверженіями—а съ наталкиваніями меня на газетную войну. Въ этихъ видахъ я написалъ Головину совершенно частное, интимное письмо, въ которомъ очень откровенно высказалъ мои взгляды на вопросъ, поднятый его пріятельскою записочкой. Если такое учрежденіе, какъ Академія наукъ, можетъ черезъ газеты опровергать лишь невѣрное изложеніе фактovъ, до нея относящихся, но не имѣть никакихъ средствъ на то, чтобы прекратить въ газетахъ сужденія и tolki о ней хотя бы даже и о бесполезности ея, особенно еще менѣе можетъ она выступать съ опроверженіями противъ насмѣшекъ надъ нею, когда вся цѣль журнальныхъ балагуровъ—показать свое остроуміе и позабавить читателей подобно анонимному остряку фельетонного отдѣла «Современника». Наконецъ, если Головинъ желаетъ прекращенія газетныхъ нападокъ на Академію, то у него для этого есть всѣ средства. Главнымъ образомъ эти нападки пускаются въ свѣтъ газетою, составляющею офиціозный органъ его министерства «Голосомъ», а оттуда, какъ эхо, вторятся другими изданіями, и ему стоить сказать слово Краевскому, и нападки прекратятся. Моею откровенностью Головинъ оскорбился и отвѣчалъ мнѣ не маленькой писулькой, съ которой завязалась эта переписка, а длиннымъ письмомъ въ начальническомъ тонѣ. Въ немъ совершенно соглашаясь съ тѣмъ, что Академіи не слѣдуетъ вступать въ споры съ журналами, отличающимися недобросовѣстностью къ ней, онъ утверждаетъ, будто ученая дѣятельность Академіи подвергается въ теченіе многихъ лѣтъ порицаніямъ (совершенно произвольное и ни на чёмъ не основанное утвержденіе) и такъ какъ они остаются безъ опроверженія (какъ будто можно опровергать порицанія; противъ нихъ можно только оправдываться, но оправданія путемъ газетъ были бы несогласны съ достоинствомъ Академіи, да они были бы и бесполезны; единственнымъ достойнымъ ея оправданіемъ служать ея собственная изданія, весьма распространенные иуважаемыя во всемъ ученомъ мірѣ); далѣе онъ заявляетъ, будто этими газетными порицаніями обусловливаются между прочимъ трудности, съ которыми со-пряжено усиленіе средствъ Академіи (тогда какъ Головинъ, будучи

министромъ, не сдѣлалъ ни одной попытки къ какому бы то ни было усиленію средствъ Академіи), и сводить все это къ тому, что обвиняется во всемъ этомъ непремѣнного секретаря, упрекая меня въ томъ, что я не пишу въ газетахъ популярныхъ статей о трудахъ Академіи, т. е. другими словами—что я не рекламирую академическихъ изданій, какъ будто писаніе такихъ статей входитъ въ кругъ обязанностей непремѣнного секретаря, а не частныхъ periodическихъ изданій, которыхъ понимаютъ свой долгъ передъ отечественными просвѣщеніемъ.

Эта переписка имѣла послѣдствіемъ, что понуканія меня на газетную полемику съ той поры прекратились, но за то между нами произошло охлажденіе, продолжавшееся все время, чтѣ Головинъ былъ министромъ.

Въ дѣлѣ пополненія рядовъ членовъ Академіи графъ Блудовъ дѣлалъ строгое различіе между избраніемъ дѣйствительныхъ ея членовъ и членовъ почетныхъ; относительно первыхъ, онъ предоставлялъ конференціи полную свободу, не желая стѣснять ее какими-либо съ своей стороны внушеніями, зато относительно назначенія почетныхъ членовъ онъ широко пользовался правами, присвоенными президенту уставомъ. За его время на открывавшіяся вакантныя мѣста были приняты академики: по физико-математическому отдѣленію: математикъ О. И. Сомовъ, астрономъ А. Н. Савичъ, зоологъ Л. И. Шренкъ и физиологъ—Ф. В. Овсянниковъ; по отдѣленію русскаго языка и словесности: П. П. Павскій, Ф. И. Буслаевъ, П. С. Билярскій, П. П. Пекарскій; и по историко-филологическому отдѣленію: по языкамъ и этнографіи финскихъ племенъ Ф. И. Видеманъ, по греческой и римской словесности А. К. Наукъ, и ориенталистъ В. В. Вельяминовъ Зерновъ.

Такъ какъ число почетныхъ членовъ не ограничено ни уставомъ, ни какимъ-либо постановленіемъ конференціи, то президентъ имѣлъ полный просторъ предлагать къ избранію такое число, какое считалъ нужнымъ. Такимъ образомъ по его предложенію было избрано почетныхъ членовъ: въ 1855 году—8, 1856—11, 1857—11, 1858—8, 1859—4, 1861—2, 1862—1, 1863—4, всего—49 членовъ.

Правда, что академики считали такое переполненіе списка почетныхъ членовъ по разнымъ причинамъ неудобнымъ и нежелательнымъ; но изъуваженія къ Блудову давали, хотя и не охотно, бѣлые шары предлагавшимся имъ кандидатамъ.

Какъ непремѣнный секретарь, будучи поставленъ въ частыя непосредственные отношенія къ графу Блудову, я получилъ возможность близко узнать эту почтеннную личность, и болѣе и болѣе проникался глубокимъ къ нему уваженіемъ. Первый сановникъ въ Имперіи, принимавшій въ теченіе болѣе полу столѣтія участіе въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, осыпанный милостями двухъ монарховъ, Блудовъ и на высотѣ своего

общественного положения сохранялъ свою необыкновенную простоту, какъ въ обращеніи съ людьми, такъ и въ своей жизни. Не дѣлая различія между сходившимися съ нимъ, ни по чинамъ, ни по богатству или знатности, онъ цѣнилъ въ людяхъ только умъ и душевныя достоинства, былъ ко всѣмъ привѣтливъ и доброжелателемъ. Въ его обращеніи не было замѣтно и тѣни какого-либо высокомѣрія или чувства своего пре-восходства, какія въ его высокомъ положеніи могли бы быть столь естественны и извинительны. Такъ съ нами, съ академиками, онъ былъ какъ равный съ равными. Когда онъ былъ назначенъ президентомъ, онъ жилъ во второмъ этажѣ небольшаго дома Бодиско, по Офицерской улицѣ, возлѣ Пассажа; кто бы зашелъ въ его квартиру, не зная, кѣмъ она занята, никакъ бы не угадалъ, что тутъ живетъ важный государственный сановникъ, такъ простирая вся обстановка небольшаго числа занимаемыхъ имъ комнатъ, съ ихъ незатѣйливою мебелью, съ отсутствиемъ въ нихъ какихъ бы ни было предметовъ роскоши, и единственою декораціею которыхъ служили развѣшенные по стѣнамъ фамильные портреты въ старинныхъ, потускнѣвшихъ рамкахъ.

Другою характерною чертою Блудова была необыкновенная душевная доброта, не та, которая выражается пріятными улыбками и ласковыми словами, а доброта, вытекающая прямо изъ сердечной потребности. Блудовъ былъ счастливъ, когда могъ оказать кому-нибудь услугу, или сдѣлать человѣку что-нибудь пріятное. Ни въ одномъ вѣдомствѣ служащіе не получали столько наградъ, какъ во Второмъ отдѣленіи Собственной Е. И. В. канцеляріи за время завѣдыванія имъ Блудова. Точно также въ Академіи никогда-ни прежде, ни послѣ не было столько награждаемыхъ, какъ при немъ, и я могу по всей справедливости сказать, что когда дѣлаемыя имъ представлениія о наградахъ удостоивались высочайшаго утвержденія, онъ радовался больше, чѣмъ сами награжденные.

Искренно гуманный, графъ Н. Д. Блудовъ былъ глубоко преданъ дѣлу просвѣщенія и блага отечества. Очень хорошо сказалъ о немъ одинъ изъ близкихъ друзей его, М. Н. Лонгиновъ: «Ниакаія вліянія, никакаія колебанія въ историческомъ ходѣ судебъ нашего отечества не могли заставить его измѣнить дѣлу просвѣщенія, когда обстоятельства неблагоприятствовали этому дѣлу. Посреди такихъ обстоятельствъ онъ иногда удалялся и молчалъ, но не принималъ солидарности съ ними, и ему никогда не предложили бы дѣйствовать въ подобныхъ обстоятельствахъ; а это уже было много. Роль графа Блудова въ этомъ отношеніи была не только блестательна, но и благотворна» ¹⁾.

Въ связи съ содержаніемъ этой замѣтки позволю себѣ привести здѣсь

¹⁾ Современная лѣтопись „Московскихъ Вѣдомостей“ 1864, № 8-й.

слышанное мною въ то время отъ одного лица, близко знакомаго съ дѣловыми сферами Петербурга. Императоръ Николай Павловичъ очень цѣнилъ и уважалъ Блудова, но замѣчалъ, что его чрезвычайная доброта и неподдѣльная скромность лишаютъ его тѣхъ свойствъ, которыя въ то время признавались необходимыми для высшихъ административныхъ должностей¹⁾; въ этомъ-то именно смыслѣ государь говорилъ о Блудовѣ: «*cet homme n'a jamai eu le courage d'etre quelque chose*²⁾».

Когда болѣзнь, при его преклонномъ возрастѣ, заставляла ожидать близкой кончины Блудова, Головинъ призвалъ меня къ себѣ и спросилъ, кого бы Академія могла желать себѣ президентомъ. Не будучи подготовленъ къ такому вопросу, я отвѣчалъ, что между академиками я не слышалъ объ этомъ разговоровъ. Тогда онъ перебралъ нѣсколько имёнъ, не останавливаясь, впрочемъ, ни на одномъ предпочтительно, какъ бы выражая, что самъ онъ еще не имѣть подходящаго кандидата. Это дало мнѣ поводъ замѣтить, что возможна еще другая комбинація, соединеніе званія президента съ должностью министра просвѣщенія. «О нѣтъ, это теперь было бы неудобно», возразилъ онъ. На этомъ кончилась наша бесѣда, въ теченіе которой ни разу не было упомянуто имя того, кто пять, шесть дней послѣ былъ посаженъ на президентское кресло.

Блудовъ скончался 19-го февраля 1864 года и былъ погребенъ на кладбищѣ Александро-Невской лавры; при отпѣваніи въ церкви присутствовали государь императоръ, члены императорской фамиліи, высшіе чины служебнаго міра, представители Академіи наукъ и высшаго общества столицы и тутъ же въ церкви кто-то сообщилъ свѣжую новость—о назначеніи президентомъ Академіи адмирала Ф. П. Литке (онъ тогда еще не былъ графомъ). При этомъ извѣстіи у меня такъ и юкнуло сердце. Я зналъ Литке давно, по совмѣстной нашей дѣятельности въ географическомъ обществѣ, истинно уважалъ его, но ясно видѣлъ, чего ему недоставало для того, чтобы быть во главѣ высшаго научнаго учрежденія; переходъ отъ тонко образованнаго, ко всѣмъ привѣтливаго, проникнутаго благодушіемъ Блудова къ сухому, угловатому, полуглухому, полуслѣпому адмиралу былъ слишкомъ рѣзокъ. Предчувствіе мое меня не обмануло. Исторія, если она будетъ когда-нибудь написана, не назоветъ президентство Литке счастливымъ для Академіи временемъ.

К. Веселовскій.

¹⁾ Блудовъ перебывалъ прежде министромъ внутреннихъ дѣлъ и министромъ юстиціи.

Три „Молитвы“.

Иеднократно указывалось, какое влияние имела на Лермонтова могучая поэзия Пушкина. Критики обращали внимание на встречающиеся у Лермонтова перепевы из Пушкина, какъ это сдѣлали, напримѣрь, г. Кончакъ въ «Новомъ Времени» (1899 г., августъ), г. Федоровскій въ брошюре: «Забытый литературный вопросъ» (Тифлісъ, 1891 года), проф. Н. Ф. Сумцовъ въ своей статьѣ, о которой будетъ говориться ниже. Болѣе чѣмъ естественно, что Пушкинъ оказалъ сильное влияние на своего хотя и геніального современника, но все-же младшаго «брата по музѣ». Но не одинъ Пушкинъ оказалъ свое воздействіе на Лермонтова. Молодой поэтъ, который лишь незадолго до своей безвременной кончины сталъ освобождаться отъ различныхъ влияній и вступилъ на дорогу истинно-народного творчества, не могъ, конечно, «на зарѣ туманной юности» отрѣшиться отъ влияния современной ему литературы. Она иногда давала поэту не только идеи и темы, но и образы, и, позаимствовавъ ихъ, юноша-поэтъ претворялъ ихъ въ горнилѣ своего вдохновенія, и они выходили и чище, и краше, и благоуханнѣе своихъ первоначальныхъ прообразовъ. На одинъ примѣръ такого заимствованія — при томъ несомнѣннаго — я и хочу здѣсь указать.

Кто не знаетъ знаменитой лермонтовской Молитвы («Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою»)? Стихотвореніе это — одинъ изъ прелестнѣйшихъ цвѣтковъ, вплетенныхъ музою въ поэтическій вѣнокъ Лермонтова, одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній великаго поэта, полное самаго христіанскаго чувства, за душу хватающей любви и вѣжности. Стихи эти — вдохновенное изліяніе поэтической души; они показываютъ, какая небесная красота, какія сокровища духа таились подъ непривѣтливой подчастью наружностью поэта, въ которомъ не каждый могъ разгадать избранника Божія, и который бывалъ не разъ «межъ дѣтей ничтожныхъ

мира, быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй». Хотя читатель навѣрно знаетъ это стихотвореніе наизусть, я, тѣмъ не менѣе, приведу его цѣликомъ, для того чтобы мой выводъ предсталъ яснѣе.

«Молитва» (въ одной рукописи: «Молитва странника») написана въ 1836 г. Поэтъ обращается къ Божией Матери:

1. Я, Матерь Божия, нынѣ съ молитвою
Предъ твоимъ образомъ, яркимъ сияніемъ,
Не о снасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью иль покаяніемъ.
5. Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника, въ свѣтѣ безроднаго,
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой заступницѣ міра холоднаго.
Окружи счастіемъ счастья достойную,
10. Дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу незлобному міръ упованія.
Срокъ ли приблизится часу прощальному,
Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную,
15. Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела—душу прекрасную.

Въ Альманахѣ бар. А. А. Дельвига: «Сѣверные Цвѣты» на 1826 г. (отдѣлъ «Поэзіи», стр. 92) напечатано недурное стихотвореніе ѡеод. Ант. Туманскаго, подъ тѣмъ же заглавіемъ, что впослѣдствіи у Лермонтова: Молитва. Приведу и его цѣликомъ:

Благослови, всесильный Боже,
Ея полуночный покой!
Алтарь невинности святой
Есть непорочной дѣви ложе.
Къ нему до утра призови
Съ толпою счастливыхъ сновидѣній
Мечту небесныя любви,
Восторги чистыхъ наслажденій!
Да безмятежно въ сладкому снѣ
Играеть въ ней веселость та же,
И у возглазья въ тишии
Поставь къ ней ангела на стражѣ.

Въ произведеніяхъ Н. М. Языкова мы находимъ подобное же стихотвореніе, тоже подъ заглавіемъ: Молитва. Оно написано въ 1835 году. Поэтъ просить, чтобы ночь продлилась и дала ему, при свѣтѣ молитвенной лампады,

1. Молиться Богу за нее,
Его прелестное созданье,
Мое любимое мечтанье
И украшеніе мое.

5. Да жизни мѣрной и надежной
 Онъ дастъ ей счастье на землѣ:
 И въ сердцѣ пламень безмятежный,
 И ясность мысли на члѣ!
 И дастъ ей вѣрнаго супруга,
10. Младого, чистаго душой,
 И съ нимъ семейственный покой,
 И въ немъ привѣтливаго друга;
 И дастъ почтительныхъ дѣтей,
 Здоровыхъ, умныхъ и красивыхъ,
15. И дочерей благочестивыхъ,
 И веледушныхъ сыновей...
- * * * * *
- О! Будь вся жизнь ея свѣтла,
 Какъ этаоть сводъ лазури ясной,
 Высокій, тихій и прекрасный,
20. Живая Господу хвала!

Всѣ эти три «Молитвы» имѣютъ между собою много общаго. Начать съ того, что основная мысль въ нихъ одна и та же: въ каждой поэти молится о любимой дѣвушкѣ, о дарованіи ей счастья и радости. Затѣмъ и въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ три стихотворенія весьма сходны. Напримѣръ, стихи 9—12 Лермонтовской «Молитвы» соотвѣтствуютъ указаннымъ стихамъ 5—20 стихотворенія Языкова. Какъ О. Туманскій, такъ и Лермонтовъ—оба просятъ о ниспосланіи къ дѣвѣ ангела: одинъ—къ спящей, а другой къ умирающей. (Сходство не трудно прослѣдить и еще въ пѣкоторыхъ подробностяхъ). На каждомъ изъ этихъ трехъ стихотвореній, столь схожихъ по содержанію и кое-гдѣ по внѣшнему выраженію, однако, отразился духъ его творца. Такъ, «Молитва» О. Туманскаго отличается какимъ-то спокойствиемъ, ровностью; стихи Языкова дышутъ его всегдашнею бурной страстью, кипучестью; обычна разочарованность и грусть Лермонтова выразились въ тѣхъ мѣстахъ его «Молитвы», гдѣ онъ говорить о себѣ, «странникѣ въ свѣтѣ безродномъ», о своей «пустынной душѣ».

Проф. Н. Ф. Сумцовъ въ своихъ «Изслѣдованіяхъ о Пушкинѣ», говоря «О вліянії Пушкина на Лермонтова» («Харьковскій университетскій сборникъ въ память А. С. Пушкина», Харьковъ, 1900, стр. 321—322), находитъ, что Лермонтовская «Молитва» создалась подъ вліяніемъ стихотворенія Пушкина: «Нѣть, нѣть, не долженъ я, не смѣю, не могу волненіямъ любви безумно предаваться». Съ Н. Ф. Сумцовыми въ этомъ случаѣ согласиться трудно. Стихи Пушкина, правда, написанные гораздо раньше стихотворенія Лермонтова (они относятся къ 1832 году), впервые были напечатаны В. А. Владиславлевымъ въ «Альманахѣ на 1838 годъ» и во время изданія Лермонтовымъ его «Молитвы» не могли еще быть извѣстны ему. Къ тому же, это прекрасное пушкинское

*

стихотворение, хотя по мысли, по чувствамъ и родственно съ «Молитвой» Лермонтова, но все-таки стоитъ не такъ близко къ ней, какъ два указанныя стихотворенія Языкова и О. Туманского.

Сродство трехъ «Молитвъ», такимъ образомъ, несомнѣнно, и смѣло можно считать, что Лермонтову были извѣстны оба приведенные стихотворенія Языкова и О. Туманского. Стихи ихъ задѣли соотвѣтствующія струны души Лермонтова, коснулись его «чуткаго слуха» своимъ голосомъ прямо изъ души идущаго чувства, и изъ-подъ пера юнаго поэта вылилась трогательная, вызывающая слезы «Молитва», одно изъ самыхъ величественныхъ произведеній музы Лермонтова и самыхъ дивныхъ украшений нашей поэзіи.

Николай Лернеръ.

Воспоминанія протоієрея І. І. Базарова.

XIII ¹⁾).

Ватиканскій соборъ 1870 г.—Графъ Е. В. Путятинъ.—Проповѣдніе Пальмеръ.—Война Германіи съ Франціею.—Представленіе Страстей Господнихъ въ Оберъ-Аммергау.—Раненые и пленные.—Два письма Местраля І. Базарову.—Мнѣніе о нихъ графа Д. А. Толстаго.—Церковно-политическая дѣла во Франціи.—Старо-католическое движение въ Германіи.—Поѣздка Базарова въ Петербургъ, а затѣмъ въ Константинополь.

ть началъ 1870 года еще раздавались отголоски изъ Рима о совершившемся тамъ въ это время великому событию въ католическомъ мірѣ—ватиканскомъ соборѣ. Такъ въ началѣ января писалъ мнѣ объ этомъ мой старый знакомый графъ Е. В. Путятинъ. Но прежде, чѣмъ приводить здѣсь его слова, я долженъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о личности этого тоже государственного мужа. Извѣстна его миссія въ Японію для заключенія трактата съ этимъ тогда еще закрытымъ для всѣхъ иностранцевъ государствомъ. У него тамъ разбило его судно у береговъ Японіи, и онъ собственными средствами построилъ новое, а японцамъ объявилъ, что не уйдетъ отъ нихъ, пока не исполнить возложеннаго на него порученія, и трактатъ былъ заключенъ. Изъ благороднаго уваженія къ авторитету онъ сильно преклонялся передъ папскою властью и съ своимъ другомъ Пальмеромъ, извѣстнымъ англійскимъ профессоромъ, искавшимъ соединенія съ православною церковью и кончившимъ переходомъ въ римскій католицизмъ, слѣдилъ съ интересомъ за ватиканскимъ со-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, ноябрь 1901 г.

боромъ. А между тѣмъ, въ душѣ онъ былъ крѣпкій исповѣдникъ православной вѣры. Поэтому тѣмъ интереснѣе его впечатлѣнія, полученные имъ въ Римѣ отъ ватиканскаго собора. Вотъ что онъ писалъ мнѣ объ этомъ.

«Римъ. 16-го (28-го) января 1870 г. Писать въ теперешнее время изъ Рима и не упомянуть ничего о соборѣ кажется неестественнымъ. Главныя черты его заключаются въ томъ различіи отъ прежнихъ соборовъ, что въ немъ собралась іерархія съ частей свѣта, едва вѣдомыхъ въ прежнія времена, и что дѣйствія его отличаются полною независимостью какъ отъ свѣтской власти, такъ и того, что слытъ общественнымъ мнѣніемъ. Новѣйшія законодательства конституціонныхъ правительствъ, направленныя къ отстраненію церкви отъ вліянія на семейство и хъ уничтоженію учрежденій, почитаемыхъ ею неприкосновенными, вѣроятно, были поводомъ къ такимъ дѣйствіямъ римскаго двора, и одно время можетъ показать, какія изъ этого произойдутъ слѣдствія. Въ проповѣдяхъ, произносимыхъ здѣсь наиболѣе замѣчательными лицами, только и слышится необходимость усиленія папской власти для противодѣйствія съ одной стороны правительственнымъ мѣрамъ, несогласнымъ съ церковными постановленіями, съ другой—новымъ направленіямъ наукъ и распространяющемся въ обществѣ мнѣнію о безполезности религіи или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ началь, на которыхъ основывается ученіе церкви. Признавая опасность положенія, духовные витія утверждаютъ однако жъ, что церковь стоитъ если не тверже, то никакъ не менѣе непоколебимо, какъ и прежде, и въ борбѣ своей всегда одерживаетъ верхъ. Въ этомъ заключается преобладающее мнѣніе въ здѣшнемъ соборѣ, несмотря на оппозицію духовныхъ лицъ, большою частью принадлежащихъ Германіи».

Упомянувъ о Пальмерѣ, я долженъ сказать, что я познакомился съ нимъ въ семействѣ Путятиныхъ, у которыхъ онъ подолгу гостили во время ихъ пребыванія въ Канштадтѣ. Разъ онъ разсказывалъ, какъ прѣхалъ въ Россію съ цѣлью присоединиться къ православію, долго искалъ предержащей власти русской церкви и не нашелъ ея. Къ кому онъ ни обращался изъ членовъ Синода, всѣ они отвѣчали ему, что они, каждый по себѣ, не начальники церкви, а только члены верховнаго Синода. Даже самъ, всесильный тогда, оберъ-прокуроръ графъ Пратасовъ, отказался принять отъ него вѣрительную грамоту отъ его кентерберийскаго архіепископа, посовѣтовавъ ему обратиться къ константинопольскому патріарху. Поѣхалъ онъ и въ Константинополь, но тамъ потребовали отъ него перекрещенія какъ отъ обливанца. Тогда онъ обратился къ римской церкви принять его въ общеніе на условіяхъ непризнанія нѣкоторыхъ ученій этой церкви, несогласимыхъ съ его совѣстью. Католики на все согласились, только бы онъ призналъ гла-

венство папы, какъ высшаго авторитета церкви. На это Пальмеръ легко согласился и нашелъ въ этомъ сочувствіе друга своего Путятинаго, который не могъ говорить безъ раздраженія о недостаткѣ такого авторитета въ нашей православной церкви.

Въ эту зиму мнѣ пришлось бороться на два фронта между фанатизомъ остзейскаго партикуляризма и столь же фанатического панславизма. Представителемъ первого былъ проживавшій въ Стутгартѣ баронъ Вольфъ, проповѣдникомъ втораго—графъ Комаровскій. Желая примирить эти двѣ крайности, я нерѣдко бесѣдовалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ въ смыслѣ примиренія крайностей, но почти всегда безуспѣшино, тѣмъ болѣе, что возгорѣвшаяся тогда борьба національностей въ нашихъ остзейскихъ провинціяхъ была въ полномъ разгарѣ. Помню, какъ я разъ выставлялъ барону Вольфу въ примѣръ наше русское дворянство, послѣшившее навстрѣчу желаніямъ государя въ своихъ вѣрно-подданническихъ адресахъ. На это мой антагонистъ отвѣчалъ мнѣ:

— У васъ есть русская пословица: что русскому здорово, то нѣмцу смерть. Можетъ быть, вашимъ дворянамъ это освобожденіе крестьянъ и будетъ здорово, но намъ, нѣмцамъ, это будетъ смерть!

По счастью, мой другой антагонистъ, славянофилъ графъ Комаровскій, не находился въ это время въ Стутгартѣ, иначе ихъ борьба съ барономъ Вольфомъ могла бы дойти до личностей и пожалуй кровавой расправы. За то графъ Комаровскій тѣмъ усерднѣе распространялся въ письмахъ ко мнѣ на счетъ остзейскаго и славянскаго вопросовъ. Такъ, напримѣръ, онъ писалъ мнѣ въ апрѣль этого года изъ Дрездена слѣдующее:

«Посылаю вамъ при семъ три номера «Биржевыхъ вѣдомостей», въ коихъ статьи г. Фадѣева. Позволяю себѣ выбрать и копіи съ двухъ писемъ моихъ: къ княжнѣ Шаликовой, въ Прагу, и къ преосвященному Веніамину, въ Ригу ¹⁾). Изъ нихъ вы усмотрите, многоуважаемый ба-

¹⁾ Копія съ письма графа Комаровскаго княжнѣ Н. П. Шаликовой въ Прагу отъ 16-го (28-го) марта 1870 года.

«Съ глубокой грустью прочелъ я вчера, многоуважаемая княжна, въ 71-мъ номерѣ „Голоса“ отъ 12-го (24-го) числа сего мѣсяца, о полемикѣ, болѣе недѣли продолжавшійся въ чешскихъ газетахъ, между младо и старочехами. Это чувство печали раздѣляютъ и раздѣлять со мной, безъ сомнѣнія, всѣ тѣ, сердце которыхъ живо бѣется для великаго славянскаго дѣла. И, наоборотъ, можно представить себѣ злорадство нашихъ враговъ по тайное ихъ чаяніе будущаго... Не скрою отъ васъ, наконецъ, княжна, и той грусти, которую я испытывалъ при чтеніи объ этомъ особенно въ русской газетѣ, потому что вамъ не безъзвѣстно, какъ много у насъ, на Руси, людей не вѣрящихъ въ величие будущихъ судебъ славянства, а потому возстающихъ и противъ излишняго сближенія Россіи съ прочими славянскими народами. И вѣнчаниемъ, и внутреннимъ недругамъ это прискорбное событие чрез-

тишка, и взглянь мой на славянский и балтийский вопросы, и тоть образъ дѣйствій, коему я неуклонно въ нихъ слѣду... Между многими письмами, полученными въ мое краткое отсутствіе, есть и отвѣтъ рижского преосвященнаго. Къ сожалѣнію, и оттуда самыя безотрадныя вѣсти,— вотъ, между прочимъ, что онъ пишетъ. «Генераль-губернаторъ Альбединскій во вторникъ, на страстной недѣлѣ, отправился въ Петербургъ и едва ли возвратится къ намъ; по крайней мѣрѣ, при прощаніи со мной, говорилъ, что убѣдительнѣйше будетъ просить государя, чтобы уволилъ его отъ службы въ настоящемъ мѣстѣ. Крѣпко намъ жаль его, не только намъ, духовнымъ, но рѣшительно и всѣмъ русскимъ людямъ. Съ другой стороны, какъ послушаешь, что творится у насъ, право, скажешь, что едва ли достанеть у кого-либо терпѣнія служить здѣсь, сколько успѣль выказать г. Альбединскому. Вы изволите знать исторію ревельскую, возбужденную губернаторомъ Галкинымъ на счетъ присутствованія служащихъ лицъ на царскихъ молебнахъ. Г. Галкина поддержалъ генераль Альбединскій, и все ни къ чему не послужило. Мало того, 4-го апрѣля, какъ вашему сіятельству извѣстно, служится молебень по случаю спасенія государя. Въ прошедшее 4-е апрѣля былъ мо-

вычайно на руку... Вы, многоуважаемая княжна, находитесь на мѣстѣ, а потому всего лучше можете судить, на сколько истины въ разсказѣ „Голоса“ о полемикѣ между чешскими газетами и партіями. Умоляю васъ неустанно проповѣдывать знакомымъ и близкимъ намъ чехамъ о мириѣ и согласіи и столь же неустанно напоминать имъ, что, кроме обязанностей къ ихъ собственной родинѣ и соотечественникамъ, у нихъ есть обязанности еще болѣе возвышенныя и еще болѣе священныя—это обязанности ихъ какъ передовыхъ дѣятелей и передовой стражи всеславянства: сто миллионовъ согламенниковъ напряженно слѣдить за всѣми ихъ дѣйствіями, внимая почти каждому ихъ слову, сорадуясь всѣмъ ихъ успѣхамъ, порываясь даже, можетъ быть, вступить въ ихъ слѣдъ... Напротивъ, какъ они смущаются и глубоко скорбятъ при каждомъ ихъ колебаніи, ошибкѣ или неудачѣ... Да свѣтитъ же всегда чехамъ эта высокая миссія путеводно звѣздою»...

Копія съ письма графа Комаровскаго преосвященному рижскому отъ 4-го (16-го) апрѣля.

„Наконецъ-то могу поздравить ваше преосвященство епископомъ рижскимъ и митавскимъ. Отъ души радуюсь вашему утвержденію за васъ и за дѣло русское и православіе въ Балтийскомъ краѣ, которому вы можете принести теперь много болѣе пользы, чѣмъ прежде. Благодаря событиямъ послѣдняго времени, вопросъ: „либо мы, либо иѣмцы“ формулируется отныне во всей его ясности и простотѣ. Въ рѣшеніи этого важнаго государственного вопроса, въ русскомъ и православномъ направленіи, вашему преосвященству и подиачальному вамъ православному духовенству выпала святая и завидная доля: быть передовыми дѣятелями и стражами православія и русской народности. На васъ и ваше духовенство съ иѣмцами ожиданіемъ обращены теперь взоры всей Россіи... По моему внутреннему глубокому уѣждению, важная задача, предстоящая вамъ, можетъ быть выполнена лишь при

лебень и у насть, на онъи пожаловалъ и одинъ изъ лифляндскихъ ландратовъ. И что же? На другой день дворянство лифляндское объявляетъ торжественно своему ландрату, что оно, дворянство, оскорблено его вчерашнимъ поступкомъ, а потому онъ не можетъ быть ландратомъ, и его уволили. Ранѣе этого слышалъ я, былъ въ Феллинѣ съѣздъ г.г. пасторовъ, и одинъ изъ нихъ, профессоръ Дерптского университета, сказаль публичную проповѣдь на тему, что страна лифляндская обязана быть вѣрною женой своего повелителя только, доколѣ онъ самъ вѣренъ. Нашъ повелитель началъ измѣнять странѣ, и она вольна отплатить ему тою же монетой. Заговорилъ было г. Альбединскій о реформахъ въ Балтійскомъ краѣ, въ духѣ русскомъ, о русскомъ языке и о присяжныхъ изъ крестьянъ, его въ Питерѣ и слушать не хотѣли. Выпросилъ онъ 600 тысячъ рублей на постройку православныхъ церквей,—надъ нимъ за это чуть не въ глаза смѣются... Поэтому мы не на шутку унываемъ: съ отбытіемъ г. Альбединскаго не рухнуль бы и проектъ о построеніи церквей. Тогда послѣдняя бѣда будетъ горше первой». Вотъ въ главныхъ чертахъ своихъ, почтеннѣйшій батюшка, письмо весьма скромнаго и сдержаннаго преосвященнаго Веніамина. Вы видите, что и здѣсь, къ несчастію, какъ и вездѣ на Руси, сомнѣніе, почти

слѣдующихъ условіяхъ: 1) при тщательномъ выборѣ нашего духовенства и строгомъ, совершенно безпристрастномъ контролѣ всѣхъ его дѣйствій. Между духовенствомъ, какъ русскимъ, такъ и латышскимъ и эстонскимъ, должно быть полное равенство, согласіе и любовь, при благородномъ соревнованіи лишь единственно къ пользѣ общаго дѣла. 2) Всему духовенству, особенно же русскому, должно быть неустанно внушаемо безкорыстное, вполнѣ гуманное и согласное съ евангелиемъ братское обращеніе нашихъ причтовъ съ ихъ прихожанами, чѣмъ мы, русскіе, должны, въ особенности, стараться отличаться отъ иѣмецкихъ бароновъ, чиновниковъ и пасторовъ. Наконецъ, въ 3-хъ, позвольте мнѣ, преосвященный владыка, убѣдительнѣйше просить васъ не чуждаться болѣе такъ старообрядцевъ, составляющихъ по сіе время большинство русскаго населенія въ Ригѣ; вспомните отпошенія покойнаго митрополита Филарета и теперешняго Иннокентія къ московскимъ старообрядцамъ и всю пользу, принесенную православію такими просвѣщенными, по-истинѣ пастырскими отношеніями, и вы согласитесь со мной, что во взглядѣ на русскихъ старообрядцевъ не столько какъ на отщепенцевъ церкви, сколько на русскихъ людей, могущихъ принести огромную пользу общему для всѣхъ настѣ дѣлу, будетъ болѣе христіанскаго чувства и политического смысла... Наконецъ, это есть и единственное средство сблизить ихъ съ нашою церковью, всегда готовою, какъ нѣжная мать, открыть объятія для всѣхъ заблудшихъ своихъ сыновъ...

Надѣюсь, что ваше преосвященство не погибаетесь за мою прямую и откровенную рѣчь: въ радости моей отъ радостнаго события вашего утвержденія, я почтѣ моимъ долгомъ высказать предъ вами мои глубокія убѣждѣнія, какъ отъ собственнаго моего лица, такъ и отъ лица Москвы, которой имѣю честь быть представителемъ..."

отчаяніе... Что это: измѣна ли, или не менѣе того пагубный индифферентизмъ преступнаго противъ Россіи и царя ея космополитизма? Что бы ни было, послѣдствія, къ несчастію, одни и тѣ же... Вотъ единственная причина поѣздки моей въ Стутгартъ, вотъ почему—именемъ самого Бога мы умоляемъ ея величество, какъ дщерь Россіи и славной памяти императора Николая, предостеречь ея царственнаго брата отъ внутреннихъ враговъ его и отечества. *Dixi et animam levavi! Сердце царево въ руцѣ Божій... Да будетъ Его пресвятая воля»...*

Дѣйствительно, сообщаемыя въ этомъ письмѣ подробности, почерпнутыя изъ отвѣта преосвященнаго рижскаго графу Комаровскому, были возмутительны, и я сообщилъ ихъ барону Вольфу. Тотъ, конечно, сталъ на свою точку зрѣнія, въ то время казавшуюся такою законною даже въ глазахъ нашего правительства, и разразился въ жалобахъ на несправедливость и притѣсненія со стороны русскихъ. Все это я сообщилъ графу Комаровскому и въ отвѣтъ получилъ отъ него цѣлое историческое изложеніе событій послѣдняго времени въ нашемъ Прибалтийскомъ краѣ. Всѣ эти подробности такъ интересны и для настоящаго времени, что я прилагаю здѣсь какъ это письмо графа Комаровскаго, такъ и приложеніе къ нему.

«Зальцбурнъ. 13-го (25-го) мая 1870 г. Возраженіе г. Вольфа на переданныя вами ему слова преосвященнаго Веніамина для меня не новость—я уже много разъ это слышалъ. Возраженіе это несправедливо. Отчего, прежде, не было того, что мы теперь видимъ въ Балтийскомъ краѣ? Оттого, что до рѣчи рижскаго епископа Вальтера, произнесенной имъ въ 1864-мъ или 1865-мъ г. (навѣрно не помню), при открытии лифляндскаго ландтага, никто въ Россіи, ни правительство, ни общество, не обращалъ вниманія на Балтийскій край и не зналъ, что тамъ дѣлается. Но когда высшее лицо изъ лифляндскаго духовенства, съ высоты духовной каѳедры, въ сильныхъ выраженіяхъ, стало укорять лифляндскихъ нѣмцевъ въ равнодушіи къ национальнымъ интересамъ и напомнило имъ о святой ихъ обязанности: обращать въ нѣмцевъ всѣхъ живущихъ на нѣмецкой землѣ,—тогда взрывъ негодованія раздался по всей Руси, и не пресса наша первая заговорила тогда о балтийскихъ порядкахъ, а заговорили всѣ тѣ письма, которыя, со всѣхъ сторонъ, ежедневно сыпались тогда въ редакціи всѣхъ нашихъ газетъ; пресса наша лишь повиновалась настойчивымъ требованіямъ общественнаго мнѣнія, наученнаго недавнимъ опытомъ 1863-го года. Съ рѣчи епископа Вальтера началась та борьба, которая по нынѣ продолжается. Вальтеръ былъ, однако, не совсѣмъ правъ въ своихъ обвиненіяхъ: духовенство лютеранскоѳ и среднее сословіе, особенно же такъ называемые литераты, давно уже усиленно трудились п употребляли всевозможныя

мѣры къ онѣмеченію Балтійскаго края,—но дворянство, превосходно устроивъ свои дѣла, при освобожденіи крестьянъ, оставалось, по разнымъ причинамъ, безучастно; поэтому на него-то, въ особенности, обращены были громы обличителя. Крестьянская и другія реформы, составляющія славу нынѣшняго царствованія, отозвались сильно и въ Балтійскомъ краѣ: для угнетенныхъ латышей и эстовъ блеснула лѣчъ надежды, между тѣмъ, какъ тамошніе землевладѣльцы стали опасаться за свою собственность и за свои привилегіи, и эти-то опасенія, гораздо дѣйствительнѣе Вальтеровскихъ обличеній, сблизили дворянство съ духовенствомъ и среднимъ сословиемъ... Когда наша пресса обратила наконецъ вниманіе на Балтійскій край, тогда поѣхали туда и русские туристы, и заговорили объ утѣсненномъ положеніи своемъ живущіе тамъ русскіе люди и тамошнее православное духовенство робко осмѣливалось поднять и свой голосъ о недостаткахъ всякаго рода православныхъ храмовъ и школъ, и о приниженнемъ своемъ тамъ положеніи... Лѣтомъ 1866 г., къ всеобщему изумленію, совершилась дивная 7-ми дневная кампанія, приведшая прусаковъ къ вратамъ Вѣны: ихъ быстрое торжество и побѣдные крики электрической искрой пробѣжали по всему Балтійскому краю и, разумѣется, оставили въ немъ глубокіе слѣды. Когда, черезъ годъ послѣ того, лѣтомъ 1867 г., государь нашъ, въ бытность свою въ Ригѣ, съ свойственнымъ ему благородазуміемъ, возвѣстилъ балтійцамъ о необходимости нѣкоторыхъ реформъ, возвѣщеніе это принято было привилегированными лояльными нашими соотечественниками, повидимому, съ покорностію,—но, на самомъ дѣлѣ, съ сильнымъ негодованіемъ и съ полной рѣшимостью всевозможной оппозиціи... (Говорю это, какъ и все прочее, не по наслышкѣ и не изъ нашихъ газетъ только,—a de visu и de auditu, въ продолженіе 8-ми лѣтъ посѣщающей тамошній край). Съ этого времени начинаетъ складываться у балтійскихъ вѣмцевъ и нѣльпо-гнусное понятіе: земля наша относится къ нашему государю (*Landesherr*), какъ жена къ своему мужу: пока онъ ей вѣренъ и она обязана ему вѣрностью, какъ скоро онъ ей измѣняетъ, и она можетъ послѣдовать его примѣру!?!.. понятіе, высказываемое теперь уже на всѣ тоны и лады фонъ-Бокками, Ширрелами, Сиверсами, Эккортами, Катнерами и многими другими, выступающими за границей на помощь ревельскихъ, дерптскихъ и рижскихъ газетъ для ослѣпленія и обмана заграничной и туземной публики и устрашенія русского правительства.

«Вы спрашиваете, многоуважаемый батюшка, почему мы заставляемъ поляковъ и вѣмцевъ молиться по-русски? Сколько мнѣ известно, мы до сего времени, не только никогда не заставляли никого молиться на нашемъ языкѣ, государственномъ въ Россіи, но постоянно, всегда, воспрещали это дѣлать въ Литвѣ и на Волыни, и только недавно пра-

вительствомъ дано разрѣшеніе населеніямъ, въ случаѣ ихъ желанія, заявлять объ этомъ... Что же касается нѣмцевъ, то куда тамъ вводить въ ихъ церкви нашъ языкъ, когда они не допускаютъ его въ суды и школы... Единственный, извѣстный мнѣ, случай, подходящій будто подъ это обвиненіе,—это предложеніе эстляндскаго губернатора Галкина служащимъ въ его губерніи лицамъ присутствовать въ царскіе дни на молебнахъ въ православныхъ храмахъ; но развѣ это религіозное принужденіе? много—много, что служебное... А какой крикъ подняли изъ за этого нѣмцы! и какъ отвѣтили на это? принужденіемъ лифляндскаго губернскаго предводителя фонъ-Нолькена, подписавшаго недавно адресъ лифляндскаго ландтага, выйти въ отставку... А какъ отблагодарили лояльные подданные своего государя за освобожденіе ихъ отъ обязанности крестить въ православную вѣру дѣтей отъ смиренныхъ браковъ? не упоминувъ объ этой мѣрѣ, въ Россіи никому не понравиша и въ Балтійскомъ краѣ производящей столько семейнаго раздора, —нигдѣ, ни единymъ словомъ,—а, напротивъ, усугубленіемъ своей браны противъ Россіи и русскихъ, и усиленіемъ своей оппозиціи правительству!...

«Почему мы вдругъ такъ раздражились противъ нашихъ нѣмцевъ?

«Потому, что издавна пользуясь въ Россіи привилегированнымъ положеніемъ, занимая въ войскахъ, администраціи, судахъ и школахъ всегда лучшія мѣста, наши балтійские нѣмцы, наши дорогіе культуртрегеры, по врожденному имъ самообольщенію, никакъ не хотятъ признать ни славныхъ реформъ нынѣшняго царствованія, ни благодѣтельныхъ ихъ послѣдствій для всего русскаго народа, они все видятъ въ настѣ тѣхъ же малыхъ и глупыхъ дѣтей, которыми они такъ издавна привыкли помыкать и водить на помочахъ... Diese dummen Russen pfui!.. И не замѣчаютъ они, бѣдные слѣпцы, тѣхъ огромныхъ успѣховъ, которые, по милости Божіей, и предводимые своимъ царственнымъ реформаторомъ, сдѣлали эти dummen Russen съ 1861 и 1863 годовъ... что если мы отъ нихъ еще въ чемъ нуждаемся—такъ это, можетъ быть, въ преподавателяхъ древнихъ языковъ—и то замѣнимъ ихъ чехами... Наконецъ, мы раздражены еще на нашихъ нѣмцевъ за ихъ неблагодарность, за ихъ лживую лояльность, — за то, что они хороши лишь, пока ихъ не трогаютъ и не заглядываютъ въ ихъ замкнутый мірокъ; коль скоро же дерзнули обратить вниманіе и на то, что у нихъ дѣлается, и стали прислушиваться и къ стонамъ замуравленныхъ ими латышей и эстовъ—тогда Changement à vue complet—тѣ же благодушные и лояльные нѣмцы подняли крикъ и вопль на весь Божій міръ, стали скликать на Русь крестовый походъ всего германскаго гезамтфатерланда, и дерзко и открыто стали высказывать свои понятія и теоріи—одна нелѣпѣ другої... Пора же положить конецъ

такому безобразию.— Я увѣренъ, что при первомъ появленіи—не говорю строгости—хотя бы послѣдовательной твердости со стороны нашего правительства противъ въбалмошныхъ и избалованныхъ имъ дѣтей, въ Транснаровіи (незабвенное открытие русскаго академика Бера) все разомъ стихнетъ и смолкнетъ, и наши нѣмчики забѣгаютъ въ запуски другъ передъ другомъ, умоляя предать прошлое забвению и гнѣвъ положить на милость. Повѣрьте, многоуважаемый батюшка, такъ есть—такъ и будетъ.

«Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою Г. А. Комаровскій.

«Мои всѣ вами и Софіѣ Александровнѣ кланяются.

«Сейчасъ прочелъ въ газетахъ о переводѣ барона фонъ-Бруннова въ Парижъ и князя Орлова въ Лондонъ».

Зальцбурнъ 18-го (30-го) мая 1870 г.

«Многоуважаемый батюшка. Послѣднее писаніе, которымъ я отвѣчалъ я поченное письмо ваше и на возраженіе г. Вольфа, и с торицескимъ изложеніемъ событій въ Балтійскомъ краѣ, известныхъ мнѣ какъ очевидцу,—дотого удлинилось, что мнѣ стало даже совсѣмъ такъ долго утомлять ваше вниманіе. Мнѣ желалось бы, однако, очистить себя въ вашихъ глазахъ отъ мнѣнія, которое, можетъ быть, вамъ дало обо мнѣ послѣднее мое письмо. Я слишкомъ уважаю заслуги нѣмцевъ въ наукѣ и искусствѣ, и признаю пользу, принесенную Россіи нашими прибалтійскими соотечественниками, чтобы быть ein Deutschfresser, или врагомъ нѣмцевъ даже транснаровскихъ,— но я дотого ненавижу интригу, неблагодарность и лесть, къ сожалѣнію, въ столь широкихъ размѣрахъ прилагаемая теперь въ Балтійскомъ краѣ, что, признаюсь, не могу совершенно хладнокровно говорить о томъ, что намъ непремѣнно хотятъ показать бѣлымъ и чистымъ, въ то время, какъ до глубины души моей, я убѣженъ, что оно грязно и черно...

«Не знаю, помните ли вы бесѣду нашу въ Стутгартѣ и высказанное мною убѣженіе, что никогда балтійские нѣмцы не осмѣлились бы такъ дерзко выступать противъ нашего правительства, если ихъ не поддерживали и не подстрекали бы со стороны. Вчера навѣстилъ меня нашъ докторъ, бывшій любимый ассистентъ Лангенбека, а теперь штаб-докторъ и Sanitätsrath, дѣлавшій съ прусскими войсками оба послѣдніе похода, горячій патріотъ, но при этомъ, по нѣмецкому выраженію, и ein biederer und rechtschaffener Mann. Въ разговорѣ я выразилъ удовольствіе за блестательный приемъ государя нашего въ Берлинѣ и высказалъ мнѣніе, какъ легко германскій и славянскій вопросы могли бы разрѣшиться при родственныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ нашего императорскаго дома съ прусскимъ королевскимъ семействомъ и

при соглашении прусской политики съ нашей. Меня удивляло только отсутствие Варцинского отшельника... Слушая мои речи desideria, докторъ качалъ головой и когда я спросилъ его о причинѣ его сомнѣнія, онъ отвѣчалъ: «да, если Бисмаркъ бы былъ бы другой человѣкъ и руководился бы другими правилами,—но припомните возбужденіе венгерцевъ противъ австрійского правительства во время войны 1866 г.,—посмотрите на происходящее теперь въ Балтійскомъ краѣ и будьте увѣрены, что и во Франціи и въ Парижѣ не обходятся безъ Бисмарковыхъ интригъ»... Такое подтвержденіе нашихъ подозрѣній со стороны пруссака-патріота, имѣющаго большія связи и знакомства, меня поразило, и я почелъ нужнымъ вамъ о томъ сообщить.

«Съ совершеніемъ уваженіемъ и преданностью остаюсь, дражайший батюшка, вашимъ покорнѣйшимъ слугой Г. А. Комаровскій».

Между тѣмъ, наступало лѣто 1870 года, столь чреватое важными событиями, о которыхъ никто почти наканунѣ ихъ не имѣлъ ни малѣйшаго предчувствія. Напротивъ, все шло своимъ мирнымъ чередомъ, все какъ будто обѣщало спокойное теченіе лѣтняго сезона. Нашъ государь успѣлъ безмятежно окончить свое лѣченіе въ Эмсѣ и воротился, побывавъ по дорогѣ въ Фридрихсгаузѣ у королевы. Сама королева отправилась въ Швейцарію на лѣтнее пребываніе. Мой старый пріятель В. П. Титовъ, зная, что я сталъ свободенъ отъ службы, писалъ мнѣ изъ Россіи, приглашая меня съѣхаться съ нимъ въ Оберъ-Аммергау на представлѣніи Страстей Господнихъ по обѣщанію, взаимно данному 10 лѣтъ тому назадъ снова побывать на этомъ рѣдко виданномъ зрелищѣ, которое дается черезъ 10 лѣтъ въ десятичные годы столѣтія. Но мнѣ невозможно было принять это приглашеніе въ назначенный Титовымъ срокъ, такъ какъ мнѣ предстояло семейное торжество, именно свадьба моего старшаго сына 1-го (13) іюля въ Висбаденѣ. Этотъ городъ былъ избранъ для совершенія его бракосочетанія какъ потому, что родственники его жены находились въ это время на водахъ въ окрестностяхъ Висбадена, такъ еще болѣе потому, что въ этомъ городѣ родился мой сынъ и тамъ же была могила его матери. И вотъ всѣ мы собрались на нашъ праздникъ. Но когда послѣ торжественнаго и веселаго обѣда наши молодые, собираясь въ свое свадебное путешествіе, заплы къ банкиру размѣнять русскія ассигнаціи на нѣмецкія деньги, имъ сказали, что теперь не принимаютъ никакихъ бумагъ, по случаю объявленія войны Франціею Германіи. «Какъ? когда? почему?»—всѣ спрашивали другъ друга. Оказалось, что въ то самое время, какъ мы праздновали нашу свадьбу, въ Эмсѣ, гдѣ въ то время пребывалъ прусскій король, произошла известная сцена между нимъ и французскимъ посломъ, окончившаяся объявлениемъ войны со стороны Франціи. Нужно было видѣть, какое произошло вслѣдствіе этого смятенія между всѣми

иностраницами, находившимися въ ту минуту на водахъ. Всѣ, кто только могъ, спѣшили воротиться по домамъ. Мои молодые, вмѣсто предполагавшагося путешествія, отправились въ Гейдельбергъ, чтобы черезъ Баденъ-Баденъ возвратиться въ Стутгартъ. Я тоже отправился домой, ожидая прибытия ихъ къ себѣ на другой или на третій день. Но вмѣсто того, мнѣ пришлось проходить ихъ не сколько дней, такъ какъ въ это время началось сильное передвиженіе войскъ, и всѣ поѣзда желѣзныхъ дорогъ были заняты исключительно перевозкою на западную границу войска. Мои молодые какъ разъ попали въ это лихорадочно-военное движение, выѣхавъ изъ Бадена на какомъ-то товарномъ поѣздѣ и вмѣсто обычныхъ 3 часовъ ѻзы отъ Бадена до Стутгарта, пробывъ чуть не двое сутокъ въ дорогѣ. На каждой станціи ихъ высаживали, и поѣздъ ихъ брали подъ военный багажъ, оставляя ихъ на станціи ждать другаго удобнаго случая для слѣдованія дальше. А когда такой случай представлялся, то на слѣдующей станціи повторялась та же история—пассажировъ высаживали, а поѣздъ брали подъ войска. Мнѣ самому пришлось въ это время испытать такое неудобство. Позвали меня въ Гейдельбергъ къ управляющему тамъ русскому. Изъ Стутгарта я могъ еще выѣхать съ обыкновеннымъ поѣздомъ, но, прїехавъ въ Бруксалъ, я нашелъ тамъ всю станцію запруженную войсками всѣхъ оружий, и конечно нашъ поѣздъ былъ тотчасъ взятъ подъ войска, и мнѣ пришлось бы просидѣть на станціи, можетъ быть, цѣлия сутки, если бы я не заявилъ о своемъ званіи и цѣли моей поѣздки въ Гейдельбергъ. Тогда только мнѣ дали мѣстечко въ поѣздѣ и довезли меня до мѣста моего назначенія.

Между тѣмъ, по первому извѣстію о войнѣ король и королева воротились въ Стутгартъ, гдѣ уже образовалось санитарное общество Краснаго Креста, во главѣ котораго стала королева и въ работахъ котораго, заготовленіи корпіи, бинтовъ для раненыхъ и т. п. приняли участіе и русскія дамы, находившіяся тогда въ Стутгартѣ. Мнѣ, конечно, нельзя было болѣе удаляться изъ дома, и В. П. Титовъ долженъ былъ безъ меня сдѣлать условленный было совмѣстный пелеринажъ на представление Страстей Господнихъ. Интересно его письмо ко мнѣ по возвращеніи его съ этого зрѣлища. Вотъ что онъ писалъ мнѣ изъ Рагада, куда онъ прїехалъ для лѣченія.

«Рагадъ. 22-го іюля (3-го августа) 1870 года. Крайне жалѣю, что судьба, сильнейшая воли человѣческой, не допустила меня вполнѣ и буквально привести въ исполненіе десятилѣтній обѣтъ—встрѣтиться съ вами на духовномъ представлѣніи лѣтомъ 1870 года въ Оберъ-Аммергау. Кто бы подумалъ? Мы, прїѣзжіе съ далекаго сѣвера, благополучно туда попали; а вамъ—осѣдлому, постоянно близкому сосѣду—проказница нечаянность въ послѣднюю решительную минуту помѣшала. Впрочемъ

и для насъ удача висѣла на волоскѣ. Въ Мюнхенѣ всѣ сначала увѣряли, что игра 5-го (17-го) іюля была послѣднею, что мы явились «*viel zu spät*» и дѣйствительно, *Iesus Christ*, служа канониромъ и унтеръ-офицеромъ въ резервѣ 2-го баварско-артиллерійскаго полка, былъ уже вызванъ къ своей пушкѣ. Потомъ стали разсказывать, что игра еще будетъ, но плохая, съ помощью кое-какихъ подставныхъ актеровъ. Только въ пятницу 10-го (22-го) мы были ободрены достовѣрнымъ свѣдѣніемъ, что юный король Людвигъ, внемля убѣдительной и слезной докукѣ сельского общества, разрѣшилъ, не въ примѣръ другимъ, отпустить канонира на одну недѣлю, такъ чтобы представленіе 12-го (24-го) не только совершилось, но совершилось во всей первобытной полнотѣ и порядкѣ, ни въ чемъ не измѣняя прежняго состава труппы. И подлинно, представление вышло славное. Весь ландшафтъ и погода были еще лучше 1860 года. Въ отсутствіи вашемъ, представителемъ православнаго духовенства, въ числѣ зрителей былъ И. Л. Янышевъ. Моя жена и строгіе знатоки, г-жа Муханова (Калержи) и присоединившія къ ея свитѣ аббать Листъ находили весьма слабыми хоры и всю вообще музыкальную часть. Сценическаго совершенства никто не могъ и чаять. Но всѣ единогласно хвалили въ игрѣ сельскихъ артистовъ то же, что меня съ вами такъ пріятно поразило десять тому лѣтъ: неподдельную простоту, задушевность и безукоризненное, строго сдержанное достоинство лантомимы, походки, произношенія и голоса. Женщины, какъ актрисы, замѣтно были ниже мужчинъ. Богоматерь, годомъ старѣе бывшей знакомой нашей 1860 года, игрою столь же посредственна, а лицомъ менѣе миловидна. Напротивъ, роль Спасителя, по всеобщему сознанію, исполнена въ совершенствѣ, между прочимъ благодаря именно тому обстоятельству, что исполнитель былъ не записной актеръ, не городской артистъ, а простодушный сынъ зелено-величавой альпійской долины, гдѣ быстрыми струями бѣжитъ и журчитъ прозрачная, чистая, какъ слеза, знакомая намъ рѣчка Аммеръ. Въ концѣ всего послѣдовало со сцены громогласное объявление, что подъ гнетомъ военной тревоги представленія теперь закрываются, но съ такою надеждою, что Богъ дастъ возобновить ихъ во второй половинѣ будущаго лѣта. Тогда вамъ книги въ руки, почтеннѣйший батюшка. Усердно желаю, чтобы удалось и вамъ, и великой княжнѣ Вѣрѣ съ ея свитою насладиться въ 1871 году тѣмъ же зреющимъ. А мнѣ уже, какъ Богу угодно. Правду сказать, боюсь глубокой, умственно и тѣлесно инвалидной старости. Но если Господня воля такова, чтобы мнѣ еще 10 лѣтъ кружиться подъ луною, то я не прочь и въ 1880 году воротиться дряхлымъ дѣдушкою, взглянуть на тотъ же *Passion-Spiel*, на крестъ, осыпнющей долину и деревню съ верхушки востраго зубца исполинской скалы, на свѣжую зелень ароматныхъ луговъ и лѣсистыхъ крутогоровъ. Мы всѣ скрѣпя

сердце уѣхали въ тотъ же вечеръ назадъ въ Мюнхенъ. Но до отѣѣзда я водилъ о. Янышева посмотрѣть нашъ съ вами noctlegъ 1860 года и возобновить знакомство съ тогдашними хозяевами. Нашли на томъ же мѣстѣ софу, на которой я ночевалъ съ 30 душами швабовъ, и верхнюю свѣтлку, гдѣ вы квартировали съ докторомъ Сашей...

«Вотъ вамъ, батюшка, полный доскональный отчетъ. Спѣшу сплавить письмо, дабы не упустить почты. Сію минуту получаю милостивую отвѣтную депешу ея величества. Вашъ В. Т.»

Уже въ началѣ августа послѣ первого кровопролитнаго сраженія при Вѣртѣ, начали прибывать раненые, которыхъ встрѣчали на станціи желѣзной дороги санитары, затѣмъ скоро стали прибывать и плѣнныя, не въ одиночку, но цѣлыми тысячами, которыхъ чрезъ Стутгартъ направляли въ крѣпость Ульмъ. И этихъ несчастныхъ сострадательныя дамы угождали на станціи виномъ, пивомъ и сосисками. Много было между плѣнными и туркосовъ, которыхъ дамы тоже старались угождать, но къ ихъ немалому изумленію были такъ неучтиво отталкиваемы этими свирѣпыми воинами, что у нихъ летѣли изъ рукъ подносы съ ихъ винами и сосисками. Бѣдныя доброволки-сестры милосердія забывали, что туркосы—мусульмане, и что для нихъ и вино, и свинина были оскорблениемъ ихъ религіозныхъ чувствъ.

Такъ проходило лѣто среди тревогъ военнаго времени, какъ вдругъ въ первыхъ числахъ сентября наши величества рѣшились оставить Стутгартъ, чтобы воротиться въ ихъ лѣтнюю резиденцію—Фридрихсгаузенъ. Я поспѣшилъ на желѣзную дорогу, чтобы проститься съ королевою, которая встрѣтила меня словами:

— Ну, слава Богу, все кончено! Мы разбили окончательно французовъ при Седанѣ и самого Наполеона взяли въ плѣнъ. Теперь можно вздохнуть свободно.

Но если бы королева могла знать въ эту минуту, какъ еще далеко не все было кончено и сколько еще тяжелыхъ потерь пришлось понести ея вѣрнымъ виртембергцамъ въ продолженіе этой войны, затянувшейся еще на цѣлые полгода! Началась осада Парижа, и при одной вылазкѣ французовъ около Шампини 2-го декабря однихъ виртембергцевъ пало 384 убитыми и около 1.500 человѣкъ ранеными. Въ этой стычкѣ погибли между прочими два единственныхъ сына камергера королевы графа Таубе, прекрасные юноши, изъ которыхъ одинъ былъ на службѣ, а другой пошелъ добровольцемъ на войну. Оба они находились въ стрѣлковомъ батальонѣ и впереди всѣхъ были высланы противъ непріятеля. Пуля поразила старшаго брата; младшій, находившійся рядомъ съ нимъ, нагнулся, чтобы пособить брату и тутъ же палъ пораженный такою же пулею. Когда ихъ тѣла привезены были въ Стутгартъ для погребенія, весь городъ собрался на похороны,

и только слышны были со всѣхъ сторонъ рыданія при видѣ престарѣлыхъ и всѣми уважаемыхъ родителей, лишившихся вдругъ всѣхъ радостей жизни въ лицѣ своихъ юныхъ, подававшихъ столько надеждъ сыновей. И сколько было подобныхъ душу раздиравшихъ сценъ при погребеніи павшихъ въ эту войну молодыхъ людей!

Но отдохнемъ отъ этихъ илачевныхъ сценъ и возвратимся къ мирнымъ занятіямъ. Осеню этого года мой знакомый профессоръ Тиршъ, извѣстный ирвингіанецъ, переславъ мнѣ отъ имени своего пріятеля Местраля изъ Лозанны изданную имъ книгу: «Tableau de l'eglise chretienne» съ замѣчаніемъ, что авторъ въ своей книгѣ отдаетъ полную справедливость восточной церкви. По этому поводу у меня завязалась переписка съ г. Местралемъ, которая впрочемъ скоро приняла оттѣнокъ политической, чѣмъ легко объяснить совершившимися тогда событиями. Я прилагаю здѣсь два письма этого господина для тѣхъ, кто захотѣлъ бы поинтересоваться тогдашнимъ настроениемъ умовъ по вопросу обѣ общѣй политикѣ и въ особенности о пробуждавшейся уже тогда мысли сближенія Франціи съ Россіею.

Вотъ эти два письма:¹⁾

Лозанна, 22-го сентября 1870 г.

«Милостивый государь, въ то время когда мы обмѣнялись послѣдними письмами, мы были далеки отъ того, чтобы предвидѣть странный кризисъ, который вскорѣ разразился. Правда, въ духовной области ожидали провозглашенія догмата о непогрѣшности папы, и это никого не удивило. Въ сущности, это есть только дальнѣйшее развитіе въ мірії ої власті Рима (*du romanisme*), которая давно уже овладѣла западной католической церковью, и новый догматъ не измѣнитъ, по всей вѣроятности, сколько-нибудь существеннымъ образомъ положеніе этой церкви по отношенію прочихъ церквей христіанскаго міра. Она уже обособлена отъ нихъ на первенствующую роль своимъ притязаніемъ, которое снова подтверждено соборомъ, и при томъ съ согласія епископовъ, возстающихъ противъ догмата о непогрѣшности. Но особенно благотворная и неизмѣримая послѣдствія можетъ имѣть совершившееся нынѣ, гораздо скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, паденіе свѣтской власти папы. Весьма вѣроятно, что папа, принужденный ограничиться одною духовною властью (ни болѣе, ни менѣе, какъ патріархъ константинопольскій и архиепископъ кантберейскій), будетъ держать себя нѣсколько менѣе надменно и высокомерно по отношенію къ прочему христіанскому міру. Вниманіе умовъ, интересующихся дѣлами религіи, весьма естественно будетъ, въ скромъ времени, обращено на великія событий, совершившіяся въ Римѣ 18-го іюля и 20-го сентября. Въ настоящую ми-

¹⁾ Въ переводѣ съ французскаго.

ицуя все взоры и, можно сказать, все мысли обращены исключительно на Парижъ, на Францію, столь подавленную и униженную. Какого бы взгляда ни держаться на причины этой войны и падающую за нее ответственность, невольно придется на умъ, что въ настоящее время Пруссія далеко преступила свои несспоримыя права и что она нарушает великие законы человѣколовія и христіанского милосердія, упорствуя въ своемъ походѣ на Парижъ послѣ побѣды при Седанѣ и плененія императора. Умѣреніость была бы, со стороны побѣдителя, болѣе разумною политикою, въ особенности въ виду будущаго. Даже въ интересахъ европейскаго равновѣсія весьма желательно, чтобы Франція могла выйти изъ этого кризиса не слишкомъ ослабленною. Надобно, въ особенности, желать, чтобы французскій народъ, выйдя изъ этого страшнаго испытанія умудреннымъ, болѣе смиреннымъ и болѣе проникнутымъ христіанскими идеями, вступилъ, если возможно, на путь своихъ прежнихъ монархическихъ традицій, отъ которыхъ онъ слишкомъ легко отказался въ 1830 г., когда была изгнана старшая и законная линія Бурбоновъ и когда этотъ народъ пустился производить всевозможные опыты, которые оказались прискорбными для него и для его сосѣдей, и привели къ разыгравшейся въ настоящее время катастрофѣ. Если будетъ возстановлена монархія, то я желалъ бы, чтобы вспомнили царственного изгнанника 1830 года, графа Шамбора, представителя законной власти, который, не имѣя дѣтей, могъ бы успновить кого-нибудь изъ принцевъ Орлеанскихъ и назначить его своимъ преемникомъ.

«Подобная комбинація имѣеть то преимущество, что она повела бы къ сліянію обоихъ фракцій монархической партіи, существующей во Франціи, и—что еще важнѣе—она возстановила бы въ умахъ идеи права и уваженія къ порядку вещей, ииспосыпалому Провидѣніемъ, и къ законной власти. Не менѣе важно было бы для Франціи распознать своихъ истинныхъ друзей и обеспечить себѣ союзъ съ ними. Такъ, союзъ съ Англіей, коего домогался Людовикъ Филиппъ и послѣ него Наполеонъ III и мысль о которомъ лежала до сихъ поръ Гизо, былъ по моему мнѣнію большой ошибкою, въ особенности въ томъ отношеніи, что онъ вовлекъ Францію въ систематическую вражду съ Россіей и въ гнусную Крымскую войну. Вотъ въ чёмъ мы очень хотѣлось бы убѣдить тѣхъ людей, которые держать и будуть держать въ своихъ рукахъ бразды правленія во Франціи, и я полагаю, что въ случаѣ если бы они стали искренне искать союза съ Россіей и дали бы на это какія-либо гарантіи (прежде всего пожертвовавъ для этого союзомъ съ Англіей), то они встрѣтили бы и со стороны Россіи соотвѣтствующее благопріятное настроеніе. Правда, родственныя узы, связующія императора съ некоторыми изъ германскихъ владѣтельныхъ

*

домовъ, создали бы, быть можетъ, въ настоящее время нѣкоторыя затрудненія, но подобного рода соображенія не могутъ вліять на общую политику Россіи. Я не имѣю претензій быть великимъ политикомъ, но во мнѣ давно уже возникло убѣженіе (основанное на исторіи) что союзъ между Франціей и Россіей былъ бы естественнымъ и благодѣтельнымъ для Европы и для христіанскаго Запада. Я пораженъ тѣмъ, что эта мысль начинаетъ высказываться въ настоящее время въ нѣкоторыхъ французскихъ журналахъ. Они подмѣтили, что союзъ съ Англіей сулитъ поддержку, которую она не оказываетъ въ минуту нужды. Къ сожалѣнію, католическое духовенство во Франціи не поддерживаетъ этихъ мыслей, такъ какъ оно относится весьма враждебно къ православной церкви и вслѣдствіе этого къ самой Россіи. Въ этомъ состоить главное препятствіе, которое надоѣно преодолѣть, но паденіе свѣтской власти папы облегчитъ, по всей вѣроятности, сближеніе, весьма желательное также и съ точки зреянія религіозной.

«Если вы полагаете, милостивый государь, что вышеизложенные мысли могли бы заинтересовать королеву Ольгу, которая можетъ имѣть весьма благотворное влияніе, то я ничего не имѣю противъ того, чтобы онѣ были сообщены ей.

«Примите, м. г.,увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и любви во Христѣ. А. де-Местраль, министръ».

Лозанна, 2-го ноября 1870 г.

«Милостивый государь, въ письмѣ, посланномъ мною 6 недѣль тому назадъ, я позволилъ себѣ изложить вамъ мои мысли относительно политического положенія Европы и тѣхъ отношеній, какія могли бы установиться между Франціей и Россіей. Съ тѣхъ поръ эти мысли еще болѣе упрочились въ моемъ умѣ.

«Для несчастной Франціи горизонтъ еще болѣе омрачился и, вмѣстѣ съ тѣмъ, я вижу, что нѣкоторая по крайней мѣрѣ часть прессы начинаетъ все болѣе высказывать желаніе сближенія съ Россіей. Эта мысль высказывается, правда, главнымъ образомъ въ органахъ легитимистской партии, которые стараются дать понять (и вполнѣ справедливо), что вступленіе на престолъ графа Шамбора представило бы наибольшія гарантіи для благополучія Франціи и для поддержанія мира въ Европѣ. Эти же самые журналы отмѣчаютъ тотъ фактъ, что старшая линія Бурбоновъ искала сближенія съ Россіей, какъ наиболѣе надежнаго союза, и что, къ сожалѣнію, эта политика была совершенно оставлена за послѣднія, 40 лѣтъ, такъ какъ Людовикъ Филиппъ и Наполеонъ III искали и добились союза съ Англіей. Я отлично знаю, м. г., что нѣкоторые влиятельные государственные люди, какъ напримѣръ г. Гизо и, быть можетъ, г. Тьеръ, раздѣляютъ до нынѣ это пристрастіе къ союзу

съ Англіей; я полагаю также, что если бы принцы Орлеанскіе стали снова у власти, то и они искали бы вначалѣ поддержки съ этой стороны. Тѣмъ не менѣе, я считаю возможнымъ, что общественное мнѣніе и ясное пониманіе истинныхъ интересовъ Франціи заставятъ умы склониться въ сторону Россіи, если бы эта держава чѣмъ-либо поддержала это настроеніе, если бы, напримѣръ, она оказала Франціи нѣкоторую существенную поддержку при происходящихъ въ настоящемъ время переговорахъ или на конгрессѣ, который состоится послѣ заключенія мира; весьма возможно, что будущіе правители Франціи оцѣнили бы услуги, оказанныя Россіей, и оказали бы со своей стороны содѣйствіе ея политическимъ интересамъ.

«Я упомянулъ о союзѣ съ Англіей. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, м. г., что онъ былъ пагубнымъ для Европы, а равно и для Франціи, и это убѣженіе постоянно возрастаетъ. Я желалъ бы, чтобы Англія была совершенно одинока и чтобы ея вліяніе на европейскій континентъ было совершенно ослаблено. Въ самомъ дѣлѣ, не нужно быть особенно дальновиднымъ, чтобы замѣтить, что за послѣднія 50 лѣтъ ея вліяніе всегда и вездѣ употреблялось для поощренія революціи какъ во Франціи, такъ равно и въ Италии и Польшѣ. Что касается моего возлюбленнаго отечества, нашей маленькой Швейцаріи, то это вліяніе чрезвычайно давало себя чувствовать въ этомъ отношеніи, во время войны Зондербунда ¹⁾, 23 года тому назадъ. Англійскій посланникъ, Р. Піль, (Peel), дѣйствуя по внушенію Пальмерстона, игралъ во время ся по истинѣ дьявольскую роль. Поэтому мыѣ представляется весьма желательнымъ, чтобы отнынѣ великія континентальныя державы, съ Россіей и Франціей во главѣ, стали по отношенію къ Англіи въ положеніе, если не болѣе враждебное то, по крайней мѣрѣ, держали бы себя относительно ея болѣе осторожно и недовѣрчиво. Эта нація, со всѣми своими сектами и своимъ сектантскимъ и эгоистическимъ духомъ, приноситъ также много зла и въ области религії.

«Я уже коснулся въ своемъ послѣднемъ письмѣ одного препятствія, которое мѣшаетъ повидимому сближенію Франціи съ Россіей, а именно антагонизма, существующаго между обѣими церквами. Я знаю, что во Франціи католическая пресса относится, къ сожалѣнію, къ православной церкви весьма несправедливо и страстно. Я счелъ долгомъ обратить на это вниманіе нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ католического духовенства, съ которыми я нахожусь въ сношеніи, а равно и г. Дюпанлу (Dupanloup), епископа орлеанскаго. Я пытаю нѣкоторую надежду

¹⁾ Политическій союзъ клерикальныхъ кантоновъ Швейцаріи, основанъ въ 1843 г. въ видахъ противодѣйствія радикальной политикѣ Швейцарскаго союза и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ кантоновъ.

на то, что римская церковь и ея руководители вступят вскорѣ на болѣе правильный путь. Совершающіяся нынѣ событія (побѣда протестантской Пруссии и утрата папою свѣтской власти), которыя будутъ имѣть послѣдствіемъ ослабленіе католицизма въ отношеніи его материального и политического вліянія, сообщатъ ему въ будущемъ характеръ религіи не столь господствующей и исключительной и облегчатъ такимъ образомъ весьма желательное сближеніе между христіанскими церквами, которыя будутъ тогда въ состояніи сплотить свои силы противъ общаго врага, невѣрія, который, повидимому, угрожаетъ намъ все болѣе и болѣе.

«Предоставляю, м. г., вамъ самимъ рѣшить, насколько умѣстно будетъ представить настоящее письмо для прочтенія ея величеству королевѣ, вліяніе которой можетъ быть столь благодѣтельно во всѣхъ отношеніяхъ. Г. Деляновъ, директоръ С.-Петербургской публичной библиотеки, сообщилъ мнѣ недавно, что его императорское величество видимо заинтересовался моюю Картиною церкви, коего одинъ экземпляръ попалъ въ его руки. Быть можетъ, его величество удѣлить также нѣсколько минутъ вниманія и политическимъ *ria desideria* автора».

«Примите, м. г., увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи. А. де Местраль, министръ.

«P. S. Сию минуту получилъ отъ г. Лауренги, редактора легитимистскаго журнала *Union* (издаваемаго нынѣ въ Турѣ) письмо, написанное, какъ мнѣ кажется, совершенно подъ вліяниемъ тѣхъ же мыслей и пожеланій, какія изложены мною выше».

Замѣчательно мнѣніе по этому предмету графа Д. А. Толстаго, которому я сообщилъ эти письма Местрала. Въ предвидѣніи государственного ума онъ справедливо замѣтилъ, что «союзъ Россіи возможенъ только съ Франціею уничиженною, которая—разумѣется—въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оправится». Впрочемъ, все это письмо графа Толстаго такъ интересно, что я прилагаю его здѣсь въ подлинникѣ.

«Милостивый государь Іоаннъ Іоанновичъ. Возвращаясь благодарностю письмо г. Местрала, долженъ сказать вамъ, что я во мнѣніи ему сочувствую: совершенно согласенъ съ его взглядомъ на коварный Альбіонъ и на возможность сближенія Россіи съ Франціею. Но въ этомъ послѣднемъ отношеніи мои убѣжденія имѣютъ значительные оттѣнки. Местраль, какъ французъ, по крайней мѣрѣ, по симпатіямъ, желалъ бы немедленного союза между двумя странами, дабы лишить Германію плодовъ ея побѣдъ,—что очевидно невозможно. Я же, какъ русскій, желаю этого въ будущемъ и думаю, что это сбудется, если Бисмаркъ сдѣлаетъ ошибку присоединеніемъ къ Германіи Эльзаса и Лотарингіи. Для нея это будетъ тѣмъ, что для насть Польши. Поэтому я вовсе не сокрушаюсь объ уничтоженіи Франціи, напро-

тивъ того, увѣренъ, что союзъ Россіи возможенъ только съ Франціею униженною, которая, разумѣется, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оправится. Вспомните прошлое: несмотря на всю естественность союза между двумя странами, которымъ дѣлить нечего, его не было ни при Бурбонахъ, ни при Орлеанахъ, ни, разумѣется, при Наполеонахъ. Франція сильная не нуждается въ Россіи; Франція ослабленная, униженная, не можетъ встать на ноги иначе, какъ съ помощью Россіи. Не Италия и не Австрія могутъ ей помочь. Провидѣніе устраиваетъ по-своему судьбы народовъ, и какъ знать—не выберетъ ли оно этотъ длинный путь для сближенія двухъ націй, чтѣ, по человѣческому взгляду, могло бы сдѣлаться искорѣе, и проще.

«Потрудитесь напомнить обо мнѣ ся величеству королевѣ,—къ которой я всегда сохраняю и сохраню самую благоговѣйную память».

15 ноября 1870 г.

Въ заключеніе описанія событий этого замѣчательнаго историческаго 1870 года не могу не сдѣлать выписки изъ письма ко мнѣ изъ Москвы графа Комаровскаго, характеризующей тогдашнее настроеніе общественнаго мнѣнія въ Россіи, и преимущественно въ Москвѣ, по поводу франко-германской войны.

«Странныя события,—писаль онъ мнѣ 31-го октября, происходящія нынѣ на западѣ, въ высшей степени интересуютъ все наше общество. Никогда не видано еще въ Россіи, въ самую даже эпоху крымской войны, чтобы люди всѣхъ сословій во всѣхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества слѣдили бы за политическими событиями съ такимъ любопытствомъ. Номера газетъ съ телеграммами раскупаются на расхватъ и вездѣ и во всѣхъ кружкахъ составляютъ предметъ оживленныхъ, даже страстныхъ бесѣдъ и споровъ. Если въ Петроградѣ, особенно въ начатѣ войны, было не мало приверженцевъ Германіи, то здѣсь, въ Москвѣ, да и во всей остальной Россіи, симпатіи всего общества были на сторонѣ французовъ. Съ седанской катастрофы, ясно обнаружившей настоящія цѣли и стремленія короля Вильгельма и его сподвижниковъ, симпатіи всѣхъ русскихъ людей перешли решительно на сторону французовъ. Мы все съ сильнейшою грустью видимъ, что правительство наше, упуская случай и благопріятнѣйшее время занять опять въ Европѣ то первенствующее мѣсто, которое съ такою честью и славою занимали императоры Александръ I-й и Николай, и которое такъ приличествуетъ правительству великаго и преданнаго народа—увы!—упорствуетъ въ своемъ нейтралитетѣ, благосклонномъ къ Германіи и враждебномъ къ естественной союзницѣ нашей Франціи... Дай Богъ, чтобы намъ не пришлось въ этомъ поздно раскаиваться».

Интересно также, какое впечатлѣніе производили события 1870—

1871 г. и въ глубинѣ нашего отечества. Объ этомъ мнѣ писалъ изъ Костромы отъ 3-го февраля 1871 г. тамошній вице-губернаторъ А. Д. Свербѣевъ слѣдующее:

«События въ Франціи и настѣ здѣсь сильно донимаютъ. Но что будетъ и на долго ли Европа стать казармою? гдѣ конецъ бойни и гдѣ будеть новое ея начало? Удовольствуются ли нѣмцы своимъ единствомъ или примутся еще за восточный вопросъ? Какъ должно быть странно въамъ въ этой единой Германіи поневолѣ вспоминать 66-й годъ и борьбу противъ желанного тогда и достигнутаго Пруссіей единенія. А теперь недалеко и до цѣли, никто уже не подымается противъ *kaiser'a* и долго ли просуществуютъ отдѣльныя царства. Это узнаетъ близкое потомство».

Въ 1871 году въ іюлѣ праздновалась серебряная свадьба короля и королевы въ присутствіи покойнаго государя Александра Николаевича. По этому случаю мнѣ была пожалована первая звѣзда Анны I-й степени, а отъ короля, кромѣ ордена Фридриха, выбитая по этому случаю серебряная медаль.

Послѣ празднествъ въ Фридрихсгаузѣ, я воротился на свой Ротенбергъ къ мирнымъ занятіямъ, гдѣ нашелъ отъ моего рѣянааго корреспондента по текущимъ церковно-политическимъ дѣламъ письмо изъ Лозанны г. Местрала, который подписывался на своихъ письмахъ: *A de Mestrale ministre*, разумѣя, конечно, подъ послѣднимъ словомъ свое званіе протестантскаго пастора. По поводу только-что окончившейся войны между Франціей и Германіей этотъ, хотя и швейцарецъ, но горячій французскій патріотъ, былъ очень озабоченъ судбою французской націи и тогда еще провидѣлъ спасеніе ея въ тѣсномъ союзѣ съ Россіею, и не въ одномъ только политическомъ, но и церковномъ отношеніи. «Для нравственного возстановленія Франціи, писалъ онъ мнѣ въ этомъ письмѣ, особенно желательно, чтобы тамъ возымѣла свое вліяніе религія; Но какая религія? Есть много людей, которые громко говорятъ, что католичество составляетъ главное препятствіе къ возрожденію Франціи, что она не найдетъ себѣ другаго спасенія, какъ въ протестантствѣ. Но, хотя я самъ протестантъ, я думаю, что это большое заблужденіе. Прежде всего трудно ожидать, чтобы нація такъ легко могла порвать со всѣмъ своимъ прошедшемъ со всею своею исторіею. Протестантство, какъ оно теперь находится во Франціи, мало прибавило бы этой націи нравственной силы и счастія. Оно само находится въ глубокомъ распаденіи и—что еще хуже—проникнуто принципами рационализма, субъективизма и пуританства. Это нѣкоторымъ образомъ религія безъ авторитета, безъ правиль, безъ церемоній, безъ таинствъ. Но и самый католицизмъ во Франціи совсѣмъ не то, чѣмъ бы онъ долженъ быть для этой націи умной, но въ то же время насыщенной и скептической.

Этому народу нужно не это католичество, римское, ультрамонтанское, папистское, какъ оно развито и опредѣлено на этомъ несчастномъ Ватиканскомъ соборѣ. Чтобы воздѣйствовать на французовъ, чтобы удовлетворить ихъ разсудокъ, воздѣйствовать на ихъ совѣсть и возродить ихъ нравственность, нужно католичество болѣе духовное, болѣе согласное съ исторіею и св. писаніемъ, однимъ словомъ, католичество дѣйствительно католическое. Къ сожалѣнію, французский клиръ, кажется, не понимаетъ этого. Напротивъ, онъ воображаетъ себѣ, что для утвержденія вѣрующихихъ надобно привязать ихъ сколько возможно крѣпче къ Риму. Даже тѣ епископы, которые на соборѣ больше всѣхъ говорили и писали противъ новаго догмата непогрѣшимости папы, начинаютъ одинъ за другимъ подчиняться соборному опредѣленію, не исключая Дюпантль и архиепископа парижскаго. Это печально! Правда, съ католической точки зрѣнія, какъ скоро вселенскій (?) соборъ что-либо опредѣлилъ, все о бѣзаны подчиняется этому. Но это еще вопросъ, дѣйствительно ли Ватиканскій соборъ имѣеть характеръ вселенскаго. Вотъ съ этой стороны сппозиція должна бы продолжать начатую борьбу. Кажется, во Франціи о. Гіацинтъ намѣревается стать на эту почву, а въ Германіи Деллингеръ и некоторые другие католические богословы. Будемъ надѣяться, что они найдутъ себѣ отголоски въ массѣ. Теперь, когда замолкли пушки, вниманіе снова обратится на религіозные вопросы. Вотъ почему я позволяю себѣ настаивать на мысли, которую я сообщаю вамъ не разъ въ предыдущихъ письмахъ. Я бы желалъ, чтобы православная восточная церковь сдѣлала бы теперь какую-нибудь манифестацію, подвинулась бы на нѣсколько шаговъ впередъ и заявила бы о себѣ на западѣ хотя бы устройствомъ небольшихъ церквей, въ которыхъ совершилось бы ея богослуженіе на языкахъ страны, по-французски, по-немецки, по-англійски. Эта пропаганда, совершенно мирная и ни для кого не оскорбительная, удовлетворила бы, по моему мнѣнію, дѣйствительной потребности. Въ самомъ дѣлѣ, въ нашей западной Европѣ встрѣчается все болѣе и болѣе католиковъ, которые не хотятъ быть римскими, но желаютъ однако удержать літургію и главная вѣрованія своей религії, а также не мало и протестантовъ, которые недовольны протестантизмомъ въ томъ видѣ, какъ онъ устроенъ былъ реформаторами XVI вѣка, но не могутъ решиться перейти въ римскую католическую церковь, особенно въ такую, какою она сдѣлалась постъ Ватиканскаго собора. И тѣмъ, и другимъ православная церковь представила бы *via media*, но нужно, чтобы ее лучше знали, и чтобы доступъ къ ней былъ удобнѣе. Можно было бы также, чтобы лучшее познакомиться съ нею, воспользоваться periodическою прессою, напримѣръ, журналомъ «le Nord», издаваемымъ въ Брюсселѣ, какъ гово-

рять, подъ русскимъ вліяніемъ. Я имѣю случай читать этотъ журналъ постоянно вотъ уже несколько лѣтъ, и я удивляюсь, какъ онъ вообще свѣдущъ во всемъ и дѣйствительно уменъ, консервативенъ и христіански настроенъ. Я читаю его съ удовольствіемъ, такъ какъ онъ представляется мнѣ воодушевленнымъ любовью къ правдѣ и общему благу. Его цитируютъ многіе изъ журналовъ, особенно легитимистской журналъ, въ которомъ я самъ принимаю участіе, «l'Union», издаваемый mr. Laurentie, однимъ изъ ветерановъ монархической и католической прессы во Франціи. Это одинъ изъ журналовъ, проводящихъ мысль о союзѣ Франціи съ Россіей, только направленіе его слишкомъ римскокатолическое. И вездѣ-то этотъ Римъ, который служитъ главнымъ препятствиемъ къ единенію, какъ политическому, такъ и церковному».

Желанія и мечты Местраля скоро должны были осуществиться. Старо-католическое движение стало распространяться по всей Германіи, особенно въ университетскихъ городахъ, гдѣ оно нашло большое сочувствіе между профессорами католическихъ факультетовъ и отголосокъ у насть въ Россіи.

Мы предстояла поѣздка съ королевою въ Петербургъ, а оттуда черезъ Ялту въ Константинополь, гдѣ мы пришлось заняться вопросомъ, гораздо болѣе близкимъ намъ—возникшему въ это время расприю болгаръ съ греками.

Поѣздка наша въ Петербургъ состоялась въ февралѣ. Послѣ краткаго пребыванія въ Берлинѣ, гдѣ я не могъ избѣжать взятаго съ меня слова императрицею Августою представляться ей, въ какомъ бы городѣ я ни встрѣтился съ нею, я принужденъ былъ представляться ея величеству, чтѣ въ путешествіи составляетъ большое неудобство, такъ какъ нужно облекаться во фракъ и надѣвать на себя всѣ регалии. Къ счастію, мы оставались въ Берлинѣ недолго, иначе пришлось бы участвовать и въ приглашенныхъ обѣдахъ во дворцѣ и представляться разнымъ лицамъ, начиная съ Бисмарка. Королева, а съ нею и мы, ея свита, отправились до русской границы въ своемъ собственномъ поѣздѣ, снаряженномъ для нея еще въ Стутгартѣ. Но на границѣ насть встрѣтиль царскій поѣздъ, роскошный, снабженный всевозможными удобствами для путешествія. Мы размѣстились въ немъ просторно и покойно, и какъ дѣло было къ вечеру, всѣ предались спокойному сну. Но вдругъ, среди ночи толчекъ, и поѣздъ сталъ. Чѣтакое? «Ничего-съ. Не извольте беспокоиться, въ одномъ вагонѣ ось сломалась. Мы его отцепимъ и сейчасъ поѣдемъ дальше». Но это подмѣченное Бисмаркомъ русское «ничего» такъ было характерно для насть, давно не бывавшихъ въ Россіи, при самомъ вступлениі на русскую почву, что мы невольно почесали себѣ въ затылкѣ, тѣмъ болѣе, чѣтакое и второе русское слово

«сейчасъ» заставило насть простоять на одномъ мѣстѣ около часу, пока опростали пострадавшій вагонъ, пока разсадили находившуюся въ немъ прислугу по другимъ вагонамъ и пока самыи вагонъ выдвинули изъ поѣзда, для чего нужно было раздвинуть весь поѣздъ, такъ какъ несчастный вагонъ находился въ серединѣ, и снова составить поѣздъ. Но, наконецъ, мы тронулись и, перекрестившись съ благодарностью Богу, что не случилось болѣе бѣды, мы снова заснули на удобныхъ нашихъ ложахъ. По утру мы всѣ собрались въ столовую къ завтраку, и тутъ начали резонировать всѣ, особенно иностранцы изъ свиты королевы, какъ это можно, чтобы царскій поѣздъ, нарочно высланный на встрѣчу королевы, могъ имѣть такие недостатки, что у одного вагона сломалась ось? и какое бы могло случиться отъ этого несчастія. Сопровождавшее насть желѣзнодорожное начальство успокоивало и увѣряло, что этому причиною сильный морозъ, и что этотъ вагонъ, назначенный для прислуги, не былъ особенно тщательно осмотрѣнъ, но что теперь мы можемъ быть совершенно спокойны, доѣдемъ благополучно до Петербурга. Но не прошло и пяти минутъ послѣ этого успокоенія и увѣренія, какъ нашъ столовый вагонъ, въ которомъ мы еще сидѣли за завтракомъ, началъ скакать по рельсамъ, и поѣздъ опять остановился. Оказалось, что и въ этомъ вагонѣ одно колесо было въ неисправности, и все тотъ же морозъ былъ виноватъ. Пришлось опять пересаживаться и потѣсниться. Но уже было недалеко до Петербурга, куда мы прибыли съ опозданіемъ на два часа. Государь выѣхалъ на встрѣчу королевѣ въ Гатчину и стоялъ на платформѣ, видимо уже раздраженный всѣми этими неисправностями, о которыхъ ему, конечно, доносили съ дороги по телеграфу. Какъ нарочно, и здесь поѣздъ не съумѣлъ остановиться такъ, чтобы вагонъ съ королевою пришелся противъ государя, и прокатился гораздо дальше и долженъ былъ дать задній ходъ, чтобы остановиться какъ слѣдуетъ. При этомъ государь не могъ сдержать своего гаѣва и почти крикнулъ: «дураки, даже не умѣютъ остановиться какъ слѣдуетъ!»

Всѣхъ насть, прибывшихъ въ свитѣ королевы, должны были помѣстить во дворцѣ, но меня уже напередъ пригласилъ остановиться у себя графъ Е. В. Путятинъ.

Но вотъ насталъ великий постъ, и королева рѣшилась говѣть на первой недѣлѣ, желая исповѣдываться у своего старого духовника Бажанова. Но тутъ случилось непріятное недоразумѣніе. Опасаясь, какъ будто обидѣть ея духовника, прибывшаго съ нею, Бажановъ сталъ отговариваться и недосугомъ, и старческою слабостію. Королева хотя и согласилась съ нимъ, но была очень огорчена неисполнениемъ своего желанія. Бажановъ это зналъ, но было уже поздно. И вотъ въ пятницу, за прежде священною обѣднею стоимъ мы съ нимъ рядомъ на колѣняхъ

въ придворной церкви, и онъ съ умиленiemъ повторяетъ, обращаясь ко мнѣ, слова молитвы: «положи, Господи, храненіе устамъ моимъ», прибавивъ: «а когда это нужно, тутъ-то и забудешь поставить дверь ограждения о устнѣхъ своихъ!» Дѣйствительно, онъ поздно понялъ, какого утѣшения онъ лишилъ своимъ отказомъ королеву, которая такъ радовалась еще разъ исповѣдываться у духовника, который съ малолѣтства былъ ея духовнымъ отцомъ.

Между тѣмъ, здоровье императрицы продолжало ухудшаться, и уже на третьей недѣлѣ поста рѣшили перевезти ее больную прямо съ постели въ Крымъ въ Ливадію. Королева вмѣстѣ съ великою княжною послѣдовала за нею, я же долженъ быть остаться еще въ Петербургѣ, гдѣ меня задержалъ князь Горчаковъ, рѣшившійся дать мнѣ порученіе по болгарскому вопросу въ Константинополь.

— Мы теперь,—говорилъ онъ,—съ тѣхъ поръ, что умеръ Филаретъ московскій, остались безъ рукъ и головы во всѣхъ церковныхъ вопросахъ.

И дѣйствительно, съ кѣмъ бы я ни заговорилъ изъ членовъ Синода о болгарскихъ дѣлахъ, всѣ относились къ этому такъ безучастно, какъ будто дѣло шло о какомъ-то пустомъ столкновеніи болгарского экзарха съ константинопольскимъ патріархомъ. Но князь Горчаковъ взглянулъ на это дѣло серьезнѣе, провидѣвъ уже тогда въ немъ и политическую подкладку. Поэтому онъ приказалъ открыть мнѣ весь архивъ дипломатической переписки по болгарскому вопросу, и я работалъ надъ этимъ въ министерствѣ нѣсколько дней, дѣляя выписки и замѣтки изъ предоставленныхъ въ мое распоряженіе бумагъ.

Но мнѣ надлежало спѣшить, чтобы поспѣть въ Ливадію къ Пасхѣ, послѣ которой королева собиралась отправиться въ свое путешествіе. Заѣхавъ по дорогѣ въ Киевъ, гдѣ мой старшій сынъ служилъ доцентомъ при Киевскомъ университѣтѣ, я прибылъ въ Ливадію на страстной недѣлѣ и нашелъ императрицу настолько поправившеюся, что она могла присутствовать въ великую пятницу вечеромъ при выносѣ плащаницы при прекрасной весенней погодѣ. Здѣсь я нашелъ письмо моего интимнаго друга В. И. Титова, который писалъ мнѣ слѣдующее:

«С.-Петербургъ. Великая среда 1872 г. Вчера я писалъ королевѣ, а сегодня въ Петропавловскомъ соборѣ усердно молился за императрицу. Ровно семь лѣтъ кончинаѣ покойнаго цесаревича. Да вознаградитъ Богъ страданія державной матери цѣльнымъ рядомъ надеждъ и отрадъ въ ея семействѣ. Но главное, вѣра въ Божественный Промыслъ и безъ того всегда была тверда въ ея сердцѣ. Здоровье же, судя по всемъ доходящимъ сюда извѣстіямъ, видимо поправляется подъ благодатнымъ вліяніемъ солнца, воздуха, зелени и цвѣтовъ южного берега.

«Жена и мы всѣ васъ поздравляемъ съ наступающею Пасхой и кромѣ

наслажденія вдоволь красотами крымской природы желаемъ полнаго успѣха путешествію вашему на Босфоръ. Только для королевы рѣшительно мало провести тамъ трое сутокъ. Надо недѣлю. Такое убѣженіе дозволилъ я себѣ громко высказать во вчерашнемъ письмѣ. Однажды будучи въ Царьградѣ, какъ не взглянуть, напримѣръ, на монастырь Панагія, на Принцевыхъ островахъ? не говоря уже о монастырѣ св. Георгія, иѣсколько менѣе доступномъ, но откуда виды на Анатолію, Мраморное море и Европу еще очаровательнѣ? Я вѣкъ буду скрущаться, если ея величество уѣдетъ, не видавъ Панагіи. При семидневномъ пребываніи такія дальняя прогулки весьма сбыточны, безъ чрезмѣрнаго напряженія силъ. При трехсуготочномъ даже немыслимы. А можетъ ли сравниться съ ними, сказать примѣромъ, утомительное посѣщеніе какого-нибудь нѣльпаго гарема? просто изъ удовольствія разсказать, что видѣли такую диковинку, какъ турецкій гаремъ. Истинными красотами Царьграда надо наслаждаться не для другихъ, а для своей души.

«Между болгаръ и грековъ вы, батюшка, попадете въ самый благопріятный моментъ. Патріархъ не хочетъ принимать экзарха, и скора, какъ видно, такъ разгорѣлась, что злѣй уже и быть не можетъ. Слѣдовательно, за самый мало-мальскій признакъ или надежду сближенія будутъ признателны миротворцу. Въ академіи видѣль вашъ портретъ. Хвала г-жѣ Кочетовой. Сходство отмѣнное. Исполать вамъ. В. Т.».

Вскорѣ послѣ Пасхи въ самыхъ первыхъ числахъ мая мы сѣли въ Ялтѣ на пароходъ «Великая княгиня Ольга», предоставленный въ распоряженіе королевы на все время ея плаванія черезъ Константинополь и Аѳинны до Бриндизи въ Италии, откуда она должна была вернуться въ Стутгартъ сухимъ путемъ. Плаваніе наше на этомъ пароходѣ, собственно яхтѣ царской фамиліи, было такъ удобно, а главное, такъ благополучно, что въ теченіе двухъ недѣль, проведенныхъ на морѣ, не только не было никакой качки, но вода стояла какъ зеркало вокругъ насъ. Напрасно капитанъ нашего парохода предупреждалъ насъ, что у мыса Монтеана насъ нежноожко покачаетъ, но мы обогнули и этотъ мысъ безъ малѣйшей качки, такъ что самъ капитанъ изумился, говоря, что ему еще никогда не приходилось проходить это мѣсто при такомъ совершенномъ штилѣ. Переѣздъ черезъ Черное море былъ устроенъ такъ, чтобы попасть въ Константинополь утромъ. Но пароходъ нашъ былъ такой ходкій, что мы подѣхали къ Босфору только что съ разсвѣтомъ и здѣсь остановились, дожидаясь, когда королева проснется и встанетъ съ постели. Между тѣмъ, къ намъ прибылъ на своемъ пароходѣ изъ Буюкдере нашъ посолъ Н. П. Игнатьевъ, который распорядился везти королеву черезъ Босфоръ къ Принцевымъ островамъ, обогнувъ которые, мы вернулись назадъ и остановились у Золотаго

Рога. Королева заранѣе рѣшила не сходить съ парохода и пробыла на немъ всѣ восемь дней пребыванія своего въ Константинополѣ, сѣѣзжая на берегъ только для визитовъ и приемовъ и для осмотра достопримѣчательностей. Поэтому, какъ только мы стали на якорь, какъ на нашъ пароходъ явился паша въ сопровождѣніи молодаго эффенди, носившаго титулъ *Introducteur des ambassadeurs*, чтобы привѣтствовать королеву отъ имени султана и съ назначеніемъ состоять при ея величествѣ во все время пребыванія ея въ Константинополѣ. Намъ было очень интересно познакомиться съ этими турками, но мы скоро убѣдились, что это были типы новаго поколѣнія. Одинъ изъ нихъ, паша, былъ желать на нѣмкѣ-христіанкѣ и вѣль семейную европейскую жизнь безъ гаремовъ, оставаясь впрочемъ мусульманиномъ. Другой же, Хамди-Бей, представлялъ собою *gamin de Paris*, гдѣ онъ воспитывался, и на каждомъ шагу копировалъ вертляваго француза. Онъ, впрочемъ, хвастался и своимъ литературнымъ образованіемъ, увѣряя насъ, что онъ написалъ нѣсколько пьесъ, которыя были поставлены на турецкомъ театрѣ. Но надо было видѣть этого франта при исполненіи имъ его придворной должности, какъ онъ изгibalся передъ своимъ падишахомъ! Этому мы были свидѣтелями, когда королева принимала султана въ домѣ русскаго посольства. Мы смотрѣли съ верхней площадки лѣстницы, какъ поднимался по ступенькамъ султанъ, сопровождаемый блестящею свитою, а передъ нимъ скорчившись, бокомъ шелъ или, лучше, ползъ нашъ Хамби-Бей. Послѣ короткой аудиенціи у королевы, мы всѣ, свита королевы, были введены въ залъ и представлены его величеству. При представлѣніи меня, паша называлъ меня и макомъ королевы, за что я былъ награжденъ отъ султана привѣтливою улыбкою.

На другой день королева отправила меня привѣтствовать отъ ея имени патріарха. Такъ какъ этотъ визитъ былъ официальный, о чёмъ была предупреждена и патріархія, то я отправился туда въ экипажѣ посольства, въ сопровождѣніи драгомана, и былъ встрѣченъ тамъ торжественнымъ образомъ. Въ послѣдующіе мои визиты патріарху, неофициальные, я бралъ въ Константинополѣ кашкѣ и водою отправлялся въ Фанарь, во въ этотъ разъ пришлось пробираться по маленькимъ улицамъ въ этотъ отдаленный кварталъ и вытерпѣть по турецкой мостовой кашку и бросанье изъ стороны въ сторону въ экипажѣ хуже всякой морской кашки. Но, слава Богу, мы доѣхали до патріархіи, не сломавъ ни экипажа, ни себѣ головы. Тамъ, какъ сказано, насть уже ожидали, и по всей лѣстницѣ, деревянной наружной, какія у насъ бываютъ пристроены на постоянныхъ дворахъ, были разставлены патріаршіе кавасы, а на верхней площадкѣ стояли и члены синода, которые ввели меня въ приемную патріарха. Мне было немного неловко представить въ своихъ орденахъ и звѣздахъ предъ старцемъ-патріархомъ, скромно одѣтымъ въ

черную рясу безъ всякихъ знаковъ отличія. При послѣдующихъ моихъ посѣщеніяхъ я являлся уже просто въ черной рясѣ, не надѣвая даже наперснаго креста. Въ этотъ же разъ, исполняя должность посланника королевы, я обязанъ былъ показать величіе нашей церкви и величество особы, при которой я служилъ. Визитъ этотъ, какъ офиціальный, ограничился взаимными привѣтствіями при неизбѣжномъ восточномъ угощеніи чашкою кофе и сластями. О жгучемъ болгарскомъ вопросѣ при этомъ не было упомянуто ни однимъ словомъ. При прощаніи драгоманъ заявилъ патріарху, что королева желаетъ принять его святѣшество на другой день въ русскомъ посольствѣ, чтѣ онъ и исполнилъ, явившись туда со всѣмъ соборомъ, сопровождаемый по дорогѣ своими кавасами, эскортирующими его карету верхомъ на коняхъ.

Но прежде чѣмъ приступить къ возложеному на меня порученію, намъ предстояло осмотрѣть достопримѣчательности Константиноополя, въ числѣ которыхъ, по словамъ нашего исселя Н. П. Игнатьева, на первомъ мѣстѣ стоить выѣздъ султана по пятницамъ въ мечеть для молитвы, и какъ мы были наканунѣ одной изъ пятницъ, то решено было на другой день отправиться на это зрѣлище. Для этого королевѣ былъ предоставленъ на другомъ берегу Босфора султанскій кюскъ, мимо котораго султанъ долженъ былъ проѣхать верхомъ на конѣ. Хотя мы собирались въ этотъ кюскъ заранѣе, но мы не знали, что его мусульманское величество заставляетъ себя ждать часъ и болѣе того, какъ это было даже при посѣщеніи имъ королевы въ русскомъ посольствѣ. И вотъ мы на досугѣ стали присматриваться къ обстановкѣ этого торжественнаго шествія. По всему пути были разставлены по обѣ стороны шпалерами войска, а у троттуаровъ стояли кареты-купе съ гаремными красавицами. Хотя они и охранялись евнухами, но это намъ не мѣшало заглянуть мимоходомъ во внутрь купе и видѣть, какъ эти красавицы охотно отбрасывали свои прозрачныя вуали при взглядѣ на нихъ проходящихъ. Другая характерная подробность, обратившая на себя наше вниманіе, состояла въ томъ, что среди улицы, по которой долженъ былъ проѣхать султанъ, въ пробоинѣ мостовой лежала свернувшись одна изъ собакъ, известныхъ Константиноополю. Насъ удивляло не только то, что эту собаку не смущало многолюдство всей обстановки этой улицы, но еще болѣе то, что никто и не думалъ прогнать ее отсюда. Намъ хотѣлось видѣть, побезпокоится ли она при приближеніи султанскаго кортежа, и что же? вотъ появился и султанъ на своемъ конѣ и за чимъ многочисленная свита тоже на коняхъ, и вся эта масса лошадиныхъ копытъ перешагнула черезъ эту собаку, не задѣвъ ея, и та преспокойно продолжала спать въ своемъ логовище.

Обратного шествія изъ мечети мы не стали дожидаться и отправились въ св. Софію осмотрѣть эту дорогую для каждого православнаго

сердца святыню. Насъ ввели на верхнюю галлерею, откуда легче было обозрѣть всѣ подробности этого храма. Здѣсь, стоя прямо противъ ясно просвѣчивавшаго сквозь легкую штукатурку лика Господа Саваофа, мы невольно погрузились въ молитвенное настроеніе, и королева, несмотря на то, что ее окружали приставленные къ ней для почета турки, обратилась ко мнѣ со словами: «помолимся здѣсь съ вами», и мы сотворили тайную молитву, которая не осталась незамѣченою и нашими турками.

Императоръ Павелъ.

Очеркъ развитія его личности.

VI ^{1).}

Переходъ къ Павлу Петровичу неограниченной власти отразился на немъ главнымъ образомъ въ двухъ отношеніяхъ: представлѣніе о собственной личности возросло до недосягаемой высоты, а подозрительность и мнительность развились до проявленій чисто болѣзненныхъ.

Мы уже видѣли, что воспитатель Павла Петровича Панинъ вселялъ въ него убѣженіе, что государи—намѣстники во плоти Бога. И хотя Павелъ Петровичъ неоднократно высказывалъ, что государи тоже люди, что и онъ самъ человѣкъ и потому можетъ заблуждаться и т. д., но въ общемъ сѣмена, брошенныя Панинымъ, упали на достаточно благодарную почву. Дашка въ своей характеристицѣ новаго императора прямо называетъ его убѣжденнымъ въ сверхъестественномъ характерѣ его положенія. И надо сказать, что нѣкоторыя события въ жизни Павла Петровича легко могли вселить въ него подобное убѣженіе, породить въ немъ вѣру, что Промыслъ не оставляетъ его своимъ ближайшимъ вмѣшательствомъ въ его личныя обстоятельства. Такъ, въ 1772—1773 году онъ видѣтъ призракъ Петра Великаго, поучающій его, какъ ему слѣдуетъ жить. Когда передъ отправлениемъ въ Крымское путешествіе Екатерина наносила ему одинъ изъ самыхъ чувствительныхъ для него ударовъ, рѣшивъ взять съ собою

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1901 г.

обоихъ его сыновей, даже не предупредивъ его объ этомъ предварительно, и когда всѣ мольбы Павла Петровича и Маріи Феодоровны оставить дѣтей съ ними или же и ихъ самихъ взять съ собою оказывались безуспѣшными, какъ бы сама судьба вмѣшивалася въ это дѣло: почти передъ самымъ отѣздомъ Константина Павловичъ заболѣваетъ сыпью, и императрица была вынуждена начать путешествіе безъ внуковъ. Осеню 1796 года можно было быть вполнѣ увѣреннымъ, что Павлу Петровичу не суждено достигнуть престола, какъ вдругъ императрица внезапно заболѣваетъ и лишается языка.... Наконецъ, въ ночь подъ 5-е ноября и Павель Петровичъ и Марія Феодоровна видѣть одновременно сонъ, что какая-то невидимая и сверхъестественная сила возноситъ его къ небу. Поэтому онъ былъ совершенно искрененъ, когда 5-го того же ноября, по дорогѣ изъ Гатчины въ Петербургъ, выйдя изъ кареты и устремивъ наполненные слезами глаза на луну въ полномъ сіяніи, воскликнулъ: «Я прожилъ сорокъ два года. Господь Богъ поддержалъ меня..... Будемъ надѣяться на его милость». Вообще, по замѣчанію Н. К. Шильдера, таинственное и чудесное играли роль въ жизни Павла Петровича, и онъ любилъ останавливаться на этомъ.

Вѣрющій въ сверхъестественность своего положенія, проникнутый искреннимъ и горячимъ желаніемъ дѣлать добро, онъ сталъ считать себя началомъ и концомъ всего, сталъ думать, что онъ можетъ дѣлать все самъ. Въ противность высказанной когда-то мысли, что «указы почитать просто учрежденіями, а не законами», онъ сталъ отождествлять съ закономъ свои желанія. «Здѣсь вашъ законъ», крикнулъ однажды Павель Петровичъ, ударивъ себя въ грудь, когда кто-то осмѣлился возражать ему по поводу принятаго имъ рѣшенія и упомянувъ о законѣ. «Въ этихъ немногихъ словахъ,— пишетъ Н. К. Шильдеръ,— выразился весь смыслъ правительственной системы, усвоенной себѣ преемникомъ Екатерины II»¹⁾). «Одно понятіе—самодержавіе, одно желаніе—самодержавіе неограниченное—были двигателями всѣхъ дѣйствій Павла. Въ его царствованіе Россія обратилась почти въ Турцію», выказалъ баронъ М. А. Корфъ въ неизданной главѣ біографіи Сперанского²⁾. «Личное самовластіе въ непремѣнномъ исполненіи самимъ скорымъ образомъ его воли, хотя бы какія дурныя слѣдствія отъ того ни произошли, было главный его порокъ», пишетъ одинъ изъ современниковъ, князь Ф. Н. Голицынъ.

До какой степени искренно Павель Петровичъ былъ убѣжденъ въ томъ, что онъ въ состояніи дѣлать все самъ, что онъ—«все», наглядно подтверждается слѣдующими случаями.

¹⁾ Н. К. Шильдеръ: „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. I, стр. 146.

²⁾ Ib., стр. 244.

Во время задуманного Павломъ Петровичемъ пресловутаго морскаго путешествія въ Ревель съ цѣлымъ флотомъ, онъ вышелъ однажды на палубу и, увидѣвъ, что состоявшій эскадръ-маюромъ Шишковъ держитъ въ рукахъ какую-то тетрадь, спросилъ у него о ней. Тотъ отвѣчалъ, что это чертежи для походныхъ строевъ. Онъ сталъ разматривать ихъ, а затѣмъ спросилъ Шишкова:

— А если я захочу, чтобы корабли иначе построились, нежели здѣсь изображенено?

«Нечаянный вопросъ сей,—пишетъ Шишковъ въ своихъ запискахъ,—привелъ меня въ затрудненіе, ибо я принужденъ былъ отвѣтить, что этого сдѣлать невозможно.

— Для чего невозможно?—подхватилъ онъ съ нѣкоторою досадою.

«Не зная, подлинно ли не имѣть онъ достаточнаго о семъ свѣдѣнія, или испытываетъ меня, сталъ я ему объяснять.... Онъ выслушалъ меня терпѣливо; но, повидимому; не вразумясь хорошенько, сердитымъ голосомъ сказалъ:

— Что мнѣ нужды до вашихъ чертежей! Я хочу, чтобы дѣлали то, что я велю!

«Не смѣя больше прекословить ему и не вѣдая, какъ отъ сего отдѣляться, я приведенъ былъ въ крайнее недоумѣніе и очень обрадовался, увида вышедшаго въ сіе время на верхъ графа Кушелева. Я, тотчасъ указавъ на него, сказалъ:

— Вотъ графъ Кушелевъ: не угодно ли вашему величеству у него о томъ спросить.

«Графъ, по извѣщенію его, о чѣмъ идетъ дѣло, сталъ то же самое, чѣмъ и я, говорить. Государь замолчалъ и пошелъ въ свою каюту. Чрезъ нѣсколько минутъ выходить оттуда одинъ изъ приближенныхъ къ нему и говорить намъ:

— Что такое вы сдѣлали? Государь очень вами недоволенъ: онъ, сойдя на низъ, сказалъ: «тамъ два умника спорятъ со мною; я не пойду больше наверхъ и посмотрю, какъ они безъ меня управлять станутъ».

Въ другомъ случаѣ, сообщая Аракчееву о дошедшіхъ до него слухахъ о недовольствѣ среди офицеровъ Преображенскаго полка, Павелъ Петровичъ писалъ:

«Свѣдалъ я, что офицеры ваши разглашаютъ вездѣ, что они не могутъ ни въ чѣмъ угодить, забывая, что если бы они дѣлали, что другихъ полковъ дѣлаютъ, то бы они равно имъ угождали; то и извольте имъ сказать, что легкой способъ сіе кончить—отступиться мнѣ отъ нихъ и ихъ кинуть, предоставивъ имъ всегда таковыми оставаться, каковы мерзки они прежде были; что я и исполню, а буду заниматься и безъ нихъ обороною государственною».

*

«У меня всѣ Безбородки!» съ досадою воскликнулъ Павелъ Петровичъ, когда ему было доложено о кончинѣ канцлера, при чёмъ было употреблено выраженіе: «Россія лишилась Безбородки».

Конечно, развитію въ Павлѣ Петровичѣ самомнѣнія способствовали также низкопоклонство и лесть, въ которыхъ, повидимому, не было недостатка. Поражаетъ только та грубая форма, въ которой выражалась эта лесть. Такъ, во время однихъ маневровъ генералъ баронъ Дибичъ, отецъ извѣстнаго впослѣдствіи фельдмаршала, бывшій адъютантъ Фридриха Великаго, ловко маскировалъ передъ государемъ часто неизбѣжные со стороны войскъ промахи, а самъ между тѣмъ восклицалъ безпрестанно: «О, великий Фридрихъ! Если бы ты могъ видѣть армію Павла. Она выше твоей». «Этимъ кстати проявленнымъ чувствомъ восторга,—пишетъ Н. К. Шильдеръ,—сердце Павла было совершенно покорено, а на участниковъ маневровъ посыпалась награда». Конебу въ своемъ описаніи Михайловскаго замка разсказывается, какъ нѣкоторые пользовались для мести извѣстнымъ пристрастиемъ Павла Петровича къ своему творенію. «Императоръ,—пишель онъ,—былъ дотого прельщенъ своимъ созданіемъ, что самое осторожное порицаніе раздражало его на столько же, на сколько ему лѣстила самая грубая похвала. Однажды онъ встрѣтиль на лѣстнице пожилую даму. «Мнѣ говорили, будто лѣстницы дворца неудобны,—сказала она,—но я нахожу ихъ превосходными». Императоръ пришелъ отъ этой похвалы въ такой восторгъ, что поцѣловалъ даму. Царедворцы умѣли прекрасно пользоваться этой слабостью. Они были неистощимы въ похвалахъ, и мнѣ извѣстно, что, высказавши все, что можно было придумать, они повергались на колѣни передъ бронзами и поклонялись имъ въ нѣмомъ восторгѣ».

Вполнѣ естественно, что при томъ представлениі, которое составилось у него на власть и на значеніе своей личности, онъ долженъ былъ стараться окружить ее подобающимъ ореоломъ. Такъ, въ одномъ случаѣ онъ командуетъ войсками на парадѣ въ далматикѣ и коронѣ. На выходѣ 1-го января 1798 г. онъ появляется въ коронѣ, суперверсѣ и императорской мантіи. «L'Empereur,—пишетъ графиня В. Н. Головина,—mettait dans la repr  sentation souveraine toute l'exag  ration de son caract  re». «Государь,—въ свою очередь замѣчаетъ Н. К. Шильдеръ,—съ какою-то, присущею ему, особою страстью и мелочностью придумывалъ все новыя усовершенствованія для придворнаго этикета; по этой причинѣ празднества и даже балы дѣлались не менѣе утомительными и скучными, чѣмъ торжественные поздравленія». При встрѣчахъ съ государемъ на улицахъ даже дамы, несмотря на грязь или дождь, должны были выходить изъ экипажей и дѣлать глубокій реверансъ, а статскіе—сбрасывать шинели и отдавать честь по-военному. Престижъ своей власти Павелъ Петровичъ старался поддерживать даже такими мѣрами, какъ

запрещеніе произносить на улицахъ столицы слово «Курносый» и называть козу и кошку «Машкой»....¹⁾

Будучи высокаго мнѣнія о своемъ положеніи, Павелъ Петровичъ предъявлялъ къ нему и строгія требованія. По его словамъ «долгъ тѣхъ, которымъ Богъ вручилъ власть править народами,—думать и заботиться объ ихъ благосостоянії». И онъ всѣми силами старался выполнить этотъ долгъ, какъ онъ понималъ его. Онъ проявлялъ громадную дѣятельность. Мысль о народномъ благосостояніи была его постоянной мыслью. Онъ во всемъ хотѣлъ служить примѣромъ для всѣхъ.

«Царь самъ за работую съ ранней зари, съ шести часовъ утра,— пишетъ одинъ изъ современниковъ,— генералъ-прокуроръ, въ домѣ котораго жилъ князь (Н. В. Репнинъ) и я при немъ, каждый день отправлялся съ докладами во дворецъ въ 5½ часовъ утра. Приходя съ порученіемъ отъ князя къ графу Н. И. Салтыкову, въ исходѣ шестаго часа утра, не одинъ разъ я находилъ уже его не въ томъ, а въ другомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ цесаревича-наследника. Миръ живетъ примѣромъ государя. Въ канцеляріяхъ, въ департаментахъ, въ коллегіяхъ, вездѣ въ столицѣ свѣчи горѣли съ пяти часовъ утра; съ той же поры въ вице-канцлерскомъ домѣ, что былъ противъ Зимняго дворца, всѣ люстры и всѣ камини пылали. Сенаторы съ восьми часовъ утра сидѣли за краснымъ столомъ. Возрожденіе по военной части было еще явственнѣе—съ головы началось. Сѣдые съ георгіевскими звѣздами военачальники учились маршировать, равняться, салютовать эсконтомъ».

Если же, несмотря на всѣ благія намѣренія Павла Петровича, оказалось возможнымъ, что цесаревичъ Александръ Павловичъ писалъ уже въ 1797 году, характеризуя его правленіе, что «несчастное отечество находится въ положеніи, не поддающемся описанію», что «хлѣбопашецъ обижент, торговля стѣснена, свобода и личное благосостояніе уничтожены», что «благосостояніе государства не играетъ никакой роли въ управлениі дѣлами» и что «существуетъ только неограниченная власть, которая все творитъ шиворотъ навыворотъ», — то это, такъ сказать, крушеніе добрыхъ желаній Павла Петровича объясняется послѣшностью, съ которой онъ хотѣлъ пересоздать все сразу, его взглядомъ на свою власть, его врожденными нетерпѣливостью и порывистостью и, наконецъ, главное, выработавшеюся въ немъ въ Гатчинѣ мелочностью и увлеченіемъ экзерцирмейстерствомъ, парадоманіей съ ея плутонгами, пuanь-де-ю, пuanь-д'анюи и «прочими мистеріями воинскаго устава». По признанію самого Александра Павловича, онъ, наследникъ

¹⁾ „Русская Старина“ 1897 г. ноябрь. „Императоръ Павелъ въ его дѣяніяхъ и приказахъ“.

престола, теряль все свое время на выполнение обязанностей унтеръ-офицера...

Къ сожалѣнію, какъ уже упомянуто выше, вступленіе Павла Петровича на престолъ отразилось на немъ не только чрезмѣрнымъ, почти болѣзненнымъ развитіемъ представлѣнія о своемъ собственномъ «я». «Онъ сталъ относиться къ своей власти такъ, какъ будто кто-то все не хочетъ признать ея и готовъ оспаривать его права на нее. Отсюда происходитъ какое-то нервное беспокойство, обнаруживаемое имъ при пользованіи своею властью, и этимъ же, намъ кажется, слѣдуетъ объяснить всѣ его невоздержанности, всѣ его черезчуръ крутыя мѣры: онъ какъ будто хочетъ испытать силу своей власти и убѣдиться, видя исполненіе всѣхъ проявленій своей воли, что его слушаются, что его признаютъ... Потребность новыхъ и еще болѣе наглядныхъ доказательствъ увлекала его по этому пути все далѣе и далѣе... Онъ дѣйствуетъ и держитъ себя не какъ государь, по праву первородства вступившій на прародительскій престолъ и проникнутый спокойнымъ сознаніемъ своей власти, а какъ человѣкъ, вдругъ, по волѣ случая, неожиданно для себя и для другихъ, очутившійся на престолѣ, обезпокоенный мыслью о томъ, какъ смотрѣть на это другіе, и желающій убѣдить всѣхъ въ томъ, что они должны повиноваться ему».

Хотя цѣль всѣхъ страстныхъ, затаенныхъ желаній—власть—и была достигнута, но глубоко вкоренившаяся многолѣтняя привычка къ подозрительности и мнительности уже не могла исчезнуть. Вся разница только въ томъ, что опасеніе не достигнуто престола смѣнилось опасеніемъ преждевременно утратить его.

Подъ вліяніемъ этого опасенія, подозрительность и мнительность находили себѣ обильную пищу, болѣзненно настроенное воображеніе работало неустанно при этомъ, вполнѣ естественнымъ образомъ, подъ вѣчнымъ напоромъ воспоминаній о судьбѣ Петра Феодоровича; Павель Петровичъ не дѣжалъ исключеній даже для самыхъ близкихъ ему людей. Въ отношеніи къ нимъ проявленіе подозрительности и мнительности принимало уже несомнѣнно болѣзненный характеръ.

Такъ, въ одномъ разговорѣ съ Комаровскимъ Павель Петровичъ сталъ рассказывать ему, что всѣ противъ него, т. е. императрица и наследникъ, что онъ окруженъ шпионами и т. д. Какъ разъ въ это время проходилъ парикмахерскій ученикъ, и императоръ, указывая на него Комаровскому, сказалъ:

— Ты видишь этого мальчишку; я не увѣренъ, чтобы и ему не велѣно тоже за мной присматривать.

Съ графомъ же Віельгорскимъ былъ слѣдующій случай.

По званію гофмаршала ему часто приходилось бесѣдовать съ императрицею о предметахъ, касающихся его должности. Когда, на одномъ

изъ придворныхъ собраний, онъ заговорилъ съ нею о чёмъ-то подобномъ, государь нахмурился и замѣтилъ великому князю Александру:

— Вотъ онъ опять толкуетъ ей о пустякахъ.

Великій князь бросилъ на графа взглядъ, желая дать ему понять, чтобы онъ удалился. Віельгорскій отошелъ и приблизился къ игрокамъ въ бостонъ, сидѣвшимъ за карточнымъ столомъ, въ нѣсколькоихъ шагахъ отъ государя.

— Вотъ, посмотрите,—сказалъ Павелъ,—теперь онъ старается приблизиться къ намъ, чтобы подслушать, о чёмъ мы говоримъ.

Великій князь далъ Віельгорскому знакъ отойти; но тотъ, находясь подлѣ четырехъ игроковъ, даже не воображалъ, что въ немъ подозрѣваютъ столъ тонкій слухъ, а тѣмъ болѣе,—намѣреніе подслушивать资料а своего государя, и остался на своемъ мѣстѣ, спокойно продолжая разговаривать съ игроками. На другой день графъ Віельгорскій былъ смѣненъ и нѣсколько позже долженъ былъ выѣхать въ Вильно.

Подозрительность Павла Петровича коснулась и цесаревича. Странія Александра Павловича не давать отцу поводовъ подозрѣвать его въ чёмъ бы то ни было не привели ни къ чему: въ умѣ Павла созрѣлъ планъ отстранить Александра Павловича отъ престолонаслѣдія и усыновить выписанного имъ въ Россію тринадцатилѣтняго племянника Маріи Феодоровны, принца Евгенія Виртембергскаго. По словамъ графини Д. Х. Ливенъ, рѣшительное вліяніе на отношеніе отца къ сыну оказалось слѣдующее ничтожное обстоятельство.

Войдя однажды неожиданно въ комнату наслѣдника, императоръ Павелъ нашелъ на его столѣ трагедію «Брутъ» Вольтера; она оканчивается, какъ извѣстно, словами Брута:

Rome est libre: il suffit.
...Rendons grâces aux dieux!

Государь призвалъ сына къ себѣ наверхъ и, показывая на указъ Петра Великаго о несчастномъ Алексѣѣ Петровичѣ, спросилъ его: знаетъ ли онъ исторію этого царевича?

По справедливому замѣчанію Сегюра, онъ мучилъ всѣхъ тѣхъ, которые были къ нему близки, потому что безпрестанно онъ мучилъ самого себя. Престолъ постоянно казался ему окруженнымъ опасностями. Страхъ смущилъ его разумъ: путемъ боязни воображаемыхъ опасностей онъ создалъ действительныя опасности, потому что монархъ рано или поздно возбуждается недовѣріе, выказываемое имъ самимъ, и страхъ, который онъ самъ оспариваетъ.

Параллельно съ подозрительностью и мнительностью росла раздражительность, доводившая до полной потери самообладанія, когда становилось возможнымъ проявленіе наклонности щипать. По словамъ кназя

Павла Петровича Лопухина, брата извѣстной княгини Гагариной, раздражительность, порывы необузданного гнѣва Павла Петровича являлись ничѣмъ инымъ, какъ болѣзненными припадками, сопровождавшимися слѣдующими явленіями: императоръ блѣдаѣлъ, черты его лица до того измѣнялись, что трудно было узнать его, ему давило грудь, онъ выпрямлялся, закидывалъ голову назадъ, задыхался и пыхтѣлъ. Продолжительность этихъ припадковъ не всегда бывала одинакова. Когда же онъ приходилъ въ себя и вспоминалъ, что говорилъ и дѣлалъ въ эти минуты, или когда какое-нибудь «благонамѣренное лицо изъ его приближенныхъ напоминало ему объ этомъ, то, по удостовѣренію князя П. П. Лопухина, не было прямѣра, чтобы онъ не отмѣнялъ своего приказанія и не старался всячески загладить послѣдствія своего гнѣва.

Послѣ этого становиться особенно наглядно вся благодѣтельность вліянія, которое оказывала на Павла Петровича въ первую половину его царствованія Е. И. Нелидова, увѣщавшая его: «будьте добры, будьте сами собою, ибо истинное ваше расположение—доброта».

И какъ правъ былъ Шишковъ, восклицающій въ своихъ запискахъ:

«О, еслибы при царяхъ, а особливо строптивыхъ и пылкихъ, всѣ были Катерины Ивановны».

Къ числу воображаемыхъ опасностей, постоянно грезившихся Павлу Петровичу и особенно волновавшихъ и раздражавшихъ его, относятся «потемкинскій», и главное «якобинскій» духъ.

— Я изъ васъ потемкинскій духъ вышибу,—вскричалъ въ одномъ случаѣ Павелъ Петровичъ съ глазами, блеставшими, по выражению современника, какъ зажженныя свѣчи.

И, дѣйствительно, въ продолженіе всего своего царствованія Павелъ Петровичъ неутомимо старался искоренить этотъ «духъ», усматривая его проявленіе въ малѣйшемъ упущеніи по части экзерцирмейстерства и военной субординації, такъ какъ, по его убѣжденію, при князьяхъ Потемкинѣ и Зубовѣ, «вместо службы обращались въ передней и въ пляскѣ». А такъ какъ извѣстно, съ какими неутомимостью и стремительностью занимался Павелъ Петровичъ перереформированіемъ русскихъ войскъ на свой образецъ, какъ онъ входилъ во всѣ мелочи военнаго дѣла, проявляя при этомъ строгую требовательность, то легко понять, что ему очень часто приходилось наталкиваться на проявленіе «потемкинского духа». Въ этомъ обстоятельствѣ онъ усматривалъ упорное нежеланіе подчиниться его волѣ, непризнаніе его власти, и это особенно сильно раздражало и ожесточало его. Конечно, не въ спокойномъ состояніи духа онъ могъ отдать предписаніе (въ 1798 году), чтобы тѣло Потемкина, сохранившееся непреданнымъ землѣ, подъ церковью, въ Херсонской крѣпости, безъ дальнѣйшей огласки, въ самомъ же томъ погребу погребено было въ особо вырытую яму, а погребъ засыпанъ землею и изглаженъ такъ, какъ бы

его никогда не бывало. Исполненіе этого повелѣнія породило даже легенду, будто тѣло князя Потемкина было вынуто изъ гроба и выброшено. Но Павель Петровичъ не ограничился приведеннымъ распоряженіемъ: онъ повелѣлъ также уничтожить памятникъ Потемкину, сооруженный императрицей Екатериной въ Херсонѣ.

Что касается «якобинскаго духа», порождавшаго развратныя правила и буйственное воспаленіе разсудка, поправшія Законъ Божій и повиновеніе установленнымъ властямъ, то малыйшее проявленіе его выводило Павла Петровича изъ себя, а проявленіе этого «духа» онъ былъ склоненъ видѣть во всемъ рѣшительно, вплоть до ношенія круглыхъ шляпъ, фраковъ и т. д.

Постоянно мучимый подозрѣніями, легко раздражающійся, и подъ вліяніемъ болѣзненныхъ припадковъ гиѣва, подававшійся первому душевному побужденію, Павелъ Петровичъ, конечно, не могъ быть послѣдовательнымъ въ своихъ поступкахъ. По выраженію біографа Суворова А. Петрушевскаго, каждое движенье больной души Павла Петровича тотчасъ же переходило въ дѣло, и у него завтра не было логическаго послѣдствіемъ сегодняшняго дня. «Мой отецъ,—высказалъ великій князь Константинъ Павловичъ,—объявилъ войну здравому смыслу, съ твердымъ намѣреніемъ никогда не заключать мира». Да, повидимому, онъ даже чувствовалъ инстинктивное отвращеніе ко всякой послѣдовательности. По крайней мѣрѣ, въ одномъ случаѣ, характеризуя графа Н. П. Панина, онъ прямо высказалъ, что быть педантичнымъ, систематичнымъ и методичнымъ—недостатки.

Хотя современники и находили, что слѣдій случай, прихоть государя дѣлаютъ невозможнымъ что-либо разсчитать, что-либо предвидѣть и подвергаютъ (ихъ) самымъ непріятнымъ случайностямъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ дѣлать вывода, чтобы нельзя было руководить Павломъ Петровичемъ, сознательно направлять его къ заранѣе намѣченной цѣли. Невозможность управлять подобными характерами—только кажущаяся. Стоитъ лишь изучить всѣ страсти такого человѣка, и затѣмъ уже можно играть на нихъ, какъ на струнахъ. Все несчастіе только въ томъ, что обыкновенно этому искусству научаются люди, надѣленные злую волею.

Такъ было и съ Павломъ Петровичемъ. Когда интрига удалила отъ него Нелидову, а вліяніе Маріи Феодоровны стало недѣйствительнымъ, вокругъ Павла Петровича не оказалось никого, кто бы искренно былъ преданъ ему, желалъ вліять на него въ благодѣтельномъ смыслѣ. О великихъ князьяхъ Александрѣ и Константинѣ Павловичахъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ оба они дотого боялись отца, что блѣдили и дрожали, «какъ осиновый листъ», какъ только Павель Петровичъ сердито взглядалъ на нихъ.

Предоставленный самому себѣ, искусно разжигаемый въ своихъ страстиахъ, Павелъ Петровичъ быстро мѣнялся, все болѣе и болѣе удаляясь оть облика суворовскаго «*prince adorable*».

«Вы, которые близко знали Павла въ первые два года его царствованія,—патетически восклицаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ баронъ Гейкингъ,—скажите, развѣ не имѣлъ онъ чувствительнаго сердца, не обладалъ доброжелательнымъ характеромъ, просвѣщеннымъ умомъ? И если ему случалось дѣлать несправедливость — не проистекало ли это оть преизбытка его любви къ справедливости, и развѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ убѣжался въ своей ошибкѣ, не имѣлъ онъ мужества сознаться въ ней и стараться ее исправить? Но низкие льстцы, но люди, желавшіе удержаться на своемъ мѣстѣ въ ущербъ правдѣ, испортили эти хорошия свойства и мало-по-малу задушили драгоценныя зародыши его добродѣтелей, способствуя развитію противоположныхъ качествъ».

Въ особенности хорошо изучилъ характеръ Павла Петровича графъ Паленъ. Въ своеемъ умѣніи играть на струнахъ его души онъ дошелъ до совершенства, до виртуозности. Но какъ-то непрѣятно становится при мысли, что при этомъ пользовались также самыми лучшими, самыми возвышенными нотами, таившимися въ душѣ Павла. Вотъ, что рассказывалъ самъ Паленъ о томъ, какъ ему удалось добиться появленія въ Петербургѣ трехъ братьевъ Зубовыхъ, удаленныхъ въ деревню, а также Беннигсена, уволенного оть службы.

«Я рѣшилъ воспользоваться одной изъ свѣтлыхъ минутъ императора,—передавалъ впослѣдствіи графъ Паленъ въ откровенномъ разговорѣ графу Ланжерону,—когда ему можно было говорить, что угодно, чтобы разжалобить его на счетъ участія разжалованныхъ офицеровъ. Я описалъ ему жестокое положеніе этихъ несчастныхъ, выгнанныхъ изъ ихъ полковъ и высланныхъ изъ столицы, и которые, видя карьеру свою погубленною, а жизнь испорченною, умираютъ съ горя и нужды за поступки легкіе и простительные. Я зналъ порывистость Павла во всѣхъ дѣлахъ, я надѣялся заставить его сдѣлать тотчасъ же то, что я представилъ ему подъ видомъ великодушія; я бросился къ его ногамъ. Онъ былъ романического характера, онъ имѣлъ претензію на великолѣдие. Во всемъ онъ любилъ крайности: два часа спустя, послѣ нашего разговора, двадцать курьеровъ уже скакали во всѣ части Имперіи, чтобы вернуть назадъ въ Петербургъ всѣхъ сосланныхъ и исключенныхъ со службы. Указъ, дарующій имъ помилованіе, былъ продиктованъ мнѣ самимъ императоромъ.

«Тогда я обезпечилъ себѣ два важныхъ пункта: 1) заполучить Беннигсена и Зубовыхъ, необходимыхъ мнѣ, и 2) еще усилить общее ожесточеніе противъ императора: я изучилъ его нетерпѣливый нравъ, бы-

стрѣе переходы его отъ одного чувства къ другому, отъ одного на-
мѣренія къ другому, совершенно противоположному. Я былъ увѣренъ,
что первые изъ вернувшихся офицеровъ будутъ приняты хорошо, но
что скоро они надоѣдѣтъ ему, а также и слѣдующіе за ними. Слу-
чилось то, что я предвидѣлъ: ежедневно сыпались въ Петербургъ сотни
этихъ несчастныхъ, каждое утро подавали императору донесенія съ за-
ставы. Вскорѣ ему опротивѣла эта толпа прибывающихъ; онъ пересталъ
принимать ихъ, затѣмъ сталъ просто гнать ихъ и нажилъ себѣ
такимъ образомъ непримиемыхъ враговъ въ лицѣ этихъ несчастныхъ,
снова лишенныхъ всякой надежды и осужденныхъ умирать съ голоду у
воротъ Петербурга»...

Что же удивительного послѣ этого, что, какъ пишетъ Н. К. Шиль-
деръ,—съ каждымъ днемъ настроеніе Павла Петровича дѣлалось все
болѣе мрачнымъ, подозрительность усиливалась...—Я не знаю почему,
дорогая Нелидова,—писала императрица Марія Феодоровна въ концѣ
1800 года—но мнѣ кажется, что все выглядитъ какъ-то грустно; быть
можетъ, этому содѣйствуетъ недостатокъ солнца...

И погода какая-то темная, чудная,—писаль другой современникъ,—
по недѣлямъ солнца не видно: не хочется изъ дома выйти, да и не
безопасно... Кажется, и Богъ отъ насъ отступилъ. Столица приняла
небывалый, своеобразный видъ; въ 9 часовъ вечера, послѣ пробитія зари,
по большимъ улицамъ перекладывались рогатки и пропускались только
врачи и повивальная бабки. «Для благоразумнаго человѣка остается
одинъ исходъ—умереть»—высказалъ будущій графъ, фельдмаршаль и
князь, баронъ Фабіанъ Вильгельмовичъ Остенъ-Сакенъ.

Въ рѣдкія «свѣтлія минуты» Павелъ Петровичъ не могъ не замѣ-
тить дѣйствительнаго положенія вещей, не могъ не чувствовать, чисто
инстинктивно, того разлада, который создался между нимъ и обще-
ствомъ. Надѣленный отъ природы добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ
отличавшійся несомнѣнными возвышенностью и благородствомъ понятій,
проникнутый наиболѣшими намѣреніями, онъ не могъ не тяготиться
этимъ сознаніемъ... Въ эти «свѣтлія минуты» оно должно было дѣй-
ствовать на него самыемъ удручающимъ образомъ.—«Въ своей душѣ
онъ носить затаенную грусть, которая подтачиваетъ его,—писала о
немъ Марія Феодоровна въ ноябрѣ 1800 года,—улыбка рѣдко появ-
ляется на его губахъ».

Тою же несомнѣнною грустью звучать слова, сказанныя Павломъ
Петровичемъ въ послѣдній вечеръ своей жизни 11-го марта 1801 г.,
передъ тѣмъ какъ удалиться въ свою спальню:

— Чему быть, тому не миновать!

Въ этихъ словахъ слышится также тихая покорность велѣніямъ рока.
Въ жизни Павла Петровича чудесное играло большую роль, и, быть

можеть, эти слова явились отголоскомъ необычайного сна, который Павель Петровичъ видѣлъ въ ночь подъ 11-е марта: ему снилось, что ему натягиваются узкій парчевой кафтанъ съ такимъ усилемъ, что онъ проснулся отъ боли...

П.

Алексѣвскій равелинъ въ 1862—65 г.г.

(Изъ моихъ воспоминаній).

ъ разсказахъ современниковъ, такъ или иначе приосновенныхъ къ нашимъ внутреннимъ смутамъ политического характера въ истекшемъ столѣтіи, нерѣдко упоминается этотъ равелинъ Петербургской крѣпости, какъ одно изъ самыхъ скрытныхъ мѣстъ одиночного заключенія государственныхъ преступниковъ, а потому, полагаю, мои личныя воспоминанія о немъ не будутъ лишены нѣкотораго интереса, въ особенности о томъ времени его, когда въ немъ содержались въ 60 годахъ Шелгуновъ, Серно-Соловьевичъ, Чернышевскій, Мартыновъ, Писаревъ и другіе.... Впрочемъ, Писаревъ вскорѣ былъ переведенъ въ одинъ изъ казематовъ самой крѣпости.

Совсѣмъ юношой я попалъ на службу въ этотъ равелинъ въ тѣ годы нашего блужданія общественной мысли, которые закончились по томъ, чрезъ 20 лѣтъ, такимъ ужаснымъ злодѣяніемъ, какъ 1-ое марта 1881 года.

Не знаю, каковъ былъ Алексѣвскій равелинъ въ былые годы, но 40 лѣтъ назадъ онъ ни по наружному, ни по внутреннему виду не напоминалъ собою той грозной и таинственной легенды, какая сложилась о немъ въ народномъ представлениі.

По преданію, цесаревичъ Алексѣй, по имени котораго и названъ Петромъ Великимъ этотъ равелинъ, содержался въ одномъ изъ казематовъ его. Этотъ казематъ въ 1862 году былъ отведенъ мнѣ подъ квартиру.

Алексѣвскій равелинъ, вообще, какъ одинъ изъ отдѣловъ крѣпости, многіе могли видѣть, но въ то же время не имѣть понятія о немъ, какъ о мѣстѣ строгаго одиночного заключенія политическихъ преступ-

никовъ. А видѣть его могли, съ птичьяго полета, впрочемъ, всѣ тѣ, кто принималъ участіе въ торжественному крестномъ ходу по стѣнамъ крѣпостныхъ бастіоновъ въ день Преполовенія. Съ этой высоты взглѣдъ крестноходцевъ невольно останавливался съ любопытствомъ и недоумѣніемъ на внутреннемъ пространствѣ этого бастіона, тихомъ и безлюдномъ, по срединѣ котораго стоялъ каменный, бѣлый, одноэтажный, трехугольный домъ, съ окнами по всѣмъ тремъ сторонамъ, стекла которыхъ на двѣ-трети снизу закрашены были густо мѣломъ, и съ одной входною дверью и караульною будкою около нея. Но вотъ изъ-за угла показался солдатъ-часовой съ обнаженою у плеча саблею, и любопытный взглѣдъ крестноходца изъ простаго недоумѣнія переходитъ уже въ выраженіе страха и тайной боязни чего-то....

Въ публикѣ, я слышалъ не разъ, распространены далеко не вѣрныя свѣдѣнія о мѣстахъ заключенія такъ называемыхъ политическихъ преступниковъ; свѣдѣнія эти, кромѣ того, носятъ характеръ окраски темныхъ цвѣтовъ не въ пользу власти. А потому, мнѣ думается, правдивое и достовѣрное описание внутренняго быта заключенныхъ будетъ не безполезно во всѣхъ отношеніяхъ.

Единственный доступъ въ равелинъ шелъ ¹⁾ черезъ огромныя въ западной стѣнѣ крѣпости ворота, постоянно запертыя большими внутренними замками. Равелинъ отдѣлялся отъ крѣпости, кромѣ стѣны, еще небольшимъ каналомъ изъ Большой Невы въ Кронверкскій проливъ, съ деревяннымъ черезъ него мостомъ. Само собою разумѣется, что въ равелинѣ можно было войти только съ доклада смотрителю его.

Одна, какъ разъ противу воротъ и моста, дверь дома вела въ приемную, отъ которой направо и налево шли по всѣмъ тремъ фасамъ внутренніе коридоры, прерываясь лишь въ одномъ изъ угловъ квартирою смотрителя и кухнею для арестованныхъ и самого смотрителя. Съ вѣнчаной стороны въ эти коридоры выходили двери одиночныхъ камеръ, или номеровъ, а съ внутренней—они замыкались стѣной съ небольшими, противъ каждой камеры, окнами, размѣщенными выше головы самаго рослого человѣка. Послѣднее для того, чтобы проходящіе по коридору не могли, безъ помощи какой-либо подставки, заглянуть въ эти окна, выходившія во внутренній трехугольный садикъ-цвѣтникъ. Въ садикъ вела дверь изъ приемной. Караульная комната была въ одномъ изъ номеровъ, рядомъ съ приемной.

Всѣхъ камеръ въ мое время было 21, которыя именовались номерами съ № 1 до № 21 включительно. Часть номеровъ была занята: квартирою смотрителя, цейхгаузомъ и библіотекою.

¹⁾ Я говорю въ формѣ прошедшаго времени, такъ какъ не знаю, существуетъ ли этотъ домъ иныѣ и въ какомъ видѣ.

Всѣхъ арестованныхъ въ 1862—65 г.г. было заключено въ равелинъ отъ 10 до 17 человѣкъ.

Въ каждой двери, выходившей, какъ выше упомянуто, во внутренний корридоръ, было небольшое, въ одно звено, окошко, прикрытое со стороны корридора зеленою шерстяною занавѣскою. Приподнявъ уголь занавѣски, часовой могъ наблюдать за заключеннымъ.

Два часовыхъ съ обнаженными саблями ходили по всѣмъ тремъ сторонамъ корридора; толстый, мягкий половикъ совершенно скрадывалъ ихъ шаги.

Камеры отапливались небольшими голландками изъ корридора; тепловыя же отдушины ихъ были въ камерахъ. Обстановка номеровъ состояла: изъ деревянной зеленої кровати съ двумя тюфяками изъ оленей шерсти и двумя перовыми подушками, съ двумя простынями и байковымъ одѣяломъ; изъ деревянного столика съ выдвижнымъ ящиковъ и стула.

Заключенные были одѣваемы во все казенное: въ холщевое тонкое бѣлье, носки, туфли и байковый халатъ; послѣдній безъ обычныхъ шнуровъ, которые замѣнялись короткими, спереди, завязками изъ той же байки. Вообще, всѣ крючки и пуговицы въ бѣльѣ и одеждѣ были изъяты; вместо нихъ были короткія завязки изъ той же матеріи. Головнымъ уборомъ была мягкая русская фуражка. Собственная фуражка или шляпа дозволялись, если то не былъ цилиндръ.

Собственная одежда, бѣлье и все прочее имущество и деньги тотчасъ же, по прибытии въ равелинъ, отбирались, тщательно осматривались и хранились въ цейхгаузѣ. Описи на все это составлялись тутъ же, въ камерѣ, и подписывались заключеннымъ и смотрителемъ равелина. Собственные одежда и бѣлье выдавались только на время выхода арестованныхъ на свиданье съ родственниками въ домъ крѣпостнаго коменданта и слѣдованія для допросовъ въ судѣ.

Вся обѣденная и чайная посуда состояла изъ литаго олова; ножей и вилокъ не подавалось, въ виду чего хлѣбъ и мясо предварительно разрѣзывались и разрубались на кухнѣ поваромъ, при чемъ всѣ кости бывали тщательно изъяты.

Обѣдъ и чай, послѣдній утромъ и вечеромъ, подавались на деревянныхъ некрашенныхъ подносахъ солдатами равелинной команды, подъ наблюдениемъ караульного начальника изъ унтеръ-офицеровъ. Эти же солдаты, входившие въ камеры всегда безъ всякаго оружія, убирали камеры и подавали заключеннымъ умываться.

Въ случаѣ надобности, арестованный стучалъ въ дверное окно, ближайшій изъ двухъ часовыхъ подходилъ къ нему и спрашивалъ о надобности стучавшаго. Собственныхъ часовъ также не полагалось имѣть заключеннымъ; стѣнныя же часы находились въ общемъ корридорѣ, и

бой ихъ, при той безусловной тишинѣ, какая царила въ домѣ, былъ слышенъ во всѣхъ камерахъ.

Собственно на пищу и чай отпускалось по 50 коп. въ день на каждого человѣка, обѣдъ состоялъ изъ щей или супа съ мясомъ или рыбой и жаркого; въ праздники и всѣ воскресные дни третье блюдо, какое-нибудь сладкое, въ царскіе же дни еще и по стакану винограднаго вина. Чай, утромъ и вечеромъ, съ французской булкою.

Постельное и носильное бѣлье мѣнялось каждую субботу, а русская баня, устроенная въ одномъ изъ казематовъ равелина, топилась для арестантовъ, а равно и для караульной команды, два раза въ мѣсяцъ.

Изъ библіотеки, по желанію, выдавались заключеннымъ книги, всѣ состоявшія изъ историческихъ и религіозныхъ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Въ камерахъ имѣлись оловянныя чернильницы и гусиная перья, уже очищенные заранѣе. Арестанты могли просить бумагу писчую и почтовую. Имъ дозволялось писать сочиненія и письма, но все это, прежде отправленія по адресу, прочитывалось и цензуровалось въ III отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи. Точно также заключенные могли получать и письма, предварительно просмотрѣнныя въ томъ же III отдѣленіи.

Изъ стѣнъ этого равелина вышелъ въ свѣтъ романъ Чернышевскаго: «Что дѣлать?». Я читаль его въ рукописи и могу удостовѣрить, что цензура III отдѣленія въ очень немногомъ исправила его. Точно также читаль я въ рукописи и всѣ критическая статьи Писарева, проходившія черезъ канцелярію крѣпостнаго коменданта.

Кстати, о почеркѣ руки Чернышевскаго и Писарева: у первого онъ былъ чрезвычайно сжатъ и въ то же время крупенъ, а у втораго—мелокъ, четокъ и красивъ. Въ рукописяхъ того и другаго почти не было помарокъ, и онъ писались сразу, безъ передѣлки, какъ видно подъ сильнымъ вліяніемъ горячей мысли и высокаго вдохновенія.

Скажу мимоходомъ, статьи Писарева на меня, юнаго тогда, страшно повліяли въ томъ отношеніи, что я сжегъ все, чemu прежде поклонялся.

На службѣ въ равелинѣ, мнѣ нерѣдко приходилось встрѣчаться съ заключенными. Въ особенности я хорошо помню Чернышевскаго, Шелгунова и Писарева и еще одного арестанта подъ № 17.... Послѣдній—высокій, красивый мужчина лѣтъ подъ 30, съ огромною темною бородою, такъ и остался загадкою какъ для меня, такъ и для самого смотрителя равелина: въ спискахъ онъ значился просто подъ № 17 и только. Его не водили и къ допросамъ и въ суды, и онъ оставался въ равелинѣ даже и тогда, какъ всѣ другіе арестанты по разнымъ причинамъ вышли изъ равелина....

Писарева, тогда еще совсѣмъ молодаго человѣка, съ едва проби-

вавшимися свѣтло-рыжеватыми усами и бородкой, видѣть я во время привода его въ комендантскій домъ для свиданія съ матерью. Вообще, политическихъ преступниковъ сопровождалъ въ судъ, коммисію или на свиданье одинъ изъ комендантскихъ адъютантовъ или самъ смотритель равелина, но не солдаты.

Внѣшній скромный, въ общемъ добродушный видъ Писарева вовсе не напоминалъ того горячаго, беспощаднаго отрицателя, какимъ являлся онъ въ своихъ публицистическихъ статьяхъ.

Шелгуновъ, полковникъ корпуса лѣсничихъ, доставленный въ равелинъ прямо изъ Сибири, въ то время былъ еще вполнѣ бодрый человѣкъ. Спустя много лѣтъ мнѣ пришлось еще разъ видѣть его въ Пятигорскѣ, но уже совсѣмъ сѣдымъ, худымъ и болѣннымъ, известнымъ авторомъ «Очерковъ провинціальной жизни».

Чернышевскій былъ тогда еще сильнымъ и здоровымъ человѣкомъ.

И вотъ, этотъ-то сильный по натурѣ человѣкъ порѣшилъ было уморить себя голодомъ. Это было съ нимъ еще до написанія имъ романа «Что дѣлать?».

Дѣло было такъ: нижніе чины караула, да и самъ смотритель замѣтили, что арестантъ подъ № 9¹⁾), т. е. Чернышевскій, замѣтно блѣднѣеть и худѣеть. На вопросъ о здоровыи, онъ отвѣчалъ, что совершенно здоровъ. Пища, приносимая ему, повидимому, вся стѣдалась. Между тѣмъ, дни черезъ 4 караульные доложили смотрителю, что въ камерѣ № 9 началъ опущаться какой-то тухлый запахъ. Тогда, во время прогулки Чернышевскаго въ садикѣ, осмотрѣли всю камеру, и оказалось, что твердая пища имъ пряталась, а щи и супъ выливались.... Стало очевидно, что Чернышевскій рѣшилъ умереть голодною смертью.... Ни увѣщанія добрая смотрителя, ни воздействія со стороны III отдѣленія долго не вліяли на него. Приказано было, однако, приносить ему въ камеру, по-прежнему, всю пищу ежедневно, но онъ еще 3—4 дня не дотрогивался до нея и пилъ только по 2 стакана въ день воды. Соблазнительный ли запахъ пищи, страхъ ли мучительной голодной смерти, или другія побужденія, но на 10-й день Чернышевскій сталъ Ѳѣсть, и недѣли черезъ двѣ онъ совершенно оправился, и тогда изъ-подъ пера его вышелъ романъ: «Что дѣлать?».

Нѣкоторый намекъ на этотъ эпизодъ его личной жизни, только въ другомъ видѣ, имѣется въ жизни главнаго героя этого романа.

Въ послѣдній разъ я впდѣлъ Н. Г. Чернышевскаго спящимъ на печальной телѣгѣ утромъ рано въ Петербургѣ, когда его везли на пло-

¹⁾ Караульные знали заключенныхъ только подъ номерами, а въ обращеніи къ нимъ называли ихъ „господинъ“.

ицадь для исполненія надъ нимъ приговора суда. Оттуда онъ уже не былъ возвращенъ въ равелинъ, а прямо изъ пересыльной тюрьмы былъ отправленъ въ Сибирь....

Припоминаю еще случай изъ жизни заключенныхъ въ равелинѣ. Нѣкоторымъ захотѣлось узнать товарищѣ по мѣсту заключенія, и ими придумано было два способа: начертаніе камешкомъ, найденнымъ въ сандиѣ, на днѣ оловянной посуды своихъ фамилій и предупрежденій, что въ слѣдующій разъ товарищъ найдеть тутъ же надлежащее сообщеніе въ цифровомъ шифрѣ; второй способъ въ выстукиваніи пальцемъ по сосѣдней стѣнѣ камеры по телеграфной системѣ. Конечно, то и другое вскорѣ было замѣчено и прекращено подъ угрозою перевода заключенныхъ въ другое помѣщеніе и при болѣе худшей обстановкѣ. Да и сами арестованные поняли, что разъ ихъ способы переговоровъ открыты, то они сдѣлялись для нихъ не только бесполезны, но и вредны имъ самимъ.

Ив. Борисовъ.

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаєва.

XXV¹⁾.

Италіанская опера прежних лѣтъ: Рубини и отношенія къ нему импера-
тора Николая.—Г-жа Віардо.—Прощальное представлениe Рубини и Віардо.—
Теноры: Сильва.—Маріо.—Тамберликъ.—Кольцолари.—Баритоны: Дебосини.—
Градіани.—Шѣвицы: Гризи.—Бозіо.—Фіоретти.—Нильсонъ и Патти.

Е

о главѣ италіанской оперы въ Петербургѣ долженъ встать не забвенный и неизгладимый въ памяти сезонъ 1843—1844 го-
довъ, не только по первенству времени, но и по силѣ впе-
чальнія, произведенаго имъ на петербургскую публику.

За долго до этого сезона, италіанская опера въ Петербургѣ
была закрыта. Не безъинтересно разсказать поводъ къ ея воз-
обновленію, о которомъ я лично слышалъ отъ графа А. В. Адлерберга,
какъ свидѣтеля одного обстоятельства, касающагося данного вопроса.
Во время великаго поста 1843 года, пріѣхалъ въ первый разъ знаме-
нитѣйший изъ всѣхъ когда-либо бывшихъ теноровъ, Рубини, «король
теноровъ», какъ его называли, уже въ очень зрѣлыхъ лѣтахъ. Онъ далъ
несколько концертовъ въ залѣ Дворянскаго собранія, и, конечно, гром-
кое имя Рубини привлекало массу публики, естественно приходившей
въ великий восторгъ. Несмотря на просьбы и настоянія графини Адлер-
бергъ, императоръ Николай Павловичъ не пожелалъ ѿхать слушать
Рубини.

— Я не люблю слушать мужчинъ съ женскими голосами,—отвѣчалъ
государь.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1901 г.

Таковъ бытъ его взглядъ на теноровъ. Однако, государь, по просьбѣ разныхъ лицъ, разрѣшилъ Рубини дать въ театрѣ, послѣ великаго поста, одно или два представлениія съ русскими пѣвцами. Послѣ первого представлениія «Лючі», которое было на Пасхѣ, публика поразилась могучестью голоса и восхитительнымъ пѣніемъ Рубини. Тогда государя убѣдили пойти послушать великаго тенора въ театрѣ. Войдя въ ложу, государь сѣлъ спиной къ сценѣ; но, по мѣрѣ того, какъ Рубини сталъ потрясать театръ своими могучими нотами, государь поворачивался и, вдругъ, къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ въ ложѣ, захлопалъ.

Возвратившись изъ театра, императоръ прошелъ прямо на вечерній чай къ императрицѣ и, обращаясь къ графинѣ Адлербергѣ, сказалъ:

— Ну, наконецъ-то, я слышалъ вашего идола Рубини, чтобы его чортъ взялъ,—заставилъ меня плакать... Хорошо, хорошо, нечего сказать, я не ожидалъ ничего подобнаго.

Вслѣдъ за симъ, государь приказалъ дать неотлагательно нѣсколько представлений, разумѣется съ одними русскими пѣвцами, такъ какъ Рубини находился въ Петербургѣ одинъ. Въ теченіе одного съ небольшимъ мѣсяца, Рубини успѣлъ дать 15 представлений, поставилъ три оперы, а именно: «Лючі», «Пирата» и «Севильского цирульника». Роль Лючі, какъ известно, была коњкомъ Рубини. Въ этой роли онъ производилъ необычайно потрясающее впечатлѣніе, и государь, оцѣнившій геніальнааго пѣвца, приказалъ пригласить его на весь предстоящий сезонъ 1843—1844 годовъ съ тѣмъ, чтобы онъ указалъ нѣсколькоихъ другихъ артистовъ. Рубини указалъ незабвенную баритона Тамбурини и незабвенную м-me Viardot-Garcia, сестру знаменитой Малирань. За хлопоты, по подготовкѣ хоровъ и оркестра къ означеннымъ 15-ти представлениямъ, государь приказалъ вручить Рубини дирижерскую палочку съ огромнымъ рубиномъ, осыпанную брилліантами. Впослѣдствіи, желая вознаградить пѣвца за то эстетическое удовольствіе, которое онъ доставлялъ, императоръ Николай далъ ему мундиръ VIII класса. Тогда же было учреждено званіе солиста его величества, которое давало право носить мундиръ придворнаго вѣдомства, и Рубини была пожалована золотая медаль на Андреевской лентѣ, украшенная брилліантами стоимостью въ 10 тысячъ франковъ.

Такимъ образомъ, положено было начало возобновленію италіанской оперы въ Петербургѣ. Изъ италіанскихъ артистовъ были только: Рубини, Тамбурини и Віардо; лишь подъ конецъ сезона прибыла еще артистка Асандро, soprano.

Въ продолженіе всего сезона давали только 5 оперъ: «Сомнамбулу», «Лючі», «Пуритане», «Севильского цирульника» и «Ромео и Юлію», Беллини. Поэтому, нѣкоторыя оперы даны были болѣе чѣмъ по 10 разъ.

Понятно, что, при одномъ абонементѣ въ 60 представлений, публика абонировалаась въ складчину. Мы съ братомъ имѣли, напримѣръ, 20 представлений, и имѣли кресло въ 10-мъ ряду у самаго прохода за два рубля. Замѣчу, что тогда разстояніе между рядами креселъ было гораздо шире, чѣмъ теперь. Никто не мыслилъ претендовать, что многимъ пришлось слышать одну и ту же оперу по 5 разъ и болѣе. Напротивъ слышались сожалѣнія отъ тѣхъ, кому не пришлось слышать излюбленную имъ оперу болѣе число разъ. Я послѣдний разъ послѣдний разъ имѣть возможность, кромѣ абонемента, бывать въ ложѣ у родныхъ и не упускать бенефисовъ, дававшихся сверхъ абонемента.

Въ «Лючіи» Рубини, какъ я уже сказалъ выше, производилъ такое особенно сильное впечатлѣніе, котораго нельзя забыть во вѣкъ. Никто изъ всѣхъ послѣдующихъ знаменитѣйшихъ теноровъ, которыхъ я всѣхъ перевидаль въ своей жизни, не могъ и близко исполнить сцену послѣ подписанія Лючіей свадебнаго контракта.

Поверхностные люди осуждали Рубини вообще за то, что онъ былъ будто бы плохимъ актеромъ, хотя и восхитительнымъ пѣвцомъ. Я положительно отвергаю этотъ ошибочный взглядъ. Вѣрно то, что Рубини пренебрегаль шаблонно-традиционной манерой игры итальянскихъ актеровъ, съ ихъ ходульною походкой и неестественной жестикуляціей; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ плохой актеръ. Я приведу сцену изъ «Лючіи». Вѣроятно, есть еще не мало людей, которые видали Рубини въ этой роли. Это та сцена, когда появляется Равенсвудъ въ моментъ подписанія Лючіей свадебнаго контракта. Рубини былъ такъ величественно страшенъ въ этотъ моментъ, что у всякаго зрителя, ожидающаго его появленія, пробѣгалъ, какъ говорится, морозъ по кожѣ. Показывается Рубини на заднемъ планѣ сцены, останавливается, сбрасываетъ съ себя лихорадочно плащъ, нѣсколько мгновеній не двигается, бросивъ взоръ на Лючію, и затѣмъ быстро подходитъ къ ней. До этой минуты не вылетало еще изъ него никакого звука; но его взглядъ, его движенія приводили зрителя въ содроганіе. Рубини былъ такъ благородно хороши въ этотъ моментъ, что нельзя забыть впечатлѣній отъ однихъ лишь его движеній. Если бы Рубини не носилъ въ себѣ высоко-артистического элемента, если бы въ немъ не было истинной искры художественности и неподдѣльного огня, то онъ не могъ бы производить такого сильнаго впечатлѣнія, которое по сей-часъ осталось у видѣвшихъ Рубини. Но что сказать о томъ, когда вырывалось у Рубини слово: «risponde a me» и затѣмъ взрывъ проклятія? Тогда Рубини сразу оглашалъ театръ такою могучею нотою, потрясающею отчаяніемъ душу слушателя, что ничего подобнаго мнѣ не случалось уже въ жизни болѣе слышать.

У Рубини былъ чистѣйшій теноровый тембръ, чтѣ, по большей части, встрѣчается не часто. Онъ не рѣдко переходилъ въ горловыя ноты, но такъ искусно, что этотъ переходъ не замѣчался. Но когда нужно было потрясти слушателя драматическимъ звукомъ, то онъ бралъ ту же ноту грудью, съ необыкновенной силой.

Послѣ Рубини я переслушалъ всѣхъ знаменитѣйшихъ теноровъ, но никто не могъ дать и тѣни того впечатлѣнія, какое производилъ Рубини въ означенной сцѣнѣ: у всѣхъ онъ проходили вяло, безцѣльно, даже у Маріо и Кольцолари. Конечно, въ послѣднемъ дѣйствіи, они были почти такъ же хороши, какъ и Рубини, но полной красоты оперы далеко передать не могли. Не мудрено, что послѣ Рубини эту оперу публика перестала любить и называла ее скучной.

Другимъ концомъ Рубини, въ этотъ сезонъ, была «Сомнамбула». Я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о взглядѣ моемъ на эту оперу, взглядѣ, который, вообще, раздѣляли многие любители итальянской музыки.

Мнѣ всегда казалось, что если человѣкъ, съ музыкальнымъ ухомъ, пришелъ бы слушать эту оперу, не зная ни ея содержанія, ни языка, закрылъ бы глаза прежде представлѣнія, то онъ скоро почувствовалъ бы, что передъ нимъ поютъ не герои, ни графы или князья, не люди въ плацахъ, мечахъ, латахъ и проч., а непремѣнно люди простые. Таковъ колоритъ музыки, а между тѣмъ она достигаетъ потрясающаго драматизма. Прослѣди всю оперу, нельзя, по совѣсти, не признать, что невозможно создать музыки болѣе соотвѣтствующей всюду положенію людей, въ которыхъ они находятся. Вслушайтесь въ тихую грусть Алины, готовящейся удалиться изъ-подъ роднаго крова и отъ нѣжныхъ заботъ любящей матери, и, въ то же время, вы слышите ожиданіе еще новаго, неизвѣданнаго счастья,—эта арія перль граціи. Затѣмъ, дуэтъ съ женой, гдѣ выливается пламень любви: невозможно лучше выразить музыкой нѣжную страсть, охватывающую оба существа. А хоръ простолюдиновъ?—не рисуетъ ли здѣсь музыка необыкновенно подходящее къ данному моменту настроеніе толпы. Слѣдующій затѣмъ дуэтъ Эльвина и Алины, гдѣ выражаются страшные упреки съ рыданіями жениха и отчаяніе невинной невѣсты, я отнесу къ апофеозу истинно-музыкальнаго генія автора, который, писавши этотъ дуэтъ, видимо страдалъ вмѣстѣ съ лицами, имъ музыкой изображаемыми. Въ слѣдующемъ дѣйствіи мы слышимъ нестерпимую боль души и раздирающую грусть жениха. Въ послѣднемъ дѣйствіи какова молитва, выраженная пѣніемъ еще не очнувшейся Алины, и въ то же время неудержимые звуки, вполноголоса, жениха, входящаго въ дуэтъ? Наконецъ, неистовый восторгъ Алины, увидавшей жениха и обручальное кольцо

на своей рукѣ; этотъ восторгъ подобенъ стремительному клокотанію каскада, и все это выражено музыкой.

Однажды, я встрѣтилъ въ Ниццѣ, въ одномъ обществѣ, серьезнаго музыканта, хотя музыка не составляла его профессіи. До этой встрѣчи, я не былъ съ нимъ знакомъ. Завязался въ обществѣ разговоръ послѣ видѣнной нами въ тотъ вечеръ «Сомнамбулы» въ театрѣ, и у меня врѣзлся въ память отзывъ этого музыканта объ означенной оперѣ.

— «Сомнамбула», — сказалъ онъ, — представляетъ такой неисчерпаемый источникъ разнообразныхъ мотивовъ, подходящихъ къ движениямъ человѣческой души, что современный композиторъ могъ бы начертать изъ этого источника материала на 20 оперъ.

Я не помышляю навязывать никому ни моего мнѣнія, ни мнѣнія тѣхъ, которыхъ совпадаютъ съ моимъ; но такъ какъ вся кому дана способность чувствовать музыку, если только у него правильное ухо, то я, не будучи музыкантомъ, позволю себѣ однако высказать, что я смотрю на музыку «Сомнамбулы», какъ на предѣлъ творческаго музыкального вдохновенія. Можно, по моимъ понятіямъ, указать еще на двѣ оперы, гдѣ тоже является полное соответствие музыки изображаемымъ ею положеніямъ и характерамъ. Я называлъ бы «Аиду» — Верди и «Фауста» — Гуно. Въ «Аидѣ» композиторъ нашелъ такое сочетаніе звуковъ, что ухо слышитъ музыку не европейскую, а какъ бы въ самомъ дѣлѣ музыку древнихъ народовъ. Въ «Фаустѣ» композиторъ нашелъ для Мефистофеля, рѣшительно музыку дьявольскую, а не человѣческую; въ третьемъ дѣйствіи лиризмъ музыки доходитъ до своего предѣла; въ четвертомъ дѣйствіи ухо положительно слышитъ душевныя угрызенія совѣсти Маргариты, и, наконецъ, въ послѣднемъ дѣйствіи невозможно выразить лучше восторженную молитву уже помѣшанной или душевно-страдающей дѣвушки. Очевидно, композиторъ вложилъ въ свое произведение весь свой умъ и всю свою душу. Онъ создалъ музыкальную поэму совершенно равносильную, если еще не болѣе выразительную, чѣмъ сама поэма Гёте.

Двухъ такихъ произведений композиторъ создать не можетъ. Если я остановился на «Фаустѣ», то потому, что я позволилъ себѣ характеризовать музыку «Сомнамбулы» — предѣломъ творческаго вдохновенія. Въ «Фаустѣ» я вижу и вдохновеніе, и могучій музыкальный умъ. Здѣсь обращу только вниманіе на слѣдующій вопросъ: почему Рубини, этотъ гений пѣнія, любилъ, по преимуществу, пѣть въ операхъ Беллини? Несомнѣнно, что если бы въ то время была уже создана опера «Фаустъ», то никто не могъ бы сравниться съ нимъ въ третьемъ дѣйствіи.

И такъ, Рубини, будучи неподражаемъ въ «Лючінѣ», былъ тоже восхитителенъ и въ «Сомнамбулѣ», въ особенности, въ дуэтѣ первого дѣйствія; затѣмъ въ третьемъ дѣйствіи, выражая свою великую грусть,

а равно и въ послѣднемъ дѣйствіи, гдѣ слышались его нѣжные звуки, какъ будто летящіе съ небесъ; но въ дуэтѣ упрековъ и рыданій Рубини достигалъ потрясающаго драматизма.

«Сомнамбула» была также исключительнымъ концомъ для м-те Viardot. Ея сцена съ матерью, дуэтъ съ женихомъ въ первомъ дѣйствіи, отчаяніе въ дуэтѣ втораго дѣйствія, грусть и ея молитва — все это услаждало или разрывало душу слушателя. Но когда Алина увидала кольцо на своеемъ пальцѣ и увидала жениха, м-те Viardot достигала тутъ такого поглощающаго восторга, что вырывающіеся у нея въ этой аріи звуки не могутъ быть забыты во-вѣки. Ни одна изъ послѣдующихъ знаменитостей и великихъ пѣвицъ не могли дать и подобія того восторга, который охватывалъ въ эти минуты м-те Viardot.

Правда, слышавшіе нѣкогда Малибрانъ, сестру м-те Viardot, говорили, что Малибранъ была въ означенной аріи еще лучше Biardo. Позволительно однако въ томъ усомниться, потому что трудно представить себѣ что-либо лучше, тѣмъ болѣе, что надо, въ такомъ случаѣ, допустить, что Малибранъ, будучи очень высокимъ сопрано, имѣла грудныя контральтовыя ноты еще болѣе звучныя и болѣе чистыя, чѣмъ у Biardo.

Biardo обладала неслыханнымъ діапазономъ: она пѣла и въ роляхъ для сопрано и въ роляхъ для контрь-альто. Въ послѣдней аріи восторга, въ «Сомнамбулѣ», она съ высокой ноты сопрано внезапно переходила въ весьма низкую ноту контрь-альто, ноту, которая являлась у неї и могуча, и необыкновенно звучна. Кто слыхалъ эту арію, исполнявшуюся Biardo, тому казалось, что подобное исполненіе выше человѣческихъ средствъ. М-те Viardot, будучи могучей драматической артисткой до глубины души и до послѣдняго волоска, имѣла въ высшей степени обработанный голосъ. Въ оныя времена, артистки не подготовлялись, исключительно, или для драматического, или для колоратурного пѣнія. Оперы требовали и того и другаго условія. М-те Viardot исполняла съ равнымъ успѣхомъ партіи драматической и фіоритурныя. Напримѣръ, она восхитительно пѣла Розину въ «Севильскомъ цирульникѣ». Въ этой оперѣ она пустила въ ходъ романсь — «Соловей», который, черезъ 25 лѣтъ, пѣла Патти. Трудно сказать, которая изъ этихъ исполнительницъ придавала болѣе фіоритурнаго блеска этому романсу.

М-те Viardot оставалась у насъ въ Петербургѣ до 1848 года и все это время приводила публику въ восторгъ. Въ особенности, она была также хороша въ «Пророкѣ». Мне придется еще возвратиться къ м-те Viardot, а именно къ тому времени, когда я специально поѣхалъ, года на полтора, въ Парижъ, для того, чтобы дать моей дочери возможность докончить свое музыкальное образованіе въ рукахъ великой артистки.

Теперь обращусь къ Тамбурини. По искусству, по тембру голоса, его выработкѣ, звучности и бархатности, я не встрѣчалъ уже послѣ равносильнаго Тамбурини баритона. Всѣ, между прочимъ, признавали за нимъ титулъ всеевропейскаго, неподражаемаго Фигаро. Въ упомянутый сезонъ, у Тамбурини былъ еще конекъ: «Пуритане», гдѣ онъ, положительно, сосредоточивалъ на себѣ вниманіе во второмъ дѣйствіи. Въ этотъ сезонъ, роль-баса исполнялъ Петровъ, мѣняясь съ Артемовскимъ, и они самостоятельно пожинали лавры въ извѣстномъ дуэтѣ съ Тамбурини. Петровъ пѣлъ тоже съ большимъ успѣхомъ въ роли Донъ-Базиліо въ «Севильскомъ цирульникѣ». Мнѣ всегда казалось страннымъ, что всѣ послѣдующіе знаменитые баритоны не могли придать того блестящаго колорита, который придавалъ во 2-мъ дѣйствіи Тамбурини своему пѣнію, и оно проходило безцвѣтно, тогда какъ, при Тамбурини, театръ стоналъ въ этомъ дѣйствіи отъ восторга. Тамбурини оставался въ Петербургѣ многіе годы, и всегда, и вездѣ былъ превосходенъ; въ особенности онъ былъ хорошъ въ «Донъ-Жуанѣ». Впослѣдствіи, въ этой роли появился Дебосини, славившійся ею, но все же былъ не то, что былъ въ этой роли Тамбурини, въ началѣ своего пребыванія въ Петербургѣ. Послѣдніе годы, Тамбурини былъ уже незнаваемъ, допѣвъ до совершенной потери голоса.

Итакъ, несмотря на то, что въ сезонъ 1843 — 1844 годовъ было всего три артиста, этотъ сезонъ я называю незабвеннымъ потому, что въ ней участвовалъ геній пѣнія — Рубини, съ величайшей артисткой Віардо и великимъ артистомъ, Тамбурини.

Въ моей памяти осталось живо послѣднее представление означенного сезона, какъ будто бы я еще вчера былъ его свидѣтелемъ. Это послѣднее представление было заключительнымъ представлениемъ артистической карьеры Рубини, оставившимъ послѣ того сцену еще въ полномъ ореолѣ своей славы.

Означенное представление было утромъ, въ прощальный день масляницы. Для того, чтобы удовлетворить публику и дать каждому артисту блеснуть на прощанье во всю свою силу, назначенъ былъ спектакль сборный изъ выдающихся сценъ трехъ драматическихъ оперъ: изъ «Лючии» — сцена подписанія контракта; изъ «Сомнамбулы» — дуэтъ финала 2-го дѣйствія и молитва съ окончательной аріей; изъ «Пуританъ» — упомянутая сцена 2-го дѣйствія.

Надо сказать, что въ тѣ времена, по установленнымъ правиламъ формы, военные, въ воскресный день, должны были быть весь день въ мундирахъ и даже въ шарфахъ, до окончанія развода. Это обстоятельство придало упомянутому спектаклю особую торжественность. Нечего и говорить, что публика, отъ совокупности быстро смѣнявшихся сильныхъ впечатлѣній, стонала отъ восторга. Но когда Рубини и Віардо

проплыли въ «Сомнамбуль» дуэтъ и, по желанію публики, повторили его, театръ потребовалъ спѣть дуэтъ въ третій разъ. Конечно, всѣ чувствовали, что это, можно сказать, требование безчеловѣчное, но, въ то же время, всякому хотѣлось еще разъ воспріять неописуемое наслажденіе. Послѣ нѣкотораго колебанія и двухъ-трехъ словъ переговора съ м-ме Viardot, Рубини далъ знакъ оркестру снова начинать. Въ эту минуту, театръ моментально стихъ, и всѣ, сидѣвшіе въ первомъ ряду кресель, поднялись на ноги. Надо замѣтить, что въ этотъ сезонъ, первый рядъ былъ исключительно аборигованъ генералитетомъ и высшими сановниками, и тамъ не появлялись ни оберъ, ни штабъ-офицеры и часто преобладали генераль-адютантскіе эксельбанты. Всѣдѣ за первымъ рядомъ поднялся весь партеръ; затѣмъ и бель-этажъ, наполненный дамами, а за нимъ и вся публика въ ложахъ. Этотъ необычайный порывъ публики былъ порывомъ «спонтанѣ» и тѣмъ произвѣлъ глубочайшее впечатлѣніе на артистовъ. Все свершилось не болѣе, какъ въ одну минуту; въ театрѣ установилась тишина. Рубини и Viardot запѣли, но ни единій человѣкъ не шевельнулся, чтобы сѣсть, и, такимъ образомъ, вся публика прослушала весь длинный дуэтъ — стоя. Когда же онъ кончился, то понятно уже — что сдѣлалось въ театрѣ. Свершился какой-то всеобщій праздникъ какъ въ публикѣ, такъ и между артистами. Въ публикѣ многіе плакали отъ наслажденія и восторга; на сценѣ артисты плакали тоже отъ умиленія, оцѣнки ихъ гenія и таланта и необычайной чести, имъ отданной. Главное то, что такое торжество совершилось безъ всякихъ предварительныхъ уговоровъ, по единодушному, индивидуальному побужденію. — Вотъ истинное торжество геніевъ!

Вызовамъ не было конца; публика не расходилась; потушили лампы; но партеръ былъ, все-таки, почти полонъ. Наконецъ вѣжаль какой-то офицеръ и крикнулъ: «господа, къ подъѣзду!» Всѣ бросились туда. День былъ ясный, стоялъ морозъ градусовъ въ 20. На площадкѣ, около подъѣзда, собралось не менѣе тысячи человѣкъ, и больше половины офицеровъ, носившихъ тогда треугольныя шляпы съ перьями. Несмотря на морозъ, публика ожидала выхода артистовъ. У подъѣзда стоялъ низенкій возокъ на полозьяхъ для м-ме Viardot. Рубини удалось ускользнуть черезъ другой подъѣздъ, а м-ме Viardot приходилось выйти черезъ подъѣздъ, где стоялъ ея экипажъ. Нѣсколько разъ выходили разныя лица, прося публику разойтись, потому, что м-ме Viardot очень устала и желала бы ѿхать скорѣе, безъ задержки, домой, но все было тщетно. О вмѣшательствѣ полиціи не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что большинство публики были офицеры. Прошло болѣе получаса прежде, нежели показалась м-ме Viardot. Усаживая ее въ возокъ, кто-то успѣлъ спустить стекла дверецъ, и м-ме Viardot стала

раздавать цветы. Мне досталась фиалка, которую я хранил у себя более 20 летъ. Наконецъ, возокъ тронулся; на запяткахъ оказались два студента въ треуголкахъ, а третий вскочилъ на козлы. Затѣмъ кто-то крикнулъ: «господа, йдемъ на квартиру», и масса публики поѣхала туда и успѣла подѣхать минутъ за 10 до приѣзда возка. Мы расположились по лѣстницѣ, съ обѣихъ сторонъ, на ступеняхъ, вплоть до 3-го этажа. Публика состояла преимущественно изъ офицеровъ. Когда приѣхала м-ма Viardot, то ей пришлось подниматься сквозь строй офицеровъ, растигнувъ обѣ руки на-право и нальво, которыя и цѣловали, послѣдовательно, стоящіе по лѣстницѣ. Лѣтъ 30 спустя, когда я сталъ посѣщать м-ма Viardot въ Парижѣ, я напомнилъ ей обѣ означенномъ днѣ, и она вспомнила, тоже не безъ волненія, обѣ исключительномъ торжествѣ своемъ и Рубини.

Очертивъ сезонъ 1843—1844 г., я, кстати, помяну вкратцѣ нѣкоторыхъ выдающихся пѣвцовъ и пѣвицъ послѣдующихъ сезоновъ.

Послѣ Рубини появился теноръ Сильва. Лучшей оцѣнкой этого артиста будетъ то, что онъ выступалъ въ тѣхъ же роляхъ, въ которыхъ пѣлъ Рубини, и имѣлъ положительный и заслуженный успѣхъ въ продолженіе трехъ сезоновъ. Послѣ Сильвы пѣлъ Гуаско, пѣвецъ очень искусный, но не имѣвшій сильного голоса.

Mario появился уже въ 1851 году. Его имя гремѣло по всей Европѣ, и Петербургъ приходилъ въ неистовый восторгъ отъ этого соловья, но, кажется, болѣе отъ его красоты. Такъ какъ я не жилъ постоянно въ Петербургѣ, а прїѣжалъ туда зимой мѣсяца на два, то, по моему приѣздѣ, всюду только и было слышно о Mario, какъ о какомъ-то чудѣ. Когда же я прослушалъ его въ трехъ, четырехъ операхъ, то не только не испыталъ наслажденія, или хоть бы удовлетворенія, но, наоборотъ, испыталъ нѣсколько разъ досадное раздраженіе нервовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что это былъ сладко-пѣвучій соловей, но въ его голосѣ не было и признака драматизма. Былъ ли у него драматизмъ въ голосѣ въ прежнее время,—я не знаю; я говорю о Mario, явившемся въ Петербургѣ въ 1851 г. Онъ раздражалъ мои нервы именно тогда, когда ухо требуетъ сильного драматического звука, и вдругъ, вместо того, оно услышитъ высокую, тончайшую фистулу. Самые переходы въ эти горловыя ноты были у Mario непріятно рѣзки, тогда какъ Рубини переходилъ въ эти ноты совершенно незамѣтно. Зная, что Петербургъ пѣнется его красотой, Mario очень любилъ рисоваться на сценѣ. И вотъ онъ ставить въ свой бенефисъ какую-то несчастную оперу — «Сарданапаль», въ которой изображаетъ нѣгу въ очень нескромномъ костюмѣ. Послѣ этой оперы, мнѣ казалось, что это было какъ бы нѣкоторое оскорблѣніе великому драматическому искусству, и я рѣшительно пересталъ ходить слушать Mario.

Через 17 лѣтъ, Mariо вновь появился въ Петербургъ, воображая, что онъ найдеть еще себѣ поклонниковъ или поклонницъ, но жестоко ошибся. Его послѣднее появленіе въ Петербургѣ было его позоромъ; у него не только не было уже голоса, но были слышны лишь нескончаемыя детонація или фальшь. Тѣмъ, которые помнятъ Mariо въ первый его прїездъ, мой взглядъ на него, расходящійся съ общимъ мнѣніемъ, покажется рѣзкимъ; но, говоря о немъ, я не могъ не выразить того впечатлѣнія, какое онъ производилъ на меня. Повторю—это былъ сладко-звукный соловей, но не драматическій пѣвецъ, хотя и очень хороший актеръ.

Въ томъ же году, когда Петербургъ наслаждался Mariо, мнѣ случилось пойти на какой-то бенефисъ въ Александрийскій театръ. На афишѣ значилось, что въ одномъ антрактѣ будетъ пѣть какой-то италіанскій пѣвецъ, по имени, Тамберликъ. Хотя оказалось, что Тамберликъ и состоялъ въ италіанской труппѣ Большаго театра, но я не слыхалъ еще ни единаго слова о немъ отъ посѣщавшихъ въ этомъ году оперу. Появляется какой-то незнакомый мнѣ пѣвецъ и поетъ изъ «Отелло». Я пришелъ въ великий восторгъ, и послѣ этого, повсюду, гдѣ я бывалъ, сталъ упрекать посѣщавшихъ оперу—какимъ образомъ они могутъ восхищаться пѣніемъ Mariо, когда въ италіанской Петербургской труппѣ находится такой великий артистъ, какъ Тамберликъ. Меня, положительно, вездѣ подымали на смѣхъ; но на повѣрку оправдалась французская пословица: «rira celui, qui rira le dernier». Съ слѣдующаго сезона, Тамберликъ поглотилъ вниманіе Петербургской публики и поглощалъ его болѣе 15-ти лѣтъ. Въ какой бы роли Тамберликъ ни появлялся, онъ постоянно увлекалъ публику; но въ особенности въ «Отелло», «Вильгельмѣ-Телѣ», «Трубадурѣ», «Риголето», словомъ вездѣ и всегда.

Въ Петербургѣ есть еще тысячи людей, которые помнятъ Тамберлика и помнятъ, конечно,—что это былъ за артистъ... Даже въ послѣдній свой прїездъ, въ 1884 году, когда ему было ужъ около 70 лѣтъ, этотъ артистъ могъ еще вполнѣ потрясать слушателей. Кто слышалъ Тамберлика, тотъ знаетъ, что у него былъ могучій, абсолютный, грудной теноръ, и хотя въ его голосѣ не было слышно настоящаго тенорового тембра, подобнаго Рубини, но за то задушевность издаваемыхъ имъ звуковъ лилась рѣкой въ душу людей, какъ будто эти звуки вылетали не изъ одной только теплой груди, а изъ всего существа человѣка. Конечно, единственнымъ соперникомъ Тамберлику могъ быть только Рубини, и по своей добросовѣстности Тамберликъ признавалъ извѣстное преимущество Рубини передъ собой. Въ послѣдніе годы, во время моего пребыванія въ Парижѣ, я довольно близко сошелся съ Тамберликомъ. Это былъ истинный артистъ до мозга костей, артистъ особенно умный и исключительно симпатичный человѣкъ.

Одновременно съ Тамберликомъ, постепенно возникалъ другой великий артистъ—Кольцолари, съ чистѣйшимъ теноровымъ тембромъ. Это былъ пѣвецъ феноменальный, уже по тому одному, что голосъ его усиливался, развивался и совершенствовался съ каждымъ годомъ. Подъ конецъ, онъ достигъ такого совершенства и искусства въ пѣніи, что трудно найти въ этомъ отношеніи сравненіе. Слухи носились, что будто бы сама Патти завидовала колоратурности голоса Кольцолари. Онъ берегъ свой голосъ и пѣль, по преимуществу, въ Петербургѣ и, лишь иногда, на короткое время, появлялся въ другихъ столицахъ Европы. Онъ оставилъ сцену въ полномъ блескѣ своего голоса и таланта. Я былъ знакомъ съ Кольцолари. Будучи въ 1886 г. въ Миланѣ, я узналъ, что онъ боленъ и, отправившись къ нему на его виллу, верстахъ въ 20 отъ Милана, увидалъ необыкновенно грустную картину. Будучи по виду совершенно здоровымъ, Кольцолари сидѣлъ въ креслахъ съ полнымъ параличомъ ногъ и языка. Когда онъ увидалъ меня, свидѣтеля его славного музыкального поприща въ Петербургѣ, онъ буквально зарыдалъ и сталъ мычать. Не было возможности воздержаться и мнѣ отъ слезъ при видѣ такой картины.

О послѣдующихъ тенорахъ я не буду говорить: всѣ они не могли идти въ какое-либо сравненіе съ Тамберликомъ и Кольцолари, хоть бы и Мазини. Быть, правда, еще пѣвецъ Марини, съ высочайшимъ настоящимъ теноровымъ тембромъ, но это былъ, въ полномъ смыслѣ слова, пѣвецъ безсмысленный. Затѣмъ былъ Николини, котораго публика любила. Это былъ очень хороший артистъ и превосходный актеръ съ огненнымъ жаромъ; но въ голосѣ его не было надлежащаго звука, который онъ вырывалъ изъ себя съ страшнымъ усилиемъ.

Послѣ Тамбурини явился превосходный баритонъ—Дебосини, но вскорѣ уступилъ мѣсто Граціани. Граціани долго справедливо пѣнялъ Петербургскую публику и своимъ искусствомъ, и мягкимъ тембромъ своего голоса. Но все же ни Дебосини, ни Граціани не могли сравняться съ Тамбурини, въ его прежнее время.

Не помню, въ которомъ году, былъ въ Петербургѣ и знаменитѣйший изъ бывшихъ когда-либо басовъ, Лаблашъ. Онъ былъ уже совершенный старикъ, громадной величины и толщины. Несмотря на это, онъ сохранялъ еще необычайный свой голосъ и искусство, доведенное до неслыханного совершенства. Онъ работалъ своимъ голосомъ на подобіе колоратурной пѣвицы. Въ Петербургѣ, онъ преимущественно участвовалъ только въ роляхъ баса-буфъ, да къ тому же онъ обладалъ неподѣльнымъ комизмомъ.

Вспомню теперь о нѣкоторыхъ пѣвицахъ. Знаменитая Гризи появилась въ Петербургѣ одновременно съ Марио. Она была уже не очень молода, но еще очень хороша собою. Эта артистка, какъ известно,

была пѣвица могучая; такой Нормы и такой Валентины въ «Гугенотахъ» мы никогда уже болѣе не слыхали.

Послѣ Гризи гремѣла Бозіо. Безспорно, эта пѣвица была изящная, искусная и съ мягкимъ голосомъ. Петербургъ былъ отъ нея безъ ума; другихъ отзывовъ о ней не было, какъ прелестная и несравненная Бозіо. Въ ней было много и лирическаго, и драматического таланта; но мнѣ, лично, казалось, что въ ней не было достаточно жара. Вѣроятно, на меня она произвела подобное впечатлѣніе отъ того, что я все еще не могъ забыть впечатлѣнія отъ пѣнія м-те Viardot. Бозіо, къ общему всѣхъ сожалѣнію, бѣзвременно скончалась и похоронена здѣсь, въ Петербургѣ.

Послѣ Бозіо появилась Фиоретти. Ея голосъ былъ мягкий, сильный и баснословно обработанный. Но она была дурна собой и въ ней не было изящества, а потому большинство публики, у которой была свѣжа память о Бозіо, относились къ Фиоретти довольно равнодушно. Затѣмъ выступила Барбо, признаваемая за красавицу. Голосъ ея былъ сильный и рѣзкій; но она частенько детонировала и фальшивила. Публика всегда встрѣчала ее хорошо, но я, съ моей точки зрѣнія, не признаю такихъ пѣвицъ, которыхъ могутъ детонировать.

Не бывъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, я услыхалъ Нильсонъ только въ 1873 году. Она прїехала въ Петербургъ уже съ громкимъ именемъ. Какова она была ранѣе, я не знаю, но въ Петербургѣ Нильсонъ не произвела на меня сколько-нибудь сильного впечатлѣнія. Я услыхалъ Нильсонъ послѣ того, какъ я слыхалъ уже Патти. Петербургская публика дѣлилась на двѣ партіи—на нильсонистовъ и на паттистовъ. Вообще Нильсонъ возводили въ степень великой драматической пѣвицы, а Патти называли чудной шарманкой. Когда я услыхалъ Нильсонъ, то мнѣ показалось страннымъ, что можно было увлекаться пѣніемъ Нильсонъ, когда на другой день можно было услышать Патти. Впрочемъ, это дѣло вкуса; но то, что должно быть дѣломъ не вкуса, а уха, это то, что у Нильсонъ нерѣдко прорывалась детонація, такъ что я не помню ни одного представленія, гдѣ бы она не согрѣшила въ этомъ отношеніи разъ или два. Я уже замѣтилъ выше, что, по моему взгляду, подобнымъ пѣвицамъ я не даю никакого значенія. Не разъ слу-
чалось мнѣ говорить объ этомъ вопросѣ не только съ обыкновенными смертными, но и съ профессио-
нальными музыкантами, и слышать такие
отзы-
вы: «правда, артистъ иногда детонируетъ, но это ничего не значитъ, все-таки онъ замѣчательный артистъ». По-моему, Богъ съ ними, съ этими замѣчательными артистами: я не желаю слушать ихъ и вкушать «медъ изъ бочки, въ которую влита ложка дегтя». Репертуаръ Нильсонъ былъ весьма ограниченъ,—вѣчно: «Фаустъ», «Миньонъ», «Гамлетъ»; а между тѣмъ, по своей дебелости и отсутствіи грацій, Нильсонъ

не подходила къ ролямъ Маргариты, Офеліи и Миньонъ. Быть можетъ, я отнесся черезчуръ не симпатично къ Нильсонъ, но это потому, что меня раздражала несправедливая оцѣнка двухъ пѣвицъ, одновременно пребывавшихъ въ Петербургѣ—Патти и Нильсонъ, между которыми, по моимъ понятіямъ, лежала большая пропасть.

Патти я услыхалъ нѣсколько ранѣе Нильсонъ, а именно, въ концѣ 1872 года. Здѣсь я попрошу у читателя извиненія за нѣкоторое необходимое, по-моему, отступленіе.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ я заболѣлъ и уѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ болѣе 4-хъ лѣтъ, и потому и Петербургской италіанской оперы въ это время не слыхалъ. Я, конечно, умолчалъ бы о фактѣ моей болѣзни, кажущемся совсѣмъ не у мѣста, но, какъ читатель увидитъ далѣе, о немъ нужно упомянуть именно теперь, прежде дальнѣйшаго изложенія того, о чёмъ я считаю не лишнимъ сообщить.

Моя болѣзнь была слѣдствиемъ чрезмѣрнаго умственнаго и физическаго утомленія, отъ непрерывнаго труда въ теченіе 28 лѣтъ, труда, слишкомъ напряженнаго, ни разу не прерывавшагося и чрезвычайно отвѣтственнаго. Симптомы болѣзни обнаружились полнѣйшимъ равнодушіемъ ко всему окружающему. Я не испытывалъ ни въ чёмъ ни малѣйшаго удовольствія или какой-либо радости. Я потерялъ аппетитъ, былъ по привычкѣ и совершиенно безразлично, что бы мнѣ ни подавали. Настоящій сонъ тоже пропалъ, и вмѣсто него являлось лишь на нѣкоторое время забытье. Самымъ тяжелымъ моментомъ было утро, въ виду мысли тянуть опять день безъ всякаго интереса. Я ничего не могъ читать: беллетристическая произведенія представлялись мнѣ пустыми, ни сколько не интересными сказками, а что-либо серьезное необходимо вызывало потребность хотя бы незначительнаго умственнаго напряженія, чтѣ и отталкивало меня отъ подобнаго чтенія. Коротко говоря, я считалъ себя лишнимъ человѣкъ для жизни: мнѣ хотѣлось умереть, вѣ-время забыться, а между тѣмъ, очнувшись, я досадовалъ, что я живъ для того, чтобы продолжать свое невыносимое существованіе.

Продолжительное путешествіе за границей, по разнымъ мѣстамъ Европы, почти не улучшило моего здоровья; только морское купанье въ Корфу въ концѣ ноября и декабря мѣсяцевъ поправило нѣсколько аппетитъ и сонъ, но равнодушіе къ жизни продолжалось по-прежнему.

Въ такомъ положеніи, я вернулся въ Петербургъ. Дѣти мои неоднократно тянули меня въ театръ послушать Патти. Я наотрѣзъ отказывался, такъ какъ мнѣ казалось чѣмъ-то дикимъ искать развлеченіе въ театрѣ. Но однажды я уступилъ просьбамъ дѣтей и поѣхалъ съ ними въ оперу. Услыхавъ небывалый, необыкновенно ласкающей тембръ голоса Патти, я невольно заинтересовался и сталъ внимательно ее слушать. Возвратившись домой, я почувствовалъ потребность говорить много о

впечатлѣніи, произведенномъ на меня Патти. Въ эту ночь, я впервые, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, заснула настоящимъ крѣпкимъ сномъ и, проснувшись, почувствовалъ, что во мнѣ не угасла еще потребность удовольствія, и не было досады—зачѣмъ я проснулся для тоски предстоящаго дня, а, напротивъ, я возымѣлъ непреодолимое желаніе слышать вновь Патти и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать слѣдующаго спектакля.

Услыхавъ Патти во второй разъ, мнѣ захотѣлось слушать ее какъ можно чаще. Хотя семейство мое имѣло абонированную ложу на одинъ абониментъ, но я, неотложательно перекупилъ еще ложу на другой абониментъ и, кромѣ того, не упускаль случая доставать кресла въ другіе дни. Такимъ-то образомъ, я почувствовалъ въ себѣ известное возрожденіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возстановленіе въ себѣ интереса ко всѣмъ сторонамъ жизни.

Таково было вліяніе на мой организмъ музыки, текущей изъ живаго человѣческаго голоса. Я не вхожу въ анализъ причинъ и ея объясненій; не вывожу тоже изъ этого никакого слѣдствія, а сообщаю лишь фактъ, который, быть можетъ, не будетъ лишнимъ для психологовъ. Понятно послѣ того, что Патти оставила во мнѣ особенно отрадное впечатлѣніе.

Публика, вообще, относилась къ Патти восторженno, но, по большей части, какъ я замѣтилъ уже выше, ее называли чудной, небывалой шарманкой, и болѣе ничего. Мнѣ было дико слушать подобные отзывы и, вѣроятно, вслѣдствіе доходившихъ до нея подобныхъ слуховъ, она долгое время не рѣшалась выступить въ драматической роли. Вотъ, однажды, я увидалъ Патти въ роли Травіаты, и она явилась въ этой роли неизвѣаемой.

Всѣ тѣ, у которыхъ живо въ душѣ чувство къ истинному драматизму, увидали передъ собой великую драматическую артистку. Впечатлѣніе было потрясающее.

Я былъ знакомъ съ Патти и не рѣдко посѣщалъ ее. Какъ человѣкъ, она была восхитительна и обворожала, въ особенности, простотой и искренностью своею обращенія. Въ ней не было и признака кичливости своимъ великимъ, необычайнымъ талантомъ и слишкомъ громкимъ артистическимъ своимъ положеніемъ.

Какъ ни благотворно отразилось на мнѣ вліяніе пѣнія Патти, по случайному обстоятельству, мною предъ симъ высказанному, но я долженъ поставить м-те Viardot, какъ драматическую пѣвицу, выше Патти. Изъ всѣхъ пересыщанныхъ мною пѣвицъ мнѣ, собственно, только Viardot и Патти доставляли истинное наслажденіе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ исторіи изданій „Горе отъ ума“.

С

есною нынѣшняго года, директору французскихъ училищъ при церкви св. Людовика въ Москвѣ, г. Е. Ф. Фонде-де-Монтюсентъ удалось случайно найти въ архивѣ помянутой церкви нѣсколько документовъ, имѣющихъ отношеніе къ первымъ печатнымъ изданіямъ безсмертной комедіи «Горе отъ ума». Узнавъ объ этой счастливой находкѣ, управление императорскаго российскаго историческаго музея имени Императора III обратилось къ г. Фонде-де-Монтюсентъ съ просьбою, взять на себя трудъ ходатайства передъ совѣтомъ церкви св. Людовика о передачѣ этихъ документовъ въ музей, во вновь образующійся при библіотекѣ его, отдѣль имени А. С. Грибоѣдова. Г. Фонде любезно на это согласился, и, вскорѣ, совѣтъ упомянутой церкви препроводилъ въ музей три, приводимые ниже, документа. Какимъ образомъ они очутились въ архивѣ французской церкви—неизвѣстно; надо думать, что они попали туда вмѣстѣ съ другими бумагами Жоли, къ которому перешло право на изданіе «Горе отъ ума». Вотъ эти документы:

1.

1838 года маія 19-го дня я нижеподписавшейся Московской третьї гильдіи купецъ Николай Николаевичъ сынъ Глазуновъ, заключилъ сіе условіе съ Московскими второй гильдіи купцомъ Ксенофонтомъ Алексѣевичемъ Полевымъ, втомъ: что я Глазуновъ купленную мною начально обще съ кандидатомъ коммерціи Николаемъ Евграфовымъ Бушуевымъ, у наследниковъ умершаго статскаго совѣтника Александра Сергеевича Грибоедова, жены его Нилы (sic!) Александровны Грибоедовой, и сестры порудчицы Мары Сергеевны Дурновой, по условію заключенному 1833 года сентября 5-го дня засвидѣтельствованному въ Москвѣ у но-

тариуса Алексея Иванова, за № 63 и нынѣ, по покупкѣ мною у него Бушуева, следующей ему части по условію заключенному 1834 года ноября 19-го, и записанному въ Москвѣ у того же нотаріуса Иванова за № 62, принадлежащую мнѣ одному комѣдію, подъ названіемъ Горе отъ ума, сочиненную реченою мъ господиномъ Грибоедовымъ, продалъ ему господину Полевому, цѣною за дѣсять тысячъ рублей государственными Ассигнаціями, которые и получить мнѣ отъ него съ заключенія сего условія по временамъ, втѣченіи года, съ роспискою въ каждомъ полученіи на семь условій; и воленъ онъ Полевой ту комѣдію, какъ уже свою собственность единственному ему принадлежащую, не чатать сколько пожеластъ, продавать по какимъ ценамъ похочеть, продать онью, или временно передать кому заблагоразсудить—до которой комѣдіи въ предь, какъ мнѣ Глазунову, такъ и наслѣдникамъ моимъ дѣла никакого не имѣть, не почему не вступаться, и права на онью другимъ никому не передавать,—что всѣ и сохранить, какъ мнѣ Глазунову, такъ и наслѣдникамъ моимъ свято и ненарушимо, для чего и записать сіе условіе гдѣ слѣдуетъ, подлинное имѣть ему г. Полевому, а мнѣ Глазунову получить за подписаніемъ его точную съ него копію.

Къ сemu условію Московской третей гильдіи купецъ Николай Николаевъ сынъ Глазуновъ руку приложилъ.

№ 39-ый 19-го числа.

М. И.

1838 года маія девятнадцатаго дня, сіе условіе къ опредѣленному въ Москвѣ публичному нотаріусу, явлено, въ книгу подъ номеромъ тридцать девятымъ записано и слѣдующія въ городскія доходы по полу-проценту съ рубля, деньги пятдѣсять рублей взяты—въ чемъ съ приложениемъ казенної печати и свидѣтельствую.

Нотаріусъ Алексей Ивановъ.

Къ сemu условію Московскій 2-ой гильдіи купецъ Ксенофонтъ Алексеевъ Полевой, къ явленному, руку приложилъ.

По сemu условію деньги десять тысячъ рублей, получилъ сполна Московскій купецъ Николай Николаевъ Глазуновъ.

1844 года января 17-го дня, я нижеподписанійся продалъ принадлежащее мнѣ по сemu условію право на изданіе означенной въ ономъ книги: «Горе отъ ума», до истеченія законнаго срока по смерти автора оной г-ну Карлу Карловичу Жоли, Московскаго 1-го кадетскаго корпуса зубному лекарю 1-го отдѣленія, и условленную за сіе сумму ты-

сячу восемь сотъ рублей серебромъ, отъ него получилъ сполна. Московскій 2-ой гильдіи купецъ Ксенофонть Алексѣевъ Полевой ¹⁾).

2.

Милостивый государь.

Карль Карловичъ.

По общему соглашенню нашему, продалъ я вамъ принадлежащее ми право на издание книги: Горе отъ ума, комедія сочиненія А. Грибоѣдова, пріобрѣтенное мною отъ Московскаго купца Николая Николаева Глазунова (что нынѣ Улитинъ) и по праву сему напечатанной мною вторымъ изданіемъ, въ 1839 году; послѣ же того книга сія не издавалась, и право на нее никому отъ меня передано не было. А какъ условленную сумму тысячу восемь сотъ рублей серебромъ за оное я сполна отъ васъ получилъ, то отъ нынѣ написаннаго числа, впредь до истеченія законнаго срока по смерти автора, дѣлается вы единственнымъ владѣльцемъ права на изданіе сей книги и вступаете во всѣ принадлежавшія мнѣ права.

Съ совершеннымъ почтенiemъ имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорѣйшимъ слугою Ксенофонть Алексѣевъ Полевой, купецъ Московскій.

Января 17-го 1844 г.

Москва.

Г-ну Карлу Карловичу Жоли, Московскаго 1-го кадетскаго корпуса зубному лекарю 1-го отдѣленія ²⁾).

3.

Manuscrit de «Горе отъ ума».

J'ai achetté dans le mois de Janvier 1844 à monsieur Polevoi tous les droits qu'il avait sur le manuscrit de «Горе отъ ума» comedie de Грибоѣдова pour la somme de R. Argt. 1800 ainsi qu'il est stipulé dans le present papier. J'ai donc acquis par cet achat le droit de faire imprimer cet ouvrage encore pendant dix années, époque à laquelle, d'apr s les lois finit le privil ge conc d  apr s la mort de l'auteur ³⁾.

¹⁾ Писано на гербовой бумагѣ «для письма крѣпостей отъ 7.001 до 10.000 рублей. Цѣна двадцать рублей». Правописаніе и пунктуація—сохранены вполнѣ. Текстъ условія писанъ писцемъ, подписанъ и расписка Полеваго—собственноручны.

²⁾ Писанъ весь рукою Полеваго, на гербовой бумагѣ въ 15 копѣекъ серебромъ.

³⁾ Писано все однимъ почеркомъ на болѣйшомъ листѣ синеватой, почтовой бумаги. Подпись—нѣтъ. Если это писалъ самъ Жоли, то крайне странно.*

[Переводъ] Рукопись «Горе отъ ума».

Я купилъ въ январѣ мѣсяцѣ 1844 г. у г. Полеваго всѣ права, которыя онъ имѣлъ на рукопись «Горе отъ ума», комедія Грибоѣдова, за 1.800 руб. сер., какъ это обозначено въ настоящей бумагѣ. Я пріобрѣлъ такимъ образомъ, благодаря сей куплѣ, право на печатаніе сего труда еще въ теченіе десяти лѣтъ, срока, когда, по законамъ, кончается преимущественное право, назначенное по смерти автора.

Сообщилъ А. И. Станкевичъ.

ными являются грубые ошибки (*«dans»* вместо *«au»* и др.) противъ французскаго языка. Не есть ли это черновой проектъ, составленный кѣмъ - либо не вполнѣ владѣющимъ французскимъ языккомъ? Во всякомъ случаѣ, по почерку, это писано не К. Полевымъ.

Россия и папский престолъ.¹⁾

ГЛАВА II.

Немного критики.

Историческая загадка.—Таинственное дитя у Бориса Годунова.—Появление Димитрия.—Раздвоение общественного мнения.—Протестантские писатели.—Защитники Димитрия.—Его собственный рассказ Вишневецкому.—Важность этого документа.—Ошибка Костомарова.—Подлинность рассказа.—Доказательства.—Главные пункты.—Слабое место.—Всегдашия сдержанность Димитрия.—Молчание Миншека.—Испытания и за и против.—Заключение.—Предположения на счету Димитрия.—Его национальность по письму къ Клименту VIII.—Филологический выводъ, подтвержденный историей.—Связи съ духовнымъ міромъ и мысль патріарха.—Слѣдствіе, произведенное патріархомъ Іовомъ.—Отождествление Димитрия съ Гришкою Отрецьевымъ.—Кратковременная уловка Бориса Годунова.—Единодушный отзывъ русскихъ источниковъ.—Извѣстъ Варлаама.—Двойной фактъ, подтвержденный эпиграфомъ.—Три этапа.—Значение Извѣстія.—Свидѣтельство князя Катырева-Ростовскаго.—Совпаденіе Извѣстія съ донесеніемъ Вишневецкаго.—Черты изъ жизни Димитрия.—Семейство Отрецьева въ 1671 г.—Царь Алексѣй принимаетъ во вниманіе его просьбу.—Три записи Льва Сафьги.—Его мнѣніе о Димитріѣ.—Оно сходится съ мнѣніемъ русскихъ.—Рыбоцкій и Ростовскій.—Возраженіе.—Показаніе полковыхъ священниковъ и Маргерета.—Возможное рѣшеніе вопроса.—Подкладка самозванства.—Признаніе Димитрия.—Его московскій характеръ.—Дѣло объединенія и покладливости.—Отсутствіе оригинальности.—Инициатива по отношенію Рима.—Снисходительность папъ.—Отвѣтственность Сигизмунда III.—Дѣло Димитрия вновь запиралось.—Роковая послѣдствія его неудавшихся плановъ.

Ъ злополучную эпоху, которую принято называть смутнымъ временемъ и которая обнимаетъ собою начало семнадцатаго вѣка, видную роль играла таинственная личность, известная подъ именемъ Димитрия, коего богатая событиями жизнь рассказана на предыдущихъ страницахъ. Кто же былъ Димитрий? Былъ ли онъ прирожденнымъ сыномъ Иоанна IV или только геніальными искателемъ приключений? Былъ ли это Гришка Отрецьевъ или кто-либо иной? Этотъ вопросъ обсуждается уже триста лѣтъ, но его до сихъ поръ не удалось решить окончательно. Поэтому само собою приходится вновь браться за рѣшеніе этой исторической загадки, какъ бы

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1901 г.

ни быль ничтоженъ результатъ этого изслѣдованія и какъ бы ни пришлось при этомъ повторяться. Фактъ важенъ самъ по себѣ, и онъ, разумѣется, не могъ не повліять на текущія событія.

Димитрію Углицкому повидимому было суждено вводить въ заблудженіе историковъ. Въ 1598 г., нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его исчезновенія, когда московскій престолъ, вслѣдствіе кончины Феодора, быль снова не занятъ, одинъ польскій шпіонъ доносилъ Литовскому канцлеру Льву Сапѣгѣ, что Борисъ Годуновъ скрываетъ у себя въ домѣ ребенка, который поразительно похожъ на Димитрія и долженъ играть его роль. По этому поводу одного несчастнаго человѣка даже пытали, и бояре, заботившіеся о будущемъ, истергли у него признаніе, что онъ убиль Димитрія по повелѣнію Годунова ¹⁾). Слѣдовательно, царевича считали умершимъ, и все эти странные слухи были давно позабыты, когда въ Польшѣ появилась загадочная личность, выдававшая себя за царевича Димитрія. Общественное мнѣніе тотчасъ раздвоилось. Одни привѣтствовали претендента какъ потомка Иоанна Грознаго; другие называли его самозванцемъ и похитителемъ престола. Быль моментъ, когда вся Россія преклонялась передъ нимъ, а Европа имъ восхищалась. Реакція, наступившая послѣ его смерти, была особенно сильна потому, что этотъ спорный вопросъ обострился духомъ партійности. Кратковременный царь быль въ сношеніяхъ съ папою, съ краковскими нунціемъ и съ іезуитами. Ихъ переписка была перехвачена и обнародована къ великому соблазну москвитянъ. Нѣкоторые протестантскіе, нѣмецкіе, англійскіе и голландскіе авторы подъ впечатлѣніемъ этихъ писемъ изобразили Димитрія какимъ-то чудовищемъ, созданнымъ ксендзами и имѣвшимъ миссію ввести въ Россію римско-католическую вѣру. Эту тему можно было разнообразить до безконечности, ею не преминули воспользоваться, и слава Димитрія была омрачена. Его новѣйшие защитники утверждаютъ, что они еще не сказали своего послѣдняго слова; если имъ удастся привести въ подтвержденіе своего взгляда какія-либо вѣскія доказательства, то мы готовы сложить передъ ними оружіе. Но пока, изученіе всѣхъ извѣстныхъ намъ источниковъ приводитъ къ тому заключенію, что Димитрій не былъ сыномъ Иоанна IV.

Попытаемся разобраться въ этой тайнѣ. Всѣ доказательства, говорящія въ пользу тождества того человѣка, котораго мы продолжаемъ называть Димитріемъ, съ Димитріемъ Углицкимъ, ограничиваются рассказомъ самого Димитрія князю Адаму Вишневецкому, который этотъ послѣдній передалъ въ своеемъ донесеніи королю. Этому первостепенной важности документу никогда еще не было отведено подобающаго мѣста, и онъ не былъ описанъ по достоинству. Костомарову онъ быль

¹⁾ Arckiwum domu Sapiehew, t. I, стр. 177 № 214.

известенъ въ неувѣрной передачѣ Товіанскаго, но онъ не потрудился сличить текстъ этого документа съ Ватиканскимъ текстомъ, изданнымъ Новаковскимъ, впрочемъ также съ нѣкоторыми пропусками и съ неувѣрной датой (1606 г.); историческое значеніе этого разсказа казалось Костомарову ничтожнымъ; это не вѣрно. Выяснимъ сперва, въ чёмъ состоить спорный вопросъ. Дѣло идетъ не о правдивости разсказа, который очевидно вымыщенъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Дѣло идетъ не о полемикѣ относительно того, кто былъ его авторомъ; разумѣется, никто иной кромѣ Димитрия не могъ выдумать его. Вопросъ состоить въ томъ, дѣйствительно ли разсказъ, приписываемый Димитрию, былъложенъ Сигизмунду и сообщенъ сенаторамъ и послужилъ основаніемъ всѣхъ послѣдующихъ споровъ? Если это такъ, то мы имѣемъ въ рукахъ, такъ сказать, паспортъ Димитрия, свидѣтельство объ его происхожденіи, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ онъ самъ обѣ этомъ поѣхствовалъ.

Рангони говоритъ обѣ этомъ вполнѣ опредѣлено. 8-го ноября 1603 г., получивъ донесеніе Вишневецкаго, въ точномъ переводѣ съ польского на латинскій языкъ, онъ тотчасъ послалъ его въ Римъ и воспроизвѣль въ депешѣ отъ 2-го юля 1605 г. на италіанскомъ языкѣ съ сокращеніемъ и варіантами, присовокупивъ однако, что текстъ его депеши согла-суется «слово въ слово» съ разсказомъ Димитрия, переданнымъ Сигиз-мунду княземъ Вишневецкимъ¹).

Читали ли Сигизмундъ и Рангони одинъ и тотъ же документъ? Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Достаточно сличить циркулярное письмо короля къ сенаторамъ отъ 15-го февраля 1604 г., въ которомъ онъ излагалъ вкратцѣ исторію Димитрия, и отвѣты сенаторовъ, въ осо-бенности отвѣтъ Барановскаго, епископа плоцкаго²), съ разсказомъ, который Рангони приписываетъ Димитрию, чтобы убѣдится, что дѣло идетъ обѣ одномъ и томъ же документѣ, такъ какъ они сходны въ мельчайшихъ подробностяхъ. Итакъ, во-первыхъ, надо признать существованіе разсказа о похожденіяхъ Димитрия, который былъ рас-пространенъ въ официальныхъ польскихъ кружкахъ и сообщенъ Ран-гони въ Ватиканъ 8-го ноября 1603 г. Эта дата объясняетъ весьма многое. Въ хронологическомъ порядкѣ первенство надъ всѣми прочими разсказами въ этомъ родѣ, включая разсказъ Товіанскаго, принадле-житъ первоначальному тексту Ватикана. Уже это одно значительно облегчаетъ трудъ изслѣдователя. Оно переносить насть на вершину горы, откуда взоръ обнимаетъ долину. На нашихъ глазахъ брызжетъ изъ земли источникъ, несущій свои воды вдали. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ

¹⁾ Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе. III. 90 а.

²⁾ Московскій Архивъ мин. юстиції. лит. метр., нов. кн., т. 55, № 87,

послѣдующіе разсказы, въ которыхъ Димитрій Самборскій отождествляется съ Димитріемъ Угличскимъ, суть не что иное, какъ воспроизведеніе донесенія Вишневецкаго. Это можно сразу узнатъ по существующему между ними сходству; всѣ эти разсказы имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ и слѣпо подражаютъ своему оригиналу: они многорѣчивы или сдержаны, смотря по тому, какъ въ немъ говорится о томъ или другомъ случаѣ. Поэтому достаточно разсмотрѣть разсказъ Димитрія, чтобы произнести въ то же время сужденіе о всѣхъ тѣхъ, которые повторили этотъ разсказъ въ цѣломъ или сокращенномъ, распространенномъ или иѣсколько измѣненномъ видѣ. Какое же значеніе имѣть этотъ документъ? Принимая во вниманіе только его происхожденіе, можно сказать, что сиѣ не имѣть ровно никакого значенія; Димитрій говорить тутъ самъ за себя. Едва-ли можно допустить, что онъ былъ безпристрастенъ, и его показаніе имѣть весьма сомнительное значеніе; необходимо разсмотрѣть его подробнѣ.

Во-первыхъ, припомнимъ обстоятельства, при которыхъ возникъ этотъ разсказъ. Онъ былъ написанъ по требованію короля, который хотѣлъ имѣть обстоятельный свѣдѣнія о Димитріѣ въ тотъ моментъ, когда только объявилъ себя царевичемъ и болѣе всего нуждался въ королевской помощи. Ничто не мѣшало Димитрію сказать все правду, хотя бы по секрету, тѣмъ лицамъ, которымъ интересовались его судбою; казалось бы, что все заставляло его говорить безъ утайки и представить убѣдительныя доказательства своего царственнаго происхожденія. Отъ этого зависѣла его будущность. Можно было ожидать, что онъ разскажетъ обстоятельно свое прошлое и приведетъ въ доказательство своихъ словъ самыя убѣдительныя доказательства; вместо этого его разсказъ полонъ таинственности, недомолвокъ, ораторскихъ пріемовъ и умышленныхъ пробѣловъ.

Первое, что производитъ весьма странное впечатлѣніе, это отсутствіе не только сыновней любви, но даже простой деликатности. Предполагаемый сынъ Иоанна IV является строгимъ судьей своего отца. Тиранство и сластолюбіе—вотъ пороки, въ которыхъ онъ не стѣсняется обвинять Иоанна Грознаго, который убилъ собственноручно старшаго сына, осквернилъ брачное ложе, населилъ монастыри своими женами, попиралъ добродѣтель. Всѣ эти обвиненія правдивы, но Димитрій совершенно свободно могъ объ этомъ умолчать.

Съ точки зрењія исторической, въ письмѣ бросается въ глаза одна несообразность: это сплетеніе грубыхъ ошибокъ съ самыми точными подробностями, которыя были мало извѣстны въ Россіи и ужъ, разумѣется, были совершенно неизвѣстны въ Польшѣ. Къ числу ихъ относится прискорбное событие, опечалившее Иоанна IV въ 1553 г.; его первенецъ, Димитрій, утонулъ вслѣдствіе несчастнаго случая въ Бѣломъ

озерѣ¹⁾). Объ этомъ упоминаетъ дьякъ Тимоѳеевъ и разсказываетъ Масса, но проіе рѣдко упоминаютъ объ этомъ фактѣ. Авторъ разсказа называетъ также поименно женъ Іоанна: Анастасію Романову, Марію Черкасскую, Мароу Собакину, Анну Котловскую, Марію Нагую; ему известно, что царь предполагалъ заключить въ Англіи какой-то фантастической бракъ, и также отлично извѣстны тѣ три города, которые были даны въ удѣль Димитрію. Съ изумленіемъ читаемъ на слѣдующей страницѣ о томъ, будто Феодоръ отрекся отъ престола, удалился въ Кирилово-Бѣлозерскій монастырь и что его «наставники» были умерщвлены Борисомъ Годуновымъ!

Если это ошибки умышленныя, то онѣ могутъ быть объяснены только ненавистью къ Годунову, ибо обвиненіе направлено противъ него; авторъ разсказа хотѣлъ очевидно очернить именно его.

Годуновъ изображенъ тѣми же красками, какъ въ послѣдующихъ хроникахъ и въ усъживливыхъ сочиненіяхъ временъ Василія Шуйскаго. Ему приписываются тѣ же намѣренія, та же злоба противъ нѣкоторыхъ лицъ, тѣ же преступленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ отдается должное его талантамъ, его уму и хитрости. Возвысишись благодаря вліянію своей сестры Ирины, всемогущей въ царствованіе Феодора, честолюбивый до безумія, страстно желавшій возложить на свою голову корону, Борисъ видѣлъ между собою и престоломъ, который вскорѣ долженъ бытъ освободиться, только одно препятствіе, а именно законнаго наследника престола, Димитрія Угличскаго. Онъ рѣшилъ отдѣлаться отъ него.

Дойдя до этого пункта, разсказъ мѣняется тонъ, въ немъ все яснѣ становятся замѣтны ораторскіе пріемы. Имена собственныя, которыхъ приводились только-что весьма охотно, теперь тщательно пропускаются, и сквозь строки проглядываетъ опасеніе, что разсказъ не вызоветъ довѣрія. Обвиненіе, взведенное впослѣдствіи на Годунова лѣтописцами, высказано тутъ откровенно: прежде чѣмъ подкупить убийцъ, говорить Димитрій, онъ попробовалъ прибѣгнуть къ отравѣ, но это средство не удалось. Что касается сцены убийства, то она передана подробно: убийство произошло ночью, безъимянный наставникъ Димитрія былъ предупрежденъ объ опасности, «двоюродный братъ» царевича былъ положенъ на кровать, убийцы покончили съ нимъ, Димитрій былъ спасенъ. Мы не встрѣчаемъ въ разсказѣ ни одного предательского слова о знамени-томъ слѣдствіи, о коемъ разскащику однако было извѣстно, такъ какъ онъ говоритъ, что Борисъ Годуновъ хотѣлъ обмануть Феодора и убѣжалъ его въ томъ, что Димитрій лишилъ себя жизни въ припадкѣ падучей, а это и было главное обстоятельство, обнаруженное слѣдствіемъ, которымъ руководилъ Василій Шуйскій. Но имя Шуйскаго повиди-

¹⁾ Платоновъ, Древн. сказ., стр. 138, прим. 3.

мому обречено разскащикомъ на забвеніе, онъ умалчиваетъ о немъ точно такъ же, какъ о произведенномъ имъ слѣдствіи, хотя о Клешнинѣ и митрополитѣ Геласіи въ разсказѣ упоминается, но не какъ о лицахъ, производившихъ слѣдствіе, а какъ объ уполномоченныхъ Годуновыми присутствовать на похоронахъ Дмитрія. Неизвѣстный воспитатель заботился о ребенкѣ, коего Борисъ считалъ погребеннымъ. Чувствуя приближеніе смерти, воспитатель поручилъ его надежному человѣку, имя которого также неизвѣстно. Надежный человѣкъ въ свою очередь умеръ, посовѣтовавъ своему воспитаннику, достигшему уже юношескаго возраста, надѣть монашескую рясу и искать убѣжища въ монастырѣ. Дмитрій послѣдоваль этому совѣту и сдѣлалъ это такъ искусно, что его слѣды совершенно исчезаютъ до тѣхъ поръ, пока онъ появился въ Польшѣ подобно *Deus ex machina* древнихъ трагедій. Послѣдними этапами его пути были: Острогъ, Гоща, Брагимъ; это заслуживаетъ вниманія.

Но авторъ разсказа понималъ его слабое мѣсто. Онъ предвидѣлъ возраженія, какія могли быть сдѣланы ему; предупреждая ихъ, онъ тѣмъ самымъ старался умалить ихъ значеніе, не достигая впрочемъ цѣли, такъ какъ несообразности его слишкомъ очевидны. Такъ, напр., какимъ образомъ мать, сжимая въ своихъ объятіяхъ трупъ ребенка, не замѣтила, что это было тѣло чужаго мальчика? Трупъ былъ синеватый, говорить разскащикъ, а мать обезумѣла отъ горя. Если Дмитрій былъ подмѣненъ другимъ ребенкомъ, то тотъ, кѣмъ былъ подмѣненъ Дмитрій, долженъ былъ исчезнуть. Какъ же могли не замѣтить его исчезновенія? До тридцати дѣтей было убито въ свалкѣ, говорится далѣе въ разсказѣ; полагаютъ, что въ томъ числѣ былъ и ребенокъ, коимъ замѣнили Дмитрія. Весьма странной причиной объясняется также появление Дмитрія въ Польшѣ: онъ былъ признанъ по царственной осанкѣ царскимъ сыномъ; это подозрѣніе мелькнуло въ умѣ одного монаха; съ этой минуты его присутствіе въ Россіи стало опасно; онъ долженъ былъ бѣжать.

Какъ ни извращенъ этотъ разсказъ, но его историческое значеніе неоспоримо. Дмитрій призналь, что донесеніе Вишневецкаго написано съ его словъ; онъ имъ воспользовался и, повторяя всѣмъ этотъ разсказъ, онъ открылъ свои карты. Мы имѣемъ полное основаніе заключить изъ этого, что Дмитрій не могъ привести въ пользу своего царственного происхожденія иныхъ доказательствъ, кроме упомянутыхъ кн. Адамомъ въ его донесеніи, и что онъ скорѣe желалъ замести свои слѣды въ Россіи, нежели обнаружить ихъ. Послѣ этого понятна загадочная фраза, произнесенная Львомъ Сапѣгою на сеймѣ 1605 г.: «настоящій царевичъ, сказалъ онъ, нашелъ бы иное средство заявить о себѣ».

Димитрій не только ничѣмъ не нарушилъ своего упорнаго молчанія, но онъ остался вѣренъ ему всю жизнь. Его излюбленная тема можетъ быть выражена въ немногихъ словахъ: чудесное спасеніе отъ козней Годунова и удивительное покровительство Провидѣнія; обо всемъ остальномъ онъ упорно умалчивалъ. Сколько разъ ему представлялся великолѣпный случай громогласно разсказать свое прошлое, но онъ всегда предпочиталъ говорить о событияхъ своей предыдущей жизни однimi намеками. Когда ему пришлось познакомить со своей личностью папу, то онъ предоставилъ нунцію Рангони изложить ему всѣ подробности, самъ же ограничился въ своемъ письмѣ отъ 24 апрѣля 1604 г. однimi туманными увѣреніями. Пока на престолѣ возсѣдалъ Борисъ Годуновъ, это умолчаніе можно было еще объяснить боязнью преслѣдованія съ его стороны, но послѣ смерти своего соперника, наканунѣ торжества, въ моментъ коронованія, почему было не разъяснить истину во всемъ ея блескѣ? Между тѣмъ Димитрій въ своихъ грамотахъ къ москвитянамъ¹⁾ и въ своихъ рѣчахъ былъ такъ же сдержанъ и скончанъ на подробности, какъ прежде; онъ не сдѣлалъ ни разу ни малѣйшаго намека на тѣхъ лицъ, которыхъ заслужили признательность угличскаго ребенка, и не упомянулъ ни слова о монастыряхъ, въ которыхъ онъ жилъ.

Воевода Мнишекъ былъ такъ же точно сдержанъ, какъ и его зять. Выступая смыло на защиту прирожденного сына Иоанна IV, онъ дѣйствовалъ повидимому болыше подъ вліяніемъ слѣпой вѣры, нежели по-винуясь зрѣлому разсужденію. По крайней мѣрѣ, всякий разъ какъ ему приходилось давать объясненія, онъ говорилъ о царственномъ происхожденіи Димитрія въ утвердительномъ смыслѣ, но бездоказательно и уклончиво. Мнишекъ дважды подвергался допросу и долженъ былъ отстаивать Димитрія, такъ какъ его обвиняли и допрашивали по очереди русскіе и поляки. На другой день, послѣ трагического про-исшествія 29-го мая 1606 г. бояре потребовали отъ пленного воеводы, чтобы онъ признался имъ во всемъ.

Какимъ торжествомъ было бы для него пристыдить своихъ слушателей, оправдать блистательнымъ образомъ свое поведеніе, защитить права Марины! Для этого ему стоило только привести несомнѣнное доказательство царскаго происхожденія Димитрія, но онъ этого не сдѣлалъ: онъ сослался на самихъ москвитянъ. Ему говорили: «Докажите, что Димитрій прирожденный сынъ Иоанна IV»; а онъ возражалъ: «Вы сами признали его таковымъ», и слова замирали у него на устахъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, Мнишекъ былъ снова подвергнутъ допросу на этотъ разъ поляками, которые обоплѣлись со своимъ соот-

¹⁾ Акты Археogr. эксп., т. II, стр. 76, № 26, стр. 89, № 34, стр. 92 № 37 и т. д.

чественникомъ гораздо болѣе безцеремонно, нежели русскіе съ иностранцемъ. Это было въ 1611 г.; во время достопамятнаго сейма, на которомъ обсуждался вопросъ о войнѣ съ Москвою.

На одномъ изъ засѣданій, походь на Москву, совершенный Миншкомъ, подвергся жестокой критикѣ. Адамъ Стадницкій, каштелянтъ калишскій, первый осыпалъ Миншека язвительными насмѣшками. Вице-канцлеръ Крыскій пришелъ ему на помощь. Они обвиняли сен-домірскаго воеводу въ эгоизмѣ, алчности, чутъ не въ измѣнѣ отечеству, за то, что онъ покровительствовалъ обманщику и подвергалъ страну опасности. На этомъ собраніи присутствовалъ король и двѣть дворянства. Миншека осыпали такими оскорблѣніями, что онъ не могъ долѣе молчать и вступилъ со Стадницкимъ въ жаркій споръ. Но, когда ему пришлось самому защищаться, то онъ ничего не могъ сказать въ свое оправданіе, а только поставилъ своихъ варшавскихъ собесѣдниковъ въ такое же затруднительное положеніе, какъ и московскихъ бояръ. Совершенное въ Krakowѣ бракосочетаніе Марины и посольства, отправленныхъ поляками въ Кремль, свидѣтельствовали, по его словамъ, объ ихъ симпатіи къ Димитрію. Миншекъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, какъ орудіемъ противъ своихъ противниковъ, но хотя онъ и поставилъ ихъ въ затруднительное положеніе, однако, ничего не могъ возразить по существу на главное предъявленное ими обвиненіе.

Нынѣ на это событие пролить нѣкоторый свѣтъ. Мы имѣемъ показанія первыхъ свидѣтелей, которые лучше всего были освѣдомлены и наиболѣе заинтересованы въ успѣхѣ предпріятія. Изъ этихъ показаній слѣдуетъ съ полнѣйшей очевидностью, что ни самъ Димитрій, ни воевода Миншекъ, ни князь Вишневецкій, не привели сколько-нибудь вѣскіхъ доказательствъ въ подтвержденіе того факта, что тотъ, кто выдавалъ себя царемъ въ 1605 г., былъ прирожденный сынъ Ioanna IV. Если они не доказали этого, значитъ, они не могли этого доказать; если у нихъ не было на это доказательствъ, значитъ, они не могли ихъ добыть. Принявъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства, приходится сказать, что при настоящемъ положеніи исторической науки, царское происхожденіе Димитрія недостаточно доказано. Напротивъ, все даетъ право думать, что Димитрій Самборскій не былъ тождественъ съ Димитріемъ Угличскимъ.

Но, разумѣется, для того, чтобы на это нельзя было ничего возразить, надобно было бы назвать истиннымъ именемъ того, кто выдавалъ себя за царевича Димитрія. Тутъ-то и встрѣчается затрудненіе. Сколько было потрачено на это чернилъ! Сколько высказано предположеній! Перечислять ихъ было бы скучно и бесполезно. Димитрія называли

¹⁾ Krakowѣ, Библіотека Ягеллоновъ, № 102, л. 457.

даже незаконнымъ сыномъ короля Стефана Баторія! И въ доказательство этого приводили, какъ родственную черту, его страсть къ охотѣ. Если отнестись къ этому доводу серьезно, то, по правдѣ сказать, было бы не легко доискаться имени его отца, ибо въ то время многіе монархи отличались страстью къ охотѣ. Къ счастью, кромѣ этихъ ни на чёмъ не основанныхъ догадокъ существуютъ иные болѣе убѣдительныя данныя.

Во-первыхъ, является вопросъ, какой национальности былъ Димитрій? Былъ ли онъ русскій или полякъ? Даже и въ этомъ отношеніи свидѣтельскія показанія расходятся. Письмо Димитрія къ Клименту VIII отъ 24-го апрѣля 1604 г., хранящееся въ Ватиканскомъ архивѣ, въ Римѣ, изданное въ недавнее время, представляетъ собою, повидимому, единственный документъ, на основаніи котораго этотъ вопросъ можетъ быть решенъ окончательно. Писанное, съ начала до конца Димитріемъ собственноручно, на польскомъ языке, и препровожденное къ папѣ нунціемъ Рангони, оно помѣщено 24-мъ апрѣля, но писано 18-го апрѣля, въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, въ другой день послѣ отреченія Димитрія. Чтобы не выдать своей тайны, Димитрій не хотѣлъ присутствовать на обѣдѣ и посвятилъ свой досугъ составленію письма къ папѣ, которое онъ передалъ нунцію 24-го апрѣля, скромно извиняясь въ томъ, что каллиграфія и слогъ письма не вполнѣ удовлетворительны. Рангони присовокупляетъ, со своей стороны, что переводъ польского текста на латинскій языкъ сдѣланъ отцомъ Савицкимъ, который занялся этимъ дѣломъ, по приказанію нунція¹⁾. Эти слова показываютъ, что въ дѣлѣ принималъ участіе полякъ, а это объясняетъ, въ свою очередь, нѣкоторыя несообразности въ письмѣ Димитрія. Оно было изучено фраза за фразой, буква за буквой, и сличено съ русскими и польскими грамматами той эпохи; это изслѣдованіе, въ связи съ самыми точными филологическими изысканіями, привело къ слѣдующему заключенію: письмо писано не однимъ человѣкомъ; составитель письма и переписчикъ были двѣ разныя личности; изъ нихъ первый былъ полякъ, а второй—русскій.

Въ самомъ дѣлѣ, составитель письма владѣлъ въ совершенствѣ польскимъ языкомъ и былъ знакомъ со всѣми его тонкостями. Слова такъ и лились изъ-подъ пера, выражая его мысль; онъ понималъ самые тонкіе ихъ оттенки, не сказалъ ни слова необдуманно, всѣ тонкости языка соблюdenы имъ въ совершенствѣ, безупречность его рѣчи не оставляетъ желать ничего лучшаго. Слогъ письма цвѣтистый, преувеличенное желаніе быть какъ-нельзя болѣе точнымъ выразилось въ оби-

¹⁾) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 91, в., л. 107.—Rome et Démétrius, стр. 186, № 12.

ли синонимовъ и эпитетовъ, хотя между прочимъ замѣтно желаніе построить фразы несолько искусственно и стремлениѳ округлить періоды, хотя бы въ ущербъ ясности. Что касается синтаксиса, то въ письмѣ не встрѣчается ни одного неправильнаго или неупотребительнаго оборота рѣчи; некоторые своеобразные обороты, свойственные польскому языку, свидѣтельствуютъ о глубокомъ, теоретическомъ и практическомъ знакомствѣ съ построениемъ рѣчи. Можно сказать, что составитель письма былъ такой тонкій знатокъ грамматики, и такъ умѣль разнообразить выраженія, дотого заботится о правильной орографіи, что онъ вполнѣ проникнулъ духъ польского языка. Вообще, съ точки зрѣнія лингвистики, письмо Димитрія есть безспорно произведеніе человѣка ученаго и болѣе того—ученаго поляка.

Если же мы обратимъ вниманіе на вицѣшнюю сторону письма, то получится совершенно иное впечатлѣніе. Тотъ, кто, вооружившись пемромъ, старался тщательно выводить буквы и при всемъ томъ писалъ нетвердымъ почеркомъ, исправлялъ и подводилъ написанное, не могъ быть человѣкомъ привыкшимъ писать по-польски. Несмотря на то, что онъ, видимо, старался изо всѣхъ силъ, ему не удалось справиться со всѣми трудностями правописанія, и онъ невольно дѣлалъ самая элементарныя ошибки, которыя выдаютъ его иноземное происхожденіе. Его рука выводила иная привычныя ей буквы, она инстинктивно повиновалась слуху, привыкшему къ иному произношенію. И оказывается, что привычныя для переписчика буквы были русскія буквы, его фонетика—московская фонетика. Эта особенность то и дѣло встрѣчается въ письмѣ, повторяясь съ систематической точностью. Поневолѣ приходится сказать, что это не могло быть дѣломъ случая, а только слѣдствіемъ укоренившейся привычки. Переписчикъ невольно изобличаетъ свою національность.

Филологическій выводъ подтверждается исторической справкой. Отецъ Савицкій, слѣдившій, по словамъ Рангони, за работой Димитрія, прекрасно зналъ польскій языкъ; обѣ этомъ свидѣтельствуютъ слава краснорѣчиваго проповѣдника, какою онъ пользовался въ Краковѣ, и написанныя имъ духовныя сочиненія. Очевидно, онъ взялъ на себя трудъ редактировать письмо Димитрія. Что касается графическаго его изображенія, то оно было сдѣлано Димитріемъ, ибо, по свидѣтельству того же Рангони, письмо написано и подписано имъ самимъ, а такъ какъ оно, очевидно, начертано русскимъ, то изъ этого можно заключить, что авторъ письма былъ русскій.

Въ жизни Димитрія несомнѣнно еще одно обстоятельство: это его связь съ монастырскими міромъ и ясное представленіе, которое онъ имѣлъ о могуществѣ патріаршой власти. 24-го апрѣля 1604 года онъ признался добровольно Клименту VIII, что онъ жилъ долгое время

въ монастыряхъ. Все, что онъ говорилъ въ Шутивлѣ о монахахъ, объ ихъ образѣ жизни, о необходимости преобразовать ихъ быть, изобличаетъ бывшаго обитателя монастыря; чтобы знать такъ хорошо монашескую среду, нужно было самому пожить въ ней. Строгій судья и критикъ монастырской жизни, Димитрій всегда былъ защитникомъ патріаршой власти. Странно, что никто не говорилъ съ нимъ о необходимости уничтожить патріаршій санъ, такъ какъ единеніе церквей этого не требовало, и что онъ самъ завелъ съ краковскимъ нунціемъ рѣчъ о своемъ желаніи сохранить патріаршій престолъ. При этомъ невольно напрашивается нѣкоторая сопоставленія: при Борисѣ Годуновѣ игралъ большую роль Іовш. Димитрій поспѣшилъ обзавестись преданнымъ ему Игнатіемъ и воспользоваться его угодливостью и уступчивостью. Всѣ эти факты тѣсно связаны одинъ съ другимъ; Димитрій заблаговременно настаивалъ на необходимости сохранить патріаршій престолъ, вѣроятно, потому, что онъ зналъ, какія услуги можетъ оказать царю патріархъ.

Приведенные соображенія дадутъ намъ, быть можетъ, возможность напасть на слѣдъ того человѣка, имя которого представляеть для насъ загадку. Въ январѣ мѣсяцѣ 1605 г., подъ вліяніемъ страха, возбужденного претендентомъ, патріарху Іову было поручено произвести офиціальное слѣдствіе, и видимо онъ уѣхалъ въ томъ, что минимый царевичъ былъ никто иной, какъ Гришка Отрепьевъ¹⁾). Явились свидѣтели, рассказавшіе всю исторію этой таинственной личности. Исторія эта весьма поучительна. Бывшій слуга Романовыхъ, онъ пострягся въ монахи, чтобы избѣгнуть смертной казни, и, бродя изъ монастыря въ монастырь, поселился, наконецъ, въ Чудовомъ монастырѣ въ Москвѣ, былъ посвященъ въ діаконы и исполняль при патріархѣ должностіе переписчика. Сдѣлавшись вторично жертвою своихъ дурныхъ наклонностей, обвиненный въ самыхъ ужасныхъ злодѣяніяхъ, за которыхъ онъ могъ подвергнуться наказанію, онъ бѣжалъ въ Польшу вмѣстѣ съ Варлаамомъ Ятскимъ и Мисаиломъ Повадинымъ, двумя монахами того же Чудова монастыря. Бѣглецовъ видѣли въ Кіевѣ; они посѣтили князя Острожскаго; наконецъ, въ Брагинѣ Гришка Отрепьевъ объявилъ себя царевичемъ Димитріемъ.

Свѣдѣнія, добытыя слѣдствіемъ, были доложены Борису Годунову, и онъ принялъ соотвѣтственно этому извѣстныя мѣры. Онъ дѣйствовалъ либо на удачу, либо руководствовался твердымъ уѣждениемъ. По мнѣнію Костомарова, имя Гришки Отрепьева было брошено народу совершенно случайно. Для того, чтобы уличить минимаго царевича въ обманѣ, лучше всего было отождествить его съ какою-либо другою

¹⁾ Акты Археогр. Комиссіи, т. II, стр. 78, № 28.—Генеалогія Гришки Отрепьева была издана неоднократно съ значительными варіантами.

личностью: обезумѣвшій Кремль истерзалъ бы любаго монаха-бродягу. Въ доказательство того, что Годуновъ не зналъ на что рѣшиться, приводится посольство Смирного-Отрепьева. Борисъ,—говорить Костомаровъ,—не посмѣлъ выдать своего посланнаго за дядю Гришки, коимъ онъ былъ въ дѣйствительности; Смирному было поручено только изслѣдовать почву.

Доводы г. Костомарова далеко не убѣдительны, такъ какъ и русскія лѣтописи и дипломы Рангоры свидѣтельствуютъ единогласно, что Смирной громко заявлялъ о своемъ родствѣ съ Гришкой. Дядя не только не боялся очной ставки съ племянникомъ, напротивъ, онъ требовалъ ея во что бы то ни стало; она не состоялась только вслѣдствіе рѣшительного отказа, со стороны поляковъ, дать эту очную ставку. За то поступки претендента въ этомъ случаѣ, какъ мы видѣли, были гораздо подозрительнѣе, нежели дѣйствія Бориса Годунова. Онъ зналъ, что его выдавали за Гришку Отрепьева, зналъ, что Смирной подкрадуливалъ его въ Krakowѣ; ему было необходимо опровергнуть показаніе посла, что онъ и сдѣлалъ, но въ весьма сомнительныхъ выраженіяхъ, ограничившись заявлениемъ, что Смирной не былъ дядею «царевича». Вирочемъ, и Борисъ Годуновъ выказывалъ подчасъ нѣкоторое колебаніе. Хотя онъ никогда не пытался назвать претендента какимъ-либо другимъ именемъ, кромѣ Гришки,—что особенно достойно вниманія,—но на него находили минуты сомнѣнія и колебанія, и онъ задавалъ себѣ вопросъ: «Да умеръ ли, въ самомъ дѣлѣ, настоящій Димитрій?» Онъ доказывалъ также императору Рудольфу, что по каноническому уставу претендентъ не имѣлъ бы никакого права на престолъ, хотя бы онъ и былъ дѣйствительно сыномъ Иоанна IV; между тѣмъ Смирной обѣщалъ изъявить претенденту покорность и оказать ему всевозможную поддержку, если будетъ доказано, что онъ царскій сынъ. Слѣдовательно, всѣ сомнѣнія Годунова касались только вопроса: кто былъ таинственный претендентъ, Гришка или Димитрій? При томъ онъ высказывалъ свои сомнѣнія лишь изрѣдка иностранцамъ, когда приходилось замолвить слово въ свою защиту, и никогда не формулировалъ ихъ опредѣленно, а высказывалъ только, какъ самое странное и невѣроятное предположеніе.

Не останавливаясь на этихъ догадкахъ, можно сказать, что всѣ русскіе источники утверждаютъ, единогласно, что Димитрій былъ никто иной, какъ разстрѣла Гришка Отрепьевъ¹⁾). Это предположеніе, высказанное впервые при Борисѣ Годуновѣ, повторяется и въ наше время людьми

¹⁾ Большинство древнихъ русскихъ источниковъ изданы Платоновымъ; они составляютъ XIII т. Русск. Ист. Библ. — Тотъ же авторъ даетъ превосходный комментарій къ нимъ въ Древн. Сказ.

самыхъ противуположныхъ взглядовъ. Въ числѣ источниковъ, высказывающихъ это предположеніе, заслуживаетъ особаго вниманія, такъ называемый, Извѣтъ Варлаама, относящейся къ эпохѣ Шуйскаго. Костомаровъ дважды подвергалъ его критическому разбору, исправивъ второй разъ нѣкоторыя ошибки, сдѣянныя имъ при первоначальномъ изученіи этого источника, но у него не было почвы для сравненія.

Во-первыхъ, кто такой былъ Варлаамъ? Варлаамъ былъ монахъ, какого именно монастыря неизвѣстно, большой любитель странствованій. Онъ сопровождалъ Гришку Отрепьеву вмѣстѣ съ Мисаиломъ Повадинымъ, когда тотъ отправлялся въ Польшу. По словамъ патріарха Іова, которыя подтверждаются и Варлаамомъ они выѣхали втроемъ, и послѣ Кieва ихъ первая остановка была въ Острогѣ у князя Константина.

Совмѣстное путешествіе Гришки, Варлаама и Мисаила и ихъ пребываніе въ Острогѣ—факты, не подлежащіе сомнѣнію.

Въ Загоровскомъ монастырѣ на Волыни сохранилось доказательство этого, пощаженное временемъ. Въ этомъ монастырѣ хранится славянскій переводъ твореній святаго Василія, архіепископа Кесарійскаго, напечатанный въ Острогѣ въ 1594 г., украшенный гербомъ князя Константина и снабженный слѣдующей предательской надписью: «Въ лѣто отъ сотворенія міра 7110 г. 31-го дня мѣсяца августа, сія книга Василія Великаго подарена намъ, Григорію (царевичу московскому) съ братьями Варлаамомъ и Мисаиломъ, Константиномъ Константиновичемъ, во святомъ крещеніи названномъ Василіемъ, милостію Божіей, святѣйшимъ княземъ Острожскимъ, воеводою Кieвскимъ». Слова «царевичъ московскій» прибавлены позднѣе и написаны другою рукою; несмотря на это, надпись, сдѣланная на книгѣ, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что Варлаамъ действительно путешествовалъ съ Гришкой и Мисаиломъ и что въ августѣ мѣсяца 1602 г. они были у князя Острожскаго.

Сравненіе «Извѣта» Варлаама съ донесеніемъ Вишневецкаго приводить къ еще болѣе любопытнымъ выводамъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что царь Димитрій и человѣкъ, который объявилъ себя царевичемъ въ Брагимѣ, а ранѣе того жилъ въ Гощѣ и Острогѣ, были однимъ и тѣмъ же лицомъ. Вишневецкій, ссылаясь на показаніе самого Димитрія, называетъ именно эти три пункта, въ которыхъ онъ останавливался. Но также повидимому несомнѣнно, что человѣкъ, бывшій въ Брагимѣ, Гощѣ и Острогѣ, былъ никто иной, какъ Гришка Отрепьевъ. Извѣтъ говоритъ объ этомъ самымъ положительнымъ образомъ. Эти три пункта, въ которыхъ, по указанію Варлаама, путники останавливались, чтѣ признаетъ и Димитрій, имѣютъ, по нашему мнѣнію, огромное значеніе. Они устанавливаютъ связь между исторіей Димитрія и исторіей Гришки Отрепьева, заполняя пробѣль, который чувствуется въ этой таинственной Одиссеѣ, и даютъ намъ возможность отождествить царя съ разстри-

гою монахомъ. Это—нить, связующая оба рассказа, такъ какъ въ этомъ они вполнѣ совпадаютъ. На это обстоятельство до сихъ поръ не было обращено должнаго вниманія потому, что до сихъ поръ не удавалось въ точности установить дату, когда именно было написано, донесеніе Вишневецкаго. Чтобы вполнѣ оцѣнить, насколько важно это совпаденіе, надоѣно припомнить, что эти два показанія исходятъ изъ двухъ совершенно противоположныхъ источниковъ: Варлаамъ считаетъ Димитрія Гришкою, Димитрій выдаетъ себя за истиннаго царевича, и оба они, сами того не зная, отождествляютъ загадочную личность претендента съ путешественникомъ, побывавшимъ въ извѣстное время въ указанныхъ трехъ пунктахъ. Очевидно, въ то время какъ Варлаамъ писалъ свой Извѣтъ, т. е. въ 1606 г., онъ не думалъ, что его показаніе подтверждится разсказомъ, изложеннымъ самимъ Димитріемъ въ 1603 г., о которомъ, какъ по всему видно, Варлааму не было извѣстно. Вся сущность нашего доказательства заключается въ этомъ совпаденіи двухъ показаній.

Значеніе Извѣта увеличивается однимъ обстоятельствомъ, которое придаетъ ему значеніе самостоятельного свидѣтельства; Костомаровъ упустилъ это обстоятельство изъ вида.

Варлаамъ говоритъ, что онъ предупреждалъ короля о дѣйствіяхъ мнимаго царевича и что онъ былъ посланъ въ Самборъ съ нѣкімъ Яковомъ Пыхачевымъ. Димитрій выдалъ ихъ за убійцъ, подкупленныхъ Борисомъ, и Яковъ былъ убитъ; что касается самого Варлаама, то онъ былъ, по его словамъ, закованъ въ кандалы и освобожденъ Мариною уже послѣ отъѣзда Димитрія. Какъ ни темень и сбивчивъ этотъ разсказъ, но главный фактъ, упоминаемый имъ, подтверждается самимъ Мнишкомъ. 18-го сентября 1604 г. онъ писалъ Рангони изъ Скалаты въ Подоліи, что Борисъ послалъ по стопамъ Димитрія убійцъ, что одинъ московитянинъ обнаружилъ заговоръ и былъ казненъ въ Самборѣ¹⁾. Мнишекъ выражается не совсѣмъ точно, такъ какъ не доносчикъ былъ казненъ, но онъ ясно говорить, что былъ казненъ одинъ изъ москвитянъ. Слѣдующее обстоятельство заслуживаетъ особаго вниманія: русскимъ лѣтописцамъ не было извѣстно о казнѣ этого человѣка; поляки, за исключеніемъ Мнишека, также не упоминаютъ объ этомъ, и если этотъ фактъ былъ извѣстенъ Варлааму, значитъ, въ его распоряженіи были источники недоступные другимъ лицамъ.

Но можно быть хорошо освѣдомленнымъ и въ то же время быть пристрастнымъ. Искренность Варлаама можетъ быть заподозрѣна вслѣдствіе его заднихъ мыслей, его хитрыхъ поступковъ и его преклоненія передъ предержащей властью. Поэтому мы упомянули только факты, ко-

¹⁾) Ватиканскій архивъ, рукоп. Боргезе, III, 90, в. л. 232.—Rome et Démétrius, стр. 201 № 1.

торые могутъ быть провѣрены и кромѣ свидѣтельства этого сторонника Шуйскихъ приведемъ еще слова представителя другой партіи. Князь Катыревъ-Ростовскій былъ въ родствѣ съ Романовыми и раздѣлялъ ихъ политические взгляды. Его положеніе въ Кремлѣ было блестящее. Имъ была подпісана грамата объ избраніи на царство Бориса Годунова, онъ присутствовалъ при бракосочетаніи Димитрія съ Марию въ 1606 г., а два года спустя при бракѣ Василія Шуйскаго съ его родственницею. Эти новыя узы родства не повліяли на его образъ мыслей. Онъ потерялъ свое мѣсто и перенесъ не мало испытаній за стойкость своихъ убѣждений; какъ зять царя Михаила Феодоровича, онъ возвратился въ Москву только въ 1613 г. Оставленныя имъ записки имѣютъ первостепенную важность. Они отличаются серьезнымъ и трезвымъ взглядомъ, сдержаннѣмъ тономъ и стремленіемъ ихъ автора стать выше партій. Это слово умнаго, достойнаго уваженія современника, который могъ знать все, что происходило за кулисами, и котораго нѣть причины обвинять въ недобросовѣстности или во лжи. Одинъ только разъ онъ изливаетъ свои чувства въ желчной и восторженной рѣчи, проклиная Димитрія. Въ его глазахъ претендентъ былъ никто иной, какъ Гришка Отрельевъ, монахъ-разстрѣла изъ Чудова монастыря, и его слова служатъ отголоскомъ возбужденнаго разстрѣла всѣобщаго негодованія ¹⁾.

Замѣчанія, сдѣланныя нами по поводу сказаний русскихъ лѣтописцевъ, показываютъ, что какъ бы ни были различны ихъ политические взгляды и симпатіи и изъ какихъ бы источниковъ они ни черпали свои свѣдѣнія, все они говорятъ одно и то же. О личности претендента, дѣйствительно, сторонники Шуйскихъ и Романовыхъ повторяли въ одинъ голосъ, хотя съ разными варіантами, то, что Борисъ Годуновъ первый провозгласилъ устами патріарха Іова. А между тѣмъ у Годуновыхъ, Шуйскихъ и Романовыхъ не было общихъ интересовъ, между ними никогда не существовало единомыслія и если они высказывали единогласно одно и то же мнѣніе, разумѣется, это дѣжалось не по взаимному согласію.

Въ жизни Димитрія встрѣчаются такія черты, которые служить къ иллюстраціи этихъ сказаний. Припомнимъ, что еще до вступленія въ столицу онъ приѣхалъ къ мѣрѣ исключительной важности и далеко не соотвѣтствовавшей его обычному образу дѣйствій: онъ отправлялъ въ ссылку патріарха Іова. Димитрію было необходимо жить въ согласіи съ духовенствомъ, для него было важно заслужить одобреніе православнаго народа и если онъ рѣшился совершить этотъ поступокъ, который не могъ не вызвать осужденіе народа, то, разумѣется, имѣть на это серьезныя и вѣскія причины. Очевидно, онъ хотѣлъ избѣгнуть свиданія съ

¹⁾ Русск. Ист. Библ., т. XIII, собр. 549 и сл. Платоновъ, Древн. Сказ., стр. 203.—Того же мнѣнія держится Дмитрій Пожарскій, Schreiben, стр. 3.

патріархомъ; невольно является вопросъ, не боялся ли онъ быть узнаннымъ имъ. Чудовъ монастырь также испыталъ на себѣ гнѣвъ царя; но тутъ источники расходятся, одни говорятъ, что монахи были разсѣяны, другіе утверждаютъ, будто они подверглись суровымъ наказаніямъ. Архіепископъ Арсеній, человѣкъ весьма добросовѣстный, передаетъ, что два архимандрита были сосланы вмѣстѣ съ патріархомъ Товомъ и одинъ изъ нихъ былъ изъ Чудова монастыря. Въ настоящее время нѣтъ возможности проверить эти подробности и вывести изъ нихъ определенного заключенія, но общее впечатлѣніе получается такого рода, что Димитрій опасался этого монастыря и не желалъ видѣть своего бывшаго архимандрита ¹⁾.

До настѣ дошли также отзывы нѣкоторыхъ членовъ семейства Отрепьевыхъ; ихъ запоздалое показаніе нисколько не умаляетъ значенія ихъ словъ. Имя Гришки Отрепьевы было опозорено, церковь каждый годъ проклинала похитителя престола, народъ считалъ его отступникомъ отъ вѣры, еретикомъ и самымъ заклятымъ врагомъ Московскіи. Болѣе полувѣка прошло со времени трагического события 1606 г., а семейство Отрепьевыхъ все еще подвергалось всевозможнымъ оскорблѣніямъ: ему ставили въ упрекъ, что оно произвело на свѣтъ чудовище. Эти позорные воспоминанія были для Отрепьевыхъ тѣмъ болѣе невыносимы, что ихъ родъ гордился своей преданностью законнымъ царямъ и заслужилъ признаніе отечества, сражаясь на полѣ брані. Чтобы избѣгнуть этихъ оскорблѣній, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ было измѣнить поименные списки. Отрепьевы припомнили весьма кстати, что у нихъ была прежде еще другая фамилія, и просили царя Алексія Михайловича въ 1671 г. позволеніе принять ее. Въ ихъ просьбѣ чувствуется то угнетенное и мрачное настроеніе духа, какое они испытывали подъ вліяніемъ нанесенныхъ имъ оскорблений, но хотя они старались оградиться отъ нихъ, однако имъ не пришло даже въ голову отречься отъ родства съ Гришкой, превратившимся въ Димитрія. Это былъ фактъ всѣмъ извѣстный, вполнѣ доказанный; они принимали его безъ спора, но не желали имѣть ничего общаго съ претендентомъ и гордились тѣми преслѣдованіями, которыя они терпѣли изъ-за него. Они признаютъ, что Смирной былъ посланъ въ Краковъ для очной ставки со своимъ племянникомъ, что нѣкоторые члены ихъ семьи всенародно изобличили такъ называемаго царя, что они были за это наказаны, что ихъ преслѣдовали и сослали въ Сибирь, откуда они были возвращены только при Василіи Шуйскомъ. Просьба Отрепьевыхъ была уважена: царь

¹⁾ Поповъ, Изборникъ, стр. 212.—Русск. Ист. Библ., т. XIII, собр. 652.—Дмитріевскій, стр. 100.—Надобно вирочемъ замѣнить, что въ Чудовомъ монастырѣ, повидимому, былъ въ то время другой архимандритъ.

Алексѣй Михайловичъ разрѣшилъ имъ носить впредь прежнюю фамилію Нелидовыхъ. Время и забвеніе довершили остальное¹⁾.

До сихъ поръ мы приводили отзывы москвитянъ. Послушаемъ теперь, чѣмъ говорять поляки. Король Сигизмундъ заявилъ, какъ припомнитъ, что Димитрій не былъ сыномъ Іоанна IV; Льву Сапѣгѣ должно было быть извѣстно, кѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Литовскій канцлеръ могъ имѣть самыя вѣрныя свѣдѣнія. Тайная полиція была къ его услугамъ, дипломатія не имѣла тайнъ для него, Смирной и Огаревъ говорили ему о возложенномъ на нихъ порученіи. Правда, Сапѣга игралъ двуличную роль: во время сейма, въ 1605 г., онъ былъ въ рядахъ оппозиціи, а во время бракосочетанія Маринѣ осыпалъ Димитрія громкими похвалами.

Позднѣе, послѣ появленія Димитрія II, во время войны съ Москвою, онъ возвратился къ тому же предмету и открылъ истинный смыслъ загадочной рѣчи, произнесенной имъ на сеймѣ. Къ этому предмету относятся три поданныя имъ записки²⁾. Особенно замѣтальна одна изъ нихъ; это собственноручная его записка къ королю, въ которой подробно рассказана история Димитрія. Быть можетъ, покажется страннымъ, что Сапѣга говорить въ этой запискѣ то же, чѣмъ и москвитяне; все сказанное имъ до такой степени согласно съ ихъ разсказомъ, что можно подумать, будто мы читаемъ только повтореніе чужихъ словъ. Но даже если бы это и было такъ, то надоѣно допустить, что Сапѣга провѣрилъ то, чѣмъ онъ сообщалъ; дѣйствительно, это и замѣтно изъ его записки. Такъ напр. отождествляя Димитрія съ Гришкою Отрецьевымъ, сыномъ Богдана, поступившимъ въ монастырь противъ воли, а не по призванію и состоявшимъ два года при патріархѣ Ловѣ въ качествѣ діакона, Сапѣга присовокупляетъ, что онъ былъ сыномъ боярскій, а не низкаго происхожденія, какъ многіе хотѣли доказать. Хотя Сапѣга и не упоминаетъ о донесеніи Вишневецкаго, но несомнѣнно онъ характеризуетъ именно это донесеніе, говоря, что исторія, разсказанная Димитріемъ для того, чтобы доказать законность своихъ правъ на престолъ, есть «грубая ложь». Сапѣга говоритъ, что Димитрій былъ обязанъ своимъ вліяніемъ главнымъ образомъ москвитянамъ, которые привѣтствовали въ лицѣ его сына Іоанна IV, движимые въ этомъ случаѣ либо ненавистью къ Борису Годунову, либо слѣпой преданностью къ бывшей династіи. Лживость его показаній доказывается слѣдующими фактами: еще до вступленія мнимаго царя въ столицу, вѣроятно въ Тулѣ, нѣкоторые москвитяне признали въ немъ бывшаго монаха и діакона Гришку Отрецева, а когда онъ уже возсѣдалъ на престолѣ, то попы и нѣкоторыя свѣтскія лица

¹⁾ Щепкинъ, кратк. изв., стр. 9.

²⁾ Московскій главный архивъ, Метрика в. кн. Лит., 1554—1615, связка I.

громко заявляли о его самозванствѣ. Въ числѣ этихъ доносчиковъ былъ и его собственный дядя. Димитрій мстилъ и защищался, подписывая смертные приговоры и осуждая людей на изгнаніе. Онъ тщетно старался соблазнить своего дядю обѣщаніями; а когда это ему не удалось, то онъ сослалъ его въ дальнія мѣста, чтобы о немъ не осталось и слѣда. Сапѣга считалъ приведенные доказательства вполнѣ убѣдительными и старался убѣдить ими короля.

Его панегиристъ, іезуитъ Янъ Рывоцкій ставить Сапѣгѣ въ заслугу то обстоятельство, что онъ всегда относился къ Димитрію враждебно, препятствовалъ выполненію его замысловъ и совѣтовалъ не помогать ему¹⁾. Кстати сказать, историкъ іезуитскаго ордена, въ Литвѣ, отецъ Ростовскій также считалъ Димитрія Гришкой Отрецьевымъ²⁾.

Что можно возразить на столь согласные отзывы поляковъ и москвитянъ? Одно изъ самыхъ серьезныхъ возраженій можетъ быть почерпнуто изъ писемъ двухъ полковыхъ священниковъ, отца Николая и Андрея. 8-го марта 1605 г. они сообщали изъ Путивля своему провинціалу, Децию Стривери, слѣдующую новость. «Привезли также Гришку Отрецьева, — писали они, — опаснаго колдуна, извѣстнаго во всей Москвѣ, котораго Годуновъ выдаетъ за принца, прибывшаго изъ Польши вмѣсть съ ляхами и старающагося овладѣть московскимъ престоломъ»; москвитяне понимали, что Гришка Отрецьевъ и Дмитрій Иванович были люди совершенно различные.—Священники передаютъ этотъ фактъ съ полною увѣренностью; по ихъ тону видно, что они отнюдь въ этомъ не сомнѣвались: они, вѣроятно, сами видѣли этого Гришку Отрецьева. Маржереть также упоминаетъ о какомъ-то Гришѣ Отрецьевѣ, отличномъ отъ Дмитрія, который будто бы былъ сосланъ въ Ярославль и о которомъ впослѣдствіи совсѣмъ позабыли. На первый взглядъ, это возраженіе чрезвычайно важно, но лѣтописцы объясняютъ его вполнѣ естественно: Дмитрій выдалъ, повидимому, какого-то человѣка за Гришку Отрецьева. Такимъ образомъ священники и Маржереть могли быть введены въ заблужденіе³⁾. Впрочемъ, надобно сказать, что это возраженіе недостаточно вѣсомое, такъ какъ лѣтописцы не согласны между собою относительно личности, оказавшей Дмитрію услугу. Тутъ есть какое-то темное, недосказанное обстоятельство, которое нѣтъ пока возможности разъяснить, точно такъ же, какъ и нѣкоторыя другіе мелкие факты.

¹⁾ С.-Петербургская публичная библ., Лат., О., IV, 16, л. 39.—Рукопись Рывоцкаго была напечатана, но она представляетъ большую рѣдкость.

²⁾ Ростовскій, стр. 207.

³⁾ Rome et Démétrius, стр. 203, № 3.—Маржереть, стр. 156.—Русск. ист. библ., т. XIII, собр. 48, 156.

Допустивъ, что тождественность Димитрія и Гришки Отреپьева будетъ вполнѣ доказана, является вопросъ, какимъ образомъ монахъ, выгнанный патріархомъ, могъ увлечь за собой всю Россію и возложить на свою голову царскій вѣнецъ.

Мы уже указывали въ своемъ мѣстѣ на причины общаго характера, которыми этотъ фактъ можетъ быть объясненъ: самозванство было продуктомъ соціальной анархіи. Гораздо труднѣе прослѣдить, кто именно воспользоваться Димитріемъ какъ орудіемъ, и кто скрывался за нимъ. Появленіе Димитрія было безъ сомнѣнія дѣломъ обширной и умѣло веденной интриги, но главные ея руководители такъ ловко скрывали свои происки, что по этому поводу могутъ быть сдѣланы только одни предположенія.

Собственныя слова претендента могутъ также служить источникомъ свѣдѣній о немъ, который до сихъ поръ не былъ вполнѣ использованъ, хотя это источникъ не особенно обильный, но преимущество его состоитъ въ томъ, что онъ подлинный и достовѣрный. Хотя Димитрій былъ рѣчистъ, но онъ умѣлъ владѣть собою. Онъ ни разу не выдалъ себя и былъ откровененъ до извѣстной степени только съ нунциемъ Рангони. Это происходило въ Краковѣ въ 1604 году. Насталь часть дѣйствовать, а между тѣмъ король Сигизмундъ не спѣшилъ взяться за дѣло Димитрія и даже не сбѣшилъ заявить, что онъ не препятствуетъ ему дѣйствовать. Послѣдній горѣлъ нетерпѣніемъ и, чтобы убѣдить Рангони въ пагубныхъ послѣдствіяхъ, какія могло имѣть промедленіе, онъ открылъ ему свое критическое положеніе. У него была въ Москвѣ партія, сказаль онъ, которая настаивала на томъ, чтобы онъ появился въ Россіи; промедливъ, Димитрій подвергался двоякой опасности: его приверженцы могли охладѣть къ его дѣлу и потерять энергию или же заговорть могъ быть открытъ правительствомъ, чтѣ повлекло бы за собою неизбѣжное возмездіе. Было еще одно, довольно странное обстоятельство, тревожившее претендента, это возможное исчезновеніе Бориса Годунова.—«Если онъ умретъ,—говорилъ Димитрій,—въ то время, когда я буду еще въ Польшѣ, то другой можетъ быть посаженъ на мое мѣсто».

Слѣдовательно, ему надобно было спѣшить предупредить быстрыми дѣйствіями непредвидѣнныя событія и появленіе соперниковъ. Ускорить рѣшеніе дѣла значило обезпечить его успѣхъ: Димитрій мечталъ идти прямо на Москву, вступить въ Кремль и принять корону и скіпетръ своихъ предковъ. Возсѣсть на престолъ было его мечтою, или навязчивой идеей, не дававшей ему покоя. Онъ говорилъ объ этомъ съ удивительной самоувѣренностью, какъ о чёмъ-то условленномъ и обдуманномъ, предусматривая всѣ подробности и принимая соотвѣтственные мѣры. Единственною его заботою было подать сигналъ, водрузить свое

зnamя на границѣ; остальное должно было сдѣлаться само собою. Онъ ожидалъ легкаго и несомнѣннаго торжества.

Рангони передавалъ въ своихъ депешахъ слышанное въ откровен-ной бесѣдѣ отъ Димитрія, не провѣряя сказанного и не имѣя впрочемъ къ тому возможности, но, разумѣется, онъ не рѣшился прибавить ни-чего отъ себя и вложить въ уста Димитрія слова, которыхъ тотъ не го-ворилъ; сравнивая же все сказанное Димитріемъ съ послѣдующими со-бытіями, невольно приходится заподозрить существованіе заранѣе обду-маннаго плана, скорѣе московскаго, нежели польскаго происхожденія, въ выполненіи котораго принимали гораздо болѣе дѣятельное участіе русскіе, нежели поляки.

Странная исторія, разсказанная Вишневецкому производить съ первыхъ же словъ впечатлѣніе урока, преподаннаго въ Москвѣ, по плоху заученнаго и плохо отвѣченнаго. Отсюда проистекаетъ эта удивительная смѣсь истиннаго и ложнаго, фактовъ общеизвѣстныхъ и грубыхъ ошибокъ. Тотъ, кто внушилъ Димитрію этотъ разсказъ, пре-красно зналъ, что именно онъ хотѣлъ сказать и о чёмъ ему надобно было умолчать. Такъ, напр., въ разсказѣ умалчивается о слѣдствіи, произведенномъ въ Угличѣ. О чинахъ слѣдственной комиссіи говорится, что они были посланы на погребеніе царевича и тогда какъ Геласій и Клешнинъ названы по-именno, о Василіи Шуйскомъ, кото-рый игралъ въ этомъ дѣлѣ главную роль, не упоминается вовсе. Слу-чилось ли это нечаянно, или, быть можетъ, разсказчикъ старался скрыть имя того, кто затѣялъ эту интригу?

Мысль навербовать казаковъ и татаръ и идти съ ними на Москву, высказанная Димитріемъ первоначально, была въ высшей степени про-ста; ея безыскусственность изобличаетъ ея туземное происхожденіе. Онъ не говорилъ вначалѣ ни о полякахъ, ни объ объединеніи церквей: это была идея чисто политическая или, если хотите, династическая. Король Сигизмундъ и канцлеръ Замойскій, не знаяши ея подкладки, назвали эту мысль нелѣйной, призрачной. Но поляки, друзья Димитрія, развили его первоначальный планъ: это превращеніе бросается въ глаза; въ новомъ планѣ ясно видна прямѣсь западнаго элемента, ибо вначалѣ не было даже намека на обращеніе русскихъ въ католическую вѣру или на крестовый походъ противъ турокъ. Но когда дѣло дошло до осуще-ствленія плановъ Димитрія, то поляки, по странной игрѣ случая, отошли на задній планъ, подсказанныя ими мысли были сочтены утончей, тог-да какъ тѣ планы, которые считались тогда безумiemъ, воплотились, благо-даря русскимъ, въ нечто реальное, дѣйствительное. Въ добавокъ все про-изошло именно такъ, какъ предвидѣлъ Димитрій; его туманные намеки сбылись подобно предсказанію оракула. При одномъ извѣстіи о его появл-еніи, народъ двинулся ему на встрѣчу; пчезла всякая тѣнь сопротивленія;

исчезъ Борисъ Годуновъ, дорога въ Москву была открыта, коронование совершилось въ Кремль. Развѣ столь поразительный успѣхъ, предсказанный заранѣе и достигнутый безъ особенного труда, не заставляетъ предполагать, что у Димитрія были въ Россіи многочисленные соумышленники?

Но если москвитяне внушили Димитрію известныя мысли и дали ему возможность дѣйствовать, то и онъ вложилъ въ это дѣло не мало своего собственнаго; взявшись за это опасное предпріятіе, этотъ искатель приключеній истощилъ на него весь свой гений. Онъ не походилъ на прочихъ молодыхъ людей; умъ его былъ своеобразный; въ его головѣ уживались самыя странныя противорѣчія, которыхъ онъ не старался даже примирить, это былъ человѣкъ двуличный, но талантливый, богато одаренный отъ природы, съ блестящими, хотя поверхностными способностями; его главное качество, переходившее нерѣдко въ порокъ, заключалось, повидимому, въ умѣніи приспособляться къ обстоятельствамъ, соединенному съ большой хитростью. Въ самомъ дѣлѣ, мы не видѣли, чтобы онъ заронилъ въ народъ какія-либо плодотворныя сѣмена и чтобы у него самого былъ какой-нибудь обширный планъ, какой-нибудь идеалъ, коимъ онъ страстно увлекался. Его мечты объ императорскомъ достоинствѣ, о крестовомъ походѣ противъ турокъ, о военной гегемоніи были вызваны отчасти его слишкомъ возбужденной фантазіей, отчасти были продуктомъ кремлевскихъ традицій и внушениемъ окружающихъ.

Излюбленный проектъ Димитрія, о которомъ онъ постоянно говорилъ и который онъ пытался осуществить, распространеніе знаній и сооруженіе школъ, не представляется собою ничего оригинального и необычайного ни по идеѣ, ни по практическому ея примѣненію. Образецъ, которому онъ желалъ подражать, былъ у него на глазахъ, онъ видѣлъ его въ Польшѣ и хотѣлъ поручить іезуитамъ примѣнить его въ Россіи, основать коллегіи и академіи. Разумѣется, Димитрію должно было быть поставлено въ заслугу, что онъ понялъ всю важность цивилизациіи, и рѣшилъ ввести ее въ свои владѣнія, но его обширные планы не носятъ отпечатка геніальности, они были навѣяны извѣй.

Свойственная Димитрію податливость выразилась въ особенности въ пережитой имъ религіозной борьбѣ. Легко сказать, что онъ былъ индифферентъ къ религіи и лицемѣренъ, что онъ игралъ всю жизнь святотатственную комедію; произнося это поверхностное сужденіе, не принимаютъ обыкновенно во вниманіе тѣхъ перемѣнъ въ нравственномъ міровоззрѣніи, которыхъ были пережиты претендентомъ.

Вначалѣ, его выгоды требовали, чтобы онъ поддадился къ королю польскому и папѣ, согласившись на отречение отъ православія,

но онъ подвергалъ себя этимъ серьезной опасности по отношенію къ русскимъ, которые зорко слѣдили за нимъ и ненавидѣли католиковъ.

Слѣдовательно, его расчетъ могъ оказаться невѣрнымъ. На него вліяли тутъ другія, менѣе эгоистичныя побужденія. Окружающая атмосфера, вліяніе примѣра, умнья бесѣды о дѣлахъ вѣры, наконецъ, любовь къ польскѣ—все это вліяло на Дмитрія. Онъ былъ, повидомому, самъ доступенъ той слабости, въ которой онъ такъ сильно укоряетъ москвитянъ: суетѣрному пристрастію къ вѣшнимъ обрядамъ; хожденіе на богоомолье, подхожденіе подъ благословеніе, частое освѣніе себя крестнымъ знаменіемъ, мони, иконы,—были излюбленными проявленіемъ его благочестія. Подъ вліяніемъ этого онъ искалъ, быть можетъ, въ принятіи католической вѣры средство спасенія и залогъ успѣха. Человѣческое сердце полно противорѣчій; рѣшившись на самое безумное предпріятіе, человѣкъ трепещетъ передъ правдой и старается заглушить голосъ совѣсти самообольщеніемъ.

До тѣхъ поръ, пока счастье не улыбнулось Дмитрію, онъ былъ вѣренъ тѣмъ чувствамъ, которыя онъ высказалъ Рангони такъ трогательно и чистосердечно, предъ отѣзdomъ изъ Кракова. Во время похода на Москву, въ особенности во время пережитыхъ имъ неудачъ и бѣдствій, даже послѣ отѣзда Мнишека, когда у него не было никого, кто слѣдилъ бы за нимъ и ободрялъ его, Дмитрій часто бесѣдовалъ съ полковыми священниками, просилъ ихъ молиться за него, принималъ отъ нихъ частицы мощей, пріобщался, обѣщалъ соорудить церкви и исповѣдаться наканунѣ коронованія. Покинутый людьми, онъ возлагалъ надежды на Бога; кто скажетъ, какая доля искренности и притворства была въ этихъ душевныхъ порывахъ?

Послѣ одержанной победы и торжества, въ душѣ Дмитрія произошла реакція. Баловень судьбы сдѣлался вольнодумцемъ, вольнодумецъ сдѣлался скептикомъ и индифферентнымъ къ дѣламъ вѣры. Конечно, задатки этихъ порочныхъ наклонностей давно уже запали въ сердце Дмитрія, но онѣ побѣждались вліяніями иного рода; въ Москвѣ же ихъ ничто болѣе не сдерживало, величие ослѣпило царя. Его хитрость и изворотливость проявлялись также въ удивительномъ искусствѣ, съ какимъ онъ лавировалъ между католиками и православными. По свидѣтельству Арсенія, русское духовенство, за весьма малыми исключеніями, не могло пожаловаться на своего новаго монарха, который оказывалъ ему всевозможное вниманіе, осыпалъ его почестями и истинно царскими подарками. Съ другой стороны іезуиты видѣли въ этомъ только крайнюю осторожность Дмитрія, а кармелиты были въ восторгѣ отъ оказанного имъ пріема. Александръ Рангони подавалъ самыя радужныя надежды на будущее. Очевидно, Дмитрій умѣлъ такъ ловко

соразмѣрять свою любезность и свои слова, что обѣ стороны заблуждались на его счетъ.

Эта черта характера заслуживаетъ особеннаго вниманія въ виду сношеній Димитрія съ папскимъ престоломъ. Димитрію не только принадлежалъ починъ въ этомъ дѣлѣ, но онъ самъ значительно облегчилъ сношенія съ папою, предложивъ ему свое содѣйствіе къ выполненію его плановъ, усвоивъ его идеи и программу. Фактъ неслыханный. Несмотря на всѣ бывшія до тѣхъ поръ дѣйствительныя или призрачныя попытки къ сближенію, никто изъ царей не усвоивалъ еще принциповъ папской политики во всемъ ея объемѣ; Димитрій первый сдѣлалъ это и снискалъ этимъ расположение Рима. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ съ большою ловкостью и искусствомъ. Нунцію Рангони онъ сулилъ въ будущемъ кардинальскую шапку, какъ заслуженную награду за его добрья услуги, іезуитамъ рисовалъ картину Россіи, усѣянной коллегіями и школами, кармелитамъ разрѣшилъ свободный проѣздъ изъ Персіи, а съ папами былъ неистощимъ въ обсужденіи вопроса о единеніи вѣры и церквей.

Святѣйший отецъ былъ тронутъ этими неоднократно повторенными увѣреніями. Вначалѣ, Климентъ VIII сравнивалъ Димитрія съ Себастьяномъ Португальскимъ, но это первоначально неблагопріятное впечатлѣніе разсѣялось при неожиданномъ полученіи извѣстія обѣ отреченій Димитрія. Два конклава, быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ, совершенно отвлекли вниманіе Рима отъ событій, разыгравшихся въ славянскомъ мірѣ. Когда Павелъ V вспомнилъ о Димитріи, онъ уже успѣлъ обратить на себя всеобщее вниманіе своими пѣбѣдами. Видя, какъ легко Димитрію удалось овладѣть престоломъ и съ какимъ восторгомъ его привѣтствовалъ народъ, невольно приходило на умъ, что только законный царь могъ одержать такие блестящіе успѣхи. Въ Римѣ доходили самые лестные для Димитрія слухи. Папа готовъ былъ отнести къ немъ серьезно, такъ какъ онъ принималъ отреченіе Димитрія за доказательство его искренности и могъ думать, что человѣкъ, который такъ заботился о спасеніи своей души и даль такія доказательства своей набожности, не могъ быть злостнымъ обманщикомъ или преступнымъ искателемъ приключений, иначе онъ былъ бы чудовищемъ. Такимъ образомъ, чувства, высказанныя Димитріемъ, пріемъ, оказанный ему москвитянами, и донесенія, которыхъ получалъ папа,—все способствовало поддержанію его иллюзій.

Большая доля отвѣтственности падаетъ на Сигизмунда III. Хотя нѣтъ возможности опредѣлить въ точности, въ какой именно моментъ и какимъ образомъ король польскій составилъ себѣ извѣстное мнѣніе о Димитріѣ, во всякомъ случаѣ въ 1606 году, въ то время, когда произошло роковое событіе, его колебанія прекратились: онъ уже имѣлъ

о немъ вполнѣ определенное мнѣніе, и по всему можно думать, что это мнѣніе выработалось довольно давно. Но мы не имѣемъ данныхъ сказать, что онъ выдалъ тайну Димитрія или предостерегъ папу до аудіенціи, данной имъ венецианскому посланнику. Оказавъ втайне покровительство претенденту и не мѣшая ему дѣйствовать, Сигизмундъ велъ съ нимъ переговоры, какъ равный съ равнымъ, обмѣнивался съ нимъ посольствами и не подавалъ повода къ подозрѣнію. Такая жедержанность замѣтна и въ его письмахъ къ Павлу V, который хвалилъ ему Димитрія и просилъ его оказать поддержку новому царю. Сигизмундъ отвѣчалъ заявленіями о своей преданности и обѣщалъ оказать ему свое содѣйствіе. Такимъ образомъ вѣковая программа Ватикана готова была осуществиться; надежда добиться единенія церквей могла, разумѣется, затуманить взоръ тѣхъ лицъ, которые наводили справки о Димитріѣ, и могла заставить папу отнести снисходительнѣе къ вопросу о его происхожденіи.

Что касается Димитрія, то не только его личность остается не выясненной исторіей, но и дѣло, затѣянное имъ и которое было внезапно прервано и осталось недоконченнымъ, представляется весьма загадочнымъ. Было бы слишкомъ смѣло дѣлать хотя бы какія-либо предположенія о возможномъ исходѣ переговоровъ, начатыхъ съ Римомъ. Почва для этого была, разумѣется, плохо подготовлена, со всѣхъ сторонъ возникали препятствія, и Димитрій, послѣ первыхъ порывовъ рвения къ вѣрѣ, соблюдалъ только свои личные интересы и руководствовался требованиями своей политики.

Надобно сознаться, что неудавшіеся планы Димитрія, были ли они искренны или лживы, имѣли самыя пагубныя послѣдствія и еще болѣе увеличили пропасть, существовавшую между Кремлемъ и Ватиканомъ. Распространился слухъ, будто царь поклялся обманненнымъ образомъ обратить Россію въ латинскую вѣру; его планы единенія были истолкованы въ смыслѣ насильственного уничтоженія православной церкви; присутствіе поляковъ усилило подозрѣнія, письма папы и Раагони были признаны неопровергимой уликой. Воспоминаніе объ этой попыткѣ тѣсно связано съ воспоминаніемъ о бѣдствіяхъ, коими столь богато, такъ называемое, «смутное время»; важная историческая ошибки упирчались подъ вліяніемъ предразсудковъ, и проклятія, коими народъ осыпалъ Димитрія, коснулись его сообщниковъ и его дѣйствительныхъ или мнимыхъ соумышленниковъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Рангами Павлу V-му ¹⁾.

Ваше Святейшество!

Поцѣловавъ смиренно ноги вашего святейшества, слѣдую приказаніемъ свѣтлѣйшаго кардинала Валенти, даннымъ мнѣ отъ имени вашего святейшества, и посылаю точный и подробный отчетъ о личности и характерѣ Димитрія Московскаго. Если въ этомъ отчетѣ, вслѣдствіе моей слабости, не будетъ порядка и послѣдовательности достойныхъ вашего святейшества, однако будетъ вѣрная передача всего случившагося до сихъ поръ и дошедшаго до меня, сообразно съ ниже слѣдующими рассказами.

Въ концѣ октября 1603 года было доложено его величеству польскому королю, что какой-то москвитянинъ по имени Димитрій открыто призналь себя сыномъ великаго князя Ивана московскаго, и что онъ находится въ домѣ князя Адама Вишневецкаго ²⁾ въ той части Россіи, которая подвластна польскому королевству. Говорили, что къ нему стекается множество знатныхъ московскихъ людей, которые признаютъ его своимъ наследнымъ княземъ. Вслѣдствіе этого его величество, желая лично убѣдиться во всемъ, а также для избѣжанія смуты въ этихъ окраинахъ, приказалъ князю Вишневецкому призвать къ себѣ москвитянина, но раньше сообщить подробныя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ и о приказаніяхъ Димитрія. Эти приказанія, слово въ слово согласно съ разсказомъ Димитрія, слѣдующія.

Иванъ, сынъ великаго князя московскаго Василія, послѣ того какъ короновался царемъ, взялъ въ жены Анастасію изъ дома Романа Захарина ³⁾, отъ которой имѣлъ первого сына Димитрія; этотъ малчикъ случайно утонулъ еще въ пеленкахъ вмѣстѣ съ мамкой въ Бѣлоозерѣ, (Albo), въ то время какъ его отецъ торжествовалъ надъ казанцами ⁴⁾. Родивши еще двухъ сыновей Ивана и Федора, Анастасія умерла, а царь женился на Маріи Черкасской, съ которой развелся, какъ и съ нѣкоторыми другими, и всѣ эти жены были заключены Иваномъ въ монастыры. Наконецъ великий князь женился на Маріи, дочери Федора Нагаго ⁵⁾, изъ боярскаго рода, отъ которой не имѣлъ нѣсколько лѣтъ дѣтей.

¹⁾ Архивъ Инквизиціи (IV, f 68—81 V.)

²⁾ Въ подлинникѣ: Duca Visniewicz.

³⁾ Въ подлинникѣ: Della famiglia de Romanovii.

⁴⁾ Въ подлинникѣ: Casamesi.

⁵⁾ Въ подлинникѣ: Feodoro Naggio.

Не надѣясь на милосердіе Божіе и удрученный войной съ королемъ Стефаномъ Баториемъ, царь Иванъ сдѣлался тиранномъ и убиль своего старшаго сына Ивана; послѣ этого преступленія у него родился отъ Маріи Нагой вышеупомянутый Димитрій, который вполнѣ естественно считаетъ себя наслѣдникомъ великаго князя московскаго Ивана.

Вскорѣ послѣ рожденія Димитрія Иванъ серьезно занемогъ и, предвидя близкую кончину, назначилъ опекуновъ обоимъ сыновьямъ Федору и Димитрю. Слабоумный Федоръ былъ уже въ это время женатъ, назначенные къ нему опекуны должны были своими совѣтами и опытомъ помогать ему въ правлениі государствомъ. Опекунамъ Димитрія поручено было вмѣстѣ съ его матерью заботиться объ его воспитаніи до совершеннолѣтія. Великій князь Иванъ назначилъ во владѣніе Димитрю три города: Угличъ, Дмитровъ и Городецъ ¹⁾), предоставивъ ихъ также попеченію опекуновъ.

Послѣ смерти Ивана, сынъ его Федоръ, какъ старшій, вступилъ на престоль. Уступая просьbamъ жены, онъ записалъ въ ближніе бояре ²⁾ Бориса, ея брата, настоящаго великаго князя. Засѣдая въ боярской думѣ ³⁾ и пользуясь благоволеніемъ Федора, проницательному и коварному Борису пришло на умъ самому сдѣлаться великимъ княземъ, и съ той поры онъ началъ обдумывать способъ умертвить Димитрія и отѣлѣтъ отъ Федора, жену котораго боярская дума рѣшила заточить въ монастыры вслѣдствіе бесплодія.

Не трудно было Борису убѣдить Федора, склоннаго по природѣ къ набожности, оставить заботы о княжествѣ и удалиться въ монастырь Св. Кирилла. Это было сдѣлано безъ вѣдома опекуновъ Федора, которыхъ Борисъ умертвилъ, чтобы они не мѣшали его предпріятіямъ.

Послѣ того какъ Ирина ⁴⁾, жена Федора, сестра Бориса Годунова, достигла полной власти въ правлениі для своего брата, послѣдній началъ думать о томъ, какъ бы избавиться отъ Димитрія, который со временемъ могъ помѣшать его замысламъ.

Борисъ тайно отравилъ опекуновъ Димитрія, замѣстивъ ихъ отъ имени великаго князя другими, съ помощью которыхъ надѣялся отравить ребенка. Это злодѣяніе безъ сомнѣнія ему бы удалось, но воспитатель Димитрія замѣтилъ козни Бориса и многократно предупреждалъ мальчика объ угрожающей ему опасности и неминуемой смерти, если онъ не будетъ остерегаться, на что умный и развитый мальчикъ обратилъ вниманіе.

¹⁾ Въ подлиннике: Visliviense, Dimitrioviense et Herodocense.

²⁾ Въ подлиннике: ordine senatorio.

³⁾ Въ подлиннике: senato.

⁴⁾ Въ подлиннике: Brina.

Такъ какъ первая попытка убийства не удалась Борису, то онъ подкупилъ нѣсколькихъ злодѣевъ, которымъ приказалъ ворваться ночью въ комнату мальчика и убить его въ постелѣ. Это злодѣяніе безъ сомнѣнія удалось бы, но вышеупомянутый воспитатель, предчувствуя опасность, грозящую его питомцу, положилъ въ постель Димитрія другаго мальчика, его родственника, тѣхъ же лѣтъ, который и былъ убитъ злодѣями вмѣсто Димитрія, а послѣдній спасся. Шумъ разбудилъ домашнихъ, которые, думая, что Димитрій убитъ, начали искать убийцъ и, найдя ихъ, растерзали. Говорятъ, что въ этой смутѣ погибло тридцать дѣтей, и впослѣдствіи предположили, что среди нихъ былъ тотъ ребенокъ, котораго въ дѣствительности убили вмѣсто Димитрія.

Слухъ объ этомъ злодѣяніи быстро распространился. Мать Димитрія, увѣренная, что погибъ ея сынъ, такъ какъ убитый ребенокъ былъ неизнаваемъ вслѣдствіе нанесенныхъ ему ранъ, послала гонца къ великому князю съ извѣстіемъ объ убийствѣ. Но Борисъ, желая отвратить отъ себя всѣ подозрѣнія, отнялъ у гонца письмо и передалъ великому князю все дѣло въ другомъ свѣтѣ, именно, что Димитрій въ припадкѣ падучей болѣзни убился самъ и такимъ образомъ былъ найденъ окровавленнымъ въ постелѣ. Великий князь былъ очень опечаленъ этимъ происшествіемъ и приказалъ, чтобы тѣло брата было похоронено въ склепѣ его предковъ, но патріархъ¹⁾, согласно указаніямъ Бориса, сказалъ, что не слѣдуетъ хоронить самоубійцу въ склепѣ, гдѣ покоются помазанники Божіи. Оедоръ хотѣлъ отдать брату послѣдній долгъ, но Борисъ удержалъ его отъ поѣздки въ Угличъ²⁾ на похороны Димитрія, такъ какъ всѣми силами старался, чтобы великій князь ничего не узналъ объ этомъ ужасномъ злодѣяніи. Поэтому онъ послалъ Геласія, митрополита Крутицкаго³⁾, и Андрея Клешнина⁴⁾ въ Угличъ на погребеніе Димитрія. Послѣ похоронъ они заточили мать Димитрія въ монастырь, въ которыхъ изъ ея слугъ умертвили, а другихъ выслали изъ предѣловъ государства. Кроме того они приказали обезглавить двѣсти человѣкъ изъ жителей Углица за то, что они безъ вѣдома великаго князя расправились съ слугами Димитрія.

Междудѣмъ вышеупомянутый воспитатель, который такъ заботливо спасъ Димитрія отъ смерти, не переставалъ пещись о своемъ питомцѣ и бережно скрывалъ его отъ всѣхъ. Заболѣвъ и чувствуя приближеніе смерти, онъ призвалъ къ себѣ вѣрнаго человѣка, боярскаго сына, которому рассказалъ всю исторію Димитрія, и поручилъ ему маль-

¹⁾ Патріархъ Іовъ.

²⁾ Въ подлинникѣ: Vethlicia.

³⁾ Въ подлинникѣ: metropolita Crusliciense.

⁴⁾ Въ подлинникѣ: Andrea Celestino.

чика. Будучи вѣрнымъ другомъ, этотъ человѣкъ охотно принялъ на себя подобную обязанность и тайно содержалъ у себя мальчика до своей смерти. Передъ своей кончиной онъ убѣдилъ Димитря, который былъ уже юношой, для избѣженія опасности, поступить въ монастырь. Послѣдній охотно принялъ этотъ дружескій совѣтъ и, надѣвъ монашескую рясу, пробылъ въ ней довольно долго, скитаясь по разнымъ монастырямъ Московіи. Но его благородный нравъ и осанка выдали его, и онъ однажды былъ узнанъ однимъ монахомъ. Въ виду близкой опасности, Димитрій рѣшилъ немедленно удалиться въ Польшу, гдѣ сначала скрывался у Гавриила Гойскаго, а за симъ перешелъ къ Адаму Вишневецкому, и тамъ открыто объявилъ себя великимъ княземъ московскимъ.

Несмотря на правдоподобность этого рассказа, король, узнавъ, что у литовскаго канцлера Сапфіи находится ливонецъ, который, взятый въ пленъ во время войны короля Стефана въ Ливоніи, былъ назначенъ съ другими служить Димитрю, которому было тогда 10 или 12 лѣтъ, и что этотъ ливонецъ хвастается тѣмъ, что узнаетъ Димитря при свиданіи, король приказалъ послать его къ Вишневецкому. Допущенный въ присутствіе Димитря, послѣдній призналъ его своимъ прежнимъ слугой, а ливонецъ также узналъ Димитря благодаря бородавкѣ, которая у него на носу и одной рукѣ, которая короче другой; кромѣ того они узнали другъ друга по разнымъ признакамъ на тѣлѣ того и другаго.

Все это было доложено его величеству, который приказалъ привезти Димитря въ Краковъ, куда онъ прибылъ въ началѣ марта въ сопровожденіи вышеупомянутаго Вишневецкаго и его тестя, палатина Сендорімскаго¹⁾. Послѣдній непремѣнно желалъ, чтобы я присутствовалъ на банкетѣ, данномъ ими по пріѣздѣ Димитря состоящимъ при дворѣ сенаторомъ. Такимъ образомъ мнѣ удалось въ первый разъ видѣть Димитря, который сидѣлъ почти инкогнито за отдѣльнымъ столомъ, но въ той же комнатѣ съ пѣкоторыми лицами. Нѣсколько дней спустя палатинъ, по желанію короля, привелъ Димитря ко мнѣ. Онъ былъ чрезвычайно учтивъ и почтителенъ, говорилъ, что уже давно желаетъ представиться мнѣ какъ здѣшнему намѣстнику святаго отца, не только для того, чтобы предложить мнѣ свои услуги, но чтобы подробно передать все касающееся его самого (хотя онъ зналъ, что вся его исторія была мнѣ хорошо известна). Кромѣ того онъ просилъ меня ходатайствовать за него у св. отца²⁾, прося не только его молитвъ за справедливое свое дѣло, но и помощи въ борьбѣ за свои владѣнія, такъ какъ обязанность всемирнаго пастыря — запищать и помогать угнетеннымъ.

¹⁾ Георгія Миншекъ.

²⁾ Климента VIII.

Онъ очень подробно и съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ рассказалъ о томъ, какъ тяжко быть лишеннымъ царства слугой своего отца, который достигъ высшей власти, благодаря коварнымъ замысламъ противъ его жизни, отъ которыхъ спасти его Богъ. Не менѣе тяжело видѣть ему терзаніе, которымъ тиранъ подвергаетъ его родину, вслѣдствіе чего онъ умоляетъ меня ходатайствовать за него у святаго отца и у короля. Послѣдній принялъ Димитрія нѣсколько дней тому назадъ, почти частнымъ образомъ только въ присутствіи епископа Петра Тылицкаго ¹⁾, теперь подканцлера, великаго секретаря епископа Симона Рудницкаго ²⁾, коронного маршала Сигизмунда Мышиковскаго и Вѣйна, великаго писаря литовскаго. Во время этого приема Димитрій сказалъ, что его судьба сходна съ судьбой сына Креза, который былъ нѣмъ и получилъ даръ слова только тогда, когда увидѣлъ, что, вслѣдствіе приказанія Кира, жизни его отца грозитъ опасность. Так же и онъ, Димитрій, нѣсколько лѣтъ молчалъ, живя въ униженіи и окруженнѣи опасностями, но теперь, видя страданіе замученной родины, находящейся подъ властью не великаго государя, какимъ былъ Киръ, но человѣка низкаго, презрѣннаго и своего подданнаго, онъ испыталъ страшную скорбь и, сдѣлавъ надъ собой усилие, рѣшился выскажаться и просить сочувствія и помощи его величества для возвращенія своихъ законныхъ владѣній.

Димитрій говорилъ, что подобные случаи раньше бывали съ великими государями (князьями), и что они были поддержаны другими королями и въ особенности польскими; конечно, и онъ могъ бы прибѣгнуть къ помощи другихъ монарховъ, но довѣряется только его величеству, могущество, доброта и милосердіе котораго ему хорошо извѣстны. Въ надеждѣ на содѣйствіе его величества этому справедливому дѣлу, онъ въ свою очередь обѣщаетъ быть признательнымъ и думаетъ, что Богъ чрезъ его посредство пошлетъ свои благодѣянія его величеству, королевству и всему христіанству. Въ отвѣтъ на эту рѣчь Димитрія подканцлеръ отъ имени короля сказалъ ему нѣсколько любезныхъ словъ. Король не имѣлъ права открыто рѣшить подобный вопросъ, не узнавъ предварительно мнѣнія сенаторовъ, поэтому онъ имъ тотчасъ написалъ объ этомъ дѣлѣ.

Большая часть изъ нихъ сначала были противъ притязаній Димитрія, считая ихъ баснословными, однако нѣкоторые даже изъ важныхъ, узнавъ отъ него самого благопріятный отчетъ объ этомъ дѣлѣ и допросивъ ли-
вонца, уѣдлились въ правотѣ Димитрія и перешли на его сторону.

Краковскій палатинъ, Николай Зебржидовскій былъ такиъ ярымъ сторонникомъ Димитрія, что безъ вѣдома его величества предложилъ

¹⁾ Въ текстѣ: „Mgr vescovo di Cuiavia“.

²⁾ Въ текстѣ: „vescovo di Varmia“.

ему свои услуги и денежную помощь, если окажется, что москвитяне, действительно, пожелают признать его своим великим княземъ. Но великий канцлеръ Иванъ Замойскій находилъ, что признаніе Димитрія сыномъ великаго князя Ивана могло бы послужить сюжетомъ для комедіи Теренція. Krakovskій каншелянъ, Янушъ Острожскій, вмѣстѣ съ другими сенаторами, своими друзьями, были постоянными противниками Димитрія и говорили, что придерживались этого мнѣнія для общаго блага, т. е. въ случаѣ неудачи предпріятія вся тяжесть войны обрушилась бы на Польшу. Они находили, что слѣдуетъ обождать сейма, въ которомъ можно обсудить все это дѣло, и не отпускать отсюда Димитрія, чтобы этимъ заслужить благодарность Бориса. Однако, можно предположить, что они были движими личными страстью. Великий канцлеръ былъ противникомъ Димитрія, потому что не желалъ, чтобы его славу затмилъ другой полководецъ, котораго пришлось бы дать Димитрію, между тѣмъ, какъ если бы послѣднему была оказана тайная помощь, а не открытая съ согласія сейма, то самъ канцлеръ всталъ бы во главѣ арміи и ему не пришлось бы видѣть на этомъ мѣстѣ своего противника, какимъ былъ палатинъ Сеномоніскій.

Каншелянъ былъ противникомъ Димитрія, потому что не хотѣлъ принимать участіе въ дѣлѣ, которому не сочувствовалъ его отецъ, князь Константина Острожскаго¹), такъ какъ, при первомъ своемъ обращеніи къ отцу, онъ не могъ убѣдить его въ справедливости притязаній Димитрія и не получилъ той помощи, о которой просилъ.

Его величество, хотя значительно благопріятствовалъ Димитрію, однако колебался въ своемъ рѣшеніи и не переставалъ поддерживать сенаторовъ (хотя не согласился на предложеніе палатина Krakовскаго). Димитрій настоятельно просилъ многихъ, въ томъ числѣ и меня, чтобы ему позволили приблизиться къ границѣ, где легче было воодушевлять москвитянъ и продолжать начатое дѣло, которому его отсутствіе и отдаленность навѣрно принесутъ большой вредъ, такъ какъ многіе приверженцы, не видя его появленія, могутъ быть введены въ заблужденіе, повѣривъ слухамъ, что будто онъ умеръ, или же подвергнутся большой опасности, если Борису удастся ихъ забратъ.

Димитрій былъ милостиво отпущенъ королемъ, получивъ въ подарокъ богатыя одежды, золотую цѣнь съ медалькой, на которой было изображеніе его величества, и нѣсколько сотъ золотыхъ наличными деньгами; кромѣ того, ему было назначено нѣсколько тысячъ florиновъ.

Во время своего пребыванія въ Krakовѣ, Димитрій былъ всѣми обласканъ. Живя въ этомъ городѣ, онъ присматривался къ политической жизни поляковъ и благоговѣйно относился къ ихъ богослуженію.

¹⁾ Въ подлиннике: „Palatino di Riovda“.

Во время великаго поста палатины Сенномірскій и Краковскій водили его во время богослуженія то въ одну, то въ другую церковь, а также въ часовни и молельни. Слѣдя обычаю, Димитрій ходилъ съ палатиномъ Краковскимъ инкогнито, въ одеждѣ братства милосердія просить милостыни для бѣдныхъ. Ови были у короля, у меня и у многихъ другихъ.

Въ этихъ обрядахъ Димитрій находилъ удовлетвореніе и назидательность, и хотя онъ придерживался схизмѣ, выказывая сомнѣнія относительно происхожденія Св. Духа, власти папы и другія, однако, охотно слушалъ разсужденія, касающіяся истины. Замѣтивъ это, я приставилъ къ пану двухъ іезуитовъ, именно, отца Савицкаго, тогда настоятеля Св. Варвары, и проповѣдника отца Гродзицкаго, чтобы они, посѣща и наставляя Димитрія, вывели его изъ мрака заблужденія и привели къ познанію истинной вѣры.

Благодаря стараніямъ этихъ отцовъ и усердію вышеупомянутыхъ палатиновъ, Димитрій исповѣдался утромъ 24-го апрѣля 1604 года у отца Савицкаго. Послѣ этого онъ пришелъ проститься со мной, въ виду своего отѣзда, послѣдовавшаго поздно вечеромъ, въ тотъ же день, и пожелалъ прослушать обѣдню, которую я совершилъ, и тайно пріобщиться и конфирмоваться у меня. Все это произошло въ комнатѣ, нарочно приготовленной для этого обряда, при чёмъ Димитрій выказалъ искреннюю, благоговѣйную радость, что позналъ свѣтъ св. вѣры и несомнѣнного всемірнаго пастыря. Послѣ этого въ присутствіи палатина Сенномірскаго и отца Савицкаго, Димитрій въ разговорѣ со мной выказалъ благодарность Господу Богу за такое явное проявленіе Его милости и, преклонивъ предо мной колѣни, сказалъ, что онъ признаетъ власть Св. Отца и желаетъ всегда и во всемъ подчиняться и покоряться его святѣйшеству, зная, что такова обязанность каждого истиннаго христіанина. Кромѣ того Димитрій обѣщалъ, если ему удастся, какъ онъ надѣялся, возвратить себѣ отцовскій престолъ, уничтожить схизму своего народа греческаго вѣроисповѣданія и присоединить его къ католичеству, а также крестить магометанъ и язычниковъ, прибавляя, что, какъ видитъ Богъ, онъ говоритъ искренно, а не изъ личныхъ разсчетовъ. Не имѣя возможностей поцѣловать ноги его святѣйшества, Димитрій изъявилъ желаніе поцѣловать ихъ у меня, какъ у его намѣстника. Дѣйствительно, онъ хотѣлъ это исполнить, но я изъ любезности отклонилъ его желаніе. Кромѣ того, Димитрій далъ мнѣ собственноручное письмо на польскомъ языкѣ къ его святѣйшеству, приложивъ латинскій переводъ, сдѣланный отцомъ Савицкимъ.

Убѣдившись въ твердости религіозныхъ убѣждений Димитрія, я не переставалъ относиться къ нему ласково, оказывая должное почтеніе и содѣйствіе, которое считалъ возможнымъ.

*

Такъ какъ онъ выразилъ желаніе имѣть при себѣ священника, и я нашелъ эту мѣру небезполезной для поддержанія его вѣры, то написалъ отцу Децию Страверю, настоятелю іезуїтскаго монастыря¹), прося его назначить къ Димитрію двухъ священниковъ²), которые и до сихъ поръ находятся при немъ въ милости³).

Димитрій пользовался ими не только для исповѣди, но бралъ у нихъ также уроки реторики и діалектики; однако, эти уроки продолжались только три дня, такъ какъ москвитяне, состоящіе при немъ, видя его постоянно въ обществѣ этихъ монаховъ и замѣчая ихъ близкія отношенія, выразили неудовольствіе явному расположению Димитрія къ католичеству и начали колебаться. Вслѣдствіе этого Димитрій объявилъ себя православнымъ и пріобщился съ ними, хотя потомъ тайно исповѣдался монахамъ, которые соблюдаютъ всѣ предосторожности, слѣдяя полученному при отъѣздѣ приказанію и зная, что это необходимо въ данномъ случаѣ.

Съ этой же цѣлью я его освободилъ отъ принятія постной пищи, такъ какъ онъ по совѣсти утверждалъ, что она вредна его здоровью. Только касательно одного вопроса я отказался говорить съ нимъ и принять какое-либо рѣшеніе, именно, можетъ ли онъ во время коронаціи, если Богу угодно будетъ возвратить ему наследственный престолъ, пріобщиться отъ схизматиковъ въ Москвѣ, согласно обычаю. Я представилъ этотъ вопросъ рѣшенію его святѣйшества, который 15-го мая 1604 г. приказалъ отвѣтить черезъ кардинала Санть-Джорджіо, что подобныя сомнѣнія показываютъ чистосердечіе Димитрія, вслѣдствіе чего онъ не отказывается дать ему разрѣшеніе, которое онъ просить, послѣ того какъ этотъ вопросъ будетъ доложенъ и обсужденъ въ собраніи св. инквизиціі.

Во время пребыванія своего здѣсь, Димитрій обѣщалъ и объявилъ, что если ему удастся возвратить себѣ отцовскій престолъ, то онъ дастъ средства королю, чтобы снова завоевать Шведское королевство и самъ приметъ участіе въ походѣ; некоторые прибавляютъ, что кромѣ вѣчнаго мира и дружбы, онъ обѣщалъ также возвратить Польшѣ Сѣверскую землю (княжество), которая прежде была подвластна великому княжеству Литовскому.

Говорятъ, что Димитрій обѣщалъ Сенномірскому палатину кромѣ соединенія церквей, которому онъ такъ усердно благопріятствовалъ, что заслуживаетъ большої похвалы, значительную сумму денегъ, не только

¹) Въ подлинникѣ: „Padre provinciale de Gesuiti“.

²) Николай Сзыгровски (Чижовскій) и Андрей Лавицкій.

³) Эти строки подчеркнуты въ подлинникѣ, также и слѣдующія.

для покрытия расходовъ въ пользу его дѣла, но въ видѣ награды за расположение къ нему и за тѣ услуги, которыхъ онъ и его дѣти оказали Димитрю въ самомъ началѣ войны, сражаясь въ большой опасности. Кромѣ всего этого онъ обѣщалъ жениться на одной изъ дочерей патріата, къ которой привязался во время своего пребыванія въ его домѣ¹⁾.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе какъ частныхъ, такъ и общихъ интересовъ, всѣ надѣются на успѣхъ предпріятія, и что Господу Богу угодно будетъ проявить свою милость и спасти народъ отъ тиранства и варварства. Однако часто бываетъ, что обѣщанное не проводится въ исполненіе, и весьма возможно, что подобное случится съ Димитриемъ относительно обѣщанія возвратить Сѣверскую землю, т. е. москвитянѣ навѣрно возстанутъ противъ этого рѣшенія, но все-таки слѣдуетъ ожидать значительныхъ выгода не только относительно Швеціи, но и схизмы, имѣющей въ Московіи свое главное гнѣздо и даже, можно сказать, господство и силу. Конечно, сначала Димитрю придется поступать осторожно, но онъ настолько отваженъ и рѣшителенъ, что нѣтъ причины въ немъ сомнѣваться. Онъ часто говорилъ, что греки—невѣжды, и сравнивалъ москвитянъ съ конемъ, который подчиняется опытному сѣдоку.

Димитрю хотѣлось въ присутствії знатныхъ московскихъ людей со-звать своихъ митрополитовъ и католическихъ на диспутъ и за симъ самому разсудить, что послѣдніе лучше понимаютъ истину (какъ оно въ дѣйствительности есть), и такимъ образомъ ловко заставить первыхъ присоединиться къ его мнѣнію, какъ къ лучшему.

Димитрю казалось весьма важнымъ для благоденствія Московскіи, чтобы пребывающій въ ней патріархъ, со временемъ Бориса, назначен-ный другимъ греческимъ патріархомъ, котораго называютъ константино-польскимъ, былъ бы навсегда утвержденъ или, по крайней мѣрѣ, пока Константинополь находится въ рукахъ турокъ, противъ которыхъ Димитрій охотно поднялъ бы оружіе. Подобная война была бы немало-важнымъ событиемъ, такъ какъ Московскія настолько могущественна, что ее даже боятся турки, которые, какъ говорятъ, очень уважаютъ короля Стефана за то, что онъ не только одержалъ вверхъ надъ ней въ возвращеніи Ливоніи и Полоцка, но имѣлъ храбрость проникнуть въ самое сердце Московскіи, противъ столь могущественного великаго князя, силы котораго страшатся даже сами турки, и котораго во время между-царствій старались отстранить, въ особенности отъ польской короны.

Турецкій посолъ, присланный недавно отъ Порты, находясь здѣсь, когда пришли послѣднія хорошия извѣстія о Димитрии и узнавъ, что

¹⁾ Марина Миншекъ.

послѣдній пользуется помошью и симпатіей поляковъ, выказалъ огорченіе и большой гнѣвъ, говоря, что ему придется передать своему государю недобрыя вѣсти.

Уѣхавъ изъ Кракова, Дмитрій направился въ Львовъ¹⁾ съ Сеномірскимъ палатиномъ и остановился на нѣкоторое время въ владѣніяхъ послѣдняго, гдѣ съ помощью палатина и князя Вишневецкаго собралъ нѣсколько тысячи солдатъ. Съ этимъ войскомъ онъ сначала усмирилъ Краковскаго каштеляна, который возсталъ противъ него подъ предлогомъ, что войска Дмитрія, проходя чрезъ его земли, нанесли имъ большой вредъ; за симъ Дмитрій направился къ границѣ. Здѣсь начали стекаться къ нему не мало знатныхъ московскихъ людей, которые сдали ему нѣсколько сель и городовъ, но все это не обошлось безъ сопротивленія и даже безъ кровопролитія. Такимъ образомъ Дмитрій положилъ счастливое начало своему походу, продолженіе которого было не менѣе блестящее. Ему очень помѣшала измѣна 800 отборныхъ польскихъ наѣздниковъ, которые во время первой битвы, хотя и удачной, но кровопролитной для войска Дмитрія, возвратились въ королевство. Дмитрій съ большой грустью сообщилъ объ этомъ королю и мнѣ чрезъ довѣренныхъ ему лицъ, которыхъ привезли мнѣ собственноручныя его письма. Общее мнѣніе — что вышеупомянутые поляки были подкуплены великимъ канцлеромъ и краковскимъ каштеляномъ. Говорятъ, что они же, для возбужденія москвитянъ, распространили въ Московіи слухъ о принятіи Дмитріемъ католической вѣры и о томъ, что какъ только онъ вступить на престоль, то заставить ихъ перемѣнить вѣру. Все это дѣжалось съ цѣлью повредить хорощему исходу предпріятія, къ которому великий канцлеръ относился съ ироніей, говоря, что оно настолько трудно, что если удастся, слѣдуетъ сжечь все, что раньше было написано касательно исторіи народовъ и читать только исторію этого похода, въ которомъ принимаетъ участіе палатинъ Сеномірский.

Между тѣмъ Борисъ, услыхавъ, что въ здѣшнемъ королевствѣ находится Дмитрій и что онъ добивается его царства, но, не зная, что послѣдній уже въ предѣлахъ Московіи, прислалъ королю послѣ²⁾, которому была дана въ варшавскомъ сенатѣ публичная аудіенція. Во время этой аудіенціи посолъ сказалъ, что посланъ своимъ государемъ, чтобы узнать, совершаются ли приготовленія Дмитрія (котораго назвалъ воромъ, аріаниномъ, обманщикомъ, вѣроотступникомъ и сыномъ сапожника) къ разоренію Московіи съ согласія короля и сената? Этотъ посолъ также не зналъ, что Дмитрій уже находится въ предѣлахъ

¹⁾ Въ подлинникѣ Leopoli.

²⁾ Постникъ-Огаревъ. Рангони не упоминаетъ здѣсь о Смирномъ Отрепьевѣ, но онъ говорить о немъ въ своихъ депешахъ.

Московії, т. е. покинулъ Польшу нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и здѣсь отъ него скрыли этотъ фактъ. Онъ настаивалъ, чтобы Димитрю по-мѣшиали выступить въ походъ, и чтобы его приверженцы и сообщники были наказаны, въ знакъ того, что король и сенатъ имъ не сочувствуютъ. Въ противномъ случаѣ онъ угрожалъ тѣмъ, что его государь сообщить объ этомъ римскому папѣ, императору и всѣмъ христіанскимъ государствамъ¹),увѣряя, что вина пролитой крови падеть главнымъ образомъ на его величество, которому передаль отъ великаго князя грозныя посланія. На эту рѣчъ ему отвѣчали, что король не давалъ войска Димитрю, но во время пребыванія послѣдняго въ королевствѣ, его величество желалъ ознакомиться съ его притязаніями, дабы сообщить о нихъ великому князю и узнать отъ него, дѣйствительно ли Димитрій—царской крови, но что послѣдній, узнавъ это, бѣжалъ къ запорожцамъ. Кроме того послу сообщили, что король приказалъ казнить тѣхъ, кто оказывалъ помощь Димитрю, и что если послѣдняго найдутъ въ королевствѣ, то онъ будетъ задержанъ, и о томъ будетъ сообщено великому князю, который настолько могущественъ, что можетъ взять его и всѣхъ его приверженцевъ въ Москвию; и что если москвитяне согласны не нарушать перемирия, то поляки поступятъ также.

Въ то же время былъ присланъ другой посолъ, также знатный москвитянинъ, отъ Димитрія, но не написи возможнымъ допустить его, вслѣдствіе чего задержали въ королевствѣ до окончанія сейма. Однако когда узнали объ успѣхахъ Димитрія, то онъ былъ допущенъ къ его величеству, который прочелъ послѣднія письма отъ 25-го мая палатину Сеномірскому, въ которыхъ говорилось о внезапной кончинѣ Бориса и о томъ, какъ войско признало Димитрія своимъ государемъ и присягнуло ему; объ увѣщаніяхъ скорѣе короноваться, вслѣдствіе которыхъ Димитрій собирался въ тотъ же день уѣхать въ Москву. Все это болѣе подробно описано въ бумагахъ, посланныхъ оттуда за эти дни и прибавленныхъ съ предшествующимъ. Вслѣдствіе этого его величество вернулъ посла вчера вечеромъ, приказавъ вышеупомянутому палатину встрѣтить и привезти его съ почестями. О томъ, какимъ образомъ допустить посла къ королевской аудіенціи, его величество будетъ совѣтоваться съ сенаторами. Мнѣніе одного изъ самыхъ высокопоставленныхъ и серьезныхъ изъ нихъ состоپть въ томъ, что его величеству слѣдуетъ написать полководцамъ, живущимъ на границѣ Москви, чтобы они были наготовѣ, если надо помочь Димитрю. Это мнѣніе—явный знакъ разсудительности (здраваго смысла) его величества и всѣхъ сенаторовъ.

¹⁾ Борисъ Годуновъ послалъ въ ноябрѣ 1604 года письмо Клементу VIII и императору Рудольфу II-му.

Три дня тому назадъ распространились разные слухи, между прочимъ, будто жена Бориса¹⁾, съ помощью своихъ родственниковъ и преданныхъ мужу бояръ, настаивала на провозглашеніи царемъ сына своего 14 лѣтъ, но что послѣдній, испуганный приближеніемъ Димитрія, его успѣхомъ и силой, будто бы отказался отъ великаго княжества, несмотря на угрозы и насилие матери, которая умерла отъ горя, вслѣдствіе упрямства сына. Прибавляютъ, что этотъ мальчикъ послать къ Димитрію своихъ пословъ, чтобы присягнуть ему. Димитрій долженъ быть короноваться 5-го или 6-го юля.

Другіе слухи, идущіе изъ Данцига, сообщаютъ, будто сынъ Бориса одержалъ верхъ, а Димитрій палъ, но врядъ-ли они правдоподобны, такъ какъ исходить отъ жителей Данцига, которые еретики и противники всего, что можетъ принести пользу св. церкви, и кромѣ того распространяются какимъ-то армяниномъ (?) (Armeno), который всегда былъ противникомъ Димитрія. Однако слуга его свѣтлости подканцлера²⁾ писалъ своему господину, что до него дошло извѣстіе черезъ людей, что дѣла Димитрія идутъ успѣшно; вслѣдствіе этого преобладаетъ и живеть больше, чѣмъ когда-либо, надежда на успѣхъ. Съ часу на часъ ожидаются писемъ, которыя подтвердили бы эту надежду, исполненія которой желаютъ все добрые люди.

Димитрію около двадцати четырехъ лѣтъ; онъ—бритый, красивый, смуглолицій, съ бородавкой на носу наравнѣ съ правымъ глазомъ; у него длинныя, бѣлыя руки, которыхъ служать доказательствомъ благороднаго происхожденія; у него живой умъ, и онъ обладаетъ краснорѣчіемъ, въ его походкѣ и разговорѣ много благородства. Въ немъ всегда замѣчалась склонность изучать словесность и много скромности и умѣніе скрывать свои слабыя стороны.

Димитрій настолько жаждетъ славы, что слушалъ охотно и съ видимымъ удовольствіемъ, когда ему говорили, что, совершая соединеніе церквей и признавая главенство папы, онъ не только спасъ бы свою душу предъ Богомъ и души столькихъ своихъ подданныхъ, но кромѣ того онъ былъ бы уважаемъ всѣми государствами міра, и что о немъ писали бы въ исторіи, и его изображеніе и дѣла были бы росписаны въ папскомъ дворцѣ, гдѣ представлены славныя дѣла другихъ великихъ императоровъ и королей.

Онъ смѣль и храбръ, вслѣдствіе чего говорятъ, что во время войны онъ настолько увлекался сраженіемъ, что углублялся одинъ въ непріятельское войско. Однажды, послѣ сраженія Димитрія безуспѣшно искали въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, наконецъ онъ вернулся усталый, съ

¹⁾ Марья Григорьевна, дочь Малюты Скуратова.

²⁾ Матвѣй Петроконскій.

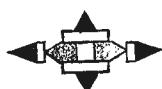
обнаженнымъ и окровавленнымъ мечемъ въ рукѣ. Говорять, что передъ каждой битвой Димитрій преклоняетъ колѣна и обращается къ Богу съ слѣдующими словами: «Господи, Ты, Который все знаешь, если правда на моей сторонѣ, то помоги и защити меня, если же нѣтъ, то пусть на меня снизойдетъ Твой гнѣвъ». Когда же его просятъ остерегаться измѣнъ и покушений, то онъ обыкновенно отвѣчаетъ: «Богъ, Который спасъ меня отъ ножа, защитить меня и телерь». Дѣйствительно, видно, что Богъ его хранить, такъ какъ онъ остается цѣлъ и невредимъ не только во время битвы, но кромѣ того не удались попытки злодѣевъ, подкупленныхъ Борисомъ, которые дважды хотѣли убить его.

Пока Димитрій былъ здѣсь, онъ каждый праздникъ, послѣ службы въ королевской капеллѣ, которую посѣщалъ инкогнито, бесѣдовалъ со мной и просилъ моего ходатайства за него у короля и сенаторовъ.

Я всегда охотно ему помогалъ, такъ что Димитрій обращался ко мнѣ даже послѣ своего отѣзда, показывая этимъ особенное ко мнѣ довѣріе и надежду на успѣхъ моего заступничества, отъ которого я никогда не отказывался, хотя соблюдалъ при этомъ осторожность относительно Бориса, чтобы, въ случаѣ его побѣды, онъ не имѣлъ предлога прервать сношеніе съ Римскимъ папой. Послѣдній охотно предписывалъ мнѣ писать ему, когда слѣдовало; эти письма не были мною подписаны и безъ моей печати, имѣя въ виду тѣхъ сенаторовъ королевства, которые были противъ Бориса, чтобы они не обидѣлись на меня за мое вмѣшательство въ эти дѣла. Можно судить, насколько сохранились наши добрыя отношенія съ Димитріемъ, изъ его писемъ ко мнѣ, копии съ которыхъ прилагаю, также съ письма отъ 13-го мая, которое получилъ только пять или шесть дней тому назадъ.

Димитрію было сообщено о смерти блаженной памяти папы Клиmentа VIII и о восшествіи папы Льва XI.

Теперь, какъ только будетъ возможно, онъ узнаетъ о восшествіи на папскій престоль вашего святѣйшества и о томъ, что если онъ не измѣнитъ своихъ добрыхъ намѣреній, то можетъ надѣяться на ваше отцовское благословеніе и одобреніе и на то, что ему будетъ оказано возможное содѣйствіе для славы Божіей и чести и утѣшенія вашего святѣйшества. Теперь мнѣ остается только пожелать вашему святѣйшеству долгой и счастливой жизни, и снова съ глубочайшимъ уваженіемъ поцѣлововать святѣйшия ноги ваши. Изъ Кракова 2-го іюля 1605 года.

Онаездываніе чиновниковъ на службу.

Письмо Барклая графу Ивану Александру Апраксину.

26-го января 1810 г. № 6.

Усмотрѣвъ изъ рапортовъ, ежедневно мнѣ подаваемыхъ, что нѣкоторые изъ гг. присутствующихъ по военному департаменту вообще пріѣзжаютъ поздно къ должности, а нѣкоторые рано выходятъ изъ присутствія; канцелярскіе же служители въ иныхъ мѣстахъ и совсѣмъ послѣ обѣда къ исправленію дѣлъ своихъ не являются. Я довольствуюсь на первый случай партикулярно отнестись о семъ къ вашему сіятельству и увѣренъ, что мѣра сія возымѣть надлежашее ей дѣйствіе, и что впредь соблюденіемъ порядка, съ пользою службы сопряженаго отвратится отъ меня неудовольствіе сдѣлать по сему предмету формальное мое подтвержденіе.

БЫЛОЕ.

Изъ воспоминаний о пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.

Х¹).

Плутоватые юнцы.— Очень обязательный чиновникъ.— Дачный романъ въ Павловскѣ.

е скажу, чтобы все мои товарищи по выпуску поголовно были такими наивными мечтателями, какъ изображено выше. Само собою разумѣется, что на каждомъ изъ насъ отразилось, въ известной степени, влияніе среды, въ которой тотъ или другой воспитанникъ вращался въ стѣнѣ гимназіи во время отпусковъ и каникуль. Поэтому были среди насъ и юнцы съ чисто практическою складкою, люди, какъ говорится, «себѣ на умѣ». Ихъ не манили идеалы правды и справедливости, но и они, слѣдя общему теченію, старались выставить себя такими же «гражданами», какъ и прочие. Въ сужденіяхъ своихъ они ничѣмъ не отличались отъ юношей, искренно вѣрившихъ въ близкое торжество помянутыхъ идеаловъ, но преимущество ихъ (въ житейскомъ отношеніи) надъ горячими головами заключалось въ томъ, что, блестя либеральными фразами, они сумѣли устроиться такъ, что оставались въ ладахъ съ нужными людьми и «противнаго лагеря», искусно скрывая это, до поры, до времени, отъ товарищей. Въ сущности, это были «юные старички», люди съ преждевременно увядшою душой. Быть можетъ, ихъ слѣдовало бы назвать «наиболѣе приспособленными для борьбы за существованіе», тѣмъ болѣе, что они почти все дѣйствительно очень хорошо устроились

¹) См. „Русскую Старину“ ноябрь 1901 г.

потомъ въ жизни. Но еще вопросъ—какому сорту молодежи слѣдуетъ отдать предпочтеніе: юнымъ ли старичкамъ, уже на школьной скамьѣ постигшимъ, гдѣ раки зимуютъ, или тѣмъ подлиннымъ юнцамъ, у которыхъ въ груди горитъ благородное пламя и сердце рвется къ подвигу на пользу ближнихъ? Практическое разрѣшеніе этого вопроса не входитъ, конечно, въ предѣлы моей компетенціи.

Почувствовавъ себя, по полученіи гимназического аттестата, вольнымъ казакомъ, я рѣшилъ, что я теперь уже взрослый (а мнѣ пошелъ тогда всего 17-й годъ) и что потому мнѣ неприлично жить у дяди, на его счетъ, а слѣдуетъ устроиться самостоятельно. Въ Приказѣ Общественного Призрѣнія или въ какомъ-то другомъ присутственномъ мѣстѣ—хорошенько не помню— хранились небольшія деньги, положенные на мое имя отцомъ еще въ дни моего дѣтства; съ ними-то мнѣ и надо было начать самостоятельное существованіе, въ надеждѣ на кое-какие дополнительные заработки, отчасти уроками, отчасти путемъ поставки карикатуръ для «Искры», благо тамъ не отказывали въ помѣщеніи моихъ рисунковъ. Присутственное мѣсто, откуда мнѣ предстояло получить мои деньги, помѣщалось на Большой Садовой (нынѣ просто Садовая), въ тогдашнемъ зданіи Управы Благочинія (а можетъ быть деньги лежали въ самой Управѣ—не умѣю теперь сказать этого). И вотъ, нанявъ себѣ комнату на Петербургской Сторонѣ, у нѣкоего вдовца-художника, я предпринялъ хожденіе въ Управу. Никогда не бывавъ до тѣхъ поръ ни въ одномъ присутственномъ мѣстѣ, я былъ, при первомъ посѣщеніи казеннаго зданія на Большой Садовой, странно пораженъ господствовавшею тамъ нечистотою и какимъ-то непріятнымъ, тяжелымъ запахомъ, державшимся на парадной лѣстницѣ, несмотря на то, что, по случаю лѣтняго времени, двери и окна были открыты настежь. Швейцарь въ заношенной ливреѣ, узнавъ отъ меня, чѣмъ мнѣ нужно, направилъ меня наверхъ. Тамъ я попалъ въ просторную комнату, стѣны которой были выкрашены сизою краской; въ комнатѣ стояло нѣсколько столовъ, съ пачками «дѣлъ» на нихъ, а за столами сидѣли чиновники. Одни изъ нихъ писали, склонивъ головы на-бокъ надъ бумагами, другіе оставались праздными и, когда я вошелъ, стали съ любопытствомъ разматривать меня. Послѣ тщетныхъ разспросовъ моихъ у нѣсколькихъ столовъ, куда мнѣ обратиться за деньгами, мнѣ указали наконецъ комнату, въ которой находился нужный мнѣ «столъ». Заnimъ, перелистывая бумаги, сидѣль чиновникъ въ вицмундирѣ и сѣрыхъ клѣтчатыхъ панталонахъ (либеральные чиновники позволяли себѣ тогда эту вольность въ костюмѣ). Онъ оказался очень обязательнымъ человѣкомъ: подробно разспросилъ меня о моемъ дѣлѣ, разсмотрѣлъ представленные мною бумаги, сказалъ, что дѣло это очень простое и никакихъ проволочекъ не потребуетъ, и чтобы я приходилъ черезъ недѣлю,

а на прощаніе подалъ мнѣ руку. Я былъ очарованъ его любезностью и былъ радъ, что все обойдется такъ скоро; я слыхивалъ ранѣе, что дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ ведутся обыкновенно съ большою волокитой. Но когда я снова явился черезъ недѣлю, чиновникъ оказался очень занятымъ и хотя былъ по-прежнему любезенъ, однако заявилъ, что «еще не готово» и мнѣ лучше всего зайти завтра. Но и завтра, и послѣ-завтра, и на третій день выходило все то же: тѣ опять: «еще не готово», то «справочки не получено», тѣ: «лучше всего—зайдите-ка вы завтра утромъ». И все это самымъ пріятельскимъ тономъ. Признаюсь, мнѣ стало досадно: ужъ не смѣется ли надо мнай этотъ господинъ въ сѣрыхъ кѣтчатыхъ панталонахъ?

Однажды, послѣ новаго безплоднаго посѣщенія Управы, я рассказалъ о своихъ злоключеніяхъ моему квартирному хозяину, и тотъ меня надоумилъ:

— Да вы сколько ему дали?—спросилъ онъ, смѣясь.
 — Какъ «сколько далъ?» Ничего не даваль.
 — Ну, такъ и будете ходить до второго пришествія!—воскликнулъ художникъ и уже прямо залился смѣхомъ.

Потомъ онъ объяснилъ мнѣ, что надо дать чиновнику рублей хоть десять, такъ какъ иначе ничего не выйдетъ. Вотъ задача! Какъ это я предложу чиновнику взятку? А если онъ оскорбится этимъ, какъ оскорбился бы я на его мѣстѣ? Къ тому же, онъ, кажется, еще и либераль, если судить по сѣрымъ панталонамъ...

Но дѣлать было нечего: надо же мнѣ получить мои деньги! Обсудивъ дѣло, я придумалъ компромиссъ: куплю хорошихъ сигаръ и поднесу чиновнику, въ видѣ не взятки, а подарка. Такъ я и сдѣлалъ: пошелъ къ Фейку, купилъ 25 штукъ сигаръ и отправился въ Управу. Прихожу, а чиновникъ опять: «Какъ жаль, право: все еще не готово!» Тутъ я собрался съ духомъ и съ возможнouю учтивостью спросилъ:

— Вы курите? (А самъ чувствую, что краснѣю до корней волосъ).
 — Курю. А чтѣ?
 — Да вотъ я хотѣлъ... Хорошія сигары, попробуйте...
 — А, благодарю, сказалъ чиновникъ. Онъ взялъ отъ меня коробку внимательно осмотрѣлъ ее и, еще разъ поблагодаривъ, вдругъ ударилъ себя рукою по лбу.

— Батюшки, да что же это я, въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь дѣло-то вишне готово, а у меня и изъ головы вонъ!

Тутъ онъ порылся въ лежавшихъ на его столѣ бумагахъ и, вручивъ одну изъ нихъ мнѣ, провелъ меня въ другую комнату, гдѣ мнѣ тотчасъ же и выдали деньги.

Таково было мое первое знакомство съ тогдашними присутственными мѣстами. Для меня впервые слегка приподнялся уголокъ завѣсы,

заслонявшій дѣйствительность отъ моего взора; то были начатки «курса познанія человѣка»—важнѣйшаго изъ всѣхъ житейскихъ познаній, какъ справедливо сказалъ Гёте¹⁾). И какъ удачно случилось, что для начала попался мнѣ такой простой примѣръ: начинать надо всегда съ простѣйшаго. Жалкій чиновникъ въ сѣрыхъ клѣтчатыхъ панталонахъ являлся для меня уже, до вѣкоторой степени, намекомъ на ошибочность моего тогдашняго представлениія, будто людямъ свойственно стыдиться зазорныхъ поступковъ. Въ это время взяточничество такъ рѣзко клеймилось въ нашей печати, что я и представить себѣ не могъ, чтобы оно еще гдѣ-нибудь удержалось; а вдругъ оказывается, что всѣ бичи «благодѣтельной гласности» оставляют даже мелкаго петербургскаго чиновника совершенно равнодушнымъ. Читая полемическія статьи органовъ печати того времени, нерѣдко винившихъ другъ друга въ печатныхъ «доносахъ», я полагалъ, что лица, подвергшіяся такому обвиненію, сгораютъ отъ стыда и не рѣшаются носа показать на улицу; я, пожалуй, даже не повѣрилъ бы тогда, еслибы мнѣ сказали, что на самомъ дѣлѣ они нисколько не смущались подобными укорами. Но, какъ я уже говорилъ, молодежь на все смотрѣть по-своему.

Лѣто 1862 года я прожилъ самымъ беззаботнымъ образомъ: кое-что почитывалъ (именно почитывалъ, а не читалъ), но безъ системы, руководствуясь въ выборѣ книгъ тогдашнею модой, если можно такъ выразиться; много ходилъ пѣшкомъ, дѣлалъ попытки «сближенія съ народомъ», преимущественно въ лицѣ дворниковъ и извозчиковъ, причемъ—каюсь—въ бесѣдахъ съ ними нерѣдко поступался даже правильностью рѣчи, разсчитывая расположить ихъ этимъ въ свою пользу. Сильно насытъ я также на моего квартирнаго хозяина, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ «развить» его (тогда почти всѣ молодые люди заняты были «развиваніемъ» всякаго встрѣчнаго); но хозяинъ оказался неподатливъ и охотно увиливалъ отъ собесѣдований, либо начиная играть на гитарѣ, либо принимаясь за свою картину, которую писалъ уже года полтора и все не могъ окончить. Къ дядѣ, котораго я всегда любилъ, сталъ я ходить лишь изрѣдка, видя въ немъ «постепеновца», какъ онъ впрочемъ, и самъ называлъ себя, но зато началъ ѳздить въ Павловскъ, гдѣ жила на дачѣ моя сестра, въ качествѣ гувернантки въ довольно богатомъ домѣ. Семья, въ которую забросила ее судьба, состояла изъ мужа, жены и девятилѣтней дочери. Сама-ли сестра съумѣла поставить себя въ надлежащія отношенія къ патронамъ, родство ли ея съ такимъ виднымъ чиновникомъ, какъ нашъ дядя, помогло, или же патроны сами имѣли правильный взглядъ на значеніе воспитательницы ихъ дочери—

¹⁾ „Das hochste Studium der Menschheit ist der Mensch“ (Самый высокий предметъ изученія для человѣчества, это—человѣкъ).

только положение молоденькой гувернантки въ домѣ не было для нея тѣгостнымъ, чтò, какъ извѣстно, не часто встрѣчается. Какъ мужъ, такъ и жена относились къ ней даже съ нѣкоторымъ уваженiemъ, благодаря той мягкости и тому такту, съ которыми она улаживала часто случавшіяся между супругами ссоры. Дѣло въ томъ, что хозяинъ дома, человѣкъ, впрочемъ, достаточно образованный, обладалъ крайне необузданнымъ характеромъ: любилъ кутнуть въ домѣ, заводилъ на сторонѣ связи и, случалось, дѣлалъ женѣ ужасныя сцены, когда возвращался домой во хмелю. Жену свою онъ любилъ, но «странною любовью»; говоря словами Некрасова,

„...по натурѣ бурлацкой,
Онъ тѣ ноги ея цѣловалъ,
То стегалъ ее плетью казацкой“.

Жена же была красавица, полная брюнетка, отчасти восточного типа, съ большими жгучими черными глазами, и, втайне отъ мужа, имѣла поклонника, въ лицѣ стройнаго кавказца рѣдкой красоты. Зная за собою эту вину, она, конечно, не могла обнаруживать надлежащаго безстрашія при столкновеніяхъ съ мужемъ и потому особенно цѣнила миrottворное вмѣшательство моей сестры въ ихъ семейныя ссоры и, кажется, была искренно привязана къ ней. Но положеніе сестры было дурно въ томъ отношеніи, что въ тѣсномъ домашнемъ кругу, особенно на дачѣ, ей стоило большого труда держать свою маленькую питомицу вдали отъ вреднаго вліянія распрай и потасовокъ между родителями. Неразъ жаловалась она мнѣ на затруднительность своего положенія въ этомъ отношеніи и неразъ порывалась уйти изъ этого дома. Она не знала (да и я не зналъ), что, перемѣнивъ мѣсто, она легко могла бы очутиться въ такихъ же, если не худшихъ (для дѣтей) условіяхъ семейной жизни, такъ какъ въ дурно сложившихся семьяхъ недостатка у насъ тогда не было, какъ нѣть и теперь.

Объ отношеніяхъ черноокой дамы къ красавцу-кавказцу мнѣ не трудно было догадаться: въ отсутствіе ея мужа, мы всѣ вмѣстѣ ходили на музыку въ вокзалъ и тамъ неизмѣнно встрѣчали этого молодого, одѣтаго съ иголочки господина, который немедленно и подсаживался къ своей дамѣ, причемъ сестру мою и меня онъ привѣтствовалъ приподнятіемъ своего лоснящагося цилиндра. Господинъ этотъ держалъ себя съ спокойною самоувѣренностью, видимо зная себѣ цѣну; дама же его была недостаточно сдержанна и неосторожно выдавала свои чувства къ нему игрою глазъ и всею своею манерой. А дочь ея сидѣла тутъ же рядомъ и, можетъ быть, несмотря на свои дѣтскіе годы, уже дѣлала свои заключенія.

Говоря вообще, «свободная любовь» не представлялась мнѣ пред-

осудительною; скорѣе напротивъ. Но въ этомъ случайно замѣченномъ мною дачномъ романѣ мнѣ инстинктивно чувствовалось что-то нечисто-плотное, сопряженное съ обманомъ мужа. Было какъ-то непріятно, какъ будто стыдно присутствовать при этихъ воровскихъ свиданіяхъ, какъ бы въ качествѣ участника или сообщника, а потому мы съ сестрою обыкновенно уходили съ музыки въ паркъ и уводили съ собою дѣвочку. И все-таки въ душѣ оставалось скверное впечатлѣніе какъ-бы косвенного пособничества нечистому дѣлу. Я не могъ не видѣть, что такое же непріятное чувство испытывала и моя сестра, дѣвушка необыкновенно чистыхъ помысловъ; мнѣ было жаль ея въ такие вечера. Къ счастью, замужество вскорѣ избавило ее отъ необходимости тянуть лямку гувернантки. Впослѣдствіи, спустя много лѣтъ, мнѣ и самому пришлось отвѣдать прелестей, сопряженныхъ съ ролью воспитателя въ богатой петербургской семье, и я по опыту могъ бы разсказать, въ какой гнилой атмосфѣрѣ приходится иногда выростать дѣтямъ людей даже вполнѣ обеспеченаго класса.

XI.

Моя „пропаганда“ въ семье столяра.—Петербургскія увеселенія.—Г-жа Гебгардтъ.—Танцклассы.—Моя неудачная литературная попытка.—Петербургское настроеніе въ зиму 1862—63 г.—Широкіе замыслы восторженныхъ юнцовъ.—Люди подъ маскою революціонеровъ.

На зиму 1862—63 г. я перебрался съ Петербургской Стороны въ городъ, нанявъ комнату въ Большой Подьяческой, у семейнаго столяра. Конечно, я первымъ дѣломъ озабочился тѣмъ, чтобы «развить» не только его, но и его жену, очень работящую и хозяйственную женщину; ребенка ихъ я рѣшилъ пока оставить въ покое, такъ какъ онъ былъ еще грудной и потому едва-ли могъ бы вмѣстить мои толкованія. Okазалось, однако, что разглагольствія мои о томъ, какъ слѣдуетъ людямъ устроиться, чтобы быть счастливыми, встрѣтили въ этой семье такъ же мало сочувствія, какъ и у прежняго моего квартирнаго хозяина, художника. Бывали даже минуты, когда, среди разговоровъ, мнѣ вдругъ представлялось, что слушатели смотрятъ на меня съ плохо скрытымъ сожалѣніемъ, какъ бы на свихнувшагося умомъ.

Упоминаю обѣ этомъ, сильно огорчавшемъ меня обстоятельствѣ потому, что тутъ дѣло касалось не одного меня лично (въ такомъ случаѣ оно не представляло бы никакого интереса); подобно мнѣ поступали въ ту пору очень многіе юнцы, считавши своею задачей пропагандированіе «здравыхъ понятій», какъ этическихъ, такъ и политиче-

скихъ. Движеніе это приняло впослѣдствіи форму извѣстнаго «хожденія въ народъ», плачевые результаты котораго такъ ярко очерчены были позже Тургеневымъ въ «Нови». Съ тѣхъ порь прошло безъ малаго сорокъ лѣтъ—періодъ, болѣе чѣмъ достаточный для того, чтобы можно было спокойно отнести къ тогдашнему настроенію и тогдашнимъ поступкамъ молодежи. Теперь, на разстояніи столькихъ лѣтъ, представляются даже не совсѣмъ понятными тѣ опасенія, которыя вызывала тогда вся эта «агитация». Попытки сближенія пылкихъ юнцовъ съ народомъ ни въ какомъ случаѣ не могли бы вызвать сколько-нибудь серьезныхъ пертурбацій уже по одному тому, что обѣ стороны рѣшительно не понимали другъ друга. Въ этомъ отношеніи опасности не было никакой. Напротивъ, стоило только умѣло воспользоваться самоотверженнымъ стремленіемъ молодыхъ людей сослужить службѣ народу, направивъ юные силы въ легальное русло—и дѣло просвѣщенія народной массы, необходимость котораго признана теперь всѣми, только выиграло бы. Въ распоряженіи власти сразу явилось бы множество добросовѣстнѣйшихъ учителей для городовъ, деревень и сель. И даже еслибы тѣ или другіе изъ нихъ оказались, въ роли учителей, проповѣдниками тѣхъ «здравыхъ понятій», о которыхъ упомянуто выше, бѣды въ томъ не было бы: простонародье, вполнѣ занятое своими ближайшими, непосредственными нуждами, далеко не такъ легковѣрно и податливо, какъ у насъ принято думать; нѣтъ уголка, гдѣ не нашелся бы свой «голоплѣскій Еремѣй», изображенный въ романѣ Тургенева.

Но тогда ко всему этому отнеслись иначе, и, можетъ быть, тѣмъ самымъ тогдашнее зреющее поколѣніе возложило на себя отвѣтственность за ужасы, свидѣтелями которыхъ мы были лѣтъ двадцать спустя. Если вспомнить о молодыхъ силахъ, донынѣ самоотверженно отдающихъ себя въ разныхъ углахъ нашего отечества общественному служенію на поприщѣ учителей и учительницъ въ народныхъ училищахъ, въ качествѣ дѣятельныхъ помощниковъ въ случаяхъ эпидемій и народныхъ бѣдствій и т. д., то нельзя найти достаточно сильныхъ словъ для похвалы побужденій, движущихъ русскимъ юношествомъ. Въ дни моей молодости этого не сумѣли понять и оцѣнить. Чѣмъ дѣлать! прошлаго не воротишь, но нельзя не пожелать, чтобы впредь было иначе и чтобы силы, могущія быть полезными родинѣ, не гибли безплодно вслѣдствіе недоразумѣній.

Во всякомъ случаѣ, неправы были тѣ, кто въ устройствѣ общественныхъ развлечений, принявши въ ту пору въ Петербургѣ широкіе размѣры, находилъ наиболѣшее средство отвлечь бродившіе умы отъ «политики».

Многіе видѣли въ этомъ подражаніе практикѣ, введенной въ Парижѣ правителствомъ второй имперіи и находившей у насъ поклонниковъ и подражателей.

Франція была тогда у всѣхъ на виду, вступивъ въ апогей виѣшнаго блеска, и иные изъ нашихъ администраторовъ, а за ними и близорукіе политики изъ общества, стремились копировать пріемы тюильрійскихъ правителей. Въ извѣстной части публики явилась даже наклонность перенять виѣшноть Наполеона III, причемъ вошло въ моду ношеніе эспаньолки, съ вытягиваніемъ кончиковъ усовъ наподобіе иголокъ¹⁾. Поэтому, когда вышло разрѣшеніе устраивать публичные балы, сочетая ихъ съ пѣніемъ куплетовъ съ эстрады, публика съ радостью встрѣтила эти, до тѣхъ поръ небывалыя у насть развлеченія. До тѣхъ поръ единственнымъ увеселителемъ Петербурга былъ извѣстный Излеръ, содержавшій памятныя столичныя старожиламъ «Минераліки», какъ назывался въ игривомъ тонѣ его увеселительный садъ въ Новой Деревнѣ, на мѣстѣ нынѣшней «Аркадіи»; а тутъ вдругъ разомъ открылся цѣлый рядъ заведеній почти въ такомъ же родѣ, но еще и съ присоединеніемъ танцевъ, и съ дешевою входною платой. Центровъ для развлеченія явилось множество, но, съ какой бы стороны ни разматривать ихъ, они не могли бы быть признаны полезными, а ужъ въ смыслѣ отвлеченія отъ «политики» ихъ прямо слѣдовало отнести къ числу «попытокъ съ негодными средствами», какъ говорятъ юристы. Во всѣхъ этихъ увеселительныхъ заведеніяхъ, открывшихся подъ разными вычурными названіями, въродѣ «Вилла Боргезе», «Палэ де Кристаль», «Эльдорадо» и т. п., сразу установился самый непристойный тонъ, отклонявший людей сколько-нибудь нравственно-чистоплотныхъ. Въ публикѣ всѣ они не замедлили пріобрѣсти общее, объединяющее название «танцклассовъ». А такъ какъ танцовати публично, на глазахъ массы незнакомыхъ, петербуржцы еще не имѣли въ то время привычки и, по новости дѣла, дичились, то учредителямъ танцклассовъ пришлось прибѣгнуть къ приглашенню наемныхъ танцоровъ и танцующихъ дамъ, чѣмъ вскорѣ же вызвано было появленіе особаго класса танцоровъ-профессионаловъ, получавшихъ весьма приличное вознагражденіе. Впереди всѣхъ ихъ стоялъ нѣкій г. Фокинъ, имя которого окружено было ореоломъ славы. Говорили, что онъ умѣеть исполнять канканъ ничуть не хуже парижскаго, съ хожденіемъ на рукахъ, засучиваніемъ рукавовъ и проч. Къ величайшей горести моей, я долженъ сознаться, что видѣть эту гордость тогдашняго веселящагося Петербурга мнѣ не довелось ни раза, хотя я и бывалъ въ нѣсколькихъ танцклассахъ (впрочемъ, безъ участія въ танцахъ). Говорили, что инициаторшею въ дѣлѣ устройства увеселительныхъ заведеній этого рода была извѣстная въ то время г-жа Гебгардтъ, впослѣдствіи основавшая въ Петербурге знаменитое благотворительное заведеніе для бѣдныхъ.

¹⁾ Въ выпѣшилее времія, какъ извѣстно, мода требуетъ закручиванія усовъ кверху—тоже подражаніе, но уже другому образцу.

вательница «Зоологического сада». Первые шаги этой предпринимчивой особы и время появления ея въ Петербургѣ были, какъ говорится въ старинныхъ учебникахъ исторіи, «покрыты мракомъ неизвѣстности». Существовала легенда, что вѣкогда она занималась продажею горячихъ вафель на Невскомъ проспектѣ, а потомъ, благодаря своей привлекательной наружности или по другимъ причинамъ, нашла себѣ богатаго и вліятельного покровителя, послѣ чего получила возможность безбѣднаго существованія. Какъ бы ни было, зима 1862—63 г. застала ее обладательницею одного изъ крупнѣйшихъ танцклассовъ, помѣщавшагося, если не ошибаюсь, на Большой Садовой. Заведеніе ея усердно посѣщалось публикою, чemu, въ извѣстной степени, способствовала всегдашняя готовность предупредительной хозяйки содѣйствовать установленію знакомства между наиболѣе достойными гостями и лучшими изъ «этихъ дамъ», какъ вѣкогда деликатно выразился Тьеpъ, озабочиваясь «очищенiemъ» Парижа. Общее впечатлѣніе отъ нѣсколькихъ видѣній мною танцклассовъ осталось у меня не особенно пріятное. Въ залахъ, освѣщенныхъ керосиновыми лампами, стоять сизый, тяжелый воздухъ, пропитанный запахомъ табаку, кухни, духовъ и человѣческихъ испареній; прифронтivшіеся кавалеры, порою въ заношенномъ бѣльѣ, но съ яркими цвѣтными галстуками, неуклюже отплясываютъ фигуры кадрили, выкидывая самыя смѣлыя «колѣна»; дамы съ подрумяненными лицами стараются не уступать имъ въ развязности. Среди танцующихъ проталкиваются люди, отдающіе предпочтеніе буфету, причемъ случаются и перебранки съ задѣтыми локтемъ танцорами. А надъ всѣмъ этимъ, покрывая шарканье ногъ по пыльному полу и отдѣльные возгласы танцующихъ, завываетъ дешевый струнный оркестръ, помѣстившійся на эстрадѣ. Еще два-три «легкихъ» танца и потомъ шерерывъ, во время котораго «артистки» въ коротенькихъ юпочекахъ, оставляющихъ движенію ногъ полную свободу, исполняютъ болѣе чѣмъ пикантные куплеты, а «артисты» либо рассказываютъ сцены изъ народнаго или еврейского быта, либо тоже поютъ куплеты. Нечего сказать, умѣлое «отвлеченіе умовъ»! Если добавить, что въ ту зиму (а, кажется, и въ слѣдующую) въ трактирахъ, мелкихъ ресторанахъ и закусочныхъ, съ разрешеніемъ полиціи, во множествѣ засѣдали тьеровскія «эти дамы» и «вольное» вино лилось рѣкою, то получится достаточно отчетливая картина тогдашняго ночного Петербурга, мало извѣстная людямъ, избѣгавшимъ соприкосновенія съ «улицею».

Присматриваясь къ этой сторонѣ столичной жизни, я началъ подумывать о томъ, что надо бы «предать ее благодѣтельной гласности», какъ тогда говорилось. Задумалъ я написать беллетристической очеркъ, чтобы изобразить несчастное положеніе «жертвъ общественнаго темперамента» (какъ назвалъ ихъ Герценъ), на которыхъ наглядѣлся въ *

танцклассахъ. Намѣреніе это я исполнилъ нѣсколько позже, но скажу объ этомъ дѣлъ теперь же, забѣгая впередъ.

Въ «Русскомъ Словѣ» Благосвѣтлова появлялись тогда коротенькіе бelliетристические очерки, плѣнявшіе юныхъ читателей (и меня въ томъ числѣ) чрезвычайнымъ реализмомъ; по крайней мѣрѣ, они казались намъ тогда полными реализма. Въ художественномъ отношеніи, вещицы эти не стоили ровно ничего; форма ихъ тоже не заслуживала похвалы: авторъ щеголялъ растрепанностью и небрежностью слога, словно съ умысломъ показать, что ему до такихъ мелочей, какъ стиль, нѣть дѣла. Судя по встрѣчавшимся въ его очеркахъ на каждомъ шагу психологическимъ несуразностямъ, можно думать, что онъ былъ еще очень молодъ. Въ памяти моей почему-то до сихъ поръ удержалась слѣдующая черточка въ одномъ изъ его разсказовъ, прямо свидѣтельствующая, что этотъ человѣкъ еще совсѣмъ не былъ знакомъ съ человѣческою природой: излагая душевныя муки, которыя испытывалъ (не помню, по какому случаю) его герой, авторъ говорилъ, что истерзанный герой «сознательно рванулся къ книгѣ» и, погрузившись въ ея чтеніе, тотчасъ позабылъ свое горе. Не ясно ли, что самъ авторъ не успѣлъ еще извѣдать истиннаго горя, которое заставляетъ забыть даже о существованіи книгъ? Но мы вѣрили ему на слово и съ удовольствіемъ читали его разсказы, потому что въ нихъ изображались все «новые люди» и, притомъ, такие, какихъ не бываетъ, съ небывалыми чувствами, небывалыми приемами. Вотъ эти-то очерки я и взялъ себѣ за образецъ.

Правда, художественный вкусъ мой былъ воспитанъ на произведеніяхъ образцовыхъ нашихъ и иностраннѣхъ писателей, и я не могъ не видѣть недостатковъ избраннаго мною автора; но таковъ ужъ былъ тогда туманъ въ моей (да и не только въ моей) головѣ, что новая, вывишнутая манера казалась мнѣ «современнѣе» старой. Вѣдь я былъ «новый человѣкъ», «дѣятель», такъ досугъ ли мнѣ быть заниматься обдумываніемъ и виѣшнею отдѣлкой произведенія, когда надо «проводить» идеи. Да и вообще, что тамъ за эстетика? На кой прахъ она? И вотъ я началъ «проводить».

Тема моего очерка была такая: молодой человѣкъ, конечно изъ «новыхъ», возвращаясь вечеромъ съ урока заходить къ Излеру (естественнѣе чего трудно представить себѣ что-нибудь). На плечахъ у него, разумѣется, пледъ, подмышкою нѣсколько книгъ изъ библіотеки (Карль Фогтъ, Молешотъ, Бокль). Гнушаясь исполняемыми на сценѣ куплетами, онъ задумчиво бродитъ по саду, мысленно осуждая его посѣтителей, и вдругъ замѣчаетъ сидящую на скамейкѣ молодую нарумяненную дѣвушку изъ числа «падшихъ». Она плачетъ, но старается скрыть свои слезы отъ публики. Она несчастна. Надо ей помочь, вывести ее изъ ужаснаго ея положенія. Герой заводить съ ней разговоръ,

развертывает передъ нею потрясающую картину ея существованія, горячо говорить о чувствѣ собственнаго достоинства, о значеніи личности и т. д. Конечно, девушка потрясена; рыдая, она сообщаетъ молодому человѣку, что сама уже пять лѣтъ какъ ищетъ выхода изъ «этой жизни», но никакъ не можетъ найти его. Тогда мой герой (кстати, приверженецъ идеи о свободѣ любви) предлагаетъ ей поселиться съ нимъ вмѣстѣ, чтобы совмѣстно развиваться и работать на общую пользу. Девушка, конечно, соглашается—но тутъ и очерку конецъ. Словомъ, все, до послѣдней мелочи, было у меня почти такъ же натурально, какъ въ разсказахъ автора, взятаго мною за образецъ. Разсказецъ написался у меня какъ-то очень скоро, гораздо скорѣе, чѣмъ я ожидалъ, и вышелъ значительно короче, чѣмъ я думалъ. Перечитывая его, я самъ чувствовалъ, что онъ хромаетъ, въ смыслѣ литературности, но пренебрѣгъ этимъ, соображая, что форма въ разсказѣ—послѣднее дѣло; была бы только идея хороша. Поэтому я переписалъ свое произведеніе набѣло и рѣшилъ отнести его въ «Русское Слово».

Сердце мое сильно билось, когда я прибылъ въ редакцію и предсталъ передъ Г. Е. Благосвѣтловымъ. Онъ принялъ меня довольно сухо—видно юные авторы, въ родѣ меня, успѣли уже достаточно надѣсть ему—и сказалъ, чтобы я зашелъ черезъ двѣ недѣли. Не скрою, что эти двѣ недѣли я провелъ въ большомъ возбужденіи, терзаясь вопросомъ, попадеть ли или не попадеть мой очеркъ въ печать. Нечего и говорить, что напечатанъ онъ не былъ: въ назначенное время редакторъ, безъ всякихъ объясненій, возвратилъ мнѣ его. Объ этой попыткѣ моей выступить беллетристомъ, какъ и обо всемъ прочемъ, касающемся меня лично, я упоминаю здѣсь только потому, что въ ту пору не я одинъ, не имѣя еще никакихъ житейскихъ познаній, покушался на литераторство: такихъ, какъ я, было тогда весьма достаточно, такъ что меня, до некоторой степени, можно считать во многихъ отношеніяхъ лицомъ сбирательнымъ.

Неудачный исходъ моей попытки былъ очень полезенъ для меня въ томъ отношеніи, что побудилъ вникнуть поглубже въ вопросъ о томъ, достаточно ли ясны для меня характеры людей, которыхъ я взялся было описывать. Самолюбіе говорило: «достаточно», а разсудокъ нашептывалъ противное, и мысли мои стали двоиться. Но окружающая атмосфера—всѣ эти кружковые вечеринки, непререкаемыя сужденія сверстниковъ, подпольные листки и проч. не давали мнѣ (да и не мнѣ одному) возможности сосредоточиться. Несомнѣнно, что въ тогдашнемъ воздухѣ было что-то гипнотизирующее, тѣмъ болѣе, что противная реформамъ партія все выше поднимала голову, заставляя либеральную партію настороживаться. Казалось—особенно намъ, молодежи—будто

между противниками, готовится схватка, и ужь само собою разумѣется, что мы не сомнѣвались въ будущемъ торжествѣ «нашего» лагеря. Какъ водится, мы были ослѣплены нашими невѣрными представленіями о дѣйствительности и, вмѣсто несомнѣнаго усиленія консервативнаго теченія въ обществѣ, видѣли побѣдоносное шествіе либерализма. Учащавшіеся въ Петербургѣ аресты ничуть не являлись для насть предзначенованіемъ совершившейся въ обществѣ перемѣны; напротивъ, мы видѣли въ нихъ доказательство слабости нашихъ противниковъ, которые, на нашъ взглядъ, будто бы растерялись и не знаютъ, что дѣлать. Даже такой явный общественный симптомъ, какъ рѣзкая перемѣна фронта со стороны Каткова, изъ поклонника англійскихъ конституціонныхъ порядковъ открыто обратившагося въ проповѣдника противоположныхъ началь и бросившаго перчатку Герцену, не уяснила намъ истиннаго положенія дѣлъ. Мы не поняли, что поступокъ Каткова знаменовалъ собою поворотъ въ общественномъ настроеніи—поворотъ, послѣдствія котораго дали знать себя черезъ нѣсколько лѣтъ. Каждый изъ насть навѣрное призналъ бы тутицею того, кто осмѣлился бы доказывать намъ, что взглядъ московскаго публициста ближе и понятнѣе массѣ, чѣмъ наши проекты переустройства общественныхъ отношеній, не имѣвшіе почвы и потому смахивавшіе на воздушные замки.

Юные умы искали дѣятельности и не находили ея, отчасти по не-подготовленности ни къ какому практическому дѣлу, отчасти по неумѣнію отличить возможное отъ невозможнаго. Стремленія народа, тѣхъ самыхъ «мужичковъ», о которыхъ столько толковали тогда, оставались загадкою; поэтому принято было a priori, что народъ хочетъ именно того, чего хотимъ мы, т. е. «свободы, равенства и братства». Слѣдовательно, намъ оставалось только взять на себя руководительство и «организовать» движеніе. Большия надежды возлагались, между прочимъ, на раскольниковъ, какъ элементъ «оппозиціонный»; многимъ казалось, что ничего нѣтъ легче, какъ «поднять» ихъ: пріѣхать въ какой-нибудь скитъ, потолковать по душѣ—и дѣло въ шляпѣ. Потомъ махнуть въ другой скитъ, въ третій и т. д. А когда всѣ раскольники «поднимутся», тогда... но какъ поступить въ такомъ случаѣ, обѣ этомъ и мысли не было. Повидимому, предполагалось, что все сдѣлается само собою, въ силу «логики вещей». Нѣкоторые предлагали оставить раскольниковъ въ покой, причемъ ссылались на ихъ односторонность, предлагая вмѣсто нихъ лучше «поднять» югъ и Поволжье. Странно одно: среди юнцовъ, обсуждавшихъ подобные вопросы, было немало людей, далеко не глупыхъ, но и изъ нихъ никто, кажется, не видѣлъ нелѣпости словопрѣній на такія темы. Всѣмъ казалось, что въ этомъ-то и заключается подлинное «дѣло», которое

надо дѣлать. Отсюда та энергія, съ которой, среди большихъ личныхъ опасностей и при скучности матеріальныхъ средствъ, были печатаемы и распространяемы всякаго рода отдѣльные листки и брошюрки. Все это было плодомъ какъ недомыслія и незнакомства тогдашней молодежи съ жизнью, такъ и неумѣнія или нежеланія лицъ, стоявшихъ у власти, дать надлежащее приложеніе бродившимъ молодымъ силамъ.

Само собою разумѣется, что къ увлекавшейся молодежи не замедлили пристроиться разныи люди «собѣ на умѣ», потерпѣвшіе неудачу на жизненномъ поприщѣ и съумѣвшіе подъ маскою радикаловъ и революціонеровъ поставить себя въ возможность эксплуатировать довѣрчивыхъ юношей, отдававшихъ имъ свои послѣдніе гроши «на дѣло». Со временемъ начали появляться экземпляры смыщленыхъ людей и ихъ сожительницъ или «гражданскихъ женъ», по тогдашнему модному выраженію, которые собственно никакихъ услугъ «дѣлу» не оказывали, а между тѣмъ жили на средства, слагавшіяся изъ складчины; а складчина эта собиралась среди невѣдомой имъ, жившей впроголодь, но фанатизованной молодежи. Впослѣдствіи, когда движеніе получило нѣкоторую организацію, явились еще и какіе-то закулисные диктаторы, которые, сидя где-нибудь въ безопасномъ мѣстѣ, таинственно руководили оттуда группами молодыхъ людей, подводя ихъ подъ удары рока. Роль ихъ удачно очерчена Тургеневымъ въ лицѣ «Василия Ивановича» («Новь»).

Р.

(П р о д о л ж е н і е слѣдуетъ).

Н. М. Карамзинъ и А. С. Шишковъ.

Письмо Г. Р. Державина—А. С. Шишкову.

12-го февраля 1816 г. суббота.

Подноситель сего письма вашему превосходительству есть самый тотъ, который переводить на нѣмецкой языкъ сочиненія вашего всемилостивѣйшій и славный манифесть, изданный сего года въ 1-й день января. Если переводчикъ удачно изобразилъ ваши мысли и предъ прочими переводчиками вразумительнѣе, то и безъ моей просьбы за-служить ваше благорасположеніе. Если жъ ему въ томъ не посчастли-вилось, то по усердію его въ сомъ трудѣ, а иначе по добруму вашему сердцу помочь ближнимъ, сколько гдѣ можно, осмѣливалось васъ про-сять принять его въ ваше покровительство и рекомендовать по знаком-ству вашему кому-либо изъ генеральна го штаба государю императору. Онъ человѣкъ съ нарочитыми способностями, хорошаго поведенія, честный, но бѣдный, такъ что не имѣть почти съ женою своею и съ дѣтьми дневнаго пропитанія, будучи на маломъ жалованьѣ въ службѣ военно-сиротскаго дома; не дурно по-русски писать и можетъ быть съ пользою употребленъ на службу. Симъ вы изволите доставить оной способнаго человѣка и заслужить вѣчную себѣ благодарность.

Московскій пріѣзжій авторъ Николай Михайловичъ Карамзинъ буд-детъ ко мнѣ въ наступающей вторникѣ обѣдать: не угодно ли и вамъ будетъ ко мнѣ пожаловать и составить пріятную компанію. Минѣ чрезвычайно желается спознакомить васъ. Пребываю впрочемъ съ истин-нымъ почтеніемъ и таковою же преданностію.

Николай Иванович Тургеневъ

ВЪ СВОЕМЪ ОПРАВДАНИИ.

(Изъ бумагъ Павла Васильевича Щуковскаго).

И

1¹⁾.

огда разыгрываются такія важныя политическія событія, какъ возмущеніе 14-го декабря 1825 г., то умами овладѣваетъ тревога, которая мѣшаетъ зачастую безпристрастному истолкованію фактовъ, и лица, коимъ поручается разслѣдованіе преступныхъ замысловъ, легко поддаются чувству негодованія, которое весьма естественно выразилось особенно ярко въ Донесеніи слѣдственной комиссіи. Но эти чувства, какъ бы ни былъ похваленъ ихъ источникъ, могутъ быть весьма опасны для правосудія, если поведеніе обвиняемыхъ будетъ опредѣляться не поступками, совершенными каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности, но всею совокупностью тѣхъ гнусныхъ намѣреній и дѣйствій, преступная связь которыхъ выясняется слѣдствиемъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ рѣчь о какомъ-нибудь заговорѣ, какъ бы онъ ни былъ ужасенъ, надобно судить обвиняемаго лишь на основаніи того, насколько этотъ заговоръ былъ извѣстенъ ему лично. Мысль о цареубийствѣ заставляетъ содрогаться, но невольно ужасаешься и при мысли, что въ этомъ преступлѣніи могутъ быть обвинены люди, коимъ столь гнусное намѣреніе было совершенно неизвѣстно.

Событіе 14-го декабря 1825 г. отнюдь не должно ухудшить положеніе тѣхъ лицъ, которая ранѣе ничего не знали о немъ, а когда оно вспыхнуло, не имѣли ни желанія, ни возможности принять въ немъ, хотя бы косвенно, малѣйшаго участія.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1901 года.

Однимъ изъ обвиняемыхъ, о коемъ упоминается въ Донесеніи слѣдственной комиссіи, былъ Николай Тургеневъ. Онъ былъ причисленъ, въ его отсутствіе, ко второму разряду государственныхъ преступниковъ, къ числу лицъ первой категоріи этого разряда. Подробный разборъ касающихся его свидѣтельскихъ показаній, заключенныхъ въ Донесеніи, докажетъ его невинность.

Этому разборо необходимо предпослать нѣкоторая поясненія.

Николай Тургеневъ, проведя нѣсколько лѣтъ за границею, сначала для довершенія своего образованія, а затѣмъ состоя чиновникомъ на государственной службѣ, возвратился въ Россію два года спустя послѣ умиротворенія Европы въ 1815 г. Съ этого времени онъ былъ всесѣло поглощенъ одною мыслію, которую не колеблясь долженъ высказать, хотя ему хорошо известно, что она создала ему многочисленныхъ враговъ и была единственою причиной всѣхъ тяготѣющихъ надъ нимъ обвиненій.

Эти злосчастныя обвиненія высказываются противъ него до сихъ поръ нѣкоторыми лицами. Неотступная мысль, всесѣло наполнявшая его душу и все его существо, была идея о возможности освобожденія крестьянъ.

Предавался ли Николай Тургеневъ обманчивымъ мечтамъ, лелѣя эту мысль, или же онъ постигъ истинный и возвышенный духъ христианскаго ученія; заблуждался ли онъ, питая несбыточныя мечты, или же онъ здраво понималъ настоящія потребности Россіи и источникъ ея будущаго благосостоянія, это вопросы, которые не подлежатъ въ настоящую минуту обсужденію и разъясненію.

Подобная мысль можетъ показаться многимъ безумiemъ, но ни одинъ беспристрастный человѣкъ не признаетъ ее преступленіемъ. Здѣсь упоминается о неотступной мысли, не дававшей покоя Тургеневу не потому, что его приходится защищать въ этомъ отношеніи, ибо Донесеніе слѣдственной комиссіи отнюдь не ставить этого ему въ вину.—Объ этомъ говорится только потому, что это объясняетъ его поведеніе во всей его совокупности, и потому что это обстоятельство главнымъ образомъ создало ему репутацію либерала, чтѣ въ свою очередь подало поводъ ко всевозможнымъ обвиненіямъ и пріумножило до безконечности тѣ tolki иничѣмъ недоказанные слухи, кои зачастую принимаются самыми добросовѣстными людьми за непреложное доказательство виновности.

Въ 1821 г. Николай Тургеневъ издалъ сочиненіе о теоріи налоговъ, въ которомъ онъ высказалъ свои мысли объ освобожденіи крестьянъ и благодаря которому онъ заслужилъ славу либерала, оказавшуюся для него со временемъ столь нагубной.

Изъ всѣхъ сообществъ, о коихъ упоминается въ Донесеніи, Союзъ Благоденствія, распавшійся въ 1821 г., былъ единственнымъ обществомъ, въ которомъ онъ состоялъ членомъ. Надежда послужить

своей излюбленной идеи была единственной побудительной причиной, которая заставила его вступить въ это общество. Несмотря на то, что оно проявляло самую незначительную дѣятельность, онъ все же старался обратить вниманіе членовъ на необходимость освобожденія крестьянъ. Всѣ сдѣланныя имъ по этому поводу предложенія сводились къ однимъ разговорамъ; и онъ не думалъ до прочтенія Донесенія слѣдственной комиссіи, что дѣятельность того общества выразилась въ чёмъ-либо иномъ кромѣ разговоровъ.

Николай Тургеневъ былъ удостоенъ милостей покойнаго императора Александра и питалъ къ его особѣ чувства глубокой преданности, весьма мало совмѣстимыя съ преступными замыслами и съ участіемъ въ заговорѣ, въ чёмъ его обвиняютъ. Его императорскому величеству были извѣстны его взгляды касательно освобожденія крестьянъ; онъ имѣлъ въ рукахъ записку, поданную ему Тургеневымъ по этому поводу, которая удостоилась высочайшаго одобренія. Его императорскому величеству также было извѣстно, что имя Николая Тургенева находилось въ спискѣ членовъ Союза Благоденствія. Несмотря на это, императоръ оказывалъ ему по-прежнему всевозможная милости.

Николай Тургеневъ, видя, что его здоровье было подорвано трудами, коими онъ былъ обремененъ въ Государственномъ Совѣтѣ, рѣшилъ, весною 1823 г., уѣхать за границу, не оставляя однакож службы.

Услыхавъ, что въ скоромъ времени должно было освободиться мѣсто, которое онъ имѣлъ право занять, Тургеневъ написалъ императору письмо, выразивъ желаніе получить это мѣсто. Два или три дня спустя императоръ приказалъ графу Аракчееву передать ему въ отвѣтъ, что государю неизвѣстно о томъ, что означенное мѣсто освободится, но что вообще его величество желалъ бы, чтобы Тургеневъ остался въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ онъ ему полезенъ. Если же ограниченное содержаніе, получаемое имъ на этомъ мѣстѣ, и отсутствіе личныхъ средствъ заставляетъ его нуждаться въ денежному пособіи, то государь готовъ оказать ему таковое.

Упоминая о томъ, что онъ отказался отъ этого предложенія и отвѣчалъ, что, обращаясь къ его величеству, онъ не искалъ денегъ, Тургеневъ говорить это не ради хвастовства, а для того, чтобы сказать, что его отвѣтъ удостоился одобренія императора. Этотъ новый знакъ высочайшей милости заставилъ его предаться своимъ служебнымъ обязанностямъ съ удвоеннымъ рвениемъ, чтò отразилось на его здоровье, и на слѣдующій годъ врачи были вынуждены послать его въ Карлсбадъ. Его императорское величество благоволилъ разрѣшить ему эту поездку и повысилъ его въ то же время по службѣ, разрѣшивъ ему отпускъ съ сохраненіемъ содержанія и приказавъ выдать ему извѣстную сумму денегъ на путевые издержки. Это не все; его величество приказалъ

генералу графу Аракчееву передать Тургеневу, что государь совѣтуетъ ему осторегаться за границею злонамѣренныхъ людей, коихъ вездѣ много и которые навѣрно постараются обойти его.

— Передайте ему,—присовокупилъ его величество,—что я, приказывая ему быть осторожнымъ, даю ему этотъ совѣтъ не какъ монархъ, а какъ христіанинъ.

Совѣтъ, данный со столь трогательной добротою, свидѣтельствуетъ о томъ, что императоръ придавалъ надлежащее значеніе обвиненіямъ, предъявленнымъ противъ Николая Тургенева, котораго неоднократно старались погубить въ его глазахъ, и что онъ хотѣлъ предостеречь его отъ политическихъ заблужденій, коимъ онъ отчасти считалъ его доступнымъ, не думая однако, что онъ былъ недостоенъ его благоволенія или способенъ запятнать себя государственнымъ преступленіемъ.

Николай Тургеневъ уѣхалъ въ Карлсбадъ 9-го августа 1824 г. Никто не обвиняетъ его въ томъ, что онъ вѣль преступную переписку съ кѣмъ-либо въ Россіи или занимался какими-либо происками за границею. Чрезвычайно важно определить вполвѣ точно время его отѣзда, ибо это дастъ возможность опровергнуть самое серьезное обвиненіе, направленное противъ него.

Въ то время когда вспыхнуло возмущеніе 14-го декабря 1825 г., Николая Тургенева уже не было въ Россіи годъ и восемь мѣсяцевъ. На требованіе явиться въ слѣдственную комиссию въ качествѣ соучастника въ возмущеніи 14-го декабря 1825 г., обвиняемаго въ государственномъ преступленіи, онъ отвѣчалъ, что имъ уже послана въ Петербургъ объяснительная записка относительно его принадлежности къ тайному обществу; этой записки, по его мнѣнію, было вполнѣ достаточно для его полнаго оправданія, а состояніе здоровья не позволяло ему предпринять путешествіе.

Николай Тургеневъ спѣшилъ оговориться: онъ понимаетъ, что его отказъ явиться въ слѣдственную комиссию могъ возстановить противъ него самыхъ безпристрастныхъ лицъ, но нѣть надобности доказывать, что его отсутствіе не могло ни въ какомъ случаѣ усугубить его вину. Явясь въ судъ, или отсутствуя, Николай Тургеневъ, разумѣется, не былъ отъ этого ни болѣе, ни менѣе виновенъ; но его отсутствіе могло показаться, что онъ боялся объясненій, къ тому же онъ не имѣлъ возможности разъяснить письменно иѣкоторыя сомнѣнія, которыхъ онъ могъ бы разсѣять въ умѣ своихъ судей лично.

Его постигло между прочимъ одно обстоятельство, неизбѣжное при производствѣ всякаго судебнаго слѣдствія, въ которомъ замѣшано большое число лицъ, а именно, что прочие сообвиняемые, зная объ его отсутствіи, не стѣснялись обвинять его, либо съ цѣлью снять съ себя нѣ-

которую долю своей вины либо для того, чтобы облегчить положение того или другого изъ своихъ единомышленниковъ.

Николай Тургеневъ не оправдывается въ томъ, что онъ не явился въ комиссию, онъ только объясняетъ причины этого обстоятельства и указываетъ на послѣдствія, какія оно имѣло.

Его отсутствие было вредно только для него самого, оно не могло усугубить его вину, но оно не дало ему возможности оправдаться. Докладъ слѣдственной комиссіи производить при чтеніи, въ общемъ, впечатлѣніе связнаго литературнаго произведенія.

Редакторъ увлекся желаніемъ создать изъ своего труда одно стройное цѣлое, поэтому онъ не довольствовался изложеніемъ фактъ во всей ихъ наготѣ, но обобщилъ ихъ, тогда какъ они касались только каждого изъ обвиняемыхъ лично, связалъ ихъ въ одно цѣлое, тогда какъ они были безсвязны, смѣшалъ ихъ, тогда какъ они были раздѣлены пространствомъ и временемъ.

Прежде нежели опровергать обвиненія, направленныя лично противъ него, Николай Тургеневъ долженъ разсмотрѣть эти обвиненія, устраниТЬ изъ нихъ всѣ постороннія прикрасы и ограничиться фактами, касающимися только его лично. Виновность или невинность прочихъ обвиняемыхъ не имѣеть никакого отношенія къ его виновности или невинности. Читая Донесеніе, трудно прослѣдить рядъ обвиненій, касающихся его лично. Невольно увлекаясь общей связью изложенія и построеннаго на немъ обвиненія, читателю трудно выяснить долю личнаго участія въ дѣлѣ каждого изъ обвиняемыхъ. Дополненіе, приложенное къ Донесенію, могло бы сослужить въ этомъ отношеніи некоторую пользу, но оно разнится съ Донесеніемъ въ столь существенныхъ пунктахъ и такъ плохо вяжется съ приведенными въ немъ датами и фактами, что не только не уменьшаетъ, но еще болѣе увеличиваетъ путаницу. Въ виду необходимости выяснить какъ можно точнѣе тѣ пункты, на коихъ должна быть построена защита, читатель будетъ конечно искать отвѣта въ Донесеніи, какъ документѣ главномъ и официальномъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда Донесеніе и Дополненіе къ нему находятся въ разногласіи, и когда надобно остановиться на одномъ изъ нихъ. Слѣдовательно, для того чтобы отвѣтить обстоятельно на всѣ пункты, въ коихъ Николай Тургеневъ обвиняется, надобно прежде всего выдѣлить изъ Донесенія все, что касается его лично, для того чтобы составить себѣ ясное понятіе, въ чемъ именно заключается это обвиненіе. Всѣ пункты, въ коихъ упомянуто его имя, будуть приведены съ величайшей точностью и подвергнуты критикѣ съ двоякой точки зрѣнія: можно ли было обвинить Тургенева и произнести приговоръ на основаніи этихъ фактъ, если судить о нихъ только по Донесенію слѣдственной комиссіи, какъ оно ихъ изображаетъ? Установлены ли

эті факты законнымъ образомъ и доказаны ли они юридически? Правдивы ли эти факты и правдоподобны ли они?

Всѣ мѣста Донесенія, въ коихъ упоминается имя Николая Тургенева, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ девяти фактамъ или обви-нительнымъ пунктамъ:

1-й фактъ. Николай Тургеневъ думалъ вмѣстѣ съ генераль-маіоромъ Михаиломъ Орловымъ и съ графомъ Мамоновымъ завести общество, подъ названіемъ «Русскихъ рыцарей». Это общество, коего уставъ предполагалось представить на утвержденіе его величества императора Александра, «не было составлено».

2-й фактъ. Коренная Управа Союза Благоденствія предполагала основать журналъ; въ примѣчаніи къ Донесенію объ этомъ говорится въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

3-й фактъ. «Издание журнала предпринималъ дѣйствительный стат-скій совѣтникъ Николай Тургеневъ; есть нѣсколько возмутительныхъ пѣ-сенъ, которыхъ тогда были сочинены и, можетъ быть, распускаемы, но точно ли по предписаніямъ тайного общества, того нельзѧ сказать утверждительно».

4-й фактъ будеть переданъ точными словами Донесенія.

«По крайней мѣрѣ достовѣрно, что между ними (т. е. членами Обще-ства) были разговоры и пренія, которыхъ пыны могли казаться пра-вильными совѣщаніями о разныхъ образахъ правленія... А въ началѣ 1820 г. было, какъ показываетъ полковникъ Пестель, въ Санктпетер-бургѣ собраніе Коренной Думы (или Управы), которая по уставу имѣла въ союзѣ власть законодательную. Въ семъ собравіи, Пестель по вы-зову члена, исправлявшаго должность Блюстителя, исчислялъ выгоды и невыгоды правленій монархического и республиканского, и послѣ многихъ разсужденій собирали голоса; всѣ, утверждасть Пестель, объ-явили, что предпочитаютъ республиканское правленіе; между прочими Николай Тургеневъ слѣдующими словами: *un président sans phrases*¹), кромѣ одного полковника Глинки», который былъ иного мнѣнія. Сie заключеніе Коренной Управы, по увѣренію Пестеля, опредѣлено было сообщить всѣмъ другимъ, и онъ сообщилъ его Тульчинской; съ тѣхъ поръ, прибавляетъ онъ, республиканская мысли стали брать верхъ надъ монархическими, хотя члены еще говорили, что если императоръ Александръ самъ даруетъ Россіи хорошіе, по ихъ мнѣнію, законы, то они будутъ его вѣрными приверженниками и оберегателями. Но сіи показанія полковника Пестеля не всѣ подтверждены другими допрошен-ными; одинъ (Глинка) говоритъ, что все разсказываемое происходило не на правильномъ совѣщаніи, а въ обыкновенномъ разговорѣ о раз-

¹) Объявляю безъ фразъ, что хочу президента..

ныхъ политическихъ предметахъ. Фонъ-деръ-Бригенъ утверждаетъ, что большая часть присутствовавшихъ тутъ членовъ была не готова къ разсужденіямъ сего рода и къ объявлению какого-нибудь рѣшительнаго мнѣнія, что между прочими, онъ и Глинка отреклись дать свое, что Тургеневъ, вмѣсто приписываемыхъ ему словъ, сказалъ просто: «Республиканское правлениѣ съ президентомъ очень хорошо, но главное всегда зависитъ отъ устройства въ народномъ представлениѣ». «Титулярный совѣтникъ Семеновъ прибавляеть, что не было сдѣлано никакого опредѣленія, и совѣщаніе кончилось споромъ, въ коемъ полковникъ Глинка доказывалъ, что въ Россіи не можетъ существовать никакое правлениѣ кромѣ монархическаго. Наконецъ, ни одинъ не упоминаетъ о предложеніи касательно императрицы Елизаветы.

«Впрочемъ, все происходившее на семъ совѣщаніи, какъ показываетъ Никита Муравьевъ, не имѣло никакого вліянія на образъ мыслей и дѣствія членовъ вообще; не сдѣлано въ слѣдствіе того никакихъ предписаній подвѣдомственнымъ управамъ, кромѣ Тульчинской; на многихъ бывшихъ послѣ собраніяхъ не говорено о республиканскомъ правлениї, а разсуждали о перемѣнѣ образованія и ходѣ Союза Благоденствія, и самъ Пестель свидѣтельствуетъ, что отъ начала до разрушенія сего Союза, ни одно правило не было постоянно признаваемо, и часто все единогласно рѣшенное чрезъ нѣсколько часовъ такъ же единогласно отмѣняли».

5-й фактъ. «Однако жь въ исходѣ 1820 г. и между членами Южной Управы начали оказываться холодность, несогласія во мнѣніяхъ...» Пестель предложилъ, для прекращенія разномыслія, учредить времененное Диктаторство; сіе предложеніе, равно и другое, чтобы замѣнить Диктатора Тріумвиратомъ, отвергнуты, а положено быть въ Москвѣ съѣзду депутатовъ Союза, для точнѣшаго опредѣленія цѣли и дѣствій онаго.... Генераль-маіоръ фонъ-Визинъ пріѣзжалъ изъ Тульчина въ Петербургъ для приглашенія депутатовъ, и въ Москву отправились Николай Тургеневъ и Глинка.. Слѣдь членамъ, на многихъ предварительныхъ собраніяхъ, генераль-маіоръ фонъ-Визинъ предлагалъ раздѣлить общество на три разряда.

«Тутъ опять начались несогласія и споры; предложеніе фонъ-Визина отвергали Николай Тургеневъ (избранный предсѣдателемъ на время съѣзда и, по словамъ Комарова, показывавшій себя весьма умѣреннымъ), генераль-маіоръ Орловъ, Бурцовъ, Колошинъ и Комаровъ..., а въ концѣ февраля (1821 года) на общемъ засѣданіи, положено уничтожить Союзъ. Тургеневъ, какъ предсѣдатель, отъ имени всѣхъ уполномоченныхъ членовъ, объявилъ прочимъ, что ихъ сообщество разрушилось совершенно и навсегда, какъ по возникшему въ ономъ разно-

мыслю, такъ и для того, чтобы не возбудить подозрѣнія правительства. Уставъ Союза Благоденствія и прочія бумаги сожжены».

6-й фактъ. Фактъ составляетъ продолженіе предыдущаго, въ Донесеніи обѣ немъ говорится въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Руководители оной (Коренной Управы) тогда же рѣшились современемъ составить новое общество и раздѣлить его на двѣ степени, съ тѣмъ, чтобы только принадлежащимъ къ первой была извѣстна настоящая цѣль онаго: готовить Россію къ измѣненію государственныхъ установлений».... Якушкинъ утверждаетъ, что сіе тайное общество, съ названіемъ, коего онъ не помнить, и новымъ Уставомъ, тогда же и составилось; генералъ-маіоръ фонъ-Визинъ, напротивъ, что все окончилось одними предположеніями и признаніемъ, нѣсколько разъ повтореннымъ, что никакая цѣль не оправдываетъ средствъ.

«Титулярный совѣтникъ Семеновъ показываетъ, что Николай Тургеневъ, возвратясь изъ Москвы въ 1821 году, начиналъ изъ нѣкоторыхъ членовъ уничтоженнаго Союза составлять новое тайное общество; въ оное приглашаль прежнихъ, князя Оболенскаго, полковника Нарышкина и его, Семенова; да принялъ полковника Митькова, Якова Толстаго и Миклашевскаго. Вскорѣ потомъ гвардія выступила въ походъ, и дѣйствія Общества прекратились. Семеновъ не знаетъ, имѣло ли оно Уставъ; онъ прибавляетъ, что ни Тургеневъ, ни другіе члены сего Общества не обнаруживали при немъ (Семеновѣ) злодѣйственныхъ намѣреній противъ императорской фамилии.

«Только въ исходѣ 1822 года, сіе Петербургское, или Сѣверное Общество снова образовалось. Его раздѣлили на Убѣжденнныхъ и Соединенныхъ или Согласныхъ. Союзъ Убѣжденнныхъ или Верхній Кругъ состоялся изъ основателей.

«Главными изъ сихъ основателей, или возобновителей Общества, по словамъ Никиты Muравьевъ, были: онъ самъ, князь Оболенскій и Николай Тургеневъ, который однако же не участвовалъ въ принятіи новыхъ членовъ. Въ обоихъ отдѣленіяхъ Сѣвернаго Общества, Соединенныхъ и Убѣжденнныхъ, равно какъ и въ Южномъ, членовъ принимали безъ всякихъ обрядовъ».

7-й фактъ. Въ томъ же дополненіи къ Донесенію упоминается обѣ этомъ фактѣ слѣдующее:

«Въ концѣ 1823 г., рѣвшись для лучшаго успѣха имѣть трехъ предсѣдателей, присоединили къ нему князя Сергѣя Трубецкаго, лишь возвратившагося изъ-за границы, и князя Евгенія Оболенскаго».

«Мѣсто правителя предлагали Николаю Тургеневу; онъ отказался за нездоровьемъ, множествомъ иныхъ занятій и худымъ успѣхомъ его предсѣдательства въ Москвѣ».

8-ой фактъ. По поводу этого и слѣдующаго обвиненія, въ высшей

степени важно точно опредѣлить даты, на основаніи всего сказанного въ Донесеніи:

«Въ 1825 г. былъ и самъ Пестель (въ Петербургѣ)... ему противились во многомъ, и однажды онъ, въ нетерпѣніи ударивъ по столу, сказалъ: такъ будеть же республика; всѣ согласились съ его мнѣніемъ и видами. Но члены Петербургскаго Общества показываютъ другое... По словамъ Никиты Муравьевы, Пестель послѣ прѣѣзда въ Петербургъ на собраніи при князѣ Трубецкомъ, Оболенскомъ, Николаѣ Тургеневѣ, Рылѣевѣ, Матвѣѣ Муравьевѣ-Апостолѣ, жаловался на недѣятельность Сѣвернаго Общества, предлагалъ слить оба Общества въ одно, назвать Боярами главныхъ петербургскихъ членовъ, имѣть однихъ начальниковъ, всѣ дѣла решать большинствомъ голосовъ Бояръ, обязать ихъ и прочихъ членовъ повиноваться слѣпо симъ рѣшѣніямъ; предложеніе было принято, какъ сказали князь Трубецкой Никитѣ Муравьеву, который не былъ на семъ собраніи».

9-ый и послѣдній фактъ Донесенія. Чрезъ годъ послѣ того (въ исходѣ 1824 г., черезъ годъ послѣ конца 1823 г.) князь Трубецкій отправился въ Кіевъ... на мѣсто князя Трубецкаго сдѣланъ членомъ Директоріи или Думы Рылѣевъ.

Между тѣмъ и въ Петербургскомъ Обществѣ явилась болѣшая противъ прежняго и беспокойная дѣятельность, особенно со временеми вступленія Рылѣева въ Думу на мѣсто князя Сергія Трубецкаго. Онъ и принятый имъ въ апрѣль 1825 г., причисленный къ Верхнему Кругу Александръ Бестужевъ, тѣсно связанный съ нимъ... ревностнѣе всѣхъ старались распространять свои правила и умножать число сообщниковъ, хотя Бестужевъ и утверждаетъ, что съ первого засѣданія его въ Кругѣ Убѣжденныхъ онъ увѣрился въ искаженности силъ ихъ Общества... Имъ и Рылѣевымъ, прямо и чрезъ другихъ, приняты многіе новые члены».

Въ числѣ этихъ новыхъ членовъ въ Донесеніи названъ Торсонъ, время поступлѣвія коего опредѣлено, слѣдовательно, точнымъ образомъ; оно послѣдовало въ 1825 г.

Около сего же времени, сказано въ Донесеніи, то-есть въ теченіе 1825 г., члены Сѣверной Думы познакомились съ пріѣхавшимъ изъ Грузіи капитаномъ Якубовичемъ».

«Осеню въ седьмь же 1825 году, другой человѣкъ (подполковникъ Батеньковъ)... вошелъ случайно въ пріятельскія связи съ Рылѣевымъ и Александромъ Бестужевымъ».

«Пріѣздъ сего послѣдняго (Якубовича) въ Петербургъ, его разговоры, объявленный имъ умыселъ, сильно дѣйствовали на тогдашняго начальника Сѣверной Думы, Рылѣева... «Вотъ увидишь, когда возвратится государь (изъ Таганрога), мы что-нибудь

предпримемъ», сказаль онъ въ отвѣтъ на вопросъ Пущина, что они дѣлаютъ.

На вопросъ «что дѣлать, если государь не согласится на ихъ условія? онъ (Рыльевъ) сказаль: не вывезти ли за границу? Къ сему мнѣнію пристали: Трубецкой, Никита и Матвѣй Муравьевы, Оболенскій и Николай Тургеневъ, и что для сего ему отъ Думы велѣно приготовлять Кронштадтскій флотъ, чрезъ надежныхъ офицеровъ».

Въ этихъ девяти пунктахъ извлечены изъ Донесенія слѣдственной комиссіи всѣ мѣста, въ коихъ упоминается имя Николая Тургенева.

Первый фактъ.

Относительно этого факта въ оправданіе достаточно будетъ привести объясненія, заимствованныя изъ самаго же Донесенія слѣдственной комиссіи.

1) Общество «Русскихъ рыцарей», второе изъ упомянутыхъ въ Донесеніи, осталось, по словамъ того же Донесенія, въ проектѣ, который не былъ осуществленъ и Общество не было составлено.

2) Намѣреніе, которое имѣлъ генераль-маиръ Михаилъ Орловъ при составленіи этого проекта, который не былъ выполненъ, было чисто и невинно, такъ какъ онъ хотѣлъ представить его на утвержденіе его императорскаго величества; это обстоятельство не было известно Тургеневу, но оно подтверждается Донесеніемъ. Оба эти обстоятельства лишаютъ вышеупомянутые факты характера виновности; они говорятъ въ оправданіе Тургенева и не опровергаются показаніями другихъ лицъ.

Сверхъ того Николай Тургеневъ присовокупляетъ, что онъ никогда не видаль графа Мамонова и что генералъ Орловъ сообщилъ ему только обряды двухъ масонскихъ степеней, заимствованные, какъ онъ полагаетъ, изъ уставовъ старинныхъ масонскихъ ложъ, существовавшихъ въ Москвѣ. Наконецъ, что проектъ и даже самое название Общества «Русскихъ рыцарей» не были ему известны до прочтенія Донесенія слѣдственной комиссіи. Точно также до этого времени ему не было известно объ отношеніяхъ, которыя существовали между Александромъ Муравьевымъ и генераломъ Орловымъ.

Самое главное возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано относительно первого факта, заключается въ томъ, что графъ Мамоновъ, который, судя по Донесенію, принималъ въ этомъ обществѣ такое же участіе, какъ Николай Тургеневъ, ни въ чемъ не обвиненъ. Слѣдовательно, этотъ фактъ самъ по себѣ не былъ преступенъ; напротивъ, онъ могъ считаться невиннымъ, ибо не подалъ повода къ преслѣдованію противъ

одного изъ соучастниковъ. Спрашивается, можетъ ли фактъ, признанный невиннымъ, быть вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ виновности? Очевидно нѣтъ.

Но на это могутъ сказать, что если этого факта недостаточно для обвиненія, то онъ все же имѣетъ значеніе какъ внушающей подозрѣніе, которое въ связи съ прочими обвиненіями усиливаетъ ихъ.

Нѣтъ, этого не скажутъ, ибо это значило бы пренебречь самыми элементарными принципами уголовнаго права. Фактъ существуетъ или не существуетъ, онъ доказанъ, или не доказанъ. Если онъ не доказанъ, то естественно онъ не можетъ служить къ обвиненію. Фактъ подозрительный въ связи съ другимъ подозрительнымъ фактамъ еще не имѣетъ значенія доказаннаго факта. Тысячу подозрѣній не равносильны одной уликѣ. Нѣсколько необдуманныхъ поступковъ не составляютъ въ совокупности преступленія. По этому поводу существуетъ нѣсколько выражений, вошедшихъ въ пословицу, коими не слѣдуетъ пренебрегать, несмотря на ихъ обыденность, или, лучше сказать, самая обыденность ихъ свидѣтельствуетъ о томъ, что они суть выраженіе здраваго смысла. Такъ напримѣръ говорятъ: «если къ теплой водѣ прибавить теплую воду да еще теплую воду, то не получишь кипятку». Говорятъ еще: «сто бѣлыхъ кроликовъ не составляютъ одной бѣлой лошади». Точно также на языкѣ уголовнаго права говорятъ: подозрѣнія да подозрѣнія не составляютъ доказательства; неосторожность да неосторожность не составляетъ преступленія.

Этотъ первый фактъ не можетъ внушить даже простаго подозрѣнія; по этому о немъ излишне было бы распространяться.

Надобно еще замѣтить, что показанія свидѣтелей, относящіяся до проекта Общества «Русскихъ рыцарей», отнюдь не могутъ служить доказательствомъ участія Тургенева въ другихъ обществахъ, не имѣвшихъ съ нимъ ничего общаго. Въ дополненіи къ Донесенію доказательства приведены огуломъ, при чемъ между отдѣльными обществами не дѣлается различія. Это смыщеніе представляетъ двоякаго рода неудобство: оно несправедливо усугубляетъ обвиненіе и мѣшає разобраться въ фактахъ.

Второй фактъ.

Вступленіе Николая Тургенева во второе изъ упомянутыхъ въ Донесеніи обществъ, въ Союзъ Благоденствія, составляетъ второй пунктъ обвиненія.

Надобно замѣтить, что первое Общество, названное въ Донесеніи Союзомъ Спасенія, прекратило свое существованіе въ то время когда Николай Тургеневъ вступилъ въ Союзъ Благоденствія. Слѣдовав-

*

тельно, его не можетъ касаться ни одно изъ тѣхъ важныхъ обвиненій, кои предъявляются къ Союзу Спасенія, ибо Донесеніемъ установлено, что это первое Общество не принимало никакого участія въ дѣлѣ 14-го декабря, и что онъ не былъ къ нему причастенъ.

Дѣйствительно, въ Донесеніи говорится, что Общество было преобразовано послѣ того, какъ Якушинъ разорвалъ связь съ Союзомъ Спасенія, что былъ сочиненъ новый уставъ Общества, и оно приняло новое имя Союза Благоденствія. Послѣ этого преобразованія прежнее Общество, вполнѣ измѣнившее свой уставъ, не могло считаться существующимъ, ибо оно отказалось отъ того, чѣмъ оно было, и стало совсѣмъ инымъ. Николай Тургеневъ обвиняется въ принадлежности ко второму Обществу, Союзу Благоденствія, называемому также Обществомъ Зеленої Книги по переплету той книги, въ которой заключался его уставъ, а не къ Союзу Спасенія, которое его вовсе не касается и коего дѣйствія, хотя бы таковыя существовали, и намѣренія, хотя бы ихъ злостьность была доказана, было бы несправедливо приписывать ему.

Что же могло быть преступнаго въ принадлежности ко второму Обществу?

Поводомъ къ осужденію не могло быть то обстоятельство, что Союзъ Благоденствія имѣлъ характеръ тайного общества.

Дѣйствительно, тайныя общества, масонскія ложи и прочія подобнаго рода собранія не были запрещены въ то время въ Россіи, а все то, что не воспрещено закономъ, считается дозволеннымъ. Законъ, коимъ что-либо воспрещается впредь, не имѣеть обратнаго дѣйствія. Этотъ принципъ признается всѣми законодательствами какъ одинъ изъ основныхъ принциповъ охраненія общественнаго порядка. Nulla poena sine lege было всегда неоспоримой аксиомой.

Въ 4 ст. французскаго уголовнаго кодекса, представляющаго какъ бы переводъ этого изреченія, говорится: «Ни какое нарушеніе закона, никакой проступокъ, никакое преступленіе не могутъ подлежать наказанію, если они не были предусмотрѣны закономъ до момента ихъ совершеннія».

Принадлежность къ какому бы то ни было обществу можетъ, сама по себѣ, считаться преступленіемъ лишь по столько, по сколько общество преслѣдуетъ какую-нибудь преступную цѣль.

Если эта преступная цѣль выражена въ уставѣ и въ правилахъ общества, въ такомъ случаѣ самое вступленіе въ общество можетъ, само собою разумѣется, считаться преступнымъ, такъ какъ всякой вступающей въ общество членъ обязанъ прочесть и обсудить его уставъ и правила.

Если преступная цѣль не выражена ясно въ уставѣ, то принадлежность къ обществу можетъ быть поводомъ къ обвиненію только при на-

личности какихъ-либо другихъ уликъ. Надобно доказать не только, что Общество имѣло преступную цѣль, но, кроме того, что обвиняемому члену Общества эта цѣль была извѣстна.

Что цѣль, выраженная въ уставѣ Союза Благоденствія, была невинна, это вытекаетъ изъ разбора его устава, изложенного въ Донесеніи, гдѣ этотъ уставъ изложенъ безо всякихъ упоминаній о дѣйствіяхъ правительства.

Цѣль, указанная въ уставѣ, есть благо отечества; и члены выражали въ немъ намѣреніе служить пособниками правительству въ добрѣ.

Программа дѣятельности четырехъ разрядовъ или отраслей общества заключалась въ занятіяхъ вполнѣ законныхъ, которая можно даже назвать достойными похвалы, хотя въ Донесеніи говорится, что это были весьма обыкновенныя филантропическая и патріотическая мысли, навѣянныя модой. Обыденность идеи еще не можетъ быть поставлена ей въ вину, ибо означаетъ только, что ее проповѣдуютъ многіе и раздѣляютъ почти всѣ, а это бываетъ преимущественно съ тѣми идеями, которые настолько ясны, что онѣ безъ труда признаются здравымъ смысломъ. Что касается моды, вліающей на ходящіе въ обществѣ взгляды, то надобно стараться, чтобы эта мода благопріятствовала распространѣю идеи согласныхъ съ честностью, справедливостью и христіанскимъ ученіемъ. Какъ бы то ни было, въ Зеленої Книгѣ были намѣчены слѣдующіе четыре разряда: человѣколюбіе, образованіе, судо-производство, политическая экономія. Члены первого разряда—человѣколюбія, должны были представлять плоды своихъ наблюдений самому правительству; члены 2-го разряда—образованія, должны были внушать юношамъ школьнаго возраста любовь ко всему отечественному; члены 3-го разряда не должны были уклоняться отъ должностей по выборамъ дворянства или по назначенію правительства въ порядкѣ судебнаго и доводить до свѣдѣнія правительства о дѣйствіяхъ чиновниковъ; наконецъ, члены 4-й отрасли должны были посвятить себя изученію политической экономіи, стараться изыскывать и опредѣлять непреложныя правила общественнаго богатства, способствовать всякаго рода промышленности и противиться монополіямъ.

Всѣ перечисленные пункты устава представляютъ собою дѣятельность весьма почтенную. Было ли это вполнѣ искренно? Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; эти правила нельзя никакимъ образомъ считать только пустымъ предлогомъ, служившимъ для прикрытия преступныхъ замысловъ, коль скоро въ Донесеніи сказано, что нѣкоторые члены предлагали испросить согласіе покойнаго императора на утвержденіе ихъ Общества. Дѣйствительно, если подумать, что это предложеніе было сдѣлано въ самомъ Обществѣ, то это заставляетъ предполагать, что говорившіе были убѣждены въ томъ, что оно вполнѣ согласовалось съ

цѣлью и съ духомъ Общества; говоря не передъ публикой и правительствомъ, а среди своихъ членовъ, они не могли и не желали обманывать сотоварищѣ относительно своихъ собственныхъ намѣреній. Если на это возразить, что только этимъ членамъ и была извѣстна истинная цѣль Общества, слѣдовательно было не достаточно состоять членомъ Общества для того, чтобы знать преступныя цѣли, о коихъ говорится въ Донесеніи, а это равносильно признанію, что участіе въ Обществѣ не есть еще доказательство участія въ преступныхъ замыслахъ и что необходимо имѣть особыя доказательства личной виновности каждого изъ обвиняемыхъ членовъ. Изъ того, что нѣкоторые члены нового Общества, называемаго Союзомъ Благоденствія, были членами Союза Спасенія и изъ того, что Союзъ Спасенія имѣлъ преступныя цѣли и замыслы, еще не слѣдуетъ выводить заключенія, что при составленіи втораго Общества преслѣдовались тѣ же цѣли и намѣренія. Напротивъ, естественно будетъ предположить, что, потерпѣвъ неудачу при примѣненіи нехорошихъ средствъ, они захотѣли дѣйствовать другими законными и правильными путями. Какая же надобность была перемѣнить уставъ Общества и возобновлять его существованіе для того, чтобы заниматься тѣмъ же предметомъ и стремиться къ той же цѣли.

Такъ какъ цѣль Союза Благоденствія ясно опредѣлена уставомъ, то, говоря, что у членовъ существовала иная цѣль, надоно доказать положительно ея существованіе, не довольствуясь однимъ обвиненіемъ. И это доказательство должно относиться къ самому Обществу, а не къ какимъ-либо другимъ обществамъ, которыхъ существовали до него или послѣ него.

Заявленіе, сдѣланное по этому поводу Семеновымъ, могло бы имѣть нѣкоторое значеніе, если бы оно не было единичное и бездоказательное. Но оно туманно и ничего не объясняетъ.

Впрочемъ, что же говорится въ этомъ показаніи? Что только главные члены Общества знали, что оно имѣло цѣлью измѣненіе государственныхъ установленій, а прочие члены узнали объ этомъ намѣреніи впослѣдствіи. Читая это показаніе, невольно являются два соображенія, изъ коихъ одно касается въ частности Николая Тургенева, а другое относится къ цѣли, указанной Семеновымъ.

Находился ли Николай Тургеневъ въ числѣ лицъ, кои знали объ этихъ намѣреніяхъ съ самаго начала, или же онъ вмѣстѣ съ другими узналъ о нихъ впослѣдствіи.

Что это была за цѣль? По словамъ Семенова, это были только одни намѣренія. Но что такое намѣреніе, если оно не приведено въ исполненіе? Кто кромѣ Бога и собственной совѣсти можетъ судить о намѣреніи, если оно не обнаружилось дѣйствіями? Кто на свѣтѣ можетъ знать, какъ далеко идетъ намѣреніе, если оно ничѣмъ не проявляется; кто скажетъ,

на чём оно прекращается и какъ оно вырабатывается въ мысляхъ? Развѣ не можетъ та цѣль, о которой говорить Семеновъ, болѣе нежели какія бы то ни было намѣренія, получить тысячу истолкованій, изъ коихъ одни будутъ преступны, а другіе невинны. Можетъ ли быть что-нибудь менѣе заслуживающее порицанія, менѣе безвредное, болѣе чистое, непорочное и почтенное, нежели желаніе вызвать перемѣну, которая произвела бы улучшеніе въ государственныхъ установленіяхъ.

Если бываютъ такія дурныя перемѣны, то развѣ не бываетъ и прекрасныхъ? Развѣ весь міръ не есть обширное поприще, где ежедневно, ежеминутно все измѣняется, все возобновляется? Развѣ каждый доброжелательный монархъ, издавая новый законъ, не измѣняетъ существующее законодательство, въполномъ убѣжденіи, что онъ его улучшаетъ? Развѣ Россія не подвергается постоянно подобнымъ преобразованіямъ, которыя измѣняютъ и улучшаютъ ея государственные установленія, при томъ болѣе, чѣмъ всякая другая страна, такъ какъ она идетъ быстрѣе остальныхъ по пути цивилизациі, на который она вступила гораздо позднѣе и на которомъ она дѣлаетъ огромные успѣхи. Не согласно ли это постепенное усовершенствованіе Общества и всего человѣчества съ духомъ христіанскаго ученія? Не было ли оно одною изъ сокровенныхъ мыслей покойнаго императора Александра, какъ это доказывали зачастую его поступки и слова и между прочимъ рѣчь, произнесенная имъ на польскомъ сеймѣ. Не есть ли это вѣчная слава Петра Великаго?

Желаніе улучшить государственные установленія можетъ быть причислено къ самымъ похвальнымъ качествамъ, если оно будетъ правильно истолковано. Почему же истолковывать его, основываясь на показаніи Семенова, скорѣе въ дурную, нежели въ хорошую сторону? Гдѣ доказательства того, что оно должно быть истолковано въ дурномъ смыслѣ?

Слѣдовательно, все клонится къ тому, чтобы устранить показаніе Семенова, какъ неточное и бездоказательное, но, предположивъ даже, что оно было бы принято бездоказательно и свидѣтельствовало бы безразлично о невинной или преступной цѣли Общества, во всякомъ случаѣ это показаніе не имѣло бы непосредственнаго отношенія къ Николаю Тургеневу.

Говоря о внутреннемъ устройствѣ Союза Благоденствія, Донесеніе входитъ въ такія подробности, которыя предполагаютъ существованіе прочной и правильной организаціи. Но дѣло въ томъ, что въ дѣйствительности никогда не существовало ни Коренного Союза, ни Коренной Управы, ни законодательной и исполнительной власти, ни верховнаго судилища, ни временной законодательной палаты, ни засѣдателей, ни почетныхъ, ни постыдныхъ книгъ и т. д. Въ самомъ Донесеніи говорится, что верховное правленіе Союза, которое одно имѣло власть

утверждать законы, могло быть установлено тогда только, когда бы Союзъ совершенно составился, но нигдѣ не упоминается о томъ, что онъ былъ составленъ окончательно. Если бы Общество существовало на самомъ дѣлѣ, то самый фактъ его существованія заставилъ бы его соблюдать особенно строго правила, касающіяся денежныхъ средствъ Союза, ибо никакое Общество не можетъ существовать безъ денегъ. Между тѣмъ въ Донесеніи говорится, что правило, касающееся денежныхъ взносовъ, не соблюдалось особенно строго. Если бы Общество проявляло свою дѣятельность, если бы оно рѣшало дѣла, дѣлало постановленія, то отъ этого сохранились бы какіе-либо общественные слѣды. Но ихъ нѣтъ. Ни почетная, ни постыдная книга не могутъ быть разысканы. Николай Тургеневъ долженъ заявить, что, по его мнѣнію, всего этого никогда не существовало, а если и существовало, то онъ этихъ вещей никогда не видаль. Онъ убѣжденъ въ томъ, что все это фантастическое законодательство, всѣ эти правила существовали только на бумагѣ. Если онъ ошибается, если все это дѣйствительно существовало, то во всякомъ случаѣ его мнимое вліяніе въ этомъ дѣлѣ сильнее преувеличено, такъ какъ онъ обо всемъ этомъ ничего не зналъ.

Въ подтвержденіе мнѣнія, высказаннаго Николаемъ Тургеневымъ о вліяніи тайныхъ обществъ въ Россіи, здѣсь кстати будетъ привести его же отзывъ, имѣющій большое значеніе, если принять во вниманіе время, когда онъ былъ высказанъ. Дневникъ, веденный имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ который онъ заносилъ изо дня въ день приходившія ему въ голову мысли, былъ показанъ его братомъ двумъ членамъ верховнаго уголовнаго суда, во время ихъ пребыванія въ Дрезденѣ. Вотъ что записано имъ 16-го августа 1822 года на страницѣ, заполненной сверху до низу и на которой ничего не могло быть вписано позднѣѣ: «На-дняхъ появился рескриптъ касательно масонскихъ ложъ, воспрещающій всѣ тайные общества. Говорить, будто нѣкоторые ревностные масоны сожалѣютъ о ложахъ, что касается тайныхъ обществъ, то никто не говоритъ о нихъ, такъ какъ никто ихъ не знаетъ и не думаетъ, что они существуютъ и могутъ существовать въ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, воспрещеніе ихъ кажется совершенно излишнимъ».

Если присутствіе преступнаго элемента въ организаціи Общества не доказано, если въ его уставѣ не говорится ничего преступнаго, если, вступая въ Общество и состоя его членомъ, можно было не знать о его преступныхъ намѣреніяхъ, то слѣдовательно доказано, что можно было состоять членомъ Общества, не бывъ виноватымъ въ государственномъ преступленіи.

Преступныя цѣли, которыя имѣли нѣкоторые члены Общества, его основатели и прочія лица, должны быть приписаны только тѣмъ лицамъ,

которые преслѣдовали эти цѣли; тѣ же члены Общества, кои не принимали въ нихъ участія, не могутъ считаться виновными, ибо намѣренія, которыхъ человѣкъ преслѣдуетъ лично, касаются только его, такъ какъ и по закону и съ нравственной точки зрењія каждый отвѣтственъ только за самого себя. Если въ обществѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ лицъ, найдутся люди, преслѣдующіе преступныя цѣли, то наказывать людей, соучастіе которыхъ въ этихъ цѣляхъ не можетъ быть доказано, было бы равносильно наказанію за преступленіе другихъ.

Слѣдовательно, принадлежность къ Союзу Благоденствія не есть еще преступленіе. Доказательствомъ этого и вмѣстѣ съ тѣмъ подтвержденіемъ вышесказанного служить то обстоятельство, что не всѣ лица, принадлежавшія къ этому Обществу, были обвинены. Поэтому остается выяснить, принималъ ли Николай Тургеневъ лично участіе въ преступныхъ дѣйствіяхъ или намѣреніяхъ Общества.

Третій фактъ.

Третій фактъ касается проекта основанія журнала, въ намѣреніи издавать который обвиняется Николай Тургеневъ.

Что касается упоминанія о какихъ-то возмутительнаго свойства пѣсняхъ, то сказанного въ самомъ Донесеніи само по себѣ достаточно, чтобы опровергнуть это обвиненіе самымъ положительнымъ образомъ.

1) Въ Донесеніи сказано, что быть можетъ онъ распространялись, но не утверждается, что это было сдѣлано по предписанію тайного общества. Обвиненіе, которое не утверждается положительно и сопровождается словомъ «можеть быть», нельзя признать серьезнымъ. Оно опровергается само собою.

2) Въ Донесеніи не говорится, что эти пѣсни были сочинены Николаемъ Тургеневымъ или кѣмъ-либо изъ членовъ Союза Благоденствія. Хотя бы онъ и были сочинены прочими членами Союза Благоденствія, Николай Тургеневъ не можетъ быть за это отвѣтственъ.

3) Въ Донесеніи не говорится, что Союзу Благоденствія были извѣстны эти возмутительныя пѣсни. И не говорится также, что онъ были извѣстны Николаю Тургеневу, или что онъ подозрѣвалъ объ ихъ существованіи.

4) Въ Донесеніи не приводятся эти пѣсни. Слѣдовательно, нѣть возможности опредѣлить, когда именно онъ были сочинены и въ чемъ состоялъ ихъ возмутительный характеръ.

Что же касается обвиненія, будто Тургеневъ намѣревался издавать журналъ, то онъ отрицаѣтъ самымъ положительнымъ образомъ, чтобы онъ когда-либо принималъ по отношенію къ Союзу Благоденствія подобнаго рода обязательство.

Это обвинение высказано въ Донесеніи въ такихъ выраженияхъ, которые не позволяютъ останавливаться на немъ; ибо Донесеніе не утверждаетъ этого факта, а только говоритъ: «если вѣрить показаніямъ посторонняго свидѣтеля, не подтвержденнымъ сознаніемъ допрошенныхъ».

Николай Тургеневъ не отрицаетъ, что ему приходила мысль издавать журналъ; онъ даже выработалъ его программу. Эта мысль не была приведена въ исполненіе. Но Николай Тургеневъ отрицаетъ то обстоятельство, что этотъ журналъ зависѣлъ когда-либо отъ Союза и что кто-либо поручалъ ему это изданіе, которое онъ намѣревался вести одинъ.

Самъ по себѣ это фактъ ничего незначацій. Для того чтобы издавать журналъ, надобно представить его предварительно на одобреніе цензуры. Можно ли повѣрить, чтобы кто-нибудь былъ настолько безуменъ, чтобы представить въ цензуру преступный проектъ или чтобы цензура была настолько слѣпа, чтобы пропустить проектъ, не просмотрѣвъ его. Или, наконецъ, чтобы этотъ проектъ проскользнулъ безъ вѣдома цензуры и былъ обнародованъ.

Къ этому можно прибавить, что такъ какъ этотъ журналъ никогда не издавался и даже не былъ составленъ, то онъ не можетъ служить предлогомъ къ обвиненію.

Безъ сомнѣнія, и сама комиссія нашла это обвиненіе неосновательнымъ, такъ какъ объ немъ не упомянуто въ дополненіи къ Донесенію.

Въ дополненіи къ Донесенію, въ которомъ приведено это обвиненіе, ссылаются по этому поводу на замѣтку, найденную въ бумагахъ покойнаго императора Александра. Между тѣмъ она служитъ весьма вѣскимъ аргументомъ къ оправданію Тургенева относительно изданія журнала, а равно и вступленія его въ Союзъ Благоденствія.

Выше было замѣчено, что его императорское величество продолжалъ осыпать Николая Тургенева своими милостями и послѣ того какъ ему были известны всѣ обстоятельства дѣла, которыя онъ могъ взвѣсить и которыя однако онъ не вмѣнилъ ему въ преступленіе.

Четвертый фактъ.

Если бы между заговорщиками происходило настоящее совѣщаніе для рѣшенія вопроса о томъ, какой образъ правленія долженъ замѣнить существующее правительство, если бы кто-либо изъ заговорщиковъ высказался за учрежденіе республиканскаго правленія съ президентомъ во главѣ, то это было бы государственнымъ преступленіемъ, заслуживающимъ наказанія по всей строгости закона.

Но если не было ни заговорщиковъ, ни обсужденія подобныхъ во-

просовъ, если не было принято никакого рѣшенія; если иѣсколько фразъ, сказанныхъ на удачу въ разговорѣ и не имѣвшихъ связи съ тѣмъ, что предшествовало и что было сказано вслѣдъ за тѣмъ, при томъ касавшихся вопросовъ чисто теоретическихъ, совершенно не примѣнимыхъ къ русской жизни, были схвачены на лету, невѣрно поняты и истолкованы по прошествіи шести лѣтъ, то мнимое государственное преступление разлетится прахомъ и сведется къ пустымъ разговорамъ, которые не заслуживаютъ вниманія правосудія.

Къ которой же изъ этихъ двухъ, столь различныхъ категорій слѣдуетъ отнести чистртый фактъ, въ которомъ обвиняютъ Николая Тургенева? Внимательное изучевіе Донесенія даетъ намъ возможность рѣшить этотъ важный вопросъ.

Настоящее совѣщеніе и пустой разговоръ двѣ вещи весьма различные. Въ разговорѣ не особенно взвѣшиваются слова; выраженія мѣняются ежеминутно, слѣдя за мыслю; тонъ голоса, выраженія собесѣдника, отступленія, во время которыхъ бесѣдующіе переходятъ отъ одного предмета къ другому, прерывая нить мыслей,—всѣ эти обстоятельства и тысяча другихъ, которыя несравненно легче понять, нежели выразить словами, не позволяютъ придавать слишкомъ большаго значенія тому, что говорится въ простомъ разговорѣ. Слова, сказанныя во время совѣщенія, имѣютъ болѣе важное и серьезнозное значеніе; они должны выражать болѣе опредѣленные мысли и взгляды относительно обсуждаемыхъ вопросовъ.

Понятно, что человѣка можно обвинить за участіе въ совѣщеніи, но, обвиняя его за разговоръ, легко обвинить несправедливо.

Было ли собраніе, происходившее, какъ говорятъ, въ началѣ февраля 1820 г. и характеръ котораго еще надобно выяснить, простымъ разговоромъ или совѣщеніемъ?

Если этотъ вопросъ не рѣшенъ Донесеніемъ, то защита можетъ принять наиболѣе благопріятное изъ этихъ двухъ объясненій, ибо вездѣ принято за правило, что нельзя осуждать человѣка въ случаяхъ, возбуждающихъ сомнѣніе. Между тѣмъ единственное благопріятное для обвиняемаго и правдоподобное объясненіе заключается въ томъ, что означеннное собраніе было не что иное, какъ простой разговоръ. Въ Донесеніи говорится, что по поводу разныхъ формъ правленія были «разговоры и пренія, которые инымъ могли казаться правильными совѣщеніями». Изъ этого слѣдуетъ, что иѣкоторые члены могли смотрѣть на нихъ иначе. Точно также ясно, что хотя ихъ можно было считать совѣщеніями, но это не есть необходимость.

Полковникъ Глинка показалъ дѣйствительно, что политическіе вопросы обсуждались въ обыкновенныхъ разговорахъ, а не на правильныхъ совѣщеніяхъ.

Время для подобного рода серьезныхъ совѣщаній было совершенно не подходящее. Общество могло начать свою дѣятельность только около 1819 г. Въ Петербургѣ Общество приходило въ разрушеніе, и изъ Донесенія не видно, когда именно оно процвѣтало. Подобные заговоры не могутъ вестись обществомъ въ то время, когда его существованіе ви-чѣмъ не обеспечено и организація не выработана. Было ли принято какое-нибудь рѣшеніе? Если бы таковое было принято, то безъ со-мѣнія оно имѣло бы какое-нибудь вліяніе на дальнѣйшій ходъ дѣлъ. Осуществленіемъ его были бы заинтересованы всѣ члены Общества, и это вызвало бы частыя и серьезныя совѣщанія. Но этого не было. Одинъ только Пестель утверждаетъ, что было принято какое-то рѣше-ніе, но свидѣтельство Пестеля заслуживаетъ весьма мало довѣрія. Чрез-вычайно скомпрометированный слѣдствіемъ, онъ думалъ, повидимому, что, пріумножая количество и серьезность обвиненій и уликъ, его соб-ственное положеніе окажется не столь исключительнымъ и необычай-нымъ. Иначе Николай Тургеневъ не можетъ объяснить себѣ обвиненій, взведенныхъ противъ него Пестелемъ; онъ долженъ еще сказать, что тѣ два или три раза въ жизни, когда онъ встрѣчался съ Пестелемъ, послѣдній относился къ нему, повидимому, не особенно сочувственно и доброжелательно.

Говоря, что было принято известное рѣшеніе, Пестель одинъ утверж-даетъ это, всѣ же остальные опровергаютъ это обстоятельство. Все про-исходившее на этомъ совѣщаніи, какъ оно названо въ Донесеніи, не имѣло, по показанію Никиты Муравьевъ, никакого вліянія на образъ мыслей большинства членовъ. Самъ Пестель свидѣтельствуетъ, что «ни одно правило не было постоянно признаваемо». Четыре года спустя, въ 1824 г., въ Петербургѣ, Пестель изображенъ въ Донесеніи жалующимся на бездѣйствіе Сѣвернаго Общества и говорящимъ: «такъ будеть же республика». Что же это за важное рѣшеніе, которое не оказываетъ никакого вліянія, не оставляетъ никакихъ слѣдовъ, и вопреки которому въ нѣсколькихъ преисходившихъ затѣмъ засѣданіяхъ не было рѣчи о республиканскомъ правлениі? Развѣ подобныя рѣшенія забываются, развѣ объ нихъ умалчиваются?

Пестель говорить о томъ, что былъ возбужденъ вопросъ предло-жить корону императрицѣ Елизавете; но объ этомъ обстоятельствѣ не упоминаетъ никто изъ остальныхъ обвиняемыхъ. Между тѣмъ по-добное предложеніе было настолько серьезно, что могло поразить умы и запечатлѣться у всѣхъ въ памяти.

Пестель утверждаетъ, что это заключеніе Коренной Управы было рѣшено сообщить всѣмъ другимъ управамъ и что онъ сообщилъ его Тульчинской. Это послѣднєе обстоятельство, т. е. сообщеніе этого за-ключенія одной лишь Тульчинской управѣ, подтверждается нѣсколь-

кими свидѣтелями; всѣ они заявили, что прочимъ управамъ не было дано никакихъ предписаній. Желаніе Пестеля убѣдить своихъ Тульчинскихъ друзей въ томъ, что въ Петербургѣ стремились къ учрежденію республики, вполнѣ достаточно для того, чтобы объяснить, почему онъ сообщилъ имъ этотъ вымышленный результатъ вымышленныхъ совѣщаній, но это не доказывается, что таковыя совѣщанія когда-либо происходили или что на нихъ было принято какое-либо решеніе.

Мысль объ учрежденіи республики была излюбленной мечтой Пестеля. Онъ хотѣлъ этого въ 1824 г., а изъ Донесенія видно, что онъ требовалъ и въ 1821 г. рѣшительного утвержденія его плана ввести въ Россіи республиканскій образъ правленія. Понятно, что если это была его мысль и его выдумка, то ему хотѣлось убѣдить своихъ друзей въ томъ, что эта мысль раздѣлялась и другими. Онъ надѣялся, вѣроятно, приобрѣсти сторонниковъ своей республиканской мечты, убѣдивъ членовъ, что эта мысль зародилась не въ его головѣ и что не онъ одинъ считалъ ее осуществимой.

Николай Тургеневъ долженъ сказать по этому поводу, что онъ сдѣлался жертвою славы республиканца, которую ему приписывали совершенно неосновательно. Доказательствомъ того, что его именемъ иуваженіемъ, коимъ онъ пользовался, злоупотребили для того, чтобы пустить въ ходъ эту безумную мысль, служитъ показаніе одного свидѣтеля, которое признано серьезной уликой противъ него, ибо оно приводится въ Дополненіи. Это показаніе Бестужева-Рюмина, который, будучи спрошенъ не о самомъ фактѣ, а только о взглядахъ, на вопросъ, какой членъ болѣе склонился къ введенію республиканского образа правленія, отвѣчалъ, что въ Сѣверномъ Обществѣ это былъ Тургеневъ, а въ Южномъ Пестель. Этотъ вопросъ относится къ числу такъ называемыхъ на юридическомъ языке коварныхъ вопросовъ, такъ какъ онъ клонился къ тому, чтобы построить обвиненіе, основываясь не на фактѣ, а на слухѣ, распространенному въ обществѣ. Бестужевъ-Рюминъ никогда не видѣлъ и не могъ видѣть Николая Тургенева. Изъ Донесенія оказывается, что онъ былъ друженъ съ Пестелемъ и Сергеемъ Муравьевымъ и участвовалъ не въ Сѣверномъ, а въ Южномъ Обществѣ; наконецъ, что онъ находился въ Тульчинѣ, а не въ Петербургѣ. Минувшее Бестужева-Рюмина могло быть только отголоскомъ идей Пестеля. Спрашивать его объ этомъ значило предлагать ему коварный вопросъ, и было равносильно тому, что дважды спросить Пестеля и придать его весьма подозрительному свидѣтельству значение двоякаго показанія. Спросить Бестужева-Рюмина, кто изъ членовъ имѣлъ вліяніе на остальныхъ, и придать значеніе отвѣту, основанному не на томъ, что онъ самъ видѣлъ, не на фактахъ, коихъ онъ былъ свидѣтелемъ, но единственно на слухахъ, дошедшихъ до него, значило завѣдомо

быть введеннымъ въ заблужденіе обманчивымъ отвѣтомъ. Нерѣдко случается, что на нѣкоторыхъ лицъ ссылаются безъ ихъ вѣдома, приписывая имъ самыя странныя рѣчи и намѣренія.

Николай Тургеневъ слылъ либераломъ; этого было достаточно, чтобы воспользоваться его именемъ. Но дѣлать его отвѣтственнымъ за уловку, коей онъ сдѣлался жертвою, приписывать ему слова Пестеля и другихъ лицъ, служившихъ отголоскомъ Пестеля, и строить на нихъ обвиненіе было бы большой несправедливостью.

Увлеченіе слухами въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится сдѣлать заключеніе объ обвиняемомъ, нерѣдко бываетъ источникомъ пагубныхъ юридическихъ ошибокъ, вслѣдствіе которыхъ осуждаются люди невинные и которыхъ омрачаютъ собою лѣтописи человѣчества.

Возвращаясь къ разговору, который ставится въ преступленіе Тургеневу, и переходя отъ оцѣнки этого разговора къ обсужденію того участія, которое принималъ въ немъ Николай Тургеневъ, мы наталкиваемся снова на имя Пестеля.

По увѣренію Пестеля, Николай Тургеневъ подалъ голосъ и выразилъ свое мнѣніе слѣдующими словами: «*un Président sans phrases*». Въ Дополненіи, въ общей сводкѣ обвиненій, объ этомъ не упоминается; точно также это обвиненіе не приводится и въ приговорѣ верховнаго уголовнаго суда, между тѣмъ какъ въ Донесеніи слѣдственной комиссіи эти слова приведены какъ одно изъ самыхъ серьезныхъ обвиненій противъ Николая Тургенева. Однако, въ Дополненіи, приложенномъ къ Донесенію, говорится, что Никита Муравьевъ и Сергѣй Муравьевъ-Апостоль подтвердили показаніе Пестеля, въ Донесеніи же упомянуто имя только одного Пестеля. Слѣдовательно, трое свидѣтелей подтверждаютъ, а четверо отрицаютъ это обвиненіе; показаніе Никиты Муравьева будетъ разсмотрѣно далѣе, по поводу шестаго факта. Сергѣй Муравьевъ жилъ обыкновенно въ Тульчинѣ, и Тургеневъ не помнить, чтобы онъ встрѣчалъ его въ Петербургѣ гдѣ-либо кромѣ какъ въ свѣтѣ. Никита и Сергѣй Муравьевы слышали вѣроятно, что Пестель приписывалъ Тургеневу слова, приведенные имъ въ своемъ показаніи, и повторили ихъ по наслышкѣ.

Редакторъ Донесенія былъ правъ, не придавая значенія ихъ показанію, хотя онъ и упоминаетъ немъ въ Дополненіи.

Достойно вниманія, что злодѣйское намѣреніе произвести покушеніе на жизнь императора, принятое, какъ говорятъ, въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій (въ чемъ Тургенева не обвиняютъ), приписывается Донесеніемъ вышеупомянутымъ тремъ лицамъ; поэтому можно допустить, что ихъ личная польза требовала обвинить въ этомъ прочихъ членовъ, которые раздѣлили бы такимъ образомъ тяжесть ихъ личной вины.

Если бы фраза о президентѣ была произнесена, то лица, участвовавшія въ совѣщаніи, конечно, были бы поражены ею, какъ всякаго поражаетъ злостное и неумѣстное слово; они были бы поражены и самой фразой, и тѣмъ, что Николай Тургеневъ, говорившій обыкновенно по-русски, произнесъ эти слова по-французски. Фонъ-Бриггенъ влагаетъ въ уста Н. Тургенева совсѣмъ иныхъ слова. Со стороны Тургенева было бы нелѣпо вставить эту пародію на знаменитыя слова, понятныя въ устахъ аббата Сіеса, который, любя бить на эффектъ и производить впечатлѣніе, произнесъ эти три слова съ глубокомысленнымъ видомъ, не объясняя, по своему обыкновенію, ихъ смысла; но его слова были столь многозначительны, что они показали, до какой степени онъ былъ утомленъ рѣчами всѣхъ тѣхъ, кто говорилъ до него. Эти слова выражали холодное, ужасное рѣшеніе, были умѣстны въ то время и всѣмъ понятны. Но что значила бы эта фраза, сказавшая въ подражаніе Сіесу при обсужденіи политическихъ вопросовъ и не имѣвшая въ данномъ случаѣ никакого смысла. Слова, переданныя Пестелемъ, весьма мало вѣроятны и ничѣмъ не доказаны.

Показанія четырехъ свидѣтелей имѣютъ болѣе вѣса, нежели показанія троихъ лицъ; четыре свидѣтеля, говорящіе въ оправданіе обвиняемаго, имѣютъ болѣе вѣса, нежели трое, обвиняющіе его. Четверо свидѣтелей, показанія которыхъ правдоподобны, имѣютъ болѣе значенія, нежели трое другихъ, показанія которыхъ весьма мало вѣроятны, въ особенности ежели эти три свидѣтеля, въ силу тяготѣющихъ надъ ними обвиненій, подозрительнѣе всѣхъ остальныхъ.

Пятый фактъ.

Этотъ фактъ, о коемъ мы упоминаемъ только для того, чтобы не пропустить ничего заключающагося въ Донесеніи, не содержитъ никакого обвиненія, такъ какъ въ немъ говорится лишь о томъ, что было объявлено объ уничтоженіи Союза.

Объясненія требуетъ только одинъ пунктъ, касающійся званія депутата, коимъ будто-бы былъ облечень Николай Тургеневъ при поѣздкѣ въ Москву.

Надобно было, говорится въ Донесеніи, опредѣлить точнѣйшимъ образомъ цѣль Общества и дѣйствія онаго.

Въ какомъ положеніи находилось въ то время Общество? Оно было близко къ распаденію, а между тѣмъ члены заговорили о необходимости точнѣе опредѣлить его цѣль. Но что же слѣдуетъ думать въ такомъ случаѣ о рѣшеніи установить республиканскій образъ правленія? Едвѣли что-нибудь могло быть серьезнѣе и опредѣленнѣе намѣренія созвер-

шить преступный переворотъ. Могла ли послѣ этого быть рѣчъ о цѣли, къ которой стремилось Общество.

Дѣло въ томъ, что Николай Тургеневъ долженъ былъ отправиться въ это время по семейнымъ дѣламъ въ Москву и въ Симбирскъ, отстоящій отъ Москвы въ 800 верстахъ. Узнавъ о томъ, что нѣкоторые члены Общества, наскучивъ его бездѣятствіемъ, выразили желаніе, чтобы въ Москвѣ состоялся съѣздъ членовъ, онъ заявилъ имъ, что онъ могъ бы присутствовать на этомъ собраніи. Вотъ какимъ образомъ онъ явился на немъ депутатомъ.

Но хотя бы дѣло шло о посылкѣ настоящихъ депутатовъ и о поѣздахъ, совершенной именно съ этой цѣлью, можно ли осуждать ее, коль скоро результатомъ ея было расторженіе Общества? Впрочемъ, это и не вмѣняется ему въ преступленіе. Но, отдавая честь умѣренности, выказанной Николаемъ Тургеневымъ, ему ставить въ вину, что онъ участвовалъ въ мнимомъ расторженіи Общества, которое было уничтожено только для того, чтобы преобразовать его на наиболѣе прочныхъ началахъ. Это обвиненіе относится къ 6-му факту.

Шестой фактъ.

Этотъ фактъ состоить въ обвиненіи Николая Тургенева въ томъ, что онъ участвовалъ въ преобразованіи Общества, которое имъ же было объявлено закрытымъ въ исходѣ февраля мѣсяца 1820 г.

Если распущеніе Общества было, какъ сказано въ Донесеніи, только мнимымъ и придуманнымъ, съ цѣлью усилить Кореннюю Управу, то какъ могло случиться, что Пестель и Юшневскій въ Тульчинѣ отказались дать свое согласіе на то, чтобы Общество было разрушено. Если бы Общество было разрушено только для вида, то подобная мѣра, безъ сомнѣнія, подверглась бы предварительно обсужденію совмѣстно съ такимъ влиятельнымъ членомъ, каковъ былъ Пестель. Если же онъ обсуждалъ ее, то могъ ли онъ отказаться впослѣдствіи изъявить на это свое согласіе? Какимъ образомъ могъ Никита Муравьевъ утверждать, что Петербургское Общество было, по менышей мѣрѣ, совершенно разстроено? Самая меньшая степень совершенного разстройства могла быть ни чѣмъ инымъ, какъ дѣйствительнымъ разрушеніемъ Общества.

Большая часть членовъ изъ него вышла, говорить онъ. Какие же члены остались и гдѣ же они остались, коль скоро Общество было «по менышей мѣрѣ совершенно разстроено».

Петербургскому или Сѣверному Обществу удалось снова образоваться только въ исходѣ 1822 г., говорится далѣе въ Донесеніи. Съ другой стороны, въ Донесеніи же сказано, что бывшіе въ Москвѣ руководители

Общества, съехавшися для того, чтобы объявить объ его распущеніи, тогда же рѣшили составить со временемъ новое общество. Такъ какъ новое общество должно было состояться только со временемъ, следовательно, общество было распушено не для вида.

Николай Тургеневъ не могъ принимать участія ни въ какихъ дѣйствіяхъ Общества, следовавшихъ непосредственно за его распущеніемъ, ибо онъ тотчасъ уѣхалъ изъ Москвы въ Симбирскъ. День его отѣзда легко можетъ быть выясненъ, по тому, какого числа имъ была взята подорожная. Поэтому не упоминается болѣе его имени въ Донесеніи при описаніи того, что происходило со времени распушенія Общества и до возвращенія въ Петербургъ.

Для того, чтобы сказать, что Николай Тургеневъ принималъ участіе въ составленіи нового общества, нужно доказать, что это общество дѣйствительно существовало, и указать его цѣль и дѣйствія. Между тѣмъ всѣ документы, на которые ссылается Донесеніе, и всѣ показанія, о коихъ въ немъ упоминается, крайне сбивчивы и противорѣчивы.

Въ Донесеніи ничего не говорится ни о дѣйствіяхъ, ни объ операцияхъ этого общества. Якушкинъ утверждаетъ, что общество получило новое название, коего онъ непомнить; онъ говорить кромѣ того объ его новомъ уставѣ, котораго никто не знаетъ. Фонъ-Визинъ заявляетъ, что все дѣло окончилось одними предположеніями и признаніемъ, не однократно повтореннымъ, что никакая цѣль не оправдываетъ средствъ; но въ Донесеніи не указано, что это была за цѣль, и какія это были средства. Показанія Якушкина и Фонъ-Визина противорѣчать однодругому; можно ли поэтому признать ихъ такими показаніями, на которыхъ можетъ быть основано обвиненіе?

Въ одномъ примѣчаніи сказано, что Николай Тургеневъ, возвратясь изъ Москвы въ 1821 г., началъ, вѣроятно въ Петербургѣ, составлять новое тайное общество. Это показаніе Семенова плохо вяжется съ тѣмъ мѣстомъ Донесенія, къ которому относится сказанное примѣчаніе и въ которомъ говорится положительно, что Петербургское или Сѣверное Общество удалось снова образовать только въ исходѣ 1822 г. Тутъ же названы имена трехъ членовъ, принадлежавшихъ къ прежнему обществу, которыхъ Николай Тургеневъ уѣхалъ вступить въ новое общество. Кромѣ того названы три новыхъ члена, будто бы имъ привлеченные, что противорѣчить примѣчанію, въ коемъ говорится, что Николай Тургеневъ не участвовалъ въ принятіи новыхъ членовъ. Возможно ли основывать столь серьезное обвиненіе на такихъ несвязныхъ и противорѣчивыхъ показаніяхъ? Промежутокъ времени, протекшій между моментомъ расторженія общества и роковыми событиями, совершившимися въ декабрѣ мѣсяцѣ 1825 г., вполнѣ объясняетъ, какимъ образомъ свидѣтели могли перепутать въ своемъ воспоминаніи

ній даты по прошествіи столь долгаго времени, коль скоро при самомъ производствѣ слѣдствія, какъ видно изъ Донесенія, не старались точнѣе выяснить эти даты.

Николай Тургеневъ сохранилъ и послѣ расторженія Общества со многими изъ его членовъ личныя отношенія. Весьма понятно, что въ 1826 г. обвиняемые, смущенные тяготѣвшимъ надъ ними важнымъ обвиненіемъ, плохо отдавали себѣ отчетъ въ числахъ и повидимому примѣщали имя Тургенева къ такимъ событиямъ, коимъ онъ былъ чуждъ. Показанія обвиняемыхъ, которые дрожали за свою участіе, преувеличивали значеніе каждого сказанного ими слова и думали гораздо болѣе о себѣ, нежели о прочихъ обвиняемыхъ, не отмѣчены тѣмъ спокойствіемъ духа, тѣмъ отсутствіемъ страха и тѣмъ безпристрастіемъ при изложеніи своихъ воспоминаній, которыхъ составляютъ непремѣнное условіе довѣрія къ свидѣтельскимъ показаніямъ.

Никита Муравьевъ называетъ Николая Тургенева въ числѣ основателей или преобразователей новаго Общества.

Но дѣло въ томъ, что Никита Муравьевъ отлично зналъ, что Николай Тургеневъ не придавалъ никакого значенія тайнымъ обществамъ; онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ часто Тургеневъ смѣялся надъ ними, и самъ не рѣдко смѣялся вмѣстѣ съ ними надъ этими обществами. Николай Тургеневъ долго не могъ понять показанія столь мало согласнаго съ истиной. Впослѣдствіи, ему передавали, будто Никита Муравьевъ говорилъ близкимъ роднымъ, что все то, что онъ будто бы рассказывалъ о Тургеневѣ, не правда.

Жена Муравьева, которую можно назвать, не компрометтируя ее, такъ какъ ея уже нѣтъ на свѣтѣ, говорила не разъ, что она слышала отъ мужа, что хотя онъ и показалъ противъ Тургенева и хотя эти показанія имъ подписаны, но они не согласны съ истиной и что онъ находился въ то время въ такомъ душевномъ разстройствѣ, что не зналъ, что говорить.

Обвиненіе въ составленіи новаго общества является въ приговорѣ Верховнаго уголовнаго суда въ числѣ поводовъ къ осужденію Тургенева. Въ дополненіи, приложенномъ къ Донесенію, сказано, что четверо свидѣтелей показали, будто Тургеневъ участвовалъ въ возстановленіи Общества. Эти лица суть Никита Муравьевъ, Трубецкой, Орловъ и Матвѣй Муравьевъ.

Показаніе Никиты Муравьева только-что нами разсмотрѣно.

Относительно князя Трубецкаго читаемъ въ Донесеніи: «потомъ въ концѣ 1828 г., рѣшили... присоединить (къ Обществу) князя Сергѣя Трубецкаго, лишь возвратившагося изъ-за границы».

Но, если князь возвратился въ Петербургъ лишь въ исходѣ 1823 г., и если онъ находился за границей въ то время, когда, по указанію

Донесенія, Общество было составлено, т. е. съ 1822 г., то нельзя ссылаться на его показаніе въ доказательство факта, случившагося за годъ до его приѣзда.

Можетъ ли показаніе Орлова относиться къ факту составленія Общества въ 1822 г.? Очевидно нѣтъ. Имя Орлова упоминается въ Донесеніи дважды: во-первыхъ по поводу не осуществленнаго проекта Общества «Русскихъ рыцарей» и его поступленія въ іюль мѣсяца 1820 г. въ члены Союза Благоденствія; во-вторыхъ, обѣ немъ упоминаются какъ о человѣкѣ, принимавшемъ въ началѣ 1821 г. въ Москвѣ участіе въ распущеніи Союза Благоденствія. Въ Донесеніи говорится даже, что онъ заявилъ письменно о своемъ нежеланіи принадлежать долгѣ къ Обществу и твердо настаивалъ на этомъ, несмотря на убѣжденія и настоянія его товарищей. Имя генерала Орлова болѣе въ Донесеніи не упоминается, и въ немъ нѣтъ никакого указанія на то, что онъ былъ впослѣдствіи членомъ какого-нибудь общества. Слѣдовательно, онъ не могъ давать показаній относительно позднѣйшаго составленія Общества въ то время, когда онъ уже не участвовалъ болѣе ни въ какомъ обществѣ. О возстановленіи какого же общества могъ говорить Орловъ Тургеневу, который, уѣхавъ изъ Москвы въ 1821 г., болѣе не возвращался туда и не поддерживалъ съ нимъ никакой переписки и никакихъ отношеній?

Что могъ сказать Матвѣй Muравьевъ? Изъ документовъ слѣдственнаго дѣла видно, что онъ не участвовалъ въ новомъ обществѣ, составившемся въ Петербургѣ; слѣдовательно, онъ не могъ дать показаній относительно тѣхъ обстоятельствъ, коими сопровождалось составленіе и пробразованіе этого общества. Трудно вѣритъ Матвѣю Muравьеву, который далъ еще сначала нѣкоторая показанія противъ Тургенева, а затѣмъ отказался онъ нихъ.

Въ Донесеніи перепутаны факты и даты; эта путаница должна была ввести въ заблужденіе судей и въ особенности тѣхъ свидѣтелей, коихъ показаніями судьи должны были руководиться при произнесеніи приговора. Въ Дополненіи замѣчается также огромная путаница: въ немъ не дѣлается никакого различія между отдѣльными обществами, о коихъ говорится въ Донесеніи, и которыхъ, по его словамъ, смѣнялись одно другимъ. Внеся въ факты, изложенные въ Донесеніи, нѣкоторый порядокъ, мы видимъ, что обвиненіе въ заговорѣ и злонамѣренныхъ умыслахъ тяготѣетъ главнымъ образомъ надъ Южнымъ Обществомъ. Таковыя цѣли приписываются Сѣверному Обществу уже въ болѣе позднее время. Слово заговоръ произнесено въ Донесеніи по отношенію къ этому Обществу послѣ отѣзда Николая Тургенева въ Карлсбадъ, а именно по поводу поѣздки князя Трубецкаго въ Киевъ, состоявшейся годъ спустя послѣ оконченія 1823 г. По словамъ Донесенія,

**

Рыльевъ былъ назначенъ членомъ Управы послѣ отъѣзда князя Трубецкаго, т. е. въ исходѣ 1824 г., а Сѣверное Общество проявило тревожную дѣятельность, которая постоянно усиливалась, послѣ того какъ князь Сергій Трубецкой былъ замѣщенъ Рыльевымъ. Николай Тургеневъ не можетъ быть обвиненъ въ участіи въ этой тревожной дѣятельности, такъ какъ она обнаружилась, по словамъ Донесенія, во время его отсутствія пзъ Россіи.

Въ Донесеніи говорится слѣдующее: «по всему видно, что сія мысль (о вооруженномъ возстаніи) родилась въ нихъ не прежде 1821 года, и вѣроятно вслѣдствіе незадолго предъ тѣмъ бывшихъ революцій въ Испаніи, Неаполѣ и Піемонтѣ». Мысль о вооруженномъ возстаніи безъ сомнѣнія весьма преступна, но за нее могутъ быть отвѣтственны только тѣ лица, кои возъимѣли ее. Союзъ Благоденствія былъ расторгнутъ въ 1821 году, а новое общество образовалось въ 1822 г. Весьма странно утверждать, что серьезное и преступное намѣреніе произвести вооруженное возстаніе могло возникнуть именно въ 1821 г., когда старое общество уже не существовало, а новое еще не было составлено.

При такой путаницѣ чиселъ, которыя взаимно противорѣчать другъ другу, Николаю Тургеневу невозможно придерживаться при изложении намѣреній, приписываемыхъ членамъ вновь составленного общества, ни текста Донесенія, ни дополненія къ нему. Необходимость быть понятнымъ вынуждаетъ его ограничиться разсмотрѣніемъ тѣхъ фактовъ, по поводу которыхъ упоминается его имя.

Седьмой фактъ.

Седьмой фактъ, т. е. отказъ занять мѣсто директора, не составляетъ самъ по себѣ обвиненія, ибо Николаю Тургеневу не было въ то время известно о существованіи нового Общества. Этотъ фактъ не имѣть самъ по себѣ никакого значенія.

Что же можно заключить изъ него, какъ не то, что Николай Тургеневъ не принадлежалъ къ этому Обществу и уклонился отъ всякихъ соучастій въ немъ?

Восьмой фактъ.

Восьмой фактъ, относящийся къ 1824 г. и заключающійся, по словамъ Донесенія, въ томъ, что Тургеневъ присутствовалъ, послѣ пріѣзда въ Петербургъ Пестеля, на одномъ собраніи Общества, приведенъ столь бездоказательно, что на немъ едва-ли стоитъ останавливаться и опровергать его. Николай Тургеневъ упоминается въ спискѣ лицъ,

кои будто бы присутствовали на собраниі, на которомъ Пестель жаловался на бездѣйствие Сѣвернаго Общества, на недостатокъ въ немъ единства и опредѣленныхъ правилъ и сказалъ:—«а все-таки у насъ будетъ республика».

Мѣсяцъ и число, когда состоялось это собраниѣ въ 1824 г., въ точности не опредѣлены; вслѣдствіе этого нельзя провѣрить, не уѣхалъ ли уже Тургеневъ въ Карлсбадъ въ то время, когда состоялось это собраниѣ. Онъ выѣхалъ изъ Петербурга 9-го апрѣля 1824 г.

Его называютъ въ числѣ присутствовавшихъ на собраниї, но въ Донесеніи не упомянуто ни одного факта, который касался бы его лично и могъ бы свидѣтельствовать объ его присутствії. Кѣмъ онъ былъ названъ? Никитою Муравьевымъ, о показаніяхъ котораго можно судить по объясненіямъ, имъ даннымъ относительно предыдущаго факта.

Никита Муравьевъ говорилъ только по слухамъ, такъ какъ онъ самъ не присутствовалъ на засѣданії. Показанія, основанныя на слухахъ, бываютъ крайне обманчивы; поэтому было бы опасно допускать ихъ въ уголовномъ судопроизводствѣ. Когда дѣло идетъ о государственномъ преступленіи, то требование предъявить болѣе ясныя доказательства не можетъ быть названо излишнимъ.

Девятый фактъ.

Этотъ фактъ самъ по себѣ и по гнусному преступленію, въ коемъ обвиняется Николай Тургеневъ, есть самое важное изо всѣхъ относящихся къ нему обвиненій. Онъ заключается въ томъ, что Тургеневъ подаль будто бы голосъ за удаленіе императора за границу. Между тѣмъ этотъ фактъ опровергается однимъ обстоятельствомъ, которое считается въ уголовномъ дѣлопроизводствѣ не допускающимъ возраженій.

Николай Тургеневъ доказываетъ свое алиби (т. е. что онъ не присутствовалъ въ мѣстѣ преступленія въ моментъ его совершенія). Онъ находился въ Неаполѣ въ то время, когда въ Петербургѣ совершилось преступленіе, въ соучастіи въ которомъ его обвиняютъ. Мы уже видѣли по выдержкамъ изъ Донесенія, относящимся къ этому факту, что онъ могъ совершиться только въ исходѣ 1825 г.

Рыльевъ былъ въ то время членомъ Директоріи. Александръ Бестужевъ, Якубовичъ, Батеньковъ, Штейнгель, Торсонъ названы дѣятельными его соучастниками.

Между тѣмъ Рыльевъ замѣнилъ князя Трубецкаго, какъ членъ Директоріи или Думы въ исходѣ 1824 г. Рыльевъ, совмѣстно съ Александромъ Бестужевымъ, котораго онъ посвятилъ въ тайну и который

былъ причисленъ къ Верхнему Кругу съ апрѣля мѣсяца 1825 г., привлекъ въ Общество Торсона; оба они привлекли осенью Батенькова и познакомились съ Якубовичемъ. Баронъ Штейнгель, вновь поступившій членъ Общества, прибылъ въ Петербургъ въ сентябрѣ 1825 г. Николай Тургеневъ уѣхалъ въ Кронштадтъ¹⁾ 9 апрѣля 1824 г. Онъ былъ въ Неаполѣ въ то время, когда происходила сцена, при которой, по словамъ Донесенія, онъ яко бы присутствовалъ. Двадцать страницъ, написанныхъ въ его оправданіе, были бы менѣе содержательны и менѣе убѣдительны, нежели это сопоставленіе фактъ. Я рѣшительно отвергаю это важное обвиненіе, высказанное столь легкомысленно. Простое объясненіе не нуждается ни въ какомъ поясненіи, когда оно столь убѣдительно.

Заключеніе.

Нами внимательно разсмотрѣны всѣ факты, касающіеся Николая Тургенева въ Донесеніи слѣдственной комиссіи. Что же мы видимъ? Что онъ вступилъ въ общество, называемое Союзомъ Благоденствія, въ 1819 г. и вышелъ изъ него въ 1821 г., при чемъ это Общество, въ уставѣ и правилахъ котораго не было ничего предосудительнаго, ничѣмъ не проявило своего существованія, такъ что даже его члены не могли думать, что оно начало серьезно дѣйствовать.

Николай Тургеневъ совершенно былъ не причастенъ къ Обществу, существовавшему ранѣе, т. е. къ Союзу Спасенія, коему приписываются преступныя цѣли. Что же касается Общества «Русскихъ рыцарей», то оно вовсе не было составлено; къ тому же оно имѣло столь невинныя цѣли, что для составленія его предполагалось даже исходить отъ соизволенія императора.

Простой разговоръ, изложенный весьма неточно, коего истинный смыслъ и подлинныя выраженія трудно даже уловить изъ противорѣчивыхъ свидѣтельскихъ показаній, изображенъ въ Донесеніи какъ важное преступленіе, между тѣмъ какъ обѣ немъ вовсе не упоминается въ Дополненіи, которое должно было представлять собою сводку всѣхъ обвиненій, хотя въ сущности оно зачастую не согласуется съ Донесеніемъ.

Слова *up Président sans phrases*, которыя были бы ужасны, если бы они не были такъ нелѣпы, кажутся при болѣе внимательномъ обсужденіи невѣроятными и приведены совершенно бездоказательно. Такой незначительный самъ по себѣ фактъ, какъ намѣреніе издавать журналъ, который остался при томъ неосуществленнымъ, не можетъ имѣть

¹⁾ Такъ въ подлиннике.

никакой связи съ тайными обществами, ибо журналъ, какъ изданіе гласное, не могъ имѣть ничего общаго съ характеромъ этихъ обществъ.

Николай Тургеневъ былъ такъ далекъ отъ мысли содѣйствовать осуществленію политическихъ плановъ, имѣвшихъ что-либо общее съ Союзомъ Благоденствія, что онъ употребилъ въ 1821 г. все свое влияніе и все значеніе, какими онъ пользовался, чтобы добиться расторженія Общества.

Благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, онъ сблизился впослѣдствіи съ нѣкоторыми бывшими членами Общества, но не былъ связанъ съ ними общностью дѣйствій или взглядовъ. Впослѣдствіи оказалось, что нѣкоторые сочлены одного съ нимъ Общества приняли участіе въ возмущеніи, которое такъ пагубно отразилось на Россіи. Тургеневъ находился въ то время уже около двухъ лѣтъ за границею; его не обвиняютъ за это время ни въ веденіи преступной переписки, ни въ какихъ-либо проискахъ и козняхъ. Легкомысліе, съ какимъ онъ былъ обвиненъ, доходило до того, что его обвиняютъ въ подачѣ голоса на собраніи, происходившемъ въ Петербургѣ въ то время, когда онъ находился въ Неаполѣ.

Будучи въ отсутствіи, онъ написалъ оправданіе, не зная еще всѣхъ фактовъ, обнаруженныхъ Донесеніемъ слѣдственной комиссіи, и это отразилось, само собою разумѣется, на его оправдательной запискѣ. Президентъ почтительной любви и преданности къ августейшей особѣ императора Александра, онъ узналъ съ величайшимъ прискорбиемъ о томъ, что его считали соучастникомъ заговора противъ обожаемаго имъ монарха.

Донесеніе раскрываетъ весьма прискорбные факты, но въ немъ встрѣчается также не мало ошибокъ. Николая Тургенева не удивляютъ ошибки, касающіяся его лично и послужившія поводомъ къ его обвиненію, такъ какъ отсутствіе изъ Петербурга помѣшало ему опровергнуть ихъ.

Николай Тургеневъ приговоренъ къ смертной казни за то, что онъ былъ знакомъ съ нѣкоторыми лицами, принявшими, послѣ его отѣзда изъ Россіи, участіе въ возмущеніи 14-го декабря 1825 г., за то, что онъ бесѣдовалъ съ ними о предметахъ, касающихся вопросовъ человѣколюбія и политики, за то, что онъ мечталъ объ улучшеніяхъ въ судопроизводствѣ и воспитаніи, которая имъ самимъ были призваны впослѣдствіи неосуществимыи и отъ которыхъ онъ торжественно отказался. Если смертная казнь и ссылка должны постигнуть тѣхъ лицъ, кои при самыхъ благихъ намѣреніяхъ и самыхъ невинныхъ цѣляхъ имѣли какія-либо отношенія къ людямъ, бывшимъ въ то время преступными или сдѣлавшимся таковыми впослѣдствіи, то Николай Тургеневъ заслуживаетъ ссылки и смерти. Если же, согласно божескому и человѣче-

скому закону, всякий ответственъ только за свои собственные поступки, то Николай Тургеневъ долженъ быть признанъ невиннымъ на основаніи самаго Донесенія слѣдственной комиссіи. Если судить о немъ на основаніи его убѣждений, то невольно является вопросъ, совмѣстимы ли приписываемыя ему преступныя мысли относительно республиканскаго образа правленія, которыя могли осуществиться только при покушеніи на жизнь императора Александра, совмѣстимы ли они съ его глубокою преданностью и горячей любовью къ этому монарху? Если судить о немъ по его стремлениамъ, то невольно спросишь, совмѣстима ли всецѣло поглощавшая его мысль объ освобожденіи крестьянъ съ идеей о какомъ-либо иномъ образѣ правленія кромѣ неограниченной монархіи? и если только воля монарха могла безпрепятственно совершить это трудное дѣло, то можно ли повѣрить, что онъ готовъ былъ содѣйствовать измѣненію образа правленія?

Николай Тургеневъ находить нужнымъ повторить, что только его отсутствіе могло придать иѣкоторое значеніе взведеннымъ противъ него обвиненіямъ. Нынѣ же онъ возлагаетъ всю свою надежду на справедливость, съ какою будуть разсмотрѣны его поступки, и на чистосердечіе, съ какимъ онъ объясняетъ ихъ.

Императоръ желасть лучше простить десятерыхъ виновныхъ, нежели наказать одного невиннаго. Это августейшее слово, поставленное въ главѣ Донесенія, даетъ Николаю Тургеневу смѣлость надѣяться, что все то, что онъ говоритъ въ свою защиту, будетъ выслушано съ тою благосклонностью и съ тѣмъ человѣколюбiemъ, которыя заставляютъ радоваться уменьшенію числа виновныхъ. Общественное мнѣніе считало его преступнымъ до тѣхъ поръ, пока о немъ судили по слухамъ и по той репутаціи, какою онъ пользовался. Поэтому въ числѣ главныхъ свидѣтелей, обвинявшихъ его, является Бестужевъ-Рюминъ, который называетъ его однимъ изъ самыхъ ревностныхъ сторонниковъ республиканскаго образа правленія, хотя онъ никогда не видѣлъ Тургенева и не могъ его видѣть.

Такъ какъ нынѣ Тургенева будутъ судить только по его поступкамъ, то онъ навѣрно будетъ признанъ невиннымъ.

Толки должны смолкнуть, когда заговорить судебная власть.

О преобразованіи учебныхъ заведеній.

Рескриптъ императора Николая — А. С. Шишкову.

14-го мая 1826 г.

Александръ Семеновичъ! Обозрѣвая съ особеннымъ вниманіемъ устройство учебныхъ заведеній, въ коихъ Россійское юношество обращается на службу государству,—я съ сожалѣніемъ вижу, что не существуетъ въ нихъ должного и необходимаго единообразія, на коемъ должно быть основано какъ воспитаніе, такъ и ученіе.

Предметъ сей столь быстрое можетъ имѣть вліяніе на благо государственное, что нужно безъ всякаго отлагательства поспѣшить исправленіемъ сего недостатка въ нашей учебной системѣ. Оный лишаетъ государство большей части тѣхъ выгодъ, которыхъ оно имѣть право ожидать отъ пітомцевъ своихъ, не попадивъ для ихъ образованія ни підережекъ, ни всякихъ другихъ способовъ.

Съ симъ намѣреніемъ назначаю подъ предсѣдательствомъ вашимъ комитетъ: изъ генералъ-лейтенанта графа Ливена, тайныхъ совѣтниковъ: Сперанскаго, графа Ламберта и Уварова, генералъ-лейтенанта графа Сиверса, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Шторха, исправляющаго должность попечителя Харьковскаго университета статскаго совѣтника Перовскаго, и флигель-адъютантовъ моихъ, полковниковъ: Перовскаго и графа Строганова, и предписываю ему въ обязанность:

1) Сличить всѣ уставы учебныхъ заведеній Имперіи, начиная съ приходскихъ до самыхъ университетовъ.

2) Разсмотрѣть и сличить курсы ученій, въ нихъ преподаваемые, приведя для сего предварительно на видъ, по какимъ книгамъ или сочиненіямъ оные преподаются.

3) За симъ уравнить совершенно по всѣмъ мѣстамъ Имперіи всѣ уставы оныхъ заведеній, сообразуясь со степенями ихъ возвышеній, допустивъ должностя измѣненія для округовъ Деритскаго и Виленскаго.

4) Определить подробно на будущее время всѣ курсы ученій, означивъ и сочиненія, по коимъ оние должны впредь быть преподаваемы.

5) При семъ случаѣ, решивъ, которые изъ существующихъ хороши, вмѣстѣ съ тѣмъ распорядиться о дополненіи недостающаго, избравъ для того по вашему одобренію надежнѣйшихъ профессоровъ и академиковъ съ утвержденія моего,—дабы уже за совершеніемъ сего воспринять всякия произвольныя преподаванія ученій по произвольнымъ книгамъ и тетрадямъ.

По мѣрѣ успѣховъ, занятій и трудовъ сего комитета приготовленные новые уставы для различныхъ степеней учебныхъ заведеній, начиная съ низшихъ, представлять мнѣ на утвержденіе, равно какъ и избранные для нихъ учебные способы подносить къ моему усмотрѣнію.

Поставляя вамъ за испрѣбѣнную обязанность немедля приступить и исполнить во всей точности симъ на вѣсть возлагаемое порученіе, я пріемлю ваше ревностное усердіе къ пользамъ государства залогомъ скораго и полнаго въ немъ успѣха.

Записки генерала В. И. Левенштерна.

XLVII ¹⁾).

Представление Левенштерна шведскому принцу.—Поручение произвести реквизицию для шведской армии.—Маршал Штединг.—Полковник Бюранштерн.—Занятие Гётtingена.—Гильдесгеймский епископ.—Английские комиссары в Гильдесгейм.—Положение Вестфальского королевства.—Поступление в отряд графа Воронцова.—Объезд и балль в Брауншвейг.—Возобновление военных действий.

из Нордгаузена я двинулся въ Боденроде, гдѣ меня нагналъ курьеръ, посланный шведскимъ королевскимъ принцемъ, съ приказаниемъ явиться немедленно въ его главную квартиру въ Гейлигенштадтъ.

Прибывъ туда, я явился къ генералу Адлеркрайцу, начальнику штаба Сѣверной армии, который, прежде чѣмъ ввести меня къ принцу, передалъ мнѣ слѣдующій приказъ:

«Такъ какъ вы поступили съ вашими казаками подъ начальство г. маршала Штединга, то его королевское высочество приказываетъ вамъ совершить съ вашимъ отрядомъ экспедицію на Гётtingенъ, Гильдесгеймъ, Ганноверъ и Брауншвейгъ.

«Вы произведете въ этой мѣстности реквизицію для шведской армии, собравъ съ жителей 40.000 раций мяса, хлѣба и водки, 12.000 паръ сапоговъ, чулокъ, рубашекъ и 20.000 аршинъ голубаго и сѣраго сукна съ соотвѣтственнымъ количествомъ подкладки.

«Распространите слухъ, что его королевское высочество идетъ со шведской армией на Везель, не останавливаясь въ Гётtingенѣ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, ноябрь 1901 г.

«Королевский принцъ желаетъ также, чтобы вы пресѣкли всякое сообщеніе съ Гамбургомъ и Ганноверомъ и чтобы вы собрали самыя вѣрныя свѣдѣнія о движеніяхъ маршала принца Экмюльского.

«Его королевское высочество приказалъ своему адъютанту, гвардіи капитану барону Адлеркрейцу и капитану Переірѣ слѣдоватъ за вами и сообщать ему всѣ свѣдѣнія, какія имъ удастся получить во исполненіе данныхыхъ имъ инструкцій, независимо отъ тѣхъ извѣстій, какія будутъ сообщаться вами. Эти офицеры будутъ состоять при васъ впредь до полученія дальнѣйшихъ приказаній».

Въ главной квартирѣ въ Гейлигенштадтѣ.

30-го октября 1813 г.

Когда я ознакомился съ содержаніемъ этого приказа, то генераль Адлеркрейцъ ввелъ меня въ кабинетъ шведскаго принца.

Онъ стоялъ у стола, заваленаго картами. На немъ былъ простой сюртукъ изъ голубаго сукна.

Увидавъ меня, принцъ сказалъ:

— Я очень радъ видѣть васъ, другъ мой, слышите, другъ мой, прощайте, другъ мой!

Меня предупреждали обѣ его привычкѣ оканчивать нѣкоторыя фразы словами: «прощайте, другъ мой», такъ что, не поймавъ его на словѣ, я продолжалъ почтительно стоять, не трогаясь съ мѣста.

— Получили ли вы приказаніе, переданное вамъ генераломъ Адлеркрейцомъ? — спросилъ онъ. Прощайте, другъ мой! возлагая на васъ это порученіе, я вполнѣ полагаюсь на васъ; моя армія нуждается въ провіантѣ и новой обмунировкѣ; постарайтесь пополнить его со свойственнымъ вамъ умѣніемъ и поспѣшите. Я позабылъ упомянуть въ данныхыхъ инструкціяхъ, что мнѣ необходимо также тысяча лошадей. Вы зайдете войсками прекрасную страну, съ которой я знакомъ давно; пощадите жителей насколько возможно, но настаивайте на вашихъ требованіяхъ со всевозможной строгостью, дабы все, что нужно мнѣ, было доставлено безъ промедленія. Если вашимъ казакамъ понадобятся лошади и сукно, то можете взять то и другое и для нихъ. Военная цѣль вашей экспедиціи состоить въ томъ, чтобы ввести маршала Даву въ заблужденіе относительно направлениія, въ которомъ я пойду. Дайте ему понять, что я иду къ Везеру, на Бременъ; тогда онъ рѣшился, быть можетъ, отдать мнѣ Гамбургъ, чтобы не потерять сообщеніе съ Голландіей; это было бы мнѣ очень пріятно, слышите, другъ мой, прощайте, другъ мой.

Я не двигался съ мѣста. Онъ продолжалъ:

— Сдѣлайте въ этой мѣстности рекогносцировки, пройдя какъ можно дальше, и повторяю, постарайтесь убѣдить Даву всевозможными хитростями, на чѣмъ вы впрочемъ большой мастеръ, что я не намѣренъ идти на Гамбургъ.

Затѣмъ, разставивъ пальцы въ видѣ циркуля, онъ указалъ мнѣ на картѣ главные пункты, которые мнѣ надлежало занять и на которые слѣдовало обратить особое вниманіе.

Принцъ просилъ меня взять съ собою его адъютанта, г. Адлеркрайца и посвятить его въ искусство веденія авантюристической войны. Онъ удостоилъ меня похвалы за мое умѣніе вести этого рода службу и обѣщалъ написать государю и просить его о моемъ производствѣ въ генералы.

Все сказанное королевскимъ принцемъ было такъ ясно, всѣ его приказанія были такъ точны и опредѣленны, что надобно было быть большими дуракомъ, чтобы не понять того, что онъ желалъ. Тѣмъ не менѣе, не выходя изъ его кабинета, я отказался наотрѣзъ взять лошадей для моихъ казаковъ, объясняя свой отказъ тѣмъ, что мѣстными лошади слишкомъ велики для той службы, какая требуется отъ казаковъ; мною руководили иные соображенія, но я не могъ высказать ихъ королевскому принцу: а именно, я предпочиталъ совершать подобныя реквизиціи по приказанію моего прямаго начальства.

Королевскій принцъ простился со мною самымъ любезнѣйшимъ образомъ, и когда я поблагодарилъ его за любезное обѣщаніе написать императору, то онъ взялъ меня за руку и сказалъ:

— Я думаю этимъ оказать вашему монарху добрую услугу, обративъ вниманіе на вполнѣ достойнаго офицера, который можетъ быть ему весьма полезенъ.

Я низко поклонился, и на этотъ разъ его обычнаѧ такъ часто повторяемаѧ имъ фраза: «слышите, другъ мой, прощайте, другъ мой», была сказана кстати.

Выходя изъ кабинета шведскаго принца, я отправился къ маршалу Штедингу, который принялъ меня съ той изысканной вѣжливостью, съ какою онъ держалъ себя въ петербургскихъ салонахъ въ свою бытность посланникомъ; но трудно было представить, что со мною говорилъ генераль, командующій арміей. Онъ не упомянулъ даже о порученіи, какое было мнѣ дано. Но онъ заговорилъ съ особыеннымъ удовольствіемъ о Лейципскомъ сраженіи; это было за всю войну единственное сраженіе, въ которомъ онъ принималъ дѣятельное участіе, поэтому онъ былъ неистощимъ, когда о немъ заходилъ разговоръ. Упомянувъ о неудавшейся экспедиціи на Бернбургъ, я заставилъ его смутиться; онъ сталъ оправдываться и свалилъ всю вину на приказаніе, полученное имъ отъ королевскаго принца. Само собою разумѣется, что я коснулся этого предмета слегка, такъ какъ оно повидимому не особенно было пріятно старику маршалу.

Побесѣдовавъ со мною, Штедингъ предложилъ мнѣ отправиться къ начальнику его штаба, полковнику Бюриштерна, и переговорить съ нимъ подробно о возложенномъ на меня порученіи.

Это былъ молодой человѣкъ съ весьма пріятной, располагающей на-

ружностью. Онъ передалъ мнѣ списокъ дивизій, которыми я долженъ быть доставлять лошадей и прочія реквизиціонныя вещи, и я уѣхалъ въ сопровожденіи Адлеркрайца, сына генерала Переіры, привезшаго мнѣ новое приказаніе королевскаго принца выступить завтра въ 8 часовъ утра (31 октября) для исполненія возложеннаго на меня порученія.

Я предупредилъ желаніе шведскаго королевскаго принца и послалъ изъ самаго Гейлигенштадта курьера къ моему брату Георгію съ приказаниемъ идти немедленно на Гётtingенъ и занять его войскомъ. Что касается меня, я отправился туда же на почтовыхъ лошадяхъ, такъ что королевскій принцъ на слѣдующій день, въ 6 часовъ утра, уже получилъ извѣстіе о томъ, что я завладѣлъ этимъ городомъ.

Въ Гётtingенѣ мнѣ былъ оказанъ блестящій приемъ.

Подъ моимъ окномъ собралась толпа студентовъ, привѣтствовавшихъ меня громкими криками «ура!»

Не имѣя возможности пригласить къ себѣ всѣхъ молодыхъ людей, чтобы поблагодарить ихъ за вниманіе, я приказалъ просить ихъ, чтобы они прислали своихъ депутатовъ и, когда послѣдніе явились, то я скажу имъ, что, желая доказать студентамъ мою признательность и выразить имъ мое довѣріе, я предлагаю имъ занимать караулы и нести обязанности городской стражи все время, пока я буду находиться въ городѣ.

Это предложеніе было принято съ восторгомъ; студенты были восхищены оказаннымъ имъ довѣріемъ и исполнили свою обязанность какъ нельзя лучше.

Но караулы въ города были заняты моими собственными солдатами, а на площадахъ я разставилъ пикеты, съ коими студенты должны были войти въ сношеніе.

Муниципалитетъ отвелъ мнѣ помѣщеніе у извѣстнаго профессора Гуго¹). Эта пріятный для меня день, въ который молодежь славнаго Гётtingенскаго университета оказала мнѣ столь лестный приемъ, закончился превосходнымъ ужиномъ.

Я былъ въ восторгѣ отъ моего достопочтеннаго хозяина и весело ужиналъ съ нимъ, какъ вдругъ въ комнату вошелъ человѣкъ, закутанный въ венгерскую шубу и вооруженный большою саблею.

Казакъ хотѣлъ преградить ему путь въ столовую, но онъ грубо оттолкнулъ его и, подойдя къ профессору Гуго, спросилъ его, кто командуется русскими войсками: я или офицеры, ужинавшиe за тѣмъ же столомъ. Когда профессоръ указалъ ему на меня, то онъ обратился ко мнѣ очень развязно и заявилъ, что долженъ принести мнѣ большую жалобу.

¹⁾ Знаменитый юристъ, р. 1764 † 1844 г.

Фигура, рѣзкія манеры и задорный тонъ этого господина не понравились мнѣ и прежде, нежели отвѣтить, я спросилъ его, съ кѣмъ имѣю честь говорить.

Тогда, возвысивъ еще больше голову, онъ отвѣчалъ: «я проректоръ Гётtingенскаго университета».

Я вѣжливо предложилъ ему стулъ и сказалъ съ довольно злую усмѣшкою, что онъ не долженъ удивляться и пенять на меня зато, что я не узналъ проректора столь славнаго университета и что причиною тому его странній костюмъ и огромная сабля, и что я составилъ себѣ, по разсказамъ моихъ соотечественниковъ, учившихся въ Гётtingенѣ, совершенно иное представление о главѣ университета, но что я готовъ выслушать его и по возможности быть ему полезнымъ.

Не привыкнувъ, чтобы съ нимъ говорили такимъ тономъ, проректоръ вѣсколько потерялъ свою самоувѣренность и сталъ говорить застинаясь, что казаки отняли саблю у одного изъ студентовъ, ведшаго патруль. Видя, что я молчу и слушаю его внимательно, онъ воодушевился—заговорилъ снова тѣмъ же надменнымъ тономъ и закончилъ свою рѣчь, сказавъ, что если подобныя злоупотребленія повторятся, то онъ не отвѣтаетъ за безопасность города.

— Если вы, г. проректоръ, не отвѣтаете за безопасность города,— воскликнулъ я,—то я беру эту обязанность на себя и ручаюсь вамъ за его спокойствіе и безопасность, совѣтуя вамъ лечь спать; ваша супруга, если вы женаты, будетъ быть можетъ благодарна мнѣ за это, а городъ не подвергнется опасности. Мнѣ нѣть надобности учиться, г. проректоръ, какъ держать городъ въ повиновеніи и какъ поддерживать въ немъ порядокъ. Положимъ, казаки отняли у студента саблю и совершили этимъ важный проступокъ, но научите меня пожалуйста, какъ розыскать виновнаго въ эту темную октябрьскую ночь. Завтра сабля будетъ возвращена вамъ, но, такъ какъ я желаю дать господамъ студентамъ несомнѣнное доказательство моего уваженія къ нимъ и моей признательности за выраженные ими патріотическія чувства, то я предлагаю вамъ передать имъ, что я крайне сожалѣю о непріятности, причиненной одному изъ нихъ моимъ казакомъ, что завтра утромъ виновный будетъ розысканъ и примѣрно наказанъ. Пока, прошу васъ передать мою саблю тому студенту, который лишился оружія, и попросить его сохранить ее на память.

Проректоръ былъ сконфуженъ этой развязкой, столь лестной для студентовъ. Чтобы вывести его изъ неловкаго положенія, я подалъ ему бокалъ шампанскаго и предложилъ тостъ за процвѣтаніе университета. Мы простились.

Когда я садился на другой день на лошадь, чтобы произвести ре-

когносцировку въ окрестностяхъ Гёттингена, то студенты, собравшіеся возлѣ моего дома, встрѣтили меня громкими криками: «ура»!

По прибытии предоставленныхъ въ мое распоряженіе королевскимъ принцемъ гусаръ Мернера, я поручилъ этому полку охрану Гёттингена и приемъ реквизиціонныхъ вещей, которыхъ я уже успѣлъ къ тому времени собрать, благодаря старанію мѣстныхъ властей. Вообще надоно отдать справедливость нѣмецкимъ властямъ, что они всегда оказывали мнѣ полное содѣйствіе и относились къ своей обязанности въ высшей степени честно и безпредубѣдительно. Относительно распределенія реквизиціи мнѣ приходилось вполнѣ полагаться на ихъ знакомство съ мѣстными условиями, и я ни разу не видѣлъ, чтобы они дѣйствовали неправильно или старались что-либо утаить. Они возставали единственно противъ той спѣшности, съ какою приходилось доставлять требуемыя вещи. Но тутъ я ничего не могъ подѣлать: армія прежде всего должна жить и не ходить босикомъ.

Я послалъ сильный отрядъ въ Ганноверъ, приказавъ немедленно занять его, — и спроворгъ вестфальское правительство, вместо кото-раго было учреждено временное правление; всѣ требования, предъявленные мною жителямъ, были исполнены съ такою точностью, какъ будто они исходили отъ вполнѣ признанной и установившейся власти.

Я направился черезъ Нордгеймъ и Эймбекъ въ Алефельдъ, где и переночевалъ; прия въ Гильдесгеймъ, я занялъ его войсками, послалъ сильный отрядъ въ Брауншвейнъ и занялся взиманіемъ реквизіи. Эта утомительная и непрѣятная обязанность была для меня всегда ненавистна: честное содѣйствіе вновь учрежденныхъ властей дало мнѣ возможность исполнить ее какъ можно безобиднѣе для жителей, хотя эта мѣра все же была для нихъ весьма тягостна.

Жители такъ привыкли подкупать французскихъ генераловъ подарками, что когда мнѣ были приведены реквизиціонныя лошади для выбора, то во главѣ ихъ были поставлены два великолѣпныхъ жеребца съ подстриженными хвостами, которые, какъ я рѣшилъ съ первого же взгляда, не могли идти для ремонта.

Не привыкнувъ къ подобнымъ подачкамъ, я приказалъ увести этихъ вороныхъ лошадей, какъ непригодныхъ для меня, чѣмъ всѣ были крайне удивлены. Впрочемъ я былъ не слишкомъ требователенъ и этимъ доказалъ, что я требую только возможнаго.

Шведскій полковникъ графъ Тоттъ, получивъ отъ меня ремонтныхъ лошадей, былъ въ восторгѣ отъ нихъ; жители также не были обижены. Королевскій принцъ приказалъ благодарить меня, и всѣ остались довольны. Большаго я и не желалъ.

Гильдесгеймскій владѣтельный епископъ, которому я счелъ дол-

гомъ представиться, принялъ меня торжественно и удостоилъ мой штабъ приглашениемъ къ обѣду.

Онъ угостилъ насть на славу, и я имѣлъ при этомъ случай убѣдиться въ томъ, что пословица «il boit comme un chanoine», какъ нельзя болѣе вѣрна; я никогда не видѣлъ, чтобы кто-нибудь пилъ такъ много,ничѣмъ не закусывая, какъ господа каноники, приближенные къ епископу. Послѣ обѣда, епископъ отдалъ мнѣ визитъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ канониковъ, которые все время стояли за его кресломъ, раздвигали полы его одежды, когда онъ садился, и оправляли ихъ, когда онъ вставалъ съ мѣста, чтѣ было очень смѣшно въ особенности по той серьезности, съ какою они все это продѣльвали.

Наружность епископа была величественная и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятная; это былъ человѣкъ весьма образованный и привѣтливый. Онъ происходилъ, кажется, изъ семьи князей Фюрстенбергскихъ, былъ страстный наездникъ и ежедневно катался верхомъ въ манежѣ. Я слышалъ впослѣдствіи, что выставленный двѣ прекрасныя вороныя лошади были изъ его конюшни и что онъ очень боялся за нихъ и успокоился только тогда, когда узналъ, что я отослалъ ихъ обратно.

На слѣдующій день городъ далъ мнѣ балъ. Въ это время подотпили гусары Мернера, которые эшелонировались за мною. Всѣ гусарскіе офицеры, со своимъ полковымъ командиромъ, графомъ Тоттомъ во главѣ, собрались ко мнѣ, и мы отправились вмѣстѣ на балъ.

Въ тотъ же день въ городъ явились англійскіе комиссары, чтобы вступить во владѣніе страной отъ имени курфирста Ганноверскаго.

Мнѣ не хотѣлось допустить этого; но такъ какъ въ моихъ инструкціяхъ ничего подобнаго не было предусмотрѣно, то я не хотѣлъ вмѣшиваться въ это дѣло, рѣшивъ только донести о случившемся кому слѣдуетъ, подъ условіемъ, конечно, чтобы комиссары не мѣшали мнѣ производить реквизицію.

На городскихъ площадяхъ было объявлено объ учрежденіи англійскаго правительства, и красные мундиры комиссаровъ затмили на время наши мундиры. Жители преклонялись передъ новыми властями, забывая, что въ моихъ рукахъ была материальная сила, которая всегда имѣть значеніе, хотя она не всегда бываетъ законна.

Я сдѣлалъ однако видѣ, что ничего не замѣчаю, сознавая, что бразды правленія были въ моихъ рукахъ и что я могъ подтянуть ихъ или ослабить, по своему желанію. Надменность англичанъ, довольно таки комичная, не заставила меня измѣнить намѣченного мною образа дѣйствій.

Единственное, предъявленное мною требованіе, на которомъ я настоялъ, было, чтобы комиссары явились ко мнѣ въ сопровожденіи мѣст-

ныхъ властей и попросили у меня позволенія провозгласить новое правительство.

Разъ общество сознавало, что разрѣшеніе на это было дано мною, остальное меня мало интересовало.

Городъ былъ роскошно иллюминованъ, а балъ, данный въ тотъ вечеръ, прошелъ весьма оживленно, но подъ конецъ его совершенно неожиданно разразилась гроза.

Англійского комиссара посадили за ужиномъ рядомъ съ той дамой, которая играла роль хозяйки вечера.

Меня не предупредили о томъ, что будетъ ужинъ, и всѣ уже заняли свои мѣста, когда меня пригласили къ столу. Распорядители бала предложили мнѣ сѣсть на стулъ, оставленный для меня по другую сторону отъ упомянутой дамы.

Я на это не согласился; къ тому же никто изъ присутствовавшихъ офицеровъ, шведовъ и русскихъ, не садился въ ожиданіи меня: они были обижены тѣмъ, что ихъ начальнику не было оказано должного уваженія; всѣ были недовольны.

Я отвѣчалъ распорядителямъ, что я очень благодаренъ имъ, но ис имѣю привычки ужинать, а когда меня пытались усадить силою, то я сказалъ съ раздраженiemъ, что такъ какъ всѣ прочие сѣли, вѣроятно, кто куда хотѣлъ, то и я воспользуюсь этимъ правомъ и, не говоря болѣе ни слова, взялъ свободный стулъ и сѣлъ рядомъ съ самой хорошенькой дамой, которая была въ то же время хозяйка того дома, въ которомъ я жилъ.

Всѣдѣ за мною усѣлись и всѣ офицеры и поужинали съ большимъ аппетитомъ.

Англичанинъ, при всемъ своемъ высокомъріи, чувствовалъ себя неволко на почетномъ мѣстѣ.

Распорядители бала, отнесшіеся съ пренебреженіемъ къ тому, въ чьихъ рукахъ была, по крайней мѣрѣ въ тотъ моментъ, ихъ участъ, поняли сдѣянный ими промахъ. Они подошли ко мнѣ съ бокалами въ рукахъ и провозгласили тостъ за здоровье императора Александра, затѣмъ за англійского короля и за мое здоровье, сопровождая эти тосты громкими криками «ура!».

Офицеры шведы поднялись со своихъ мѣстъ, выпили за мое здоровье, но затѣмъ тотчасъ всѣ удалились, обиженные тѣмъ, что не было предложено тоста за шведскаго королевскаго принца.

Я вполнѣ раздѣлялъ ихъ взглядъ и хотя былъ невольно причиной этого упущенія, но также удалился изъ зала вмѣстѣ съ русскими офицерами. Все это произвело на присутствующихъ очень тягостное впечатлѣніе и нарушило всеобщее веселіе.

Г.г. Кеттлеръ и Гамерштейнъ, съ которыми я былъ знакомъ ближе,

поспѣшили за мною и просили меня не уѣзжать и задержать шведскихъ офицеровъ, обѣщаю, что сдѣланный промахъ тотчасъ будетъ исправленъ, но я отвѣчалъ имъ отказомъ, ибо не могъ, по весьма понятному чувству приличія, допустить, чтобы за королевскаго принца былъ предложенъ тостъ послѣ того, какъ пили за мое здоровье.

На слѣдующій день ко мнѣ явилась депутація съ извиненіемъ. Я оставилъ это дѣло безъ послѣдствій, но далъ понять депутатамъ, что я могъ бы однимъ словомъ парализовать всѣ почести, оказываемыя ими англійскимъ комиссарамъ, воспретивъ имъ вступить въ исправленіе своихъ обязанностей, но что я не сдѣлалъ этого, видя, что ихъ появленіе было пріятно жителямъ; въ виду этого, имъ слѣдовало отнестись особенно внимательно къ представителямъ военной власти и главное не забывать того, что источникомъ этой власти былъ шведскій королевскій принцъ.

Желая загладить свою оплошность, депутаты пригласили насъ на роскошный обѣдъ: меня и англійского комиссара посадили посреди стола; всѣ шведскіе офицеры также присутствовали на обѣдѣ, который прошелъ весьма оживленно благодаря превосходному вину.

Я продолжалъ между тѣмъ взимать реквизицію, но не забывалъ и надобностей военной службы и посыпалъ какъ можно дальше развѣдочные отряды по направленію къ Гамбургу и Бремену.

Такъ какъ королевскій принцъ далъ мнѣ словесное приказаніе перехватывать частную корреспонденцію и всѣ письма, адресованныя бывшимъ чиновникамъ короля Іеронима Бонарпарту, то въ мои руки попалось нѣсколько любопытныхъ писемъ, которыхъ были мною перлюстрованы. Одно изъ нихъ было адресовано баронессѣ Мальхусъ (Malchus), супругѣ первого ministra короля Іеронима Бонарпарту, которая носила въ то время, если не ошибаюсь, имя графини Розенштейнъ.

Ея мужъ бѣжалъ вмѣстѣ съ королемъ Іеронимомъ и въ письмѣ къ женѣ, съ французской границы, описывалъ всѣ подробности ихъ бѣгства.

Я долженъ былъ переслать эти письма королевскому принцу, не желая однако лишить г-жу Мальхусъ извѣстій отъ ея мужа, я отправился къ ней и сообщилъ ей содержаніе этого письма, успокоивъ ее на счетъ здоровья ея супруга. Она была чрезвычайно благодарна мнѣ, но расплакалась, когда я не согласился оставить ей это письмо; я позволилъ ей списать его въ моемъ присутствіи. Г-жа Мальхусъ была очаровательная, хорошенькая женщина, игравшая большую роль при Кассельскомъ дворѣ. Ея мужъ былъ уменъ, способенъ, но пользовался въ Вестфальскомъ королевствѣ всеобщей ненавистью.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, проведенныхъ мною весьма дѣятельно, мнѣ было приказано окончить реквизицію, идти въ Брауншвейгъ, чтобы составить авангардъ графа Воронцова, который

**

долженъ былъ идти впереди шведской арміи, обложить Гамбургъ и завладѣть Голштиніей.

Я тотчасъ пошелъ въ Брауншвейгъ, который еще ранѣе былъ занятъ по моему приказанію войсками. Туда же прибылъ вскорѣ и графъ Воронцовъ, видимо довольноѣйный тѣмъ, что я находился снова подъ его начальствомъ.

Такъ какъ графъ Воронцовъ далъ намъ день отдыха, то я воспользовался этимъ, чтобы осмотрѣть мѣста, посѣщенные нѣкогда моимъ отцомъ. Онъ воспитывался тутъ въ знаменитомъ Каролинскомъ институтѣ (*Institut Carolinum*) подъ личнымъ надзоромъ ученаго и набожнаго аббата Jérusalem'a. Я осмотрѣлъ комнату, въ которой отецъ прожилъ девять лѣтъ. Въ Брауншвейгѣ онъ сошелся съ молодымъ герцогомъ Брауншвейгскимъ, погибшимъ въ Одерѣ при спасеніи утопавшихъ.

Во время моего пребыванія въ Брауншвейгѣ, я имѣлъ удовольствіе увидѣться съ молодымъ докторомъ Постельсомъ, который былъ военно-плѣннымъ въ Россіи и которому я разрѣшилъ возвратиться домой до битвы при Моденѣ.

Его отецъ, извѣстный въ Брауншвейгѣ профессоръ и его почтенная матушка горячо благодарили меня за то, что я спасъ ихъ сына отъ неминуемой смерти; въ то время, когда я разрѣшилъ ему уѣхать, онъ болѣлъ лихорадкой и былъ весьма изнуренъ. Заботы и тщательный уходъ родныхъ возвратили ему здоровье, и онъ могъ употребить впослѣдствіи свои силы на службу человѣчеству.

Вечеромъ городъ далъ спектакль и балъ въ честь прїзыва графа Воронцова и комиссара, уполномоченного принять во владѣніе герцогство отъ имени герцога Брауншвейгскаго. Здѣсь точно такъ же, какъ и въ Гильдесгеймѣ, все было сдѣлано не такъ, какъ слѣдуетъ. Комиссарь, Ольффманъ, одѣтый въ англійскій мундиръ, приказалъ расклейть въ городѣ прокламацію, не предупредивъ о томъ графа Воронцова; графъ перенесъ молча всѣ выходки г. Ольффмана, который держалъ себя на спектакль и на балу, какъ настоящій монархъ, и старался все время играть первую роль, чьему Воронцовъ отъ души смеялся.

Мой другъ, генералъ баронъ Паленъ, командовалъ регулярной кавалеріей армейскаго корпуса графа Воронцова, и мы проводили съ нимъ все свободное время, предаваясь развлеченіямъ, которыя нерѣдко переходили въ оргія.

Паленъ присоединился къ своей кавалеріи въ Гиффорнѣ, а я къ своимъ казакамъ въ Ульценѣ (*Ulzen*), гдѣ я получилъ приказаніе идти на Люнебургъ, занять его и смыпить войска генерала графа Вальмосдена на занимаемыхъ имъ цостахъ.

Военныя дѣйствія возобновились въ новой мѣстности въ позднее

время года, и намъ приходилось дѣйствовать противъ такого сильного противника, какимъ былъ маршалъ Даву.

Намъ предстояло впереди не мало труда, быть можетъ, и славы, но послѣ Лейпцигского сраженія мы ею пресытились.

Къ счастью, я воспользовался нѣсколькими днями отдыха для возстановленія своихъ силъ и поэтому чувствовалъ себя бодрымъ и свѣжимъ въ тотъ моментъ, когда намъ пришлось начать походъ въ странѣ, гдѣ зима бываетъ очень сурова.

Главная квартира монарховъ находилась въ Франкфуртѣ на Майнѣ, а генерала Винценгероде—въ Бременѣ. Большая часть этихъ войскъ имѣла превосходныя квартиры. Только отряду графа Воронцова не пришлось отдохнуть какъ слѣдуетъ.

На долю Воронцова, Чернышева, Бенкendorфа и Нарышкина выпадало болѣе всего труда, на нихъ взваливалась вся работа, а Винценгероде, покутивая трубку, эксплуатировалъ ихъ храбрость и усердіе. Слава, извѣстность достаются однію дорогою цѣною, а другимъ чутъ не даромъ.

Воронцовъ остановился въ Голштиніи, окружилъ Гамбургъ и, перейдя Эйдеръ, дошелъ до герцогства Шлезвигскаго; никогда еще русскіе не заходили такъ далеко.

Чернышевъ занялъ Бельгию и первый вступилъ во Францію; Бенкendorфъ и Левъ Нарышкинъ наводнили войсками Голландію; въ Амстердамѣ еще помнятъ, какъ они овладѣли этимъ болѣшимъ городомъ и низвергли французское правительство.

Винценгероде, смотрясь въ зеркало, возомнілъ себя героемъ, но онъ не былъ таковыми въ нашихъ глазахъ, хотя мы все-таки были расположены къ нему; это былъ человѣкъ доброжелательный, усердливый, честный и если бы онъ не довѣрялъ слѣпо сварливому Сергию Волконскому, то дѣла могли бы идти своимъ чередомъ; но Волконскій внесъ въ нихъ невообразимую путаницу, и начальникъ штаба, генералъ Ренни, не имѣлъ при немъ никакого значенія.

XLVIII.

Сѣверная армія.—Сраженіе при Випценѣ.—Рижскіе драгуны.—Генералъ Вишери.

Послѣ Лейпцигского сраженія Сѣверная армія получила назначеніе очистить отъ непріятеля сѣверную Германію, прогнать французовъ отовсюду, гдѣ бы она ихъ ни встрѣтила, и возвратить жителямъ той мѣстности утраченную ими свободу.

Графъ Воронцовъ остановился сначала въ Кассельѣ, затѣмъ направился въ Гамбургъ. Генераль Теттенборнъ овладѣлъ Бременомъ и, совершивъ это удачное движеніе, пресѣкъ единственное сообщеніе, которое маршалъ Даву сохранялъ съ Франціей чрезъ Голландію.

Шведскій королевскій принцъ, отдѣливъ корпуса Винценгероде и Бюлова для того, чтобы овладѣть Голландіей, двинулся къ Эльбѣ съ шведской арміей и съ отрядомъ Воронцова и графа Строганова, поставивъ себѣ главной цѣлью занять герцогство Голштинское и лелѣя заднюю мысль—завоевать Норвегію.

16-го ноября королевскій принцъ выѣхалъ изъ Ганновера, а 24-го числа перешелъ Эльбу у Бойценбурга.

Мнѣ было приказано занять Люнебургъ, гдѣ я засталъ графа Ностица, командовавшаго нѣмецкимъ легіономъ и корпусомъ Люцова. Онъ тотчасъ пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы условиться относительно того, какъ я предполагаю дѣйствовать, чтобы смынить его войска, занимавшія посты по берегу Эльбы отъ Винзена до Гаарбурга (Haarbourg).

Ему было приказано перейти Эльбу у Лауенбурга и присоединиться къ корпусу Вальмодена, который предназначался для дѣйствій противъ датчанъ и изгнанія ихъ изъ герцогства Голштинского, между тѣмъ какъ графъ Воронцовъ долженъ былъ занять Гамбургъ, до прибытія польской арміи, подъ командою генерала Беннигсена.

Я пробылъ два дня въ Люнебургѣ, гдѣ графъ Воронцовъ устроилъ свою главную квартиру, а затѣмъ отправился въ Бардвикъ (Bardwyk).

Французы не допустили насъ основаться въ Винзенѣ, какъ намѣревался Воронцовъ, поручивъ мнѣ защиту этого пункта. Онъ увеличилъ мой отрядъ однимъ батальономъ гренадеръ, батальономъ егерей, двумя орудіями и двумя эскадронами рижскихъ драгунъ.

Съ этимъ подкѣплениемъ, я разсчитывалъ на успѣхъ. Графъ Воронцовъ хотѣлъ имѣть главную квартиру временно въ Винзенѣ и приказалъ мнѣ овладѣть этой позиціей, чтобы непріятель какъ можно дольше не смыть насъ тревожить.

Главная квартира шведскаго королевскаго приваца, эшелонированавшаяся позади Воронцова, должна была находиться въ Люнебургѣ, откуда онъ намѣревался подготовить переправу черезъ Эльбу.

Я отправился тотчасъ въ Винзенъ. Рекогносцировка, произведенная мною въ городѣ и его окрестностяхъ, убѣдила меня въ томъ, что и этотъ разъ я могъ одержать верхъ надъ непріятелемъ не иначе, какъ при помощи хитрости. Дѣйствительно, французы, вышедши изъ Цолленъ-Спикера и Гопершанце, могли атаковать меня съ превосходными силами; моя артиллериа не могла бы противостоять орудіямъ большаго калибра ихъ передовыхъ окоповъ и Гамбургской крѣпости. При томъ,

я не могъ разсчитывать ни на какую поддержку, ибо я находился отъ графа Воронцова болѣе чѣмъ въ двадцати верстахъ.

Если бы французы разбили меня, то они могли отрѣзать мнѣ отступленіе. Поэтому надобно было сначала подпустить непріятеля поближе, а затѣмъ устрашить его, принявъ его какъ слѣдуетъ. Я рѣшилъ защищать Винзенъ въ самомъ городѣ и дозволить непріятелю овладѣть апрашами, но рѣшилъ перейти въ наступленіе, какъ только обстоятельства будуть этому благопріятствовать.

Съ этой цѣлью, я разставилъ аванпосты напротивъ Гопершанце и Щолленъ-Спикера, приказавъ казакамъ отступать, отстрѣливаясь, какъ только непріятель выйдетъ изъ своихъ окоповъ, и тщательно наблюдать за тѣмъ, чтобы никто изъ жителей не могъ проскользнуть сквозь цѣпь постовъ, и дать знать французамъ, что у меня были орудія и пѣхота.

Вся моя хитрость состояла въ томъ, чтобы убѣдить французовъ, что я занималъ Винзенъ съ одними только казаками.

Я приказалъ батальонамъ снять ранцы и поставилъ егерей въ домахъ, стоявшихъ вдоль плотины, по которой непріятель долженъ былъ пройти. Въ моихъ рукахъ была также водяная мельница, обнесенная высокой стѣною; наконецъ, подъ городскими воротами было поставлено орудіе, заряженное картечью, которое должно было обстрѣливать плотину вдоль.

Я велѣлъ прикрыть это орудіе соломой, такъ что оно походило поздали на шалашъ, какіе казаки сооружаютъ, чтобы защищаться отъ дождя.

Позади городскихъ воротъ и въ смежныхъ улицахъ стояли въ резервѣ двѣ роты гренадеръ, пушка и рижские драгуны.

Пѣхотѣ и артиллеристамъ было строго-на-строго запрещено показываться; стрѣлять же изъ ружей было запрещено подъ страхомъ смертной казни до тѣхъ поръ, пока не будетъ сдѣланъ первый выстрѣлъ изъ орудія, что могло воспослѣдовать только по моему словесному приказанію.

Казакамъ было приказано, совершивъ большой обходъ, переправиться черезъ Люге (Lühe) вплавь и напасть на непріятеля съ тыла въ тотъ моментъ, когда раздастся первый орудійный выстрѣлъ, дабы отрѣзать имъ отступленіе.

Уланскому поручику Сонину, исполнявшему при мнѣ обязанности адъютанта, было поручено командовать казаками во время этихъ дѣйствій, которымъ я придавалъ особенное значеніе.

Подготовивъ все такимъ образомъ, я сталъ выжидать дальнѣйшихъ событий.

Къ Винзену шла сильная непріятельская колонна. Я вскочилъ на

лошадь и поскакалъ навстрѣчу непріятелю, сопровождаемый только братомъ и однимъ казакомъ.

Французскіе развѣдчики перестрѣливались уже съ моими, и колонна шла къ Винзену, съ музыкантами во главѣ, уверенная въ побѣдѣ, которую она всегда одерживала до тѣхъ поръ.

Отступая, я завлекъ непріятеля по своимъ слѣдамъ. Не видя у меня ни пѣхоты, ни орудій, непріятель могъ думать, что ему придется вытѣснить изъ города только однихъ казаковъ; французы вступили на плотину сомкнутой колонной при барабанномъ боѣ.

Тогда, поскѣпно повернувъ лошадь, я поскакалъ къ воротамъ и приказалъ артиллерійскому поручику Ратманову стрѣлять. Дѣйствіе картечі было поразительное; въ ту же минуту изъ домовъ и изъ мельницы былъ открытъ бѣглый огонь; надобно было видѣть, какъ французы пустились бѣжать.

Я тотчасъ перешелъ въ наступленіе и двинулъ противъ непріятеля подполковника Филатьева съ егерями и подполковника Фишера съ гренадерами; Филатьевъ пошелъ прямо въ рукопашную, а Ратмановъ энергично осыпалъ французовъ картечью изъ своихъ двухъ орудій и не далъ имъ возможности сомкнуть ряды.

Изгороди и канавы помѣшили рижскимъ драгунамъ выполнить все то, что имъ было предписано, но мои казаки исполнили буквально все, мною приказанное, переплыли черезъ рѣку и весьма кстати ударили непріятелю въ тылъ.

Непріятельская колонна была совершенно разстроена и искала спасенія въ бѣгствѣ и защиты густаго лѣса.

Большая часть непріятельской колонны была перебита; ко мнѣ привели 350 плѣнныхъ, и я вступилъ въ Гопершанце, смѣшившись съ бѣжавшими французами.

Въ теченіе десяти минутъ мы овладѣли десятью орудіями, но я не имѣлъ никакой возможности увезти ихъ; это были орудія самаго большаго калибра и такъ какъ къ французамъ подоспѣло подкрѣпленіе изъ Цолленъ-Спикера, то мнѣ пришлось, къ сожалѣнію, оставить эти бронзовыя трофеи и удовольствоваться одними плѣнными.

Мой адютантъ Сонинъ, къ величайшему моему прискорбію, былъ убитъ на-половъ въ ту минуту, когда онъ первый вступилъ съ казаками въ Гопершанце. Онъ и мой братъ, которые ободряли, по моему приказанію, казаковъ, наиболѣе содѣствовали нашему успѣху. Братъ приказалъ положить бездыханное тѣло Сонина на лошадь и привезъ его ко мнѣ. Смерть этого храбраго офицера омрачила мою радость по поводу одержанного нами успѣха.

Великолѣпная сѣрая лошадь, спасшая мнѣ жизнь въ Бернбургѣ,

получила царапину по носу пулею, и съ тѣхъ поръ этотъ храбрый конь сдѣлался трусливъ и никогда не могъ забыть этой непріятности.

Графъ Воронцовъ, заслышивъ канонаду, приказалъ одному изъ своихъ адъютантовъ узнать, что дѣлается со мною. Онъ прискакалъ въ тотъ моментъ, когда я принималъ плѣнныхъ, и поспѣшилъ съ донесениемъ къ графу, который написалъ мнѣ любезное письмо, прислалъ мнѣ нѣсколько солдатскихъ георгіевскихъ крестовъ для раздачи отличившимся и разрѣшилъ мнѣ представить списокъ офицеровъ, заслужавшихъ того, чтобы о нихъ было сдѣлано представление императору.

Мнѣ посчастливилось первому одержать побѣду надъ непріятелемъ на новомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Королевскій принцъ упомянулъ объ этомъ въ своемъ бюллетеѣ, и я былъ награжденъ Анною съ алмазами. Мой братъ былъ произведенъ въ капитаны; всѣ офицеры, представленные мною къ наградѣ, удостоились таковой. Въ числѣ ихъ оказался, къ великому моему удовольствію, поручикъ артиллеріи Ратмановъ. Онъ получилъ Анну 2-й степени, что было въ то время выдающееся наградою, въ особенности для офицера, не имѣвшаго еще ни одного знака отличія.

Я ходатайствовалъ за него у графа Воронцова, который не отказалъ мнѣ въ этомъ, будучи всегда готовъ наградить истинную доблесть.

Послѣ этого урока, даннаго нами непріятелю, онъ пересталъ тревожить нашу позицію при Винзенѣ, и графъ Воронцовъ могъ совершенно спокойно основать тамъ свою главную квартиру. Вѣчно дѣятельный, хотѣвшій видѣть все своими собственными глазами, онъ посѣтилъ меня на слѣдующій день.

Я былъ въ самомъ жалкомъ положеніи; послѣ сраженія меня схватила лихорадка, и я не былъ ни на что способенъ. Графъ Воронцовъ далъ въ мое распоряженіе свою коляску, и я отправился въ сопровожденіи брата и прусского поручика Клицинга въ Люнебургъ, гдѣ уже находилась главная квартира королевскаго принца.

Графъ Воронцовъ со своей обычной заботливостью навѣщалъ меня нѣсколько разъ во время моей болѣзни и выказалъ мнѣ большое участіе.

Я чуть не поссорился въ это время съ моимъ другомъ, генераломъ барономъ Паленомъ.

Дѣло въ томъ, что въ моей реляціи о побѣдѣ, одержанной при Винзенѣ, не было упомянуто о рижскихъ драгунахъ, принадлежавшихъ къ бригадѣ Палена, по той простой причинѣ, что они не имѣли случая отличиться. Когда я отрядилъ два взвода для того, чтобы поддержать блестящую атаку, веденную моими казаками, то офицеръ, командовавшій этими взводами, дѣйствовалъ столь вяло, что я приказалъ тотчасъ

посадить его подъ арестъ; это произвело впослѣдствіи большое впечатлѣніе въ Рижскомъ полку и дошло до свѣдѣнія барона Палена, который потребовалъ отъ меня официально объясненія по этому поводу.

Взыскавъ съ офицера за его нерадѣніе на мѣстѣ преступленія, я не хотѣлъ давать дальнѣйшаго хода этому дѣлу, такъ что мы покончили его съ Паленомъ къ обоюдному удовольствію. Впрочемъ, драгуны, составлявшіе мой резервъ, исполнили въ точности мои приказанія; не могъ же я въ самомъ дѣлѣ ходатайствовать о награжденіи тѣхъ, кои не сдѣлали ничего выдающагося; я не выигралъ сраженія, послѣ котораго раздаются обыкновенно много наградъ безъ разбора. Каждый человѣкъ былъ у меня какъ на ладони, на виду у всѣхъ.

Такъ какъ графъ Воронцовъ, составляя авангардъ арміи королевскаго, принца долженъ былъ перейти Эльбу, то графу Строганову было приказано занять его посты.

Здоровье не позволяло мнѣ еще вступить въ командованіе авангардомъ. Я остался въ Люнебургѣ. Пока въ городѣ находились довольно значительныя силы, у меня было отличное помѣщеніе и ко мнѣ относились внимательно, но какъ только изъ Люнебурга выступилъ послѣдній отрядъ, хозяинъ дома, въ которомъ я жилъ, измѣнилъ свое обращеніе со мною и сталъ въ высшей степени дерзокъ.

Мой братъ, человѣкъ очень вспыльчивый, былъ взбѣшенъ этимъ. Вместо обычнаго хорошаго завтрака, хозяинъ подалъ намъ отвратительный хлѣбъ, прескверное масло и вонючую ветчину. Я былъ слишкомъ плохъ, чтобы замѣтить всѣ эти мелочи; но мой братъ, возмущенный этой неожиданной перемѣной, призвалъ хозяина дома и заставилъ его съѣсть отвратительное масло, которое онъ считалъ достаточно хорошимъ для насъ.

Разумѣется, онъ не имѣлъ ни малѣйшей охоты сдѣлать это, но присутствіе двухъ казаковъ заставило его быть кроткимъ и послушнымъ. Онъ повиновался, впрочемъ весьма неохотно, и, я думаю, послалъ насъ въ душѣ ко всемъ чертямъ.

Послѣ этой комической сцены, еще далеко не оправившись, я сѣлъ на лошадь и уѣхалъ изъ Люнебурга на поиски графа Воронцова, который успѣлъ, между тѣмъ, перейти Эльбу. Я нагналъ его въ Шварценбахѣ.

Бѣза и чистый воздухъ подкѣпили меня, и я считалъ себя уже способнымъ командовать авангардомъ.

Мнѣ предстояло объѣхать кругомъ весь Гамбургъ, достигнуть высотъ Альтоны и, такъ сказать, окончательно овладѣть этимъ городомъ.

Я пообѣдалъ по пути у генерала барона Палена, которому было приказано эшелонироваться за мною со своей кавалеріей. Прибывъ къ своему отряду, я уѣхалъ, что въ мое отсутствіе всѣ страшно рас-

пустились; никто не могъ даже сказать мнѣ въ точности, гдѣ именно находится непріятель; я тотчасъ приказалъ всѣмъ сѣсть на лошадь и дошелъ въ ту же ночь до Куддиверде.

Непріятель сломалъ и сжегъ всѣ мосты на Билль (La Bille); это заставило меня остановиться, чтобы подготовить переправу.

Подмораживало; снѣгъ шелъ хлопьями; необходимыхъ матеріаловъ у меня не было; мы встрѣтили бы тысячу препятствій, если бы я дѣйствовалъ менѣе энергично и стала заботиться о прочности новаго моста, но съ казаками всюду можно пройти. Я вскорѣ преодолѣлъ всѣ трудности и настигъ въ Паппендорфѣ врасплохъ пикетъ конныхъ егерей, состоявшій изъ квартирмейстера и восьми егерей, которые были взяты нами въ пленъ и послужили графу Воронцову доказательствомъ того, что его авангардъ не терялъ непріятеля изъ вида, какъ это случилось, къ его величайшему неудовольствію, во время моего отсутствія.

Я поспѣшилъ идти къ Сику (Sieck), большой деревнѣ, лежавшей на шоссе, которое ведеть въ Вандсбекъ и Гамбургъ.

Я переночевалъ въ этой деревнѣ въ домѣ священника.

Ночью я получилъ отъ графа Воронцова приказаніе пройти по дорогѣ въ Вандсбекъ какъ можно далѣе; онъ употребилъ выраженіе: чтобы увидѣть непріятеля въ глаза. Для меня подобное приказаніе было излишне. Въ ту же ночь я послалъ на эту дорогу разведчиковъ, а на слѣдующее утро у меня уже завязалось жаркое дѣло между Ральстедтомъ и Тондорфомъ.

Отрядомъ, съ которымъ я вступилъ въ бой, командовалъ генераль Вишери. Онъ выставилъ весьма значительныя силы, всѣхъ трехъ родовъ оружія, коимъ я могъ противупоставить только горсть казаковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. М. Карамзинъ и гр. Н. П. Румянцовъ.

Собственноруч. письмо Н. М. Карамзина—гр. Н. П. Румянцову.

14-го апрѣля 1816 г. Москва.

Въ добавокъ къ милостямъ, вашимъ сіятельствомъ оказаннымъ мнѣ въ Петербургъ, вамъ угодно было вспомнить обо мнѣ и по моемъ отъѣздѣ: примите за то и за другое мою сердечную благодарность. Умѣю цѣнить ваши ласки такъ же, какъ и ваши необыкновенные достоинства, которыя дѣлаютъ честь нашему отечеству и времени. Извините простоту выражения: она мнѣ свойственна вмѣстѣ съ искренностью. Готовясь возвратиться въ Петербургъ, увѣряю себя въ вашемъ неизмѣнномъ ко мнѣ благоволеніи, которое должно быть для меня замѣною многихъ истинныхъ пріятностей, оставляемыхъ мною въ доброй, старинной Москвѣ, гдѣ провелъ я три возраста жизни. Въ 49 лѣтъ уже не ищутъ такъ называемаго счастья; но пока мыслимъ и чувствуемъ, хотимъ удовольствій душевныхъ. Мысль о вашемъ привѣтливомъ, искреннемъ обхожденіи со мною украшаетъ для меня мысль о Петербургѣ. Уже не буду искать тамъ ни представлений, ни разсѣянія, и тѣмъ болѣе надѣюсь пользоваться вашею превлекательною, любезною бесѣдою о минувшемъ и настоящемъ.

Отъ всего сердца желая вашему сіятельству совершенного здоровья и спокойствія, какъ первого блага въ жизни, съ истиннымъ высокопочитаніемъ и душевною преданностью имѣю честь быть и проч.

Отвѣтъ графа Н. П. Румянцова безъ мѣсяца и числа.

Съ признательностю получа письмо, каковымъ меня удостоили, и за то вѣсъ благодарю, что сами примѣтить изволили, какъ въ бытность вашу въ Петербургѣ я часто съ вами быть желалъ. Кто изъ насъ не почитатель ума, просвѣщенія и доброты душевной. Вы, такъ сказать, въ каждой масти людей въ правѣ найти себѣ приверженцевъ и посреди множества замѣтите меня особо. Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1901 г.
ТОМЪ СТО ВОСЬМОЙ.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН.

I. Воспоминанія протоієрея И. И. Базарова.	
	85—100, 271—291, 533—560
II. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева	109—135, 576—592
III. Былое. Изъ воспоминаній о пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ. А. Р.	137—158, 371—388, 635—647
IV. Записки генерала В. И. Левенштерна.	431—457, 683—699
V. Воспоминанія К. С. Веселовскаго.	495—528
IV. Алексѣвскій равелинъ въ 1862—1865 гг. (изъ моихъ воспоминаній). Сообщ. И. в. Борисовъ	573—578

ПОРТРЕТЫ.

- I. Портретъ графа Пощо - ди - Борго. Грав.
И. И. Хелмицкій.

(При 10-ой книгѣ).

- II. Портретъ графа Александра Христофоровича
Бенкендорфа. Грав. И. И. Хелмицкій.

(При 11-ой книгѣ).

III. Портретъ графа Дмитрія Николаевича Блудова. Грав. И. И. Хелмицкій.
(При 12-ой книгѣ).

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Рассказы, материалы и замѣтки.

	СТРАН.
I. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. Сообщ. Н. О. Дубровинъ	465—494
II. Нотное пѣніе въ церквяхъ. Предложеніе князя А. Н. Голицына Святѣшему Правительствующему Синоду. 10-го января 1816 г.	42
III. Кончина А. С. Грибоѣдова по армянскимъ источ- никамъ. (Изъ сочиненія Галуста-Шермазаня: «Материалы для національной исторіи»). Сообщ. съ дополненіемъ М. Я. Алaverдинцъ.	43—68
IV. Императоръ Павелъ. Очеркъ развитія его лич- ности. II.	69—84, 305—322,
V. Письма Г. С. Батенькова—князю Е. П. Оболен- скому. Сообщ. княг. М. Г. Оболенская.	101—108
VI. Памятники гр. Румянцову, кн. Суворову, Куту- зову и Барклай-де-Толли. Рескрипты гр. С. К. Вязмитинову. 23-го сентября 1818 г. Ахенъ . . .	136
VII. Россія и папскій престолъ. П. Пирлинга. (Съ французскаго)	159—192,
VIII. Къ портрету графа Пощо-ди-Борго	193—194
IX. Экспедиція Государствен. Хозяйства (1797— 1803 гг.) В. И. Вешнякова	195—205,
X. Новороссійскій край въ 1816 году. Высочайшее повелѣніе министру финансовъ. 4-го мая 1816 г.	206
XI. Николай Иванович Тургеневъ въ своеемъ оправ- даніи. Сообщ. А. А. Омінъ	207—220, 327—340,
XII. Письма В. А. Жуковскаго къ великой княгинѣ Александре Феодоровнѣ изъ первого его загра- ничнаго путешествія въ 1821 году. Сообщ. И. А. Бычковъ.	649—680 309—401
XIII. «Полярная Звѣзда» и «Невскій Альманахъ». (1826—1827 гг.). Сообщ. Н. Д.	265—269
XIV. Письмо М. Сперанскаго императору Николаю 19-го июня 1827 г.	270
XV. Просьба арестантовъ въ 1812 году объ отправле- ніи ихъ въ дѣйствующую армію. 22-го сентября 1812 г.	292

XVI. Театральныя интриги въ 1822 году. (В. А. Ка- ратыгинъ и П. А. Катенинъ). И. В. Кубасова	293—304
XVII. Нѣсколько новыхъ словъ о пребываніи Гоголя въ Одессѣ въ 1850—1851 г. Николая Лер- нера	323—326
XVIII. Михаилъ Васильевичъ Остроградскій подъ надзо- ромъ полиціи	341—342
XIX. Письмо М. Сперанского—гр. Аракчееву 14-го сентября 1816 г. Великополье. Просьба графа Растопчина объ увольненіи его въ отставку. 15-го октября 1823 г. Москва.	370
XX. Распоряженіе о наблюденіи за продажею карти- катуръ 29-го мая 1823 года	402
XXI. Родословная Басмановыхъ	423—430
XXII. О благочинії въ церквахъ. Записка графа Арак- чеева. 23-го января 1816 года	458
XXIII. Празднованіе XL-й годовщины освобожденія крестьянъ	459—464
XXIV. Три «Молитвы». Сообщ. Николай Лернеръ	529—532
XXV. Къ исторіи изданій «Горе отъ ума». Сообщ. А. И. Станкевичъ	593—596
XXVI. Опаздываніе чиновниковъ на службу. Письмо Барклай графу Ивану Александровичу Апраксину, 26-го января 1810 г.	634
XXVII. Н. М. Карамзинъ и А. А. Шишковъ	648
XXVIII. О преобразованіи учебныхъ заведеній. Рескриптъ императора Николая—А. С. Шишкову	681—682
XXIX. Н. М. Карамзинъ и Н. П. Румянцовъ	700
XXX. Систематическое оглавление 108-го тома. Сост. Н. И. Кашкадамовъ	701—704
XXXI. Указатель личныхъ имень въ 105, 106, 107 и 108 томахъ «Русской Старины» 1901 года. Сост. В. В. Тимошукъ	1—88

Библіографіческий листокъ.

1. 14-е марта. Двадцатилѣтній періодъ товарищескихъ собраній „Дво-
рянъ“ и „Константиновцевъ“. (1882—1901 гг.). Воспоминанія одного
изъ участниковъ. Спб. 1901. Н. И. Кашкадамова (На оберткѣ
октябрьской книжки).
2. „Русский Біографический Словарь“. Фаберъ—Цявловскій. Изд. подъ на-
блюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго
Общества. А. А. Половцова. Спб. 1901 г. (На оберткѣ ноябрьской
книжки).
3. Д. В. Цвѣтаевъ. Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его
въ Польшѣ. Приложенія къ историческому изслѣдованію. Книга первая.
Варшава. 1901 г.—С. Ф. Либровичъ. Царь въ плѣну. Спб. 1901 г.
В. Лаго (тамъ же).

4. Николай Лернеръ. „Первая одесская газета.“ Страницка изъ исторіи русской печати. Одесса. 1901 г. Н. И. Кашкадамова (тамъ же).
 5. А. С. Пушкинъ, его публицистическая и журнальная дѣятельность. Историко-литературный очеркъ К. Кузьминскаго. Москва. 1901 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ декабрьской книги).
-

П Р И Л О Ж Е Н I Я.

Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ И. А. Бычковъ. 129—192

11, суббота. Миланъ. Въ Домъ¹⁾: статуя с(вятаго) Вареоломея; фасадъ; мозги с(вятаго) К(арла) Борромея; рака серебр(еная) съ кристал(омъ); на памятникъ серебреные барельефы; крестъ, одежда; голова; прекр(асный) входъ; нижняя церковь съ лѣпною работою. Въ глав(ной) церкви: хоры бронзовые; боковые алтари съ колоссальными мрам(орными) статуями. Площадь передъ Домомъ: полиции. Дворецъ: фрески Аппианіевы. Галлерея Брера: Рафаэлево Обручение с(вятой) Екатерины; Гвердинова Агарь; *Les Noces de Cana de P(aolo) Veronese*; Мадонна съ Младенцемъ и передъ нею мать съ другимъ, Крестпи; Амуры Альбановы. Нѣсколько старыхъ картинъ.—*La biblioteca Ambrosiana*²⁾: картонъ Аениской школы, нѣсколько рисунковъ Ленардо³⁾ и Альбрехта Дюрера; Альбрехта Дюреровъ S. Hubertus; Святая фамилія, Luini; его же св. Іоаннъ; нѣсколько портретовъ Ленардо да Винчи. Его манускрипты. Манускрипты: Виргилія съ замѣчаніями Петrarки; рисунки изъ стариннаго списка Гомера; манускриптъ на папирусѣ Флавія Іосифа. Множество манускриптовъ. Библіотека публичная. Обѣдалъ за общ(имъ) столомъ. Въ театрѣ Opera buffa: Clotilde. M. Amati и M. Ceriola; басъ и буффа. Гроза.

12, воскресенье. Миланъ. Гроза. Библіотека Амбrozиніана. Дожд(икъ). Обѣдъ въ ресторациі. Офицеръ. Въ театрѣ Girolamo: Dedale e Icare. Въ циркѣ. Ворота Бонарпарте: 16 колоннъ коринтскихъ; три арки; барельефъ въ фризѣ: входъ въ Миланъ послѣ Маренго⁴⁾, къ коронації; нижніе барельефы: Франція, Исторія, Слава, Италія; Геркулесъ, Минерва и Аполлонъ.—Симплонская дорога прямо къ сему мрамору.—Циркъ 700 шаговъ. Place d'armes; эхо.—Scenaculo⁵⁾ Ленардо да Винчи: дверь, госпиталь, стойла, наводненіе. Въ монастырѣ казармы.

13, понедѣльникъ. На высоту Дома. *Maria della Passione*. Въ театрѣ. (Картины Луини и Procaccini⁶⁾; богатый авторъ). Не обѣдалъ, а пилъ шоколадъ. Въ театрѣ: опера Россини. Прелестная лунная ночь; видѣ на D(u)oimo.

14, вторникъ. S. Bernardino: кости. Госпиталь. Русскій генераль. Въ полицію. St. Alessandro. Corso. Въ caf . Встрѣча брачная. Обѣдалъ въ трактире.

¹⁾ Т. е. соборъ (duomo).

²⁾ Въ дневникѣ описка: Ambrosiniana.

³⁾ Да Винчи.

⁴⁾ Сраженіе подъ Маренго, въ которомъ Наполеонъ разбилъ австрійцевъ, произошло 2 (14) іюня 1800 года.

⁵⁾ Знаменитая Тайная вечеря Леонардо да Винчи.

⁶⁾ Луини (р. 1460†1540), ученикъ Л. да Винчи; Прокаччини—тоже живописецъ (въ XVI—XVII в. было нѣсколько живописцевъ изъ этой фамиліи).

15. Въ St. Celso; Адамъ и Ева; статуя Маріи; великолѣпная церковь; Рафаелева копія. St. Paul: барельефи. Въ Palais Trivulci: до 70 лѣтъ; обѣдъ: свѣжесть; отдѣленіе мужчинъ, отдѣленіе женщинъ; высокіе дортуары; государыня: церковь; садъ; рабочая. Старикъ живой. Обѣд(аль) въ ресторації. Въ театрѣ Scala: мѣна шляпами. Опера-балетъ: испорченный планъ, блестящія, но не точныя одежды. Донъ-Кихотъ, Иоанна, Cenerentola¹⁾). Сосѣдство въ театрѣ. 6 рядовъ ложъ, 240. Отъ 8 до 12-ти. Живость зрителей²⁾.

16. Изъ Милана въ Sesto. Озеромъ въ Isola Bella: несравненное путешествіе; вечерь; трактиръ въ Isola Bella. Арома; статуя К(арла) Борромея; часовня; reliques: перчатка, маска. Вечерь на Lago Maggiore: полумѣсяцъ надъ холмомъ какъ колесница. Востокъ и западъ. Радужные небеса. Лежа надъ водою впередь—статуя. Звѣзды на горахъ. Вѣтеръ. Воды, измѣняющіяся вмѣстѣ съ небомъ. Тихія облака. Одно облако на небѣ. Цвѣтъ Альповъ и горъ отъ розового къ голубому. Топазовый западъ. Противоположный берегъ и свѣтлая дорога. Утки. Пѣсни. Чай въ Belgirato³⁾). Шумъ веселья и вѣтра. Огни въ Лавенѣ и Палланцѣ. Даль между горъ разноцвѣтная. Птицы. Красавицы въ Аронѣ.

17. Isola Bella. Садовникъ. Когда приѣзж(аетъ) принцъ, въ пол(о-винѣ) августа на 40 дней. Картины; нижнія комнаты: статуи Монти⁴⁾. Дворецъ на сваяхъ. Оранжереи. Isola Madre. Baveno. Прекрасный трактиръ на почтѣ. Переѣздъ въ Domo d'Ossola: Калварія; дорога Наполеонова; голоса; измѣненія неба; птицы; шишки деревьевъ; шумъ; облака.

18, суббота. Отъ Домодоссолы до Симплона. Крсволя: удивительный мостъ на одномъ столбѣ; башня; дорога съ перилами. Видъ на Креволу. Колонна мраморная 37 ф(утовъ) дл(ины), $4\frac{1}{2}$ ф(ута) диаметръ⁵⁾; на дорогѣ разсыпанъ arc de triomphe. Между Диведро и Изелою каскадъ. Прорывъ. Часовня. Ужасныя развалины. Домики работниковъ около утесовъ. Дорога стѣною посреди ущелья. Маленькая галлерея и водопадъ.

¹⁾) Донъ-Кихотъ и Иоанна—балеты, изъ которыхъ послѣдній былъ передѣланъ изъ драмы Шиллера подъ тѣмъ же названіемъ. Cenerentola — опера Россини. (Свѣдѣнія объ этомъ находятся въ письмѣ Жуковскаго къ великой княгинѣ Александрѣ Феодоровнѣ отъ 2 (14)—7 (19) октября 1821 года).

²⁾) Въ дневникѣ Жуковскаго имѣется передъ 19-мъ августа еще слѣдующая замѣтка, относящаяся къ его пребыванію въ Миланѣ. „Вечерь въ Миланѣ. Дѣти въ фартукахъ. Corso. D(u)omo ночью. Сосѣдство въ театре—ай, ай“.

³⁾) T. e. Belgirate.

⁴⁾) Было вѣсколько итальянскихъ скульпторовъ съ этой фамиліею.

⁵⁾) Мраморная колонна, вытесанная изъ одного камня и приготовленная для триумфальныхъ воротъ Наполеоновыхъ, полуувоздвигнутыхъ въ Миланѣ.

Снѣжныя вершины. Изела: осмотръ паспорта. Слѣдъ лавины. Гуппсенъ. Башня въ утесахъ. Мельница. Sassbach. Все въ развалинахъ. Облако. Старая дорога. Камни. Мостъ съ каскадомъ. Подмостки. Слѣды пороху. Галлерей въ 230 шаговъ, три отверстія; птица: съ одной стороны разрывъ; съ другой—стѣна для осыпи. Набросанные мелкие камни. Эхо въ срединѣ утеса. Ручей и паукъ. Fletschhorn и небо. Галлерей Алгаби, кругой всходъ, пустыя скалы, всѣ горы полуоголя, сухія ели, свѣжій и легкій горный воздухъ. Симплонъ. Англичане, бѣдущіе въ Италію. Прелестная хозяйкина дочь. Вторая половина Симплонской дороги го-раздо живописнѣе. Переходъ на сторону Брюгга¹⁾; дорога не столь хороша, но виднѣе; отъ послѣдняго refuge до Бригга пышкомъ: шумный Кандербахъ; освѣщеніе утесовъ; глетшеры; Jungfrau; чудесно ясное небо; цвѣты запада; облака; ночь; стѣны утесовъ и небо; звѣзды; шумъ невидимаго потока; Мах.

19. Отъ Брига до Туртмана²⁾). Однообразная полуголая долина; пышность; причина жаръ; лѣнъ жителей; луга. Developpement involontaire; engourdissement; milieu³⁾). Для чего сражались? Италія. Каскадъ въ Туртманѣ: быстрый и высокій, но не живописный. Видъ Туртмана и долины отъ Туртмана къ Лейку: почти италіанская природа; правая сторона долины сожжена зноемъ. Утесь и ручей Вильдбахъ. Расширение долины у Лейка. Деревня барона Verra. Все знойно; дернъ какъ пятна. Мутная Рона. Urkalk. Разливы Роны; известковый округленный камень составляє(ть) ложе Роны. Видъ на Salgetsch, Alpina, Gemini, Leuk, Pfyn: паръ отъ жару; знойный видъ горъ; мерзкая дорога: Diablerets, Sametsch, Gemmihorn. Долина живописнѣе къ Сиэррѣ. [Роща по долинѣ и холмы какъ островы. Ели на утесахъ безъ дерна]. Осыпи мелкія⁴⁾). Должно здѣсь бѣхать ввечеру [ш(агомъ)]: холмистое дно долины. Мостъ черезъ Рону. Голый утесь посреди дороги. Развалины замковъ. Живописная Сиэрра. Preuss—стрѣльба въ цѣль: кортики, братство, владѣнія, плата, капиталъ, ужины. Встрѣча съ англичанами верхами. Il faut une espérance heureuse pour avoir un r  veil heureux. Les goitres, les cretins.

¹⁾ Т. е. Брига (Brig).

²⁾ Начиная съ 19 августа и ст. и кончая 3 (15) ноября 1821 года дневникъ Жуковского сохранился въ двухъ видахъ: черновомъ (писанномъ большою частью карандашомъ, почеркомъ весьма неразборчивымъ) и бѣловомъ (писанномъ чернилами тоже не слишкомъ разборчиво). Въ черновомъ дневнике замѣтки Жуковского мѣстами изложены болѣе подробно, чѣмъ въ бѣловомъ. Всѣ такія дополненія, опущенные въ бѣловомъ дневникъ (иногда по той причинѣ, что Жуковскій самъ не могъ разобрать имъ написаннаго), вписаны мною въ текстъ и заключены въ прямые скобки.

³⁾ Т. е. непроизвольное развитіе; тупость; среда.

⁴⁾ Переписывая дневникъ на-бѣло, Жуковскій не разобралъ имъ написаннаго, и въ бѣловомъ дневникѣ вместо этой фразы стоятъ: Мелкія ольхи.

Muscat¹). [Туманъ на горахъ]. Замки Majoria, Valeria и Tourbillon. Трактиръ Льва въ Сионѣ; милая хозяйка, италіанка; на колокольню. Знойный вечеръ.

20, понедѣльникъ. Съ правой стороны развалины Сейона и Монторжа, впереди вершины Diablerets, слѣва выглядываетъ S.-Bernard; въ самой долинѣ утесы. [На колокольню, Mon cher]. Вегетація италіанская: дубы, груши, каштаны, орѣхи; пирамидальная форма деревьевъ. Дорога лучше, нежели въ нѣмецкомъ Валлисѣ. Виноградники. Ветро. Ардонъ. Аллея изъ дубовъ и орѣховыхъ деревьевъ; виноградники. Плодоносная долина; правы горы полуголые утесы; лѣвыя покрыты пышными Альпами; утесы, разрушаляемы временемъ и стихіями; звезды, где нѣть вегетаціи, развалины. (Сравненіе Рейской, Тицинской и Тосской долины). Полный видъ на Diablerets; облако надъ высочайшимъ; совсѣмъ голые камни. [С.-Пьеръ]. Le gouvernement est la raison du peuple, il le forme ou le r  forme²). Дымныя струи. Riddes; деревня, мельница, водопой. Глупыя рожи. Отъ Riddes менѣе плодоносно. Встрѣча съ англичанами (въ каретѣ, чтеніе). Конопля и макъ. Слѣдъ ручьевъ на голыхъ утесахъ. (Потеря портфеля и чемодана). Видъ издали на Pisseyache. Martigny. Обѣдъ. Постъ обѣда къ Pisseyache. Разливъ воды. Видъ спереди: не живописно; волны какъ ракеты; вѣтеръ и направление паровъ; сквозь пары долина и Pain de Sucr   и вся освѣщенная долина. Весь востокъ. Боковые ручьи, каждый особенный, и мелкой водопадъ. Шумъ воды: какъ безпрестанная ружейная стрѣльба въ шумящемъ лѣсу; то ближе, то далѣе; къ Мартини картина лучше, къ С.-Морицу голѣе и диче. (Несчастье имѣть проводника). Быстрота, увеличивающаяся съ подъемомъ; снежные ракеты. [Встрѣча съ дѣвушками]. Raccart.

21, вторникъ. Col de Balme и Chamouny. Шумящая Дранза. Крутой вхѣдъ безъ отдыха. Камни. Долина Трентъ. Источникъ Трентъ; его прорывъ. Мѣсяцъ. Солнечный восходъ. (Впечатлѣніе картины Швейцаріи различно отъ разл(ичнаго) расположения и освѣщенія. Риги, Брюгская, Валлійская долина, Haggen, Thiergarten, вечеръ въ Потсдамѣ, Pisseyache). Звонки. Шумъ источниковъ. Сначала усталость, потомъ свѣжесть отъ горного воздуха. Прелестъ перехода отъ восхожденія къ сходу. Видъ на долину и Col de Balme. Трентъ [деревня Коль де Бальмъ], снежные вершины, часть горъ, освѣщенныхъ солнцемъ. [Sennh  tte: 50 vaches; 250 fromages pesant de 20 à 30 livres, selon

¹) Т. е. Надо имѣть надежду на счастіе, чтобы имѣть счастливое пробужденіе. Зобы, кретины.

²) Т. е. Правительство есть разумъ парода; оно его образуетъ или преобразуетъ.

le lait, selon la saison. Pas plus de 20 livres de beurre ¹⁾). Встрѣча съ нѣмцами]. Всходъ на Col de Balme. Утесы Ешери. Обманутая надежда на C(ol) d(e) B(alme). Мухи. Сходъ въ долину. Отдохновеніе въ деревнѣ La Tour: бѣдность и нечистота, улицы, хлѣбъ. Argentiere огромный Gletscher, [который современемъ задавитъ долину. Стукъ отъ глетщера]. Дно долины: мутная Арва по камнямъ, голыши, коренья, песокъ. (Глетщеры изображаютъ твореніе горъ, одинакіе слои). Глетщерь Les Bois; нечистая долина. Начинается (sic) покрываться ильмами, съ маленькими холмами, между коими Арва. Черное облако съ огненными краями, и изъ него лучи. [Много видовъ съ долины; каждый видъ помрачаетъ близость проводника; именно въ ту минуту, въ которую бы наслаждаться, усталость]. Глетщерь Боссонъ какъ чешуя. Приближеніе къ истоку Арвейрона. Огромныя массы льда. Трешины. Головы изо льда. Паденіе камней въ Арвейронъ; громъ волнъ. Трескъ глетщера. Лавины. Пещера съ зелеными лѣдистыми стѣнами. Во весь день M(ont)-blanc въ клубящихся облакахъ. Въ часъ заката облака вспыхнули и разошлись, и выступила пламенная голова великаны. Теперь ночь, передовыя головы черны, надъ ними рядъ снѣжныхъ головъ и звѣздное небо; Арва шумить; прекрасная сельская картина; исчезаніе предметовъ.

22, середа. Утро въ Шамуни, вечеръ въ С.-Мартенѣ. Удивительно яркой цвѣтъ. Полумѣсяцъ. Звѣзды. Нѣсколько легкихъ облаковъ надъ Charmoz. Острые утесы выглядываютъ изъ-за черныхъ горъ. Долина въ полусвѣтѣ. Даль въ свѣтломъ тонѣ. Глетщерь des Bois свѣтель. Montblanc весь въ свѣту; справа Aiguille du Midi, сзади какъ будто уходящая вершина; Dôme du Goûter и Aig(uille) du Goûter; надъ нимъ звѣзды и глетщерь Bosson(s), свѣтло сходящій въ долину; шумъ Арвы; Aiguille du Midi и du Goûter какъ два сторожа. Мѣсто на землѣ, на которомъ никогда не бываетъ человѣка; на черныхъ шпицахъ снѣгъ; нѣкоторыя звѣзды какъ будто съ фонаремъ; необыкновенная яркость полумѣсяца (полумѣсяцъ пріятнѣе полной луны); туманъ какъ ды(мъ) и звѣзды какъ искры отъ пожара. Сходъ въ долину. Кладбище. Одинъ крестъ. Маленькая церковь. Нѣсколько домовъ. Дорожки. Мѣсяцъ. Летучая мышь. Пѣтухъ. Огромные Альпы. Востокъ чистъ и ясенъ; на немъ формы Альповъ. Всѣ прочія вершины только темныя, а Montblanc уже свѣтель. Отъ луны около вершины тѣнь; а на вершинѣ—яѣгъ; развѣ снизу. На западѣ облака. Прелестно-яркой полумѣсяцъ посреди освѣщенаго неба. Вершины озаряются. Все не одинакаго цвѣта съ про-

¹⁾ Т. е. Сыроварня: 50 коровъ; 250 сыровъ, вѣсомъ отъ 20 до 30 фунтовъ, смотря по качеству молока и времени года. Не болѣе 20 фунтовъ масла.

чимъ; розово-свѣтлый, а другія — голубовато-цвѣтн(ыя). Расса пала. Облака вились и перевивались около вершинъ, съ однихъ дымомъ, съ другихъ хвостомъ шлема, покрываломъ, всклокоченою бородою, часть точно летающія головы опрокинутыхъ великановъ, какъ гиганты, упавшіе навзничь съ прикованными къ грудямъ руками и ногами, остатки отъ древняго боя гигантовъ. Монбланъ всѣхъ задавилъ и сияетъ. Часы на кладбищѣ. Пѣтухи. Милые дома. Нѣсколько птицъ. Тиха рожь, рощи, въ промежуткахъ свѣтлѣется рѣка. Двѣ зари, одна на востокѣ, другая на вершинѣ Монблана. Вершина серебреная на голубомъ небѣ. Восхожденіе солнца въ горахъ; одни облака и вершины; солнце. Караванъ на Монтанверъ, 10 ламъ на мулахъ; одинъ мулъ взбѣсался. Въ Саланшѣ: въ Шамуни все дно покрыто рощами, между которыми шумящіе ручьи, свѣтлые и мутные. Звонки. Глетшеръ сквозь деревьевъ. (Несчастье въ Шамуни, 7 семей). [Обвалившаяся дорога]. Видъ долины отъ Ouches¹⁾. [Видъ отъ поворота къ Ouches]: Бревенъ и Монбланъ, слѣва тѣнистый лѣсокъ, за нимъ утесь Aiguille d'Argenti re, верш(ина) Ледов(итаго) моря, Dru, les Blaiti re и Charmoz, Aiguille du Midi, Dôme du Goûter, долина съ своею сельскою прелестью и посреди, какъ ледовитый островъ, les Bessons. Ouches большая деревня въ $\frac{1}{2}$ часа отъ Шамуни. Поворотъ отъ Бревена: долина внизъ; [съ одной стороны и] впереди утесы, [съ другой, подгѣ обрыва, Арва]; (горы теплятся; не сияніе, а рдѣющій уголь розового цвѣта). Видъ на Montblanc съ камня посреди дороги, какъ островъ надъ пропастью: Br event, Арва въ безднѣ, и надъ всѣмъ этимъ Montblanc. Караванъ англичанъ, идущихъ къ Montblanc. Пастухъ съ рогомъ и эхо. [Остатки рудокопн]. Servoz: monument d'Escher. Добрая хозяйка [въ трактире]. Между Servoz и Ch de Lac des ch vres: прелестное озеро, сельскій видъ, холмики, зелень въ водѣ, долина Ch de; [St-Nicolas, деревня, въ сторонѣ прекрасный каскадъ, льющей изъ камня; ребятишки съ стаканами]; каскадъ, 160 фут.: одна струя, ступень, двѣ въ котель, гдѣ кипятокъ, въ другой, гдѣ зелень, струя по камнямъ, прекрасные попеченные утесы, гораздо живописнѣе²⁾ Pisseyache; но нѣть того грома и брызга, струя льющаяся, а не бросающаяся; радуга [красавица]. Деревья ольхи, зелень, шумъ сплошной; смотрѣть съ противной стороны: весь; съ холма, который надъ самымъ жерломъ: нѣть ужаснаго, но прелестнѣо³⁾. Сперва не видишь водопада, когда къ нему идешь; одна бѣгущая прозрачная вода по камнямъ; завидуешь имъ въ жарь. Прелестная равнина Ch de: вишни и зеленые деревья. Остался одинъ; тихой вечеръ; ручьи; горы съ обла-

¹⁾ Т. е. Ouches.

²⁾ Въ черновомъ дневникѣ: „гораздо пріятнѣе“.

³⁾ Тамъ же: „по тихо“.

ками; видъ облаковъ: какъ головы; другія головы изъ-за нихъ; бороды по скаламъ; [въ этотъ вечеръ] точно собраніе духовъ. Надъ огромною горою три облака, озаренные вѣнцомъ изъ лучей. Величие горъ, когда стоишь посреди большой равнины, окруж(еной) горами, такъ что каждая вся видна, и на вершинахъ тучи; чистыя вершины безъ облаковъ болѣе тихаго величія. Заходящее солнце за стѣною тучъ; St.-Gervai(s), церковь; солнце за Cordon, Passi вѣтвѣ; надъ церковью воспламененный туманъ, а церковь вся ярка. Небо на западѣ очистилось, одинъ образъ горъ и потомъ золотая гряда облаковъ; [зато] на Монбланѣ вихорь пламенныхъ тучъ. Лица опрокинутыхъ великановъ впереди: поле сраженія. Вечернее освѣщеніе Montblanc: впереди пламенная голова; двѣ Aiguilles по бокамъ; съ обѣихъ сторонъ вихорь облаковъ; словно духи. Нѣсколько темныхъ облаковъ у ступеней прокрадываются. Между тѣмъ кузнечики, свѣжій воздухъ, я(р)кія звѣзды, поср(ед)и неба нѣсколько парящихъ летучихъ облаковъ, стукъ цѣповъ, шумъ воды, уединеніе, колоколь. Все точно въ тонкому, свѣтломъ покровѣ; двѣ скалы, какъ ворота, ступени; надъ густыми другія легкія, свѣтлыя облака. Молнія. Темный вечеръ. Приходъ въ St-Martin. Веселая служанка.

23, четвергъ. С.-Мартенъ—Женева. Всталъ до солнца. Утро и видъ на M(ont)blanc не столько прелестный, какъ въ Шамуни. На мысѣ. Непріятная Арва. На небѣ одинъ полумѣсяцъ и двѣ звѣзды. Туманъ и пlesкъ. Передовыя низкія горы. Струя розового блеска на M(ont)blanc. Задніе утесы въ свѣтѣ. Мостъ черезъ Арву. Салашъ. Между Салашемъ и Magland прекрасная сторона; долина, покрытая вишнями и орѣхами. Эхо. Nant d'Argentas и d'Orly. Bellegarde. Утесы стѣною, и Арва въ иныхъ мѣстахъ похожа на порядочную рѣку; смѣсь дикости съ пріятностію; зелень; по берегамъ рѣки ольха; много барбарису; хорошо обработанная сторона. Клузъ¹⁾), городъ чрезвычайно живописный на Арвѣ; съ одной стороны ущелія, съ другой равнина пышная, окруженная острыми горами; видъ съ моста [(Allons ici chez Dupont)]: яблони, вишни, груши, дубы по дорогѣ, зеленые рощи, кудрявые холмы и огромные деревья; запахъ отъ скжатого хлѣба, конопля, маисъ. Прекрасная деревня Siongy въ саду. Острой Môle [одинокой] съ облакомъ. [Обработанная долина]. [Между Môle и Saunex стали низкія горы]. Вдали Salève и стѣною Юра. Bonneville: hôtel de la Balance. Жаръ. Видъ на M(ont)blanc. [Salève. Annemasse]. Chesne: чистой городокъ, прилежность: видъ дѣятельности²⁾; поля, покрытыя виноградомъ [и] удобренныя; богатство растеній: каштаны, орѣхи, акаціи, saules pleu-

¹⁾ Т. е. Cluses.

²⁾ Въ черновомъ дневникѣ: „Chesne. При вѣзде въ границы Женевы уже видишь признаки дѣятельности“.

reurs, платаны. Контрастъ Италіи: работа, молодые подгѣ старыхъ; ни одного празднаго; сидящіе въ лавкахъ [всѣ] за работою. [Прекрасная] чистая дорога до Женевы. Городъ не веселый; довольно темныя улицы; двѣ съ навѣсами¹⁾. [Работа]. Фонтаны. Деревья. Трактиръ Écu de Genève на Ронѣ. Подъемныя окна. Прачки. [Прелестъ полумѣсяца].

24, пятница. Женева. День чрезвычайно жаркій. Прекрасныя бани на Ронѣ. Прогулка по городу. Къ Pashoud. На Treille²⁾. У Бонстеттена³⁾: [не засталъ]. Въ церковь. [Опять къ Бонстеттену]. Пріятная минута у Бонстеттена, но онъ испортилъ мнѣ день [своимъ] приглашеніемъ; дурное расположение отъ жары. Прогулка въ Ferney чрезъ S.-Jean. Деревня Констанъ; вліяніе Арви въ Рону [гдѣ соединеніе Арви съ Роною]. Les Délices, гдѣ живутъ англичане. Petit и Grand Saccon(n)ex; видъ на M(ont)blanc. Ferney: улица; домъ, построенный Вольтеромъ; церковь; разрушенная надпись; надгробный камень. Въ домѣ двѣ горницы Вольтера: гостиная, описанная M-e Genlis, съ бюстомъ и картиною Торжества и нѣсколькими другими картинами; спальня: постель съ обрывкомъ занавѣса; печь съ урною и съ двумя надписями; портреты Екатерины, Фридриха, Лекеня⁴⁾, Вольтера, Дю Шателе⁵⁾, Д'Аламбера, Гельвеція, Дидрота, Делиля, Франклина, Мармонтеля, Каласово семейство⁶⁾. [Обои красные бархатные⁷⁾. Въ саду аллея, которой часть срублена. Лѣсь каштановый]⁸⁾. Аллея изъ лигъ.

¹⁾ Въ черновомъ дневнике вмѣсто приведенной фразы читается слѣдующее: „Въ городѣ чистота,—но видъ улицъ странный; огромныя навѣсы на длинныхъ столбахъ затемняютъ улицу“.

²⁾ La Treille—каштановая аллея въ Женевѣ.

³⁾ Карль Викторъ Бонстеттенъ (р. 1745†1832), писатель, другъ извѣстнаго историка Йоганна Миллера. Въ молодые годы Жуковскій перевѣлъ нѣсколько писемъ Йоганна Миллера къ Бонстеттену и напечаталъ ихъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1810 года. Въ своихъ письмахъ къ Тургеневу Жуковскій, называя его Миллеромъ, самъ иногда подписывался фамилиею Бонстеттена (см. „Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 65).

⁴⁾ Lekain (р. 1728†1778), знаменитый трагикъ.

⁵⁾ Писательница маркиза Gabrielle-Emilie Du Châtelet (р. 1706 † 1749), извѣстная по своимъ отношеніямъ къ Вольтеру.

⁶⁾ Жалъ-Каласъ (Calas), казненный въ 1762 г. по обвинению въ убийствѣ сына; благодаря Вольтеру, доказавшему, что Каласъ палъ жертвою религіознаго фанатизма, процессъ Каласа былъ пересмотрѣнъ, и онъ и его семейство были признаны невиновными.

⁷⁾ Въ черновомъ дневнике начало описанія Ferney читается такъ: „Ferney: переходишь черезъ границу. Домы, построенные Вольтеромъ. Церковь, разрушенная надпись, надгробный камень. Въ домѣ двѣ горницы сохраниены по старому. Въ первой, въ которую входъ изъ сѣней, вѣроятно, гостиная; мебель по канвѣ; четыре картины; бюстъ мраморный на печи; Triomphe de Voltaire. Другая спальня: отрывокъ занавѣса, каминъ“.

⁸⁾ Въ бѣловомъ дневнике это мѣсто изложено короче („Аллея. Лѣсокъ“)

(Mes mānes sont consolés puisque mon coeur est au milieu de vous; son esprit est partout et son coeur est ici¹⁾). Нынешний владелец Budet. Деревня Потемкина Chambésy. Château Tournay. Къ Бонстеттену²⁾.

25, суббота. Салевъ. Всталъ въ 4 часа и въ char à banc(s) къ Салеву. Но путешествие неудачно: все въ пару. Нестерпимый жаръ. Пещера на Салевѣ. Молоко на вершинѣ. Видъ съ вершины: географическая карта; особенно, когда солнце высоко: Юра, весь Женевскій кантонъ, все озеро до Лозанны, Fort (de) l'Écluse, Gex, Ferney, Sa-rouge, Chesne, Coppet, Gentond³⁾, Nion, Versoix; съ другой стороны Voiron(s), Môle, Brévent, M(ont) blanc, Buet etc. Вечеръ [гуляль] на Treille. Весь день дурной.

26, воскресенье. Въ бањ. У Бонстеттена. Свѣтскость. Какой-то баронъ: балъ. Подарокъ Бонстеттена. Пріятный разговоръ: о M-e Stael, Бейронѣ, Миллерѣ⁴⁾ и Песталоцци⁵⁾. Посѣщеніе Бейрономъ M-e Stael; [жизнь M-e Stael въ Коппетѣ]; множество англичанокъ; останов(ился) у дверей; M-e Stael сбыла съ рукъ другихъ; [его лицо, меланхолія и смѣхъ]; начался разговоръ о любви и женѣ; отвѣты; живость лица; кокетство M-e Stael; [сарказмы]; жена Байровова; его ненависть къ англичанамъ; онъ и Гобгузъ⁶⁾ у M-e Stael; возвр(ащеніе) съ Бонстеттеномъ; посѣщеніе Бонстеттеномъ Байрона: италіанка и двѣ дамы съ салфетками⁷⁾; образъ жизни [Байрона въ Женевѣ]; на озерѣ⁸⁾ по ночамъ; никто не видѣлъ. [О женѣ: réponses évasives de Byron]⁹⁾. Жизнь съ Миллеромъ. Pauvre Miller; les cases pour les extraits¹⁰⁾; прогулки и экспромты: Исторія Америки и Люцерна¹¹⁾ экстракты изъ Оукридса; задачи разговоровъ. [Бейронъ и американецъ]. M-e Stael жизнь въ Коппете; отчего не любила Женевы и любила Парижъ; ея живость съ Песталоцци; его candeur¹²⁾; его образованіе и разговоры; его экономія; опека отъ Ивердуна; Песталоцци у M-e Stael; [кружокъ]. Горница Бонстеттена: [видъ; Madonna; пор-

¹⁾ Т. е. Моя душа утѣшена, потому что мое сердце находится среди васъ. Его умъ всюду, а сердце его здесь.—Это надписи на вышепомянутой урнѣ.

²⁾ Въ черновомъ дневнике: „Приглашеніе Бонстеттена испортило мой вечеръ“.

³⁾ Т. е. Genthot.

⁴⁾ См. выше, стр. 136, прим. 3-е.

⁵⁾ Знаменитый швейцарскій педагогъ (р. 1745 † 1827).

⁶⁾ Другъ Байрона, John Cam Hobhouse (Гобгузъ, р. 1786 † 1869), писатель и политической дѣятель.

⁷⁾ Въ черновомъ дневнике стоитъ: „Посѣщеніе Бонстеттена: дѣвки“.

⁸⁾ Тамъ же: „на лодкѣ“.

⁹⁾ Т. е. уклончивые отвѣты Байрона.

¹⁰⁾ Т. е. отдельнія для выписокъ.

¹¹⁾ Тамъ же: „Исторія Люцерна impromptu; Исторія Америки impromptu“.

¹²⁾ Т. е. душевная чистота.

треты; игроки].— Отъездъ изъ Женевы. Коппеть: домъ обновленный; [большая зала съ бюстами и съ монументомъ; англичане; la concierge руки въ боки]; садъ: тополи, pelouse, лужокъ¹); нижняя комната съ библиотекою; монументъ Неккера²); спальня M-e Stael: довольно старинная; портреты отца и матери, штофная кровать. Въ гостиной фортопьяно, Рафаэлевы старцы³). Кабинетъ Неккера: диванъ, на которомъ лежали его плащъ, шляпа, палка и парикъ; въ этомъ плащѣ M-e Stael похоронена; ея сынь.— Нюонь; прекрасная терраса. Вечеръ удивительный; солнце между Юрою и тучами; тихость озера; горы въ туманѣ свѣтлѣ⁴); облака; лодка; одинъ домъ освѣщенный, широкія волны; теплый вѣтеръ; облака, лежащія на горахъ, какъ пламя пожара. Несчастіе съ кучеромъ. Morges. Rolle: трактиръ Короны.

27, понедѣльникъ. Rolle—Lausanne. M-e Roveren и Rib(e)au pierre. О M-e Danse; [картины]. St-Pres⁵). Morges: avenue des plus beaux platanes, peupliers, maroniers; deux énormes tilleuls⁶). Лозанна. Les Balances⁷). Удивительный вечеръ на берегу озера, тронувшій душу до слезъ: игра на водахъ, чудесное измѣненіе; неизѣяснимость. [Церковь].

28, вторникъ. Лозанна. Въ Ассанъ. Marie de Plesch  ef, n. 27 Juillet 1798, m. 30 Mars 1807⁸). Cur   Jacotet. Весь день дома. Ввечеру въ Ouchy. Англичанинъ и англичанка съ рисованьемъ. На гульбище. Грусть отъ прелести природы и отъ одиночества. Здѣшніе домики прелестны отъ того, что въ нихъ замѣтно умѣніе жить съ собою; у насъ все это одинъ уборъ⁹). M-e Stael многое угадала: воспитаніе; мечтаніе на счетъ лучшаго; разговоръ не раздѣль; гостепріимство не общелюбіе; все вѣнчаніе—слѣдствіе воспитанія, а этого слѣдствіе поверхность и непостоянство; въ провинціяхъ грубое скотство, въ большихъ городахъ грубая пышность. Женщина на ослѣ. Вечеръ подъ липами. Озеро, отражающее небо. Противуположность запада и востока:

¹) Въ черновомъ дневнике: „Садъ; gazon; saules pleureurs“.

²) Знаменитаго министра Людовика XVI. M-e de Stael была, какъ известно, дочь Неккера.

³) Въ черновомъ дневнике: „Рафаэлевы рожи“.

⁴) Тамъ же: „Противный берегъ, освѣщенный и свѣтлый; горы въ пару“.

⁵) Т. е. St-Prix.

⁶) Т. е. аллея изъ прекраснѣйшихъ платановъ, тополей, каштановъ; двѣ громадныхъ липы.

⁷) Т. е. трактиръ Les Balances.

⁸) Дочь Сергея Ив. и Натальи Федотовны Плещеевыхъ (о нихъ см. выше, стр. 67, прим. 1), похороненная въ окрестностяхъ Лозанны. См. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 194.

⁹) Въ черновомъ дневнике: „здѣшніе домики прелестны отъ того, что въ нихъ выражено, что умѣютъ жить и довольствоваться собою; этого неѣть у насъ“.

покрывало отъ дождя; бѣлая полоса, гдѣ кончается вода и начинается земля; радуги въ воздухѣ надъ горами отъ [густыхъ] паровъ и солнца; все голубое отъ паровъ.

29, середа. Въ Ouchy рисовать, но дождь помышалъ. Въ 8 часовъ изъ Лозанвы [въ Вевей]. Прелестная дорога виноградниками. Не вдали отъ Вевея¹⁾ дождь. Скука и одиночество. Послѣ обѣда, дочитавъ Faillero²⁾, гулялъ. Пристань и каштановая аллея; видъ на Мельери; Валлійскія горы; віолетовый цвѣтъ горъ; бродящія облака бѣлые, дымчатыя [и] сѣрыя³⁾ по синевѣ горъ.

30, 31, 1. Вевей. Дождь и дурное расположение.

2. Вевей. Воскресенье. На терассѣ. Прекрасное утро; послѣ дождя ясность; картина террасы, освѣщенной солнцемъ. Группы молящихся, выходящихъ изъ церкви послѣ причастія: старики, молодыя женщины, мальчики. Рисовалъ. Бацы (sic)⁴⁾. [Прогулка] послѣ обѣда въ Кларенъ. Разговоръ съ Бланомъ⁵⁾ и съ его сыномъ. Histoire de M-e d'Etange⁶⁾. Вечеръ. Остатки тихихъ облаковъ. Озеро болѣе темное, нежели небо; чистое небо и дымящіяся облака. Полумѣсяцъ. Снѣжныя горы. Полумѣсяцъ маякомъ. Утесы Мельери черные; надъ нимъ пламенные облака. Одинъ крайний снѣжный утесъ теплится. Многие солнечные лучи. Облака огненныя вдругъ черныя. Горы снѣжныя блѣднѣютъ (Вильневъ, Chillon, Montreux, Шателаръ, Wacubrine, Clatens). Ясный востокъ и низкіе берега Pays de Vaud. Свѣтлое озеро и на немъ парусъ. Простая картина, ничего кромѣ воды, низкаго берега и паруса. Полумѣсяцъ маякомъ. (Картина озера съ террасы). Даль озера къ берегу переливается въ свѣтлозеленую, потомъ въ віолетовую тѣнь; серебреная чешуя. Дымный цвѣтъ облаковъ. Бѣлые облака, какъ вата или пухъ на синихъ горахъ. Вся долина Валлійская наполнена клубящимися облаками. Прѣистыя волны

¹⁾ Въ черновомъ дневнике: „подъѣзжая къ Вевею“.

²⁾ Драма Байрона.

³⁾ Въ черновомъ дневнике: „черныя“.

⁴⁾ Такъ это слово написано и въ бѣловомъ, и въ черновомъ дневнике. Въ послѣднемъ начало описанія двя 2-го сентября читается такъ: „На терассѣ. Прелестный видъ. Картина террасы, освѣщенной солнцемъ. Группа молящихся, выходящихъ изъ церкви послѣ причащенія: старики, молодые, женщины. Рисовалъ. Мальчишки. Бацы“.

⁵⁾ Старикъ крестьянинъ изъ Montreux, съ которымъ Жуковскій шелъ вмѣстѣ въ Кларенъ (см. въ письмѣ Жуковскаго къ великой княгинѣ Александрѣ Феодоровнѣ ст описаніемъ путешествія его по Швейцаріи; ср. Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. V, стр. 457—458).

⁶⁾ Подробиѣ о разговорѣ Блана по поводу „Новой Элоизы“ Руссо см. въ томъ же письмѣ Жуковскаго къ великой княгинѣ Александрѣ Феодоровнѣ.

на изумрудной зелени. Яркія полосы изумрудныхъ съ солнечнымъ блескомъ на виолетовомъ фонѣ.

3. Chillon. [Поутру въ Chillon (6 fr.)]. Осенняя облака на горизонте и Мельери. Въ Шильонъ лучше ясныя вечеромъ, нежели утромъ; какъ ракъ задомъ. [Солнце мѣшаетъ видѣть]. Vevey. Tour de Peil¹⁾; одна церковь; пристань съ тополями; въ серединѣ домъ съ круглою башнею, прелестно освѣщенный солнцемъ, лодка и на ней рыбакъ, другая [большая], входящая [на бѣлыхъ парусахъ] въ пристань. (Прелестъ простой картины, [иногда] совсѣмъ не живописной, отъ расположения и освѣщенія). Постепенное склоненіе облаковъ къ горизонту; подъ ними даль съ свѣтлыми пунктами. Бездѣлица портить удовольствіе: скрыть отъ весла. (Château de Hauteville, Blonay au pied de la Pleion²⁾), Châtelard на виноградныхъ холмахъ между горъ, Montreux въ дыму). Около берега струя перловъ. Подосланныя цѣпи. Замокъ. Тюрьма. Виѣница. Тюрьма Бонивара³⁾; маленькая тюрьма съ разломанною дверью. Опускныя тюрьмы. Видъ сверху: островъ; горница смотрителя, кухня; летучія мыши и пискъ. Возвращеніе въ Веве. Бонъ. Выѣздъ; дорога въ гору. Châtel St-Denis. Странный уборъ фрабургскихъ женщинъ⁴⁾. Bulle.

4. Фрибургъ. Бернъ. — Фрибургъ: живописное положеніе. Излучины Аара. Каѳедральная церковь; рѣзной входъ: Страшный судъ; чертъ, несущій въ корзинѣ грѣшника. Колокольня (только двѣ трети)⁵⁾; видъ съ нея на Фрибургъ; монастыри: 4 мужскихъ и 4 женскихъ монастыря; видъ на Визитандинскій монастырь. Муртенская липа⁶⁾. (Боль въ глазахъ помѣщала осмотрѣть городъ). Домы, которыхъ кровля служить мостовою. Neueneck: прекрасная бернская хижина; внутренность: горница молодой хозяйки и колыбель; шкафы; наслѣдственный шкапъ: вверху горница отца и анбаръ для зеренъ; взѣздъ на верхъ; сѣно и хлѣбъ; хлѣбъ; конюшня; погребъ; крыльцо и терраса; мостовая. Гости за сыромъ⁷⁾.

¹⁾ T. c. Tour de Peilz.

²⁾ Название горы не точно; она называется les Pléiades.

³⁾ Женевскій гражданинъ, мученикъ вѣры и патріотизма, находившійся въ заключеніи въ Шильонскомъ замкѣ съ 1530 по 1537 годъ; его обезсмертилъ Байронъ въ своемъ „Шильонскомъ узникѣ“.

⁴⁾ Въ черновомъ дневнике вместо этой фразы стоитъ: „Волосы“.

⁵⁾ Тамъ же: „Треть колокольни“.

⁶⁾ Старая липа, по преданию посаженная въ память побѣды бернцевъ надъ Карломъ Смѣлымъ при Муртенѣ (22-го июня 1476 г.).

⁷⁾ Въ черновомъ дневнике: „Neueneck. Крестьянской домъ. Хозяйки. Горница сына и его жены. Два шкапа. На верху горница для отца. Голубятня. Хлѣбъ. Солома. Хлѣбъ. Конюшня. Погребъ. Крыльцо. Мостовая. Гости за сыромъ“.

Дурная шоссе¹⁾ въ Фрибургѣ и прекрасная въ Бернскомъ кантонѣ. Физиономія болѣе нѣмецкія; въ Вадтѣ и Женевѣ болѣе французскія. Розница и причина ея въ швейцарцахъ и италіанцахъ: le revers de la montagne. (Камни у ручья. Молодежь. Красоты Швейцаріи требуютъ размышленія и пробуждаютъ его: Италіанская и Фламандская школа). Прелестныя окрестности Берна. Висѣлица. Ровъ. Олени, медвѣди. Зелень. Скошенное сѣно²⁾.

5-е. Поѣздка въ Гоффвиль. Прекрасная chaussée. Живописная равнина. Сельскіе дома. Юра. Прекрасныя лица женскія. Костюмъ: черныя шапочки съ крыльями, короткія платья и шпензеры. Чистота особенная. Навѣсы. Видъ: новой домъ и сквозной видъ на Юру и Оберландъ. Домъ Фелленберговъ³⁾. Магазинъ для машинъ. Погребъ. Мастерская. Училище бѣдныхъ и Верли⁴⁾. Домъ пенсионеровъ. Turnanstalt. Домъ приготовлений для бѣдныхъ дѣвочекъ. Садъ. Разговоръ съ Шувал(овыми)⁵⁾. К(нязь) Суворовъ. Пенсионъ: горницы, спальни, кабинеты для двухъ, цвѣтники. Фелленбергъ; разговоръ: важность проповѣдника; главная мысль. О государѣ. Нашъ священникъ. Школа для бѣдныхъ: ихъ спальня, учебная горница; собственный минеральный кабинетъ. Верли. О Песталоцци. Шмитъ. Графъ Villedieu. Приглашеніе. Обѣдъ (супъ, légumes, языки). Учителя, дѣти. Послѣ обѣда прогулка съ графомъ—о королевѣ баварской; ея замѣчаніе на Turnanstalt и отвѣтъ графа. Разговоръ о Песталоцци и о политикѣ. Скора съ Минхомъ.

6-е, четвергъ. На терассѣ. У Криднера⁶⁾. Ужасное предложеніе, которое, къ счастью, втунѣ. Обѣдъ за общимъ столомъ. Записка Криднера. [Письмо отъ Бруно⁷⁾. Послѣ обѣда записка къ Криднеру]. Въ музеймъ: кабинетъ натуральной исторіи; рельефы⁸⁾. Несравненный вечеръ на Энги⁹⁾:

¹⁾ Въ черновомъ дневнике вмѣсто „шоссе“ стоитъ „мостовая“.

²⁾ Подъ этимъ числомъ въ черновомъ дневнике написано начало (первые 26 стиховъ) „Шильонскаго узника“.

³⁾ Филиппъ-Эммануилъ Фелленбергъ (Fellenberg, р. 1771 † 1844), известный педагогъ и сельскій хозяинъ, основавшій въ Гоффвилѣ (Hofwyl) цѣлый рядъ воспитательныхъ учебныхъ заведеній.

⁴⁾ Johann-Iakob Wehrli (р. 1790 † 1855), педагогъ, оказавшій большія заслуги въ дѣлѣ воспитанія бѣдныхъ; онъ былъ сначала руководителемъ въ школѣ для бѣдныхъ, устроенной Фелленбергомъ.

⁵⁾ Съ графами Андреемъ Петровичемъ (впослѣдствіи оберъ-гофмаршаломъ) и Григоріемъ Петровичемъ Шуваловыми, братьями гр. Е. П. Шуваловой, фрейлины великой княгини Александры Феодоровны (какъ это видно изъ письма Жуковскаго къ великой княгинѣ отъ 2 (14) октября 1821 года).

⁶⁾ См. выше, стр. 124, прим. 1-е.

⁷⁾ См. выше, стр. 119 и 121.

⁸⁾ Въ черновомъ дневнике: „Reliefs Oberlanda“.

⁹⁾ Т. е. на Enge.

измѣненіе цвѣта горъ; пока солнце на горизонтѣ—бѣлизна; когда за горизонтомъ—все красиѣтъ; тѣнь отдельна; утесы свѣтло лиловые, зелень синеватая; синь розовый; бѣлизна послѣ заходенія; точно блѣдность умершаго; лува; чудесный видъ горъ при лунѣ. Звонки. Городъ. Церковь. Видъ съ террасы; рѣка, тихо сходящая по плотинѣ: образъ мудраго правленія; плотина, стоячая вода, прососы, разрушеніе. Аллея при лунѣ. Мѣщанки бернскія: ловкость и благородство въ движеніяхъ; острота въ физіономіяхъ; кокетство.

7. Выѣздъ изъ Берна. Schoohalde. Chaussée съ каменными тротуарами. Дорога въ гору; справа Бернъ: Ааръ, терасса съ аллеями, церковь, домъ съ терассами (Криднеръ, Сверчковъ¹⁾ спаситель). Поутру ходилъ рисовать; туманъ, медвѣди. Murihalden, видъ на горы. Дорога въ Brunadern, Elfenau; съ дороги оранжерея и сараи; Эльфенау приличное имя. Гора Гургель²⁾ покрыта деревьями и домами. Мури: прекрасные сельскіе дома и разнообразіе архитектуры. Меттленъ, кронпринцъ³⁾. Прекрасный видъ полей послѣ сѣнокоса, чистота дерна, признаки любви къ природѣ, простота украшеній, цвѣтники; гдѣ видъ, тамъ скамейка и деревья. Belpberg. Долина замыкается Stockhorn'омъ. Contrée des Alpes avancées. Видъ съ сихъ горъ. Лѣсь подъѣзжая къ Алмендингену. Прекрасная зеленая лужайка вправо отъ дороги, за нею Belpberg и Ааръ. Рубигенъ: прекрасные каменные крестьянскіе дома. Мюнзингенъ: трактиръ Медвѣдь; Steiger; лила съ скамейкою; лица на площади; разбитая громомъ церковь. Съ дороги видъ на Юнгfrau. Нидеръ-и Оберъ-Вильроль. Прекрасная дорога къ Туну отъ Neimberg; разнообразіе домовъ; яблони. Тунъ; замокъ и церковь; улица съ террасами; сонъ отъ кренкхентъ. Прогулка въ Bächihölzlein⁴⁾ черезъ Scherzingen⁵⁾ и Шадау: неисполненная надежда; дорога береговая; два острова, одинъ съ домомъ и садомъ, другой съ рыбачьимъ домикомъ и простымъ домикомъ; терасса и акаціи; Шадау и дворъ; мѣсто вытеканья A(а)ра. Видъ на озеро; переправляясь не сѣдой старикъ, а рыжая дѣвка; Bächihölzlein; видъ на озеро; камень Strättlingen⁶⁾. Возвратный путь пріятнѣе: находящее солнце; домъ Muhlisen: англичанки въ окнѣ, крестьянскіе дома, чистота и красивость. Кладбище: жарь и духота испортили прогулки. Рисовалъ; не было солнца; главный живописецъ душа.

¹⁾ Алексѣй Васильевичъ Сверчковъ, бывшій пашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ во Флоренції въ 1819—1825 г.г.

²⁾ T. e. Gurnigel.

³⁾ Жуковскій вспомнилъ о посѣщеніи горы Меттленъ кронпринцемъ прусскимъ.

⁴⁾ T. e. Bächihölzli.

⁵⁾ T. e. Scherzlingen.

⁶⁾ T. e. Strättlingen.

8. Озеро Тунъ. Унтерзееенъ. Выѣздъ въ 5 часовъ. Прекрасное время. Выѣздъ на озеро. Jungfrau, Blumelisalp¹), Niesen, Stockhorn. Постепенное освѣщеніе его. Goldenlust. Whimmis²). Spitz. Встрѣча съ караваномъ поющіхъ. Торгъ въ Тунѣ. Beatushö(h)le. Lerau³). Трудный всходъ. Пещера, входъ полузараженный. Пещера, въ которой источникъ. Водопадъ по ступенямъ. Мостъ. Видъ на озеро. Стоящіе на мосту; подъ нимъ и надъ нимъ небо; вода озлащенная. Струя освѣщенная солнцемъ, кипѣвшая блестками; двѣнадцать илитей на второй ступени; красная трава. Виноградъ. Домикъ Лербера⁴); гдѣ было счастіе, тамъ случайно путешественникъ. Лалла Рукъ. Книги лат(инскія), французскія, англійскія, нѣм(ецкія); форточіано. Видъ на озеро. Фонтанъ. Унтерзееенъ. Въ char à banc(s) до Унтерзеена. Прогулка въ дождь до Zollbrück; дож(д)ь, по время не дурное. Облачное небо; свѣтъ отъ луны; полузвѣзды облака на черныхъ горахъ; въ долинѣ свѣтъ; бѣлыя пятна облаковъ на бокахъ горъ. Шумъ А(а)ра. Пѣсни. Милые звонкіе голоса въ темнотѣ ночной подъ шумомъ А(а)ра. Звѣзды. Надъ Юнгфрау мгла. Небо чисто, но облака прилипли къ горамъ.

9, [воскресенье]. Поутру [ходиъ] въ дождь на Hohbühl; потеряль дорогу. Видъ съ Hohbühl. Туманъ Саксонской Швейцаріи живописнѣе альпійскаго. Спускъ по крутизнѣ⁵). Смотря на Аарскую плотину, мысль о нынѣшніхъ правителяхъ: [они стоять] не за себя, а за министровъ. Отзывъ въ каменной горѣ отъ шума воды. Послѣ обѣда на Kl(ein) Rügen. Воскресное собраніе на Rügenhubel. Чудесный видъ на Тунское озеро; Низенъ синій въ золотыхъ облакахъ; солнце въ озерѣ; видъ съ Kl(ein) Rügen: влѣвѣ Низенъ, Штокгорнъ, Тунское озеро, Burgflue⁶), Beatenberg, Harder, Bödelein, Бріенцкое озеро, Breitlau(e)nен, Jungfrau, Rothenfluh, Gr(oss) Rügen. Посинѣлые горы; на нихъ золотыя облака; солнечный свѣтъ мѣшалъ; облака спнія и озеро синее; но про-свѣты полосами; по всѣмъ горамъ облака какъ кудри; Юнгфрау из-рѣдка изъ облаковъ. Удивительное дѣйствіе облаковъ: въ Тунск(омъ) озерѣ⁷) солнце, а по горамъ легкія золотистыя струи; озеро Бріенцкое темно, и Лиматтъ и горы всѣ открыты, только по краямъ облака амфи-театромъ, какъ взбитая пѣна [или и какъ вата по высотѣ ихъ]. Небо разорванное, осенне. Надъ Тунскимъ озеромъ Оссіановская картина:

¹) Т. е. Blümlisalp.

²) Т. е. Wimmis.

³) Т. е. Lerow.

⁴) Сигизмундъ-Лудвигъ Лерберъ (Lerber, р. 1723 † 1783), профессоръ-юристъ въ Бернѣ и поэтъ.

⁵) Въ черновомъ дневнике: „по крутої дорогѣ“.

⁶) Т. е. Burgfluh.

⁷) Въ черновомъ дневнике: „въ Тунѣ“.

точно группы туманныхъ воиновъ съ дымящимися головами. Первый point d(e) vue—все открыто; второй—[прекрасная] группа деревьевъ, сквозь нее озеро; равнина Интерлакена скрыта; зато Гиттейгъ, Вильдерсвиль и Уншпунненъ и надо всѣмъ Юнгфрау. Третій всѣхъ лучше и пустыннѣе: долина Вильдерсвиль тихая, дикое ущелье, одна Юнгфрау; съ другой только Тунъ. Солнце выглянуло, когда я пришелъ: переходъ въ совершенную тишину; глубокая стѣсненная долина, неподвижно лежащія облака, небо туманное, свѣтъ со стороны, и Юнгфрау начала тихо и постепенно снимать покрывало: свѣжій снѣгъ, изрѣдка голость птицы, звонокъ вътеръ, и на озерѣ одна черная точка—лодка. Яркая зелень Интерлакенской долины и деревья, отъ которыхъ тѣни. Нѣкоторыя горы и долины совершенно черны отъ облаковъ. Удивительная магія тихаго разоблаченія вершины: точно какъ посвященіе въ какое-нибудь таинство; богиня природы. Поперемѣнно отъ Юнгфрау къ озеру: тамъ величественное; здѣсь фантастическое: вода въ свѣтлой чешуѣ, лодка, вѣтеръ; свѣтлые бабочки; Юнгфрау: видишь чистый свѣгъ; но сквозь облака огненная вершина; не видишь, какъ раскрывается, но чувствуешь, что видиѣе. Не хотѣлось оторваться; мысль, что навсегда. Удивительное измѣненіе въ синемъ и голубомъ цвѣтѣ горъ подъ облаками. Прелесть голубаго неба. Чувствительная свѣжесть осенняя. Безпрестанно новое освѣщеніе на Юнгфрау ¹⁾). Это имя прилично. Солнце скрыто ²⁾), а она освѣщается, ибо ея облака уходятъ; [свѣтлая вершина и] облачное платье. По высотамъ Альповъ въ облакахъ коровы. [Для дополненія, ввечеру], когда сошелъ, затменіе розовое ³⁾). Вечеръ облачный едва ли не прелестнѣе яснаго. Душа и несчастіе, душа и счастіе ⁴⁾). Революція и порядокъ. Вечеръ облачный и лунный. Свѣтъ на ⁵⁾ Юнгфрау; свѣтъ на Гардерѣ безъ луны.

10. Въ шесть часовъ въ дорогу. Abendhügel, Galgenhügel. Мѣсто, гдѣ колесованъ убийца любовницы. Мѣсто праздника: крон-принцъ и Мольеръ. [Утесь, весь обросшій елями]. Дорога по правую сторону Лучины: пѣка и быстрота; блескъ солнца; камни; камень Rothenfluh. Сравненіе съ Рейсско и Арвою; долина въ сравненіи съ Шамуни; Юнгфрау все соединяетъ; болѣе единства [и сельскаго]. Steinhalde, извѣтные слои. Прямо черезъ Lauterbrunnen къ Staubbach: никакого сходства съ другими каскадами; отъ быстроты и высоты въ пыль; самый высокій; быстрота видна, когда идешь отъ Steinhalde и

¹⁾ Въ черновомъ дневнике: „Все новое освѣщеніе Юнгфрау“.

²⁾ Тамъ же: „Солнце не показывается“.

³⁾ Тамъ же: „вся долина розовая“.

⁴⁾ Тамъ же: „едва ли не предпочтительнѣе и прекраснѣе яснаго. Ясный какъ счастіе, облачный какъ несчастіе“.

⁵⁾ Тамъ же: „Свѣтъ надъ Юнгфрау“.

отъ трактира; когда стоишь противъ: есть тонкой тихо падающей паръ и тихой шумъ обыкновенного ручья; когда подойдешь, видишь: облако дыма слетаетъ тихо и разбивается, потомъ образуются водяныя струи, льющіяся по камнямъ въ водоемъ, въ которомъ мало воды. Самый ручей прелестенъ, и окрестность очаровательна: клены [и] вязы; маленькая ольховая роща, въ которой вьется ручей и не видимъ водопадъ; прелестно-тихая картина. [Послѣ обѣда въ четыре часа къ камню: тамъ захожденіе солнца; оттуда къ Штаубаху]. Послѣ обѣда дождь. Герцогиня Рагузская; прямо скочуть къ водопаду, который только принадлежность долины: главное сама долина. Спѣшать къ главному предмету и теряютъ промежутки. День дождливый. Ввечеру туманная прогулка: гдѣ Юнгфрау, тамъ свѣтлый магазинъ облаковъ; безпрестанно оттуда туманы въ разныхъ видахъ, словно привидѣнія по бокамъ утесовъ; каскадъ изъ облака облачною полосою; потомъ черезъ долину огромное облако [какъ привидѣніе къ каскаду], какъ двѣ руки. [Не дождался, и ушелъ. Я не знаю, что всегда меня торопить; это въ моемъ характерѣ]. Когда я возвратился, вышла луна.

11, [вторникъ]. Полуясное утро. Магдалина Михель Staubbach: легкая тѣнь, падающая вмѣстѣ съ водопадомъ. Ручей въ олешникѣ при свѣтѣ солнца; радуга въ водоемѣ, исчезающая и являющаяся; водопадъ кажется гуще при солнцѣ. Легкая струя дыма сбоку; освѣщеніе утесы; верхняя часть сука; струйка черноблестящая¹⁾; Spiesbach блеститъ и извивается; Buchbach струйка дыму. Шумъ отъ Лучины. Впереди Шмадрибахъ; назади наклоненная долина, зеленые Аллы, красноватые утесы, дно, кудрявые ольхи и вязы; инде²⁾ хижины; удивительно милый видъ. Долина расширяется; два ужасныхъ утеса, какъ ворота, въ серединѣ равнины съ хижинами и деревьями, одно [дерево] на огромномъ отвалившемся камнѣ. [Солнце между двумя утесами; Schiltborn и Mönch; подъ ними Gletscher]. Вдали глетшеры и Шмадрибахъ. Мальчикъ. Agertenbach, Murrenbach, Ruffibach, Mattenbach, входъ въ Севилучинен-Thal³⁾. Зонтикъ; дождь. Trümmelbach. [Возвратъ]. Цвѣтникъ на камнѣ. Весь день дождикъ — [усиленный Штаубахъ]. [Путешественники]. — Вечеръ; прогулка къ Staubbach: свѣтлые утесы; отъ нихъ не такъ виденъ водопадъ. [Нельзя было видѣть: блескъ отъ того, что лучи противъ]. Выходъ луны изъ-за утесовъ, словно голова на огромномъ туловищѣ⁴⁾. Прелестный ручей⁵⁾, образуемый Штаубахомъ: листья, блестящіе отъ дождя; камни; тѣнь деревъ на серебреной пѣнѣ; капли съ деревъ; ки-

¹⁾ Въ черновомъ дневникѣ: „вить черноблестящая“.

²⁾ Тамъ же: „кое-гдѣ“.

³⁾ Т. е. Sefinen-Lütschinenthal. Въ черновомъ дневникѣ: „Sefilutchine“.

⁴⁾ Въ черновомъ дневникѣ: „словно лицо“.

⁵⁾ Тамъ же: „Лучше всего ручей“.

пъные воды въ свѣтѣ¹⁾ и въ полусвѣтѣ. Сквозь рѣшетку листвьевъ (Манфредъ) [—звено надъ жерломъ Штаубаха—] черные стволы деревъ; трепетъ листвьевъ; одно огромное дерево, какъ призракъ²⁾ съ раскинутыми руками. Вершина Юнгфрау и Манфредъ. Разные виды тумана. Сквозь вершины деревъ верхняя часть водопада. Потомъ нижняя дымная. Ручей въ тѣни, свѣтлая пятна. Выходъ: дорога, чистое небо. Съ правой стороны во 100 шагахъ водопадъ лучше; весь огромный утесъ, удивительно освѣщенная вершина Юнгфрау и тихая свѣтлая долина съ деревьями и хижинами. Видъ сбоку еще лучше: утесы чернѣ; серебреный густой дымъ; ясно одна тонкая полоса отдѣляется. Другой каскадъ въ темной впадинѣ, искогнито³⁾. Дно долины: туманъ, деревья какъ острова [въ бѣломъ морѣ]; блестящія кровли хижинъ, серебреная струя рѣки, тѣнь утесовъ на бѣломъ дымѣ. Другая половина долины: рѣка въ тѣни, рѣка въ свѣтѣ; вдали Штаубахъ какъ Kahlborn! Юнгфрау все доминируетъ; съ другой стороны отверстіе утесовъ безъ перспективы: Медвѣдица.

12. [среда]. Выходъ въ $\frac{3}{4}$ четвертаго. Юнгфрау и Blümlisalp освѣщеніе луною; [трудный всходъ]; долина въ тѣни; облако тумана надъ Унтерзеномъ; блѣдность вершинъ; пламя солнца на Blümlisalp; Staubbach. Миррен. Ясность Юнгфрау и Эйгеръ. Огромность. Внизу Trümmelbach. Постепенное освѣщеніе Юнгфрау. Пустые Альпы. Видъ съ Scheideck⁴⁾; Веттерхорнъ; Большой Эйгеръ; оживленные Альпы и дымъ отъ хижинъ. Освѣщеніе долины, блескъ церкви, Унтервальденскіе блестящіе⁵⁾ Альпы. Двѣ лавины съ Веттергорна. Картина долины Гриндельвальдъ. Обѣдъ за table d'hôte: разсказъ о Муронѣ изъ Вевея, священникъ въ Ивердонѣ; обрушился въ глетшеръ; попытка его достать. Христіанъ Бургнеръ. (Ходъ на море; осторожность; камень; пропасть; палка; одинокъ; женитъба). Къ глетшеру; видъ на несущихъ⁶⁾. Постель. Дурная ночь.

13. [четвергъ]. Путешествіе на глетшеръ. (Перемѣна плана отъ дождя). Ужасная лавина съ дымящагося Веттергорна: какъ растопленная мѣдь, только бѣлая. Дорога на глетшеръ мимо свѣжей могилы Мурона; видъ того мѣста, где погибъ: маленький холмикъ и ужасная громада и темное облако надъ мѣстомъ несчастія; видъ глетшера между рощами еловой и ольховой: точно видъ горъ снѣжныхъ за лѣсомъ en mignature⁷⁾. [Жаль,

¹⁾ Въ черновомъ дневнике: „на свѣтѣ“.

²⁾ Тамъ же: „Одно большое дерево, какъ привидѣніе“.

³⁾ Тамъ же: „Въ темной впадинѣ другой, въ тѣни“.

⁴⁾ T. e. Scheidegg.

⁵⁾ Въ черновомъ дневнике: „сияющіе“.

⁶⁾ Въ черновомъ дневнике: „Обрушился въ глетшеръ; берегомъ; наклонился; le guide; камни; палка; одинокъ; женитъба. Къ глетшеру. Ожидалъ и смотрѣлъ, какъ шли съ Мурономъ (Христіанъ Бургнеръ)“.

⁷⁾ Тамъ же: „словно снѣжные горы en mignature“.

что не видалъ вчера при свѣтѣ]. Всюдѣ на глетшерѣ: нѣсколько отверстій голубыхъ пирамиды; журчаніе; [прекрасный] видъ внутри: туманное жилище между лѣдистыми скалами; прелестный видъ оттуда на долину зеленую. Возвратъ. Дождь. Характеръ долины особенный отъ прочихъ: отъ широкой долины огромность горъ полная¹⁾). Долина со всѣхъ сторонъ окружена зелеными пажитями; по серединѣ луга и плодовитыя деревья, вязы, липы; хижини, пестрая долину. Съ другой стороны, [смотря] отъ одной Шейдекъ къ другой, три колосса: Эйгеръ, Меттенгорнъ и Веттергорнъ и въ промежуткахъ [льдистые] глетшеры посреди темной зелени елей и яркой зелени пажитей; прелестно-голубой цвѣтъ трещинъ и капли, падающія въ скважины; дно лѣдистыхъ пещеръ. Дорога отъ Гриндельвальда къ Интерлакену. Дождь; но онъ перешель, не доѣзжая къ Унтерзееену. Прелестный Гштейгъ и равнина, усаженная плодовитыя деревьями, и лугъ, черезъ который дорога. Дождь и снѣгъ на вершинахъ горъ. Ахъ, Магдалина Михель!²⁾).

14 сентября. Унтерзееенъ. Прогулка въ Бенингенъ³⁾ черезъ Ноheweg⁴⁾, Matten и Gsteig. Дорога, осѣненная большими деревьями, идетъ лугомъ и садомъ⁵⁾. Изъ-за деревьевъ вершины горъ; нѣкоторыя покрытыя свѣжимъ снѣгомъ; свѣжесть и теплота; хижини между деревьевъ и вымощенныя дорожки⁶⁾ по яркой зелени; дымъ, тихо подымавшійся, стукъ цѣловъ, шумъ Аара. [Встрѣча съ путешественниками]. [Прелестный] обширный лугъ, обсаженный липами и вязами, по серединѣ дорога; со всѣхъ сторонъ зеленая огромная горы съ недавно оснѣженными вершинами; Юнгfrau и Blümelisalp въ промежуткахъ. Стадо овецъ. Kl(ein) Rügen посреди, какъ зеленый островъ. Bönigen; дома посреди плодовитыхъ деревьевъ; домъ Michel'a въ 1785 и 6 въ Интерлакенѣ;oberamtmanъ Тиль. Угощеніе Павла и императрицы. Прогулка и завтракъ Пав(ла) въ Бон(игенѣ) у Михеля. Имп(ераторъ) подарилъ бутылку токайскаго вина⁷⁾. Портретъ. Деревня Бонигенъ большой садъ

¹⁾ Въ черновомъ дневнике: „Здѣсь высокость горъ во всей огромности отъ ширины долины“.

²⁾ Въ бѣловомъ дневнике стоять только: „Ахъ, М.!. О Магдалине Михель упоминается выше подъ 11-мъ сентябрь.

³⁾ Т. е. Бонигенъ (Bönigen).

⁴⁾ Т. е. Höheweg.

⁵⁾ Въ черновомъ дневнике: „садами“.

⁶⁾ Тамъ же: „оснѣженныя дорожки“.

⁷⁾ Въ черновомъ дневнике это мѣсто читается такъ: „1785 и 86, Michel. Въ Интерлакенѣ у оберамтмана Тиль, и угощали Павла и императрицу, и они прогуливались и завтрали въ Бенингенѣ у Михеля, который былъ та(мъ); императоръ подарилъ бутылку токайскаго вина“. — Цесаревичъ Павелъ Петровичъ и великая княгиня Марія Феодоровна посѣтили нѣкоторыя мѣста Швейцаріи, во время своего заграничнаго путешествія, въ 1782 году.

*

сливъ и грушъ съ живописными домами; большая дорога; множество дѣтей; домъ Михеля, Mütterchen, Nichte, [козацкая лошадь], Ерлахъ и Штейгеръ¹⁾. Озеро Бріенцкое [весъма] однообразное; съ обѣихъ сторонъ два хребта горъ; даль со стороны Интерлакена живописна, со ст(ороны) Бріенца одинъ утесъ Энги прерываетъ однообразіе. Подъѣзжая, слышишь шумъ водопада и видишь его послѣднее паденіе. Гисбахъ; уступы. Мостъ. Тихое озеро²⁾. Деревья. Видъ на нижній уступъ³⁾. Лучший изъ всѣхъ каскадовъ. Взглядъ на живое паденіе, кипѣніе воды, ровность деревьевъ, тихость озера, огромность неподвижныхъ горъ и освѣщеніе сквозь облака. Входъ (бѣда отъ проводника). Видъ отъ сидѣлки на весь каскадъ; нижній уступъ весь въ виду; верхній только виденъ изъ-за деревьевъ; солнце; освѣщеніе уступовъ и пѣни; мѣсто надъ самымъ паденіемъ; нѣсколько деревьевъ къ безднѣ воды⁴⁾. Сходъ внизъ, и озеро безпрестанно открывающееся. Хижина школьнаго мастера и прекрасный способъ братъ деньги: хоръ дѣтей послѣ хора природы⁵⁾. Видъ озера⁶⁾: оба берега туманны, обѣ крайнія стороны въ свѣту; [надъ Рюгеномъ дивное облако]; озеро молочно-бирюзового цвѣта⁷⁾. Бріенцъ въ тѣни. Церковь на холмѣ. Освѣщенный зеленый берегъ и весь Гисбахъ⁸⁾. Въ Трахтѣ англичане. Маріанна. Изъ Трахта въ Бріенцъ: [высокое] мѣсто подлѣ церкви: видъ на все озеро въ длину и ширину; влѣвѣ церковь, скрытая деревомъ, и Бріенцъ (не живописный сверху, но съ озера своими каменными террасами), три каскада, весь Гисбахъ, весь Планальпбахъ и сбоку О(л)тишибахъ. Планальпбахъ одна полоса, разбивающаяся внизу на нѣсколько [короткихъ]; озеро тихое; надъ Интерлакеномъ дождь, и сквозь него озлащенія облака и вечернее золотое небо⁹⁾. Вечеру прекрасное тріо.

15. Ссора съ Саломономъ. Отъѣздъ изъ Бріенца на лодкѣ: пѣсня егара, пѣсня тирольская, прекрасно при туманномъ небѣ. Пріятная дорога въ Бріенцъ. Дождь. Прогулка къ Альпбахъ и къ развалинамъ¹⁰⁾.

¹⁾ Извѣстные швейцарскіе государственные и военные дѣятели: Карль-Лудвигъ Ерлахъ (р. 1746 † 1798) и Николай-Фридрихъ Штейгеръ (р. 1729 † 1799).

²⁾ Въ черновомъ дневнике: „Тихость озера“.

³⁾ Тамъ же: „Видъ на верхній уступъ“.

⁴⁾ Тамъ же: „Нѣсколько деревьевъ и бездна воды“.

⁵⁾ Тамъ же: „Хижина школьнаго мастера и хоръ дѣтей послѣ хора природы прекрасный способъ братъ деньги“.

⁶⁾ Тамъ же: „Видъ на озеро“.

⁷⁾ Тамъ же: „цвѣтъ озера молочно-бирюзовый“.

⁸⁾ Тамъ же: „Освѣщенный зеленый берегъ и Мюлибахъ“.

⁹⁾ Тамъ же: „озлащенія облака и горы; осенній облачный золотой вечеръ“.

¹⁰⁾ Тамъ же: „Прогулка на Dorfbach и къ развалинѣ“.

Resti: могила преступника; видъ на долину Гасли со стѣны: прекрасное дѣйствие дождевыхъ облаковъ при заходѣніи солнца; свѣжая зелень долины; синя горы; туманные призраки и какъ будто городъ въ дали; церковь и деревня внизу и пять водопадовъ въ виду. Милое сосѣдство: [прятные] голоса, хохотъ, и скучный товарищъ.

16. Рисовалъ на стѣнѣ. [Отъездъ сосѣдокъ]. Путешествіе на Рейхенбахъ. Съ Саломономъ до Швенди. Вкрутъ къ домику. Двѣ никсы ¹⁾. Паденье между широкихъ скаль. [Прелестныя проводницы. Встрѣча съ прекрасными бѣлоликими]. (Встрѣча съ толпами богомольцевъ, костюмы, физіономіи). Первое паденье вкось сквозь утесы въ жерло. Второе мѣсто отъ Швенди: видно три уступа; мѣсто надъ самою пропастью, два дерева, каскадъ на двѣ полосы: одна тихо, и дно видно, изрытое водами ²⁾; другая, сжатая въ утесахъ, бросается въ сторону зеленоватою струею, по бокамъ которой жемчужная пѣна; ужасное кипѣніе внизу; видишь [весъ] каскадъ, бѣгущій внизъ, и верхнее паденіе; солнце: радуги надъ [блѣлою] пѣною, на утесѣ и на зелени; въ жерлѣ пѣна совсѣмъ бѣлая; на переломѣ крупныя лѣдины, освѣщенныя солнцемъ. Спуститься: колонна, бѣгущая въ жерло; подъ ³⁾ ногами прорывы, и въ нихъ солнце, а внизу прелестная долина Гасли. Третье паденіе въ два уступа: въ жерло и потомъ дугою въ другое, такъ что подъ ревущею полосою воды черная пустота и темная бездна, въ которыхъ громъ и крикѣніе ⁴⁾. Разнообразныя фигуры впадинъ и трещинъ, вырытыхъ ⁵⁾ водою въ камняхъ. 4 паденье подъ мостъ: верхъ, освѣщенный солнцемъ; коза; мальчикъ; видъ съ камней. Послѣднее паденіе самое великолѣпное; самое живописное подъ мостъ; самое разительное съ нагнувшейся ⁶⁾ скалы; самое быстрое первое и второе. [Двѣ милыя дѣвочки проводницы]. Видъ на долину отъ Zwirgi; Hasli im Grund, двѣ горки Kirchet; долина Гасли, каскады Dorf-Alp- и Muhlibach. Alpbach разрушитель, полоса камней и дрязгу посреди прелестной зелени луговъ ⁷⁾). Утесы Фаллеренъ и Ballenberg разнообразятъ долину; нѣть разительного въ цѣломъ: красота; но множество прелестныхъ частей, такъ что безпрестанно можно дѣлать открытія ⁸⁾. [При солнцѣ должно быть несравненно].

17. Поутру рано на стѣну: несравненное утро; видъ на долину и на

¹⁾ Nixe—русалка.

²⁾ Въ черновомъ дневнике: „изрытое силою воды“

³⁾ Тамъ же: „передъ ногами“.

⁴⁾ Тамъ же: „въ жерло и изъ жерла въ круть, такъ что вся струя бѣжитъ черезъ темную бездну, въ которой громъ и крикѣніе“.

⁵⁾ Тамъ же: „Разнообразіе фигуръ и впадинъ и трещинъ, сдѣланныхъ водою“.

⁶⁾ Тамъ же: „съ темной скалы“.

⁷⁾ Тамъ же: „посреди прелестныхъ луговъ“.

⁸⁾ Тамъ же: „нѣть разительного, но много прелести“.

разоблачение Веттергорна; Rosenlawi¹⁾). Переходъ черезъ Брюнигъ: дорога въ тѣни; вся долина Гасли въ свѣту. Виды сквозь деревья; видъ отъ сидѣлки. Живописные камни съ деревьями. Деревня Brünig въ долинѣ. Чудесная зелень. Ручей на солнцѣ. Вахта. Видъ и—²⁾). Долины зеленые; буки, вязы, осины; [долины], окруженныя холмами³⁾ и лѣсистыми горами, изъ-за которыхъ высокія горы Оберланда. Крутой сходъ по ступенямъ.⁴⁾ Видъ на Лунгернское озеро. [Голодъ]. Переѣздъ черезъ озеро. [Сравненіе затменія горъ съ смертью]. Дорога до Zollhaus: церковь Гизвильская и прелестная долина. Дорога по берегу Сарнскаго озера⁵⁾: огромные буки и дубы; необыкновенное изобилие яблокъ и грушъ: словно виноградъ. Обервиль и Саксельнъ⁶⁾). Идешь $\frac{1}{4}$ часа деревнею до трактира. Въ Саксельнѣ церковь съ колоннами изъ дикаго мрамора⁶⁾: гробъ Клауса⁷⁾; его скелетъ на колѣяхъ, кости обвернуты жемчугомъ; множество даровъ: глаза, уши, ноги, руки, младенцы серебреные; Клаусово платье. Въ Ранфѣтѣ: въ Мельхталѣ [прекрасная], глубокая долина съ удивительно зелеными буками, липами; дно занимаетъ рѣчка Мельха(а)⁸⁾; Клаусова келья: камень, окно изрѣзанное, окно въ часовню, мосты; другая часовня [въ уединенномъ мѣстѣ]; сходъ по чрезвычайно крутой и склизкой дорогѣ⁹⁾; видъ на долину; видъ на озеро, [на] Сарненъ и Керненъ. Дорога отъ Керниса чрезвычайно живописна: особенно пѣнительная зелень луговъ и деревьевъ. [Прекрасная], живописная церковь въ Кернисѣ. Дорога черезъ долину, окруженную высокими горами: Блумальпъ, Пилатъ и пр. Ничего, кромѣ зеленаго луга¹⁰⁾. [Шоссе]. Пляска въ трактире. Въ Станцѣ ночью.

18. Станцѣ Rathhaus. Картина Vollmar¹¹⁾): Клаусъ, прощающійся съ семействомъ. Церковь; колонны мраморныя; дыры отъ пули; застрѣленный священникъ Lüssi. На площади статуя Вinkelрида¹²⁾ съ копья-

¹⁾ Т. е. глетчеръ Rosenlaui.

²⁾ Одно слово при печати выпущено.

³⁾ Въ черновомъ дневнике: „окруженныя лѣсомъ и лѣсистыми горами“.

⁴⁾ Тамъ же: „берегомъ Сарнскаго озера“.

⁵⁾ Въ черновомъ дневнике название мѣстечка написано правильно: Саксельнѣ; въ бѣловомъ же ошибочно: Саксленъ.

⁶⁾ Въ черновомъ дневнике: „въ Саксельнѣ церковь; обыкновенная архитектура, но колонны изъ дикаго мрамора“.

⁷⁾ Блаженный Klaus или Nikolaus von der Flühe († 1487), весьма почтаемый въ сѣверной Швейцаріи.

⁸⁾ Въ черновомъ дневнике название рѣки написано правильно: Мельха(а); въ бѣловомъ же дневнике по опискѣ стоитъ: Мельхтель.

⁹⁾ Въ черновомъ дневнике: „Входъ по чрезвычайно крутой дорожкѣ“.

¹⁰⁾ Тамъ же: „Дорога черезъ долину, окруженную высокими горами (Блумальпъ, Пилатъ и пр.) и состоящую изъ ровнаго зеленаго луга“.

¹¹⁾ Живописца Йоганна-Георга Vollmar'a.

¹²⁾ Арнольдъ фонъ Вinkelried (Winkelried) палъ геройскою смертью,

ми. Путешествие водою черезъ Станцтадъ въ Луцернъ. Прогулка на Hofbrücke. Видъ на Луцернъ и горы при заходѣніи солнца; Пилатъ и Риги въ тучахъ; западъ въ розовомъ пламени.

19. Луцернъ. Цѣлый день дождь; но мое счастіе меня не покинуло: [поутру ходилъ смотрѣть] Пфифферовъ рельефъ¹⁾ (его палка, башмаки и портретъ). [Былы у Мейера²⁾). Келлерова [весьма посредственная] панорама. [Послѣ обѣда ко Льву³⁾]. Левъ и Пфифферъ: инвалидъ въ красномъ мундирѣ, утесы, трещины; отраженіе въ водѣ. [На] Allenwinden; едва ли не лучшій видъ во всей Швейцаріи; несравненные окрестности Люцерна⁴⁾. Проклятой англичанинъ.

20. Луцернъ. Дождь. Къ обѣду ясно. Въ кабинетѣ Рейнгарда⁵⁾: костюмы, [негодное] мазанье, но выраженіе [лицъ прекрасно]; рисунки первомъ жены [лучше]. Въ арсеналѣ: кольчуга Леопольда⁶⁾, топоръ и мечъ Цвингли, ошейники, писанныя стекла. Гутшт. [Прекрасный видъ, но хуже, нежели Allenwinden]. Послѣ обѣда прелестная прогулка берегомъ Рейссы; кресть; старики и лодка; на мосту несравненное заходѣніе солнца; зеленая роща въ огнѣ; Риги фиолетовый и красный; утесы и Кларида долго угасающіе. (Утки, рыбакъ, тростникъ).

21. Прекрасное утро. Большая лодка съ скотиною и пѣсни. Утесы выдавшіеся Меггенгорна, соответствующіе противоположному берегу. Часовня св. Николая. Альтстатъ и памятникъ Реналия(⁷⁾). Прекрасный видъ на Пилатъ и Станцтадъ. Веггистъ обѣтованная земля Люцерна; италіанская вегетація; [зеленый холмистый] берегъ, покрытый пышными плодовитыми деревьями и обложенный⁸⁾ камнями; часовня на мысу; дымъ на берегу и по озеру; солнце полосами; восточные горы въ пару. Церковь Веггиса и трактиръ. Всходъ. Встрѣча съ англича-

пронзенный копьями, въ 1386 году, въ сраженіи швейцарцевъ съ австрійцами при Семпахѣ.

¹⁾ Рельефъ центральной Швейцаріи, исполненный известнымъ топографомъ Карломъ-Людвигомъ Пфифферомъ (Pfyffer, p. 1716 † 1802).

²⁾ Въ его діорамѣ Риги и Пилата.

³⁾ Извѣстному памятнику Льва, исполненному по модели Торвальдсена, въ память швейцарцевъ, убитыхъ въ августѣ 1792 года при защитѣ Тюппри.

⁴⁾ Въ черновомъ дневнике: „едва ли не лучше всѣхъ, какіе я встрѣтилъ. Окрестности Люцерна несравненны“.

⁵⁾ Живописца Иосифа Рейнгарда (Reinhard, † 1810); имъ были исполнены, въ краскахъ, изображенія знаменитыхъ швейцарцевъ, а также рисунки швейцарскихъ костюмовъ.

⁶⁾ Австрійского герцога Леопольда, разбитаго швейцарцами въ 1315 году въ сраженіи при Моргартенѣ.

⁷⁾ Слово написано не слишкомъ разборчиво; въ черновомъ дневнике стоитъ просто: „памятникъ“.

⁸⁾ Тамъ же: „обкладенный“.

нами. Пустыня: прелестный видъ на озеро ¹⁾; кухня; горница; спальня: крестъ, бумажные образа; часы, вмѣсто гирь камень и молотокъ; подъ часами клѣть для птицъ; нѣсколько гнилыхъ яблокъ; черная тряпки въ углу ²⁾; все смрадно и нечисто; Gebetbuch; Biblische Geschichte für Kinder. Подлѣ утесы стѣною, источникъ и живописный мостъ. Kaltbad. Обвалившійся утесь. Больной. Видъ съ Риги безъ солнца какъ карта географическая, хорошо иллюминированная ³⁾; холодъ на Кульмѣ. Этотъ видъ требуетъ самой ясной погоды, или полнолуния, или пышнаго облачнаго неба съ солнцемъ; безъ того онъ болѣе печаленъ ⁴⁾: ровное мѣсто, не иное что, какъ темное пространство ⁵⁾ съ зелеными пятнами и нишами, озера точно зеленая тинистая лужи стоячей воды, а горы какъ мертвые развалины; неоживленный хаосъ развалинъ первобытныхъ и еще не населенныхъ. [Но] солнце, заходящее здѣсь въ ясности, должно быть несравненно; Богъ покидаетъ на время видимое твореніе ⁶⁾; а восхожденіе еще величественнѣе. Когда солнце зашло, была чудесная минута: западъ пыталъ и Лу(цернское) озеро вмѣстѣ съ нимъ ⁷⁾; въ немъ отражались темные башни Лутерна, и на всемъ противуположномъ небѣ, надъ снѣжными и мертвыми горами ⁸⁾, розовые и віолетовые облака, и вѣтеръ въ развалинахъ ⁹⁾.

22. Восходъ солнца на Риги. Облака. Надъ горами темно-віолетовые тучи; на этомъ фонѣ загорѣлись всѣ Оберландскія горы, Ротитокъ, Титлісъ и еще нѣкоторыя, и летучія облака. Но востокъ изчезъ ¹⁰⁾. Облака какъ вата надъ Гольдау и Артомъ. Видя угасающую природу ¹¹⁾, приходитъ въ мысль, что душа и жизнь есть что-то не принадлежащее тѣлу ¹²⁾, а высшее; пока онъ въ немъ, по тѣхъ поръ и красота; удалившись,—формы тѣ же, но красоты уже нѣтъ; ничто такъ не говоритъ о

¹⁾ Въ черновомъ дневникѣ: „Въ пустынѣ; удивительный видъ на озеро“.

²⁾ Тамъ же: „черное платье въ углу“.

³⁾ Тамъ же: „Видъ съ Риги былъ картою географическою, хорошо иллюминированною“.

⁴⁾ Тамъ же: „Этотъ видъ требуетъ самой ясной атмосферы и тихой погоды, свѣтлой лунной ночи, или яснаго утра, или живописнаго облачнаго неба съ солнцемъ; безъ того онъ печаленъ“.

⁵⁾ Тамъ же: „ровныя мѣста, не иное что, какъ черные пространства“.

⁶⁾ Тамъ же: „Богъ покидаетъ на время твореніе, видимое передъ глазами“.

⁷⁾ Тамъ же: „западъ пыталъ, и огонь струился въ Люц(ернскомъ) озерѣ“.

⁸⁾ Тамъ же: „надъ снѣжными и мертвыми вершинами“.

⁹⁾ Тамъ же: „вѣтеръ надъ развалинами“.

¹⁰⁾ Тамъ же: „Но облако все задернуло“.

¹¹⁾ Тамъ же: „Видя угасающія горы“.

¹²⁾ Въ черновомъ дневникѣ находится правильное чтеніе: „не принадлежащее тѣлу“, въ бѣловомъ же дневникѣ читается: „не привадлежащее мѣсту“.

смерти въ величественномъ смыслѣ, какъ угасающія горы. Сходъ съ Риги; мои спутники впередъ. Приключение шляпы. Веггистъ; италіанская природа ¹⁾: орѣхи, каштаны, акаціи. [Студенты на Риги; одинъ грозный]. Плаваніе отъ Веггиса къ Киснахту: К(иснахтское) озеро не столь живописно, но есть милыя картины: справа рыбачья хижина и пристань [передъ двумя холмами]; узкая долина между холмами и видъ сквозь отверстіе на дальняія высокія горы. Кюснахтъ: прекрасное кладбище. Hohle Gasse и часовня: Le comte Guillaume de Lisiо proscrit, condamné à mort pour la sainte envie de la liberté ²⁾, s'est reposé ici le 18 7-bre 1821 ³⁾. Immensee. Прелестное озеро Цугское, осѣбливо послѣ величественны хъ явленій горной Швейцаріи; смѣсь величественаго съ простымъ безъ однообразія. Величественное просто: Rigi, Zugberg; нѣть угловъ и трещинъ; прекрасная зелень; только Пилатъ въ пару (Hat Pilatus ein Hut, so ist das Wetter gut) ⁴⁾. Простое живописно: низкіе дальние берега; смѣсь полей, холмовъ, рощъ; надъ ними цѣпь невысокихъ горъ, Альбистъ, Утли ⁵⁾, стѣна Юры; Цугъ и прелестная каменная церковь надъ рощами. (Въ то время, какъ маленькой народецъ ⁶⁾ сражается за честь и свободу, что дѣлаютъ могучія, полныя силы и славы державы? Высматриваютъ, какъ бы посчитаться и не дать другому выгодъ. Простѣе бы искренно, безкорыстно и дружно стать за великое: это помирило бы государей съ народомъ). Особенно пріятенъ берегъ Цугского озера отъ Обервиля до Цуга и далѣе: низкія пологоры, всѣ въ плодовитыхъ деревьяхъ, порою виноградъ на италіанской образецъ, орѣхи, буки, липы, вязы, въ прелестномъ разнообразіи. Тишина озера не сравненная. Солнце въ туманѣ тонкомъ осеннимъ; на берегу домики бѣлые съ красными кровлями, шпицъ церкви, иногда звонъ. Zug. Входъ пунція. Kommen sie nieder ⁷⁾.

23, воскресеніе. Выходъ въ шесть часовъ; до Бара большою дорогою; потомъ тропинкою ⁸⁾; дорога садъ: орѣхи, груши, яблони на лугахъ, которые два раза были скосены и покрыты высокою травою. День пестрой. Встрѣча съ идущими къ обѣдни въ Цугъ и стрѣльба въ Цугъ.

¹⁾ Въ черновомъ дневникѣ: „италіанская вегетація“.

²⁾ Тамъ же: „pour la cause sainte de la liberté“.

³⁾ Т. е. графъ Вильгельмъ Лизіо, изгнаникъ, присужденный къ смерти за святое стремленіе къ свободѣ (въ черновомъ дневникѣ: за святое дѣло свободы), почилъ здѣсь 18 сентября 1821 года.

⁴⁾ Т. е. примѣта: Если Пилатъ покрытъ облакомъ, то погода будетъ хорошая.

⁵⁾ Т. е. Uetli.

⁶⁾ Т. е. греки.

⁷⁾ Т. е. сходите.

⁸⁾ Въ черновомъ дневникѣ: „потомъ въ Барѣ вправо тропинка“.

Silbruck¹); пограничная деревня между Zug и Zürich²). [Сказка о трехъ домахъ. Красота не въ природѣ, а въ душѣ человѣка; свѣтъ и душа; революціи и горы]. (О грекахъ говорять: ils sont vils; oui, mais c'est contre la cause, qui les rend vils, qu'ils combattent; délivrez les, et ils seront autres. Ont ils été vils les Grecs de Salamine; ont ils été vils les malheureuses victimes, la fleur de la Grèce d'aujourd'hui? Le grec est coquin parcequ'il a beaucoup d'esprit³) et est esclave; il use de sa force. [Rendez le libre, il sera héro; faites le esclave, il vous trompera. Il est toujours le plus fort]. Les ultras et les libéraux sont tous les deux ennemis de l'ordre; les uns⁴) veulent pour leur profit maintenir le désordre existant, les autres veulent le remplacer par un autre désordre qui leur profite. Il vaut mieux attendre que mal commencer, car recommencer est [presque] impossible)⁵). Видъ на озеро, подходя къ Горгену. Прекрасная деревня; домъ пастора въ три этажа; церковь.

[Mein Wandel soll im Himmel sein,
Obschon ich leb' auf Erden;
Ein Pilger bin ich hier allein,
Dort hoff' ich Bürger werden⁶)—

надпись у дома человѣка, который не далъ мнѣ вина]. Здѣсь обѣдаль. Дорога прекрасная виноградникомъ. Ау. Богатство домовъ. Chaussée и тропинки. Пиль вино у крестьянина; чистота; около стѣнъ дубовые шапки; печь кафельная; чайная чашки; книги: Gebetbuch, Gartenbuch, Chronica. Wädenschweil⁷): огромная деревня съ церковью; много купцовъ. Видъ отъ [oberamtmanova] замка на озеро: U(e)tli, Rappertsвиль, Уфнау. Прогулка по озеру при заходѣніи солнца; прекрас-

¹) Т. е. Sihlbrugg.

²) Въ черновомъ дневнике: „между Zug'омъ и Цирихомъ“.

³) Тамъ же: „trop d'esprit“.

⁴) Тамъ же: „Les premiers“.

⁵) Т. е. ови (греки) презрѣнны; да, по противѣ причины, которая ихъ дѣлаетъ презрѣнными, они и сражаются; дайте имъ свободу, и они станутъ другимп. Были ли презрѣнны греки Саламина, были ли презрѣнны несчастныя жертвы, цвѣтъ пынѣшней Греціи? Грекъ плутт, потому что у него много (въ черновомъ дневнике: слишкомъ много) ума и что онъ рабъ; онъ пользуется своею силой. Дайте ему свободу, онъ будетъ героемъ; сдѣлайте его рабомъ, онъ вѣсъ обманетъ. Переѣхать всегда на его сторонѣ. Крайніе и либералы одинаково враги порядка; первые для собственныхъ выгодъ хотятъ сохранить существующій беспорядокъ, вторые хотятъ замѣнить его другимъ беспорядкомъ, который имъ бы былъ бы выгоденъ. Лучше ждать, чѣмъ дурно начинать, потому что называть съизнова почти невозможно.

⁶) Т. е.—Мой путь долженъ быть на пѣбѣ, хотя я живу на землѣ; здѣсь я только странникъ, тамъ я надѣюсь стать гражданиномъ.

⁷) Т. е. Wädensweil.

ное освѣщеніе противнаго берега, тѣмъ болѣе, что все довольно близко и озеро кажется оживленнымъ. Вообще большая опрятность, дѣятельность; выраженіе физіономій честное. Трактиръ Вѣнца и трактирщикъ [съ своею жадною учтивостью]. Дѣвочки на терассѣ замка и плутовство. Стрѣльба. Въ Вед(еншвейлѣ) много фабрикъ: суконныя, кожевенныя и особенно соломенные.

24, понедѣльникъ. Grupbacher Strohfabrik füR Arme¹⁾). Теперь 103 старыхъ и молодыхъ работаютъ, получаютъ кормъ, обѣдаютъ и живутъ. Учатся читать и писать и счету. [Въ Веденшвейлѣ] Lesegesellschaft, Musikgesellschaft. Трактирщикъ Höhn знакомъ съ Беккеромъ и его сестрою²⁾. Плаванье въ дождь съ сильнымъ попутнымъ вѣтромъ. Шумъ дождя и отъ разрѣзыванья волнъ лодкою. Впереди волны надуваются, иногда рвы, изрѣдка пѣна; сзади какъ будто преслѣдуютъ и большія струи пѣны³⁾. Сзади дождь; впереди пристань; сбоку небо! Колыханье. (Въ сильный вѣтеръ [и въ бурю] весло и руль⁴⁾), но, когда все напрасно, брось все: есть доска. Il y a du sublime à être debout sur une nacelle et s'avancer au milieu des vagues⁵⁾). Приближеніе къ Цириху. Начало проясняться⁶⁾, и волны отъ свѣта сдѣлались видище; пѣна и верхи заблистали, морщины темнѣе; горы показались; всѣ рощи и берегъ синіе; часть горъ еще за дождемъ, другія видище и вершины покрыты свѣжимъ сѣготомъ; волны изъ дымныхъ обратились въ желѣзно-цвѣтныя съ отблескомъ; приближаясь къ Цириху, солнце и городъ, блестящій на темнотѣ волнъ. Горы. Сзади кипящія серебреные волны, впереди только вспредѣзывающая блестящая пѣна. Прелестъ утиханія. Струя пѣны, бросающаяся въ сторону отъ носа иногда ребромъ, иногда племкомъ. Къ Гагебуху⁷⁾.

25, [вторникъ]. Дождь. Обѣдалъ у Гагебуха. Пріятный разговоръ съ Фисли⁸⁾. Послѣ обѣда [выборъ картинъ]. Въ театрѣ: отрывокъ изъ Hagestolzen⁹⁾.

26, [середа]. Поутру [дома]. Къ Вецелю¹⁰⁾: его эскизы. Къ Фисли¹¹⁾:

¹⁾ Въ бѣловомъ дневнике: „Strohfabrik для бѣдовыхъ“.

²⁾ Въ черновомъ дневнике: „Трактиръ Короны; хозяинъ Höhn“.

³⁾ Тамъ же: „сзади какъ будто преслѣдуютъ сильные волны и пѣна“.

⁴⁾ Тамъ же: „руль и корма“.

⁵⁾ Т. е. Есть что-то величественное, когда стоишь въ лодкѣ и двигаешься среди волнъ.

⁶⁾ Въ черновомъ дневнике: „При приближеніи къ Цириху начало проясняться“.

⁷⁾ См. выше, стр. 124, прим. 4-е.

⁸⁾ См. выше, стр. 124, прим. 3-е.

⁹⁾ Цѣлса Ифланда (см. выше, стр. 117, прим. 1-е).

¹⁰⁾ См. выше, стр. 124, прим. 5-е.

¹¹⁾ Къ Гансу-Генриху Фюсли (р. 1744 † 1832), швейцарскому историку; этотъ именно Фюсли зналъ Винклермана; познакомились они въ Италии.

его связь съ Винкельманомъ¹⁾). Извѣстіе о смерти Винкельмана. Обѣдалъ за table d'hôte. Скора нѣмца съ французомъ. У M-elle Tobler²⁾. У Эбеля³⁾: Арнимъ⁴⁾. [О довѣренности къ импер(атору) Александру]. Katze⁵⁾. Несравненный вечеръ при сліяніи Силя съ Лимматою [у Геснерова⁶⁾ памятника].

27. [четвергъ]. [Поутру]. Завтракалъ съ Вецелемъ и Гаг(ебухомъ) [дома]. У Фисли съ картинами⁷⁾; его милая дочь. [Обѣдалъ дома]. Послѣ обѣда на Wikinger Berg съ Вецелемъ. Вечеръ съ Эбелемъ у меня.

28. Знакомство съ Фогелемъ⁸⁾; его картины: Праздникъ во Фрибургѣ; Возвращеніе послѣ Моргартенской побѣды; Цвингли въ Цюрихѣ. Картина Овербека⁹⁾: Марія, Мареа и Христосъ. Геснеровы гуаші и гравюры.

29. Въ Шаффгаузенъ. Эглисау. Мостъ.

30. Паденіе Рейна: 1) Видъ съ подмостковъ. Чудеснѣе въ пасмурную погоду. Три [бугр(истыхъ)] утеса. Брыз(г)и. Формы дыма. Быстрыя перемѣны. Неподвижность утесовъ. Листья. Солнце. Радуга; 2) Въ павильонѣ¹⁰⁾: [прекрасно, но не чудесно]; вся рѣка; тишина теченія; прорытые утесы; [тишина паденія]; бугры пѣни; 3) Видъ съ воды; 4) [Видъ] въ камеробскуру; 5) [Видъ] съ мельницы¹¹⁾.—Энгенъ. Видъ на развалины и на озеро Констанцкое.

1 (октября и. ст.). Ni(l)zingen, гдѣ пилъ кофе. Дорога до Энгена пріятная; открытыя мѣста; пашни. Утесы Hohentwiel и Hohenstaufen. Engen. [Подлѣ огромный утес съ развалинами замка. Плопцадъ съ фон-

¹⁾ Знаменитымъ пѣмецкимъ археологомъ и историкомъ искусствъ († 1768).

²⁾ Вѣроятно, у той M-elle Tobler, которая была раньше воспитательницей въ русскихъ семействахъ (см. „Письма Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу“ (Лейпцигъ. 1872), стр. 15?).

³⁾ См. выше, стр. 124, прим. 12-е.

⁴⁾ Графъ Генрихъ-Александъ Арнимъ (р. 1791 † 1859), прусскій дипломатъ (въ то время состоявшій при прусской миссії въ Швейцаріи), впослѣдствіи бывшій министромъ иностранныхъ дѣлъ.

⁵⁾ Die Katze—„возвышенное мѣсто, изъ старыхъ укрѣплений уцѣльвшее, усаженное деревьями“—читаемъ въ одномъ изъ писемъ А. И. Тургенева къ его брату Н. И. Тургеневу—, Ай да котка! Это лучшій видъ на Цюрихское озеро; ибо почти не поворачиваясь можно видѣть и все озеро и окрестности оного“ („Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, стр. 153).

⁶⁾ См. выше, стр. 125, прим. 3-е.

⁷⁾ Въ черновомъ дневнике: „У Фисли съ Мюнхенскою галлерею“ (т. е. съ изданиемъ картинъ Мюнхенской галлереи).

⁸⁾ См. выше, стр. 124, прим. 7-е.

⁹⁾ Живописца Фридриха Овербека (р. 1789 † 1869).

¹⁰⁾ Въ черновомъ дневнике: „Съ павильона“.

¹¹⁾ Тамъ же: „Видъ отъ мельницы“.

таномъ. Дьявольская свадебная музыка. Впереди дудка, кларнетистъ, скрипка и басъ. Ужасное разстройство¹⁾). Спутникъ до Stut(t)gard²⁾. Третья лошадь. Пасмурное время³⁾). Видъ на Констанцское озеро и последний взглядъ на Швейцарию. Tuttlingen. Прекрасное мѣстоположеніе въ широкой [зеленой] долинѣ. Надъ городомъ высокий холмъ съ развалившимся замкомъ. Tuttlingen чистый городокъ. Katharinens-Hospital. Трактиръ на почтовомъ дворѣ. Дорога [отъ Tuttlingen] до Alttingen⁴⁾ [прекрасною] широкою долиною, которая выстѣя между холмами, которыхъ бока вспаханы⁵⁾, а вершины покрыты кудрявымъ лѣсомъ. Зеленый лугъ на днѣ долины, стада, дороги, деревни: стѣны известковые, а крыши черепичатыя. Осенне облачное небо съ синимъ отливомъ; яркое солнце; сияніе солнечного света на лугахъ и холмахъ; [голубой дымъ]: совсѣмъ новая картина послѣ Швейцаріи. Отдыхаешь послѣ высокости⁶⁾ посреди простоты. (Сравненіе Швейцаріи съ простотою природою⁷⁾). Мой товарищъ [честной отецъ семейства]; рассказы о Гольдау. Разговоръ двухъ отцовъ на козлахъ [и зависть].

2. Балингенъ. Дорога гористая⁸⁾. [Ужасно сильный вѣтеръ]. Видъ на Гогенцоллернъ. Прекрасная шоссе; нечистота и нищенство въ католицкихъ деревняхъ. Странной костюмъ⁹⁾. [Прекрасная погода]. Положеніе Гогенцоллерна¹⁰⁾: осыпающіеся камни; тѣни по равнинѣ; вѣтеръ; рѣшетки и цѣпь; двое воротъ; часовня; арсеналъ, [двуголовый барсукъ]; имя [Вильгельма] кронпринца 16 юля 1819. Tübingen. Видъ на Тюбингенъ. Заходящее солнце. Waldenbuch: Евва.

3. Туманное утро. Видъ на Штутгардъ: на днѣ долины, окруженный виноградными холмами. Нѣть великолѣпія, но большая опрятность. Трактиръ Waldhorn¹¹⁾ Königsstrasse. Къ Boassере¹²⁾. Въ театрѣ: Der Türke in Italien¹³⁾.

¹⁾ Въ бѣловомъ дневнике стоятъ только: „Engen. Свадьба“.

²⁾ Въ черновомъ дневнике: „Товарищъ до Duttlingen“.

³⁾ Тамъ же: „Время пасмурно-ясное. Chaussée“.

⁴⁾ T. e. Aldingen.

⁵⁾ Въ черновомъ дневнике: „которыхъ отлости вспаханы“.

⁶⁾ Тамъ же: „отдыхаешь отъ высокости“.

⁷⁾ Тамъ же: „Сравненіе швейцарской природы съ обыкновенною“.

⁸⁾ Тамъ же: „Дорога до Балингена гориста“.

⁹⁾ Тамъ же: „Странная уродливость костюма“.

¹⁰⁾ Тамъ же: „Гогенцоллернъ. Обширное мѣстоположеніе“.

¹¹⁾ Тамъ же: „Трактиръ Валторны“.

¹²⁾ Братья Сюльписъ (р. 1783 † 1854) и Мельхіоръ (р. 1786 † 1851) Буассерѣ (Boisserée), составившіе богатое собрание картинъ преимущественно старинной пѣмецкой школы. Въ 1827 году ихъ картинная галлерея была куплена для королевскаго музея въ Мюнхенѣ.

¹³⁾ Въ черновомъ дневнике читается слѣдующее: „Les frères Boisserée;

4. У священника; веселыя горницы, чистота, эстампы. Церковь. Стуль Екатерины ¹⁾. [Благословенные образа: Александр Невский и Спаситель; на послѣднемъ радуга и дворецъ] ²⁾. Екатерина ученица благословеніе Екатерины ³⁾. [Порядокъ въ церкви].

Картины Буассере. [№ 1. Большая горница. Надъ дверью портретъ].
 1) St. Bernard prêchant la croisade devant Conrad (III). Симеонъ, Лазарь, Иоакимъ и Иосифъ, Албр(ехта) Дюрера. Положеніе во гробъ, Албр(ехта) Дюрера. St. Norbert prêchant l'Évangile, de Bernhard van Orley ou de Brussel. 2) Женщина съ вѣткою, Coxis. 3) Потопъ, van Mandeer. Полная исторія Страстей Господ(нихъ), v(он) Mabuse. Марія и Иосифъ, Pattenier. Ландшафтъ съ Георгіемъ, Altdorfer de Ratisbonne. Семейство Маріи, de Mabuse. 5) Богоматерь, кормящая Христа, Schoreel. 6) Карлъ V, Heimskerk. 7) Святые на золотѣ. École de Cologne. Вѣво отъ входа: 1) Богоматерь съ Младенцемъ, Dick de Harlem. Портретъ мужчины съ письмомъ, [de Walch]. 2) Богоматерь съ Младенцемъ, Francia. 3) Христосъ, коронующій Богоматерь. Св. Вероника [École de Cologne]. 4) С(вятой) Антоній, покоряющій дьявола. 5) Святая Варвара, Маргарита, Сесилія, Лукаса Лейденскаго.

[Боковая горница]. Главныя картины: 1) Успеніе, Schoreel. Богоматерь: бѣл(ая) подушка; бѣлое покрывало; зеленоватое платье; рукава съ опушкой; покровъ к(р)асной. Иоаннъ: свѣтло-зеленое платье. Петръ: золотая риза, бѣлое платье. Двое съ сложенными руками: зеленоватое платье. Съ паниклиломъ: цвѣтъ кирпичный. Раздевающій: зеленое, воротъ красный. Два съ сосудомъ: ближайший къ Богом(атери): зеленая мантія, плюсовое платье; другой:

входъ; толпа. Шоллерово (sic). Успеніе; боковыя фигуры. Ванъ Эйково Поклоненіе Христу; Филиппъ Добрый и Карлъ Смѣлый, Георгій, Діонисій; боковыя картины: Благовѣщеніе и Обрѣзаніе. Эммелинково Рождество. Эммелинкова Манна. Христофоръ, Иоаннъ. Спасителева голова. Мабузъ. Албрехтъ Дюрерь. Лукастъ фонъ Лейденъ: Апостолы. Расположеніе". — Въ бѣловомъ дневникѣ замѣтки Жуковскаго о нѣкоторыхъ картинахъ изъ собранія Буассерѣ помѣщены подъ 4-мъ числомъ.

¹⁾ Королевы Виртембергской Екатерины Павловны († 1819).

²⁾ Въ бѣловомъ дневникѣ стоять только: „Образъ Александра Невскаго“

³⁾ Въ одномъ изъ подстрочныхъ примѣчаній къ своей элегіи „На кончину ея величества королевы виртембергской“ (Екатерины Павловны) Жуковскій говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ штутгартской русской церкви, въ которую приходила молиться Екатерина, все осталось, какъ было при ней; кресла ея стоять на прежнемъ своемъ мѣстѣ. Нельзя безъ грустнаго чувства смотрѣть на образъ, которымъ въ послѣдній разъ благословилъ ее государь императоръ: на немъ изображенъ святой Александръ Невскій, видны Нева, Зимній дворецъ, и надъ ними радуга — свѣтлое, но минутное украшеніе здѣшняго неба“ (см. Стихотворенія В. А. Жуковскаго, изд. 9-е, т. II, стр. 44).

плюсовоое, рукава желтые съ красн(ымъ) отливомъ. Паркетъ. Балдахинъ красный, зеленая и золотая бахрома и кисти. 1 бок(овая картина): Oratoir(e) ранжевый съ краснымъ ковромъ. Двѣ молящихся: на одной черный бархатъ съ мѣховымъ подбоемъ, на другой темнокоричневый съ мѣховымъ же подбое(мъ). Святая съ жерновомъ: зеленое платье съ золотымъ шитьемъ и пурпурная мантія; съ фонаремъ: оранжевое платье, сверхъ дымка и хвости на шей. 2 бок(овая) кар(тина): Рыцарь въ латахъ: коверь. Св. Діонисій: бѣлое нижнее платье и пурпуровая бархатная мантія съ золотомъ; шапка красная съ золотомъ и перьями. С(вятой) Георгій: золотыя латы, рукава голубые съ краснымъ. NB. Воздухъ. Небо безоблачное, но солнце затуманено. Лице раздувающаго. Отворенное окно и свѣтъ сквозь круглыя точеныя стекла. Отверстіе надъ дверью. Мужественные лица отца и сына и особое Богомольство въ каждомъ. Отдѣлка подробностей. Ландшафтъ. Спокойствіе въ окрестности. Рука Богоматери и четки. Люди въ домѣ. Разныя выраженія лица: Иоаннъ, два читающ(ie), Петръ, съ одной; лице Богоматери. Полуоткрытые уста. Переходъ отъ боковыхъ карт(инъ) ко зрителямъ.

II. Поклоненіе маговъ¹⁾, V(an) Еук. Боков(ыя) картины: Благовѣщеніе и Обрѣзаніе. Богоматерь: голубое платье. Филиппъ: плюсовоое бархатное съ опушкою; верхнее красное съ бѣлымъ мѣхомъ; рукава красные и желтые; золотое короткое платье съ жемчугомъ и камнями; красная шапка съ короною. Другой: синее суконное платье съ золотымъ шитьемъ; красная мантія; зеленая шапка. Карль: золотое платье съ краснымъ бархатнымъ узоромъ и горностаями; голубая шапка. Іосифъ: кирпичнаго прѣта платье. Датель: черное съ опушкою. Благовѣщеніе. Богоматерь: свѣтло-синее; ангель: бѣлое съ золотомъ; постель, алый балдахинъ, алый покровъ, золотой подбой съ бархатн(ымъ) алымъ узоромъ; зеленая бахрома; подушка ранжевая, узоръ бѣлой; коверь свѣтло-оливковый съ темно-оливковымъ узоромъ. Обрѣзаніе. Богоматерь: синее пл(атье). Іосифъ: красное. Держ(ацій) голубей: зеленое платье, подбой зелено-ватый съ фиолетовымъ отливомъ, тоже на головѣ; рукава шеколадные. Держацій Христа: темно-фиолетовое верхнее платье съ краснымъ капи-шономъ; нижнее золотое съ чернымъ бархатнымъ узоромъ; внутр(ен-ность) храма паншевая, узоры на окна. NB. Яркость свѣта между колоннами, въ трещинахъ. Зеленой ландшафтъ. Чувствуется легкость воздуха. Ясной безоблачный день. Особливо въ окнѣ картины Благовѣщенія: точно влетающій ангель; скромное, нѣсколько робкое положение внимающей Богоматери. Во второмъ спокойствіе занятой матерп. Въ третьемъ важное размышленіе и знач(ительный) взглядъ. Тишина

¹⁾ Въ черновомъ дневнике: „Adoration des mages“.

ясной природы. Набожность въ Іосифѣ, въ Филиппѣ, въ Карлѣ, въ ангелѣ. Разные характеры любопытства.

III. С(вятой) Лука, пишущій Богоматерь. Мария Hemmelink. Le sacrifice de Melchisédeck, idem. Благовѣщеніе.

1) Богоматерь: нижнее платье парча, вышитая бѣлая; верхнее плюсовые съ золотомъ; синяя мантія. Лука: лиловая шапка, яркое кармино-вое платье съ опушкою. Коверъ и балдахинъ золотой съ алымъ барх(атнымъ) узоромъ. N.B. Лице Богоматери, дающей грудь Младенцу; нѣть занятія, простое выраженіе матери, полуулыбка. Млад(енецъ), гляд(ящій) на Луку, голова прекрасная, все прочее младенчески несовершенное. Руки Богоматери сухи. Внимают(щій) Лука, ищущій взоръ. Руки апостола. Даль: городъ, заливъ съ излучиною, вдали острова, одинъ за другимъ, улица. Воздухъ между колоннами, прозрачное окно писанное, отворенная дверь въ горницу: свѣтъ въ окно и въ стекла. Стѣна съ зубцами и смотрящій со стѣны.

IV. Поклоненіе маговъ. Іоаннъ Креститель¹⁾. С(вятой) Христофоръ, Эммеліковы—Голова Спасителя, Жизнь Богоматери. (Всего на все 77 картинъ).

1. Богоматерь: синее платье; красная подушка. Іосифъ: зеленая мантія; темно-синее платье. Одинъ магъ: красное платье, плюсовая шапка; другой: синее бархатное, сверху золот(ое) съ красн(ымъ) барх(атнымъ) узоромъ. Дательникъ: темно-плюсовое. С(вятой) Христофоръ: синее нижнее платье, красная мантія; красновато-плюсовое платье. Синяя осенняя даль. Облака синія и свѣтло-лиловыя. Разсѣяніе свѣта по волнамъ. Іоаннъ Креститель: плюсовая мантія.

Житіе Богоматери. Храмъ посреди. Путешествіе волхвовъ). Три на горѣ. Бѣдущіе. Встрѣча у моста. У Ирода. Поклоненіе. Отѣззѣдъ. Отпѣтие. Справа Благовѣщеніе. Рождество. Возвѣщеніе пастухамъ. Поклоненіе пастуховъ. Бѣгство во Египетъ. Убиеніе младенцевъ. Преславованіе. Извѣщеніе Ироду. Воскресеніе. Магдалина. Христосъ во Иммаусѣ. Сопственіе Св. Духа. Успеніе.

У Буассере. [Разговоръ съ Буассере]. Мѣніе Кановы²⁾ о картинахъ вдали и вблизи; дать списать живописцу; Гёте о природѣ; [о картинѣ Эммелінка]³⁾. Рисунки и планы Кельнскаго собора⁴⁾; оригиналъ

¹⁾ Въ бѣловомъ дневнике описка: „Іюнь Крести“. Исправлено по черновому дневнику, гдѣ читается слѣдующее: „Adoration. St. Jean. Christoph(e). Jésus Christ d'Hemmelink. La vie de la S(ainte) Vierge d'Hemmelink“.

²⁾ Знаменитый итальянскій скульпторъ (р. 1757 † 1822).

³⁾ Фламандскій живописецъ Гансъ Мемлингъ (Memling, † 1495), или какъ прежде неправильно писали Hemling или Hemmelink (поэтому и Жуковскій пишетъ его фамилію Эммелінка или Геммелінка).

⁴⁾ Въ черновомъ дневнике: „Кельнской церкви“.

планъ на пергаминѣ. Прогулка послѣ обѣда въ саду; запахъ резеды, [какъ будто воспоминаніе]; [большой] прудъ; черные лебеди ¹⁾). По бокамъ пруда тополи и saules pleureurs. Прекрасная картина: два лебедя спящихъ и плавающихъ, закинувъ головы, и тихо кружашіеся ²⁾). Луна и стѣны [наклонившихся] saules pleureurs. [Опрятность города и непріятная вонь на улицахъ; тротуары, прекрасная мостовая и вездѣ потоки нечистотъ ³⁾].

5. Къ Бенкендорфу ⁴⁾: разгов(орь) о М(арії) Павловнѣ ⁵⁾). La princesse fille du prince Paul ⁶⁾). О здѣшней конституці. Къ M-[elle] Dr(o)ust: разсказы о смерти королевы ⁷⁾; о королѣ ⁸⁾: [добрый отецъ]; завтр(акаетъ) и обѣд(аетъ) у дѣтей. Марія и Софія ⁹⁾; младшая похожа на мать. M-elle Kachoffsky. На ея мѣсто молодая M-elle Savent. [Kachoffsky въ Рюдесгеймѣ у доктора Hoffman съ Madame Wasmuth]. [Встрѣча съ Турномъ ¹⁰⁾; обѣдъ у него съ его секретаремъ ¹¹⁾]. Его стихи [на Психею] ¹²⁾ одушѣ безъ души. Даннекеръ ¹³⁾: его Спаситель ¹⁴⁾; его

¹⁾ Въ черновомъ дневнике: „и два черныхъ лебедя“.

²⁾ Тамъ же: „два спящихъ лебедя, тихо кружашіеся по водѣ, закинувъ головы за крылья“.

³⁾ Въ бѣловомъ дневнике: „Опрятность города и вонь на улицахъ; тротуары и стоки нечистотъ“.

⁴⁾ Генераль-маиръ, потомъ генераль-адъютантъ Петъръ Христофоровичъ Бенкендорфъ (р. 1785 † 1829), посланникъ въ Штутгартѣ и Карлсруэ.

⁵⁾ О герцогинѣ Саксенъ-Веймарской Марії Павловнѣ.

⁶⁾ Дочь герцога Павла Виртембергскаго, принцессы Фридерики-Шарлотта-Марія, будущая великая княгиня Елена Павловна; бракосочетаніе ея съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ состоялось въ 1824 году.

⁷⁾ Королевы Виртембергской Екатерины Павловны († 1819).

⁸⁾ О Виртембергскомъ королѣ Вильгельмѣ I (р. 1781 † 1864).

⁹⁾ Дочери короля Вильгельма отъ брака его съ великою княгинею Екатериной Павловной; изъ нихъ принцесса Марія была потомъ въ замужествѣ за Альфредомъ-Карломъ-Францемъ, принцемъ Нейлергскимъ, а принцесса Софія за королемъ Нидерландскимъ Вильгельмомъ.

¹⁰⁾ Графъ Георгъ von Thurn und Valsassina (р. 1788 † 1866), австрійскій офицеръ, потомъ одно время перешедшій на дипломатическое пооприще (между прочимъ былъ секретаремъ австрійского посольства въ Петербургѣ и австрійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ тамъ же, а въ 1820—1825 гг. австрійскимъ посланникомъ въ Штутгартѣ), а затѣмъ снова вернувшійся въ военную службу и умершій въ должности фельдцейхмайстера.

¹¹⁾ Въ бѣловомъ дневнике запись короче: „Туриъ. Обѣдъ у него“.

¹²⁾ На статую Даннекера „Психею“.

¹³⁾ Извѣстный скульпторъ Йоганнъ-Георгъ Даннекеръ (Dannecker, р. 1758 † 1851).

¹⁴⁾ Даннекерова статуя Спасителя, какъ извѣстно, была пріобрѣтена въ 1824 году императрицею Маріею Феодоровною и находится въ Царскомъ Селѣ.

Психея и Аріадна. Анекдоты о статуѣ¹⁾): сонъ два раза; дѣвочка: Es ist unser Heiland, es ist einzige. Мать съ мальчикомъ въ день его рожденія. Schade, dass er weg kommt! Was bezahlen! Dort muss es bezahlt sein! Mein guter Heiland, ich will mich [dort] recht gut aufführen²⁾. [Шиллеровъ бюстъ]; Элгиновы³⁾ и Эгінскіе слѣпки; разсмотріваніе при свѣтѣ. Къ священнику⁴⁾. Буассере у меня: [разговоръ] о живописи, о Бейронѣ, [о] Клингерѣ⁵⁾, Тикѣ⁶⁾, Шиллерѣ⁷⁾.

6. Къ Буассере. Къ M-elle Dr(o)ust: съ нею вверхъ. Принцессы. [Сходство въ физіономіяхъ; младшая на королеву, и она скорѣе ко мнѣ подошла; Марія болѣе дичилась. Начались вопросы: Was macht der Onkel Kaiser, die Grossmama, Onkel N(icolai), Tante, O(nkel) Konstantin, Michel? Warst in Luisburg⁸⁾, wo war die Grossmama?⁹⁾. О медвѣдяхъ и волкахъ. Здоровье и веселость. Обѣдали. Гуляли въ Wyl. Послѣ обѣда чай къ M-elle Droust]¹⁰⁾. Гр(афіня) Берольдингенъ¹¹⁾. M-elle Sovent. Домой. Къ Буассере: Геммеликова большая картина¹²⁾. [Къ Даннекеру]. Обѣд(аль) у Бенкендорфа: Спиридовъ¹³⁾, Гассе¹⁴⁾,

¹⁾ Въ черновомъ дневникѣ: „Анекдотъ о Спасителѣ“.

²⁾ Т. е. Это нашъ Спаситель; это изумительно. Жаль, что онъ уходитъ! Что заплатить! За это должно быть заплачено тамъ. Мой дорогой Спаситель, я тамъ стану себя вести отлично.

³⁾ См. выше, стр. 118, прим. 10-е.

⁴⁾ Въ черновомъ дневникѣ: „Посѣщеніе священника“.

⁵⁾ Фридрихъ-Максимилианъ (Федоръ Ивановичъ) Клингеръ (р. 1752 † 1831), писатель, другъ Гёте. Въ 1780 году Клингеръ вступилъ въ русскую службу; онъ занималъ должности директора 1-го кадетского корпуса, главноначальствующаго Пажескаго корпуса и попечителя Дерптскаго учебнаго округа. Въ 1820 году, въ чинѣ генерал-лейтенанта, онъ вышелъ въ отставку.

⁶⁾ Извѣстномъ писателѣ Лудвигѣ Тикѣ (р. 1773 † 1853).

⁷⁾ Въ черновомъ дневникѣ вмѣсто: „Шиллерѣ“ стоитъ: „Шлегелѣ“ (см. выше, стр. 89, прим. 2-е).

⁸⁾ Т. е. Ludwigsburg.

⁹⁾ Т. е. Какъ поживаются дядя-государь (Александръ Павловичъ), бабушка (императрица Марія Феодоровна), дядя Николай, тетушка (великая княгиня Александра Феодоровна), дядя Константинъ и Михаилъ? Были ли вы въ Лудвигсбургѣ, гдѣ жила бабушка?

¹⁰⁾ Въ бѣловомъ дневникѣ это мѣсто изложено короче: „Принцессы. Вопросы. Дикость. О медвѣдяхъ“.

¹¹⁾ Въ черновомъ дневникѣ: „M-e Beroldingen“.

¹²⁾ Тамъ же: „Къ Буассере: картина жизни с(вятой) Дѣвы“.

¹³⁾ Быть можетъ, И. М. Спиридовъ, женатый на сестрѣ В. Д. Олсуфьевы, Софьѣ Дмитріевнѣ Олсуфьевой.

¹⁴⁾ Александръ Ивановичъ Гассе, секретарь нашего посольства въ Штутгартѣ.

нашъ священникъ, Дан(н)екеръ, Буассере, [италіанецъ]. — Докторъ Лудвигъ ¹⁾.

7. [Просидѣль дома въ худомъ расположеніи съ болѣзню ²⁾. 2 день].
Бенкендорфъ.

8. Штутгартъ. 3 день болѣзни.

9. Штутгартъ. 4 день болѣзни. Дан(н)екеръ.

10, 11, 12. 5, 6, 7 (день) болѣзни.

13, 14. 8 и 9 день болѣзни ³⁾.

13. Брей ⁴⁾. [К(нязь)] Горчаковъ ⁵⁾. Прогулка въ Sillerburg ⁶⁾.

[14. Поутру рисовалъ. Къ Даннекеру: сравненіе Ельгиновыхъ мраморовъ ⁷⁾ съ Лаокономъ ⁸⁾; мысли о Лаоконѣ; радъ, что не умеръ. Идеалъ есть истина. Къ Баассере. Рисованье на камнѣ. Домой. Въ театръ; архитектура: галлереи, надъ ними каріатиды, мелкія колонны, куполь, занавѣсь: Музы въ рамахъ; ложи прекрасны. Опера: Вейгельевъ ⁹⁾ Даніилъ во рвѣ львиномъ. Мало величественнаго и глупый сюжетъ. М-е Stern: искусство безъ пріятности; мужскихъ голосовъ нѣть хорошихъ].

15. Гассе ¹⁰⁾. Съ нимъ у Залуччи ¹¹⁾. Къ M-elle Droust и съ нею къ принцессамъ: [завтракъ; упрямство]. У Даннекера; Бенкендорфъ. Съ

¹⁾ Пользовавшійся извѣстностью въ Штутгартѣ докторъ Вильгельмъ-Фридрихъ Лудвигъ (р. 1790 † 1865); онъ принималъ участіе въ походѣ Наполеона на Россію; при Березинѣ былъ взятъ въ пленъ и, въ качествѣ пленнаго, жилъ въ некоторое время въ Россіи.

²⁾ Въ бѣловомъ дневнике: „Дома съ болѣзнью“.

³⁾ Въ бѣловомъ дневнике имѣется за 8—14 числа лишь такая запись „8—14. Болѣанъ“.

⁴⁾ Графъ Францъ-Габріель де Брэй (de Bray, p. 1765 † 1832), дважды: бывшій баварскімъ посланникомъ въ Россіи (въ 1808—1812 и въ 1814—1819 гг.). Онъ былъ женатъ на лифляндкѣ Левенштернѣ. Въ 1817 году въ Дерптѣ былъ изданъ его трудъ „Essai critique sur l'histoire de la Livonie“. Въ Дерптѣ же познакомился съ Бреемъ и Жуковскій (см. Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, стр. 164).

⁵⁾ Вероятно, князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ (будущій канцлеръ); въ 1820—1822 гг. онъ состоялъ при графѣ Нессельроде, а въ 1822 г. былъ назначенъ секретаремъ посольства въ Лондонѣ.

⁶⁾ Т. е. въ Silberburg-Garten.

⁷⁾ См. выше, стр. 118, прим. 10-е.

⁸⁾ Съ находящимся въ Ватиканѣ знаменитою мраморною групппою, изображающею Лаокоона.

⁹⁾ Композиторъ Йосифъ Вейгль (Weigl, p. 1766 † 1846).

¹⁰⁾ См. выше, стр. 162, прим. 14-е.

¹¹⁾ Johann de Salucci, виртембергскій придворный архитекторъ; имѣ, между прочимъ, выстроена церковь въ Ротенбергѣ, въ которой похоронена королева Виртембергская Екатерина Павловна.

Даниекеромъ къ Буассере: слово императрицы ¹⁾: *j'ai vu deux printemps, [un dans la nature, l'autre ici]* ²⁾. Сказать Модену ³⁾ о великомъ князѣ и Залуччи. Въ Ротенбергѣ ⁴⁾: ротонда съ колоннами, обширный видъ, сводъ, четыре мѣста и четыре отверстія для свѣта. Ввечеру у Гассе. У меня Буассере.

16. Въ 9 часовъ выѣздъ. Аллея до Ludwigsburg. Дрянной садъ. Замокъ и куклы. Мостъ императрицы (4 окт(ября) 1818). Прекрасные виды отъ Лауфена. Некаръ, извиающійся вокругъ равнины; дорога по горѣ; поля. Видъ на Гейлбронъ. Городъ: кладбище съ Дан(и)екеромъ памятникомъ; крестъ 1543 года; башня Геда фонъ Берлихингена ⁵⁾; на верху цвѣтникъ; [видъ съ верху на городъ и Некаръ; тополи]; каналъ; часы городскіе: ангель, пѣтухъ, бараны; музыка на башнѣ.

17, середа. Гейлбронъ. Дождь. Fürfeld. Некаргемюндъ ⁶⁾: ворота, лодки. Гейдельбергъ: замокъ, ворота Елизаветы, Gesprengter Thurm ⁷⁾, Capelle, [8-eckiger Thurm], Rittersaal, [Roth(er) Thurm, Ri(ese) Thurm]. Вечеръ на развалинахъ. Заходящее солнце. Видъ на золотой Königsstuhl. [Stückgarten]. Освѣщенная башня. Другая башня съ золотымъ деревомъ; и темная внутренность и свѣтозарное дерево]. Солнце сквозь развалины. [Внутренность]. Терасса. Рвы съ березами ⁸⁾. Досадный французъ ⁹⁾. Не поэтическія развалины. Чистота Гейдельберга. Мостъ.

18, четвергъ. Живописный туманъ надъ развалинами Гейдельберга. Bergstrasse. Лучшій видъ отъ Weinheim. Замокъ Виндекъ; башня изъ облаковъ ¹⁰⁾. Дорога идетъ у подошвы виноградниковъ. [Слѣва] равнина необозримая, усыпанная плодовитыми деревьями. Геппенгеймъ и замокъ. Мелибокусъ. [Станція Bickenbach]. Дармштатъ; прекрасно выстроенный городъ; широкая улица, ведущая во дворецъ ¹¹⁾. Садъ за городомъ.

¹⁾ Марії Феодоровны.

²⁾ Т. е. Я видѣла двѣ весны, одну въ природѣ, другую здѣсь.

³⁾ См. выше, стр. 57, прим. 9-е.

⁴⁾ Гдѣ похоронена королева Виртембергская Екатерина Павловна.

⁵⁾ Въ черновомъ дневникѣ: „башня, въ которой былъ запертъ и умеръ Геттъ фонъ Берлихингенъ“ (извѣстный рыцарь (\dagger 1562), герой трагедіи Гёте подъ тѣмъ же названіемъ).

⁶⁾ Такъ написано правильно въ черновомъ дневникѣ; въ бѣловомъ дневникѣ описка: „Nec(k)argmund“.

⁷⁾ Такъ правильно въ черновомъ дневникѣ; въ бѣловомъ описка: „Ge-spreng(g)te Thor“.

⁸⁾ Въ черновомъ дневникѣ: „Рвы и березы“.

⁹⁾ Тамъ же: „досадный архитекторъ“.

¹⁰⁾ Тамъ же: „башня и тынъ ея“.

¹¹⁾ Тамъ же: „къ дворцу“.

Удивительное захождение осенняго солнца ¹⁾). [Станція Langen]. Ночью во Франкфуртъ. [Буковый] лѣсъ.

19. Франкфуртъ на Майнѣ. У Горчакова. Мостъ на Майнѣ. Прогулка за городъ и политический разговоръ. У Аштета ²⁾). [Писалъ письма. У Вильмана. [Ремеръ] ³⁾.

20, [суббота]. Письма. Къ Горчакову. Деньги. [50 талеровъ]. [Въ Майнцъ. Въ Рюдесгеймъ]. Въ Рюдесгеймъ черезъ Висбаденъ.

21, [воскресенье]. Восхождение солнца. Vierreckige Schloss, принад(лежащий) графу Ingelheim: [видъ съ башни]. Burgverliess ⁴⁾, дверь, кабинетъ [черезъ спальню], зеркало, Rittersaal, терраса на башнѣ.—Brömers Stammhaus, кровать, шкафъ, портреты, часовня, рога, цѣпи. Niedewald: Tempel, Jägerhaus, die Rossel. Въ Асма(ис)гаузенъ. Rheinreise [полуудавшаяся] до Боппарта. [Дымъ. Ночеваль въ Боппарте].

22. [Утромъ въ Кобленцъ. Дождь. Видъ на Кобленцъ. Осмотрщики. Возвратный путь берегомъ. Разъ на минуту солнце. Ночь въ Бингенѣ] ⁵⁾.

23. Бингенъ. Ro(c)huscapelle. Niederingelheim. Остатки дворца. Видъ стъ памятника. Майнцъ. Каѳедральная церковь. Возвращеніе во Франкфуртъ. Стрѣльба.

24. Франкфуртъ. Картины Вильмана ⁶⁾, [Евердингена] ⁷⁾ и [копіи] Моргенштерна ⁸⁾. Даннекерова Аriadna въ музей Бетмана ⁹⁾. У Горчакова, у Гонтара, у Аштета. Ночеваль въ Ганау.

25. Ганау. Чистый городокъ. Площадь и колодцы. Между Ганау и Гельнгаузеномъ лѣсъ; дубы. [Langeseelwald]. Прекрасные сельскіе виды съ дороги; большие дубы, разсыпанные по равнинѣ. [Рощи на зеленыхъ холмахъ]. Пасмурная погода ¹⁰⁾. [Виноградники Блуменберга]. Гельнгаузенъ. Церковь съ наклоненною колокольнею ¹¹⁾; равнина съ прекрас-

¹⁾ Въ черновомъ дневнике: „Удивительный вечеръ: вечерняя заря à la Friedrichs“.

²⁾ У барона Ивана Осиповича Аштета (р. 1766 † 1835), нашего посланника во Франкфуртѣ.

³⁾ Знаменитое зданіе городской думы.

⁴⁾ Т. е. подземная темница въ замкѣ.

⁵⁾ Въ бѣловомъ дневнике подъ 22-мъ числомъ запись короче: „Переездъ до Кобленца и оттуда возвратный путь до Бингена“.

⁶⁾ Живописецъ Михаилъ-Вильгельмъ Вильманъ (Willmann) (р. 1630 † 1706).

⁷⁾ Allart von Everdingen, голландскій пейзажистъ (р. 1621 † 1675).

⁸⁾ Живописецъ Йоганнъ-Фридрихъ Моргенштернъ (р. 1777 † 1844), нарисовавшій, между прочимъ, панораму Франкfurta.

⁹⁾ Симонъ-Морицъ Бетманъ (р. 1768 † 1826), банкиръ, устроитель музея его имени, въ которомъ, между прочимъ, находится и „Аriadna“ Даннекера.

¹⁰⁾ Въ черновомъ дневнике: „Жаль, что пасмурно“.

¹¹⁾ Тамъ же: „Гельнгаузенъ подъ горою; церковь съ тремя башнями“.

ными рощами и холмами; развалины замка: головы, ворота, die Halle, тронъ, Burgverliess, церковь; памятникъ Массенбаха. [Wertheim. Offenbach]. Живописная дорога (луга, холмы, рощи, деревни, [виды между горъ]) до Фульды. [Во все время перемѣнный дождь]. [Фульда].

26. Фульда: [замокъ]. Hünfeld¹⁾. Wach²⁾: женскіе костюмы изъ пестрой набойки: [плащи], [одна] пола на плечо. Marksuhl. Kirchweil: липа, вальсы. Живописная дорога до Эйзенаха. Утесы Mönch und die Nonne—двѣ головы, слитыя въ одну.

27. Эйзенахъ. Туманъ [и холдъ]. Потомъ ясный день. Прелестная равнина до Готы, справа T(h)üninger-Wald. Прелестный видъ на Готу. Дворецъ четвероугольный съ двумя башнями [старинный]. Видъ съ террасы. Дорога до Эрфурта въ такомъ же родѣ, какъ до Готы. Замки Глейхенъ и необозримая равнина. Эрфуртъ. Крѣпость и живописныя улицы³⁾.

28. Эрфуртъ. Все утро просидѣлъ на квартире⁴⁾. [Хотѣлъ было итти, но холдъ помѣшалъ]. Грустный день. Entbehrung⁵⁾—вотъ мудрость⁶⁾. [Учишься во всемъ себѣ отказывать, чтобы не отказаться отъ уваженія къ самому себѣ. Поздно—ужасное слово]. Веймаръ⁷⁾.

29. Веймаръ. Штруве⁸⁾. Въ библіотеку: портреты курфирстовъ. Л(укасъ) Кранахъ. Въ к(аѳедральну) церковь: картина Лукаса Кранахъ; портретъ Лютера; гробъ Бернгарда⁹⁾. Домъ Гёте: лѣстница; бюсты и гипсы; Salve; длинная горница: Юпитеръ Олимпійскій и Ахиллъ; музеумъ. Бюсты Шиллера, Гердера, [Гёте]; древнихъ и новыхъ. Садъ. Внукъ Гёте. Длинная гостиная; [рисунки]; [софа; надъ нею задернутая картина] Les noces d'Aldobrandini; Мадонна. Горница, гдѣ портфели и антики. Къ в(еликой) княгинѣ¹⁰⁾: о грекахъ, о Кругѣ¹¹⁾; наслѣдный

¹⁾ Т. е. Hünfeld.

²⁾ Т. е. Vacha.

³⁾ Въ черновомъ дневникѣ подъ этимъ числомъ написаны еще главы II—V „Шильонскаго узника“.

⁴⁾ Тамъ же: „Просидѣлъ все утро не сходя съ мѣста“.

⁵⁾ Т. е. лишенія.

⁶⁾ Въ черновомъ дневникѣ: „Entbehrung — въ одномъ словѣ вся мудрость“.

⁷⁾ Въ черновомъ дневникѣ подъ этимъ числомъ написана еще VI глава „Шильонскаго узника“.

⁸⁾ Секретарь нашего посольства въ Дрезденѣ и Веймарѣ Йоганнъ-Георгъ Струве.

⁹⁾ Герцога Саксенъ-Веймарскаго Бернгарда (р. 1604 † 1639), участника Тридцатилѣтней войны.

¹⁰⁾ Къ великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, въ то время супругѣ наследнаго принца Саксенъ-Веймарскаго (впослѣдствіи великаго герцога) Карла-Фридриха (р. 1783 † 1853).

¹¹⁾ Въ Лейпцигскомъ университѣтѣ въ это время былъ профессоромъ фи-

принцъ¹); хлопоты о Гёте. Паркъ. Встрѣча съ в(еликою) к(нягинею) и ея дочерью²). Обѣдъ у Штруве. Дорога въ Ену. Schneckenberg, Muhlthal. Живописное положеніе Ены. Гёте: французскій языкъ; столъ; планъ Рима; бюстъ; шкаль съ минералами; о Mahrchen; Alles ist Wahrheit; Wahrheit und Dichtung³). Жалкая помѣха⁴).

30. [У] Штруве. Въ Бертуховъ Industrieanstalt⁵). Домъ Виланда⁶). Нашъ священникъ: [о нашихъ монахахъ]. [Домъ бѣдный] Шиллера; [домъ Гёте]. Отѣзѣдъ въ Лейпцигъ. Ночеваль въ Наумбургѣ.

31. Лютеръ; камень Г(устава)-Адольфа⁷). Лейпцигъ. Садъ Рей-
лософіи Вильгельмъ-Траутотт Кругъ (р. 1770 † 1842). А, можетъ быть, рѣчь
шла объ академікѣ С.-Петербургской Академіи Наукъ Филиппѣ Ивановичѣ
Кругѣ (р. 1764 † 1844), изслѣдователѣ русской исторіи и древности.

¹) См. выше, стр. 166, прим. 10-е. Въ черновомъ дневнике: „герцогъ“.

²) У великой княгини Маріи Павловны были двѣ дочери: принцессы Марія-Луиза-Александрина (р. 1808), бывшая вноскладствіи замужемъ за принцемъ Фридрихомъ-Карломъ Прусскімъ, и принцесса Марія-Луиза-Августа-Екатерина (р. 1811), вноскладствіи бывшая замужемъ за принцемъ Фридрихомъ-Лудвигомъ Прусскімъ.

³) Т. е. о сказкѣ; все правда; правда и вымыселъ.

⁴) Вотъ, что писалъ Жуковскій великой княгинѣ Александрѣ Феодоровнѣ (въ письмѣ отъ 1 (13) ноября 1821 года) о своемъ посѣщеніи Гёте: „Отъ спѣху не могъ пробыть въ Веймарѣ болѣе одного дня; тамъ имѣть счастіе представиться ея императорскому высочеству великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, которая приняла меня съ очаровательною милостію, и ея же милости обязанъ я свиданіемъ съ Гёте; онъ находился въ Іенѣ, и чтобы я имѣть время къ нему съѣздить, ея высочеству угодно было прислать мнѣ коляску, и я въ тотъ же день видѣлъ поэта. Но свиданіе мое съ нимъ было похоже на плаваніе мое по Рейну; оно было туманное, хотя онъ принялъ меня съ ласкою“. Недѣли двѣ спустя послѣ свиданія Жуковскаго съ Гёте, послѣдній отправилъ (16 ноября п. ст. 1821 г.) нашему поэту любезное письмо (напеч. въ Goethe-Jahrbuch, herausgegeben von Ludwig Geiger, Vierter Band (Frankfurt am Main, 1883), стр. 177). Выразивъ сожалѣніе по поводу краткости ихъ свиданія, Гёте писалъ Жуковскому, между прочимъ, слѣдующее: „Wenn ein unerwartet hereintretender, schnell entwickelter neuer Freund sogleich sich wieder entfernt, überdenken wir erst was wir hätten sagen, wonach wir uns erkundigen, was mittheilen sollen. Dass dieses doppelt und dreyfach der Fall gewesen als Sie und Ihr werther Geleitsmann mich in der stillen nächtlichen Einsiedeley zurückliessen, darf ich nicht betheuren; indessen nehmen Sie gegenwärtiges Blatt als wiederholtes Willkommen und Lebewohl“. Отвѣтное письмо Жуковскаго Гёте (на французскомъ языке), отъ 25 февраля (9 марта) 1822 г., см. въ Сочиненіяхъ Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 450—451 (гдѣ оно перепечатано изъ „Русскаго Архива“ 1870 года). Въ августѣ 1827 года Жуковскій снова былъ въ Веймарѣ, провелъ тамъ пять дней и ближе познакомился съ Гёте.

⁵) Фридрихъ-Юстинъ Бертухъ (р. 1747 † 1825), писатель и переводчикъ, основавшій въ 1791 году издательскую фирмку Landesindustrieanstalt.

⁶) Въ черновомъ дневнике: „Въ домѣ Виланда“.

⁷) Такъ называемый Schwedenstein (памятникъ - гранитная глыба) на

хеля. Видъ съ башни Плейссенбургъ. Садъ Рейхенбаха. Памятникъ и мѣсто погибели Понятовскаго ¹⁾). Въ театрѣ: Das Leben ein Traum ²⁾). [Stern].

1 (ноября и. ст.). Мейссентъ. [Музыка].

2. Дрезденъ. [Въ Stadt Berlin ³⁾]. Батюшковъ ⁴⁾). Löwenstern. Тикъ ⁵⁾): разговоръ о Гёте.

3. У Бибикова. У Фридриха ⁶⁾): его большая картина. Въ католицкой церкви. У Бруно ⁷⁾). У Аникеевой: скотина мужъ. Обѣд(аль) у Левенштернъ: M-e Weihrauch ⁸⁾). У Тика; чтеніе Гамлета.

4. У M-e Weihrauch. У Левенштернъ, портретъ; [разговоръ о немъ]. [Домой]. Съ Батюшковымъ въ Плаунъ: хочу ⁹⁾ заключенія(?). [Раздраниe писанного; надобно, чтобы что-нибудь со мною случилось]: Тассъ, Брутъ, Вѣчный жидъ, Описаніе Неаполя ¹⁰⁾). Вечеръ дома.

5, 6, 7. Въ дорогѣ. Берлинъ. Вечеръ съ Германомъ¹¹⁾.

8—13 [5 дней] дома.

14. Поутру у короля: о грекахъ. Лукаду ¹²⁾). Къ принцессѣ Александ-

томъ мѣстѣ, гдѣ палъ въ сраженіи подъ Люценомъ (въ 1632 г.) шведскій король Густавъ-Адольфъ.

¹⁾ Князя Іосифа Понятовскаго (р. 1762 † 1813), главнокомандующаго польскими войсками и маршала Наполеона; прикрывая отступленіе французской арміи подъ Лейпцигомъ, онъ утонулъ въ Эльстерѣ.

²⁾ Драма Кальдерона. Существуетъ нѣсколько переводовъ этой драмы на нѣмецкій языкъ.

³⁾ Название отеля.

⁴⁾ К. Н. Батюшковъ страдалъ уже въ то время умственнымъ разстройствомъ и лѣчился въ Дрезденѣ.

⁵⁾ См. выше, стр. 162, прим. 6-е.

⁶⁾ См. выше, стр. 74, прим. 3-е.

⁷⁾ См. выше, стр. 119 и 121.

⁸⁾ Быть можетъ, дерптская знакомая Жуковскаго (ср. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 162).

⁹⁾ Въ приводимыхъ Жуковскимъ словахъ Батюшкова второе слово написано какъ въ черновомъ, такъ и въ бѣловомъ дневникѣ не вполнѣ разборчиво; въ послѣднемъ оно не дописано до конца. Скорѣе всего слѣдуетъ читать: „заключеніе“. Ср. слова Батюшкова Д. А. Кавелину въ началѣ 1823 года: „Si on m'avait enferm , enchain , je serais peut- tre plus utile“ (см. Л. Н. Майковъ, Батюшковъ, его жизнь и сочиненія, Спб. 1887, стр. 322). Л. Н. Майковъ (тамъ же, стр. 293—294) читалъ эти слова такъ: „хочу заниматься“. Но чтеніе это не можетъ быть принято: подлинная рукопись дневника Жуковскаго не даетъ къ тому основанія.

¹⁰⁾ По всему вѣроятію, перечень произведеній Батюшкова, имъ разодраныхъ.

¹¹⁾ См. выше, стр. 75, прим. 3-е.

¹²⁾ Флигель-адъютантъ короля прусского Францъ-Іоганнъ фоэль Лукаду (Lucadou), съ 1817 по конецъ 1821 года состоявшій при прусскомъ посоль-

дринъ¹): о моихъ рисункахъ; къ принцессѣ Луизѣ: [ея лицо]. Къ Карлу: огромная собака, [шакаль]. Къ Альбрехту: рисунки Ніенштета. Къ кронпринцу. Къ гр(афинѣ) Трухзесъ. Къ пр(инцу) Вильгельму. Къ принцу Вильгельму брату. Къ M-elie Wildermeth: исторія Шуваловой. Обѣдъ у принца Вильгельма. [Послѣ обѣда] разговоръ у камина о в(еликой) кн(ягинѣ); о Фридрихѣ; о картинахъ [у] короля: Мадонна Гольбейна. Горницы: двойной столъ; ширмъ: Георгій и Сесілія; большія кресла; Мадонна Рафаелева; писанныя окна. Вечеръ дома; [разговоръ съ Montégu].

15. Обѣдъ у короля: принцессы Вильгельмъ, Александрина и Луиза, и пр. [кронпр(инцъ), Вильг(ельмъ), Карлъ, Вильдерметъ, M-e Truchses, Kleist, Ancillon]. За столомъ подлъ Аnsильона. Вечеръ у кронпринца: Аnsильонъ, Брюль, Гуфландъ, Шинкель, [герцогъ] Карлъ, [принцъ] Вильгельмъ. Рисунки; малахитъ. Горница: сводъ съ рѣзьбою²). Кельнскія Мадонны; Преображеніе; бюсты великой кн(ягини) и матери. [Разговоръ о грекахъ. Скора съ Вильгельмомъ].

16. У пр(инцессы) Александрины съ рисунками. У граф(ини) Бранденбургъ: о кронпринцѣ (la princesse de Bavière)³; [о великой княгинѣ⁴]; срав(еніе) двухъ велик(ихъ) князей⁵). У Брюля: о кронпр(инцѣ); о его пылкости; исторія Спонтини. У M-e Kleist: [M-e Berg], Радзивиль, M-elie Wildermeth, M-e Stegemann, Бернсдорфъ. Чтеніе J: Cезар⁶). Рисунки Lulu⁷), пѣніе.

17. Визиты поутру. Обѣд(аль) у Алопеуса. Вечеръ у Гуфланда, семейный: [Гермштетъ⁸); Раухъ и его дочь; двѣ красавицы]. Ужинъ.

18. Визиты. Рожд(еніе) Лулу. [День дома]. Вечеръ у M-e Kleist. Комедія. Madame Thürschmidt, Lauer; полякъ, [Montaigu]⁹).

ствѣ въ Петербургѣ (см. Bailieu, Briefwechsel König Friedrich-Wilhelm's III mit Kaiser Alexander I, Leipzig. 1900, стр. 288 и 314).

¹) О большей части лицъ, съ которыми встрѣчаешься въ дневникѣ Жуковскаго далѣе, за время пребыванія его въ Берлинѣ на обратномъ его пути въ Россію, упоминалось въ дневникѣ уже ранѣе (см. стр. 75—120 и примѣчанія къ этимъ страницамъ).

²) Въ черновомъ дневнике: „Горница съ сводомъ и золотою рѣзьбою“.

³) Въ черновомъ дневнике: „Пр(инцесса) Баварск(ая)“. Рѣчь шла о предстоявшемъ бракѣ кронпринца Фридриха-Вильгельма съ принцессою Елизаветою Баварскою. Бракосочетаніе ихъ состоялось въ 1823 году.

⁴) О великой княгинѣ Александриѣ Феодоровнѣ.

⁵) Великихъ князей Николая и Михаила Павловичей.

⁶) Вѣроятно, трагедія Шекспира „Юлій Цезарь“.

⁷) Неизвѣстно, кто носилъ это прозвище.

⁸) Вѣроятно, докторъ Сигизмундъ Гермштедтъ (Hermstädt, р. 1760 † 1833), профессоръ химії въ Берлинскомъ университетѣ, находившійся въ родствѣ съ Гуфландомъ (ср. выше, стр. 106, прим. 2-е).

⁹) Ср. выше, подъ 14-мъ числомъ этого же мѣсяца; тамъ фамилія этого лица написана Жуковскимъ иначе (Montégu).

19. Утро. Визиты. У гр(афини) Трухзесъ. У M-elle Wildermeth: о гр(афинѣ) Шуваловой, о гр(афинѣ) Трухзесъ. Обѣдъ съ M-е Kleist и Лулу.

20. Визиты. Обѣдъ у короля. Въ театрѣ: *Die drei Gefangene*.

21. Въ книжной лавкѣ. Обѣдъ и вечеръ у M-е Kleist. [Чтение] *Prinz von Homburg*⁴⁾. [Картины].

22. Утро у M-е Kleist. Чтение *Simple histoire*²⁾. У Kohlrausch. Обѣдъ и вечеръ дома. Стр(аинный) Судъ M(icel) Ange³⁾.

23 (ноября н. ст.)—12 (декабря н. ст.). У M-elle Вильдерметъ съ кронпринцемъ: Лулу, M-е Kleist, Adolf, Wild(ermet)⁴⁾. [Въ другой разъ] у M-elle Вильдерметъ съ кронпринцемъ: тѣ же и скоро M-е Berg, Stegemann, Nienstad, Schack. Вечеръ у Шака. [Ужиналь у Гуфланда. Чтение S(imple) histoire]. Утро у кронпринца съ рисунками. Балъ во дворцѣ [и Ифигенія]. Завтракъ у герцога⁵⁾. Обѣдъ у при(нца) Альбрехта. Разговоръ съ M-elle Wildermeth о Лулу. Утро у Шинкеля; его рисунки и картины. Обѣдъ съ Глогеромъ. Обѣдъ у Роза. У Солли⁶⁾: Мадонна съ спящимъ Младенцемъ, Philippo Lippi; Троица; Св. Катерина, Francesco Francia; Абраамъ de Fra Bartolomeo; Presentation au temple, Mantengo⁷⁾; Крещеніе, Andr(ea) del Sarto; Van Eik: 1) Марія на колѣняхъ и ангель; пѣвцы и Сесилія; 2) На колѣняхъ; Пустынникъ и рыцарь; Эммелинка Распятіе; Голова Спасителя Ванъ Ейка; портретъ Гольбей(н)а и Тиціана; Рафаелева Мадонна; Anna Boulen, Гольбей(н).—Hedwig. Утро у M-е Humbolt: списокъ съ Рафаелева Положенія во гробъ.

13. [Обѣд(аль)] у M-elle Wildermeth съ M-е Kleist. Jungfrau von Orleans. Вечеръ у M-е Kleist. Tieck.

14. У меня Вильдерметъ. [Показывала Вильдерм(ету) рисунки]. [Стихи.....]⁸⁾. У M-е Kleist; Chateaux en Espagne⁹⁾; ея рассказы о себѣ. Обѣдъ у короля: разговоръ съ Шлифеномъ. Вечеръ у герцог(ини) Кумберландской: кронпринцъ, Вильгельмъ, [принц.] Сольмсъ [съ

¹⁾ Драма Генриха Клейста (р. 1777 † 1811).

²⁾ См. выше, стр. 68, прим. 10-е.

³⁾ Т. е. Микель Анджело.

⁴⁾ Молодой офицеръ, родственникъ M-elle Wildermeth.

⁵⁾ Герцога Карла Мекленбургъ-Стрелицкаго.

⁶⁾ Вероятно, у Джузеппе-Марія Соли (Soli), итальянского архитектора и живописца (р. 1745 † 1822).

⁷⁾ Фамилія этого итальянского живописца написана Жуковскимъ ошибочно; слѣдуетъ читать: Mantegna.

⁸⁾ Одно слово (фамилія лица, которому были написаны стихи) написано неразборчиво.

⁹⁾ Комедія французскаго писателя Collin d'Harleville (р. 1755 † 1806).

cousin], [принцъ] Гогенцоллернъ, гр[афия] Бернсторфъ, Гумбольдт [съ женой] и дочерью]. [Рисунки].

15, [суббота]. Обѣд(алъ) дома. [У меня Вильдерметъ]. Вечеръ у М-е Kleist. Картины Кольрауша. [Тикъ]. Чтеніе Гофмана. За столомъ [между Лулу и Тикомъ]¹⁾.

16. У Вильдермета поутру. [У пр(инца) Альбрехта]. Вечеръ у Гнезена(у): М-е Helwig²⁾, М-е Klausewitz, [Humbolt], Grollmann³⁾, Hohenhausen, [Kleist], дочери Гнезенау. [Игры]. За столомъ между М-е Savigny и Hohenhausen.

17. [Дома. W. Scott]⁴⁾. Въ Шарлоттенбургъ.

18. У М-е Kleist: М-е Thürschmidt. Обѣд(алъ) у короля: подлѣ М-е Truchsess. Брей⁵⁾. Бюстъ [пр(инцессы)] Александрины. Извѣстіе о турка(хъ)⁶⁾. [Дома. Мальтицъ]. Вечеръ у Гуфланда: [о грекахъ и Россіи].

19. Обѣд(алъ) у Mad(ame) Kleist съ M-elle Wildermeth и Адольф(омъ). Скучное чтеніе.

20. Письмо къ Батюшк(ову) и Гагенбуху⁷⁾. Обѣд(алъ) у кронпринца: Шинкель, Аnsильонъ, Ліанбо, Кнезебекъ, Шакъ. Разговоръ о грекахъ, испанцахъ и Шатобранѣ. Послѣ обѣда визитъ къ Алопеусу. Вечеръ у M-elle Wildermeth: Лулу, Адольфъ. М-е Castillon и ея дочь М-е Laurent, Вильдерметъ. Пѣніе. Домой въ каретѣ съ Лулу и Адольфомъ).

21. Весь день дома. Въ театрѣ: Олимпія⁸⁾. Вечеръ дома. Тюменъ.

22. Поутру у М-е Kleist: разговоръ о в(еликой) кн(ягинѣ); чтеніе Шатобрана; Монтегю. Обѣдъ у Алопеуса; птичка⁹⁾. У Гуфланда: разсматр(иванье) картинъ.

23. Обѣд(алъ) у M-elle Wildermeth (M-е Kleist, Lulu, Adolf, Вильдерм(етъ)). Въ театрѣ въ ложѣ Брюля: Freischütz¹⁰⁾. Вечеръ у M-е Kleist: чтеніе Princesse de Clèves¹¹⁾.

¹⁾ Въ бѣловомъ дневнике: „За столомъ подлѣ Лулу“.

²⁾ Писательница Амалія фонъ Гельвигъ (Helvig, р. 1776 † 1831), жена прусского генераль-лейтенанта Карла-Готфрида фонъ Гельвига.

³⁾ Жена прусского генерала Карла-Вильгельма-Георга фонъ Грольмана (р. 1777 † 1843).

⁴⁾ Т. е. читаль Вальтеръ-Скотта.

⁵⁾ См. выше, стр. 163, прим. 4-е.

⁶⁾ Въ черновомъ дневнике: „Извѣстіе о грекахъ“.

⁷⁾ Ср. выше, стр. 124, прим. 4-е.

⁸⁾ Опера Спонтини.

⁹⁾ Ср. ниже, запись подлѣ 1 января (и. ст.) 1822 г.

¹⁰⁾ Опера Вебера; въ Берлинѣ она шла въ первый разъ 18 іюня и. ст. 1821 года.

¹¹⁾ Романъ M-е de La Fayette (р. 1634 † 1693).

24. Дома.—¹⁾). Читаль В(альтера) Скотта.

25. Дома.

26. Вечеръ у М-е Kleist съ генераломъ ²⁾. M-elle Stegemann: о Тикѣ и Шиллерѣ.

27. Обѣд(аль) дома. Поутру у Гельвигъ ³⁾, у Клаузевицъ. У Гнезнау: Cosmelly.

28. Поутру у M-elle Wildermeth. Обѣдалъ дома. Вечеръ у M-elle Wildermeth.

29. Поутру къ М-е Kleist. Тамъ M-elle Wildermeth. Гуляль въ Thiergarten. Обѣд(аль) у Алопеуса: Фуль ⁴⁾ и Тимовскій ⁵⁾. У короля Wei(h)nachtsabend ⁶⁾. Столъ Луизы: платья; серебреная лахань; перламутр(овая) коробочка; крестъ изъ бирюзы; ожерелье; альбомъ. Столъ Александрины: бронзовая штучка для вѣшанья; корзина; кронпр(инцевы) браслеты; платья и картина короля; портфель съ рисункомъ; портретъ лошади. Столъ короля: transparent; чашки принц(ессы) Вильгельмъ; сервизъ; вазы кристальная. Столъ кронпринца: перламутровая штучка; стекла; Boisseré(e) ⁷⁾; бронзовая вещи. Столъ Вильгельма: ларчикъ; рисунки; подсвѣчники и чашки. Карла: n\'ecessaire; тарелка; кристальная вепци. Альбрехта: пушки; ружье; Waldteufel; сани; альбомъ, ружье; (его книжки). Пр(инцессы) Вильгельмъ: часы, ширмы. Герц(ога) Кумберл(андского): трубка; табакерка; круглый столъ. Ужинъ.

30. До 7 часовъ дома клемиль. Вечеръ у Madame Kleist. Полк(овникъ) Беловъ. Шакъ съ женою. Клейстъ съ женою. Фельдмаршаль Клейстъ ⁸⁾: весельчакъ добрый. Луду: о снахъ; о обществѣ; о Гедвигъ; извиненіе; о фонарѣ.

31. Поутру у граф(а) Бранденбурга: о королѣ; бюстъ. У М-е Гель-

¹⁾ Выпущена фраза, относящаяся до состоянія здоровья Жуковскаго.

²⁾ Для фамиліи генерала въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

³⁾ См. выше, стр. 171, прим. 2-е.

⁴⁾ Вѣроятно, генералъ Карль-Лудвигъ-Августъ (Карль Лудвиговичъ) Фулль (von Phull, р. 1757 † 1826), служившій сначала въ прусской службѣ, а въ 1806 г. перешедшій на русскую службу. Во время Отечественной войны 1812 года онъ, какъ извѣстно, предложилъ императору Александру завлечь Наполеона внутрь Россіи. Съ 1814 по 1821 годъ онъ былъ русскимъ посланникомъ въ Гаагѣ.

⁵⁾ Быть можетъ, камергеръ Иосифъ Игнатьевичъ Тымовскій (р. 1791 † 1871), служившій въ канцеляріи статсъ-секретаріата Царства Польскаго, впослѣдствіи (1856—1862 гг.) министръ и статсъ-секретарь Царства Польскаго, а по томъ членъ Государственнаго Совѣта.

⁶⁾ Т. е. елка.

⁷⁾ Вѣроятно, какое-нибудь изданіе Буассерѣ (см. выше, стр. 157, прим. 12-е).

⁸⁾ Фельдмаршаль графъ Фридрихъ-Фердинандъ-Генрихъ фонъ Клейстъ, участвовавшій въ войнахъ противъ Наполеона (р. 1762 † 1823).

вигъ: Кнезебекъ съ женою; ея рисунки, о Солліевой галлереѣ¹⁾). Обѣд(аль) дома. Постъ обѣда у Гуфланда, у M-e Kleist, у M-elle Wildermeth: M-elles Kleist, Stegmann, M-e Scha(c)k, Gröben; Wildermeth, Kleist. Лотерея. Разгов(оръ) съ M. St(egmann) о Бейронѣ и пр.

1 (января и. ст. 1822). Поутру. У M-e Kleist: M-elle Wildermeth; у Брюля; у Гнезенау; у M-e Humbolt (M-e Hedemann, Nicolovius²⁾, Caroline, Wildermeth). У Снарского. Обѣд(аль) у Алопеуса: чижикъ³⁾; Rechberg⁴⁾. У Гуфланда: планъ.

Уэрѣвъ черты сіі плѣнительно-живыя,
Какъ можно тайну угадать!
Всякъ скажеть: дѣвъ сестры прелестно-молодыя!
Никто не скажетъ: дочь и мать!⁵⁾.

2, середа. Поутру у переплетчика. У M-e Kleist обѣдалъ. Въ Freischütz: Голицынъ съ женою. У M-e Kleist: Henzi, Lauer. Чтеніе Château de Vaflan (?)⁶⁾.

3, четвергъ. Поутру. У гр(афини) Трухзесь: не засталъ. У Рауха. У Тика. У Шлезингера⁷⁾. Домой обѣд(ать): Тимовскій, Снарскій, Фурманъ. Вечеръ у M-e Kleist: чтеніе M-e Genlis.

4, пятница. У M-elle Bischofswerder. Обѣдалъ у Клаузевица. Въ театрѣ Schweizerfamilie⁸⁾. У Брюля.

5. У кронпринца. Гувальдъ. У M-e Berg. Обѣд(аль) у кронпринца. Вечеръ у Гуфланда.

6. Поутру. У гр(афини) Трухзесь. M-elle Wildermeth. Обѣдалъ дома. Freischütz. Веселый вечеръ у M-e Kleist съ Тикомъ и Мольеромъ⁹⁾.

7, понедѣльникъ. У гр(афини) Трухзесь. У M-elle Bischofswerder. У M-e Kleist. Wildermeth. У M-e Kleist за обѣдомъ.

8, вторникъ. У Шинкеля. У Бранденбурга. У Перпоншѣ. Фогелева картина¹⁰⁾. У Гуфланда. Брюль, Спонтини и Корфъ. Обѣдалъ у Ало-

¹⁾ См. выше, стр. 170, прим. 6-е.

²⁾ Георгъ-Генрихъ-Лудвигъ Николовіусъ (р. 1767 † 1839), прусскій государственный дѣятель, бывшій директоромъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

³⁾ Ср. выше запись подъ 22 декабря и. ст. и на стр. 76 отзывъ о наружности Алопеуса.

⁴⁾ Графъ Йосифъ-Марія Рехбергъ (р. 1769 † 1833), баварскій посланникъ въ Берлинѣ.

⁵⁾ Это четверостишие напечатано въ Бумагахъ В. А. Жуковскаго, стр. 11, и въ Стихотвореніяхъ В. А. Жуковскаго, изд. 9-е, т. II, стр. 560.

⁶⁾ Послѣднее слово написано неразборчиво.

⁷⁾ Было нѣсколько живописцевъ въ Берлинѣ съ этою фамиліею.

⁸⁾ См. выше, стр. 95, прим. 7-е.

⁹⁾ Т. е. на вечерѣ читали что-либо изъ Тика и Мольера.

¹⁰⁾ См. выше, стр. 124, прим. 7-е.

пеуса. Вечеръ у M-e Kleist: Марвицъ, M-e Förster¹), Turschmidt²), M-e Blanc, M-elle Stegemann, Tieck, Rauch, Kleist.

9, середа. Молостовъ³). Къ кронпринцу. Визиты. Обѣд(алъ) у Брюля. Вечеръ у кронпринца: Бутманъ⁴), Аnsильонъ, Раухъ, Шинкель, гра(фъ) Штольбергъ.

10. Поутру визиты: къ королю, къ Луизѣ, Александр(инѣ), Альбрехту. Къ гр(афи) Трухасеъ, къ Грёбену. Обѣд(алъ) у короля: Витгенштейнъ⁵), гр(афъ) Шулленбургъ. Вечеръ у M-e Kleist. Генераль Марвицъ. Чтеніе писемъ Гумбол(ьта). Книги.

11, пятница. Брюлево несчастье. Визитъ къ Аnsильону. M-elle Wildermeth. Домой обѣдать. Вечеръ у M-e Kleist: M-e Stegemann, Klemm, Лауерь, Тикъ, M-elle Wildermeth. Споръ.

12. Утро(мы) съ M-e Kleist въ панораму. Обѣд(алъ) дома съ Молостовымъ⁶). Вечеръ у M-elle Wildermeth.

1822.

13 (1 января 1822 г.), воскресенье. Поутру у посланника, у обѣдни, у M-elle Wildermeth. Въ Потсдамъ. Въ театръ. Танцовщицы. Ужинъ. Въ $\frac{1}{2}$ первого конецъ.

14 (2). На Brauhausberg. Въ Берлинъ. Вечеръ у M-e Клейстъ. Лауерь. Альбомъ въ бархатѣ. Картина Дюрера⁷).

¹) Быть можетъ, жена историка и поэта Фридриха-Христофора Фёрстера (р. 1791 † 1868), бывшаго въ 1821—1823 гг. редакторомъ „Neue Berliner Monatsschrift“.

²) Такъ стоить въ дневникѣ; вѣроятно, это описка, и слѣдуетъ читать Thürschmidt (см. выше, стр. 171).

³) Такъ написана фамилія этого лица и ниже, подъ 12-мъ числомъ. Не слѣдуетъ ли читать: Молостовъ? Памфамиль Христофоровичъ Молостовъ (р. 1793 † 1828) былъ офицеръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка; онъ принялъ участіе въ заграничныхъ походахъ 1813 и 1814 гг.; съ нимъ былъ знакомъ и Пушкинъ (см. Сочиненія Пушкина, академич. изданіе, т. I (изданіе второе), стр. 370—371).

⁴) Извѣстный филологъ Филиппъ Бутманъ (Buthmann, р. 1764 † 1829); онъ былъ библіотекаремъ кронпринца прусскаго (будущаго короля Фридриха-Вильгельма IV) и преподавалъ ему древніе языки.

⁵) Князь Витгенштейнъ, министръ прусскаго двора (см. выше, стр. 75, прим. 8-е).

⁶) См. выше, прим. 3-е

⁷) Знаменитаго Альбрехта Дюрера.

15 (3), вторникъ. У принцессы Луизы. Обѣд(аль) у Алопеуса. Вечеру у Штегеманъ: чтеніе Тасса ¹⁾, и Мальтицъ. Скучный вечеръ (Клаузевицъ, Савинъ, M-e Helwig ²⁾), Тикъ, Клейстъ, M-elle Wildermeth.

16 (4), середа. У Гнезенау. У принца Карла. У принцессы Вильгельмъ. Въ альбомъ. У M-elle Wildermeth. У M-me Kleist. Чтеніе Амфитрона ³⁾.

17 (5), четвергъ. Утро у M-e Kleist. У гр(афины) Трухзесь. У M-elle Wildermeth. Обѣдалъ дома. У Гуфланда; не засталъ. Помолвка. У Алопеуса.

18 (6), пятница. Поутру у пр(инцессы) Вильгельмъ: је ne suis pas le noeud ⁴⁾. У кронпринца: люблю; пр(инцесса) Радзивиль. Къ M-elle Wildermeth. Домой. Къ M-e Kleist обѣд(ать). M-elle Stegemann: о путешествіи, о характерахъ. Ужинъ у кронпринца. Жаркой споръ съ Аксильономъ о грекахъ. Вспыльчивость.

19 (7), суббота. У Брюля. У Гуфланда. Помолвка.

20 (8), воскресенье. Во дворцѣ съ Шинкелемъ. Въ Domkirche. Обѣд(аль) во дворцѣ. Съ Штегеманомъ. Проходящіе. Радзивиль. Вечеръ въ театрѣ: Freischütz ⁵⁾, въ ложѣ у Алопеуса. Потомъ къ пр(инцессы) Радзивиль: письмо в(еликой) княгини. Гумболть. Неаль. M-e Sartoris. Pergy.

21 (9), понедѣльникъ. У M-e Kleist: о трехъ невѣстахъ. У M-elle Wildermeth. Обѣдъ у Радзивила. Между ни(мъ) и дочерью. О в(еликой) княгинѣ. Грёбенъ. Гуфландъ. M-e Zummt (?) ⁶⁾. Въ театрѣ Iphigeni(e) en Tauride. У M-e Kleist. Wildermeth.

[10], вторникъ. Къ кронпринцу (Röder). Къ M-elle Wildermeth. Къ Рауху и Тику. Къ Гнезенау. Къ M-e de Berg. Къ Снарскому. Къ Гумболту. Къ M-elle Wildermeth. Домой. Къ королю (о панталонахъ, о Marienburgѣ, подарокъ). Gräf(in) Schulenburg, Haak, Berg, M-elle Kameke, Bock, Viereck. Бояновскій, Мальцанъ, Шильденъ. Бранденбургъ съ женою. Къ Алопеусу: M-e Faisan. Письмо къ пр(инцессы) Вильгельмъ. Къ M-e Kleist: der Vetter will den Kato nicht spielen ⁷⁾. Къ герцогинѣ Кумберл(андской): кронпринцъ ⁸⁾. Кронпринцъ, принцъ

¹⁾ Вероятно, драмы Гёте „Торквато Тассо“.

²⁾ См. выше, стр. 171, прим. 2-е.

³⁾ Комедія Мольера.

⁴⁾ Въ подлиннике написано: neux. Т. е. Не я центръ.

⁵⁾ См. выше, стр. 171, прим. 10-е.

⁶⁾ Фамилія написана неразборчиво.

⁷⁾ Т. е. двоюродный братъ не хочетъ играть Катона.

⁸⁾ Далѣе одна фраза при печати выпущена.

Вильгельмъ. Къ принцессѣ Радзивилль: разсказы о музыкѣ къ Фаусту ¹⁾. Куклы Неалия ²⁾. Комната маленька(я) внизу: канапе, подлѣ него бюро; столикъ съ альбомами, столикъ въ окнѣ, зеркало. Три ступени; зеленые завѣсы; свѣтлозеленые стулья; дверь въ дѣвичью. Графиня Бранденбургъ.

[11], середа. У кронпринца. У Гнезенау: Гедвигъ. У Рауха и Тика. У Алопеуса: портретъ, слезы, Александрина. У Крафта. У графини Бранденбургъ: бѣлая головы. У принцессы Радзивилль: книга. Домой. Къ М-е Kleist. Лулу спиною; М-е Thürschmidt, M-elle Wildermeth, Hedwig. За столомъ смѣхъ: la sensibilité est la gourmandise de l'âme ³⁾. Постъ обѣда Лауэръ. Домой. Вечеръ. Кронпринцъ. Пѣніе. Прощанье.

[12], четвергъ. Записка къ М-е Kleist и ея отвѣтъ. Къ молебну. Завтракъ къ Ягору. Къ М-е Kleist: темная горница. Проводы. Vogelsdorf. Mühlberg. Seelow. Küstrin.

Пятница, 13 (25). Balz. Ночевалъ въ Landsberg. Первый снѣгъ, и начинается бойкая дорога.

14 (26), суббота. Friedeberg. Woldenberg. Hochzeit. Schloppе.

15 (27), воскресенье. Ruschendorf. D(eutsch)-Krone (нѣть фортопьяно; анекдотъ о государѣ). Freudendorf. Jastrow. Красавица Роза. Peterswalde; ночевалъ.

16 (28), понедѣльникъ. Schlochau. Konitz. Tuchel. Junkerdorf ⁴⁾. Osche (бѣда съ коляскою). Plochozin. Къ утру въ Neuenburg (оттепель).

17 (29), вторникъ. Весь день въ Нейенбургѣ за починкою коляски. Оттепель. Здѣсь кончается бойкая дорога.

18 (30). Marienwerder (потеря сундука). Riesenborg. Pr(eussische). Mark. Reichenbach. P(reussische) Holland. Ночевалъ; дымный каминъ.

19 (31). Мильгаузенъ. Толстый почтмейстеръ и двѣ дочери. Браунсбергъ. Гоппенбрюхъ. Бранденбургъ; на станціи чай; ужасныя рожи. Кенигсбергъ: толстая гадкая дѣвка.

20 (1 февраля н. ст.), пятница. Мерзкая погода. Весь день въ Кенигсбергѣ. Жидъ. Ввечеру въ театрѣ: Die Gastrollen — глупѣйшая изъ фарсъ. Глупыя картины. Мелодрама: Der Müller und seine Gesellen. Одинъ порядочный актеръ. Театръ: странная архитектура. Эстрада, ложи крестомъ, два зеркала и часы прозрачные.

2 (февраля н. ст.), суббота. Штрандъ. Ночевалъ въ Нидденѣ. Горница съ сараемъ.

¹⁾ Музыка была написана княземъ Радзивилломъ (см. выше, стр. 119, прим. 7-е).

²⁾ Си. выше, подъ 20-мъ числомъ.

³⁾ Т. е. чувствительность есть жадность души.

⁴⁾ Такъ написано ошибочно въ дневнике; слѣдуетъ читать: Junkerhof.

3, воскресенье. Ш(т)рандъ. Весь день на берегу. Ф(елдъ)егерь Ячинский. Прикоснулся бы ¹⁾.

4, понедѣльникъ. Переѣздъ черезъ штрандъ. Въ Адлерѣ. Въ Мемель. Встрѣча съ Fabre²⁾ въ Полангенѣ. Жидъ и нѣмецъ. Размѣнъ денегъ. Ввечеру въ Rutzau. Путъ инвалидъ.

5. Оберъ Бартау: разсказы почт(мейстерской) жены о Перовскомъ. Тидонненъ. Дрогенъ. Шрунденъ. З(д)ѣсь спаль.

6, середа. Фрауендорфъ. Бекгофъ. Добленъ. Митава. Отъ Митавы до Риги. Солдатъ.

7, четвергъ. Рига. У Кубе ³⁾. У Петерсена ⁴⁾. Докторъ. Обѣдъ у Кубе. Дѣй жизні. Къ Петерсену спать. Вечеръ въ театрѣ. Очень порядочно: Intermezzo. Въ муссѣ ⁵⁾: Зонтагъ ⁶⁾, Гиль, Фелкерзамъ ⁷⁾, Тидебель ⁸⁾, Вагшлагерь ⁹⁾.

8 и 9, пятница и суббота. Дорога изъ Риги въ Дерпти.

10, 11 (февраля н. ст.), 31 (января)—12 (февраля н. ст.), 1 (13) (февраля), 2 (14), 3 (15). Въ Дерпти.

4 (16), суббота. Выѣхалъ изъ Дерпта.

5 (17), воскресенье. Дорога.

6 (18), понедѣльникъ. Прїѣздъ. У великої княгини ¹⁰⁾. У императрицы ¹¹⁾. Дома Тургеневъ ¹²⁾, Блудовъ ¹³⁾.

¹⁾ Вѣроятно, фельдъегерь везъ въ Берлинъ письма отъ великой княгини Александры Феодоровны.

²⁾ Быть можетъ, съ Готтильфомъ-Феодоромъ Фаберомъ (р. 1768 † 1847), служившимъ по вѣдомству министерства иностранныхъ дѣлъ (въ 1816 г. онъ былъ чиновникомъ при Франкфуртской миссіи, а въ 1822 г. чиновникомъ при нашей миссії въ Майнцѣ), извѣстнымъ своимъ трудами о графѣ Каподистріа.

³⁾ См. выше, стр. 72, прим. 8-е.

⁴⁾ Вѣроятно, у Евстаѳія Феодоровича (Георга-Густава) Петерсена, впослѣдствіи бывшаго лифляндскаго губернскаго прокуроромъ (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 272—273).

⁵⁾ Die Musse—клубъ въ Ригѣ, основанный въ 1786 году.

⁶⁾ Карлъ-Готлобъ Зонтагъ (р. 1765 † 1827), докторъ богословія и философіи, предсѣдатель лифляндской оберъ-консисторії.

⁷⁾ Егоръ Феодоровичъ фонъ Фелькерзамъ (р. 1766 † 1848), правитель канцеляріи рижскаго военнаго генералъ-губернатора, затѣмъ лифляндскій вице-губернаторъ, а съ 1829 по 1847 г. тамошній губернаторъ.

⁸⁾ Андрей Богдановичъ Тидебель, совѣтникъ губернского правленія по части крестьянскихъ дѣлъ.

⁹⁾ Яковъ Ивановичъ фонъ Вагшлагертъ, лифляндскій губернскій казначей.

¹⁰⁾ У великой княгини Александры Феодоровны.

¹¹⁾ У императрицы Маріи Феодоровны.

¹²⁾ Александръ Ивановичъ.

¹³⁾ Дмитрій Николаевичъ.

7 (19), вторникъ. У императрицы. У Карамзина ¹⁾. У Козлова ²⁾.

9 (21), четвергъ. Визиты. Въ театрѣ во дворцѣ: Une journée de Versailles. Le tailleur de S. S. ³⁾. Tableaux.

10 (22), пятница. У в(еликой) к(нягини). Визиты съ Блудовымъ. Об(ѣдаль) у Блудова. Сѣверинъ ⁴⁾. У Карамзина, у Кривцова ⁵⁾.

1826.

9 (мая). Отдалъ госуд(арю) письмо о Карамзинѣ ⁶⁾.

10 мая. Прощанье съ импер(аторомъ), импер(атрицею) и в(еликимъ) княземъ ⁷⁾. Поутру у Карамзина. Вечеръ дома съ Тургеневымъ и Блудовымъ.

11. Поутру у Карамзина. Реманъ ⁸⁾. Въ пять часовъ на пароходъ. До парохода провож(алъ) Тургеневъ. Со мною въ Кронштадтъ Перовскій ⁹⁾, Кавелинъ ¹⁰⁾, Шемьотъ. Ночевалъ у Тимирязева ¹¹⁾.

¹⁾ Вотъ, что писалъ Карамзинъ И. И. Дмитріеву черезъ день послѣ свиданія съ Жуковскимъ, 9 февраля 1822 года: „Наконецъ явился Жуковскій съ любовью къ Берлину и съ пріятнѣмъ воспоминаніемъ о своемъ путешествіи, но безъ жены, вопреки сказкамъ. Говорить, будто въ Берлинѣ сердца теплѣе и умы дѣятельнѣе“ (см. „Письма Карамзина къ Дмитріеву“, Спб. 1866, стр. 323).

²⁾ У поэта Ивана Ивановича Козлова.

³⁾ См. выше, стр. 108.

⁴⁾ Дмитрій Петровичъ Сѣверинъ (р. 1791 † 1865), членъ „Арзамаса“, гдѣ онъ носилъ прозвище Рѣзвый Котъ; съ 1811 года онъ посвятилъ себя исключительно дипломатической дѣятельности, былъ съ 1826 года нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Швейцаріи, а съ 1837 г. посланикомъ въ Мюнхенѣ.

⁵⁾ Николая Ивановича Кривцова (р. 1791 † 1843), человѣка весьма образованного и умнаго, находившагося въ пріятельскихъ отношеніяхъ почти со всѣми Арзамасцами (о Н. И. Кривцовѣ см. въ Воспоминаніяхъ Б. Н. Чичерина, напеч. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1890 года, книга первая).

⁶⁾ Въ это время Карамзинъ былъ уже сильно боленъ († 22 мая 1826). Извѣстные рескрипты императора Николая I Карамзину отъ 13 мая 1826 года и указъ министру финансовъ о производствѣ ему пенсіона по 50 тысячъ рублей въ годъ были написаны Жуковскимъ (см. Погодинъ, Н. М. Карамзинъ, т. II, Москва, 1866, стр. 494).

⁷⁾ Наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ.

⁸⁾ Лейбъ-медикъ Осипъ Осиповичъ Реманъ (р. 1776 † 1831).

⁹⁾ Василій Алексѣевичъ Перовскій.

¹⁰⁾ Александръ Александровичъ Кавелинъ (см. выше, стр. 115, прим. 2).

¹¹⁾ Быть можетъ, у Ивана Семеновича Тимирязева, женевшагося въ 1827 г. на Софью Федоровну Безобразовой, рожд. Вадковской (см. О. И. Тимирязевъ „Страницы прошлаго“, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1884 года, книга первая, стр. 303—304). По матери своей (рожд. графинѣ Чернышевой) С. Ф. Тимирязева приходилась родною племянницею А. И. Плещеевой (рожд. графинѣ Чернышевой), женѣ пріятеля Жуковскаго, А. А. Плещеева.

12, середа. Въ 11-ть часовъ сѣль на корабль. Во весь день продолжалась тихая, ясная погода. Мы сдѣлали до вечера не болѣе 15 верстъ и только успѣли поравняться съ Толбухинымъ маякомъ. Удивительной видѣ на Ораніенбаумъ. Сколько перемѣнъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ немъ былъ въ послѣдній разъ. Прекрасный петергофскій праздникъ; Александръ въ полномъ цвѣтѣ жизни; Елизавета; Карамзинъ здоровый, веселый. Теперь два во гробѣ. Карамзинъ едва ли воскреснетъ. Я на морѣ. Погода ясная. Но не предѣщаетъ ли это бури?

13, четвергъ. Прекрасный день, прекрасный вечеръ—но вѣтеръ не попутный. Надобно было лавировать. Къ вечеру прошли только за островъ Сиксартъ. Ночью сдѣлал(ось) немногого луч(ше).

14, пятница. Весь день вѣтеръ былъ противный или западный; мы къ вечеру прошли до Гогланда.

15, суббота. Вѣтеръ въ ночь перемѣнился и началъ дуть съ сѣвера; если бы онъ былъ посильнѣе, то былъ бы самый лучшій попутный. Прекрасное захожденіе солнца, особенно продолжительное дѣйствіе свѣта послѣ захожденія. Полоса свѣта яркая на небѣ и надъ нею темные облака. Море, волнующееся съ удивительною легкостію; и синева, и свѣтъ вмѣстѣ смѣшаны, но на западѣ отдѣлены клочками, кромѣ яркой полосы на самомъ горизонтѣ. Свѣжесть и влага вѣтра. Запахъ. Утки, пролетающія съ крикомъ полосою. Крикъ рыболововъ. Неподвижность корабля. Слѣдъ.

16, воскресенье. Вѣтеръ N.N.O., попутный, но слабый. Мы шли однако по 5 англ(ійскихъ) миль въ часъ. Къ вечеру были уже противъ Даго. Къ ночи вѣтеръ усилился.

17, понедѣльникъ. Вѣтеръ попутный, но не сильный. Около 8-ми вечера мы будемъ на половинѣ дороги.

18, вторникъ. Довольно сильный вѣтеръ. Мы въ виду Готланда. Около вечера лавировали, ибо вѣтеръ перемѣнился.

19, середа. Ночью продолжался сильный вѣтеръ, и мы сдѣлали довольно дороги; но днемъ перемѣнился, утихъ, и къ вечеру было только одно колыханіе корабля, весьма непріятное. Мы лавировали около Оланда. Ночью въ два часа опять поднялся вѣтеръ довольно сильный и попутный.

20, четвергъ. Весь день вѣтеръ довольно перемѣнчивый и слабый. Къ ночи доѣхали до Борнгольма, около которого надобно было лавировать.

21, пятница. Весь день былъ попутный вѣтеръ, не очень сильный; къ вечеру утихъ; около вечера, когда мы вошли въ Зундъ, совсѣмъ сдѣлалась тишина. Противъ Копенгагена сдѣлался сильный вѣтеръ, съ коимъ проѣхали опасный фарватеръ. Къ счастію, было довольно свѣтло, чтобы различать вѣхи.

*

22, суббота. Эльзинер—Копенгагенъ. Видъ на Эльзинеръ съ моря. Замокъ Кроненбургъ⁴). Визитъ къ Габбе⁵). Прогулка въ замокъ. Усталость. Переѣздъ изъ Эльзинера въ Копенгагенъ. Прекрасная, веселая сторона, богатое растеніе. Веселая деревья. Замокъ и паркъ крон-принца. Буковая прекрасная роща. Маленькия озера, торфъ. Предмѣстія Копенгагена, окруженныя прелестными аллеями. Деревья на улицахъ. Смѣшные солдаты. Книршъ и Триктъ^(?)⁶). Hôtel d'Angleterre.

23, воскресенье. Копенгагенъ. Поутру къ графу Санти⁷). Прогулка въ гавань и около города. Въ Lesestube. Негри⁸). Графъ Санти. Table d'hôte. Подѣлъ меня за столомъ какой-то французъ, живущій въ Килѣ. Послѣ обѣда визитъ русскаго псаломщика и русскаго священника Степана Карповича Сабинина⁹). Умной человѣкъ. Его рассказы о скандалезной хроникѣ двора. Исторія королевы¹⁰), матери нынѣшняго короля⁸). Разводъ нынѣшняго кронпринца⁹). Любовныя похожденія нынѣшняго короля. Слухи о королевскомъ сынѣ, будто украденномъ изъ колыбели. Прогулка съ священникомъ въ Розенборгъ, гдѣ всякой годъ въ 1 воскр(есенье) послѣ 1-го марта король бываетъ окруженный всѣмъ дворомъ и рѣшилъ какое-нибудь важное судное дѣло. Королевской садъ. Валь. Домъ здѣшней Дюбарри¹⁰).

¹⁾ T. e. Kronborg.

²⁾ Нашему консулу въ Эльзинерѣ Францу Габбе.

³⁾ Послѣднее слово написано неразборчиво.

⁴⁾ Графъ Василий Александрович Санти († 1841) былъ секретаремъ нашего посольства въ Копенгагенѣ, а потомъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Веймарѣ.

⁵⁾ Быть можетъ, Александръ Федоровичъ Негри (р. 1784 † 1854). А. Ф. Негри, родомъ грекъ, состоялъ съ 1815 года на русской службѣ въ вѣдомствѣ Коллегіи иностраннныхъ дѣлъ; между прочимъ, въ 1818 г. онъ находился старшимъ советникомъ при А. П. Ермоловѣ во время его посольства къ Фетхъ-Али-Шаху. Впослѣдствіи Негри переселился изъ Петербурга въ Одессу и былъ съ 1844 года по свою кончину вице-президентомъ Одесского Общества исторіи и древностей (см. „Записки“ этого Общества, т. IV, отд. 2-е и 3-е, стр. 414—417).

⁶⁾ Священникъ С. К. Сабининъ (р. 1789 † 1863), бывшій настоителемъ посольской церкви въ Копенгагенѣ, а потомъ въ Веймарѣ, извѣстенъ своими трудами по богословію, археологіи и древней русской исторіи; имъ была также составлена грамматика исландскаго языка.

⁷⁾ Король Датскій Христіанъ VII (р. 1749 † 1808) былъ женатъ на принцессѣ Каролинѣ-Матильдѣ Великобританской.

⁸⁾ Короля Фридриха VI (р. 1768 † 1839).

⁹⁾ Наслѣдный принцъ Датскій Христіанъ-Фридрихъ былъ женатъ два раза: 1) на принцессѣ Шарлоттѣ-Фридерикѣ Мекленбургъ-Шверинской и 2) на принцессѣ Каролинѣ-Амалии Гольштейнъ-Августенбургской.

¹⁰⁾ Т. е. фаворитки короля. Дюбарри, какъ извѣстно, была фавориткою французскаго короля Людовика XV.

24, понедѣльникъ. Утро дома. Молодой Віолье¹⁾. Обѣдъ у Санти: очень пріятный. М-е Viol(l)ier. Вечеръ дома.

25, вторникъ. Поутру на пристань. Отъездъ кронпринца. Онъ и его жена. М-е Bielow. Шуленбургъ. Усталость. Весь день дома. Обѣдъ за table d'hôte подлѣ Негри. Послѣ обѣда у меня Віолье и священникъ. Прогулка мимо театра (дряное, маленькое зданіе), адмиралтейства, биржи (старинное зданіе), возобновляемаго дворца (весьма мелкая архитектура) на валъ: прекрасныя деревья. Весь городъ окружены вѣломъ; въ него ведутъ четверо воротъ; предмѣстія—домы, построенные въ саду.

26. Выставка: двѣ прекрасныя картины профессора²⁾ для новаго дворца. Гипсы Торвальдсена³⁾: Амуръ и Психея; Меркурій, готовящійся умертвить Аргуса; Ганимѣдъ; Геба; Торжествую(щій) амуръ. Отдыхающій пастухъ; Амуръ, игр(ающій) на лирѣ; Венера съ яблокомъ. Персей Кановы⁴⁾. Барельефъ Торвальдсена: Анакроонъ и Амуръ. Большая картина профессора Лунда⁵⁾ Утвержденіе христіанства въ Даніи. Поѣздка съ Віолье въ университетскую библиотеку: сѣверныя древности—брони, копья, топоры, утвари священныя и домашнія; нѣсколько алтарей; сосуды гробовые, глиняные и металлическіе, уборы, старинныя ткани; рунические календари и писанія. Манускрипты Эдды; лексиконъ персидскій и арабскій. Здѣшнее кладбище прекраснѣй хорошо убранный садъ. Обѣдъ у гр(афа) Санти съ Шлегелемъ⁶⁾, профессоромъ правъ. Вечеру у нашего священника.

27, четвергъ. Поутру у М-е Viollier, у гр(афа) Санти. Обѣдъ за table d'hôte. Чай у Книриша, Винтеръ. Укладка.

28, пятница. Въ 9 часовъ на пароходъ. Графиня Шиммельманъ⁷⁾. Слѣпой датчанинъ съ Фаре⁸⁾. Лингартъ. Паулуч(ч)и⁹⁾. Соловей, трубачъ и пѣсельникъ. Пасторъ съ сыномъ¹⁰⁾.

¹⁾ Канцелярскій служитель нашей миссіи въ Копенгагенѣ Людвигъ Віолье.

²⁾ Для фамилії профессора въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

³⁾ Знаменитый датскій скульпторъ (р. 1770 † 1844).

⁴⁾ Итальянскаго знаменитаго скульптора (р. 1757 † 1822).

⁵⁾ Извѣстный художникъ Йоганнъ-Лудвигъ Лувдъ былъ профессоромъ Академіи художествъ въ Копенгагенѣ.

⁶⁾ Йоганнъ-Фридрихъ-Вильгельмъ Шлегель (Schlegel, p. 1765 † 1836), датскій профессоръ-юристъ.

⁷⁾ Графъ Эрикъ-Генрихъ Шиммельманъ (р. 1747 † 1831) былъ въ то время датскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

⁸⁾ Т. е. съ острововъ Färö.

⁹⁾ Быть можетъ, рижскій военный генералъ-губернаторъ, маркизъ Филиппъ Осиповичъ Паулуччи.

¹⁰⁾ Далѣе въ дневникѣ подъ этимъ числомъ находится замѣтка, касающаяся состоянія здоровья Жуковскаго; она при печати опущена.

29, суббота. Около десяти часовъ въ Любекъ. Прекрасное путешествіе по Траве. Старинный городъ. Marienkirche; часы съ курфирстами; Овербекова¹⁾ картина. Визитъ къ Кутузовой²⁾. Отѣзда въ Гамбургъ. Ночь въ худомъ трактирѣ въ грозу. Ужаснѣйшая дорога по песку и камнямъ³⁾.

30, воскресенье. Вандсбекъ. Клаудіусовъ домъ⁴⁾. Его жена и дочь. [Далъе въ дневникъ нарисованъ планъ Клаудіусова дома и помышлены слѣдующія объясненія къ плану: 1. Кресла, на коихъ сидѣлъ и писалъ поэтъ: окна въ садъ; аллея изъ липъ. Постель. 2. Надъ канапе семейственные портреты. Надъ столикомъ портреты: двухъ Штол(ъ)берговъ⁵⁾, Фомы Кемпійскаго, Фенелона, силуетъ Голицыной]. Пріѣздъ въ Гамбургъ. Трактиръ St. Petersburg на берегу Альстеръ. Гульбище передъ домомъ съ аллею. Бани на Альстеръ. Въ театрѣ: Macbeth, пер(еводъ) Шиллера. M-e Miedke — lady Macbeth, Gastrolle. Macbeth — Lenz. Banco — Шефферъ. Macduff — Шварцъ. Глупыя сцены всѣмъ и еще глупѣйшая для нихъ музыка. 1 убийца — Гольманъ. Дунканъ — Шмитъ. Докторъ — Гертигъ. Шекспировы и большая часть иѣмецкихъ трагедій не для представлія. Нѣть общаго эффекта, кромѣ нѣкоторыхъ Шиллеровыхъ, особенно Валленштейна. Выходишь безъ главнаго — чувства. Madame Miedke въ сценѣ лунатизма была прекрасна: и ужасть, и трогательное. Ленцъ много кричалъ, но онъ имѣть чувство и вообще играеть съ благородствомъ. Здѣшніе актеры имѣютъ ensemble. Послѣ театра прогулка по аллѣ. Живость и прекрасное освѣщеніе.

31, понедѣльникъ. Гамбургъ. Весь день просидѣлъ дома, послѣ

¹⁾ См. выше, стр. 156, прим. 9-е.

²⁾ Можетъ быть, къ женѣ генераль-адъютанта Павла Васильевича Голенищева-Кутузова (впослѣдствіи члена Государственнаго Совѣта и графа).

³⁾ Вотъ, между ироичимъ, чтѣ писалъ Жуковскій А. И. Тургеневу изъ Гамбурга 2 (14) іюля 1826 года: „Морское путешествіе мое было благополучно, хотя не совсѣмъ скорое: я провелъ на морѣ десять дней. Въ Копенгагенѣ долженъ былъ прожить цѣлую недѣлю въ ожиданіи парохода, который ходить одинъ только разъ въ недѣлю изъ Копенгагена въ Любекъ. Въ 24 часа совершилось это плаваніе. Въ Любекѣ я пробылъ не болѣе полудня и по ужаснѣйшей дорогѣ переѣхалъ въ Гамбургъ: это путешествіе, въ которомъ 15 часовъ я употребилъ на переѣздъ 8-ми миль, утомило меня болѣе морскаго. Я теперь отдыхаю въ Гамбургѣ, гдѣ покупаю себѣ экипажъ: нашелъ прекрасный Оффенбахскій дормѣзъ, который продается за дешевую цѣну, и, кажется, рѣшусь взять его (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 212—213).

⁴⁾ Matiasъ Клаудіусъ (Claudius, р. 1740 † 1815), писатель для народа, пѣдававшій въ 1771—1775 (подъ именемъ Astmus'a) „Wandsbecker Bote“.

⁵⁾ Поэты графа Христіана (р. 1748 † 1821) и графа Леопольда (р. 1750 † 1819) Штолльберговъ (Stolberg).

ванны, весьма не прекрасной. Гроза. Худой праздникъ. Прекрасный видъ изъ моихъ оконъ на Jungfernstieg и на Альстеръ.

1 іюня, Гамбургъ, вторникъ. Поутру у русскаго министра¹⁾). Осматривалъ коляску: у Лазаруса, у Офруа. Лобановъ²⁾). Кронпринцъ Датской въ театрѣ. Уланы и гренадеры гамбургскіе.

2 (14) іюня, середа. Гамбургъ. Поутру съ Бахарахомъ³⁾ къ каретнику. Поѣздка къ Chapeaurouge. На биржу. Börsehalle прекрасное зданіе для купечества. Обѣдъ у Штруве. Французскій министръ. Поѣздка въ Альтону: городскія кладища, особенное для каждой церкви. Ботаническій садъ. Клопштоковъ гробъ, его сына и двухъ его женъ подъ прекрасною липою. Видъ съ бастіона на пристани альтонскую и гамбургскую. Кларины страданья⁴⁾.

3 (15), четвергъ. Переѣздъ изъ Гамбурга въ Гарбургъ. Слѣпой датчанинъ. Агентъ Гиршъ. Крендели гарбургскіе. Переѣздъ изъ Гарбурга въ Целле.

Гарбургъ. Велле 4. Солтоу 4. Бергенъ. Целле. Шильдершлагъ. Ганноверъ.

4 (16), пятница. Шильдершлагъ. Ганноверъ (мерзкій вонючій трактиръ). Mudenburg, Бриггенъ. Весь день то сильный дождь, то ясно.

5 (17), суббота. Аммаэнъ. Эйнбекъ. Нордгеймъ. Геттингенъ. Холодный ясный день. Видъ на Гарцъ. Особенно прекрасный видъ около Нордгейма. Веселыя окрестности. Геттингенъ. Городъ некрасивый. Обозрѣніе библіотеки и музеума.

6 (18), Геттингенъ. (Воскресенье). Визитъ къ Гимли⁵⁾). Отѣїздъ въ третью часу. Прекрасные виды по дорогѣ. Особенно прелестныя окрестности Миндена и отъ Миндена вся дорога до Касселя. Долна съ ручьемъ. Высокія горы, поднимающіяся отъ Миндена и спускающіяся къ Касселю. Станціи: Дран(с)фельдъ, Минденъ, Кассель.

¹⁾ Министромъ-резидентомъ въ Гамбургѣ былъ въ то время Генрихъ Антоновичъ Струве (въ дневникѣ Жуковскаго нѣсколько ниже, подъ 2-мъ іюня, фамилія его написана Штруве).

²⁾ См. выше, стр. 169, прим. 2-е.

³⁾ Секретаремъ нашей миссіи въ Гамбургѣ Романомъ Ивановичемъ Бахарахтомъ.

⁴⁾ Живописецъ Клара (Klara), пользовавшійся покровительствомъ Жуковскаго и которому императоръ Николай разрѣшилъ сопровождать его за границу. Объ этомъ Клара см. въ письмахъ Жуковскаго 1826 и 1827 гг. къ императоришѣ Александри Феодоровнѣ (Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 276—277 и 284), въ письмахъ его къ Е. Г. Пушкиной 1827 и 1828 гг. (тамъ же, стр. 491—493) и къ А. И. Тургеневу 1826 г. (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 219).

⁵⁾ Карлъ-Густавъ Гимли (Himly, p. 1772 † 1837), профессоръ Геттингенскаго университета, глазной врачъ.

7 (19), понедельникъ. Кассель. Видъ передъ дворцомъ. Скора съ часовыимъ. Löwenburg: комнаты курф(юрста). Обои. Постель. Rittersaal, Rüstkammer; Rüstung¹⁾. Capelle: гробы, стекла. Геркулесъ. Каскады, органы, фонтанъ. Каскадъ въ лѣсу. Чертовъ мостъ. Aqueduct. Фонтанъ въ 190 футовъ. Schönfeld. Герцогиня, Курпринцъ и...²⁾ любви. Auengarten. Friedrichsplatz съ монументомъ³⁾ и гауптвахтою. Wilhelmsplatz.

8 (20). Диссенъ. Вабернъ, Керстенгаузенъ. Есбергъ. Гальсдорфъ. Шенштатъ. Марбургъ: живописный городъ съ замкомъ на горѣ. Тѣснота улицъ. Аллея липовая до почты.

9 (21), середа. Марбургъ. Белленгаузенъ. Гиссенъ (обѣдъ). Вецларъ (Вертеръ)⁴⁾, ярмарка. Замокъ Браунфельсъ. Вейлбургъ (высокій замокъ; мостъ; станція на берегу; чай). Лимбургъ.

10 (22), четвергъ. Лимбургъ. Монтаборъ. Эмсъ. Комната въ Steinerne Haus до 11 іюля.

11 (23), пятница. Карамзинъ⁵⁾.

12 (24), суббота. Наканунѣ отъездъ Клары⁶⁾. К(рон)принцъ⁷⁾. К(нягиня) Менцерская. Докторовъ⁸⁾. Послѣ обѣда у Стурдзы⁹⁾. Штейнъ¹⁰⁾ съ дочерью. Прогулка. 1 ванна.

13 (25), воскресенье. Посѣтители изъ Кобленца. Визиты къ Тюм-

¹⁾ Одно слово не разобрano.

²⁾ Одно слово написано неразборчиво.

³⁾ Ландграфу Кассельскому Фридриху II.

⁴⁾ Въ Ветцларѣ Гёте написалъ своего Вертера („Werthers Leiden“).

⁵⁾ О смерти Карамзина († 22 мая 1826) Жуковскій узналъ изъ газетъ. „Вообрази мое положеніе—узнать изъ газетъ, что Карамзина пѣть на свѣтѣ. И вотъ все, чтб я знаю!“—писалъ Жуковскій А. И. Тургеневу (см. „Письма Жуковскаго къ Тургеневу“, стр. 214). Не лишнимъ будетъ замѣтить, что Зейдлицъ въ своей книгѣ „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго“ (Спб. 1883, стр. 140—141) ошибочно говоритъ, что Жуковскій „въ Берлинѣ получилъ горестное извѣстіе о кончинѣ Карамзина“. Изъ дневника Жуковскаго видно, что въ 1826 г. онъ поѣхалъ за границу моремъ и ни весною, ни лѣтомъ этого года въ Берлинѣ не былъ.

⁶⁾ См. выше, стр. 183, прим. 4-е.

⁷⁾ Кронпринцъ Прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ.

⁸⁾ Т. е. Дохтуровъ.

⁹⁾ У А. С. Стурдзы.

¹⁰⁾ Знаменитый прусскій государственный дѣятель баронъ Генрихъ-Фридрихъ-Карлъ фонъ Штейнъ (р. 1757 † 1831). „Жук(овскій) очень полюбилъ его (Штейна)—писалъ А. И. Тургеневъ брату Николаю Ивановичу.—Жук(овскій), въ быту домашней жизни и по общему уваженію, находитъ б(арона) Штейна сходнымъ съ Карамзиномъ“ (см. „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, стр. 58).

плингу¹⁾, къ гр. Редель (г. Клаузевицъ), къ гр(афиинѣ) Эглофштейнъ²⁾.

14 (26), понедѣльникъ. У меня Симборскій, Эделинкъ³⁾, Стурдза. Я къ граф(инѣ) Эглофштейнъ (ея мать). Къ Стурдзѣ. Разговоръ о жизни послѣ смерти.

17 (29), четвергъ. Поѣздка на ослѣ вдоль берега Ланы. Принцъ Шаумб(ургъ)-Липпе.

18 (30), пятница. Поѣздка на ослѣ къ Mooshütte.

19 (1 іюля). Весь день дома. Утр(омъ) жаръ. Разговоръ съ Стурдз(ою) о восп(итаніи)⁴⁾. Кн(ягиня) Голицы(на)⁵⁾. Граф(иня) Бернсдорфъ.

21 іюня (3 іюля), понедѣльникъ. Прогулка по берегу Ланы.

22 іюня (4 іюля), вторникъ. Полдникъ у пр(инца) Липпе. Пріѣздъ Кутузовой. Вечеръ у гр(афиинѣ) Эглофштейнъ.

23 (5 іюля), середа. Обѣдъ у кн(ягини) Голицын(ой). Пѣніе. Потруту у Кутузовыхъ. Пріѣздъ гр(афа) Каподистрия.

24 (6), четвергъ. Вечеръ у гр(афиинѣ) Перпонишѣ⁶⁾. Вольфъ⁷⁾. Сцена изъ Ифигеніи, Taucher, Der stan(d)hafte Prinz, Hebel⁸⁾.

25 (7), пятница. Обѣдъ русскихъ.

¹⁾ Адъютанту кронпринца Прусскаго Адаму фонъ Тюмплингу (Tümpeling, р. 1781 † 1871), впослѣдствіи бывшему генерал-адъютантомъ и генераломъ-отъ-кавалеріи.

²⁾ Графиня Юлія Эглофштейнъ (р. 1792 † 1869), обладавшая прекраснымъ художественнымъ талантомъ; она и ея мать, графиня Генріетта Эглофштейнъ (р. 1773 † 1864) были хорошо знакомы съ Гёте.

³⁾ Графъ Албертъ Эдлингъ (р. 1774 † 1841) (Жуковскій въ своемъ дневнику пишетъ его фамилию ошибочно Эделинкъ), саксенъ-веймарскій министръ, женатый на сестрѣ А. С. Стурдзы, извѣстной Роксандрѣ Скарлатовнѣ (р. 1786 † 1844).

⁴⁾ Жуковскій, какъ извѣстно, готовился стать воспитателемъ наследника Александра Николаевича.

⁵⁾ Это была княгиня Марья Аркадьевна Голицына, рожд. княжна Суворова „Здѣсь (т. е. въ Эмсѣ) между прочими русскими княгиня Голицына-Суворова—писалъ Жуковскій И. И. Коалову 3 (15) іюля 1826 г.—Я ее вижу довольно часто и слушаю съ большимъ удовольствиемъ ея милое пѣніе“ (Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 464; здѣсь, въ датѣ письма, опечатка: 3 (15) іюня; слѣдуетъ читать: іюля). „Она (кн. Голицына) очень любезна и добра,—читаемъ въ другомъ письмѣ Жуковскаго къ Козлову, отъ 23 іюля (4 августа) того же года.—Я бывалъ, и довольно часто, у нея, и всякий разъ пѣніялся ея милымъ пѣніемъ“ (тамъ же, стр. 466).

⁶⁾ Іоаны нидерландскаго посланника въ Берлинѣ (см. выше, стр. 88, прим. 1-е).

⁷⁾ Актёр (см. выше, стр. 83, прим. 2-е).

⁸⁾ Жуковскій приводитъ названія пьесъ, которыя были читаны на вечерѣ: Ифигенія въ Тавридѣ—tragédie Гёте; Taucher—баллада Шиллера; Der standhaft Prinz—драма Кальдерона. Hebel—поэтъ Йоганнъ-Петръ Гебель (р. 1760 † 1826); Жуковскій, какъ извѣстно, перевелъ нѣсколько его произведений.

26 (8), суббота. Поездка въ Нассау съ Каподистрія, Эделингомъ и Стурдзою.

27 (9), воскресенье. Рейтер(в)ъ¹⁾. Прогулка съ Каподистрія.

28 (10), понедѣльникъ. Дождь.

29 (11), вторникъ. Разг(оворъ) съ Каподистрія.

1 (13) (июля), четвергъ. Прогулка съ Кутузовыми на ослахъ. Обѣдъ у Стурдзы.

2 (14), пятница. Разг(оворъ) съ Каподистрія. Обѣдъ у Кутузовой. Вечеръ дома. Возвращеніе Клары.

3 (15), суббота²⁾. Толстой. Обѣдъ у Бетмана³⁾. Graham. У Каподистрія. Hulda. Смѣшной разговоръ съ Голицыною.

6 (18), вт(орникъ). Принцесса Вильгельмъ⁴⁾.

7 (19), середа. Чтеніе письма Стурдзѣ.

8 (20), ч(етвергъ). Чтеніе отчета⁵⁾. Штейнъ. Поутру у Бетмана.

9 (21), пятница. Отѣздъ Клары. Чай у кр(он)принцессы⁶⁾.

10 (22), суббота. Души. Обѣдъ у Стурдзы Смарагда. У Штейна.

14 (26), с(реда). У кронпринца. У М-е Perponcher⁷⁾. Наводненіе⁸⁾. У Каподистрія. Отѣздъ Каподистрія⁹⁾.

¹⁾ Будущій тестъ Жуковскаго, Гергардъ-Вильгельмъ фонъ Рейтернъ (р. 1794 † 1865), проводившій лѣто 1826 года въ Эмсѣ и сблизившійся тамъ съ Жуковскимъ (см. обѣ этомъ въ книгѣ: „Gerhardt von Reutern. Ein Lebensbild“, Спб. 1894, стр. 48—50). Раіе Жуковскій только мелькомъ, разъ на одномъ балу, видѣлъ Рейтерна въ Дерптѣ въ 1816 году (см. письмо Жуковскаго къ Е. А. Протасовой, отъ 10 августа—5 сентября 1840 года въ „Русской Бесѣдѣ“ 1859 г., кн. III, Изящная словесность, стр. 17).

²⁾ При печати опущена одна фраза, относящаяся къ состоянію здоровья Жуковскаго.

³⁾ См. выше, стр. 165, прим. 9-е.

⁴⁾ Принцесса Маріанна, супруга Прусскаго принца Вильгельма, брата короля Фридриха-Вильгельма III.

⁵⁾ По всему вѣроятію, подъ отчетомъ разумѣется „Допесеніе слѣдственной комиссіи“ по дѣлу о 14 декабря 1825 г. Въ это время Жуковскій былъ занятъ участіемъ Николая Ивановича Тургенева, осужденного по этому дѣлу.

⁶⁾ У супруги Прусскаго кронпринца (см. выше, стр. 169, прим. 3-е).

⁷⁾ См. выше, стр. 88, прим. 1-е.

⁸⁾ Наводненіе произошло въ комнатѣ, которую занималъ Жуковскій; это обстоятельство заставило его перебраться на другую квартиру въ Kighausѣ (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 217). Вотъ, что сообщаетъ обѣ этомъ приключеніи К. К. Зейдлицъ въ своей книжѣ: „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго“ (Спб. 1883, стр. 141), ошибочно пріурочившая его къ 4 августа: „Въ Эмсѣ одно приключение сильно испугало Жуковскаго, но къ счастію не имѣло никакихъ худыхъ послѣдствій. Онъ занималъ квартиру въ нижнемъ этажѣ углового дома у крутого переулка, черезъ который протекалъ маленький ручеекъ, струившійся съ горы, отъ такъ называемой Mooshütte. 4-го августа послѣ обѣда, въ ту минуту, когда Жуковскій отдыхалъ, сдѣмался вдругъ ужасный ливень, и въ нѣсколько минутъ дождевая вода смѣла съ горъ такъ много земли и камней, что совершиенно запрудила переулокъ и проникла въ комнату спящаго, который съ трудомъ могъ выбраться благополучно. Онъ долженъ былъ переселиться на другую квартиру“.

⁹⁾ „Главнымъ моимъ здѣсь (т. е. въ Эмсѣ) утѣшеніемъ былъ графъ Капо-

15 (27), ч(етвергъ). Переходъ въ Badehaus. У кронпринца. Разговоръ съ Рёдеромъ¹⁾.

18 (30), в(оскресенье). Обѣдъ у Штейна. Съ гр. Бернstorffъ. Маріан(ва). Клауз(евицъ). Поѣздка въ Арнштайнъ. Букеть.

19 (31) п(онедѣльникъ). Обѣдъ съ Дилемъ²⁾. Планъ Кутуз(овыхъ). У M-ele Stolterfot³⁾. Вечерь у кн(ягини) Голицыной. Пріѣздъ вел(икой) княгини⁴⁾.

20 (1 августа), в(торникъ). У Фиштума. Письмо отъ Каподистріи. Послѣ обѣда у вел(икой) княгини.

21 (2), середа. Обѣдъ у Кутуз(овыхъ). У велик(ой) княгини. У Штейна. У кн(ягини) Голицыной. Пріѣздъ Аксильона⁵⁾.

22 (3), четв(ергъ). Вѣїздъ госуд(аря) въ Москву⁶⁾. Обѣдъ съ пр...⁷⁾. Тостъ у вел(икой) княгини. M-e Maselet. Отѣїздъ Кутузовыхъ.

23 (4), пятн(ица). У Аксильона. Визиты. Обѣдъ у Голицыной. У вел(икой) княгини. У Грелса и Дюшена.

24 (5), субб(ота). Отѣїздъ изъ Эмса. Поутру у Аксильона и г(рафини) Эглофштейнъ. Въ Кобленцѣ: терасса, мостъ. Въ Андернахѣ.

26 (6), воскр(есенье). Андернахъ: развалины римской башни. Ремагенъ. Замокъ Рейнекъ. Ремагенъ. Нонненвертъ: Vogelschiessen. Гр. Бернstorffъ. Драхенфельстъ. Боннъ.

дистріа, который прожилъ недѣли четыре въ Эмсѣ,—писалъ Жуковскій И. И. Козлову 23 іюля (4 августа) 1826 г.—Я еще надѣюсь увидѣть его во Франкфуртѣ, гдѣ буду днія черезъ четыре” (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 466). 29 іюля (10 августа) Жуковскій, дѣйствительно, свидѣлся во Франкфуртѣ съ Каподистріою (см. ниже). Какъ извѣстно, Жуковскій указывалъ императрицѣ Александре Феодоровнѣ на Каподистрію, какъ на такого человѣка, который могъ бы быть лучшимъ воспитателемъ наследника Александра Николаевича (см. тамъ же, стр. 287—289).

¹⁾ См. выше, стр. 108, прим. 5-е.

²⁾ Августъ-Фридрихъ-Адіанъ Дильт (р. 1756†1839), въ теченіе 40 лѣтъ (1790—1830 гг.) бывшій врачемъ въ Эмсѣ.

³⁾ Поэтесса Адельгейда фонъ Столтерфотъ (Stolterfoth, р. 1800 † 1875 г.).

⁴⁾ Герцогиня Саксенъ-Веймарской Маріи Павловны. „Теперь здѣсь (т. е. въ Эмсѣ) великая княгиня Марія Павловна,—писалъ Жуковскій И. И. Козлову 23 іюля (4 августа) 1826 года. Можешь вообразить, съ какимъ чувствомъ я ее встрѣтилъ. Глубокая и молчаливая горесть ея (вслѣдствіе кончины императора Александра) производить въ душѣ какое-то благоговѣніе. Какъ она напоминаетъ Александра, не императора, по человѣка прѣнительнаго, прекраснаго душею, котораго такъ весело было встрѣтить, который былъ такъ привѣтливъ, такъ очаровательенъ въ обращеніи, который былъ другомъ и душою своего семейства. Ова здѣсь не болѣе трехъ дней и пробудетъ еще недѣли четыре” (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 466).

⁵⁾ См. выше, стр. 87, прим. 6-е.

⁶⁾ Торжественный вѣїздъ императора Николая I для коронованія въ Москву происходилъ 25 іюля 1826 года.

⁷⁾ Слово пе разобрано, такъ какъ карандашъ стерся.

26 (7), понед(ѣльникъ). Бониъ. Путешествіе въ Кельнъ. Домъ.—Бониъ.

27 (8), втор(никъ). Бониъ. Но(c)hkreuz. Godesberg. Siebengeburg¹). Remagen. Andernach. Кобленцъ. Боппартъ²). Видъ живописныій Боппарта.

28 (9), середа. Боппартъ. Оберъ-Везель: Шенбергъ³). Живописные виды Оберъ-Везеля. Церковь готическая. Бахарахъ. Бингенъ. Прекрасный день и освѣщеніе. Ваутсбергъ. Рейнгау. Langenвинкель. Эльфельдъ. Домъ гр. Вестфаленъ. Фарсы. Висбаденъ⁴).

29 (10), четв(ергъ). Висбаденъ. Франкфуртъ. К. д' И.⁵). Письмо Сѣверина⁶) и Нессельродъ⁷). 1798—1807⁸). При Вѣнскай миссії. При Чичаговѣ. При Барклай. Свид(аніе) во Франкфуртѣ съ импер(аторомъ). Миссія въ Швейцарію. Въ Парижѣ. VII острововъ. Разлука. Сцена въ Парижѣ.—Ганау.

30 (11), пятн(ица). Ганау. Письма въ Петербургъ. Руль⁹). Рисунки Ивангое. Деттингенъ. Ашаффенбургъ. Замокъ. Сады кругомъ города.

31 (12), суббот(а). Ашаффенбургъ. Эссельталь. Эссельбахъ. Спес-карстъ покрытый лѣсомъ. Дождливая погода. Вирцбургъ. Домъ въ итальянскомъ вкусѣ. Дворецъ. Живопись Діаполо¹⁰). Сводъ. Зала императорская. Садъ. Институтъ для горбатыхъ. Ужинъ у Паткуля¹¹).

¹) Т. е. Siebengebirge.

²) Т. е. Boppard.

³) Т. е. Schönbürg.

⁴) Вотъ, что писалъ Жуковскій И. И. Козлову о своей поѣзданіѣ по Рейну: „Кончива курсъ въ Эмсѣ, обѣхалъ Рейнъ. Время было благопріятное; по яѣздилъ полубольной и весьма не столько могъ воспользоваться своимъ путешествіемъ, какъ бы хотѣлъ. Надобно было, подобно Вральману, любоваться утесами и разрушенными замками съ козелъ. А бродить по высотамъ и даже по ровнымъ мѣстамъ мѣшала слабость“ (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 466—467).

⁵) Т. е. Каподистрия.

⁶) Д. П. Сѣверина (о немъ см. выше, стр. 178, прим. 4-е). Въ 1826 году онъ былъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Швейцаріи.

⁷) Графъ К. В. Нессельродѣ.

⁸) Эта и слѣдующія за нею фразы подъ этимъ числомъ относятся къ служебной дѣятельности графа Каподистрии. Объ этихъ фактахъ подробно говорится въ автобіографической запискѣ гр. Каподистрии, представленной имъ императору Александру I въ декабрѣ 1824 года (см. Сборникъ Русск. Историч. Общества, т. III, стр. 163—292).

⁹) Іоганнъ-Христіанъ Руль (Ruhl, p. 1764†1842), архитекторъ. Ему, сверхъ того, принадлежатъ иллюстраціи къ Бюргеровой „Ленорѣ“, къ иѣкоторымъ произведеніямъ Шекспира и къ Оссіану.

¹⁰) Фрески въ вирцбургскомъ дворцѣ исполнены въ 1752—1753 гг. венецианскимъ живописцемъ Tiepolo.

¹¹) Быть можетъ, у генерала Владимира Григорьевича Паткуля († 1856),

1 (13) (августа), воскрес(енье). Вирцбургъ. Нейссъ¹⁾. Бургвинд-геймъ. Прелестная сторона. Холмистая равнина. Виды на деревни, аббатство и замки. Встрѣча съ Аракчеевымъ²⁾ близъ Бамберга. Бамбергъ. Домъ. Картина Усѣкновенія Предтечи. Тройной мостъ. Нептунъ³⁾.

2 (14), понедѣльникъ. Бамбергъ. Виргау. Равнина волнистая. Долины, деревни. Замокъ Маркардебургъ и Зеегофъ. Фантазія⁴⁾. Мног овѣковая дуплистая липа. Посѣщеніе гроба Ж(анъ)-Пауля⁵⁾ и встрѣча на гробѣ его брата. Барейтъ⁶⁾.

3 (15), вторникъ. Барейтъ. Эгра⁷⁾: горницы Валленштейна. Франценбрюль⁸⁾. Останов(ился) въ Schwan⁹⁾.

4 (16), середа. Докторъ Conrath. Письмо отъ Тургенева. Письмо къ Тургеневу¹⁰⁾.

5 (17), четвергъ. Поѣзда въ Маріенбадъ. Пушкина¹¹⁾, Соймоновъ¹²⁾. Возвращеніе до половины дор(оги) съ Ал(ександромъ) и Сер(гѣемъ)¹³⁾.

6 (18), пятница. 1 ванна.

7 (19), суббота. 2 ванна¹⁴⁾. Началъ писать письмо¹⁵⁾. Чт(еніе).

сынъ котораго Александръ Владимировичъ воспитывался съ наставникомъ Александромъ Николаевичемъ.

¹⁾ T. e. Neuses.

²⁾ Съ графомъ Алексѣемъ Андреевичемъ Аракчеевымъ, по кончинѣ Александра I путешествовавшимъ за границею.

³⁾ Neptunsbrunnen въ Бамбергѣ.

⁴⁾ Fantaisie -замокъ, недалеко отъ Байрейта.

⁵⁾ Знаменитый пѣменскій писатель Жанъ-Поль Рихтеръ († 1825) жилъ и умеръ въ Байрейтѣ.

⁶⁾ T. e. Байрейтъ (Bayreuth).

⁷⁾ T. e. Эгеръ, гдѣ въ 1634 г. умерщвленъ Валленштейнъ.

⁸⁾ T. e. Францбурнъ (Franzbrunn).

⁹⁾ Въ гостилицѣ Schwan.

¹⁰⁾ Этого письма нѣтъ между напечатанными письмами Жуковскаго къ А. И. Тургеневу.

¹¹⁾ Едова Алексея Михайловича Пушкина, Елена Григорьевна († 1833). „Для меня будетъ живымъ удовольствіемъ васъ увидѣть,—писалъ ей Жуковскій изъ Эмса 8 июля 1826 г.—и съ вами сѣѣдить въ Пирну если не для свиданія съ напіимъ бѣднымъ затворникомъ (т. е. К. Н. Батюшковымъ), то по крайней мѣрѣ для личнаго переговора съ Пёницемъ и для свиданія съ почтенной Александрой Николаевной (Батюшковою, сестрою поэта) (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 482).

¹²⁾ См. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 218.

¹³⁾ Съ Александромъ и Сергеемъ Ивановичами Тургеневыми.

¹⁴⁾ Жуковскій, какъ видно изъ дальнѣйшихъ помѣтъ въ его дневникѣ, успѣхъ по 25 августа взять 20 ваннъ.

¹⁵⁾ Къ императору Николаю I. Письмо, вѣроятно, касалось продлевія за-граничнаго отпуска Жуковскаго. „Чтобы эмскія воды произвели все дѣй-ствіе, надлежало бы взять два курса и въ промежуткѣ провести зиму въ

Жиллиса¹⁾. Прекрасная вечерняя прогулка. О путешествии по России.

8 (20), воскресенье). Продолжалъ письмо. Жиллистъ.

9 (21), понедельникъ). Лошаковъ.

10 (22), вторникъ). Тургеневы.

11 (23), середа. Preciosa²⁾.

12 (24), четвергъ). Прогулка. Сцена на полѣ. Началъ Герена³⁾.

Шахматы.

14 (26), суббота) Приѣздъ Тургеневыхъ). Серги⁴⁾. Письмо.

16 (28), понедельникъ). Отѣздъ Тургеневы^{ыхъ} въ Дрезденъ.

17 (29), вторникъ). Писалъ письмо.

19 (31), четвергъ). Кончилъ письмо. Ликурговы законы⁵⁾.

21 (2 сентября), суббота). Отправилъ письмо⁶⁾. Поѣзда въ Земергъ.

24 (5), вторникъ). Соймоновъ.

тепломъ климатѣ: тогда нальченіе было бы совершенное; но какъ это согласить съ моими обстоятельствами, съ мою должностю, которая теперь для меня всего важнѣе,—писалъ Жуковскій И. И. Козлову 23 июля (4 августа) 1826 г. (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 465). „Мое здоровье поправилось, но надобно, чтобы оно укоренилось, слѣдственно, нельзя еще теперь возвратиться въ Петербургъ. Я просилъ оторочки: жду изъ Москвы отвѣта“,—писалъ Жуковскій ему же 26 сентября того же года (тамъ же, стр. 467). „Приншу его величеству мою благодарность за дозволеніе пропустить зиму въ Германіи. Постараюсь, сколько возможно, воспользоваться этимъ пребываніемъ. Всѣ минуты, свободныя отъ лѣченія, будутъ посвящены моимъ приготовлѣніямъ“ (къ должности воспитателя наслѣдника Александра Николаевича)—писалъ Жуковскій императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ 2 (14) октября 1826 г. изъ Дрездена (тамъ же, стр. 273).

¹⁾ Сочиненіе англійскаго историка Джона Гілліса (Gillies, p. 1747 † 1836) по истории Греціи („The history of ancient Greece“; вышло въ свѣтъ въ 1786 году).—Жуковскій, какъ извѣстно, подготовлялъ себя къ предстоящему дѣлу воспитанія наслѣдника Александра Николаевича и знакомился съ классическими сочиненіями по разнымъ отраслямъ знанія для составленія библіотеки великаго князя (ср. „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, стр. 8—9).

²⁾ Опера Вебера.

³⁾ Какое-либо сочиненіе извѣстнаго историка Арнольда Герена (Heeren, p. 1780 † 1842).

⁴⁾ Въ С. И. Тургеневѣ стали проявляться около этого времени признаки умственнаго разстройства.

⁵⁾ Т. е. читалъ въ трудѣ Джиллиса о законахъ Ликурга.

⁶⁾ 22 августа (3 сентября) Жуковскій писалъ А. И. и С. И. Тургеневымъ по поводу этого письма слѣдующее: „Вчера отправилъ роковое письмо въ Москву. Чѣмъ велѣть?“ (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 219).

26 (7), четвергъ. Выѣзда изъ Францбурна. Въ Карлсбадѣ. У М-е Weyhrauch¹⁾. У Саблукова²⁾.

27 (8), пятница. Ночевалъ въ Бриксѣ.

28 (9), суббота. Теплицъ. Кульмъ. Арбенау. Петерсвальде. Цепстъ. Пирна. У Батюшк(овой)³⁾.

29 (10), воскресенье. Пріѣздъ⁴⁾.

30 ав(густа) (11 сентября), понедѣльникъ. Въ экспозиціи. У Пушкиныхъ.

31 (12), вторникъ. У Пушкиныхъ. Въ театрѣ. Maier und Alpin.

1 (13) с(ентября), середа. У Пушкиныхъ ввечеру.

2 (14), четвергъ. Прогулка въ Japanische Garten. Серг(ѣй)⁵⁾. Начальственіе для лекцій.

3 (15) (сентября), пятница. Поѣзда въ Тарантъ. Таппе⁶⁾.

17 (29) ноября, середа. Начнетъ лекціи Гассе⁷⁾.

19 (1 декабря), пятница. Обѣд(алъ) у Пушкиныхъ.

20 (2), суббота. Gazza ladra⁸⁾. Соnъ.

21 (3), воскресенье. У Taul. У Боссе⁹⁾. Ввечеру у Пушкиныхъ. М-е Seidelmann¹⁰⁾.

¹⁾ См. выше, стр. 168, прим. 8-е.

²⁾ Быть можетъ, у генераль-маюра Николая Александровича Саблукова (р. 1776 † 1848), автора памѣтныхъ „Записокъ“, напеч. въ „Русск. Архивѣ“ 1869 года.

³⁾ Александръ Николаевичъ, жившій въ Пирнаѣ во все времія лѣченія ея брата-поэта въ психиатрическомъ заведеніи доктора Пинніца въ Зонненштейнѣ. Ср. выше, стр. 189, прим. 11-е.

⁴⁾ Въ Дрезденѣ.

⁵⁾ С. И. Тургеневъ.

⁶⁾ Этому профессору Таппе, жившему въ Тарантѣ, Жуковскій послалъ въ февралѣ 1828 г. письмо черезъ Е. Г. Пушкину (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 492).

⁷⁾ Профессоръ исторіи въ Дрезденскомъ (а съ 1828 г. въ Лейпцигскомъ) университетѣ Фридрихъ-Христіанъ Августъ Гассе (Hasse, р. 1773 † 1848) Жуковскій и А. И. Тургеневъ не разъ бывали на литературныхъ вечерахъ у Гассе (см. „Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, стр. 9—10 и 14).

⁸⁾ Опера Россини.

⁹⁾ Живописецъ Эрнестъ Боссе (р. 1780 † 1863), родомъ изъ Риги, профессоръ С.-Петербургской Академіи Художествъ, работавшій въ то времія въ Дрезденѣ; о немъ упоминается въ одномъ изъ писемъ Жуковскаго къ Е. Г. Пушкиной, 1828 года (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 492).

¹⁰⁾ Вѣроятно, М-е Seydelmann (р. 1767 † 1840), жена живописца Якова Зейдельманна (р. 1750 † 1829), которому были заказаны императоромъ Александромъ I копіи съ многихъ картинъ Дрезденской галлерен для Эрмитажа.

22 (4), понедельникъ. У Боссе. Викулинъ¹⁾). У Гудовича, Голицына, Офросимова²⁾.

1827.

14 (26) апрѣля 1827, въ четвергъ, выѣхалъ изъ Дрездена. Дорогою читалъ *profession de foi M-e de Recke*³⁾. По сю пору еще неѣть ничего особенного. Мысль, что понятіе о Божествѣ испортилось и что Христосъ исправилъ, несправедлива, ибо никако го понятія и не было лучшимъ; Христосъ далъ новое истинное понятіе, ни на чемъ прежнемъ не основанное. Его понятіе почти столь же далеко отъ вѣры іудеевъ, какъ отъ идолопоклонства грековъ и пр.—Кто молится, тотъ вѣритъ, любить, надѣется! Молитва есть выраженная вѣра, то есть молитва ума и сердца, а не обрядъ молитвы. Сей послѣдній убиваетъ вѣру. Но

¹⁾ Вѣроятно, Сергѣй Алексѣевичъ Викулинъ, гвардейскій офицеръ, человѣкъ большихъ дарованій, рано умершій вслѣдствіе умственнаго разстройства (см. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 268).

²⁾ Въ записной книжкѣ Жуковскаго, содержащей его дневникъ 1826—1827 гг., слѣдуетъ далѣе большой перерывъ, за цѣлые семь мѣсяцевъ. На оборотѣ листа 15-го встрѣчается только слѣдующій перечень лицъ, съ которыми Жуковскій былъ знакомъ или встрѣчался за время житія въ Дрезденѣ осеню и зимою 1826—27 гг.: „M-e de Recke. Тидге. Гассе. Ферстеръ. Фридрихъ. M-e Weihrauch. Строгановъ. Идалія. Головкинъ. Мещерская. Струве. Барклай. Посланникъ. Бибиковы. Бекъ. Гудовичъ. Тикъ. Рейхенбахъ. Гр(афія) Финкеншт(е)нъ. Бозе. Боссе. Офросимовъ. Левенштернъ. Ливенъ. Скуратовъ. Пушкины. Соймоновъ. Эрдманъ. Принцъ Фридрихъ, Иоаннъ. Мальтицъ. Штюбель. Аммонъ. Таппе. Шенъ. Викулинъ. Голицыны. Смирновы. Крейсигъ. Ностицъ. Киндъ. Бетихертъ. Даль. Карусъ. Фогель. Раумеры. Беккеръ“. О некоторыхъ изъ этихъ лицъ упоминается въ текстѣ самаго дневника Жуковскаго; о другихъ—въ „Письмахъ Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу“.

³⁾ Шарлотты-Элизы-Констанціп фонъ деръ Рекке (рожд. графини Медемъ, р. 1756†1833). Быть можетъ, рѣчь идетъ объ ея книжкѣ „Gebete und religiöse Betrachtungen“, вышедшей въ Берлинѣ въ 1826 году. Съ M-e Recke Жуковскій и Тургеневы часто видались въ Дрезденѣ. „Вчера проводили мы вечеръ у большого поэта Тидге, въ домѣ гр. Реккѣ,—писалъ, между прочимъ, А. И. Тургеневъ брату Николаю Ивановичу 10 февраля 1827 г., изъ Дрездена,—и болтали о литературѣ, старой и новѣйшей, нѣмецкой. Тидге и гр. Реккѣ многихъ или почти всѣхъ знатнѣйшихъ литераторовъ знали и прожили весь славный вѣкъ пѣмецкой словесности и сами въ немъ участвовали. Анекдоты ихъ о прежнихъ литераторахъ и авторахъ нѣмецкихъ любопытны“ („Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу“, стр. 13—14).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ 105, 106, 107 и 108 томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“ изд. 1901 года.

А.

Абакумовъ, сенат., 1828 г., т. CV, янв., 29, 31, февр., 266.
Агамоновъ, Мих. Анд., инж. подполк., 1864 г., т. CVI, июнь, 628.
Аделунгъ, Ник. Фед., секретарь вел. князя Ольги Николаевны, 1851 г., т. CV, мартъ, 537, 538, 544, 545, 553, т. CVI, апр., 54, 73, т. CVIII, окт., 89—91.

Адлербергъ, графиня Марья Вас., рожд. Нелидова, т. CVI, май, прил., 58, июнь, прил. 69, 1843, т. CVIII, дек., 580.

Адлербергъ, гр., Александ. Влад., р. 1818 г. † 1888 г. т. CVI, июнь, 568, т. CVIII, дек. 579.

Адлербергъ, гр., Влад. Фед., мин. двор., съ 1852—1878 г., р. 1790 † 1884 г., т. CV, янв., 43, 44, т. CVI, май, прил., 58; июнь, 452, 568, прил., 71, т. CVII, июль, 14, 24, сент., 472, 473, 476, 534.

АЗаревичева, актриса, 1823 г., том. CVIII, ноябр., 227, 228, 229, 301.

Аксаковъ, Ив. Серг., писат., р. 1823 г. ум. 1886 г., т. CVII, сент., 510, т. CVIII, ноябр., 273.

Аксаковъ, Конст. Серг., писат., род. 1817 г. † 1860 г., т. CVII, сентябрь, 510, т. CVIII, окт., 125.

Аксаковъ, Серг. Тимоф., писат., род. 1791 † 1859 г., т. CV, янв., 80—93, т. CVI, май, 407, т. CVIII, окт., 125.

Алавердянцъ, М. Я., сообщ. „Кончины А. С. Грибоедова по армянскимъ источникамъ“, т. CVIII, окт., 43—68.

Аладъинъ, Егоръ, изд. „Невского Альманаха“ 1827 г., т. CVIII, ноябр., 265—269.

Алединскій, 1814 г., т. CVI, июнь, 449.

Александра Госифовна, вел. княг., т. CVIII, ноябр., 460.

Александра Николаевна, вел. княг., ум. 1844 г., т. CV, февр., 288.

Александра Павловна, вел. княг., въ зам. палатина Венгерской, т. CVI, июнь, 504, т. CVIII, окт., 202, ноябр. 405.

Александра Феодоровна, императрица, р. 1798 † 1860 г., т. CV, янв., 27, 33, мартъ, 514, 545, 556, т. CVI, апр., 21, 31, 58—60, 66, 137, май, прил. 53—64, июнь, 453—463, 504—513 прил. 65—75, т. CVII, июль, 5—29, 103, прил. 86, 87, авг., 226—238, прил. 100—104, сент., 501, окт., 221—240, ноябр., 389—401, прил., 162, 167, 169, т. CVIII, дек., 580, прил. 177—187, 190.

Александръ I, императоръ, р. 1777 † 1825 г., т. CV, янв., 51—72, 115, 121, 151, 224, 225, 235, 236, февр., 280, 342—496, 516, 571, 591—670, 724, т. CVI, апр., 24—44, 154—169, 184, 185, 198, 199, май, 225—233, 236, 241, 310, 363, 369, 375—393, 429, 440, прил. 39, 49, 53, июнь, 449—482, т. CVII, июль, 7—26, 153—

- 161, 201, 208, прил. 86, 89, 95, авг. 225—238, 321, 391, 402, 444, 447, сен., 449—464, 623, 642, 659, томъ CVII, окт., 5—23, 32, 39—41, 75, 78—84, 193, 194, 196, 202, 229, ноябр., 241—264, 311—322, 334, 335, 409, 416, 421, 452, прил., 172, т. CVIII, дек. 467—494, 551, 563, 567, 569, 651—680, прил. 189.
- Александръ II,** императоръ, род. 1818†1881 г., т. CV, февраль, 293, мартъ, 548, 572, 635, 687, т. CVI, апр., 65, 67, май, 237, 284, 307, 358, прил., 63, июнь, 468, 568, т. CVII, июль, 97, 98, 151, прил., 96, авг., 229—231, 370, 371, сент., 500, 533, 542, 572, прил., 115, 117, 121, томъ CVIII, окт., 90, 137, 229, ноябрь, 280—285, 460—464, т. CVIII, дек., 495, 496, 552, прил. 178, 185—190.
- Александръ III,** императоръ, род. 1845—1894 г., т. CVII, авг., 371, т. CVIII, ноябр., 460, т. CVIII, дек., 593.
- Алексеевъ, В.**, сообщ. „Донесение о смерти кн. Аркадія Александровича Суворова-Рымникского“, томъ CVI, апр., 176.
- Алексеевъ, Илья**, его стихотв. „Гроту Лермонтова“, т. CV, февр., 359.
- Алексѣй** (въ мірѣ Випоградовъ), членъ духов. міссії въ Китаѣ, 1881 г., т. CV, янв., 181, 182.
- Алексѣй Александровичъ**, великий князь, т. CV, янв., 189.
- Алексѣй Михайловичъ**, царь, томъ CVIII, дек., 612, 613.
- Алексѣй Петровичъ**, царевичъ, ум. 1690 г., т. CV, янв., 238, мартъ, 517—520, т. CVIII, дек., 573.
- Алкалаевъ, А. Х.**, сообщ. „Письма Павла Степановича Нахимова, въ ствѣть на поздравленіе съ побѣдою при Синопѣ“, т. CVI, май, 394, 395.
- Алѣмова, Авдотья Аѳанас.**, рожд. Бунцва, т. CVI, май, прилозж. 41.
- Альбедилъ**, бар., Петръ Роман., гофмарш., р. 1764†1830 г., т. CVI, май, прил., 57, т. CVII, июль, 14.
- Альбединскій**, рижск. ген.-губ. 1870, т. CVIII, дек., 536, 537.
- Амвросимовъ**, архитект., 1799 г., т. CVIII, ноябр., 406, 408.
- Амвросій** (Алексѣй Ключаревъ), архіеп. харьков., р. 1821 г., томъ CVII, авг., 253—256, т. CVIII, окт., 98, 99.
- Аммосовъ, Никол.** Алексѣев., ген-маіоръ, изобрѣт. аммосовскихъ пе-чей, р. 1787†1868 г., т. CVI, июнь, 627, 628.
- Анастасевичъ, Василій Григорьевъ**, цензоръ, писат., р. 1775†1845 г., т. CVI, май, 398, 403—405.
- Анастасія Михайловна**, великая княз., въ зам. герцогиня Мекленбургская, т. CVI, іюнь, 504.
- Анастасія Романова**, царица, томъ CVIII, дек., 621.
- Андреевъ**, декабр., т. CV, янв., 158, Андреевскій, профес., т. CVIII, дек., 517.
- Андріановъ**, капит., 1877 г., т. CVI, іюнь, 604.
- Анна Павловна**, вел. княз., въ зам. кор. Нидерландская, р. 1795†1865 г., т. CV, февр., 413, 414, т. CVI, апр., 45, іюнь, 504, т. CVII, іюль, 8, 11, т. CVIII, ноябр., 241, 277.
- Анна Петровна**, вел. княз., въ зам. герцог. Голштейнъ-Готторпская, т. CV, янв., 62.
- Анна Феодоровна**, вел. княз. (принцесса Саксенъ-Кобургская), супруга вел. князя Константина Павловича, т. CV, февр., 348, мартъ, 557, т. CVI, апр., 42, т. CVII, авг., 441—448, т. CVIII, окт., 90.
- Анненкова, А. А.**, т. CVIII, дек., 476.
- Анненкова, Анна Ив.**, рожд. Якоби, т. CV, мартъ, 676, 677.
- Анненкова**, см. Цоль.
- Анненковъ, А. С.**, помѣщ., 1820 г., т. CVI, іюль, 177.
- Анненковъ, Ив.** Александ., декабр., т. CV, мартъ, 673—678.
- Анненковъ, Пав.** Васил., критикъ, р. 1813†1877 г., т. CVII, сент., 483.
- Ансеринусъ**, іезуитъ, 1604 года, т. CVIII, окт., 183.
- Антоній**, сиб. митрои., 1844 г., т. CV, февр., 290.
- Анучинъ, Дм.** Гавр., ген.-губ., вост. Сибири, 1881 г., т. CV, янв., 152, 155, 184, 196.
- Анштѣтъ**, бар., Ив. Осип., послан. во Франкф., р. 1766†1835 года, т. CVIII, ноябр., прил., 165.
- Апраксинъ**, Серг. Степ., ген.-отъ-кав., р. 1747†1827 г., т. CVI, май, прил., 56.
- Апраксинъ**, гр., Ив. Александров., 1810 г., т. CVIII, дек., 634.
- Араччевъ, гр.**, Алексѣй Андр., р. 1769†1834 г., т. CV, янв., 66, 67, 102, февр., 344, 358, 370, 495, 496, мартъ, 593, 629—631, 649, 679, 683, т. CVI, апр., 41, 157, 160, май, 369—371, 384—394, т. CVII, іюль, 27, 52, 55, 173, 174, т. CVII, сент., 453, 454, 466, 480, т. CVIII, октябрь, 12—21, ноябр., 255, 311, 335, 370, 458, томъ CVIII, дек., 470, 473, 480, 563, 651, 652, прил. 189.
- Араповъ, П. А.**, авт., „Лѣтоиси рус. театра“, т. CVIII, ноябр., 296, 300, 301.

- Арбенева**, Авд. Никол., рожд. Вельяминова, т. CVI, май, прилож., 41.
- Аргутинскій-Долгоруковъ**, кн., ген., 1877 г., т. CVI, июнь, 614, 624.
- Арендтъ**, лейбъ-мед., 1829 г., т. CVI, апр., 21.
- Аристовъ**, помѣщ., 1857 г., т. CVI, май, 353.
- Арнольдъ**, Ю. К., чинов. архива мин. иностран. дѣлъ, 1841 г., т. CVIII, ноябр., 259.
- Арсений**, архіеп., 1805 г., т. CVII, сент., 617, т. CVIII, окт., 180, томъ CVIII, дек., 612, 618.
- Арсеньевъ**, Конст. Иван., профес., т. CV, мартъ, 635—637.
- Арсеньевъ**, 1814 г., т. CVI, июнь, 449.
- Артамоновъ**, Никита, купецъ 1861 г., т. CVIII, дек., 512, 513.
- Артемовскій**, пѣвецъ, 1845 года, т. CVIII, окт., 126, т. CVIII, дек., 585.
- Арфамъ**, мичманъ, 1881 г., т. CV, янв., 166.
- Арцымовичъ**, В. А. 1901 года, чл. редакц. ком., т. CVIII, ноябр., 459.
- Арцымовичъ**, М. В., 1901 года, т. CVIII, ноябр., 459.
- Асенкова**, артистка, т. CVIII, окт., 123.
- Архаровъ**, москов. вoen. губ. 1799 г., т. CVII, юль, 30.
- Ассѣевъ**, капит., 1854 г., томъ CVI, май, 417—426.
- Ахвердовъ**, преподават., 1814 г., т. CVI, июнь, 463.
- Ахматовъ**, А. П., т. CVII, авг., 257.

Б.

- Бабинъ**, поруч., 1801 года, т. CVIII, дек., 466.
- Бабстъ**, профес., 1842 г., томъ CVII, сент., 505.
- Багговутъ**, ген., ум. 1812 г., т. CV, янв., 116, 117.
- Багратионъ**, кн., Петръ Иванов., род. 1765 † 1812 г., т. CV, янв., 103, 107, 114, мартъ, 598, т. CVII, юль, 187, 188, сент., 454.
- Бажановъ**, Васил. Борис., протопр., ум. 1883 г., т. CV, февр., 283—304, мартъ, 536, 537, 554, т. CVI, апр., 60, 63, май, 280, 282, 285, июнь, 499, 506, 507, 508, томъ CVII, авг., 243, 263, т. CVIII, окт., 88.
- Базанова**, Ю. И., т. CV, янв., 155.
- Базаровъ**, Ив. Ив., протоиерей, сообщ. свои воспоминанія, т. CV, февраль, 283—304, мартъ, 521—558, т. CVI, апр., 53—75, май, 277—306, июнь, 497—522, т. CVII, юль, 77—96, авг.,
- 241—266, сентябрь, 531—554, т. CVIII, окт. 85—100, ноябр., 271—291, томъ CVIII, дек., 533—560.
- Базенъ**, директ. инст. путей сообщ., т. CVI, июнь, 482.
- Байскій**, Порфирий, писат., 1827 г., т. CVIII, ноябр., 265.
- Байковъ**, ген., 1828 г., т. CV, мартъ, 505.
- Бакунинъ**, Модестъ Петров., камергеръ, членъ хозяйствен. экспедиц., 1799 г., т. CVIII, окт., 203, ноябр., 406, 407, 408, 409.
- Бакунинъ**, спб. губернат., 1810 г. т. CVII, сент., 453, т. CVIII, ноябр., 303.
- Балашовъ**, Александръ Дмит., мин. поліц., 1815 г., р. 1770 † 1837 г., т. CV, февр., 356, 357, 450, т. CVI, май, 307—311, 388, т. CVIII, октябр., 21, ноябр., 242.
- Балуцянскій**, Мих. Андр. профес., ум. 1848 г., т. CVI, июнь, 463.
- Барабашъ**, Й. О., полковн., 1881 г., т. CV, янв., 160.
- Бараона**, графиня, Юлія Федоровна, рожд. Адлербергъ, т. CVI, июнь, 563.
- Барановскій**, еписк. плоцкій, 1604 г., т. CV, янв., 193, т. CVIII, дек., 599.
- Барановъ**, О. Г., хабаров. воен. губернат., 1881 г., т. CV, янв., 160.
- Барановъ**, гр., Эдуардъ Трофимов., команд. Преображен. пол., 1852 г., т. CV, мартъ, 574, 575, т. CVI, июнь, 567—586.
- Барановъ**, гр., предсѣд. деп. эконом. Госуд. Сов., 1882 г., т. CV, январь, 194, т. CVIII, ноябр., 328.
- Баратынскій**, Евг. Абрамов., поэтъ род. 1800 † 1844 г., т. CV, февраль, 393, 395, 396, 454, т. CVI, май, 398, т. CVII, юль, 98.
- Барбо**, пѣвица, 1845 г., т. CVIII, дек., 590.
- Бардовскій**, Васил. Степ., инспект. 1-ой гимназіи, 1855 г., т. CVIII, окт., 139, 140, 145, 156, 158.
- Барклай-де-Толли**, кн., Мих. Богдан., фельдмарш., р. 1761 † 1818 года, т. CV, янв., 102—123, мартъ, 597, 598, 651, 654, т. CVI, апр., 196, май, 436—441, июнь, 459, 460, 642, 662, т. CVII, юль, 26, 27, 187, 188, 206, 208, авг., 225, 390, 422, т. CVIII, окт., 136, ноябр., 255—264, дек., 465, 466, 480, 634.
- Барсуковъ**, Н. П., т. CV, февр., 321.
- Барчъ**, іезуїтъ, 1604 г., томъ CVIII, окт., 182, 183.
- Варягинскій**, кн. Александр. Иванов., т. CVI, июнь, 614, 624, томъ CVII, авг., 374, 388.

*

- Барятинскій**, кн., Ив. Серг., ген.-поручикъ, 1810 г., т. CVII, сент., 459.
- Басманова**, Варвара Васил., рожд. княж. Сицкая, во второмъ бракѣ Енья. Курлятева, т. CVIII, ноябр., 424—429.
- Басманова**, Дарья Иг., см. Туренина.
- Басманова**, Евпраксія, игуменья Судальского монаст., 1636 года, томъ CVIII, ноябр., 427.
- Басманова**, Ирина Вас., см. Салтыкова.
- Басманова**, Фотинія Ив., въ зам. кн. Сулемешева, т. CVIII, ноябр., 426.
- Басмановъ**, Ив. Фед., ум. 1604 года, т. CVIII, ноябр., 426, 429.
- Басмановъ**, Пётръ Фед., сподвиж. Лжедимитрія I, т. CVII, іюль, 119—125, т. CVIII, окт., 166, 167, ноябр., 425, 426, 428.
- Басмановъ**, Фед. Алексѣев., любимецъ Ioanna IV, ум. 1571 года, т. CVIII, ноябр., 424, 425, 427, 428.
- Басмановы**, родословная, т. CVIII, ноябр., 423—430.
- Батеньковъ**, Гавр. Степ., декабр., т. CVIII, окт., 101—108, 219, декабр., 657, 677.
- Батюшкова**, Александра Никол., т. CVIII, дек., прил. 189.
- Батюшковъ**, Конст. Никол., писат., р. 1787 † 1855 г., т. CV, янв., 134, 135, 140, 143, мартъ, 742, т. CVIII, ноябр., прил., 168, томъ CVIII, дек., прил. 189.
- Бахметевъ**, ген., 1812 г., т. CV, янв., 104.
- Вашукій**, писат., 1842 г., т. CVII, сент., 483.
- Бебутовъ**, В. О., ген., 1877 г., томъ CVI, іюнь, 624.
- Безбородко**, кн., Алексѣй Андреев., канцл., р. 1747 † 1799 г., т. CVI, янв., 56, февр., 335, апр., 45, 46, т. CVIII, ноябр., 309, т. CVIII, дек., 564.
- Безобразовъ**, 1605 г., т. CVIII, ноябр., 343.
- Безобразова**, Софья Фед., рожд. Вадковская, во втор. бракѣ Тимирязева, т. CVIII, дек., прил., 178.
- Бездордный**, А. В., т. CVI, апр., 139.
- Безсоновъ**, предсѣд. виленск. археограф. комисс., 1864 г., т. CVII, авг., 437.
- Бекеръ**, подполковн., 1812 г., томъ CVIII, ноябр., 437.
- Беклемишевъ**, Александ. Андреев., ген.-прокур., 1799 г., томъ CVIII, ноябр., 407.
- Беклемишевъ**, И. К., генерал.-прокур., 1799 г., т. CVII, іюль, 30.
- Бенедиктовъ**, писат., т. CVIII, ноябр., 380.
- Бенитцкій**, А. П., издат., „Цвѣтница“ 1809 г., т. CV, янв., 133—140.
- Бенкендорфъ**, гр. Александ. Христофор., р. 1783 † 1844 г., т. CV, янв., 27—46, февр., 267—273, мартъ, 512—515, апр., 15, 21—25, т. CVI, май, 398, прил. 53, т. CVII, іюль, 10, авг., 423, сент., 656—665, т. CVIII, ноябр., 265, 269, 453.
- Бенкендорфъ**, Конст. Христофоров., ген.-ад., 1828 г., т. CV, январь, 35, т. CVIII, ноябр., 432.
- Бенкендорфъ**, Пётръ Христофор., генерал.-ад., посланникъ въ Штутгартъ, р. 1785 † 1829 г., т. CVI, апр., 167, т. CVIII, ноябр., прилож., 161, дек., 693.
- Беннигсенъ**, гр., Леонтій Леонтьев., ген., р. 1745 † 1826 г., т. CV, янв., 105—128, т. CVIII, дек., 570, 694.
- Бентамъ**, Іер., письма къ нему Н. С. Мордвінова, т. CVI, апр., 197—202.
- Бентамъ**, Самуилъ, т. CVI, апрѣль, 197—202.
- Бенуа**, Никол. Леонтьев., архитект., т. CVII, сент., 476.
- Бергъ**, гр., Фед. Фед., намѣстн. цар. Польск., р. 1794 † 1874 г., т. CV, марта, 504, т. CVII, авг., 379.
- Бернгардтъ**, Рудольфъ Богданов., архитект. 1856 г., т. CVIII, дек., 514.
- Бестужева**, Прасковья. 1827 г., томъ CVIII, ноябр., 265—269.
- Бестужевъ** (Марлинскій), Александ. Александ., писат., декабр., р. 1797 † 1837 г., т. CV, февр., 392—404, т. CVI, май, 397, 398, т. CVII, сент., 664, т. CVIII, окт., 218, 219, ноябр., 265—269, дек., 657.
- Бестужевъ**, Мих. Александ., декабр., ум. 1868 г., т. CV, янв., 184, томъ CVI, май, 252.
- Бестужевъ**, Николай Александ., т. CV, янв., 184, февр., 404.
- Бестужевъ**, Пётръ, т. CV, февраль, 405.
- Бестужевъ-Рюминъ**, К. Н., профес., † 1897 г., т. CVIII, дек., 521, 669, 680.
- Ветанкуръ**, Августинъ, инж. главно-упр. пут. сообщ., т. CVI, іюнь 481, 482.
- Вехтѣвъ**, Фед., повѣрен. въ дѣлахъ во франц., воспитат. Павла I съ 1758—1760 г., т. CVI, сент., 513, 520.
- Вецкій**, Ив. Ив., р. 1704 † 1795 г., т. CVII, сент., 521.
- Вибиковъ**, Александ. Ильичъ, ген.-аншефъ, р. 1729 † 1774 г., т. CVI, іюнь, прил., 75.
- Вибиковъ**, киевск. ген.-губ. 1833 г., т. CVI, апр., 119—121.

- Бибиковъ**, поруч. 1812 года, т. CVI, июнь, 663, 664.
- Бильбасовъ**, Вас. Алексѣев., упом. т. CV, янв., 21, 22, февр., 382, сообщ., „Разсказъ объ отношеніяхъ Пущинна къ Дантесу“, февр., 257—262, „Иноземное преданіе объ императорѣ Александрѣ I“, т. CVI, апр., 33—41, „Который Капнистъ?“, май, 276, упом. т. CVIII, окт., 78.
- Биллярскій**, П. С., акад., 1863 года, т. CVIII, дек., 526.
- Биппент**, И. Н., сенат., т. CVIII, ноябр., 462.
- Бистромъ**, ген.-ад., 1828 г., т. CV, янв., 43, мартъ, 649, 659, т. CVII, авг., 236.
- Бистромъ**, писат., 1826 г., томъ CV, февр., 466.
- Благосвѣтловъ**, Григ. Евг., писат., т. CVIII, дек., 644, 645.
- Блокъ**, Александ. Ив., управл. придворн. контор. вел. кн. Николая Павловича, 1820 г., т. CVII, июль, прил., 93.
- Блокъ**, ген.-м., 1820 г., т. CVII, июль, прил., 93.
- Блудова**, графиня, Антонина Дм., т. CVIII, дек., 510, 522.
- Блудовъ**, гр., Дм. Никол., мин. видѣль, р. 1785 † 1864 г., т. CV, февр., 300, 385, т. CVI, апр., 127, 132, 135, май, 257, 273, прил. 39, томъ CVII, авг., 282, сент., 659, т. CVIII, дек., 495—528, прил. 177.
- Блюкерт**, фельдмарш., 1814 г., томъ CVI, июнь, 459, 460.
- Бобринская**, графиня, Анна Влад., рожд. баронесса Унгернъ-Штернбергъ, род. 1769 † 1846 г., т. CVI, т. CVI, май, прил., 64.
- Бобринский**, гр., Алексѣй Алексѣев., р. 1800 † 1868 г., т. CVI, май, прил., 64, июль, прил., 72, т. CVII, июль, прил., 93.
- Бобринский**, Алексѣй Григ., т. CVI, май, прил., 38, т. CVIII, окт., 82.
- Бобринский**, графъ, А. П., ф.-ад., 1857 г., мин. пут. сообщ., т. CVI, май, 351—361.
- Богдановичъ**, маиръ, 1851 года, т. CVI, май, 417—426.
- Боголюбовъ**, Варфолом. Филипп., ум. 1842 г., т. CVI, июнь, прил., 68.
- Богословскій**, Мих. Измаиловичъ, протоіерей, т. CVI, май 279—296.
- Бодиско**, воен. агентъ въ Китаѣ, 1881 г., т. CV, янв., 177.
- Бозіо**, пѣвица, 1845 г., т. CVIII, дек., 590.
- Бокъ**, Тимоѳ Егоров., 1813 года, т. CVI, июнь, прил., 77, т. CVII, июль, прил., 86, 87.
- Болотовъ**, Алексѣй Павлов., генер. штаба поручикъ, 1827 г., т. CVI, май, 372.
- Болотовъ**, Андр. Тимоѳ., т. CVI, май, прил., 38.
- Борист Годуновъ**, царь, см. Годуновъ.
- Борисовъ**, Ив., сообщ., „Алексѣевскій ревельянъ“ въ 1862—65 г.г., т. CVIII, дек., 573—578.
- Боровковъ**, Н. А., 1901 г. т. CVIII, ноябр., 459, 464.
- Бороздинъ**, попеч. Спб. учеб. округа, 1828 г., т. CVII, сент., 645, томъ CVIII, ноябр., 427.
- Бортнянскій**, директ. придворнаго пѣви. хора, 1816 г., композит., т. CVIII, окт., 42.
- Богсравенъ**, іезуитъ, 1604 года, томъ CVIII, окт., 182.
- Боссе**, Эрнестъ, художн., р. 1780 † 1863 г., т. CVIII, дек., прил., 191.
- Боткинъ**, Вас. Петр., писатель, род. 1811 † 1869 г., т. CVIII, сентябрь, 483, 486, 504.
- Боткинъ**, Ник. Петр., т. CVII, сент., 483.
- Бопніакъ**, Александ. Карлов., вице-презид., Молдаво-Валах. Дивана, 1829 г., т. CVI, май, прил., 41.
- де-Брай**, графъ, Францъ-Габріель, барск. послан. въ Россіи въ 1808—1812 и 1814—1819 г., р. 1765 † 1832 г., т. CVIII, ноябр., прил., 163.
- Брандорфъ**, 1799 г., т. CVIII, ноябр., 406.
- Браудтъ**, В. Ф., лейтен., 1881 г., т. CV, янв., 167, 174.
- Браницкая**, графиня, Елена Ксаверіевна, см. Воронцова.
- Бретшнейдеръ**, докт., 1881 года, т. CV, янв., 177.
- фон-деръ Бриггенъ**, Александръ Федоров., декабр., т. CV, февр., 437—444, т. CVI, май, 253, 260, 262, т. CVII, июль, 103, сент., 624, 625, 628, т. CVIII, ноябр., 337, дек., 655, 671.
- Бронзеръ**, москов. поліційн. 1812 г., т. CV, мартъ, 599.
- Броокъ**, ген. 1877 г., т. CVI, июнь, 603, т. CVII, авг., 382.
- Брюлловъ**, А. П., т. CV, мартъ, 687.
- Брюлловъ**, Карлъ Павл., р. 1799, ум. 1852 г., т. CV, февр., 321, мартъ, 687, т. CVIII, окт., 135.
- Броссе**, М. И., акад., т. CVIII, дек., 497.
- Брунновъ**, бар., посолъ въ Парижѣ 1871 г., т. CVIII, дек., 541.
- Брюсь**, Якозъ Александ., ген.-аншефъ, 1786 г., т. CVII, сент., 576—578.
- Брянская**, артистка, т. CVIII, окт., 123.

- Брянскій**, актеръ, т. CVIII, октябрь, 114, 118, 130, нояб., 297, 298.
- Бранцевъ**, Н. А., т. CVI, май, 398.
- Брянчаниновъ**, альют, 1863 г., т. CV, февр., 308, 309.
- Брянчаниновъ**, А. П., 1901 года, т. CVIII, ноябрь, 460.
- Будбергъ**, посолъ въ Парижѣ, томъ CV, мартъ, 524, 525.
- Будбергъ**, капит., 1812 года, т. CV, февр., 369.
- Буйносога-Ростовская**, княж., Екатерина Петров., т. CV, мартъ, 715.
- Буйносовъ-Ростовскій**, кн., Петръ Ив., ум. 1607 г., т. CV, мартъ, 715.
- Буксегемъ**, гр., ген., 1812 года, т. CVI, апр., 187.
- Булгаковъ**, Александ. Яковлевичъ, москов. почтъ-директ. 1849 г., т. CVII, юль, 100.
- Булгаковъ**, Конст. Яков., р. 1782 † 1835 г., т. CVI, май, прил., 53, 59.
- Булгаковъ**, оф., 1843 г., томъ CVII, сент., 483.
- Булгаринъ**, Фалдей Венедикт., писатель, р. 1789 † 1860 г., т. CV, янв., 86, 92, февр., 383—408, 465, т. CVI, май, 398, 411, т. CVII, сент., 651, 655, 656, т. CVIII, нояб., 266, 268, 269, т. CVIII, дек., 466, 472.
- Булатовъ**, чл.сов.гл. управ. Сибири, 1881 г., т. CV, янв., 185.
- Бунина**, Екат. Аеавас., въ зам. Протасова, т. CVI, май, прил., 37.
- Бунина**, Марья Григ., т. CVI, май, прилож., 36, 38, 43.
- Бунина**, Леанас. Ив., ум. 1791 г., т. CVI, май, прилож., 36, 37.
- Бунге**, Н. Хр., професс., мин., томъ CVIII, дек., 516.
- Буяновскій**, В. Я., акад., т. CVII, юль, 51, сент., 487, томъ CVIII, окт., 135, дек., 497.
- Бурдинъ**, артистъ, т. CVIII, октябр., 121.
- Бурцовъ**, полковн., декабр., т. CVII, авг., 278, 280, сент., 634, 636, томъ CVIII, окт., 207, дек., 655.
- Буслевъ**, Фед. Ив., професс., т. CV янв., 95, т. CVIII, дек., 526.
- Буташевичъ - Петрашевскій**, Мих. Вас., т. CV, февр., 493, 494, мартъ, 589, 594, 596, т. CVI, апр., 171—175.
- Бутеневъ**, А. П., послан въ Римѣ, 1845 г., т. CVII, сент., 465.
- Бутера**, княж., въ перв. бракѣ графиня Шувалова, во втор. графиня Полье, т. CV, мартъ, 556, 557, т. CVI, май, 305, 306.
- Бутлеровъ**, профес., 1867 года, томъ CVIII, нояб., 283.
- Бутовскій**, полковн., 1828 года, томъ CVIII, нояб., 341—342.
- Бутурлинъ**, Д. П., ген.-м., 1828 г., т. CV, мартъ, 504.
- Бушуевъ**, Никол. Евграф., книготоргов. 1838 г., т. CVIII, дек., 593, 594.
- Вычкозъ**, И. А., сообщ.: „Изъ неизданныхъ писемъ В. А. Жуковскаго“, т. CVII, юль, 97—109, „Записка А. И. Тургенева о В. А. Жуковскомъ, представленная имъ въ 1816 г. князю А. Н. Голицыну“, авг., 391—393, „Письма В. А. Жуковскаго въ вел. княгинѣ Александ. Феодоровнѣ изъ первого его заграничнаго путешествія въ 1821 г.“, т. CVIII, окт., 221—240, ноябрь, 389—401, „Дневники В. А. Жуковскаго“ кн. апр.—дек. приложение, улом. апр., 125.
- Быховецъ**, В. Г., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.
- Бѣлинскій**, Виссар. Григ., писат., р. 1810 † 1848 г., т. CV, январь, 137 мартъ, 733, т. CVII, сент., 481—509, 550, т. VIII, окт., 111—135, 148, 150.
- Бѣлинскій**, графъ, 1812 года, т. CV, мартъ, 651, 652.
- Бѣловуровъ**, С. А., т. CV, янв., 197.
- Бѣлосельская**, княж., Анна Григ., рожд. Корицкая, ум. 1846 года, т. CVI, юль, прилож., 68.
- Бѣлосельскій-Бѣловорскій**, кн., ген.-ад., нач. жанд. управл. Никол. ж. дор., т. CVII, юль, 32, 38.
- Бэръ**, К. М. акад., 1840 г., томъ CVIII, дек. 502.
- Бюлеръ**, бар., А., т. CVI, май, 398.
- Бюловъ**, ген., 1812 г., т. CVIII, нояб., 445.
- Бютцовъ**, Е. К., 1881 г., т. CV, янв., 177, 179.

В.

- Багшлагерь**, Яков. Иван., липлянд. губ. казнач., 1825 г., т. CVIII, дек., прил., 177.
- Валицкій**, пиж. 1848 г., т. CVI, юль, 479.
- Валуевъ**, гр., Петръ Алекс., мин. вп., дѣлъ р. 1815 † 1890 г., т. CVI, май, 355, 357, 360, юнь, 513, т. CVII, юль, 96, т. CVIII, нояб., 273.
- Валуевъ**, Петръ Степан., об.-церемоніймейст. 1896 г., сенат., Главнонач. Кремлевск. Экспедиц., р. 1743 † 1814 г., т. CVI, апр., 43—52.
- Валуевъ**, Степ. Мироновъ, картографъ, 1743 г., т. CVI, апр., 43.

- Вальберхова**, артистка, т. CVIII, окт., 123.
- Вальтеръ**, еписк. 1870 г., т. CVIII, дек., 538.
- Ванюковскій**, Пётръ Семен., ген.-ад., воен. мин., т. CV, янв., 194.
- Варлаамъ**, Ятскій, монахъ Чудова, монаст., 1604 г., т. CVIII, дек., 607, 609, 610.
- Варнава**, архиеп. холмогор. и волжск. 1724 г., т. CV, янв., 242.
- Василій III**, вел. князь московскій, т. CVI, апр., 85—92.
- Василевскій**, Дм. Ефимов., профес. правъ, р. 1781 г., т. CVII, іюль, 179.
- Васильевъ**, И. В., священ. въ Парижѣ, 1852 г., т. CV, мартъ, 551, т. CVI, апр., 55, май, 298, іюнь, 508, т. CVII, авг., 265, сент., 531., т. CVIII, окт., 92, ноябр., 290, 291.
- Васильевъ**, гр. Алексѣй Ив., р. 1742† 1807 г., мин. финан., т. CV, февр., 353.
- Васильевъ**, шт.-кап. Дагест. пол. 1854 г., т. CVI, май, 423.
- Васильчиковъ**, Иллар. Вас., р. 1777† 1847 г., т. CV, янв., 113—122 февр., 281, мартъ, 497—501, т. CVI, іюнь, 648, 649, т. CVII, авг., 237, сент., 666, т. CVIII, ноябр., 452.
- Васильчиковъ**, А. А., т. CVIII дек., 468.
- Веберъ**, г-жа, рожд. Маккъ, т. CV, янв., 175.
- Веберъ**, К. И., консулъ въ Тянь-Дзинѣ 1881 г., т. CV, янв., 175.
- Ведель**, Анна Родионов., 1765 г., т. CVII, сент., 530.
- Веденяпинъ**, декабр., т. CV, февр., 439.
- Вейдемейеръ**, Татьяна Вас., рожд. княжна Херхулидзе, т. CVII, іюль, 105.
- Великанова**, С. Н., сообщ.: „Императоръ Николай I въ Римѣ въ 1845 г.”, т. CVII, сент., 465—479.
- Великопольская**, Надежда Сергѣев., рожд. княж. Болховская, во втор. бракѣ Монсеева, т. CVI, іюнь, 634.
- Великопольская**, Софья Матв., рожд. Мудрова, † 1897 г., т. CVI, іюнь, 625, 626, т. CVII, іюль, 178—184.
- Великопольский**, Ермолай Ив., т. CVI, іюнь, 634.
- Великопольский**, Ив. Ермолаев., писат., р. 1797†1868 г., т. CVI, іюнь, 625—641, т. CVII, іюль, 171—186, авг., 427—435.
- Велланскій**, Дм. Мих., профес., р. 1774† 1847 г., т. CV, янв., 5—19.
- Вельтманъ**, Алексѣй. юристъ, писат., т. CVI, май, 409, 410, 412, т. CVII, іюль, 104.
- Вельяминова**, Марія Никол., въ зам. Свѣчина, т. CVI, май, прилож., 37.
- Вельяминова**, Наталья Афанас., рожд. Бунина, т. CVI, май, прил., 37, 38.
- Вельяминовъ**, Никол. Ив., т. CVI, май, 38.
- Вельяминовъ**, А. А., 1801 г., т. CVIII, дек., 485.
- Вельяминовъ-Зерновъ**, В. В. акад., ориенталистъ 1863 г., т. CVIII, дек., 526.
- Вендріхъ**, Фед. Григ. 1850 г., т. CVI, май, прил., 40.
- Веневитинова**, Аполлинарія Мих., рожд. гр-ня Віельгорская, р. 1818† 1884 г., т. CVI, іюль, 101.
- Венедиктовъ**, Александ. Савичъ, профес. анатоміи 1834 г., т. CVI, іюнь, 639, 640, т. CVII, іюль, 171, 184.
- Венедиктовъ**, Ив. Ив., тн. сов. вице-директ. управл. воен.-учебн. завед., т. CVI, апр., 171—175.
- Веніаминъ**, архиеп. 1881 г., т. CV, янв., 185, 195.
- Веніаминъ**, еписк. рижск., 1870 г., т. CVIII, дек., 535—538.
- Венсовичъ**, Александ. Ив., т. CVII, іюль, 180.
- Венсовичъ**, Ив. Фед., профес. анат., †1811 г., т. CVII, іюль, 180.
- Венсовичъ**, Надежда Ив., 1830 г., т. CVII, іюль, 180, 182, 184.
- Верещагинъ**, В. В., художн., т. CVI, іюнь, 595—624.
- Верещагинъ**, купецъ, 1812 г., т. CV, мартъ, 599—609, т. CVI, апр., 156.
- Верманъ**, баронесса, см. Жуковская.
- Веселовскій**, Конст. Степ., дѣйст. т. совѣт., академ., †1901 г., сообщ.: „Русскій философъ Д. М. Велланскій”, т. CV, янв., 5—19, упом. февр., 493, его „Воспоминанія. Время президентства графа Д. Н. Блудова въ академіи наукъ 1855—1864 г.”, т. CVIII, дек., 495—528.
- Вешняковъ**, В. И., статья-секрет., сообщ.: „Резолюціи имп. Николая Павловича на бумагахъ департамента государственныхъ имуществъ въ 1837 г.”, т. CVI, іюнь, 491—495, „Експедиція Государственного Хозяйства”, 1797—1803 г., т. CVIII, окт., 195—205, ноябр., 403—422, упом. 460.
- Вигель**, Филиппъ Филипп., управл. деп. духов. дѣль ин. исповѣд., р. 1786†1856 г., т. CVII, іюль, 169, т. CVIII, окт., 29, ноябр., 302, т. CVIII, дек., 472, 487.
- Видемантъ**, Ф. И., акад., 1863 г., т. CVIII, дек., 526.
- Фонт-Бизинъ**, Мих. Александ. дек.,

- т. CV, февр., 438, 440, 441, т. CVI,
май, 238, 244, дек., 655, 656, 673.
- Викторовъ**, В., сообщ.: „Три письма
Н. С. Мордвинова къ Гер. Бентаму“,
т. CVI, апр., 197—202.
- Виландъ**, въ зам. Щербакова, т.
CVII, авг., 317.
- Виландъ**, жанд. полковн., 1850 г., т.
CVII, июль, 38, 41, авг., 317, 318.
- Вилламовъ**, Григ. Ив., главноупр. IV
отд. соб. е. в. канц., т. CV, февр.,
275, т. CVI, май, прил., 57.
- Вилле**, Яковъ Вас., лейбъ-хирургъ,
т. CVI, май, прил., 60, т. CVII,
июль, 187.
- Вильдерметъ**, воспит-ца в. кн. Але-
ксандры Феодоровны, т. CVI, май,
прилож., 64, т. CVII, июль, 11,
прилож., 84, 96, сент., прилож.,
115—120, т. CVIII, окт., 223, 226,
ноябр., прилож., 169, 171, 174.
- Винценгероде**, бар., ген.-ад., 1812 г.,
т. CV, мартъ, 647—666, т. CVI,
апр., 177—192, июнь, 648, 662—667,
т. CVII, июль, 206—219, авг., 405—
424, т. CVIII, ноябр., 435—447, т.
CVIII, дек., 694.
- Виртембергскій**, герцогъ, Александ.,
главноуправл. п. сообщ., т. CVII,
июль, 60.
- Витбергъ**, Оед. Лаврентьев., архи-
тект., т. CVI, май, прилож., 53.
- Витбергъ**, художн. историч. живоп.
1812 г., т. CVI, апр., 163, 164.
- Витгенштейнъ**, гр., Людов. фельдм.,
р. 1769†1843 г., т. CV, февр., 373,
379, т. CVI, апр., 183—191, май, 431.
- Витгенштейнъ**, гр., Петръ Христіан.,
ген. 1828 г., т. CV, янв., 29, 30,
февр., 263—280, мартъ, 499—508,
661, т. CVI, июнь, 649, 652, т. CVII,
июль, 177, 208, сент., 634.
- Виттъ**, гр. Ив. Осипов., ген.-отъ кавал.,
р. 1772†1840 г., т. CV, мартъ, 666,
т. CVI, апр. 38, 176, 183, т. CVII,
июль, 187, 188.
- Вишневецкій**, кн., Адамъ, 1604 г.,
т. CV, янв., 198, 199, т. CVI, апр.,
111—117, май, 316—347, авг., 325,
328, 335, т. CVII, сент., 619, т. CVIII,
окт., 180, дек., 598—630.
- Вишневецкій**, кн., Конст., т. CVI,
май, 317.
- Вишневскій**, В. К., астрономъ 1814
г., т. CV, янв., 12.
- Вишняковъ**, инж. пут. сообщ., 1845
г., т. CVI, июнь, 483.
- Віардо-Гарсіа**, Паулина, пѣвица, т.
CVIII, ноябр., 285, т. CVII, декаб.,
580, 583, 587, 590, 592.
- Віельгорская**, гр-ця, Аполлинар. Мих.,
см. Веневитинова.
- Віельгорскій**, гр. Мих. Юрьев., об.
- шенкъ, р. 1788†1856 г., т. CVI, июнь,
прил., 66, т. CVII, июль, 101, томъ
CVIII, дек., 566, 567.
- Владиміръ Александровичъ**, вел.
князь, т. CVI, апр., 43.
- Власьевъ**, Афанасій, дьякъ, т. CVII,
сент., 583—620, т. CVIII, окт., 181.
- Вобанъ**, г.-жа, 1811 г., т. CVII, июль,
187, 188.
- Водовозовъ**, Вас. Ив., педагогъ, пи-
сат., т. CVIII, окт., 140, 146, 147,
154, ноябр., 377—379.
- Воеводскій**, Платонъ, адмир. 1874 г.,
т. CVI, май, 395, 396.
- Воейкова**, Александ. Андр., см. Про-
тасова.
- Воейковъ**, Александ. Фед., писат.,
т. CV, февр., 384—385, 396, т. CVI,
апр., 130, 131, 132, май, прилож.,
43—55, т. CVIII, ноябр., 266, 269.
- Войницкій**, подпоруч. 1877 г., т.
CVI, июнь, 622.
- Войновичъ**, гр., 1782 г., т. CVIII,
окт., 202.
- Войцеховскій**, Евстафій 1847 г., т.
CVI, май, 414.
- Волковъ**, Платонъ Григ., писат. 1842
г., т. CV, мартъ, 695.
- Волковъ**, инж. пут. сооб., 1844 г.,
т. CVI, июнь, 474, 483.
- Волконская**, княг., Александра Ник.,
гофмейстерина в. кн. Александры
Феодоровны, т. CVI, май, прилож.,
57, июнь, прилож., 66, 75.
- Волконская**, княг., Зинаида Але-
ксанд., рожд. княж. Бѣлосельская,
т. CV, февр., 321—323, т. CVI, июнь,
прилож., 68.
- Волконская**, Марья Никол., жена
декабриста, т. CV, февр., 439.
- Волконская**, княг., рожд. княж. Реп-
пина, 1820 г., т. CVII, июль, 14.
- Волконская**, княжна 1589 г., т. CVI,
апр., 101.
- Волконскій**, кн., А., т. CV, февр.,
321—323.
- Волконскій**, кн., Григ., 1604 г., т.
CVIII, окт., 164, 173, 178, 187, ноябр.,
344.
- Волконскій**, кн., Григор. Петров.,
1845 г., т. CVII, сент., 478
- Волконскій**, кн., Дм. Мих., ген.-
лейт. 1800 г., т. CV, февр., 326.
- Волконскій**, кн., Петръ Мих., мин.
двора, р. 1776†1852 г., т. CV, янв.,
27, 33, марта, 718, 724, т. CVI, май,
370, 371, июнь, прилож., 66, т. CVII,
сент., 651, 652, 668, т. CVIII, ноябр.,
302, 303, т. CVIII, дек., 484.
- Волконскій**, кн., Серг. оф., 1812 г.,
т. CV, мартъ, 657, 662, т. CVII,
авг., 410—423, т. CVIII, ноябр., 255,
259, т. CVIII, дек., 465, 471, 491, 493.

- Волконскій**, кн., С. Г., декабр., т. CV, февр., 443.
- Волконскій**, кн., помѣщ., 1866 г., т. CVII, окт., 87.
- Волынскій**, Артемій Петров., кабинетъ-мис., † 1740 г., т. CVI, май, 312.
- Вольфъ**, Ив. Франц., д. ст. сов., 1817 г., т. CVI, іюнь, прил., 69.
- Вольфъ**, членъ хозяйствен. экспедиц., 1800 г., т. CVIII, окт., 203, 204.
- Вольфъ**, бар., 1870 г., т. CVIII, дек., 535, 538, 541.
- Воробьевъ-Петрова**, пѣвица, т. CVIII, окт., 126, 127.
- Воробьевъ**, художн., 1845 г., т. CVII, сент., 468.
- Вороновъ**, директ., дей. нар. просв., 1861 г., т. CVIII, дек., 517.
- Воронцова**, гр-ня, Елис. Каверіевна, рожд. Браницкая, т. CVI, іюнь, прилож., 66.
- Воронцовъ**, гр., Александ. Романов., канцлеръ, р. 1741†1805 г., т. CVIII, окт., 19, нояб., 309.
- Воронцовъ**, гр., Мих. Семенов., новорос. ген.-губ., намѣстн. Кавказ., р. 1781 † 1856 г., т. CV, янв., 28—46, 104, т. CVI, май, прилож., 55, іюнь, 624, прилож., 66, т. CVII, іюль, 10, 11, т. CVIII, нояб., 433—455.
- Воронцовъ**, гр., ген. 1812 г., дек., 691—699.
- Воронцовъ**, гр., Сем. Роман.. посолъ въ Лондонѣ 1793 г., т. CVI, іюнь, 469, т. CVII, сент., 450, т. CVIII, окт., 29, нояб., 256, 309.
- Востоковъ**, Александ. Христофор., акад., р. 1781†1868 г., т. CV, янв., 133, 134, 144, 247—256.
- Браскай**, Зинаида Степ., рожден. Ланская, т. CVII, іюль, 106.
- Браскай**, Борисъ Алексѣев., экспедит. III отд. соб. е. в. канц., 1837 г., т. CVII, іюль, 106.
- Бронченко**, Мих. Павл., писат., переводч. Шекспира, р. 1801†1855 г., т. CVI, май, 401, іюнь, 634—637.
- Высоцкій**, декабр., т. CV, февр., 438.
- Вѣра Константиновна**, вел. княгиня, т. CVI, іюнь, 521, т. CVIII, нояб., 272, 287, 289, 290.
- Вяземская**, княгиня, †1886 г., т. CVI, апр., 75.
- Вяземский**, кн., Анд. Ив., т. CVIII, окт., 19.
- Вяземский**, Иакинфъ, 1708 г., т. CV, мартъ, 519.
- Вяземский**, кн., Петръ Андр., тов. мин. нар. просв., писат., р. 1722†1878 г., т. CV, янв., 139, февр., 454, 465, 467, мартъ, 731, т. CVI, апр., 57,
- 72, 74, прил., 4, май, 272, 300, 398, прил., 53, іюнь, прил., 69, 70, т. CVII, іюль, 104—107, 165, прилож., 93, авг., 391, т. CVIII, нояб., 266.
- Вяземскій**, кн., фл.-ад., 1877 г., т. CVI, іюнь, 605.
- Вязимитиновъ**, гр. С. К., ген.-отъ-инф. 1814 г., т. CVI, апр., 82, т. CVII, сент., 464, т. CVIII, окт., 186, нояб., 255, 292.

Г.

- Гаакъ**, гр-ня, 1820 г., т. CVII, сент., прилож., 115.
- Габбе**, Францъ, консулъ 1826 года, т. CVIII, дек., прим., 180.
- Габлицъ**, Карлъ Ив., ст. сов., членъ хозяйствен. экспедиц., 1808 г., р. 1752†1821 г., т. CVIII, окт., 201, 202, 203.
- Гавриловъ**, Матв. Гаврилов., проф. славянск. яз., р. 1759†1829 г., т. CVI, іюнь, 637.
- Гагаринъ**, кн., Григ. Ив. дипломатъ, р. 1782†1837 г., т. CVIII, окт., 228.
- Гагарина**, княжна, Любовь Фед., въ зам. Полуехтова, т. CVI, май, прил., 60.
- Гагарина**, княз. рожд. Лопухина, 1800 г., т. CVIII, дек., 568.
- Гагарина**, княз., рожд. Потоцкая, 1858 г., т. CVI, май, 299.
- Гагаринъ**, кн., Гавріль, т. CV, янв., 67.
- Гагаринъ**, кн., И. А., 1822 г., т. CVIII, нояб., 301, 304.
- Гагаринъ**, кн., Ив. Серг., писат., іезуїтъ, р. 1814†1882 г., т. CVI, май, 292.
- Гагаринъ**, кн., Матвій, 1708 г., т. CVI, апр., 151—152.
- Гагаринъ**, кн., † 1852 г., т. CV, мартъ, 545.
- Гагаринъ**, кн., ген.-ад., 1799 г., т. CV, февр., 335.
- Гаевскій**, цензоръ, 1829 г., т. CVII, сент., 652.
- Гаевскій**, докт., 1819 г., т. CVI, іюнь, 587.
- Галаховъ**, Алексѣй Дм., педагогъ, т. CVI, апр., 76.
- Галкинъ**, ревельс. губернат. 1870 г., т. CVIII, дек., 536, 540.
- Галкинъ-Браской**, М. Н., чл. Госуд. Сов.; сообщ.: „Поездка въ Сибирь и на островъ Сахалинъ въ 1881—1882 г. Изъ путевого дневника М. Н. Галкина-Браского“, т. CV, янв., 147—196; упом. т. CVI, май, 234.
- Галлеръ**, виленск. губернат., 1862 г., т. CV, февр., 308.

- Гамель, акад., 1829 г., т. CVII, сент., 652.
- Гарновскій, т. CVII, сент., 578.
- Гартунгъ, владѣл. первой вольной типogr. въ Россіи, 1771 г., т. CVII, юль, 152.
- Гассе, Александ. Ив., секрет. посольства въ Штутгартѣ, 1819 г., т. CVIII, нояб., прилож., 162.
- Гасфордъ, ген.-губ. з. Сибири, т. CV, янв., 151.
- Гауеншильдъ, Фед. Матв., директ. лицейск. панс. въ Ц. Селѣ съ 1814—1822 г., т. CVI, іюнь, прилож., 66.
- Гедыминъ, кн., Ольгердъ, 1855 г., т. CV, февр., 490.
- Гейденъ, гр., Лог. Лог., адм., 1881 г., т. CV, янв., 170, мартъ, 572, т. CVI, апр., 3.
- Гейкингъ, бар., т. CVII, сент., 512.
- Геймъ, Ив. Андреев., рект. университ. 1814 г., р. 1758—1821 г., т. CVII, авг., 431, 432.
- Гейманъ, ген., 1877 г., т. CVI, іюнь, 615.
- Геймаръ, бар., ген.-ад., 1828 г., т. CV, февр., 263.
- Геласій, митроп. 1804 г., т. CVIII, дек., 602, 616, 623.
- Гельмерсенъ, акад. 1856 г., т. CVIII, дек., 499.
- Геккенртъ, голланд. послан., 1837 г., т. CV, февр., 257.
- Гельфрейхъ, ген., 1812 г., т. CVI, іюнь, 645.
- Гендрикова, гр-ня, П. А., см. Хилькова.
- Гендриковъ, гр., Александ. Ив., т. CVII, юль, прилож., 84.
- Герке, Авг. Ант., сенаторъ, 1901 г., т. CVIII, нояб., 459.
- Германъ, Александ. Ив., полков. Преображен. пол., 1820 г., т. CVI, іюнь, прилож., 75, т. CVII, юль, прилож., 88.
- Германъ, Фед. Ив., т. CVII, юль, 107.
- Германъ, профес. статист., 1823 г., т. CVII, юль, 166.
- Гермогенъ, патріархъ, 1604 г., т. CVII, сент., 615, т. CVIII, окт., 176.
- Герстфельдъ, Никол. Эдуард., оф. Преображен. пол., 1853 г., т. CVI, іюнь, 573, 574, т. CVII, юль, 195.
- Герцентъ, Александ. Ив., писат., р. 1812—1870 г., т. CVI, май, 397, т. CVII, сент., 486, 508, 568, т. CVIII, окт., 148, дек., 646.
- Гессъ, профес. математ., 1831 г., т. CV, янв., 12, т. CVI, іюнь, 473, т. CVII, юль, 51.
- Гиляровъ, М. А., управл. казен. палатой въ Томскѣ 1881 г., т. CV, янв., 151.
- Гильдебрандъ, Фед. Андреев., д-ръ медиц., профес., р. 1773—1845 г., т. CVII, юль, 185.
- Гирсь, ст. секрет., 1882 г., т. CV, янв., 194.
- Гиршфельдъ, ген., 1812 г., т. CVIII, нояб., 445.
- Глазуновъ, книгопродав., 1841 г., т. CV, янв., 22—25, т. CVIII, дек., 593—596.
- Глинка, Григ. Андреев., профес., р. 1777—1818 г., т. CVI, апр., 137, май, прилож., 61, т. CVII, юль, 6, 8.
- Глинка, Д. Г., поэзрен. въ дѣлахъ во Франкфуртѣ, 1848 г., т. CV, мартъ, 530, 534, 537.
- Глинка, Мих. Ив., композит., т. CV, мартъ, 693, 703—705, т. CVII, юль, 107, т. CVIII, окт., 127, 135.
- Глинка, Серг. Никол., писат., р. 1774—1847 г., т. CV, мартъ, 718, 720, т. CVI, май, 410, т. CVII, юль, 101, 102, сент., 480, 661, т. CVIII, дек., 487—493, 654, 655, 667.
- Глинка, Фед. Никол., писат., † 1880 г., т. CV, февр., 456, мартъ, 718, 720, т. CVII, сент., 659, т. CVIII, нояб., 265, 266.
- Глинка, декабр., т. CVI, май, 253, 260, 261, 267, т. CVII, сент. 624—635.
- Глинка, кавалеръ при в. кн. Николаѣ Павловичѣ, 1814 г., т. CVI, іюнь, 464, 469.
- Глинская, Елена, жена Василія III, т. CVI, апр., 86, 87.
- Глуховъ, инж. пут. соообщ., 1845 г., т. CVI, іюнь, 484, 489.
- Глѣбова, декабр., т. CV, февр., 439.
- Гнѣдичъ, Никол. Ив., поэтъ, писат., р. 1784—1833 г., т. CV, янв., 134, 139, февр., 385—396, 459, т. CVII, сент., 649, 650.
- Гоголь, Никол. Вас., писат., р. 1809. † 1852 г., т. CV, янв., 79—96, февр., 294, т. CVII, юль, 101, сент., 482, 491, 492, 502, т. CVIII, окт., 102, 119, 122, 135, нояб., 323—326.
- Годунова, Евдокія Мих., въ зам. кн. Туренина, т. CVIII, нояб., 426.
- Годунова, Ирина, царица, см. Ирина.
- Годунова, Ксенія, т. CVII, юль, 119, 128, сент., 606, 607.
- Годунова, Марія Григ., рожд. Скуратова, т. CVII, іюнь, 119, 128, т. CVIII, дек., 632.
- Годуновъ, Борисъ, царь, т. CV, мартъ, 711, т. CVI, апр., 83—113, май, 324—347, юль, 527—554, т. CVII, юль, 112—144, авг., 324—334, сент., 579—606, т. CVIII, окт., 164—192,

- нояб., 347 — 360, 714, дек., 598 — 633.
- Годуновъ**, Федоръ, т. CVII, іюль, 119, 126, 128.
- Голенищевъ-Кутузовъ**, М. И., см. Кутузовъ.
- Голенищевъ-Кутузовъ**, Пав. Ив., курат. Моск. унів., р. 1756†1829 г., т. CVI, іюнь, 464, 469, т. CVII, авг., 431, септ., 461.
- Голенищевъ-Кутузовъ**, ген.-ад., спб. воен. ген.-губ., 1826 г., т. CVI, май, 415.
- Голенищевъ-Кутузовъ**, гр. Пав. Вас., ген.-адъют. 1826 г., чл., госуд. сов., т. CVIII, дек., прил., 182.
- Голицына**, кн., Дарья Алеk., 1773 г., т. CVII, сент., 577.
- Голицына**, кнаг., Наталья Петр., рожд. гр-ня Чернышева, статсъ-дама, р. 1741†1837 г., т. CVI, май, прил., 56.
- Голицына**, кнаг., Соломонида Григ., (въ иноч. Софія), игум. Вознесенск. монаст. въ Кремлѣ, † 1623 г., т. CVIII, нояб., 428.
- Голицына**, кнаг., Марья А., рожд. княжна Суворова, т. CVIII, дек., прил., 185.
- Голицынъ**, кн., Александ. Никол., мин. просв., об. ирок. Спинода, р. 1773†1844 г., т. CV, февр., 273, мартъ, 729, т. CVI, апр., 11, 22, 137, 157, май, 362, 373—394, прилож., 55, іюнь, 561—565, 588, прилож., 67, т. CVII, іюль, 154—179, авг., 361—394, 426, 440, т. CVIII, окт.. 42.
- Голицынъ**, кн., Васил. Васил., посолъ въ Польшѣ, т. CVIII, нояб., 427.
- Голицынъ**, кн., Васил. Юрьев., †1584 г., т. CVIII, нояб., 427, 428, 429.
- Голицынъ**, кн., Дм., ген., 1812 г., т. CV, іанв., 104.
- Голицынъ**, кн., Ив. Васил., 1570 г., т. CVII, іюль, 120, 121, т. CVIII, нояб., 429.
- Голицынъ**, кн., Н. Н., предсѣд. Москов. ценз. комит. †1860 г., т. CVI, май, 397, 411.
- Голицынъ**, кн., Н. Н., 1880 г., т. CVIII, нояб., 428.
- Голицынъ**, кн., Петър Алексеевичъ, 1810 г., т. CVII, септ., 459.
- Голицынъ**, кн., Серг. Мих., москов. ген.-губ., 1827 г., т. CV, мартъ, 674.
- Голицынъ**, кн., Серг., москов. по-печит., 1830 г., т. CVII, септ., 661.
- Голицынъ**, кн., Серг., ген., 1809 г., т. CVII, авг., 410.
- Голицынъ**, кн., С. П., дипломатъ, 1860 г., т. CVI, апр., 69, іюнь, 498.
- Голицынъ**, кн., С. Ф., главноком. арміей, 1810 г., т. CVII, окт., 451.
- Головацкій**, Яковъ Фед., уніатск. священ., профес. Львов. универ., предсѣд. виленск. архіограф. комис., 1863 г., т. CVII, авг., 437—539.
- Голицынъ**, кн., Ф. Н., т. CVIII, дек., 562.
- Головинъ**, ген.-ад., 1828 г., т. CV, іанв., 38.
- Головкинъ**, гр-ня, Екат. Львов., рож. Нарышкина, †1820 г., т. CVI, іюнь, прилож., 70.
- Головкінъ**, гр., Ю. А., †1845 г., т. CVI, іюнь, прилож., 70.
- Головинъ**, Александ. Вас., мин. нар. просв., 1863 г., р. 1821†1886 г., т. CVII, авг., 241, септ., 542, т. CVIII, дек., 501, 512—527.
- Голынскій**, помѣщ., 1812 г., т. CVI, апр., 144.
- Гончарова**, Александра Ник., т. CV, іанв., 261, 262, т. CVI, апр., 78—81.
- Гончарова**, Ек. Никол., въ зам. Дантесь, т. CV, іанв., 257—262, т. CVI, апр., 78.
- Гончарова**, Наталия Ив., т. CVI, апр., 80.
- Гончаровъ**, Ив. Александ., писат., р. 1814†1891 г., т. CV, мартъ, 718, т. CVII, септ., 482, 491, т. CVIII, окт., 135, 152.
- Горбачевскій**, архивар. виленск. центральн. архива, 1864 г., т. CVII, авг., 437.
- Горбачевскій**, декабр., т. CV, іанв., 188.
- Горбуновъ**, И. Ф., артистъ, т. CVIII, нояб., 379.
- Гордѣева**, Анна Васил., т. CVII, авг., 319.
- Гордѣевъ**, помѣщ., 1850 г., т. CVII, авг., 294.
- Горизонтовъ**, П. А., священ.. 1860 г., т. CVII, іюль, 80, авг., 264.
- Горекій**, профес. и рект. Москов. дух. акад., 1860 г., т. CV, мартъ, 543, т. CVI, іюнь, 518, 519, т. CVII, іюль, 92, 93, авг., 259.
- Гортинскій**, Г. Н., сообщ.: „Къ исторії іюльской смуты 1863 г. 1) Воззваніе бѣлорусса православнаго къ бѣлорусскимъ католикамъ. 2) Все-поддан. адресъ правосл. дворянъ Могилевской губ.“, т. CVI, апр., 145—150.
- Горчакова**, кнаг., т. CV, мартъ, 528 530, 537.
- Горчаковъ**, кн., Александ. Мих., канцлеръ, р. 1799†1883 г., т. CV. февр., 295, 296, мартъ, 534—557, т. CVI, апр., 64, 69, т. CVII, септ., 534, т. CVIII, окт. 88, ноябр., 278, прил. 163, т. CVIII, дек., 556.
- Горчаковъ**, кн., Александ., ген.-

- лейг., воен. мин., 1813 г., р. 1764†
1825 г., т. CVI, май, 362.
- Горчаковъ**, кн., Алексѣй, 1814 г., т. CVI, апр., 82.
- Горчаковъ**, кн., Андрей, ген. 1812 г., т. CV, янв., 104, февр., 335.
- Горчаковъ**, кн., Мих. Дм., главноком. крымск. арм., 1855 г., намѣстн. ц. Польского, р. 1792†1861 г., т. CV, мартъ, 530, 721, т. CVI, май, 286, 287, 288, 359.
- Горчаковъ**, Мих. Ив.,магистрь богословія, 1861 г., т. CVI, апр., 65, т. CVII, сент., 533, 534, т. CVIII, ноябр., 279, 280.
- Госнеръ**, т. CV, мартъ, 683.
- Гостевскій**, Александ., посолъ кор. польск., 1604 г., т. CVII, сент., 612, т. CVIII, окт., 168, 169, 186, 188.
- Готманъ**, инж., директ. инст. пут. сообш., 1842 г., т. CVI, юнь, 477, 481, 482.
- Граббе**, гр., Мих. Пав., ген., р. 1834† 1877 г., т. CVI, юнь, 624.
- Граббе**, гр., Пав. Христоф. ген.-отъ-инф., р. 1787†1875 г., т. CVIII, ноябр., 251, 261.
- Граббе**, декабр., т. CVI, май, 238, 244, 258, т. CVII, сент., 635.
- Градовскій**, авт. брошюры, „М. Д. Скобелевъ“, т. CVI, юнь, 595.
- Грамматинъ**, Н. Ѹ., писат., 1869 г., т. CV, янв., 139.
- Грановскій**, Тимоѳ. Никол., профес., †1855 г., т. CVIII, ноябр., 285.
- Грачевъ**, А., граверъ, 1810 г., т. CVI, апр., 45.
- Гребенка**, Евг. Павл., писат., р. 1812†1848 г., т. CVII, сент., 487.
- Гребницкій**, чл. Экспедиц. Государ. Хозяйства, 1799 г., т. CVIII, ноябр., 406.
- Грейгъ**, А. С. адм., коменд. черноморск. флота, т. CV, янв., 43, т. CVII, юль, 169, 170.
- Грейгъ**, мин. финанс., т. CV, мартъ, 572.
- Гречъ**, Никол. Ив., писатель, р. 1787† 1867 г., т. CV, янв., 136, 144, 145, февр., 397—467, мартъ, 687, т. CVI, май, 398, юнь, 410, 411, т. CVII, юль, 201—204, авг., 362, сент., 456, т. CVIII, ноябр., 266, дек., 488, 490, 493.
- Грибоѣдовъ**, Александ. Серг., писат., р. 1795†1829 г., т. CV, мартъ, 511, т. CVII, сент., 482, т. CVIII, окт., 43—68, т. CVIII, дек., 593.
- Грибоѣдова**, Нина Александровна, т. CVIII, дек., 563.
- Григорій**, митроп., т. CVI, апр., 71.
- Григоровичъ**, Дм. Вас., писат., т. CVII, сент., 482, 490, 491, 500, 501, т. CVIII, окт., 135.
- Григорьевъ**, писат., 1827 г., т. CVIII, ноябр., 266.
- Григорьевъ**, артистъ, т. CVIII, окт., 121.
- Григорьевъ**, прокуроръ, 1825 г., т. CVI, май, 307—311.
- Гризи**, пѣвица 1845 г., т. CVIII, дек., 589, 590.
- Гrimmъ**, Фридрихъ-Мельхіоръ, кор-респн. Екатерины II, т. CVIII, окт., 70.
- Гротъ**, Конст. Карл., ст.-секрет., т. CV, янв., 187, т. CVIII, ноябр., 464.
- Гротъ**, Яковъ Пахм., акад., т. CVIII, дек., 525.
- Грулевъ**, М., сообщ.: „Изъ прошлаго Забайкалья“, т. CVI, апр., 203—224.
- Гудовичъ**, гр., Ив. Вас., москов. гла-вноком., 1811 г., т. CVI, май, 446, 447, т. CVII, авг., 390, сент., 455, 458, 459, 461, т. CVIII, окт., 16, 25.
- Гумилевскій**, А., священ. 1860 г., т. CVII, юль, 83—95, авг., 247—250.
- Гуровская**, гр-ня, Цецил. Владислав., см. Фредерикъ.
- Гурьеѣз**, гр., Никол., 1829 г., т. CV, мартъ, 507.
- Гурьеѣз**, акад., 1812 г., т. CV, янв., 10.
- Гюгель**, баронесса, Александ. Мих., т. CVII, сент., 549.

Д.

- Давыдовъ**, Денисъ Васильев., пар-тизантъ, писат., р. 1781†1839 г., т. CV, янв., 114, мартъ, 658, 659, т. CVI, май, прилож., 53, т. CVII, юль, 28, т. CVIII, дек., 485.
- Давыдовъ**, Ив. Ив., акад., 1856 г., т. CV, мартъ, 739—741, т. CVIII, дек., 515.
- Давыдовъ**, кн. Серг. Иван., сенат. вице-презид. акад., наукъ, 1855 г., р. 1770†1863 г., т. CVIII, дек., 497, 500.
- Далматовъ**, В. П., артистъ, т. CVII, авг., 368, 369.
- Даль**, Влад. Иван., писат., р. 1801† 1872 г., т. CV, янв., 87, мартъ, 687, т. CVI, май, 398, т. CVII, юль, 169, 170.
- Дандевиль**, ген., 1877 г., томъ CVI, юнь, 603.
- Данилевскій**, Г. И., писат., т. CV, янв., 246.
- Дантесъ-Гекернъ**, бар., поруч. Ка-валергард. пол. 1837 г., томъ CV, февр., 257—262, т. CVI, апр., 77—81.

- Дантесъ**, Ек. Ник., см. Гончарова.
- Дараганъ**, камерь-шажъ, 1820 г., томъ CVII, июль, 20, 21, 22, 23.
- Даргомыжская**, М. Б., писательница, т. CV, февр., 466.
- Дашковъ**, Дмитр. Васильевичъ, министръ. † 1839 г., т. CV, янв., 138, 140, 141, 144, февр., 385, томъ CVI, апр., 12, т. CVII, сент., 666.
- Дашковъ**, Пав. Яковъ, сообщ.: „Скоры мои съ тремя министрами“, изъ переписки П. С. Валуева, т. CVI, апр., 43—52.
- Дашкова**, княг., Екат. Ром., т. CVIII, дек., 561.
- Девріенъ**, Людвигъ, актеръ, р. 1784 † 1832 г. т. CVI, июнь, прил. 75.
- Девятинъ**, инж., ген.-лейт. томъ CVII, июль, 51.
- Делекторскій**, К. И., протоиерей, т. CVI, май, 278.
- Делинггаузенъ**, ген., 1877 г. т. CVI, июнь, 598.
- Делицына**, Дарья Александровна, въ зам. гр-ня Олсуфьева, т. CVIII., окт., 229.
- Делицынъ**, Петръ Спиридон., писат., переводч., р. 1796 † 1863 г., т. CVI, июнь, 632.
- Дельвигъ**, бар., Антонъ Антоновъ, писат., р. 1798 † 1831 г., т. CV, февр., 454, т. CVI, май, 398, 400, т. CVII, сент., 650, 657, 662, т. CVIII, ноябр., 266, дек., 530.
- Дельвигъ**, бар., А. И., управл. мин. пут. сообщ., т. CVI, май, 360, июнь, 483, т. CVII, июль, 107.
- Деляновъ**, Ив. Давыд., мин.-просв., т. CVIII, дек., 510, 550.
- Дембовецкій**, А. С., 1901 г., т. CVIII, ноябр., 459.
- Дементитру**, Антонъ Людвигъ, студ. Рицельевъ лицея 1850 г., т. CVIII, ноябр., 323—326.
- Денпрорадовичъ**, ген.-адъют. 1828 г., т. CV, февр., 266, мартъ, 507.
- Державинъ**, Гавр. Ром., род. 1743 † 1816 г., т. CV, янв., 134, 139, 156, т. CVI, май, 234, т. CVII, авг., 229, сент., 482, т. CVIII, окт., 200, ноябр., 414, т. CVIII, дек., 525, 648.
- Дершау**, К. Ф., спб. полиційм., 1827 г., т. CVIII, ноябр., 267.
- Дестремъ**, инж., ген., т. CVI, июль, 488.
- Джанотти**, полковн., 1814 г., т. CVI, июнь, 449, 463.
- Джунковскій**, Степ., докт. богослов., т. CVII, сент., 542 — 547, 550, 551, 552, т. CVIII, ноябр., 273.
- Джунковскій**, кол. асс., членъ хо-
- зяйствен. экспедиц. 1800 г., т. CVIII, окт., 203, 204.
- Дибичъ-Забалканскій**, гр., Ив. Ив., р. 1785 † 1831 г., т. CV, янв., 29—46, 99, февр., 263—280, 402, мартъ, 499, — 513, т. CVI, апр., 5—29, 185, 187, май, 308, 414, т. CVII, июль, 24, сент., 622, т. CVIII, ноябр., 258, 265,—269, 341—342, 402, т. CVIII, дек., 485, 486, 564.
- Дивовъ**, управл. ин. коллег., 1831 г., т. CVII, сент., 663.
- Дидерихсъ**, П. А., т. CVII, сент., 575.
- Димитрій**, царевичъ, † 1594 г., т. CVI, апр., 95, 96, 99—107, 113, дек., 598, 600, 601, 604.
- Димитрій**, Самозванецъ, 1604 г., томъ CV, янв., 197 — 208, мартъ, 712, т. CVI, апр., 83—118, май, 313—347, июнь, 523—560, т. CVII, июль, 111—144, авг., 323—359, сент., 579—621, т. CVIII, окт., 159—192, ноябр., 343—369, 425, 427, 715, дек. 597—633.
- Димитрій II**, Самозванецъ, т. CVIII, окт., 186—192, ноябр., 344—369.
- Димитрієвъ**, Ив. Ив., мин. юстиції, писат., р. 1760 † 1837 г., т. CV, янв., 99, мартъ, 637—639, 719, томъ CVI, апр., 122, 156, май, 406, прил., 39, 44, 52, июнь, 566, прил. 70, т. CVII, июль, 168, прил. 84, т. CVIII, окт., 40, 41, 200, 201, ноябр., 292, дек., прил., 178.
- Димитрієвъ**, Мих. Александ., об. прокур. моск. сената, писат., † 1866 г., т. CVII, июль, 100.
- Димитрієвъ**, профес., 1867 г., т. CVIII, ноябр., 273.
- Дмитровскій**, В., сообщ.: „Радецкій и Скобелевъ въ сраженіи 27 и 28 дек. 1877 г. подъ Шипкой“, т. CVI, июнь, 595—624.
- Добролюбовъ**, Ник. Александ., р. 1836, † 1861 г., критикъ, т. CVII, сент., 506, т. CVIII, ноябр., 380, 381.
- Добронравовъ**, инжен. пут. сообщ., т. CVI, июнь, 484, 489.
- Доброславинъ**, А. П., профес., 1881 г., т. CV, янв., 163.
- Долгово-Сабуровъ**, Н. П., 1901 г., т. CVIII, ноябр., 460.
- Долгорукій**, кн., 1604 г., т. CVII, июль, 113.
- Долгоруковъ**, кн., Вас. Андр., шефъ-жанд., р. 1804 † 1867 г., т. CV, февр., 442 494, т. CVI, май, 358, 360
- Долгоруковъ**, кн., Никол. Александ., виленск. ген.-губ., † 1847 г., т. CV, февр., 310.

- Долгоруковъ**, кн., Юрій Влад., ген.-отз-инф., писат., р. 1740 † 1830 г., т. CVI, апр., 51.
- Долгоруковъ**, кн., камергеръ, 1820 г., т. CVII, іюль, 14.
- Долгоруковъ**, кн., авт. „Рос. Родосл., кн.“, т. CVIII, нояб., 428.
- Домейко**, виленск. предвод. двор., 1863 г., т. CV, февр., 308.
- Дороховъ**, ген. 1812 г., т. CV, янв., 114, 119, февр., 367.
- Достоевскій**, Фед. Мих., писат., т. CVI, апр., 172, 174, т. CVII, сент., 482, 490, 492, 500, т. CVIII, окт., 134.
- Дохтуровъ**, ген., 1812 г., т. CV, янв., 105, т. CVI, іюнь, 604.
- Дружининъ**, Александ. Вас., писат., р. 1824 † 1864 г., т. CVII, сент., 505.
- Дружининъ**, Пётръ Мих., профес., т. CVI, май, прил. 54.
- Дубельть**, Леопт. Вас., нач. штаба корп. жанд., т. CVII, іюль, 103.
- Дубенскій**, сенат., 1837 г., т. CVI, іюнь, 494.
- Дубровинъ**, Никол. Осд., ген.-лейт., акад., писат., сообщ.: „Князь Пётръ Иванович Шаликовъ“, т. CV, янв., 96—101, „Прилага императору Николаю I въ Тулѣ“, т. CVI, май, 307—311, „Размолвка В. Р. Марченко съ гр. Аракчеевымъ“, 369—371, „Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка“, т. CVII, сент., 449—463, т. CVIII, окт., 5—41, нояб., 241—264, дек., 465—494. „Полярная Звѣзда“ и „Невскій Альманахъ“, 1826—1827 гг., нояб., 265—269, упом. іюнь, 491, кромеъ того все замѣтки, подписаныя „Ред.“ принадлежать Н. О. Дубровину.
- Дудышкинъ**, Степ. Сем., писат., † 1866 г., т. CVII, сент., 505.
- Дурново**, Никол. Дм., фл.-ад., 1817 г., т. CVI, май, прил. 53, 58.
- Дурново**, Мары Серг., рожд. Грибоѣдова, т. CVIII, дек., 593.
- Духонинъ**, команд. Подольск. пол., 1877 г., т. CVI, іюнь, 608.
- Дядьковскій**, Іустинъ Евдокимов., врачъ, профес., р. 1784 † 1841 г., т. CV, янв., 18, т. CVI, іюнь, 639, 640, т. CVII, іюль, 171, 172, 184.
- Демидовъ**, оф. Преображен. пол. 1857 г., т. CVII, іюль, 190.
- Дюръ**, актриса, т. CVIII, окт., 116, 118, 124.
- Е.**
- Евгеній** Болховитиновъ, митропол. киевскій, 1825 г., т. CV, мартъ, 512, 513, т. CVII, іюль, 175, 176, т. CVIII, дек., 481.
- Евгеній**, принцъ Виртембергскій, ген., 1812 г., т. CV, янв., 39, 39, февр., 264, т. CVI, апр., 186, 187, 192, май, 443, іюнь, 644—646, т. CVIII, дек., 567.
- Евдокія** Феодоровна Лопухина, царица, т. CV, янв., 238, мартъ, 517, т. CVI, іюнь, 638.
- Евреинова** М., т. CVII, авг., 435.
- Евреиновъ**, Г. А., 1901 г., т. CVIII, нояб., 459.
- Екатерина I**, императрица, р. 1679 † 1727 г., т. CV, янв., 237, 240, 242, февр., 337.
- Екатерина II**, императрица, род. 1729 † 1796 г., т. CV, янв., 47—70, февр., 340, 346, 353, 492, мартъ, 625, т. CVI, апр., 157, 166, 167, 196, май, 276, прилож. 38, іюнь, 573, т. CVII, іюль, 152, сент., 522—527, 575—578, т. CVIII, окт., 69—84, 195—200, нояб., 248, 305—322, 331, 415, 432, т. CVIII, дек., 493, 561, 562, 569.
- Екатерина Михайловна**, вел. княгиня, т. CV, мартъ, 532, 533, т. CVI, іюнь, 504.
- Екатерина Павловна**, вел. княгиня, герцогъ Ольденбургскага, во втор. бракѣ кор. Виртембергскага, † 1819 г., т. CV, февр., 284, 290, 355, 356, мартъ, 530—535, 553, т. CVI, іюнь, 498, 504, т. CVII, іюль, 11, сент., 458, 459, 532, 533, т. CVIII, нояб., 241, 287, 394, прил. 158, 161—164.
- Елагина**, Авд. Петров., т. CV, февр., 321—323, т. CVI, апр., прилож. 17 іюнь, прилож., 65, т. CVIII, окт., 107.
- Елена Павловна**, въ зам. герцогиня Мекленбургская, т. CVI, іюнь, 504.
- Елена Павловна**, вел. книг., (принцесса Виртембергская), род. 1806 † 1873 г., т. CVI, іюнь, 509, 510, 512, т. CVII, іюль, 176, т. CVIII, нояб., 277.
- Елисавета Алексѣевна**, императрица, р. 1779 † 1826 г., т. CV, февр., 348, т. CVI, апр., 137, 165, іюнь, 459, т. CVII, іюль, 15, 19, 20, 28, 29, 230, 231, 444, 447, сент., 623, 624, 659, т. CVIII, дек., 486.
- Елисавета Михайловна**, вел. княгиня, въ супруж. герц-ля Насскага, томъ CV, февр., 283, маргъ, 534, 547, т. CVI, апр., 55, т. CVIII, нояб., 287.
- Елисавета Петровна**, императрица, р. 1709 † 1761 г., т. CVII, сент., 513, 514, 660, т. CVIII, окт., 75, 76,
- Енохинъ**, лейбъ-мед. 1845 г., т. CVII, сент., 478, 479.

Ермакъ, т. CV, мартъ, 560.

Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ, ген.-оть-артил., р. 1777 † 1861 г., т. CV, янв., 104—116, 128, февр., 362, 373, мартъ, 507, т. CVIII, дек., прил., 180.

Ермоловъ, Петръ, секретарь генер.-прокур. Самойлова 1796 г., т. CV, янв., 57, 70.

Есиповичъ, Я. Г., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.

Ефимовъ, Н. Е., худож., 1826 г., т. CVII, июль, 175.

Ефимовъ, чл. сов. гл. управл. Сибири 1881 г., т. CV, янв., 185.

т. CVI, іюнь, 483, т. CVII, іюль 58, 59.

3.

Заблоцкій-Десятовскій, А. П., томъ CVI, іюнь, 494, т. CVIII, нояб., 464.
Заборовская, Еліс. Фед., рожд. Лопухина, р. 1743 † 1820 г., т. CVI, іюнь, 638.

Зaborовский, Ив. Александр., владим. и костромск. ген.-губ., 1787 г., род. 1735 † 1817 г., т. CVI, іюнь, 638.

Завадовскій, гр., первый мин. нар. просв., т. CV, февр., 353, мартъ, 625, т. CVI, май, 381, т. CVIII, окт., 14, 21, 23, 35, 82, т. CVIII, дек., 469.

Завалишинъ, Дм. Иринарх., декабр., т. CV, мартъ, 639—643.

Загаринъ, полковн. 1881 г., т. CV, янв., 152.

Загорскій, П. А., академ., 1809 г., т. CV, янв., 8, 10.

Загоскинъ, Мих. Никол., писатель, р. 1789 † 1852 г., т. CV, мартъ, 693, т. CVIII, окт. 125.

Загряжская, Наталья Кирил., рожд. гр-ни Разумовская, т. CVI, іюнь, прилож. 68.

Загряжскій, Влад., т. CV, мартъ, 711.

Заикинъ, книгопродав. 1841 г., томъ CV, янв., 22—25.

Залевскій, гр., Арсеній Андреев., москов. ген.-губ., 1856 г., т. CV, мартъ, 644—646, т. CVI, іюнь, 638, 640, 641, т. CVII, іюль, 171, 172, 183, 184.

Залевскій, полков., 1812 г., томъ CV, янв., 125.

Залускій, гр., фл.-ад., 1828 г., т. CV, янв., 38.

Замойскій, т. CVI, іюнь, 524, 525, 526, 527, 537, т. CVII, авг., 335.

Запольскій, воен.-губ. Забайк. облас-ти 1830 г., т. CV, мартъ, 641, 642.

Захаровъ, Я. Д., акад., 1814, т. CV, янв., 12, 17.

Зауервейде, Александ. Ив., художн. р. 1782 † 1884 г., томъ CV, янв., 42, 43.

Захарынъ (Якунинъ), Ив., сообщ.: „Встрѣча съ сыномъ Шамилемъ его разсказы объ отцѣ“, т. CVII, авг., 367—389.

Здекауерь, Никол. Федор., профес., докт., т. CV, февр., 487.

Зейдлицъ, К. К., т. CVIII, декабр., прил. 186.

Зотовъ, Влад. Раф., писат., р. 1821

Ж.

Жариновъ, Никол., сообщ.: „Наслѣдство бывшихъ владѣльцевъ Щукина двора“, т. CV, февр., 471—492.

Желтухинъ, ген.-кіевск. воен.-губер., предсѣдатель Дивановъ княжествъ, 1828 г., т. CV, мартъ, 505.

Желябужскіе, обѣ ихъ родословной, т. CVIII, нояб., 428.

Жерковъ, Александ. Васил., команд. Преображен. пол., т. CV, мартъ, 575, т. CVI, іюнь, 569.

Живокинъ, артил.-комикъ, 1840 г., т. CVIII, окт., 124, 125.

Жихаревъ, Степ. Петров., сенат., р. 1787 † 1860 г., т. CVI, апр., 134.

Жоли, Карлъ Карлов., зубн. лекарь 1844 г., т. CVIII, дек., 593—596.

Жолобовъ, оф. генер. штаба 1848 г., т. CVI, іюнь, 484—489.

Жуковская, Александ. Васил., въ замуж. баронес. Вермант, род. 1842 † 1899 г., томъ CVII, іюль, 101, т. CVIII, нояб., 282.

Жуковская, Елисав. Дементьевна, † 1811 г., т. CVI, апр., прилож. 6, май, прилож. 36, 43.

Жуковскій, Васил. Андр., писатель, р. 1788 г., ум. 1852 г., т. CV, янв., 21, 85, февр., 290—294, 300, 324, 385, 442, 458—460, мартъ, 545—548, т. CVI, апр., 123—138, май, 255, т. CVII, іюль, 97—109, 165, авг., 229, 232, 391—393, сент., 550, томъ CVIII, окт., 221—240, нояб., 275, 282, 389—491. Его дневники, приложение къ кн. апр.—декабр.

Жуковскій, Пав. Васил., т. CVII, авг., 391—393, т. CVIII, нояб., 325—340, 649—680. приложение книги апр. — дек.

Жуковскій, Пав. Андреев., управл. Нурецкою таможнею 1844 г., томъ CVII, іюль, 102.

Журавскій, инж. пут. сообщ. 1845 г.,

† 1896 г., т. CVI, іюнь, 628, т. CVIII,
июль, 172.
Зубовъ, гр., Валеріапъ Александр.,
р. 1771 † 1894, т. CV, февр., 344.
Зубовъ, гр., Никол. Александр., штал-
мейст., 1798 г., т. CV, янв., 62, 65,
т. CVIII, ноябр., 314, т. CVIII, дек.,
568.
Зубовъ, кн. Платонъ Александр., томъ
CV, янв., 56, т. CVIII, окт., 82,
т. CVIII, дек., 570.
Зуевъ, инж. пут. сообщ., т. CVII,
июль, 49.

И.

Иванишинъ, Г. А., т. CVIII, ноябр.,
293.

Ивановъ, Александр. Андр., худож.,
р. 1806 † 1858 г., т. CV, янв., 85,
т. CVII, сент., 468—476.

Ивановъ, Антонъ, скульпт., 1845 г.,
т. CVII, сент., 469—474.

Ивановъ, Ив. Алексѣев., архитект.
и граверъ, р. 1779 † 1848 г., т. CV,
янв., 248.

Ивашевъ, декабр., т. CV, янв., 188.

Игнатій, патріархъ, 1605 г., т. CVII,
авг., 324, 339, севт., 616, дек., 607.

Игнатовичъ, Викентій Викентьев.,
директ. 1-ой гимназ. 1855 г., т. CVIII,
окт., 139.

Игнатовичъ, авт. исторіи Дагестан.
полка, т. CVI, май, 417.

Игнатьевъ, Ник. Павл., мин. внутр.
дѣлъ съ 1881—1882 г., чл. Государ.
Сов., т. CV, янв., 180, 194, т. CVII,
июль, 196, т. CVIII, дек., 557, 559.

Игнатьевъ, гр., Пав. Никол., сиб.
ген.-губ., т. CV, мартъ, 571, 572.

Измайлова, Александ. Ефимовичъ,
басноис., р. 1779 † 1831 г., т. CV,
янв., 133—145, 246, февр., 451—469,
т. CVI, май, 400, т. CVIII, ноябр.,
266, 299, 301.

Иконниковъ, Алексѣй Никол., гувер-
неръ Царскосельск. лицея, 1817 г.,
писат., т. CVII, іюль, 172, 173.

Илличевскій, А. писат., т. CV, февр.,
456, 468.

Иловайскій, ген., 1812 г., томъ CV,
мартъ, 666, 670, 671, т. CVI, апр.,
177, 181, 188, 189, май, 427, 429,
т. CVII, іюнь, 219.

Ильинскій, Н. С., 1810 г., т. CVIII,
окт., 28.

Ильиневичъ, Аделаїда Ив., т. CV,
янв., 157.

Ильиневичъ, Л. Ив., ген.-майоръ, чи-
тиц. губернат. 1881 г., т. CV, янв.,
157, 189, 190, 192.

Имеретинскій, кн. Н. К., сообщ.:

„Изъ записокъ старого преобра-
женца, 1850 годъ“, т. CV, марта,
559—577, т. CVI, іюнь, 567—586,
т. CVII, іюль, 189—199.

Иноходцевъ, Петръ Борисов., акад.,
1819 г., т. CVII, авг., 362.

Инсарскій, Вас. Антонов., т. CV,
мартъ, 685, 687, т. CVI, іюнь, 492.

Ирина (Годунова), супруга Феодора
Іоанновича, т. CVI, апр., 92, 95,
101, т. CVIII, дек., 601, 622.

Исааковъ, ген.-ад. 1854 г., томъ CVII,
146—149.

Исидоръ, митроп. спб., т. CVI, май,
213, т. CVII, авг., 263, сент., 547.

Искра, 1708 г., т. CVI, апр., 152.

I.

Іакинеъ (Бичуринъ), свящ., т. CVI,
май, 398.

Іоаннъ IV Грозный, р. 1580 † 1584 г.,
т. CV, мартъ, 712, т. CVI, апр.,
85—117, іюнь, 531, т. CVII, авг.,
328—355, сент., 600, 601, т. CVIII,
окт., 164, 171—185, ноябр., 424, дек.,
597—633.

Іоаннъ (Доброзраковъ), епис. пензен.
1830 г., виженор. 1835 г., архиеп.,
деск. съ 1847—1867 г., т. CVII,
июль, 182.

Іоаннъ Антоновичъ, императоръ, р.
1740 † 1764 г., т. CVII, іюль, 204.

Іовъ, патріархъ, т. CVI, май, 342—
347, іюнь, 533, 555, т. CVII, іюль,
114, 118, 120, авг., 324, т. CVIII,
окт., 176, дек., 607, 609, 611, 612,
623.

Іовъ, архиеп. новгород., † 1716 г.,
т. CV, янв., 238.

Іосифъ, Сѣмашко, митроп., литовск.,
1863 г., т. CVII, авг., 438.

Іосифъ, еписк. коломенск., 1605 г.,
т. CVII, сент., 615.

К.

Кавелинъ, Алексѣй. Алексѣй, воспитат.
Александра II, впосл. сиб. ген.-губ.,
сенат. чл. Гос. Сов. р. 1793 † 1850 г.,
т. CVII, сент., прил., 115, 117, 118,
дек., прил., 178.

Кавелинъ, Дм. Александ., директ.
медиц. деп-а 1816 г., р. 1771 † 1851 г.,
т. CVI, апр., 132, 133, 135, іюнь,
прил., 68, т. CVII, ноябр., прил., 168.

Кавелинъ, Конст. Дм., ген.-ад., т.
CV, мартъ, 573, т. CVI, апр., 76.

Каверинъ, Н. Н., калужск. губернат.
1812 г., т. CV, мартъ, 718.

Казанскій, Петръ Симонов., профес.

- духовъ. акад., писат., р. 1819 † 1878 г., т. CVI, июнь, 632, 633, 634.
- Казанскій**, врачъ 1881 г., т. CV, янв., 157.
- Кази-Магома**, сынъ Шамиля, т. CVII, авг., 367—389.
- Казимирскій**, Яковъ, декаб., т. CV, февр., 444—449.
- Кайсаровъ**, полков., 1812 г., т. CV, янв., 121, т. CVI, июнь, 653.
- Кайсаровы**, т. CVI, май, прил. 39.
- Калайдовичъ**, Е. Ф. археол., р. 1792 † 1832 г., т. CVI, май, 403.
- Калачовъ**, В. В., 1901 г., т. CVIII, нояб., 459.
- Калачовъ**, Никол. Вас., т. CVIII, дек., 509.
- Каменскій**, гр. Н. М., команд. войск. въ Турціи 1810 г., т. CVIII, нояб., 242, 243, 262.
- Кампіони**, Сантина Петров., скулптор., р. 1774 † 1847 г., т. CVII, авг., 430.
- Канарскій**, ксендзъ 1846 г., т. CV, мартъ, 572.
- Канкринъ**, гр., Егоръ Франц., мин. финанс. съ 1823—1844 г., р. 1776 † 1845 г., т. CVI, апр., 15, т. CVI, июнь, 492—495, т. CVII, сент., 653, 654, т. CVIII, нояб., 410.
- Канкінъ**, Францъ-Людвигъ, членъ Бергъ-коллег. 1798 г., т. CVIII, нояб., 410—412.
- Капнистъ**, гр., В. В., писат., т. CVI, май, 276.
- Капнистъ**, Ив. Вас., т. CVI, май, 276.
- Капнистъ**, гр-ня, И. П., т. CVI, май, 276.
- Капнистъ**, гр., П. А., 1901 г., т. CVIII, нояб., 459.
- Капнистъ**, гр., П. И., т. CVI, май, 276.
- Капнисты**, т. CVI, май, 276.
- Каподистрія**, гр., Ив. Автонов., ст.-секрет., мин. ин. дѣль, р. 1776 1831 г., т. CVI, апр., 12, 41, май, прил. 53, т. CVIII, дек., прил. 186, 187.
- Капцевичъ**, Петръ Мих., ген.-туб. З. Сибири, р. 1772 † 1840 г., т. CVII, юль, 173, 174.
- Каразинъ**, Васил. Назар., профес., писат., р. 1773 † 1842 г., т. CV, янв., 244, февр., 470, мартъ, 742, т. CVI, июнь, прил., 68, т. CVII, юль, 200, т. CVIII, окт., 31.
- Карамзина**, Екат. Андр., рожд. Колыванова, т. CVI, май, прил., 40.
- Карамзина**, Елис. Ив., † 1802, т. CVI, май, прил., 40.
- Карамзинъ**, Никол. Мих., исторіогр., р. 1766 † 1826 г., т. CV, янв., 47—52, 98, 138, февр., 324, 457, 458, т. CVI, апр., 41, 132—170, май, 272, прил. 39, 40, іюнь, прил., 65, 70, т. CVII, юль, 168, прил. 84, сент., 451, т. CVIII, окт., 22, 23, 28, нояб., 414, 424, 429, т. CVIII, дек., 494, 648, 700, прил., 178, 184.
- Каратыгина**, Александра Мих., артистка, 1840 г., т. CVIII, окт., 123.
- Каратыгина**, Алекс. Дм., актриса, р. 1788 † 1859 г., т. CVIII, нояб., 294.
- Каратыгинъ**, Васил. Андреев., драмат. актеръ, т. CVIII, окт., 109—135, нояб., 293—304.
- Каратыгинъ**, Петръ Андр., артистъ, р. 1805 † 1879 г., т. CVII, нояб., 294, 296, 301.
- Каратыгинъ**, Петръ Петров., актеръ, т. CVIII, окт., 111, 119.
- Карпенко**, полковн., 1812 г., т. CV, февр., 365.
- Картамышевъ**, Конст. Венифатьев., писат., т. CVIII, нояб., 325.
- Карцовъ**, ген. 1877 г., т. CVI, июнь, 598, 600, 601, 603.
- де-Кастельбажакъ, послан. въ Россіи 1848 г., CVII, іюль, 67—76.
- Катенинъ**, Мих. Андреев., команд. Преображен. пол. 1848—1852 г., оренб. ген.-туб., т. CV, мартъ, 573—577, т. CVI, июнь, 569.
- Катенинъ**, Пав. Александ., писатель, 1809 г., CV, янв., 134, 139, мартъ, 574, т. CVIII, нояб., 293—304.
- Катковъ**, Мих. Никифор., писатель, р. 1818 † 1887 г., т. CVII, сент., 505—510, т. CVIII, окт., 91, 92, нояб., 273, дек., 521—523, 646.
- Каченовскій**, Мих. Троф., профес., т. CVI, май, 400, прил. 53, т. CVII, іюль, 165.
- Кашкадамовъ**, Никол. Иван., колл. асес., его бібліографіческий листокъ на оберткѣ каждой книги.
- Квашнина-Самарина**, см. Чиркова.
- Квашница-Самарина**, Софья Александ., т. CVII, авг., 296, 297—310.
- Квашнина-Самарина**, т. CVII, авг., 287.
- Квашнинъ-Самаринъ**, Александръ Александ., т. CVII, авг., 310—313.
- Квашнинъ-Самаринъ**, Алекс. Петров., т. CVII, авг., 295, 296.
- Кеппенъ**, акад., 1856 г., т. CVIII, дек. 499.
- Кербедзъ**, инжен. п. сообш. 1845 г., т. CVI, 474, 475, 483, т. CVII, юль, 51.
- Кербедзъ**, 2-й, инж., т. CVI, июнь, 485.
- Кетчеръ**, переводч. Шекспира, т. CVII, сент., 483.
- Кидошенковъ**, Н. В. 1901 г., т. CVIII, нояб., 459.
- Кильдюшевскій**, Пав. Никол., про-

- фес.-мел., род. 1799 † 1858 г. т. CVI, июнь, 640.
- Киль**, завѣд. художн. въ Римѣ 1845 г., т. CVII, сент., 468, 469.
- Киприяновъ**, инж. пут. сообщ., т. CVI, июнь, 484.
- Кирилль**, рект. Спб. дух. акад. 1867 г., т. CVI, май, 286, 287, 288.
- Кириловъ**, Алексѣй Семен., архитект. 1856 г., т. CVIII, дек. 513, 514.
- Кирничниковъ**, А. И., сообщ., "М. П. Погоринъ и Н. В. Гоголь", 1832—1852 г., т. CV, янв., 79—96, "Письмо Н. М. Рожалина—С. П. Шевыреву", февр., 321—323, "По поводу рассказа объ отношеніяхъ Пушкина къ Данте", т. CVI, апр., 77—81.
- Кирѣвская**, Марья Вас., т. CVIII, окт., 103.
- Кирѣвская**, Авд. Петр., см. Елагина.
- Кирѣвскій**, Васил. Ив., † 1812 г., т. CVI, апр., прилож., 17.
- Кирѣвскій**, Ив. Вас., славянофр., р. 1806 † 1856 г., т. CV, янв., 80, февр., 321—323, т. CVII, июль, 100.
- Киржевскій**, Петръ Вас., переводч., р. 1808 † 1870 г., т. CV, февр., 321, т. CVII, июль, 100.
- Кирѣяковъ**, ген. 1820 г., т. CVII, июль, 25.
- Киселевъ**, гр., Пав. Дм., мин. госуд. имущ., р. 1788 † 1872 г., т. CV, янв., 29, мартъ, 504, 505, 598, т. CVI, апр., 7, 16, июнь, 492, 494, 513, т. CVII, июль, 70—76, т. CVIII, окт., 206.
- Клейнмихель**, гр. Іостръ Андр., главноуправл. и сообш., р. 1793 † 1869 г., т. CVI, июнь, 474—489, т. CVII, июль, 32—64, сент., 464.
- Клементъ VIII**, папа римскій 1604 г., т. CVII, авг., 332, 333, 337, томъ, CVIII, дек., 605, 606, 619.
- Клещинъ**, Андрей, 1613 г., т. CV, мартъ, 711, т. CVI, апр., 101.
- Климченко**, скульпт. 1845 г., т. CVII, сент., 470—478.
- Клодтъ**, бар., скульпт., т. CVIII, окт., 135.
- Ключковъ**, Мих. Максим., купецъ, † 1876 г., т. CV, мартъ, 700.
- Клугенau**, ген. 1877 г., т. CIV, июнь, 624.
- Ключаревъ**, Ф. П., московск. почтъ-директ. 1812 г., т. CV, мартъ, 599, 600, т. CVI, апр., 154, 155, т. CVIII, окт., 21, ноябр., 242.
- Княжевичъ**, Алексд. Максим., директ. канц. мин. финанс. 1837 г., т. CVI, июнь, 495.
- Княжевичъ**, Дм. Максим., попечит. Одесск. судебн. окр., 1837 г., т. CV, янв., 134, 139, февр., 457.
- Кобеко**, Дм., сообщ.: "Щелкаловы и Чепчуговы", т. CV, мартъ, 711—716.
- Ковалевскій**, М. Е., чл. Гос. Сов. 1882 г. т. CV, янв., 193.
- Ковалевскій**, Евгр. Петр., мин. просв., 1860 г., т. CVIII, дек. 511.
- Ковалевскій**, Викторъ, ксендзъ 1866 г., т. CVII, сент., 553—554.
- Козицкая**, Александ. Григ. въ зам. гр-ня Лаваль, † 1850 г., т. CVI, июнь, прил., 68.
- Козицкая**, Анна Григ., см. Бѣлосельская.
- Козловъ**, Ив. Ив., поэтъ, т. CV, февр., 454, т. CVI июнь, прил., 67, 69, т. CVIII, дек., прил., 178, 185, 187, 188, 190.
- Козловскій**, инж. ген. 1881 г., т. CV, янв., 167.
- Козловиновы**, т. CVII, авг., 293.
- Козлятевъ**, Фед. Ильичъ, офф., † 1808 г., т. CVI, май, прил., 39.
- Козмінъ**, Н., сообщ.: "Къ біографії Полевого", т. CV, мартъ, 725—732, "Ізъ переписки Н. А. Полевого", т. CVI, май, 397—413.
- Козодавлевъ**, О., мин. вн. дѣлъ 1813 г., т. CVI, апр., 155, май, 445—447, т. CVII, июль, 200, сент., 453.
- Кокощина**, 1816 г., т. CVII, сент., 464.
- Ковошинъ**, Фед. Фед., управл. москов. театр. съ 1823—1831 г., р. 1773, † 1838 г., т. CVI, май, прил., 56.
- Коленкуръ**, франц. послан. въ Спб. 1811 г., т. CVIII, ноябр., 247, 252, 253, т. CVIII, дек., 488, 491, 494.
- Колзаковъ**, фл.-ад. 1842 г. т. CVII, сент., 483.
- Коллеръ**, бар., ген.-лейт. 1814 г., т. CV, мартъ, 721.
- Кологривова**, Прасковья Юрьевна, рожд. кн. Трубецкая, въ первомъ бракѣ Гагарина, т. CVI, май, прил., 59.
- Кологривовъ**, Петръ Александ., т. CVI, май, прил., 59.
- Колодкинъ-Плещеевъ**, Фад. Ив. 1623 г., т. CVIII, ноябр., 424.
- Колокольцовъ**, ген.-м., т. CVI, мартъ, 568.
- Колосова**, Алекс. Мих., актриса, т. CVIII, ноябр., 294, 296, 297, 300, 301.
- Колосовскій** настоят. мадрят. по-сольск. церкви, т. CVI, июнь, 497, 498.
- Колошинъ**, Н. М., совѣщат. чл. Редакц. комисс., т. CVIII, ноябр., 459.
- Колошинъ**, Петръ, декабр., т. CVII, авг., 272, сѣнт., 628. дек., 655.

- Колычевъ, капит., 1812 г., т. CVII, июль, 205.
- Колычевъ, послан. въ Голланд. 1799 г., т. CV, февр., 328.
- Кольцовъ-Масальскій, кн., Андр. Влад., т. CVIII, нояб., 426.
- Кольцовъ, поэтъ, CVII, сент., 499, 500.
- Кольцорали, цѣвецъ, 1845 г., т. CVIII, дек., 589.
- Комаровскій, гр., А. Е., славянофиль 1869 г., г. CVIII, нояб., 288.
- Комаровскій, Г. А., гр., 1870 г., т. CVIII, дек., 535, 536, 538, 541, 542, 551.
- Комаровъ, А. А., преподават. 1842 г., т. CVII, сент., 483, 487.
- Комаровъ, А. С., инж. профес., инст. п. сообщ. 1842 г., т. CVII, сент., 483.
- Комаровъ, полковн., декаб., т. CVII, сент., 635, 636, т. CVIII, окт., 207, дек., 655.
- Кони, Анат. Фед., сенаторъ, 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.
- Коновницынъ, Петр. Петр., ген.-ад. 1828 г., т. CV, янв., 104—113, 128, февр., 378, мартъ, 717, 719, т. CVI, апр., 186, 187, июнь, 449, 455, 460.
- Константиновъ, ген. 1860 г., т. CVII, июль, 78, 79.
- Константина Николаевичъ, вел. князь, т. CVI, июнь, 510, т. CVIII, нояб., 460,
- Константинъ Павловичъ, вел. князь, цесаревичъ, р. 1779 † 1831 г., т. CV, янв., 26, 41, 44, 54, 128, февр., 268—275, 333, 346—349, 406, мартъ, 506, 512, 557, 621, 634, т. CVI, апр., 42, 165, май, 387, т. CVII, июль, 21, т. CVIII, окт., 78, авг., 226, 231, 234, 441—448, т. CVIII, окт., 90, 202, нояб., 311, 313, 317, 321, т. CVIII, дек., 471—486, 562, 569.
- Кончакъ, критикъ 1899 г., т. CVIII, дек., 529.
- Корела, атаманъ донск. войска, 1604 г., т. CVII, июль, 113, 124.
- Корицкій, инж., т. CVI, июнь, 485.
- Корниловъ, Александ. Алексѣев., т. CV, янв., 211.
- Корниловъ, Аркадій Петров., т. CV, янв., 211.
- Корниловъ, Ив. Петров., почечит. Виленск. уч. окр., чл. сов. мин. просв., сообщ.: „Вл. Ал. Корниловъ. Переиздка съ Ф. П. и А. А. Корниловыми“, т. CV, янв., 209—216, „Къ біографії Я. Ф. Головацкаго. Всенонд. докладъ виленск. ген.-губ. г.-ад. Потапова“. т. CVII, авг., 437—439, упом. 321, 322.
- Корниловъ, Влад. Алексѣев., адм., † 1854 г., т. CV, янв., 209—216.
- Корниловъ, Фед. Петров., CV, янв., 209—216.
- Корсаковъ, забайкальск. губернат., т. CV, мартъ, 643.
- Корсаковъ, М. С., ген.-губ. В. Сибири, 1863 г., т. CV, февр., 494.
- Корфъ, бар., Андр. Никол., завѣд. Царскосельск. стрѣлков. школою, т. CVII, июль, 195, 196.
- Корфъ, бар., Люд. Андр., т. CVII, июль, 151, т. CVIII, окт., 19.
- Корфъ, бар., вносл. гр., Модестъ Андр., р. 1800 † 1876 г., т. CVI, июнь, 467, 468, т. CVII, июль, 151, 172, 195, т. CVIII, дек., 562.
- Корфъ, бар., П. Л., 1901 г., т. CVIII, нояб., 459.
- Корфъ, бар., Фед. Карл., ген. 1812 г., р. 1774 † 1823 г., т. CV, янв., 117, 122, т. CVIII, нояб., 450—453.
- Коршъ, Валент. Фед., т. CVIII, дек., 521.
- Костенецкій, врачъ, 1780 г., т. CV, янв., 6.
- Костомаровъ, Никол. Ив., проф., т. CVII, авг., 253, т. CVIII, дек., 598—610.
- Кострица, шт.-кап. 1844 г., т. CVI, июнь, 476.
- Коховскій, Весласіанъ, т. CVII, июль, 145.
- Коховскій, Всеволодъ Порфириев., ген.-лейт., директ. Педагогич. музея, † 1891 г., т. CVII, июль, 145—149.
- Коховскій, Порфирий Ив., т. CVII, июль, 146.
- Кочетова, Екат. Никол., фрейлина 1817 г., т. CVI, май, прил., 58, июнь, 70.
- Кочетовъ, Іакимъ Семен., протоіерей, профес. дух. акад. 1839 г., т. CV, февр., 298, 301, мартъ, 533, 537, 552, 555, т. CVI, май, 278, 280, 290.
- Кочубей, кн. Винц. Павл., мин. видѣль, вносл. канцлеръ, р. 1768 † 1834 г., т. CV, февр., 272, 350, 353, мартъ, 501, т. CVI, апр., 11, 157, июнь, прил., 66, 69, т. CVII, июль, 161, т. CVIII, окт., 14, 30, 35.
- Кочубей, Петръ Аркад., предсѣд. рус. техн. общ.-ва, т. CVI, апр., 175.
- Кочубей, 1708, CVI, апр., 152.
- Кошелевъ, Александ. Ив., земскій дѣят., публицистъ, р. 1807 † 1883 г., т. CV, февр., 411, 414, 452.
- Кояндеръ, А. И. секрет. миссіи въ Пекинѣ 1881 г., т. CV, янв., 175, 178.
- Краевскій, Андрей Алексѣд., журналистъ, р. 1810 г. † 1899 г., т. CVI, апр., 76, май, 398, т. CVII, июль, 105—107, 165, сент., 489, 502, 503, т. CVIII, дек., 520—523, 525.

*

- Краевскій**, Андр., сообщ.: „Опека надъ произведениями Пушкина“, т. CV, янв., 14—25.
- Красинскій**, гр., 1855 г., т. CV, февр., 474—492.
- Красовскій**, Іоаннъ, протоіер. 1819 г., т. CVII, авг., 362.
- Красовскій**, инж. пут. собщ., т. CVI, іюнь, 484.
- Красовскій**, ген.-лейт. 1828 г., т. CV, мартъ, 505, 513, т. CVI, апр., 5.
- Крафтъ**, Андр. Логинов., секретарь посольства въ Берлинѣ 1820 г., т. CVI, іюнь, прил., 78.
- Крафтъ**, инж. пут. собщ., т. CVI, іюнь, 489, т. CVII, іюль, 31—63.
- Крейтонъ**, лейбъ-мед. 1829 г., т. CVI, апр., 21, т. CVI, іюнь, 469, т. CVII, іюль, прил., 85.
- Крестцовъ**, Юрій, сообщ.: „Гроту Лермонтова, стихотвор. И. В. Алексеева, высоченное въ Пятигорскѣ, въ этомъ гротѣ, на каменной доскѣ“, т. CV, февр., 359—360.
- Кривцовъ**, П. И., директ. художн. въ Римѣ, 1840 г., т. CV, февр., 321—323, т. CVII, сент., 472.
- Кривцовъ**, Никол. Ив., р. 1791 г., † 1843 г., т. CVIII, дек., прил. 178.
- Криднеръ**, баронесса, Юліана, рожд. Фиттигофъ, пѣтистка, р. 1766 † 1824 г., т. CVI, іюнь, 459, т. CVII, сент., 535, 536.
- Криднеръ**, бар., Пав. Алексѣев., поварен. въ дѣлахъ въ Швейцаріи 1817, т. CVII, сент., прил., 124.
- Криднеръ**, ген. 1877 г., т. CVI, іюнь, 617.
- Кризаничт**, Юрій (въ иnoch. Августинъ), т. CV, февр., 382.
- Криницкій**, священ. 1818 г., т. CVII, авг., 230.
- Кроткая**, Марея Яковлевна, т. CVII, авг., 428.
- Круаэръ**, артистка 1845 г., т. CVII, окт., 131.
- Кругъ**, Филип. Ив., акад., р. 1764 † 1844 г., т. CVI, апр., 134, т. CVIII, ноябр., прил., 167.
- Крученітернъ**, Ив. ѡед., адм., р. 1770 † 1846 г., т. CVI, іюнь, прил., 66.
- Крыловъ**, Ив. Андреев., басноисцѣль, р. 1768 † 1844 г., т. CV, янв. 134, 139, февр., 386, мартъ, 731, т. CVII, іюль, 104.
- Кубасовъ**, Ив., сообщ.: „Александъ Ефимовичъ Измайловъ 1779—1831 гг.“, т. CV, янв., 133—145, февр., 451—469, „Несторъ Васильевичъ Кукольникъ и его письма“, мартъ, 685—710, „Письмо И. С. Тургенева къ К. Д. Кавелину объ обществѣ распространенія грамотности“, т. CVI, апр., 76, „Театральная интриги въ 1822 г. В. А. Карагатыгинъ и П.А.Катенинъ“, т. CVIII, ноябр., 293—304.
- Кубе**, Леонт. Ив., лифлянд. вице-губ., 1822 г., т. CVI, іюнь, прил. 72.
- Кублицкій**, полковн. 1844 г., т. CV, февр., 304.
- Кудашевъ**, партизанъ 1812 г., т. CV, янв., 114, 128, февр., 368, 372, 380, т. CVII, авг., 419, 425.
- Кудряшевъ**, писат. 1826 г., т. VI, февр., 466.
- Кукольникъ**, Васил. Григ., профес., † 1821 г., т. CVI, іюнь, прил., 68.
- Кукольникъ**, Несторъ Васил., р. 1809 † 1868 г., т. CV, янв., 212, 213, мартъ, 685—710, т. CVI, май, іюнь, прил., 68, 410, т. CVIII, окт., 112.
- Кукольникъ**, д. ст. сов., предсѣд. виленск. археогр. комисс. 1862 г., т. CVII, авг., 437.
- Куломзинъ**, А. Н., 1901 г., т. CVIII, ноябр., 460, 463.
- Кульчицкій**, 1842 г., т. CVII, сент., 483.
- Кумани**, контрѣ-адм. 1828 г., мартъ, 510.
- Кунцъ**, ксендзъ, настояйт. Черновецк. костела 1775 г., т. CVI, май, 225—233.
- Куникъ**, А. А., акад., 1856 г. т. CVIII, дек., 509.
- Купреяновъ**, адм. 1881 г., т. CV, янв., 167.
- Купферъ**, А. Я., акад. 1814 г., т. CV, янв., 12, т. CVII, іюль, 51, т. CVII, дек., 514, 515.
- Куракинъ**, кн., Александъ Борисов., мн. ин. дѣль, посолъ въ Вѣнѣ, Парижѣ, р. 1752 † 1818 г., т. CV, янв., 67, 72, 227, 228, февр., 429, 430, 431, т. CVI, май, 445, т. CVII, сент., 517, т. CVIII, ноябр., 247, 249, 252.
- Куракинъ**, кн., Алексѣй Борисов., ген.-прокур., р. 1750 † 1829 г., т. CV, янв., 65, 67, февр., 338, т. CVII, сент., 453, 642, т. CVIII, окт., 23, 81, 196, 199, ноябр., 403, 410, 412, 421.
- Куракинъ**, кн., Ив. Семен., т. CVIII, ноябр., 426.
- Курбановскій**, омскій вице-губернат. 1881 г., т. CV, янв., 186.
- Курбскій**, кн., 1570 г., т. CVIII, ноябр., 424.
- Курлятевъ**, кн., Ив. Конст., 1623 г., т. CVIII, ноябр., 425.
- Курнатовскій**, директ. Виленск. гимназіи 1863 г., т. CV, февр., 318.
- Куровскій**, Е. А., 1901 г., т. CVIII, ноябр., 459.

- Куропаткинъ**, Алексѣй Никол., ген.-оть-инфант., воен. мин., т. CVI, юнь, 595, 604, 613.
Кустодіевъ, свящ. 1867 г., т. CVIII, нояб., 277.
Кутайсовъ, Ив. Павлов., камерд. Павла I, об. гоффмарш. 1800 г., т. CV, янв., 66, 67, февр., 335, 344.
Кутайсовъ, гр., † 1812 г., т. CV, янв., 104.
Кутневичъ, гл. священ. арміи и флота 1850 г., т. CVI, май, 279, 282.
Кутузовъ, кн. Мих. Ілар., фельдм., р. 1745 † 1813 г., т. CV, янв., 104—128, февр., 362—379, 419, 435, мартъ, 603, 604—608, 647—649, 653, т. CVI, апр., 52, 176, т. CVII, іюль, 9.
Кушелевъ, гр., адм. 1800 г., т. CV, янв., 66, 67.
Кушелевъ, гр., ген.-лейт. 1852 г., т. CV, мартъ, 561, 562.
Кушелевъ-Безбородко, гр., Григ.. Александ., почетн. попечит. Лицея кн. Безбородко съ 1858 г., р. 1832 † 1870 г., т. CV, мартъ, 709, 710
Кушелевъ-Безбородко, гр., сенат., 1852 г., т. CV, мартъ, 562.
Кушинниковъ, книгопродав. 1841 г., т. CV, янв., 22—25.
Кюхельбекеръ, В. К., декабр., т. CV, февр., 439, мартъ, 578, 685, 738.
Кюхельбекеръ, М., т. CV, февр., 439, мартъ, 738.

Л.

- Лабенскій**, послан. въ Дармштадтъ, 1865 г., т. CVII, сент., 535.
Лабазина, Анна Евлокимов., р. 1758 г., † 1827 г., т. CVII, іюль, 178, 179, 180.
Лабинъ, Александ. Фед., вице-презид. акад. худ. 1812 г., т. CV, февр., 342, т. CVI, апр., 158, 159, т. CVII, іюль, 173—180.
Лаблапъ, пѣвецъ, 1845 г., т. CVIII, дек., 589.
Лаваль, гр-ня, А. Г. см. Корицкая.
Лаваль, гр., Ив. Ст., камергеръ, † 1846 г., т. CVI, іюнь, прил., 68.
Лавицкій, Андрей, іеаунтъ, 1604 г., т. CV, янв., 203, 204, т. CVIII, окт., 160, 184, дек., 614, 628.
Лавровская, пѣвица 1850 г., т. CVIII, окт., 127.
Лагарпъ, Фредерикъ-Сезарь, воспит. Александра I, р. 1754 † 1838 г., т. CV, янв., 55, февр., 347, 352, т. CVI, іюнь, 450, т. CVII, авг., 284; т. CVIII, нояб., 308, 314.
Лазаревъ, Григ. Ив., чиновн., 1814 г., т. CVII, авг., 432.
Лазаревъ, Ив. Давыд., ген.-ад., т. CVI, май, 418.
Лазаревъ, Мих., Петр., адм., т. CV, мартъ, 639, CVI, май, 394.
Лазаревъ, Яковъ Давыд., шт.-кап. Дагест. пол. 1854 г., т. CVI, май, 417—426.
Лазаревъ, полковн. 1859 г., т. CVII, авг., 388, т. CVIII, нояб., 342.
Ламанскій, Е. И., чл. редакц. коммис., т. CVIII, нояб., 459, 460.
Ламбертъ, гр., тайн. сов., 1826 г., т. CVIII, дек., 681.
Ламздорфъ, воспитат. Николая I, ген., 1814 г., т. CVI, іюнь, 449, 450, 456, 472, 483, т. CVII, іюль, 19.
Ланжеронъ, гр., ген., 1828 г., т. CV, февр., 265, 279, мартъ, 504, т. CVII, іюль, 208, т. CVIII, дек., 467—483, 570.
Ланская, З. С., см. Враская.
Ланской, ген., 1812 г., т. CV, мартъ, 567—672, т. CVI, апр., 177—195, май, 427—441, іюнь, 644, 648, 662, т. CVII, іюль, 211.
Ланской, мин. вн. дѣлъ, т. CVI, май, 353, 358, 359.
Лаптевъ, прaporщ., 1819 г., т. CVIII, дек., 482.
Лачиновъ, полковн., 1812 г., т. CVIII, нояб., 434, 435.
Лашкаревъ, С. С., предсѣд. комит. грамотности, 1861 г., т. CVI, апр., 76.
Левенштернъ, бар., Влад. Ив., генер., р. 1777 г., † 1858 г., его записки, т. CV, янв., 103—128, февр., 361—381, мартъ, 647—672, т. CVI, апр., 177—195, май, 427—444, іюнь, 643—668, т. CVII, іюль, 205—224, авг., 405—424, т. CVIII, нояб., 431—457, дек., 688—699.
Левенштернъ, бар., Георг. Ив., оф., 1812 г., т. CVIII, нояб., 450, дек., 697.
Левідкій, ген. 1877 г., т. CVI, іюнь, 623.
Левшинъ, тов. мин. вн. дѣлъ, 1858 г., т. CVI, апр., 72.
Лейтонъ, Ив. Ив., лейбъ-мед. 1817 г., т. CVI, іюнь, прил., 65.
Ленкевичъ, Ф. И., писат., 1809 г., т. CV, янв., 134.
Леоновъ, пѣвецъ, 1850 г., т. CVIII, окр., 127.
Леонтій, еписк., 1862 г., т. CVII, авг., 251.
Леонтьевъ, Пав. Мих., профес., † 1875 г., т. CVIII, нояб., 273.
Ленскій, поэтъ, 1841 г., т. CV, февр., 407.

- Ленцъ, акад., 1856 г., т. CVIII, дек., 499.
- Лепарскій, Станисл. Романов., коменд. читинск., острога, т. CV, янв., 188, марта, 674.
- Лепехинъ, Ив. Ив., секрет. акад. наукъ, 1819 г., т. CVII, авг., 362.
- Лербэргъ, А. Х., акад., р. 1770 † 1813 г., т. CVI, апр., 133, 134.
- Лермонтовъ, Мих. Юрьев., писат., р. 1814 † 1841 г., т., CV, февр., 359, т. CVIII, сент., 482, 486, т. CVIII, окт., 135, нояб., 325, т. CVIII, дек., 529—532.
- Лернеръ, Никол., соообщ. Удаленіе В. И. Даля изъ Николаева², т. CVII, юль, 169—170, „Нѣсколько новыхъ словъ о пребываніи Гоголя въ Одесѣ въ 1850—51 г.г.“, т. CVIII, нояб., 323—326. „Три молитвы“, т. CVIII, дек., 529—532.
- Лерхе, калужск. губернат., т. CVII, авг., 381.
- Лесовскій, чл. Госуд. Сов. 1882 г., т. CV, янв., 194.
- Лефеберъ, членъ хозяйствен. экспедиц., 1795 г., т. CVIII, окт., 203, 204.
- Лешковъ, профес., 1867 г., т. CVIII, нояб., 273.
- Лжедмитрій, см. Димитрій Самозванецъ.
- Ливенъ, гр., Христофор. Андр., 1810 г., т. CVIII, нояб., 260.
- Ливенъ, гр-ня, Дарья Христофор., рожд. Бенкendorфъ, т. CVII, юль, 10, т., CVIII, дек., 567.
- Ливенъ, гр-ня, Шарлотта Карл., воспит-ца дочерей Павла I, т. CV, февр. 413, 414, т. CVI, май, прил., 57, 64, юнь, прил., 65, т. CII, юль, 16, 19.
- Ливенъ, кн. Карлъ Андр., поечеч. Дерпт. учебн. окр. р. 1767, † 1845 г., т. CVI, 163, авг., 239, 240, сент., 643—666.
- Ливенъ, гр. Христ. Андреев., посолъ въ Лондонѣ, р. 1814 г., † 1838 г., т. CVI, юнь, 469, 470, т. CVII, юль, 8.
- Ливенъ, ген.-ад. 1801 г., т. CVIII, дек., 466, 477, 681.
- Лилленфельдъ-Тоаль, П. Ф., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.
- Липинъ, инж., пут. соообщ., т. CVI, юнь, 484
- Лисаневичъ, ген., 1812 г., т. CVI, май, 441, 442.
- Лисовскій, маоръ, 1812 г., т. CV, февр., 366, 367.
- Лисянскій, адм., 1890 г., т. CVII, юль, 149.
- Литке, Фед. Петр., адм. презид. акад. наукъ, т. CVIII, дек., 495, 516, 528.
- Лихачевъ, Н. П., т. CVIII, нояб., 428.
- Лихачевъ, ген., 1812 г., т. CV, янв., 104.
- Лобановъ-Ростовскій, кн., Алексѣй Борисов., мин. инн. дѣлъ, р. 1824, † 1896 г., т. CVIII, окт., 76.
- Лобановъ-Ростовскій, кн., Алексѣй Яковл., ген.-ад., р. 1795 † 1848 г., т. CVI, прил., 69.
- Лобановъ-Ростовскій, кн., Дм., Ив., мин. истиц., 1825 г., т. CVI, май, 307—311.
- Лобачевскій, Н. И., профес., геометръ, т. CVI, юнь, 634.
- Ловичъ, кнаг., Жанета Антонов., р. 1795 † 1834 г., т. CV, мартъ, 621.
- Лодеръ, Христіанъ Ив., профес. анатомъ, р. 1753 † 1832 г., т. CVI, май, прил., 61.
- Ломносовъ, Мих. Вас., писат., р. 1711 † 1765 г., т. CV, янв., 49, т. CVII, юль, 162, авг., 362, 364.
- Ломтевъ, художн., 1845 г., т. CVII, сент., 477.
- Лонгиновъ, Никол. Мих., чл. Гос. Сов., † 1853 г., т. CVI, юнь, прил., 66, 70, т. CVIII, дек., 527.
- Лопухина, въ зам. кнаг. Гагарина, т. CV, февр., 334, 335.
- Лопухинъ, Ив. Влад. масонъ, р. 1756 г. † 1816 г., т. CVI, май, прил. 38, т. CVII, авг., 431.
- Лопухинъ, кн., Петръ Васильев., ген.-прокур., 1800 г., т. CV, февр., 335, т. CVI, май, 267, т. CVIII, окт., 14, 21, 35.
- Лопухинъ, кн., ярослав. губерн., 1800 г., т. CV, янв., 67, т. CVIII, дек., 568.
- Лорисъ-Меликовъ, гр., Мих. Тарієл., ген.-ад., т. CV, янв., 157, 160.
- Лоссовскій, архитект. 1881 г., т. CV, янв., 151.
- Лохвицкій, Кодратъ Андр., чиновн., р. 1774 † 1843 г., т. CVII, юль, 175—178.
- Луизовъ, профес., соообщ. „Выговоръ императора Павла I генералъ-аудиторіату“, т. CVII, авг., 239—240.
- Лунинъ, Мих. Серг., декабр., † 1815 г., т. CV, янв., 192, февр., 438.
- Львовъ, Н. А. чл. экспедиц. госуд. хозяйства, р. 1797 г., † 1803 г., т. CVIII, 412, 414.
- Львовъ, Фед. Никол., участн. въ дѣлѣ Петрашевскаго, т. CVI, апр., 171—175.
- Львовъ, акад. архитект., 1853 г., т. CVI, юнь, 572.
- Львовъ, членъ хозяйствен. экспедиц., 1797 г., т. CVIII, окт., 203.
- Любощинскій, Маркъ Ник., об.-про-

кур. Сената 1862 г., т. CV, янв., 193,
т. CVIII, нояб., 461.
Людженъръ, Альбертъ Альбертовъ, чи-
новн. 1856 г., т. CVIII, дек. 502.

M.

Магніцкій, Мих. Леонтіевъ, попечит.
Казанск. учебн. окр., р. 1778 г., †
1844 г., т. CV, февр., 355, 357, мартъ,
679—684, т. CVI, апр., 154, май,
375, 376, 382, 385, т. CVII, іюль,
166, т. CVIII, окт., 31.
Магометъ-Шефи, ген., сынъ Шамилля,
т. CVII, авг., 367—389.
Маевскій, кн. 1812 г., т. CVIII,
дек., 468.
Мазепа, т. CVI, апр., 151—152.
Майковъ, Апол. Алексд., т. CVIII,
нояб., 294, 295, 296, 380, 381.
Майковъ, Леонідъ Никол. академикъ,
† 1900 г., т. CV, янв., 21, 22.
Майхровскій, Я. О., учит., 1856 г.,
т. CVI, апр., 60.
Маковъ, мин. ви. дѣль, т. CV, мартъ,
572.
Максимовъ, артистъ, т. CVIII, окт.,
119, 120, 125.
Максимъ Грекъ, т. CVII, авг., 362.
Македонецъ, 1801 г., т. CVIII, дек.,
481.
Малиновскій, Алексѣй Фед., управл.
моск. архивомъ мин. ин. дѣль, †
1840 г., т. CVII, авг., прил., 101,
сент., прил., 124.
Маловъ, Стефанъ, священ., 1865 г.,
т. CVII, сент., 544.
Мальтицт, бар., Францъ Петровъ, по-
слан. въ Гаагѣ, р. 1798 г., † 1857 г.,
т. CVI, іюнь, прил., 78.
Мальцевъ, Алексѣй, протоіер., сообщ.
Письмо имп. Павла іандъ-графу
Гессен-Дармштадскому о бракосочетаніи вел. кн. Александры Павловны¹, 1799 г., т. CV, февр., 282.
Мальцевъ, флот. оф. 1881 г., т. CV,
янв., 175.
Мальцовъ, секрет. посольства въ Пер-
сии, † 1829 г., т. CV, мартъ, 511.
Малютинъ, ген. команд. измайловск.
пол. 1801 г., CVIII, дек., 472.
Мамоновъ, гр., декабр., т. CVII, авг.,
271, гр., т. CVIII, дек., 654, 658.
Манассеинъ, Вл. С., сообщ. „Федоръ
Николаевичъ Львовъ“, изъ воспоми-
наний Ив. Ив. Бенедиктова, т.
CVI, апр., 171—175.
Мардарьевъ, М., сообщ.: „Рескрипты
имп. Александра I—мин. ви. дѣль
ка. Куракину объ уменьшении рас-
ходовъ на 1810 г.“, т. CVII, сент.,
642.

Маржеретъ, т. CVII, іюль, 114, 143.
Маріо, пѣвецъ 1847 г., т. CVIII,
дек., 587, 588.
Марія Александровна, императри-
ца т. CV, мартъ, 548, т. CVI, апр.,
62, 67, іюнь, 499, 500, 505, т. CVII,
сент., 537, 542, т. CVIII, нояб.,
280—290, т. CVIII, дек., 556.
Марія Александровна, вел. княг., въ
зам. герцогиня Эдинбургская, т. CV,
мартъ, 527.
Марія Максимилиановна, вел. кня-
гина, въ зам. принцессы Баден-
ской, т. CVII, сент., 538.
Марія Николаевна, вел. княг., въ
супруж. герцогиня Лейхтенбергская,
р. 1819 г., † 1879 г., т. CV, янв.,
27, 33, мартъ, 534, 549, т. CVI апр.,
169, май, 278, 284, 286, іюнь, 501,
505, 507, прил., 66.
Марія Феодоровна, императрица, р.
1759 г., † 1828 г., т. CV, янв., 27—39,
129—131, 146, февр., 266—275, 334,
346, 354, 356, т. CVI, апр., 36, 61,
май, прил. 52, іюнь, 450—472, прил.
66—79, 88, т. CVII, іюль, 15—27,
авг., 226—236, сент. 542, т. CVIII,
окт. 73—79, 196, нояб., 241, 307—
322, 392, прил. 147, 161, 162, 164,
т. CVIII, дек., 562, 567, 569, 571,
прил., 177.
Марія Павловна, вел. кн., въ супруж.
герц. Саксен-Веймарская, р. 1786 г.,
† 1859 г., т. CV, февр., 303, мартъ,
526, 666, т. CVI, май, 278, іюнь, 449,
503, 504, т. CVII, іюль, 6, т. CVIII,
нояб., 277, прил., 161, 166, 167.
Маркевичъ, В. П., писат., т. CVII,
сент., 483.
Маркевичъ, преподат., 1814 г., т. CVI,
іюнь, 463.
Марковецкій, артистъ, т. CVIII, окт.,
121.
Марковъ, команд. л.-гв. уланск. пол.,
1842 г., т. CVII, сент., 493.
Марковъ, Аркадій, 1795 г., т. CVI,
апр. 45.
Маркусъ, В. М., 1901 г., т. CVIII,
нояб., 460.
Мартостъ, ст. сов. 1811 г., т. CVI
май, 446, 447.
Мартыновъ, Н. С., т. CVIII, нояб.,
325.
Мартыновъ, артистъ, т. CVIII, окт.,
121, 122, 123, 134, 135.
Мартыновъ, 1862 г., т. CVIII, дек.,
573.
Марченко, М. К., сообщ.: „Какъ и
чemu учился царевичъ Алексѣй Пет-
ровичъ“, т. CV, т. CV, мартъ, 517—
520, „Измѣна Мазепы. Письмо кн.
Матв. Гагарина къ кн. А. Д. Мен-
шикову“, т. CVI, апр. 151—152, „Лун-

- ное затмение въ началѣ 18 вѣка", май, 312, "Собственноручное письмо Бор. II. Шереметева къ кн. А. Д. Меншикову, 368.
- Марченко**, В. Р., ст.-секрет. 1817 г., т. CV, янв., 102, т. CVI, май, 369—371, т. CVIII, окт., 14.
- Марея**, царица, 1604 г., т. CVI, май, 341, т. CVII, июль, 132, 133, 134, т. CVIII, окт., 167, 174—176.
- Масловичт**, докт. изящн. наукъ, 1828 г., т. CVII, сент., 649.
- Масловъ**, 1842 г., т. CVII, сент., 483.
- Матвѣевскій**, священ. 1857 г., т. CVI, апр., 66, май, 306.
- Матюшкина**, григор. Анна Алекс., 177 г., т. CVII, сент., 577, т. CVIII, окт., 201.
- Мацѣвскій**, епископъ Краковскій, 1604 г., т. CVI, июнь, 528, т. CVII, авг., 357, сент., 585—589, 608, 614, т. CVIII, окт., 190.
- Межовъ**, В. И., библиографъ, т. CVII, июль, 107.
- Мезецкій**, кн. Никита Мих., воевода 1620 г., т. CV, мартъ, 712.
- Мейндорфъ**, бар., послан. въ Стутгартѣ, 1854 г., т. CV, мартъ, 552, т. CVI, июль, 483, т. CVII, сент., 550.
- Межешинъ**, Матв. Петров., квартирм. Преобр. пол. 1850 г., т. CV, мартъ, 575, 576.
- Меликовъ**, кн., ген.-лейт., команд. войск. Дагест. обл. 1854 г., т. CVI, май, 425.
- Меллеръ-Закомельскій**, ген., 1812 г., т. CV, янв., 116, 117.
- Мельгунова**, въ зам. Панаева, т. CVII, авг., 313—320.
- Мельгуновъ**, Алексд. Ермолавичъ, маюръ, т. CVII, июль, 179.
- Мельгуновъ**, Никол. Алексад., писат., р. 1804 г., † 1867 г., т. CVII, июль, 179, сент., прил., 120.
- Мельниковъ**, А. А., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.
- Мельниковъ**, инж. мин. пут. сообщ., 1845 г., т. CVI, июнь, 474, 483, 490, т. CVII, июль, 31—66.
- Мельниковъ-Печорскій**, В. И., писат., т. CVII, июль, 169, 170.
- Менгденъ**, бар., В. М. 1901 г., CVIII, нояб., 460.
- Менделѣевъ**, профес. 1867 г., т. CVIII, нояб., 283.
- Менишковъ**, кн., Александ. Данил., генералиссимусъ, р. 1673 г., 1729 г., т. CV, мартъ, 518—560, т. CVI, апр., 152, май, 368.
- Менишковъ**, кн., Александ. Сергеев., морск. мин., род. 1787 г., † 1869 г., т. CV, янв., 27—36, 41, мартъ, 590, т., CVI, апр., 14, 21, 22, июнь, 484, т. CVII, июль, 25, 26, авг., 235.
- Мердерѣ**, А., сообщ.: "Бердичевъ въ въ сороковыхъ годахъ", т. CVI, апр., 119—121, "Еврейскій самосудъ", май, 348, "Послѣдствія невыученного урока музыки", 414, "Неприсвоенный званію костюмъ мировыхъ по-средниковъ", "Жидовскіе кумиры", июнь, 496. Къ работамъ администраціи Ю.-З. края о помѣщичихъ крестьянахъ", т. CVII, июль, 110, "Сионисты въ 30-хъ годахъ", 150, "Публичные разговоры о свободѣ, съ точекъ зрѣнія столичной и мѣстной", ав., 360.
- Мерзляковъ**, Алексѣй Фед., профес. † 1830 г., т. CVI, апр., прилож. 10, май, прил., 38, 57, т. CVII, июль, 181.
- де-Местръ**, Жозефъ, диплом. 1812 г., т. CVIII, окт., 26, нояб., 251, т. CVIII, дек., 468.
- Мещеринова**, Вѣра Дм., т. CV, янв. 186.
- Мещериновъ**, Григ. Васил., омскій ген.-губ. 1881 г., т. CV, янв., 186.
- Меодій**, архиманд. москов. Новоспас. монаст. 1819 г., т. CVII, авт., 362.
- Миддендорфъ**, А. О., акад. 1855 г., т. CVIII, дек., 497—503.
- Міклаплевскій**, декабр., т. CVIII, окт., 208, 209, дек., 656.
- Мilonovъ**, М. В., писатель 1809 г., CV, янв., 139, февр., 456.
- Милорадовичъ**, гр., Мих. Андреев., ген.-губ. съ 1813 г., р. 1770 г., † 1825 г., т. CV, янв., 78, 109—128, февр., 362—373, мартъ 604, т. CVI, апр., 188—196, май, 427—493, прим., 57, т. CVIII, нояб., 294—304, 331.
- Милютинъ**, Борисъ Алексѣевичъ, управл., Забайкальск. обл., т. CV, янв. 157.
- Милютинъ**, Дм. Алексѣев., воен. мин., т. CVI, май, 426, т. CVII, июль, 148.
- Милютинъ**, Никол. Алексѣев., т. CVII, сент., 572, т. CVIII, нояб., 461, 462, 463, 464.
- Милютинъ**, Юр. Н. 1901 г., т. CVIII, нояб., 460, 462.
- Мининъ**, 1610 г., т. CVI, май, 445—447.
- Мира-Якубъ**, управл. казначейств. въ Персіи 1820 г., т. CVIII, окт., 48—68.
- Мирковичъ**, Ф. Я., т. CVIII, дек., 470, 471, 477.
- Мисайлъ**, Паволинъ, монахъ Чудова мон. 1604 г., т. CVIII, дек., 607, 609,
- Мирскій**, ген.. 1877 г., т. CVI, июнь, 595—609.

- Митьевъ**, декабр., т. CVI, май, 256, 262, т. CVIII, окт., 209, нояб., 338, дек., 656.
- Михайловскій-Данилевскій**, Алекс. Ив., воен. историкъ, † 1848 г., т. CV, мартъ, 717 — 724, т. CVI, апр., 7, 8, 9, юнь, 458, т. CVII, авг., 234, 235.
- Михайловъ**, художн. 1845 г., т. CVII, сент., 468.
- Михайловъ**, директ. мин-а вн. дѣлъ 1824 г., т. CV, февр., 385.
- Михаилъ Николаевичъ**, вел. князъ, т. CVI, апр., 60, 63, 66, май, 425.
- Михаиль Павловичъ**, вел. кн., р. 1798 г., † 1849 г., т. CV, янв., 32, февр., 286, мартъ, 513, 534 566, 567, 573, т. CVI, май, прил., 61, юнь, 449 — 458, 479, 483, т. CVII, юль, 15 — 28, 177, прил., 84, авг., 226, 236, т. CVIII, нояб., 400, прил., 161, 169.
- Михаиль Феодоровичъ**, царь, т. CVI, апр., 99, т. CVIII, нояб., 363, 364, 365, 369, т. CVIII, дек., 611.
- Мицуль**, М. С., агрономъ 1881 г., т. CV, янв., 163.
- Модентъ**, гр. Гавр. Францов., гоф-марш., вел. кн. Николая Павловича, р. 1774 г., † 1833 г., т. CVI, май, прил., 57, юнь, прил., 75, т. CVII, ав., 227.
- Мнишекъ**, Марина, т. CV, янв., 197 — 208, т. CVI, апр., 83 — 118, май, 313 — 397, юнь, 523 — 560, т. CVII, юль, 111 — 144, авг., 323 — 359, сент., 579 — 621, т. CVIII, окт., 159 — 192, нояб., 343 — 369, декабр., 603 — 613.
- Мышекъ**, Станиславъ, т. CVII, сент., 619.
- Мнишекъ**, Юрий, воевода сандомирскій 1604 г., т. CV, янв., 199 — 201, т. CVI, апр., 83 — 118, май, 313 — 347, юнь, 523 — 560, т. CVII, авг., 336, 343 — 346, сент., 582 — 621, т. CVIII, окт., 160 — 192, нояб., 343 — 369, дек., 603, 604 — 627.
- Модзалевскій**, Б., сообщ.: "Изъ архива И. Е. Великонольскаго", т. CVI, юнь, 625 — 641, т. CVII, юль, 171 — 186, авг., 427 — 435.
- Моисеева**, Надежд. Серг., см. Великопольская.
- Моисеевъ**, Алексѣй Федоров., помѣщ. 1840 г., т. CVI, юнь, 634.
- Моисеевъ**, Васил. Алексѣев., драгоманъ въ Константинооп. 1834 г., т. CVI, юнь, 634.
- Моисеевъ**, Никол. Алексѣев., ст. сов. 1845 г., т. CVI, юнь, 634.
- Мойеръ**, Марья Андр., см. Протасова.
- Мойеръ**, И. Ф., профес. 1817 г., т. CVI, юнь, прил., 65.
- Мокрицкій**, художн. 1845 г., т. CVII, 468.
- Моллеръ**, ген. 1853 г., т. CVI, юнь, 583, т. CVII, юль, 25.
- Молостзовъ**, Памф. Христоф., офиц. л.-гв. гусар. пол. 1813 г., т. CVIII, нояб., прил., 174.
- Мольскій**, ген. 1877 г., т. CVI, юль, 609.
- Монбелли**, поруч. 1848 г., т. CVI, апр., 172.
- Мордвиновъ**, гр., Н. С., предсѣд. деп. экономіи 1810 г., т. CVI, апр., 197 — 202, т. CVII, сент., 460, т. CVIII, окт., 21, 27, 37, т. CVIII, дек., 486.
- Мордвиновъ**, С. А., сенат. 1882 г., т. CV, янв., 193, т. CVIII, нояб., 461, 462.
- Морозовъ**, Васил. Петров., бояринъ, т. CV, мартъ, 713.
- Морозовы**, бояре, ихъ родословная, т. CV, мартъ, 713.
- Мочаловъ**, драматич. артистъ 1840 г., т. CVIII, окт., 111, 112, 124, 130.
- Мстиславскій**, кн., Ив. 1550 г., т. CVI, апр., 92.
- Мстиславскій**, Фед., бояринъ, т. CVI, юнь, 548, 551, 552, 553, т. CVI, юль, 112, 113, 126, т. CVIII, нояб., 355.
- Мудрова**, Софья Алексѣев., т. CVII, юль, 178.
- Мудрова**, Софья Матв., см. Великопольская.
- Мудрова**, Софья Харитонов., см. Чеботарева.
- Мудровъ**, Алексѣй Яковл., † 1801 г., т. CVII, юль, 178.
- Мудровъ**, Матв. Яковлевичъ, профес. врачъ, † 1831 г., т. CVI, юнь, 625 — 641, т. CVII, юль, 171 — 186, авг., 427 — 435.
- Музовскій**, протоіер. 1820 г., т. CVII, юль, 12.
- Муравьевъ**, рожд. гр-ня Чернышева, супруга декабриста, т. CV, янв., 188.
- Муравьевъ**, Александ. Никол., декабр., нижегород. губернат. 1857 г., т. CVI, май, 277, 349 — 361, т. CVII, авг., 270 — 280, сент., 630 — 633, 546 — 554, т. CVIII, окт., 93.
- Муравьевъ**, Матвѣй, декабр., т. CVII, сент., 628, т. CVIII, окт., 211, 212, 219, 220, дек., 657, 658, 674, 675.
- Муравьевъ**, Мих. Никитичъ, товар. мих. нар. просв., попечит. Москов. унив., сенат., писат., р. 1757 г., † 1808 г., т. CV, янв., 97, 252, 253, 255, т. CVI, май, прил., 49.
- Муравьевъ** (Виленскій), Мих. Никол., р. 1796 г., † 1866 г., т. CV, февр., 304 — 320, т. CVI, май, 350,

- юнь, 508, 509, т. CVII, авг., 272, 274, 379, 437—439, сент., 635.
- Муравьевъ**, Н. В., ст. сов. 1882 г., т. CV, янв., 193.
- Муравьевъ**, Никита, декабр., т. CV, февр., 439, т. CVI, май, 240, 255, 256, 260, т. CVII, авг., 270, сент., 628, 639, т. CVIII, окт., 207—219, дек., 655—674.
- Муравьевъ**, Никол. Назарьев., писат. археол., р. 1775 г., † 1845 г. т. CV, янв., 97, 254.
- Муравьевъ**, Амурский, гр., Никол. Никол., ген.-губ. В. Сибири, т. CV, янв., 151, 185, 193, февр., 444, 445, 494, марта, 641—643, т. CVII, апр., 31, 175.
- Муравьевъ** (Карский), Никол. Никол., т. CVI, июнь, 576.
- Муравьевъ**, Анатол. Серг., дек., т. CVII, сент., 628—631, т. CVIII, дек., 669, 670.
- Муромцовъ**, М. М., т. CVIII, дек., 485, 486.
- Мусинъ-Пушкинъ**, гр., Алексѣй Ив., р. 1744 г., † 1817 г. т. CVII, авг., 429, 430.
- Муханова**, М. Д. см. Олеуфьева.
- Мухановъ**, А. С., дипломатъ 1858 г., т. CVI, июнь, 510.
- Мухановъ**, В. И., т. CVIII, окт., 229.
- Мухановъ**, Серг. Ильичъ, об.-шталм., т. CVI, май, прил., 57.
- Мызниковъ**, Василий Яковл., адъют. 1831 г., т. CV, февр., 406, 407.
- Мылишевскій**, А. З., т. CVIII, нояб., 407.
- Мышлаевскій**, А. З., т. CVIII, нояб., 294.
- Мюленсъ**, бар., 1858 г. т. CVI, май, 299.
- Н**.

- Набоковъ**, коменд. спб. крѣп., 1848 г., т. CVI, апр., 174.
- Нагая**, Марія, жена Іоанна IV, т. CVI, апр., 100, 102, 107, т. CVIII, дек., 622.
- Нагой**, М. А., воевода 1585 г., т. CV, мартъ, 712, т. CVI, апр., 103—105.
- Нагумовичъ**, Л. Я., д-ръ мед., чл. медиц. учен. комит., р. 1799 † 1853 г., т. CVI, июнь, 639, 640, т. CVII, июль, 171.
- Надеждинъ**, Никол. Ив., профес., т. CV, янв., 137, т. CVI, май, 407.
- Назимовъ**, Влад. Ив., попеч. Моск. унив. 1855 г., ген.-губ. С.-З. края, 1860 г., р. 1802 † 1874 г., т. CV, февр., 307, мартъ, 572, 573.

- Наполеонъ III**, императоръ, т. CVII, июль, 67—76.
- Нарышкина**, Анна Никитич., рожд. Румянцева, статсъ-дама, 1773 г., т. CVII, сент., 577 578,
- Нарышкина**, М. М., т. CV, февр., 443, мартъ, 738.
- Нарышкина**, Марія Антонов., т. CVI, апр., 165.
- Нарышкинъ**, А. А., 1901 г. т. CVIII. нояб., 460.
- Нарышкинъ**, Дм., оф. 1812 г., т. CVIII, нояб., 444.
- Нарышкинъ**, Кириллъ Алекс., гоф.-марш. в.-кн. Николая Павловича, т. CVI, май, прил. 56, т. CVI, авг., 227.
- Нарышкинъ**, Левъ, полковн. 1813 г., т. CV, мартъ, 635, 657, т. CVI, апр., 176, т. CVII, авг., 418, 420, 422.
- Нарышкинъ**, полковн., декабр., т. CVIII, окт., 208., 209, т. CVIII, дек., 656.
- Наталия Алексѣевна** (принцесса Вильгельмина Гессенъ-Дармштадтская), супруга Павла I, т. CVII, сент., 577, т. CVIII, окт., 72, нояб., 306.
- Наумовъ**, кап. 1 ранга 1881 г., т. CV, янв., 167.
- Нахимовъ**, Пав. Степ., адмир., р. 1803 г., † 1853 г., т. CV, янв., 212, мартъ, 639, т. CVI, май, 395, 396.
- Невзоровъ**, Максимъ Ив., масонъ, р. 1763 † 1827 г., т. CVII, авг., 430—434.
- Негръ**, Александръ Фед., чиновникъ коллег. ин. дѣль, р. 1784 † 1854 г., т. CVIII, дек., прил., 180.
- Некрасовъ**, Никол. Алексѣев., писат., т. CVII, сент., 482—506, т. CVIII, нояб., 380, 381.
- Нелединская-Мелецкая**, Софья Юрьевна, въ зам. Самарина, фрейлина 1817 г., т. CVII, май, прил. 58.
- Нелединскій-Мелецкій**, Ю. А., т. CVII, июль, прил., 85.
- Нелідова**, Екат. Ив., фрейлина, т. CV, янв., 67, февр., 334, т. CVI, май, прил., 57, т. CVII, июль, 22, т. CVIII, окт., 81, 82, нояб., 308, т. CVIII, дек., 568—571.
- Непокойчицкий**, ген. 1877 г., т. CVI, июнь, 616., 617, 623.
- Нератовъ**, А. И., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.
- Нессельроде**, гр-ня, рожд. гр. Гурьева, 1828 г., т. CV, февр., 272, март., 507.
- Нессельроде**, гр., Карль Вас., канц., р. 1780 † 1862 г., т. CV, янв., 43, 229, февр., 272, мартъ, 511, 516, 655, 724, т. CVI, апр., 9—22, май, 226—274, июнь, 470, 471, 570, 656. т. CVII, июль, 9, 18, 72—74, сент.,

- 666, т. CVIII, нояб., 247—253, прил., 163, дек., прил., 188.
- Никитенко**, Александ. Васил., проф., т. CV, мартъ, 685, 686, т. CVI, июнь, 634, т. CVIII, дек., 499, 500, 517.
- Никитинъ**, ген. 1812 г., т. CVI, июнь, 647.
- Николай**, бар. Людвигъ-Генрихъ, презид. акад. наукъ 1802 г., р. 1737 † 1820 г. т. CV, янв., 9.
- Николай**, бар., Павел. Андреев., 1814 г., т. CVI, июнь, 469; т. CVII, июль, 6.
- Николай I**, императоръ, р. 1796 † 1855 г., т. CV, янв. 20, 27—46, 97, 98, февр., 257, 263—281, 353, 441, 492, мартъ, 497—516, 522—558, 571—574, 622, 632, 635, 673—680, т. CVI, апр., 5—40, 53—75, май, 233, 282—311, 378, 383, 415, прил. 58—63, июнь, 449—483, 491—495, 568, 569, прил. 61, 67, 75, т. CVII, июль, 5—29, 35, 36, 51—55, 67—76, 151—167, авг., 225—238, 266, 395—404, прил. 100, сент., 465—479, 487, 644—668, прил. 115, т. CVIII, окт., 90, нояб., 270, 287, прил. 169, дек., 528, 538, 551, 579, 580, 681, 682, прил. 178, 187, 189.
- Николай Александровичъ**, вел. кн., цесаревичъ, т. CVI, апр., 62, май, 361, июнь, 499, т. CVII, сент., 533, 535, 541, т. CVIII, дек., 556.
- Николай Максимилиановичъ** герцогъ Лейхтенбергскй, т. CV, мартъ, 549, т. CVI, июнь, 498.
- Николай Николаевичъ**, вел. князъ, т. CVI, июнь, 596, 597, 600, 601, 623, т. CVII, сент., 543, 550.
- Никольский**, П. А., переводч. 1809 г., т. CV, янв., 134, 138, 139, 140, 144.
- Никонъ**, патріархъ, т. CV, янв., 69, 71., 238, т. CVI, май, 378.
- Никотинъ**, д. ст. сов. 1864 г., т. CVII, авг., 437.
- Никулинъ**, Серг. Алексеев., т. CVIII, дек., прил., 192.
- Нильсонъ**, Іївица, 1873 г., т. CVIII, дек., 590, 591.
- Новиковъ**, И. А., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.
- Новиковъ**, Никол. Ив., писат., р. 1744 г. † 1818 г., т. CV, янв., 52, 53, 54, т. CVI, апр., 157, 159, июнь, 625.
- Новосильцовъ**, гр., Никол. Никол., презид. акад. наукъ, 1803 г., т. CV, янв., 9, т. CVI, апр., 199, т. CVII, авг., 440, т. CVIII, окт., 6.
- Новодрачевъ**, Конст. Александ., подполковн. 1855 г., т. CV, февр., 471—480.
- фонъ-Нолькенъ**, Лифляндск. предв. двор. 1870 г., т. CVIII, дек., 540.
- Норовъ**, Авр. Серг., мин., т. CVIII, дек., 501.
- Нѣмоевскій**, Станиславъ, 1604 г., т. CVIII, окт., 166.

O.

- Ободовскій**, Пл., писат., т. CV, февр., 466.
- Оболенская**, княт., Мар. Гр., сообщ., „Изъ переписки декабристовъ. Письма ф.-деръ Бригена и И. Казимирскаго князю Евг. Петр. Оболенскому“, т. CV, февр., 437—449 „Письма Г. С. Батенькова князю Е. П. Оболенскому“, т. CVIII, окт. 101—108.
- Оболенская**, княжна, въ зам. Черкасова, т. CVII, авг., 294.
- Оболенскій**, кн., А. Д. 1901 г., т. CVIII, нояб., 460, т. CVIII, дек., 517, 518.
- Оболенскій**, кн., Е. П. декабр., т. CV, февр., 437—449, марта, 673, т. CVIII, окт., 101—108, 208—219, 656—658.
- Оболенскій**, кн., Мих. Андр. т. CV, янв., 197.
- Обольяниновъ**, ст.-секрет. 1802 г., т. CV, янв., .66, 67, т. CVIII, нояб., 416, 417.
- Обресковъ**, д. ст. сов. 1796 г., т. CVI, апр., 44.
- Обручевъ**, ген. 1828 г., т. CV, мартъ, 505, т. CVI, апр., 7.
- Овсянниковъ**, Ф. В., акад. 1863 г., т. CVIII, дек., 526.
- Одинцовъ**, А. А. нижегород. губерн. 1860 г., т. CVI, май, 361.
- Одоевская**, княт., Ольга Степ., рожд. Ланская, т. CVII, июль, 107.
- Одоевскій**, кн., Влад. Фед., писат., т. CVI, май, 405—406, т. CVII, июль, 106, 107, сент., 483.
- Озерецковскій**, акад. 1812 г., т. CV, янв. 10.
- Озеровъ**, В. А., писат., т. CV, февр., 467, т. CVIII, нояб., 297—300.
- Озеровъ**, членъ хозяйствен. экспедиц. 1798 г., т. CVIII, окт., 203.
- Окулова**, А. А., воспитат-ца, в.-кн. Ольги Николаевны, т. CVIII, окт., 87, нояб., 257.
- Окуневъ**, протоиер. 1851 г., т. CV, мартъ, 541, т. CVII, авг., 257.

- Оленинъ**, Алексѣй Никол. директ. публ. библ., р. 1763 † 1843 г., т. CVII, іюль, 164, 175.
- Олесницкій**, Никол., посолъ кор. польскаго 1604 г., т. CVII, сент., 612, 603, 620, 621, т. CVIII, окт., 187—191, нояб., 314.
- Ольга Николаевна**, вел. княг., въ супружествѣ королева Виртенбергская, т. CV, февр., 283.
- Олсуфьевъ**, Д. А. см. Делицына.
- Олсуфьевъ**, гр-ня Марья Дм., въ зам. Муханова, т. CVIII, окт., 229.
- Олсуфьевъ**, Софья Дм., въ зам. Спирідова, т. CVIII, окт., 229, нояб., прил., 162.
- Олсуфьевъ**, гр. съ 1856. Васил. Дм., об. гофмейст., р. 1796 † 1858 г., т. CVII, іюль, прил., 96, т. CVIII, окт., 229, 230, нояб., прил. 162.
- Олсуфьевъ**, Д. А., т. CVIII, окт., 229.
- Олсуфьевъ**, Никол., 1801 г., т. CVIII, дек., 482.
- Ольга Николаевна**, вел. княг., въ супруж. королева Виртенбергская, т. CV, мартъ, 536—538, 545—558, т. CVI, апр., 53—75, май, 298, 300, іюнь, 497—518, т. CVII, іюль, 77, авг., 242, 257, 265, сентя., 532, 541, т. CVIII, окт., 88, нояб., 274, 278, 285, 287, т. CVIII, дек., 548—560.
- Ольга Павловна**, вел. княжна, т. CV, апр., 45.
- Ольга Федоровна** (принцесса Баденская) вел. княгиня, т. CV, мартъ, 529, т. CVI, апр., 66, май, 277, іюнь, 499, 500, т. CVII, іюль, 77, т. CVIII, нояб., 285.
- Ольденбургскій**, принцъ, Георгій, управл. пут. сооб. 1814 г., т. CVI, іюнь, 481.
- Ольденбургскій**, принцъ, Петръ Георг., т. CV, февр., 303, мартъ, 553, т. CVI, іюнь, 481.
- Ольховскій**, оф. кирасир. п. 1842 г., т. CVII, сент., 483.
- Оомъ**, Ф. А., т. CVI, май, 361.
- Опперманъ**, гр. съ 1829 г. инж. ген. т. CV, мартъ, 514, т. CVI, іюнь, 454, 455.
- Опочининъ**, Фед. Петр., об.-гофмейстеръ, р. 1778 † 1852 г., т. CV, мартъ, 634, т. CVII, іюль, 108.
- Орбеліані**, кн., ген.-ад., коменд. кавказ. армії 1854 г., т. CVI, май, 425.
- Орлова-Чесменская**, гр., Анна Алексѣвна, т. CVI, май, 280, т. CVII, іюль, 176.
- Орловъ**, гр. Алексѣй Григ., 1796 г., т. CVII, авг., 284, сент., 521, 526, т. CVIII, нояб., 306.
- Орловъ**, кн., посолъ въ Лондонѣ 1871 г., т. CVIII, дек., 541.
- Орловъ**, кн., Алексѣй Фед., шефъ жанд., р. 1787 † 1862 г., т. CV, янв., 43, 52, 64, февр., 442, 443, мартъ, 505, 568, 589, 685, т. CVI, апр., 7, 16, 23—26, т. CVII, авг., 235, сент., 472—476.
- Орловъ**, Григ. Григ., т. CVII, сент., 521, 522.
- Орловъ**, Ив. Григ., т. CVII, сент., 521.
- Орловъ**, Мих., ген.-м., декаб., т. CV, февр., 375, т. CVII, авг., 271, 280., сент., 635, т. CVIII, окт., 211, 654, 655, 658, 674, 675.
- Орловъ**, М. Ф., 1818 г., т. CV, мартъ, 742, т. CVI, апр., 183, іюнь, 652, т. CVII, іюль, 2 10.
- Орловъ**, докт. 1850 г., т. CV, февр., 438.
- Орловъ-Денисовъ**, гр., ген. 1812 г., т. CV, янв., 118, 122.
- Орловскій**, художн. 1816 г., т. CV, мартъ, 634.
- Орудій**, гр., ген. 1812 г., т. CVI, іюль, 217, 219, авг., 408.
- Осиповъ**, Тимоѳей, дьякъ, 1604 г., т. CVIII, окт., 164.
- Остреманъ**, г., Ив. Андр., 1812 г., т. CV, янв. 104, 105, 116, 117, т. CVI, апр., 45, т. CVII, сент., 459, 461, т. CVIII, дек., 494.
- Остолововъ**, Н. Ф. писат. 1809 г., т. CV, янв., 134.
- Остроградскій**, Мих. Вас., акад., математикъ, т. CVI, іюнь, 487—490, т. CVII, іюль, 51, сентя., 487, т. CVIII, окт., 135, нояб., 341 — 342, т. CVIII, дек., 499.
- Остроградскій**, Осипъ Васил., чиновн. морск. мин. въ 1828 г., т. CVIII, нояб., 342.
- Острожскій**, кн., Конст., кievск. на-мѣстн., 1594 г., т. CV, янв., 199, т. CVI, апр., 114, 115, т. CVII, іюль, 140, т. CVIII, дек., 609, 626.
- Острожскій**, Янъ, 1604 г., т. CVI, іюнь, 528.
- Остгауз-Сакенъ**, гр., Фабіанъ-Виль-гельмов., фельдм., т. CVIII, дек., 571.
- Отрепьевъ**, Гришка, т. CVIII, дек., 612, 614, 615.
- Отрепьевы** (Нелидовы), т. CVIII, дек., 612, 613.
- Охотниковъ**, декабр., т. CVII, сент., 635.
- Очкинъ**, ред. „С.-Петербр. Вѣд.“, 1862 г., т. CVIII, дек., 519, 520.

III.

- Павелъ I, императоръ**, р. 1754 г., † 1801 г., т. CV, янв., 6, 61—77, 129—131, 146, февр., 271, 325—349, мартъ, 630, т. CVI, апр., 44, 165—167, май, прил. 38, 39, юнь, прил., 79, т. CVII, юль, 153, 201—204, прил., 93, 95, авг., 239, 240, сент., 511—530, 577, т. CVIII, окт., 69—84, 195—202, нояб., 259, 305—322, 409, 413—416, прил., 147, дек., 561—572.
- Павелъ V, папа римскій**, т. CVII, авг., 333—345, т. CVIII, дек., 620—633.
- Павлова, Карол.** Павл., рожд. Янишъ, т. CVII, юль 100.
- Павловъ, Никол. Филипп.** т. CVII, юль, 100, авг., 252, 253, авг., 434, 435.
- Павловъ, полковн.** 1863 г., т. CV, февр. 317.
- Павскій, Герасимъ Петров.** священ., т. CVI, май, 278—280, т. CVII, юль, 86.
- Павскій, П. П.** акад. 1863 г., томъ CVIII, дек., 526.
- Паленъ, бар.** ген. 1812 г., т. CVIII, дек., 697, 698.
- Паленъ, гр.** спб. ген.-губ. 1800 г., т. CVII, дек., 570.
- Паленъ, гр.**, Пётръ, 1812 г., т. CVI, юнь, 643, 644, 645, 647, 648, т. CVII, нояб., 433.
- Паленъ, гр.**, Ф. П., тайн. сов., полномоч. Предсѣд. Дівановъ Дунайск. княжества, 1828 г., т. CV, мартъ, 505, т. CVI, апр. 7.
- Паленъ, гр.**, предсѣд. коллег. чин. дѣлъ 1800 г., т. CV, февр., 344.
- Палеонтол.** кап. 1 ранга 1881 г., т. CV, янв., 167.
- Пальмеръ, англ. проф.** 1810 г., томъ CVIII, дек., 532, 533.
- Панаева, см. Мельгунова.**
- Панаевъ, Валер. Александ.** его воспоминанія, т. CVI, юнь, 473—490, т. CVII, юль, 31—66, авг., 285—320, сент., 481—510, т. CVIII, окт. 109—135, упом. февр., 456—466, окт. 147, т. CVIII, дек., 579—592.
- Панаевъ, Ив. Ив.** писат., т. CVII, сент., 481—510, т. CVIII, окт., 125.
- Панина, помѣщица**, 1812 г., т. CV, янв., 146.
- Панинъ, гр.**, В. Н., мин. юстиц. 1857 г., т. CVI, май, 359, т. CVIII, нояб., 461—463.
- Панинъ, Никита Ив.**, воспит. Павла I, т. CVII, сент., 513—527, т. CVIII,
- окт., 70—81, 197, 198, нояб. 312, 313, т. CVIII, дек., 561, 569.
- Панинъ, Н.**, послан. при прус. дворѣ 1798 г., т. CV, янв., 70, 77.
- Панкевичъ, Мих. Ив.**, профес. математ., † 1812 г., т. CV, янв., 252.
- Панкратьевъ, киевскій губернат.** 1843 г., т. CVI, апр., 119—121.
- Панютина, виленск. губернат.** 1863 г., т. CV, февр., 308, 310, 312, 313, 318.
- Парійскій, Й.**, сообщ., „Постановленіе о торжествѣ брачного сочетанія ихъ Имп. Выс. Государя Вел. Кн. Константина Павловича съ государынею вел. кн. Анной Феодоровной 1796 г.”, т. CVII, авг., 441—448.
- Парротъ, профес.** т. CVI, апр., 134.
- Паскевичъ, кн. Варшавскій, Ив. Фед.**, фельдм., род. 1781 †1856 г., т. CV, февр., 266—280, 371, 373, мартъ, 505—515, т. CVI, апр., 6, 14—20, май, прил. 66, юнь, 452, 453, т. CVII, юль, 24—27, авг., 226, 236—238, т. CVIII, нояб., 303.
- Пассекъ, ген.-м.** † 1845 г., т. CVI, юнь, 484, 489, 614, 624.
- Паткуль, Александ. Влад.** т. CVIII, дек., прил., 189.
- Паткуль, Влад. Григ.** ген. † 1856 г., т. CVIII, дек., прил., 188.
- Патти, Адел.** пѣвница, 1875 г., т. CVIII, дек., 590—592.
- Паулуччи, маркизъ**, ген.-губ. Прибалт. края 1813 г., т. CV, март., 654, т. CVIII, дек., прил., 181.
- Пашковъ, Васил. Александ.** об. гофм., т. CVI, май, 310, прим. 57.
- Педашенко, ген.-лейт.** иркутск. ген.-губ. 1881 г., т. CV, янв., 185.
- Печарскій, акад.** т. CV, март., 518, т. CVIII, дек., 526.
- Пеккенъ, Матв. Христіанов.** докт. мед., профес., р. 1755 † 1819 г., т. CVII, авг., 429.
- Пеликанъ, А. А.** консулъ въ Японіи, 1881 г., т. CV, янв., 170.
- Педиканъ, Евг. Венцеслав.** врачъ, писат., † 1884 г., т. CV, март. 707.
- Пелопидасъ, Авд.** Васил., т. CVIII, нояб., 272, 275.
- Пелопидасъ, ст. сов.**, † 1866 г., т. CVIII, окт., 93.
- Пель, архитект.** 1856 г., т. CVIII, дек., 513.
- Пенинскій, учитель**, 1824 г., т. CV, февр., 436.
- Перевоцниковъ, В. М.**, профес. 1809 г., т. CV, янв., 134, 139.
- Перевоциковъ, Д. М.**, профес. 1832 г., т. CV, февр., 457, т. CVI, май, 407, 408.
- Перекусихина, камеръ-фрау Екатерины II.** т. CV, янв., 57.

- Перовская**, т. CVIII, нояб. 273.
Перовский, Васил. Алексеев., оренб. ген.-губ. 1833 г., † 1857 г., т. CV, февр., 324, 385, т. CVI, май, прил., 63, 64, июнь, 494.
Перовский, гр. Левъ Алексеев., мин. † 1856 г., т. CV, март., 587, 589, 595.
Перовский, попечит. Харьков. унив., 1826 г., т. CVI, май, 363—367, т. CVIII, дек., 681.
Перовский, полков. 1826 г., т. CVIII, дек., 681.
Пестель, Пав. Ив., декабр., † 1825 г., т. CVI, май, 263, 270, т. CVII, сент., 623—637, т. CVIII, окт., 207, 216, 217, т. CVIII, дек., 475, 654—677.
Петерсонъ, гл. британс. библ. общ., т. CVI, май, 373.
Петерсонъ, флот. оф., 1881 г., т. CV, янв. 175.
Петерсенъ, Евстаф. Фед., лифлянд. губерн. прокур., т. CVIII, дек., прил., 177.
Петровскій, Викт., студ. Московск. духов. акад. 1858 г., т. CVI, июнь, 632, 633.
Петровъ, А. И., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.
Петровъ, Осипъ Асанас., пѣвецъ † 1878 г., т. CVIII, окт., 126, томъ CVIII, дек., 585.
Петровъ, Язонъ Васильев., профес. 1809 г., т. CV, янв., 8.
Петровъ, начальн. гл. управл. почты и телегр. 1900 г., т. CV, янв., 195.
Петрушевичъ, каноникъ, т. CVI, май, 226.
Петрушевскій, ген.-лейт. 1877 г., т. CVI, июнь, 608.
Петрушевскій, А., т. CVIII, дек., 569.
Петръ I, императоръ, род. 1672 г., † 1725 г., т. CV, янв., 61, 54, 237—243, февр., 270, 337, мартъ, 517, т. CVI, май, 388, 389, т. CVII, юль, 151, сент., 524, 575, т. CVIII, окт., 19, 79, 226, ноябрь, 415, декабрь, 573.
Петръ III, императоръ, род. 1728 г., † 1762 г., т. CV, янв., 64, 66, т. CVII, сент., 524, т. CVIII, окт., 70, 77, 83, 200, ноябрь, 309, декабрь, 566.
Пименъ, новгород. архіеп. 1626 г., т. CVIII, нояб., 423.
Пирлингъ, П., сообщ.: „Изъ смутнаго времени,” т. CV, янв., 197—208, „Новое о Юрии Крижаничѣ,” февр., 382. „Россія и папскій престолъ”, т. CV, янв., 197—208, т. CVI, апр., 83—118, май, 313—347, июнь, 523—560, т. CVII, юль, 111—144, авг., 323—359, сент., 579—621, т. CVIII, окт., 159—192, нояб., 343—369, дек., 597—633, упом. апр., 33, 39.
Пироговъ, Никол. Ив., хирургъ, р. 1800 г., † 1881 г., т. CVII, авг., 261, сен., 571, 572, т. CVIII, окт., 135.
Писаревъ, А. И., водевелѣстъ, † 1828 г., т. CVI, май, 401.
Писаревъ, Д. И., писатель, т. CVIII, дек., 573, 576, 577.
Писаревъ, Ген.-м., попеч. московск. уч. окр. 1828 г., т. CVII, сент., 644.
Писемскій, Алексѣй Феофилакт., писат., р. 1820 † 1881 г., т. CVIII, нояб., 380, 381.
Пишченчикъ, 1796 г., т. CVIII, нояб., 310, 311.
Платовъ, гр. Матв. Ив., наказный атаманъ войска донскаго 1812 г., т. CV, янв., 104, 118, 121, 122, февр., 365, 372, т. CVI, июнь, 642.
Платонъ, москов. митропол. 1796 г., т. CV, янв., 69, т. CVII, сент., 460, т. CVIII, окт., 75.
Плетнѣвъ, Петръ Александ., акад., † 1864 г., т. CV, февр., 457, мартъ, 636, 739—741, т. CVII, июль, 100, 106, 107, т. CVIII, дек., 499.
Плещеева, Анна Ив., рожд. Чернышева, т. CVI, май, прилож., 43, 49, т. CVIII, дек., прил., 178.
Плещеева, Натали. Федотова, рожд. Веригина, ст.-дама, † 1855 г., т. CVI, июнь, прил., 67, т. CVIII, окт., прил., 138.
Плещеевъ, Александ. Алексѣев., р. 1775 † 1827 г., т. CVI, май, прил. 43, 49, июнь, прил., 67, 71, т. CVII, июль, прил., 84, т. CVIII, нояб., 392, 393, дек., прил., 178.
Плещеевъ, Алексѣй Даниил., окольничий 1550 г., т. CVIII, нояб., 423, 424.
Плещеевъ-Басманъ, Даніилъ Андр., родоначальникъ Басмановыхъ, т. CVIII, нояб., 423.
Плещеевъ, Наумъ Мих., т. CVIII, нояб., 427.
Плещеевъ, Серг. Ив., т. CVI, июнь, прил. 67, т. CVIII, окт., прил., 138.
Плещеевъ, ген.-ад. 1806 г., т. CV, янв., 66, 67, 70.
Плещеевы, т. CVIII, нояб., 423—430.
Плюскова, Нат. Яков., фрейлина 1817 г., т. CVI, июнь, прил. 66.
Побѣдоносцевъ, Е. П., чл. Госуд. Сов., 1882 г., т. CV, янв., 193.
Погодина, Елисав. Васил., † 1844 г., т. CV, янв., 92.
Погодинъ, Мих. Петров., академикъ, проф., р. 1800 г., † 1875 г., т. CV, янв., 79—96, февр., 300, 322, мартъ, 637, т. CVII, юль, 98, 176.
Поджю, декабр., т. CV, февр., 447.

- Пожарскій, кн.,** Д. М., 1613 г., т. CV, мартъ, 711, т. CVI, май, 445—447.
- Поземківскій,** инж. пут. сообш., т. CVII, іюль, 32, авг., 285, 290.
- Полевої, Ксеноф.** Алекс., т. CV, мартъ, 726, 727, т. CVI, май, 397, т. CVIII, дек., 593—596.
- Полевої, Николай Алексѣев.** писат., род. 1796 г., † 1846 г., т. CV, февр., 465, мартъ, 725—732, т. CVI, май, 397—413, т. CVII, іюль, 176, 177, сент., 657, т. CVIII, окт., 115.
- Полевої, Пётръ Николаев.** т., CV, мартъ, 725.
- Полисадовъ, В. П.** прогоіер., 1860 г., т. CV, мартъ, 551, т. CVI, апр., 66, май, 298, 305, т. CVII, іюль, 83, 84, авг., 263, 265.
- Половцовъ, А. В.** сообщ.: „Поклоненіе тѣлу императора Павла I“, т. CVII, іюль, 201—204, „Любопытное письмо императрицы Екатерины II“, т. CVII, сент., 575—578.
- Полонскій, Яковъ Петров.** писат., т. CVIII, ноябр., 324, 381.
- Полторацкій,** членъ хозяйственной экспедиц. 1797 г., т. CVIII, окт., 203.
- Полторацкій,** лейбъ-гусаръ 1842 г., т. CVII, сент., 483, 622.
- Полуектовъ,** Борисъ Влад., ген.-отъ-инфант., † 1834 г., т. CVI, май, прил. 54, 60.
- Поль,** Паулина, въ зам. Анненкова, т. CV, янв., 188, мартъ, 673—678.
- Полѣновъ, В. А.** начальн. госуд. архива, т. CV, мартъ, 636.
- Помасскій,** Францискъ, кзендзъ 1604 г., т. CVII, сент., 608, т. CVIII, окт., 169.
- Поповъ, А. А.** художн., 1860 г., т. CVIII, окт., 151.
- Поповъ, В. М.** директоръ деп. мин. нар. просв., т. CVI, май, 383, прил. 55, т. CVII, іюль, 163, 164.
- Поповъ, Е. И.** священ. въ Лондонѣ 1858 г., т. CVI, іюнь, 508, т. CVII, авг., 265.
- Поповъ, Мих. Максимовичъ,** его разсказы, т. CV, март., 635—646.
- Поповъ, драгоманъ** 1881 г., т. CV, янв., 177.
- Попугаевъ,** Васил. Васил., поэтъ 1811 г., т. CV, янв., 246.
- Поропинъ,** Семенъ А., воспитат. Павла I, т. CVII, сент., 513—530, т. CVIII, окт., 69, 197, ноябр., 307.
- Порфирий** (Поповъ), съ 1861 г. рект. Вісанск. семин., съ 1864 г., начальн. духовн. мис. въ Римѣ, р. 1826 † 1866 г., т. CVI, іюнь, 633.
- Поссе,** профес. математ., т. CVII, авг., 294.
- Поссе,** инж. пут. сообш. 1850 г., т. CVII, авг., 293, 294.
- Поссевинъ,** Антоній, іезуїтъ-міссіонеръ † 1611 г., т. CV, янв., 202, 203, т. CVII, іюль, 139—143, авг., 332—355, т. CVIII, окт., 181.
- Постникъ-Огаревъ-**посоль въ Царьшъ 1604 г., т. CVI, іюнь, 529, 530.
- Потаповъ,** Александръ Львовъ, виленск. ген. губ. 1862 г., т. CV, мартъ, 578, т. CVII, авг., 437—439, т. CVIII, ноябр., 269.
- Потемкина,** графиня 1798 г., т. CVIII, окт., 201.
- Потаповъ,** Александъ Никол., ген.-ад. 1827 г., т. CV, янв., 26, мартъ, 674, т. CVII, сент., 542.
- Потемкинъ-Таврическій,** Григорій Александъ, ген.-фельдм., р. 1738 г., † 1791 г., т. CV, янв., 56, 57, 58, 59, т. CVIII, окт., 79, 81, 202, ноябр., 306, 309, дек., 568, 569.
- Потоцкій,** гр., Станиславъ, ген. 1828 г., т. CV, янв., 35, 43, 45, т. CVI, апр., 176.
- Потто,** Васил. Александъ, ген. 1898 г., т. CVII, авг., 367, 368.
- Похвисневъ,** членъ хозяйств. экспедиціи 1801 г., т. CVIII, окт., 204.
- Пощоди-Борго,** гр., Карль-Андрей, дипломатъ, р. 1764 г., † 1842 г., его біографія, т. CVIII, окт., 193—194, уп. т. CV, февр., 276, 417, т. CVI, апр., 19.
- Прендель,** полковн. 1813 г., т. CV, мартъ, 657, 658, т. CVII, авг., 407—410, т. CVIII, ноябр., 261.
- Пржецлавскій,** полковн., приставъ при Шамилѣ, т. CVII, авг., 368—389.
- Прозоровская,** княг., Анна Мих., статсь-дама, т. CVI, май, прил. 57, іюнь, прил. 68.
- Прозоровскій,** кн. А. А., московск. главноком. 1796 г., т. CV, янв., 54, т. CVI, май, прил., 57, т. CVIII, сент., 451, 452.
- Прозоровскій,** кн., Семенъ Васил., 1609 г., т. CV, мартъ, 715.
- Прокоповичъ-Антонскій,** Ант. Антон., профес. 1824 г., т. CV, февр., 470, т. CVI, май, прил. 40, 52, апр., прил. 10, т. CVII, іюль, 97.
- Протасова,** Александра Андр., въ зам. Воійкова, т. CVI, апр., 131, май, прил., 43, 55, іюнь, прил., 74, 77, т. CVII, іюль, прил., 93, авг., прил., 97, 98, 106, 109, 111.
- Протасова,** Екат. Афанасьев., т. CVI, апр., 127—130, прил., 13—30, 39, май, прил., 43—47, дек., прил., 186.
- Протасова,** Марія Андр., въ зам. Мойеръ, р. 1793 г., т. CVI, апр.,

- 130, прил. 13—32, май, прил. 34—64,
41—49, июнь, прил. 65—80, т. CVII,
июль, прил. 93, 94, авг., прил. 106.
- Протасовъ**, гр., Николай Александр.,
об.-прок. Синода, † 1855 г., т. CV,
февр., 301, т. CVIII, дек., 534.
- Пугачевъ**, Емельянъ, т. CV, 69.
- Пузыревскій**, П. А., профес., т. CV,
мартъ, 687, 696—703, 705—708.
- Пустошкинъ**, К. П., консулъ во
Львовѣ, т. CVI, май, 226.
- Путятинъ**, гр., Ефимъ Вас., адм.,
мин. просв. 1860 г., т. CVII, июль,
81, 82, авг., 241, 242, сент., 541—
550, т. CVIII, дек., 516, 533—555.
- Пушкина**, Елис. Львов., въ зам.
Солнцева, т. CVI, май, прил., 56.
- Пушкина**, Елена Григ., т. CVI, май,
прил., 58, т. CVIII, дек., прилож.,
189.
- Пушкина**, Наталья Николаев., рожд.
Гончарова, т. CV, янв., 257—262, т.
CVI, апр., 77—81.
- Пушкинъ**, Александръ Серг., род.
1798 г. † 1837, т. CV, янв., 21—25,
81—95, февр., 257—262, 395, 451—467,
марть, 578, 685, т. CVI, апр., 77—81,
май, 398, 400, июнь, 626, т. CVII,
июль, 106, 107, 173, сент., 482, 485,
649, 655, т. CVIII, ноябр., 324, 462,
прил., 174, дек., 529—532.
- Пушкинъ**, Алексѣй Мих., † 1825 г.,
т. CVI, май, прил., 58, т. CVIII, дек.,
прил., 189.
- Пушкинъ**, Васил. Львов., писат.,
т. CV, янв., 139, 144, т. CVI, май,
прил., 54, 59.
- Пушкинъ**, Левъ Серг., членъ одесск.
таможни, † 1852 г., т. CV, февр.,
436, т. CVIII, ноябр., 324—326.
- Пушкинъ**, Сергѣй, т. CV, февр., 436.
- Пущинъ**, Ив. Ив., декабр., т. CV,
февр., 437, 445, дек., 658.
- Пущинъ**, об.-прокур. Сената, членъ
хозяйствен. экспедиц. 1800 г., т.
т. CVIII, окт., 200, 204.
- Пыпинъ**, Александ. Никол., писат.,
т. CVI, апр., 199, май, 398, т. CVIII,
окт., 39.
- Пѣвицкій**, протоіер. 1848 г., т. CV,
мартъ, 535, 537.
- Щодзеко**, священ. въ Вильно 1862 г.,
т. CVII, авг., 437.
- P.**
- Радде**, изслѣдоват. В. Сибири, т. CV,
янв., 160.
- Радецкій**, ген. 1877 г., т. CVI, июнь,
595—624, т. CVII, июль, 167.
- Радзивиллъ**, кн., Антонъ, музыкантъ,
портретистъ, р. 1775 † 1833 г.,
т. CVII, авг., прил. 97.
- Радѣтъ**, ген. 1812 г., т. CV, янв., 126.
- Раевскій**, А., писат. 1809 г., т. CV,
янв., 139.
- Раевскій**, Н. Н., ген. 1812 г., т. CVI,
май, 442.
- Раевскій**, М. ѡ., протоіерей 1858 г.,
т. CVI, іюнь, 508, т. CVII, авг., 265.
- Разумовскій**, гр. Алекс. Кир., мин.
вар. просвѣш., т. CV, янв., 9, 10,
73, т. CVI, май, 381, 382, т. CVII,
авг., 431, сент., 461, т. CVIII, окт.,
71, 72, 83, ноябр., 307, дек., 468,
488.
- Разумовскій**, гр., Андрей, послан.
въ Вѣнѣ 1799 г., т. CV, февр., 328, 329.
- Рамазановъ**, Никол. Алек., скульпт.
1845 г., т. CVII, сент., 465—479.
- Рангони**, Александръ, польскій посолъ
въ Москву 1604 г., т. CV, янв., 207,
апр., 109, т. CVII, авг., 336—351,
сент., 595, т. CVIII, окт., 173.
- Рангони**, Клавдій, краковскій нунцій
1600 г., т. CV, янв., 201—203, т. CVI,
апр., 83—118, май, 313—347, іюнь,
525—560, т. CVII, іюль, 115, 135—
139, авг., 334—359, сент., 592—597,
602, т. CVIII окт., 161, 174—192,
ноябр., 345, 348, дек., 599, 630.
- Раухъ**, лейбъ-мед. 1829 г., т. CVI,
апр., 21.
- Рахмановъ**, Н. А. издат. „Воен. жур.
нала“ 1810 г.. т. CVIII, дек., 485.
- Рахманова**, Елис. Петров., ген.-пору-
чица, 1816 г., т. CVII, авг., 436.
- Рашель**, артистка, т. CVIII, окт., 130.
- Резановъ**, Александ. Ив., архитект.,
р. 1818 † 1887 г. т. CVII сент., 476,
478.
- Рейтернъ**, подполковн. 1812 г., т. CVI,
іюнь, 655, 656.
- Рейтернъ**, Гергардъ-Вильгельмъ, р.
1794 † 1865 г., т. CVIII, дек., прил.,
186.
- Реманъ**, Осипъ Осипов., лейбъ-мед.,
р. 1776 † 1831 г., т. CVIII, дек.,
прил., 178.
- Ренинъ**, подполковн. 1810 г., т. CVIII,
ноябр., 260, 261.
- Репловскій**, магистръ Москов. духовн.
акад. 1858 г., т. CVI, іюнь, 520—
522, т. CVII, іюль, 94—96.
- Репнинъ**, кн., малорос. воен. губ.
1818 г., т. CVII, іюль, 158, т. CVIII,
ноябр., 307.
- Репнинъ**, кн., Н. В., ген.-прокур., т.
CVIII, дек., 565.
- Ридигеръ**, гр., Фед. Васил., ген.-ад.,
чл. Госуд. Сов., чл. управл. ц. поль-
скаго 1855 г., т. CV, мартъ, 505,
579—596, т. CVI, іюнь, 576, 577,
581, 583.

- Рикордъ**, адм. 1846 г., т. CV, мартъ, 731.
- Ристори**, артистка, т. CVIII, окт., 130.
- Рихтеръ**, Мих. Вильгельмов., д-ръ медич., профес. 1830 г., т. CV, февр., 487, т. CVII, іюль, 184.
- Рихтеръ**, О. Б. ген. ад., т. CVI, май, 361.
- Ровинскій**, Д. А., т. CV, янв., 246.
- Родзянко**, нач—ца Екатерининскаго инстит., т. CVII, авг., 314.
- Родзянко**, Семенъ, т. CVI, май, прил., 38.
- Родіоновъ**, Ростисл. Родіоновъ, чин. собств. канц. им—цы Александры Феодоровны, 1848 г., т. CVII, іюль, 103.
- Родофінненінъ**, директ. азіатск. деп. 1829 г., т. CVI, апр., 30.
- Рожалинъ**, Н. М., 1832 г., т. CV, февр., 321—323.
- Рождественскій**, Ив. Вас., священ. т. CVI, май, 278—298, іюнь, 499—508, т. CVII, авг., 243, 247, сент., 546, т. CVIII, окт., 88, 99, ноябр., 274.
- Розановъ**, кандидатъ С.-Пб. духовн. акад. 1861 г., т. CV, янв., 5—19, т. CVI, апр., 65, т. CVII, сент., 534.
- Розенкампфъ**, бар., Густавъ Андр., предсѣдъ коміс. составл. законовъ 1819 г., т. CVI, апр., 202, май, 403, 404, т. CVIII, окт., 6, 28.
- Розенмейеръ**, писат. 1826 г., т. CV, февр., 466.
- Розенъ**, бар., Андр. Евг., декабр., т. CV, мартъ, 738.
- Розенъ**, бар., Григ. Влад., команд. Преображен. пол. 1814 г., т. CV, мартъ, 574.
- Розенъ**, бар., Г. О., директ. деп. неокладн. сборовъ, т. CVI, май, 355.
- Розенъ**, бар., Евг. Фед., писат., т. CV, февр., 387—392, мартъ, 738, т. CVII, сент., 646.
- Розенъ**, бар., Р. Р., секрет. миссии въ Японіи 1881 г., т. CV, янв., 170—172.
- Розенъ**, бар., чл. сов. гл. управл. Сибири 1881 г., т. CV, янв., 185.
- Розенъ**, бар., ген. 1832 г., т. CVII, авг., 374.
- Романова**, Евфимія Никит., въ зам. кн. Сцика, т. CVIII, ноябр., 425.
- Ромодановскій**, кн., Васил. Григ., 1613 г., т. CV, мартъ, 711.
- Ростовцевъ**, гр., Яковъ Ив., начальн. штаба воен-учебн. завед., р. 1803 г. † 1860 г., т. CV, февр., 386—387, 447, т. CVI, апр., 173, т. CVIII, ноябр., 460, 461.
- Ростовцевъ**, гр., Я. Н., 1901 г., т. CVIII, ноябр., 460.
- Ростопчина**, гр.—ня, Евдокія, пис—а, 1846 г., т. CV, февр., 407, 408.
- Ростопчинъ**, гр., Фед. Вас., москов. главноком., р. 1763 † 1826 г., т. CV, янв., 66, 105, 125, 126, февр., 333, 334, 356, мартъ, 598—613, 630, т. CVI, апр., 46—52, 155, 156, 163, май, 447, т. CVII, сент., 454, т. CVIII, ноябр., 241, 312, 313, 370, т. CVIII, дек., 493.
- Ротъ**, ген. 1828 г., т. CV, янв., 31, февр., 264, 279, т. CVII, іюль, 27.
- Рубецъ**, Енисейск. губерн. почтмейст. 1881 г., т. CV, янв., 151.
- Рубинъ**, Ж. В., пѣвецъ 1843 г., т. CV, февр., 407, т. CVIII, дек., 579, 580—583, 586, 587, 588.
- Рубинштейнъ**, Ант. Григ., артистъ, т. CV, мартъ, 527.
- Рудаковъ**, священ. 1864 г., т. CVII, сентябр., 532.
- Рудзевичъ**, ген. † 1829 г., т. CV, февр., 264, мартъ, 505.
- Рудольфъ**, Іоганнъ, профес., † 1809 г., т. CV, янв., 7, 8.
- Руль**, Іоганнъ. архитект., р. 1764 † 1842 г., т. CVIII, дек., прил., 188.
- Румовскій**, Степ. Яковлев., чл. акад. наукъ 1819 г., т. CVII, авг., 362.
- Румянцевъ**, гр., Никол. Петр., канцл., р. 1754 † 1826 г., т. CV, февр., 383—384, 410, 413, т. CVI, апр., 122, 133, т. CVII, іюль, 168, сент., 452—458, т. CVIII, окт., 14, 21, 26, ноябр., 243—261, 308, т. CVIII, дек., 486, 700.
- Румянцевъ-Задунайскій**, гр., Петъръ Александр., фельдм., р. 1725 † 1796 г., т. CVI, апр., 122, т. CVIII, окт., 136.
- Руничъ**, Дм. Павлов., его записки, т. CV, янв., 47—77, февр., 325—357, мартъ, 597—633, т. CVI, апр., 153—168, май, 373—394, 398.
- Рувновскій**, А. И., приставъ при Шамилѣ, т. CVII, авг., 378, 388.
- Рыльевъ**, Александръ Мих., оф. 1852 г. т. CV, мартъ, 562.
- Рыльевъ**, Кондр. Фед., поэтъ, декабр., р. 1796 † 1826 г., т. CV, февр., 454, т. CVI, май, 240, 252—259, т. CVII, авг., 229, 230, т. CVIII, окт., 216—219, ноябр., 265, 266, дек., 657, 658, 676, 677.
- Рыльевъ**, ген. 1812 г., т. CVII, авг., 423.
- Рѣдкінъ**, А. сообщ.: „Меттерніхъ и его вѣщія политика“ т. CV, янв., 217—236, февр., 409—435; „Вылое“, изъ воспомінаній о 50-хъ и 60-хъ годахъ, т. CVII, сент., 555—574, т. CVIII, дек. 635—647.
- Рѣдкінъ**, Петръ Григ., р. 1808 г. профес., рект. С.-Пб. унів., т. CVII, сент., 567—570.

- Рѣпинскій, Григ. Козьмичъ, сенат., т. CVIII, окт., 201.
 Рюль, лейбъ-мед. 1828 г., т. CV, февр., 268, 272, т. CVI, июнь, 449.
 Рюминъ, П. Ив., консулъ въ Нагасаки 1881 г., т. CV, янв., 173.

C.

- Сабининъ, С. К., протоіерей 1844 г., т. CV, февр., 287, 295, мартъ, 526, 529, т. CVI, май, 278, т. CVIII, дек., прил. 180.
 Сабурова, Соломонія, жена Василія III, т. CVI, апр., 85.
 Саблуковъ, Никол. Алексд., ген.-м.; р. 1776 † 1848 г., т. CVIII, дек., прил. 191.
 Савельевъ, Ал. Ив., ген.-л., сообш., „Памяти Ивана Петровича Корнилова“, т. CVII, авг., 321, 322.
 Савицкій, Гаспаръ, іезуитъ, т. CVI, май, 330, т. CVII, июль, 139, авг., 349, сент., 595, 608, 609, 610, 611, т. CVII, окт., 161—169, 183, т. CVIII, дек., 605, 606, 627.
 Савичъ, А. Н., акад. 1863 г., т. CVIII, дек., 526.
 Саврасовъ, 1814 г., т. CVI, июнь, 449, 464, 469.
 Садовскій, Провъ Мих., артистъ, р. 1818 † 1872 г., т. CVIII, окт., 124, 125.
 Сакенъ, бар., К. И., 1777 г., т. CVIII, окт., 80, нояб., 308.
 Сакенъ, гр., Фабіанъ Вильг., фельдм., р. 1752 † 1837 г., т. CV, февр., 266, 279, мартъ, 503, 507, 512, т. CVII, июль 208, сент., 622.
 Салтыкова, Ирина Вас., въ зам. Басманова, † 1639 г., т. CVIII, нояб., 426.
 Салтыковъ, гр., Ив. Петр., фельдм., москов. воен. губ., р. 1730 † 1805 г., т. CVII, июль 30.
 Салтыковъ, Мих. Мих., 1638 г., т. CVIII, нояб., 426.
 Салтыковъ, Никол. Ив., фельдм., † 1816 г., т. CV, янв., 54, 55, февр., 347, 450, мартъ, 598, т. CVIII, окт., 14, 77, т. CVII, дек., 565.
 Салтыковъ, Петръ, т. CVI, апр. 152.
 Салтыковъ, ген. поліціймайст. 1733 г., т. CVIII, нояб., 415.
 Самаринъ, Ив. Вас., артистъ, 1840 г., т. CVIII, окт., 124, 125.
 Самаринъ, Юрій Оед., р. 1819 † 1876 г., т. CVIII, нояб., 461.
 Самаринъ, Ф. В., т. CVI, май, прил., 58.
 Самборскій, Андрей Аѳанасьев., пріоір. при рус. миссії въ Лонд., т. CVIII, окт., 198, 201, 202, нояб., 403, 405, 406, 407, 408.
 Самойлова, Вѣра Васил., актриса, т. CVIII, окт., 116, 120, 124.
 Самойлова, Надежда Вас., артистка, т. CVIII, окт., 120, 123, 124.
 Самойлова, гр.-ня, Софья Александ., въ зам. гр.-ня Бобринская, т. CVI, май, прил., 64, июнь, прил., 65—72, т. CVII, июль, прил., 84, 85, 93, авг., прил., 97.
 Самойловъ, Васил. Васил., артистъ, † 1887 г., т. CVIII, окт., 120, 121, 125.
 Самойловъ, Серг. Вас., горн. инжен., т. CVIII, окт., 120.
 Самойловъ, ген.-прокур., 1780 года, т. CV, янв., 56—61, 65, 70.
 Сандиновъ, Н. Н., профес., † 1832 г., т. CVI, май, 407.
 Санко-Лешевичъ, чиновн., 1812 г., т. CVI, апр., 144.
 Сапѣга, Ив.—Шепръ, т. CVIII, окт., 188, 189, нояб., 357.
 Сапѣга, Левъ, литовск. канцл., 1604 г., т. CV, янв., 179—208, т. CVI, май, 326, 345, июнь, 527, 530, т. CVII, сент., 585, 593, т. CVIII, окт., 170, дек., 598, 602, 613, 614, 624.
 Свербеева, Екат., Александ., рожд., княж. Щербатова, т. CVII, июль, 100.
 Свербеевъ, Дм. Никол., т. CVII, июль, 100, т. CVIII, нояб., 285.
 Сверчковъ, Алексѣй Васильев., побѣрен. въ дѣлахъ во Флоренц., въ 1819—1825 г., т. CVIII, окт., прил., 142.
 Сверчковъ, художн., т. CVII, авг., 290.
 Свилинъ, Пав. Петр., писатель, р. 1787 г., † 1839 г., т. CV, февр., 469, т. CVI, май, 397, 399—401, т. CVII, сент., 650.
 Свистунова, т. CVI, май, 306.
 Севастяновъ, инспект. инст. пут. сообш., т. CVI, июнь, 482—489, т. CVII, июль, 51.
 Севастяновъ, акад., 1812 г., т. CV, янв., 10.
 Седлеръ, чиновн., 1795 г., т. CVI, апр., 45.
 Семевская, Александра Вас., рожд., Буташевичъ-Петрашевская, † 1901 г., сообш., „Замѣтка о М. В. Буташевичъ-Петрашевскомъ“, т. CV, февр., 493—494.
 Семевский, Мих. Ив., основат. журн. „Русс. Старина“, † 1892 г., т. CVIII, нояб., 377—379.
 Семенова, Екат. Семенов, актриса, 1822 г., съ зам. князя Гагарина, т. CVIII, нояб., 297—304.

- Семеновъ, Дм. Дм.**, педагогъ, т. CVIII, ноябр., 378.
- Семеновъ, Н. П.**, сенат., 1901 года, т. CVIII, ноябр., 460, 461, 463.
- Семеновъ, П. П.**, чл. редакцион. комисс., сенат., т. CVIII, ноябр., 460, 461, 463, 464.
- Семеновъ**, оф. егерск. пол., декабр., т. CVII, авг., 278, сент., 624, 628, т. CVIII, окт., 208, 209, 212, дек., 655, 656, 673.
- Семеновъ**, цензоръ, 1830 г., т. CVII, сент., 662, 663.
- Семичевъ**, инж., пут. сообщ., т. CVI, июнь, 490, т. CVIII, июль 32, 42, авг., 285, 286, 289.
- Сенковскій**, Осипъ Ив., писат., р. 1800 † 1858 г., т. CV, янв., 18, мартъ, 694.
- Сербиновичъ, К. С.**, директ., духов.-учебн. управл., 1848 г., т. CV, февр., 298.
- Сербиновичъ**, цензоръ, 1829 г., т. CVII, сент., 645.
- Сергіевскій**, священ., 1860 г., т. CVII, авг., 263.
- Серно-Соловьевичъ**, 1862 г., т. CVIII, дек., 573.
- Серебряковъ**, полковн., т. CVII, июль, 50.
- Сеславинъ**, партизанъ, 1812 г., т. CV, янв., 114, 119, февр., 377.
- Сибиряковъ, К. М.**, т. CVI, май, 234.
- Сиверсь**, гр., Егоръ Карлов., нач. инж. училища, 1820 г., т. CVII, авг., 235.
- Сиверсь**, гр., ген.-лейт. 1826 г., т. CVIII, дек., 681.
- Сигизмундъ III**, кор. польск., т. CVIII, дек., 619, 620.
- Сильва**, пѣвецъ 1844 г., т. CVIII, дек., 587.
- Симонетти**, краковск. пунцій, 1605 г., т. CVIII, ноябр., 344—361.
- Синявина**, Елис. Семен., помѣщ.—а, 1814 г., т. CVII, авг., 284.
- Сипягинъ**, Николай Мартемьянов., 1818 г., т. CVI, июнь, 561—565.
- Сицкій, кн.**, Andr., Васил., 1573 г., т. CVIII, ноябр., 425.
- Сицкій, кн.**, Vas. Andr., † 1578 г., т. CVIII, ноябр., 425.
- Сицкій, кн.**, Ив. Vas., т. CVIII, ноябр., 425.
- Скобелевъ, Мих. Дм.**, ген., † 1882 г., т. CVI, июнь, 595—624, т. CVII, июль 166.
- Скотниковъ**, Е., граверъ, 1811 г., т. CVI, апр., 45.
- Скребицкій, А. И.**, 1901 г., т. CVIII, ноябр., 460.
- Сленинъ**, Н. книгоизд., 1827 года, т. CVIII, ноябр., 268.
- Слѣпушкинъ**, писат., 1826 г., т. CV, февр., 466.
- Слѣпцовъ**, ген., 1877 г., т. CVI, июнь, 624.
- Смирнова**, Александра Осип., рожд. Россети, т. CV. янв., 89.
- Смирновъ, Мих.**, Петров., 1819 г., т. CVII, авг., 428.
- Смирновъ, Н. И.**, 1901 г., т. CVIII, ноябр., 460.
- Смирной-Отрепьевъ**, посолъ въ Краковѣ, 1604 г., т. CVI, май, 343—347, июнь 529, т. CVIII, дек., 608, 630.
- Снегиревъ, Ив. Мих.**, археологъ, р. 1793 † 1868 г., т. CVI, май, 398, 407, 408, т. CVII, июль, 108.
- Собко**, инжен., пут. сообщ., 1850 г., т. CVI, июнь, 484.
- Соболевскій**, писат., 1842 г., т. CVII, сент., 483.
- Соболевскій**, инжен., 1843 г., т. CVI, июнь, 474, 484.
- Соболевъ**, генер., 1877 г., т. CVI, июнь, 595, 610.
- Созоновичъ, В. И.**, писат., 1809 г., т. CV, янв., 134.
- Соковнина**, Анна Мих., т. CVI, апр., 125.
- Соковнинъ, Серг. Мих.**, писат., 1809 г., т. CVI, апр., 125, май, прил., 39.
- Соколовъ, Дм.**, чл. акад. наукъ, 1819 г., т. CVII, авг., 362.
- Соколовъ, Петръ**, чл. акад. наукъ, 1819 г., т. CVII, авг., 362.
- Соколовъ**, протоиер., 1848 г., т. CV, мартъ, 532, т. CVI, апр., 68.
- Соколовъ**, препод. фехтов., 1857 г., т. CVII, июль, 191.
- Соколовъ**, профес., 1829 г., т. CVII, сент., 649.
- Солнцевъ**, Матв. Мих., камергеръ, † 1848 г., т. CVI, май, прил., 56.
- Соловьевъ, Н. И.**, сообщ. „Судьба Феодосія, архієпископа новгород-скаго“, т. CV, янв., 237—243.
- Соловьевъ, Сер. Мих.**, истор., т. CVI, май, 230, 233, т. CVIII, дек., 509.
- Сологубъ**, гр., Влад. Алекс., писат., р. 1814 † 1882 г., т. CVII, июль, 100, 101, сент., 501.
- Сологубъ**, гр.-ня, Софья Влад., р. 1841 † 1849 г., т. CVII, июль, 101.
- Сологубъ**, гр.-ня, Софья Мих., рожд., гр.-ня Віельгорская, т. CVII, июль, 101.
- Сологубъ**, гр., камеръ-юнк., 1820 г., т. CVII, июль, 14.
- Сомовъ**, Орестъ, изд., „Литерат. Газ.“, 1831 г., т. CVII, сент., 663, т. CVIII, ноябр., 266—269.

*

- Сомовъ, О. И., акад. 1863 г., т. CVIII, дек., 526.
- Сосницкая, артистка, т. CVIII, окт., 123.
- Сосницкий, артистъ, т. CVIII, окт., 119, 125.
- Спада, цензоръ, 1820 г., т. CVII, авг., 394.
- Спасскій, калужск. вице-губернат., 1866 г., т. CVII, авг., 381.
- Сперанскій, гр., Мих. Мих., р. 1772 † 1839 г., т. CV, янв., 186, февр., 336—357, мартъ, 597—640, т. CVI, апр., 154, 157, 169, май, 384, 388, 393, т. CVII, сент., 452, 453, т. CVIII, окт., 5—41, нояб., 247, 255—270, 370, дек., 681.
- Спиридова, С. Д., см. Олсуфьевъ.
- Спиридовъ, И. М., т. CVIII, окт., 229, нояб., 162.
- Спиридовъ, декаб., т. CVIII, декаб., 485.
- Срезневскій, Всев. Изм., соообщ. „Изъ писемъ И. И. Теребенева, къ А. Х. Востокову“, т. CV, янв., 245—256, „Изъ письма П. А. Плетнева, къ И. И. Давыдову, объ ученыхъ и образовательныхъ учрежденияхъ во Франціи и Англіи“, мартъ, 739—741, уп., т. CVII, юль, 175, т. CVIII, дек., 499.
- Ставассеръ, скульпт., 1844 г., т. CVII, сент., 468—478.
- Стадницкій, Мартинъ, церемоній-мейст. Маринъ Миншекъ, 1604 г., т. CVII, сент., 612, 621, т. CVIII, окт., 161, 189.
- Стадницкій, Адамъ, т. CVIII, дек., 604.
- Сталь, писат.-ца, т. CVIII, окт., 38.
- Станкевичъ, А. И., соообщ. „Къ исторіи изданій „Горе отъ ума“, т. VIII, декаб., 593—596.
- Старцевъ, княж., Марія Влад., 1573 г., т. CVIII, нояб., 425.
- Старъ, флот. офиц., 1881 г., т. CV, янв., 173.
- Старцевъ, ком. сов., 1881 г., т. CV, янв., 175, 176, 184.
- Степанова, пѣвица, т. CVIII, окт., 127.
- Степановъ, кол. ассес., т. CV, янв., 256.
- Стефанъ, Яворскій, т. CV, янв., 238.
- Стишинскій, А. С., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.
- Столыпинъ, А. А., 1809 г., т. CVIII, окт., 34, 35.
- Столыпинъ, Никол., Аркад., послан. въ Стутгартъ, 1867 г., т. CVII, сент., 549, 550, 552.
- Столѣтовъ, ген., 1877 г., т. CVI, юнь, 609.
- Стояновскій, Н. И., т. CVIII, об.-прокур. сената, 1862 г., нояб., 461, 462, 464.
- Стремоуховъ, П. Д., соообщ., „Нижегородскій губернаторъ, А. Н. Муравьевъ“, т. CVI, май, 349—361.
- Стрепетова, артистка, т. CVIII, окт., 134.
- Стривери, Децій, іезуїтъ 1604 года, т. CVIII, окт., 160, декабрь, 614, 628.
- Строганова, гр-ня, т. CV, мартъ, 565.
- Строгановъ, гр., Александ. Серг., об.-камерг., презид. акад. худож., т. CVII, сент., 522, 525, 578.
- Строгановъ, гр., Григ., 1841 г., т. CV, янв., 21—25.
- Строгановъ, гр. Серг. Григ., попеч. Моск. учеб. окр., 1838 г., т. CVI, май, 361, юнь, 482, т. CVII, юль, 98.
- Строгановъ, гр., воспит. наслѣдника 1861 г., т., дек., 515.
- Строевъ, Влад. Мих., т. CVI, юнь, 629.
- Строевъ, П. М., т. CVI, май, 406.
- Стромиловъ, 1819 г., т. CVII, авг., 428.
- Струве, К. В., послан. въ Японію, 1881 г., т. CV, янв., 170—172.
- Струве, В. Я., астрономъ, т. VIII, дек., 508.
- Струве, Марія Никол., т. CV, янв., 170, 171.
- Струйскій, Дм. Юрьевъ, пис., 1829 г., т. CVII, сент., 648.
- Стурдза, Александ. Скарлат., т. CVI, юнь, прил., 72, т. CVII, юль, прил., 90, т. CVIII, дек., прил., 184, 185.
- Стурдза, Роксанд. Скарлатовна, р. 1786 † 1844 г., т. CVIII, дек., прил., 185.
- Суворовъ, гр., Александ. Васил., фельдм., р. 1727 † 1800 г., т. CV, янв., 76, февр., 329, 333, 335 342, 343, т. CVII, юль, 30, авг., 295, сент., 513, т. CVIII, окт., 136, дек., 483, 569.
- Суворовъ, кн., Александ. Аркад., Отзѣйск. ген.-губ., † 1882 г., т. CV, февр., 290, 292, 294, т. CVI, апр., 175, т. CVII, авг., 266.
- Суворовъ, кн., Аркадій Александ., † 1811 г., т. CVI, апр., 176.
- Суворовъ, кн., фл.-ад., 1828 г., т. CV, янв., 37.
- Судаковъ, священ., 1854 г., т. CV, мартъ, 557, 558.
- Сукинъ, Александ. Яковл., коменд. Слб. крѣп., 1822 г., т. CVIII, нояб., 294.
- Судашева, кн., М. см. Черкасская.
- Судашевъ, кн., Вас. Яншиев. † 1641 г., т. CVIII, нояб., 426.
- Судашевъ, кн., Юрій Яншиев. † 1637 г., т. CVIII, нояб., 426.

Сумцовъ, Н. Ф., профес., 1899 г., т. CVIII, дек., 529, 531.
 Сумароковъ, ген., 1853 г., т. CVI, июнь, 586.
 Супруненко, докт., 1881 г., т. CV, янв., 163.
 Сухозанетъ, ген.-ад., 1828 г., т. CV, янв., 38.
 Суктеденъ, ген., 1812 г., т. CVI, июнь, 666, т. CVII, авг., 419.
 Сушковъ, писат., 1826 г., т. CV, февр., 466.
 Сущцовъ, Андрей, помощн. науч. университ. типограф., 1814 г., т. CVII, авг., 432.
 Сфурса-Жиркевичъ, падвор. совѣт., 1812 г., т. CVI, апр., 144.
 Сѣверинъ, Дм. Петр., членъ „Арзамаса“, р. 1791 † 1865 г., т. CVIII, дек., прил., 178, 187.

Т.

Талызинъ, ген. 1812 г., т. CIV, апр., 192.
 Тамберлинъ, пѣвецъ 1845 г., т. CVIII, дек., 588, 589.
 Тамбурини, пѣвецъ 1845 г., т. CVIII, дек., 585.
 Тальевъ, А. С., ст.-секрет. 1837 г., т. CVI, июнь, 491, т. CVIII, ноябр., 460.
 Таньевъ, камер-юнкеръ 1820 г., т. CVII, авг., 394.
 Тарбѣевъ, П. П., гайд. сов., сенат., † 1810 г., т. CVIII, окт., 201, 204.
 Тарновскій, С. Л., киевск. предвод. двор. 1795 г., т. CVI, май, 276.
 Тархановъ, П. В., астрономъ 1814 г., т. CV, январь, 12.
 Татаринова, основ-ца секты, т. CVI, май, 382, 385, т. CVII, июль, 175.
 Татариновъ, П. Е., 1901 г., т. CVIII, ноябр., 460, т. CVIII, дек., 511
 Татариновъ, членъ хозяйствен. экспедиц. спб. вице-губернат. 1797 г., т. CVIII, окт., 201, 203.
 Татищевъ, послан. въ Вѣнѣ 1823 г., т. CVI, май, 226, 231, 232.
 Таубе, бар., полковн. 1812 г., т. CV, янв., 117.
 Тергужасовъ, ген., т. CVI, июнь, 484.
 Теребенева, Марья Григ., т. CV, янв., 247.
 Теребеневъ, Ив. Ив., скульпт. и карикатуристъ, р. 1780 г., † 1815 г., т. CV, янв., 245—256.
 Тернеръ, Ф. Г., 1901 г., т. CVIII, ноябр., 460.
 Терренбергъ, Наталья Франц. въ зам. Полевая, т. CV, мартъ, 726.

Тидебель, Андр. Богд., совѣтн. губерн. правл. по крестьян. дѣламъ 1825 г., т. CVIII, дек., прил., 177.
 Тизенгаузенъ, жанд. полк. т. CVII, июль, 38.
 Тимашевъ-Берингъ, москов. об.-полиціймѣст. 1856 г., т. CV, мартъ, 645, 646.
 Тимковскій, цензоръ 1818 г., т. CVII, июль, 156, 158.
 Тимошуцъ, Вѣра Вас., перев. зап. Рунича (см. Руничъ) „Россія и папскій престоль“ (см. Ширлингъ), зап. Левенштерна (см. Левенштернъ).
 Тимириязевъ, Ив. Семен., 1827 г., т. CIII, дек., прил., 178.
 Титовъ, Влад. Павл., послан. въ Штутгартѣ 1854 г., т. CV, мартъ, 557, т. CVI, апр., 54, 61, 62, 73, май, 293, 298, июнь, 499, 506, 514, 515, 516, т. CVII, авг., 262, т. CVIII, окт., 85—98, ноябр., 271—291, дек. 542—557.
 Титовъ, Пав. Александ., инспект. гл. тюремн. управл. т. CV, янв., 156, 165, 167, 176, 181, 182.
 Толмачевъ, свящ. 1860 г., т. CVII, июль, 95, 96.
 Толстой, гр., Алексѣй, писат., т. CVII, сент., 535.
 Толстой, гр., Дм. Андр., мин. нар., просв., р. 1823 г., † 1889 г., т. CV, янв., 194, т. CVIII, окт., 94, 95—98 ноябр., 273, 283, т. CVIII, дек., 522, 550.
 Толстой, гр. Дм. Никол., помѣщ. 1816 г., т. CVIII, окт., 87.
 Толстой, гр. Левъ Никол., писат., т. CVI, апр., 76, т. CVII, сентябр., 482.
 Толстой, Григ. Мих., т. CVII, сент., 485, 490, 491, 503.
 Толстой, гр., П., главноком. въ Спб. 1828 г., т. CV, февр., 272, т. CVI, апр., 11, 22, 23, т. CVIII, ноябр., 341—342.
 Толстой, Пётръ Andr., об.-прокуроръ Синода, т. CVI, апр., 68, 71, 73.
 Толстой, Яковъ, декаб., т. CVIII, октябр., 208.
 Толстой, гр. Ф. М., беллетристъ, р. 1810 г., † 1881 г., т. CV, мартъ, 704.
 Толстой, гр., Фед. Петр., т. CVII, сент., 467—476, т. CVIII, 468.
 Толь, бар., гр. съ 1830 г., Карлъ Фед., р. 1778 г., † 1842 г., т. CV, янв., 105, 115, 119, 120, 121, 128, февр., 380, мартъ, 501, 503, 504, 505, 506, 508, 653, 721, 722, т. CVI, апр., 9, 15, июнь, 458, 474, 477, т. CVII, июль, 24, 51, 52, 62, 63.

- Толь, гр., секрет. посольства въ Штутгартѣ, 1867 г., т. CVIII, нояб., 276.
- Толченовъ, актеръ, 1892 г., т. CVIII, нояб., 300.
- Томара, Л. П., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.
- Томникова, Александра Тихан., томъ CV, февр., 441—444.
- Тончи, художн. 1812 г., т. CV, мартъ, 608.
- Тормасовъ, ген. 1812 г., т. CV, москов. главнокоманд. 1816 г., янв., 107, 108, февр., 371, т. CVI, май, 447, т. CVII, авг., 390.
- Торопогрицкій, докт., т. CVII, июль, 35, авг., 318, 319.
- Торсонъ, декабр. т. CV, янв., 184, т. CVIII, окт., 219, 657, 677, 678.
- Тотлебенъ, гр., Эдуардъ Ив., т. CVII, июнь 25, 26.
- Третьяковъ, М. П., т. CVIII, дек., 487.
- Тройницкій, Н. А., 1901 г., т. CVIII, нояб., 460.
- Трошинскій, А. А., т. CVIII, нояб., 325.
- Трошинскій, Ім. Прокоф., мин. юстиц. † 1829 г., т. CVIII, окт., 12, 27, 28, 35, нояб., 409.
- Трубецкій, кн., А. В., оф. кавалергард. пол. 1837 г., т. CV, февр., 257, 258, 259, т. CVI, апр. 77—81.
- Трубецкій, кн., Васил. Серг., генад., т. CVI, май, прил., 57.
- Трубецкій, кн., Серг. Петров., дек., р. 1790 г. † 1860 г., т. CV, янв., 188, февр., 437, 438, т. CVII, авг., 270, 272, т. CVIII, окт., 211—219, дек., 657, 658, 674, 676, 677.
- Трусова, Е. М., воспитанница вел. кн. Вѣры Константиновны, томъ CVIII, нояб., 289.
- Трухачевъ, маюръ Бѣлозерск. мушкетерск. полка, 1801 г., т. CVIII, дек., 477.
- Трухасевъ, гр-ня, оберъ-гофмейстери-на, 1820 г., т. CVI, июнь, прил., 75, т. CVII, июль, 11, прил., 92, т. CVIII, окт., 226.
- Туманскій, писат. 1827 г., т. CVIII, нояб., 265, 266, CVIII, дек., 531, 532.
- Тургеневъ, Александ. Ив., директ. деп. духов. дѣлъ, писат., † 1845 г., т. CV, февр., 385, т. CVI, апр., 123—138, 169, 170, прил., 3, 8, май, 238, 241—275, прил. 38, 55, июнь, прил. 66—77, т. CVII, июль, прил., 90—94, авг., 391—393, авг., прил. 98, нояб., прил. 156, дек., прил., 184, 189, 192.
- Тургеневъ, Александ. Мих., р. 1772 г. † 1863 г., т. CVII, июль, 98.
- Тургеневъ, Андр. Ив., т. CVI, апр., прилож. 8, май, прил. 38—40.
- Тургеневъ, Ив. Петров., кураторъ Москов. унив. 1789 г., т. CVI, апр., прил., 8, май, 38, 40, 235.
- Тургеневъ, Ив. Серг., писат., т. CVI, апр., 76, май, 237, т. CVII, сент., 482—491, 504, т. CVIII, окт., 135, нояб., 285, 286, дек., 641, 647.
- Тургеневъ, Никол. Ив., писат., ле-каб., р. 1789 г. † 1871 г., т. CV, февр., 453, 454, т. CVI, апр., прилож., 10, май, 235—275 прил., 38, 55, июнь, 565, т. CVII, авг., 267—283, сент., 623—641, т. CVIII, окт., 207—220, нояб., 325—340, прил. 156, дек. 649—680, прил., 184, 186, 192.
- Тургеневъ, Петръ, 1604 г., т. CVIII, окт., 164.
- Тургеневъ, Петръ Никол., сообщ.: „Десять неизданныхъ писемъ В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, т. CVI, апр., 123—138, „Письмо А. И. Тургенева къ Н. М. Карамзину“, 169—170; „Письмо И. И. Дмитриева, къ Н. И. Тургеневу съ благодарностью за присланную книгу“, июнь, 566.
- Тургеневъ, Серг. Ив., т. CVI, апр., прилож., 8, май, 237—241, 248, прил., 38, 55, дек., прил., 189, 190, 191.
- Туренина, княж. Дарья Ив., въ зам. Басманова † 1603 г., т. CVIII, нояб., 426.
- Туренинъ, кн. Ив. Самсон., окольничий † 1597 г., т. CVIII, нояб., 426.
- Туркестанова, княжна, Варвара Ильинична, фрейлина, р. 1775 г., † 1819 г., т. CVII, июль, прил., 88.
- Туркуль, ст.-секрет., 1847 г., т. CV, янв., 20.
- Туруновъ, Мих. Ник., предсѣд. Спб. цензури. комит. 1864 г. т. CVI, июнь, 628, 629.
- Тухачевскій, тульск. губерн. 1825 г., т. CVI, май, 308.
- Тымовскій, Йосифъ Игнатьев., камергеръ, ст.-секрет. ц. Польск., съ 1856—1862 г., р. 1791 г., † 1871 г., т. CVIII, нояб., прил., 172.
- Тютчевъ, А. Ф., т. CVII, сент., 535.
- Тютчевъ, А. А., т. CVIII, нояб., 283.
- Тютчевъ, Ив. Никол., † 1846 г., т. CVI, май, прим., 55.
- Тютчевъ, О. И., поэтъ, т. CVI, май, прил., 55.

У.

Убри, послан., 1844 г., т. CV, февр., 288, мартъ, 524.
 Уваровъ, гр., Серг. Сем., мин. нар. просв., † 1855 г., т. CV, янв., 9, 20, т. CVI, май, 235, 381, 382, т. CVII, июль, 101, 105, 106, т. CVIII, дек., 488, 495, 496, 519.
 Уваровъ, Ф. П., ген.-ад. 1820 г., т. CVII, авг., 237.
 Узбашевъ, уранорщ., 1859 г., томъ CVII, авг., 388.
 Урусовъ, кн., Андрей, 1823 г., томъ CVII, июль, 165.
 Урусовъ, кн., Серг. Никол., об.-прокур. Синода 1858 г., т. CV, мартъ, 525, 526, т. CVI, июнь, 511, 512, 518, 520, т. CVII, авг., 243, 257, 258, 260, т. CVIII, ноябр., 273.
 Устиновъ, секрет. посольства въ Римѣ 1845 г., т. CVII, сент., 478.
 Устриловъ, Н. Г., историкъ, т. CV, мартъ, 517—520, т. CVIII, ноябр., 429, т. CVIII, дек., 509.
 Уткинъ, Никол. Ив., граверъ, томъ CVI, апр., 135.
 Ушакова, Варв. Павл., фрейлина 1817 г., т. CVI, июнь, прил., 70, июль, 14.
 Ушаковъ, ген.-отъ-инф., нач. гвардійск., впосл. предсѣд. комит. о ранен. 1852 г., т. CVI, мартъ, 563.
 Ушинскій, архитект. 1799 г., томъ CVIII, ноябр., 406.

Ф.

Фаберъ, Готтальфъ, чинов. мин. иностр. дѣлъ, р. 1768 † 1847 г., т. CVIII, дек., прил., 177.
 Фабрицій, Н. П., управл. почтов. частью въ В. Сибири 1881 г., т. CV, янв. 156.
 Фаддеевъ, 1870 г., т. CVIII, дек., 535.
 Фелькверамъ, Егоръ Фед., лифляндск. губернат. съ 1829—1847 г., т. CVIII, дек., прил., 177.
 Фельдгаузенъ, контр-адм. гг. команд. Владивост. порта 1881 г., т. CV, янв., 167.
 Фесслеръ, Игнатій, суперинтенд. саратов. евангелич. консист., р. 1756 г., † 1839 г., т. CVI, апр. 169, июнь, прил., 66.
 Феттъ, А. А., поэтъ, т. CVII, сент., 505.
 Фигнеръ, партизанъ 1812 г., т. CV, янв., 114, т. CVI, май, 438, 439,

июнь, 649, 654, 655, 657—659, томъ CVII, іюль, 207, 208.

Филаретъ (Федоръ Романовъ), патріархъ, т. CVI, апр., 99, т. CVII, авг., 326, т. CVIII, окт., 175, ноябр., 363.

Филаретъ (Василій Дроздовъ) интр. московск., р. 1782 г., † 1867 г., т. CV, мартъ, 543, т. CVI, іюнь, 518, 520, 629, 632, т. CVII, іюль, 92, 93, 134, 172, авг., 263, т. CVIII, окт., 92, т. CVIII, дек., 556.

Филиппонъ, почет. С.-Пб. учебн. окр. 1860 г., т. CVII, іюль, 81.

Философовъ, А. А., т. CV, мартъ, 549, т. CVIII, окт., 27, 28.

Фитингоффъ, бар., фл. офиц. 1881 г., т. CV, янв., 173.

Фюретті, іѣвица 1850 г., т. CVIII, дек., 590.

Флавіанъ (въ мірѣ Городецкій), архиманд., членъ духовн. місії въ Китаѣ 1881 г., т. CV, янв., 178, 179.

Фонт-Флотовъ, баронъ (Гершаулотовъ) Б. Б., комисс. по крестьян. дѣламъ въ Курлянд. губ., т. CV, янв., 162, 165 167, 168, 172.

Фонъ-Фокъ, 1827 г., т. CV, янв., 99.

Фонвизинъ, Денись Ив., писат., т. CVII, сент., 482.

Фонвизинъ, ген.-м., декаб., т. CV, янв., 188, т. CVII, сент. 635, 639, т. CVIII, дек., 485, 486.

Фонд-де-Монтюссентъ, Е. Ф., дирек. франц. училищъ при церкви св. Людовика въ Москвѣ 1901 г., т. CVIII, дек., 593—586.

Фонтонъ, 1829 г., т. CVI, апр., 26, 30.

Фотій (Петръ Никіт. Спасскій), архим., настояйт. Новгород. Юрьевск. монаст., р. 1792 † 1838 г., т. CV, мартъ, 679.

Франкъ, докт. 1846 г., т. CV, мартъ, 730.

Фредерикъ, баронъ, Петръ Андр., адъют. вел. кн. Николая Павловича, т. CVI, іюнь, прил., 67.

Фредерикъ, баронесса, Цецилія Владиславовна, рожд. гр-ня Гуровская, т. CVI, іюнь, прил., 67.

Фрейтагъ, ген. 1877 г., т. CVI, іюнь, 624.

Фрільє, художн. 1845 г., т. CVII, сент., 468.

Фрілпъ, Э. В., сенат. 1882 г., т. CV, янв., 193.

Фрічле, Ю. О., акад. 1859 г., т. CVIII, дек., 510.

Фроловскіе, т. CVII, авг., 295, 313, 314, 317.

Фуссъ, Никол. Ив., акад. 1798 † 1825 г.,
т. CVIII, дек., 496, 497.
Фуссъ, Пав. Никол., акад., р. 1798 г.,
† 1855 г., т. CVII, июль, 104, т. CVIII,
дек., 496, 497.

Х.

Ханыковъ, ген.-лейт., послан. въ
Дрезденѣ, 1810 г., т. CVIII, ноябр.,
261.
Хатовъ, подполк. 1810 г., т. CVIII,
дек., 485.
Хатовъ, Пав. Васил., ген., 1825 г.,
т. CV, февр., 324.
Хвостова, гр-ня, рожд. княж. Гор-
чакова, 1800 г., т. CV, февр., 342.
Хвостовъ, Александ. Семен., дипло-
матъ, писат., т. CVII, сент., 524.
Хвостовъ, гр., Дм. Ив., писат., т.
CV, янв., 134, 139, февр., 466.
Хвостовъ, Н. А., 1901 г., т. CVIII,
ноябр., 460.
Хвостовъ, Семенъ Васил., т. CVII,
сент., 524.
Херасковъ, писатель, т. CV, янв., 49.
Хилкова, княжна, Прасковія Алек-
сандровна, въ зам. гр-ня Гендрикова, т.
CVII, июль, прил., 84.
Хилковъ, кн., М. И., мин. пут. сообщ.,
1901 г., т. CVIII, ноябр., 460.
Хитрово, д. ст. сов., чл. хозяйствен.
экспедиціи 1797 г., т. CVIII, окт.,
201, 203.
Хмыровъ, изслѣдоват., т. CVIII,
ноябр., 385.
Хованская, княжна, фрейлина, 1765 г.
т. CVII, сент., 528.
Хованскій, кн. И. И., витеб. ген.-губ.
1831 г., т. CV, февр., 406, 407.
Хомутовъ, Мих. Григ., наказн. ата-
манъ войска Донского р. 1795 †
1864 г., т. CV, мартъ, 701.
Хомяковъ, Алексѣй Степ., т. CVI,
апр., 57, т. CVII, июль, 100, т. CVIII,
ноябр., 265, 266.
Храповицкій, Александ. Васильев.
писат., сенат., † 1801 г., т. CV, янв.,
139, т. CVIII, окт., 200, 201, 204.
Храповицкій, Матв. Ерграфов., спб.
ген.-губ., т. CV, мартъ, 571.
Храповицкій, ген.-ад., 1825 г., т. CVI,
май, 307—311.
Хромова, т. CVIII, ноябр., 281.
Хромовъ, купецъ, т. CV, янв., 151,
185, 186.
Хрулевъ, предсѣд. тульск. губерн.
правл., 1825 г., т. CVI, май, 308.
Хрушовъ, ген.-губ. З. Сибири, т. CV,
янв., 151.

Ц.

Цвѣтаевъ, Дм., профес., сообш.:
„Взглядъ императора Николая I, на
отпускъ государственныхъ средсвъ
на образованіе“, т. CV, янв., 20.
Цемпѣ, Ив. Христіанов., инспект.
москов. медиц. конторы, р. 1766 †
1830-хъ гг., т. CVII, авг., 429.
Цертелевъ, кн., Н. А., писаг., т. CV,
февр., 459, 463.
Цертелевъ, кн., П. Н. 1901 г., т. CVIII,
ноябр., 460, 462.
Цициановъ, кн., ген., 1804 г., т. CVIII,
окт., 43.
Цез., В. А., предсѣд. спб. цензурн.
комит., т. CVIII, дек., 517.

Ч.

Чаадаевъ, Пав. Яковл., т. CVI, іюнь,
прил. 69.
Чаадаевъ, Петръ Яковлев., т. CVII,
іюль, 100.
Чаловскій, директ. Львовск. архива,
т. CVI, май, 226.
Чаплинка, Надежда Ив., рожд. Ве-
ликопольская, т. CVI, іюнь, 625—641,
Чарторыйскій, кн., Адамъ, т. CVIII,
окт., 6, 13, 39, 84.
Чаславскій, В. И., авт. ст. „Перв.
земледѣльч. школа въ Россії“,
т. CVIII, ноябр., 409.
Чеботарева, Софья Ив., рожд. Виль-
кинсь, т. CVI, іюнь, 625.
Чеботарева, Софья Харитонов., въ
зам. Мудрова, р. 1786 † 1833 г.,
т. CVI, іюнь, 625, т. CVII, іюль,
174, 175, 176, 178, 180, 181, 182, 183.
Чеботаревъ, Адамъ Петров., ген.-
лейт., чл. комит. пррегулярн. войскъ,
† 1881 г., т. CV, мартъ, 710.
Чеботаревъ, Андрей Харитонов.,
алъянтъ Москов. унив., р. 1784 †
1833 г., т. CVI, іюнь, 625, 639,
т. CVII, іюль, 171—186.
Чеботаревъ, Харитонъ Andr., профес.
рект. Москов. унив., т. CVI, іюнь,
625, т. CVII, іюль, 175, 178.
Чевкинъ, Конст. Влад., главноуapr.
пут. сообш., р. 1803 † 1875 г., т. CVI,
апр., 14, т. CVII, іюль, 52, 65,
т. CVIII, дек., 513.
Чельцовъ, проф. церковн. истор.,
1851 г., т. CV, мартъ, 542, 543,
т. CVII, іюль, 85—95.
Чоморовцовъ, Алексѣй Ив., музы-
канть 1814 г., т. CVII, авг., 284.
Чепчуговъ, Ив. Ив., рыцарь, 1613 г.,
т. CV, мартъ, 711.

- Чепчуговъ-Клементьевъ, Никифоръ
Павл. 1567 г., т. CV, мартъ, 711—
716.
- Чепчуговы, т. CV, мартъ, 711—716.
- Черевинъ, ген., 1870 г., т. CVII,
авг., 371, 372.
- Черкасова, см. Оболенская.
- Черкасовъ, бар., Ив. Ив., инж. пут.
сообщ. 1898 г., т. CVII, авг., 285, 294.
- Черкасовъ, бар., Ив. Петров., 1806 г.,
т. CVI, апр., прилож., 19, 21.
- Черкасская Марія, жена Иоанн IV,
т. CVIII, дек., 621.
- Черкасская, княж., Марія, въ зам.
ки. Суслешева, т. CVIII, нояб., 426.
- Черкасскій, кн. Влад. Александр.,
†1878 г., т. CVIII, нояб., 461.
- Чернышевскій, писат., т. CVII,
сент., 506, 507, 508, 509, т. CVIII,
дек., 573, 576, 577.
- Чернышевъ, гр., Алексѣд. Ив., ген.-ад.,
воен. мин., †1852 г., т. CV, янв.,
107, 109, февр., 273, 375, 429, 430,
мартъ, 501, 661, 677, т. CVI, апр.,
10—29, 183, 195, т. CVII, юль, 219,
т. CVII, авг., 409—412, 423—425,
сент., 660, т. CVIII, нояб., 431—
446.
- Чернышевъ, гр., Григор. Ив., об.-шенкъ,
1817 г., т. CVI, май, прил., 58, 61.
- Чернышевъ, гр., Захаръ Григ., об.-
мундштейнъ, 1820 г., т. CVII, юль,
14, сент., 515, 525.
- Чернышевъ, ген. 1812 г., т. CVIII,
дек., 693.
- Чернышевъ, актеръ-писат., т. CVIII,
окт., 122.
- Черниевъ, Мих. Григор., ген., т. CVIII,
нояб., 274.
- Черниковъ, Григ. Алекс., чл. сов. че-
ловѣкклуб. об-ва, 1890 г., т. CVII,
юль, 149.
- Четвериковъ, инжен., CVI, юнь,
485.
- Чижовскій, Никол., іезуитъ 1604 г.,
т. CV, янв., 203, 204, т. CVI, юнь,
536, дек., 614, 628.
- Чижовъ, профес. математ. 1831 г.,
т. CVII, юль, 51.
- Чиркова, въ зам. Квашнина-Сама-
рина, т. CVII, авг., 295.
- Чистовичъ, Я. А., профес., т. CV,
янв., 8.
- Чичагова, авг. соч. „Шамиль на
Кавказѣ и въ Россіи“, т. CVII,
авг., 387—389.
- Чичаговъ, П. В., адм. 1812 г., т. CV,
янв., 107, 108, февр., 373, 374,
378, т. CVI, апр., 197, 199, т. CVII,
сент., 450, т. CVIII, окт., 29, 30.
- Чичаговъ, ген.-м., калужск. губерн.
войск. начальн. 1866 г., т. CVII,
авг., 381, 382, 385.
- Чичеринъ, профес., 1867 г., т. CVIII,
нояб., 273.
- Чичеринъ, ген.-ад., 1828 г., т. CV,
янв., 34.
- Чоглокова, Вѣра Никол., фрейлина,
1765 г., т. CVII, сент., 528, 529,
530.
- Чоглокова, Екат. Никол., фрейлина,
1780 г., т. CVII, сент., 528.

III.

- Шадовъ, Іоганнъ, скульпт., р. 1764 †
1850 г., т. CIV, юнь, прил., 77.
- Шаликовъ, кн., Пётръ Ив., писат.,
р. 1768 † 1852 г. т. CV, янв., 97—
101, т. CVI, май, 401, т. CVII, юль,
164, т. CVIII, окт., 120.
- Шадикова, княжна, Н. П., 1870 г.,
т. CVIII, дек., 535.
- Шамбо, Ив. Павл., секрет. вел. кн.
кн. Александры Федоровны, т. CVI,
май, прил. 55, юнь, прил., 77, томъ
CVII, юль, прил., 95, сентябрь, прил.,
120.
- Шамиль, имамъ Чечни и Дагестана,
т. CVII, авг., 367—389.
- Шанцъ, флот. оф. 1881 г., т. CV, янв.,
173.
- Шарабановъ, помѣщ., т. CVII, юль,
34, 35.
- Шаховской, кн., А. А. 1822, т. CVIII,
нояб., 295, 296, 302.
- Шаховской, Григ., воевода Путівль-
скій 1604 г., т. CVIII, окт., 185.
- Шаховской, кн., Ив., ген.-аудиторъ
1798 г., т. CVII, авг., 239, 240.
- Шаховской, кн., Фед., декабрь, т. CVII,
авг., 278, 280.
- Шаховской, кн., начальн. Сахалина
1881 г., т. CV, янв., 162.
- Шашковъ, инж. пут. сообщ., т. CVII,
авг., 285.
- Шевыревъ, Степ. Петров., профес.,
р. 1806 г., † 1864 г., т. CV, янв.,
84—96, февр., 321, т. CVII, юль,
98, 99, 104.
- Шеинъ, воевода, 1604 г., т. CVIII,
нояб., 359.
- Шелепинскій, помѣщ. 1787 г., томъ
CVIII, нояб., 419, 421.
- Шелгуновъ, Н. В., писат. 1862 г., т.
CVIII, дек., 573, 576, 577.
- Шепелевъ, ген. 1812 г., т. CV, янв.,
116.
- Шереметева, т. CV, янв., 93, 94.
- Шереметевъ, Борисъ Петров., 1708 г.,
т. CVI, май, 368.
- Шереметевъ, Н. В., оф. кавалергард.
пол. 1825 г., т. CVI, май, 350.
- Шереметевъ, С. В., фл.-ад., нижегоро-

- род. предвод. двор. 1848 г., томъ CVI, май, 350—361.
- Шереметевъ**, Фед. Иванов., бояринъ 1609 г., т. CV, мартъ, 715.
- Шереметевъ**, полковод. 1604 г., томъ CVII, юль, 112, 113.
- Шерерь**, акад. 1812 г., т. CV, янв., 10.
- Шермазанянъ** — Вартановъ, Галустъ, писат. по армянск. ист. и археолог., р. 1815 г., † 1891 г., т. CVIII, окт., 43—68.
- Шестаковъ**, чл. совѣта гл. управл. Сибири 1881 г., т. CV, янв., 185.
- Шефлеръ**, ген.-м. путей сообщен. † 1831 г., т. CIII, авг., 234.
- Шилловскій**, Н. Н., т. CVIII, ноябр., 281.
- Шильдеръ**, Карлъ Андр., инж., ген.-м. 1828 г., т. CV, янв., 36—43, мартъ, 513.
- Шильдеръ**, Николай Карлов., ген.-лейт., писат.-историкъ, сообщ. „Императоръ Николай I и Восточный вопросъ 1826—1830 гг.“, т. CV, янв., 27—46, февр., 263—281 мартъ, 497—516, т. CVI, апр., 5—32, „Великій князь Николай Павловичъ съ 1814 по 1822 гг.“, юнь, 449—472, т. CVII, юль, 5—29, авг., 225—238. Упом. юль, 201—204, сент., 449, 462, 511—530, т. CVIII, окт., 15, 69—84, 196, 202, ноябр., 306—322, 416, дек., 562, 564, 571.
- Шильденъ**, бар., об.-гофмейст. в. кн. Александры Феодоровны 1820 г., т. CVII, юль, 11.
- Шипулинскій**, докт. 1842 г., т. CVII, сент., 494.
- Шириневъ-Шихматовъ**, кн., попеч. Виленск. учебн. окр. 1863 г., т. CV, февр., 306, т. CVII, авг., 396—402.
- Шицъ**, белостокск. коменд. 1810 г., т. CVIII, ноябр., 260.
- Шишковъ**, Александръ Семенов., мнѣр. нар. просв., † 1841 г., т. CV, янв., 137, 140, 141, февр., 436, 457, т. CVI, май, 383, 384, 387, т. CVII, юль, 165—167, авг., 361—366, 395—402, сент., 643, 651, т. CVIII, окт., 27, т. CVIII, дек., 563, 568, 648, 681, 682.
- Шлиппенбахъ**, бар., вице-консулъ въ Японіи 1881 г., т. CV, янв., 170.
- Шнитниковъ**, ген. 1877 г., т. CVI, юнь, 605, 612.
- Шнипель**, авт. „L'Empire des Tzars“, т. CVIII, дек., 523, 524.
- Шомпулевъ**, В. А., сообщ.: „Странничка изъ прошлаго (Маюратъ)“, т. CV, мартъ, 733—738.
- Шостакъ**, нач.-да институт., т. CVIII, ноябр., 273.
- Шренкъ**, А. И. акад. 1863 г., т. CVIII, дек., 526.
- Штакельбергъ**, гр., послан. въ Вѣнѣ, т. CV, февр., 409, 410, 411, 412—421, 434, мартъ, 721.
- Штейнгель**, дек., 677, 678.
- Штейнбергъ**, О. Н., сообщ.: „Графъ М. Н. Муравьевъ и его отношенія къ евреямъ г. Вильны въ 1863—1864 гг.“, т. CV, февр., 305—320.
- Штендманъ**, Г. О., секрет. И. Р. Историч. общ. 1891 г., т. CVIII, окт., 201.
- Штоквичъ**, капит. 1877 г., т. CVII, авг., 386.
- Шторхъ**, Андр. Карл., акад., р. 1766 † 1835 г., т. CVI, юнь, прил. 66.
- Шторхъ**, секрет. им.-ды Маріи Александровны, т. CVII, авг., 440, т. CVIII, ноябр., 282.
- Шторхъ**, д. ст. сов. 1826 г., т. CVIII, дек., 681.
- Штоффенгъ**, секрет. посольства въ Штутгарт. 1852 г., т. CV, мартъ, 544.
- Шубинъ**, подпоруч. 1798 г., т. CVII, авг., 239, 240.
- Шувалова**, гр-на, Екат. Петр., фрейлина 1817 г., въ зам. гр-ни Шлиффенъ, т. CVI, юнь, 65, 69, 75, томъ CVII, юль, 14, прил., 84, 85, авг., прил. 112, сент., прил. 115, т. CVIII, окт., прил., 141.
- Шуваловъ**, гр., Андр. Петров., об.-гофмарш., т. CVIII, окт., прилож., 141.
- Шуваловъ**, Григ. Петров., т. CVIII, окт., прил., 141.
- Шуваловъ**, гр. И. И., 1766 г., т. CVII, юль, 162.
- Шуваловъ**, гр. Петръ Андр., т. CVII, сент., 553, т. CVIII, ноябр., 261.
- Шуваловъ**, П. И., ген.-фельдм., 1754 г., т. CVIII, ноябр., 415.
- Шуваловъ**, гр. Петръ Пал., спб. губерн., предвод. двор., 1862 г., томъ CVIII, ноябр., 461.
- Шуваловъ**, гр., ген.-ад. 1812 г., т. CVII, юль, 210.
- Шуваловъ**, гр., послан. въ Вѣнѣ, т. CV, янв., 219.
- Шуйскій**, Василій, царь, т. CV, мар., 712, 715, апр., 101, 106, юнь, 551, т. CVII, юль, 126, 131, 132, томъ CVIII, окт., 159—192, ноябр., 344—347, дек., 601, 616.
- Шуйскій**, Дм., т. CVII, юль, 126, т. CVIII, октябрь, 164, 178, ноябрь, 354.
- Шуйскій**, Иванъ, т. CVIII, окт., 164, 178, ноябр., 355.
- Шуйскіе**, бояре, т. CVI, апр., 93, 94.

Шулленбергъ, гр., калужск. вице-губернат. 1866 г., т. CVII, авг., 381.
Шульцъ, П. А., совѣщ. чл. Редакц. Ком. т. CVIII, нояб., 460.
Шумахеръ, А. Д., сенат. 1882 г., т. CV, янв., 193.
Шумской, артистъ, т. CVIII, окт., 120, 124, 125.

Щ.

Щегловъ, цензоръ 1828 г., т. CVII, сент., 649, 657.
Щедринъ, Сильвестръ Федосеевичъ, художн., р. 1791 г., † 1830 г., т. CV, мартъ, 705.
Щелкаловы, т. CV, мартъ, 711—716.
Щепкинъ, Мих. Сем., † 1895 г., артистъ, т. CV, янв., 87, т. CVIII, окт., 119, 124, 125, т. CVIII, дек., 476.
Щепкинъ, Н. П., 1901 г., т. CVIII, ноябр., 460, 462.
Щепкинъ, Пав. Степ., адъюнкѣтъ Московск. унив. 1827 г., т. CVI, май, 372.
Щепкинъ, М. И., т. CVIII, дек., 521.
Щербакова, въ зам. Эртель, нач-ца Варшав. института, т. CVII, авг., 289.
Щербакова, рожд. Лонгинова, жена инж-а, т. CVII, авг. 289, 291.
Щербаковъ, инж. пут. сообщ. 1848 г., т. CVII, авг., 289, 290, 292, 293, 317.
Щербатовъ, кн., секрет. посольства въ Штутгартѣ 1852 г., т. CV, мартъ, 544.
Щербатовъ, кн., ген-ад. 1828 г., т. CV, февр., 264.
Щербина, Н. О., писат., 1864 г., т. CVI, июнь, 629, т. CVIII, нояб., 324.
Щербининъ, А. А. писатель, т. CV, мартъ, 722—724.
Щукинъ, Вячеславъ Никол., т. CV, февр., 478—492.
Щукинъ, Ив., сообщ.: „Малопзвѣстное изданіе на русскомъ языѣ 1782 г. Привѣтствіе въ Пармѣ вел. кн. Павла Петровича и вел. князя Марии Феодоровны“, т. CV, янв., 129—131.
Щукинъ, калужск. предвод. дворян. 1866 г., т. CVII, авг., 381.
Щукинъ, Ив. Меркурьевъ, купецъ, т. CV, февр., 492.
Щукинъ, Леонидъ Никол., т. CV, февр., 478—492.

Ѳ.

Эйлерсъ, Иоаннъ-Альбертъ, акад., т. CVIII, дек., 496.
Экъ, докт. 1842 г., т. CVII, сент., 494.
Эли, надв. совѣтн 1787 г., т. CVIII, нояб., 409, 418.
Энгельгардтъ, ген-м., директ. инст. пут. сообщ. 1845 г., т. CVI, іюнь, 477—489.
Энгельгардтъ, г-жа 1830 г., т. CVII, сент., 650.
Энгельгардтъ, Егоръ Антонов., директ. Царскос. лицея 1817 г., томъ CVI, іюнь, прил., 69.
Энгельмъ, Ф. П., т. CV, янв., 167.
Энгельмъ, морск. оф. 1881 г., томъ CV, янв., 165.
Энгельмъ, Илья Ив., докт. медиц. писат., чл. медиц. сов., р. 1763 г. 1838 г., т. CVII, авг., 427, 428.
Эпинусъ, преподават. Павла I, томъ CVIII, нояб., 314.
Эссенъ, сиб. воен. губ. 1830 г., томъ CVII, сент., 655.
Эссенъ, Александ. Филипп., фл.-ад. 1820 г., т. CVI, іюнь, прил., 77.

Ѳ.

Юзефовичъ, чл. сов. человѣколюб. об-ва 1890 г., т. CVII, іюль, 149.
Юзефовичъ, ген. 1812 г., т. CVI, іюнь, 644—649.
Юрковскій, ген. 1812 г., т. CV, февр., 364—373.
Юрьева-Захарынина, Анна Романовна, въ зам. кн. Сицкая, т. CVIII, нояб., 425.
Юсупова, кнажна, фрейлина 1765 г., т. CVII, окт., 528.
Юсуповъ, кн., 1830 г., т. CVII, сент., 661.
Юшкова, Варвара Деанас., рожд. Бунина, т. CVI, май, прилож., 37.
Юшковъ, Петръ Никол., † 1805 г., т. CVI, май, прил., 40.
Юшневскій, декабр., т. CVIII, окт., 207, дек., 672.

Ѣ.

Язвинскій, Александръ Феликсов., писат., педагогъ 1848 г., т. CVII, іюль, 103, 104.
Языкова, Екат. Александ., т. CVIII, окт., 151.

Языковъ, Дм. Ив., писат., р. 1773 г., † 1845 г., т. CV, янв., 134, 136, 249, т. CVIII, нояб., 266.
Языковъ, Мих. Алексд., директоръ Стекляннаго завода 1855 г., т. CVII, сент., 483, 488, 489, т. CVIII, окт., 141, 148, 150, 151.
Языковъ, Никол. Мих., писат., род. 1803 г., † 1846 г., т. CV, янв., 89, 91, февр., 466, т. CVIII, дек., 530—532.
Языковъ, инж. пут. сообщ., т. CVI, июнь, 478, 484.
Языковъ, директоръ Павлов. кадет. корп. 1848 г., т. CVI, апр., 173.
Якимова, С. В., сообщ.: „Дальнѣйшая судьба дочерей Паниной“, т. CV, янв., 146.
Яковлевъ, П. Л., писат., т. CV, февр., 457, 458, 465.
Якубовичъ, декабр., т. CVI, май, 253. т. CVIII, окт., 219, дек., 657, 677, 678.
Якушкинъ, декабр., т. CVI, май, 238, т. CVII, авг., 271, сент., 635, 639, 656, 660, 673.
Якушкинъ, писат., т. CVIII, нояб. 386.
Янушевскій, инжен. 1843 г., т. CVI, июнь, 473.
Янцевичъ, начальникъ о. Сахалина 1881 г., т. CV, янв., 166.
Янышевъ, Ив. Леонтьев, протоиер., т. CV, мартъ, 551, 557, т. CVI, апр., 56, 65, 66, май, 300—306, июнь, 504—509, 518, т. CVII, июль, 95, 96, авг., 247, 262, 264, сент., 531, 539, 540, т. CVIII, окт., 97, 98, 100, нояб., 272—291, дек., 544, 545.

Ястребскій, инж. пут. сообщ., томъ CVI, июнь, 484.
Яценковъ, ст. сов., издат. журнала „Духъ журналовъ“ 1818 г., т. CVII, июль, 156—158.

•

Федоровъ, Борисъ Мих., писатель, т. CV, февр., 456, 466, т. CVI, май, 401.
Федоровъ, новорос. и бессараб. ген.-губ., т. CVII, июль, 169, 170.
Федоровъ, Серг. Фед., художн. 1803 г., т. CV, янв., 256.
Федоровскій, авт. брошюры: „Забытый литературный вопросъ“ 1891 г., т. CVIII, дек., 529.
Феодоръ Иоанновичъ, царь, т. CV, мартъ, 711, 712, т. CVI, апр., 83—112, т. CVII, авг., 329, т. CVIII, дек., 598, 601, 622, 623.
Феодоръ Кузьмичъ, т. CV, янв., 151, 183, 186.
Феодосій, Яновскій, архіеп. новгород. 1716 г., т. CV, янв., 237—243.
Феофанъ Прокоповичъ, т. CV, янв., 238.
Фоминъ, А. А., сообщ.: „Николай Ивановичъ Тургеневъ въ письмахъ къ своимъ братьямъ“, т. CVI, май, 235—275. „Николай Ивановичъ Тургеневъ въ своемъ оправданії“, томъ CVII, авг., 261—283, сент., 623—641, т. CVIII, окт., 207—221, ноябрь, 327—340, дек., 649—680.

Указатель составила В. В. Тимошукъ.

ничивается сухими библиографическими извѣстіями, сатирическими замѣчаніями, болѣе или менѣе остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается въ домашнюю переписку издателя съ сотрудниками...»; «иное сочиненіе само по себѣ ничтожно, но замѣтительно по своему успѣху или влиянію, и въ семь отношеній иравственныхъ наблюденія вакаже наблюденій литераторныхъ». Не долго просуществовала и «Литературная Газета». Но причины прекращенія ея были совсѣмъ не похожи на причины прекращенія «Московскаго Вѣстника». Покровительствовавшій «Сѣверной Пчелѣ» гр. Бенкендорфъ былъ недоволенъ «Литературною Газетою» за то, что она называла сообщенія Булгаринской газеты ложными. Скоро представился удобный случай къ закрытию «Литературной Газеты». Въ ней былъ помѣщенъ переводъ стиховъ Казим. Делавивиа, преставляющихъ собою возвзваніе къ бойцамъ юльского переворота. Стихи, а также и газета, въ которой они были помѣщены, признаны были вредными. Газета была немедленно пристановлена, а главный редакторъ ея, баронъ Дельвигъ, послѣ выговора, сдѣланнаго шефомъ жандармовъ, былъ оставленъ въ «сильномъ подозрѣніи».

Получивъ разрѣшеніе издавать «Современникъ», литературный журналъ, Пушкинъ въ объявлении объ его изданіи не сообщалъ никакой программы. Въ «Сѣверной Пчелѣ», отъ 3-го февраля 1836 г., было помѣщено такое «извѣстіе»: «А. С. Пушкинъ въ нынѣшнемъ 1836 г. будетъ издаваться литературий журналъ подъ заглавиемъ «Современникъ». Каждые три мѣсяца будетъ выходить по одному тому. Годовое изданіе составить четыре тома. Цѣна годовому изданію 25 руб. асс., съ пересылкой 30 руб. асс.».

Условия, при которыхъ выходили въ свѣтъ книжки «Современника», не были благопріятны. Пушкинъ, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ и редакторъ журнала, былъ какъ бы преслѣдуемъ судьбой. Выходъ всѣхъ четырехъ книжекъ, которая вышли при его жизни, совпалъ съ непріятными событиями въ жизни поэта. когда готовился первый томъ, умерла мать поэта, и онъ долженъ былъ провожать тѣло ея въ Свято-Горскій монастырь, и книжка вышла въ его отсутствіе.

Въ первомъ номерѣ «Современника» обращается къ себѣ вниманіе статьи Н. В. Гоголя «О движениіи журнальной литературы въ 1834—35 гг.». Второй и послѣдующие томы вышли въ свѣтъ тоже въ самый тяжелый периодъ жизни Пушкина, когда въ обществѣ разнеслась молва

объ ухаживаніи д'Антеса за его женой. Поэтъ переживалъ тяжелыя минуты; семейная жизнь, въ которой онъ искалъ успокоенія, принесла ему только огорченіе и заставляла его непосильно работать, чтобы добыть возможно больше денегъ. Въ его письмахъ за эту пору часто встрѣчаются фразы въ родѣ слѣдующей: «деньги, деньги, ихъ нужно до зарѣзу».

Второй томъ «Современника», вышедший въ іюнѣ, былъ тоже удачнѣ, хотя и нѣсколько слабѣе первого. Онъ переполненъ статьями, посвященными различнымъ вопросамъ—миссологіи, статистикѣ, рецензіямъ, отчетамъ и т. под., за то стихотворная часть была очень слаба. Одинъ «Урожай» Кольцова былъ замѣтнымъ произведеніемъ, другія же были очень посредственны. Особенно замѣтательной статьей была замѣтка кн. Одоевского «О враждѣ къ просвѣщенію, замѣчаемой въ новѣйшей литературѣ». Эта статья имѣть много общаго съ статьей Гоголя, помѣщенной въ первомъ номерѣ «Современника»; она составляетъ какъ бы ея продолженіе.

Содержаніе треть资料а гораздо разнообразнѣе; стихотворная часть очень богата,—одинъ Тютчевъ помѣстилъ 16 стихотвореній. Пушкинъ помѣстилъ въ неѣ «Родословную моего героя» и стихотвореніе «Полководецъ»; изъ прозаическихъ статей поэта особенно замѣтны: Обѣ истории Пугачевскаго бунта—разборъ статьи, помѣщенной въ «Сынѣ Отечества» Броневскимъ; «Вольтеръ» и «Мнѣніе М. Е. Лобанова о духѣ словесности какъ иностраннай, такъ и отечественной»,—рѣчь, произнесенная Пушкинымъ въ Академіи Наукъ. Статья эта особенно замѣтальна; въ ней Пушкинъ разбираетъ рѣчу Лобанова, которая, по мнѣнію поэта, требуетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія, такъ какъ она произнесена въ присутствіи всей академіи и торжественно обнародована.

Послѣдніе два тома «Современника», 4-й и 5-й, которые составлялись при участіи Пушкина, были чрезвычайно блѣдны. Походили на самые обыкновенные альманахи, въ которыхъ пѣть жизни. Въ четвертомъ томѣ участіе Пушкина выразилось только въ помѣщенніи повѣсти: «Капитанская дочка», которая занимаетъ болѣе половины книги, да тремя незначительными замѣтками. Въ пятой же книжкѣ, хотя и были помѣщены произведения Пушкина, во въ нихъ пѣть ничего характернаго для выясненія журнальной дѣятельности поэта, тѣмъ болѣе, что она вышла уже послѣ его смерти.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе интересной книги г. Кузминскаго.

Н. К-шъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1902 Г.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подпischиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старинѣ“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и Ко), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсановъ). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, №). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гр. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № .

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдельныхъ событияхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣкѣ.—III. Жизнеописанія и материалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и светскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобиографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе быт русского общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Годословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только персональными лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подпischики, немедленно по получечіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежать въ случаѣ надобности сокращеніемъ и измѣненіемъ; признанные неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1901 по 9 рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **бесплатно**.

